

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Ма/ей
издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-ГОСЬМОЙ.

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К^о.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по опечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 5-го марта 1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

Цензоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ.*

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ

Пѣсни, собранныя П. Н. Рѣбниковымъ. Часть 1. Народныя былинны, старыя и побывальщины. Москва, 1861 г., въ 8 д.

Пѣсни, собранныя П. В. Куртескимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Два выпуска. Москва, 1860—1861 г. въ 8 д.

Литература, служа выразителемъ жизни народа, имѣеть большее или меньшее значеніе по народу которому принадлежитъ, то-есть чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію человѣка, тѣмъ значительнѣе его литература. Потому литература классическихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Въ такихъ литературахъ національные интересы до того тѣсно связаны съ общечеловѣческими, что составляютъ почти нераздѣльное цѣлое. Національныя идеи и образы, переданныя Грекомъ въ Иліадѣ, были для всѣхъ европейскихъ странъ обязательнымъ предметомъ общечеловѣческаго образованія.

Счастливы тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣче-

скія стремленія; народъ, который, раскрывая свою національность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственного и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть человѣчскій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи. Послѣ классическихъ народовъ, эта счастливая доля доставалась, въ разныя времена, другимъ европейскимъ странамъ, поочередно, то нѣмецкимъ племенамъ, въ блистательномъ развитіи безыскусственнаго средневѣковаго эпоса, то Итальянцамъ и Испанцамъ въ художественномъ воссозданіи разныхъ средневѣковыхъ источниковъ письменной словесности, то Французамъ и Англичанамъ. И всякій разъ какъ заявляла та или другая нація свое умственное и литературное господство надъ прочими, ея писатели, ни сколько не теряя національнаго, мѣстнаго колорита, были для всей Европы представителями общечеловѣческаго образованія. Какъ въ первобытную эпоху броженія европейскихъ племенъ, скандинавскій и вообще нѣмецкій эпосъ служитъ для историка литературы мѣриломъ высшаго литературнаго развитія обновлявшейся тогда Европы, такъ потомъ искусственная поэзія трубадуровъ и труверовъ, возникшая на романской почвѣ, въ разныхъ странахъ, согласно мѣстнымъ условіямъ, достигала полнѣйшаго, по своему времени умственного и нравственнаго сознанія, то въ поэмѣ Данта, то во французскомъ романѣ *о Розѣ* то въ повѣстяхъ Чаусера. Латинскій языкъ, пріятый повсюду въ западныхъ странахъ, обобщалъ между ними идеи и сближалъ другъ съ другомъ народности, уже и безъ того тѣсно связанныя между собою интересами политическими и церковными. Какъ скоро возникало что замѣчательное въ одной изъ литературъ, тотчасъ же переводилось на другіе языки или передѣлывалось въ мастерскихъ подражаніяхъ. Такъ одинъ нѣмецкій священникъ переложилъ въ стихахъ французскую поэму объ Александрѣ Великомъ, Чаусерь перевелъ французскій романъ *о Розѣ* и многія изъ своихъ повѣстей заимствовалъ у труверовъ¹, а во Франціи сначала подражали Итальянцамъ, напримѣръ,

¹ См. Sandras, *Etude sur G. Chaucer considéré comme imitateur des troubadours*. Paris. 1859.

въ *Сотни Новыхъ Новеллъ*, въ *Гентамеронъ*, потомъ Испанцамъ. Взаимность умственныхъ интересовъ вызывала на соревнованіе, и время отъ времени выдвигалась на первый планъ въ исторіи европейской цивилизаціи то одна, то другая литература. Такія призведенія, какъ романы о Сидѣ, *Декамеронъ* Боккачіо, *Донъ-Кихотъ* Сервантеса, были не просто образчики разныхъ національностей, но послѣдовательныя ступени общечеловѣческаго развитія въ его литературномъ выраженіи; и чѣмъ сильнѣе отпечатлѣвались въ такихъ произведеніяхъ мѣстныя особенности, тѣмъ большія права заявляла національность на свое всемірное значеніе. Слѣдовательно, національность не только не противопоставляла себя общечеловѣческому, но съ нимъ совпадала, служа ему извѣстною степеню на пути прогресса.

Нельзя того же сказать о племенахъ славянскихъ, не включая и нашего отечества. Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія, славянскія племена никогда не были на столько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственнаго авторитета на прочія европейскія націи. Литература русская, какъ и прочихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою поклонились бы прочіе образованные народы.

Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи. Нѣмецкій народный эпосъ еще въ времена до-историческія пустилъ глубокіе корни въ сказаніяхъ и преданіяхъ не только нѣмецкихъ племенъ, но и романскихъ, какъ это явствуетъ въ поэмахъ о Карлѣ Великомъ и въ повѣстяхъ труверовъ. Темныя, до-историческія преданія кельтскаго эпоса оставили по себѣ слѣды въ поэмахъ изъ цикла Артурова, въ безыскусственныхъ народныхъ разказахъ и искусственныхъ стихотворныхъ повѣстяхъ. На эпической основѣ родныхъ преданій нечувствительно стала возникать искусственность, въ связи съ просвѣщеніемъ, такъ рано начавшимъ распространяться изъ монастырскихъ стѣнъ по феодальнымъ замкамъ и городскимъ рынкамъ. Уже въ X вѣкѣ, въ то время какъ благочестивая монахиня Гротсвита сокращала свои кедейныя

досуги сочиненіемъ латинскихъ драмъ по образцу Теренція, какой-то санъ-галльскій монахъ переложилъ въ латинскіе стихи одинъ изъ эпизодовъ народнаго нѣмецкаго эпоса о Вальтерѣ Аквитанскомъ. Неизвѣстный испанскій авторъ XII вѣка уже на столько былъ искусенъ въ литературѣ, что умѣлъ передѣлать на испанскомъ языкѣ въ искусственные стихи народныя пѣсни о Сидѣ. Въ этой передѣлкѣ уже замѣчаются слѣды французскаго вліянія. ¹ Пѣвцы, скоморохи и разказчики, упражнявшіе свое искусство передъ грубыми баронами, исторически, послѣдовательно переносили поэтическое творчество отъ его народныхъ, эпическихъ начатковъ въ высшую, болѣе просвѣщенную сферу. Какъ въ скандинавской литературѣ, уже въ XIII вѣкѣ, къ эпическому матеріалу мифологическихъ преданій присоединилось руководство къ искусственной поэзіи въ такъ-называемой *Новой Эддѣ* Снорра Стурлесона; такъ и поэты романскихъ племенъ подчинили свое воображеніе риторикѣ и піитикѣ, въ руководствахъ извѣстныхъ подъ именемъ *Веселой Науки* (*Gay Saber*), которая вполне соответствуетъ скандинавской *Скальдѣ*, такому же піитическому руководству.

Искусственный стиль поэзіи не только не могъ заглушить національныхъ преданій, но даже способствовалъ ихъ сохраненію для будущихъ вѣковъ, переносъ въ область литературы то что, оставаясь между безграмотными, могло бы навсегда погибнуть, не закрѣпленное искусственнымъ стихомъ и письменами, могло бы исказиться, будучи случайно передаваемо изъ устъ въ уста. Потому, не смотря на быстрые успѣхи въ развитіи искусственныхъ литературныхъ формъ, древнѣйшія преданія нѣмецкаго эпоса о Зигфридѣ, Этцелѣ, Дитрихѣ, тянутся въ нѣмецкой литературѣ безпрерывно до самаго XVI вѣка: ² такъ что литература нѣмецкая проникнута была силой и свѣжестью національнаго эпоса даже въ ту эпоху, когда реформа Лютера открывала новые пути въ исторію цивилизаціи всей Европы.

¹ Damas Hinard, *Poème du Cid*. Paris. 1853. Въ 4 д. Стр. XXXIV и слѣд.

² См. Вильг. Гримма *Die deutsche Heldensage* 1829 г., гдѣ собраны по этому предмету свидѣтельства и указаны источники на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія отъ половины VI до XVI вѣка включительно.

До какой степени дороги были произведенія народнаго, безыскусственнаго слова для испанской литературы даже въ XV вѣкѣ, въ эпоху, когда стала она развивать въ себѣ элементы для самой цивилизованной, искусственной дѣятельности,—можно судить изъ того, что одинъ изъ знаменитыхъ писателей того вѣка, принадлежавшій къ высшей аристократіи, маркизь Сантиллана, по желанію самого короля, донъ-Хуана II, собралъ народныя пословицы и составилъ изъ нихъ назидательную книгу, по примѣру притчей Соломоновыхъ, для чтенія наслѣднику престола, донъ-Эврику Кастильскому. Это собраніе пословицъ, по числу стиховъ, было названо *Сто Изреченій* (*Sentiloquio*), и уже въ 1496 г. было напечатано. Въ слѣдующемъ, XVI столѣтіи, оно издавалось разъ девять или десять; такъ что созданіе простонароднаго мужицкаго типа, пошлаго, но изрекающаго мудрость въ пословицахъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, не было внесеніемъ въ литературу забытыхъ, свѣжихъ элементовъ народности, а художественнымъ воспроизведеніемъ того что уже пустило глубокіе корни въ искусственной, цивилизованной литературѣ.

Напротивъ того, на Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго, клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить; а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности.

Такимъ образомъ, на Руси совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ, явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое-какъ и отовсюду нахвачанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народность стала не основою для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую отъ времени до времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы, какъ въ дикое невѣжество, которое надобно искоренить въ конецъ. Было бы крайнею несправедливостью обвинять нашихъ писателей послѣднихъ ста лѣтъ въ ихъ анти-національномъ направленіи: они

сознательно и честно поддерживали его, будучи постановлены насильственной реформой въ ложное и одностороннее отношеніе къ своей народности. Итакъ, не смотря на видимое присутствіе цивилизованныхъ, европейскихъ элементовъ въ нашей новой литературѣ, она представляетъ собою явленіе чудовищное, въ цивилизованныхъ странахъ не бывалое, потому что состоитъ не въ симпатическихъ, а во враждебныхъ отношеніяхъ къ народности, какъ пришлый завоеватель, который силою покоряетъ себѣ туземныя массы, какъ эгоистическій плантаторъ, который, игнорируя нравы и убѣжденія своихъ невольниковъ, позолачиваетъ ихъ цѣпи лоскомъ европейскаго комфорта.

Но если русская цивилизованная современность, по своему происхожденію и составу, такъ чужда народности, то почему же она въ теоріи противорѣчитъ самой себѣ, и стремится къ національнымъ идеямъ, то въ уваженіи къ свободѣ человѣческаго духа въ простомъ мужикѣ, то въ сентиментальномъ поклоненіи мірской сродкѣ, то въ заявленіи претензій на ученую и поэтическую разработку русской народности и стараны? Неужели это такая же мода на народность, занесенная къ намъ съ Запада, какъ заносилась мода на классицизмъ, сентиментальность, романтизмъ, гегелизмъ, и на другія направленія, сознательно и исторически возникавшія на Западѣ, и случайно, кое-какъ принимавшіяся у насъ на грубой, не приготовленной къ тому почвѣ?

И дѣйствительно, все что ни бралось къ намъ съ Запада, было только временною модою, досужимъ препровожденіемъ времени, мало оставлявшимъ по себѣ существенной пользы. Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь въ глубину ея историческаго и бытоваго броженія. Говорятъ, будто бы когда-то у насъ процвѣталъ классицизмъ. И точно, любили и на Руси отъ нечего-дѣлать помечтать о Грекахъ и Римлянахъ, даже писались классическія оды во вкусѣ Пиндара, Анакреона и Горация, представлялись на театрѣ тяжеловѣсныя трагедіи въ родѣ Еврипидовыхъ и Сенекиныхъ. Но вошло ли въ русскую цивилизацію классическое образованіе? Постигло ли русское цивилизованное общество потребность въ изученіи греческихъ и латинскихъ классиковъ? Принесла ли за собою у насъ мода на классицизмъ массу переводовъ съ

греческаго и латинскаго языковъ, переводовъ художественныхъ, въ стихахъ и прозѣ, которые распространили бы между грамотнымъ людемъ идеи классической древности? Правда, были кабинетные любители и знатоки, но они составляли исключеніе, и работали больше для себя чѣмъ для публики, какъ Гнѣдичъ, котораго *Иліада* никогда не пользовалась популярностію, хотя и признавалась за трудъ почтенный, но не соответствовала общей потребности, и уже самымъ языкомъ своимъ, отзывающимся выпреннею рѣчью Часослова, отталкивала отъ себя читателя. Одиссея Жуковскаго ни на волосъ не прибавить уваженія къ нашему классическому образованію, даже скорѣе представить намъ печальный результатъ понапрасну возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ хлопотъ о классическомъ ученѣ. Задумавъ дать русской публикѣ въ переводѣ одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній греческой народной поэзіи, Жуковскій съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ классическому обученію на Руси, что не вмѣнилъ себѣ въ обязанность выучиться по-гречески, и не призналъ необходимымъ изъ самаго подлинника почерпнуть свое вдохновеніе. Нѣкоторый ученый Нѣмецъ перевелъ ему греческій подлинникъ слово въ слово на нѣмецкій языкъ, и изъ этого надстрочнаго перевода, самаго безобразнаго и чудовищнаго, Жуковскій извлекалъ красоты первобытной, наивной поэзіи гомерической. По-являю, слѣдовательно, почему его *Одиссея* оказалась чужда античной жизни и выдѣлась въ изношенномъ слогѣ *Сверной Пчелы* времянъ Булгарина и Греча.

Какому состоянію литературы, въ отношеніи къ классицизму, соответствовала и являя, болѣзненная прививка классическаго ученья въ школахъ, которое до сихъ поръ даетъ одинъ только пустоцвѣтъ. Отношеніе классической древности къ народному просвѣщенію до того было наивно, что учившійся въ гимназіи греческому языку для вящаго поощренія награждался офицерскимъ чиномъ. Но даже чиновобіе, вкоренявшееся въ русскомъ людѣ со времени татарскихъ баскаковъ, не приводило къ желаннымъ результатамъ, и въ послѣднія пятнадцать лѣтъ наши школы представляли не бывалое въ образованномъ мірѣ, какое-то первобытное, хаотическое броженіе въ произвольной переставкѣ учебныхъ предметовъ, клонившееся къ окончатель-

ному паденію на Руси только что еще начинавшася классическаго образованія. Въ обществѣ, не выдавшемъ плодовъ этого образованія, и слѣдовательно не успѣвшемъ и оцѣнить его, тѣмъ скорѣе могло совершиться это паденіе, что на латынь издавна смотрѣли у насъ какъ во времена князя Владиміра Святаго смотрѣли вообще на книжное ученіе, и отдавая своихъ дѣтей въ школу, плакали по нимъ, будто заживо хоронили. Впрочемъ, это застарѣлое отвращеніе отъ серіозныхъ занятій, объясняемое въ дѣтописяхъ языческимъ невѣжествомъ, современная филантропія извиняетъ практическимъ направленіемъ, для котораго классицизмъ и всякое теоретическое ученіе будетъ только ржавымъ тормазомъ.

Также безплодны были для литературы и для жизни и другія направленія, вывозимыя къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ модами. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія была мода на философію, шедшая объ руку съ такъ-называемымъ романтизмомъ. Казалось бы, что въ странѣ мало населенной, бѣдной очертаніями природы и воспоминаніями старины, въ странѣ, въ которой никогда не процвѣтали ни живопись, ни скульптура, ни народная драма, въ странѣ, цинически относившейся къ красотамъ внѣшней формы, должна бы преобладать склонность къ созерцательному препровожденію времени въ туманной области философскихъ отвлеченій, особенно преобладать въ умахъ смѣлыхъ реформаторовъ, которые, игнорируя русскую жизнь и народныя потребности, могли бы теоретически строить воздушныя утопіи и писать свои реформы на чистомъ листѣ народной жизни, будто бы, кромѣ не нужнаго хлама, ничего не вынесшей изъ своей исторіи. И точно, были на Руси послѣдователи Канта и Фихте, особенно славились гегелисты; но въ университетахъ философія не прививалась, и, будто какой призракъ, то являлась на кафедрѣ, то исчезала, и наконецъ таинственно скрылась въ мерцаніи схоластики: такъ что, когда въ настоящее время вновь узаконили философію въ составѣ университетскаго образованія, университеты оказались вполнѣ несостоятельны въ философскихъ преданіяхъ, и пришли въ небывалое затрудненіе, откуда взять русскихъ философовъ на открывшіяся кафедры.

То же самое должно сказать и о народности. Идея о ней

последовательно, исторически развилась и образовалась на Западѣ, особенно въ Германіи, на основѣ такъ-называемаго романтизма, выдвинувшаго на общее вниманіе средневѣковую старину.

Направленіе это пришлось по сердцу славянскимъ племенамъ, особенно тѣмъ, которыя теряли свою національную самостоятельность подъ господствомъ нѣмецкимъ. Въ тридцатыхъ годахъ, особенно между Чехами, было возбуждено восторженное стремленіе къ изученію славянской народности. Во главѣ даровитыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей явился Шафарикъ, который далъ Славянамъ славянскую этнографію съ картою, побуждаемый политической цѣлью показать всѣмъ родственнымъ племенамъ ихъ единство и соседственное размѣщеніе, кое-гдѣ прерываемое черезполосными владѣніями Нѣмцевъ и другихъ чужаковъ. Сверхъ того, Шафарикъ далъ Славянамъ *Славянскіи Древности*, въ которыхъ доказываетъ глубокую давность этихъ племенъ въ Европѣ и равныя съ Нѣмцами права ихъ на историческія судьбы Европы. Ученымъ изысканіямъ давали сильный толчокъ политическія идеи о возможной независимости Славянъ отъ чуждаго преобладанія. Многіе славянисты единственно только въ этихъ идеяхъ и почерпали себѣ вдохновеніе и силу для ученыхъ трудовъ. Теперь уже сама исторія доказала, что эти идеи не привели къ желаннымъ результатамъ, и славянскій энтузіазмъ въ разработываніи народности и старины не проявляется уже въ такой юношеской свѣжести и бодрости.

Западное ученіе о народности отразилось на Руси сначала въ такъ-называемомъ славянофильствѣ, которое, прилагая уже готовую чешскую программу къ чужеземной обстановкѣ русской жизни, съ ненавистію отнеслось ко всему нѣмецкому, предало Европу проклятію, открывая въ ней предсмертные симптомы конечнаго распадѣнія и тлѣнія, и съ юношескимъ увлеченіемъ облеклось въ мужицкій кафтанъ и мурмолку, предавъ себя разнымъ аскетическимъ подвигамъ по примѣру благочестивыхъ предковъ временъ Іоанна Грознаго.

Мы живемъ и дѣйствуемъ въ эпоху, когда уваженіе къ человѣческому достоинству вообще, независимо отъ словныхъ и іерархическихъ преданій, даетъ новое направленіе и политикѣ, и философіи, и легкой литературѣ, на-

правление, опредѣляемое національными и вообще этнографическими условіями страны. Филантропическія, коммунистическія и всякія другія утопіи наконецъ потеряли для основательно-мыслящихъ умовъ всякое реальное значеніе, въ виду высокихъ, истинно челоѡколюбивыхъ цѣлей, направленныхъ къ умственному и матеріальному благоденствію народныхъ массъ. Для однихъ дѣятелей, это необъятное поприще теоретическихъ изслѣдованій по народности, въ самомъ обширномъ ея значеніи, начиная отъ миѡологии и религіи до мельчайшихъ условій быта семейнаго и домашняго; для другихъ—такое же широкое поприще практическихъ начинаній на пользу всѣмъ и каждому. Какъ бы различны ни казались съ перваго взгляда эти стремленія теоретиковъ и практиковъ, но въ существѣ своемъ они идутъ по одному направленію и ведутъ къ одной и той же цѣли, къ подчиненію эгоистической личности насущнымъ интересамъ народа, не только матеріальнымъ, но и особенно духовнымъ. Заботливое собраніе и теоретическое изученіе народныхъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, легендъ, не есть явленіе изолированное отъ разнообразныхъ идей политическихъ и вообще практическихъ нашего времени: это одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, испровергаетъ застарѣлыя касты, и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ миѡическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для острастки профановъ. 6

Вращаясь въ водоворотѣ современныхъ вопросовъ, опредѣляемыхъ народностью, развлекая свое вниманіе иногда обыденною мелочью, и такимъ образомъ теряя нить ведущую къ главной и единственной цѣли, едва ли кто можетъ указать, какіе результаты приносить и какіе можетъ современемъ принести у насъ на Руси это народное направленіе. Теперь можно, кажется, сказать только то, что, привыкнувши хватать западныя идеи наобумъ, и опрометчиво торопясь прикладывать ихъ какъ ни попало къ практикѣ, не переведши ихъ для себя въ сознательное, честное убѣжденіе, мы усвоиваемъ себѣ и это народное направленіе

такъ же легкомысленно и поверхностно, какъ усвоивали прежде классицизмъ, романтизмъ и разныя философскія ученія. Чтобы честно и искренно посвящать себя на служеніе народу, надобно искренно любить его, и для того нужно коротко его знать: а между нѣмецкою образованностью Петровской Руси и простымъ народомъ, въ теченіе послѣднихъ полутора ста лѣтъ, раскрылась такая глубокая трещина, которую не замажешь въ какіе-нибудь десятки годовъ сентиментальнымъ піэтетомъ къ народности, теоретически перевавшимъ у другихъ, и размѣненнымъ на мелочь ради минутныхъ эгоистическихъ цѣлей той же образованной монополіи, противъ которой должно бы бороться это новое направленіе. Потому надобно опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привилегіями, не отнеслась къ народности какъ къ выгодной добычѣ, и чтобъ изъ вопроса о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ просвѣщенія народа грамотностію нельзя не заподозрить корыстныхъ цѣлей со стороны просвѣтителей. Просвѣщеніе есть великое благо для народа. Кто первый и кто лучше, или по крайней мѣрѣ скорѣе, обучить простонародье грамотности, тому будетъ оно обязано благодарностію, и съ тѣмъ войдетъ оно въ болѣе искреннія, симпатическія отношенія. Эту практику знаютъ стлочно русскіе раскольники; и сектанты, и до сихъ поръ успѣшнѣе православнаго духовенства ею пользовались. Теперь и духовенство взялось за умъ, и, желая усвоить себѣ ту же ревность пропаганды, думаетъ попробовать свои силы на невоздѣланной почвѣ простонароднаго невѣжества. Добыча готова, но кому она достанется въ жертву—вотъ вопросъ, который не рѣшится безъ борьбы эгоистическихъ побужденій. Духовенству или свѣтскимъ людямъ будетъ обязано простонародье своею грамотностію? Дворянство ли, лишившись нѣкоторыхъ правъ матеріальнаго преобладанія надъ русскимъ невѣжествомъ, возьметъ теперь его подъ свою умственную и нравственную опеку, или безпомѣстные авантюристы, вмѣсто рудниковъ Калифорніи, будутъ пробовать свое счастье, производя педагогическіе опыты надъ своею меньшею братіей, и, какъ новые посланники свыше,

будутъ своими грамотными мрежами уловлять добычу въ мутной водѣ невѣжества?

Впрочемъ, не отказывая инымъ просвѣтителямъ полудыческаго простонародія въ совершенно безкорыстныхъ, честныхъ стремленіяхъ, все же для характеристики вопроса о народномъ направленіи образованныхъ умовъ на Руси не подлежитъ сомнѣнію, что они на первыхъ же порахъ относятся къ своей простонародной братіи вовсе не по-братски, а свысока, и не хотятъ къ ней снизойти, и чѣмъ-нибудь отъ нея позаимствоваться, въ полной увѣренности, что всѣ народныя преданія и обычаи, вся застарѣлая народность — хламъ, который слѣдуетъ выбросить за окно. Но если просвѣтителямъ такъ противна русская народность, то могутъ ли они симпатично предлагать свои цивилизованныя услуги тѣмъ, кто въ теченіе вѣковъ и доселѣ свято хранитъ въ себѣ весь этотъ не нужный и противный хламъ, полагая въ немъ всю свою нравственную характеристику? Можно ли между такими учителями и такою школою допустить взаимное уваженіе, довѣріе и любовь, эти необходимыя условія всякаго правильного воспитанія?

Итакъ, кажется, съ достовѣрностью можно опредѣлить вопросъ о русской народности въ его современномъ состояніи такимъ образомъ: это не болѣе какъ распространеніе западныхъ идей и цивилизованныхъ удобствъ въ народныхъ массахъ. Русская народность, слѣдовательно, играетъ въ этомъ вопросѣ роль страдательную. Надобно избавить русскаго мужика отъ его убѣжденій, обычаевъ и привычекъ, надобно спасти его отъ темныхъ наважденій старины, и помощію грамотности отрѣшить его отъ всѣхъ основъ его національности, чтобы сдѣлать изъ него человѣка вообще, свѣжаго и чистаго отъ предразсудковъ, космополита, и потомъ дать ему новую жизнь, умственную, нравственную, политическую, религіозную.

Самая главная и существенная причина, почему на Руси плохо прививаются и едва ли скоро привьются, какъ слѣдуетъ, идеи о народности, состоитъ въ самой жизни русской, въ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ нашего отечества. Понятно и совершенно законно у цивилизованныхъ народовъ западной Европы разумное стремленіе къ

уясненію себѣ всѣхъ сокровищъ своей жизни, потому что ихъ отдаваемыя народности вели Европу по ступенямъ умственного и литературнаго развитія. Народность Француза или Англичанина обязательна не для Франціи или Англiи только, но и для всякаго образованнаго чело-вѣка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Напро-тивъ того, народы далеко отставшіе отъ другихъ въ ци-вилизациі, но усердно за нею стремящіеся, до тѣхъ поръ будутъ отодвигать свою народность на задній планъ, пока не усвоятъ себѣ всего полезнаго и необходимаго что сдѣлаю уже цивилизованными націями. Безсмысленно предполагать, чтобы Татаринъ или Мордвинъ до того возгордились удоб-ствами своей жалкой народности, что отказались бы отъ очевидныхъ выгодъ какого-нибудь заморскаго изобрѣте-нія, приносящаго имъ очевидный барышъ. Конечно, легко какому-нибудь читателю Востока, сидя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа, и о колоссальномъ величіи нравственныхъ силъ русскаго му-жика; помятно также, почему и кабинетный ученый, из-сѣдователь русской литературы и исторіи, можетъ усер-дно хлопотать о рѣшеніи разныхъ вопросовъ по русской народности и старинѣ; но въ самой жизни, на практикѣ, волею или неволею, западное направленіе беретъ перевѣсъ. И русскій промышленникъ, хотя бы вчера изъ мужиковъ, едва умѣя читать, хочетъ улучшить свои промыслы по западнымъ образцамъ; и русскій купецъ, иногда мало отхо-дящій своимъ образованіемъ отъ мужика, мечтаетъ устро-ить свою торговлю на европейскій ладъ, если найдетъ въ томъ свои барыши; и русскій семинаристъ, готовя себя къ клерикальной карьерѣ, тихонько отъ наставниковъ опѣ-шить освѣжить свою забитую голову какою-нибудь новень-кою книжцею съ западными соблазнами; и Русскій полити-къ въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ делѣтъ самыя планы для преобразования своего отечества на ма-неръ Англiи или Франціи; даже безусловный поклонникъ русской народности хвалится тѣмъ, что онъ любитъ свое родное такъ же искренно и сознательно, какъ Англичанинъ или Нѣмецъ.

Правда, что просвѣщенное вниманіе европейскихъ странъ къ своей народности отразилось и у насъ въ послѣднее

время усерднымъ собираніемъ и изданіемъ пѣсень, поговорокъ, сказокъ и другихъ памятниковъ русской жизни. Наша ученая литература осталась и здѣсь вѣрна своему призванію — слѣдовать за интересами возникающими въ образованной Европѣ. Но, говоря откровенно, возможно ли предполагать неподдѣльный, искренній восторгъ въ нашей такъ-называемой образованной публикѣ, при чтеніи какой-нибудь изъ народныхъ пѣсень въ превосходномъ сборникѣ г. Рыбникова, означенномъ въ заглавіи этой статьи? Сталъ ли этотъ сборникъ настольною, любимую книгою всякаго образованнаго человѣка, или вошелъ въ скромную бібліотеку ученаго специалиста и литератора по профессіи? Въ „замѣткѣ“, присовокупленной неизвѣстнымъ лицомъ въ концѣ этого сборника, между прочимъ сказано: „Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, не поддѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху. Такъ было и у насъ послѣ отпечатанныхъ Калайдовичемъ *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній*: надѣмся и теперь на то же.“ Напрасныя надежды! И сборникъ Калайдовича не произвелъ на Руси эпохи, а только внесъ новое и богатое содержаніе въ исторію народной словесности, образцы которой критикою сороковыхъ годовъ были признаны за безобразныя и бессмысленныя порожденія русскаго доморощеннаго невѣжества. Сборникъ г. Рыбникова, дѣйствительно, составляетъ эпоху, — только не для общаго сознанія и интереса образованной публики, а для тѣхъ немногихъ специалистовъ, которые посвящаютъ себя изученію русской народности; потому что русская народность есть точно такая же на Руси спеціальность, какъ санскритскій языкъ или греческія древности. А между тѣмъ многія изъ пѣсень, изданныхъ г. Рыбниковымъ, такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоко-наивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія. А между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѣическихъ богатырей и историческихъ героев нашего отечества; и внимательному, просвѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и осо-

бенно въ такую эпоху, когда коренное преобразование быта народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя основы для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи! Но для того чтобы свободно и разумно предаться наивнымъ интересамъ народнаго быта, и безъ пристрастія, но съ должнымъ уваженіемъ, внести ихъ въ кругъ своихъ просвѣщенныхъ интересовъ, публика должна быть столько тверда и увѣрена въ своемъ образованіи, чтобъ не бояться компрометировать свою барскую чопорность мужицкими словами и понятіями, какъ этого не боится публика финляндская, искренно благоговѣющая передъ національными пѣснями своей *Калевалы*, или публика нѣмецкая, покровительствующая распространенію въ школьномъ обученіи народнаго эпоса и даже миѳической старины нѣмецкихъ племенъ, не имѣя никакихъ поводовъ заподозривать въ отсталости тѣхъ специалистовъ, которые заявляютъ права нѣмецкой старины въ современной образованности¹.

Но на Руси такого безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ своей старинѣ и народности нельзя ожидать не только отъ образованной толпы, даже отъ литераторовъ и ученыхъ. Періодъ антинаціональнаго преобладанія, начавшійся монгольскимъ игомъ и скрѣпленный въ XV и XVI вѣкахъ московскою политикою, и доселѣ еще не завершилъ круга своей дѣятельности. Надобно отдать полную справедливость политическому такту тѣхъ историковъ, которые, выбрасывая изъ русской исторіи татарскій періодъ, находятъ его результаты въ Московскомъ княжествѣ XV вѣка. Дѣйствительно, оба эти явленія совпадаютъ, точно такъ же какъ и подчиненіе русской національности нравственнымъ матеріальнымъ силамъ Запада со временъ Петра Великаго въ сущности, для сознанія народныхъ массъ, есть не что иное какъ только перенесеніе Золотой Орды временъ татарщины куда-то за

¹ Приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, Мангардтъ, известный спеціальными изслѣдованіями по нѣмецкой мѳологіи, въ своемъ популярномъ сочиненіи, изданномъ въ 1860 г., подъ названіемъ *Die Götterwelt der deutsch. u. nordisch. Völker*, указывая слѣды мѳологіи въ суетнѣхъ, доселѣ господствующихъ въ быту нѣмецкаго народа, тѣмъ не менѣе, съ полымъ уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ, вводитъ ее въ кругъ народнаго образованія, какъ существенный элементъ въ развитіи самопознанія и патриотизма.

море, откуда и доселѣ не перестаетъ русскій людъ чаять себѣ суда и порядка. Согласно этимъ вѣковымъ преданіямъ русской исторіи, и въ настоящее время образованный человекъ, литераторъ или ученый, относится къ русской народности какъ пришлый Варягъ къ Кривичамъ и Чуди, или какъ миссіонеръ къ толпѣ дикарей, которыхъ желаетъ обратить въ крещеную вѣру. Слѣдовательно, русская народность и старина съ этой точки зрѣнія представляются только жалкимъ собраніемъ темныхъ предрасудковъ и суевѣрій, которыя должно только обличать, а не изслѣдовать ученымъ порядкомъ. Но для кого же ихъ обличать и съ какою цѣлю, когда простой народъ, хранитель этихъ предрасудковъ и суевѣрій, вовсе не знаетъ и существованія тѣхъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ помѣщаются обличенія его невѣжества или ученые о немъ трактаты? Не значитъ ли донкихотствовать—сражаться съ суевѣріями и предрасудками простаго народа передъ публикою, которая давнымъ-давно уже имъ не вѣритъ? И не смѣшно ли такъ много заботиться о простомъ народѣ на словахъ, когда онъ самъ идетъ своею дорогою, и вовсе не хочетъ знать ни нашихъ обличеній, ни защитъ? И неужели не можетъ идти рука объ руку просвѣщеніе народа съ грамотностію и полезными свѣдѣніями, — и спокойное, чуждое всякихъ практическихъ тенденцій изученіе его старины, которая, конечно не чужда суевѣрій, какъ и старина и народность всѣхъ западныхъ странъ? Неужели вся исторія русской литературы, чуть ли не до нашихъ временъ, должна состоять только въ обличеніи невѣжества, суевѣрій и предрасудковъ? И зачѣмъ такъ рьяно бросаться съ обличеніями на то, что уже и само собою, будучи показано съ настоящей точки зрѣнія, краснорѣчиво говоритъ за себя? Исходъ, какой по лучаетъ на Руси народное направленіе, кажется, объясняется *обличительнымъ* характеромъ современной журналистики и легкой литературы. Обличать въ тысячу разъ легче нежели изучать. Какъ мы кончили съ византійскимъ направленіемъ нашей старины? Въмѣсто того чтобъ изслѣдовать всѣ нити, связывающія нашу древнюю литературу съ византійскимъ востокомъ и латинскимъ западомъ, мы рѣшили дѣло свысока, какъ во время оно татарскіе баскаки рѣшали тяжбы между русскими властями, и какъ потомъ рѣшали судъ и расправу московскіе воеводы. Сказано,

что вся византийщина — гниль и тлѣнь, и это рѣшеніе сдано въ архивъ русскаго просвѣщенія, прежде нежели на Руси выучились, какъ слѣдуетъ, греческой азбукѣ. Хотите ли вы серьезно изучать памятники русской архитектуры или иконописи, — тотчасъ возбуждаете подозрѣніе въ преступномъ поплзновеніи рекомендовать въ назиданіе современнымъ живописцамъ какой-нибудь куріозный типъ съ собачьею или лошадиною головой. Отнесетесь ли вы серьезно, безъ балаганнаго гаерства, къ стариннымъ повѣртіямъ и преданіямъ, — васъ ужъ подозрѣваютъ, не вѣруете ли вы въ миѳическіе догматы, что земля основана на трехъ китахъ, и что громъ гремитъ отъ поѣздки по облакамъ Ильи Громовника.

Ясно, слѣдовательно, что обличители въ самой образованной публикѣ, даже въ литераторахъ и ученыхъ изслѣдователяхъ, предполагаютъ наклонность ко всѣмъ суевѣртіямъ и предрасудкамъ, которыми богата всякая старина и народность. Отсюда само собою вытекаетъ, что заниматься изученіемъ старины и народности, не ограждая себя ежеминутно отъ суевѣрныхъ соблазновъ, вредно и бессмысленно, и что слѣдовательно опасно распространять въ публикѣ любовь къ родной національности, какъ къ предмету одуряющему. Нетерпѣливая рьяность обличителей даетъ разумѣть, что они еще не свыклись съ гуманными тенденціями, которыя они на себя взяли, и что еще живо чувствуютъ въ самихъ себѣ византийскую и татарскую основу, которая невольно проглядываетъ то въ деспотическихъ замашкахъ балаганнаго шутовства, то въ кочевомъ наѣздничествѣ противъ серьезныхъ занятій наукою, то въ ложномъ стыдѣ недоучившагося фата, чтобъ его не заподозрѣли въ доморощенныхъ грѣшкахъ русскаго суевѣрія.

Вотъ какъ скоро на Руси отживаетъ всякое направленіе, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ въ общемъ сознаніи! Въ Германіи, во Франціи, только что еще принялись за неистощимо-богатую и плодотворную разработку національной старины, только что еще начинаютъ въ современной образованности вкореняться результаты ученыхъ изслѣдованій братьевъ Гриммовъ, Коммона, Шназе и сотни другихъ ученыхъ по народности и средне-вѣковой археологіи. А мы уже порѣшили всѣ вопросы по этимъ предме-

тамъ, съ милою наивностью Простаковой, которая для своего Митрофанушки не видитъ никакого прока въ географію, потому что эта наука не барская. И точно барское ли дѣло интересоваться мужицкими пѣснями, дубочною иконописью, всѣми этими раскольничьими сборниками, цвѣтниками и другою ветошью? И какая во всемъ этомъ польза для насущной практики, съ жизненной точки зрѣнія, въ которой новѣйшіе обличители вполне сходятся съ положительными убѣжденіями смѣтливой родительницы Недоросля?

Впрочемъ, какъ бы легкомысленно ни смотрѣли въ настоящее время у насъ на народное направленіе въ изученіи литературы и искусства, нельзя сомнѣваться, что этому направленію предстоитъ болѣе счастливая будущность. Уже самое собираніе и изданіе памятниковъ по русской народности краснорѣчивѣе всякой полемики ниспровергаетъ чиновничью спѣсь обличителей, покрывающихъ пустоту своихъ тенденцій филантропическими хлопотами о просвѣщеніи простонародья полезною практикой.

Въ настоящее время, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что лучшими сборниками народныхъ пѣсень и стиховъ литература обязана такъ-называемымъ славянофиламъ.

Можно не соглашаться съ этою партіей во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но относительно изданія памятниковъ народной поэзіи надобно отдать ей полную справедливость.

Полагая, что обнародованіе такихъ сборниковъ, какъ изданія Рыбникова и Кирѣевскаго, не должно пройти безслѣдно въ русской литературѣ, мы рѣшились по этимъ сборникамъ предложить краткое *обозрѣніе русскаго мивологическаго и богатырскаго эпоса*, конечно не въ тѣхъ мысляхъ, чтобы внести новые элементы въ сознаніе современной публики, но чтобы съ надлежащимъ вниманіемъ осмотрѣть факты, которые современемъ должны занять первыя страницы исторіи русской литературы.

I.

Уже давно изслѣдователями русской народности чувствовался древнѣйшій титаническій періодъ въ послѣдовательномъ развитіи русскихъ богатырскихъ типовъ. Собранныя и обнародованныя г. Рыбниковымъ русскія былины о

Святогорѣ, Сухманѣ и другихъ старшихъ богатыряхъ, предшествовавшихъ циклу Владиміра Красна-Солнышка, дали этому предположенію фактическую достовѣрность. Знаменитый славянофилъ, покойный К. С. Аксаковъ, просмотрѣвъ еще въ рукописи г. Рыбникова былинну о Святогорѣ, первый изъ нашихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе богатырей старшихъ, или титаническихъ, отъ младшихъ, человѣкоподобныхъ, къ которымъ относятся Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе витязи, окружающіе князя Владиміра. Разказавъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ исполнскимъ силачомъ лежащимъ на горѣ, Аксаковъ присовокупляетъ: „Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ—весьма замѣчательнъ. Очевидно, что онъ *внѣ ряди богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья-Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ сабдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихиі... Не ихъ ли должно разумѣть подъ *старшими богатырями*, которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку.“¹ Вотъ это мѣсто:

Старши богатыри дивуются :

„Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!

У него поѣздка молодецкая,

Вся поступочка богатырская.“

(*Кирѣвск. I, 78—81.*)²

Ясно, что нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхестественныя личности богатырями *старшими*; ясно также, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимірова отличаются громадною величиною и непомѣрною силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ раннеймиѣологической эпохи?

¹ См. Замѣтку Аксакова въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣвскаго.

² Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для удобства читателей, въ цѣлотахъ изъ пѣсень областей выговоръ измѣляю на общепринятый.

Сами ли это боги? Тогда выраженіе русскихъ былинь „старые богатыри“—не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того что народъ утратилъ сознание о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого-нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ вражескими народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ титанической не принадлежать ли и многія другія лица, въ которыхъ характеръ мифическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей младшей эпохи? Въ такомъ случаѣ, и Волхъ Всеславичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ, въ своихъ богатырскихъ типахъ представляютъ намъ много такого что больше принадлежитъ къ эпохѣ титанической нежели къ позднѣйшей, богатырской; потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда, въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ напримеръ въ Ильѣ Муромцѣ, что будетъ показано ниже, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты и бога Перуна, и Ильи пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней мифологической эпохѣ. Забывая свою мифологію, народъ даетъ большій просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ мифическія существа на историческую почву.

Чѣмъ древнѣе мифическія преданія русскаго народа, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ великановъ представителемъ враждебныхъ народовъ, то для объ-

ясненія этого должно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ посадовательномъ развитіи такъ-называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соответствующихъ преходу отъ древнѣйшихъ мифологическихъ представленій къ смѣшаннымъ, темнымъ въ народѣ преданіямъ объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и наконецъ къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимірова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей мифологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соответствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ-быть, имѣютъ смыслъ мифологическій, каковы: *Сухманъ*, *Святогоръ*, *Волхъ* или *Вольга*, *Тугаринъ*, *Зміевичъ*, *Дунай*, *Донъ*, при женскомъ существѣ *Нѣпра* или *Днѣпра*; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напримѣръ *Самсонъ* богатырь, можетъ-быть и *Полканъ*, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ напримѣръ, *Идолице Поганое*, *Старчице Пилигрилице*; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ *Волотъ Волотовичъ*; иные подъ своею новѣйшею формациею скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ Славянъ, какъ *Микула Селяниновичъ*; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и мифическихъ представленій, какъ древнѣйшій слогъ, вошелъ въ формацию героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владиміръ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей мифической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Прежде нежели разберемъ въ подробности каждое изъ этихъ мифическихъ существъ, должно упомянуть, что общее имъ названіе: *Старшіе богатыри*, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, то-есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра Красна-Солнышка, но что они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ,—неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто

или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ мифическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей мифологіи естественно казались въ послѣдствіи страшилами и чудовищами. *

Этотъ переходъ отъ божества стихійнаго къ чудовищу въ титаническомъ типѣ старшаго богатыря съ наибольшою ясностію выражается въ сербскомъ мифѣ о *дивахъ* и ихъ *дивскомъ старшѣшинѣ*, или начальникѣ ¹. Ихъ числомъ семьдесятъ, живутъ они на *Дивской* планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. Нѣкто Іованъ, богатырь младшей породы, перебилъ всѣхъ семьдесятъ *дивовъ*, но *дивскій* старшѣшина, оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ матери Іована, и чуть было не погубилъ ея; но Іованъ восторжествовалъ и надъ нимъ. Какъ существо сверхестественное, *дивъ* извѣстенъ и въ древне-русскомъ эпосѣ. Слово о Полюкѣ Игоревѣ знаетъ какого-то *дива*, который сидитъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику, и велитъ послушать земли незнаемой, и который потомъ вергнулся на землю, когда наступила русскимъ воинамъ бѣда.

Въ сербскомъ мифѣ о великанахъ *дивахъ* сохранилась память о первобытномъ поклоненіи индо-европейскихъ народовъ божеству неба и свѣта, потому что это слово непосредственно происходитъ отъ *div*, что по-санскритски значитъ *свѣтитъ*, откуда названія бога свѣта и неба—у Грековъ Ζεύς (род. пад. Διός), у Римлянъ *Deus*, у Германцевъ *Tivas*, у Литовцевъ *Dewas*, и наконецъ въ Санскритѣ *Дива* (божество небесное) ².

¹ Вука Караджича, Сербск. пѣсни, кн. 2, № 8.

² Корень *div* переходитъ въ существит. *diva* по закону поднятія звука *i* въ долгое *e* или въ *ъ*. Отъ этого же корня происходятъ лат. *divus*, *dives*, *dies*, наше *день* и т. д.

Представленіе о *дивахъ* соотвѣтствовало у Славянъ быту кочевому и пастушескому. Когда они осѣлись на постоянныхъ жилищахъ, тогда свой домашній бытъ стали противопоставлять кочевью по лѣсамъ и степямъ, и все противоположное своему родному жилищу, называли *дивымъ*, то-есть не покрытымъ домашнею кровлею, находящимся подъ открытымъ небомъ (*sub divo* или *sub jove*), наконецъ по-левымъ и лѣснымъ вообще. Отсюда у Чеховъ прилагат. *дивокъ*, въ смыслѣ не только дикаго, но и внѣшняго: *дивока страна*, въ противоположность внутренней, домашней ¹.

Диво, *дивовище*, въ смыслѣ чудовища, указываетъ на переходъ титаническаго существа къ страшилищу, будетъ ли то въ звѣриномъ видѣ, или въ челоѣкообразномъ. Дивъ *Слова о полку Игоревѣ* стоитъ на срединѣ между этими значеніями. Даже сербскіе *дивы* въ упомянутомъ мѣстѣ, потерявъ свое первобытное значеніе, могли быть понимаемы уже въ смыслѣ тѣхъ дикихъ великановъ, кочевниковъ, съ которыми дерутся наши богатыри младшей эпохи ².

Есаи въ замѣткѣ, приложенной къ сборнику г. Рыбникова, сказанное о богатырѣ *Суханѣ* или *Сухманѣ* можетъ быть оправдано въ грамматическомъ отношеніи, то эта личность первоначально имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ ближайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца, или свѣта, огня (санскр. *сушман*. или *шуман*—огонь) ³. Но, какъ увидимъ ниже, былина объ этомъ богатырѣ, записанная въ сборникѣ, г. Рыбникова, противорѣчитъ этому значенію.

Гораздо правдоподобнѣе видѣть слѣдъ преданія о первобытныхъ мифическихъ существахъ свѣта, или о *дивахъ* въ свидѣтельствѣ *Слова о полку Игоревѣ*, которое русскихъ витязей вообще называетъ *внуками Даждь-богъ*, то-есть,

¹ Изъ формы *дивокій* сокращенно образовалось *дукій*.

² Слѣд. у Маннгарда: „Bei den Slaven lebt das alte *déva* (Gott) in der Benennung *div* für Riese fort.“ *Die Götterwelt*. Стр. 57.

³ Слова замѣтки въ Сборникѣ г. Рыбникова: „*Суханѣ* или *Сухманѣ* (санскр. *суш* или *шум*, сожнуть, жечь *суш-ить*, откуда причастная форма *суш-манъ*, сожнуцій, иссушаемый и иссушающій, перешедшая въ названіе солнца и разныхъ стихій) носитъ на себѣ явныя слѣды происхожденія мифическаго, до-историческаго.“ Стр. IX.

бога солнца и огня. А въ нашихъ лѣтописяхъ *Дажь-богъ* признается сыномъ *Сварога*, бога неба, то-есть, *Сварожичемъ*. По другимъ древне-русскимъ свидѣтельствамъ, подъ именемъ *Сварожича* наши предки чествовали огонь ¹. Итакъ отъ божества свѣта и огня русскій эпосъ ведетъ родъ нашихъ древнихъ витязей: они внуки святоносныхъ предковъ, память о которыхъ сохранилась въ мифическихъ титанахъ—дивахъ. Другими словами: Старшіе богатыри—дивы, младшіе — ихъ потомки, внуки *Дажь-бога* или *Сварожича*. † Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси жило еще во всей свѣжести въ эпоху *Слова о Полку Игоревѣ*, то-есть въ XII вѣкѣ. Какъ витязи назывались внуками солнца и огня такъ вѣтры—внуками бога вѣтра, *Стрибога*. ² Ярославна, горя объ отсутствующемъ мужѣ, въ своемъ причитаньѣ обращается, какъ къ существамъ одушевленнымъ, не только къ вѣтру и солнцу, но и къ водѣ, въ ближайшемъ, болѣе наглядномъ представленіи ея, въ образѣ *Днѣпра Словутича*, какъ бы сына какого-то *Словуты*.

Если въ изданныхъ доселѣ былинахъ мало оставили по себѣ слѣдовъ стихійныя существа огня и свѣта, за то мифическія преданія о водѣ, и особенно о рѣкахъ, сохранились въ замѣчательной свѣжести. Русскій эпосъ еще помнитъ морскаго царя или бога водъ; онъ называется царь *Водяникъ*, а супруга его царица *Водяница*. Имъ приносятъ жертвы, опуская въ воду хлѣбъ съ солью, или же бросая живаго человека. Царь морской является въ очію и покровительствуетъ тѣмъ, кто его чествуетъ. Когда онъ распяшется, взволнуется море и рѣки.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи новгородская былина о *Садкѣ*, богатомъ купцѣ. ³ Прежде онъ былъ бѣденъ, и кромѣ гуслей ничего не имѣлъ, а промышлялъ своею гудьбою на пирахъ, куда его нанимали. Разбогатѣлъ же онъ слѣдующимъ образомъ. Случилось, что нѣсколько дней сряду никуда его не приглашали на пиръ играть въ гусли. Соскучился *Садко* и пошелъ къ *Ильмень-озеру*:

¹ См. въ моей хрестоматіи столб. 520, 586, 605 и 606.—*Дажь* въ словѣ *Дажь-богъ*, отъ корня *даг*, что по-самскр. значить горѣть; лит. *degi*—горю.

² Отъ глагола *стрити*, откуда *стрѣла*, *стрѣль*, *пострѣль*, *стрѣха*. Слич. *застрѣть*, *застрѣнуть*.

³ Рыба. стр. 370 и слѣд.

Садилася на бѣль горячъ камень
 И началъ играть въ гуселки яровчаты.
 Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
 Показался царь морской,
 Вышелъ со Ильмена со озера—

И попривѣтствовалъ Садку за утѣху, которая онъ ему доставилъ гудьбою на гусяхъ, въ благодарность далъ ему изъ Ильмень-озера кладъ, три рыбы золотыя-перья, на которыя можно купить всѣ несмѣтныя богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ, и вытащилъ это безцѣнное сокровище. Въ нашемъ эпосѣ соотвѣтствуетъ оно кладу *Нибелунговъ*, который прежде хранился въ допадѣ у карлика Андвари, жившаго въ водѣ въ образѣ щуки; соотвѣтствуетъ также и финскому *Самно*, сокровищу быта охотниковъ, моряковъ и земледѣльцевъ. Итакъ эти три рыбы золотыя-перья, въ Ильмень-озерѣ не что иное, какъ *Hort* или *Самно* торговаго и промышленнаго Новгорода. До какой степени проникнуть мѣстнымъ колоритомъ этотъ мотивъ въ былинѣ о Садкѣ, можно судить изъ того, что онъ не разъ встрѣчается, съ разными вариантами, въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ въ сказаніи объ Антоніи Римлянинѣ повѣствуется, какъ рыбаки вытащили съѣтми изъ Волхова бочку съ драгоценною церковною утварью, которую этотъ нѣмецкій выходецъ опустилъ въ море еще въ бытность свою въ Италиі, и которая сама собою, какъ чудесный кладъ, приплыла въ Новгородъ по Волхову.

Разбогатѣвши, Садко забылъ о благодѣяніи морскаго царя и пересталъ приносить ему жертву. За это надобно было его наказать. Потому однажды Садковъ корабль сталъ на морѣ и не трогался съ мѣста. Чтобы ему двинуться и пойдти, надобно было бросить въ воду, въ жертву морскому царю, живаго человѣка. Жребіи выпалъ Садкѣ. Какъ знаменитому гудцу, ему даютъ гусли и спускаютъ на воду на доскѣ, на которой онъ и поплылъ по морю. Этотъ мотивъ о чудесномъ плаваніи на доскѣ, на плоту или даже на камнѣ—тоже одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ тотъ же Антоній Римлянинъ будтобы на камнѣ приплылъ изъ Италиі подъ самый Новгородъ. Еще: когда Новгородцы, подозрѣвая архіепископа Іоанна въ развратной жизни, хотѣли его погубить, то посадили его на плотъ и пустили по Волхову; но плотъ чудо-

дѣйствио пошелъ вверхъ противъ теченія, и самъ собою остановился близъ Юрьева монастыря.

Такъ и Садко, съ гусями въ рукахъ, поплылъ по волнамъ на дубовой доскѣ, и очутился въ палатахъ самого морскаго царя Водяника и супруги его Водяницы. Въ то время царь съ царицею спорили о томъ, что на Руси дѣется:

Булатъ ли дороже красна золота,
Али красна золото дороже булатъ-жельза?

То-есть, вопросъ состоялъ въ томъ, произошелъ ли историческій переворотъ въ переходѣ древняго суроваго періода старшихъ богатырей въ періодъ богатырей младшихъ. Какое-нибудь титаническое существо изъ породы дикихъ великановъ, вѣроятно, предпочло бы бесполезному золоту жельзо. Но Садко, герой новаго порядка вещей, уже знаетъ цѣнность золота; потому что золотой кладъ уже добытъ между людьми, а съ нимъ вмѣстѣ роскошь и преступленіе. Итакъ Садко даетъ предпочтеніе золоту передъ жельзомъ:

Дороже у насъ на Руси красна золото,
А булатъ-жельзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ.

Садко съ своими гусями какъ разъ попалъ кстати къ царю Водянику. У него шелъ пиръ на радостяхъ. Онъ выдавалъ замужъ дочь свою любимую.

Во тмѣ во славно Окіань-море.

Такъ поэтически, въ античной формѣ, народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки въ море! Это царь Водяникъ выдаетъ замужъ куда-то за море, на чужую сторону, свою родную дочь.

Садко сталъ играть на гусяхъ. На пиру пошла пляска, и когда расплясался царь Водяникъ, синее море всколебалось, рѣки изъ береговъ выступили: топятъ корабли, губятъ православный людъ. Послѣ того, когда Садко охмѣлѣлъ и заснулъ, явлется ему во снѣ Никола Можайскій и велитъ изломать гусли звончатя, чтобы не плясалъ морской царь и чтобы не гибли души народа православнаго. Сверхъ того, Никола даетъ Садкѣ совѣтъ, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены что ни худшую изъ тридцати дочерей морскаго царя, когда тотъ будетъ ему предлагать на выборъ одну изъ нихъ, и чтобы женившись на ней былъ остороженъ,

чтобъ и не дотрогивался до нея. Такъ Садко и сдѣлалъ, и женился на той изъ тридцати дочерей Водяника, которая была хуже всѣхъ. Легъ съ нею спать, а на утро ото сна пробуждался.

Окъ очутился подъ Новымъ Городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.

Такимъ образомъ Садко, богатый гость, и женился на дочери Водяника, на Волховѣ рѣкѣ. Очень умѣстное для торговаго Новгорода мифическое преданіе, соответствующее позднѣйшему обряду, по которому венеціанскіе дожи обручались съ Адриатикою, бросая въ ея воды обручальное кольцо!

Прежде нежели сказать о Волховѣ, надобно обратиться къ другимъ рѣкамъ, и предварительно коснуться значенія рѣкъ вообще въ древнемъ бытѣ и въ вѣрованіяхъ Славянъ.

Мифическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ, могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непременно приурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ мифическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только что въ эпоху образованія поэтическихъ мифовъ у Славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту Славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего мифологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской мифологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая мифическія основы своего народнаго эпоса, разсѣлились по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ

племень, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ. Сначала Славяне сѣли по Дунаю; оттуда пошли въ разныя стороны. Которые сѣли на Моравѣ, назвались Моравами; Ляхи сѣли на Вислѣ; Дреговичи между Припетью и Двиной; на Двинѣ, по рѣкѣ Полотѣ, Полочане; Радимичи на Сожѣ; Вятчи по Окѣ; Дулебы по Бугу; Тиверцы по Днѣстру; Новгородскіе Славяне на озерѣ Ильменѣ, то-есть, по Волхову; наконецъ Поляне по Днѣпру. Согласно рѣчному и береговому быту Славянъ, званіе перевозчика было почетнымъ. Этимъ объясняется преданіе о томъ, что Кій былъ перевозчикомъ на Днѣпрѣ, и можетъ-быть основаніе и названіе города Кіева произошло отъ перевознаго пункта. По крайней мѣрѣ еще во времена Нестора было въ памяти древнее обычное выраженіе: *на перевозѣ на Кіевѣ*. Другое преданіе, тоже приводимое Несторомъ, о томъ что Кій былъ князь, замѣчательно по сближенію днѣпровскаго Кіева съ дунайскимъ городищемъ Кіевцемъ, основаннымъ будто тѣмъ же Кіемъ.

Древнѣйшее лѣтописное преданіе о значительности званія перевозчика доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Доселѣ живетъ въ Псковской области преданіе, что вѣщая княгиня Ольга, изъ крестьянскаго званія, была перевозчицею на рѣкѣ Великой¹. Соловей-разбойникъ и вся семья его, какъ будетъ показано, отличались мѣстическимъ характеромъ ранней эпохи; и замѣчательно, что старшая дочь этого чудовища была перевозчицею на Дунай-рѣкѣ.²

Разселяясь и сядясь по рѣкамъ, Славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ-быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: *Сава, Драва, Одра*, или *Одеръ, Ра, Уна, Донъ, Дунай*, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей Аріидской родины въ Европу, вы-

¹ Якушкина *Путешья письма изъ Новг. и Псковск. губерн.* стр. 155.

² Сборн. Карѣвск. I, 81.

весаи съ собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни* ¹, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у Славянъ *Донъ* получило смыслъ собственного имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ на примѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: *за рѣками... за Дунаями* ².

Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. По мѣрѣ того какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальнѣйшій характеръ въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ, болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ челоѣкообразнаго существа, съ отличительными признаками извѣстнаго героя или героини. Чтобы выдѣлить изъ общей массы безразличныхъ представленій опредѣленные и точныя очертанія извѣстной рѣки, надобно было сблизить ее съ интересами личными, сблизить съ челоѣческой личностію, и это сближеніе, условливаемое уже самымъ разселеніемъ славянскихъ племенъ, выразилось мифами о происхожденіи Дуная, Дона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ отъ челоѣкообразныхъ существъ, въ которыхъ первоначально искало себя предмета для чествованія вѣрованіе въ стихійныя божества, и которыя потомъ перешли въ обыкновенныхъ героев народнаго эпоса. Сверхъ того, мифъ о происхожденіи и зависимости рѣкъ отъ морскаго царя, или Водяника, постоянно придавалъ этому олицетворенію оттънокъ мифическаго характера.

¹ Въ формѣ *дуни*, *д* придыхательное, и притомъ *у* употребляется и долгое и краткое. Долгое сохранилось въ словѣ *Дунай*; краткое *у* перешло въ *о*, въ словѣ *Донъ*.

² Значеніе и образованіе прочихъ, выше упомянутыхъ рѣкъ смотр. Pictet, *Les origines Indo Européennes*. 1859 г. ч. I стр. 135 и слѣд. Названіе *ра* я произвожу отъ корня *p* или *ap*, откуд Саяскр. *Ара*—рѣка, вода, кѣн. *rinna* и т. д.

Итакъ, по русскому эпосу ¹, рѣка Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ богатыря Дона и его вѣщей супруги Нѣпры Королевичны, то-есть, Днѣпры (вмѣсто муж. р. Днѣпръ), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная Валькирія, и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы. Дону досадно стало, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ. Рѣшено было между ними состязаться въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владиміра. Нѣпра удивила всѣхъ своею мастерскою стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлилъ въ свою жену, и убилъ ее. Распластавъ убитую Нѣпру, онъ нашель въ ея утробѣ чудеснаго сына, по своей необычайности достойнаго своихъ полумиѣческихъ родителей. У него:

По колаѣнь-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ будто звѣздочки,
А назадъ будто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови христіанскія,
Отъ христіанскія крови отъ напрасныя.

Эта былина должна быть дополнена тою существенною своею частію, въ которой надобно бы упомянуть, что рѣка Днѣпръ потекла отъ крови Днѣпры Королевичны.

То же разказывается и о Дунай, только вмѣсто Днѣпры, онъ женатъ на воинственной Настасьѣ Королевичнѣ, на сестрѣ Апраксѣвны, супруги князя Владиміра.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка:
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Иначе поется:

Исподъ этого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыхъ,
И на двѣ струечки оны расходились,
И еще онѣ вмѣстѣ сходились ².

¹ Рыбник. стр. 194—7.

² Рыбник. стр. 186—194.

Каково бы ни было первоначальное значеніе *Сухмана* богатыря, но былина, въ сборникѣ г. Рыбникова, даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Такъ же какъ Донъ и Дунай, этотъ богатырь даетъ начало рѣкѣ. Отъ крови изъ его ранъ протекла *Сухманъ-рѣка*, какъ онъ самъ умирая причиталъ:

Потеки Сухманъ-рѣка
Отъ моя отъ крови отъ горючія,
Отъ горючія крови отъ напрасныя ¹.

Происхожденіе рѣкѣ отъ крови убитыхъ героевъ, или точнѣ великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемирный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося, подобно еврейскому Ною или индійскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи Храбомъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуеетъ намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса. Утверждая христіанскую вѣру, доѣзжалъ Егорій до дальняго царства Вавилонскаго, къ царицу Дектіявищу. Это было какое-то чудовище, въ родѣ змія, потому что

Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Зарѣвѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю...
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вскладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,
Проливалъ кровь...
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по-копѣтъ, не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣвы груди;
Вынимаетъ онъ копье долгиѣркое,
Ударилъ въ мать во сыру землю:

¹ Рыбник. стр. 32.

„Разступись, мать сыра земля!
 Пожри кровь бусурманскую и окаянную!“
 По Георгиеву моленію,
 По его святому терпѣнію,
 Разступилась мать-сыра земля,
 Пожрала кровь бусурманскую, окаянную ¹.

Если происхожденіе Дуная, Дона и Днѣпра русскій эпосъ объясняетъ только олицетвореніемъ, на основѣ мифическаго вѣрованія о потоки и разлитіи рѣкъ отъ крови убитыхъ чудовищъ и титановъ, то сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова имѣетъ всѣ признаки древняго мифа, въ которомъ языческое чествованіе какого-то божества, впрочемъ называемаго въ преданіи Перуномъ, низводится до позднѣйшей демонологіи, и воплощается въ богатырской личности Волха Всеславича или Всеславича. Какъ существо титанической, древней породы, онъ былъ сыномъ змія ². Однажды нѣкоторая княжна, Марѳа Всеславьевна, гуляла по саду, и невзначай скочила съ камня на лютаго змѣя.

Обзывается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
 Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегану.

Оттого княжна затажелѣла и дитя родила. Это и былъ самъ Волхъ Всеславьевичъ. Какъ сынъ змія и существо необычайное, уже самымъ рожденіемъ своимъ на свѣтъ Божій, Волхъ производитъ великій переворотъ по всей землѣ:

Подрожала сыра земля,
 Стряслося славно царство Индѣйское,
 А и синее море сколебалося
 Для ради рожденія богатырскаго
 Молода Волха Всеславьевича:
 Рыба пошла въ морскую глубину,
 Птица полетѣла высоко въ небеса,
 Туры да олени за горы пошавъ,
 Зайцы, лисицы по чащамъ,
 А волки, медвѣди по ельникамъ,
 Соболу, куницы по островамъ.

Своею сверхъестественною природою этотъ герой существенно отличался отъ богатырей младшихъ. Онъ былъ

¹ Варецкова, *Сборникъ Русск. духовн. стиховъ* стр. 108—9.

² Кирши Давилова *Древн. Рос. Стих.* стр. 45 и слѣд.

оборотень, существо вѣщее. Въ этомъ состояла его премудрость.

А и первой мудрости учился
 Обертываться яснымъ соколомъ;
 Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
 Обертываться сѣрымъ волкомъ;
 Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
 Обертываться гвѣдымъ туромъ золотые рога.

Сверхъ того, Волхъ обертывался горностаемъ, мурашикомъ, рыбою щукою, такъ что вся природа подчинялась его вѣщей силѣ; посредствомъ превращеній онъ былъ повсюду въ своей сферѣ, и въ лѣсу между звѣрями, и въ воздухѣ между птицами, и въ водѣ между рыбами.

Какъ отъ *Кія* образовалось прилагательное *Кіевъ*, такъ отъ *Волха*, названіе рѣки *Волховъ*; въ женскомъ родѣ *Волхова*, на примѣръ: „За тую за рѣченьку Волхову“, въ *Сборн. Рыбник.* стр. 24; въ Лѣтописи Новгородской: „черезъ Волхову рѣку,“ и даже въ среднемъ родѣ: „черезъ Волхово“. Отсюда понятно, почему безъ нарушенія грамматическаго смысла Волховъ, въ женскомъ родѣ, то-есть, *рѣка Волхова*, могъ сдѣлаться невѣстою Садки богатаго гостя.

Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было приурочено къ мѣстечку *Перыня* или *Перунь*, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ ¹, Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова, рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутвою. Какъ Днѣпръ былъ *Словутичъ*, то-есть, сынъ Словуты, такъ и другая столь же знаменитая въ древней Руси рѣка Волховъ былъ *Словеничъ*, сынъ Словена. Вѣроятно, оба эти названія, *Словута* или *Словутъ* и *Словенъ*, не что иное, какъ видоизмѣненіе одного и того же имени миѣческаго героя, родоначальника славянскихъ племенъ, поселившихся на Руси.

Согласно приведенной выше былинѣ о Волхѣ оборотнѣ, и письменное сказаніе въ хронографѣ повѣствуетъ, что Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различныя образы, и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ

¹ Смотри. мои *Историч. Очерк.* II, 8.

той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ, будто бы, тогда почиталъ его за Бога и называлъ его *Грономъ* или *Перуномъ*. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно въ какой-нибудь древней притчѣ): „въ боги сѣлъ“. И былъ этотъ окаянный чародѣй удушенъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ *Волховнаго* его городка, чтѣ нынѣ зовется *Перыня*. И со многими плачемъ отъ невѣждъ тутъ онъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризница просыпалась земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: „Иже и до нынѣ, яко же повѣдаютъ, знакъ ямы толъ стоитъ не наполняяся.“

Крокодилъ, очевидно, литературная замѣна эпическаго змія, залегающаго рѣки. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у Новгородцевъ, это мифическое существо называется *звѣрь-зміяка*, *Перюнь*, то-есть *Перунъ*¹. Будто бы этотъ звѣрь-зміяка жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ скитъ *Перюньской*, то-есть *Перынскій*, или *Перунскій*. Каждую ночь звѣрь-зміяка ходилъ спать въ *Ильмень* къ *Волховской коровницѣ*. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; но когда народъ крестился въ крещеную вѣру, зміяку *Перюня* бросили въ Волховъ. Зміяка поплылъ вверхъ по водѣ, и подплылъ къ старому своему жилью и взошелъ на берегъ. Князь *Владиміръ* опять велѣлъ его бросить въ рѣку, а на берегу на томъ мѣстѣ срубить церковь. Оттого церковь та назвалась *Перюньскою*, а потомъ и *Скитъ Перюньскій*.

Итакъ, очевидно, въ мѣстныхъ новгородскихъ преданіяхъ *Перунъ* смѣшивается съ стихійнымъ богатыремъ *Вол-*

¹ Якушкина *Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній*. стр. 118—119.

ховомъ, и оба представляются въ чудовищной формѣ змія или звѣря-зміяки.

Потопленіе низверженныхъ истукановъ языческихъ боговъ въ рѣкахъ поддерживало древнія преданія о мѣстическихъ рѣчныхъ божествахъ, и давало новые матеріалы для мѣстныхъ мѣвовъ. Какъ древнее чудовище живетъ въ рѣкѣ и ее задегаетъ, такъ и брошенный истуканъ, въ видѣ живаго существа, плыветъ по волнамъ, выбирая мѣсто гдѣ бы пристать къ берегу. Такимъ образомъ новгородскому преданію вполне соотвѣтствуетъ мѣстное кievское, записанное еще Несторомъ, о томъ какъ низверженный истуканъ Перуна былъ брошенъ въ Днѣпръ, проплылъ пороги, и потомъ былъ выброшенъ на рѣвнѣ: „И оттолѣ, говоритъ Несторъ, прослыша *Перуна на рѣвнѣ*, какъ и до сего дня словеть.“ Лѣт. I, 50. Итакъ, кievская Перуна на рѣвнѣ соотвѣтствуетъ Перуни новгородскихъ преданій.

Такъ какъ олицетвореніе въ эпическомъ стилѣ служитъ проводникомъ отъ мѣва къ внѣшнему, поэтическому украшенію, и такимъ образомъ становится обычною эпическою формою; то во многихъ случаяхъ очень трудно рѣшить, мѣвическое ли вѣрованіе дало начало иному олицетворенію и обращенію къ рѣкѣ какъ къ существу живому, или же эпическое настроеніе фантазіи, воспитанное чудеснымъ, независимо отъ древняго вѣрованія, въ своихъ причудливыхъ образахъ бессознательно сходится съ представленіями древнѣйшихъ мѣвовъ, основанныхъ на чествованіи воды и рѣкѣ. Племенамъ, расселявшимся по рѣкамъ, такъ естественно было обращаться съ вопросомъ или съ мольбою къ рѣкѣ, на берегахъ которой они нашли себѣ надежный пріютъ и родную осѣдность. Имъ кажется, что родная рѣка своими всплесками и неумолкаемымъ шелестомъ своихъ струй, сочувствуетъ ихъ заботамъ и готова помочь имъ. „Ай, Влтава! Что мутить ты воду серебрену? Или тебя всколыхала буря, нагнавши тучи на широкое небѣ, омывши вершины горъ зеленыхъ, размывши златопещаную глину?“ Такъ начинается Чехъ свою пѣсню о судѣ княжны Любуши надъ двумя братьями, которые вели тяжбу о наслѣдствѣ. Родная рѣка съ живѣйшимъ участіемъ отвѣчаетъ ему: „Какъ же бы я воды не мутила, когда ссорятся два родные брата о дѣдинѣ отчей, ссорятся круто между собою. Лютый Хрудошъ на рѣкѣ Отавѣ

кривой, златоносной, и Стяглавъ храбрый на рѣкѣ Радбужѣ холодной, оба брата, оба Кленовичи, рода стараго, Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками чеховыми въ эти богатые волости черезъ три рѣки? Слѣдуя національнымъ воззрѣнiямъ, Влтава опредѣляетъ рѣками и переселенiе чешскихъ родовъ, и ихъ размѣщенiе. Родоначальникъ перешелъ съ своими полками черезъ три рѣки; враждующiе брата поселились по рѣкамъ. Русская княжна Ярославна ¹, горя о своемъ мужѣ, съ искреннею мольбою обращается къ Дивпру Словутичу, чтобъ онъ прилежалъ къ ней ея мужа, чтобъ она не слала къ нему своихъ слезъ черезъ море. Когда ея супругъ, князь Игорь, спасается бѣгствомъ изъ плѣна отъ Половцевъ, рѣка Донецъ съ участiемъ говоритъ ему: „Княже Игорю! Не мало тебѣ величiя, а Кончаку нелюбiя, а Русской землѣ веселiя!“ Игорь отвѣчаетъ рѣкѣ: „О Донецъ! Не мало тебѣ величiя, что делѣялъ ты князя на своихъ волнахъ, постилалъ ты ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплою мглою подъ сѣнью зеленыхъ деревьевъ; стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми на вѣтрахъ!“ Какъ князь Игорь чувствуетъ свою судьбу связанною съ степными рѣками, во время своихъ воинскихъ набѣговъ; такъ и Садко Новгородскiй гость съ благодарностию относится къ рѣкамъ, потому что онѣ на своихъ волнахъ лелѣяютъ его торговля суда ². Опуская въ Волгу, въ видѣ жертвы, хлѣбъ съ солью, Садко благодаритъ ее за то, что, развѣзая по ней, онъ ни разу не видалъ надъ собою никакой „притки“ и скорби. Волга отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ, и посылаетъ съ нимъ поклонъ къ своему брату Ильмень-озеру. Когда Садко исполнилъ ея порученiе, Ильмень является ему въ видѣ удалаго добраго молодца, и спрашиваетъ: „Какъ же ты знаешь мою сестру Волгу рѣку?“ — „А я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, отвѣчаетъ Садко: съ вершины знаю ее и до самаго устья, до Нижняго царства Астраханскаго.“ Какъ Садко чествуетъ Волгу и Ильмень-озеро, такъ Илья Муромецъ свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскiе подвиги, на прощаньи, опустилъ онъ корочку хлѣба по Окѣ рѣ-

¹ См. Слово о полку Игоревѣ.

² Курши Давилова Древн. Росс. Стих. стр. 266.

кѣ, за то что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли ¹.

Вотъ еще былина о какомъ-то безыменномъ героѣ.

Бѣдетъ добрый молодецъ на чужую, дальнюю сторону ². Ему путь пересѣкаетъ рѣка Смородина. „А и ты мать, быстра рѣка Смородина! говоришь молодецъ: Ты скажи мнѣ, быстрая рѣка, про броды кониные, про мосточки каатиновы, про перевозки частые?“ Отвѣчаетъ ему рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей, будто какая миѣическая перевощица, какъ та старшая дочь Соловья Разбойника: „Съ броду коняго я беру по добру коню, съ перевозу по сѣду черкасскому, съ мосточку по удаму молодцу, а тебя, безвременнаго молодца, я и такъ пропущу.“ Проѣхалъ добрый молодецъ, самъ сталъ похваляться: „Вотъ, сказали про быстру рѣку Смородину, что ни пѣшему, ни конному не пройди, не проѣхать, а она хуже лужи дождевой!“ Заслышавъ то, рѣка Смородина кричитъ ему вслѣдъ душой красной дѣвицей: „Безвременный ты молодецъ! Забылъ ты за быстрой рѣкой свои два ножа булатные: вѣдь на чужой сторонѣ это оборона великая!“ Воротился молодецъ за рѣку, захватилъ свои ножи, и когда сталъ опять пересѣзжать рѣку, не нашелъ ужъ ни броду, ни перевозу, ни мостика. Такъ и поѣхалъ глубокими омутами. Ступилъ разъ, по черевъ конь утонулъ; ступилъ въ другорядъ—по сѣдечко; ступилъ третью ступень—ужъ и гривы не видать. Взмолился тогда добрый молодецъ рѣкѣ Смородинѣ; а она отвѣчала ему душой красной дѣвицей: „Не я тебя топлю, безвременный молодецъ, топить тебя твоя похвальба пагуба!“ Такъ и утонулъ добрый молодецъ въ Смородинѣ рѣкѣ, которую та же пѣсня величаетъ и *Москвою-Смородиной*.

II.

Каковы бы ни были побудительныя причины къ созданію этихъ образовъ и сценъ, миѣическія ли, основанныя на старой памяти, или уже чисто фантастическія, не

¹ См. *Замѣтку* г. Дала въ 1-мъ выпускѣ сборника Куртзескаго.

² Курт. Давылова стр. 296—8.

подкрѣпляемая никакимъ вѣрованіемъ, все же это не холодная, отвлеченная аллегорія, не случайная забава празднаго воображенія, а необходимая, типическая форма, въ которой выражаются тѣ же условія быта, какъ и въ мифахъ о богатыряхъ-рѣкахъ, и о родственной связи ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль къ склоняющимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько-нибудь поражающемъ воображеніе, въ странѣ умеренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ мифическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться, и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ горъ не нашлось на Руси приличной обстановки; вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣсистымъ равнинамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ было имъ остановиться, чтобы сгруппироваться въ великанскіе образы; нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только *синимъ*; потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его неприютную, волнующуюся пустыню, и вынесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чувствуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобъ въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще, называя его Водяникомъ, и давая ему въ супруги какую-то царицу Водяницу.

Мифологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуется воображенію титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими прихотливыми формами, и мерещатся испуганному воображенію страшными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и снѣгъ, грозятъ своею массою подавить ихъ скромныя жилища, и, возвышаясь надъ туманною поверхностію моря, нескрушимо отража-

ють отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя горы, по преданію сѣверной мифологіи, не что иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ. Его брови были употреблены на ограду, которою, какъ горными хребтами, жилища Асовъ и Вановъ, а также и простыхъ смертныхъ, отдѣляются отъ враждебной области суровыхъ великановъ. Чтобы понять какъ различны были условія окружающей природы, въ которыхъ воспитывалась эпическая фантазія русскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ занявшихъ горныя и приморскія страны, достаточно, напримѣръ, припомнить одинъ изъ космогоническихъ эпизодовъ финскаго эпоса *Калевала*.

Въ началѣ времянь не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ; были только воздухъ да вода. Въ пространствѣ жилищахъ воздуха обитала дѣвица *Ильматаръ*¹, прекрасная и цѣломудренная. Разъ спустилась она съ воздушныхъ высотъ на море: тогда вдругъ поднялась съ востока буря, море взволновалось, и дѣвица *Ильматаръ* понеслась надъ морскою равниной. И зачала она тогда въ своей утробѣ сына отъ вѣтра, и такъ съ дѣтищемъ въ утробѣ носилась она въ безпредѣльномъ пространствѣ 700 лѣтъ: все не могла разрѣшиться отъ бремени. Въ жестокихъ мукахъ, окочевѣвши отъ холода, горько она раскаивалась тогда, что не осталась *дѣвою на воздухъ*, и что спустилась на море, какъ *мать воды*. Въ утробѣ ея сидѣлъ не кто иной, какъ самъ *Вейнемейненъ*, герой и творецъ міра. Надоѣло *Вейнемейнену* сидѣть въ темной утробѣ своей матери, и онъ самъ себя проложилъ путь на свѣтъ. Родился онъ на морѣ, долго скитался по его поверхности, потомъ начинаетъ творить міръ. „Несется онъ по морю, такъ поетъ руна², гдѣ подниметъ голову—тамъ острова творить, куда рукою махнетъ—тамъ мысы, гдѣ ногою зацѣпнеть морское дно—тамъ рыбаць ямы роетъ. Гдѣ земля къ землѣ прибаивается, тамъ назначаетъ мѣста для неводовъ. Гдѣ онъ остановится—тамъ утесы и скалы, и мели надъ водою, гдѣ

¹ Въ переводѣ значить: дочь воздуха.

² Рунами называются пѣсни и эпизоды *Калевалы*.

разбиваются корабли и гибнутъ купцы.“ Тогда изъ земли Турьи прилетѣлъ орелъ, и парить въ воздухѣ, высматриваетъ, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо. Вейнемейненъ, будто великанъ-утесъ торчащій изъ моря, поднимаетъ свое колѣно въ видѣ „кочки покрытой густою травой“, и орелъ вьетъ на ней себѣ гнѣздо; потомъ снесъ онъ семь яицъ. Вейнемейненъ чувствуетъ, что колѣно его согрѣвается, онъ потрянулъ имъ, и яйца падаютъ на дно моря и разбиваются. Изъ разбитыхъ яицъ Вейнемейненъ творить землю, солнце, луну и звѣзды, а самъ приговариваетъ вѣщія слова: „Будь, исподняя скорлупа, землею, а верхняя небомъ! Свѣтися, бѣлокъ, на небѣ солнцемъ, а ты, желтокъ, разгоняй ночную темноту луною! А чтѣ осталось отъ яицъ, пусть пойдетъ на звѣзды!“

Громадные размѣры далекаго моря съ гигантскими утесами, надъ которыми въ видѣ дочери воздуха носятъ тучи, и отъ морскихъ вѣтровъ зараждаютъ въ своей утробѣ творца міровъ—эти необъятныя размѣры эпической фантази Финновъ, вызванныя самою природою,—въ эпосѣ славянскомъ, тоже соотвѣтственно условіямъ природы и быта, сокращаются въ умѣренныя формы рѣкъ съ крутыми, красными берегами. Всемирный змій—Океанъ сѣверной мѣтеорологіи, охватывающій всю землю, въ эпосѣ русскомъ сжимается въ мелкія черты змія рѣчнаго или звѣря-зміяки, который вступаетъ въ связь съ какою-то Волховскою коровницею. Морскіе утесы смѣняются красными берегами, и самое слово *Berg*, то-есть гора—грамматически переходитъ въ форму *брегъ* или *берегъ*.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ возрѣвнѣй воспитанныхъ мѣтеорологіей и эпосомъ, надобно объяснять почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ живущихъ въ рѣкахъ, то-есть о *русалкахъ*, между тѣмъ какъ *вилы*, свѣтлые геніи воздуха, существа горныя, вполнѣ соотвѣтствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ, который, оставивъ за вилами воздушныя жилища и воинственность валькирій, смягчилъ однако суровость этихъ приспѣшницъ богини Фрей, придавъ имъ граціозныя очертанія античнаго стиля. Въ воображеніи Болгаръ доселѣ живутъ вмѣстѣ и вилы подъ именемъ *самовилы* и русалки подъ именемъ *самодивы*; и, вѣро-

ятно, послѣднее названіе имѣеть много общаго съ упомянутыми выше великанами *дивами*, нѣкогда существами свѣтлыми и прекрасными.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ аріискіи родины, а у другихъ Славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ мифическомъ ихъ значеніи у Славянъ. Такъ у Горенскаго мыса, близъ Руяны, есть скала, имя ей *Божій Камень* (*божь-камень, buskaht*); близъ Будешина двѣ горы своими названіями напоминаютъ дуализмъ *Зендавесты*, именно: *Бѣлый богъ* и *Черный богъ*¹.

Преданіе о мифическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, *лежащаго* именно *на горѣ*. Объ этомъ повѣствуетъ одинъ изъ эпизодовъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ². Однажды слышалъ онъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомерной, котораго и земля не держитъ, и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ померяться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора*. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ зацѣпилъ я за сучокъ,“ говоритъ великанъ. Илья напрягнувъ всю свою силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ,“ говоритъ великанъ. Потомъ, оборотаясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: „А! это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ! Меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней.“

Итакъ, этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ: ясно, что гора сильнѣе земли. Такія несообразности очень не рѣдки въ народныхъ пре-

¹ Слѣд. *О елім. христіанства на слав. яз.* стр. 56.

² Замѣтка Аксакова, въ 1-мъ выпускѣ сборника Куртэвскаго.

даніяхъ, но, что особенно любопытно, иногда отлично объясняются они воззрѣніями и вѣрованіями первобытной эпохи зарожденія мифовъ и языка. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ блистательное подтвержденіе русскому мифу находимъ въ одномъ изъ названій горы по-санскритски: *поддерживающая* или *держащая землю*¹, такъ что гора, по этому названію, представляется какъ бы пьедесталомъ для какого-нибудь мифическаго существа, и именно для богини земли или матери-сырой земли. Согласно этому воззрѣнію, русскій великанъ дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, точно такъ какъ древній Атласъ поддерживалъ небо, то поддержитъ и его.

Уже въ древнѣйшую эпоху Чехи также представляли себѣ мифическаго великана лежащимъ на горѣ, или носимымъ горою, какъ это видно изъ древняго названія Исполиновыхъ горъ: *Кръко-ноша*, то-есть, несущая чешскаго героя *Крока*, отца княжны Любуши и ея двухъ мифическихъ сестеръ,—или же несущая польскаго мифическаго героя *Крака*, которому преданіе приписываетъ основаніе города Кракова.

Нѣкоторыя мифическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ отечественнаго прозвища *Горыничъ*, *Горыничце*, *Горыничка*, то-есть рожденный или рожденная отъ горы или *Горыни*. Такъ мифическій змій русскаго эпоса прозывается *Змій Горыничъ*; исполинская чародѣйка—*Баба-Горыничка*.

Арійскій прототипъ нашихъ *Горыничей* сохранился въ мифическихъ герояхъ *Бергъ-васахъ*, дѣтяхъ *Бргу*, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамой (*праджанатис*). А *бргу* собственно значитъ гора, и отъ него отечественная форма *биргавасъ-горыничъ*.²

Слѣдуя древне-арійскимъ преданіямъ, сѣверная мифологія признаетъ Тора соотвѣтствующаго нашему Перуну, сыномъ Горы, то-есть Горыничемъ, потому что матерью

¹ *Бу-дара* (б и д придыхательные): сложено изъ *бу*—земля, *дара*—несущій или держащій.

² Б въ обоихъ словахъ придыхательное. Отъ санскритск. *бргу* происходятъ нѣм. *Berg* и наше *берегъ*, *берегъ*. Слич. Pictet, *Les Origines Indo-europ.* Стр. 125—127.

его была *Fjörgyn* (гора); также и Фрея была Горынянка, отъ отца *Fjörgynn* (гора).¹ Вообще сѣверные великаны горъ носятъ названія, происшедшія отъ слова *berg* (санскритски *бргу*, то-есть гора): то-есть они или самыя горы, или горыничы.²

Такъ какъ мифы о титаническихъ существахъ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ космогоническимъ ученіемъ о происхожденіи міра, стихій, растеній, металловъ; и такъ какъ названія предметовъ въ языкѣ часто соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ, воспитаннымъ мифологіею и бытомъ народа: то, говоря о горыничахъ, нельзя не упомянуть о санскритскомъ названіи желѣза *gīrīdṛja*, что слово въ слово значитъ: рожденный отъ горы.³

Дѣйствительно, космогоническій эпосъ внесъ въ свои эпизоды, какъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ, мифъ о происхожденіи металловъ вообще, и въ особенности желѣза. Согласно національнымъ воззрѣніямъ и условіямъ мѣстнымъ, въ наибольшей свѣжести этотъ мифъ сохранился въ Финской *Калевалѣ*.

„Воздухъ всему мать, такъ разказывалъ самъ Вейнемейненъ: вода старшая сестра⁴, желѣзо—младшій братъ, а средній между ними огонь. Укко⁵, творецъ всего, Богъ на небѣ, отдѣлилъ воду отъ воздуха, а отъ воды землю. Только не было желѣза. Тогда Укко, воздушный богъ, потеръ себѣ руки и приложилъ къ лѣвой колѣнкѣ: и родились оттого три прекрасныя дѣвицы, три матери металловъ⁶. Отъ желтаго молока первой родилось золото, отъ бѣ-

¹ Скандинав. *Fjörgyn* женск. рода и *Fjörgynn* муж. рода, имѣютъ при себѣ въ готскомъ *fairguni*—гора, средн. рода.

² См. Вейнгольда: *Die Riesen des Germanischen Mythos*, въ *Sitzungsberichte d. Philol.-historischen Classe d. Kais. Academie d. Wissenschaften*. 1858 г. Февраль.

³ Сложено изъ *gīrī*—гора и *dṛja*—рожденный. Ближе всѣхъ къ этому слову литовское *gėležis*, съ обычнымъ переходомъ древнѣйшаго *p* въ позднѣйшее *l* и *i* въ *e*. Наше *железо* есть смягченная форма литовской.

⁴ Въ подлинникѣ, братъ.

⁵ Укко верховное божество, собственно *днѣ*.

⁶ Точно такъ и отъ колѣны Имира происходитъ первое на землѣ челоукообразное существо, согласно индійскому мифу о происхожденіи частей отъ головы, рукъ и ногъ Браны. Слич. въ русскомъ стихѣ о *голубиной книгѣ*:

Завелось крестьянство православное,

Отъ того колѣна отъ Адамова. (Сборн. Варяцова стр. 22.)

лаго молока другой—серебро, а отъ чернаго молока третьей—жельзо. Только что родилось на свѣтъ жельзо, захотѣлось ему повидаться съ своимъ милымъ старшимъ братцемъ, съ огнемъ. Но огонь страшно ярится, забираетъ силы, хочетъ спалить несчастнаго, своего милаго брата жельзо. Жельзо бѣжитъ, спасается приткимъ бѣгомъ отъ яростной силы (кулаковъ) огня, отъ злой пасти пламени. И спасается жельзо въ зыбучихъ болотахъ, въ гремучихъ ручьяхъ, и на пологихъ скатахъ горъ, гдѣ несутъ яйца лебеди, гдѣ вьютъ себѣ гнѣзда гуси... Но по болотамъ рыщутъ волки, по степямъ ходятъ медвѣди: подъ ногами волка трясется болото, поцѣ лапами медвѣдя перегибается поле: жельзо выходитъ наружу, гдѣ пробѣжитъ волкъ своими ногами, гдѣ ступитъ медвѣдь лапою. И родился Ильмариненъ (это вѣщій кузнецъ финскаго эпоса), родился и выросъ, на угольной горѣ родился, на угольномъ полѣ выросталъ, съ мѣднымъ молоткомъ въ рукѣ, съ клещами въ кулакѣ.. Онъ собираетъ жельзо, и, расковывая его на огнѣ, готовить оружіе и всякую утварь.“

Огненный, летучій змій Горыничъ, или Горыничъ, по русскому эпосу, живетъ въ пещерахъ и хранитъ драгоценные металлы, такъ же какъ скандинавскій змій Фафаръ хранитъ роковой кладъ Нифлуговъ. Еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ богатырь Добрыня Никитичъ¹ пошелъ купаться на Изрой рѣку. Струя подхватила Добрыню и унесла въ пещеры бѣлокаменныя къ лютому змию. Поразивъ змія и дѣтей его, Добрыня

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змища Горыничъ,
Нашелъ онъ много золота, серебра.

Остатокъ великановъ горной породы, во всей ясности, сохранилъ русскій эпосъ въ колоссальномъ типѣ *Святогора*². Уже самое имя его указываетъ на связь съ *горой*. Живетъ онъ на *Святыхъ Горахъ*. Святыми называются онъ, конечно, не въ христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь полу-

См. юридич. значеніе *кольна* въ устройствѣ кѣмецкой семьи. Ia. Grimm, *Deutsche Rechtsalt.* Стр. 468. Старшій въ родѣ по-русски называется *кольно*, откуда *кольно* и *поколѣніе* въ смыслѣ рода-племени.

¹ Курш. Давил., стр. 345 и слѣд.

² Сборникъ Рыбник., стр. 35, 33.

чила свой эпитетъ *святан*, первоначально безъ всякаго отношенія къ *святости* православія, потому что безъ самыхъ пошлыхъ натяжекъ никоимъ образомъ нельзя объяснить этого эпитета съ исключительно-христіанской точки зрѣнія. Какъ упомянутого выше исполнна горы *земли не держитъ*, потому и лежитъ онъ на горѣ, такъ и о Святогорѣ говорятъ Ильѣ Муромцу калки перехожіе:

... Не выходи драться
 Съ Святогоромъ богатыремъ:
 Его и земля ни събѣ черезъ силу носитъ.

По одному варианту Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое. Онъ хотѣлъ поднять *землю*, но и его силы на то не хватало. Съ натуго

По козѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
 А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
 Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ.
 Тутъ ему было и кончаніе.

То-есть, погрязшій по козѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли, будто скала.

Русскій мифъ о превращеніи младшихъ богатырей въ камни или скалы, вѣроятно, первоначально относится къ великанамъ и богатырямъ породы старшей, или титанической. Въ послѣдствіи, когда и младшіе богатыри стали для народа стариною незапамятною, то и на нихъ онъ могъ перенести этотъ мифъ, какъ на существа необычайныя. Слѣдственно, несмотря на то что русскій эпосъ смѣшиваетъ разныя эпохи, и, не затрудняясь никакими анахронизмами, заставляетъ своихъ до-историческихъ богатырей быть современниками и Татаръ, и московскихъ царей, и Ермака, все же въ народѣ довольно ясно сознаніе о томъ, что богатырей давно уже на землѣ нѣтъ, что они жили когда-то въ первобытныя времена, при обстоятельствахъ совершенно иныхъ; что это были существа особенныя, вознесенныя изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, и своими личными качествами, своею сверхъестественною природою, и тою средой, въ которой дѣйствовали.

Этотъ важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса, основанный на мифѣ о великанахъ горныхъ и перенесенный

на младшихъ богатырей, во всей ясности обозначился въ былинѣ о томъ, *отчего перевелись витязи на святой Руси* ¹.

Однажды богатыри младшей эпохи и Владимірова цикла собрались на Сафать-рѣкѣ. Тутъ былъ Горденко Блудовичъ, Василій Казиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостивый Сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и наконецъ самъ Илья Муромецъ. На этой рѣкѣ произошла у нихъ битва съ Татарами (обыкновенный анахронизмъ). Богатыри одержали блистательную побѣду, и возгордились до того что въ своей похвальбѣ рѣшились вызывать на бой *силу нездѣшнюю, небесную*, то-есть, сверхъестественную, съ точки зрѣнія, конечно, миеологической. Только что вызвалъ Алеша Поповичъ силу нездѣшнюю, какъ явилось двое воителей, существа другаго міра, и храбро идутъ въ бой съ богатырями. Налетаетъ на нихъ Алеша Поповичъ, и со всего плеча разрубаетъ ихъ пополамъ, и къ великому удивленію, двое воителей не пали мертвыми, а только умножились: ихъ стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ Добрыня Никитичъ, перерубилъ ихъ пополамъ, и опять стало ихъ вдвое больше, и живы всѣ. Бросился на чудесныхъ враговъ самъ Илья Муромецъ, и еще разъ удвоилась сила нездѣшнихъ воиновъ. Тогда

Бросились на силу всѣ витязи,
 Стали они силу колоть, рубить...
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчуть...
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ ..
 Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
 Намахались ихъ плеча могучья,
 Уходились кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные...
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...
 Испугались могучіе витязи:
 Побѣжали въ каменья горы, въ темья пещеры...
 Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣтъ,
 Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣтъ,
 Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣтъ...
 Съ тѣхъ-то поръ и перевелась витязи на святой Руси.

¹ Напечатана въ *Сынъ Отеч.* 1856 г. № 26. Слѣд. мои *Историч. Очерки* II, стр. 13—14. Слозь этой былинны, очевидно, подновленъ.

Если подъ *нездѣшними* воителями, основываясь на выраженіи *сила небесная*, разумѣть ангеловъ, въ позднѣйшемъ, то-есть въ христіанскомъ смыслѣ; то возстаніе богатырей противъ нихъ, какъ страшное святотатство, и наказывается страшною казнью. Но такое объясненіе противно смыслу и нравственному такту народнаго эпоса. Ничто въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашихъ богатырей не заставляетъ предполагать въ нихъ святотатственнаго покушенія; потому что когда въ былинахъ они не выставляются врагами христіанскаго міра, и вообще русскій эпосъ избѣгаетъ всякаго враждебнаго столкновенія богатырей съ небесными силами, принимаемыми въ христіанскомъ смыслѣ. И зачѣмъ было христіанскимъ ангеламъ или святымъ вести бой на смерть и потомъ погубить всѣхъ этихъ богатырей, которыхъ такъ чествуетъ и дѣлаетъ народная фантазія? Это не совмѣстно съ законами справедливости и возмездія, которыхъ народный эпосъ свято держится въ приложеніи къ судьбѣ своихъ любимыхъ героевъ. Сверхъ того, самъ Илья Муромецъ, по народнымъ вѣрованіямъ, причисленъ къ лику святыхъ: какъ же онъ будетъ виновникомъ святотатственнаго возстанія противъ небесныхъ силъ христіанскаго міра?

Народъ чувствовалъ эту неловкость, происходящую отъ обоюднаго смысла *нездѣшной* силы; потому въ вариантѣ приведенной былины, изданномъ въ сборникѣ г. Рыбникова¹, удвоятся подъ ударами богатырей, не воители небесные, а *Татара*. А между тѣмъ, передъ этимъ чуднымъ явленіемъ, Илья Муромецъ только что возгордился, подумавъ:

„Еслибы была вся сила небесная,
 Прирубили бы и всю силу небесную.“
 Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:
 Разрубятъ Татарина единого—
 Сдѣлается два Татарина;
 Разрубятъ два Татарина—
 Сдѣлается четыре Татарина;
 Умножилось сила-войска поганого
 Во этоемъ во полѣ во чистоемъ.
 Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Эту силу поганую великую,
 И пересѣлся старый казакъ Илья Муромецъ:
 И *закаменѣши* конь его богатырскій
 На этоемъ полѣ на чистоемъ.

¹ Стр. 119.

Итакъ, Илья Муромецъ является даже главнымъ виновникомъ этой борьбы, и самый конь его каменьветъ. Но только съ точки зрѣнiя мифологической можно объяснить эту странную метаморфозу нездѣшной, свѣтлой силы въ поганую. Ясно, что въ борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣшными силами, надобно видѣть одну изъ тѣхъ мифическихкихъ катастрофъ, которыя выражаетъ народная фантазія у разныхъ народовъ, то въ возстаніи Титановъ противъ олимпійскихъ боговъ, то въ гибели Турсовъ и Гитовъ—сѣверныхъ великановъ—отъ молота бога Тора, то наконецъ въ конечномъ истребленіи свѣтлыхъ божествъ сѣверной мифологiи въ борьбѣ съ полчищами Суртура и чудовищнымъ отродьемъ злобнаго Локи.

Во всякомъ случаѣ, надобно полагать, что въ катастрофѣ нашихъ богатырей смѣшиваются двѣ эпохи: 1) Первобытная—низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой; и 2) позднѣйшая—гибель новыхъ божествъ и младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія уже новѣйшими, историческими переворотами. Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы: а *превращеніе* на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тождества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, мифическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое мифическое превращеніе соответствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ камнейветъ, которые, по греческому мифу, Девкаліонъ и супруга его, соответствующіе семитическому Ною и индоевропейскому Ману,—бросали позадь себя, и изъ каждаго камня рождался человекъ.

Наконецъ мифическое превращеніе въ послѣдствіи низводится до чародѣйскаго явленія, производимаго вѣщимъ словомъ. Такъ одна вѣщая женщина оборачиваетъ камнемъ Потока или Потыка Михайлу Ивановича, а сама приговариваетъ:

Гдѣ была душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ ставъ бѣлъ горючъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру землю !

† Рыбникъ. стр. 223.

То-есть, утесъ погрязъ въ землѣ, какъ Святогоръ въ приведенномъ выше эпизодѣ.

Титаническія, стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершавшихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, недовѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды, въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились по землѣ, и какъ существа одушевленные могли сдвигаться между собою и раздвигаться, по приказанію вѣщаго слова. Творецъ, устроитель земли Русской, Вейнемейненъ русскаго космогоническаго эпоса, подъ позднѣйшимъ именемъ Егорія Храбраго, ѣдетъ по Русской землѣ и—

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
 Лѣса съ лѣсами совивалися,
 Вѣтъя по землѣ разстилалися;
 Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
 Святой Егорій глагодуеть:
 „Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
 „Встаньте и разшатнитесь
 „Разшатнитесь, раскачнитесь...“
 Наѣзжалъ Егорій на рѣку быстрыя,
 На быстрыя на текуція:
 Нельзя Егорью проѣхати,
 Нельзя Святому подумати.
 „Ой вы еси, рѣки быстрыя!
 „Рѣки быстрыя, текуція!
 „Протеките вы, рѣки, по всей земли,
 „По всей земли свято-Рускіей,
 „По крутымъ горамъ по высокіимъ,
 „По темнымъ лѣсамъ по дремучіимъ...“
 Наѣзжалъ на горы на толкуція:
 Гора съ горой столкнулася:
 Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
 Егорій Святой проглагольвалаъ:
 „Вы горы; горы толкуція!
 „Ставьте вы, горы, по старому...“¹

Этой мифической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землею и водою соответствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти мифическія существа, одаренныя буйною силою, безъ вся-

¹ Г. Безсонова *Калѣки Перехожіе*, стр. 449 и слѣд.

кой урядицы блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно, законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ. Слагатели мифовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены, въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что, хотя они и не довѣряли недовѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихій, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда же дѣвались эти страшныя для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? — Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокаиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой онѣ навсегда улеглись.

III.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаменѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматорѣвшихъ вѣкахъ оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ въ очю какъ существо человѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное мифическими страшилами, не скоро могло свыкнуться съ тою мыслию, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для человѣка страшныя и непонятныя по своимъ дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, не одарены тою же разрушительною, сверхъестественною силой, отъ которой нѣкогда человѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ. Такимъ образомъ эпосъ о животныхъ (Thierfabel), въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, составляетъ существенное дополненіе къ народной космогоніи.

Тотъ же русскій Вейнемейнень, подъ видомъ Егорія ¹,
устроая изъ хаоса землю Русскую

Наѣзжалъ... на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучихъ;
А пастыя стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сѣстрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власть на нихъ, какъ ковыль трава...
Привѣжалъ Егорій къ птицамъ клеучиимъ,
Къ птицамъ клеучиимъ нагайщинамъ:
„Вы посаушайте, птицы клеучи,
„Птицы клеучи, нагайщины!
„Разлетайтесь, пропустите Егорья Храбраго...“
Наѣзжалъ на змѣи на огненные:
Изъ ротовъ пылитъ огонь-пѣломя,
Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.

По одному варианту, Егорій велѣлъ имъ рассыпаться по сырой землѣ, „во мелкіе дробныя черенъица“; по другому—цѣлое стадо звѣриное замѣняетъ того змѣя исполина, въ крови котораго потонулъ было Егорій:

Вынималъ Егорій сабаю острую,
Посѣкъ онъ, порубилъ стадо острое,
Стадо острое звѣриное;
Стаалъ же Егорій во крови во бѣлую грудь;
Втыкаетъ Егорій свое скипетро
Во матеръ во землю:
„О, матушка, сырая земля, разступися,
„На всѣ четыре страны раздвинулся,
„На четыре страны, на четыре четверти,
„Ты пожри кровь звѣриую, проклятую!“

Мифическія преданія о чудовищныхъ змѣяхъ и волкахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища, у Славянъ восходятъ къ глубокой древности ². Народъ *Неоры*, по свидѣтельству Геродота, жилъ въ странѣ лежащей на сѣверо-западъ отъ истоковъ Днѣстра, то-есть въ странѣ, которая до позднѣйшаго времени въ польской исторіи извѣстна подъ

¹ Безсомова, *Калѣки Переходіе*. Стр. 451. 473. 438. 418.

² Шафарикъ, *Славянскія Древности*, въ переводѣ г. Боляскаго. Т. I, кн. I. Стр. 322 и слѣд.

именемъ земли *Нурской*. Первобытныя ихъ жилища были, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но за сто лѣтъ до похода Даріева противъ *Скивовъ*, какъ свидѣтельствуешь тотъ же греческій историкъ, они принуждены были змѣни, частью расплотившимися въ ихъ край, частью же пришедшими къ нимъ изъ северныхъ пустынь, оставить свои прежнія жилища и искать пріюта у сосѣдняго и родственнаго племени, у Будиновъ. „Нравы ихъ, говоритъ Геродотъ, нѣсколько похожи на скиѳскіе; людей этихъ почитаютъ чародѣями. И точно. Скиѳы и Греки, жившіе въ Скиѳіи, разказываютъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ опять принимаетъ свой прежній видъ.“ Скиѳыли разумѣются подъ змѣями, которыя выгнали Невровъ, или что другое соотвѣтствовавшее до-историческимъ переломамъ и мифологическимъ ихъ представленіямъ,—во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что какія-то племена оставили память о междоусобной борьбѣ, выразившейся преданіемъ о *Волкахъ-Неврахъ гонимыхъ змѣями*. Извѣстный срокъ пребыванія Невровъ въ волчьей шкурѣ, безъ сомнѣнія, назывался *Волчьимъ временемъ*, которое, судя по названіямъ мѣсяцевъ, у Славянъ, Литвы и Нѣмцевъ, простиралось отъ ноября до февраля включительно¹; и, можетъ-быть, самое названіе зимняго времени, получившее свое начало отъ календарной системы, дало поводъ къ составленію мифа о превращеніи Невровъ въ волковъ. Этотъ мифъ, перешедшій въ вѣрованіе въ волколаковъ, или упировъ, вампировъ, и доселѣ самый популярный въ землѣ Нурской и въ сосѣднихъ краяхъ, особенно на Волыни и въ Бѣлорусіи. Вблизи къ этимъ странамъ нѣкогда обиталъ страшный и могущественный славянскій народъ, который, соотвѣтственно сказанію Геродота о превращеніи Невровъ въ волковъ назывался *Волками* или *Лютичами*, потомками *Люта* или *Лютаго* (то-есть, тоже волка, по эпитету, *лютый*). Самый край, гдѣ жилъ этотъ народъ, именовался *Волкомірѣ*, то-есть *Волчій міръ*. Мифъ о превращеніи въ волка еще во всей свѣжести процвѣталъ на юго-западѣ

¹ Февраль у Славянъ называется *Лютый* (по эпитету волка: *лютый зѣбрь*), а у Басковъ *Волчій мѣсяцъ*; у Латышей *Wilku mēnesis* (волчій мѣсяцъ)—декабрь, такъ же какъ и у Славянъ, *Волчій* или *Влченецъ*, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ въ старину *Wolfmanēt*—ноябрь.

Россіи во времена *Слова о Полку Игоревѣ*, гдѣ между прочимъ о князѣ Всеславѣ говорится, что онъ „людямъ судилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь *волкомъ рыскалъ*, великому Хорсу (богу) *волкомъ* путь перерыскивалъ“.

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена *Змиевъ*, *Волковъ*, *Лютыхъ Звѣрей* и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Миѣы о титанахъ давали этому вѣрованію большій просторъ; потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великанами. Такъ тѣ же *Волки* или *Лютичи* иначе называются *Велетами* или *Волотами*; а слово *Волотъ* на бѣлорусскомъ языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о Волотахъ сохранилась въ *волоткахъ*, какъ кое-гдѣ на Руси называются древніе курганы.

Змій-богатырь, соединяющій въ себѣ свойства змія и великана, въ нашемъ эпосѣ воспѣвается подъ именемъ *Тугарина Змиевича*, то-есть сынъ змія ¹.

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень
Промежь плечей косая сажень,
Промежду глазъ калена стрѣла.

Какъ великаны сѣвернаго эпоса, онъ отличается страшною прожорливостью:

По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть...
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ поатретья ведра.

Тѣмъ же хвастается другое чудовище русскаго эпоса, *Идолъ* или *Идолице Поганое*:

Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю ².

По сказкамъ, этотъ Идолице появился въ Кіевѣ къ великому бѣдствію князя и жителей. „Голова у него съ пивной котель, во плечахъ-то коса сажень, промежь бровей-то борозда со три пяди, промежь ушей-то пройдетъ калена

¹ Барш. Дамил. стр. 183 и слѣд

² Рыба. стр. 87.

стрѣла; а вѣсть-то онъ Идолице по цѣлу быку, а пьетъ-т онъ по пивному котлу“¹.

Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполина съ Тугаринымъ; потому Илья Муромецъ тѣми же словами осмиваетъ обжорство Идолица, какими Алеша Поповичъ—Тугарина:

У моего, сударя, батюшки,
Федора попа Ростовскаго,
Была коровица старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чашъ браги прѣсыя,
Отъ того она лопнула,—
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ;
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.

Илья Муромецъ говоритъ Идолицу:

У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У ёго была корова вѣдучая:
Она много пла-ла лопнула

Илья разсѣкъ Идолица пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ *Полканъ Полкановичъ*, который съѣдалъ заразъ цѣлаго быка, а брагу пилъ онъ изъ котла подымая его за уши, какъ изъ стопочки.²

Тугаринъ отличается отъ Идолица и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, летаетъ онъ на крыльяхъ по поднебесью.

Мѣстная кievская сказка повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкоторый змій обложилъ Кіевъ податью, взявая съ жителей себя въ жертву дѣвицъ, и какъ нѣкоторый силачъ Кожемяка избавилъ городъ отъ бѣдствія, умертвивъ змія. Слѣдствіемъ поръ будто бы и прозвалось урочище *Кожемяка*, по мѣсту жительства того силача³. Въ лѣтописи Нестора Змій замѣненъ соответственнымъ ему въ эпосѣ лицомъ, великаномъ, Печенѣжиномъ, котораго будто бы поражаетъ тоже Кожемяка. Сказаніе это приурочиваетъ Несторъ ко времени

¹ Куръевск. I, стр. XV.

² Замѣтка Даля въ Сборн. Куръевск. I, стр. XXXIV.

³ Кулаша *Записки о Южн. Росс.* II, стр. 27.

князя Владиміра и къ основанію города Переяславля (запе-
пера славу отрокъ-отъ).

Миѣ о чудовищномъ змѣѣ въ разныхъ концахъ нашего
отечества получили различныя мѣстныя видоизмѣненія.
Кіевскому Змію, убитому Кожемякою, соотвѣтствуетъ Нов-
городскій Зміяка-Перунъ и крокодилъ Волховъ. Въ Муромѣ,
на родинѣ Ильи Муромца, летучій Зміѣ введень въ
мѣстную легенду о Петрѣ и Февроніи. Зміѣ летаетъ къ
княгинѣ муромской и ведетъ съ нею любовную связь, при-
нимая на себя видъ князя Павла, брата знаменитаго Петра.
Петръ убиваетъ Змія, но отъ его крови весь покрывается
струпьями. Крестьянская дѣвица Февронья его исцѣляетъ
и выходитъ за него замужъ. Но особенно процвѣталъ миѣ
о чудовищномъ Зміи въ сосѣдней съ Муромомъ землѣ Ря-
занской, откуда былаина ведетъ родъ Добрыни Никитича.
Этотъ богатырь, какъ уже приведено выше, еще въ юности
своей прославился искорененіемъ лютаго Змія Горынчица
и всего его рода, освободивъ изъ его пещеры свою тетку,
сѣдовательно сестру князя Владиміра.

Послѣ Змія, особеннаго вниманія въ нашемъ эпосѣ заслу-
живаетъ чудовище-великанъ *Соловей Разбойникъ*. Его натура
какъ-то двоятся: то онъ разбойникъ и залегаетъ дорогу, то
онъ какъ чудовище, шипитъ по змѣиному и зрѣваетъ по
звѣриному; то онъ, какъ птица, гнѣздится въ гнѣздѣ на
семи дубахъ, а семья его живетъ въ палатахъ на широкомъ
дворѣ. Какъ существо отличное отъ прочихъ смертныхъ,
онъ съ своею семьей составляетъ особую породу. Всѣ его
лѣти на одно лицо. На вопросъ Ильи Муромца о причинѣ
этого, Соловей отвѣчаетъ:

Я сына-то вырощу, за него дочь отдамъ ;
Дочку ту вырощу, отдамъ за сына,
Чтобы Соловейкинь родъ не переводился.

Дочери у него были вѣщія. Старшая изъ нихъ даже по
имени своему носитъ характеръ чудовищный: она звалась
Неселъ, по имени одной изъ двѣнадцати сестеръ лихора-
докъ, которыя ходятъ по свѣту и мучатъ родъ людской.
По другому варіанту старшая дочь его была перевощицею,
какъ бы олицетвореніемъ рѣвки Смородины, какъ ужъ это
было показано. Девять сыновей Соловья или девять зятьевъ,

спасаясь отъ Ильи Муромца, обратились въ вороновъ, съ желѣзными клювами. Они какъ оборотни живутъ въ вороньихъ перьяхъ и понынѣ ¹.

Русскій эпосъ приписываетъ Соловью разбойнику титаническую натуру, потому что рассказываетъ о немъ то же самое, что сербскій о дивскомъ старѣйшинѣ, въ пѣснѣ, на которую было указано по поводу мѣта о дивахъ. Какъ въ сербской пѣснѣ царица, прогнанная своимъ мужемъ, вмѣстѣ съ сыномъ Іованомъ попадаетъ къ дивамъ, и предаетъ своего сына дивскому старѣйшинѣ, съ которымъ вошла въ любовь; такъ и въ одной малорусской сказкѣ ² царица съ своимъ сыномъ бѣжитъ отъ своего мужа и, тайно отъ сына, заводитъ любовь съ Соловьемъ Разбойникомъ. Какъ сербская царица, чтобъ извести своего сына, по совѣту дивскаго старѣйшины, притворяется больною и проситъ сына, чтобъ онъ для исцѣленія ея добылъ ей яблокъ съ дерева, которое стережетъ лютый змій; такъ и малорусская героиня, притворившаяся больною, тоже по наущенію Соловья Разбойника, проситъ сына добыть ей сначала вишни-черешни изъ саду Яги-Бабы, потомъ воды изъ источника, который стерегутъ двѣнадцать змиевъ. И сербскій и малорусскій богатырь успѣшно выполняютъ задачу. Тогда тотъ и другой подвергаются одинаковому бѣдствію по коварству своихъ матерей: оба лишаются зрѣнія. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья Разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ Змій ³.

Сказанія о великанахъ-чудовищахъ въ русской лѣтописи трактуются только съ точки зрѣнія исторической. Это могущественные народы, съ которыми нѣкогда наши предки должны были вести борьбу. Какъ исполины русскаго эпоса перевелись на Святой Руси, превратившись въ камни и скалы, такъ и эти дикіе народы гибнуть, не оставляя по себѣ ни племени, ни наслѣдія. Именно въ этомъ смыслѣ передается Несторомъ извѣстное сказаніе объ Обрахъ.

¹ Сборн. Курѣвскаго. 1, стр. 28, 37, 43, 81, 57. Тамъ же Захѣтка Даля, стр. XXXIII.—Сборн. Рыбник. стр. 57.

² Сказка о Соловьѣ Разбойникѣ и Слѣпомъ Царевичѣ въ *Записк. о Южн. Рос.* Кулиша. II, стр. 48.

³ Слѣч. въ 1-й части моихъ *Историч. Очерковъ*, въ главѣ о *Славянск. Сказкахъ*.

Есть, говоритъ онъ, притча въ Руси, и до сего дни: „Погибоша аки Обре“—а *Обръ* у Славянъ ¹ значить великанъ вообще. Согласно тому Несторъ свидѣтельствуеъ: „Быша бо Обре тѣломъ велици и умомъ горди.“ Мѣстная Дулѣбская сказка разказываетъ, что, покоривъ Дулѣбовъ, они ихъ мучили, запрягая ихъ жевъ въ телегу, по три, по четыре и по пяти.

Другая сказка, полянскаго или кievскаго происхожденiя, хотя не говоритъ прямо о великанахъ, но, въ общемъ европейскомъ эпосѣ, составляетъ эпизодъ о борьбѣ европейскихъ племенъ съ Гунами. Извѣстно, что Готы отличали себя оружіемъ отъ Гуновъ. Въ латинскомъ переложенiи пѣсни о Вальтерѣ (Аквитанскомъ) Готы дерутся мечами обоюдоострыми, а Гуны—саблями. ² Мѣстная полянская сказка повѣствуетъ, что Поляне платили Козарамъ дань—*отъ одной мечъ*. Козари, принесши мечи къ своему князю, говорили: „Вотъ нашли мы новую дань!“ А на это бывшіе тутъ старцы сказали: „Не къ добру эта дань, княже! Мы доискались Полянъ оружіемъ обѣ одной сторонѣ, то-есть, саблями, а вотъ ихъ оружіе обоюду остро, то-есть, мечъ. Они съ насъ будутъ брать дань, и съ иныхъ земель.“ Такъ и было.

Печенѣги тоже саблями сражались. Когда Святославовъ воевода Претичъ заключилъ перемиріе съ печенѣжскимъ княземъ, то получилъ отъ него въ даръ коня, стрѣлы и *сабли*; а самъ ему подарилъ броню, щитъ и *мечъ*. Миѣ о великанахъ былъ примѣняемъ къ Печенѣгамъ, какъ уже это упомянуто по случаю борьбы кожевника съ печенѣжскимъ великаномъ, соответствующимъ змию мѣстнаго сказанiя кievскаго.

Особенно знаменита была у насъ въ древности сказка обѣ единоборствѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Касожскимъ княземъ Редедю, котораго Несторъ характеризуетъ великаномъ: „бѣ бо великъ и силенъ Редедя.“ Этимъ единоборствомъ должна была рѣшиться участь войны. Если одолѣетъ Мстиславъ,—возьметъ у Редеди его жену, дѣтей и все имѣніе; а если одолѣетъ Редедя, все заберетъ у Мсти-

¹ Чешск. *Обръ*, древне-польск. *Обръжимъ*, потомъ *Ольбръжимъ*.

² Jac. Grimm u. Schmeller, *Lateinische Gedichte des X. und XI. Jahrh.* стр. 75.

слава. Противники сдѣлились другъ съ другомъ не оружіемъ, а въ рукопашную. Когда Мстиславъ сталъ изнемогать, обратился съ мольбою къ Богородицѣ, обѣщаясь ей соорудить церковь, если одолѣетъ. Богородица помогла, и Мстиславъ построилъ во имя ея храмъ въ Тмуторакани. Уже въ XI вѣкѣ это сказаніе воспѣвалось въ пѣсняхъ, какъ свидѣтельствуется *Слово о Полку Игоревѣ* о пѣвцѣ Боянѣ, который между прочимъ пѣлъ пѣсню храброму Мстиславу, „который зарѣзалъ Редедю передъ полками ка-сожскими.“ Потому, можетъ-быть, позволительно видѣть больше нежели простую случайность въ сходствѣ одного эпизода изъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ съ этимъ древнимъ сказаніемъ, такъ рано усвоеннымъ въ народной поэзіи. Этотъ эпизодъ имѣетъ предметомъ единоборство муромскаго богатыря съ великаномъ Жидовиномъ ¹.

Сходили молодцы рукопашкою;
Первой день водились до вечера,
И темну ночь водились до бѣла свѣта;
Другой день водились до вечера,
И темну ночь до бѣла свѣта;
Да и третей день водились до вечера.
Тогда упалъ да на сѣру земаю
Старой казакъ Ильѣ Муромецъ
Только молится Спасу съ Богородицей:
„Не дай меня поганому на поруганіе!
„Буду я служить до свѣту до вѣку,
„За тѣ церкви за Божию,
„За тую вѣру за крещеную!“

До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ Татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки. Мѣстное смоленское сказаніе о витязѣ Меркуріи заставляетъ его бороться съ татарскимъ исполиномъ. Меркурія убиваетъ, по одной редакціи, сынъ этого исполина, по другой—какой-то прекрасный воинъ, существо свѣтлое ². Это кажущееся противорѣчіе объясняется переходомъ свѣтлыхъ существъ, *дивовъ*, въ враждебныхъ великановъ и чудовищъ.

¹ *Кирѣевск.* I, стр. 53—54.

² *Мои Историч. Очерки.* II, 195.

Въ одной пѣснѣ позднѣйшаго склада 'какой-то русскій дворянинъ выходитъ въ бой съ великаномъ-чудовищемъ, которое называется *Чудо поганое*:

А Чудо поганое о трехъ рукахъ.

Дворянинъ прирубилъ у него *всѣ головы*. Но за Чудо вступаются *идолица* поганые и одолеваятъ русскаго вѣтазя.

Художественныя формы средневѣковаго стиля, византийскаго и романскаго, во многомъ объясняемая миеологіею и народнымъ эпосомъ, могли поддерживать въ творческой фантазіи склонность къ чудовищнымъ и исполинскимъ образамъ. Какъ эпосъ воспѣвалъ необычайныхъ исполиновъ, будто бы предшествовавшихъ появленію обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и живописныя и скульптурныя произведенія наивно отличали святыхъ отъ простыхъ людей исполинскимъ ростомъ. Эпосъ повѣствовалъ о борьбѣ богатырей съ зміями, лютыми звѣрьми и другими чудовищами: и суевѣрная фантазія находила подтвержденіе этимъ повѣствованіямъ въ чудовищныхъ сюжетахъ барельефовъ или прилѣповъ, которыми украшались храмы романскаго стиля. Изъ смѣси художественныхъ формъ этого чудовищнаго стиля съ преданіями народныхъ миеовъ выходили новыя повѣрья и новые образы, въ которыхъ произведенія народной фантазіи оправдывались христіанскою легендой и средневѣковымъ ученіемъ о природѣ, распространявшимся въ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ фізіологій или бестиаріевъ. Потому, чуть ли не до эпохи Возрожденія и Реформаціи, народная миеологія и эпосъ вносили свои элементы въ искусство и литературу, содѣйствуя живучести темныхъ суевѣрій и предрасудковъ. Оторванный отъ своей первобытной миеической¹ основы, эпосъ не переставалъ однако возраждать новыя формы, питался легендами, демонологіей и вообще мечтательнымъ настроеніемъ умовъ, символическимъ и мистическимъ.

Позднѣйшая сказка объ основаніи Москвы² состоитъ

¹ Кирш. Данил. стр. 379.

² По сборнику XVII в., принадлежащему мнѣ.

именно изъ этихъ смѣшенныхъ элементовъ. „Повѣхалъ князь великій Данило Ивановичъ изыскивать мѣста, гдѣ ему создать градъ престоольный княженію своему. И взялъ съ собою Гречина, именовъ Василя, мудраго и вѣдающаго чемъ впередъ быть. И выѣхалъ съ нимъ въ островъ темный непроходимый, а въ немъ болото великое и топкое. И по среди того болота увидѣлъ великій князь Данило Ивановичъ *звѣря превеликаго и пречуднаго, троеглаваго и крѣпкаго*. И спросилъ онь Василя Гречина: что есть видѣніе сего чуднаго звѣря? И сказалъ ему Василій Гречинъ Великій княже! На семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ распространится царство треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди: это прообразуетъ звѣрь се троеглавый; различные же на немъ цвѣты—то есть от всѣхъ странъ учнутъ въ немъ жить люди“.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ө. БУСЛАЕВЪ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА

Изверженіе Арарата, описанное Вагнеромъ, не могло не возбудить въ Абихѣ желаніе изслѣдовать его на самомъ мѣстѣ, и сравнить съ тѣми изверженіями, которыя происходили въ другихъ вулканахъ. Абихъ отправился на Кавказъ въ 1844 году. Сначала онъ думалъ пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; но, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ тамошними гигантскими переворотами и съ тамошнею великолѣпною природою, онъ рѣшился оставить свои университетскія занятія и все время посвятить изслѣдованію Кавказа. Дѣйствительно, съ 1844 года онъ почти постоянно находился на Кавказѣ, и пользовался всѣми случаями для изученія этой дикой и непріязненной страны².

Переходя отъ путешествій Дюбуа и другихъ къ описанію Кавказа Абихомъ, мы несколько испытываемъ такое же чувство, какое испытываетъ всякій, когда онъ изъ какой-либо живописной страны вступаетъ въ сухую песчаную степь, только изрѣдка, кое-гдѣ оживленную небольшими базисами. Это происходитъ, вопервыхъ, оттого что сочиненія Абиха чисто ученныя, академическія, исключительно относящіяся къ одному предмету, и слѣдовательно не представляющія того разнообразія,

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

² По ходатайству покойнаго министра Кавкрина, Абихъ былъ причисленъ къ горному вѣдомству, которое съ того времени и доставляло ему всѣ необходимыя пособія для продолженія его занятій на Кавказѣ. Петербургская академія наукъ также приняла его въ число своихъ сочленовъ.

какое мы встрѣчаемъ у Дюбуа, Эйхвальда и другихъ; вторыхъ, отъ самаго способа изложенія: Абихъ не обладаетъ тою завидною способностію, которая умѣетъ живописать предметы, то-есть группировать ихъ такимъ образомъ, чтобы болѣе существенные изъ нихъ выдавались выпуклѣе другихъ менѣе существенныхъ, и чтобъ одни не были заслоняемы другими. По недостатку такого группированія, изложеніе Абиха не всегда имѣетъ ту ясность, какаѣ необходима во всякомъ, и особенно ученомъ сочиненіи. Къ этому присоединяется у него еще одно неудобство: это весьма тяжелый языкъ. Абихъ, повидимому, боится унижить себя до обыкновенной рѣчи, и выражается иногда чрезвычайно вычурно. Впрочемъ, всѣ означенные недостатки щедро выкупаются у него богатствомъ содержанія.

Самое послѣднее и самое капитальное сочиненіе Абиха о Кавказѣ явилось въ 1859 году, а до того времени мы знали объ его изслѣдованіяхъ только по отдѣльнымъ статьямъ, которыя помѣщались имъ въ запискахъ Петербургской академіи наукъ и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Эти статьи служили подготовкой къ вышеозначенному сочиненію, и потому необходимо должны быть рассмотрѣны нами предварительно.

Для краткости мы остановимся только на самыхъ замѣчательныхъ изъ этихъ статей, и разберемъ ихъ по времени появленія въ печати.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ *Восхожденіе Абиха на Араратъ*, послѣдовавшее 29 іюля 1845 года.¹

Въ первый годъ своего пребыванія на Кавказѣ, Абихъ поставилъ для себя задачей изслѣдовать Араратъ съ его окрестностями, и тѣ измѣненія, которыя произведены въ немъ предыдущею катастрофой. Но собственно онъ успѣлъ осмотрѣть только окрестности Арарата, попытки же его изслѣдовать самый Араратъ (Большой) и взойдти на его вершину въ этомъ году оказались невозможными. Причиной этого было то, что Абихъ не успѣлъ ознакомиться съ тамошними климатическими особенностями. Для удачнаго восхожденія на Араратъ, необходима постоянно ясная и безвѣтренная погода, а такое состояніе атмосферы во всей Ар-

¹ См. *Горн. Журн.* 1846 г. Ч. II. стр. 109.

меніи устанавливается только въ извѣстное время года, именно въ началѣ августа. По прошествіи же этого времени, въ высшихъ слояхъ атмосферы тотчасъ начинается борьба метеорологическихъ экстремовъ, борьба, которая, по весьма естественной причинѣ, всего сильнѣе разыгрывается около вершинъ Арарата; она обыкновенно обнаруживается сильными и внезапными грозами, частымъ паденіемъ града и сильными вихрями, поставляющими путешественника въ большую опасность. Эта борьба, ежегодно повторяющаяся, оставила неизгладимые слѣды даже на самомъ Араратѣ: трахитовыя или андезитовыя скалы, образующія вершину Малаго Арарата, отъ частаго паденія молніи просверлены такимъ множествомъ отверстій, что онѣ сдѣлались совершенно ноздреватыми и ломкими, какъ дерево источенное червями. На вершинѣ Большаго Арарата Абихъ не могъ отыскать подобныхъ слѣдовъ, но видѣлъ ихъ на верхнихъ скалахъ Алагеза, хотя и не въ той степени, какъ на Маломъ Араратѣ.

Незнаніе этихъ особенностей тамошняго климата, повторяю, было причиною, почему три попытки Абиха въ 1844 году взойти на вершину Большаго Арарата были неудачны. Онъ предпринималъ ихъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября, въ такое время, когда погода бываетъ наиболѣе непостоянна. Въ слѣдующемъ году Абихъ избралъ для этого самое окончаніе іюля, и предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Намъ уже извѣстно изъ прежнихъ описаній, что Большой Араратъ съ сѣверо-восточной стороны имѣетъ огромный провалъ, называемый долиною Св. Іакова, и служащій естественнымъ разрѣзомъ для изслѣдованія внутренняго образованія горы. Это то же самое что знаменитая долина Val del Bove, на Этнѣ, въ Сициліи. Но кромѣ этой главной разсѣлины, въ верхнихъ частяхъ Арарата есть много другихъ разсѣлинъ, также весьма значительныхъ. Скалистыя стѣны ихъ, состояція изъ чернаго вулканическаго шлака, большею частію выходятъ изъ-подъ снѣга, и образуютъ непрерывныя гряды, направляющіяся отъ самой вершины до той линіи, гдѣ покатости становятся уже не такъ круты. Одна изъ таковыхъ разсѣлинъ, по описанію Абиха, должна была имѣть особенную важность во время изверженій Арарата. Она расположена вдоль

ската, обращеннаго къ Малому Арарату. Скалы, служащія для нея стѣнами или окраинами, чрезвычайно остры, и потому почти никогда не бываютъ покрыты снѣгомъ, даже зимою; съ наступленіемъ же теплаго времени, лучи полуденнаго солнца, усиленные чернымъ цвѣтомъ шлаковъ, расплаютъ на нихъ и послѣдніе снѣга, кое-гдѣ не свѣжаныя вѣтромъ. Этотъ-то скалистый гребень, совершенно голый, и представляющійся со стороны Нахичевани двойною черною гривой серебристой главы Арарата, и былъ избранъ Абихомъ какъ бы естественною лѣстницею для восхожденія на вершину. Дѣйствительно, онъ для этого чрезвычайно удобенъ, потому что наклоненіе его, и самаго ската, по которому проходитъ этотъ гребень, въ среднемъ числѣ, какъ показали измѣренія, не болѣе 32°.

Въ ожиданіи эпохи, почитающейся самою удобною для восхожденія на Араратъ, Абихъ въ концѣ іюля отправился для обозрѣнія той обширной и высокой долины, которая отдѣляетъ Большой Араратъ отъ Малаго, и покрыта роскошною растительностію. Высшая точка ея имѣетъ 8.273 п. фута абсолютной высоты. Въ предшествовавшемъ году изъ этой долины Абихъ 14 дней сряду производилъ свои изслѣдованія нижней части Арарата, и оттуда же два раза (14 и 24 августа) пытался взойти на его вершину. Въ послѣдній разъ лагерь Абиха находился ближе къ Большому Арарату, именно на высотѣ 9.520 п. ф. надъ моремъ. Дорога, туда пролегающая, идетъ по длинному гребню скалъ, которыя образовались обильными потоками лавы, низвергавшимися съ Большаго Арарата. Недалеко отсюда, по описанію Абиха, начинается область вулканическихъ конусовъ и кратеровъ, во всемъ похожая на ту, какую представляютъ Этна и Везувій, но въ болѣе колоссальныхъ размѣрахъ. Лавовыя скалы этой области начинаются отъ самой вершины Арарата, и направляясь къ сторонѣ Маку, нисходятъ до горы Карнирахъ (Карнирагаш). Названіе этой горы, означающее *лопнувшій желудокъ*, показываетъ, что она вулканическаго происхожденія. Дѣйствительно, это вулканъ, по величинѣ своей неуступающій Везувію; потоки лавы, излившіяся изъ этого погухшаго жерла, занимаютъ площадь болѣе квадратной мили, и составляютъ волнообразные холмы въ долинѣ Макучая.

Восхожденіе Абиха по скалистымъ краямъ вышеописанной

нами боковой разсѣлины началось 28 іюля. Его сопровождали тѣ же самые спутники, которые принимали участіе въ его прошлогоднихъ попыткахъ ¹. Подымаясь въ прямомъ направленіи къ вершинѣ Арарата, путешественники въ 2 часа пополудни достигли подошвы вулканическаго конуса, который занимаетъ самое высокое мѣсто съ этой стороны горы, и состоитъ изъ выброшенныхъ шлаковъ. Абиху казалось, что вершина Малаго Арарата находилась подъ однимъ уровнемъ съ означеннымъ конусомъ; сдѣлавъ барометрическое наблюденіе, онъ нашелъ, что эта мѣстность лежитъ на высотѣ 12.248 п. ф. надъ моремъ. Отсюда наклоненіе скалистаго гребня стало увеличиваться. Около 3 часовъ пополудни путешественники достигли снѣговой линіи. Высота ея съ этой стороны горы, по измѣренію Абиха, оказалась равною 12.866 футовъ. За снѣговой линіей, скалы составляющія гребень боковой разсѣлины становятся выше и раздѣльнѣе прежняго, но при всемъ томъ мало затрудняютъ восхожденіе; снѣговая поверхность, имѣющая здѣсь отъ 33 до 34° наклоненія, по рыхлости своей, также не представляла путешественникамъ большаго затрудненія. Ледяныя массы, лѣпившіяся сталактитами по вершинамъ окрестныхъ скалъ и обложившія подошвы ихъ гигантскими стѣнами, а равно и обширная осыпательная поверхность рыхлаго снѣга, живо напоминали путешественникамъ, что они уже вступили въ область вѣчной зимы. Несмотря на это, на днѣ боковой разсѣлины и у подошвы скалъ, слышалось журчаніе воды, доказывавшее, что и тамошніе снѣга платятъ дань теплотѣ окружающаго воздуха. Утомленные продолжительною и трудною дорогою, путешественники должны были подумать о ночлегѣ, и приискать для этого возможно-удобное мѣсто между скалами. Въ это время они находились на высотѣ 13.256 п. ф. надъ уровнемъ моря. На той же высотѣ въ предшествовавшемъ году Абихъ былъ застигнутъ сильною бурей. Теперь, напротивъ, царствовала совершенная тишина въ атмосферѣ; небо было чисто, и только надъ горами Карабаха носились кучевыя облака.

¹ Топографъ *Бичугинъ*, переводчикъ *Петръ Широкинъ* изъ Тифлиса, Богенецъ *Карлъ Ценкъ*, два Армянина *Онапъ Мартиросовъ* и *Симонъ Саркисовъ*, и четыре казака.

На другой день путешественники отправились въ дальнѣйшій путь съ полною надеждою достигнуть вершины. „Надежда наша, пишетъ Абихъ, была тѣмъ сильнѣе, что серебристая глава Арарата, рѣзко обозначавшаяся на темно-голубомъ небѣ, какъ будто манила насъ своею близостию.“ Сначала дорога была совершенно одинакова съ прежнею, а потомъ, на протяженіи 500 футовъ, надо было взбираться на покатость въ 35° наклоненія, безснѣжную и усѣянную обломками горныхъ породъ; затѣмъ снова начинается скалистый гребень. Абсолютная высота этого мѣста, по барометрическому измѣренію, равна 14.522 ф. Подымаясь по направленію этого гребня все выше и выше, путешественники опять достигли такой покатости, которая была покрыта одними только обломками горныхъ породъ, и имѣла не болѣе 30° наклоненія. „Постоянно увеличивавшаяся усталость, пишетъ Абихъ, грозила намъ неуспѣхомъ, но синѣвшая передъ нами не въ дальнемъ разстояніи снѣговая поверхность, подпертая грядой скалъ, и видимо принадлежащая вершинѣ Арарата, придала намъ новыя силы, и мы, хотя тихо, но непрерывно подвигались впередъ.“ Поднявшись еще выше, они увидѣли наконецъ обширную и холмистую вершину Большаго Арарата, и быстро взобрались на него. „Разсѣявшійся туманъ, говоритъ Абихъ открылъ передъ нами обширнѣйшій горизонтъ, и вполне убѣдилъ насъ, что мы находимся на одной изъ главныхъ вершинъ Большаго Арарата.“

Вершина эта, по описанію Абиха, имѣетъ видъ весьма мало выпуклаго холма, около 100 футовъ въ діаметрѣ, и оканчивается съ сѣвера и сѣверо-востока обрывистымъ скатомъ. Верхняя область Арарата, обозрѣваемая съ этого холма, представляется въ видѣ террасы, поднимающейся въ направленіи отъ запада къ сѣверо-западу, и какъ бы огибающая большою дугою глубокую долину Св. Іакова. Другая изъ главныхъ вершинъ Арарата, на которую восходилъ Парротъ, видна отсюда въ недалекомъ разстояніи; по тригонометрическому измѣренію Федорова, онѣ отстоятъ одна отъ другой не болѣе какъ на 1122 п. ф. Высоты обѣихъ вершинъ, по опредѣленію того же астронома, разнятся между собою только 7 футами; но Абихъ, согласно съ мнѣніемъ Паррота, находитъ эту раз-

ницу слишкомъ малою, и полагаетъ, что сѣверозападная вершина, на которой Парротъ производилъ наблюденія, по крайней мѣрѣ 7 туазами (44,7 авг. ф.) выше восточной; вышину сѣверо-западной вершины Парротъ опредѣлилъ въ 16.251 п. ф., а высота восточной, по опредѣленію Абиха, равна 15.905 п. ф. Абиху казалось также, что долина, раздѣляющая эти двѣ вершины, во всю длину прорѣзана дугообразною трещиною. Ни Парротъ, ни Спасскій не упоминаютъ объ этой трещинѣ, и потому можно полагать, что она образовалась въ 1840 году во время описаннаго нами изверженія, когда съ вершины Арарата были низвергнуты огромныя массы снѣга въ верхнее кратерообразное углубленіе долины Св. Іакова. Туманъ, снова обложившій вершины Арарата, помѣшалъ Абиху изслѣдовать это обстоятельство съ большею подробностію. По той же причинѣ осталось неисполненнымъ многое изъ предполагаемаго Абихомъ. Такъ одна изъ самыхъ главныхъ цѣлей восхожденія его на Араратъ состояла въ томъ, чтобы съ вершины этой горы взять нѣсколько угловъ, и связать эти измѣренія съ тѣми, которыя были сдѣланы имъ на вершинѣ Малаго Арарата въ предыдущемъ году. Также желательно было осмотрѣть съ возможною подробностію верхній ледниковый провалъ долины Св. Іакова, но рыхлость снѣга и этого не дозволила. Столь же тщетною оказалась попытка, при окружающемъ туманѣ, пройти на другую вершину Арарата, и обозрѣть вмѣстѣ съ тѣмъ провалъ, начинающійся непосредственно подъ этою вершиной, и направляющійся къ сторонѣ Баязета; онъ соответствуетъ долинѣ Св. Іакова на противоположномъ скатѣ горы. Въ предыдущемъ году, обозрѣвая юго-западный склонъ Арарата, Абихъ поднялся до устья означеннаго провала, загроможденнаго снѣгомъ и льдомъ, и опредѣлилъ высоту его въ 11.211 п. ф. Въ то же время онъ убѣдился, что этотъ провалъ не есть простая боковая вымоина, но глубокая долина-разсѣлина (Thal-Spaltung), обнажившая аядезитъ и трахитовый порфиръ, составляющіе внутреннее ядро горы. По мнѣнію Абиха, она должна быть продолженіемъ той обширной разсѣлины, которая въ видѣ поперечной долины раздѣляетъ двѣ главныя вершины Арарата, западную и восточную. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого и многихъ другихъ вопросовъ Абихъ предоставилъ буду-

щимъ путешественникамъ на Араратъ. Такъ было бы весьма полезно, еслибы кому-нибудь изъ нихъ удалось пробыть на вершинѣ Арарата цѣлыя сутки: въ теченіе этого времени можно было бы произвести длинный рядъ барометрическихъ и психометрическихъ наблюденій, и наблюденій надъ теплотою солнца, и такимъ образомъ, при соотвѣтствующихъ наблюденіяхъ въ низшихъ станціяхъ, опредѣлить ходъ дневной температуры, давленіе воздуха и степень влажности въ этихъ возвышенныхъ слояхъ атмосферы. Такихъ наблюденій, по мнѣнію Абиха, было бы достаточно для обнаруженія законовъ, по коимъ совершаются въ тамошнихъ странахъ эти атмосферическія перемѣны, потому что въ первые дни августа вліяніе постороннихъ причинъ бываетъ тамъ весьма незначительно. Не менѣе любопытно было бы опредѣлить ежегодныя измѣненія въ тамошнихъ ледникахъ. Наконецъ весьма желательно, чтобы путешественникъ, воспользовавшись яснымъ утромъ, съ вершины Арарата опредѣлилъ засѣчками главные пункты тамошняго обширнаго горизонта, югъ и западъ коѣго почти вовсе еще не изслѣдованы. Все это Абихъ имѣлъ въ виду, отправляясь на Араратъ, но туманъ, охватившій вершину, и опасеніе подвергнуться такой же бурѣ, какую испыталъ онъ въ предшествовавшемъ году, заставили его отказаться отъ своихъ предположеній.

Оставляя вершину, путешественники водрузили на ней деревянную жердь въ 5 фут. 8 дюймовъ длиною, и къ верхнему концу ея мѣдною проволокою прикрѣпили хорошо закупоренную бутылку, съ бумагою, которая заключала въ себѣ латицскую надпись, свидѣтельствующую о счастливомъ окончаніи предпріятія, и о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ предпріятіи. Другую бутылку путешественники наполнили снѣгомъ, и какъ святыню взяли съ собою.

Къ описанію восхожденія своего на Араратъ Абихъ приложилъ двѣ таблицы, изъ которыхъ одна заключаетъ барометрическія и термометрическія наблюденія, произведенныя имъ во время восхожденія, а другая—абсолютныя высоты нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ Армянскаго плоскогорья.

Въ томъ же 1846 году въ запискахъ Академіи была помѣщена статья Абиха, *Геологическіе эскизы изъ Закавказья*,

или собственно описаніе нижняго Кавказа ¹. Подъ этимъ названіемъ Абихъ разумѣть всѣ горныя хребты и плоскогорья, которыя занимаютъ пространство, замыкающееся съ одной стороны теченіемъ Аракса, а съ другой теченіемъ Куры.

Нижній Кавказъ въ своихъ главныхъ чертахъ слѣдуетъ одинаковому направленію съ верхнимъ или собственнымъ Кавказомъ. Въ томъ же направленіи онъ пересѣкается высокими плоскогорьями. Въ нижнемъ Кавказѣ есть вершины, поднимающіяся до 12.000 фут. высоты и болѣе, но, несмотря на это, онѣ находятся внѣ области тѣхъ влияній, которыя въ верхнемъ Кавказѣ вызываютъ постоянныя снѣга уже на высотѣ 10.380 или даже 9950 п. фут. Самыя плоскогорья большею частію поднимаются выше границы, на которой произрастаютъ еще деревья, и которую въ тамошнихъ странахъ можно принять въ 7.000—7.800 п. ф.

Нижній Кавказъ со всѣми своими вершинами и плоскогорьями поднятъ эруптивными или огневыми породами. Большая часть тамошнихъ высокихъ вершинъ, такъ много способствующихъ красотѣ Арменіи и другихъ закавказскихъ странъ, относятся къ трахитовымъ конусамъ, которые излили изъ себя огромные потоки лавы, и покрыли ими близъ-лежація плоскогорья. Съ такимъ особеннымъ образованіемъ странъ, лежащихъ между Араксомъ и Курою, соединяются два весьма важныя физическія явленія. Вопервыхъ, лавы, покрывающія плоскогорья, и легко разлагающіяся на воздухѣ, образуютъ весьма благоприятную почву для произрастанія злаковъ и хлѣбныхъ растений, и тѣмъ самымъ обуславливаютъ каждый годъ тѣ неизмѣримые дуга, безъ которыхъ не могли бы существовать тамошніе номады. Въ вторыхъ, тѣ же трахитовыя лавы, вслѣдствіе своего скважистаго строенія, поглощаютъ почву всю воду, падающую на плоскогорья въ видѣ дождя, или исходящую отъ таянія снѣговъ, и подаютъ поводъ въ образованію безчисленныхъ источниковъ, которые называются тамъ *Карассу* или *Черными водами*. Вытекая изъ вулканическихъ почвъ, они повсюду разносятъ плодородіе; безъ

¹ *Geologische Skizzen aus Transkaukasien. Die vulkanischen Plateau-Verhältnisse des unteren Kaukasus. В Bull. de la classe physico-math. de l'Acad. d. Scien. de St. Pétersb. 1847 Tom. V. № 21, 22 стр. 321—343.*

нихъ многія закавказскія страны должны были бы превратиться въ сухія и бесплодныя степи.

Послѣ общаго взгляда на нижній Кавказъ, Абихъ переходитъ къ частному описанію главнѣйшихъ его вершинъ и плоскогорій. Мы не будемъ входить въ эти подробности, потому что о томъ же самомъ намъ придется говорить еще въ другомъ мѣстѣ, именно когда будетъ рѣчь о распредѣленіи закавказскихъ горъ по ихъ направленію. Но нельзя не остановиться на описаніи одной изъ самыхъ высокихъ тамошнихъ горъ, именно Алагеза (Alagez), о которомъ мы упоминали не разъ, и который по своему образованію можетъ отчасти служить образцомъ для другихъ вершинъ нижняго Кавказа.

Алагезъ или Аркадезъ есть колыбель исторіи армянскаго народа; по одному изъ древнѣйшихъ его преданій, внукъ Хайка, прародителя Армянъ, впервые поселился на равнинахъ Аракса, при южной подошвѣ горы, которую онъ называлъ, по имени своего сына, Аркадезомъ. Съ того времени Алагезъ и сосѣдній съ нимъ Араратъ были центромъ постепенно возрастающаго и нѣкогда весьма могущественнаго Армянскаго царства. Объ его могуществѣ и богатствѣ еще до нынѣ напоминаютъ намъ развалины прежнихъ городовъ, находившихся при подошвѣ Алагеза; особенно же краснорѣчиво говорятъ объ этомъ развалины Ани, древней армянской столицы, эти дивные остатки средневѣковаго великолѣпія.

Алагезъ, представляющій такое великое значеніе въ исторіи обитавшихъ около него народовъ, имѣетъ такое же, или еще большее значеніе въ естественной исторіи тамошняго края. Онъ принадлежитъ къ Памбакской цѣпи, составляющей сѣверо-восточную вѣтвь Тавра, и самъ собою представляетъ величественную горную массу, имѣющую 170 верстъ въ окружности. Это столько же особенная, сколько и совершенно-естественная форма, вполнѣ выражающая собою законы такъ называемаго *поднятаго* кратера (*cra-tère de soulèvement*). Дѣйствительно, это кратеръ, образовавшійся по однимъ законамъ съ Соммой, Этной, Тенерифскимъ пикомъ, и особенно съ кратеромъ, который находится на островѣ Пальмѣ, одномъ изъ числа Канарійскихъ. Подобно ему, высокоподнятыя стѣны Алагеза разорваны лучеобразно многими трещинами, называемыми *барранко*, и одна

изъ такихъ трещинъ, наибольшая и простирающаяся сверху до самаго основанія кратера, при селеніи Казарфаръ (Kasafar) составляетъ открытый входъ во внутреннюю его долину, которая, по аналогіи съ Пальмою, имѣетъ значеніе *кальдеры*. Изъ нея вырывается шумная рѣка, называемая Баличай или *бъшеная*. Впрочемъ, подъ названіемъ кальдеры не надо разумѣть тутъ простую долину окруженную отвѣсными стѣнами; напротивъ, она представляетъ три обширныя долины, или три обширныя террасы, расположенныя амфитеатромъ, и находящіяся между собою въ слѣдующихъ отношеніяхъ: абсолютную высоту первой или самой нижней террасы, составляющей дно кальдеры, полагаютъ въ 8.234 ф.; вторая терраса, отдѣляющаяся отъ первой перпендикулярною стѣною, и низвергающая живописными каскадами рѣку Баличай, находится уже на высотѣ 8.806 ф., а третья и послѣдняя имѣетъ 9.644 ф. абсолютной высоты. Она лежитъ непосредственно подъ главнѣйшими вершинами Алагеза, которыя окружаютъ ее въ видѣ четырехъ пирамидъ, правильно расположенныхъ, и раздѣленныхъ между собою боковыми трещинами или барранко. Высочайшая изъ этихъ пирамидъ, по тригонометрическому измѣренію Федорова, имѣетъ 12.886 п. ф., самая же малая, по барометрическимъ измѣреніямъ Абуха, на 866 ф. ниже предыдущей. Вслѣдствіе такого образованія ось кальдеры не совпадаетъ съ осью наибольшаго поднятія Алагеза, или съ осью высочайшихъ его вершинъ; онѣ находятся болѣе нежели на семь верстъ одна отъ другой. При этомъ невольно переносишься своимъ воображеніемъ въ эпоху поднятія Алагеза, и какъ бы видишь собственными глазами, какимъ образомъ эта могучая масса, выдвигаясь изъ земли въ видѣ огромнаго купола, была разорвана съ одной стороны до самаго основанія, и не могла уже подняться до той высоты, до какой достигли другія части Алагеза, неимѣвшія такихъ огромныхъ трещинъ для свободнаго выхода газовъ и водяныхъ паровъ, составлявшихъ главную поднимающую силу.

Въ системѣ южнаго Кавказа Алагезъ выше всѣхъ остальныхъ пиковъ. Наиболѣе подходящими по своей величинѣ къ Алагезу считаются трахитовые конусы, окружающіе Агманганское плоскогорье и озеро Гокчай, именно Агман-

ганъ (11.168 п. ф.) Агдахъ (11.480 ф.), Босдахъ (10.278 ф.), Каранлидахъ (10.421 ф.) и нѣкоторые другіе.

Перейдемъ къ другимъ изслѣдованіямъ Абиха относительно Кавказа.

Въ 1847 году онъ сообщилъ академіи наукъ *Нѣсколько замѣчаній объ орографіи Дагестана*¹, и этихъ немногихъ замѣчаній было достаточно, для того чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этой удивительной странѣ, не только относительно наружнаго образованія или рельефа, но и относительно внутренней связи ея съ Кавказомъ.

Дѣйствительно, орографическія отношенія Дагестана такъ тѣсно связаны съ Кавказомъ, что не могутъ быть разсматриваемы независимо отъ него.

Подъ названіемъ Кавказа собственно разумѣютъ тотъ огромный хребтъ, который, начавшись отъ полуострова Тамани или отъ Чернаго моря, и, постоянно направляясь къ юго-востоку, оканчивается Апшеронскимъ полуостровомъ, въ видѣ мыса, вдающагося въ Каспійское море. При подошвѣ этой исполинской грави съ одной стороны простираются обширныя равнины Европейской Россіи, а съ другой Закавказье,—страна высочайшихъ горъ и плоскогорій Грузіи, Арменіи, Малой Азіи и Сѣвернаго Ирана.

Въ своей сѣверо-западной половинѣ Кавказъ или собственно гребень его до меридіана Конгута-Гохъ, одной изъ высочайшихъ точекъ, находящейся между Эльбрусомъ и Казбекомъ, представляется простою водораздѣлительною линіей, но отсюда онъ дѣлится на два гребня, главный и боковой, продолжающіеся болѣе или менѣе параллельно до самаго Каспійскаго моря. Эти два гребня, на разныхъ разстояніяхъ, соединены между собою поперечными грядами, и чрезъ то образуютъ семь огромнѣйшихъ котловинъ, которыя тянутся одна за другою, и составляютъ замѣчательную орографическую особенность Кавказа. Относительно этого онъ имѣетъ наибольшее сходство съ юго-американскими Андами. Подымаясь отъ юга къ сѣверу, Андская цѣпь, начиная отъ горнаго узла Лоха (Locha), также

¹ *Einige Notizen über die Orographie von Dagestan, в Bull. de la classe physicomath. de l'Acad. d. Science de S.-Petersb. 1843, tome VI № 15. Стр. 225—236.*

раздѣляется на два параллельные гребня, между которыми, посредствомъ поперечныхъ цѣпей, образуется пять обширныхъ котлообразныхъ долинъ. Впрочемъ, этимъ только и ограничивается орографическое сравненіе Кавказа съ южными Андами. Во всемъ остальномъ они болѣе или менѣе различны между собою. Такъ на всемъ протяженіи котловинъ, главный гребень Кавказа нигдѣ не имѣетъ поперечныхъ долинъ или ущелій, и потому составляетъ непрерывную водораздѣлительную линію. Горныя воды на сѣверной сторонѣ гребня собираются обыкновенно въ котловины, и шьютъ оттуда только по одному выходу, чрезъ ущелья, образовавшіяся въ боковомъ гребнѣ. Такъ выходятъ извѣстныя рѣки Нардонъ, Терекъ, Асса, Аргунъ и оба Койсу, Андійскій и Аварійскій. Каждая изъ нихъ беретъ свое начало въ одной изъ семи вышеозначенныхъ котловинъ. Напротивъ, съ южной стороны главнаго гребня всѣ рѣки стекаютъ непосредственно, то-есть не собираясь предварительно въ какія-либо котловины, такова, напримеръ, Арагва и др. Въ Андскомъ хребтѣ нѣтъ того непрерывнаго гребня, какой свойственъ Кавказу, и потому рѣки, выходящія изъ тамошнихъ котловинъ, пересѣкаютъ то западный, то восточный гребень, и текутъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ.

Есть еще разница между Кавказомъ и Андами. Самыя высокія вершины Кавказа находятся обыкновенно либо на сѣверномъ склонѣ главнаго гребня, каковъ Эльбрусъ, либо на боковомъ гребнѣ, каковъ Казбекъ, Цивераутъ, Штиргохъ, Казегохъ и др. Напротивъ, высочайшія вершины двураздѣльной Андской цѣпи распредѣлены по обоимъ гребнямъ; такъ Чимборазо и Пичинчи возвышаются на западной цѣпи, а Котопахи и Аятизана на восточной.

Какая же страна на Кавказѣ называется Дагестаномъ? Есть ли это какое-либо продолженіе Кавказа, или совершенно особая горная система?

Дагестанъ лежитъ на сѣверной сторонѣ Кавказа, и ограничивается тремя главными цѣпями. Одну изъ этихъ цѣпей составляетъ самый Кавказъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ примыкаютъ къ нему три самыя обширныя и послѣднія котловины, именно Тушинская или Аласанская, Дудо и Анкратль. Это южная граница Дагестана. Со всѣхъ другихъ сторонъ его замыкаютъ двѣ горныя цѣпи, Андійская и Ануцкая.

Та и другая, выходя изъ Кавказа почти подъ прямымъ угломъ, и направляясь къ сѣверо-востоку, болѣе и болѣе сходятся между собою, и обхватываютъ пространство, равняющееся 10.000 квадрат. верстѣ.

Что же значать эти боковыя цѣпи Дагестана? Какое отношеніе имѣютъ онѣ къ Кавказу?

Это не иное что какъ продолженіе поперечныхъ грядъ, соединяющихъ главный гребень съ боковымъ. Дѣйствительно, Андійскій хребетъ есть продолженіе поперечной гряды, раздѣляющей Аргунскую котловину отъ Тушинской или Аласанской; увѣнчанный снѣговыми вершинами, и простирающійся на 155 верстѣ, онъ оканчивается при ущеліи Сулака горами Сала-тау. Ануйскія горы составляютъ продолженіе самой послѣдней изъ поперечныхъ грядъ, именно той, которая ограничиваетъ котловину Анкратль. Онѣ невысоки, и болѣе походятъ на раздѣлительную линію между водами Дагестана и истоками Самура. Выходя изъ главнаго Кавказскаго гребня, Ануйскія горы простираются со многими искривленіями на 148 верстѣ; достигнувъ ущелія Сулака, онѣ оканчиваются вершиною Тусъ-тау, лежащею въ пяти верстахъ противъ Сала-тау, конечной возвышенности Андійскаго хребта. Поперечная гряда, раздѣляющая котлообразныя долины Дидо и Анкратль, также протягивается въ Дагестанъ, но образуетъ тамъ не горную цѣпь, а высокую эллиптическую выпуклость, простирающуюся по самой срединѣ страны. Продольная ось этой эллиптической возвышенности совпадаетъ съ ущельемъ Сулака, даже протягивается еще далѣе, къ ущелью рѣки Осель, между Капчагэ и Кумтуръ-Калэ.

Дагестанская страна, очевидно, имѣетъ одинаковое образованіе съ котлообразными кавказскими долинами; это также котлообразная долина, но обширнѣйшая, и примыкающая къ цѣлому ряду меньшихъ котловинъ юго-восточнаго Кавказа. Дагестанъ представляетъ и другіе признаки, свойственныя кавказскимъ котловинамъ: такъ всѣ рѣки, находящіяся внутри Дагестана, именно Андійскій и Аварійскій Койсу, съ его притоками Кара-Койсу и Казикумыкскій Койсу, собираются въ одну общую рѣку Сулакъ, которая выходитъ наружу чрезъ ущелье, образовавшееся въ боковомъ гребнѣ этой страны, между горами Сала-тау и Тусъ-тау. Эти горныя высоты представляются нѣкоторымъ

образомъ настоящими столпами огромныхъ воротъ для входа въ Дагестанъ. Но, дабы составить болѣе ясное понятіе о внутренности этой чудной страны, необходимо сказать нѣсколько словъ о той эллиптической выпуклости, которая по своему направленію совпадаетъ съ ущеліемъ Сулака, и которая, вѣроятно, была причиною его образованія. Выпуклость эта, дѣйствительно, имѣетъ видъ продолговатаго эллипсоида, ограниченного дугообразнымъ теченіемъ Андійскаго и Аварійскаго Койсу. Въ одномъ изъ его фокусовъ находится значительнѣйшая гора Дагестана, Богожская или Богозистави (Bogosistavi), которая съ своими свѣговыми вершинами поднимается надъ окружающею страню какъ исполинская крѣпость; другой фокусъ совпадаетъ съ вершиннымъ пунктомъ наибольшей выпуклости Аваріи. Всѣ ущелія и долины, глубоко прорѣзывающія Аварію, лежатъ близко одна къ другой параллельными дугами; вслѣдствіе этого образовалось тутъ множество плоскихъ возвышенностей, которыя не имѣютъ непосредственнаго соединенія съ цѣлымъ, и представляются какъ бы полуостровами или даже островами, большей или меньшей величины, удобными для земледѣлія. Общее направленіе ихъ согласно съ направленіемъ срединной выпуклости Аваріи, именно сѣверо-восточное.

Такимъ образомъ Дагестанская страна оказывается не боковыми отрогами Кавказа, а особенною горною системою, которая поднята въ сѣверо-восточномъ направленіи, и образовалась по образцу котлообразныхъ долинъ. Имѣетъ съ прилегающимъ къ ней Кавказомъ, она представляетъ два ряда котловинъ, — гигантскую естественную крѣпость. За этимъ двойнымъ больверкомъ разсѣяно болѣе 600 населенныхъ мѣстечекъ народа фанатическаго и столь же суроваго, какъ окружающая ихъ природа.

Спустя четыре года послѣ описанія Дагестанской страны, въ Кавказскомъ календарѣ за 1853 годъ Абихъ помѣстилъ *Геологическій разрѣзъ сѣверной покатости Кавказа отъ Эльбруса до Бештау*, съ объясненіями, популярно изложенными и заключающими въ себѣ очень много любопытнаго.

Съ сѣвѣрною покатостію Кавказа и съ Эльбрусомъ мы отчасти знакомы изъ путешествія Купфера, но знакомы почти единственно съ одной внѣшней или орографической

стороны. Напротивъ, у Абиха мы видимъ связь этой орографіи съ внутреннимъ образованіемъ Кавказа.

Эльбрусь, составляющій самую южную и возвышеннѣйшую точку описываемаго разрѣза, лежитъ на сѣверной сторонѣ главнаго кавказскаго гребня. Эта огромная трахитовая масса подымается надъ обширнымъ основаніемъ, которое находится на высотѣ 11 тысячъ футовъ, и состоитъ изъ различныхъ кристаллическихъ породъ, особенно же гранита и сланцевъ. По тригонометрическому измѣренію Савича, Фуса и Саблера, абсолютная высота Эльбруса равняется 18.525 п. ф., а по измѣренію полковника Годзко 18.600 ф. Эльбрусь имѣетъ одинаковое происхожденіе съ Араратомъ, Казбекомъ и другими кавказскими вулканами. Это доказывается, во первыхъ, его трахитовымъ образованіемъ, и во вторыхъ, обширными потоками лавы, которые нѣкогда выходили изъ его трещинъ, и разливались по долинамъ. Лава, покрывающая Эльбрусь, по изслѣдованіямъ Абиха, отличается отъ трахита самой горы своимъ темнымъ цвѣтомъ, и особенно тѣмъ, что нигдѣ не переходитъ въ обсидіанъ и пемзу; напротивъ, она болѣе походитъ на пехштейнъ или смолистый камень. По наружному виду эту лаву иногда трудно бываетъ отличить отъ потоковъ Этны и Везувія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она заключаетъ въ себѣ небольшіе обломки кристаллическихъ породъ, которые вынесены ею изъ самой внутренности вулкана. То же самое замѣчается и въ другихъ кавказскихъ лавахъ, особенно же въ тѣхъ, которыя исторглись изъ вулкана Кели, въ Осетіи; тамошніе обломки бывають иногда отъ 4 до 6 фут. въ поперечникѣ. Напротивъ, въ Араратѣ они гораздо мельче, и встрѣчаются рѣдко.

Лавовые потоки Эльбруса видимо согласовались съ положеніемъ его долинъ, положеніемъ, которое мало отступало отъ нынѣшняго. Въ иныхъ мѣстахъ лава скопилась въ большомъ количествѣ и образовала широкія террасы, въ другихъ является настоящими потоками, наполнившими узкія и глубокія долины, простирающіяся на нѣсколько верстъ. Въ иныхъ мѣстахъ она текла по ровному мѣсту, въ другихъ низвергалась каскадами; въ извилистыхъ шероховатыхъ формахъ ея ясно видны слѣды бывшаго движенія этой огненной массы. Лавы нынѣшнихъ вулкановъ вездѣ принимаютъ призматичное или столбчатое строеніе тамъ,

гдѣ потоки ихъ достигаютъ известной толщины, и потомъ медленно остываютъ. Точно такое же строеніе имѣтъ иногда и лава Эльбруса, что особенно видно въ Малкской долинѣ, близъ моста такъ-называемой Бабуковской переправы; въ этомъ мѣстѣ трахитовая порфириобразная лава раздѣлилась на вертикальныя призмы, имѣющія отъ 4 до 5 фут. въ поперечникѣ, и отъ 60 до 70 фут. высоты.

Само собою разумѣется, что лавовые потоки Эльбруса со времени изверженія своего подверглись большому измѣненію отъ дѣйствія на нихъ наружныхъ вліяній, и особенно воды. Тамошнія рѣки въ верхнихъ долинахъ большею частію глубоко врѣзываются въ лаву, на сто футовъ и болѣе, нерѣдко до самаго основанія, именно до гранита и кристаллическихъ сланцевъ.

Трахитъ, изъ котораго состоитъ Эльбрусъ, по химическимъ изслѣдованіямъ, оказывается совершенно одинаковымъ съ трахитами Арарата и юго-американскихъ вулкановъ Чимборазо и Пичинчи. Замѣчательно однакожь, что, несмотря на это сходство, вулканы Андскаго хребта почти вовсе не изливали лавы, между тѣмъ какъ Кавказъ и Закавказье такъ-сказать залиты лавою.

Эльбрусъ постоянно покрытъ снѣгомъ. Сверхъ того, онъ имѣетъ такое орографическое устройство, которое чрезвычайно благоприятно для образованія обширныхъ ледниковъ. Для этого, какъ известно, кромѣ опредѣленной высоты, необходимы долины, которыя бы въ самыхъ верхнихъ своихъ частяхъ оканчивались циркомъ или котловиною, весьма удобными для скопленія снѣга. Въ этомъ отношеніи немногія горы въ состояніи сравниться съ Эльбрусомъ. Долины, состоящія изъ кристаллическихъ породъ и примыкающія въ его трахитовому конусу, заключаютъ неисчерпаемые запасы снѣга для питанія ледниковъ. Весьма замѣчательно, что эти ледники, спускаясь по склонамъ долины, слѣдуютъ тому же направленію, какому слѣдовали нѣкогда лавовые потоки, и составляютъ рѣзкую противоположность съ своимъ темноцвѣтнымъ фономъ. Таковы ледники въ верхнихъ долинахъ рѣкъ Малки, Кубани, Ріона, Пягура, и особенно Баксана. Этотъ послѣдній, по своей обширности, можетъ быть сравниваемъ съ ледниками Швейцаріи и Тироля.

Баксанскій ледникъ образуется изъ двухъ рукавовъ, еще въ верхнемъ концѣ долины соединяющихся въ одну общую массу. Спускаясь по наклону долины, и расширяясь вмѣстѣ съ нею, онъ болѣе и болѣе покрывается такъ-называемыми моренами, то-есть кусками лавы и другихъ породъ, которыя падаютъ на ледникъ, и движеніемъ его предполагаются по обѣ стороны рядами. На высотѣ 7.700 ф. Баксанскій ледникъ вступаетъ въ область лѣсовъ, и достигаетъ весьма большаго развитія; ширина его въ этомъ мѣстѣ 1.400 фут., толщина отъ 60 до 80 ф. Многія деревья, заграждавшія дорогу леднику, свалены и лежатъ на его поверхности вмѣстѣ съ моренами, другія, напротивъ, глубоко вмерзли въ ледяную массу, и осыпляютъ ее своими зелеными вѣтвями. Не служитъ ли это убѣдительнымъ доказательствомъ поступательнаго движенія Баксанскаго ледника? Дѣйствительно, всякій ледникъ есть, такъ-сказать, замерзшая рѣка, продолжающая свое движеніе по наклонной плоскости, и останавливающаяся тамъ, гдѣ прекращаются всѣ условія, необходимыя для этого движенія, не только орографическія, но и климатическія. Поэтому въ однѣхъ и тѣхъ же горахъ ледники бывають не одинаковы относительно своего развитія; въ однихъ долинахъ они останавливаются на большей, въ другихъ на меньшей высотѣ, слѣдовательно одни изъ нихъ короче или менѣ развиты, а другіе длиннѣе или могучѣе. Впрочемъ, такое сравненіе можетъ быть безошибочно только тамъ, гдѣ снѣговая линія находится на одной и той же высотѣ; въ противномъ случаѣ, ледники, оканчивающіеся и на одинакой высотѣ, могутъ быть весьма различны относительно своего развитія, смотря потому, на какомъ разстояніи находятся они отъ предѣла снѣговой линіи. Такъ Баксанскій ледникъ остановился на высотѣ 7.350 ф., а Гандерейскій или Кубанскій, находящійся на томъ же сѣверномъ склонѣ Эльбруса, на высотѣ 8.291 ф., именно близъ Нахорскаго перевала. Высота снѣговой линіи на сѣверной покатости Кавказа принимается въ 11.200 ф., слѣдовательно, нижній предѣлъ Баксанскаго ледника находится на 3.850 ф. ниже снѣговой линіи, а нижній предѣлъ Гандерейскаго или Кубанскаго только на 2.909 ф., слѣдовательно онъ короче Баксанскаго. На южной сторонѣ Кавказа есть

также ледники, Ріонскій, Ингурскій и другіе; нижній предѣлъ Ріонскаго ледника опредѣленъ въ 7.096 ф. и съ перваго взгляда представляется болѣе длиннымъ или болѣе могучимъ, чѣмъ Баксанскій, но средняя высота снѣговой линіи той части Кавказа, которая примыкаетъ къ бассейну Чернаго моря, находится значительно ниже, чѣмъ на сѣверной покатости, по крайней мѣрѣ на 1000 ф., а въ Рачинскомъ уѣздѣ, гдѣ проходитъ Ріонскій ледникъ, опредѣленъ въ 9.527 ф.; значитъ, Ріонскій ледникъ спускается только на 2.431 ф. отъ снѣговаго предѣла, слѣдовательно онъ короче Баксанскаго на 1.419 ф. По сравненію съ величайшими швейцарскими ледниками, каковы Боссонъ, Ачель и другіе, ледники Эльбруса оказываются вообще почти на половину короче ихъ.

Основаніе Эльбруса, какъ объяснено выше, составляютъ кристаллическія породы. Подъ этимъ названіемъ разумѣются гнейсъ и различные сланцы, слюденый, тальковый, хлоритовый, роговообмаковый и глинистый, поднятые гранитомъ, и образующіе самую живописную часть Кавказа. Въ направленіи описываемаго нами разрѣза кристаллическія породы продолжаются до горной цѣпи, называемой Ташли-Сыртъ, а далѣе къ сѣверу онъ скрываются уже подъ осадочными формаціями, образовавшимися изъ прежнихъ морей. Ташли-Сыртъ тянется отъ запада къ востоку и вершинами своими (Чумгуръ-Агшаты) касается снѣговой линіи. Онъ состоитъ изъ эруптивныхъ породъ, болѣе древняго происхожденія чѣмъ трахиты и лавы Эльбруса, и потому долженъ былъ образоваться прежде него. Это доказываетъ между прочимъ и тѣмъ, что лава, низвергавшаяся съ Эльбруса и встрѣтившая на пути Ташли-Сыртъ, измѣнила свое сѣверное направленіе и разлилась по Малкской долинѣ, направляющейся къ востоку и сѣверо-востоку. Отъ Ташли-Сырты начинается длинная и плоская возвышенность, которая, протягиваясь отъ юга къ сѣверу чрезъ Темноводскъ, Ставрополь и далѣе, болѣе нежели на 300 верстъ, составляетъ раздѣлъ между рѣками Каспія и Чернаго моря. Но объ этомъ рѣчь впереди. Для нашего разрѣза Ташли-Сыртъ замѣчательна въ другомъ отношеніи. Онъ составляетъ начало орографическихъ и геологическихъ отношеній совершенно особенныхъ отъ тѣхъ, какія мы видѣли въ юж-

ной половинѣ разрѣза, непосредственно примыкающей къ Эльбрусу. Отъ Ташли-Сырта до Бештау Кавказъ представляетъ уже не гребни и пики, отдѣльно и высоко поднимающіеся, но обширныя террасы или уступы, чрезвычайно плоскія, и постепенно понижающіяся къ сѣверу. Терраса, ближайшая къ Ташли-Сырту и самому Эльбрусу, называется Бечесанскою; это обширнѣйшая плоскость, на протяженіи слишкомъ 76 верстъ не представляющая ни одного холма, имѣющаго болѣе 200 футовъ высоты. Несмотря на это, она сама находится на высотѣ 7.700 футовъ надъ уровнемъ моря. Внутреннее устройство Бечесанской террасы столько же правильно, какъ внѣшнее. Ее составляютъ пласты, которые принадлежатъ къ юрской формации, или которые образовались въ юрскомъ морѣ, нѣкогда омывавшемъ сѣверную подошву Кавказа. По всемъ признакамъ, эти пласты осаждались спокойно, потому что вездѣ, на всемъ протяженіи Бечесанской террасы, сохраняютъ правильное и горизонтальное положеніе, исключая двухъ мѣстъ, гдѣ они подверглись значительнымъ измѣненіямъ, именно на скатахъ Ташли-Сырта, и къ сѣверу отъ Бечесанскаго казачьяго поста. Это было слѣдствіемъ выдвинувшихся наружу эруптивныхъ породъ, афанита, долерита, амигдалита и другихъ. Событіе это, по соображенію Абиха, должно было послѣдовать въ самой срединѣ юрскаго періода.

Юрскіе пласты простираются до Бермаукской высоты. Съ нея открывается великолѣпнѣйшая панорама, тотъ достопримѣчательнѣйшій скатъ, который, понижаясь уступами, ясно выражаетъ зависимость свою отъ внутренняго геологическаго состава. Дѣйствительно, крутые края этихъ уступовъ совершенно совпадаютъ съ границами трехъ обширныхъ формаций, юрской, мѣловой и третичной. Мѣловой уступъ простирается до Эссентукской станицы, а далѣе къ Пятигорску слѣдуетъ уже третичный, прикрывающій мѣловую формацию. Въ двухъ послѣднихъ уступахъ замѣчается такое же правильное и параллельное расположеніе пластовъ, какое представляетъ юрскій уступъ. Очевидно, въ продолженіе мѣловаго и третичнаго періодовъ они не подвергались никакимъ плутоническимъ переворотамъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что при самомъ концѣ третичнаго уступа, тамъ, гдѣ сѣверная покатость Кавказа разсти-

дается уже въ необозримыя равнины, вы встрѣчаете цѣлую группу горъ, возвышающихся наподобіе скалистых острововъ посреди моря. Мы разумѣемъ тутъ всѣмъ извѣстныя горы около Пятигорска, Бештау, Машука, Кумъ-гора, Лысая, Эмбевка, Верблюдь и другія.

Съ перваго взгляда эти горы представляются какъ бы произведеніемъ одного переворота, но собственно, какъ показываютъ наблюденія Абиха, онѣ были слѣдствіемъ двухъ различныхъ поднятій, изъ которыхъ одно дѣйствовало по направленію сѣверо-западному, а другое сѣверо-восточному. Къ первому поднятію изъ этой группы относятся Бештау и Кумъ-гора, между тѣмъ какъ Машука и всѣ остальные принадлежатъ ко второму поднятію; онѣ расположены на той линіи, которая, будучи продолжена къ юго-западу, упирается въ Эльбрусъ. Эруптивная порода, бывшая причиной поднятія всѣхъ означенныхъ горъ, похожа отчасти на трахитовый порфиръ, но собственно относится къ кварценовому порфиру. Въ нѣкоторыхъ горахъ (Бештау, Кумъ-гора, Эмбевка, Верблюдь, Желѣзная) она вышла наружу, въ другихъ же скрыта подъ мѣловыми и третичными пластами (Машука, Джутская, Лысая и т. д.). По мнѣнію Абиха, поднятія тѣхъ и другихъ горъ не должны раздѣляться между собою большимъ промежуткомъ времени; повидимому, то и другое послѣдовало къ концу мѣловаго періода. Вѣроятно, эти самыя поднятія, происходившія въ такомъ близкомъ содѣйствіи между собою и образовали то множество трещинъ внутри земли, по которымъ въ настоящее время выходятъ минеральные ключи въ окрестностяхъ Пятигорска. Эссен-туковъ и Кисловодска. Тѣ же поднятія, о которыхъ мы говоримъ, были причиной образованія и того знаменитаго большаго провала въ Пятигорскѣ, который заключаетъ въ себѣ цѣлое минеральное озеро, и въ недавнее время сдѣлался для всѣхъ доступнымъ посредствомъ туннеля, устроеннаго благородными усиліями и пожертвованіями г. Лазарика. ¹

Осадочныя формачіи сѣверной покатости Кавказа, особенно же юрская и мѣловая, описаны Абихомъ довольно

¹ См. Дополненіе въ концѣ статьи 2-е.

подробно, сами по себѣ, и по сравненію ихъ съ такими же формаціями Европейской Россіи. Но этотъ предметъ еще лучше обработанъ имъ въ послѣднемъ изъ академическихъ его сочиненій, и поэтому описаніе его мы относимъ къ тому времени, когда будетъ рѣчь объ окончательномъ изслѣдованіи кавказскихъ формацій; тамъ же заключаются и болѣе подробныя свѣдѣнія о минеральныхъ источникахъ на Кавказѣ.

Теперь слѣдовало бы перейти къ остальнымъ сочиненіямъ Абиха о Кавказѣ; но я почитаю необходимымъ для болѣе яснаго понятія объ Эльбрусь, и особенно объ его ледникахъ, сравнить его съ Казбекомъ, и для этого привести изслѣдованіа доктора Коленати, еще въ 1844 году восходившаго на самую вершину этого гигантскаго конуса ¹.

Казбекъ, какъ уже извѣстно изъ предыдущаго, находится на боковомъ гребнѣ Кавказа, отдѣляющемся отъ главнаго Терекскою долиною. Самая высокая изъ вершинъ Казбека, по барометрическому измѣренію Коленати, подымается на 2.077 туазовъ надъ Тифлисомъ и на 2.308 туаз. (16.156 ф.) надъ моремъ, слѣдовательно Казбекъ болѣе нежели на 260 туаз. ниже Эльбруса ². Но на простой взглядъ Казбекъ, особенно разсматриваемый съ сѣверной стороны, изъ Большой и Малой Кабарды, представляется выше чѣмъ Эльбрусъ. Этотъ оптический обманъ, по мнѣнію Коленати, зависитъ отъ неодинаковаго орографическаго образованія того и другаго конуса. Эльбрусъ, по измѣренію Купфера, подымается съ абсолютной высоты въ 1.277 туаз. широкимъ основаніемъ и мало-по-малу; между тѣмъ какъ Казбекъ, по вычисленію Коленати, подымается надъ горизонтомъ Кавказа уже на высотѣ въ 909 туаз., притомъ же крутымъ и узкимъ основаніемъ. Теперь, если смотрѣть на оба конуса вмѣстѣ, и судить объ ихъ высотѣ по горизонту, съ котораго они подымаются, и по крутости самаго поднятія, то

¹ *Die Besteigung des Kasbek im Jahre 1844 den 14 (26) August: von Dr. Colenati. Mit einer Zeichnung und einer Karte. Въ Bull. de l'Acad. de St. Petersb. Tom. IV. № 12. 13. 14. Стр. 177—224.*

² По послѣднимъ тригонометрическимъ измѣреніямъ, высота Казбека 16.554 ф., а Эльбруса 18.523 ф., слѣд. Казбекъ ниже Эльбруса на 1969 ф. или на 21 туаз.

Казбекъ необходимо долженъ казаться выше Эльбруса. Послѣ этого неудивительно, замѣчаетъ Коленати, что уже Яфетиды, и между ними Прометей, обратились скорѣе къ Казбеку чѣмъ къ Эльбрусу для похищенія небеснаго огня, и навѣрно Казбекъ Кавказа (Kaus-Ase, гора Ассовъ, по Геродоту) есть та самая гора, къ которой древній мифъ приковалъ отважнаго похитителя.

Вершины Казбека на извѣстное пространство покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и служатъ запасомъ для образованія ледниковъ¹. Но ни одинъ изъ тамошнихъ ледниковъ не имѣетъ той величины, какую представляютъ ледники Эльбруса, и особенно Баксанскій. Безъ всякаго сомнѣнія, это зависитъ оттого, что вершины Казбека не такъ обширны, какъ Эльбруса, и самыя долины слишкомъ круты и обрывисты для ледниковъ. Отъ тѣхъ же причинъ тамъ часто бываютъ снѣговые и ледниковые обвалы.

Ледники Казбека Коленати дѣлитъ на постоянные и непостоянные, или періодическіе. Сосѣдство морей Чернаго и Каспійскаго имѣетъ большое вліяніе на измѣненіе годовой температуры въ окрестностяхъ Казбека; бываютъ годы, когда въ нѣкоторыхъ ущельяхъ его появляются ледники, бываютъ и такіе, когда эти ледники исчезаютъ. Къ постояннымъ ледникамъ Коленати причисляетъ только три: Дездароки, Циклурги и Тизегари. Самымъ обширнымъ изъ нихъ оказывается Дездароки, онъ спускается до высоты 989 туазовъ, между тѣмъ какъ Циклурги и Тизегари останавливаются на высотѣ 1.490 и 1.460 туазовъ. Они всѣ примыкаютъ къ долинѣ Терека. Коленати описываетъ ихъ подробно; но мы остановимся только на ледникѣ Дездароки, какъ самомъ большемъ и чаще подвергающемся обваламъ.

Ледникъ Дездароки, иначе называемый Дагаурскимъ или ледникомъ Цахъ-Донъ, беретъ начало въ сѣверо-восточныхъ ущельяхъ Казбека изъ двухъ побочныхъ ледниковъ, раздѣленныхъ между собою узкою каменною грядой. На высотѣ 1.590 туазовъ (11.130 ф.), онъ представляетъ уже ледяную массу, образовавшуюся изъ фирна, лежащаго

¹ По той же самой причинѣ и Араратъ, который меньше Казбека, кажется выше его.

выше этого предѣла. Спускаясь по долину Дездароки или Цахъ-Дона, постоянно направляющейся къ сѣверо-востоку, и впадающей нѣсколько выше Даріельскаго ущелія въ долину Терека, описываемый нами ледникъ покрывается множествомъ обломковъ, располагающихся въ морены, срединную и боковыя. Срединная морена составляетъ тутъ изъ двухъ боковыхъ моренъ, принадлежащихъ сходящимся ледникамъ; она украшена многими такъ-называемыми ледяными столами, и къ концу ледника расширяется.

Дездарокскій ледникъ особенно интересенъ по своимъ обваламъ, которые повторяются чрезъ много лѣтъ, и въ весьма неопредѣленные періоды. Вслѣдствіе такихъ обваловъ долина Терека, выше Даріельскаго ущелія, версты на двѣ бываетъ загромождена льдомъ и каменьями, на высоту отъ 300 до 500 футовъ. Цахъ-Донъ и Терекъ, остановленные обваломъ, затопляютъ долину, пока наконецъ прошибутъ обвалъ, и съ новою силою ринутся по своему прежнему пути. Обломки моренъ и горный щебень по долину Терека уносятся далѣе, за Владикавказъ, въ равнины; въ самой долину на долгое время дорога становится почти непроходимой, или по крайней мѣрѣ должна пролегать между двумя стѣнами льда и каменьевъ, ежеминутно угрожающихъ паденіемъ.

Обвалы Дездарокскаго ледника были въ слѣдующихъ годахъ: 1776, 1808, 1817 и 1833, и всякій разъ сопровождался такимъ грохотомъ, который былъ слышенъ въ горахъ на разстояніи 50 верстъ и болѣе. Само собою разумѣется, что подобныя катастрофы влекутъ за собою самыя печальныя послѣдствія, не только паденіемъ огромной массы льда и каменьевъ, но и происходящими при этомъ порывами сильнаго вѣтра. Кому неизвѣстно, какія ужасныя несчастія бывають отъ ледниковыхъ или снѣговыхъ обваловъ въ Швейцарскихъ и другихъ горахъ? Обширныя пространства заваливаются снѣгомъ и льдомъ; движенія вѣтра, при этомъ образующіяся, бывають такъ сильны, что цѣлыя лѣса вырываются съ корнемъ, или даже разносятся, какъ пухъ.

Причиною Дездарокскихъ обваловъ вообще надо полагать крутость террасообразно спускающейся долины. Коленати объясняетъ это еще исключительнымъ положеніемъ

главнаго ледника относительно побочных, именно соединеніем ихъ подъ угломъ въ 15° , и тѣмъ еще, происходитъ ли это соединеніе зимой или лѣтомъ. Конечно, обстоятельство, на которое указываетъ Коленати, можетъ болѣе или менѣе содѣйствовать усиленному движенію ледника; но главною причиною все-таки должны быть крутость и уступообразное расположеніе долины.

Въ Швейцаріи и другихъ странахъ движеніе ледниковъ сопровождается такими явленіями, которыя доказываютъ чрезвычайное давленіе ледяной массы на прилежащія горныя породы. Это обнаруживается тѣмъ, что дно и бока долины, по которымъ спускаются ледники, бываютъ исчерчены и выполированы какъ стекло. Обломки породъ, подвергающіеся при этомъ тренію, также бываютъ отполированы и исчерчены. Для швейцарскихъ ледниковъ означенныя явленія такъ отличительны, что по нимъ можно заключать о пребываніи этихъ ледяныхъ массъ даже въ такихъ мѣстахъ, куда въ настоящее время онѣ и не достигають, можно заключать о томъ, что прежде они были гораздо обширнѣе чѣмъ нынѣ. Но замѣчаются ли подобныя явленія въ ледникахъ Эльбруса и Казбека? Повидимому, они необходимо должны быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледники проходятъ между твердыми породами, но ни Абихъ, ни Коленати не упоминають объ этихъ явленіяхъ, потому ли что ихъ тамъ дѣйствительно нѣтъ, вслѣдствіе слишкомъ мягкихъ породъ, заключающихъ ледники, или потому что они не были замѣчены. Оба путешественника говорятъ только о признакахъ, которые оставлены обвалами въ долинѣ Терека. Стѣны этой долины дѣйствіемъ ледниковыхъ обваловъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сглажены или даже совершенно выполированы. Это особенно можно видѣть на гранитныхъ стѣнахъ правой стороны Терека, въ томъ мѣстѣ, которое лежитъ прямо противъ устья роковой долины лавинъ, и которое слѣдовательно выдерживаетъ весь напоръ низвергающагося обвала.

Наконецъ я обращаюсь къ тому сочиненію, которое было, такъ-сказать, послѣднимъ словомъ Абиха относительно геологіи Кавказскихъ странъ именно: *Vergleichende Grandzüge der Geologie des Kaukasus wie der Armenischen und nordpersischen Gebirge*. Оно помѣщено въ мемуарахъ Петербургской

академіи наукъ за 1859 годъ. Тамъ же помѣщены еще двѣ статьи Абиха о Кавказѣ¹; но онѣ служатъ только для болѣе подробнаго поясненія нѣкоторыхъ частей главнаго мемуара, и потому могутъ быть разсматриваемы съ нимъ въ одно время.

Мемуаръ, о которомъ мы говоримъ, состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: 1) изъ орографическаго описанія кавказскихъ странъ; 2) изъ описанія вулканизма, обусловившаго эту орографію, и доннынѣ обнаруживающаго себя горячими источниками, грязными вулканами, отдѣленіемъ горючихъ газовъ и нефти; сюда же относится описаніе эруптивныхъ или огневыхъ породъ, участвовавшихъ въ поднятіи кавказскихъ странъ, и образованіи тамошнихъ рудныхъ мѣсторожденій; 3) третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе осадочныхъ формацій Кавказа и Закавказья, формацій, которыя свидѣтельствуютъ, что эти страны подвергались многимъ физическимъ переворотамъ, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ должны были измѣняться и растенія и животныя тамъ находившіяся.

Каждый изъ означенныхъ отдѣловъ, по своей обширности и занимательности, требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

1. Орографія Кавказскихъ странъ.

Въ 1844 году, во время путешествія своего по Алтаю, я восходилъ на многія и весьма высокія горы, но ни одна изъ нихъ не оставила во мнѣ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Холзунъ, тотъ снѣговой хребетъ, который раздѣляетъ воды двухъ огромнѣйшихъ системъ, Оби и Иртыша. По мѣрѣ восхожденія на Холзунъ, пространство мною обозрѣваемое становилось все шире и шире; многія горы, которыхъ прежде нельзя было видѣть, постепенно выплывали передо мною, и вмѣстѣ съ другими тянулись длинными рядами. На самой вершинѣ Холзуна представилось мнѣ изумительное зрѣлище! Я былъ пораженъ необычно-

¹ *Vergleichende chemische Untersuchungen des Wassers des kaspischen Meeres, Urmia — und Van-Sees.* (съ 2 табл.). *Ueber das Steinsalz und seine geologische Stellung im Russischen Armenien.* (съ 11 табл.) Въ *Mém. de l'Acad. des Scienc. de St. Petersb.* Tome VII et dernier. 1859.

вѣнныиъ разнообразіемъ повсюду волнующихся горъ. Онѣ то располагаются стройными рядами, то сходятся или сталкиваются между собою, и какъ бы желая пересилить одна другую въ этой гигантской схваткѣ, поднимаются огромною массою. Все это до такой степени обворожительно, что вы наконецъ забываетесь, и вамъ кажется, что горы дѣйствительно движутся передъ вами, что тутъ происходитъ какая-то страшная битва между подземными великанами, которые громоздятъ горы на горы, и, подобно древнимъ титанамъ, сидятъ взобраться на небо.

Мнѣ кажется, что такое же или еще болѣе великолѣпное зрѣлище представилось бы намъ, еслибы мы, поднявшись на известную высоту, взглянули на Кавказъ и вообще на то обширное пространство, которое лежитъ между Каспійемъ и Чернымъ моремъ. Оно все взволновано разнообразнѣйшими горами; точнѣе сказать, это цѣлый океанъ горъ, бурный, клочущій, то вздымающійся до облаковъ, то упдающій въ бездны. Тутъ видимо происходила некогда ужасная борьба между земною корою и внутренними плутоническими силами, стремившимися поднять и разорвать ее.

Горы Кавказскихъ странъ съ перваго взгляда дѣйствительно представляются настоящимъ хаосомъ; но, разбирая этотъ хаосъ по началамъ нынѣшней геологіи, Абихъ нашелъ, что онѣ составляютъ четыре главныя системы, выразившіяся, болѣе или менѣе ясно, четырьмя различными направленіями, и, по всему вѣроятію, образовавшіяся во столько же главныхъ пріемовъ.

Собственно говоря, подъ названіемъ системы Абихъ разумѣть тутъ соединеніе такихъ горныхъ цѣпей, въ которыхъ по наружному ихъ виду, распределенію и строенію можно признать болѣе или менѣе самостоятельное, по общему началу образованное цѣлое,—горы, которыя подняты въ одно время, или въ періоды весьма близкіе одинъ къ другому. Однѣ изъ этихъ горъ, по изслѣдованіямъ Абиха, были подняты въ направленіи отъ запада къ востоку, другія—отъ юго-востока къ сѣверо-западу, третьи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и наконецъ четвертыя отъ сѣвера къ югу.

Господствующими горами въ кавказскихъ странахъ оказываются тѣ, которыя простираются отъ запада къ востоку.

Собственно въ Кавказскихъ горахъ западно-восточное направление выражается тѣми горными цѣпями, которыя примыкають къ главному гребню Кавказа подъ острымъ угломъ; таковы въ особенности съ его южной стороны Сванетскія горы и Рача. Но самымъ яснымъ образомъ западно-восточное направление выразилось въ Грузинскихъ и Армянскихъ горахъ. Онѣ составляютъ нѣсколько параллельныхъ рядовъ, начиная отъ широкихъ долинъ Ріона и Куры до озеръ Вана и Урміа. Къ самому сѣверному ряду этихъ горныхъ цѣпей принадлежатъ Картали-Имеретинскія и Ахалцихъ-Имеретинскія, потомъ Триалетскія и Сомхетскія цѣпи, далѣе горы пересѣкаемыя озеромъ Гокчай, именно Безобдалъ и Памбакъ съ одной стороны, Кендурьдахъ и Муравъ-дахъ съ другой. Наконецъ, въ южной части Арменіи то же направление является огромною массою горъ, которыя въ свою очередь не иное что какъ продолженіе той гигантской цѣпи, которою условливается орографическое образованіе Малой Азіи и сѣверной Персіи. Въ Малой Азіи эта западно-восточная цѣпь называется Таврскими горами; приближаясь къ Эрзеруму, она раздѣляется на двѣ вѣтви, протягивающіяся чрезъ всю Турецкую Арменію и Азербейджанъ, и пересѣкающіяся тутъ многими группами горами; это тѣ самыя вѣтви, на протяженіи коихъ находятся высочайшіе вулканическіе конусы, Араратъ, Саваланъ, Сагендъ и другіе. Тавры, освободясь, такъ-сказать, отъ борьбы съ пересѣкающими ихъ горами, и выходя изъ Азербейджана, опять принимаютъ весьма явственно западно-восточное направление, и образуютъ Эльбурскій хребетъ, занимающій всю сѣверную часть Персіи, и наконецъ оканчивающійся горами Гиндуку (Индійскій Кавказъ, Паранамезусъ). Въ этомъ мѣстѣ онъ пересѣкается Болорскою цѣпью, направляющеюся отъ сѣвера къ югу. Какъ ни огромно протяженіе Тавро-Эльбурской цѣпи, отъ береговъ Эгейскаго моря до Индіи, но собственно она не ограничивается этими предѣлами; въ Азіи продолженіе ея составляютъ Куэнлунскія горы, а въ Европѣ средиземный поясъ вулкановъ до Азорскихъ острововъ. Вытянутая форма Европейско-Азійскаго континента по направленію отъ запада къ востоку, очевидно, зависитъ отъ этой самой цѣпи, или, точнѣе сказать, отъ того поднятія земной коры которое образовало эту горную цѣпь. Древніе географы по

читали ее среднею линіей между сѣвѣрною и южною частями всего стараго свѣта (діафрагма, у Дикеарха и Эратосѣена).

Юго-восточное или сѣверо-западное направленіе Кавказскихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ горъ, подобно предыдущему, находится въ связи съ поднятіями средней Азіи и Персіи. Внутри Азіи сѣверо-западное направленіе представляетъ высочайшій Гиммалайскій хребетъ; подъ 90° вост. долготы, встрѣтившись съ меридіональнымъ хребтомъ Болоромъ и съ восточнымъ продолженіемъ Эльбурса или съ Гиндуку и съ Куэнлуномъ, онъ образовалъ огромный горный узелъ. Точно такое же орографическое явленіе представляетъ намъ горная система Загросъ, отстоящая на 30 градусовъ къ западу отъ Гиммалая, и составляющая границу между Иранскимъ плоскогорьемъ и Курдистаномъ. Своею сѣвѣрною оконечностію онъ соединяется съ восточными вѣтвями малоазійскаго Тавра, и вмѣстѣ съ ними обнимаетъ котловину озера Ванъ. Поднятіе Гиммалая было причиною образованія при его подошвѣ низменной страны, простирающейся по теченію Инда до береговъ Индійскаго моря. Такая же низменная страна идетъ при подошвѣ Загроса: это страна Евфрата и Тигра, Аджезиръ и Иракараби. Такимъ образомъ сѣверо-западное направленіе для внутренней Азіи и Ирана есть Загро-Гиммалайское направленіе. Это направленіе, опредѣляемое орографически, стратиграфически и другими началами, болѣе или менѣе выказывается въ сѣвѣрной части Эльбурскаго хребта, въ промежуткѣ между высочайшими его пиками, Демавендомъ и Ак-дахомъ. Но самыя несомнѣнныя доказательства загро-гиммалайскаго направленія, мы находимъ между горами Азербейджана, русской Арменіи, Грузіи и собственнаго Кавказа. Нельзя не замѣтить этого направленія въ горахъ Талышинскихъ и Гилянскихъ, составляющихъ западный берегъ Каспійскаго моря, потомъ въ Карабахскихъ, примыкающихъ къ озеру Гокчай, наконецъ въ отрогахъ, которые тянутся по теченію Аракса и Куры. Самыя русла рѣкъ Аракса и Куры, или точнѣе долины, по которымъ онѣ протекаютъ, на большей части своего протяженія также имѣютъ загро-гиммалайское направленіе, и представляются огромными трещинами, образовавшимися во время поднятія горъ. Сюда же надо отне-

сти и образованіе нагорной котловины, занимаемой озеромъ Гокчай, и представляющей одинаковое направленіе съ теченіемъ Аракса и Куры. Столь же или еще болѣе ясно загро-гималайское направленіе выражается въ направленіи главнаго Кавказскаго хребта. Продольныя ось Чермнаго, или Краснаго, моря, и Персидскаго залива имѣютъ одинаковое значеніе съ озеромъ Гокчай, и представляются такими же трещинами, какъ обширныя долины Аракса и Куры. Острова Эгейскаго моря, горы Греціи Далмаціи, главная ось Адриатическаго моря имѣютъ тако же направленіе.

Поднятіе горъ въ юго-западномъ или въ сѣверо-восточномъ направленіи столь же обыкновенно на пространствѣ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, какъ и предыдущее. Посреди Кавказскихъ горъ означенное поднятіе имѣетъ несомнѣнное и чрезвычайно важное орографическое значеніе внутри Дагестана. Исходный пунктъ его, повидимому, составляютъ тутъ Богозскія горы (Bogozis-Mthawi) находящіяся въ юго-западной части Аваріи, и поднимающіяся до сѣвѣрвой области. Этими центральными массами Дагестана начинается продольная ось Аварійскаго плоскогорья. Будучи параллельна рѣчнымъ долинамъ Андійскаго и Аварійскаго Койсу и среднему направленію самаго Андійскаго хребта, эта ось въ своемъ сѣверномъ продолженіи встрѣчается прежде всего съ поперечною разсѣлиною, въ 3.000 фут. глубиною, которая составляетъ русло Сулака, прорывающаго тутъ горы Сала-тау и Тусъ-тау далѣе на сѣверо-востокъ, означенная ось встрѣчается новую разсѣлину или новое ущелье, то самое, въ которомъ протекаетъ рѣка Осень между горами Капчага и Кумтуръ-кале. Кромѣ Аварійской оси, сѣверо-восточное поднятіе выразилось еще въ поперечныхъ цѣпяхъ самаго Кавказа, примыкающихъ къ Дагестанской странѣ и въ другихъ, которыми соединяются гребни Кавказа главный и боковой. Наконецъ, въ томъ же направленіи какъ мы видѣли выше, подняты всѣ горы, находящіяся по сосѣдству съ Пятигорскомъ, исключая Бештау и Кумъ-горы, относящихся къ сѣверо-западному поднятію. Въ Грузіи и Арменіи дѣйствіе сѣверо-восточныхъ поднятій является еще опредѣлительнѣе и яснѣе чѣмъ въ самомъ Кавказѣ. Къ такимъ поднятіямъ безспорно принадле-

жаты Мескинскія горы, разграничивающія Грузію отъ Имеретіи и Мингреліи. Впрочемъ, онѣ сами составляютъ продолженіе весьма длиннаго хребта, извѣстнаго обыкновенно подъ названіемъ Антитавра. Начало его въ Малой Азіи, или собственно въ Киликіи; поднимаясь къ сѣверо-востоку, онѣ достигаетъ значительной высоты, и образуетъ водораздѣлъ между Евфратомъ и Джиганомъ; въ томъ же направленіи, къ сѣверу отъ Эрзерума, онѣ принимаетъ названіе Антитавра, и почти непосредственно примыкаетъ къ Мескинскимъ горамъ. Въ самой Арменіи сѣверо-восточное поднятіе имѣетъ значеніе не столько орографическое, сколько гидрографическое и стратиграфическое. Такъ между верхнимъ теченіемъ Куры и Аракса оно составляетъ линію водораздѣла, которая весьма опредѣлительно проходитъ чрезъ трахитовыя куполы Абула, Тишишъ-теппэ, Гѣкъ-Дахъ, потомъ чрезъ кратерныя озера Чилдирской системы, и далѣе до меридіональнаго хребта Саганли. Въ другихъ мѣстахъ Арменіи, и вообще между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, сѣверо-восточное поднятіе всего чаще обозначается стратиграфическими линіями, то-есть поднятіемъ пластовъ и образованіемъ трещинъ въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Этому вліянію, какъ мы увидимъ послѣ, преимущественно подверглись древнѣйшія или палеозоицескія формаціи. Сѣверо-восточное поднятіе этихъ формацій протягивается діагонально чрезъ Арменію, и особенно замѣтно къ югу отъ Арарата. Подземныя силы, содѣйствовавшія поднятію означенныхъ пластовъ, были вмѣстѣ причиною и образованія многихъ замѣчательныхъ долинъ или разсѣлинъ, простирающихся въ сѣверо-восточномъ направленіи. Встрѣтившись съ горами, направленными къ сѣверо-западу, онѣ превращались какъ бы въ трещинообразныя плюзы, черезъ которые, вѣроятно, стекали существовавшія тогда нагорныя озера, а теперь протекаютъ чрезъ нихъ рѣки. Замѣчательнѣйшія изъ такихъ ущелій представляетъ намъ теченіе рѣкъ Куры, Сулака и Кизель-Узена или Зефидъ-Руда; первое находится въ Триалетскихъ горахъ, между Атцкури и Бардѣюмомъ, второе между Сала-тау и Тусъ-тау, въ Дагестанѣ, третье въ горахъ Рудбаръ, принадлежащихъ къ Эльбурскому хребту, въ сѣверной Персіи. Сѣверо-восточное поднятіе Кавказскаго перешейка замѣчательно для насъ

еще въ томъ отношеніи, что оно происходило въ одно время и по одному направленію съ осью большаго средне-азійскаго поднятія; мы разумѣемъ тутъ Тяньханскій хребтъ, простирающійся отъ Болорской цѣпи или отъ Персіи до Монгольской степи Гоби. Выраженіе того же поднятія мы находимъ еще въ Аравіи и особенно въ Персіи. Въ послѣдней наиболѣе пластично обнаружилось оно въ среднемъ направленіи береговой террасы Белуджистана, наиболѣе поднимающейся около Келата, также въ системѣ безчисленныхъ параллельныхъ цѣпей Авганистана. Въ томъ же направленіи, при подошвѣ означенныхъ горъ, располагается низменная соленая степь, ограниченная съ сѣвера и запада высокою страной Мешада, Герата, Тегерана и Исфaghани. Средину этой обширной соленой степи занимаетъ озеро Зарехъ, напоминающее собою гидрографическое положеніе Каспійскаго моря, и соленыхъ озеръ Урмія и Ванъ.

Съ тою же правильностію, какъ предыдущее направленіе, въ Кавказскихъ и Армянскихъ горахъ является цѣлая система орографическихъ и стратиграфическихъ поднятій, слѣдующихъ направленію меридіана. Впрочемъ, въ сравненіи съ другими поднятіями, особенно съ западно-восточнымъ, получившимъ такое сильное развитіе на всемъ пространствѣ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, меридіональное направленіе занимаетъ не слѣшкомъ широкую полосу. Эта весьма физиогномическая полоса начинается съ сѣверной покатости Кавказа, между верхнимъ теченіемъ Малки и Кубани, отъ самой подошвы гигантскаго Эльбруса. Ее составляетъ тутъ система плоскихъ, длинныхъ и широкихъ террасъ, постепенно понижающихся до Темнолѣска и Ставрополя (7.700—1.180 ф.). Самая верхняя изъ этихъ террасъ, непосредственно примыкающая къ подножію Эльбруса, называется Бечесанскою. Близъ Бермамука она сѣняется другою, и потомъ третьею, болѣе и болѣе понижающимися террасами. Ось означенной полосы составляетъ водораздѣлъ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, простирающійся черезъ Манычь, быть-можетъ, до самаго города Царицына¹. На южной покатости Кавказскаго хребта

¹ См. Дополненіе въ концѣ статьи 3.

меридіанное поднятіе выразилось не столько орографически, сколько образованіемъ трещинъ и стратиграфическихъ измѣненій, особенно въ горахъ Сванетіи и Рачи, прилегающихъ къ главному Кавказскому гребню. Какъ свидѣствіе двухъ различныхъ поднятій, сѣверо-восточнаго и сѣверо-западнаго, Кавказскій гребень и означенныя горы составляютъ между собою уголъ. Въ нихъ постоянно замѣчаются пласты, поднятые въ направленіи меридіана. Безъ сомнѣнія, это зависѣло отъ плутоническаго переворота, послѣдовавшаго за образованіемъ Сванетскаго хребта. Къ тому же плутоническому перевороту должны быть отнесены разсѣданія пластовъ, сбрасыванія и пещеровидныя провалы какіе можно наблюдать въ горахъ Рачи, около Хотевы и Никола-Чмида, и въ горахъ, окружающихъ котлообразную долину Окриба. Линейная система разсѣдинъ и трещинъ, пересекающихъ означенныя горы въ ихъ направленіи, обуславливаетъ въ нихъ особенныя гидрографическія явленія, именно составляетъ причину мгновеннаго исчезанія нѣкоторыхъ рѣкъ въ тамошнемъ краѣ, и потомъ появленія ихъ снова въ болѣе глубокихъ мѣстахъ послѣ 2—4-верстнаго скрытаго теченія. Такое явленіе между прочимъ представляютъ рѣки Чхаруля и Тквибуль. Въ горахъ Грузіи и Арменіи меридіанальныя поднятія имѣютъ преимущественно орографическое значеніе. Онѣ являются тутъ плосковыпуклыми параллельными хребтами, направляющимися отъ сѣвера къ югу, и грядами вулканическихъ конусовъ расположенными въ томъ же направленіи и разграничивающими собою высокое плоскогорье Арменіи. Весьма замѣчательно, что эти меридіанныя поднятія служатъ водораздѣлительными линіями между Каспіемъ, Чернымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, и являются какъ бы повтореніемъ ставропольскаго плоскогорья, находящагося на сѣверной покатости Кавказа между черноморскими и каспійскими водами. Одинъ изъ водораздѣловъ, о которыхъ мы говорили выше, представляютъ намъ горныя массы, которыя составляютъ восточную границу плосковыпуклыхъ областей Ахалкалаки, Чилдиръ и Александрополя. Онъ начинается грядою вулкановъ Годорейи и двойною системою горъ Абуль. При южномъ концѣ этой гряды, водораздѣлъ отходитъ нѣсколько къ востоку и продолжается прямо къ югу до трахитовыхъ куполовъ Агри-

Каръ и Тцишъ-Тепнѣ. Отсюда его образуютъ горы Абода, Агъ-Лагунъ и другія, составляющія восточную окраину Александропольскаго плоскогорья. Далѣе къ югу, водораздѣлъ направляется чрезъ вулканическіе куполы Деллагаръ, Гальгета, Алагезъ и Араратъ. Другую вулканическую гряду составляютъ трахитовые куполы Саганли-дахъ, лежащіе къ западу отъ Алагеза и Арарата; они образуютъ начальный водораздѣлъ между рѣчными областями Куры и Аракса съ одной стороны, и Чорока или Евфрата съ другой. Къ востоку отъ Алагеза и Арарата, меридіанное поднятіе является еще двумя параллельными грядами: одну изъ этихъ грядъ составляютъ плоскія возвышенности Агмангана, съ трахитовыми горами Босдахъ, Акдахъ, Каплигѣль и Агманганъ; другая гряда соотвѣтствуетъ полю трахитовыхъ поднятій Даридахъ, Аледжа, Каксахъ и Гѣкахъ, пересѣкающихъ Нахичеванскій бассейнъ, столь извѣстный по своему богатству каменною солью. Но самый обширный водораздѣлъ, зависящій отъ меридіаннаго поднятія горъ, находится къ югу отъ Арарата, между Каспіемъ и Персидскимъ заливомъ. Онъ начинается высокими вулканическимъ плоскогорьемъ Турецко-Персидскихъ пограничныхъ владѣній, между нагорными озерами Ванъ и Урміа, и, спускаясь къ югу, доходитъ до горнаго узла Курдистанской страны. Имъ разграничиваются двѣ обширныя рѣчныя области, Зефидъ-Руда и Тигра. Очевидно, что вся система меридіанныхъ поднятій между морями Каспійскимъ и Чернымъ принадлежитъ къ одной полосѣ, ограничивающейся меридіанами Казбека и Эльбруса. Судя потому что въ этой полосѣ заключаются самыя высокіе пики и наибольшее число трахитовыхъ или долеритовыхъ куполовъ, надо полагать, что тутъ происходили нѣкогда и самыя могучіе вулканическіе перевороты. Дѣйствительно, меридіанное поднятіе на всемъ земномъ шарѣ было причиною образованія весьма высокыхъ и длинныхъ хребтовъ, каковы американскіе Анды, Уралъ Алатагъ, Болоръ, Салиманъ и др.

Взглянемъ еще разъ на орографію странъ, находящихся между Каспіемъ, Чернымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ. Въ нихъ очевидно преобладаютъ два направленія, западно-восточное и юго-восточное или сѣверо-западное. Углы, подъ которыми эти два направленія пересѣкаются, различны.

Для Кавказскихъ горъ уголъ можно принять въ среднемъ мѣстѣ 25° , для Армянскихъ $31^\circ 30'$, а для сѣверной Персіи $30^\circ 30'$. Небольшой уголъ, который составляютъ въ Кавказскихъ горахъ два означенныя направленія, и малое орографическое значеніе двухъ другихъ направленій, именно меридіаннаго и сѣверо-восточнаго, были главною причиною, что весь Кавказъ съ перваго взгляда представляется однимъ длиннымъ хребтомъ. Напротивъ, въ Арменіи, гдѣ уголъ между господствующими поднятіями больше, гдѣ въ то же время и другія поднятія имѣютъ явственное орографическое выраженіе, страна является совершенно особенною: это обширныя плоскогорья, ограниченныя взаимнымъ пересѣченіемъ всѣхъ главнѣйшихъ поднятіи. Сталкиваясь между собою, они должны были подавать поводъ къ болѣе могучимъ образованіямъ. И дѣйствительно, всѣ высочайшіе пики Арменіи находятся въ точкахъ взаимнаго пересѣченія поднятіи, каковы въ особенности Алагезъ и Араратъ. Послѣдній занимаетъ среднее положеніе внутри Армянской области; въ то же время, по замѣчанію Риттера, онъ составляетъ точку пересѣченія двухъ огромнѣйшихъ континентальныхъ осей Стараго Свѣта. Сѣверная Персія вообще имѣетъ почти такое же орографическое образованіе, какъ Арменія, исключая того что меридіанное, направленіе не представляетъ тамъ столь же явственнаго образованія. Среднія оси юго-западныхъ и юго-восточныхъ поднятіи въ тамошнихъ странахъ пересѣкаются подъ угломъ 115° — 116° . Такой же уголъ эти направленія составляютъ въ Кавказскихъ и Армянскихъ горахъ. Меридіанная линія поднятіи въ Арменіи пересѣкаетъ среднюю ось западно-восточныхъ поднятіи подъ угломъ въ 92° . Обѣ линіи встрѣчаются въ Араратѣ.

2. Вулканизмъ, плутонизмъ и рудоносность кавказскихъ странъ.

А. Вулканизмъ.

Вышеизложенная орографія Кавказа и Закавказья обуславливалась тѣми же силами, которыя были причиною общей орографіи земнаго шара, и извѣстны подъ названіемъ эруптивныхъ, либо вулканическихъ и плутоническихъ

силъ. Намъ уже извѣстно изъ предыдущаго, что эти силы въ описываемыхъ нами странахъ еще донынѣ не успокоились, и продолжаютъ обнаруживать себя горячими минеральными источниками, отдѣленіемъ различныхъ газовъ и грязными изверженіями. Прежнее дѣйствіе эруптивныхъ силъ въ тѣхъ же странахъ доказываютъ погасшіе вулканы и большія горныя разсѣлины, наполненныя разнообразными плутоическими породами и столь же разнообразными рудами. Но весьма замѣчательно, что всѣ эти эруптивныя проявленія, и прежнія и нынѣшнія, находятся въ самой тѣсной связи съ вышеописанными горными подвиженіями и ихъ направленіемъ. Не доказываетъ ли это яснымъ образомъ, что тѣ и другія произошли отъ одинаковыхъ причинъ? Разсмотримъ въ общихъ чертахъ эту зависимость, слѣдуя указанію Абуха.

Самые горячіе, и въ то же время, самые обильные изъ кавказскихъ источниковъ, вытекаютъ изъ разсѣлинъ, направляющихся отъ запада къ востоку, вдоль сѣверной и южной окраинъ Малой Чечни, между Терекомъ и Сунжей. При сѣверной окраинѣ они щелочнаго свойства (natrothermae), а при южной и вдоль Сунжи—соленого (halothermae). Температура ихъ отъ 29° до 77° по Р. Щелочные источники описываемой полосы въ настоящее время почти все не заключаютъ въ себѣ земаистыхъ частей, между тѣмъ какъ прежде они были ими весьма богаты, и образовали въ теченіе времени большіе осадки чистаго травертину. Въ тѣхъ же источникахъ Абухъ нашелъ значительное участіе того углекислороднаго газа, которымъ обуславливаются огненные явленія Апшеровскаго полуострова. Согласно съ главнымъ направленіемъ Кавказскаго хребта, отъ юго-востока къ сѣверо-западу, лежатъ въ одной линіи сѣверныя источники (theiothermae) на Апшеровскомъ полуостровѣ, щелочные въ Кунехкентѣ, квасцовые въ Акти, и другія щелочные въ Генальдонской долинѣ, къ сѣверу отъ Кабека. Температура ихъ отъ 19° 6 до 42° 2 по Р. Тому же направленію слѣдуетъ полоса замѣчательнѣйшихъ сѣверныхъ источниковъ, находящихся въ промежуткѣ между Дербентомъ и Сулакомъ, около Чиръ-Юрта. Источники, находящіеся около Желъзноводска, Пятигорска, Эссентуковъ, Кисловодска и вообще между Эльбрусомъ и Бештау, принадлежатъ къ особой системѣ нежели прочіе; они занимаютъ широкую

полосу, направляющуюся отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и видимо выходятъ изъ тѣхъ трещинъ, которыя были слѣдствіемъ пересѣченія двухъ поднятій, юго-восточнаго и юго-западнаго, происходившихъ тутъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ. Температура описываемыхъ источниковъ между 7° и 36° по Р. и не показываетъ никакой зависимости отъ абсолютной высоты, на которой они выходятъ. Рѣзкую противоположность съ горячими источниками, щелочными и сѣрыми, вытекающими изъ глубокихъ долинъ или при подошвѣ хребта, составляютъ многочисленныя холодныя источники, содержащіе преимущественно углекислоту (кислая вода, *anthracogeneae*), и являющіеся на гребнѣ Кавказа, особенно между Казбекомъ и Эльбрусомъ, въ тамшнихъ осетинскихъ котловинахъ, также и въ высокихъ Рачинскихъ долинахъ. Положеніе ихъ согласно съ направлевіемъ главной оси Кавказскаго хребта, и почти повсюду ограничивается кристаллическими сланцами, особенно въ сосѣдствѣ съ трахитами. Во многихъ мѣстахъ этимъ источникамъ сопутствуютъ травертиновые осадки, преимущественно образовавшіеся изъ прежнихъ водъ; нынѣшнія же воды весьма бѣдны землистыми началами, не исключая углекислой извести.

Зависимость кавказскихъ минеральныхъ водъ отъ того или другаго изъ главныхъ направленій хребта, очевидно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такую же зависимость отъ горныхъ поднятій представляютъ и прочія проявленія вулканической силы на Кавказѣ, каковы отдѣленіе углеводороднаго газа, изліяніе нефти, періодическіе огни и грязныя изверженія. Всѣ исчисленныя явленія подчиняются тамъ двумъ направленіямъ, западновосточному и юговосточному. Подобно горячимъ источникамъ, они преимущественно обнаруживаются при подошвѣ Кавказа, и самыя могучія изъ нихъ сосредоточены при оконечностяхъ этого хребта, на Апшеронскомъ полуостровѣ и въ Тамани. Описывая путешествіе Дюбуа и Эйхвальда, мы довольно подробно говорили объ этомъ предметѣ. Въ сочиненіи Абиха онъ также изложенъ подробно; особенно же любопытно описать авторомъ самый замѣчательный изъ грязныхъ вулкановъ, именно находящійся около Темрюка на Тамани, и называющійся Гилою горой. Собственно вулканическія явленія Кавказа, характеризующіяся лавовыми потоками

и туфами, находятся только посреди кристаллическихъ пологъ, занимающихъ самую верхнюю область хребта. Они группируются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ главная ось западновосточныхъ поднятій пересѣкается подъ угломъ $27^{\circ} 42'$ другою линіей поднятія Кавказа, простирающагося отъ юговостока къ сѣверозападу. Это положеніе получаетъ еще большее значеніе отъ встрѣчи съ меридіанными поднятіями, имѣющими въ тѣхъ мѣстахъ несомнѣнный вулканической характеръ. Такъ на южной сторонѣ главнаго Кавказскаго гребня простирается высокая вулканическая страна Кели и Гудови, которая вмѣстѣ съ Красными горами около Кашаура, по замѣчанію Абиха, чрезвычайно походить на Малую Овернь во Франціи. Какъ это образованіе, такъ и отдѣльные трахитовые прорывы, встрѣчающіеся на той же южной сторонѣ хребта, въ верхней долиנѣ Ріона, имѣютъ явное отношеніе къ общей трещинѣ, простирающейся отъ запада къ востоку. Но самое могучее проявленіе вулканизма находится на сѣверной сторонѣ гребня, именно: въ Казбекѣ, съ его лавовыми потоками, и въ другихъ окружающихъ его трахитовыхъ поднятіяхъ; потомъ въ великолѣпныхъ порфировыхъ горахъ Чегена, и соединенныхъ съ ними прорывахъ обсидіана, пехштейна, пемзовыхъ конгломератовъ и туфовъ, распространенныхъ на сѣверовостокъ отъ Нальчика; наконецъ въ Эльбурсѣ, съ его колоссальными лавовыми потоками и изверженными конусами, достигающими почти до кратерообразной вершины.

Въ грузино-армянскихъ горахъ зависимость распредѣленія горячихъ источниковъ отъ двухъ главныхъ направленій поднятія, западно-восточнаго и сѣверо-западнаго, выразилась не менѣе ясно чѣмъ на Кавказѣ. Съ первымъ изъ этихъ направленій имѣютъ согласное положеніе слѣдующіе горячіе источники: Тифлисскіе, находящіеся въ долинахъ Салалаки и Лиссъ, въ самыхъ сѣверныхъ отрогахъ Триалетскихъ горъ; источники Абаго, также принадлежащіе къ Триалетскимъ горамъ; Боржомскіе, находящіеся въ глубокой соименной долинѣ, и Абасъ-Таманъ, при южной подошвѣ Ахалцыхъ-Имеретинскаго хребта. Въ томъ же направленіи располагаются весьма многіе источники, которые вытекаютъ изъ горъ, проходящихъ по Арменіи и составляющихъ продолженіе Тавра. Источники, расположенные по направленію сѣверо-западной вулканической оси

находятся въ большомъ количествѣ при сѣверной подошвѣ Сабалана, въ верхней долинѣ Арпачия, въ Даралагезѣ, и въ долинѣ Тертера, на юго-востокъ отъ Гокчинскаго озера.

Погасшіе вулканы, принадлежащіе Грузіи и Арменіи, были описаны нами выше; ихъ тамъ чрезвычайное множество; съ одной стороны они слѣдуютъ закону грядовыхъ, а съ другой закону центральныхъ вулкановъ, и это видимо зависитъ отъ того, что всѣ четыре вида поднятій являются тутъ въ видѣ весьма многихъ, то параллельныхъ, то пересѣкающихся цѣпей. Самые могучіе изъ тамошнихъ вулканическихъ центровъ, подобно кавказскимъ, находятся обыкновенно въ точкахъ пересѣченія осей; таково именно положеніе Арарата, Алагеза, Агмангана и другихъ извѣстныхъ вулкановъ.

В. Плутонизмъ и рудоносность.

Прорывы плутоническихъ породъ и соединенное съ ними появленіе рудъ, на Кавказѣ и въ Грузино-Армянскихъ горахъ, находятся въ такой же тѣсной зависимости отъ главныхъ направленій поднятія, въ какой вулканическія явленія, выше нами описанныя; точнѣе сказать, плутоническія породы сами были причиною поднятія Кавказскихъ и Грузино-Армянскихъ горъ и образованія тамошнихъ рудъ, являвшихся вмѣстѣ съ ними въ газообразномъ состояніи, либо въ видѣ металлическихъ растворовъ. Вслѣдствіе такой генетической связи между рудами и плутоническими породами, тѣ и другія находятся обыкновенно въ однѣхъ и тѣхъ же трещинахъ, имѣющихъ одинаковое направленіе съ главными горными осями.

Какія же изъ плутоническихъ породъ были причиною поднятія Кавказа и Грузино-Армянскихъ горъ, и какія изъ нихъ были по преимуществу рудоносными?

По изслѣдованіямъ Абиха, плутоническія породы Кавказа, Грузіи и Арменіи представляютъ три отдѣла, которые, по времени своего образованія, должны были слѣдовать одинъ за другимъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ Абихъ помѣщаетъ *гранитовыя* породы, чистѣйшаго типа, богатая кварцемъ, совершенно кристаллическія, переходящія иногда въ пегматитъ и протогинъ. Такіе граниты являются какъ *древнѣйшее* и основное образованіе въ Кавказскомъ хребтѣ,

между Эльбрусомъ и Казбекомъ, и въ Мескинскихъ горахъ, составляющихъ границу между Грузіей и Мингреліей. Граниты, подобные предыдущимъ, но, быть-можетъ, принадлежащіе болѣе *новому* періоду, образуютъ Крамскую долину въ Тріалетскихъ горахъ. Повидимому, еще новѣе граниты, которые входятъ въ составъ высокой Памбакской цѣпи и Карабахскихъ горъ между Ордубадомъ и Мигри. Древнѣйшіе граниты, сколько извѣстно, нигдѣ не сопровождаются рудами; напротивъ, болѣе новые граниты, именно встрѣчающіеся въ Памбакской цѣпи и около Мигри, оказываются рудоносными.

Граниты, бѣдные кварцемъ, непостояннаго характера, по всегда богатые полевымъ шпатомъ, вмѣстѣ съ сіенитами и діоритами, переходятъ во второй отдѣлъ, состоящій изъ *порфировыхъ* породъ. Этотъ отдѣлъ оказывается по преимуществу рудоноснымъ. Сюда принадлежатъ кварценовые полевешпатовые порфиры, тальковые протогивы, сіениты, діоритовые порфиры, фельзиты и эвриты. Эти послѣдніе въ свою очередь примыкаютъ къ большому классу весьма разнообразныхъ *безкварцевыхъ* эруптивныхъ породъ, чрезъ многочисленныя измѣненія переходящихъ уже въ породы вулканическія. Абихъ разумѣть тутъ олигоклазовые и лабрадоровые порфиры, діоритовые гринштейны, діабазъ, шальштейнъ, амигдалиты, амфиболитъ, гиперстенитъ, офитъ и змѣвикъ. Вышеозначенныя породы во всѣхъ горныхъ цѣпяхъ носятъ на себѣ печать эруптивнаго происхожденія по трещинамъ, и часто бываютъ сопровождаемы такъ-называемыми *поясами соприкосновенія* или *зонами* (Contact-Zone), которыя происходятъ отъ вліянія порфировъ на ближайшія къ нимъ осадочныя породы. Въ этихъ-то зонахъ, или измѣненныхъ породахъ, всего чаще и заключаются желѣзные и другія руды, образовавшіяся тутъ во время поднятія порфировъ путемъ возгонки или путемъ горячихъ минеральныхъ источниковъ.

Наконецъ третій отдѣлъ составляютъ породы собственно *вулканическія*, которыя во многихъ случаяхъ такъ незамѣтно переходятъ въ порфиры, что трудно положить точныя границы между тѣми и другими.

Рудныя мѣсторожденія на Кавказѣ и въ Грузино-Армянскихъ горахъ, какъ замѣчено выше, болшею частію находятся на линіи соприкосновенія порфировъ съ осадочными

породами, въ неправильныхъ зонахъ, либо штоками. Есть однако въ тамошнихъ странахъ и настоящія рудныя жилы или трещины, наполненныя рудами (*Erzgänge, filons-fentes*), и направляющіяся согласно съ горными осями и жиллообразно выступившими порфирами.

Рудныя мѣсторожденія, принадлежащія Кавказу и стоящія разработки, сколько донынѣ извѣстно, ограничиваются только тою частію горъ, гдѣ гранитовыя и порфировыя породы являются въ соединеніи съ кристаллическими сланцами, именно сѣверозападною половиною Кавказа; юго-восточная половина его, какъ увидимъ ниже, имѣетъ совсѣмъ другое образованіе. Съ сѣверной стороны Кавказскаго гребня въ означенныхъ предѣлахъ наибольшую надежду относительно рудоносности представляетъ пространство, лежащее между Казбекомъ и Эльбрусомъ. Въ настоящее время самымъ замѣчательнымъ изъ тамошнихъ мѣсторожденій почитается *Алагирское*, находящееся въ котлообразной осетинской долинѣ Наридона. Его составляютъ свинцово-серебряныя руды, вмѣстѣ съ бледною залегающія между олигоклазовымъ порфиромъ и кристаллическими сланцами. Тамошнія руды среднимъ числомъ содержатъ отъ 4 до 8 золоты въ пудѣ. По изслѣдованіямъ Абиха, тамъ есть значительныя указанія и на сѣрнистыя мѣдныя руды. Полевовишпатовыя и эвритовыя породы, являющіяся къ западу отъ Алагирскаго рудника въ высокихъ долинахъ Балкаріи, Хамзы, Чегемъ и Баксана, вплоть до гранитнаго основанія Эльбруса, повидимому, также должны быть сопутствуемы довольно богатыми свинцовосеребряными рудами. Тутъ есть слѣды древнихъ рудокопныхъ работъ. На южной покатости Кавказа, въ той же сѣверозападной половинѣ, руды и порфиры выступили по трещинамъ, направляющимся отъ запада къ востоку. Таково залеганіе желѣзныхъ и марганцовыхъ рудъ въ Карталини, Имерети и Мингрелии. Самымъ любопытнымъ изъ тамошнихъ мѣсторожденій по отношенію между эруптивными породами и желѣзными рудами, Абихъ почитаетъ разработки, находящіяся въ Имерети, въ верхней долинѣ Джеджора, на границѣ между Рача и Осетіей, по близости селенія Тседисъ, и принимаетъ его какъ бы за типъ для всѣхъ другихъ мѣсторожденій тамошняго края. Оно особенно замѣчательно тѣмъ, что залегають въ трещинахъ мѣлозого известняка, образовавшагося

въ то время, когда подымались изъ земли пироксено-лабрадоровые порфиры.

Рудныя мѣсторожденія Грузіи и Арменіи, также какъ и на Кавказѣ, преимущественно подчинены двумъ направленіямъ, западновосточному и югозападному или сѣверовосточному, съ ясными указаніями, что и меридіанное поднятіе также нерѣдко этому содѣйствовало. Господствующими металлами въ тамошнихъ горахъ оказываются желѣзо и мѣдь, добываемыя тутъ уже съ давняго времени. Напротивъ, свинецъ, серебро и особенно золото, несмотря на многія изслѣдованія, нигдѣ не встрѣчались въ значительномъ количествѣ.

Желѣзными и мѣдными рудами преимущественно богаты горныя цѣпи Грузіи и Арменіи, направляющіяся отъ запада къ востоку, именно Ахалцыхъ-Имеретинскія, Триалетскія, особенно же Ляльваръ, проходящія по Сомхетіи. Ляльваръ значитъ *рудная гора*. По описанію Абиха, эта цѣпь вполнѣ заслуживаетъ свое названіе; она то же самое для Грузіи, что Рудныя горы для Саксоніи. Главною причиною образованія рудъ въ горахъ Сомхетіи были такія же порфиоровыя породы, какія и на Кавказѣ. Поднимая тамошнія мѣловыя формаціи, онѣ сильно взломали ихъ, и въ то же время отложили между ними множество рудъ. Въ настоящее время эти рудныя мѣсторожденія въ особенности можно наблюдать въ долинахъ, глубоко пересѣкающихъ Ляльварскія и другія горы Сомхетіи. Въ самой Ляльварской цѣпи, въ долину рѣки Дебеда, съ давняго времени разрабатываются знаменитыя мѣдные рудники, называемыя *Алавердскими*. Къ той же системѣ мѣсторожденій принадлежатъ *Актальскіе* рудники, лежащіе на сѣверовостокъ отъ Алавердскихъ, въ горной Муханской цѣпи. Еще во время грузинскаго царя Ираклія II (1763) изъ нихъ было добываемо серебро и отчасти золото; но разработка остановилась по недостатку воды. Сомхетія, сверхъ того, весьма богата превосходными желѣзными рудами. Мѣсторожденія ихъ большею частію слѣдуютъ меридіанному направленію. Сѣверный конецъ этой рудоносной полосы начинается именно цѣпью Дамиръ-Ташъ, на лѣвой сторонѣ долины Больнисъ, не далеко отъ нѣмецкой колоніи Катериненфельдъ. Но самые замѣчательныя рудники этой полосы находятся на южномъ ея концѣ, именно при соединеніи рѣкъ Памбакъ

и Бортшала. Ихъ называютъ *Сизисъ-Мадани*, что значитъ *рудники безъ воды*. Это колоссальное мѣсторожденіе заключаетъ въ себѣ желѣзныи блескъ и сѣрнистыя мѣдныя руды, залегающія тутъ жилами, штоками и зонами. Желѣзныя руды, одинаковыя съ предыдущими, и также сопровождающіяся мѣдными, являются еще въ томъ же меридіанномъ направленіи въ Памбакской цѣпи. Во всѣхъ означенныхъ мѣсторожденіяхъ находятся слѣды прежнихъ работъ, доказывающіе, что въ древней Иберіи горное производство было весьма значительно развито.

Восточное продолженіе Памбакской цѣпи, большею частью состоящее изъ гранитовыхъ и порфировыхъ породъ, образуетъ пограничныя горы Гокчинскаго озера, и представляетъ такія же рудныя горы для Арменіи, какія Сометія для Грузіи. Центральные пункты тамошнихъ мѣсторожденій находятся въ Шамшадилѣ и въ округѣ Ауржумъ, въ большихъ циркообразныхъ долинахъ Джегама и Шамхоръ. Судя потому, что въ тамошнихъ горахъ чрезвычайно распространены змѣевиковыя, амфиболовыя и фельзитовыя породы, можно было бы надѣяться найдти тамъ золото; но всѣ изслѣдованія, предпринимавшіяся съ этою цѣлью, какъ замѣчено выше, не привели къ ожидаемымъ результатамъ. Напротивъ, обширныя развалины плавильныхъ заведеній, особенно въ округѣ Дашкезанъ и въ области рѣки Тертера, доказываютъ, что эти страны должны быть чрезвычайно богаты превосходными желѣзными и мѣдными рудами, издавна подававшими поводъ къ значительнымъ рудничнымъ и заводскимъ производствамъ. Дѣйствительно, красный желѣзнякъ отличной доброты образуетъ тутъ обширныя мѣсторожденія. Обработка этой руды и пользованіе ею для кузнечныхъ издѣлій уже нѣсколько столѣтій составляли предметъ промысла, производившагося исключительно жителями нѣкоторыхъ армянскихъ селеній. Тутъ же, повидимому, находятся неистощимыя запасы магнетитной руды около Дашкезана, называемаго иначе Гѣк-Дахъ, и въ Сага-Дура или Эрикъ-Дзоръ.

По обѣ стороны центрального Карабахскаго плоскогорья, направляющагося отъ запада къ востоку, залегаютъ и желѣзныя, и свинцовыя, и мѣдныя руды, въ особенности же въ горахъ Гулистана, около Шуши. Но самыя замѣчательныя рудныя мѣсторожденія Карабаха находятся въ обшир-

ной горной странѣ, принадлежащей къ области Капанчая. Они заключаютъ въ себѣ магнитный желѣзнякъ, мѣдныя руды и молибденовый блескъ, по сосѣдству съ диоритовыми и фельзитовыми порфирами, живообразно перестѣкающими тамошніе граниты и кристаллическіе сланцы. Въ глубокой долинѣ Мигри, спускающейся къ Араксу, также находятся превосходныя мѣдныя руды въ кварцевыхъ жилахъ. Далѣе же, внизъ по теченію Аракса, между Ордубадомъ и Мигри, въ этомъ величественномъ и грозномъ ущельи, сдерживающемъ бѣшеное стремленіе рѣки, и свидѣтельствующемъ о многихъ плутоическихъ переворотахъ, тутъ нѣкогда происходившихъ, рудныя мѣсторожденія представляютъ высшую степень научнаго интереса. Обозрѣвая главныя горныя цѣпи Карабаха, можно уже съ вѣроятностію заключать о недавнемъ появленіи безчисленныхъ и неустойчиво разнообразныхъ гранитовыхъ породъ, бѣдныхъ кварцемъ и, напротивъ, весьма богатыхъ амфиболомъ и полевымъ шпатомъ. Въ долинѣ Мигри эта вѣроятность переходитъ въ такую же очевидность, какую представляетъ зависимость тамошнихъ рудъ отъ позднеѣшаго появленія эвритовыхъ или фельзитовыхъ порфировъ и сіенитовъ. Таковы именно мѣсторожденія, находящіяся въ ущельяхъ Алагеза и Агарака, являющіяся то жилами, то зонами, и принадлежащія къ различнымъ эпохамъ. Особенно поучительно залеганіе тамошнихъ мѣдныхъ окисловъ, которые по своей добротѣ не уступаютъ ни Корнваллійскимъ въ Англіи, ни Богословскимъ на Уралѣ. Эти руды залегаютъ въ обширной брекчій, которая образуетъ зону, и состоитъ изъ различныхъ полевошпатовыхъ обломковъ, по всей вѣроятности происшедшихъ отъ разрушенія сосѣдняго съ нею сіенита.

(Оконч. въ слѣд. №.)

Г. ЦУРОВСКІЙ.

КОРОННЫЙ МЕЧНИКЪ ЯБЛОНОВСКІЙ

ОЦЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛЬСКИХЪ СЕЙМОВЪ XVII ВѢКА.

Предлагаемый очеркъ посвящается воспоминанію о чело-
вѣкѣ который не занималъ никакого виднаго поста между
дѣятелями современной ему эпохи, и самое имя его едва ли
извѣстно многимъ изъ нашихъ читателей. По своему об-
щественному положенію, онъ принадлежалъ къ числу про-
винціальныхъ, земскихъ чиновъ, которыми изобиловала
Польша XVII и XVIII вѣковъ, и которые не имѣли особен-
но важнаго значенія для страны; таковы: подчашій, под-
столій, чашникъ, конюшій, мечникъ и пр. А вся заслуга
этого челоуѣка заключается въ нѣсколькихъ громко-сказан-
ныхъ словахъ; но его слова поднимали самый жизненный
вопросъ для Рѣчи Посполитой. Отсюда его неотъемлемое
право на страницу въ исторіи.

Когда на Западѣ еще въ полной силѣ господствовалъ фео-
дализмъ, Польша не оставалась позади другихъ европей-
скихъ государствъ, и даже была сильнѣе многихъ изъ нихъ.
Но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. На,

Западъ утвердилось монархическое начало, выработалось дипломатическое искусство, постоянные государственные доходы и постоянная армія. На югѣ выросла могущественная имперія Оттоманская, на востокѣ постепенно усиливалось Московское царство. А Польша оставалась все прѣтъхъ же устарѣлыхъ порядкахъ, все болѣе и болѣе приближалась къ политическому безсилію. Напрасны были попытки нѣкоторыхъ дальновидныхъ государственныхъ людей произвести благодѣтельныя реформы въ политическомъ устройствѣ Рѣчи Посполитой. Попытки эти постоянно разбивались о беспорядочную организацію шляхетскаго сейма, забравшаго въ свои руки всю законодательную власть. Польскіе сеймы, несмотря на свое долгое существованіе, какъ извѣстно, не выработались въ опредѣленныя, строго-заключенныя формы, образецъ которыхъ представляютъ намъ республиканскія учрежденія древняго Рима и англійскій парламентъ. На сеймовыхъ совѣщаніяхъ, подѣ предлогомъ своихъ старинныхъ вольностей, меньшинство все смѣлѣе и смѣлѣе выказываетъ презрѣніе къ мнѣнію большинства. Около половины XVII вѣка общественное дѣло доходитъ наконецъ до той аномаліи, которая извѣстна въ исторіи подѣ именемъ *liberum veto*. Оппозиція—а этою оппозиціей руководили обыкновенно личные интересы магнатовъ—уже не нуждалась и въ протестаціи меньшинства, для того чтобъ уничтожить сеймовое рѣшеніе; достаточно было голоса одного шляхтича (*nie pozwalam!*), чтобы, по выраженію того времени, *сорвать сеймъ*. При такомъ условіи, свободное, прочное развитіе государственной жизни невозможно; возможна одна анархія. Дальнѣйшія судьбы даровитой, храброй польской націи представляютъ разительный примѣръ той массы зла, которую ведетъ за собой неуваженіе къ мнѣнію большинства, недостатокъ истинной свободы слова и слѣпая привязанность къ узкимъ, сословнымъ привилегіямъ.

Къ чести той же націи исторія показываетъ, что переходъ къ *liberum veto* совершился не безъ сопротивленія (впрочемъ, слабого) со стороны нѣкоторыхъ благородныхъ личностей. Были патриоты, которые стремились придать сеймовымъ совѣщаніямъ болѣе правильныя и твердыя формы. Были и люди, слѣлавшіеся въ этомъ отношеніи жертвою своихъ патриотическихъ стремленій. Примѣръ по-

доброй жертвы представляетъ намъ коронный мечникъ Янъ Станиславъ Яблоновскій.

Коронный мечникъ былъ одинъ изъ зажиточныхъ обывателей юговосточныхъ или русскихъ провинцій; находился въ родствѣ съ нѣкоторыми знатными фамиліями и въ дружескихъ связяхъ съ образованнѣйшими изъ своихъ соотечественниковъ, каковы русскій воевода Яковъ Собѣскій и коронный подчашій Николай Остророгъ. Онъ владѣлъ многими личными качествами, которыми приобрѣталось тогда уваженіе въ шляхетскомъ кругу; отличался, между прочимъ, пылкимъ великодушнымъ характеромъ и постоянною готовностію жертвовать жизнью за собственную или чужую обиду. Такъ однажды Яблоновскій горячо вступился за своего родственника, обиженнаго княземъ Ереміей Вишневецкимъ (извѣстнымъ героемъ казацкихъ войнъ); дѣло едва не дошло до сабель; къ счастью, пріятели поспѣшили помирить противниковъ. Пользуясь популярностію между товарищами и будучи въ душѣ истиннымъ республиканцемъ, мечникъ однако показывалъ всегда должное уваженіе королевскому трону; а соединеніе этихъ двухъ качествъ въ Польшѣ XVII вѣка было довольно рѣдкимъ явленіемъ. Доказательствомъ довѣрія со стороны шляхты можетъ служить избраніе мечника сеймовымъ маршаломъ или президентомъ посольской избы на сеймахъ 1637 и 1640 годовъ. Еще бѣльшимъ доказательствомъ этого довѣрія служить то обстоятельство, что подъ его руководствомъ оба сейма окончились благополучно—событіе въ тѣ времена очень рѣдкое. Такъ, напримѣръ, другой сеймъ 1637 года, руководимый Казиміромъ Сапѣгой, былъ сорванъ; а послѣдующіе сеймы, начиная съ 1642 года, ознаменованы чрезвычайными замѣшательствами. Мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности, чтобы показать, какого рода были эти замѣшательства ¹.

¹ Не лишнимъ считаю, при этомъ, въ короткихъ словахъ указать на вѣдннй процессъ сеймованія въ Польшѣ XVII вѣка. Государственный или сальмнй сеймъ слагался изъ трехъ элементовъ: короля, сенаторовъ и пословъ (депутатовъ). *Сенаторская изба* соответствуетъ верхней палатѣ западно-европейскихъ представительныхъ собраній. Званіе сенатора было позыаенное; но оно не стояло отдѣльно, а связывалось съ должностями: епископа, воеводы, каштеляна и 10 главныхъ государственныхъ сановниковъ. Пять отъ польской королеы и равное число такихъ же сановниковъ отъ

Въ послѣдній день сейма 1642 года, около 5 часовъ по полудни члены посольской избы отправились въ сенатъ, чтобы, по обычаю, общимъ засѣданіемъ съ сенаторами закончить сеймъ. При открытіи этого засѣданія, краковскіе послы объявили, что они останутся только до того времени, пока подадутъ свѣчи. А пора была зимняя, конецъ января. Начали читать о земледѣльческихъ податяхъ; вскорѣ принесли и свѣчи. Краковяне встали и направились къ дверямъ; но сенаторы удержали ихъ, обѣщая не продолжать засѣданія долѣе полуночи. Послѣ земледѣльческихъ податей перешли къ вопросу объ уплатѣ жалованья войску; Краковяне тотчасъ протестовали и вышли изъ залы. Если бы не удалось ихъ воротить, то рѣшенія сейма обратились бы въ ничто. Поэтому за ними послѣдили нѣсколько сановниковъ, именно: краковскій каштелянъ, оба кан-

---

великаго княжества Литовскаго, именно: великій маршалъ, надворный маршалъ, великій канцлеръ, подканцлеръ и подскарбій; эти лица могутъ называться государственными министрами.) Число всѣхъ сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ въ XVII вѣкѣ простиралось до 142. Сенаторы, такіе же какъ послы, имѣли на сеймѣ право *liberum veto*; но они не пользовались этимъ правомъ, а обыкновенно подкупали для своихъ цѣлей кого-либо изъ членовъ посольской избы.

Посольская изба соответствуетъ нижней палатѣ; она составлялась изъ депутатовъ отъ каждой провинціи королевства и великаго княжества Литовскаго, числомъ до 175. Въ продолженіе трехъ лѣтъ король обладалъ быль собирать одинъ сеймъ; два раза сряду онъ собирался въ Польшѣ (въ Варшавѣ) и одинъ разъ въ Литвѣ (въ Гродно). Кромя этихъ „ординарныхъ“, часты были сеймы чрезвычайные, созываемые по мѣрѣ надобности. За шесть недѣль король давалъ знать по провинціямъ о созваніи сейма, съ обозначеніемъ пунктовъ подлежащихъ обсужденію. Тогда въ извѣстныхъ городахъ каждой провинціи собиравсь дворяне на сеймики и выбирали пословъ, или депутатовъ для главнаго сейма. Выборы происходили подъ вліяніемъ мѣстныхъ магнатовъ и большею частію падали на зажиточныхъ шляхтичей, которые въ состояніи были тратить деньги на поѣздку. Сенаторъ не могъ быть посломъ. На сеймѣ депутаты раздѣлялись на три группы: Великополянъ, Малополянъ и Литовцовъ. Изъ этихъ группъ по очереди избирался президентъ посольской избы, называвшійся сеймовымъ маршаломъ. Знакомъ его достоинства служилъ маршальскій жезлъ, ступкомъ котораго онъ напоминалъ о тишинѣ и порядкѣ. Вообще его назначеніемъ было руководить совѣщаніямъ пословъ, и умный, краснорѣчивый президентъ могъ имѣть благотѣльное вліяніе на исходъ сейма. Король засѣдалъ въ сенатѣ; послы же совѣщались всегда отдѣльно отъ сенаторовъ; но время отъ времени, съ согласія короля или по его приглашенію, сеймовый маршалъ отводилъ пословъ въ сенатъ, и тогда происходило общее засѣданіе.

цера (коронный и литовский) и староста сендомірский. Сановники догнали протестантовъ, и, взявъ ихъ за руки, привели назадъ въ палату. Засѣданіе окончилось въ шестомъ часу утра.

Сеймъ 1643 года замѣчательнъ рѣшеніемъ вопроса объ уплатѣ королевскихъ долговъ. Долги эти Владиславъ IV сдѣлалъ преимущественно на военные расходы, и потому естественно правительство домогалось изъ частныхъ королевскихъ обратить ихъ въ государственные. Но вопросъ тянулся восемь лѣтъ, и по причинѣ сильной оппозиціи, постоянно откладывался до слѣдующаго сейма. Когда такая же участь постигла его въ посольской избѣ и на этотъ разъ, семь сенаторовъ въ общемъ засѣданіи вызвались заплатить долги изъ собственныхъ доходовъ. Ихъ вызовъ возбудилъ еще болѣе горячую оппозицію между послами; на томъ основаніи, что подобная уплата обязывала короля признательностію къ сенаторамъ, и слѣдовательно была опасна шляхетской вольности и шляхетскому равенству. Рѣшено было вотировать предложеніе о долгахъ каждому воеводству и повѣту особо. Когда дошла очередь до лидскихъ депутатовъ, одинъ изъ нихъ подалъ голосъ за предложеніе, другой противъ. Послѣдній немедленно съ протестаціей оставилъ палату. Къ счастью, товарищъ его обязался уговорить протестанта, и поспѣшилъ за нимъ вмѣстѣ съ однимъ литовскимъ паномъ, посланнымъ отъ короля. Ихъ общимъ просьбамъ дѣйствительно удалось воротить посла; но между тѣмъ ушло много времени, и потому согласились продолжить сеймъ еще на одинъ день. Тогда сенаторы рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, чтобы выиграть дѣло о долгахъ.

Слѣдующій день пришелся въ Вербное воскресенье, и засѣданіе началось уже послѣ полудня. Послы съѣхались не въ полномъ числѣ; притомъ многіе изъ нихъ, прибывшіе прямо съ праздничнаго обѣда, находились подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Они немедленно завязали съ епископами споръ о томъ, можетъ ли въ праздничный день происходить сеймовое засѣданіе. Послы находили такое дѣло неблагочестивымъ; епископы отвѣчали, что свѣтскимъ людямъ въ этомъ случаѣ неприлично быть разборчивѣе духовныхъ, и что они хотятъ настоящій праздникъ ознаменовать разрѣшеніемъ вопросовъ общественнаго блага.

Разсерженные послы съ протестаціей направились къ дверямъ. Но сенаторы забѣжали впередъ и старались остановить ихъ просьбами. Маршалъ сейма кричалъ, чтобы заперли двери. Замѣшательство продолжалось цѣлый часъ. Наконецъ одинъ изъ сенаторовъ сталъ увѣрять, что они намѣрены въ тотъ день окончить только нѣкоторые вопросы, а остальные будутъ отложены до завтра; что хотя сеймъ продолженъ только на одинъ день, но по старому обычаю оканчивать его нельзя въ воскресенье, следовательно необходимо продолжить еще на одинъ день. Ссыла на *старый обычай* произвела впечатлѣніе. Послы, правда никакъ не могли припомнить подобнаго обычая; однако, чувствуя себя въ нетрезвомъ состояніи, никто изъ нихъ не рѣшился открыто высказать сомнѣніе. Они остались. Сеймъ занялся незначительными вопросами, и, спустя немного времени, бѣольшая часть пословъ мало-по-малу оставила палату: одни чувствовали нужду проспать, другіе были отозваны на банкеты. Сенаторы только того и желали. Такъ какъ послы уходили теперь безъ протестаціи, то отсутствіе ихъ не причиняло сейму никакого ущерба. Въ палатѣ остались только сенаторы, высшіе сановники и небольшое число пословъ, расположенныхъ къ правительству. Въ нѣсколько часовъ рѣшены были самыя важныя вопросы, и сеймъ законченъ. Король по болѣзни не присутствовалъ при этомъ засѣданіи, и на слѣдующій день рано утромъ сенаторы поздравили его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла о долгахъ. Можно ли однако читать безъ сожалѣнія исторію сеймовъ, въ которыхъ требовалась подобная хитрость, чтобы добиться существенныхъ результатовъ? Къ тому же рѣшеніе сейма о долгахъ не помѣшало нѣкоторымъ панамъ, враждебнымъ правительству, при сборѣ денегъ въ провинціяхъ производить разнаго рода препятствія.

На одномъ, изъ послѣдующихъ сеймовъ, въ 1645 г., шляхта не упустила случая отомстить сенаторамъ за ихъ обманъ. Срокъ, назначенный для сейма, по обыкновенію истраченъ былъ на пренія о предметахъ незначительныхъ; а когда сдѣланъ былъ запросъ о продолженіи срока, послы отказали въ своемъ согласіи. Маршалъ отвелъ пословъ въ сенатъ, гдѣ они вмѣстѣ съ сенаторами заканчивали сеймъ и откланивались королю. Сенаторы обратились къ посламъ

съ просьбою о продолженіи сейма; тѣ не отвѣчали ни слова. Ни убѣдительная рѣчь русскаго воеводы Якова Собѣскаго, ни увѣщанія познанскаго епископа и гнѣзненскаго архіепископа не могли добиться отъ нихъ ни одного отвѣтнаго слова. На этотъ разъ сеймъ срывался не шумною протестаціей, а мертвымъ молчаніемъ цѣлаго посольскаго кола. Его молчаніе нарушено было только прощальною рѣчью маршала, въ которой онъ жаловался на бѣдствія отечества, и на „упрямыхъ дѣтей своеволія, утучненныхъ покоемъ и роскошью, и отвергающихъ всякое убѣжденіе старшихъ.“

Такое равнодушіе шаяхты къ общественному благу возбуждало сильную скорбь въ душѣ нѣкоторыхъ патріотовъ. Особенно чувствительна была для государства небрежность сейма относительно обороны границъ и уплаты жалованья войску. Обыкновенно депутаты сѣверозападныхъ областей, съ давняго времени безопасныхъ отъ непріятельскаго нашествія, слишкомъ мало показывали участія въ судьбѣ областей юговосточныхъ, постоянно терпѣвшихъ разореніе отъ татарскихъ наѣздовъ, и отвергали всѣ денежныя требованія правительства на поддержку крѣпостей въ той сторонѣ и содержаніе гарнизоновъ. А между тѣмъ жолнеры, не получая жалованья, грабили собственныя провинціи. Русскіе дворяне горько жаловались на такое равнодушіе къ ихъ безопасности, и между ними болѣе всѣхъ скорбѣлъ о томъ коронный мечникъ Ябловскій. На одномъ изъ слѣдующихъ сеймовъ, въ 1647 году, онъ далъ наконецъ полную волю своимъ чувствамъ.

Это былъ сеймъ экстраординарный, и имѣлъ сроку три недѣли, со 2 по 23 мая. Случившіеся въ то время праздники, публичныя церемоніи, торжественныя вѣзды архіепископа и двухъ гетмановъ, отняли у сейма болѣе недѣли. Въ теченіе оставшихся тринадцати дней по сеймовой программѣ, составленной канцлеромъ, предстояло совѣщаться объ опасности, грозившей со стороны Турціи, о возобновеніи запущенныхъ пограничныхъ крѣпостей, объ уплатѣ войску жалованья, и наконецъ о внутреннемъ неприятели, который по общему мнѣнію производилъ въ государствѣ опустошенія пуще татарскихъ загоновъ, то-есть о порчѣ монеты; къ ней прибѣгло правительство, чтобы облегчить для себя уплату жалованья войску, и неизбѣж-

нымъ слѣдствіемъ такой мѣры была сильная дороговизна. 9 мая, когда открылись совѣщанія, маршалъ посольской избы Сарбѣвскій предложилъ начать ихъ божьимъ дѣломъ, а именно дѣломъ о полевыхъ крестахъ, которые неизвѣстно кѣмъ были поломаны во владѣніяхъ польнаго литовскаго гетмана Януша Радзивилла, исповѣдывавшаго кальвинизмъ. Немедленно начались горячіе и долгіе споры о томъ, судить ли гетмана обыкновеннымъ процессомъ или назначить для него особую комиссію; въ то же время разсуждали и вообще о правахъ диссидентовъ, нужно ли ихъ расширить или стѣснить. Въ посольскую избу приведенъ былъ наконецъ одинъ католическій священникъ, изъ литовскихъ имѣній князя Радзивилла, въ качествѣ свидѣтеля. Изъ его словъ оказалось, что гетманъ ласково обходится съ католическими священниками и часто приглашаетъ ихъ къ своему столу; что нѣкоторые изъ поломанныхъ крестовъ упали сами отъ ветхости и вѣтра, а иные служили просто пограничными знаками и вынуты по приказанію князя. После такого свидѣтельства раздраженіе пословъ противъ гетмана быстро исчезло, и вслѣдствіе общаго молчанія, дѣло о крестахъ отложено до слѣдующаго сейма. А между тѣмъ оно отняло уже цѣлую недѣлю.

Въ тотъ день, когда кончился вопросъ о крестахъ, явилось въ посольскую избу нѣсколько сенаторовъ, и отъ имени короля просили депутатовъ заняться жалованьемъ войску. Но этотъ вопросъ потребовалъ еще болѣе времени чѣмъ первый, потому что обсужденіе его часто прерывалось разговорами о предметахъ совершенно постороннихъ. Обыкновенно на каждомъ повѣтовомъ сеймикѣ, когда выбирались послы на генеральный сеймъ, составлялась для нихъ и особая инструкция, въ которой излагалось нѣсколько требованій совершенно мѣстныхъ. Всѣ эти требованія имѣли право на вниманіе сейма, и нерѣдко задерживали дѣла болѣе важныя. При такомъ устройствѣ совѣщаній и при возможности во всякое время поднимать вопросъ о самомъ пустомъ дѣлѣ, на обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ нуждъ конечно не доставало времени; отсюда постоянныя волненія подъ конецъ сейма. Благонамѣренныя люди уже давно понимали настоятельную потребность реформы въ способѣ совѣщанія и необходимость ограничить безконечное многословіе ораторовъ, готовыхъ разсуждать о

чемъ и когда угодно. Но опасеніе навлечь на себя гнѣвъ дѣлаго сословія останавливало порывы благонамѣренныхъ людей. На сеймѣ 1646 года, вопросъ о реформѣ поднять былъ короннымъ мечникомъ Яблоновскимъ. 18 мая онъ внесъ въ посольскую избу предложеніе, чтобы всѣ предметы, подлежащіе обсужденію сейма, заранее подавались маршалу въ формѣ готовыхъ проектовъ. Такимъ способомъ выигрывалось много времени и была бы возможность, безъ всякой остановки, переходить отъ одного предмета къ другому. Но шляхта ни за что не хотѣла разстаться съ своими необузданными вольностями, и объявила подобное условіе посягательствомъ на одну изъ самыхъ дорогихъ привилегій рыцарскаго сословія. Предложеніе короннаго мечника было отвергнуто съ негодованіемъ.

Нѣсколько слѣдующихъ дней протекло въ разсужденіяхъ, какимъ образомъ совѣщаться о вопросахъ предложенныхъ королемъ. Воротились и къ дѣлу о крестахъ, при чемъ мажоревскіе депутаты внесли предложеніе противъ свободнаго отправленія религиозныхъ обрядовъ въ Варшавѣ для сеймовыхъ пословъ не-католиковъ. Наступилъ предпоследній день сейма; пришли сенаторы, и опять именемъ короля просили депутатовъ заняться главными потребностями государства. Но и въ этотъ день ничего не рѣшили. Оставался еще только одинъ день.

По утру 23 мая, послы трактовали о нѣкоторыхъ сеймовыхъ формальностяхъ. Послѣ долгихъ преній, маршалъ обратился къ собранію съ просьбою употребить оставшееся короткое время на чтеніе правительственныхъ предложеній, въ особенности на вопросъ о защитѣ границъ и уплатѣ жалованья войску. Но чтенію этому болѣе всѣхъ воспротивились познанскіе послы, настроенные своимъ воеводою Опалинскимъ. Напрасно коронный мечникъ и нѣкоторые другіе патриоты усиливались обратить вниманіе посольской избы на королевскіе вопросы. Наконецъ пришли три сенатора съ извѣстіемъ, что король и сенатъ ждутъ прибытія пословъ на общее засѣданіе; они выразили при этомъ надежду, что присутствіе короля устранить несогласія и приведетъ сеймъ къ благополучному разрѣшенію. Но патриоты удержали пословъ просьбою попытаться на рѣшеніе вопросовъ еще въ посольской избѣ, и начать чтеніе королевскихъ предложеній. Въ эту минуту явился гетманъ поль-

мый Радзивиллъ, незадолго утвержденный жмудскимъ старостомъ, и отнялъ не мало времени своему прощальному рѣчью къ посламъ и отвѣтомъ съ ихъ стороны¹. Послѣ его ухода оставалось времени только на вопросъ о продолженіи сейма. „Я посоль отъ цѣлой Рѣчи Посполитой, сказалъ коронный мечникъ, — и, если мы разойдемся, ничего не сдѣлавъ, то въ присутствіи короля никто не заставитъ меня отказаться отъ протестаціи противъ тѣхъ, которые оставляютъ отечество безъ всякой защиты.“ Но ни угрозы, ни просьбы не могли сломить упорства оппозиціи. Рѣчью, исполненною грусти, президентъ избы простился съ послами, и посреди всеобщаго волненія проводилъ ихъ въ сенатъ. Здѣсь больной король принялъ ихъ уже не на тронѣ, а въ постелѣ. Печальнымъ голосомъ объявлялъ ему маршалъ, что совѣщанія посольской избы окончились безъ всякихъ результатовъ. Единственнымъ средствомъ спасенія въ такомъ случаѣ была просьба о продолженіи сейма. Съ этою просьбой обратились къ посламъ архіепископъ гнѣзненскій и другіе сенаторы; обратился отъ имени короля и коронный канцлеръ. Но познанскіе послы, помѣшавшіе прежде чтенію королевскихъ предложеній, теперь рѣшительно воспротивились продолженію сейма.

Тогда возвысилъ свой голосъ мечникъ коронный Яблоновскій, и обратился къ королю съ торжественною протестаціей противъ пословъ срывающихъ сеймъ, и вообще противъ всего процесса сеймованія. Онъ не ограничился пустою жалобою; но прямо указалъ на вопіющую потребность положить конецъ срыванію сейма, и на способы какими можно было поправить зло. „Надобно, говорилъ онъ, вести болѣе тщательный выборъ пословъ, уничтожить возможность рвать сеймы голосомъ нѣсколькихъ протестующихъ депутатовъ, опредѣлить порядокъ совѣщанія“... Далѣе ораторъ не могъ продолжать свою рѣчь. Въ посольскомъ колѣ поднялось страшное волненіе. Несмотря на присутствіе больного короля, со всѣхъ сторонъ раздались грозныя восклицанія и звонъ сабель. Мечникъ умолкъ; но эта смѣлая протестація противъ давнихъ обычаевъ и предложеніе ненавистныхъ новостей навсегда сгубили его во

¹ Онъ былъ членомъ посольской избы; но, получивъ жмудское староство, становился уже сенаторомъ.

мявша шляхты. Напрасно умный пріятель его и родственникъ, королевый подचाши Остророгъ, старался потомъ искусною рѣчью оправдать мечника. Ничто не могло успокоить возбужденнаго имъ волненія. Тысячи бранныхъ словъ, ядовитыхъ упрековъ и обвиненій посыпались на смѣлаго патріота; еще недавно любимый и чтимый всѣми, онъ сдѣлался предметомъ общаго негодованія. Однако слова его не остались совершенно безъ послѣдствій, и повидимому произвели впечатлѣніе на цѣлое собраніе; по крайней мѣрѣ просьба о продолженіи сейма послѣ того не встрѣтила такой горячей оппозиціи, какъ прежде. Сеймъ былъ продолженъ сначала на одинъ день, потомъ на другой, на третій и на четвертый. Въ теченіе этого короткаго срока, совѣщанія производились съ такою ревностію и добросовѣстностію, что разсмотрѣно было нѣсколько важныхъ государственныхъ вопросовъ, между прочимъ рѣшена уплата жалованья войску и приняты нѣкоторыя мѣры для защиты границъ.

Съ окончаніемъ сейма не окончилось негодованіе шляхты противъ товарища, поднявшаго руку на одну изъ самыхъ дорогихъ привилегій шляхетства. Знакомые и земляки показывали ему явное презрѣніе и избѣгали его общества. Мечникъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ своемъ отечествѣ. Передъ нимъ замкнулся шляхетскій кругъ, въ которомъ онъ выросъ, интересами котораго онъ жилъ и безъ котораго свѣтъ казался ему пустынею. Яблоновскій былъ подавленъ бременемъ своей непопулярности и совершенно упалъ духомъ. Тщетно нѣкоторые близкіе люди старались внушить ему бодрость и надежду на примиреніе съ товарищами. Чувствительная душа его не выдержала такого безотраднато состоянія, и онъ прожилъ еще только три или четыре недѣли. До какой степени современники холодно отнеслись къ подвигу великодушнаго мечника, отчасти можетъ свидѣтельствовать токъ, съ которымъ литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радзивиллъ заноситъ извѣстіе о его смерти въ свой дневникъ. Подъ 13 іюня того же 1647 года Радзивиллъ упоминаетъ о самоубійствѣ молодаго пана Тарновскаго, и потомъ прибавляетъ: „Нѣсколько дней спустя, королевый мечникъ Яблоновскій умеръ безъ бодрости, съ горя,

послѣ своей рѣчи на сеймѣ, о которой я говорилъ выше. Мечниковство отдано старостѣ Ланцкоронскому.“¹

Печальная судьба Ябловскаго утратила тѣхъ, которые сознавали справедливость его требованій. Она объясняетъ намъ, какъ крѣпка была внутренняя связь между членами шляхетскаго сословія, и до какой степени эта общественная среда поглащала отдѣльныя личности. Нужно было имѣть много нравственныхъ силъ и энергіи, чтобы устоять противъ ея подавляющаго вліянія. Съ той поры не видно, чтобы кто-либо изъ пословъ рѣшился открыто потребовать сеймовой реформы, и польскіе сеймы пошли еще болѣе быстрымъ шагомъ, чѣмъ прежде, къ полной анархіи.

Не прошло еще году послѣ описанной нами сцены, какъ сошелъ въ могилу Владиславъ IV. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, происходило избраніе брата его Яна Казимира. Когда избраніе кончилось и архіепископъ хотѣлъ провозгласить имя новаго короля, изъ толпы вдругъ выступилъ одинъ белзскій шляхтичъ; онъ лишился своего помѣстья, отнятаго казаками, и потребовалъ теперь матеріальнаго вознагражденія отъ Рѣчи Посполитой; а иначе не позволялъ оглашать новаго короля. Цѣлое собраніе, за чью единогласно избравшее Казимира, не осмѣлилось дать протестанту никакого рѣшительнаго отвѣта, и только постаралось успокоить его обѣщаніями.

Спустя три года послѣ того, произошло и знаменитое разорваніе сейма однимъ литовскимъ посломъ изъ Упиты. Въ запискахъ Альбрехта Радзивилла онъ просто названъ Сицинскимъ. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ подкупленъ польнымъ литовскимъ гетманомъ Янушемъ Радзивилломъ². Современники не придали почти никакого особеннаго значенія этому факту; и они уже были подготовлены къ нему. Единственная новая черта въ этомъ случаѣ была та, что посолъ тайкомъ оставилъ залу засѣданія, и потомъ прислалъ свою протестацію. На слѣдующее утро хотѣли ско-

¹ Pamiętniki Albrychta Radziwiłła. II. 274.

² Вотъ что говоритъ современный той эпохѣ польскій историкъ Рудовскій: „Въ то время Янъ Радзивиллъ, иста публично за частную обиду, какъ это обыкновенно дѣлаютъ большіе папы, или по клятвѣ поземскаго воеводы, сорвалъ сеймъ при помощи одного Литвина.“ *Historja polska*. 183.

вить посла взять ее назадъ; на его уже не было въ столицѣ. До 1652 года каждый депутатъ, явившій сеймъ, по крайней мѣрѣ дѣлалъ протестацію лично и до конца оставался въ городѣ, следовательно долженъ былъ имѣть въ некоторый запасъ отваги. Упитскій посолъ уничтожилъ и эту послѣднюю формальность. Протестація вызвала только разсужденіе о томъ, можетъ ли одинъ голосъ рвать сеймъ. Нѣкоторые говорили въ пользу, другіе противъ. Многіе сенаторы горячо жаловались на поступокъ Сицинскаго; но послы развѣхались ничего не рѣшивши. На этотъ разъ между ними не нашлось ни одного патріота, который бы посвящалъ благородному примѣру мечника Яблоновскаго. Впрочемъ не одни современники были къ нему несправедливы. Новѣйшіе польскіе историки относятся болѣе или менѣе холодно къ попыткѣ мечника, не признають за ней никакой особенной заслуги, и на самое *liberum veto* смотрятъ иногда довольно снисходительно (напримѣръ Морачевскій и особенно Короновичъ). Только симпатическій талантъ Шайвохи посвятилъ Яблоновскому нѣсколько теплыхъ страницъ въ своихъ историческихъ очеркахъ, и оцѣнилъ всю важность затронутаго имъ вопроса. ¹

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

---

¹ *Szkice historyczne*. Томъ III. 1861 .

СТРАННИЦЫ.

ТРАГИЧЕСКОЕ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НАСТАСЬЯ, старуха 50 лѣтъ, бѣдная городская торговка.

ИВАНЪ } рабочіе на самоварной фабрикѣ, молодые, холостые люди—
ПЕТРЪ } дѣти Настасьи.

МАЛАНЬЯ, деревенская старуха, 48 лѣтъ.

СТЕПАНИДА, вѣвѣтка Малавьи, молодая баба.

Квартальные, будочники, купецъ—содержатель самоварной фабрики, товарищи Ивана и Петра, сотскій, староста, прикащикъ, лакеи, мужики, бабы и пр.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Зимнее время. Улица губернскаго города; напротивъ въ нижнемъ этажѣ дома питейный домъ съ разбитымъ фонаремъ и замасленною дверью; у двери виситъ на веревкѣ кирпичъ въ тряпкѣ; нальво, ближе къ авансценѣ, на углу улицы сидитъ въ шубейкѣ Настасья съ булками, пряниками и пр. При поднятіи занавѣси двое пьяныхъ въ полушубкахъ молча идутъ въ кабакъ, причемъ блокъ съ веревкой пиццитъ, въ кабакъ слышатся скрипые голоса; дверь, изъ которой несетя паръ, хлопаетъ. Вдали раздается благовѣсть.

НАСТАСЬЯ (*крестится*).

Къ вечерни! (*Вязетъ чулокъ*.) Охъ, дѣтушки, дѣтушки! все-то вы жалки, да больны!.. (*Помолчавъ*.) Свѣту Божьяго

не видите, мои голубчики... сокрушила васъ эта самоварья! (Сльва появляются два чиновника.)

ОДИНЪ ИЗЪ ЧИНОВНИКОВЪ (нагнувъ голову и торопясь).

Дабы уѣздное казначейство впредь до взысканія съ виновныхъ зачислило въ недоимку и о поступленіи въ казну шло съ своей стороны гдѣ слѣдуетъ настояніе, почему казенная палата и опредѣлила... (Проходятъ.)

НАСТАСЬЯ (продолжая вязать).

Пора бы женить ихъ... да вотъ достатки-то наши! (Выдергиваетъ спицу и беретъ ее въ зубы.) О-охъ! плохіе достатки!.. Петруша съ коихъ поръ свитѣнки себѣ не обигорить... За работу получаютъ мало... О-охъ, Спаситель нашъ! (Продолжаетъ задумчиво вязать. Справа идутъ въ новыхъ полушубкахъ остриженныя рекруты, за ними плачущія бабы съ сумочками, раздаются призывы: „Со-ко-о-оликъ ты мой, жел-а-анный ты мой!..“ Отъ толпы отдѣляются нѣсколько чело-вѣкъ и идутъ въ кабакъ; пицуютъ блокъ. Рекруты проходятъ. Сльва, близъ торговли, является Маланья въ зипунъ.)

МАЛАНЬЯ (Настасья уныло).

Матушка, что, въ этой улицѣ лбы-то брать?

НАСТАСЬЯ.

Тебѣ вѣрно надо казенную палату? Въ этой, въ этой... А что?

МАЛАНЬЯ (приложивъ руку къ щеку, съ дрожаніемъ въ голосъ).

Да сына моего отдають въ солдаты.

НАСТАСЬЯ (съ участіемъ).

Одинъ небось и есть у тебя?

МАЛАНЬЯ (плачетъ).

Одинъ, голубчикъ мой...

НАСТАСЬЯ.

Что дѣлать!.. видно доля такая!.. присядь тутъ себѣ, отдохни... (Пододвигаетъ скамейку, Маланья садится.) Со-всѣмъ ужъ взяли?

МАЛАНЬЯ.

Да вишь еще повели... не знаю... Невѣстка съ нимъ пошла... *(Закрываетъ глаза тряпичей.)*

НАСТАСЬЯ.

Подожди; все по этой улицѣ водятъ некрутовъ-то... *(Къ Настасью подходитъ пьяный мужикъ съ бабой, у которой раздуто отъ слезъ лицо.)*

МУЖИКЪ *(роясь въ карманъ, Настасья).*

Давай закуску какую ни есть; *(съ удареніемъ)* надо половчѣ выпить!

БАБА *(печально).*

Съ чего пить-то, Егоръ Авдронычъ! *(Печально качаетъ головой.)*

МУЖИКЪ *(съ энвоаль).*

Пей покелева пьется! *(Гролко:)* Пей, ничего! *(Подумавъ:)* Сына проводили? Ну, и шабашъ!! Чего жь еще надоть?.. *(Съ другой стороны идутъ еще мужики; они становятся въ кучу близъ Настасьи.)*

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Пойдемъ!

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Кумъ! такъ или нѣтъ? что я-то говорю?

ТРЕТІЙ МУЖИКЪ.

Андрей Митричъ! неужели... *(Является будочникъ.)*

БУДОЧНИКЪ *(мужикамъ).*

Прочь! прочь пошли! *(Алебардой загоняетъ встѣхъ въ кабакъ; самъ уходитъ.)*

НАСТАСЬЯ *(подавая булку Маланью).*

Закуси-ко, сердечная... Чай у тебя и ѣда-то изъ ума вышла?

МАЛАНЬЯ.

На что это ты! Пошли тебѣ Господи за твою добродѣтель. *(Прячетъ булку за пазуху.)* Такъ-то, матушка моя, подумаю, подумаю: съ кѣмъ останусь? *(Утираетъ слезы.)* Ста-

рикъ померь, силы мои плохія.. Сыночекъ вездѣ, какъ соколъ, бывало леталъ... а теперь и глазшекъ некому закрыть...

НАСТАСЬЯ.

О-охъ! живучи на вѣку всего-то натерпиться!.. У меня милая моя, свои дѣти; знаю, какво они достаются! Вотъ тоже, на старости лѣтъ, мерзнешь на морозѣ не изъ приюту! Какъ родилась—все бѣдность, да бѣдность... Что жила вѣкъ?

МАЛАНЬЯ.

Знамо, сударынькамоя,—нужда всему виной; вотъ запрежде ко мнѣ хаживала золовка. Ну и пособляла это... да споживками померла... А ужь, какая, другъ, женщина была! Заѣсто дочери служила! Теперь никого не будетъ! (*Повѣсила голову.*)

НАСТАСЬЯ.

Вотъ тоже пить, ѣсть хочешь... А гдѣ взять? Сыновья съ утра до ночи томятся надъ работою; свѣтлаго дня не видятъ; а все ходятъ обтерханные, да измученные...

МАЛАНЬЯ (*про себя*).

Заступница усердная!

НАСТАСЬЯ (*опять вынимая спицу*).

А тамъ, говорятъ, какъ бы младшаго сына не поставили въ солдаты... будто жеребевою охъ... видно, какъ умрешь, тогда только забудешь все! (*Послѣ нѣкотораго молчанія, подавая Маланью половину пряника.*) Спрячь... внучкамъ своимъ.

МАЛАНЬЯ.

Что это ты, касатка! вѣдь внучковъ у меня нѣту-ти..

НАСТАСЬЯ (*заставляя взять пряникъ*).

Кому-нибудь... сынку своему.

МАЛАНЬЯ (*беретъ и прячетъ*).

Дай Богъ тебѣ здоровья! Мнѣ никакихъ даровъ, моя желанная, не надуть; мнѣ вотъ дороже всего твои ласковыя рѣчи (*встаетъ и кланяется*). Сошли тебѣ Господи своей благодати (*сидится*).

НАСТАСЬЯ.

Какъ бы, матушка, мало-мальски полегче была наша

судьба-то! А то и толковать не о чемъ кромѣ горестей...
(Въ это время по улицѣ быстро пробѣгаетъ разутый му-
жикъ, крѣпко держа передъ собою лапти.) О-о-о-о! видно
затылокъ забрили... себя не помнить...

МАЛАНЬЯ (поднявъ глаза вверхъ
тихо шепчетъ).

Святители, угодники Божіи! (У ней навертываются слезы,
и она тихо начинаетъ рыдать. Является нѣсколько мѣщанъ.)

ДВА МѢЩАНИНА (въ одинъ голосъ).

Вотъ онъ! (Смотрятъ въ слѣдъ мужику.)

ТРЕТІЙ МѢЩАНИНЪ.

Кто это?

ДВА МѢЩАНИНА.

Гляди: затылокъ мужику забрили! съ радости ишь гуля-
еть!.. Посторонись! вольникъ! (Отступаютъ въ сторону.
Входитъ вольникъ въ плисовой шапкѣ съ красною гармоникой
въ рукахъ.)

ВОЛЬНИКЪ (подыгрываетъ, поетъ).

Эхъ, лапти мои,
Лапти частенькіе,
Головастенькіе... (Въ сопровожденіи толпы идетъ въ
кабакъ.)

МАЛАНЬЯ (приподнявшись и смотря въ даль).

Не онъ ли это?

НАСТАСЬЯ (Маланьѣ).

Сынокъ-то твой?

МАЛАНЬЯ (печально).

Да, кормилица... Вонъ народъ идетъ... словно невѣстка
съ нимъ... плачетъ...

НАСТАСЬЯ (съ участіемъ).

Да, можетъ, не онъ...

МАЛАНЬЯ (дрожащимъ голосомъ).

Родная! словно онъ... (Отчаянно качаетъ головой.)

НАСТАСЬЯ.

Да, что ты сокрушаешься?.. а, можетъ, затылокъ ему...

МАЛАНЬЯ (дрожаще).

Соколы мой! (Всматривается. Настасья вздыхаетъ. Вдали раздаются заунывный, однообразный маршъ. Являются будочники.)

БУДОЧНИКИ (сдерживая входящій народъ)

Назадъ, назадъ!

(Недалекъ слышится плачь, кто-то причитаетъ: „дружокъ ты мой! году-у-убчикъ ты мой...“ Плачь слышится ближе и ближе.)

МАЛАНЬЯ (всплеснувъ руками).

Антипушка!! (Порывается впередъ; вскорѣ скрывается. При звукѣ марша и барабаннаго бою проходятъ солдаты. За ними идетъ толпа рекрутовъ, окруженная плачущими бабами, старухами и мужиками; у кого мѣшокъ на спинѣ, у кого лапти. Сбоку толпы, ближе къ зрителямъ, идетъ плачущая Маланья, поддерживаемая подъ руки плачущею бабой.)

НАСТАСЬЯ (съ грустію смотритъ на Маланью).

Взяли у сердечной! (Тихо качаетъ головой. Народъ проходитъ. Нѣсколько пьяныхъ входятъ въ кабакъ.)

Занавѣсь опускается.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Бѣдная мѣщанская комната. На лѣвой сторонѣ отъ зрителей, надъ двумя низенькими окнами висятъ клѣтки съ чужими; между окнами виситъ чуйка, на ней балалайка. На правой сторонѣ лежанка; на ней стоитъ маленькій самоваръ, нѣсколько чашекъ, порожній полштофъ; близъ лежанки, къ авансценѣ, стоитъ сундукъ. Въ глубинѣ сцены дверь, на лѣво отъ ней кровать съ полинялыми ситцевыми занавѣсками, направо другая дверь, ведущая въ кухню. На авансценѣ, за дубовымъ столомъ, передъ ночникомъ, сидитъ Иванъ и его пріятель, — оба съ почернѣвшими отъ мѣди лицами, въ рубашкахъ и черныхъ штанахъ, опущенныхъ въ сапоги; у обоихъ засучены рукава.

ПРІЯТЕЛЬ

Да, Ваня! только выпьешь забудешься!

ИВАНЪ.

Не ты одинъ такой.

ПРИЯТЕЛЬ (*стучитъ по столу пальцами*).

Я не про то, къ примѣру, а что вонъ какъ! одна дыкнута! (*Подумавъ*.) Былъ вонъ вокругъ приема, у казенной палаты?

ИВАНЪ.

Нѣтъ, не былъ...

ПРИЯТЕЛЬ.

Большой былъ приемъ... (*Подумавъ*.) Бабы это обо что ни попало колушматятся головами... (*Встряхиваетъ волосами*.) А то жена моя говоритъ, зачѣмъ пьешь! Нѣтъ, вотъ какъ: лечь прямо подъ бочку да и глашить... скорѣй зальешь! (*Указываетъ на сердце*.) Ты не повѣришь? думаешь, думаешь: зачѣмъ только живешь? Тутъ не пить? Да какъ тутъ не пить? Нѣтъ! одно слово, изо всей мочи надо жрать... (*Послѣ нѣкотораго молчанія*.) Много въ эту недѣлю заработалъ?

ИВАНЪ.

Обаполь рубля... да все разчетъ затягиваютъ.

ПРИЯТЕЛЬ (*съ злобой*).

Это вашъ пузанъ-то орудуетъ; омъ всѣхъ рабочихъ, словно мухъ, затомилъ, а у самого тысячи домятся. (*Иванъ махаетъ рукой*.) Эхъ, Ваня! Повѣрь мнѣ: ей-же-ей все правду говорю!

ИВАНЪ.

Чудакъ ты! Можетъ лучше твоего знаю, какова это правда-то!...

(*Входитъ Петръ, парень лѣтъ 19. За нимъ нѣсколько товарищей съ полшубками и чуйками, одинъ изъ нихъ съ гармоникой; всѣ съ черными лицами; иные сбрасываютъ съ себя одежду*.)

ВСѢ (*подходя, одинъ за другимъ, къ Ивану и его пріятелю и пожимая руки*).

Здорово!

ПРИЯТЕЛЬ.

Здорово! гдѣ были?

ПЕРВЫЙ МЪЩАНИНЪ.

Ходили Андрюху Горшкова провожать; залобанили дружка. Мы съ Алехой и такъ вокругъ приѣма пошатались.

ВТОРОЙ МЪЩАНИНЪ.

Народу что было!

ИВАНЪ *(подходитъ, на авансцену, къ Петру, тихо, взволнованнымъ голосомъ).*

Спряталъ?

ПЕТРЪ *(озирался).*

Спряталъ. Завтра приберу въ другое мѣсто.

ПРІЯТЕЛЬ ИВАНА *(первому мѣщанину, у котораго въ рукахъ гармо-ника).*

Триша! сыграй, братъ, „барыня съ перехватомъ, попиралася ухватомъ...“

ПЕРВЫЙ МЪЩАНИНЪ *(второму мѣщанину).*

Алеха! А вѣдь пестрофостаго Егоркина гулубя-то ястребъ зашубъ!..

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Что ты? когда?

ПЕРВЫЙ МЪЩАНИНЪ.

Третьеводни... тутъ смѣху!

ВТОРОЙ МЪЩАНИНЪ *(третьему).*

Новѣ мы съ Микиткой были у Миколы въ обѣдни... некрутовъ къ присягѣ пригоняли.

ТРЕТИЙ МЪЩАНИНЪ.

Важно, чай, пѣли?

ВТОРОЙ МЪЩАНИНЪ.

Братецъ мой, бась-то у Преображенскаго! Что жъ это за сила! Почесъ всѣ рядскіе пришли слушать; пѣли двухъ-хорный; какъ нешто дерябали! Петропавловскій бацаетъ, бацаетъ! *(Входитъ Настасья.)*

НАСТАСЬЯ *(сбрасывая съ себя шубейку).*

Здравствуйте, родимые.

ВСѢ МЫЩАНЕ..

Здравствуйте, Настасья Еремеевна... какъ себѣ поживаешь?

НАСТАСЬЯ *(потираетъ руки).*

Замерзла совсѣмь!... Присядьте себѣ... Спасибо, что не забываете моихъ ребятъ...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

По пути зашли.

НАСТАСЬЯ *(подходя къ авансценѣ).*

Охъ, сколько новѣ некрутовъ провели! Что плачу было!

ПЕРВЫЙ МЫЩАНИНЪ.

Приемъ былъ здоровый.

НАСТАСЬЯ.

Ужъ какъ мнѣ было жалко одну старушку: сына у сердечной взяли!

ИВАНЪ *(подходя къ Настасьи не зримо).*

Матушка! небось надо самоварецъ поставить?

НАСТАСЬЯ.

Что жъ за бѣда? А я вотъ забѣжала къ Сидоровѣ, заняла у ней рублишко *(Иванъ чешетъ затылокъ.)* Ничего, голубчикъ! какъ-нибудь отдадимъ... вотъ буду чулки вязать, сахарными стручьями торговать... кручиной горю не пособишь, родной! *(Расходятся: Настасья идетъ въ кухню.)*

ТРИ МЫЩАНИНА *(подходя къ Ивану и держа руки въ карманахъ штаниновъ).*

Ваня, мы хотимъ разгрызть полштофчикъ... какъ бы по судинки?

ИВАНЪ.

Ну тамъ! авось своего поищемъ.

ТРИ МЫЩАНИНА.

Нѣтъ, и не думай. Али мы?.. Ну-ко, посылай.

ИВАНЪ.

Мнѣ, право, совѣстно, братцы.

ОДИНЪ МЪЩАНИНЪ.

Ваня! неужели мы не можемъ понимать?

ДРУГОЙ.

Ты только не сердись, что мы зашли къ тебѣ...

ИВАНЪ.

Вотъ что вздумалъ! завсегда просимъ покорно...

ТРЕТИЙ МЪЩАНИНЪ.

По-товарищецки, Ваня, зашли...

ПЕРВЫЙ.

Посылай! (Считаютъ деньги и одного снаряжаютъ за водкой. Нѣкоторые изъ гостей садятся къ лѣжанкѣ и начинаютъ играть въ карты, при свѣтѣ ночника.)

ПЕРВЫЙ.

Кому угодно?

ВТОРОЙ (сдавая).

Фалька—крестовая осьмерка.

ТРЕТИЙ.

Пошла копѣйка.

ПЕРВЫЙ.

Замарилъ! Хлюсть! (Третій почесываетъ затылокъ, окружающіе угрозовъ смѣются. Какая-то женщина открываетъ дверь и просовываетъ голову.)

ЖЕНЩИНА.

А что, моего Васьки тутъ нѣту? (Всѣ оглядываются.)

ВАСИЛІЙ (съ картами въ рукахъ прячется за спину товарищей. Шепотомъ).

Нѣту, нѣту...

ТОЛПА (загораживая Василья).

Нѣту, Акулина Дементьевна...

ОДИНЪ МЪЩАНИНЪ.

Онъ давеча, должно, пошелъ къ хозяину. (Молчаніе.)

ЖЕНЩИНА.

А Костюшка здѣсь? (*Константинъ прячется*).

ТОЛПА.

Нѣту, Акулина Дементьевна...

ОДИНЪ.

Говорятъ, онъ съ самаго обѣда пошелъ къ Алехѣ Сахарову, провожать Горшкова... отсюда они хотѣли къ Николаю заѣхать, смотрѣть, какъ къ присягѣ пригоняютъ...

ЖЕНЩИНА (*скрывается; съ отчаяніемъ*).

Ахъ, сокрушители!

ПЕРВЫЙ:

Ушла! сдавай!

ВТОРОЙ (*сдавая*).

Копѣйка темныхъ...

ТРЕТИЙ.

Словно отъ солдатчины попрягались...

ПЕРВЫЙ (*товарищу*).

Нѣтъ ли у тебя гривенничка; масть, братъ, какая привалила! (*Входитъ Настасья съ чайками*).

НАСТАСЬЯ.

Просимъ покорно...

ОДИНЪ.

Напрасно, Еремеевна...

ДРУГОЙ.

Мы давеча попали у Софроныча. (*Беретъ чай*.)

НАСТАСЬЯ.

Не взыщите, родимые; лишняго-то ничего нѣтъ...

(*Нѣкоторые изъ гостей садятся на сундукъ, вынимают карты, гремятъ бабками, и собираются тоже играть*.)

ОДИНЪ.

Слышь, пошла ладыжка!..

ДРУГОЙ.

Еще двѣ...

(*Во все время Иванъ и Петръ хозяйничаютъ, носятъ тарелки, рюмки, хлѣбъ и пр. Является квартальный, двѣ будочника и купецъ*.)

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Кто тутъ братья Горбачевы?

ИВАНЪ и ПЕТРЪ *(сдержанно)*.

Здѣсь...

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Гдѣ они? *(Подходитъ къ нимъ)*. Вотъ Яковъ Селеверстычъ подозрѣваетъ васъ въ покражѣ мѣди на тридцать пять рублей серебромъ. *(Настасья стоитъ неподвижно, держа чашки)*

КУПЕЦЪ.

Прикажете ихъ обыскать. *(Квартальный дѣлаетъ знакъ будочникамъ; будочники уходятъ. Нѣмая сцена; всѣ стоятъ не шевелясь.)*

КВАРТАЛЬНЫЙ *(купцу)*.

Садитесь, Яковъ Селеверстычъ.

КУПЕЦЪ.

Ничего, постоимъ. *(Молчаніе)*

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Сколько по вашимъ?

КУПЕЦЪ *(вынимая часы)*.

Восьмой...

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Мерсі! *(Съ почтеніемъ)* Были у его превосходительства-то?

КУПЕЦЪ.

Да.. попили чайку...

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Его супруга благородная женщина.

КУПЕЦЪ.

Благородная дама.

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Благородная дама.

(Всѣ молчатъ; нѣкоторые покашливаютъ. Квартальный закуриваетъ сигару; входятъ будочники, таща мѣшокъ.)

ОБА БУДОЧНИКА.

Вотъ мѣшокъ съ чѣмъ—то..

КУПЕЦЪ, КВАРТАЛЬНЫЙ, БУДОЧНИКИ *(осматривая
мѣшокъ въ
одномъ голосѣ).*

Мѣдь!!

КВАРТАЛЬНЫЙ *Ивану и Петру.*

Чья это мѣдь? *(Всѣ смотрятъ на двухъ братьевъ. Мать
съ навернувшимися слезами пристально глядитъ на сыновей.)*

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Что же вы молчите?

КУПЕЦЪ *(квартальному).*

Я навѣрно знаю, что они обработали это дѣло... Прикажете ихъ связать.

КВАРТАЛЬНЫЙ *(будочникамъ).*

Ну-ко! *(Будочники влѣзутъ. Купцу:)* Тутъ главное дѣло взломъ замка...

НАСТАСЬЯ *(квартальному).*

Батюшка! они ни въ чемъ не повинны... ваше благородіе...

КУПЕЦЪ *(Ивану).*

Не ожидалъ, Иванъ, я отъ тебя такихъ пассажей! Отплатить, братъ, за всѣ добродѣтели!..

ПЕТРЪ *(связанный будочниками, дрожащимъ голосомъ).*

За какія добродѣтели-то?

КУПЕЦЪ *(не обращая на него вниманія).*

Не ждалъ, право, не ждалъ, Иванъ.

ПЕТРЪ.

На тебѣ креста нѣтути... ты нашу кровь всю выпилъ!..

ИВАНЪ *(взволнованнымъ голосомъ).*

Эхъ, Яковъ Селеверстычъ! Только бѣдность-то моя!

НАСТАСЬЯ *(будочникамъ).*

Батюшки!...

ОДИНЪ МВЦАНИНЪ *(Настасьѣ тихо).*

Ты, Еремеевна, одѣлась бы проводить ихъ... *(Настасьѣ ищетъ шубейку.)*

ПЕТРЪ (со сѣланнкими руками, плачущимъ голосомъ, товарищамъ).

Я напишу въ Питеръ просьбу; пусть насъ разберутъ!
(Товарищи грустно смотрятъ на него.)

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Совсѣмъ?

БУДОЧНИКИ.

Совсѣмъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ (даетъ знакъ).

Ведите! (Впереди идутъ преступники, за ними купецъ, кварталный, будочники, Настасья, лъщане.)

ОДИНЪ МЪЩАНИНЪ (другому).

А пожалуй, пойдутъ въ Сибирь...

ДРУГОЙ (подумавъ).

Пожалуй, что пойдутъ...

(На сценѣ безпорядокъ; спустя нѣкоторое время занавѣсъ опускается.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Спустя годъ послѣ первой и второй картины.)

Раннее осеннее утро: Бѣдная крестьянская изба, направо отъ зрителей разбитыя окна, заткнутыя занунами и тряпичами; близь къ авансценѣ дубовый, длинный столъ, на которомъ тускло горитъ ночникъ; у стола стоитъ скамейка, нальво нарѣ и полаты. Въ глубинѣ сцены противъ зрителей дверь съ горшечнымъ умывальникомъ и русская печка; на полу въ разныя мѣстахъ кадушка, старыя лапти и проч. Заоьваетъ вѣтеръ и свѣтитъ сквозь худыя стекла. Входитъ Маланья сильно похудѣвшая, въ дырявомъ зипунѣ; голова повязана грязною тряпичей. Она медленно приближается къ столу, отъ кашля закрывая ротъ. Буря выбиваетъ зипунъ на ордину избы; Маланья поднимаетъ его и затываетъ окно, потомъ садится у стола. Послѣ нѣкотораго молчанія она облакачивается на столъ, закрываетъ глаза концомъ занавѣски. Гудетъ буря. Входятъ два мужика.

ПЕРВЫЙ (второму).

Сердечная! (помолчавъ Маланья:) Здорово живешь, Гордѣва!

МАЛАНЬЯ (*поднималась сквозь слезы*).

Здравствуйте, родимые. (*Кланяется*.)

ПЕРВЫЙ.

Что, матушка, увели лошадку?

МАЛАНЬЯ (*стоит поодаль отъ мужиковъ*).

Увели, касатики.

ПЕРВЫЙ.

Доканали нехристи! На лошади все хозяйство стояло! (*Маланья закрываетъ лицо, мужики молча на нее смотрятъ*.) Я думаю, это Андриушка коростель... (*Ласково Маланья*.) Давно увели-то, Гордѣвна?

МАЛАНЬЯ.

Послѣ вторыхъ кочатовъ хватились...

ПЕРВЫЙ (*съ участіемъ*).

Извѣстно: дѣло одинокое, ишь у нихъ ни одного мужика нѣтуту въ дому. Съ тѣхъ съ самыхъ поръ, какъ сына ея отдали въ солдаты, все почало... почало... такъ промежь рукъ пошло! (*Маланья*.) Какъ же ты думаешь, Гордѣвна?

МАЛАНЬЯ (*печально*).

Чай, искать надо.

ОБА (*съ однимъ голосъ*).

Искать, Гордѣвна!

ПЕРВЫЙ.

Ты сама ступай... невѣсткѣ гдѣ? баба молодая... Ты первая иди прямо на Логачовку, тамъ зайди къ кузнецу Чапѣ, Оттелева держи на Мочовку, оттелева тебѣ укажутъ дорогу на Калугу... Какъ выберешься на большую дорогу, иди да поспрашивай: дескать не видали ли гядой лошади съ бѣлою ногой? (*Маланья рыдаетъ. Мужикъ помолчалъ*.) Что ты все убиваешься, Гордѣвна?

МАЛАНЬЯ (*сквозь слезы*).

Эхъ, касатики!..

ПЕРВЫЙ (*трокнувшись*).

Знамо: что говорить!

ВТОРОЙ *(первому).*

Съ Логачовки-то ей бы понавѣдаться въ Ершевкѣ, спросить Елизара Затѣва. *(Молчаніе.)*

ПЕРВЫЙ.

Намъ пора въ кузню-то! Ну, Гордѣвна прощавай! Желаетъ тебѣ счастливо разыскивать... Спроси Чаплю-то!.. *(Идутъ къ двери.)* А гдѣ жъ твоя Степанида!

МАЛАНЬЯ *(проводя гостей).*

Я послала ее къ старостѣ заявить; неравно допросы пойдутъ.

ОБА,

Прощавай. *(Надѣваютъ шапки и уходятъ.)*

МАЛАНЬЯ *(опять садится за столъ и припадаетъ къ нему головой причитая).*

Сыночекъ мой! Гдѣ ты мой неагладный Анти-и-пушка *(Рыдаетъ, буря торитъ.)* На кого ты меня покинулъ беззащитную? Соколикъ мой! Чуетъ ли твое сердце-е-е-чущко? *(Снова рыданія. Слышится тихій стукъ въ окно; застываетъ буря; черезъ нѣсколько времени стукъ усиливается.)*

МАЛАНЬЯ *(оборачиваясь къ окну промолвитъ).*

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ СЪ УЛИЦЫ *(тихо.)*

Пустите странницу Христа-ради...

(Маланья идетъ къ двери. Входитъ въ ветхомъ капотѣ Настасья съ палкой, повязанная черною шалью; въ глаза съ тусклымъ свинцовымъ блескомъ; острый подбородокъ выдвинулся впередъ.)

НАСТАСЬЯ *(разбитымъ голосомъ).*

Здравствуйте...

МАЛАНЬЯ.

Здравствуй, родная. *(Настасья медленно подходитъ къ лавкѣ. Маланья подпиратъ подбородокъ рукой.)* На богомолье куда идешь?

НАСТАСЬЯ *(садится).*

Нѣтъ... куда глаза глядятъ. *(Молчаніе.)*

МАЛАНЬЯ *(поодаль садится).*

Видно, у тебя ни роду, ни племени нѣту?

НАСТАСЬЯ.

Никого нѣту... *(вздыхаетъ)* Были сыновья, да въ Сибирь сослали...

МАЛАНЬЯ *(задумчиво глядя въ сторону).*

У меня тожь у самой взяли сынка въ солдаты... *(Помолчавъ.)* Загубилъ мой вѣкъ, дорогой сыночекъ!.. *(Утираетъ занавѣской глаза.)*

НАСТАСЬЯ *(опершись на палку, глубоко вздыхаетъ).*

Скоро, скоро, мои дѣтушки, позабуду я васъ! Сокроетъ мои кости мать сыра земля... *(Облакачивается на столъ; объ сидятъ молча; гудетъ буря...)* Отвѣтъ мои неагадныя!..

МАЛАНЬЯ *(какъ бы про себя вздыхаетъ).*

Видно, много насъ такихъ! *(Молчаніе. Настасья:)* Не хочешь ли ты чего-нибудь закусить?

НАСТАСЬЯ.

Благодарствуй; мнѣ ничего не надо...

МАЛАНЬЯ *(немного придвигаясь).*

Что жь, ты чай про своихъ сыновей-то у ворожеи какой гадала? ась?

НАСТАСЬЯ.

Одинъ дьячокъ по книгамъ справлялся: какъ они должны по писанію...

МАЛАНЬЯ *(придвигаясь еще).*

Стало, по закону-то тамъ... *(Подумавъ:)* Небось, что сказано! Тебѣ бы къ ворожеѣ... У насъ конѣ лошадку увели—небось, тоже надоть и мнѣ къ ворожеѣ... *(Вздыхаетъ. Буря выбиваетъ зипунъ; Маланья поднимаетъ его и заслоняетъ окно. Настасья начинаетъ шептать про себя, развязывая узелки и глядя на нихъ: Ванюшка... Петенька... Долгое молчаніе. Маланья пристально смотритъ на Настасью.)*

МАЛАНЬЯ *(сидится)*.

Ты чья, касатка?

НАСТАСЬЯ.

Изъ здѣшней губерніи... торговка.

МАЛАНЬЯ *(медленно)*.

Торговка... Не ты ли одна сомнѣва сидѣла въ городѣ? когда была некрутчина?

НАСТАСЬЯ *(поднявъ голову)*.

Тогда твоего сына отдавали въ солдаты?

МАЛАНЬЯ *(встаетъ)*.

Ахъ, ягодка! А я слушаю: голосъ знакомый, а глазами-то никакъ не рассмотрю...

НАСТАСЬЯ *(встала)*.

Я сама, родимая, кабы ты мнѣ встрѣтилась гдѣ, ни за что бы не угадала.

МАЛАНЬЯ *(подступая къ Настасьѣ)*.

Давай, повидаемся... *(Начинаютъ улюговаться крестъ-накрестъ и раскланиваются.)* Ну, здравствуй... все-ли ты себя жива? *(Садится.)*

НАСТАСЬЯ.

Плохо...

МАЛАНЬЯ.

Плохо и я... Все горе по горю...

НАСТАСЬЯ.

Сокрушило это горе!..

МАЛАНЬЯ.

Я ужь никакъ съ годъ ни одной ноченьки не сплю покойно; сынокъ, желанная, съ ума нейдетъ...

НАСТАСЬЯ.

Охъ, дѣтушки! всю-то вы душеньку вымотали...

МАЛАНЬЯ.

Совсѣмъ изсушили... О-охъ!.. *(Помолчавъ:)* Куда теперь идешь-то, моя желанная?

НАСТАСЬЯ.

Къ Сергію Преподобному ходила, оттуда въ Оптину пустынь, а ужь теперь и не знаю куда идти... въ Кіевъ хотѣла, да чай на дорогѣ помру...

МАЛАНЬЯ.

Сердечная! *(Вздыхаетъ:)* Небось, ты покушать хочешь? Дай я тебѣ чего-нибудь принесу?... *(Суетится.)*

НАСТАСЬЯ.

Нѣтъ, не хлопочи...

МАЛАНЬЯ.

Съ чего же?.. покушай себѣ? Ты меня тогда какъ подчивала!

НАСТАСЬЯ.

Кабы хотѣла, я бѣ тебѣ сказала.

МАЛАНЬЯ.

Что бишь я?.. Да! Пойдемъ мы съ тобой, матушка, къ ворожеѣ-то вмѣстѣ: отъ насъ тутъ недалеко есть ворожея; ты погадаешь про сынковъ, а я про лошадку-то... Что дѣлать! мукой измучила меня эта лошадь... я и про Антипушку своего погадаю...

НАСТАСЬЯ.

Съ чего же? пойдемъ.

МАЛАНЬЯ.

Пра пойдемъ! Ежели ворожея скажетъ искать, то я пойду, дѣлать нечего, искать; а ежели нѣтъ, то мы съ тобой воротимся сюда... ты у меня отдохнешь себѣ... поживешь, сколько завгодно.

НАСТАСЬЯ.

Охъ!.. Мнѣ куда не идти—все равно!

МАЛАНЬЯ.

Такъ-то, моя сердечная... *(Входитъ Степанида.)*

СТЕПАНИДА.

Староста, матушка, велѣлъ искать по горячимъ слѣдамъ.

МАЛАНЬЯ.

О-о-о! Стало надо собраться?

СТЕПАНИДА *(смотрит на Настасью Маланью).*

Чья такая?

МАЛАНЬЯ.

Это мнѣ знакомая страница... вотъ мы съ ней къ во-
рожеѣ хотимъ пройти.

СТЕПАНИДА.

Такъ ты, матушка, одѣвайся.

*(Маланья ищетъ шубу. Настасья въ это время шепчетъ
про себя, продолжая разсматривать узелки.)*СТЕПАНИДА *(вынимая изъ печурки тря-
пицу и разнимая ее зубами).*Матушка! неровно долго проходишь... у меня есть грив-
на... возьми ты ее себѣ на дорогу... хлѣбца гдѣ, бываетъ,
купить... *(Подаетъ гривну и помогаетъ Маланью подпоясы-
ваться).*МАЛАНЬЯ *(Степанидѣ).*

Что, аль не будетъ допросовъ-то на счетъ лошади?

СТЕПАНИДА.

Не знаю... староста сказалъ послѣ...

МАЛАНЬЯ *(Настасья).*Ну, такъ пойдѣмъ же, моя касатка... *(Усаживаются, по-
томъ встаютъ и молятся образамъ.)*МАЛАНЬЯ *(Степанидѣ).*

Прощай, Степанидушка.

СТЕПАНИДА *(цѣлуется съ Настасьей).*Счастливо... вы не долго ходите-то! Вотъ палочку-то
возьми, матушка... *(Встѣ идутъ къ двери.)*МАЛАНЬЯ *(отворяя дверь, набожно).*Господи Іисусе Христе!.. *(Позади старуха идетъ Сте-
панида.)*

Занавѣсь опускается.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Налъво отъ зрителей часть сельскаго кладбища; дѣтъ могилы съ покосившимися крестами и однимъ деревцою; посреди нихъ мужикъ въ рубахѣ роетъ свѣжую могилу; вокругъ могилы дорожки къ церкви; направо часть церковной ограды. Проходятъ сельскія дѣвушки съ длинными косами; онѣ говорятъ между собою шепотомъ и скрываются за церковною рѣшеткой. Входитъ нѣсколько мужиковъ и мальчиковъ.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Еще не благовѣстили...

(Всѣ становятся подлѣ новой могилы и смотрятъ въ нее.)

ВТОРОЙ МУЖИКЪ *(могильщику).*

Кому это? Разстепякъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Ему... *(Выбрасываетъ землю.)*

ВСѢ (снимаютъ шляпы, съ разстановкой).

Царство небесное...

ТРЕТІЙ МУЖИКЪ *(задумчиво).*

Знатный былъ человекъ! *(Начинаютъ надѣвать шапки.)*
Такъ то придетъ время, всѣ помремъ...

ПЕРВЫЙ.

Должно не минуемъ... *(Послѣ небольшого молчанія.)* Вотъ ужъ гдѣ будетъ свобода-то! Никакихъ заботъ! лежи себѣ ровно баринъ...

ВТОРОЙ *(съ ироніей).*

На что покойнѣй мѣста!..

(Молчаніе. Появляется прикащикъ съ тростью; за нимъ староста безъ шапки тоже съ тростью; всѣ мужики снимаютъ шапки; прикащикъ не клоняется и проходитъ къ церкви. Входитъ баба со старухой; онѣ дѣлаютъ по три поклона могилкамъ, старуха падаетъ на могилу... Подходитъ еще баба; она тоже кланяется три раза, и падаетъ на другую могилу.)

БАБА (припѣваетъ).

Суда-а-арикъ ты мой!.. (Заключаетъ тихимъ, пѣвучимъ рыданіемъ, похожимъ нѣсколько на хохотъ.)

СТАРУХА.

Возьми и мои къ себѣ старыя ко-о-оосточки... (Рыданія слычиваются. Идетъ земскій съ лакеемъ. Въ мужскии кланяются.)

ЛАКЕЙ (Земскому).

Станете на клирость?

ЗЕМСКІЙ.

Подумаю... (Проходятъ. Идутъ бабы въ бѣлыхъ занавѣскахъ и красныхъ платкахъ, разсматривая другъ у друга наряды. Нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются у новой могилы. Входятъ Маланья и Настасья очень измѣнившіяся; съ ними рядомъ идетъ сельская старуха.)

МАЛАНЬЯ (печально, старухъ).

Недѣль пять бродимъ!

(Старуха качаетъ головой. Настасья, держа въ рукахъ кѣм-то тряпицу, шепчетъ про себя. Къ нимъ подходятъ мужскии и бабы.)

ОДИНЪ МУЖИКЪ (сельской старухъ).

Чья такія?

СТАРУХА.

Не знаю! лошадь пошли искать, да потеряли дорогу въ свою деревню...

(Бабы съ любопытствомъ смотрятъ на Настасью.)

ОДНА БАБА (тихо.)

Что-то бормочетъ...

ВТОРОЙ МУЖИКЪ (Маланья.)

Чья такая съ тобой?

МАЛАНЬЯ.

Да, родимый, помѣшанная... (Настасья переходитъ на другую сторону и садится у могилы.) Дорогой тронулась... аѣтокъ своихъ ашилаась...

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Какъ вы дорогу-то потеряли?..

МАЛАНЬЯ.

Охъ! помню я только свою деревню... *(Входитъ прикащикъ сопровождаемый старостой.)*

ПРИКАЩИКЪ.

Что такое?

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ.

Странницы лошадь искали, да заблудились

ПРИКАЩИКЪ *(Маланья)*.

Какого вы узда?

МАЛАНЬЯ.

Не знаю, ваше благородіе...

ПРИКАЩИКЪ.

А паспорта есть?

МАЛАНЬЯ.

Нѣту-ти...

ПРИКАЩИКЪ *(подходя къ Настасьѣ, которая сидитъ покуря голову)*.

Ты чья? *(Настасья вздыхаетъ. Бабы качаютъ головами)*.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(тихо)*.

Она помѣшаная...

ПРИКАЩИКЪ *(старость)*.

Надо ихъ отправить къ становому... можетъ онъ бѣглыя...

СТАРОСТА.

Главное, на княжеской землѣ... *(Является лакей.)*

ЛАКЕЙ *(прикащику не громко)*.

Васъ просятъ на спѣвку подтянуть...

(Прикащикъ, озирая старухъ, уходитъ по направленію къ рѣшеткѣ; за нимъ идетъ староста безъ шапки, и съ тросточкой.)

МАЛАНЬЯ *(мужфикаетъ сквозь слезы).*

Батюшки! что намъ дѣлать?

ОДИНЪ МУЖИКЪ *(другому).*

Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ станешь дѣлать?

ДРУГОЙ *(озирался).*

Пожалуй прикащикъ заправду ихъ отвезетъ къ становому... Это отъ него случится. Да вотъ еще главная причина: отъ становаго-то какъ бы они не попали въ острогъ...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(съ размышленіемъ).*

Чего добраго, малый...

ДРУГОЙ.

Разя становому нужно что онѣ забыли свой уѣздъ?.. Ему кого ни-на-есть жамкнуть въ острогъ и шабашъ! *(Вполголоса:)* Надьсь Захаръ Воробьевъ поѣхалъ въ городъ овесъ продавать, и то въ части насидѣлся...

ТРЕТІЙ *(Маланья).*

А вы, старушка, вотъ что: лучше бѣгите-ко отсюда скорѣе, а то прикащикъ васъ отвезетъ къ становому, а ужъ тотъ не помилуетъ... его должность извѣстная!..

МАЛАНЬЯ *(начинаетъ рыдать).*

Батюшки мои! помогите намъ!

ПЕРВЫЙ.

Что тутъ дѣлать!.. Ничего не сообразишь... Право, куда-нибудь скройтесь!

(Нѣсколько бабъ съ сожалѣніемъ качаютъ головами. Слышенъ благовѣстъ колокола. Народъ идетъ къ церкви. Суена пустуетъ. Могильщикъ, держа подъ мышкой лопату и заступъ и откусывая отъ кромы хлѣба, идетъ за могилы и скрывается.)

МАЛАНЬЯ *(Настасья).*

Матушка, пойдѣмъ, пойдѣмъ отсюда!..

(Настасья, услыжавъ знакомый голосъ, поднимаетъ голову.)

МАЛАНЬЯ *(береть ее за рукава).*

Насъ въ острогъ хотятъ!

НАСТАСЬЯ *(удивляясь)*

Въ острогъ?

МАЛАНЬЯ.

Да! поидемъ скорѣе, ягодка!

НАСТАСЬЯ *(вздыхая).*

Да!.. они далеко уѣхали... вотъ Ванюшкинъ платочекъ *(Показываетъ тряпку.)*

МАЛАНЬЯ *(плача).*

Несчастливая... ничего не понимаетъ...

НАСТАСЬЯ *(взглянувъ на Маланью).*

Вѣдь они скоро воротятся, не тужи... мнѣ въ палатѣ сказывали... Я имъ образочекъ дала... по платочку... красенькому... Знаешь, матушка? Секретарь вѣдь за нихъ... они по бѣдности... да... *(задумывается)*... кандалы надѣли... *(Смотритъ упорно въ землю.)*

МАЛАНЬЯ *(держая ее за рукава).*

Поидемъ же...

НАСТАСЬЯ *(встаетъ).*

Къ обѣдни?

МАЛАНЬЯ.

Нѣтъ!.. Богъ съ ней, обѣдня...

НАСТАСЬЯ *(про себя тихо).*

Ванюшка... Петенька...

МАЛАНЬЯ *(заливается слезами и уходитъ съ сумашедшею. Благовѣсть продолжается).*

Занавѣсъ опускается.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Густой темный лес; сильный ветер; шум леса заглушает отдаленный голос кукушки; где-то в стороне, едва слышно, тянется пьеса музыка:

Уж вы ночи темныя,
Вечера осенне,
Надо мной, надоскучили...

Ветер часто стонет и заглушает пьесу, наконец она совсем пропадает. Посреди леса под деревьями лежат Настасья. Шум леса продолжается полминуты... в глубинах леса показываются бабы и девочки с лукошками для грибов; они залпчат лежащую и боязливо начинают приближаться к ней.

Одна, отделившись от толпы, заглядывает Настасья в лицо и отскакивает прочь.

ДВВОЧКА (шепотом).

Мертвая!

ДВВ БАБЫ (шепотом).

Пойдемь отсюда... прицѣплять насъ...

(Весь испуганно убѣгаютъ. Шумитъ лесъ; вдалекѣ слышенъ голосъ кукушки... Съ вязанкой сухихъ вѣтокъ является мужикъ; онъ хочетъ посмотреть лежащую, дѣлаетъ два шага къ ней, но, какъ будто одумавшись, бѣжитъ назадъ и скрывается... Шумъ леса... сцена пуста около минуты... Изъ глубины леса съ лѣвой стороны показываются естскій, староста, три мужика и среди нихъ Маланья; она молча приближаются къ Настасье... Все стоятъ и молчатъ. Маланья смотритъ безсознательно въ землю.)

СТАРОСТА (тихо).

Давно померла-то?

МАЛАНЬЯ.

Недавись...

СОТСКІЙ (*монокотно Маланью*).

Тебя надо въ острогъ, потому ты все съ ней была...

МАЛАНЬЯ (*закрываетъ глаза концами
головной тряпки*).

СОТСКІЙ (*посль нѣкотораго молчанія
и не переставая глядеть на
мертвую*).

Что жь, берите ее... (*Кивая на Маланью*.) Эту вяжите!..
(*Муѣзики вяжутъ Маланью руки... Поднимаютъ мертвую
и несутъ. Маланья идетъ съ боку процессіи. Въ медленномъ
скрываются... шумитъ лѣсъ... едва слышится презрѣнная
пѣсня...*)

Занавѣсь опускается.

1862 г.

Н. УСПЕНСКІЙ.

ВОСПИТАНИЦА САРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

I.

Было уже темно. Въ одномъ изъ довольно-длинныхъ переулковъ обширной, бѣлокаменной столицы, обрѣтались также фонари, но вѣроятно только для дневнаго украшенія: иной цѣли они не имѣли, потому что никогда не зажигались. И къ чему въ самомъ дѣлѣ было зажигать ихъ и напрасно терять, по латинской пословицѣ, трудъ и масло, — *oleum et oregam perdere*, — если весь переулокъ состоялъ изъ заборовъ, и только одна запертая калитка вела къ дому, находившемуся на обширномъ пустынномъ пространствѣ двора. Переулокъ однакоже былъ не тупикъ, и сверхъ того, надъ калиткой, по одному любимому выраженію, *виднѣлась*, а по другому *красовалась* небольшая вывѣска съ надписью: „Привилегированная, повивальная бабка Викторина. Также принимаетъ дѣтей на попеченіе.“

Было уже темно, какъ мы сказали выше, въ переулкѣ, хоть глазъ выколи. Слышно, что дребезжать дрожки; раздался чей-то голосъ: стой!.. Къ счастью, проходящій будочникъ съ лѣстницей и съ фонаремъ, озарилъ мгновенно

противоположный заборъ. Къ калиткѣ подѣхалъ, на вавъкъ, сѣдокъ въ длиннополомъ сюртукѣ, съ корзиной въ рукахъ.

— Насилу добрель! сказалъ онъ, соскочивъ съ дрожекъ и дергая за веревку.

— Добрель! отозвался извощикъ, — чай на мнѣ пріѣхалъ, а не на своихъ добрель!.. Деньги-то давай.

— Чортъ знаетъ, тутъ не дозволишься!

— Да ты напередъ деньги-то давай; а тамъ звони себѣ хоть до свѣта! повторилъ извощикъ.

— Тебя какъ я нанималъ? сюда и назадъ; такъ и жди; а сейчасъ же ворочусь.

— Сюда и назадъ? на пустырь-то? врешь, уйдешь, такъ поди ищи хвосты-то твои!..

— Дурачина! думаетъ, что его обмануть!

— Дурачина намъ не по чину, величай себя, отвѣчалъ извощикъ.

Сѣдокъ дернулъ еще разъ за веревку, и вынулъ изъ кармана какую-то монету.

— На!

— Это что жь такое?

— Полтинникъ.

— Полтинникъ? ой ли? проговорилъ извощикъ, ощупывая монету: — врешь, береги гроши-то про себя! давай бу-мажку, я сдачи сдамъ.

— Ахъ, проклятые! крикнулъ съ досады сѣдокъ, дернувъ снова за веревку.

— Кто тамъ? раздался женскій голосъ за заборомъ.

— Отопри, голубушка.

— Да ты кто таковъ, сударикъ? кого тебѣ надо?

— Тутъ живетъ госпожа Викторина Ивановна.

— Какая тутъ госпожа? никакой госпожи нѣтъ; а переѣхала къ намъ недавно частная бабушка, кажись что Катерина Ивановна.

— Она и должна быть.

— Такъ бы и сказалъ; а то барыня; ну, годи, я скажу.

— Да ты отопри, моя милая!

— Нѣтъ, милая-то не отопретъ, не ея дѣло! Богъ васъ знаетъ, кто вы тамъ по ночи-то пришли.

— Ахъ, вы проклятые!

— Ишь ты, всѣ у него проклятые... Да ты плати прежде

за провозъ-то... Вѣдь и отопрутъ, я не пущу; слышишь, караулъ закричу! сказала извощикъ, ухватясь за корзину.

— Не тронь! крикнулъ съдокъ: — на! вотъ тебѣ рубль серебромъ.

Извощикъ оцупалъ бумажку, и удовольствовался.

— Сдачи, что ль, аль поѣдешь назадъ?

Въ это время калитка отворилась.

— Кого вамъ? Викторину Ивановну?

— Викторину Ивановну. Посылка къ ней.

— Пожалуйте, сказала женщина, провожая неизвѣстнаго чрезъ дворъ къ дому и потомъ по темной лѣстницѣ.

Между тѣмъ, въ окнахъ верхняго этажа украшенныхъ ситцевыми занавѣсками, показался свѣтъ. Въ комнатѣ убранной мебелью подъ орѣхъ, надъ однимъ столикомъ висѣло зеркало, надъ другимъ портретъ вывѣсочной живописи, изображавшій улыбающуюся даму въ чепцѣ и локонахъ. Оригиналъ портрета ходилъ взадъ и впередъ въ томъ же чепцѣ и локонахъ, въ томъ же накинутаго на плеча платкѣ съ набивными турецкими цвѣтами посреди арабскихъ вавилоновъ и англійскихъ узоровъ; съ тѣмъ же восковымъ платкомъ въ сложенныхъ рукахъ. Не доставало только прежней улыбки, румяныхъ ланитъ на лицѣ, и присоединенной живописцемъ великолѣпной вазы въ комнатѣ. Это была женщина среднихъ лѣтъ, но пріятной и доброй наружности. Съ нетерпѣніемъ посматривала она въ переднюю, подходила къ зеркалу, и въ ожиданіи поправляла съ улыбкой локоны, какъ будто желая снова походить на свой портретъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ въ комнату довольно уже пожилой человекъ, въ длинномъ сюртукѣ, что-то въ родѣ стариннаго управляющаго домою и довѣреннаго человека. Въ рукахъ его была кордонка въ родѣ корзинки съ крышей.

— Вы сударыня, Викторина Ивановна? спросилъ онъ.

— Я, мой милый.

— Такъ вотъ приказано вамъ отдать.

— Ахъ, это дѣтское приданое!

— Не знаю сударыня съ чѣмъ; въ магазинѣ сказали, что тутъ есть реестръ всему.

— Ну да, да да, я и сказала, что въ магазинѣ дѣтскаго бѣлья есть все готовое.

— Да вотъ вотъ пакетецъ со вложеніемъ; извольте пересчитать.

— Хорошо, мой милый, проговорила Викторина, взявъ пакетъ.

— Это, сударыня, по условію за полгода: не угодно ли пересчитать, да выдать мнѣ записочку, что изволили получить.

Викторина подошла къ свѣчѣ и стала считать бумажки; но качество, или количество ихъ ее взводило; глаза, непривычные къ значительнымъ суммамъ денегъ, какъ будто заволокло куриною слѣпотой, а руки дрожали.

— Точно такъ, сказала она наконецъ, совершенно сбившись съ толку и положивъ пакетъ въ столъ.—Сейчасъ напишу росписку... Какъ же мнѣ писать? пожалуста говорите мнѣ... Сего числа... получила... отъ кого?

— Просто извольте написать: получено мною тысяча рублей ассигнаціями.

Руки Викторины тряслись; но кое-какъ она написала эти слова, и подписалась. Когда человѣкъ вышелъ, она принялась снова пересчитывать деньги. На первый разъ она не досчиталась цѣлыхъ трехъ сотъ рублей. Холодный потъ выступилъ на лицѣ.

— Ахъ, Боже мой, онъ обсчиталъ меня! вскричала Викторина, принимаясь снова считать. На второй разъ недостало только ста рублей; а наконецъ вся тысяча оказалась сполна.

Лицо ея пылало, какъ на портретѣ. Успокоясь отъ волненія, она вошла въ свою спальню, тихонько отперла комодъ и положила пакетъ въ ларчикъ; потомъ прислушалась у пріотворенныхъ дверей въ другую комнату.

— Спать спокойно, милочка! прибавила Викторина, и ворясь къ комоду, на которомъ стояло зеркальце, она скинула парадный чепчикъ, потомъ зачесала волосы подъ гребенку и надѣла ночной чепецъ. Вдругъ раздался какой-то дикій звукъ съ продолжительнымъ свистомъ.

— Она испугаетъ ребенка! проговорила Викторина, всплеснувъ руками, и бросилась въ боковую отъ спальни комнату, гдѣ подлѣ приставленныхъ другъ къ другу кресель, накрытыхъ кисейною занавѣской, лежала раскинувшись на разостланномъ войлокѣ, на полу, тучная деревенская баба.

— Кормилица!.. Господи, буря какая! Что ты, матушка, хранишь и сопишь! ты испугаешь дитя!

Кормилица очнулась, вскочила и начала поправлять съ просокковъ платокъ на головѣ и почесывать виски.

Прошептавъ ей строгій выговоръ, Викторина возвратилась въ спальню, сѣла въ мягкія кресла, опустила голову на спинку, протянула ноги, сложила руки, и смотря въ потолокъ, проговорила: „теперь я, слава Богу, обезпечена надолго; а если это дитя останется на моемъ попеченіи нѣсколько лѣтъ“... она не договорила, сердце ея забилось передъ фресками роскошной будущности, которая представлялась ей на безпредѣльномъ пространствѣ потолка. Приятныя мечты стали однакоже клонить ее ко сну. Она встала и позвала тихонько свою Матрену, у которой, какъ у *Янн-таги* было безчисленное множество рукъ и ногъ, на безукоризненное исполненіе обязанностей горничной, кухарки, прачки, посыльной и временной няньки дѣтей, которыхъ Викторина брала на попеченіе, и даже погребальницы. Матрена раздѣла ее, уложила въ постель, и сложивъ руки, ожидала приказаній.

— Что жь ты стоишь, ступай себѣ.

— А про кушанье-то забыли?

— Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ забыла!.. Завтра ты, Матрена, встань пораньше, да достань свѣжей трухи... на обѣдъ купи фунта три парной говядины перваго сорта на супъ, да хорошую филейную часть на жаркое...

— Эва! филею! Филей-то меньше пяти фунтовъ не отрѣжутъ.

— Ну что жь такое!.. Кореньевъ побольше... не забудь взять пырею... я пырей люблю... Да купи теста на пирожки; мѣрку картофелю, только хорошаго. Ахъ, да! пары три сосисокъ...

— Чай къ Нѣмцу бѣжать?

— Конечно... Масла купи фунта три, дополнила Викторина въ заключеніе, вынувъ изъ комода деньги.

— Господи, да куда жь это три фунта! Чтобъ прогоркло?

— Я сама буду дѣлать марципаны... Ахъ, и забыла: зайди въ кондитерскую да купи фунтъ шеколаду.

— Господи, да что у васъ завтра праздникъ, что ли, какой нѣмецкой? Именинъ своихъ не празднуете; а тутъ

вдругъ, ни съ того, ни съ сего, словно сорока; гостей сзывать!.. Чу, звонитъ кто-то опять.

— Нѣтъ ужъ я никуда, ни за что; я такъ утомилась эти дни.

— Волей-неволей, а пойдешь, какъ родильница въ части. Служба—кабала.

— Я служить больше не намѣрена! Скажи, что я больна. Звонокъ снова звякнулъ. Матрена выбѣжала.

— Служить я больше не намѣрена, повторила Викторина,— завтра же буду просить увольненія.

— Одѣвайтесь-ко, сказала, возвратясь, Матрена.

— И не думаю; никуда и ни къ кому! Кто бы тамъ ни былъ, скажи что не могу.

— Что тутъ не могу! Къ мадамъ Бертъ-то не можете? къ закадычному другу? Вѣрно съ дочкой-то ея что-нибудь приключилось.

— Неужели? отъ Берты?

— Стало-быть дочка-то, Диночка, повѣнчалась съ тѣмъ иностраннымъ банкирскимъ прикащикомъ? Ну, счастлива!..

— Мнѣ же на руки... нѣтъ, благодарна, проговорила Викторина.

— Что жъ, одѣваться, чтоль? извощика прислали.

— Не поѣду; скажи, что изъ части прислали за мной; въ части работа, никакъ не могу; пусть за другой пошлютъ.

Матрена покачала головой и вышла.

— Нѣтъ, благодарна! пусть извинитъ Берта! продолжала Викторина разговаривать сама съ собой.— Она ужъ намекала, и приговаривалась къ тому, чтобъ отдать ребенка на мое попеченіе... Большая прибыль! Знаю я этихъ... тароватыхъ господъ!.. Наобѣщаютъ горы!.. Да и мѣста у меня нѣтъ, гдѣ жъ я помѣщу двухъ? да еще и другую кормилицу держу. Ни за что!

Съ этими рѣшительными мыслями Викторина стала засыпать. Но снова раздался звонокъ, и вскорѣ вслѣдъ за Матреной, вошедшей со свѣчой, вошла женщина пожилыхъ лѣтъ, въ родѣ муттерхенъ ходящей на рынокъ, въ мантиль и въ шляпкѣ съ неизмѣримыми полями. Вбѣжавъ въ спальню съ ахальемъ, она бросилась на лежавшую въ постелѣ Викторину, облобызала ее и заговорила въ полголоса по-нѣмецки.

Матрена, не понимая ничего, поняла однакоже, что просьбы

на немецкомъ языкѣ гораздо убѣдительнѣе. Викторина, хотя не охотно, но стала одѣваться, и вскорѣ исчезла съ Бертой.

II.

Несмотря на рѣшимость Викторины удовольствоваться материнскимъ попеченіемъ только объ одномъ младенцѣ, котораго, какъ она выражалась, послалъ ей самъ Богъ, на другой же день, въ маленькой комнаткѣ между спальней и кухней, стояла еще пара сдвинутыхъ кресель, полузакрытыхъ старымъ саржевымъ платкомъ. Дебелая и тучная кормилица не затруднилась, взяла на свое продовольствіе двухъ питомцевъ. То дѣляла и кормила Бѣляночку; то кормила и убаюкивала Чернаву. Бѣляночкой называла она первую дѣвочку, которая поступила на ея кормы. Это была Вѣрочка, крохотное слабенькое существо; капельки двѣ молока удовлетворяли ее, и она тотчасъ же засыпала у груди.

— Ужь какой это жилецъ! говорила кормилица, качая головою.

— Полно каркать ворона, типунъ тебѣ на языкъ! сердце вскрикивала на нее Викторина, заботливо и боязливо ухаживая за Вѣрочкой.

Другая дѣвочка, навязанная ей внучка Берты, проявляла внутреннія силы. Еще молочные, но уже зоркіе глазенки, таранились на всѣ окружающіе предметы, ручки цѣплялись за все, и она молчала, когда жажда ея была удовлетворена; но едва кормилица, занятая другимъ ребенкомъ, промедлила и тотчасъ же, по деревенскому ея выраженію, не заткнула глотки, тѣ же глазенки грозно хмурились и ротикъ, съ невыносимымъ крикомъ, ухвативъ грудь, долго тормошилъ ее, прежде чѣмъ, впившись въ нее, начиналъ сосать съ гнѣвнымъ ропотомъ и захлебываясь.

— Экая прорва, прости Господи! ворчала часто кормилица:—добро бы впрокъ!

Викторина также не жаловала внучку Берты. Безпокойный ребенокъ надобдалъ ей крикомъ своимъ, а Матрена допросы, какъ звать его.

— Что она безыменная, что ли, некрещеная, повторяла Матрена,—или ужь такъ и останется Чернавою, какъ прозвала ее кормилица?

Не прежде какъ чрезъ мѣсяцъ Викторина получила записку отъ Берты, съ извѣщеніемъ, что имя младенца Sarah. Это имя встревожило ее. Она сама побѣжала къ пріятельницѣ своей и объявила ей, что она не можетъ держать у себя дѣвочки, которая носить имя Сара.

— А почему же это? проговорила въ свою очередь встревоженная Берта.

— Впервыхъ потому, что я служу, и меня спросятъ, что у меня за дѣвочка на воспитаніи съ некрещенымъ именемъ; а вовторыхъ это лишитъ меня практики: скажутъ что я принимаю на глѣбовскомъ подворьѣ.

— Помилуйте, Викторина, какое же некрещеное имя? это американское имя; зять изъ Америки родомъ... Онъ теперь поѣхалъ въ Америку, а по возвращеніи его, Дина возьметъ дочь къ себѣ.

— Да, это другое дѣло, сказала успокоенная Викторина.— И я очень буду рада! прибавила она, возвратясь домой.— Мнѣ надоѣла эта рѣва!.. Ты поминутно кормишь ее, кормилица, а Вѣрочка голодная.

— А кто жь ей виноватъ, дитя не просить, мать не разумѣть; вотъ эта, заорѣтъ, такъ и вѣдомо, что ѣсть хотить.

— Не давай часто.

— Да для чявожь не давать-то? то и телятко, что двѣ матки сосеть; а эта что? ненадежная.

— Ахъ ты бурая корова! что мычить!

Викторинѣ и безъ напоминаній поминутно приходила страшная мысль въ голову, что того и гляди, слабенькая Вѣрочка умретъ, и она лишится дохода, который можетъ обезпечить всю ея будущность.

— Господи, пошли ей хоть три годка жизни! повторяла она мысленно, смотря на Вѣрочку.

Но кормилица, какъ будто сглазила бѣдную дѣвочку; она вдругъ заболѣла. Викторина перепугалась. Во всякомъ другомъ случаѣ она употребила бы въ дѣло собственныя свои познанія въ медицинѣ; напоила бы ромашкой, дала бы магнезію, намазала бы животикъ маслицемъ, употребила бы даже промывальное; но Вѣрочка пуще роднаго дитя, надъ которымъ не пробуютъ домашней аптеки и универсальныхъ средствъ. Надо ѣхать за докторомъ; но вправо ѣхать или лѣво? За аллопатомъ или гомеопатомъ? На *малыя толки*

она однакоже не понадеялась, и какъ будто убѣжденная, что на русскую натуру не подѣйствуетъ и нѣмецкая молитва, она заѣхала къ Иверской. Докторъ, котораго Викторина привезла съ собою, любилъ свое призваніе, любилъ науку, но не вѣрилъ въ нее какъ въ Бога. Помогать ея дѣло, а воскрешать не ея дѣло, говорилъ онъ.

— Помогите! повторяла и Викторина, подводя его къ больной Вѣрочкѣ.

— А вотъ, увидимъ, чему помогать... Ну-у, есть чему! сказалъ онъ, садясь подлѣ колыбелки, и приложивъ руку къ пылающей головкѣ ребенка.— Это откуда ты взяла такую хорошенькую дѣвочку?

— Это дочь моего друга.

— Твоего друга?.. стало быть собственная.

— Ахъ, полноте!.. скажите, что?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Ты чѣмъ ее кормишь?

— Вотъ кормилица.

— Ого! покажись-ко сюда, голубушка... Покажи вымя-то... Да, изрядное. Ступай!

— Молоко у нея очень хорошее.

— Сливки?.. Ахъ ты повитушка! а еще Викторина! нешто можно кормить такую мозглявенькую дѣвочку коровьимъ молокомъ?.. Навараксай животикъ чѣмъ-нибудь, да дашь поросечки...

Докторъ написалъ рецептъ, всталъ и пошелъ. Викторина бросилась къ нему съ благодарностію за визитъ.

— Что еще?.. Кормилицу-то переменяй! сказалъ онъ, оттолкнувъ ея руку.

Пославъ рецептъ въ аптеку, она съѣла подлѣ Вѣрочки, успокоенная надеждою на ея выздоровленіе; но горевала, что надо взять другую кормилицу. Медлить нельзя было. На другой же день явилась другая, и Вѣрочкѣ стало лучше.

Дебелая кормилица {предоставлена была въ полное распоряженіе Сары.

Викторина надеялась, что отъ этой обузы скоро-ее избавятъ; но прошло нѣсколько недѣль, никто и не думалъ брать ребенка. Прошелъ еще мѣсяць; Викторина хотѣла уже напомнить Бергъ; но, легкая на поминъ, Берта яви-

лась сама, и только что вошла въ комнату, сѣла и залилась горькими слезами.

Матрена подслушивала по обычаю разговоръ; но опять ничего не поняла, кромѣ того, что мадамъ Берта о чемъ-то просила, молила, убѣждала, уговаривала Викторину и въ заключеніе начала добызать.

Дѣло состояло въ томъ, что зять ея Американецъ, вмѣсто Москвы, внезапно уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Индію, что на кораблѣ сдѣлался пожаръ и неизвѣстно спасся онъ, или погибъ.

— Что жь мнѣ дѣлать съ вашимъ ребенкомъ? вскричала Викторина:—я не могу его на свой счетъ содержать.

— Для чего же на свой счетъ: Дина, до возвращенія мужа поступила въ гувернантку, и будетъ присылать на содержаніе ребенка.

— Дина поступила въ гувернантку? сказала съ усмѣшкой Викторина:—до возвращенія мужа?

— Я увѣрена, что онъ живъ; потому что въ конторѣ извѣстій объ его смерти нѣтъ.

— Ужь хоть бы говорила просто, Берта, и что-нибудь одно; то поѣхалъ въ Америку, то въ Индію, то погибъ, то живъ! Право, я этимъ Американцамъ не вѣрю!.. На свадьбѣ вашей Дины, я могла бы быть не лишнимъ гостемъ.

— Ужь конечно, вы Викторина заняли бы первое почетное мѣсто, еслибы можно было объявить свадьбу; но до смерти отца онъ не можетъ этого сдѣлать, онъ женился безъ согласія его... отецъ проклянетъ и лишитъ всего наслѣдства...

— Слышала я; кто жь не знаетъ, что онъ къ вамъ ѣздилъ, устроилъ васъ... У Дины платье не платье, шляпка не шляпка, кружевные мантильи; куда жь все это дѣлось?

— Да! въ какомъ довольствіи жили мы! какая квартира была! уборка кака!.. кофей, шеколадъ, шампанское пили!.. а теперь?.. проговорила, залившись слезами, Берта.—Дина неблагодарная дочь, уѣхала; деньги, вещи все съ собою забрала; да еще ребенка бросила мнѣ на руки... вздумала меня же попрекать!..

— Давно бы такъ, сказала Берта.

Хотя Викторина наслушалась отъ одного знакомаго ей гезеля, что сердце есть не что иное какъ сосудъ, изъ котораго, при сильномъ давленіи внутреннихъ мѣховъ, исте-

каеть морскаго свойства вода, называемая слезами, но она не утратила сочувствія къ этой водѣ; а потому и согласилась оставить Сару на нѣкоторое время на своемъ попеченіи.

Это время тянулось годъ, два и три, въ продолженіи которыхъ не только не было извѣстія объ отцѣ Сары; но, по сознанию Берты, и о матери не было ни слуху, ни духу. Берта надѣдала Викторинѣ слезами и о себѣ бѣдной и о бѣдной внучкѣ, особенно когда смотрѣла на Вѣрочку, которую обкладывали игрушками и защищали отъ насилій Сары.

— Бѣдная Сара, говорила она заунывно,—о тебѣ некому позаботиться.

— Какъ некому, возражала Викторина,—а вы, а мать ея? Берта покачала головой.

— Вольно же... впрочемъ она такой ребенокъ, который самъ о себѣ прекрасно заботится: все что угодно выкричить! посмотрите, какъ загробастала у Вѣрочки всѣ игрушки; а та добрушка и голосу не подаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такая худашка, смотрѣть жалко!

— Ну, восхищайтесь вашею Сарой; а эту оставьте въ покоѣ!

— Вы, Викторина, все обижаетесь моими словами, а я вѣдь такъ говорю: нельзя же мнѣ не горевать, что такая прекрасная дѣвочка должна будетъ вести несчастную жизнь!.. Что я въ состояніи для нее теперь сдѣлать? не могу куклы купить для нее; а выростеть—придется можетъ-быть вмѣстѣ съ нею добывать кусокъ хлѣба на улицѣ.

— Можно честнымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, сказала сурово Викторина.

Эти слова затронули Берту.

— На бѣдность всегда бѣда валится, проговорила она сквозь слезы,—я знаю, что Сара тяготитъ васъ; но когда она еще немного подрастетъ, я буду хлопотать, чтобъ ее взяли въ какое-нибудь достаточное семейство на воспитаніе.

— Да, конечно, объ этомъ не худо позаботиться; это было бы лучше всего.

III.

Вѣрочкѣ минуло четыре года. Это было такое милое, чудное дитя, что ни одно женское сердце не отказалось бы отъ такой дочери. Молитвы Викторины были услышаны. Она успѣла уже скопить изрядный капиталъ, и отъ денегъ получаемыхъ на содержаніе ребенка и отъ частыхъ подарковъ, присылаемыхъ ей, то съ бѣльемъ для дитяти, то съ куклами и конфетами. Но все еще чего-то не доставало, для круглаго счета; при томъ же она пристрастилась къ Вѣрочкѣ, какъ родная мать. Но предѣлъ благостыни вѣрно наступилъ. Вѣрочка вдругъ опасно заболѣла. Докторъ велѣлъ отдѣлать ее отъ другаго ребенка. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь развилась, и почти уже не было надежды на ея жизнь.

Викторина впала въ страшное отчаяніе. Ей казалось, что все кончено. Она не могла отдать себѣ отчета, чего ей было жаль: питомицы ли своей, или блаженныхъ грезъ, навѣваемыхъ обѣщаннымъ значительнымъ вознагражденіемъ за ея воспитаніе.

Сара, какъ нарочно истязала ее своимъ неугомоннымъ крикомъ. Въ ней родилась вдругъ новая причуда: не смѣя никто называть ее Сарой.

— Я хочу быть также Вѣрочкой! воила она, топая ногами и швыряя все что ни попало въ руки.

Это очень забавляло Матрену; но неумокаемый крикъ наконецъ вывелъ Викторину изъ терпѣнія. Она написала къ Бергѣ, чтобъ пришла и взяла ее къ себѣ, по крайней мѣрѣ на время болѣзни Вѣрочки.

Въ это самое время явился къ ней тотъ же самый по-вѣренный съ кардонкой и запиской.

— Хорошо, мой милый, проговорила она ему дрожа всѣмъ тѣломъ, принимая записку и кардонку. Онъ ушелъ. Но когда Викторина пробѣжала глазами записку, ее бросило въ жаръ; ломая себѣ руки, она, какъ безумная пробѣжала по комнатамъ; но изнемогла и сѣла.

— Что я буду дѣлать?.. что мнѣ дѣлать? повторила она, развернувъ записку и снова пробѣгая слова: „завтра, и-

редь всеродемъ, придетъ за вами карета. Одѣньте дитя въ посылаемое платье и повѣжайте въ Кремлевскій садъ.“

— Что мнѣ дѣлать!.. Она не доживетъ до завтра!.. Одѣть въ новое платье, уложить въ гробикъ и везти въ при- славной каретѣ на кладбище?..

Эта мысль такъ ужаснула Викторину, что она вскочила съ мѣста; но ноги ея подкосились, и она упала на колѣни.

— Бѣдная мать! она надѣялась взглянуть въ первый разъ на дитя свое; а я привезу ее, чтобы насмотрѣлась въ по- слѣдній разъ!..

Смотря неподвижными глазами на затворенныя двери комнаты, гдѣ лежала больная Вѣрочка, она привстала, хотѣла идти къ ней; но раздался снова звонокъ. Викторина съ боязнью прислушалась.

Это была Берта.

— Викторина! сказала она умоляющимъ голосомъ:—какъ же я возьму Сару къ себѣ, если мнѣ самой изъ милости дають уголокъ?

— Что жь мнѣ дѣлать, Берта: Вѣрочка при смерти, а отъ крика и капризовъ Сары нѣтъ никому покою.

— А я то, какъ же я, ни съ того ни съ сего, вдругъ при- везу крикаиваго ребенка въ чужую семью? Меня съ нимъ выгнать изъ дому!

— Опять крикъ! Ну послушай, Берта, что жь это такое!

И Викторина бросилась унимать Сару.

— Не смѣй называть меня Сарой! кричала, топая, раздра- женная дѣвочка:—я не хочу быть Сарой, я хочу быть Вѣ- рочкой!..

— Это что такое?.. Тсс., молчи!

— Вишь не называй ее по имени! сказала Матрена:—какъ же называть-то тебя? Сарушка, такъ Сарушка и есть.

— Не хочу! крикнула снова Сара:—я хочу быть Вѣроч- кой! И мнѣ шляпку пришиваютъ, и платье новое!.. И кулаку пришиваютъ!..

— Подикось! сказала няня:—увидала новую шляпку, что прислали Вѣрочкѣ; подай и ей!

— Не дразните ее! проговорила тихо Викторина, выходя за перегородку, гдѣ метался въ жару больной ребенокъ; а потомъ въ залу, гдѣ сидѣла Берта, закрывъ рукой глаза. Викторина сѣла и молчала, также убитая грустной думой.

— Еслибъ я могла куда-нибудь отдать ее къ добрымъ людямъ... да къ кому я пойду... и кто возьметъ?..

— Берта, сказала вдругъ Викторина,—можетъ-быть я найду случай.

— Ахъ, какъ бы я была рада!

— Завтра я ее возьму съ собой... Если понравится... можно будетъ ее пристроить надежнымъ образомъ... но, тутъ условія...

— Какія условія? Я на все согласна.

— Одни бездѣтныя, мужъ съ женой... желаютъ взять хорошенькую дѣвочку къ себѣ въ домъ, и воспитать какъ свою родную дочь. Черезъ доктора просили меня, не найду ли я полной сиротки...

— Такъ что же? вотъ бы и прекрасно? Какія же условія?

— Тѣ и условія, что надо навсегда отказаться отъ Сары.

— Ахъ Боже мой, да что жь такое, если только Сара будетъ счастлива! Вѣдь отдають же дѣтей въ воспитательный домъ. Я ужь и объ этомъ думала.

— А если Дина вдругъ вздумаетъ ее взять?

— И не подумаетъ! Въ этомъ я увѣрена! Да я ей скажу, что малютка умерла; вотъ и все.

— Если такъ, сказала не спокойно Викторина,—то, можетъ-быть завтра же я повезу ее на показъ.

— Сдѣлай одолженіе, Викторина. Да этому нельзя не радоваться. Это благодареніе. Вѣдь мы родимъ дѣтей не на то чтобы смотрѣть на нихъ. И Богъ съ ней! это уже ея счастье!.. А кто такіе эти родители?

— Какіе же родители, когда у нихъ нѣтъ дѣтей, и они хотятъ взять дѣвочку на воспитаніе. Я слышала только, что они очень богаты.

— Это такое счастье будетъ для Сары, обезпечить ея будущность. Нѣтъ сомнѣнія, что позаботятся и выдать ее замужъ за какого-нибудь значительнаго человѣка; потому что хорошее приданое—большая приманка; да притомъ же вѣдь она будетъ красавица.

Разговоръ былъ прерванъ снова вскрикиваніями Сары.

— Ахъ, этотъ ребенокъ! сказала Викторина вставая;—поминутно унимай его!

Но Сара предупредила ее, выбѣжавъ въ залу и бросясь къ Викторинѣ.

— Ахъ, ты неугомонная! прикрикнула на нее Берта:—зачѣмъ ты кричишь?

— Матрена и няня меня дразнятъ! проговорила сердито Сара.

— Чѣмъ тебя дразнятъ?

— Говорятъ, что я не Вѣрочка, такъ мнѣ ничего не дадутъ...

— Что жь, это правда; разумѣется, что ты не Вѣрочка, сказала Берта.

— Неправда! вскричала Сара, топнувъ ногой и замахнувшись сжатымъ кулачкомъ.

— Ахъ ты глупая, глупая Сара!

— Неправда! повторила Сара, сердито косясь на Берту.

— Господи, она какъ будто предчувствуетъ!.. Ужь это вѣрно Божья воля! произнесла взволнованная Викторина, взявъ Сару за руку.

— Если ты будешь умна, сказала она ей на ухо, то и ты будешь Вѣрочкой, и тебѣ подарятъ куколь. Сошьютъ новое платьице, слышишь?

— Когда буду Вѣрочкой, и я, какъ Вѣрочка, не буду плакать и кричать, отвѣчала Сара,—буду смирно лежать, какъ Вѣрочка.

— Ну, молчи же.

— Я хочу также розовую шляпку, продолжала Сара отдувъ губки и прилегая на колѣни Викторины,—только Вѣрочка отдаетъ конфеты нянѣ и Матренѣ, а я не отдамъ, а спрячу въ ящичекъ.

— А бабушкѣ своей дашь?

— Нѣтъ, не дамъ.

— Ахъ, ты скупая! сказала Берта, взявъ Сару за руку и притягивая къ себѣ.

— Подите вы прочь!.. Я васъ не люблю.

— Ну и я тебя не люблю!

— У васъ подоль зашлюпанъ.

— Молчи! сказала Викторина, уводя Сару въ спальню.

— Мерзкая какая дѣвчонка! проговорила съ сердцемъ Берта:—вотъ ужь подлинно, что яблоко отъ дерева не далеко падаетъ. Признаюсь, я радехонька буду, хоть куда-нибудь сбыть съ рукъ это нещечко.

Викторина вышла въ задю. Ей тягостно было присутствие Берты, и она молчала, взявъ въ руки работу.

— Я предоставляю ее въ полную твою волю, сказала Берта, вставая съ мѣста и прощаясь.—Богъ съ ней!..

Викторина осталась одна, въ страшномъ раздумѣ. Ночь провела она какъ въ бреду, и нѣсколько разъ вскакивала посмотрѣть на больную Вѣрочку, которая лежала въ забытѣи.

Къ утру бродящія мысли ея успокоились.

— Ну, чему быть, тому не миновать!.. произнесла она, качая головой:—и что жъ это за родители, которые бросаютъ дѣтей на чужія руки!.. Какая-нибудь собаченка дороже собственной крови, ближе къ сердцу, обласкана и убавкана лежитъ на колѣняхъ... а свой-то младенецъ?.. У собаки есть чувство къ щенятамъ, у курицы забота о птенцахъ... весело взглянуть, какъ она охраняетъ ихъ подъ крыломъ, какъ учитъ искать зерно... а эти, тайные родители! народятъ дѣтей и не рады... бросятъ въ грязь и чуждаются, чтобы не замарали ихъ имени... Какой любви ожидать Вѣрочкѣ, и она отчужденная!.. Посмотрятъ на нее издали, дадутъ какое-нибудь награжденіе, вотъ и все... Нѣтъ, я не отдамъ имъ Вѣрочки, если она будетъ жива... я не мать ей, а буду любить ее какъ родную дочь... пусть лучше тѣшатся надъ чужою...

Сара, какъ легкая на поминѣ, подала голосъ пронзительнымъ визгомъ. Викторина невольно содрогнулась; но нервность въ ней уже исчезла.

— Поди сюда, сказала она Сарѣ,—ты опять кричишь?..

— Это не я кричала, это кричала Сара, отвѣчала дѣвочка, нахмуривъ брови.

— Оборотень какой!.. я тебѣ говорила, что если будешь умна, у тебя все будетъ новое, и я возьму тебя съ собой, гулять.

— У Сары прескверная была шляпка; я ее бросила въ лохань, а Матрена разсердилась.

Викторина вынула изъ шкапа кардонку, а изъ нея розовую шляпку съ перомъ, новенькое кисейное платьице и весь дѣтскій нарядъ.

— Вотъ видишь что у тебя будетъ?

Сара не проявила ни малѣйшей дѣтской радости. Молча стала она разсматривать шляпку, платьице обшитое кружевомъ, панталончики... и вдругъ вскочивъ на диванъ то-

ропливо сбросила старыя свои башмаки, и стала обуваться въ новенькія шелковыя ботиночки.

— Погоди, погоди, еще рано! Когда вѣхать, тогда я сама наряжу тебя.

— Нѣтъ не рано, отвѣчала Сара, нетерпѣливо срывая съ себя замаранную кофточку изъ пиже.

— Ну, хорошо, мы теперь примѣряемъ; но прежде надо причесать голову.

И Викторина принялась расчесывать головку Сары, завела локоны, и потомъ начала одѣвать.

Сара сидѣла спокойно и молча, какъ взрослая дѣвушка передъ трюмо когда ее причесываетъ парикмахеръ, а горничныя облачаютъ въ бальное платье.

— Это удивительно, повторяла Викторина, — все, какъ будто по мѣркѣ на нее шито!...

Когда Сара была совершенно одѣта, и хорошенькая шляпка, въ родѣ берета, накрыла ей голову, первымъ заботливымъ ея движеніемъ было осмотрѣть себя. Она выбрала мѣсто посреди залы, откуда бы былъ виденъ, въ наклоненное надъ столикомъ зеркало, весь нарядъ. Прищурила глаза, посмотрѣла прямо, повернулась бокомъ, какъ обыкновенно дѣлала это ея воспитательница, и въ дополненіе выставила очень граціозно ножку и сложила ручки.

Викторина невольно изумилась смотря на нее; въ ней нельзя уже было узнать Сары. Всѣ порывистыя движенія ребенка она какъ будто сбросила съ старымъ своимъ платьемъ. Прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, и потомъ сѣла на кресла, какъ маленькая гостья. Румянецъ игралъ во всю щеку; рѣзкій, быстрый взглядъ, успокоился, остылъ, и не двигался иначе, какъ съ движеніемъ всей головы.

— Ну, налюбовалась довольно, теперь скинемъ.

Сара отрицательно покачала головой.

— Когда поѣдемъ гулять, послѣ обѣда, тогда опять одѣнемся.

Сара молча повторила то же движеніе; но глаза заблуждали, и взоръ устремленный на Викторину испугалъ ее. Уговорить было невозможно. Викторина боялась не одного уже крику, но боялась раздражить ребенка.

Она теперь скорѣе изорветъ на себѣ все, чѣмъ снять, думала Викторина, и предупредила няню ку Вѣрочки

и Матрену, чтобы не дразнили и не сердили ребенка. Онъ дивилась на Сару только изъ-за двери.

— Смотри пожалуй, сорока-то въ чужихъ перьяхъ! ба-рышня да и только!

Не обращая вниманія на изумленіе ихъ и слова, Сара молча отклонила отъ нихъ взоръ; она сурово смотрѣла въ сторону и не шла въ свою комнату.

Викторину опять взволновало раздумье. Боязливо считала она часы, и каждый часъ казался ей то цѣлымъ вѣкомъ, то однимъ мгновениемъ. Чтобы разсѣять себя, она спозаранку принялась одѣваться. Сара, сложивъ ручки, ходила вокругъ нее и пристально осматривала со всѣхъ сторонъ.

Одѣвшись совершенно, она было сѣла, задумалась и вдругъ вскочила, бросилась къ Вѣрочкѣ; долго смотрѣла на нее, сердце начало колотить, на глазахъ выступили слезы. Нянька стояла подлѣ нее и вздыхала.

— Ангель-то какой!... Голубушка ты моя! ужъ вѣрно ты не жидецъ!... И платьице-то твое, словно послѣ покойницы, другимъ отдали!... Что ужъ смотрѣть-то на нее? Ступайте барыня, гуляйте...

— Какая гульба! Мнѣ надо ѣхать, необходимо ѣхать!

— Ступайте, ужъ ступайте, продолжала нянька,—а я ужъ шагу не отойду... приму душку на руки...

Викторина бросилась въ кресла и залилась слезами.

— Это что такое? неужели плохо дѣло? спросилъ вошедшій докторъ, взглянувъ на отчаяніе Викторины и на няньку, стоявшую безмолвно у кровати, уставя глаза на дитя.

Онъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, взглянулъ на нее, подержалъ руку надъ головой, пощупалъ пульсъ.

— О чемъ расплакались? а? живую отпѣваете? Бабы, бабы, да еще и глупыя!

— Ахъ, еслибъ она ожила! проговорила сквозь слезы Викторина.

— Да ты, матушка, куда разрядилась? на крестины, что ли? такъ ступай!

— А вы даете надежду?

— Надежду Богъ даетъ, а не я. Да это въ самомъ дѣлѣ что, явто ли?

— Моя, не моя, а я ее родной матери не отдамъ!... Родная мать не въ состояніи такъ любить ее, какъ я люблю!

— Не отдавай, не отдавай; а вотъ ту, другую-то, отдай!

Викторинѣ какъ будто легче стало послѣ этого приказанія доктора. Она нетерпѣливо уже ждала кареты. Наконецъ карета пріѣхала. Набросивъ на Сару хорошевькій бурнусикъ, Викторина взяла ее за руку и отправилась по назначенію.

Викторина увѣрена была, что въ саду будетъ первое свиданіе матери съ дочерью. Ей живо представилось материнское трепетное чувство ожиданія, первая радостная слеза.

„Боже мой, кого жь я везу къ ней? чужое дитя! Обманываю можетъ-быть несчастное, любящее сердце!.. Въмѣсто ангела, она обвинитъ эту дикую дѣвчонку!... Нѣтъ, это невозможно, это страшно!“

Раскаяніе стѣснило духъ Викторины, она готова была уже остановить карету, ѣхать назадъ, но вопросъ Сары перевернулъ ей душу, и рука, взявшаяся за тесьму, опала.

— Мы въ рай ѣдемъ? спросила вдругъ Сара:— няня сказала, что въ немъ и Вѣрочка будетъ жить; тамъ, говорила она, много дѣточекъ ангельчиковъ... правда это?

У Викторины облилось сердце кровію.

Карета подѣхала къ саду; знакомый уже Викторинѣ человекъ, стоялъ у воротъ. Онъ подошелъ, отворилъ дверцы, высадилъ ее и Сару. Безсознательно, вся взволнованная, Викторина взяла ребенка за руку и пошла по боковой аллеѣ. Противъ грота, на лужайкѣ, было обычное сборище дѣтей разныхъ возрастовъ, съ няньками, кормилицами и гувернантками. Дѣти катали кольца, играли въ мячики, въ воланы, въ горѣлки.

Для Сары все это было новостью. Глаза ея блистали, лицо горѣло. Викторина сѣла на скамью, Сара прислонилась къ ея колѣнамъ и безмолвно смотрѣла на роившихся дѣтей.

Между тѣмъ Викторина была на сторожѣ; она пристально всматривалась въ проходившихъ дамъ: не обратитъ ли которая-нибудь вниманія на Сару, не узнастъ ли ее наряда, не подойдетъ ли къ ней?

Но не встрѣчала ни ищущихъ кого-то взоровъ, ни особеннаго вниманія, и никто не подходилъ къ Сарѣ. Только одна довольно объемистая барыня, сопровождаемая издали аврейнымъ лакеемъ, сѣла на скамью подлѣ Викторины, осмотрѣла съ ногъ до головы и ее и Сару, посидѣла немного, и поднялась на продолженіе прогулки.

На любопытныя глаза мушницъ, Викторина не обращала

никакого вниманія, изъ скромности ли въ отношеніи къ себѣ, или изъ увѣренности, что отцы таинственныхъ дѣтей предоставляютъ всегда заботу о нихъ самимъ матерямъ. Но и мужчины на этотъ разъ, какъ нарочно, не интересовались ни ея томною наружностію, ни оживленнымъ личикомъ Сары. Только въ сторонѣ, подлѣ грота, сидѣлъ какой-то господинъ въ англійскомъ длинномъ сюртукѣ, въ круглой съ большими полями шляпѣ. Синіе очки съ зонтикомъ, скрывали его наружность. Держа обѣими руками трость, онъ склонилъ на нее подбородокъ, и избралъ Сару какъ будто точкой опоры на рисовавшейся предъ нимъ перспективѣ, или исходною точкой всѣхъ своихъ мыслей.

Стало уже смеркаться; гуляющіе расходились, развѣжались; дѣтей увели или унесли на рукахъ.

— Пора и намъ, сказала Викторина Сарѣ.

— Для чего жь это, всѣ эти дѣточки и ангельчики, бѣгаютъ, ахаютъ, кричатъ? спросила она, вспомнивъ что Викторина наставляла ее не ахать, не указывать пальцемъ, не развѣвать рта, не тянуться, быть скромною, говорить тихо, а не вскрикивать.

Викторина не обратила вниманія на вопросъ Сары.

— Тутъ нѣтъ такой Матрены, какъ у насъ, продолжала Сара,—она бы ихъ прибила.

Стоявшій у воротъ, тотъ же человекъ, подалъ знакъ, и карета подъѣхала.

— Неужели это ея мать? спросила сама себя Викторина, когда дверцы захлопнулись и колеса застучали по мостовой.—Плюхнула подлѣ меня, почтила насъ взглядомъ искоса, и конечно: видѣла, нарядовалась на свое дитя!.. нѣтъ, я ни за что не отдамъ ее такой матери!

IV.

Домъ Лиговскихъ пользовался особеннымъ почетомъ въ высшемъ кругу столицы. Не по знаменитому роду хозяйина, Ивана Артемьевича, не по заслугамъ его, не по званію, не по красному мундиру, не по преклоннымъ лѣтамъ, и даже не по богатству; но по особенной любезности хозяйки, Марьи Ивановны. Нѣжная по сердцу, игривая по уму, очаровательная во всѣхъ движеніяхъ чувствъ, она

долго забавлялась пристающимъ искательствомъ всѣхъ раскидывавшихъ львиныя космы по плечамъ, и всѣхъ готовившихся въ министры; но этотъ grand-choix изысканныхъ приемовъ и отборныхъ фразъ надѣлъ, подражательная сценическая ловкость и однообразные *шики* наскучили. Она надѣялась на одно какое-то особенное счастье; но счастье измѣнилось, и la ravissante Marie, волей-неволей, вышла замужъ за степеннаго и почтеннаго Ивана Артемьевича Лиговскаго. По природѣ своей онъ былъ добрая душа. Отецъ его хотя былъ простой кошель съ деньгами; но какъ нельзя лучше способствовалъ сыну къ заслугамъ, и отличіямъ, и даже ко всеобщей любви въ полку. Послѣ смерти отца, получивъ огромное наслѣдіе, Иванъ Артемьевичъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полкъ. Нашли, что онъ въ состояніи поставить какой угодно полкъ на отличную ногу. И дѣйствительно въ полку его была роскошь, въ штабной квартирѣ офицерамъ житье, провіантская и комиссаріатская часть въ совершенствѣ. Иванъ Артемьевичъ въ бы жилъ въ своей веселой полковой семьѣ, безъ заботъ, безъ хлопотъ: есть кому дѣло дѣлать и содержать всѣ порядки, знай себѣ подписывай только рапорты, отношенія да приказы. А между тѣмъ пиры, балы, бананья, карты и шампанское дюжинами, раздолье и разливанное море. И вдругъ несчастіе: производятъ Ивана Артемьевича въ генераль-майоры, съ отчисленіемъ по арміи. Представьте сего почтеннаго, раздѣннивагося богача, окруженнаго огромнымъ семействомъ, которому и дѣти и дѣти дѣтей, и всѣ степени и званія родства, смотрятъ въ глаза, умиленно тѣшатъ слухъ нѣжною покорностію; у котораго все въ домѣ двигается само-собою, исполняется безпрекословно цѣлымъ штатомъ управляющихъ и управителей... Это Иванъ Артемьевичъ съ своимъ штабомъ и полковымъ семействомъ. И вдругъ приказъ, и всего семейства не стало. Угодливый адъютантъ не является за приказомъ, привычные деньщики: любимый камердинеръ, отличный поваръ, славный кучеръ—пришли, стали во фронтъ, грянули въ одинъ голосъ: „счастливо оставаться вашему превосходительству!“ повернули назадъ кругомъ, и исчезли.

Внезапное одиночество подѣйствовало на Ивана Артемьевича, какъ сильный и продолжительный недугъ. Въ нѣсколько дней онъ похудѣлъ и какъ будто состарѣлся. Пола-

ковой докторъ занялся старымъ своимъ командиромъ, но наконецъ посоветовалъ ему ѣхать въ Москву на Остоженскія воды.

— Потомъ не худо бы, ваше превосходительство, завестись собственнымъ семействомъ. Жена, а наконецъ дѣти и дѣти дѣтей, замѣнять вамъ не только полкъ, но и цѣлую армію.

Иванъ Артемьевичъ послушался совѣта и отправился въ Москву. Доктора не вникли въ его болѣзнь, и прописали Мариенбадскія воды, потомъ попробовали Эмскія, потомъ Егерскія; хотѣли уже испытывать всѣ прочія, холодныя и горячія, съ прибавленіемъ молока и пр. Но паціентки Остоженскихъ водъ, тотчасъ же поняли, что онъ страдаетъ одиночествомъ, и схитрили его изъ рукъ докторовъ и передали на руки Марьи Ивановны. Не имѣя уже надежды взлѣять собственное счастье, она рѣшилась замѣнить его заботой о домѣ, о хозяйствѣ, обо всемъ состояніи мужа и о немъ самомъ. Этого только и нужно было для него; онъ снова началъ благоденствовать. Полная безпечность, безъ боязни отвѣтственности и безъ малѣйшаго утомленія, навела было на него новую болѣзнь—бессонницу; но къ новому счастью, его облекли въ почестъ присутствующаго. Записки о дѣлахъ дѣйствовали на него благотворительно и въ постелѣ и за великолѣпнымъ письменнымъ столомъ, котораго сафьянная поверхность уставлена была, кромѣ образцовыхъ письменныхъ принадлежностей, драгоценными бездѣлками, и миниатюрными портретами Марьи Ивановны и двухъ маленькихъ дочерей.

Какъ присутствіе, такъ равно и отсутствіе Ивана Артемьевича, и въ залѣ собранія, и въ залѣ гдѣ предсѣдательствовала Марья Ивановна, не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ онъ въ маленькой гостиной раскидывалъ въ лѣвой рукѣ павлиньимъ хвостомъ карты, и выщипывалъ изъ него по перу, въ большой гостиной всѣ тщательно исполняли свою обязанность быть милыми и любезными по типу современной моды. Это было время, когда рыцарская порода кавалеровъ, гордясь своими побѣдами надъ великимъ полководцемъ, внесла свой побѣдоносный тонъ и въ гостиныя. Самолюбіе прекраснаго пола было затронуто глубоко. На сценѣ появились амазонки, торжественно вызывавшія на поединокъ, по очереди, всѣхъ

героевъ бала; но существа болѣе нѣжныя и мирныя, не облекаясь во всеоружіе, вызвали благосклонными взглядами на помощь себѣ породу цивильную, ведущую свое знаменитое происхожденіе отъ древнихъ дьяковъ борзописцевъ. Обязанный фракъ, даже министерскій, составлялъ страшное однакоже препятствіе для честолюбиваго самолюбія. Новая порода кавалеровъ, съ перваго же вступленія въ свѣтъ, возгордилась отданнымъ ей предпочтеніемъ, и костюмировалась, безъ сомнѣнія въ угоду прекрасному полу, по *Journal des Dames*, въ которомъ сообщались и мужскія моды, типировалась въ то же время по гравированнымъ на рубашкамъ и выражала собою какое-то безмолвное самодовольствіе. И вотъ, на балахъ и на вечерахъ, ни одного пріятнаго сердцу звука, ни одной щекотящей фразы, ни одного остраго какъ сабля слова, ни одного милаго сравненія съ перо, съ граціей, или съ чѣмъ-нибудь подобнымъ. И любезности, и фразы, и остроты были тупы, какъ исписанное перо. Новое горе. Надо было избавить себя, если не отъ кавалеровъ, безъ которыхъ балъ обратился бы въ амазонскую пляску, то по крайней мѣрѣ отъ любви. На томъ дѣло и остановилось. Любовь стала исключеніемъ изъ общаго правила. Вдругъ нельзя было рѣшить къ чему это поведетъ; но можно было предвидѣть, что безъ матрикулы состоянія какъ жениховъ, такъ и невѣстъ, дѣло не обойдется. Такимъ образомъ и Иванъ Артемьевичъ, предъ явивъ матрикулу, женился на Марьѣ Коринской. Но онъ былъ добрѣйшій человекъ, и мужа, безъ любви къ мужу, нельзя было лучше избрать. Марьѣ Ивановѣ досадно было только смотрѣть на неловкость подражанія его вельможамъ. Желаніе проявить себя знатокомъ и покровителемъ художествъ, породило въ немъ страсть къ коллекціямъ. Началось съ коллекціи табакерокъ съ музыкой и пѣніемъ колибри.

— Ты измучилъ всѣхъ этимъ пѣніемъ колибри, сказала ему Марья Ивановна, — вѣдь ужъ это обратилось въ пошлость!

Отбитая охота къ табакеркамъ, перешла въ страсть къ тростямъ и палкамъ съ замѣчательными набалдашниками.

— Помилуй Иванъ Артемьевичъ, замѣтила ему Авдотья Петровна, тетушка Марьи Ивановны, — у тебя въ кабинетѣ точно палочный караулъ!

Иванъ Артемьевичъ пристрастился къ собиранію диковинныхъ часовъ, съ курантами, съ восхожденіемъ солнца и съ движеніемъ планетъ, съ пляшущими пастухами и пастушками, съ мальчикомъ наигрывающимъ на колокольчикахъ, съ боемъ какъ на Спасской башнѣ.

— Помилосердуй, Иванъ Артемьевичъ, сказала Марья Ивановна, — тебѣ остается только сдѣлать вывѣску часового мастера.

Пришлось обратиться къ художественнымъ произведеніямъ; не производящимъ ни малѣйшаго шума. Счастливымъ во всѣхъ страстяхъ своихъ, онъ тотчасъ же приобрѣлъ по выраженію любителей художествъ *почти за ничто, рѣдкостную вещь*. Всю римскую исторію въ числѣ пятидесяти картинъ величиной и извѣстные московскія Рафаэлевы картоны. Продавецъ Итальянецъ за тайну передалъ ему, что эти картины найдены были въ Помпѣ, хранились въ Ватиканѣ, вывезены изъ Рима Наполеономъ, украшали Тюльерійскій дворецъ; изъ Тюльерійскаго дворца выкрадены во время революціи, и привезены въ Россію. Волчица кормящая Ромула и Рема, гуси спасающіе Римъ, Маріи возсѣдающій на развалинахъ Карфагена, все тутъ было, даже своего рода Послѣдній день Помпеи.

— Иванъ Артемьевичъ! куда жъ мы поставимъ эти декорации? спросила съ ужасомъ Марья Ивановна.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Иванъ Артемьевичъ, съ сожалѣніемъ покачивая головой. — Сложить покуда въ сарай. А какъ дешево достались!

Страсть къ живописи не удалась; а безъ страсти жить нельзя. Иванъ Артемьевичъ задумался и не зналъ что предпochсть: этрусскія ли урны, или заняться коллекціей мраморныхъ статуй и бюстовъ?

Въ одно утро, въ раздумьѣ, отправился онъ въ засѣданіе; а изъ засѣданія намѣренъ былъ съѣздить въ магазинъ древностей и тамъ рѣшить дѣло. Марья Ивановна сидѣла въ маленькомъ своемъ кабинетѣ. На этотъ день не было никакихъ предположеній; а подобная неизвѣстность наводитъ скуку, нерѣшительность, задумчивость. Вдругъ дверь въ ея приемную передъ маленькимъ кабинетомъ комнату пріотворилась, и постоянный дежурный, карликъ Митя, заглянувъ осторожно за драпировку, вошелъ къ ней и подалъ записку, запечатанную сургучомъ.

— Отъ кого это?.. проговорила она по обычной привычкѣ.

— Нашъ Наумычъ привезъ; вызвалъ меня и велѣлъ отлатъ вамъ въ руки, отвѣчалъ карликъ тихо, какъ будто объявляя это за тайну.

— Какой Наумычъ? спросила опять Марья Ивановна спокойно, и не торопясь распечатывая и разеертывая записку.

— Управляющій подмосковной его сіятельства.. началъ карликъ Митя, не сводя глазъ съ Марьи Ивановны.

Но лицо ея мгновенно вспыхнуло, какъ отъ испуга и потомъ вдругъ покрылось блѣдностью.

— Боже мой, онъ здѣсь! произнесла она, и руки ея опустились на колѣни.

— Матушка, Марья Ивановна, проговорилъ карликъ дрожащимъ голосомъ, бросаясь къ ней въ ноги,—простите моей дерзости!

— Что тебѣ, Митя? чего ты хочешь отъ меня? спросила смущенная Марья Ивановна.

— Скажите, сударыня, матушка, не отъ князя ли это?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Митя; это не отъ него, это не отъ князя.. Поди, ступай, мнѣ надо отвѣчать..

Бросивъ пытательный и жалобный взглядъ на Марью Ивановну, карликъ, казалось, не вѣрилъ словамъ ея; но немедленно исполнилъ приказаніе.

— Боже милосердый! чего онъ хочетъ отъ меня теперь? зачѣмъ это свиданіе?.. оно можетъ нарушить всю мою жизнь, погубить меня!.. Нѣтъ! я не могу, не должна видѣть его!..

И Марья Ивановна разорвала записку, смяла и бросила на полъ. Но долго-блуждавшій взоръ ея, отяжелѣвъ, опустился, и мысли приковали его къ лежавшимъ врозь двумъ половинкамъ записки.

— Графиня Анна Петровна! проговорилъ въ дверяхъ докладчикъ басомъ.

Марья Ивановна вздрогнула и очулась отъ забывчивости.

— Скажи, что я не принимаю, не могу принять, я не здорова!.. И никого не принимать.

Она торопливо встала, подняла смятыя половинки записки, вышла въ спальню и заперлась.

Передъ самымъ обѣдомъ, Иванъ Артемьевичъ возвратился домой и направилъ стопы прямо къ уютной прием-

ной жены. Человѣкъ несъ за нимъ два искусственныхъ дерева, усаженныхъ полною коллекціей райскихъ птичекъ. Издали можно было принять ихъ за два чудовищныхъ букета.

Въ комнатѣ никого не было. Иванъ Артемьевичъ былъ очень доволенъ отсутствіемъ Марьи Ивановны.

— Тсс! тише! проговорилъ онъ, остановивъ человѣка въ дверяхъ, и собственными руками перенесъ одно и другое дерево, и поставилъ на окна. Полюбовался на нихъ, перевернулъ на другую сторону, и наконецъ потеръ руки, вышелъ, улыбаясь отъ мысли, какою пріятною неожиданностію будетъ поражена Марья Ивановна, принявъ не виданные летающіе цвѣты за цвѣты простые.

Всѣ часы, которыми украшены были комнаты, пробили три. Англійскіе куранты въ кабинетѣ Ивана Артемьевича проиграли *God save the king*, двое, трое, изъ обычныхъ прихожанъ къ обѣду были уже тутъ, на столъ подали.

— А Марья Ивановна?

— Не будутъ кушать, не здоровы.

Иванъ Артемьевичъ побѣжалъ въ ея комнаты, но дверь заперта.

Послѣ обѣда онъ занялся съ своими подставными игроками въ вистъ, по маленькой.

Когда смерклось, горничная выбѣжала сказать, чтобы запрягли барынѣ маленькую карету.

— А куда барыня ѣдетъ? спросилъ Митя.

— А много будешь знать, малъ вырастешь! отвѣчала горничная и ушла.

— Вѣдь еще рано, куда теперь въ гости? сказалъ Митя про себя.

Походивъ по залѣ, какъ озабоченный, онъ взялъ свой картузикъ, вышелъ за ворота, сѣлъ на прилавочку. Только что карету подали, онъ сталъ за тумбой и не видитъ его.

Только что карета, выѣхавъ изъ воротъ, стала поварачивать вправо по улицѣ, Митя вскочилъ какъ кошка на заднюю ось, уцѣпился за ресору, и повисъ. Карета остановилась на Кузнецкомъ мосту, подавъ кондитерской. Марья Ивановна вышла, приостановилась на крыльцѣ, нервнительно поднялась на нѣсколько ступеней. Снова приостановилась, но дверь уже была отворена человѣкомъ. Въ магазинѣ никого не было, кромѣ Француженки съ античною

наружностію, которая обратилась къ ней съ почтительнымъ вопросомъ, что она прикажетъ?

— Приготовьте мнѣ двѣ хорошенькія бомбоньерки съ конфетами, для подарка дѣтямъ...

Медленными шагами прошла она въ другую комнату. Сдѣвшій на диванѣ, высокій статный среднихъ лѣтъ мужчина, въ синихъ очкахъ, всталъ съ мѣста, подошелъ къ ней и сказалъ тихо:

— Я васъ узналъ по голосу... узнаете ли вы меня?

Онъ снялъ очки. Приятное блѣдное лицо его оживилось, устремленные на Марью Ивановну глаза горѣли.

Марья Ивановна вздрогнула, подала ему дрожащую руку, и едва слышно произнесла:

— Это вы, князь?

— Не князь, а просто Лукцій... но не мѣсто и не время разбазывать вамъ что со мной случилось... Судьба разлучила насъ...

— Ахъ, не напоминайте, ради Бога! произнесла Марья Ивановна, тихимъ, умоляющимъ голосомъ...

— Да! зачѣмъ напоминать!.. Не для того я и просилъ свиданія съ вами... Но у меня есть просьба до васъ...

— Просьба?

— У меня есть малютка дочь...

При этомъ словѣ изъ стѣсненной груди Марьи Ивановны вылетѣлъ свободный вздохъ, пугливое чувство исчезло, чувство горькаго воспоминанія мгновенно разсѣялось.

— Скажите, чѣмъ же я могу быть полезною для вашей дочери? произнесла она съ непринужденнымъ, дружескимъ участіемъ.

— Дочери моей пятый годъ... я не могу никому вѣрить, никому кромѣ васъ!.. Возьмите ее къ себѣ на воспитаніе, какъ сироту, у которой нѣтъ матери... Я хочу, чтобъ она была образована... покуда обстоятельства мои не переживаются, я не могу ни признать ее за дочь, ни быть ей полезнымъ... Ничего лучше не въ состояніи я сдѣлать для нея теперь, какъ просить васъ замѣнить ей мать... а если жея не будетъ, распорядитесь ея судьбой... Теперь... Върочка дитя безъ имени, но, рано или поздно, она получить по крайней мѣрѣ свою долю наслѣдія.

— Боже мой, я готова все для васъ сдѣлать! произнесла съ чувствомъ и совершенно забывшись Марья Ивановна.

Луцкій взглянулъ страстно на появившіяся въ глазахъ ея слезы, и схватилъ ея руку.

— Вы воротили хоть на мигъ счастливое мое время!..

Болѣзненное чувство воспоминанія снова коснулось до сердца Лиговской; но она подавила его.

— Какимъ же образомъ вы мнѣ ее передадите?.. сказала она:—впрочемъ, это кажется не трудно... Гдѣ она?.. Я сегодня же скажу мужу, что беру сиротку въ подружку къ моимъ дочерямъ...

— О, благодаренъ вамъ тѣми чувствами, которыми вы нѣкогда вѣрили!..

Въ это время въ первой комнатѣ послышался шумный говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

Марья Ивановна тревожно взглянула на Луцкаго; онъ надѣлъ свои синіе очки.

— Благодарю васъ! проговорилъ онъ грустно:—не знаю когда увидимся... я далеко отсюда, живу у своихъ престарѣлыхъ отца и матери...

— Положитесь на мое сердце! сказала Марья Ивановна, подавая ему руку:—прощайте!

И она вышла.

Вслѣдъ за нею вышелъ и Луцкій. На крыльцѣ, при выходѣ, что-то закопошилось у его ногъ, и раздался голосъ: „ваше сіятельство!“

Онъ остановился съ изумленіемъ.

Карликъ Митя обнималъ его кодына.

— Митя! произнесъ онъ съ чувствомъ, и взявъ караика на руки, поцѣловалъ его, какъ ласковое дитя.

Митя обвилъ ручонками его шею. Луцкій почувствовалъ на щекахъ своихъ горячія его слезы.

Экипажъ стоялъ уже у подъѣзда. Онъ вскочилъ въ коляску, посадилъ Митю подлѣ себя и крикнулъ кучеру: „домой!“

V.

На другой день поутру, Иванъ Артемьевичъ, въ полномъ убѣжденіи, что доставилъ Марьѣ Ивановнѣ необычайное удовольствіе неожиданнымъ появленіемъ въ ея кабинетѣ коллекціи райскихъ птицъ, долго мучалъ ее восклицаніями, указывая пальцемъ то на ту, то на другую:—Посмотри

душа моя, вотъ на эту; какой переливъ цвѣтовъ въ перьяхъ... удивительно!.. Посмотри, вотъ отсюда... золотисто голубой; а вотъ съ этой стороны оранжевый... совершенное волшебство!.. живыя, только что не поютъ. Постой, я привесу свои табакерки съ поющими колибри и заведу ихъ...

И Иванъ Артемьевичъ побѣжалъ за табакерками, привесъ, заведъ, и поставилъ за деревца. Искусственныя птички подымали ужасный свистъ, трескъ, щебетъ, перекрывакая одна другую и поворачиваясь на поршнѣ.

— А? повторяя Иванъ Артемьевичъ, уставивъ указательные пальцы и прислушиваясь.

— Безподобно! Благодарна за сюрпризъ. И я въ свою очередь сдѣлаю тебѣ сюрпризъ.

— А! это приятно. Какой же? можно отгадать?

— Не отгадаешь.

— Неужели? что жъ это такое? постой... какую-нибудь механическую штучку?

— Нѣтъ, живое существо.

— Живое?

— Да, не какую-нибудь чучелу, а маленькое живое существо.

— Маленькое живое существо?... ха, ха, ха, я отгадалъ! Да неужели, душа моя... ты не шутишь?

Марья Ивановна невольно захохотала отъ недѣльной догадки мужа.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— Все-таки не отгадалъ.

— Ну, никакъ не могу понять!.. пора однакоже мнѣ.

Пощадовавъ у жены ручку, Иванъ Артемьевичъ отпрашился въ засѣданіе, а вскорѣ и Марья Ивановна къ своей теткѣ, безъ вѣдома которой она ничего не дѣлала.

Авдотья Петровна была московская старая барыня и юбка въ родѣ пиеи и колдуньи большаго свѣта. Она заглядывала судьбами всѣхъ своихъ родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Знала, что гдѣ дѣлается и что гдѣ думается. Она женила, выдавала замужъ, разводила, сводила снова, и вѣдала чему быть и чему не быть. Она держала всѣхъ въ рукахъ, всѣ ея боялись, всѣ съ ней совѣтовались, и кого Авдотья Петровна называла дуракомъ, тотъ и слылъ дуракомъ. А потому имя Авдотьи Петровны было важнѣе сителныхъ и превосходительныхъ титуловъ, даже у подъ-

ѣздовъ: когда крикнуть карету Авдотьи Петровны—всѣ прочіи отъѣзжай.

Она любила племянницу свою Марью Ивановну, сочувствовала ей страсти къ князю Луцкому, горевала, что по какимъ-то особымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, свадьба не состоялась; но назвала ее умницей только съ того дня, когда она пожертвовала памятью о первой своей любви и согласилась выдти замужъ за Ивана Артемьевича. Съ этого времени Марья Ивановна приобрѣла самостоятельность въ своихъ распоряженіяхъ; но все-таки ея намѣренія подвергались ревизіи тетунки.

Давъ слово взять къ себѣ сироту, Марья Ивановна вспомнила, что объ этомъ необходимо хотъ предупредить ее.

Пріѣхавъ къ ней, она сперва разказала о сюрпризѣ, который сдѣлалъ ей мужъ, заставила ее поохотать и войти въ доброе расположеніе духа; потомъ заговорила о добрыхъ дѣлахъ, и наконецъ сказала, что она беретъ къ себѣ въ домъ бѣдную сиротку, сверстницу ея дочерямъ.

Авдотья Петровна молчала.

— Вы, тетунка, не сердитесь на меня, что я растроганная судьбой несчастнаго ребенка, дала слово взять дѣвочку на воспитаніе.

— Да что, матушка, это за дѣвочка, кто она такая? Давъ слово, надо исполнять; но вѣдь все-таки прежде надо подумать, кого ты берешь воспитывать съ своими дочерьми.

— У васъ, тетунка, также есть воспитанницы.

— Какія, матушка? Оеклуша и Даша? онѣ воспитывались у меня на полу, съ чулкомъ въ рукахъ.

— Эта дѣвочка хорошихъ родителей. Вчера вдругъ получила я записку отъ какой-то женщины, которая пишетъ, что она знала моихъ родителей и меня; что маленькое ея имѣнье было въ тягѣбъ, а наконецъ, что ее выгнали изъ имѣнья съ малюткой дочерью... что она въ чужомъ домѣ лежитъ при смерти... и молитъ меня сжалиться надъ сироткой... я поѣхала, застала эту бѣдную женщину при концѣ и дала ей слово. Дѣвочка мнѣ очень понравилась... я велѣла ее привезти къ себѣ.

— Что жъ ты такъ конфузно разказываешь, моя милая! Я вѣдь слѣдствія наводить не буду. Кого взяла на воспитаніе, того и воспитывай.

— Нельзя же, чтобъ это нѣсколько не тревожило...
Въ отношеніи чужаго ребенка, болѣе ответственности...

— Э! и за своими теперь не смотрять. За границей есть много нищихъ; отчего жь имъ нейдти на святую Русь въ приставы къ дѣтямъ, благо даютъ шальные деньги. Пользы отъ нихъ мало, какъ и отъ твоей миссъ Лови, которая дѣлать ничего не дѣлаетъ, а только хрюкаетъ себѣ подъ носъ. Ну, да вѣдь объ этомъ не имъ же и разсуждать. Онѣ знаютъ свои пользы; а мы своихъ не знаемъ. Въ наше время, бывало выйдешь въ свѣтъ, все-таки увидишь Русскихъ, и приемы... то-есть манеры-то все-таки, какія ни есть, да свои; а теперь, матушка, посмотришь, все чужеземцы да иностранцы; тотъ корчитъ Француза, тотъ Англичанина, тотъ нѣмецкаго фона-философа; а старичье туда же бонтоначааетъ. О русскихъ барыняхъ и барышняхъ и говорить нечего: ихъ ужь нѣтъ; а что съ ними стало. про то одинъ Богъ вѣдаетъ. Куда ни повернись, вездѣ Парижанки; та madame, другая demoiselle; и что за внутренній жаръ во ебѣхъ—удивительное дѣло: морозъ не беретъ.

Марья Ивановна знала, что ей придется выслушать рачью о прошломъ въ сравненіи съ настоящимъ; но она рада была, что тетюшка не изъявила гнѣва за сиротку; иначе была бы бѣда ей съ сироткой.

Было уже около часу. Авдотья Петровна вышла въ гостиную, и присутствіе открылось. Ломберный столъ уже былъ готовъ, карты и марки на мѣстѣ, члены прибыли, Авдотья Петровна съ дивана перемѣстилась въ предѣдательскія кресла; а Марья Ивановна, поцѣловавъ ее, поѣхала домой.

Послѣ обѣда, когда Иванъ Артемьевичъ пошелъ въ свой кабинетъ заняться дѣлами и по обычаю заснулъ, карликъ Битя вбѣжалъ въ кабинетъ Марьи Ивановны, и какъ образованный чѣмъ-то, крикнулъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

- Пріѣхали, сударыня!
- Кто пріѣхалъ?..
- Привезли, сударыня!
- Чѣмъ такое привезли?
- Какую-то маленькую барышню...
- Кто привезъ?
- Какая-то барыня.
- Какая барыня? проси!.. Это вѣрно привезли Вѣрочку;

Какая же барыня? подумала Марья Ивановна.—Я не спросила у кого она воспитывалась до сихъ поръ...

Митя отворилъ двери. Викторина, замѣтно смущенная, вошла, держа за руку Сару, которой смѣлый взоръ оставался то на томъ, то на другомъ предметѣ, а чаще всего на карликѣ.

— Мнѣ поручено, ваше превосходительство, передать вамъ это дитя, проговорила Викторина, присѣдая.

Марья Ивановна окинула ее глазами, и не рѣшалась ни посадить, ни допрашивать ее. Она обратилась прямо къ Сарѣ.

— Какое миленькое дитя; поди ко мнѣ, душенька, поцѣлуй меня. Но Сара успѣла уже разсмотрѣть райскихъ птичекъ.

— Сколько пестренькихъ чижиговъ! вскрикнула она, не обращая вниманія на слова Марьи Ивановны, и подбѣжала къ окну:—пш!.. что жъ они не летаютъ?..

— Поцѣлуй меня, Вѣрочка, повторила Марья Ивановна, вставъ съ мѣста и обнимая Сару, — я тебѣ подарю этихъ птичекъ... Митя, позови миссъ Лови съ Лиденькой и Соней.

Но двѣ дѣвочки, одна милѣе другой, прибѣжали сами къ матери.

— Вотъ вамъ подружка, Вѣрочка. Ведите ее къ себѣ въ комнату, подарите ей по куклѣ и играйте вмѣстѣ. Миссъ Лови, это дитя поступаетъ также на ваши руки.

Высокая, худощавая миссъ Лови посмотрѣла на Сару и кивнула головой.

Лиденька и Сонечка устремили на гостью веселые глазки. Сара съ своей стороны осматривала то ту, то другую.

— Пойдемте къ намъ, сказала Лиденька, взявъ ее за руку.

— Пойдемте къ намъ, повторила и Сонечка, взявъ ее за другую руку.

— Постойте, я возьму птичекъ, сказала Сара, вырываясь отъ нихъ.

— Это папеньнины птички; крикнула Лидія.

— Нѣтъ, это мои птички! сказала Сара, съ утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Это ея птички; Митя, отнеси ихъ въ дѣтскую.

И снова Лидія и Сонечка взяли Сару за руки и повели въ дѣтскую. Она оглядывалась на райскихъ птичекъ, которыхъ несъ Митя.

— Я могу вѣхать? спросила Викторина.

— Благодарна вамъ, прощайте, милая, отвѣчала Марья Ивановна.

Викторина присѣла и вышла.

Марья Ивановна преслѣдовала глазами дѣтей, и потомъ пошла вслѣдъ за ними въ дѣтскую.

„Она нисколько на него не похожа, продолжала она про себя,—не дурна собою... но какія-то рѣзкія, выразительныя черты, какіе глаза... мать ея должно-быть Черкешка...“

На этотъ вечеръ общій приѣмъ былъ отказанъ. Но Иванъ Артемьевичъ распорядился своею обычною партіей виста. Изъ дѣтской Марья Ивановна прошла въ гостиную, гдѣ происходила уже битва, и гдѣ тучный баринъ съ звѣздой на фракѣ упрекалъ Ивана Артемьевича, что онъ убилъ даму.

— Марья Ивановна, возгласилъ тучный баринъ, обратясь къ ней,—сдѣлайте одолженіе защитите моихъ дамъ, отъ преслѣдованія вашего мужа.

— Жена вамъ кланяется, Марья Ивановна, проговорилъ протяжно другой господинъ.

— Марья Ивановна! рекъ и третій басомъ:—мои поѣхали въ театръ.

Въ заключеніе Иванъ Артемьевичъ поцѣловалъ у Марьи Ивановны руку, не сводя однакоже глазъ съ картъ своихъ, и произнося: — въ сюрсахъ!

— Я тебѣ обѣщала сюрпризъ, сказала она.

— Ахъ да, да, да! сейчасъ, позволь...

Покуда Иванъ Артемьевичъ думалъ съ чего ходить, браася то за ту, то за другую карту, то морщилъ лобъ, то щурилъ глаза, Марья Ивановна велѣла позвать дѣтей.

Лидія и Сонечка прилетѣли какъ на крыльяхъ; но Сара шла тихо подлѣ миссъ Лови, и только глаза ея перебѣгали по новымъ предметамъ, которые представились ей въ гостиной.

— Смотри на мой сюрпризъ.

— Сейчасъ, матушка... что, новыя шляпки дѣтямъ?

Сара взяла миссъ Лови за руку, прижалась къ ней и смотрѣла то на толстаго господина съ отвислымъ подбородкомъ, то на долгаго и худощаваго, который сходясь съ козыря, положилъ карты, поднялъ на лобъ очки и взялся за свою богатую табакерку, не обращая ни на что внима-

нія; то на баса, и наконецъ на Ивана Артемьевича, къ которому Марья Ивановна подвела Сару.

— Какое прекрасное дитя, проговорилъ сосѣдъ басы, взглянувъ на ребенка,—ну что жь Петръ Андреевичъ задумался?.. Чья это, матушка, Марья Ивановна?..

— Это сиротка, которую я взяла на воспитаніе.

Иванъ Артемьевичъ вытаращилъ глаза на Сару и занятый своимъ дѣломъ, произнесъ только:—сиротка?

Отъ дальнѣйшихъ вопросовъ и отвѣтовъ на счетъ сиротки, избавилъ всѣхъ комикъ большаго свѣта, антрепренеръ всѣхъ домашнихъ театровъ и повсемѣстный домашній человѣкъ Потапъ Савичъ, говорящій протяжно и съ сознаніемъ своего достоинства.

Приостановясь въ дверяхъ, онъ снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ, надѣлъ снова, обвелъ глазами по комнатѣ, и зашаркалъ какъ на лыжахъ прямо къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ваше превосходительство! проговорилъ онъ, остановясь передъ ней и вскинувъ руки съ растопыренными пальцами,—васъ ли я вижу? послѣ столь долговременнаго отсутствія, по прошествіи почти цѣлыхъ сутокъ, ровно сутокъ... позвольте...

И Потапъ Савичъ вынулъ изъ жилета огромные часы и поднесъ ихъ къ самому глазу.—Ровно двадцати четырехъ часовъ!.. Благодаря Бога въ томъ же благоденственномъ состояніи, на томъ же диванѣ, подлѣ счастливаго супруга, съ тою же привѣтливою, ласковою, внимательною улыбкой... позвольте поцѣловать ручку... еще разъ...

— Довольно съ васъ, Потапъ Савичъ.

— Не возможно!.. послѣ столь продолжительнаго отсутствія, прибывъ съ Таганки, и встрѣчая все въ томъ же утѣшительномъ, неизмѣнномъ положеніи, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ вчера, и его превосходительство Ивана Артемьевича, и его превосходительство Петра Андреевича... ба! новая черезъ плечо! позвольте принести мое искреннѣйшее поздравленіе:

Награды юношу питають,
Отраду въ старости даютъ!

Продолжая игру, прохоталъ его превосходительство, прохотали и прочіе.

— Да-съ! дѣйствительно, ваше сіятельство, и ваше пре-

восходительство: вотъ, когда и такъ и такъ, и тутъ и здѣсь, грудь украшена отличіями, истинное спасеніе отъ недуговъ. Напримѣръ, безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, какъ Григорій Ивановичъ страдалъ болью въ поясницѣ? въ три дуги свело; но только что прицѣпили ключъ, все прошло, выпрямился, выровнялся, ожилъ, пошелъ заново... какъ угодно, а тутъ дѣйствуетъ гальанизмъ, явный гальанизмъ!..

Потапъ Савичъ однакоже отвлекалъ партнеровъ Ивана Артемьевича отъ игры.

— Садись-ко, садись, или ступай къ женѣ, Потапъ Савичъ, сказалъ онъ ему.

— Не безпокойтесь, почтеннѣйшій Иванъ Артемьевичъ, все сидѣлъ, и дома сидѣлъ, и ѣхалъ сидя,—совершенно засидѣлся. Сидячая жизнь вредна, говорятъ всѣ преданія, Иппократъ и всѣ лѣчебники. Въ языческія уже времена...

— Пойдемте ко мнѣ пить чай, сказала Марья Ивановна, желая отвлечь отъ стола нарушителя глубокихъ соображеній своего мужа и всѣхъ вистующихъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, я китайскіе обычаи уважаю!.. ah! mademoiselle, виноватъ... Миссъ Лови, I have the honour... I have the honour... и такъ далѣе.

Миссъ Лови, не улыбнувшись, кивнула головой; Сара отворотилась отъ гостя и прижалась къ ней.

— Лидія Ивановна, Софья Ивановна... а это? это новорожденная?

— Пойдемте, пойдемте въ мой уголь, сказала Марья Ивановна.

— Честь имѣю поздравить! я право не зналъ...—Потапъ Савичъ почтительно подалъ ей руку и повелъ къ чайному столу, приготовленному на другомъ концѣ огромной гостиной.

— Гдѣ жъ вы были сегодня, разкажите? спросила Марья Ивановна, усадивъ Потапа Савича подлѣ себя въ креслахъ.

— Сегодня? дай Богъ память... кажется, впервыхъ, я былъ въ Москвѣ... потомъ... не помню еще гдѣ-то... а надо сказать, что удивительный городъ, замѣчательный городъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Какой городъ? спросила Марья Ивановна, разсѣянно.

— Москва. Впервыхъ, на семи холмахъ...

— На какихъ же холмахъ?

— Впервыхъ Кремль, нешто не на холмѣ? цѣлая гора;

потомъ Красный холмъ, потомъ Вшивая горка, потомъ гробовой колодезь на Трехъ горахъ; потомъ Кузнецкій мостъ—развѣ не гора? съ Лубянки къ Варварскимъ воротамъ, развѣ не подъ гору? Москвичи, а не знаютъ Москвы!.. Вы бывали когда-нибудь на Толкучемъ рынкѣ?

— Никогда.

— А въ Ветошномъ ряду?

— Никогда.

— Напрасно. Вельможный городъ! городъ тузсвъ, напри- мѣръ, его превосходительство Петръ Андреевичъ, — тузъ самъ-пять.

— Къ чему ты тамъ приплелъ мое имя? отозвался Петръ Андреевичъ.

— Любопытство не ведетъ къ добру: скоро состарѣетесь, ваше превосходительство.

Прибѣжали Людѣя и Сонечка и потащили Марью Ивановну въ дѣтскую на балъ къ кукламъ.

Потапъ Савичъ остался одинъ. Онъ подошелъ было къ карточному столу; но Петръ Андреевичъ, положивъ карты, разказывалъ какое-то казусное дѣло, поступившее въ сенать, и спрашивалъ мнѣнія у засѣдавшихъ, какъ надлежитъ рѣшать его, по совѣсти, или по закону. Возгорѣвшійся споръ былъ не по части Потапа Савича. Онъ взялъ шляпу и ретировался.

VI.

Нельзя было бы сомнѣваться, что маленькой Сарѣ, такъ внезапно переселенной на роскошное новоселье, хотя на первое время будетъ казаться, что она въ гостяхъ, и утомясь угощеніями, захочется наконецъ забрать въ охапку всѣ подаренныя куклы и проситься домой. Ничего не бывало: съ перваго же дня она была уже какъ дома, и не подала ни малѣйшаго знака чувства разлуки, ни съ привычною обстановкой, ни съ воспитательницей своею Викториною, ни съ няней, ни съ Матронею.

Лиденька и Сонечка подѣлались съ ней игрушками, показали все кукольное хозяйство, гардеробъ и буфетъ, разказали какъ каждую куклу зовутъ по имени, и тотчасъ же начали наряжать куколъ на балъ. Карликъ Митя былъ тутъ

же и принималъ участіе въ игрѣ. Онъ устроилъ въ углу танцевальную залу, уставилъ мебелью; потомъ, когда куклы были готовы и надѣли салоны, онъ подаль экипажи, и онѣ, отправившись изо всѣхъ прочихъ угловъ на балъ. Такъ какъ для бала необходима была музыка, то Митя принесъ свою балабайку, заигралъ „барыню“ и танцы начались. Сара все молчала и смотрѣла; иногда только поправляла куколъ, когда онѣ криво сидѣли или совсѣмъ сваливались со стульевъ. Наконецъ зѣвота миссъ Лови заразила, и ее, какъ новую личность не привыкшую еще къ климату края. Англичанка напомнила Лидіи и Сонечкѣ, что кукламъ пора спать. И вотъ начался разѣздъ по угламъ, торопливое облаченье, укладыванье въ постели, и въ заключеніе хрипота, въ доказательство, что куклы спать уже крѣпкимъ сномъ, какъ миссъ Лови. Между тѣмъ Сара взобралась на кровать Лидіи и заснула.

Трудно описывать дѣтскую жизнь; она покажется по наружности слишкомъ однообразною. Въ чемъ проходитъ время? Дѣти встанутъ, ихъ умоютъ, одѣнутъ, накормятъ, и они начинаютъ играть. Снова накормятъ, снова игра, до тѣхъ поръ пока не сплунутся глаза.

Но сколько въ этой игрѣ и шалостяхъ, въ крикѣ, слезахъ, хохотѣ и надутомъ молчаніи, проявленій ихъ будущности! Каждое дѣтское движеніе, каждое слово, носятъ въ себѣ не развившійся еще и не разгаданный смыслъ самобытности или подражанія, зачатокъ ума или глупости, очеркъ жоброй или нарушенной природы. Чтобъ изучить тайну младенческой жизни, надо вести дневникъ маютокъ-личностей, и наблюденія надъ ними можетъ-быть будутъ и любопытнѣе, и полезнѣе наблюденій въ мірѣ микроскопическомъ. Но это трудъ не нянекъ, не мамокъ, не выписныхъ и наемныхъ сторожей и наставниковъ дѣтства; на чьи руки сложена тягота воспитанія, по повѣрью, что чужіе люди лучше научутъ и проучатъ. Какія наблюденія въ толпѣ? Кто ихъ знаетъ какой величины звѣзды въ группахъ млечнаго пути?

Кромѣ русской няни и дѣвушекъ, при Лидіи и Сонѣ была, какъ уже мы упомянули, миссъ Лови. Надо же было имѣть при нихъ довѣренную и приличную женщину; свѣтская жизнь не даетъ ни минуты матери самой наблюдать за дѣтми и руководить ими. Русь не хочетъ быть Русью,

а хочетъ быть или Франціей, или Англіей или Германіей, или даже смѣшеніемъ западныхъ языковъ; но только не Русью. Слово Русскій, по какому-то особенному случаю, или можетъ-быть также по подражанію, обратилось въ большомъ свѣтѣ въ синонимъ другаго слова: слѣдовательно дама высшаго круга, за обязанность считала представить въ правительницы къ дѣтямъ, если счастье не пошлетъ Француженку, то хоть Англичанку, а за неимѣніемъ таковой, хоть Нѣмку. Тутъ прививаются къ русскому всепитавшему корню, провинціальныя нравы и обычаи Франціи; здѣсь—*custom* и холодное *courtesy* Англійи, тамъ протяжное *Liebenswürdigkeit* Германіи.

Если спросить прошедшее, то миссъ Лови была собственно не *miss*, а *mistress*, довольно простой и грубой складки. За сварливость, мужъ не влюбилъ ее, и она, разставшись съ нимъ, прибыла въ Петербургъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, ежегодно прибывающихъ моремъ и сухимъ путемъ иностранокъ, исчезающихъ въ магазинахъ, ресторацияхъ, въ степяхъ, болотахъ и дѣбряхъ неизмѣримой Россіи. Марья Ивановна выписала ее, чрезъ одно депо нянекъ и гувернантокъ, и была очень довольна ей на первый случай, покуда дѣти малы; потому что она умѣла превосходно заставлятъ дѣтей сидѣть смирно, не ссориться, ѣсть кровавый бифетексъ, до котораго сама была охотница, и котораго онѣ терпѣть не могли. Еслибы Марья Ивановна знала дѣтей своихъ, то безъ сомнѣнія не учредила бы надъ ними систематически строгой и черезчуръ выскательной полиціи миссъ Лови. Къ счастью, ихъ охраняла, отъ постоянной грозы и отъ намѣствія костлявой руки, няня Василиса. Она съ перваго же времени окрысилась на нее за дѣтей по-русски, и надавала ей сторяча множество именъ: и Бабы-яги, и чухонки, и обглоданной кости, et cetera.

— Попробуй только дотронуться до дѣтей, на судъ Божіемъ буду отвѣчать, а ужъ сдѣру съ тебя парикъ-то!

Такимъ образомъ дѣти росли подъ защитой няни; при ней миссъ Лови не смѣла шикнуть на нихъ. Лидія была нѣжный ребенокъ, и по русскому выраженію вполнѣ *добрышка*, у которой при строгомъ взглядѣ, тотчасъ же выступали слезы. Сонечка, напротивъ, была беззаботная, милая хохотушка. Миссъ Лови не довольствовалась характе-

рожь ни той, ни другой, и безъ няни привела бы ихъ къ одному, собственному знаменателю. Сара ей вполнѣ понравилась. „Это хорошій ребенокъ, говорила она по своему, смотря на нее,—эту дѣвочку не стыдно было бы имѣть даже въ англійскомъ семействѣ.“ Няня, напротивъ, не любила Сару, называла про себя *неудачой*, и смотрѣла на нее искоса.

— Скажи пожалуйста, Митя, спросила она карлика,—чутье-то у тебя хорошее: изъ какой норы добыла этого звѣрка барыня?

— Не знаю, Василиса Ивановна, отвѣчалъ хитрый Митя, которому не нравилось, что не только няня, но и вся дворня, косилась на его барышню.—А ужъ я вижу, что это не простая сиротка, а какого-нибудь знатнаго рода, богатая наследница. Ты присмотрись-ко къ ней хорошенько.

— Ужъ чтò говорить, мала-мала, а взгляды-то у нея какой старыи! Что наши противъ нея—простота, дѣти какъ дѣти. Не даромъ же и у барыни такая забота объ ней. Я правду сказать и подивилась: откуда Богъ послалъ такое нещечко?

— Я думаю такъ, что у этой сироты будетъ миллионъ приданого, сказалъ Митя, кивнувъ головой, — а какъ объявится, такъ всей прислугѣ будетъ большая награда да пенсія.

— Ой ли?

— Да какъ же! ужъ не иначе. Вотъ, примѣромъ, какъ я былъ у старыхъ господъ своихъ, выдали не то что дочь, а сиротку племянницу, и тутъ нянькамъ волю дали, дома построили, снарядили всѣмъ, да по тысячѣ награды.

Няня покачала головой отъ удивленія.

— Мнѣ ужъ куда съ волей; а вотъ за всю семью-то свою я бы поклонилась въ ножки.

— Будь надежна, Василиса Ивановна, по всѣмъ примѣтамъ будетъ такъ.

— Ой ли? правду сказать, ты всю подноготную знаешь. Малъ золотникъ да дорогъ. Не даромъ вся дворня къ тебѣ да къ тебѣ: какъ молъ ты думаешь, Дмитрій Аванасичъ. Чтò скажешь, на дѣлѣ правдой оказывается.

Эта бесѣда няни съ Митей имѣла вліяніе не только на нее, но и на всю домашнюю прислугу. Горничныя, лакеи, выѣздные, стали смотрѣть на Сару, какъ на дѣйствитель-

ную наследницу милліона и ухаживать за ней въ надеждѣ будущихъ благъ.

Настало время ученія. Какъ интродукція явилась гувернантка изъ самаго центра Парижа. Вслѣдъ за ней профессоръ французскаго языка, учительница музыки, и корифей балетовъ Московскаго императорскаго театра, для преподаванія танцевъ.

У Сары память была необыкновенная. Она легко переняла всю тонкость механизма французскаго языка. Прекрасно писала, и современныя свѣтскія фразы легко ложились у нея подъ перо. Въ танцахъ изъ всѣхъ сверстницъ не было ей равной. Вся форменность античныхъ грацій какъ будто возродилась въ ней, и зала Марьи Ивановны, по вторникамъ и субботамъ, обращалась въ партеръ зрителей, передъ маленькою сценою, посреди которой рисовалась Сара, поражая всѣхъ, то нѣгой прищуренныхъ глазокъ, то химическимъ блескомъ открытыхъ и плавающихъ взоровъ. Она подавляла собой Лидію и Сонечку, на долю которыхъ оставалась только милая, безхитростная простота и естественность движеній. Онѣ не понимали чувства зависти; напротивъ, радовались успѣхамъ Сары, и обнимали ее послѣ рукоплесканій, когда она, разгорѣвшаяся, выходила въ другую комнату. Изъ всѣхъ посѣтителей танцевальнаго класса неизмѣнно-постояннымъ былъ князь Иванъ Юрьевичъ, старый бездѣтный вдовецъ, но вѣчноюный и страстный любитель балетовъ. Онъ былъ богатый и щедрый меценатъ всѣхъ живописно-порхающихъ по сценѣ созданій; онѣ постоянно роились въ его мысляхъ, и иногда, забывшись, онъ становился въ позу летящаго, и нарѣвая арію изъ *Сильфиды*, приподнималъ ногу и раскидывалъ руки какъ крылья.

Сара плѣнила его; глаза ея, гибкій станъ и ножка очаровали. Смотря на нее, онъ злился на очки свои, которые заволокали паромъ отъ горячаго его дыханія. Онъ забылъ и древнихъ русалокъ, сильфидъ и ундинокъ, и новыхъ перидидаскъ и баядерокъ, и желалъ смотрѣть только на Сару, и наблюдать какъ въ ней развивается и созрѣваетъ великолѣпнѣе дѣвственной красоты. Изъ всѣхъ восхищавшихся глазами и ловкостью Сары, она была внимательна только къ Владимиру Петровичу Равѣву, строгому критику и цѣнителю талантовъ, всегда важному, всегда скупому на

восторгу, не пророняющему даромъ слова. Онъ былъ въскользко сродни Марьѣ Ивановѣ, изрѣдка навѣщаль домъ, и пользуясь правомъ цѣловать изящныя головки Лидіи и Сонечки, любилъ цѣловать и головку Сары, и называлъ ее своею харитой, своею Аглаей.

— А что жъ вы не возьмете меня къ себѣ, если я ваша?— спрашивала его Сара, будучи еще ребенкомъ.

— Ты моя, да не совсѣмъ моя, отвѣчалъ онъ ей.

— Ну, сдѣлайте такъ, чтобъ я была совсѣмъ ваша.

— Прежде вырости, а потомъ посмотримъ.

Торжество Сары были танцы; въ музыкѣ, напротивъ, первенство склонялось на сторону Лидіи и Сонечки. Сонечка проявляла очаровательный голосокъ; но Лидіи предсказывали необыкновенный талантъ къ игрѣ на фортепіано. Но въ этихъ успѣхахъ не было ничего сценическаго. Маленькіе домашніе концерты не производили такого фурора, какъ глазки и ножки Сары. Зрѣніе всегда на первомъ планѣ, и его легче удовлетворить нежели слухъ. Для могого зрѣнія есть очки и лупы, а для плохаго слуха вѣтъ помощи.

Въ чемъ же заключалось дальнѣйшее образованіе? Въ занятіи чтеніемъ дозволенныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ находились и нравственные романы англійскихъ и французскихъ писательницъ. Гувернантка, М^{lle} Аделаида, любила читать полуувраственные романы. По ея понятіямъ, дѣвушка должна была все знать, изучить всю теорію жизни, и выступить изъ семьи на поприще свѣта вооруженною противъ всякаго обаянія мушницъ. Изъ *magasin de lecture*, она получала всѣ новости современной литературы, и не прятала отъ подвѣдомственныхъ ей юныхъ существъ. Лидія любила читать, но не любила читать страшныхъ и анатомическихъ романовъ; Сонечка любила только забавное, и читала мало; но Сара читала все, кромѣ чувствительнаго.

Послѣ чтенія началось наглядное образованіе по *manières d'être* и *manières de parler* окружающаго общества. Все это заключалось строгимъ изученіемъ условныхъ свѣтскихъ приличій и законовъ моды. Тутъ уже занялась дѣтми, при руководствѣ изящнаго вкуса М^{lle} Аделаиды, и сама Марья Ивановна. И это образованіе приходило къ концу; оставалось ждать того возраста, когда дѣвушку дозволяется

уже вывозить въ свѣтъ, на усердную ретивую работу посреди вечеровъ и баловъ: когда и собственно ей дозволяется уже приступать къ началу карьеры, трудиться въ неистощимыхъ матеріальныхъ заботахъ о нарядѣ, о прическѣ, о визитахъ, о выборѣ кавалеровъ, и въ то же время развивать въ самой себѣ нравственную сторону: соревнованіе, самолюбіе, честолюбіе, жажду апофеоза и потребность въ поклонникахъ и жертвахъ.

Но вотъ насталъ этотъ переходный возрастъ. Дѣтскость и всѣ безотчетныя чувства мгновенно исчезли съ перваго же намека матери о необходимости шить для дѣтей бальныя платья. Слово *дѣти* отозвалось въ первый разъ непріятно, невыносимо для слуха. Оно затронуло самолюбіе Сары, у Лидіи опало сердце отъ какой-то боязни; только Сонечка захлопала отъ радости своими ручкамышками.

Въ одинъ вечеръ, когда были все *свои*, Марья Ивановна усадила всѣхъ около себя, и повела рѣчь о томъ, что наступило время вывозить дѣтей въ свѣтъ.

— Какихъ дѣтей, мать моя? спросила тетушка Авдотья Петровна.—Давно ли Сонечкѣ минуло пятнадцать лѣтъ, не ужь-то ты и ее повезешь на балы? Помилуй, Маша!

— Слава Богу, пятнадцать лѣтъ! возразила Марья Ивановна,—несмотря на то, что Соня почти двумя годами моложе Лидіи, она гораздо болѣе развита, и всякій принимаетъ ее за старшую мою дочь.

— Кто жь это принимаетъ? умницы, которыя судятъ обо всемъ по одной наружности?

— Я сужу не по одной наружности, тетушка. Кто жь виноватъ, что она созрѣла прежде сестры.

— Положимъ, что это яблочко скороспѣлка, что его можно уже съѣсть; да вѣдь прежде Спаса не будешь ѣсть.

— Какія странныя сравненія, тетушка, проговорила съ затронутымъ чувствомъ Марья Ивановна.

— Какъ же судить и рядить, моя милая, безъ сравненія? Родись Соня въ крестьянскомъ быту, дѣло другое; я бы можетъ-быть ни слова тебѣ не сказала; тамъ пожалуй и дѣвушка въ двѣнадцать лѣтъ невѣста, когда понадобится лишнее тягло. Впрочемъ, какъ знаешь, такъ и дѣлай; мое слово сказано.

— Для чего жь сердиться, тетушка?

— Съ чего ты взяла, Маша, что я сержусь? На чужія глупости сердиться, на свои сердца не достанеть.

— Лидія будетъ выѣзжать, а Соня сидѣть дома. одна; странно, когда до сихъ поръ я ихъ равно вела.

— Отчего жъ одна? возразила снова Авдотья Петровна, — а твоя воспитанница, Вѣра?

— Она ровесница Лидіи, и кажется даже старше ее.

— Такъ что жъ?

— Я ее также буду вывозить.

— Это съ какой же стати?

— Я дала слово вести ее наравнѣ съ своими дочерьми.

— А! это дѣло другое. Стало-быть ты намѣрена обезпечить и будущность ея для большаго свѣта, къ которому она привыкнеть на балахъ окончательно.

На этотъ неожиданный вопросъ Марья Ивановна не была готова.

— Стало быть ты подумаешь и о приданомъ ей, продолжала безпощадная Авдотья Петровна, — подѣлишь свой ящикъ съ брилліантами на три части, а потомъ и наслѣдство на столько же частей?

— Нѣтъ, ужъ это покорно благодарю, Авдотья Петровна! сказалъ кланяясь Иванъ Артемьевичъ:— всѣхъ бѣдныхъ сиротокъ я не въ состояніи озодотить.

— Я на свои прихоти и не подумала бы просить твоего золота, сказала вспльчиво Марья Ивановна, — но кто же сказалъ тебѣ, что Вѣрочка бѣдная сиротка?

— Отъ кого же мнѣ знать, Марья Ивановна, кромѣ какъ отъ тебя? ты же мнѣ сказала, что берешь бѣдную сиротку.

— То же ты говорила и мнѣ, прибавила тетушка.

— Да... въ то время дѣйствительно у нея не было никакихъ надеждъ; но теперь, сколько мнѣ извѣстно, она будетъ имѣть состояніе.

— Да еще какое! проговорилъ карликъ Митя, стоявшій за креслами старой тетушки, какъ пажъ. Она слышала слова его и приняла ихъ за насмѣшку надъ словами Марьи Ивановны. Хоть это сомнѣніе было ей и по нутру, но она взглянула гнѣвно на Митю, что онъ осмѣливается вмѣшиваться въ разговоры.

— Это цное дѣло, Маша, сказала она, — и новое подтвержденіе что дѣти тайны и таинственные сироты, въ

концѣ романа, всегда приобрѣтаютъ неожиданное богатство. Я вычитала это изъ Дюкре дю-Мениля.

Марья Ивановна закусила губы.

— Во всякомъ случаѣ, Иванъ Артемьевичъ, сказала она чтобъ скрыть свое неудовольствіе, — необходимо подумать о томъ, что намъ слѣдуетъ передъ вывозомъ дѣтей въ свѣтъ дать парадный балъ.

— Балъ, да еще и парадный! Для чего же это, матушка?

— Для того, что не представлять же мнѣ дѣтей всей Москвѣ въ чужомъ домѣ.

— Прежде однакоже, я думаю, надо слѣвать съ ними визиты ко всѣмъ, сказала Авдотья Петровна.

— Конечно, нѣкоторые до бала, другіе послѣ бала.

— Ваше превосходительство! раздался голосъ вошедшаго Потапа Савича. — Авдотья Петровна!

— Испугалъ, батюшка! сказала Авдотья Петровна,

— Почтеньнѣйшую ручку вашу!

— На, батюшка!

— Кажется, я попалъ въ собраніе семейнаго парламента? Рѣшается какой-нибудь важный вопросъ?

— Да, батюшка.

— Не знаю, какую сторону поддерживать: правую, лѣвую, или середину?

— Да вотъ, рѣши, Потапъ Савичъ, какой слѣдуетъ давать балъ предъ вывозомъ дѣтей въ свѣтъ: парадный ли, на весь міръ, или обыкновенный, безъ большихъ претензій?

— Если почтеньнѣйшіе члены парламента предоставляютъ и на мос сужденіе этотъ жизненный вопросъ, касающійся не только до ихъ превосходительствъ, но и до всего блистательнаго общества первопрестольной столицы; то я, прося снисходительнаго вниманія, считаю долгомъ изложить мое мнѣніе предварительно въ экономическомъ значеніи баловъ... Балы познаются, вопервыхъ, по количеству сожигаемаго на нихъ воску, и потребляемыхъ конфетъ, плодовъ и тому подобныхъ вещей, неизбѣжно необходимыхъ. Парадный балъ, или такъ сказать торжественный, соображая мѣстность, требуетъ безъ сомнѣнія двадцать пудъ свѣчъ и по крайней мѣрѣ десять пудъ конфетъ, не говоря о десяти фунтахъ чаю, на который впрочемъ киваютъ только головой, не говоря о плодахъ и прохладительныхъ, не говоря даже объ ужинѣ въ пять сотъ кувер-

товъ. Обыкновенный балъ требуетъ на половину, или даже на треть, всего этого матерьяла пожираемаго огнемъ и лакомыми устами. Я конечно не говорю здѣсь о тѣхъ балахъ, на которые не требуется издержекъ, на которые гости сѣзжаются съ собственнымъ свѣтомъ въ глазахъ, и сыты и довольны тѣмъ, что, мочи нѣтъ какъ устами... Сердечно радуюсь, что высоко оцѣняя собственное достоинство, ихъ превосходительство изволили поохотать... Теперь скажемъ слово о экономіи, въ отношеніи посѣтителей народнаго бала. Дамы неизбѣжно *декольте*, кавалеры во всей *теню*. Для обыкновенныхъ баловъ расходъ на обнаженіе рукъ и плечъ, до крайнихъ предѣловъ возможности, не такъ великъ. На парадныхъ балахъ кавалеры обращаютъ особенное вниманіе на нарядъ дамъ; въ глазахъ ихъ проявляется какая-то пожирающая жадность. Это ужасно вредитъ мужскому зрѣнію, отчего мы и видимъ теперь такое множество очей вооружающихся очками и лорнетами, безъ которыхъ они не въ состояніи отличить *новъ* отъ почвы воздѣланной и удобренной румянами и бѣлилами. Я не буду, милостивые государи и государыни, говорить о благотворномъ нашемъ климатѣ, по истинѣ бальномъ. Не буду говорить о пріятномъ вѣяніи зефировъ въ жаркую зиму, на раскаленные головки, шейки et cetera, нашего прекраснаго пола. Я только скажу, что балъ есть верхъ очарованія и высшая цѣль жизни человѣчества. Благодарное просвѣщеніе и стремится къ распространенію и совершенствованію баловъ. Теперь мы пользуемся не болѣе какъ двадцатью балами въ продолженіи года... Только двадцать счастливыхъ дней изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти! только восемнадцать процентовъ, не болѣе, со всего капитала! Но настанетъ время, когда все человѣчество обратится въ дамъ и кавалеровъ, вся жизнь сольется въ одинъ парадный балъ, всѣ танцы, не исключая и французской кадрили, сосредоточатся въ безконечномъ котильонѣ, и каждая пара будетъ шептать другъ другу безъ предварительныхъ комплиментовъ: я вѣчно твой! твоя на вѣки!

Кончивъ рѣчь, Потапъ Савичъ почтительно поклонился собранію.

Все захопало. Карликъ Митя, сочувствовавшій больше всѣхъ Потапу Савичу, забывшись, также захопалъ.

Послѣ убѣдительной рѣчи, рѣшено было дать парадный

балъ. Собраніе заключилось чаемъ, послѣ котораго Потапъ Савичъ сдѣлалъ репетицію будущему балу, распредѣлилъ какъ всему быть, представилъ всѣхъ замѣчательныхъ особъ, настроилъ всѣ инструменты оркестра, прошелся съ Иваномъ Артемьевичемъ, который долженъ былъ открыть балъ польскимъ съ одною изъ бывшихъ фрейлинъ императрицы Екатерины, и, въ заключеніе, протанцовалъ французскую кадрили въ четыре пары.

Слухъ о конференціи на счетъ бала и состоявшагося рѣшенія дошелъ до дѣтской, частію отъ Мити, частію отъ горничныхъ. Лидія вспыхнула, Сонечка затанцовала; а Сара не подала и виду, что балъ касается сколько-нибудь и до нея.

VII.

Насталъ и день бала. По настоящему совѣту тетушки Авдотьи Петровны, и въ угоду ей, только Лидію снарядили въ полное облаченіе дѣвухи вступающей въ свѣтъ. Сонечка была одѣта проще. Она понимала причину, любовалась не на свой нарядъ, а на нарядъ сестры, и радовалась смотря на нее. Нарядъ Сары былъ очень милъ; но только, какъ говорится, приличенъ. Въ сергахъ ея не свѣтились брилліанты, въ уборѣ волосъ не было ниоткуда жемчугу. Но она какъ будто была равнодушна къ этому; иногда только, при взглядѣ на Лидію, проявлялось въ глазахъ ея то же выраженіе, какое было въ нихъ въ то время, когда она, еще пятилѣтній ребенокъ, топала ногой и кричала: „я не хочу быть Сарой, я хочу быть Вѣрочкой!“

Нѣтъ необходимости описывать какой бы то ни было балъ. Балы всѣ однообразны, начиная хоть съ бала даннаго царемъ Сиракузь, на которомъ, говорятъ, Платонъ, какъ ученый, былъ очень не ловокъ въ танцахъ. Въ современныхъ парадныхъ балахъ, на всемъ пространствѣ отъ Западнаго океана, до восточныхъ предѣловъ Россіи, разницы нѣтъ даже и въ костюмахъ. Всѣ лица,—въ естественномъ своемъ выраженіи, выглядывающія изъ кратера пышныхъ нарядовъ, какъ будто одни и тѣ же. Несчастные волосы, со временъ древнихъ Римлянъ, перенявшихъ еги-

петскія прически на балахъ Митридата, обращаются въ парики.

Если французскій водевиль, передѣланный на русскіе нравы, имѣеть смыслъ, то балъ и подавно. Балъ еще ближе къ своему оригиналу. Въ передѣланномъ водевилѣ измѣняется языкъ; здѣсь нѣтъ перевода. Парижскія ходячія фразы и любезности, цѣликомъ, слово въ слово, звучатъ во всѣхъ устахъ, до получения новаго, безошлиннаго „великаго выбора“, grand-choix. Чисто русская—только зима на дворѣ.

Вотъ домъ освѣщенъ такъ что надъ нимъ стоитъ зарево, и будочникъ на каланчѣ съ просонокъ выкинулъ было пожарные шары. Прїѣздъ начался съ девяти часовъ; но это только свои, и то торопыги. До вожделѣннаго открытія было еще далеко; съ причесанною головою съ утра можно еще извытъ и измаяться отъ нетерпѣнія, предать проклятію не уставъ моды, а виноватое во всемъ время.

Наконецъ экипажъ поданъ; счастливицы, съ вѣнчикомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на головкахъ, съ едва наброшенными на плеча несносными шубами, которыя могутъ измять платья и гирлянды, торопливо выбѣгаютъ, садятся, двери захлопнулись—пошелъ! Заскрипѣли колесы по морозу, утопаютъ въ сугробахъ нанесенныхъ вьюгой и мятелию. На кучерахъ и лакеяхъ закорузла одежда—цѣлая станція пути по улицамъ и переулкамъ. Фонари зацѣдѣли, обвѣшаны ключьями снѣга. Но объ этихъ невзгодахъ некогда уже думать: впереди чудный камятъ великолѣпныхъ залъ, роскошная аллея померанцевыхъ деревьевъ, движущійся цвѣтникъ.. и вдругъ карета останавливается.— Слава Богу прїѣхали! — ждутъ отворятся дверцы. Дверцы не отворяются.—что такое?

— Да ну, двигайся!—кричатъ лакеи и кучера.

— Что такое?

Впереді безконечный рядъ экипажей.

— Боже мой, да это никогда не доѣдешь!

Между тѣмъ прїѣздъ давно уже начался; оконченые лакеи успѣли нанести уже въ сѣни снѣгу. Для воздушныхъ существъ, выпархивающихъ изъ каретъ и возковъ, какъ изъ клѣтокъ, предстоитъ опасная переправа. Ножки ихъ чувствуютъ мокроту. Онѣ ахаютъ, хватаются за бѣдныя платья и идутъ какъ въ бродъ чрезъ рѣку.

За упомянутую померанцевою аллеей по легкому склону,

Иванъ Артемьевичъ, въ парадномъ мундирѣ, встрѣчаетъ гостей. Далѣе, вереница ихъ тянется по другой, густой и тѣсной аллеѣ стоячихъ кавалеровъ, какъ военныхъ, такъ равно и статскихъ. Далѣе, въ дверяхъ, непроходимая тѣнина пробивающихся туда и сюда. За толпой, Марья Ивановна съ дочерью принимаетъ гостей. Тутъ, новая движущаяся, кишачая толпа, окаймленная сидячими кавалерами, кавалерами различныхъ орденовъ, удрученными лѣтами и тяжкими окладами мундировъ ишитыхъ золотомъ и серебромъ. Всѣ они нетерпѣливо ждутъ, когда кончится свѣтопредставленіе и можно будетъ сѣсть за работу въ боковой залѣ, уставленной ломберными столами.

Сара уклонилась отъ свиты Марьи Ивановны, то приветливо кланяющейся, то пожимающей руки входящимъ. Она отошла отъ потока въ сторону и допрашивала Потапа Савича о замѣчательныхъ лицахъ, являющихся въ дверяхъ.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, руководствуясь вновь вышедшимъ каталогомъ, — вотъ это толстое in folio, въ бархатномъ переплетѣ съ золотою каймой, есть дневникъ событій исхода прошедшаго столѣтія...

— Вы мнѣ не отвѣчаете на мой вопросъ, перервала его Сара, — я спрашиваю васъ, кто эта дама?

— Хмъ! это счастливая мать семейства, живущая въ себя; а слѣдующая за ней, худенькая дама, несчастная мать семейства, живущая въ дѣтей...

— Какъ это скучно, вы все шутите!

— Опять не попалъ въ тонъ!... Вѣра Михайловна, вы право немножко разстроены!

— Я и не думаю настраивать себя, отвѣчала Сара отъвернувшись отъ Потапа Савича, и бросивъ вагадъ на толпу астрономовъ, созерцавшихъ ее какъ новое, появившееся на горизонтѣ бала свѣтило. Отъ ея электрическаго взора они встрепенулись и опустили вооруженныя стеклами руки.

— Моя харита, моя Аглая, какъ радъ, какъ радъ, я видѣть васъ! проговорилъ Ранѣвъ на распѣвъ обычный свой привѣтъ Сарѣ, приклонясь къ ея головкѣ.

— Ахъ это вы, Владимиръ Петровичъ?

— Непремѣнно я.

— А вы будете танцовать съ своею Аглаей?

— Это какъ же? Вы задаете мнѣ роль интродуктора къ счастію другихъ?

— Хоть польское; балъ начнется непременно польскимъ; такъ желаетъ Авдотья Петровна.

— Извольте. Я васъ найду здѣсь? сказалъ Ранѣвъ, кивая головой одному знакомому, пожавъ мимоходомъ руку другого, и продолжая пробиваться въ слѣдующую комнату, гдѣ столпились дамы.

Только что раздались первые аккорды польскаго, толпа кавалеровъ бросилась къ Сарѣ. Прищурясь смотрѣла она на нихъ, не подавая никому руки, какъ будто уже выбравъ изъ приближавшихся не столь порывисто. Подошелъ красавецъ лейбъ-гусарь, нѣсколько съ самонадѣянною улыбкой; но также получилъ отказъ.

Напомнимъ, что мы описываемъ событія прошедшихъ лѣтъ, преданья старины глубокой: время до изобрѣтенія кринолиновъ. Въ ту пору мантики и доломаны обѣдѣли, роскошнаго узорчатаго шитья золотомъ и серебромъ, отъ пояса до колѣнъ, какъ будто не существовало никогда; гусарскихъ зеркальныхъ сапожковъ, со шпорами, съ выпуклою икрой и съ золотыми кистями, не осталось даже для образца, въ воспоминаніе живописныхъ мазурокъ, безъ которыхъ балъ не въ балъ, танцы не въ танцы. Впрочемъ лейбъ-гусарь Лонскій если не блестялъ великолѣпіемъ прошедшихъ временъ, то имѣлъ всю возможность не только обшить, но и оковать себя золотомъ. Онъ былъ статенъ, хорошъ собою, съ усиками, которые можно было бы принять за образецъ форменныхъ усовъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Зато его уже и успѣли избаловать въ Москвѣ, и истинно материнскими ласками, и истинно влюбленными глазками. Чувствуя свое достоинство и первенство между московскими кавалерами, онъ ловко предупреждалъ взорами избранную имъ на предстоящую кадриль, и она, въ свою очередь, ловко отказывала предупреждавшимъ его приближеніе кавалерамъ.

Точно также предупредилъ онъ и Сару. Замѣтила ли она въ немъ эту высокую оцѣнку собственнаго достоинства, или нѣтъ; но досадное „engagé!“ повторилось и на приглашеніе на кадриль. Она подала руку усамъ въ отставку, которые ей случалось видѣть на вечерахъ у Авдотьи Петровны и гдѣ-то на живыхъ картинахъ. Затрону-

тое самолюбіе лейбъ-гусара напомнило ему рыцарскую обязанность покорять непокорныхъ.

Но гордая сила, преслѣдуя увертливую слабость, принуждена часто употреблять кошачьи уловки. Послѣ трехъ неудачныхъ предложеній, Лонскій вспыхнулъ, и скрывая досаду, произнесъ голосомъ страстнаго желанія:

— Могу ли я надѣяться по крайней мѣрѣ, что вы не откажете мнѣ на слѣдующую кадрили?

Сара изъявила согласіе.

Получивъ согласіе, Лонскій собирался по-гусарски наговорить страстей Сарѣ и рѣзнуть ея сердце.

— Наконецъ, я танцую! сказалъ Лонскій, взявъ руку Сары и становясь на мѣсто.

— Вы стало-быть не танцовали двухъ первыхъ кадрилей? Это должно-быть неприятно для того кто страстно любитъ танцовать?

Лонскій не предвидѣлъ, что его восклицаніе даетъ промахъ, и ему придется защищаться отъ двухъ колкихъ вопросовъ.

— Я ни сколько не страстный охотникъ до танцевъ... началъ онъ.

— Такъ о чемъ же и жалѣть? прервала его Сара.

— Я хотѣлъ сказать, что первыя двѣ кадрили я танцовалъ безъ желанія танцовать... или лучше сказать онѣ были для меня скучны, не по сердцу!

— Я этого не понимаю; какая же неволя принуждать себя?

— О, большая! Приглашенный на балъ, я невольникъ, я обязанъ плясать. Хозяйка можетъ спросить меня очень мило: что жъ вы не танцуете? — а это значить: танцуйте, васъ пригласили не въ зрители. Всѣ знакомыя маменьки назовутъ меня невѣжей, если я по крайней мѣрѣ не провалясирую съ каждой изъ дюжины ихъ дочекъ.

Лонскій былъ очень доволенъ своимъ монологомъ.

— Какая страшная обязанность! сказала Сара; — я бы на вашемъ мѣстѣ отказалась отъ приглашеній на балъ.

— Я бы и отказался, еслибы не былъ увѣренъ, что эта постоянная тоска не выкупится наконецъ неожиданною встрѣчей со счастьемъ...

Лейбъ-гусаръ успѣлъ уже смириться передъ Сарой, и ангажировалъ ее на мазурку. Она знала, что Лонскій

первый мазуристъ. Сонечка также много насышалась о немъ, и передъ баломъ, любуясь красотой и нарядомъ Лидіи, тысячу разъ повторяла, что хорошенькій лейбъ-гусарь непременно ангажируетъ ее на мазурку.

— Ахъ, переставь, Сонечка, что ты это говоришь!

— Божусь тебѣ! восклицала Сонечка, танцуя передъ туалетомъ сестры.

Вѣроятно Сара вспомнила объ этомъ несбывшемся предсказаніи. Тонкая усмѣшка на постоянно-спокойномъ лицѣ нѣсколько измѣнила ей, когда она приняла приглашеніе.

Кончивъ кадрили, Лонскій вышелъ изъ сферы танцующихъ въ другую комнату, обмахивая свое горячее дыханіе платкомъ. Начался продолжительный вальсъ; онъ не возвращался въ залу, предоставляя этотъ нѣмецкій тавецъ бальной черни и сберегая себя для болѣе благородныхъ танцевъ, въ которыхъ не приходится взвѣшивать на рукѣ тяжесть дамы и измѣривать объемъ ея стана.

Бродя въ толпѣ, онъ подговорилъ бывшихъ на балѣ товарищей, гусаръ армейскихъ, чтобъ составить вполне гусарскую мазурку, и не портить національности танца и эффекта внимательствомъ фрака.

Между тѣмъ Сара съѣла подлѣ Лидіи, и объ отказались отъ новой кадрили.

— Ахъ, какъ надобно эти кадрили! сказала Лидія.

— Да, подтвердила Сара.

— Я думаю, что послѣ этой начнутъ мазурку?

— Не знаю.

— Мнѣ хочется видѣть, какъ танцуетъ мазурку Лонскій.

— Какой Лонскій?

— А вотъ что танцовалъ съ тобой кадрили?

— Но вѣдь я не спрашиваю фамиліи у тѣхъ, съ которыми танцую.

— Ахъ, Боже мой, лейбъ-гусарь!.. О чемъ онъ съ тобой разговаривалъ?

— Кто?

— Ахъ, Вѣрочка, какая ты разсвѣянная! все тотъ же лейбъ-гусарь?

— Какой же разговоръ посреди этого шума и грома музыки.

— Но вѣдь я видѣла, что вы о чемъ-то разговаривали.

— Право я ужъ забыла эти пріятные разговоры. Кто-

рый-то изъ моихъ кавалеровъ говорилъ мнѣ, какъ термометръ, что на дворѣ тридцать градусовъ холода, а здѣсь тридцать градусовъ тепла. Я отвѣчала, что вѣрю. Кто-то изъ нихъ спросилъ: давно ли я въ Москвѣ, нравится ли мнѣ Москва, и объявилъ, что Москва деревня.

— Ай, ай, ай! ты что жь сказала на это?

— Я сказала, что я въ деревнѣ родилась; городовъ съ роду не видывала, но что деревенская жизнь мнѣ нравится.

— А онъ что жь?

— А онъ спросилъ: гдѣ ваша деревня? а я отвѣчала: Московской губерніи, на Москвѣ рѣкѣ, въ 600 верстахъ отъ Петербурга.

— Ахъ, какой дуракъ попался тебѣ! Но ужъ это вѣрно фразникъ, а не лейбъ-гусарь, который танцевалъ съ тобою послѣднюю кадрили.

— Да, этотъ говорилъ, что ему танцевать тоска, что онъ танцуетъ потому только, что его приглашаютъ и чтобъ его не спрашивали, почему онъ не танцуетъ.

— Что жь онъ хотѣлъ этимъ сказать тебѣ?

— Не понимаю.

— Ахъ, какой онъ!.. Я бы этимъ обидѣлась.

Слова Лидіи прервались прыжками рѣзкихъ аккордовъ любимой ея мазурки. Молодежь засуетилась въ залѣ, натянула перчатки, глаза забѣгали туда и сюда, сабли брякнули по угламъ около оконъ. Тюль-цлаузыйонъ, какъ пѣна на волнахъ, заколебался на груди Лидіи, взоры пугливо смотрѣли на проходящихъ мимо. Сара сидѣла спокойно, опустивъ глаза.

Вдругъ, съ той и другой стороны, подлетѣли мазуристы во фракахъ. Та и другая отказали форменнымъ словомъ. Другіе, запоздавшіе, замѣтивъ этотъ отказъ, поняли, что и имъ будетъ тотъ же отвѣтъ, и бросились въ сторону.

— Вѣрочка, я обманула этого кавалера, сказала Лидія, — мнѣ не хочется танцевать мазурку съ этими жуками... а ты?..

Лидія не договорила; лейбъ-гусарь уже былъ близко, и шелъ по направленію къ ней. Она смутилась, вспыхнула, головка ея уже готова была наклониться въ знакъ согласія; но Лонскій, поднявъ платокъ упавшій изъ рукъ ея, отдалъ ей и подошелъ къ Сарѣ.

На глазахъ Лидіи, какъ у ребенка, который не смѣетъ

заплакать, заблестали алмазные слезки; но никто не замѣтилъ бы ихъ среди переливавшегося свѣта крупныхъ брилліантовъ на діадимѣ, на серьгахъ и на шейкѣ.

Желая скрыть взволнованныя чувства, она, склонивъ глаза, пробѣжала мимо толпы любопытныхъ зрителей, образовавшейся уже вокругъ гусарской мазурки, и исчезла изъ залы. Никто и не замѣтилъ ея удаленія; только Сонечка не забывала сестры и слѣдила за ней. Но она танцевала мазурку въ другой комнатѣ. Мазурка фраковъ продолжалась недолго, и только что кончилась, Сонечка ходила уже вокругъ густой толпы окружавшей гусаря. Нѣтъ доступа; ни малѣйшей возможности взглянуть на танцующихъ.

— Да! молодецъ! говорилъ въ восторгѣ какой-то высокій, пожилой усачь, сосѣду своему, привставшему на цыпочки и вытянувшему шею. Вылитая Еврейка!.. помнишь, въ Шкловѣ, мы отказывали мазурку въ корчмѣ у Эстерки? а?

— Лидіи здѣсь нѣтъ! проговорила Сонечка, всмотрѣвшись сквозь случайный разрывъ толпы. Съ нимъ танцуетъ Вѣрочка!

И она торопливо бросилась отъ мазурки въ другую залу потомъ въ гостиную, во всѣ прочія комнаты. Лидіи нѣтъ! Пробѣжала уборную, внутреннія комнаты.

— Лидія! вскрикнула она наконецъ, откинувъ занавѣсъ въ спальнѣ матери,—что съ тобой?

— Ничего, Сонечка, такъ!

— Тебѣ дурно? ты вся взволнована!..

— Ахъ, я не знаю...

— Когда жь тебѣ сдѣлалось дурно?.. Я видѣла, какъ къ тебѣ подходилъ Лонскій ангажировать на мазурку... какимъ же образомъ танцуетъ съ нимъ Вѣра?.. Стало-быть ты отказалась?..

— Ахъ нѣтъ, я не отказывалась... онъ подошелъ ко мнѣ... смотрю... Вѣрочка подаетъ ему руку... а я осталась на мѣстѣ, какъ дура!..

Лидія залилась слезами и припала на грудь Сонечки.

— Боже мой, что жь это такое? какимъ же это образомъ?.. Да нѣтъ, не можетъ быть, онъ тебя вѣрно не понялъ...

— Я не знаю, какъ понимаютъ... когда ожидаешь предложенія и молчишь...

— Ну, вотъ, прекрасно молчать; ни да, ни нѣтъ; да кто жь

поймешь? Ты пожалуй скажешь, что молчаніе есть знакъ согласія.

— Я этихъ знаковъ не учила!.. Я не умѣю кивать головой какъ миссъ Лови, въ значеніи *да*, и не мотала головой вмѣсто *нѣтъ*!..

— Ну да стоить ли объ этомъ говорить. Пойдемъ, Лидія, насъ хватятся... это не ловко...

— Нѣтъ, я не могу выйдти, я ни за чтѣ не пойду!

И Лидія вскочила и побѣжала въ свою комнатку. Сонечка за ней. Но всѣ уговоры ея были напрасны.

Между тѣмъ гусарская мазурка продолжалась. Лонскій съ Сарой танцевалъ въ первой парѣ и выдумывалъ фигуру за фигурой. Собравшіеся вокругъ мазурки зрители долго восхищались ловкими, порывистыми движеніями гусара, и то плавающей, то вспархивающей, то падающей на руки его Сары. Но все наконецъ утомляетъ. Толпа понемногу разошлась, и зрительницами остались сидящія вокругъ стѣны старушки и матери ревнующія за своихъ дочерей, которыя отъ нечего дѣлать, давно уже разошлись парами по другимъ комнатамъ и въ уборную. На всѣхъ окружающихъ лицахъ выражалось уже явное негодованіе.

Авдотья Петровна первая отозвалась громко:

— Помилуй, Маша, сказала она, вызвавъ Марью Ивановну, которая съ нѣсколькими дамами и *messieurs*, не принимавшими участія въ танцахъ, сидѣла преспокойно и предовольно въ гостиной.—Ты насъ созвала сюда смотрѣть на плясуновъ, что ли, да восхищаться твоею милою воспитанницей?.. Я увѣрена, что всѣ поднимутся по домамъ, да я первая.

— Чтѣ такое, тетушка? спросила удивленная Марья Ивановна.

— Посмотри, моя милая, какъ тамъ работаютъ четыре пары, а всѣ прочія часа ужъ съ два сидятъ да зѣваютъ.

— Я думала, чтѣ Лидія танцуетъ мазурку, сказала Марья Ивановна, выходя въ залу.—Гдѣ жъ Лидія и Сонечка?.. ихъ здѣсь нѣтъ!

Пройдя всѣ комнаты, она вошла въ уборную, гдѣ встрѣтила Сонечку, окруженную подругами.

— Сонечка, душа моя, поди сюда... поди шепни Вѣрѣ, что пора кончить мазурку, что всѣмъ непріятно ждать и смотрѣть на ея восторги! Гдѣ Лидія?

— У ней разболѣлась голова.

Марья Ивановна пошла къ Лидіи, а Сонечка между тѣмъ успѣла передать Сарѣ слова матери, въ сокращеніи.

— Я устала, я не могу болѣе танцовать; пожалуста кончите, сказала Сара своему кавалеру.

Когда кончилась мазурка, Сонечка взяла Сару подъ руку.

— Скажи, Вѣрочка, что сдѣлалось съ Лидіей, когда Лонскій подошелъ къ ней?

— Что такое съ ней сдѣлалось, когда подошелъ къ ней Лонскій? спросила и Сара.

— Но ты была подлѣ нея, и при тебѣ все это было.

— Что такое было при мнѣ?

— Она ужасно разстроена, ушла въ свою комнату... говорить, что Лонскій подошелъ къ ней, и не дождавшись отвѣта, ангажировалъ тебя.

— Неужели? Это въ самомъ дѣлѣ было бы очень неприятно; и она имѣла бы полное право претендовать и на него, и на меня. Но это случилось проще. Онъ ангажировалъ меня во время кадрили.

— Какъ же это Лидіи показалось?..

— Этого ужъ я не знаю; но знаю только, что для избѣжанія недоразумѣній, я съ нимъ болѣе не танцую.

— Странная рѣшимость, Вѣрочка! Разумѣется, что я этихъ словъ твоихъ не передамъ Лидіи. Они слишкомъ будутъ неприятны для нея... она не воображаетъ и не воображала, что этотъ лейбъ-гусарь созданъ быть только ея кавалеромъ!

— Вѣра Михайловна! сказалъ, подходя къ Сарѣ, князь Иванъ Юрьичъ:—какъ вы танцовали мазурку! какъ вы танцовали—просто чудеса!..

— Безподобно, невообразимо, поразительно, неописанному диву подобно! живопись, истинная живопись! раздался и голосъ Потапа Савича съ другой стороны.

Сонечка оставила Сару между этихъ двухъ кавалеровъ.

— Мнѣ досадно на себя, если вы замѣтили, что я рисуюсь; впередъ я буду осторожнѣе, сказала она на похвалы.

— Ахъ, нѣтъ, это природа! проговорилъ князь:—неподражаемая природа!

Сара ловко увернулась и пошла. Но Лидіи нѣтъ, Сонечку увлекли подруги. Всѣ знакомыя сверстницы, всегда предупредительныя и привѣтливыя, проходили мимо; встрѣ-

чаясь, не замѣчали ее. Сара почувствовала это одиночество, и, казалось, затруднялась куда ей идти, и гдѣ остановиться. Въ уборной передъ трюмо, цѣлая толпа дѣвушекъ; говоръ, шепотъ, хохотъ, поцѣлуи. Сара вошла, сѣла на диванчикъ въ углубленіи комнаты. Все смолкло, всѣ исчезли одна за другой. Сара и здѣсь одна. Но она не задумалась на диванѣ, вскочила и вышла вслѣдъ за всѣми. Рядъ кавалеровъ стоялъ уже какъ будто на сторожѣ, и, слѣдуя послѣдней, она первая понеслась въ вальсъ; но ловко отклонила всѣ новыя предложенія Лонскаго.

VIII.

Послѣ этого перваго дебюта въ свѣтѣ, положеніе Сары въ семействѣ Марьи Ивановны видимо измѣнилось. Она сама предупредила всѣхъ холодною отношеніемъ, и оградила себя отъ всѣхъ движеній и порывовъ сердца, отъ всѣхъ нѣжныхъ ласкъ, угрюмыхъ взглядовъ, надутыхъ губокъ и невниманія.

Эту перемѣну тотчасъ же замѣтилъ карликъ Митя, и не могъ понять что такое сдѣлала, въ чемъ провинилась его барышня, какъ онъ называлъ про себя Сару. Послѣ бала все пошло не такъ, а причины, кажется, нѣтъ никакой.

— Нѣтъ, есть причина! сказалъ Митя, послѣ долгихъ соображеній.—Старая корга, тетушка Марьи Ивановны, терпѣть ее не можетъ; а все изъ зависти, что Вѣра Михайловна получше да и поумнѣе ея внучекъ; ведетъ себя гордо и пристойно, точно какъ будто чувствуетъ, что познатнѣе ихъ всѣхъ... а на балу-то--королева!.. вотъ и надудись всѣ, обидно стало; какъ дескать какой-нибудь приемышь затеръ всѣхъ... Ахъ ты Господи!.. Да за что жь это слыветъ она, голубушка моя барышня, какимъ-то приемышемъ, круглою сиротой?.. За что отецъ-то откачулся отъ нея, затаилъ отъ всѣхъ, что она дочь его родная? живетъ себѣ въ имѣньи у батюшки, стараго князя, какъ въ могилѣ, и голосу не подаетъ?.. Что это съ нимъ дѣлается, только Господу Богу извѣстно; а добрыйша душа кака!

Долго ворчалъ такимъ образомъ карликъ, сидя на кровати, въ маленькой своей коморкѣ на антресоляхъ; наконецъ, вдругъ

соскочилъ на полъ, побѣжалъ къ Марьѣ Ивановнѣ и отпра- сился сходить въ городъ. Бѣгомъ пустился онъ по буль- вару, прямо къ биржѣ. Здѣсь былъ у него знакомый из- вощикъ; влѣзая въ сани, Митя велѣлъ ему ѣхать скорѣе за заставу, въ подмосковную.

— Что жь это, Дмитрій Аванасъичъ, ты ничего не ро- стешь? спросилъ извощикъ, подсаживая своего съдока, и за- кидывая санную подость.

— Вырость до Дмитрія Аванасъича, куда жь больше ро- сти, отвѣчалъ Митя,—ступай, ступай скорѣй!

Послѣ ухабистаго пути по городу, сани плавно пока- тились по гладкой загородной дорогѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ заставы, за послѣдвшею рощей, потяну- лась рѣшетка сада, котораго огромныя деревья, покры- ты были клочками снѣга и гнѣздами воронъ, улетѣв- шихъ на покормку. За садомъ, на дворѣ, открылся дере- вянный одноэтажный домъ, съ запертными ставнями. По всемъ признакамъ онъ давнымъ-давно уже опустѣлъ, хотя управляющій, жившій во флигелѣ, по привычному ожида- нію внезапнаго пріѣзда хозяина, постоянно заботился под- держивать его и предохранять отъ разрушенія.

Прослышавъ лай жучки, заматавшейся на цѣпи, онъ вы- шелъ на крыльцо, и съ удивленіемъ встрѣтилъ карлика.

— Къ тебѣ, Наумычъ, сказалъ Митя,—поговорить надо.

— Милости просимъ, Дмитрій Аванасъичъ, если по дѣлу такъ пойдемъ ко мнѣ въ контору; а тамъ и самоварчикъ кипить.

— Нѣтъ не могу.

— Что жь такъ? не захлебнешься нашею чашкой чаю.

— Не время; а вотъ что, Наумычъ: нѣтъ ли отъ барина какой вѣсти?

— Есть.

— Ой ли?

— Княгиня, матушка его умерла, дай Господи ей царство небесное; между нами сказать, и старый-то князь совсѣмъ уже плохъ; а его сіятельство Михайло Васильичъ прислалъ мнѣ довѣренность, взять изъ опекунскаго совѣта подъ за- логъ этого имѣнья деньги, уплатить долги, да все здѣсь исправить.

— Стало-быть онъ самъ пріѣдетъ? Слава тебѣ Господи! воскликнулъ Митя, перекрестясь.

— Стало-быть. Это имѣнье покойница княгиня передала ему.

— Ойли? да скоро ли прѣдетъ самъ-то?

— Поправлять велѣлъ, а когда прѣдетъ Богъ вѣдаетъ.

— Что это съ нимъ дѣлается, Наумычъ, только Господу Богу извѣстно. Да во всю жизнь, съ самаго того времени, какъ посватался на Марьѣ Ивановнѣ. Сегодня быть сговору, а въ ночь отдалъ мнѣ письмо, доставить ей, поѣхалъ куда-то да и пропалъ. Ни слуху, ни духу. Одни говорили, что умеръ, а другіе вишь сосланъ на Кавказъ. Потомъ появился было на бѣлый свѣтъ, какъ покойникъ изъ могилы, привезъ дочку, отдалъ на руки Марьѣ Ивановнѣ, какъ круглую сироту безъ имени... Помнишь, Наумычъ, какой изморенный явился-то онъ... какъ крѣпко поцѣловалъ-то меня, какъ увидалъ! словно роднаго!..

Митя прослезился.

— Смотри, говорить, Митя,— у Марьи Ивановны будетъ воспитываться моя малютка Вѣрочка, послужи ей, оберегай ее, забавляй; но до прѣзда моего никому ни слова, чтобы никто не зналъ то, что я тебѣ повѣряю... Поѣхалъ, да опять какъ въ могилу. Барышня-то ужъ невѣста, а все на счету сироты. Сначала, нигдѣ бы ей лучше не было, какъ у Марьи Ивановны: вела ее наравнѣ съ своими дѣтьми...

— А теперь отчего же хуже? спросилъ Наумычъ.

— Притѣснять стали. Зависть, что она подучше, да и поумнѣ всѣхъ; да теперь же не то ужъ что маленькая барышня: тоже расхода требуетъ на наряды, на выѣзды; то шляпка нужна, то платье бальное. Одѣвать-то одѣваютъ, а съ своими ровнять перестали, и куда! такъ-себѣ, опрятно, и видно что сирота въ дому... а ей-то, чай, тоже обидно... Вотъ, отцу-то и грѣхъ! отдалъ на чужія руки, да и знать не хочетъ. По крайней мѣрѣ присылалъ бы что-нибудь, или жалованье положилъ...

— Изъ чего, откуда? возразилъ Наумычъ, ужъ онъ бы не далъ, еслибы могъ! Еще хорошо что у меня были деньги, да признавалъ.

— Господи! при такомъ богатствѣ!

— А гдѣ жъ оно, это богатство? у стараго князя въ сундукахъ? Сыну-то не воровать стать. А вздумай я poradѣть князю Михайлѣ Васильичу, покризить душой противъ

старого барина, такъ ты думаешь онъ сказалъ бы мнѣ спасибо?

— Обидно, Наумычъ, что нашу барышню такъ обижаютъ. Я бы отдалъ ей свою тысячу; да какъ? Отъ себя ей отдать? посмотрѣлъ бы ты, какая гордая, у насъ и въ роду такой не было. Дѣло другое. еслибъ она знала, что князь ей отецъ, такъ отдалъ бы отъ его имени. Ума не приберу, для чего и отъ родной дочери-то онъ себя скрываетъ?

— Причина стало-быть есть.

— А ты, Наумычъ, знаешь?

— А мнѣ какъ знать? Будеть, небось, разказывать мнѣ князь, что за душой схоронено?

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Чай, женился безъ воли родительской, вотъ и горюй вѣкъ.

— А можетъ-статься и такъ, сказалъ Наумычъ,—а гдѣ и какъ женился, не вѣдомо; жены живой не довезъ, да и младенца-то привезъ еле-еле живъ.

— Знатная барышня вышла, а ужъ не знать, въ чей родъ И Господи какая недоступная! А ужъ я такъ думаю, Наумычъ, что надо писать тебѣ къ князю, что вотъ такъ и такъ, обидныя дѣла дѣлаются съ Вѣрой Михайловной. Такъ какъ прикажетъ: можетъ-статься, положить ей жалованье. Теперь деньги будутъ.

— Нѣтъ, Дмитрій Аѳанасьичъ, писать къ князю не буду. Писать къ себѣ онъ крѣпко-накрѣпко запретилъ.

— Вотъ ужъ подлинно, что куда ни кинь, вездѣ клинъ!

— Сказалъ, Богъ дастъ самъ буду, ну и будемъ ждать. А если какая крайняя будетъ необходимость Вѣрѣ Михайловнѣ, такъ я ужъ на свой страхъ возьму, а сколько ей потребно будетъ, выдамъ.

— Ну, ладно. Я бы Марья Ивановнѣ сказалъ, что не прикажетъ ли, модъ, что на расходы для бырышни, да и на мнѣ вѣдь запретъ лежитъ. А самой-то ей какъ отдашь?

— Не приходится. Чего добраго, по мысли-то вдоль, а на дѣлѣ-то выйдеть—поперекъ. Самъ лучше знаетъ, что дѣлать.

— И то правда; такъ прощай, Наумычъ. А ужъ мнѣ горькая обида, какъ всѣ тучами смотрятъ: того и гляди гроза.

— А чайку, Дмитрій Аѳанасьичъ? самоваръ готовъ.

— Не могу, Наумычъ, во мнѣ теперь словно свой самоваръ кипить; да и запоздаю.

Митя сѣлъ на извожника и велѣлъ погонять въ обратный путь.

Возвратясь въ домъ, онъ засталъ уже сборы въ театръ, а изъ театра прямо на вечеръ къ Кириковымъ.

Митя, по обычаю, шаялся по комнатамъ, въ ожиданіи какихъ-нибудь приказаній, которыя обыкновенно передавались черезъ него и въ дѣвичью, и въ переднюю. То постоитъ у однѣхъ дверей, то у другихъ, то взлѣзетъ въ залъ на стулъ и посидитъ, если тутъ нѣтъ господъ.

Сара, одѣтая, вышла прежде всѣхъ, и стала ходить по пустымъ комнатамъ; въ выраженіи лица ея однакоже проявлялось не торопливое желаніе скорѣе ѣхать, но напротивъ, угрюмое нежеланіе ѣхать.

Митя наблюдалъ за ней.

„Платьице-то простенькое, голову-то сама вѣрно причесывала; и украшеній-то никакихъ, кромѣ бѣлаго вѣночка... поневолѣ грустно,“ ворчалъ онъ про себя.

Когда Марья Ивановна показала въ дверяхъ, Сара пошла къ ней.

— Мнѣ бы не хотѣлось ѣхать на балъ; позвольте мнѣ воротиться изъ театра домой, сказала она ей.

— Это неловко, моя милая, отвѣчала Марья Ивановна.— Тобой такъ интересуются, а ты будешь сидѣть дома; подумаютъ, что я не намѣрена тебя вывозить въ свѣтъ.

— Что жъ такое что подумаютъ.

— Для тебя можетъ-быть ничего, а для меня очень много.

— Я не могу этого понять.

— Ты еще не опытна, не знаешь свѣта; отъ того и не понимаешь; а я очень понимаю, что могутъ подумать, что я боюсь тебя вывозить...

Сара пожала плечами.

— А это было бы непріятно и для меня, и для моихъ дочерей.

— Теперь я понимаю; но я и сама сознаю, что не могу равняться съ ними; а потому и прошу васъ...

Марья Ивановна почувствовала неосторожность свою.

— Ты все-таки не поняла меня, Вѣночка, сказала она нѣжно и мягко,—я хотѣла сказать, что мнѣ бы непріятно было, чтобы на тебя смотрѣли, какъ на несчастную, призрѣнную какую-нибудь сиротку, тогда какъ я дала отцу твоему слово замѣнить тебѣ родную мать.

— Моему отцу? Гдѣ жь мой отецъ? спросила вдругъ Сара. Присѣвшій въ залѣ около дверей Митя встрепенулся и соскочилъ со стула.

— До сихъ поръ, продолжала Сара,—я слышала только о бѣдной моей матери, которая, умирая, просила васъ взять меня.

Марья Ивановна проговорила и едва могла скрыть свое смущеніе.

— Я хотѣлъ сказать: матери твоей, Вѣрочка, и ошибась, произнесла она довольно твердымъ и спокойнымъ голосомъ.—Однакожь, что жь это Лидія и Сонечка? пора вѣшать... осьмой часъ.

Сара посмотрѣла на нее недоувѣрчивымъ, пытающимъ взглядомъ и снова пожала плечами.

Изъ всего тихаго разговора, который вели между собою Марья Ивановна и Сара, рѣзкій вопросъ: моему отцу? долетѣлъ ясно до слуха Мити.

— Къ отцу?.. Господи, стало-быть...

Не досказавъ своей мысли, онъ подкрался ближе къ дверямъ. Но разговоръ кончился, Марья Ивановна вышла то-ропливо, и, какъ показалось Митѣ, вышла въ сердцахъ. А Сара осталась неподвижною подлѣ стола, на который оперлась рукою, и смотрѣла, задумавшись, въ землю.

— Къ отцу! повторилъ Митя.—Вотъ оно! рѣшено дѣло и объявлено! Слава тебѣ Господи! прибавилъ онъ крестясь.

— Подали карету? спросила Марья Ивановна, выходя съ дочерью.

Митя побѣждалъ справиться.

Проводивъ господъ до сѣней, онъ воротился въ залу, заложивъ руки назадъ, и началъ ходить взадъ и впередъ въ раздумьѣ.

— Да я тутъ ни за что не останусь! Я буду просить барышню, чтобы взяла меня съ собою!..

— Ступай-ко, Дмитрій Аванасъичъ въ дѣвичью, тамъ ждутъ тебя играть въ карты, сказалъ лакей, вошедшій тушить лампы.—Ступай!

— Небось, не останусь, отвѣчалъ карликъ, выходя въ корридоръ.

Между тѣмъ морозъ былъ въ надлежащемъ градусѣ. Противъ театра, на площади, въ круглой, обитой желѣзомъ загородкѣ, разложенъ былъ огонь, для кучеровъ и выѣздныхъ

лакеевъ, желающихъ шутя погрѣть изъ-за загородки руки, и посмотрѣть, какъ посреди этого цирка тлѣетъ гнилое полѣно. Нѣтъ сомнѣнiя, что эту воздушную топку, посреди площади, въ предохраненiе *людей* отъ мороза, каковъ бы онъ ни былъ, хоть ртуть замерзай, изобрѣлъ иноземный гений. Пляски кучеровъ въ одиночку около экипажей, размахиванье руками, хлопанье рукавицами, натиранье отмороженныхъ ушей, носа и щекъ снѣгомъ, а если черезчуръ жутко, такъ кулачный бой,—все это глупо. Вотъ вамъ каминъ, нѣсколько полѣнъ дровъ, подкладывайте, грѣйтесь, дурачьё! и этого-то по сю пору не выдумали!

И что жь? странная вещь! Воздушный каминъ тлѣетъ себѣ посреди площади, нѣтъ около него ни одной души. Около экипажей тѣ же пляски въ одиночку, то же хлопанье рукавицами; а ужъ если можно оставить лошадей и экипажъ на надежныя руки своей брата, или незябкихъ мальчишекъ-форейторовъ, такъ компанiя идетъ куда-нибудь по сосѣдству, гдѣ и чай горячiй, и горячiе напитки, и всякая *провизiя*, и прiятное препровожденiе времени, и даже *машина*.

— Вчерась, гдѣ былъ, Сея?

— А здѣсь же, а потомъ на балъ, до самой заутрени.

— А сегодня, изъ театра поѣдете уда?

— А какъ же, вотъ здѣсь выпьемъ, а закусимъ у Сухаревой.

— А что фалеторъ надежный, лошади смирно стоятъ?

— У меня ничего старье, дремлютъ себѣ, да пофыркиваютъ, какъ ноздри-то законопатить морозомъ. А вотъ у Семена такъ ужъ такiя, что хоть въ ноги кланяйся, а отпуску нѣтъ.

Между тѣмъ въ большомъ театрѣ идетъ „волшебное представленiе, съ хорами, куплетами, превращенiями и танцами“. Бѣдныя волшебныя существа, въ своихъ невестественныхъ одеждахъ, носятъ улыбаясь по сценѣ, въ потокѣ воздуха, нагрѣваемаго дыханiемъ тысячи зрителей, который стремится съ шумомъ къ намалеваннымъ небесамъ живописной природы. Но конецъ дѣйствiя гонитъ ихъ въ ущелья закулиснаго мiра; и въ этомъ хаосѣ, обданныя холодомъ и пожираемыя шубами, онѣ разбѣгаются по логовищамъ.

Занавѣсъ опускается и скрываетъ отъ взоровъ эту страшную картину. Начинается развѣздъ. Отъ театра вся пло-

щадь и Охотный рядъ оглашаются повторяемыми фамиліями московской знати. Крикнули наконецъ и карету Лиговскихъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Марья Ивановна, ея дочери и Сара, являются посреди великолѣпной залы, гдѣ музыка гремѣла уже новый парижскій танецъ, для котораго, на первыхъ порахъ, весь танцующій міръ, отъ мала до велика, бросился къ танцовщицамъ и къ фигуранткамъ, за хитрую наукой полькованья.

Только что Сара показала, Лонскій былъ уже на сто-рожѣ, двинулся къ ней; но она уклонилась въ сторону за столпившихся дамъ, и проходя мимо упомянутыхъ уже нами усовъ въ отставкѣ, сказала: вы со мной танцуете.

Этотъ незавидный кавалеръ, которымъ она распоряжалась безъ церемоній, былъ молодой человекъ пожилой наружности, по усамъ и пріемамъ, военный въ отставкѣ. Онъ какъ-то врютился въ большой свѣтъ, въ родѣ прикомандированнаго для особыхъ порученій. Онъ употреблялся барынями на посылки, барышнями при недостаткѣ кавалеровъ, старушками при недостаткѣ четвертаго игрока по конѣткѣ призь; употреблялся на заднемъ планѣ въ живыхъ картинахъ, и какъ подставной актеръ на домашнихъ театрахъ.

Не дожидаясь отвѣта и не обращая вниманія доволенъ ли кавалеръ ея приглашеніемъ, Сара подала ему руку.

Но онъ былъ не только доволенъ, но въ высшей степени счастливъ. Онъ видѣлъ, какъ она отказывала Лонскому, первенствующему изъ кавалеровъ, для того чтобы танцовать съ нимъ, и наконецъ сама вызываетъ его танцовать съ ней. Это уже не просто предпочтеніе; это что-то въ родѣ невольно высказывающейся страсти.

Отецъ его Иванъ Ильичъ Четкинъ слылъ за честнаго и дѣловаго человека; дослужась до штыря VII-го рязряда, онъ продолжалъ ходить по дѣламъ московской знати. Въ отношеніи къ единственному сыну отеческая воля его не исполнялась. Онъ думалъ вести его по тому же пути, по которому самъ шелъ, и на этомъ основаніи отдалъ его въ гимназію; но едва прочнула собственная воля юнаго Четкина, воздѣлываемая ненаглядною любовью родительницы, юный Четкинъ пожелалъ оставить гимназію и вступить на поприще военной службы. Повоенничалъ нѣсколько лѣтъ, посидѣлъ нѣсколько разъ подъ арестомъ, вышелъ въ отставку и возвратился подъ кровъ родительскаго дома, на

новыя заботы отцу и попеченія матери. Иванъ Ильичъ, входяій во многіе дома по дѣламъ, и заботился о немъ; спрашивалъ и тамъ и сямъ мѣстечка сыну, представлялъ его лично вниманію покровительствующихъ особъ, и ни какъ не предвидѣлъ, что въ сынѣ его есть таланты годные и для большаго свѣта. Мать радовалась, какъ говорится, несказанно, что Павлушу приглашаютъ и на балы, и на музыкальные вечера, и участвовать въ живыхъ картинахъ и на сценѣ домашнихъ театровъ. Она была увѣрена, что въ него, если еще не влюблена, то непременно влюбится, какая-нибудь богатая и знатная невѣста.

Иванъ Ильичъ, напротивъ, горевалъ, что его не пристроишь куда-нибудь на службу, хоть даже управляющимъ какимъ-нибудь имѣніемъ. Но противъ *какихъ-нибудь* службъ и управленій его супруга возставала горой.

— Не безпокойся, онъ въ свѣтѣ сдѣлаетъ свою карьеру!

— Да гдѣ жъ, сударыня моя, брать мнѣ денегъ на эту карьеру, на экипировку, да на разѣзды по баламъ и маскарадамъ, да въ дополненіе, то на китайскіе, то на испанскіе костюмы?.. О дочеряхъ-то надо также подумать!

— Хорошая невѣста все окупить.

— Скажи пожалуйста! именно такъ, въ самомъ дѣлѣ! чего добраго, того и гляди, что къ красной горкѣ придется шить новую пару платья. Какъ такому малому, съ такими усами, не сдѣлать фортуны въ большомъ свѣтѣ!

— Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать! Отвѣчала супруга Ивана Ильича, на подобныя его сужденія о сынѣ.

А сынъ между тѣмъ танцуетъ не одну уже кадрили или польку съ Сарой; хотя она приобрѣла себѣ не одного только его въ подставные кавалеры на случай отказа Лонскому.

— Это штуки, кокетство! сказалъ Лонскій, отходя отъ Сары не въ первый уже разъ, и замѣчая, что она отвертывается при его приближеніи.

Въ этотъ вечеръ Лидія была очаровательна, и обратила на себя общее вниманіе. Нарядъ ея былъ проще, во взорахъ особенная томность. Провинившіяся противъ нея Лонскій, не зная самъ того, казался старался загладить вину свою. Онъ уже полькировалъ съ Лидіей и снова танцуетъ игриво и мило бесѣдуетъ съ ней, не отводитъ глазъ отъ своей дамы на сторону, никого не ищетъ взорами кромѣ ея.

Марья Ивановна рада торжеству дочери; старая тетускя.

Автотья Петровна,—торжеству внучки; Сонечка въ восторгѣ отъ сестры. Подруги, хоть и не восторгаются, но смотрять на нее безъ зависти. Даже нѣкоторыя почтенныя старушки, которымъ до всего дѣло, и у которыхъ глаза, не смотря на слѣпоту, зорки,—шепчуть другъ другу:

— Тутъ надо чего-нибудь ожидать. Я, право, не противъ. Дѣвочка добрая, съ хорошимъ состояніемъ; но этимъ все и кончается. Да чего жь ему больше и желать; про всѣхъ ума не наберешься. Да и онъ, что жь, гвардейскій офицеръ, богатъ, а то же, чай, съ придурью, какъ вся теперешняя молодежь.

— Съ придурью? помилуй, Анна Петровна! Вотъ въ наше время. молодежь была съ придурью: сама за невѣстами по всѣмъ угламъ не рыскала. Ищевыхъ-то жениховъ тогда не водилось... Смотри, пожалуй, какъ присваиваются... Сегодня за ней ходитъ а завтра за носъ водить; потомъ жѣнится, да и врозь. Нѣтъ, матушка, не наши времена, не наши! Насъ не только что женихи, да и мужья за носъ не водили.

— Варвара Сергѣевна, что жь это не видать воспитанницы-то Марья Ивановны? Вывозить она ее?

— Здѣсь; только что-то не на виду. Вѣрно, что-нибудь вышло за мазурку.

— Что такое за мазурку?

— У Лиговскихъ. Гусарь расплясался съ ней до того, что всѣ думали, тутъ же и сговоръ будетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Марья Ивановна было это неприятно. Дочери сидятъ сложа ручки, а воспитанницу, прокричали царицей бала.

— Однакоже Марья Ивановна ведетъ ее, какъ родную дочь.

— А кто жь про то знаетъ, чего не знаешь.

— Ну, я дурныхъ предложеній дѣлать не люблю.

— Да и я шучу; а признаюсь такихъ воспитанницъ съ роду не видала. Это, если не настоящая, такъ театральная принцесса. Князь Иванъ Юрьичъ не даромъ съ ума сходитъ отъ нея. Тутъ что-нибудь да кроется.

— Это, признаться сказать, и мнѣ приходило въ голову: и легко быть-можетъ; по родственнымъ фамильнымъ отношеніямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! да это такъ! тутъ и сомнѣнія нѣтъ!.. Съ чего жь бы иначе стала Лиговская воспитывать какую-нибудь сироту, какъ богатую наследницу?.. Она же и намекала при мнѣ, что у этой сироты *что-то* будетъ... Посмотрите, если онъ не переведетъ на ея имя свои капиталы, да имѣнiе; кто жь ему помѣшаетъ!..

— Ты, однакоже, Варвара Сергѣевна, помолчи объ этомъ; я не хочу чтобъ отъ меня что-нибудь выходило.

— Да съ чего же отъ васъ? Кажется я первая поняла въ чемъ дѣло?

— Отъ куда жь, матушка, первая? не намеки я тебѣ, ты бы и не знала.

— Скажите, пожалуста, я бы не знала! это безподобно! Я бы не знала!

— И не знала бы и никогда бы не знала, и въ голову тебѣ не пришло бы.

— Хоть тупая голова, да вотъ знаю.

— Ничего не знаешь! изволь сказать, кто мать ея?.. ну, изволь сказать, Варвара Сергѣевна?

Озадаченной Варварѣ Сергѣевнѣ пришлось хоть молчать на этотъ неожиданный вопросъ; но она поправилась.

— Знакомство съ какой-нибудь танцовщицей, предоставляю вамъ; на родинахъ и на крестинахъ я не была!

И она встала и пошла прочь. Оставшаяся на мѣстѣ древняя барыня, готова была вскочить вслѣдъ за ней; но не доставало силъ. Обиженная и встревоженная, она едва дышала отъ стѣсненiя духа.

Соперничество и стора, возникшая за первенство, или, говоря не по-русски, за инициативу новой догадки о происхожденiи Сары, были побудительной причиной къ немедленному же сообщенiю тайны пользующимся довѣренностью той и другой стороны.

Взоры нѣкоторыхъ стали уже искать Сару, чтобы взглянуть на нее, въ открытомъ за тайну, новомъ ея значенiи. Она, между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ умѣла такъ притаиться отъ общаго вниманiя, что начали шепотомъ спрашивать, гдѣ она? Устраняясь отъ главной арены на форумъ бала, она вводила кавалера въ боковую залу, и, кончивъ танецъ, уходила въ уборную, гдѣ всегда находила для бесѣды, вольныхъ и невольныхъ отшельницъ, терпѣливо выслушивая иносказанiя ихъ досады или ревности.

Затрунутое самолюбіе Лонскаго, какъ слѣдуетъ, платило ей за невниманіе тою же монетою и даже съ возвышеннымъ курсомъ. Но вопреки самолюбію, иное какое-то безотчетное еще чувство отзывалось въ душѣ съ такою болью, что вся принужденная любезность исчезала, и Лонскій невольно слѣдилъ взорами за Сарой, и наблюдалъ за всѣми ея движеніями. Между кавалерами, съ которыми танцевала Сара, онъ искалъ избраннаго, и не находилъ: со всѣми она была одинаково суха, и даже одинаково ко всѣмъ невнимательна.

— Почти не танцуетъ, скрывается изъ залы, избѣгаетъ встрѣчи со мною... Что это значить? злое кокетство?

И Лонскій снова одушевляется, ведетъ контръ-мины. Сара тутъ, онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ апопоеозируетъ Лидію, всѣми очарованіями ловкаго и вполне занятаго своимъ новымъ божествомъ прозелита. Сара скрылась, и притворный отступникъ начинаетъ оскорблять новое божество своею разсвѣянностью.

Но это бѣдное божество не понимаетъ еще, что безсознательно и безпощадно приносятъ его въ жертву другому божеству.

И это уже длится не одинъ балъ, не одинъ вечеръ. Все принимающее участіе въ Лидіи или въ Лонскомъ, приходитъ видимо и невидимо въ какое-то броженіе. Только одна Сара видимо спокойна. Ея наружность приняла какое-то особенное достоинство. Марья Ивановна довольна ею, Сонечка сознательно благодарна. Она всѣмъ расхваливаетъ ея нравъ, ея умъ и способность къ самоотверженію.

Но Лидія напоминаетъ мазурку, торжество Сары, и собственныя чувства, и ей стало жалко Сары. Ей кажется, что Сара глубоко затаила въ себѣ грустное чувство, и она причиною этого. Ей какъ будто совѣстно быть счастливою на счетъ чужаго горя. Но какъ же подѣлиться этимъ счастьемъ? невозможно. Лидіи грустно иногда смотрѣть на Сару; радушно, нѣжно, она ласкается къ ней; но Сара холодно принимаетъ эти ласки, а это еще грустнѣе.

IX.

Послѣ подслушанныхъ нѣсколькихъ словъ изъ разговора Марьи Ивановны съ Сарой, карликъ Митя ходилъ насупясь и все что-то обдумывалъ.

— Дѣло рѣшеное, бормоталъ онъ про себя, — барышня знаетъ теперь, кто она... Вѣрно ждетъ теперь батюшку, князя... совсѣмъ перемѣнилась... дѣвушки говорятъ, какъ ѣхать въ театръ или на балъ, такъ и нахмурится... Изъ лебединого яйца индюшки не высидишь; изъ чужаго стада тянетъ въ свое... А ужъ я безъ нея истоскуюсь здѣсь... буду проситься!

И Митя высматриваетъ удобный случай. Пройдетъ Сара одна, онъ бросится за ней слѣдомъ; но куда онъ собирается разинуть ротъ—ушла!... Сядетъ Сара съ книгой, или съ работой въ китайской любимой ея комнатѣ,—Митя станетъ подлѣ за фарфоровую башню или за Конфуція, заложить руки назадъ, перебирая пальцами, и то двинется впередъ, то отступитъ; хочеть что-то сказать, а слово прилипнетъ къ языку, и онъ только оближется.

Но наконецъ натужился, собрался съ духомъ, и клала на столикъ подлѣ нея театральную афишку, проговорилъ:

— Барышня, сударыня Вѣра Михайловна!..

— Что?

— Словечко нужно мнѣ сказать вамъ...

— Что такое, говори, спросила Сара громко; а между тѣмъ посышались чьи-то шаги.

Митя оторопѣлъ.

— Что жъ ты хотѣлъ говорить?

— Дивертисементъ, барышня...

— Какой дивертисементъ?

— На афишкѣ написано... извольте посмотреть...

— Что жъ такое?

— Ничего, барышня, проговорилъ Митя, моргая глазами. Сара посмотрѣла на него.

— Ты не то хотѣлъ сказать.

— Вотъ-съ, афишка, повторилъ Митя твердымъ сиповатымъ голосомъ, увидя входящую Марью Ивановну.

— Пора одѣваться, Вѣра, сказала она, по-французски.

— Я не могу вхать, у меня что-то голова заболѣла, отвѣчала Сара.

— Но сегодня балеть; ты любишь балеты.

— Ахъ напротивъ, они для меня тоска!

— Странно; впрочемъ какъ хочешь.

Митя, махнувъ съ досады рукой, ушелъ между тѣмъ въ дѣвичью. Ему чудилось, что его барышня, что-то очень разстроена; что Марья Ивановна постоянно въ сердцахъ на нее. Дѣвичья была любимымъ пріютомъ Мити въ минуты требующія разсвѣянiя отъ скуки, а иногда и отъ горя. Въ маленькомъ его тѣлѣ негдѣ было расхотиться взволнованному духу, и онъ тѣснилъ, давилъ всю внутренность его, и мутилъ мысли.

Забравшись въ уголокъ на сундукъ, Митя задумался, забился и заснулъ. Страшный сонъ еще болѣе растревожилъ его. Ему снилось, что барышню его гонятъ изъ дому, а его тащутъ къ рѣкѣ, топить.

— Матужки, голубушки, помогите! кричалъ онъ, задыхающимся голосомъ, вскочивъ съ ужасомъ.

— Что ты это съ ума сошелъ, Дмитрій Афанасьичъ! сказала ему Даша, горничная Сары: — ступай къ Вѣрѣ Михайловнѣ.

— Да за что жь это, за что? проговорилъ Митя, еще не пришедшій въ себя.

— Вишь, дурной, заспался какъ!...

— Ухъ! а я думалъ Богъ знаетъ что...

И Митя потянулся.

— Ступай, Вѣра Михайловна зоветь тебя.

— Вѣра Михайловна?.. гдѣ жь она, голубушка Даша?

— Въ своей комнатѣ. Барыня съ барышнями уѣхала въ театръ, а она осталась дома. Скучно вѣрно; такъ велѣла позвать тебя, хочеть послушатьъ твоихъ сказокъ.

— За что жь это не взяли ея въ театръ? спросилъ Митя:—вѣрно барыня разсердилась на нее?

— Сказала, что не поѣдетъ, и не поѣхала. Барыня можетъ-статься и разсердилась.

— Такъ пойду, сказалъ Митя.

— Пстой, пстой; смотри какая встрепаная голова! дай я тебя причешу.

— Причешу, голубушка, Даша.

Даша взяла гребенку, сѣла на стуль, и поворачивая Митю какъ ребенка, начала расчесывать густыя и длинныя его космы.

— Ну, готовъ дитятко!

Митя побѣжалъ въ комнату Сары; пріотворивъ тихонько двери, вошелъ. Сара сидѣла подлѣ столика и читала книгу.

— Вы изволили приказать барышня...

— Митя, ты что хотѣлъ сказать мнѣ, давеча? спросила она, положивъ книгу.

Митя оторопѣлъ; руки и пальцы на рученкахъ его растопырились, глаза неподвижно уставились на Сару.

— Говори, чего ты боишься?

Митя поклонился въ ноги.

— Что съ тобой? Это что значитъ?

— Барышня, сударыня, Вѣра Михайловна...

— Что тебѣ нужно отъ меня?

— Вотъ что, барышня...

— Ну? что такое?

— Вотъ что, барышня, сударыня, Вѣра Михайловна... такъ какъ ужъ извѣстное дѣло... статья можетъ, вы изволите скоро вхатъ... такъ не оставьте, возьмите меня съ собой!

— Я? вду? тебя взять съ собой? повторила изумленная Сара.

— Не оставьте, барышня... самъ батюшка вашъ изволилъ сказать, что возьметъ меня къ себѣ... не оставитъ...

Сара посмотрѣла на Митю.

— Ты зналъ моего отца?

— Да какъ же, сударыня, въ домѣ его сятельства Василья Григорьевича выросъ... Матушка Марья Ивановны выпросила меня себѣ. Поэтому случаю мнѣ дали волю. Я и поступилъ сюда въ домъ.

Сара продолжала пристально смотрѣть на карлика; ей казалось, что онъ въ бреду.

— Не оставьте, барышня, возьмите съ собой къ батюшкѣ! проговорилъ Митя, снова поклонясь до земли.

— Куда жь? на тотъ свѣтъ къ моему батюшкѣ? спросила Сара.

— Господи! вскрикнулъ Митя дикимъ голосомъ:—да нешто батюшка вашъ, его сіятельство, изволили кончить жизнь?.. И Митя, закрывъ лицо руками, зарыдалъ и зашлепался по комнатѣ.

Сара содрогнулась.

— Что это значитъ?.. спросила она сама себя,—что отъ нея скрываютъ?.. что я такое?.. кто мой отецъ? кто моя мать?.. Что говорить этотъ безумный?..

Блуждающій взоръ ея снова остановился на Митѣ, который, упавъ на колѣни и склонивъ голову въ землю, обливался горькимъ слезами.

— Митя! поди сюда! сказала Сара.—Поди сюда, Митя! повторила она.

Митя послушно приподнялся, отирая рукавомъ слезы.

— Что прикажете, барышня? произнесъ онъ всхлипывая.

— Ты помнишь моего отца?

— Князя-то Михайла Васильича?.. добрыйшую душу-то?.. его-то не помнить?

Митя залился снова слезами.

— Не плачь! сказала Сара.

— Барышня... какъ же мнѣ не плакать-то? спросилъ Митя:—вы ужъ можете стать наплакаться... а я-то впервые...

— Ты помнишь мою мать?

— Никакъ нѣтъ, барышня.

— Кто она такая?..

— Не могу знать, барышня... князь, батюшка вашъ, пріѣхалъ одинъ, повидался съ Марьей Ивановной, васъ и привезли сюда малюточку, вотъ такую.

Митя показалъ ростъ выше своей головы.

У Сары занималось уже дыханіе, глаза блистали. Она, казалось, соображала все памятное ей прошедшее.

— Стало-быть меня тайно привезли... никто не зналъ?..

— Привезли за сиротку... горько, барышня, было мнѣ...

— А ты почему зналъ меня?

— Да какъ же... князь Михайло Васильевичъ, сами мнѣ изволили сказать: смотри, говоритъ, Митя... послужи моей дочкѣ... извините, барышня... дочкѣ Вѣрочкѣ, сказалъ батюшка вашъ...

— Довольно, ступай!

— Барышня... Дозвольте только спросить, когда скончался его сіятельство?..

— Ступай! повторила Сара повелительнымъ голосомъ:— ты кажется бредишь!

Митя оторопѣлъ. Глаза его заходили отъ недоумѣнія, съ трудомъ перевелъ онъ дыханіе, и взглянувъ на Сару, какъ испуганный выбрался изъ комнаты.

— Наконецъ... и у меня есть тайна... и я тайна! сказала Сара съ презрительною усмѣшкой.— Въ жилахъ моихъ течетъ княжеская кровь... Я могу теперь съ восторгомъ наслаждаться этою мыслью про себя... но я должна, скрывая ее отъ всѣхъ, скрыть и отъ самой себя, чтобы не нарушить роли бѣдной сироты!.. Но у этой княжеской крови есть свои требованія... есть свои капризы... для нея можетъ быть также нужна пышная обстановка, золото и всѣ земныя драгоценности...

Сара остановилась. Передъ глазами ея какъ будто открылись двѣ пучины: прошедшее и будущее, и она не знала, въ которую изъ нихъ броситься.

— Чѣмъ же мнѣ быть, хоть для самой себя? тѣмъ ли чѣмъ была до сихъ поръ, или чѣмъ должна быть? благодѣтельницаванною сиротой, или княжескою дочерью, которая не нуждается ни въ чѣихъ благодѣваніяхъ?.. Для чего отецъ бросилъ меня въ этотъ домъ? Что, я родная Марья Ивановна, что она обязалась воспитывать меня наравнѣ съ своими дочерьми, взялась замѣнить мнѣ мать?.. Кто жъ эта мать, которую знаетъ только она одна... и скрываетъ отъ меня отца?.. О, да это страшная мысль!.. я, не я, а какое-то привидѣніе: есть и нѣтъ! какое-то страшлище, которое также народилось отъ отца и матери, и котораго они боятся, не знаютъ что съ нимъ дѣлать, и отталкиваютъ другъ къ другу!.. Ни тамъ, ни здѣсь мнѣ нѣтъ до ступу къ правамъ дочери!

Сара закрыла лицо руками и долго оставалась въ этомъ положеніи.

— О, да это правда! произнесла она почти въ слухъ,— мой отецъ... это онъ, князь Луцкій!.. онъ былъ ея женихомъ... это ужъ не тайна въ домъ... и вдругъ я являюсь здѣсь дочерью какой-то бѣдной матери!.. Да! правда!.. бѣдная мать, которая не смѣетъ назвать дочери своею до-

черью!.. А я, непризнанная... я, какое имѣю право ласкаться къ ней?.. Въ этомъ родительскомъ домѣ, мнѣ все чужое, этого угла я не могу назвать своимъ...

Сара вскочила съ мѣста; но взволнованныя чувства мегали ее во всѣ стороны. Она вышла изъ своей комнаты и пробѣгая корридоръ, залу, гостиныя, казалось искала посреди темноты, какого-нибудь для себя пріюта. Въ то же время все въ домѣ засуетилось. Офиціанты вбѣжали зажгаты канделябры; и въ залѣ послышался голосъ старой тетушки.

— Не пріѣхали еще? А гдѣ же Вѣрочка?

Скрыться отъ Авдотьи Петровны было некуда. Сара вышла на встрѣчу ей.

— Что это ты, милая, осталась дома? Балетъ прекрасный, хоть я признаться не охотница до теперешнихъ балетовъ.

— Я также не люблю балетовъ, отвѣчала сухо Сара.

— И умно; за это хвалю тебя. Въ наше время бывали балеты; но эти феи и корифеи не показывались во всей натуральной своей красотѣ. Есть всему мѣра... тутъ я никакого изящества не вижу...

— А Авдотья Петровна уже здѣсь? послышался голосъ Потапа Савича.— Авдотья Петровна!

— Что, батюшка?.. И ты смотрѣлъ на голую миѳологію?

— Смотрѣлъ, Авдотья Петровна, что жь дѣлать! что показываютъ, на то и смотришь.

— Такъ, такъ, батюшка; тебѣ хоть что покажи, ты на все будешь смотрѣть. А князь-то Иванъ туда же глаза палить, да аплодируетъ. Ужъ по мнѣ хоть бы женился да остепенился.

— Въ семьдесятъ-то съ годочкомъ? помиуйте Авдотья Петровна, что еще онъ за женихъ! Время не ушло; а между тѣмъ, нельзя же, молодость, вѣтреность: какъ не увлекаться?

— Да, я знаю, что онъ увлекается, и, несмотря на скудость, очень щедръ въ своихъ увлеченіяхъ.

— Князь Иванъ Юрьичъ, человекъ вкуса, цѣнитель всего изящнаго въ природѣ. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

— Неужели?

— Непремѣнно. Онъ узналъ, что Вѣра Михайловна не

была въ театрѣ, и потому прѣдетъ навѣдаться объ ея здоровьѣ.

— Слышишь, Вѣра, какая тебѣ честь? сказала Авдотья Петровна, садясь на диванъ.

Сара, не обращая вниманія на ея слова, также сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Ты конечно будешь довольна этимъ?

— Чѣмъ, Авдотья Петровна? спросила Сара.

— Ахъ, мать моя, я вѣдь не арію пѣла, что ты мнѣ кричишь фора. Митя!

Мити не было, онъ лежалъ въ своей комнатѣ, какъ въ уреду.

— Митя! повторила Авдотья Петровна.

— Что прикажете, Авдотья Петровна? спросилъ Потапъ Савичъ.

— Ахъ, мой батюшка, ты не Митя... ну, да ужъ еслп вызвался, такъ вели подать стаканъ воды... гдѣ жь мой пажъ, Митя?

Сара ничего не отвѣчала.

Авдотья Петровна посмотрѣла на нее.

— Насилу прѣехали! сказала она входящей Марьѣ Ивановнѣ съ дочерьюми.

Вслѣдъ за ней явился и Иванъ Артемьичъ и его партнеры; потомъ нѣсколько дамъ почтенныхъ лѣтъ, привыкшихъ оканчивать день счетами за игру; а наконецъ явился и князь Иванъ Юрьичъ. Онъ обратился прямо къ Сарѣ.

— Вы нездоровы, Вѣра Михайловна?.. Я тотчасъ же замѣтилъ, что васъ нѣтъ въ театрѣ...

— Да, я чувствую, по временамъ, что-то въ родѣ тика.

Князь излился въ сожалѣніяхъ.

— Ужасный климатъ, ужасный климатъ! и нѣтъ возможности принять предосторожностей; напримѣръ, во время развѣздовъ изъ театра, съ баловъ...

— Извините, князь, я удаюсь отъ шуму... каждое рѣзкое слово отдается въ голову...

— Я также не охотникъ до этого говору, изъ котораго ничего не вынесешь кромѣ гриппа.

Князю предложили карточку, но онъ отказался и продолжалъ бесѣду съ Сарой.

— Лонскій былъ у тебя, Маша, въ ложѣ? спросила Ав-

дотья Петровна, отводя Марью Ивановну въ сторону и садясь съ ней.

— Былъ, тетушка.

— Что ты его не приглашаешь на вечера? Хоть онъ и молодецъ, а все-таки чай играетъ въ карты. Теперь не то, что въ бывалыя времена. Въ антрактахъ Лидія сыграла бы что-нибудь одна или съ сестрой. Таланты дочерей надо выставлать, моя милая; а иначе для чего было и учить чему-нибудь... Бывало отцы и матери рѣшались дѣло и конечно...

— Я намѣрена была пригласить его, прервала торопливо Марья Ивановна,—во избѣжаніе исторіи прошедшихъ временъ; но онъ вошелъ, сказалъ нѣсколько словъ о балетѣ, обратился къ Лидіи... Я стала смотрѣть въ луну, оглянулась—его ужъ нѣтъ, и совсѣмъ исчезъ; даже не возвращался въ партеръ на свое мѣсто.

— Какая глупая и неучтивая теперь молодежь!.. Пришелъ, такъ слѣдовало бы присидѣть по крайней мѣрѣ весь антрактъ, если не пригласять остаться въ ложѣ. Придти, поклониться и уйти! Кто жъ нуждался въ его поклонѣ!.. Однакоже, онъ замѣтно отличаетъ Лидію. Да и ей, кажется, нравится, если не онъ, такъ его мундиръ. Какъ ты думаешь?

— Мнѣ бы эта партія была по душѣ. Хорошей фамиліи, съ хорошимъ состояніемъ, хорошъ собою...

— На хорошей дорогѣ, и все было бы хорошо, прервала Авдотья Петровна;—онъ пожалуй и влюбится въ Лидію, да она-то, простушка, будетъ вздыхать про себя, да поглядывать украдкой; тѣмъ и кончится. Это не то что вонъ эта.. эта хоть въ комъ раздуется искра въ пожаръ. Смотри пожалуй какъ распоряжается князь Иваномъ: того и гляди что женить на себѣ.

— Что жъ, я бы очень была рада.

— Ну, тебѣ простительно такъ думать: лишь бы пристроить; а я не люблю такихъ несообразностей. Потапъ Савичъ очень умно замѣтилъ про князя, что ему еще рано жениться; а я скажу про нее, что она еще не доросла до того, чтобы быть княгиней. У меня есть на примѣтѣ женихъ по ней.

— Кто такой, тетушка?

— Посаѣ скажу. А теперь надо подумать о Лидіи, да

посѣбить ей. На дняхъ, я устрою музыкальный вечеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попляшутъ. Скажи-ко Людѣ, чтобы приготовилась сыграть что-нибудь... Говорю тебѣ, что таланты надо выставлать наружу; иногда и грошевыми много выигрываютъ; а у ней очень замѣчательный.

— Она превосходно играетъ новую піесу *Marche triomphale*, и вариаци *Товарищи гусары*, превосходно! Я велю ей хорошенько посидѣть надъ этими піесами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Умно! Со стороны ея очень откровенно, а со стороны твоей самый деликатный намекъ, что дескать изволите видѣть, какъ мы вамъ занимаемся, какъ намъ по сердцу гусары. И въ моемъ-то домѣ будетъ такое торжественное объявленіе! Нѣтъ, мать моя, я въ число большесвѣтскихъ дуръ не намѣрена записываться!.. И для самого-то его хорошъ выборъ! Человѣку и свои-то полковые марши надоѣли, а тутъ его угощаютъ маршами, да товарищами гусарами. Поневоля покраснѣешь, да уйдешь!

— Такихъ тонкостей, тетушка, и въ голову никому не придетъ!

— Что и говорить; у васъ теперь вообще ничего въ голову не идетъ. Глаза, уши, языкъ, да и всѣ пять чувствъ превосходныя, а вотъ тутъ—пусто.

Марья Ивановна молчала; но снова въ предупрежденіе сравнительнаго трактата о прошедшемъ и настоящемъ, она обратилась за помощью къ Потану Савичу, который проходилъ мимо.

— Вы, кажется, были и вчерась въ театрѣ?

— Какъ же, былъ-былъ-былъ, отвѣчалъ Потанъ Савичъ.

— Что играли?

— Что играли?.. Да! вѣдь я прѣхалъ къ дивертисману: выходъ Французовъ изъ Москвы, или какъ гостей встрѣчаютъ и провожаютъ. И что же! весь *chœur de ballet*, наряженный въ сарафаны и въ красныя рубахи, съ кочергами, ухватами и вилами въ рукахъ, танцуетъ французскую кадрили!.. Я ахнулъ отъ такой несообразности; но тутъ мнѣ замѣтили, что нельзя же танцовать на сценѣ трепака подъ балалайку, да и фигурантки не захотятъ унижаться до этой степени. Вотъ вамъ и дивертисементъ; а главнаго-то, вступленія Наполеона въ Москву и встрѣчи его, нѣтъ! Главнаго-то и нѣтъ, начала-то, вступленія-то и въ дивертисманъ и въ Москву—и нѣтъ!

— Да какъ же ты представишь это? сказалъ Петръ Андреевичъ, играя въ карты и вслушавшись въ разказъ Потапа Савича.

— Какъ? какъ представить такую великую эпоху?

— Ну, представь представь, мы послушаемъ послушаемъ... вотъ только сосчитаться...

— И мы послушаемъ, сказала одна изъ почтенныхъ дамъ, вставая изъ-за игорнаго стола,—мы также кончили партію.

И все начало окружать Потапа Савича.

— Еслибы самъ Наполеонъ, сказалъ Потапъ Савичъ, — былъ окруженъ такими почтенными особами обоого пола, то безъ сомнѣнія и онъ бы положилъ оружіе предъ вратами Москвы. Но этой чести онъ не удостоился, и обстоятельства приняли слѣдующій оборотъ:

Предетавьте себѣ, милостивые государи и государыни, Наполеона на Поклонной горѣ. Положимъ, это Поклонная гора, я Наполеонъ, вы его свита, Анна Петровна на-примѣръ маршалъ Даву, ея сіятельство Катерина Феодоровна—Дюкъ-де-Тревизо, ея превосходительство Варвара Сергѣевна—Лессепъ, и такъ далѣе. Вся прочая почтеннѣйшая публика—великая армія, la grande armée. Вдали Москва. Наполеонъ смотритъ въ трубу... смотритъ долго, изумляется и говоритъ: „Bâtie, comme Rome, sur sept collines, Moscou, avec ses nombreux minarets, offre un aspect des plus pittoresques!“

Анна Петровна, Варвара Сергѣевна, извольте повторять: des plus pittoresques, Votre Majesté!“... Смотритъ еще, смотритъ часъ, смотритъ другой; Сухарева башня выросла уже въ глазахъ его, выше Вавилонской, а между тѣмъ надлежащія побѣдителю — слава и почести не являются, ключей отъ города не несутъ, Московская буржуазія, съ хлѣбомъ и солью, на встрѣчу не выходитъ...

„Скионы! въ двадцать четыре столѣтія не измѣнились! по сію пору здѣсь продолжается древняя исторія! какъ Дарій за VI вѣковъ до христіанской эры, я пришелъ въ необозримыя пустыни, населенныя номадами!“

Такъ восклицаетъ великій полководецъ, и тутъ рождается въ головѣ его великая мысль устроить для Скионовъ *отеческое правленіе*—municipalité paternelle...

— Однако же пора вывзжать изъ Москвы, сказалъ старый князь Яковъ Феодоровичъ, взявшись за шляпу.

— Пора, пора, князь; а то Наполеонъ забереть насъ и пѣвнѣ и продержитъ до завтра... Прощай, Маша...

Въ слѣдъ за тетушкой Марьи Ивановны и всѣ поднялис

— Вотъ, извольте у насъ дѣлать толковыя представлѣнія! сказалъ Потапъ Савичъ, взявшись также за шляпу раскланиваясь.

Х.

Домъ Авдотьи Петровны былъ открытъ для всего московскаго міра, ежедневно, съ часу пополудни до часу даже до двухъ полночи. Утро свое проводила она въ комнатѣ подлѣ спальни. Это былъ ея кабинетъ и образна гдѣ цѣлая стѣна занята была иконостасомъ божьяго милосердія, драгоценными старинными иконами, въ золоты и шитыя золотомъ и шелками ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Возставъ отъ сна, она отправлялась въ приходскую церковь къ заутрени, ранней обѣднѣ, или садилась читать Евангеліе, псалты и славимое въ тотъ день житіе святаго въ прологѣ и Четырехъ Минеи. Потомъ кушала чай, дѣлала свои распоряженія въ заключеніе раскладывала гран-пасьянсъ. Напротивъ не подлѣ стола, почти постоянно сидѣли двѣ отцвѣтающія дѣвы, Оеклуша и Даша, и вязали или штопали чулки, держав ихъ передъ самымъ носомъ. Это были тѣ самыя двѣ дѣвы о которыхъ упоминала она Марья Ивановнѣ, и которыя воспитывались у нея на полу съ чулкомъ въ рукахъ. Ихъ успѣхи въ возрастѣ и вязаньѣ, онѣ перешли сперва на стулья въ углу комнаты, а наконецъ достигли почта сидѣть у стола напротивъ Авдотьи Петровны.

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ науки, онѣ много связали чулковъ съ узорами для Авдотьи Петровны, и простыхъ для себя, много надвязали, перештопали; но отъ трудовъ ихъ оставалось и слѣда, и по собственной ихъ пословицѣ: „въ живи, вѣкъ вяжи“, онѣ продолжали вязать, но вязали уже не упустивъ петли, наизусть, сидя, ходя, разговаривая даже дремля. При разговорѣ о ниткахъ прежнихъ временъ и новыхъ временъ, онѣ со вздохомъ упоминали, что паленки прежнихъ временъ выносили болѣе трехъ надвялокъ а въ настоящее время, слава тебѣ Господи, если и одинъ разъ уаестся надвязать.

Надо однакоже замѣтить, что Авдотья Петровна приспособила ихъ и къ нѣкоторымъ вѣдомствамъ въ домѣ.

Феклаша завѣдывала содержаніемъ картъ и сборомъ денегъ за карты, во время игры, которая происходила ежедневно, съ указаго часа по указный, столахъ на пяти, шести и болѣе. Касса расходовалась, во первыхъ, на карты, марки и мѣлаки; а вторыхъ на освѣщеніе, и частію на ливреи официантамъ.

— Изъ собственныхъ доходовъ я не намѣрена потѣшать публику, говорила Авдотья Петровна.— Не намѣрена и дарить карточные деньги людямъ: сопьются съ ума, собьются съ пути.

Даша завѣдывала чаемъ, кофею и вообще питейною и лакомю частью.

При Авдотьѣ Петровнѣ, онѣ сидѣли молча, въ ожиданіи ея вопроса или приказа; въ отсутствіи же ея, неугомонно ворчали другъ на друга, ворчали до слезъ, до кашля и до насморка, но ворчали только между собой, не довѣря никому взаимно наносимыхъ огорченій. Когда возвращалась Авдотья Петровна, или кто-нибудь входилъ въ комнату, онѣ жаловались единственно на простуду.

Причиной всѣхъ огорченій были во первыхъ споры возникшіе изъ пересказовъ другъ другу всего того что удавалось имъ слышать или подслушать въ гостиной, вторыхъ—ревность, возгорѣвшаяся изъ соревнованія угощать усатаго Павла Ивановича Четкина, который былъ нерѣдко ихъ собесѣдникомъ.

Онѣ не называли другъ друга по имени, но просто вы; потому что называть другъ друга Феклашей или Дашей слишкомъ было бы просто и обидно; а Феклой Трифоновой и Дарьей Парентьевной слишкомъ почтительно.

Формула разговора ихъ была ни дать ни взять неизмѣнно слѣдующая:

— Ну что вы говорите? точно какъ будто у меня у самой ушей не было!

— Что жь, по вашему, я лгу?

— Лгать не лжете, а обслышались.

— Обслышадась! вы вѣрно считаете меня за глухую!

— Съ чего вы это взяли?

— Съ чего! странное дѣло! прямо въ глаза неприятности

говорять, да потомъ словно дуру увѣряютъ! Я своихъ выдумокъ не выдаю за правду!

— Такъ по вашему я говорю выдумки? Такъ я и вчера выдумала, что княгиня Анна Григорьевна не доплатила двадцати копѣекъ за карты?

— Извините! я не говорила этого на счетъ вашъ, а только поусумнилась: возможное ли дѣло, чтобы княгиня Анна Григорьевна не доплатила двадцати копѣекъ!

— Стало-быть вы увѣрены были, что я положила ихъ себѣ въ карманъ!

— Не правязывайтесь, пожалуйста! Мнѣ что за дѣло до вашихъ кармановъ!

— Это все равно, что назвать меня воровкой, очернить въ глазахъ Адотьи Петровны, чтобъ она лишила меня своей довѣренности, чтобы выгнала изъ дому!

— Напрасно! и не думала! не извольте клеветать на меня можете клеветать на кого угодно, хоть на Павла Ивановича, что онъ набиваетъ конфетами карманы!

— Зачѣмъ же ему трудиться? Вы и сами завернете ему въ бумажку...

— Извините, я ему дала только бумажку, а конфеты не я давала, а можетъ-быть вы!.. У васъ есть чѣмъ подчивать его, и чаемъ, и шеколадомъ, и конфетами... Вѣдь это у васъ все на рукахъ; а мнѣ нечѣмъ его подчивать.

— Видите, какія штуки! я дескать прикармливаю его!.. А карточки-то? онъ еще подороже чашки чаю.

— Какія это карточки? играля-то?

— Игралы-то; небось, скажете, я его снабжаю. Да не беспокойтесь, не женится на васъ.

— Вѣрно на васъ женится! Не даромъ Авдотья Петровна говорила Ивану Ильичу, что за службу его дастъ сыну управительское мѣсто, невѣсту да и все приданое. Кому жъ ей давать приданое, какъ не вамъ!

Эти слова и затронули Оеклашу, и навели на нее сомнѣнiе.

— Передъ вами! сказала она прослезясь:— тутъ трудись какъ хочешь... завѣдывай покупками... хоть разъекономь... а спасибо не скажутъ, только слышишь упреки... то дорого купила, то переплатила!.. А какъ придуть съ доходами за карты столовъ съ десяти, такъ и „на-ко тебѣ изъ пряники къ свадьбѣ“...

Слезамъ спорныя бесѣды и кончались, наставало молчаніе, или воркотня про себя.

Дни за два до музыкальнаго вечера у Авдотьи Петровны, началась въ домѣ суматоха, и Феклуша, и Даша заходили шестерней. Подобныя исключенія изъ общаго хода дѣла по части препровожденія времени дѣлались только тогда, когда Авдотья Петровна замышляла какое-нибудь особенное дѣло. Внучки выросли, надо ихъ пристраивать. Не говоря уже объ Иванѣ Артемьевичѣ который думалъ только о своемъ вѣстѣ да о коллекціяхъ рѣдкостей, Авдотья Петровна не полагалась и на Марью Ивановну. А дѣвочки,—что жь дѣвочки? еще глупы, да и Богъ вѣсть наберутся ли ума въ вышшемъ обществѣ; вѣдь это не то что бывало. На этомъ основаніи Авдотья Петровна рѣшилась сама заняться судьбой внучекъ, и на первый разъ позаботиться, чтобы не упустить изъ рукъ выгодную партію для Лидіи.

Распорядясь всѣмъ что нужно было въ домѣ, что приготовить, что изготовить, она, въ утро, наканунѣ музыкальнаго вечера, раскладывая пасьянсъ, обдумывала, какъ всему быть. Ей доложили, что пріѣхалъ Иванъ Ильичъ Четкинъ.

— И кстати; зови его.

Надо сказать, что Иванъ Ильичъ ходилъ и по ея тяжбымъ дѣламъ, и ходилъ съ успѣхомъ. вмѣсто всѣхъ вознагражденій, онъ просилъ ее о мѣстечкѣ сыну. Казалось бы, что это за вознагражденіе, что за важность—мѣстечко сыну. Но Ивану Ильичу очень важно было сократить свой расходъ на тысячу рублей въ годъ. Авдотья Петровна, какъ основательный человекъ, велѣла ему привезти сына къ себѣ на показъ.—Человѣкъ не лошадь, батюшка, говорила она ему, а все-таки не мѣшаетъ въ зубы посмотреть. Иной съ норовомъ, иной съ лѣнью, а иного хоть на живодерню.

Иванъ Ильичъ и представилъ ей сына.

— Бравый молодецъ. Военный?

— Въ отставкѣ поручикомъ-съ.

— Садись-ко, садись; да позволь узнать имя?

— Павелъ Ивановичъ.

— Что Ивановичъ-то, я бы сама догадалась. Ну, экзаменовать мнѣ тебя не въ чемъ; а спрошу: въ карты играешь?

— По маленькой-съ, иногда играю.

— Эту науку онъ прошелъ хорошо, да и дома частенько повторяетъ, прибавилъ Иванъ Ильичъ.

— Что жь, и это наука. Умно играть, можно жить. Конечно, молодому человеку можно и подвѣявѣ чѣмъ заняться. Да вотъ, посмотримъ. А между тѣмъ ты пожалуй ко мнѣ.

До открытія вакансіи какого-нибудь мѣстечка, Авдотья Петровна прикомандировала сына Ивана Ильича къ себѣ на вечера. Ей необходимъ былъ подставной по маленькой, въ случаѣ недостатка въ партнерѣ, для игры съ старушками или съ барынями, которыхъ также необходимо было иногда занять работой.

Эти случаи были часты и довольно выгодны для Четкина; потому что, при проигрышѣ, Авдотья Петровна не допускала его расплачиваться: „Позволь, батюшка, позволь; вѣдь я тебя за себя посадила.“ Какъ дежурный, въ ожиданіи порученія, онъ могъ прогуливаться по комнатамъ, играть съ фиделькой и мимшкой, садиться подлѣ какого угодно стола зрителемъ, и ахать вмѣстѣ съ играющими на какую-нибудь чрезвычайную игру или неожиданную взятку. Вскорѣ однакоже Четкинъ попривыкъ въ домѣ, ознакомился съ дѣвцами Феклой Трифоновной и Дарьей Парфентьевной, и съ этого времени проводилъ свободные отъ занятій часы въ приятной бесѣдѣ съ ними. Онъ угощали его и лишнею чашечкой чайку, съ сухариками, и оставшимися фруктами, и вареньицемъ и мороженымъ, и разною водицей, и всегда спрашивали не хочетъ ли онъ до ужина выпить сладенькой и закусить пирожкомъ, оставшимся отъ обѣда. Это подчиванье съ двухъ сторонъ, на перебой, разстроило бы непременно желудокъ Павла Ивановича, еслибы соревнованіе Феклаши и Даша, какъ уже было упомянуто, не обратилось въ ревность. Все дѣло вышло изъ-за чашки чаю. Выпивъ за себя четыре чашки, по просьбѣ Феклаши онъ выпилъ за нее насильно пятую; но никакъ уже не могъ пить шестой, которую ему предложила Даша. Обида!

— Что жь это вы насильно подчиваете его! сказала Феклаша.

— А съ какой же стати вы-то его подчиваете? Вы, что ли, угощаете чаемъ? Да и всѣ угощенья—мол, а не ваша забота.

— А вы-то съ чего угощаете чужимъ добромъ!

Далѣе и далѣе, и разгорѣлось.

Когда Марья Ивановна давала парадный балъ, переезъ вывозомъ дочерей въ свѣтъ, Авдотья Петровна предложила ей пригласить Четкина на случай необходимости въ парт-

веръ или въ кавалерѣ. Этимъ кавалеромъ и воспользовалась, какъ мы уже видѣли, Сара, и продолжала пользоваться, вѣроятно не воображая, что у Четкина, при огромныхъ усахъ, было и самолюбіе сверхъ таксы.

Сперва онъ сталъ охарашиваться въ зеркало, про себя; потомъ, покручивая усы, намекать матери, что передъ нимъ преклоняются сердца перваго сорта. Она тотчасъ же поняла его къ допросу, и довела до сознанія.

— Воспитанница? Ну, это еще не важное дѣло; я думала что-нибудь получше.

— А что жъ вы думаете, мамѣ, объ этой воспитанницѣ? сказалъ затронутый Павелъ Ивановичъ.— Вы думаете, что я такъ и польщусь на какую-нибудь? Да вы посмотрѣли бы, что за красавица, да какъ передъ ней все ползаетъ. Первая красавица по всей Москвѣ. А вы думали, что это такъ себѣ, бѣдная сиротка?

— Кто жъ она такая? а?.. да ну, говори, Паша!

— Не могу-съ; это куда тайна-съ.

— Да говори, Паша! что ты скрываешь отъ матери!

— Не могу-съ!

— Даю тебѣ слово, побожусь, что никому не скажу!

Павелъ Ивановичъ погладилъ усы, расчесалъ хохлы пятью пальцами, и сказалъ за тайну, что воспитанница Лиговская, дочь князя Ивана Юрьевича, наследница его; а скрываютъ это потому, что родныя заведутъ тяжбу.

— Аа! вотъ теперь понимаю. Ай Паша! пай-дитя!

И мамѣ поцѣловала сына въ голову и погладила.

— Только я думаю, прибавила она,—что надо этимъ дѣломъ торопить; того и гляди узнаютъ да отобьютъ.

— Насчетъ ее я не боюсь; а думаю, какъ бы приступить къ дѣлу.

— Ахъ ты фалелей! Отца на ноги, да и просить Авдотью Петровну. Не худо и самому тебѣ объяснить ей, что вотъ такъ и такъ, дѣвушка не равнодушна...

— Нѣтъ, пусть батюшка поговорить, мнѣ какъ-то совѣстно самому.

Итакъ дѣло было рѣшено, тайна открыта отцу. Онъ хотѣлъ было пожать плечами; но не успѣлъ. На него натянули фракъ, дали въ руки шляпу, и отправили къ Авдотѣ Петровнѣ.

Вотъ онъ и прибываетъ къ Авдотѣ Петровнѣ, и какъ уже мы сказали, она велѣла его звать.

— Садись-ко, Иванъ Ильичъ.

Иванъ Ильичъ поцѣловалъ ея ручку и присѣлъ.

— Кстати ты пріѣхалъ. Вотъ что, батюшка: у меня есть невѣста для твоего сына. Дѣвушка воспитанная, очень умная. Я принимаю въ ней участіе, стало-быть жениться на ней хоть и не твоему сыну. Но за твои мнѣ услуги, я бы хотѣла, чтобъ это состоялось. Приданое можетъ-быть есть, а можетъ-быть нѣтъ; но во всякомъ случаѣ она не совсѣмъ будетъ безприданница. Какъ только введутъ меня въ имѣнье, о которомъ ты хлопоталъ, такъ я дамъ ей изъ него деревню Кулиши, сорокъ душъ, а сынъ твой поступаетъ въ управляющіе всѣмъ имѣніемъ съ окладомъ въ тысячу рублей и на всемъ моемъ содержаніи. Хорошо ли это?

Иванъ Ильичъ всталъ и низко поклонился.

— Авдотья Петровна, сказалъ онъ,—это истинно было бы благодѣяніе и для меня и для сына... Да вѣдь дуракъ-то мой, того и гляди въ лѣсъ уйдетъ...

— Что такое, батюшка?

— Я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами... Не спросясь броду, онъ полѣзъ въ воду. Влюбился, да говорить, что и со стороны дѣвушки видить къ себѣ особенное вниманіе... А я, право не знаю, какъ и вѣрить тому, да и возможное ли это дѣло...

— Да говори, договаривай, Иванъ Ильичъ: въ воду онъ полѣзъ, или не въ свои хоромы?

— То-то и кажется мнѣ...

— Ну?

— Вамъ извѣстно, что у ея превосходительства Марьи Ивановны дочка есть...

— Дѣвъ, батюшка; ну, что еще?

— Такъ вотъ его желаніе.

— Желаніе жениться на моей внучкѣ? перекрестись, батюшка!

— Помилуйте, Авдотья Петровна. смѣлъ ли бы я съ такимъ предложеніемъ явиться къ вамъ!

— Да съ какимъ же ты пришелъ предложеніемъ? Вѣдь ты, отецъ мой, говоришь про дочь моей племянницы.

— Никакъ нѣтъ, Авдотья Петровна, я имѣлъ въ предметъ воспитанницу Марьи Ивановны...

— Это другое дѣло; такъ бы и говорилъ; ха, ха, ха, ха!

ну, сошлись съ разныхъ сторонъ сваты, да съ одной и той же пѣснью. Смѣшное дѣло!

— Я зналъ, Авдотья Петровна, что это будетъ смѣшное дѣло.

— Ничего, я не въ претензіи, что сынъ твой самъ при-
сватался; тѣмъ еще лучше. Что я сказала, то исполню.
Скажи ему, что я его и сваха, и буду посаженою матерью,
а завтра пусть прѣзжаетъ ко мнѣ на вечеръ. Предметъ
любви его будетъ здѣсь. Медлить незачѣмъ, пусть объя-
вить ей свое желаніе, а за согласіемъ моей племянницы
дѣло не станетъ; завтра же, пожалуй, и объявимъ жениха
и невѣсту.

— Авдотья Петровна! проговорилъ неожиданно обрадо-
ванный Иванъ Ильичъ, цѣлуя ея руку.

— А презабавный случай! сказала про себя Авдотья
Петровна, когда вышелъ Иванъ Ильичъ. — Скажите пожа-
луйста! да она умница! точно какъ отгадала мою мысль и
успѣла уже накинуть арканъ на усатаго молодца!.. право
умница! Не таращится и не карабкается куда не слѣдуетъ.
А я было согрѣшила, подумала... Князь Ивана долго ли
опутать... пожалуй и Маша помогла бы... А правду говоря,
глупъ и не по ней этотъ усатый Четкинъ!.. Что мазнула
ему хвостомъ по губамъ, это можетъ быть; а чтобы добро-
вольно протянула къ нему мордочку... нѣтъ! этотъ звѣрокъ
не такъ глядитъ! развѣ только одно: воли скорѣй захотѣла.

Продолжая раскладывать пасьясъ, Авдотья Петровна
позволила и крикнула:—Дѣвушка! кто тутъ есть?.. Поди,
матушка, скажи Федькѣ, чтобы сѣлъ верхомъ, да ѣхалъ къ
Марьѣ Ивановнѣ и просилъ ее заѣхать сегодня ко мнѣ.

Только что вышла дѣвушка, вошелъ человѣкъ съ докла-
домъ, что прѣехала Варвара Сергѣевна.

— Ну, не время, да проси; пусть покуда что-нибудь
побогатѣетъ. Проси сюда, я въ гостиную не выйду.

Варвара Сергѣевна была пожилыхъ лѣтъ дама, важной
осанки; но очень худоцавая собой, и видимо питавшаяся
только новостями и пересудами.

— Заѣхала на минутку навѣдаться, сказала она входя
и садясь.—Что, какъ вы, Авдотья Петровна?

— Да вотъ, какъ видишь.

— На дворѣ кажется не холодно, а ужасно какой холод-
ный вѣтеръ.

— Спасибо ему, что занесъ тебя ко мнѣ. Что скажешь?

— Пріѣхалъ говорятъ Листъ, будетъ концерты давать; какъ это интересно!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. У васъ новый рояль въ залѣ. Не намѣрены ли вы пригласить его на вечеръ?

— Нѣтъ, это для внучекъ.

Послѣ долгихъ прелюдій, Варвара Сергѣевна подѣхала наконецъ къ музыкальному вечеру.

— Да, будетъ покуда пробный. Нельзя же приглашать слушать Лидію, не испытавши въ состояніи ли она угощать своею игрой.

— Помилуйте, да она виртуозъ, кто жъ не послушаетъ ея съ удовольствіемъ!

— На первый разъ я никого не приглашаю, кромѣ участвующихъ въ игрѣ. Завтра можно сказать будутъ сыгрываться; а потомъ мы посмотримъ.

— Ахъ, да репетиція по мнѣ любопытнѣе; на репетиціи нѣтъ конфуза!

— Ужъ въ такомъ случаѣ, матушка, лучше приглашать всѣхъ на репетицію.

Варвара Сергѣевна промолчала, скрывая досаду. Начала было собираться, встала; но какъ будто вспомнивъ что-то, снова присѣла.

— Да! Дошли до васъ, Авдотья Петровна, недѣльные-то слухи на счетъ воспитанницы Марьи Ивановны?

— Какіе еще, мать моя?

— Представьте себѣ....

Варвара Сергѣевна подошла къ Авдотьѣ Петровнѣ и что-то прошептала ей на ухо.

— Чтò-жь, и прекрасно придумано, сказала Авдотья Петровна;—это богатые слухи: скорѣе выйдетъ замужъ... Мало ли дураковъ, которые принимаютъ и слухи за чистыя деньги.

— Но такой вещи ужъ конечно никто не повѣритъ.

— Полно, мать моя, вѣрять да еще какъ; въ газетахъ напечатаютъ, радеховъки, что есть чтò разнести по городу, да покачать головою.

— Я этого терпѣть не могу.

— Про тебя кто и говорить. Спасибо хоть мнѣ сказала.

— Прощайте, Авдотья Петровна.

— Прощай, Варвара Сергѣевна!

Авдотья Петровна снова начала раскладывать пасьянсъ и разсуждать сама съ собою.

— Пожаловала князь Ивана въ отцы Вѣрушкѣ!... А въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра въ домъ у Маши, князь Иванъ какъ на дежурствѣ. Восхищается ею, глазъ съ нея не сводить... Еслибъ я не знала Маши, чего добраго, то же готова была бы повѣрить. Поди, дѣлай благодѣянія; а потомъ и тягайся за свое добро... Чу, кажется Маша, прѣвѣтала... Ея голосъ... Сыграю же я съ ней комедію.

— Здравствуйте, тетушка! вы хотѣли меня видѣть?

Авдотья Петровна продолжала молча раскладывать пасьянсъ.

— Здравствуйте, тетушка, повторила Марья Ивановна, подходя къ ней.—Что это значитъ? вы сердитесь на меня?

— Я? на тебя? ты съ чего жь взяла это, милая?..

— Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ показалось.

— Когда я вижу, что ко мнѣ нѣтъ довѣренности; если я слышу со стороны то, что должна бы знать прежде всѣхъ,—разумѣется для меня подобныя новости непріятны; а чтобы сердиться? не стоить!

— Что такое, тетушка? какія новости? спросила Марья Ивановна съ изумленіемъ и пожавъ плечами.

— Тебѣ я думаю лучше извѣстно что ты отъ меня скрывала и скрываешь.

— Я, скрывала и скрываю?

— Да.

— Скажите, тетушка... я не понимаю.

— Я говорю, моя милая, насчетъ княжны Вѣры Михайловны.

Эти неожиданныя слова поразили Марью Ивановну, она смутилась и побѣдѣла.

Авдотья Петровна, взглянувъ на нее, столь же неожиданно поражена была ея смущеніемъ, и разыгрываемая комедія обратилась въ драму.

— Да, Маша... я не думала... я не ожидала этого отъ тебя!.. дѣлать безъ совѣта моего; потомъ выдумывать сказки, дурачить меня!.. Нѣтъ, это ужь слишкомъ, и для моихъ лѣтъ и для моей любви къ тебѣ!

— Тетушка! проговорила Марья Ивановна дрожащимъ голосомъ.

— Что тебѣ угодно, моя милая? Садись, ты упадешь.

— Тетуська, не вижите меня... я не могла поступить иначе... Вы знаете, что я шагу не дѣлала безъ вашего согласія... и совѣта...

— Вижу, вижу, моя милая, вижу!

— Повторяю вамъ, что я не могла, не имѣла права объявить вамъ этой тайны насчетъ Вѣры...

— Не могла, моя милая! Не могла, ну и кончено!

— Луцкій умолялъ меня именемъ Бога, не говорить никому, потому что...

— Что-о? князь Луцкій? онъ умолялъ тебя? произнесла съ новымъ изумленіемъ Авдотья Петровна, положивъ колоду картъ на столъ.

— Да, тетуська, отвѣчала вся взволнованная Марья Ивановна.—Поймите же меня, что я не могла...

— Понимаю, понимаю, теперь понимаю!.. Подобныя вещи, кто жъ не таитъ! Такъ вотъ какія сношенія были у тебя съ Луцкимъ? поздравляю!

— Что вы хотите этимъ сказать, тетуська? произнесла съ достоинствомъ Марья Ивановна: — на меня не могутъ падать никакія подозрѣнія!.. Я никогда не преступала своихъ обязанностей... Тайна Луцкаго не моя тайна!.. Исполняя просьбу его, я думала что дѣлаю добро, и не предвидѣла тѣхъ неудовольствій, которыхъ причиною стала дочь его.

Авдотья Петровна поняла искренность чувствъ и словъ племянницы.

— Маша, душая моя, разкажи же мнѣ скорѣй какъ все было, успокой меня!... Ты знаешь какъ я тебя люблю!..

— Тетуська, сказала Марья Ивановна, обнимая ее,— я вамъ разкажу все. Неожиданно и непредвидимо упала на меня эта бѣда... Но, согласитесь, что сохраняя несчастную память о Луцкомъ, могла ли я отказать ему въ просьбѣ взять на воспитаніе дочь его.

— Да откуда жъ онъ взялся, Маша, откуда у него дочь?

— Ничего не знаю, отвѣчала Марья Ивановна, разказавъ неожиданное свиданіе съ Луцкимъ.—Онъ просилъ меня замѣнить Вѣрѣ умершую ея мать, и утаить отъ всѣхъ, что она его дочь, покуда ему возможно будетъ признать ее дочерью. Вотъ все что онъ мнѣ довѣрилъ.

— Откуда же онъ пріѣзжалъ сюда?

— Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ имѣніе къ отцу и матери. И съ того времени я не имѣла никакихъ вѣстей отъ него, ни о немъ извѣстій.

— Странное дѣло! Князь Василій Григорычъ съ княгиней живутъ гдѣ-то въ дальнемъ имѣніи, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ князя Михайла то увезли. Это ихъ совершенно убило... Такъ онъ стало-быть воротился къ нимъ, голубчикъ мой,—слава Богу! говорятъ, бѣдный, самъ себя какъ-то запуталъ; а душой невинень. Что жь будешь дѣлать-то! молодость!... Помню я, и ты за него настрадалась... Обойми меня, Маша, да успокойся.

Послѣ долгаго задумчиваго молчанія, Марья Ивановна, какъ будто очнувшись, спросила тетку съ недоумѣніемъ, откуда жь она узнала объ этой тайнѣ?

— Это также стоитъ поясненій, сказала Авдотья Петровна.—Вотъ, моя милая, примѣръ тебѣ, какъ открываются тайны. У меня и въ помышленіи не былъ князь Лудкій.

Авдотья Петровна разказала сообщенные ей слухи Варварой Сергѣевной, и какъ она начала съ шутки, а попала на дѣло.

— Слава Богу, тетюшка, что это остается между нами! сказала Марья Ивановна, всплеснувъ руками.

— Еще бы; но Вѣрушка въ глазахъ моихъ ужь не то, что была прежде. Вѣдь она княжна, имѣетъ отца; а не какая-нибудь круглая сирота, для которой я и жениха приискала.

— Вы что-то мнѣ намекали объ этомъ, тетюшка?

— Да; усатаго-то Четкина. Представь себѣ, онъ ужь и отца подослалъ ко мнѣ, сватать его на Вѣрушкѣ. Говорить, дурачина, что она сама подала ему надежду на взаимность и согласіе. Какъ ты думаешь!

— Признаюсь вамъ, я бы рада была, чтобъ она вышла замужъ. Въ послѣднее время въ ней какая-то непонятная перемена; такъ дико на всѣхъ смотреть, такъ рѣзко отъбѣгаетъ... Какая-то гордость и презрѣніе ко всему...

— Кровь, матушка, только не съ отцовской стороны, а вѣрно въ мать. Наружность ея какъ будто азіятская. Помните мнѣ, говорили, что будто онъ на Кавказѣ былъ.

— Князь отдалъ ее въ полное мое распоряженіе, и даже просилъ устроить ея будущность. А потому, лишь бы только былъ хорошій человекъ, и сама она была согласна выйти за него...

— Хорошій человекъ! возразила Авдотья Петровна. — Каковъ и хорошій человекъ: или ужь будь онъ умный, честный, дѣльный, или блаженный; а дуракъ съ фанаберией, матушка, можетъ ли быть хорошимъ человекомъ? Вообразилъ, что она его любитъ!

— А можетъ быть это и правда?

— Ну, какъ знаешь. Впрочемъ, а тебѣ вотъ что скажу; я бы скорѣе дала ей въ мужа стараго князя Ивана. Человекъ хорошій и по уму и по сердцу; одинъ только порокъ: старъ для нея; а смотри, женится, помолодѣетъ. Да покуда довольно объ этомъ. Завтра у меня будетъ тетка Лонскаго.

— Неужели?

— Мы были когда-то знакомы съ ней, въ молодости еще; а теперь я сошлась съ ней снова. Она полудурья, да сидитъ въ золотѣ по горою. Вѣдь Лонскій по ней богатъ, а не по отцу и матери. Отецъ прокуферилъ свое, да и материцское заложено и перезаложено. Это ужь я знаю: Вотъ, теперь племянничекъ-то и ластится около нея. Для этого и живетъ здѣсь при разстроенной здоровьѣ тетускѣ. Скоро и мать его сюда пожалуетъ. Такъ вотъ что: у этой тетки они въ полномъ распоряженіи; что она захочетъ, то и будетъ. Я тебя, Маша, познакомяю съ ней, а ты представь своихъ дочерей, да полюбезничай. Молодые люди пусть себѣ любовь учреждаютъ, а мы учредимъ совѣтъ; такъ оно и хорошо будетъ. А ужь даѣе, что Богу угодно.

Марья Ивановна задумалась.

— Кто-то пріѣхалъ, я слышу. Ну, ты къ своимъ дѣламъ, а я къ своимъ. Мнѣ пора пріодѣться.

Марья Ивановна простилась съ теткой, а Авдотья Петровна пошла въ уборную.

(До слѣд. №.)

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

СОБЫТІЯ

МАРТА 1848 ГОДА

ВЪ ПАРИЖЪ.

ИЗЪ ЗАПІСОКЪ.

.... Мы начинаемъ съ той минуты, какъ парижская февральская революція избрала себѣ начальниковъ¹. Первою мыслью временнаго правительства, ею созданнаго, какъ только сдѣлалось немного посвободнѣе въ Ратушѣ, была мысль о самомъ себѣ и объ утверженіи своей власти, возникшей на баррикадахъ. Едва переступивъ порогъ общинаго дворца, и еще въ самую ночь слѣдовавшую за изгнаніемъ короля, взятіемъ Тюльери и палаты депутатовъ, оно предписываетъ формированіе 24 батальоновъ „подвижной національной гвардіи“, ряды которой должны состоять изъ отчаянной молодежи, такъ страшно бушевавшей на улицѣ

¹ Окончательный составъ „временнаго правительства“ оказался слѣдующій: 1) президентъ совѣта—престарѣлый Дюпонъ (de l'Euve), 2) министръ иностранныхъ дѣлъ—Ламартинъ, 3) внутреннихъ дѣлъ—Ледрю-Ролленъ, 4) юстиціи—Крэннѣ, 5) финансовъ—банкиръ Гудшо, 6) морской—Араго, 7) публичныхъ работъ—Мари, 8) просвѣщенія—Карно, 9) коммерціи—Бетмонъ, 10) военный—Бедо и потомъ Сюберви: секретари правительства: 11) Арманъ Марастъ, 12) Флокомъ 13) Луи Блаизъ и 14) Альберъ (раб.); 15) меръ города Парижа—Гарнье-Пажестъ; 16) начальникъ Лажеріи—Каваньякъ, 17) начальникъ національной гвардіи—Курте.

не далѣе какъ вчера. Этимъ знаменитымъ декретомъ оно ослабляетъ внезапно баррикады, которыя должны еще въ-скольکو времени оставаться на улицахъ, и вмѣстѣ льстить воинственному духу французскаго юношества, за что черезъ два мѣсяца, именно въ юнѣ, молодежь отблагодарила его побѣдой надъ огромнымъ бонапартисто-соціалистскимъ возстаніемъ. Отыскавъ выходъ для одного изъ революціонныхъ элементовъ, временное правительство, черезъ въ-скольکو дней, находитъ уютное и спокойное помѣщеніе для другаго и самаго могущественнаго революціоннаго двигателя, именно парижскихъ работниковъ. Послѣ работничьей манифестаціи, наскоро оставленной членомъ правительства, Луи Бланомъ, оно декретируетъ (28 февраля) образованіе „работничьей комиссіи“, Commission pour les travailleurs, и помѣщаетъ ее въ Люксамбургъ, подъ предѣлительствомъ самого Луи Блана, вскорѣ туда и перѣхавшаго. Вмѣстѣ съ нимъ переходить во дворецъ и Дюпонъ (de l'Eure), занявшій комнаты бывшаго канцлера, и республиканецъ Барбесъ, такъ близко видѣвшій эшафотъ и назначенный теперь въ должность коменданта дворца. *Пикантность*, если смѣю такъ выразиться, этого распоряженія составляла только малую часть его достоинства. Покуда „Работничья комиссія“, вскорѣ прозванная просто „Люксамбургскою“, засѣдала съ представителями отъ всѣхъ цеховъ въ креслахъ бывшихъ перовъ Франціи, разсуждая о способахъ низвести промышленную гармонию въ міръ конкуренціи и капитала, ходъ событій былъ уже очищенъ отъ страшной массы народа, мѣшавшей его теченію, чѣмъ въ послѣдствіи Ламартинъ и похвастался передъ національнымъ собраніемъ. Кромѣ этихъ распоряженій, были еще приняты одновременно съ ними и другія мѣры для успокоенія силъ наиболѣе опасныхъ или наиболѣе докучныхъ правительству. Съ тѣмъ же *пикантнымъ* эффектомъ, который на первыхъ порахъ былъ преобладающею чертою въ характерѣ временнаго правленія, оно назначаетъ въ пособіе работникамъ милліонъ франковъ, слѣдовавшій королю Луи-Филиппу за мартъ мѣсяць, и устами Луи Блана даетъ торжественное обѣщаніе снабжать работой людей, нуждающихся въ ней. слѣдствіемъ чего было обнародованіе 6-го марта декрета о „національныхъ мастерскихъ“. Декретомъ этимъ Луи-Бланъ и Флоконъ, такъ сказать, отблагодарили работниковъ

за то что они водворили ихъ въ правительствѣ вечеромъ 25 февраля. Что сдѣлалось съ декретомъ, и какъ онъ обратился противъ партіи, его задумавшей и не умѣвшей съ нимъ справиться,—увидимъ въ послѣдствіи. Освободясь отъ перваго гнета революціонныхъ страстей, правительство приступило къ общимъ мѣрамъ вспомошествованія. Одинъ за другимъ появились декреты о возвращеніи владѣльцамъ изъ ломбарда (*Mont de piété*) бесплатно всѣхъ закладовъ, не превышающихъ десяти франковъ, объ отсрочкѣ платежей по всѣмъ частнымъ обязательствамъ на пятнадцать дней,—срокъ, который въ послѣдствіи былъ опять продолженъ на пятнадцать дней и пр. Самая популярная мѣра изъ числа этихъ милостивыхъ манифестовъ была, однакоже, принята нѣсколько позднѣе, именно 8-го марта, и состояла въ уничтоженіи ненавистной Французамъ долговой тюрьмы. Впрочемъ, самыя щедрыя награды достались не публикѣ, конечно, а отдѣльнымъ лицамъ. Съ марта мѣсяца началась у правительства громадная раздача вакантныхъ мѣстъ *благосмыслимымъ* людямъ эпохи, нахлынувшимъ для этого въ переднюю Ратуши со всѣхъ концовъ Франціи. Въ числѣ новыхъ замѣщеній были, однакоже, и такія, которыя служили вознагражденіемъ за несправедливости прежняго управленія, и которыя повсюду были встрѣчены единодушнымъ одобреніемъ. Къ числу такихъ принадлежало распоряженіе о возвращеніи кѣедръ въ *Collège de France* отставленнымъ профессорамъ, Миселе и Кине, и созданіе кѣедры тамъ же для гонимаго и презираемаго старо-офиціальными людьми философа Конта ¹. Въ ряду милостивыхъ декретовъ особенно высились два,—именно одинъ объ уничтоженіи смертной казни за политическія преступленія, который былъ объявленъ въ субботу 25-го февраля Ламартиномъ, съ крыльца Ратуши, при кликахъ восторженнаго народа, и другой—о расширеніи кадровъ національной гвардіи, сословная замкнутость которой была теперь разорвана допущеніемъ въ ряды ея всѣхъ безъ исключенія ². Она

¹ Въ замѣтъ и какъ будто для возстановленія равновѣсія, отрѣшены были отъ мѣстъ при университетѣ и библиотекѣ: Низаръ, Орфила, Шампольонъ-Фижакъ и Рауль-Рометъ, какъ отъявленные приверженцы Орлеанской фамилии.

² Множество другихъ распоряженій, не менѣе значительныхъ, выбрасывало временное правительство изъ дѣлръ своихъ повиновеніе, что вмѣстѣ съ

тотчасъ же и явилась въ новомъ своемъ составѣ на смотръ, разночинецъ въ блузѣ и сюртукѣ объ руку съ мундиромъ, и всѣ подѣ предводительствомъ экск-депутата, Гарнье-Пажеса, ставшаго меромъ Парижа; онъ строилъ ихъ въ ряды, развѣзая верхомъ, въ сюртукѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и въ круглой шляпѣ, будто какой-нибудь американскій генералъ. Впрочемъ, новая мѣра нисколько не измѣнила общаго охранительнаго характера національной гвардіи на первыхъ порахъ. Въ послѣдствіи, оппозиціонныя части этого гражданскаго войска отдѣлились отъ него, чтобы высвободиться и дѣйствовать самостоятельно съ оружіемъ въ рукахъ за свои собственные частныя интересы; но теперь національная гвардія, увеличенная всѣмъ количествомъ мастеровыхъ пролетаріевъ и слугъ, нисколько не приняла особеннаго характера. Въ новомъ своемъ составѣ она тотчасъ же обратилась къ старой своей работѣ, защитѣ существующаго порядка вещей, охраненію собственности и подавленію буйствъ, на сколько возможно. Такова сила учрежденія вообще.

И надо сказать, въ содѣйствіи ея настояла уже крайняя необходимость. Временное правительство выдавало всѣ эти декреты не только передъ лицомъ волнующагося парижскаго народа, который легко воспламеняется, но и легко управляется льстивою фразой и знаками довѣрія къ его мудрости, но также и при заревѣ пожаровъ, составлявшихъ послѣднюю попытку темныхъ слоевъ народонаселенія, поднятыхъ со два общества. Ужасъ овладѣлъ зажиточнымъ Парижемъ, когда онъ услышалъ, что королевскій дворецъ Нельи обращенъ въ пепелъ, что дача Ротшильда въ Сюренѣ предана огню, въ то самое время какъ хозяинъ ея жертвовалъ 50.000 фр. на равныхъ, что разрушеніе угрожаетъ и желѣзнымъ дорогамъ. Получено было извѣстіе о гибели

частными декретами по министерствамъ составило въ нѣсколько дней весьма обширную литературу. Въ этой массѣ предписаній можно отыскать декретъ объ освобожденіи изъ тюремъ всѣхъ политическихъ преступниковъ и нарушителей законовъ о печати, потомъ уничтоженіе присяги на всякія формы правительства, какъ обманныяго установленія, несостоятельности котораго дознава во Франціи опытомъ, и наконецъ, распоряженіе молиться въ церквахъ за республику (Боже, спаси республику), ловко и осторожно измѣнено парижскимъ архіепускопомъ въ „Боже спаси Францію!“

великолѣпнаго Амьрскаго моста на Сенъ-Жерменской линіи, о сожженіи многихъ станцій, о мостѣ въ Руанѣ, подвергшемся той же участи, и наконецъ о томъ, что по „Сѣверной“ желѣзной дорогѣ пожаръ идетъ уже сплошною массою, начиная отъ Сенъ-Дени до Амьена. Тогда-то новая національная гвардія вмѣстѣ съ волонтерами и, по преимуществу, студентами Политехнической Школы, бросилась на угрожаемые пункты, въ разныя стороны, и съ помощью мѣстныхъ національныхъ гвардій, поднятыхъ ею на ноги, вездѣ потушила огонь и уняла грабежъ.

Новый префектъ полиціи, эксъ-заговорщикъ Косидьеръ, самъ захватившій свое мѣсто, какъ нѣкоторые его товарищи мѣста въ правительствѣ, успѣлъ даже образовать мгновенно легіонъ охранителей порядка,—изъ работниковъ. Онъ называлъ новыхъ своихъ полицейскихъ агентовъ, перешедшихъ въ эту должность прямо съ баррикадъ, *монтаньярами*, далъ имъ костюмъ солдатъ 1793, и этого было достаточно, чтобъ они могли, съ спокойною совѣстію, ходить патрулями по городу и предупреждать попытки къ грабежу и самовольной расправѣ. Парижъ почти одновременно увидалъ и переформированную національную гвардію, гдѣ подъ ружьемъ стояли, какъ мы уже сказали, рядомъ съ щеголеватыми господами, люди въ фуражкахъ, дохмотьяхъ и блузахъ, и охранительное войско Косидьера съ пыльными, мрачными лицами въ трехугольныхъ шляпахъ, съ краснымъ перомъ откинутымъ назадъ. Монтаньяры очень привольно размѣстались въ казармахъ, около префектуры, и не скупились на льстивыя увѣренія, что честь республики находится въ ихъ рукахъ, и что они призваны оберегать ее „передъ глазами Европы“, отъ позора и измѣствъ. Очень забавно было подмѣчать благодарные и вмѣстѣ подозрительные взгляды, какими парижское мѣщанство провожало эти войска.

Между тѣмъ вся Франція, узнавъ въ субботу 25 февраля, что у нея, благодаря Бога, есть правительство, испустила, скажемъ безъ всякаго преувеличенія и риторической фразы, крикъ восторга. Еще баррикады лежали на улицахъ, немножко сдвинутыя въ сторону для возобновленія сообщеній, еще день-деньской раздавались выстрѣлы на воздухъ, пѣлись неистовыя пѣсни и танулись оригинальныя процессіи къ Ратушѣ, какъ уже временное правительство

получало изъясненія согласія признать его и новую республику, отъ всѣхъ властей, гражданскихъ и военныхъ, со всѣхъ концовъ страны не исключая Алжиріи, изъ которой губернаторъ ея, герцогъ Омальскій, очень спокойно выѣхалъ, оставивъ только манифестъ, гдѣ благословляя свое отечество и на новомъ его пути. Всѣ потекли къ временному правительству съ судорожною, невообразимою поспѣшностію. Неожиданныя изъясненія покорности накопились въ рукахъ правительства массаи, и тутъ встрѣчались между собой люди самыхъ противоположныхъ ученій: и приверженцы стараго правленія (Одионъ Барро, Тьеръ, Дюфоръ, Бильо); и бывшая королевская магистратура (генераль-прокуроръ Дюпелъ первый предлагаетъ свершать судъ отъ имени народа¹); и духовенство (архіепископъ, благодаря народъ за уваженіе къ святынямъ, предписываетъ отвращать публичныя панихиды за убитыхъ), и легитимисты (Ларошъ-Жакленъ, Беррье отказываются покаяться торжественно отъ своихъ бывшихъ политическихъ идеаловъ, а сынъ Полиньяка записывается въ ряды національной гвардіи), и пр. и пр. Становится очевидно, что надежды каждой партіи берутъ своею исходною точкой республику и временное правительство. Съ другой стороны закаленные социалисты всѣхъ цвѣтовъ — Кабе съ цѣлоукаріей, Бюше съ католическимъ республиканизмомъ (онъ сдѣланъ потомъ помощникомъ парижскаго мера), Распайль „Ami du peuple“, и наконецъ аббатъ Шатель съ новою французскою церковью, имъ изобрѣтенною, — всѣ простираютъ руки къ правительству, призывая его открыть новую эру для человечества, каждый сообразно съ своими представленіями объ этомъ предметѣ. Мы уже не говоримъ объ адресахъ разноплеменныхъ выходцевъ и воззваніяхъ мистиковъ, визионеровъ и пророковъ. Успѣхъ временнаго правительства ужасаетъ его самого, потому что отвѣтъ на всѣ требованія и ожиданія дѣлается невозможнымъ. Можетъ-быть не менѣе (если не болѣе) приходятъ въ ужасъ и главные бойцы республики: они останавливаются на мы-

¹ Дюпелъ, занимавшій мѣсто генераль-прокурора, вскорѣ былъ замѣненъ Порталисомъ, который тотчасъ же открылъ судъ на зажигателей, и началъ сдѣлать надъ министрами Луи-Филиппа, уже покинувшего Францію. Сдѣланіе это не имѣло никакихъ результатовъ.

сия образовать оплотъ этому неожиданному бурному потоку патриотизма и преданности, грозящему снести настоящихъ устроителей движенія съ ихъ мѣстою и отстранить ихъ отъ прямого участія въ дѣлахъ государства.

Въ этомъ царствѣ всеобщаго единодушія, пожалуй, могла затеряться и основная демократическая идея переворота. Вотъ почему Ламене и Дюпре основываютъ журналъ *le Peuple constituant*; Распайль привимаетъ роль присяжнаго довощика и обличителя лицемѣрныхъ друзей республики; Кабе совѣтуетъ своимъ икарійцамъ еще не покидать оружія, а старые эксъ-заговорщики Бланки и Барбесъ создаютъ первый чисто-политическій клубъ, подъ именемъ: *Commission des défenseurs de la république*, съ цѣлью наблюдать за выборами въ должностныя лица, предостерегать временное правительство отъ враговъ республики, и отъ ошибокъ, и направлять его предпочтенія и политическія стремленія въ хорошую сторону¹. Была однакожь еще тайная, невысказываемая причина для сомнѣній и безпокойствъ, скрываемаемая всѣми за офиціальнымъ поводомъ къ нимъ. Въ самомъ правительствѣ оказались, съ первыхъ же дней, признаки какого-то колебанія, словно въ нѣдрахъ его заключались двѣ противоположныя политическія струи, мѣшавшія другъ другу выйдти на свѣтъ вполнѣ. Республиканскіе національные декреты, выданные имъ единодушно, ничего не доказывали: они были вынуждены неуклоннымъ требованіемъ обстоятельствъ и гнетущею силой побѣдителя. Но зловѣщіе признаки неполной ясности и неполнаго соглашенія въ дѣлахъ оказывались въ частностяхъ. Такъ еще вечеромъ 24-го февраля объявлено было, изъ Ратуши, что установленіе самой формы правительства предоставляется будущему общему собранію народа: вопль негодованія, раздавшійся изъ рядовъ сражавшихся противъ іюльской монархіи, заставилъ отмѣнить распоряженіе и тотчасъ же объявить Францію республикой. Затѣмъ подъ мелодраматическимъ навѣсомъ изъ пикъ, сабель и

¹ Клубъ этотъ въ послѣдствіи распался на составныя свои части: клубъ Бланки и клубъ Барбеса. За этими двумя послѣдовало множество другихъ, число которыхъ дошло, въ концѣ мѣсяца, до 80 на однихъ Парижѣ; такъ велика была реакція противъ старыхъ законовъ, воспрещавшихъ ассоціаціи.

пистолетовъ, смахивавшимъ чрезвычайно на обычную обстановку республиканскихъ піесъ въ „Cirque Olympique“, Ламартинъ отвергнулъ красное знамя, которое толпа народа предлагала ему сдѣлать символомъ республики, и утвердилъ эту честь за старымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Многие весьма одобряли какъ эту рѣшимость, такъ и знаменитую фразу, сказанную тогда ораторомъ: „Красное знамя обошло только Марсово поле¹, а трехцвѣтное весь свѣтъ“; но послѣ паденія конституціоннаго порядка это знамя уже ничего не выражало, кромѣ имперіи. Не успѣвъ отдать на судъ будущему общему собранію форму правленія, временное правительство декретомъ 1-го марта предоставило ему измѣненіе налоговъ², а покамѣсть удержало въ полной силѣ всѣ существующіе, равно какъ и всѣ контракты и обязательства. Мало того, оно порывалось даже удержать до рѣшенія того же собранія самыя штемпель на журналы, сообщая преднамѣренню этому чисто-политическому налогу характеръ финансоваго, но принуждено было опять измѣнить свое рѣшеніе передъ опасностію новаго смятенія. Оно даже и отступило не откровенно, тихо и робко, — отмѣнило пошлину сперва только на время выборовъ въ будущее собраніе, для лучшаго обсужденія кандидатуръ, и уже потомъ, при содѣйствіи, какъ было слышно, болѣе рѣшительныхъ членовъ правительства уничтожило ее совсѣмъ. Совершенно то же происходило съ ненавистными для демократовъ и республиканцевъ законами противъ ассоціацій, сборищъ, обществъ. Въ виду повсемѣстно зараждавшихся клубовъ, ходили слухи о боязливыхъ преніяхъ въ Ратушѣ касательно ихъ правъ на существованіе и результатовъ ихъ дѣятельности; но видно радикальная часть правительства опять одержала верхъ, потому что не только были отмѣнены сентябрскіе законы, воспрещавшіе составленіе обществъ, но и вся старая процедура относительно преслѣдованія проступковъ печати. Присяжные

¹ При подавленіи въ Парижѣ возмущенія, на Марсовомъ полѣ, въ первую французскую революцію.

² Распоряженіе, подобно многимъ другимъ, также отмѣненное силой обстоятельствъ, которыя заставили правительство увеличить, не дожидаясь собранія, всѣ прямыя налоги, о чемъ будемъ говорить въ послѣдствіи.

должны были утверждать приговоръ свой не на простомъ большинствѣ голосовъ, какъ прежде, а единогласно, или по крайней мѣрѣ большинствомъ 8 голосовъ изъ 10. Какъ ни лестны были всѣ эти распоряженія для господствующей партіи и для народа, который все еще не покидалъ улицы, но они приходили всегда часомъ позднѣе чѣмъ слѣдовало, а предшествовавшее имъ колебаніе отнимало добрую половину ихъ цѣнности. Ропотъ на медленность и нерѣшительность дѣйствій временнаго правительства уже начинался, когда пять документовъ, вышедшихъ одинъ за другимъ изъ Ратуши, окончательно обнаружили внутреннія распри диктаторовъ, скрытыя подъ офиціальною маскою единодушія, поставили нѣсколько жизненныхъ вопросовъ для Франціи и, возбудивъ всѣ умы, снова наполнили улицу жизнью и движеніемъ. Мы намѣрены разказать исторію появленія этихъ пяти правительственныхъ актовъ, изъ которыхъ третій—циркуляръ Ледрю-Роллена, касавшійся устройства выборовъ для будущаго собранія, чуть не породилъ новой революціи. Не входя въ позднѣйшія объясненія, толкованія и оцѣнки, сдѣланныя на досугѣ самими авторами документовъ, превратившимися въ историковъ и адвокатовъ собственнаго дѣла, мы ограничимся однимъ изложеніемъ того, какъ понимаемы были массами народа новыя распоряженія въ самую минуту опубликованія ихъ, что онѣ видѣли въ нихъ и за ними, какъ относились къ нимъ и какую дали имъ обстановку своимъ участіемъ и внимательствомъ. Можно надѣяться, что подобная передача дѣлъ, мыслей и ощущеній одного историческаго мгновенія будетъ нѣсколько поучительною для другихъ странъ и эпохъ, и можетъ представить нѣсколько полезныхъ выводовъ для людей достигшихъ той степени развитія, при которомъ требуется разумное убѣжденіе и сознательный взглядъ на предметы политическаго свойства. Изъ всѣхъ пяти актовъ временнаго правительства наименѣе возбудившій раздоръ, наименѣе оспариваемый партіями, былъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Ламартина, отъ 2-го марта, къ дипломатическимъ агентамъ правительства, заключавшій въ себѣ программу, которой должна была слѣдовать Франція въ своихъ международныхъ сношеніяхъ.

Съ него и начинаемъ.

I:

Въ знаменитомъ циркулярѣ своемъ, отъ 2 марта, Ламартинъ объявляетъ, что республика не нуждается въ признаніи европейскихъ державъ, что она точно также не имѣетъ нужды въ войнѣ и въ кровавой пропагандѣ, что она требуетъ мира, но почтетъ себя счастливою, если будетъ принуждена взяться за оружіе и насильно покрыть себя славой. Въстѣ съ тѣмъ министръ не признаетъ трактатовъ 1815 года, но для дипломатическихъ сношеній признаетъ государства, ими основанныя. Въ этомъ кругѣ Франція, желающая спокойствія для собственнаго развитія, будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока которая-нибудь изъ угнетенныхъ европейскихъ національностей не простретъ къ ней умоляющія руки, (это былъ намекъ на Италію), и сама Франція не увидитъ, что часъ для исполненія рѣшеній Провидѣнія пробилъ... Итакъ пусть народы не боятся Франціи, и сами въ вѣдрахъ своихъ свершаютъ нужныя имъ преобразованія. Ламартинъ заключаетъ манифестъ словами: „Si la France a la conscience de sa part de mission libérale et civilisatrice dans le siècle, il n'y a pas un de ces mots (то-есть девизъ республики: liberté, égalité, fraternité), qui signifie guerre. Si l'Europe est prudente et juste, il n'y a pas un de ces mots qui ne signifie paix. (Если Франція пришла къ сознанию своего освобождающаго и цивилизующаго призванія въ мірѣ, то ни одно изъ этихъ словъ (свобода, равенство, братство) не означаетъ войны. Если Европа захочетъ быть благоумною и справедливою, то каждое изъ этихъ словъ означаетъ для нея миръ.)

Манифестъ этотъ конечно нѣсколько двусмысленъ, но какъ поддѣлка новыхъ требованій подъ старое европейское право не лишень своего рода ловкости. Радикальныя партіи всѣхъ цвѣтовъ поняли необходимость сдѣланной Ламартиномъ уступки, и единогласно положили считать его прокламацію образцовымъ произведеніемъ республикан-

ской дипломатіи. *Journal des Débats*, упоминая о немъ, прибавилъ только: „въ этомъ документѣ г. Ламартигъ высказалъ, какъ и всегда, свои два основныя качества: grandeur et confusion (величіе пополамъ съ путаницей).“ Вслѣдъ за манифестомъ произошла общая смѣна посланниковъ и секретарей посольствъ. Лакоическимъ декретомъ, начинающимся словами: „ont été revoqués de leurs fonctions“, всѣ посланники и множество секретарей были уволены отъ службы, а замѣщеніе ихъ отложено до будущаго декрета.

Вторымъ документомъ, отъ 5-го марта, вышедшимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, объявлены общіе поголовные выборы въ національное собраніе. Основаніемъ ихъ принято только народонаселеніе Франціи. Каждая масса въ 40 тысячъ даетъ депутата, и всякій человѣкъ, достигшій 21 года, есть избиратель. Что касается до избираемаго, то отъ него требуется только возрастъ, не менѣе 25-ти лѣтъ, небытіе подъ судомъ или подъ гнетомъ позорнаго (infamant) приговора. Всѣ условія имуществва и состоянія устраняются: государство принимаетъ на себя обязанность давать по 25-ти франковъ въ день каждому депутату на все время засѣданій будущаго собранія. Въ крайнемъ случаѣ, отъ депутата не требуется даже и грамотности, на простомъ основаніи: человѣкъ съ здравымъ смысломъ, найдетъ что сказать въ новой палатѣ, которая будетъ состоять изъ 900 членовъ. Войско также участвуетъ въ этихъ обширныхъ политическихъ правахъ. Каждый солдатъ составляетъ свой бюллетень депутатовъ изъ земляковъ, и билетъ его посылается въ тотъ департаментъ, которому онъ принадлежитъ по рожденію. Надо замѣтить, что избиратель обязывался вписать въ свой бюллетень полное количество депутатовъ, положенныхъ для всей его мѣстности. Такъ напримѣръ, Парижу съ окрестностями предоставлено было посылать тридцать четыре депутата въ собраніе, и всѣ тридцать четыре имени должны были находиться на каждомъ избирательномъ листкѣ, обстоятельство довольно затруднительное для людей, такъ мало развитыхъ политически, каковы были крестьяне во Франціи. Вотъ почему инструкціей отъ 8 марта, которая сопровождала декретъ о выборахъ, Ледрю Ролленъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, назначилъ для крестьянъ мѣстомъ складки ихъ биле-

товъ не деревенскія конторы (meris), а главный городъ округа, или департамента, куда они должны были приходить и гдѣ ожидали ихъ политическія партіи съ своею проповѣдью, борьбой и домогательствами въ пользу своихъ почетныхъ кандидатовъ. Право на депутатство давалось, разумѣется, большинствомъ голосовъ, но кандидату надобно было собрать ихъ по крайней мѣрѣ до 2.000 на своемъ имени. Къ удивленію радикальной партіи, время открытія выборовъ и созванія будущей палаты назначено самое близкое: 9-го апрѣля должны были состояться выборы, а 20-го того же мѣсяца должно было явиться на политическую сцену и національное собраніе. Такъ родилось знаменитое поголовное избирательное право, suffrage universel, возвыщенное Франціи какъ начало новой эры народнаго благополучія, и принятое ею именно въ такомъ смыслѣ.

Не успѣлъ декретъ о выборахъ обойти Францію, какъ республиканцы Парижа, видя что время назначенное для составленія списковъ на носу, а деревенское населеніе департаментовъ совсѣмъ не приготовлено къ созданію республиканскаго собранія, подняли шумъ: изъ поголовнаго права выборовъ могла родиться снова монархія. Не теряя времени, партія извѣстнаго редактора *National*, Мараста, бросилась составлять „избирательный комитетъ“, который долженъ былъ разсылать совсѣмъ готовые списки депутатовъ въ свои провинціальныя конторы по департаментамъ, откуда они, въ тысячахъ экземплярахъ, пошли бы по округамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ. Разумѣется, всѣ другія партіи поспѣшили послѣдовать примѣру республиканцевъ *National*. Парижъ, во мгновеніе ока, покрылся „избирательными комитетами“ всѣхъ цвѣтовъ до конституціонно-либеральнаго включительно. Старый Виенне изъ прежней парламентской оппозиціи, открылъ при содѣйствіи банкировъ, купцовъ, адвокатовъ и вообще образованнаго и богатаго мѣщанства, клубъ „свободныхъ выборовъ“ (club républicain pour la liberté des élections), въ которомъ уже заговорили о деспотизмѣ Ледрю Роллена, самовольно назначившаго складочнымъ мѣстомъ для крестьянскихъ бюллетеней главные города, гдѣ голоса этихъ избирателей необходимо должны подпасть вліянію революціоннаго меньшин-

ства. Крайняя радикальная партія, видя что ей не поспѣтъ за усиліями соперничающихъ партій, поставила вопросъ иначе въ своемъ клубѣ „société centrale républicaine,“ который только что возникъ изъ отдѣлившейся части Барбесовскаго клуба и приобрѣлъ такую знаменитость въ послѣдствіи. Клубъ этотъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, стараго заговорщика Бланки, рѣшилъ требовать у правительства отсрочки выборовъ. Съ этою цѣлью онъ направилъ къ нему депутаціи отъ цеховъ и ремеслъ. Правительство, которое черезъ недѣлю послѣ того принуждено было уступить и согласиться на всѣ ихъ требованія, еще колебалось и показывало видъ, что крѣпко стоитъ на своемъ рѣшеніи: оно только отложило выборы въ національную гвардію до 25-го марта, вмѣсто 18-го, какъ было прежде назначено.

Покажѣтъ все общество волновалось вопросомъ о выборахъ, явился новыи циркуляръ того же Ледрю Роллена къ агентамъ правительства въ провинціяхъ, отъ 12-го марта. Это былъ ударъ грома, раздавшійся по всей Франціи. Мы уже сказали, что циркуляръ этотъ составилъ главное событіе марта мѣсяца и чуть-чуть не породилъ новой революціи, спустя три недѣли послѣ февральской. Она не удалась только отъ того, что въ виду прямыхъ послѣдствій, истекающихъ изъ циркуляра, самъ составитель его, Ледрю Ролленъ, испугался и отступилъ передъ послѣднимъ заключительнымъ словомъ собственной своей мысли.

Извѣстно, что правительство въ первыя минуты своего существованія послало въ департаменты молодыхъ людей съ порученіемъ повѣститъ народу о новорожденной республикѣ и способствовать ея укорененію. Ледрю Ролленъ давалъ имъ теперь еще новую обязанность. Въ виду выборовъ и изъ опасенія, чтобы голоса не приняла консервативнаго оттѣнка, онъ облачалъ комиссаровъ правительства безграничнымъ полномочіемъ и предоставлялъ имъ въ провинціяхъ власть, какой тѣ давно уже не видали. Объявивъ, что главнѣйшею заботой каждаго такого агента должна быть теперь забота о составленіи республиканскихъ выборовъ, Ледрю Ролленъ давалъ имъ съ этою цѣлью право уничтожать муниципалитеты (провинціальные совѣты), если они окажутся сомнительнаго характера, употреблять военную силу и смѣнять самихъ начальниковъ ея, смѣнять всѣхъ

префектовъ и подпрефектовъ, и наконецъ даже удалять отъ должностей (*suspendre*) лица безсмѣнной магистратуры, то-есть поколебать всю юстицію Франціи. Диктаторскій тонъ циркуляра былъ, можетъ-быть, еще страшнѣе для общества чѣмъ даже содержаніе его. Тутъ не было ни тѣни осторожности или колебанія передъ поставленною цѣлью, а съ другой стороны нельзя быдо видѣть въ документѣ одну изъ новыхъ вспышекъ революціоннаго фейерверка. Отъ него пахнуло 93-мъ годомъ и временами терроризма. Что произошло въ Парижѣ трудно и разказать. Поднялся общій вопль между достаточными классами населенія, нѣсколько похожій на „*saive qui peut*“ проиграннаго сраженія. Уже и прежде капиталы стали скрываться по-маленьку изъ обращенія, а теперь началось явное бѣгство ихъ, при зловѣщемъ кликѣ, что свобода выборовъ уже не существуетъ, что наступили времена проконсуловъ и кровавой анархіи. Въ три дня, слѣдовавшіе за циркуляромъ, всѣ цѣнности на биржѣ упали неимоვნно, пятипроцентные билеты на 74 фр. 50 сант. и 72 фр., акціи банка понизились на 300 фр. вдругъ (съ 1700 на 1400), акціи желѣзныхъ дорогъ тоже; золото поднялось до 50 фр. лажа на тысячу¹. Не лучше было и съ серебромъ, составлявшимъ главный мѣнновой знакъ Франціи. Въ среду 15-го марта, французскій банкъ былъ буквально атакованъ. Всѣ остальные коммерческія дѣла, основанныя на кредитѣ, мгновенно приостановились, и обществу на минуту открылось въ перспективѣ банкротство правительства, раззореніе фабрикаторовъ и грозная масса людей труда, предоставленныхъ самимъ себѣ. Чтобы судить о состояніи умовъ и паническомъ страхѣ, овладѣвшемъ всѣми, стоить только прочесть рапортъ директора банка, г. Даргу. Онъ извѣщалъ правительство, что съ 26 февраля по 14-е марта уплачено банкомъ 70 милліоновъ монетой, изъ наличной суммы во 140 мил., состоявшей въ его распоряженіи. Къ 14-му марта въ кассѣ оставалось только 70 миліоновъ „Нынѣшнимъ утромъ, продолжаетъ онъ, обнаружилось движеніе паническаго страха въ публикѣ.

¹ Одинъ журналъ, кажется *La Presse*, считалъ, что Франція однимъ упадкомъ всѣхъ бумажныхъ цѣнностей и пониженіемъ производства вообще потеряла въ одинъ этотъ мѣсяцъ до 3½ милліардовъ.

Предъявители банковыхъ билетовъ явились къ дверямъ его цѣлыми массами; открыты были новыя конторы размѣна; болѣе 10 мил. выдано звонкою монетою; сегодня къ вечеру (15-го марта), въ Парижѣ останется только 59 мил. монеты.“

Какъ водится, биржевой и коммерческой кризисъ отразился на улицѣ. Первая мысль, на которой, разумѣется, остановился народъ, была та, что это результатъ обширнаго заговора мѣщанъ, старавшихся привести республику на край гибели финансовымъ путемъ. Съ 14-го числа начали составляться на улицахъ группы, въ которыхъ говорили о способахъ остановить эмиграцію изъ Парижа и заставить богатыхъ издерживать деньги, скрываемыя ими на пагубу коммерціи и работниковъ. Множество проектовъ для достиженія этой цѣли, имѣвшей по обыкновенію совершенно обратное дѣйствіе, прибито было на стѣнахъ домовъ ¹. Правительство приняло нѣкоторыя мѣры съ своей стороны: оно дало обязательный ходъ банковымъ билетамъ, наравнѣ съ монетою, а для легчайшаго обращенія ихъ въ публичкѣ предписало банку выпустить стофранковыя бумаги наравнѣ съ пятисотенными и высшихъ цѣнностей, которыми банкъ доселѣ ограничивался. Затѣмъ выдачу капиталовъ изъ казначейства по его облигаціямъ, изъ сберегательныхъ кассъ по ихъ книжкамъ, и изъ банка, указало производить только по прошествіи шести мѣсяцевъ со дня предъявленія требованія. Все это нѣсколько остановило приливъ народа къ кредитнымъ учрежденіямъ; но всего болѣе способствовала этому и вообще къ успокоенію владѣльческихъ классовъ общества рѣчь Ламартина, которую онъ отвѣчалъ на депутацію отъ клуба „свободныхъ выборовъ“ (pour la liberté des élections). При первомъ волненіи на улицѣ, клубъ этотъ поспѣшилъ къ нему, какъ къ

¹ Одна изъ нихъ, вышедшій изъ клуба Бланки, совѣтовала правительству подвергнуть пятифранковыя монеты особому штемпелю, который имѣлъ бы имъ право на обращеніе. „Это заставитъ, говорилъ проектъ, гуайшиковъ денегъ являться на монетный дворъ, съ своими капиталами за контрибуціею и обнаружитъ передъ правительствомъ какъ самихъ сберегателей, такъ и количество сберегаемой ими звонкой монеты.“ Составитель проекта и не предполагаетъ, что звонкая монета можетъ найтти себѣ быть и безъ штемпеля.

старому своему собрату по конституціонной оппозиціи, и Ламартина осудилъ передъ нимъ циркуляръ товарища своего Ледрю Роллена, въ выраженіяхъ, не оставившихъ никакого сомнѣнія: „Le Gouvernement provisoire n'a chargé personne, сказалъ онъ, de parler en son nom à la nation et surtout de parler un langage supérieur aux lois.“ (Временное правительство никому не давало права говорить отъ его имени съ народомъ, а главное—не давало права говорить такимъ, который бы выше закона.) Мало того, утверждая, что самъ Ледрю Ролленъ не имѣлъ намѣренія замѣстить господство народа своимъ собственнымъ господствомъ, и свободные выборы подкупомъ страха, Ламартинъ прибавилъ, не обращая вниманія на противорѣчіе въ своихъ словахъ: „Nous voulons fonder une république qui soit le modèle des gouvernements modernes et non l'imitation des fautes et des malheurs d'un autre temps! Nous en adoptons la gloire, nous en répudions les anarchies et les torts. (Мы хотимъ основать республику, которая была бы образцомъ для современныхъ правительствъ, а не подражаніемъ ошибокъ и несчастій прошлаго времени. Мы усвоимъ себѣ его славу и отвергаемъ его безначаліе и проступки.) Въ тотъ же вечеръ (среда 15) вѣсть о много-значительныхъ словахъ Ламартина разнеслась по Парижу, и часу въ 11-мъ я самъ видѣлъ одного энтузіаста въ пассажѣ de L'Oréga, читавшаго рѣчь оратора, при многочисленном стеченіи народа, со слезами на глазахъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ. На другой день (въ четвергъ) появилась и послѣдняя рѣшительная мѣра противъ неожиданно приключившейся бѣды. Правительство издаю манифестъ, подписанный всѣми членами его, въ которомъ за первое основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій принимало уваженіе къ собственности, къ общественному мнѣнію, къ свободѣ выборовъ, удерживая за собой только право устранять отъ послѣднихъ все что можетъ повредить существованію республики, признанной всѣми безъ исключенія. Министръ юстиціи Кремьё объявлялъ, что въ его министерствѣ никто не будетъ и не можетъ быть смѣненъ безъ его вѣдома. Такъ общество и правительство совокупно отбивались отъ призрака 93 года, неожиданно возставшаго передъ ними!

Развитіе этой драмы, однакоже, еще далеко не кончи-

лось. Съ этой минуты ясно сдѣлалось для всѣхъ, что правительство раздѣлено на двѣ партіи: Ламартиновскую и Ледрю-Ролленовскую. Къ первой принадлежала вся та часть республиканской партіи, которая имѣла представителями Мараста и его журналъ *Le National*, да отчасти и тотъ отъѣнокъ социализма, во главѣ котораго стоялъ Луи Бланъ; ко второй принадлежала часть крайнихъ демократовъ, которой органомъ былъ журналъ *La Réforme* и представителями монтаньяры префекта Коссидьера. Парижъ долженъ былъ стать на ту или на другую сторону.

Дѣло начала національная гвардія, или лучше, остатки прежней національной гвардіи, состоявшіе въ этомъ гражданскомъ войскѣ. Сильно возбужденные противъ Ледрю Роллена за циркуляръ его, они объявили себя на сторонѣ Ламартина, между тѣмъ какъ республиканскіе клубы и молодая подвижная гвардія вступились за Ледрю Роллена, дѣйствія котораго казались имъ откровеннѣе въ смыслѣ революціонномъ. Въ понедѣльникъ 13 марта, во вторникъ 14 и въ среду 15, первая партія, заключавшая въ себѣ вообще людей прежняго порядка, писала протестаціи, оклеивала ими стѣны города, дѣлала манифестаціи (старый либеральный Кератри, напримѣръ, подалъ въ отставку изъ членовъ государственнаго совѣта, не желая быть, какъ говорилъ въ письмѣ, слугою никакой тираніи; клубъ „Свободныхъ выборовъ“, какъ мы видѣли, ходилъ самъ къ Ламартину in cogroge, для объясненія и проч.). Вместе съ тѣмъ, что уже было гораздо хуже, она положила выйдти на улицу, въ четвергъ, 16 марта, и заявить свое неудовольствіе Ледрю Роллену полнымъ политическимъ актомъ. Органомъ движенія сдѣлался журналъ *La Presse*, и фраза объ устраненіи изъ правительства враждебныхъ направленій принята за выраженіе мыслей и цѣлей новой манифестаціи.

Національная гвардія сдѣлала при этомъ непостижимую политическую ошибку. Начать съ того, что она выходила на площадь безъ призыва, въ числѣ тысячъ десяти, которое журналъ *La Presse* смѣло возвелъ до 25 тысячъ. Простѣе, а главное, законнѣе было бы послать отъ себя депутацію къ правительству, съ выраженіемъ своихъ опасеній. Тогда не нужно было бы принимать и мѣръ противъ собственнаго увлеченія—приказывать чинамъ національной гвардіи являться въ ихъ

штабы, въ мундирахъ, но безъ оружія. Несмотря на эту предосторожность, движеніе все-таки имѣло видъ бунта, и противорѣчило собственнымъ любимымъ ученіямъ этой партіи о порядкѣ. (Національная гвардія, скажемъ мимоходомъ, устроила свой собственный клубъ на Boulevard Montmartre, и положила основаніе новому органу своихъ интересовъ въ печати, журналу *L'Ordre*, жившему однако очень не долго). Затѣмъ она имѣла неосторожность примѣнять къ политической манифестаціи еще и домашнее свое дѣло. Декретомъ отъ 14 марта, Ледрю Ролленъ уничтожилъ образцовыя роты національной гвардіи (*compagnies d'élite*), именно, гренадеровъ, съ ихъ мѣховыми шапками, волтижеровъ съ уланскими касками и съ богатымъ костюмомъ, отличавшимъ тѣхъ и другихъ отъ прочаго войска. Министръ указалъ размѣстить ихъ по разнымъ батальонамъ, гдѣ они обязывались, вмѣстѣ со всѣми, участвовать въ выборѣ офицеровъ и начальниковъ. Оскорбленные роты избранныхъ подбили своихъ товарищей просить заодно у правительства и восстановленія прежнихъ кадровъ, подтѣмъ предложивъ, что прежніе гренадеры и волтижеры не могутъ теперь съ толкомъ участвовать въ выборахъ, такъ какъ въ батальонахъ, куда ихъ запрятали, все было имъ незнакомо. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ выборовъ спелся съ мелочнымъ и личнымъ дѣломъ, которымъ въ добавокъ оскорблялось самое живое народное чувство въ эту минуту—чувство равенства. Народъ не замедлил окрестить всю протестацію шуточнымъ прозвищемъ „протестаціи мѣховыхъ шапокъ“, мало обращая вниманія на печатное объявленіе гренадеръ и волтижеровъ, въ которомъ они торжественно отказывались отъ всѣхъ наружныхъ знаковъ отличія. Шутовское прозвище, данное этому движенію, осталось за нимъ и въ исторіи: *Protestation des bonnets de poil*.

Народъ не ограничился, однако, одною шуткой. Въ четвергъ, 16-го марта, въ 12 часовъ пополудни, я встрѣтилъ на бульварѣ Madeleine часть легионовъ національной гвардіи, направлявшихся черезъ площадь къ Ратушѣ въ полномъ военномъ порядкѣ, что доказывало, между прочимъ, участіе штабовъ (жеріу) въ организціи заговора. Они шли рука къ рукѣ, въ мундирахъ, безъ оружія, молчаливо и важно. На набережной Сены, почти

передъ самою площадью *Hôtel de Ville*, ихъ встрѣтилъ новый ихъ начальникъ, республиканскій генералъ Курте, прося и приказывая разойтись и объявляя ихъ демонстрацію бунтомъ. Произошла скандальная сцена; первые легіоны не послушались и продолжали шествіе, но на самой площади народъ встрѣтилъ ихъ свистомъ и камнями, не допуская къ Ратушѣ. Между тѣмъ на набережной, послѣ бесполезныхъ увѣщаній того же Курте, народъ принялъ дѣло на себя, загородилъ дорогу остальнымъ подхлѣвнымъ легіонамъ и сталъ дѣлать баррикады подъ носомъ бунтовщиковъ въ мундирахъ, какъ онъ называлъ гвардейцевъ: группа народа состояла, говорятъ, только изъ 100 или 150 человекъ. Легіоны, въ числѣ которыхъ было множество людей получившихъ приказаніе на сборъ изъ штабовъ и повиновавшихся ему, не зная хорошенько въ чемъ дѣло, разошлись со всѣми заготовленными депутаціями. Они не ожидали сопротивленія, а начинать попытку новой революціи совсѣмъ не было у нихъ въ виду. То же сдѣлали легіоны уже добравшіеся до площади и встрѣченые тамъ народомъ. Кой-какимъ депутаціямъ (отъ каждаго легіона было заготовлено по одной) удалось разрозненно и безъ всякой связи представиться правительству и выслушать довольно строгій выговоръ Марраста, онъ чѣмъ и должны были удовольствоваться.

Однако одушевленіе Парижа въ наступившій вечеръ было неумоврное. Такъ какъ по всѣмъ разчетамъ слѣдовало ожидать, что республиканская партія захочетъ отвѣтить на вызовъ консерваторовъ своею собственною манифестаціей, то я и направился въ клубъ Бланки, который помѣщался въ зданіи знаменитой музыкальной консерваторіи Парижа. Сцена консерваторіи, освѣщенная пятью или шестью свѣчами, походила на темное подземелье и весьма мало напоминала блестящую залу европейскихъ концертовъ. Въ большой люстрѣ горѣло нѣсколько лампъ, логи были заняты людьми въ блузахъ и женщинами изъ народа. Въ партеръ пускали, или по билетамъ, или за плату одного франка при входѣ. Я помѣстился въ партерѣ. Бланки еще не было, предсѣдательствовалъ какой-то старичокъ. Одинъ господинъ, съ блѣднымъ лицомъ и черноволосый, стоялъ впереди и говорилъ съ невообразимымъ жаромъ: „Консерваторы, роялисты, мѣщане сдѣлали демонстра-

цію... надобно спасти ихъ. *Sauvons les, messieurs, sauvons les!* Сдѣлаемъ сильную народную демонстрацію, чтобъ отбить у нихъ всякую охоту мѣшаться не въ свое дѣло на будущее время. *Sauvons les* (и онъ страшно махалъ при этомъ руками) для ихъ почтенныхъ жень, умирающихъ отъ страха.“ Раздались яростныя рукоплесканія и хохоть. Едва они затихли, какъ неожиданно послышались въ разныхъ мѣстахъ залы свистки. Кто-то свиститъ на самой сценѣ. Президентъ встаетъ и говоритъ: „Разрѣшаю публикѣ самой произвести судъ и расправу надъ свисткомъ. Близь-стоящіе люди имѣють право изгнать свистуна.“ Голосъ: „Подлѣ васъ свистятъ...“ Голоса на сценѣ: „Вотъ кто свиститъ.“ Президентъ, обращаясь къ группѣ народа и къ свистуну: „Если вы имѣете что возразить на мнѣніе оратора, я вамъ даю слово.“ Голоса: *à la tribune, à la tribune!* Свистокъ внезапно скрывается. Шумъ. Президентъ стучитъ что есть мочи молоткомъ по столу. Выходитъ другой чернѣйшій человекъ (мнѣ сказали—г. Ипполитъ Боннеае, бывший актеръ въ Одеонѣ), и съ страшною быстротою произноситъ: „*Citoyens! La conduite de M. Lamartine dans l'affaire de la circulaire est déplorable.* (Граждане, поведение г. Ламартина въ дѣлѣ циркуляра самое плачевное.) Голоса: „oh, oh!“ „oui, oui!“ „non, non!“ Возлѣ меня одинъ раакраснѣвшійся слушатель, въ какомъ-то состояніи упоенія зрѣлищемъ, сперва кричитъ *oui*, а потомъ, переговоривъ съ сосѣдомъ, кричитъ *non*. Президентъ стучитъ, ораторъ послѣ оговорки въ пользу Ламартина продолжаетъ: „но намъ надобно утѣшить *добродѣтельнаго* Ледрю Роллена, во всѣхъ огорченіяхъ, которыя онъ *въпрямую* испыталъ на безкорыстной службѣ республикѣ.“ При этомъ подражаніи фразеологіи клубовъ 93 года, раздается *bravo* со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ выходитъ другой господинъ и говоритъ: „какой бы приемъ ни сдѣлала мнѣ публика, но честь составляетъ меня сказать, что я не одобряю циркуляра г. Роллена.“ Ужасный шумъ; крики: „à bas,“ смѣняющіеся криками: „*parlez*“. Ораторъ становится подъ покровительство президента. Мой сосѣдъ кричитъ страшнымъ образомъ *à bas*, но когда президентъ удерживаетъ слово за ораторомъ, также страшно кричитъ: *parlez*, бросая вокругъ себя дикіе взгляды. Между тѣмъ ораторъ уже успѣвалъ сконфузиться: „я истинный республиканецъ и въ нѣкоторой степени совер-

шенно понимаю циркуляръ.“ (*Хохотъ.*) Наконецъ является Бланки, человекъ небольшого роста, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, широкимъ и костистымъ лицомъ, похожимъ на адамову голову. Свѣтъ шандаловъ придаетъ ему синеватый оттѣнокъ. Хриплымъ и отчасти визгивымъ голосомъ Бланки сообщаетъ собранію, что на другой день назначена къ правительству депутація отъ всѣхъ ремеслъ и отъ всѣхъ клубовъ, для заявленія ему готовности народа защищать его отъ всѣхъ попытокъ возмущенія, составляемыхъ враждебными партіями. Онъ присовокупляетъ къ этому, что вмѣстѣ съ заявленіемъ вѣрности положено просить правительство: 1) Не впускать военныхъ силъ въ Парижъ; 2) отложить выборы національной гвардіи до 5 мая; 3) отложить выборы въ національное собраніе до 31 мая. Раздается сильный голосъ сверху, при послѣднемъ параграфѣ: „*Vous voulez la perte du pays.*“ (Вы хотите погубели отечества.) Всѣ расходятся въ неописанномъ волненіи...

Дѣло въ томъ, что во все время республики клубы не имѣли никакого значенія сами по себѣ. Они дали только средства предводителямъ партіи завести строгую дисциплину въ рядахъ толпы, и направлять ее по своему усмотрѣнію. Примѣръ этой военной организаціи клубовъ представила манифестація 17 марта. Клубы Барбеса и Бланки, переговоривъ съ клубомъ журнала *La Réforme* и съ префектомъ Косидьеромъ, выставили въ этотъ день совершенно организованную армію работниковъ въ 50 тысячъ человекъ. Какъ только клубы принимались за публичное обсужденіе дѣлъ и нуждъ, выходила страшная и вмѣстѣ страшная чепуха. Малая привычка общества къ политической жизни обнаруживалась тотчасъ же. Засѣданія клубовъ пробавлялись повтореніемъ журнальныхъ статей, нелѣпнымъ подражаніемъ клубамъ 93 года, а иногда и дракой, какъ это случилось однажды въ самомъ клубѣ Бланки. Только общество икарійца Кабе отличалось приличіемъ и порядкомъ своихъ засѣданій, но это потому, что въ немъ почти всегда только одинъ человекъ и говорилъ,—самъ Кабе. Иностраные клубы соперничали съ туземными въ неурядицѣ и анархіи. Кстатіи разказать, въ видѣ *pendant* къ сценѣ только что описанной нами, засѣданіе нѣмецкаго „демократическаго общества“, на которомъ мнѣ случилось присутство-

вать. Общество это, подъ предсѣдательствомъ поэта Гервега, собралось для прочтенія и одобренія поздравительнаго адреса отъ нѣмецкаго народа къ французскому, составленнаго особенною комиссiей изъ членовъ клуба. За сѣданіе началось вопервыхъ предлиннымъ кантомъ пѣснниковъ, помѣщенныхъ на хорахъ, что съ перваго раза придало ему какъ бы характеръ мессы. Потомъ едва Гервег усѣлся въ кресла и разинулъ ротъ, какъ извѣстный Венедей, въ послѣдствіи депутатъ во франкфуртскомъ парламентѣ, заготовившій свой собственный адресъ, сталъ свистѣть... шумъ поднялся страшный: „Да дайте же прочесть сперва адресъ комиссiи.“ Адресъ прочли, восторженное браво. Венедей прочелъ свой адресъ, опять восторженное браво¹. Одинъ господинъ кричитъ президенту: „я убью тебя.“ У Гервега колокольчикъ ломается въ рукахъ: онъ начинаетъ бѣситься и старается побѣдить умъ. Не тутъ-то было. Встаетъ высокій господинъ и начинаетъ бранить собственную націю. „Мы, говоритъ, нѣмецкіе медвѣди, еще смѣемъ толковать о свободѣ отечества, когда не умѣемъ вести себя прилично въ собраніи и притомъ еще на чужой сторонѣ.“ Слова восторженное браво. Выборъ адреса однакоже ни сколько не подвигался. Гервегъ прибѣгаетъ къ простому способу добиться рѣшенія общества: онъ проситъ приверженцевъ адреса комиссiи поднять руки,—огромное количество рукъ поднимается; проситъ сдѣлать то же самое сторонниковъ Венедей,—и почти одинаковое количество рукъ поднимается за Венедей. Наконецъ Гервегъ останавливается на послѣдней, рѣшительной мѣрѣ: онъ приказываетъ именно людямъ одного адреса пойдти въ лѣвую сторону, а людямъ другаго въ правую. Такъ какъ человѣку нельзя раздвоиться физически, то можно было ожидать какого-нибудь результата: толпа поколебалась и почему-то шарахнулась на правую сторону. Адресъ комиссiи восторжествовалъ. Послѣ этого чартистъ Джонсъ, нарочно пріѣхавшій изъ Англіи для

¹ Разница между двумя адресами состояла въ томъ, что Гервегъ, уже замышлявшій вооруженную экспедицію въ Германію, призывалъ содѣйствіе Франціи для возрожденія своего отечества, а Венедей, приверженецъ единства великой Германіи, глумился цюземною помощью и говорилъ съ французскимъ правительствомъ тономъ представителя могущественной націи.

этого засѣданія, произнесъ по-нѣмецки рѣчь со смысломъ и чувствомъ, въ которой между прочимъ говорилъ: „Теперь я вижу, какъ далеки еще вы, дѣти Германіи, до единопущія, которое одно въ состояніи упрочить вамъ свободу. Всякій разъ какъ увидать иностранныя посольства разногласіе между вами, они будутъ писать въ свои земли: не бойтесь здѣшнихъ Нѣмцевъ, они не страшны, они еще не соединились. Мы чартисты тѣмъ и сильны, что мыслимъ и дѣйствуемъ какъ одинъ человекъ, и насъ до трехъ милліоновъ...“ Этого сухой, рыжій великанъ, съ иностраннымъ произношеніемъ, но совершенно развязный на трибунѣ, какъ и слѣдуетъ истому Авличанину, произвелъ на Нѣмцевъ сильное впечатлѣніе. Впрочемъ замѣтимъ, что единопущіе чартистовъ и почтенная цифра ихъ, выставленная Джонсомъ, не помѣшала Лондону разсѣять всю эту партію въ одинъ день, какъ только она показалась на улицѣ. Путаница сопровождала и всѣ послѣдующія засѣданія „демократическаго клуба“. Гервегъ, самъ смѣявшійся надъ малымъ политическимъ образованіемъ своихъ соотечественниковъ, разказывалъ, что на одномъ изъ этихъ собраній, какой-то маленькій, приземистый работникъ, изъ коммунистовъ, въ порывѣ восторга отпустилъ слѣдующую фразу: „Wir wollen alles vernichten, was nicht auf der Erde ist. (Мы хотимъ все уничтожить *чего только нѣтъ на землѣ.*) Но нелѣпость нелѣпостью, а изъ нѣмецкаго демократическаго общества, такимъ образомъ составленнаго, вышло вторженіе французскихъ Нѣмцевъ въ Баденъ съ оружіемъ въ рукахъ, а изъ безалаберныхъ засѣданій, подобныхъ видѣнному нами въ музыкальной консерваторіи, родилось огромное народное движеніе, къ которому теперь и обращаемся.

На другой день, рано утромъ, Парижъ узналъ программу предстоявшаго ему зрѣлища. Такъ какъ демонстрація національной гвардіи, была направлена въ пользу Ламартина и противъ Ледрю Роллена, то новая демонстрація работниковъ и народныхъ классовъ общества должна была принять обратный характеръ, то-есть выразить осужденіе Ламартина и одобреніе Ледрю Роллена. Въ добавокъ, первая демонстрація старалась отличиться важностью, спокойствіемъ и порядкомъ; опредѣлено было придать то же качество и новой. Первая шла въ рядахъ, положено было тоже идти въ рядахъ, первая была безъ оружія, положено выйдти безъ оружія;

только вмѣсто десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ первой, рѣшено было собрать тысячъ сто для второй. Начальники распустили нарочно слухъ, что на улицахъ Парижа появится двѣсти тысячъ, между тѣмъ какъ и стотысячное число—преувеличеніе; судя на глазъ, врядъ ли была и наполовину этого на площади. Мы думаемъ, что и эта цифра все еще достаточна для удовлетворенія клубнаго или народнаго самолюбія. Начальники обществъ и выборные отъ ремеслъ приготавлиались къ этой демонстраціи уже давно, съ первыхъ минутъ волненія, произведеннаго Ледрю-Ролленовскимъ циркуляромъ. Участію Коссидьера и егоямногоч иссленныхъ, хорошо выправленныхъ агентовъ, обязано все это огромное шествіе тѣмъ строгимъ военнымъ порядкомъ, который въ немъ царствовалъ...

И вотъ, 17-го марта мѣсяца, въ полдень, Парижъ увидалъ истинно необыкновенное зрѣлище. Около двѣнадцати часовъ массы народа, въ блузахъ и сюртукахъ, съ знаменами цеховъ, корпорацій и обществъ, потянулись правильными рядами, изъ Елисейскихъ полей, гдѣ былъ сборъ, къ Ратушѣ. Мнѣ посчастливилось видѣть одну отдѣльную группу изъ этой процессіи на площади Пале-Рояля, крайне любопытную, отъ которой въ послѣдствіи многіе изъ вождей отказывались, называя разказы о ней пустою выдумкой. Толпа эта, разбитая на отряды, несла заступы, колья, ломы, лопаты, всѣ инструменты для сооруженія баррикады, а посреди ея, тоже въ отрядахъ, нѣсколько стариковъ толкали передъ собой пустыя телѣжки, употребляемыя обыкновенно для перевозки камней и земли на насыпи; словомъ, то были олицетворенныя баррикады, являвшіяся къ правительству на смотръ! Цѣльная, сплошная масса тянулась, однакоже, въ это время по набережнымъ Сены, къ Ратушѣ, отворяя на пути всѣ лавки, которыя запирались при ея приближеніи, усовѣщивая хозяевъ и даже растолковывая имъ, что дѣло идетъ не о грабежѣ. Изъ рядовъ неслабъ крику; „vive les boutiques ouvertes!“ Устроители движенія имѣли предосторожность предписать участникамъ взаимную полицію другъ надъ другомъ. Въ часъ пополудни, площадь передъ ратушей была загромождена народомъ, стройно стоявшимъ вокругъ нея, съ своими знаменами и значками, въ числѣ которыхъ находилось знамя при депутаціи ирландскихъ семинаристовъ, здѣсь воспитывающихся. Остальные

стояли по набережной. Крики: „Vive Ledru Rollin, vive la circulaire révolutionnaire“, не умокали. Множество эпизодовъ въ этой массѣ дѣлали ее какимъ-то живымъ, дѣйствующимъ лицомъ, несмотря на ея неподвижность. Я видѣлъ, напримеръ, женщину появившуюся съ ребенкомъ, въ одномъ окнѣ Ратуши: восторгъ былъ неописанный, и всякій разъ какъ ребенокъ, смотря на эту грозную толпу, билъ ручонками и начиналъ прыгать — шапки летѣли кверху и тысячи людей трепетали отъ удовольствія. Въ два часа впустили депутацию къ правительству, и тутъ-то Жераръ и Кабе представляли извѣстные требованія отъ имени народа, о которыхъ мы уже упоминали. Луи Бланъ взялся отвѣчать. Несмотря на двусмысленное его положеніе, какъ друга работниковъ и въ то же время друга Ламартина, онъ отвѣчалъ хорошо. „Не заставляйте насъ, сказалъ онъ, писать декреты подъ угрозой народа. Величіе правительства, величіе самого народа, котораго мы представители, можетъ быть этимъ унижено: мы готовы умереть, и не за себя — что мы безъ народа? — но именно за васъ, для спасенія вашего достоинства. Вспомните, что въ эту минуту глаза всей Франціи, всей Европы, устремлены на одну комнату въ ратушѣ.“ Ледрю Ролленъ, который въ эту минуту могъ сдѣлаться диктаторомъ Франціи, отступилъ передъ страшною отвѣтственностью рѣшительнаго поступка и возвратился въ лоно своихъ товарищей. Несмотря на приманку этого колоссальнаго триумфа, устроеннаго въ честь его, онъ твердо объявилъ, что отложить выборы въ національное собраніе правительство не можетъ, не узнавъ прежде мнѣнія всей Франціи. Кабе дѣйствовалъ чрезвычайно умѣренно: высказавъ свои требованія, онъ предложилъ спутникамъ своимъ тотчасъ же удалиться, для предоставленія полной свободы дѣйствій правительству. Раздались крики: „oui, oui“, „non, non“. Соборіе, одишь изъ республиканскихъ публицистовъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи большую извѣстность, потребовалъ объясненій: обладаетъ ли правительство единодушіемъ необходимымъ для успѣха дѣла? и назвалъ Ламартина. Вызовъ этотъ далъ возможность Ламартину произнести одну изъ торжественнѣйшихъ рѣчей своихъ, которая получила особенное значеніе отъ обстановки и отъ грозной минуты, какую пе-

реживалъ самъ ораторъ. Еще наканунѣ друзья предостерегали его отъ опасностей его положенія, и Ламартина отвѣчалъ на намеки увѣреніемъ, что онъ готовъ сложить голову. Конечно, вопросъ тутъ шелъ не о чьей-либо головѣ, а о предотвращеніи ужасовъ междоусобной войны во Франціи съ жертвованіями, какихъ потребуесть задача. „Господа,“ сказалъ онъ, „имя мое было упомянуто и я прошу позволенія отвѣчать на вызовъ“... Потомъ, возобновляя вопросъ о свободѣ совѣщаній правительства, онъ выразился такъ: „Что можемъ мы противопоставить вамъ? Ничего, кромѣ вашего собственнаго смысла, кромѣ могущества общественнаго разума, который дѣйствуетъ въ эту минуту между вами невидимо и принуждаетъ васъ остановиться передъ нами! Какъ велика эта нравственная сила, это доказывается тѣмъ, что мы, благодаря ей, остаемся спокойны и независимы въ виду огромной массы народа, окружающаго дворецъ, защищаемый однимъ только понятіемъ о его неприкосновенности.“ И потомъ, возражая депутаціи на три главныхъ требованія и переходя къ послѣднему (отсрочкѣ общихъ выборовъ), онъ сказалъ: „Еслибы вы вздумали заставить меня, подъ угрозой насилія, лишить голоса всю остальную націю, объявить ей, что она лишена права на представительство и на основаніе конституціоннаго порядка въ теченіи трехъ, шести, а можетъ, почемъ знать? и болѣе мѣсяцевъ, я вамъ скажу то, что говорилъ нѣсколько дней тому назадъ иному правительству: приговоръ этотъ вы можете вырвать у меня только съ моимъ сердцемъ!“ Многие депутаты, растроганные рѣчью, кинулись къ нему обнимать его, а ораторъ, ободренный успѣхомъ, прибавилъ: „Берегитесь подобныхъ собраній народа, и не шутите съ ними. 18-е брюмера народа можетъ повесть за собой 18-е брюмера деспотизма.“ Рѣчь Ламартина порѣшила дѣло. Необходимость сохранить цѣлость и независимость правительства чувствовалась неволью, какъ мы видѣли, самими депутаціями отъ народа; послѣ рѣчи Ламартина не могло быть болѣе и помина о раздробленіи властей. Ледрю Родленъ такъ вошелъ въ роль самоотреченія, что въ одинъ голосъ со всѣми товарищами не соглашался, покамышъ, ни на одно изъ требованій клубовъ. Мало того: вечеромъ того же дня, когда одна отдѣльная группа рѣшилась еще попы-

татъ счастья и пришла къ нему, прямо въ министерство, съ предложеніемъ согласиться, по крайней мѣрѣ, на оставленіе войска за городомъ, онъ отвѣчалъ рѣшительно: „Нѣтъ, граждане, подобныя чувства несправедливости и недовѣрія не могутъ жить въ сердцахъ вашихъ. Мы всѣ благодаримъ васъ за ваше участіе къ намъ; мы благодаримъ всю національную гвардію за удивительную ея дѣятельность, которая упрочила порядокъ въ нашемъ городѣ; но мы не хотимъ злоупотреблять долге вашимъ усердіемъ и призовемъ на помощь вамъ братій вашихъ по арміи.“

Депутатіи клубовъ рѣшились наконецъ удасться, но народъ, не вполнѣ довольный малымъ успѣхомъ требованій, предъявленныхъ отъ его имени, вызывалъ къ себѣ самое правительство. Массамъ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, лично заявить, что онѣ берутъ Ледрю Роллена подъ свое покровительство и противопоставляютъ его любимцу мѣщанъ и авочниковъ Ламартину. При кликахъ народа, на крыльцѣ и эстрадѣ Ратуши, показалось временное правительство въ полномъ своемъ составѣ. Понятно, что никто не могъ говорить съ толпой теперь, кромѣ Луи Блана, посредника между двумя министрами, раздѣлявшими симпатіи парижскаго населенія. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ, были покрыты рукоплесканіями, но всѣ глаза, всѣ руки и всѣ клики направлены были къ Ледрю Роллену. „Vive Ledru Rollin“ носилось въ воздухѣ оглушительно: Онъ молчалъ, и на полномъ, открытомъ, сангвиническомъ лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ твердой рѣшимости выйдти изъ Ратуши, вмѣстѣ со всеми товарищами. Политическій день кончился.

Давъ этотъ косвенный выговоръ Ламартину, вся масса тронулась, и тѣми же правильными рядами направилась къ Бастильской площади. Тамъ, въ глубокомъ молчаніи и съ открытыми головами, она прошла кругомъ іюльской колонны, свершая поминки по убитымъ 1830 года, а потомъ двинулась въ богатые и аристократическіе кварталы города, съ явною цѣлью распространить спасительный ужасъ на заговорщиковъ и недовольныхъ. Я опять встрѣтилъ голову этой чудовищной, нескончаемой колонны: она пѣла хоромъ „La marseillaise“, „chant du départ“ и другія республиканскія пѣсни. Никто не отдѣлялся отъ рядовъ; только

пѣсни, по временамъ, прерывались криками, впрочемъ не нарушавшими ихъ мѣрнаго такта, которые требовали, чтобы встрѣчные пѣшеходы, зрители въ окнахъ и хозяева у лавокъ кричали: „Vive la république“ и снимали шляпы передъ царствующимъ народомъ. Масса эта остановилась на минуту у биржі и провозгласила: „à bas les agioteurs“, а затѣмъ, одна часть ея отдѣлилась и перешла въ Сень-Жерменскій кварталъ. Тамъ, проходя мимо всѣхъ этихъ дворцовъ, по обыкновенію, съ глухо-на-глухо запертыми воротами, они пѣли, „ça ira“. Никто при этомъ, однакожь, не былъ оскорбленъ ни въ личности, ни въ имуществѣ. Страсти видимо сдерживались цѣлью, которую задала себѣ толпа, именно уничтожить попытку какого-либо сопротивленія новому порядку дѣлъ одною грозой своего появленія. Если принять въ соображеніе, что подъ всеми этими знаменами легко было различить самому бѣглому взгляду множество лицъ, на которыхъ гнѣвъ и ярость ожесточенной бѣдности оставили свои несомнѣнные признаки, и множество глазъ, горѣвшихъ свирѣпымъ огнемъ, то поймемъ, что скромность толпы стоила ей значительныхъ усилій. Вечеромъ разрѣдѣвшія обломки ея ходили группами по городу, заставляя пламуциновать дома и покрикивая иронически: „des lampions ou des pierres.“ По первому такому приказанію городъ зажегся разноцвѣтными огнями съ верху до низу. Въ часъ ночи все было пусто на улицахъ, но дома продолжали горѣть, заливая улицы рѣками свѣта и образуя фантастическую декорацію. На другой день все вошло въ обычный порядокъ; буря протчалась, люди вздохнули свободнѣе, но во всѣхъ углахъ Парижа слышался одинъ и тотъ же вопросъ изумленія: неужели все это могло пройти такъ, городъ остался цѣлъ и никто не заплатилъ за спектакль? *Journal des Débats*, разказывая вкратцѣ событія дня, буквально повторилъ этотъ вопросъ.

Въ сущности онъ даромъ и не прошелъ. Впервыхъ, правительство, несмотря на ту маску независимости, которую позволили ему сохранить до времени, не устояло подъ давленіемъ такого страшнаго гнета. Оно отложило выборы національной гвардіи до 5 апрѣля, а выборы въ національное собраніе до 23 того же мѣсяца, забывъ превосходные резоны, на основаніи которыхъ сопротивлялось

этой мѣрѣ. Въ вторыхъ, сами устроители и начальники движенія поняли тотчасъ же, что играли съ огнемъ: въ клубахъ оказалось разногласіе на другой же день манифестаціи. Одни изъ нихъ заговорили, что она ни къ чему не повела, кромѣ бесполезнаго раздраженія владѣющихъ классовъ, а можетъ-быть и всей земли; другіе, напротивъ, что она зашла далеко,—но все это было уже поздно. Какъ трепетали сами республиканцы за себя и за участіе Франціи, при этой выставкѣ матеріальныхъ силъ, заключающихся въ пролетаріатъ, доказали оба правительственные журнала: демократическая *La Réforme* и чисто республиканскій *Le National*. Въ самый день торжественнаго шествія пролетаріата по Парижу, оба они единогласно умоляли оскорбленныхъ гражданъ національной гвардіи не заводить, изъ пустаго тщеславія, драки съ народомъ, и не дѣлать такимъ образомъ столицы Франціи позорищемъ братоубійственной войны. Этого не случилось, но національная гвардія, а съ нею и все земледѣльческое населеніе Франціи затаили на время обиду и ждали перваго случая отомстить за нее. Случай не замедлил представиться: 16-го слѣдующаго апрѣля, они вдвоемъ отвѣчали клубамъ и работникамъ точно такую же колоссальною манифестаціей, но уже при кликахъ: „долой коммунистовъ“. Мартовская драма имѣла злое потомство; она вызвала апрѣльскую драму, которая съ своей стороны разрѣшилась майскою, а эта наконецъ произвела іюльскую рѣзню — послѣдній актъ всей эфемерной французской республики...

Въ шумъ, произведенномъ циркуляромъ Ледрю Роллена, пропалъ другой циркуляръ министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Карно, отъ 6 марта. Впрочемъ надо замѣтить, что Ледрю Ролленъ своимъ циркуляромъ 12 марта затмилъ собственныя свои распоряженія, рѣшительныя не менѣе его знаменитаго послѣдняго наставленія комиссарамъ правительства. Еще 8 марта онъ предписывалъ имъ обратить особенное вниманіе на положеніе работниковъ каждаго департамента, и прибавлялъ такую вызывающую фразу: „Республика *ими* основана и *для* нихъ существуетъ“ (*c'est par eux et pour eux que s'est fondé la République*). Карно взялъ на свое попеченіе крестьянъ. Слѣдуя основной мысли Ледрю Роллена, онъ предписывалъ рек-

торамъ учебныхъ округовъ стараться прежде всего привлечь крестьянъ къ выборамъ, употребляя для этого вліяніе школьныхъ учителей, которые между ними живутъ и имъ уважаются. Изъяснивъ далѣе, что Франція нуждается не столько въ ученыхъ и ораторахъ, сколько въ новыхъ людяхъ и въ ясномъ выраженіи нуждъ народныхъ, Карно восклицалъ: „Пусть 36 тысячъ нашихъ школьныхъ учителей возстанутъ по моему призыву и сдѣлаются глашатаями новыхъ основаній народнаго образованія передъ сельскимъ населеніемъ нашимъ. Франція жаждетъ новыхъ людей.“ И потомъ, какъ бы поправляя самого себя, Карно продолжалъ: „Да отчего бы школьнымъ учителямъ ограничиться одною этою проповѣдью, а не занять и самимъ мѣста въ средѣ ожидаемыхъ новыхъ людей? Пусть придутъ они къ намъ во имя тѣхъ сельскихъ классовъ, въ нѣдрахъ которыхъ они родились и страданія которыхъ они раздѣляли вполнѣ. Таковъ, господинъ ректоръ, новый видъ общественной службы, которой я ожидаю отъ гг. школьныхъ учителей въ это революціонное время.“ Документъ этотъ, какъ мы сказали, былъ заслоненъ циркуляромъ Роллена, но въ замѣтъ того онъ возбудилъ жаркую полемику по ту сторону Канада, въ Англіи, на родинѣ представительнаго правительства, и удостоился тамъ подробнаго изслѣдованія. Особенно задѣло англійскую журналистику вступленіе, гдѣ Карно излагаетъ свой взглядъ на значеніе представительной системы вообще. По его мнѣнію, хорошая республиканская палата есть не что иное какъ собраніе присяжныхъ, гдѣ большинство рѣшаетъ черезъ *да* или *нѣтъ* предложенія выработанныя специальными, избранными людьми. Малообразованный и даже безграмотный человѣкъ, но съ здравымъ смысломъ, любовью къ народу и знаніемъ его нуждъ, какъ нельзя лучше помѣститъ при этомъ свое *да* или свое *нѣтъ*, Афоризмы Карно, возбудившіе интересъ въ Англіи, едва были выслушаны въ своемъ отечествѣ тѣмъ сельскимъ населеніемъ, къ которому обращались, да и благія послѣдствія, какихъ могло еще ожидать республиканское правительство отъ распространенія ихъ въ народѣ, оно же само и постаралось уничтожить въ зародышѣ. Десять дней спустя послѣ появленія циркуляра Карно, товарищъ его, министръ финансовъ,

Гарнье-Пажесь опубликовалъ декретъ о прибавочномъ налогѣ въ 45 сантимовъ на каждый франкъ, падавшемъ преимущественно на крестьянъ-землевладѣльцевъ, чѣмъ возбудилъ между ними сильное подозрѣніе, что всѣ заживающія слова, къ нимъ обращенныя, только маска, иная съ цѣлю ловчѣе развязать ихъ кошельки и причинѣ обременить собственность. Этотъ послѣдній, важный документъ временнаго правительства, имѣлъ тоже свою торію, которую мы и разкажемъ.

Банкиръ Гудшо, первый по времени министръ финансовъ новой республики, въ короткій срокъ своего управленія, сдѣлалъ однакоже такую крупную ошибку, что приобрѣлъ въ имя себѣ. Изъ пустаго желанія показать, что ни-го не пережѣвилось во Франціи съ 24 февраля, кромѣ ормы правленія, онъ бросилъ 50 милл. на уплату владѣльцѣмъ 5⁰/₀-й рейты еще до срока. Разумѣется, настоящее по-жевіе дѣлъ скоро обнаружилось, а казначейство утратило 1 милл. фр. въ самую трудную для себя минуту.

Иначе поступилъ Гарнье-Пажесь, назначенный вскорѣ министромъ финансовъ, и уступившій мѣсто мера города Парижа Арману Маррасту, предварительно отказавшемуся отъ управленія коронными имѣніями, которое ему было предложено. Гарнье Пажесь представилъ 9 марта временному правительству свой знаменитый про-граммный докладъ, гдѣ изображалъ Францію на краю финансовой гибели. По его соображеніямъ, администрація Людовика Филиппа сдѣлала въ теченіи семи лѣтъ (то-есть въ министерство Гизо, съ которымъ Гарнье велъ непримиримую парламентскую войну) болѣе 912¹/₂ милл. долга, а въ послѣдніе дни своего существованія (то-есть въ 268 дней) издерживало каждый день по одному слишкомъ миллиону сверхъ положеннаго. Суммы эти она покрывала самымъ опаснымъ для государства способомъ, именно захватывая деньги сберегательныхъ кассъ, которыя всегда могли быть потребованы вкладчиками, и занимая у казначейства въ счетъ будущихъ доходовъ. Такимъ образомъ возникъ, наканунѣ революціи, долгъ сберегательнымъ кассамъ въ 350 милл. и долгъ казначейства, выпускавшаго на себя облигаціи (bons de trésor), въ 325 милл. Для покрытія перваго долга, въ февралѣ 1848 года, состояло наличной суммы въ кассѣ

только 65½ милл., а для покрытія втораго не было ничего, такъ какъ суммы, опредѣленныя на это изъ комиссіи погашенія (amortissement), были предварительно растрачены на постройки желѣзныхъ дорогъ и публичныя работы, которыми такъ хвасталось правленіе Лудовика Филиппа. Гарнье Пажесъ еще не удовольствовался этою мрачною картиной: онъ объявлялъ, что къ концу 1848 года наступило бы для Франціи неизбежное банкротство, ибо расходы государства должны были, несмотря на всѣ сдѣланные имъ долги, превысить бюджетъ 73½ милліонами. Министръ заключалъ свой докладъ восклицаніемъ: „Да, граждане, провозгласимъ съ радостію и гордостію ту истину, что ко множеству правъ, которыя имѣетъ республика на любовь народа и на уваженіе свѣта, должно присоединиться еще новое: республика спасла Францію отъ банкротства!“ Это было сильно сказано, но уже и тогда люди знавшіе въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится во Франціи наука группировать цифры, сомнѣвались въ непогрѣшительности всѣхъ выводовъ г. Пажеса. Дѣйствительно вскорѣ выяснилось, что министръ забылъ упомянуть свойствѣ тѣхъ вкладовъ сберегательной кассы, которыя помѣщены туда общинами и ассоціаціями, живущими на проценты и никогда не трогающими своихъ капиталовъ: это мертвые капиталы, и они-то составляютъ едва ли не половину всего имуществва кассы; что же касается до второй подвижной половины ихъ суммъ, то касса приобрѣла 5%-ю ренту, дающую имъ 8 милл. процентовъ, и представляющую капиталъ то же около 200 милл. Если съ этой стороны опасность кризиса была преувеличена министромъ, то съ другой состояніе комиссіи погашенія оцѣнено имъ не совсѣмъ вѣрно. Она не была совершенно пуста, какъ утверждалъ г. Пажесъ, а напротивъ числила у себя 80 милл. и притомъ, съ цѣлію покрыть эту статью, окончательно заключенъ былъ при Лудовикѣ Филиппѣ заемъ въ 200 милл. на очень выгодныхъ условіяхъ, и очень хорошо поступавшіе въ казну. Какъ бы то ни было, но впечатлѣніе произведенное докладомъ Гарнье Пажеса въ публикѣ нисколько не было ослаблено возражателями, потому что и сами они признавали тяжесть общаго долга, лежащаго на Франціи: массу долговъ казначейства, ничѣмъ не прикрытыхъ, по

случаю прерваннаго займа и важнаго дефицита, который грозилъ республиканскому бюджету въ концѣ года ¹.

Вслѣдъ за докладомъ своимъ, министръ объявлялъ пять декретовъ временнаго правительства, имѣвшихъ цѣлю поправленіе печальнаго положенія дѣлъ. Первымъ изъ нихъ, оно затрудняло обратное полученіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ, предписывая удовлетворять сполна монетой только владѣльцевъ единственнаго капитала во сто и менѣе франковъ; прочіе вкладчики получали, слѣдуя опредѣленной лѣтствицѣ, десятый процентъ монетой, а остальное 5%₀-ю рентой на государство и облигаціями казначейства (bons de trésor) тоже въ 5%₀; вторымъ назначались въ продажу коронныя брилліанты, а все серебро дворцовъ присуждалось къ переливкѣ въ монету; третьимъ опредѣлено продать ту часть коронныхъ имѣній (les biens de l'ancienne liste civile), которую укажетъ министръ, съ такими облегченіями для покупателей, что они обязываются къ немедленному взносу только ¹/₄ всей продажной суммы, а на остальныя ³/₄ даютъ обязательства на себя. Документы эти, помѣченныя штемпелемъ государства, могутъ быть пускаемы въ обращеніе, какъ монета, увеличивая собою количество мѣдовыхъ знаковъ. Четвертымъ дозволялось продать нѣкоторую часть государственныхъ лѣсовъ, и наконецъ пятымъ заключить національный заемъ, примѣрно во 100 милл., подписчики котораго получаютъ пяти-процентную ренту на государство.

Все это было легче написать чѣмъ привести въ исполненіе. Декретамъ Гарнье Пажеса не доставало нужнаго авторитета, сообщаемаго обыкновенно подобнымъ мѣрамъ законодательною палатой, и контроль ихъ ожидавшій былъ контроль клубовъ, а не учреждений. Въ жизни обществъ случаются политическіе и финансовыя кризисы, когда управлять невозможно. Финансовыя декреты правительства

¹ Сумма дефицита оказывалась изъ слѣдующаго распisanія бюджета на 1848 годъ:

Доходовъ . . .	1.370.978.010
Расходовъ . . .	1.420.978.607
Недочетъ . . .	49.264.597 фр.

Присовокупляя къ этому 23.379.000 ф. отъ излишне-высокой оцѣнки рентъ, которыми владѣетъ государство, видимъ, что дефицитъ достигалъ предполагаемой цифры 73.643.597 фр.

явились на свѣтъ мертворожденными. Едва показались они въ *Мониторъ*, какъ ихъ встрѣтило единодушное осужденіе съ двухъ противоположныхъ сторонъ: отъ консерваторовъ, за то что они воскрешали, посредствомъ обязательствъ на покупателя и, вѣроятно, фиктивной продажи имѣній, старыя ассигнаціи, уже надѣлавшія столько бѣдъ первой республикѣ; отъ республиканской и социалистской партіи, за то что продажа лѣсовъ и коронныхъ земель въ частныя руки, раздробляя государственное достояніе, способствовала бы распространенію мелкой собственности, между тѣмъ какъ спасеніе Франціи зависѣло именно отъ уменьшенія этой собственности и сбереженія большихъ земельныхъ участковъ, для обработки ихъ ассоціаціями, подъ надзоромъ правительства. По обыкновенію, клубы и журналы выслали депутатовъ въ Ратушу съ своими протестаціями, и вліянія ихъ было достаточно чтобы весь финансовый планъ г. Пажеса разлетѣлся въ прахъ. Въмѣсто продажи коронныхъ земель и лѣсовъ, они просто отданы были, 29 марта, въ управленіе государственными имуществами, на общихъ основаніяхъ. Объ отчужденіи брилліантовъ, дворцоваго серебра и проч., почти не было и помину на другой день декрета. Черезъ недѣлю стало всѣмъ очевидно, что и предполагаемый заемъ также не можетъ состояться, по отсутствію кредита и укрывательству капиталовъ. Въмѣсто него учреждена была коммиссія патриотическихъ приношеній (*des dons patriotiques*). Ее помѣстили въ Елисейскомъ дворцѣ, *Elysée Bourbon*, нѣкогда собственности перваго Наполеона, и снабдили, въ видѣ пресѣдателей, популярными именами Беранже и Ламене. Дѣйствительно, къ ней тотчасъ же и потянулись эффектные процессіи работниковъ, съ ихъ *экономіями*, которыя обыкновенно неслись на носилкахъ, въ ящикахъ, украшенныхъ лентами и вѣнками, и сопровождались толпами добродетельныхъ дѣтей; но въ теченіи трехъ мѣсяцевъ коммиссія не собрала и 500 тыс. франковъ приношеній, да и добрая часть самой этой цифры составила изъ взносовъ банкировъ и вообще достаточныхъ людей, имѣвшихъ свои виды на республику.

Надо было отыскать другія мѣры для покрытія дефицита. Г. Пажесъ имѣлъ несчастье остановиться на одной, которая нанесла сильный ударъ дѣлу республики

во Франціи. 16 марта, по его предложенію, 4 прямые налога поражены были добавочнымъ платежомъ въ 45 сант. Декретъ имѣлъ временное значеніе, и добавка эта требовалась на одинъ только 1848 годъ; но это именно и способствовало тому, чтобы въ крестьянахъ, естественныхъ плательщикахъ прямыхъ налоговъ, 1848 годъ считался годомъ бѣдствія, а республика, имъ порожденная, событіемъ ненавистнымъ. Клубы опять ходили къ правительству, правительство опять смягчило декретъ, объявивъ, что оно не намѣрено строго взыскивать налогъ и постарается освободить отъ него дѣйствительно неимущихъ людей. Это значило сохранить только непріятную сторону распоряженія и отказаться отъ выгодной... но все было напрасно... Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, когда декретъ сталъ приводиться въ исполненіе, многочисленныя, иногда кровавыя схватки крестьянъ со сборщиками податей показали какъ думается о немъ сельское населеніе и какъ мало надежды водворить любовь въ его сердцахъ къ республиканской формѣ правленія.

Но мелкіе собственники Франціи раздражены были не однимъ этимъ обстоятельствомъ. Они сошлись со всѣми мажорными классами государства въ мнѣніи насчетъ одного отвлеченнаго экономическаго принципа — права на работу, *droit au travail*, твердо введеннаго Луи-Бланомъ, какъ извѣстно, въ программу правительства. Принципъ этотъ, на первыхъ порахъ, явился въ довольно-неблагоприятномъ образѣ работниковъ прокармливаемыхъ государствомъ, безъ всякихъ результатовъ для него, кромѣ развѣ временной и еще весьма сомнительной поддержки общественнаго спокойствія. Мы уже знаемъ, что 6 марта, имѣя въ виду работниковъ лишенныхъ средствъ труда, по обращенію всей производительности Франціи вообще, правительство декретировало устройство „національныхъ мастерскихъ“. Послѣ событій 16 марта, министръ публичныхъ работъ, Мари, уже объявлялъ, что и пристроенные работники бѣгутъ отъ своихъ мѣстъ, и умолялъ народъ возвратиться къ занятіямъ и труду, первымъ основаніямъ благосостоянія государствъ. Но обычныя условія труда казались уже невыносимыми тѣмъ людямъ, которые могутъ повелѣвать Парижу и сами *дѣлать исторію*, по выраженію. *National* Новыя мастерскія, однакоже, не такъ

легко было устроить и направить, какъ уличную процессію: требовалось время, выборъ работы, обдуманнѣйшій уставъ. По неволѣ приходилось или давать по одному франку въ день даромъ, или платить по два франка въ день за воображаемую расчистку Марсовыхъ полей и ничтожныя земляныя работы вокругъ города. ¹ Можно сказать съ достовѣрностію, что истинно трудовые люди изъ простаго класса смотрѣли на этихъ работниковъ, обыкновенно спавшихъ на своихъ тележкахъ, или собиравшихся въ праздныя кучки, съ такимъ же точно негодованіемъ и съ такою же затаенною злобой, какъ могли бы они смотрѣть на любого мѣщанина-собственника, плотно пообѣдавашаго и обезпеченнаго въ своемъ существованіи. Такимъ образомъ мартъ мѣсяцъ накоплялъ все болѣе и болѣе горючихъ матеріаловъ. Замѣчательно, что никто и не сомнѣвался въ близости пожара. Нѣкоторая часть правительства еще возлагала надежды, въ дѣлѣ спасенія республики, на люксамбургскую комиссію. Члены этой правительственной партіи ждали оттуда провозглашенія какихъ-либо новыхъ основаній общественнаго порядка, которыя можно было бы признать официальною программой правительства въ его отношеніяхъ къ внутреннимъ силамъ, труду и хозяйству государства. Всякій разъ, какъ одолевали его требованія и вопли хозяевъ и работниковъ, по разнымъ частямъ бѣдствующаго мануфактурнаго и земледѣльческаго производства, правительство указывало имъ на люксамбургскую комиссію, какъ на мѣсто гдѣ вырабатываются для всѣхъ основанія лучшей будущности: нѣкоторое время оно успѣвало отводить этимъ способомъ глаза первыхъ и обманывать голодъ вторыхъ. Однакоже, при дальнѣйшемъ развитіи трудовъ комиссіи, надежды все болѣе и болѣе ослабѣвали съ обѣихъ сторонъ. Мы не намѣрены излагать здѣсь исторію работъ въ люксамбургской комиссіи, такъ

---

¹ Бѣдныя работницы Парижа, классъ дѣйствительно безпомощный не въ одномъ Парижѣ и не въ одно революціонное время, получили свою долю вспоможенія. Изъ нихъ составлено было собраніе, подъ предсѣдательствомъ мера и подъ руководствомъ гражданокъ Ламартинъ и Малле, которое вело списки работницамъ безъ мѣстъ и безъ заказовъ, получавшимъ за тѣмъ по 50 сантимовъ въ день. Минъ ни разу не случилось услышать или прочесть упрекъ временному правительству отъ кого-либо за употребленіе этихъ денегъ.

какъ она составляла совершенно отдѣльный эпизодъ въ ходѣ революціи и поэтому требуетъ отдѣльной статьи. Скажемъ только, что положенія, выставленныя ею, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ заставаній, какъ аксіомы производительной жизни государства, или были вовсе не приложены, или требовали многотрудныхъ, терпѣливыхъ усилій для приложенія къ дѣлу, или не подавали надежды на успѣхъ въ предстоявшей борьбѣ съ національнымъ собраніемъ, которое неизбѣжно стало бы охранять историческія преданія труда и производства. Впрочемъ, цеховой и ремесленный народъ и не думалъ дожидаться подробнаго изясненія новой теоріи, а еще менѣе смотрѣть терпѣливо на упорную битву ея съ условіями экономическаго быта, на медленный переходъ въ убѣжденія, привычки и жизнь страны. Народъ бросался къ оружію всакій разъ какъ только представлялся случай, провозглашая неизмѣнно одни и тѣ же отвлеченныя понятія о равенствѣ, братствѣ, общемъ трудѣ, общемъ довольствѣ и пр., къ которымъ приучили его вожаки, бывшіе двигателями всѣхъ, прежнихъ революцій въ государствахъ и въ которыхъ, по его мнѣнію, заключалась сила измѣнить мгновенно существующій порядокъ вещей, какъ бы по волшебному слову. Очутись побѣда на его сторонѣ, онъ остался бы опять съ одними отвлеченными понятіями, и снова тяжело и неохотно принялся бы за разработку ихъ, конца которой, вѣроятно, опять бы не дождался.

II. Физиономія Парижа въ мартѣ мѣсяцѣ.

Можно было подивиться, съ какою скоростію добропорядочный и чопорный Парижъ короля Луи-Филиппа превратился въ демократическій станъ бѣднаго городского населенія, гдѣ забота о чистотѣ и соблюденіи вообще уставовъ городского благочинія, конечно, не считалась особенно важнымъ дѣломъ. Казалось, революція была сдѣлана для того чтобы показать сколько таилось въ Парижѣ нищеты, физическаго безобразія, позорныхъ промысловъ и болѣзней; все это вышло изъ темныхъ закоулковъ, гдѣ все это крѣпко держала дотолѣ полиція бывшего министра внут-

реннихъ дѣлъ, Дюшателя, и сѣло публично на улицахъ и тротуарахъ самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ частей города. Извѣстно, что по мѣрѣ паденія серьезныхъ промысловъ, всегда возникаютъ мелкіе и нищенскіе, на манеръ италіянскихъ, которые въ другихъ странахъ обыкновенно дожидаются ярмарокъ. Теперь именно настала ихъ очередь. Тротуары бульваровъ, по всему своему протяженію, были загромождены показывателями обезьянъ, мальчишками страшно коверкавшимися на разостланныхъ коврикахъ, шарлатанами всѣхъ возможныхъ родовъ, и даже азартными игроками, которые выставили рулетки и фараоны, выманывая копѣйку у взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей на приманку выиграть пряникъ или карикатуру на Лудовика Филиппа, изображающую его бѣгство въ Англію. Все это кричало и вопило, окруженное, по большей части, любопытною, но бѣдною и не очень великодушною толпою. Каждая такая группа еще издали возвѣщала о себѣ трехцвѣтнымъ знаменемъ, которое осѣняло дѣйствовавшего въ ней фокусника и служило ему вывѣской, прикрывая точно также и всѣхъ какъ истинныхъ, какъ и фальшивыхъ нищихъ, поселившихся на улицѣ. Между этимъ народомъ вращались, въ добавокъ, разнощики газетъ, умѣвшіе перекричать самыхъ рьяныхъ ораторовъ мостовой. Рѣзкіе возгласы ихъ: „*voyez la Presse! voyez le National!*“ а иногда и краткое изложеніе главной новости журнала проносилось подъ ухомъ внезапно и неприятно. По мѣрѣ того, однакожь, какъ полѣзли тротуары, захватывая окраины улицы, сама улица тоже измѣнялась: на ней рѣдѣли экипажи и затихало движеніе имущихъ классовъ общества. Неизмѣнные дилжансы-омнибусы, свершающіе подобно планетамъ свой ежедневный круговой объѣздъ Парижа, разумѣется, развѣзжали попрежнему, но уменьшеніе частныхъ экипажей сдѣлалось замѣтно тотчасъ же. Достаточные люди или выѣзжали изъ Парижа, или отпускали лошадей, съ цѣлью затеряться на время въ торжествующей, революціонной толпѣ.

Мы уже отчасти знаемъ фізіономію парижскихъ клубовъ и какъ тамъ шли дѣла. Многочисленность и разрозненность клубовъ была спасеніемъ временнаго правительства: благодаря этому обстоятельству, ни одинъ изъ нихъ не овладѣлъ исключительно общественною мыслию, не pri-

обрывъ сокрушительной силы, которая при господствѣ воспоминаній 93 года въ этихъ собраніяхъ, незрѣлости ихъ убѣжденій и распущенности политической фантазіи, могли бы сдѣлаться источникомъ немаловажныхъ событій. Бѣда эта была отчасти замѣчена самими дѣятелями революцій и понудила ихъ составить центральный клубъ изъ представителей всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе серіозно утвердившихся въ Парижѣ. Онъ назвался club de la Révolution, выбралъ себѣ президентомъ Барбеса, помѣстился въ Палероаль, и завелъ свой органъ въ печати: *La commune de Paris*. Это новое собраніе, по идеямъ, въ немъ господствовавшимъ, нисколько не возвышалось надъ прочею братіей своею, взятою въ разбивку; но оно сосредоточило матеріальную силу, въ нихъ находившуюся, и сдѣлало возможнымъ пятидневную битву рабочаго населенія съ войскомъ и со всѣми силами правительства въ іюнѣ мѣсяцѣ. До тѣхъ поръ плачевное состояніе раздраженной, но безплодной и тупой мысли, сказывалось и тутъ, какъ и вездѣ, анархіей засѣданій и чудовищностію вносимыхъ на разсужденіе проектовъ. Въ одномъ изъ обществъ (*institution oratoire*), напримѣръ, толковали о составленіи двухъ правительственныхъ палатъ — одной нижней, которая будетъ называться „камерой талантовъ“, и заключать въ себѣ знаніе и способности, соотвѣтствуя прежней палатѣ депутатовъ, и одной верхней, имѣющей называться „камерой добродѣтели“, исполнять назначеніе бывшей палаты перовъ, и состоять изъ лицъ, получившихъ Монтионовскую премію за подвиги и примѣрный образъ жизни.

Особенно посчастливилось идеѣ *выкупа* всѣхъ возможныхъ имуществъ и цѣнностей для обращенія въ собственность народа или его природнаго опекуна, правительства. Грубая простота идеи приходилась рѣшительно по вѣсьмъ головамъ и занимала ихъ безъ усталы, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ каждой наслажденіе чувствовать себя на высотѣ современныхъ требованій. Выкупъ не сходилъ съ языка у ораторовъ, и освобождалъ отъ труда мыслить что-либо другое. Отовсюду неслись голоса — выкупить желѣзныя дороги и отдать правительству, выкупить акціи банка и отдать правительству, выкупить фабрики и мастерскія у раззоряющихся хозяевъ и отдать правительству. Въ перемежку съ этою панацеей противъ всѣхъ общественныхъ

золь, и отчасти выдерживая съ ней соперничество, провозглашались рѣшительныя мѣры для отвращенія скудости въ деньгахъ и наполненія государственной кассы. Мѣры эти были свободныя варіаціи на темы социализма, исполняемыя каждымъ по мѣрѣ силъ и способностей. Такъ нескончаемо тянулись предложенія въ клубахъ о наложеніи особенной пошлины на жильцовъ первыхъ этажей, о вычетахъ изъ жалованья *платяго народа* должностнымъ лицамъ, объ отобраніи у домовладѣльцевъ той платы за квартиры, которую получаютъ они впередъ и съ которой пользуются, слѣдовательно, незаконными процентами и проч. ¹ Нѣкоторыя изъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ приведены были даже въ исполненіе. Такъ префектъ Ліона, Эмануэль Араго, издалъ декретъ, по которому никто не имѣлъ права вывезти изъ города болѣе 500 франковъ, и завелъ для этого осмотръ и обыскъ путешественниковъ на таможахъ. Мѣра эта возбудила всеобщее негодованіе и дала случай возвыситься до героизма журналу *La Presse*, назвавшему распоряженіе это *крайню тираніей* и призывавшему всѣхъ гражданъ къ сопротивленію ей *до смерти*. Никто не былъ изъятъ изъ общей болѣзни произведенной броженіемъ разныхъ истинтковъ, которымъ хотѣлось попасть въ политическія и общественныя идеи. Степенный клубъ Барбеса, состоявшій изъ всѣхъ журнальныхъ и другихъ знаменитостей партій: Собріе, Коссидьера и проч., не уступалъ соперникамъ своимъ въ странности этихъ проявленій потемненнаго или блуждающаго сознанія. Онъ принялъ какой-то мистическій отъенокъ, заставившій его, между прочимъ, сопротивляться

¹ Иногда первую инстанцію, по которой шелъ проектъ къ своему осуществленію или, лучше, къ своему уничтоженію, составляли стѣны Парижа, то-есть плакарды, на нихъ вывѣшенный. Со стѣны проектъ являлся въ клубъ, изъ клуба несся въ ратушу, а въ ратушѣ, смотря по вліянію лицъ и сущности дѣла, или превращался въ бездѣйственный декретъ, или клался подъ сукно. Такимъ путемъ шелъ, между прочимъ, плакардъ: „Un million des émigrés“ (милліонъ эмигрантовъ), предлагавшій изыскать обратнo съ роялистскихъ фамилій милліарды, выдаваемый имъ, съ согласія представителей, Лудовикомъ XVIII за потерю имуществъ въ первую революцію; другой подъ заглавіемъ: „La France riche dans 8 jours“ (Франція, обогащенная въ одну недѣлю), предлагавшій, кромѣ пошлинъ и поборовъ, еще повудить владѣльцевъ монеты вымѣнивать ее на облигаціи казначейства, которыя должны составлять единственную монету государства, и множество другихъ подобныхъ.

кандидатурѣ на депутатство бывшаго пера Франціи и редактора, д'Альтона Ше, за то что убѣжденія сопскаателя, относительно предметовъ мистики, были сомнительнаго свойства. Когда въ люксамбургской комиссіи поднять былъ вопросъ о равномѣрной платѣ всѣмъ работникамъ, несмотря на ихъ способности и производительность, Барбесъ явился горячимъ защитникомъ ея мысли. Этотъ высокій и статный человекъ, съ воинскою осанкой, длинными, полусѣдыми усами, твердымъ, честнымъ и рыцарскимъ выраженіемъ въ лицѣ, защищалъ мысль комиссіи на слѣдующихъ основаніяхъ, покрывавшихся громкими рукоплесканіями: „Если я, говорилъ онъ, по силамъ и средствамъ моимъ, могу поднять тяжесть въ четыре пуда, должны ли я получать болѣе задѣльной платы чѣмъ мой слабый товарищъ, который не можетъ справиться и съ двумя пудами? Очевидно, что задѣльная плата не должна имѣть мѣркой своею способность или производительность человека, да это противно и христіанскому ученію.“ Мы уже не упоминаемъ о кабакахъ, гдѣ и уравниеніе труда въ одной общей платѣ было устранено, а толковалось объ уравниеніи образа жизни, всѣхъ вкусовъ и наклонностей разными *понижительными* *мѣрами*. Были и такіе, которые занимались воспитаніемъ народа по тѣмъ же бойкимъ, ничѣмъ не ограничивающимъ себя программамъ. Такъ въ клубѣ „Юной Горы“ (De la jeune Montagne) положено было требовать замѣщенія статуи прежнихъ королей, еще находящихся кое-гдѣ въ Парижѣ, статуями мучениковъ 9-го термидора и проч.

Пренія всѣхъ этихъ собраній не замирали въ стѣнахъ гдѣ они помѣщались; напротивъ, на другой же день, сущность ихъ излагалась въ особыхъ афишахъ (часто офиціальнымъ языкомъ, въ видѣ совсѣмъ изготавленнаго правительственнаго декрета), и украшала дома и заборы Парижа. Городъ былъ покрытъ разноцвѣтными публикаціями, какъ отъ клубовъ, такъ и отъ философовъ, экономистовъ, реформаторовъ и пророковъ, не нашедшими себѣ мѣста въ журналахъ и газетахъ. Правительство избрало для своихъ собственныхъ объявленій преимущественно бѣлый цвѣтъ бумаги, предоставляя всѣ остальные цвѣта преобразователямъ и законодателямъ изъ толпы. Каждое утро манифесты, теоріи, совѣты правительству, увѣщанія собственникамъ,

иногда весьма пространная, на желтой, синей, огненной бумагѣ, смѣнялись новыми, не прерываясь и не изсякая. Тутъ-то можно было ознакомиться съ засѣданіями самыхъ малоизвѣстныхъ кружковъ, съ сущностію журналовъ, обращающихся только между ними, съ проблесками мысли, вышедшей на свѣтъ изъ темныхъ угловъ Парижа, гдѣ долгое время она питалась ненавистью, наконецъ, ставшею для нея источникомъ всей политической мудрости. Впрочемъ, надо прибавить, къ чести времени и успѣховъ совершенныхъ гражданственностью въ послѣднее столѣтіе, разныя яростныя декламациі уже не возвращались къ позорному языку прошлой революціи, а напротивъ старались пріобрѣсти видъ наружнаго достоинства, который далъ бы имъ серіозное выраженіе и дѣльную фizioномію.

Чтобы дать понятіе объ этихъ изворотахъ необузданныхъ страстей, старающихся идти приличнымъ шагомъ современнаго образованія и невольно подчиняющихся новымъ, болѣе смягченнымъ нравамъ, стоить только представить одну выписку. Клубъ „монтаньяровъ“ или „Сорбонны“, куда попала большая часть плохихъ писателей, осужденныхъ за разныя выходки при Лудовикѣ Филиппѣ, аббатъ Константъ, Легалуа, Эскиръ, издавалъ еще очень бѣдный листокъ, подъ заглавіемъ: *Le tribun du peuple*. Въ одномъ изъ его номеровъ, красовавшемся на стѣнахъ Парижа, можно было прочесть слѣдующую тираду: „Мы думаемъ, что одинъ человекъ, умирающій съ голода, обвиняетъ тѣмъ самымъ все общество. Вотъ почему, еслибы для устранения подобнаго несчастія нужно было уничтожить все общество цѣликомъ, мы бы попросили только для себя самихъ перваго удара, но согласились бы на эту страшную и всеобъемлющую казнь.“ Нелѣпость мысли исцѣлять общество его уничтоженіемъ спорить здѣсь съ искусственною и приторною формой, въ которой она выражена. Другой примѣръ — какой-то г. Бушело, который говорилъ отъ имени малоизвѣстнаго клуба *des Jacobins*. Разчитывая на воспоминаніе читателей о собраніи, носившемъ нѣкогда это зловѣщее имя, г. Бушело обѣщаетъ выкинуть за окно всю жиронаду (партію Ламартина), все будущее собраніе, обѣщаетъ буквально травить (*je les raquerai*) собственниковъ, аристо-

кратовъ, умѣренныхъ, въ палатѣ, на площади, на улицѣ, но, прибавляетъ онъ великодушно: „я не стану требовать ихъ головъ.“ Дѣло дошло до того, что чѣмъ рѣзче выступало названіе прокламаціи, клуба, журнала (журналы, кромѣ прославленныхъ фирмъ прошлаго времени, назывались еще *le Piloni*, *la Guillotine*, и т. п.), тѣмъ вѣрнѣе можно было сказать, что они не намѣрены сдѣлать духу своего названія и всѣми силами постараются обнаружить свою измѣну ему. Даже и такіе вліятельные и значительно распространенные журналы, какъ *Ami du peuple* Распайля, сдѣлавшійся представителемъ клуба Севъ-Марсо, принуждены были вести счеты съ духомъ времени; журналъ Распайля, не смотря на постоянную угрозу народной расправы для всѣхъ и каждаго, рѣшительно не имѣлъ въ себѣ ничего, что не могло бы заключаться въ любомъ, демократическомъ листкѣ съ обыкновеннымъ, типическимъ, такъ сказать, направле-ніемъ эпохи. Вслѣдъ за *Ami du peuple*, явился и *Pere Duchesne*,—воскресшая память грязнаго листка Гебера и его приемовъ; но тутъ приемы были обманчивы. Новый листокъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ республиканскихъ журналовъ и отличался литературною отдѣлкой своихъ статей; но кокетливо и красиво выточенные фразы его пересыпались крупными ругательствами и поговорками простонародья. Признаюсь, въ этомъ видѣ онъ казался мнѣ еще возмутительнѣе своего первообраза. Разъ, на одной изъ частныхъ манифестацій, показали мнѣ и самаго редактора. Это былъ очень приличный человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый изысканно и съ прекрасною бородой, расчесанною также тщательно какъ и его бѣлокурыя волосы. Судя по его наружности и приемамъ, никакъ нельзя было допустить, чтобъ онъ былъ расположенъ отъ природы говорить или слушать тѣ ругательные эпитеты, которыми онъ пересыпалъ свои статьи.

Стѣны Парижа не оставили безъ отвѣта и очень популярнаго вопроса о *женщинѣ и ея призваніи*. На первыхъ порахъ, за него взялась нѣкая госпожа Нибойе (*Niboyet*), объявившая отъ имени всего своего семейства изданіе журнала *La voix des femmes*. Къ сожалѣнію, листокъ ея отличался такимъ сентиментальнымъ и туманно-фантастическимъ отгвѣкомъ, что этотъ обычный покровъ незрѣлости идей и скудости мыслящихъ силъ, поразилъ даже

людей февральской революціи, когда нѣкотораго рода сентиментальность сдѣлалась правительственнымъ элементомъ и участвовала въ изданіи декретовъ. Г-жа Нибойе упрекала Ледрю-Ролленовскій декретъ о выборахъ въ томъ, что онъ забылъ о женщинахъ и ни однимъ словомъ не упомянулъ о правахъ ихъ на голосъ въ общемъ дѣлѣ Франціи. Поправляя ошибку или презрѣніе декрета, она совѣтывала женщинамъ принять участіе въ выборахъ косвенно, направляя голоса близкихъ имъ людей — мужей, братьевъ, отцовъ. При этомъ она умоляла женщинъ покинуть старые приемы успѣха, какъ-то заискивающія слова, подкупающія ласки, а говорить твердо и дѣйствовать рѣшительно. „Eclairiez-vous assez, учила она, pour fixer leur choix, et l'inspiration vous guidera bien. Point de tièdes accents, de complaisantes paroles, le moment est solennel: les indépendants du ciel regardent les indépendants de la terre, ils nous voient a travers les étoiles qui ne s'éteignent ni ne palissent jamais etc.“ Впрочемъ, вопросъ о женщинахъ сдѣлался уже политическимъ вопросомъ, благодаря тѣмъ многочисленнымъ труженицамъ, которыя раздѣляли участь рабочихъ людей и не имѣли развлеченій. Правительство отвѣчало на него, по обыкновенію, издалека. Оно воздвигло въ Collège de France новую кафедру, о-бокъ съ кафедрой замѣчательнаго мыслителя Франціи, Кюста, для профессора Легуве и его курса *Моральной исторіи женщинъ* (*Cours d'histoire morale des femmes.*) Ревнителю идеи имѣли удовольствіе слышать какъ съ высоты новой кафедры профессоръ разсматривалъ тѣ прогрессивныя и образующіе элементы, которые у всѣхъ народовъ, въ различныя эпохи ихъ жизни, вносила женщина. Дѣло этимъ и кончилось, если не считать временныхъ пособій, о которыхъ мы уже говорили. Совершенную противоположность съ публикаціями г-жи Нибойе представлялъ другой плакардъ, красовавшійся на стѣнахъ Парижа чуть-чуть не рядомъ съ ними. Многие считали его за пасквиль и злую насмѣшку партіи враждебныхъ республикѣ по доказательству этому искали въ странности его содержанія, что вовсе не было доказательствомъ. Плакардъ коротко, лаконически, возвѣщалъ формированіе легіона изъ независимыхъ женщинъ отъ пятнадцати до тридцати лѣтъ. Онъ говорилъ просто: имѣеть быть составленъ (il se formera) батальонъ женщинъ, подъ названіемъ: „la legion Vé-

suvienne“, не упоминая ни о цѣли, ни объ уставѣ новаго учрежденія, которое въ шумѣ общаго негодованія, имъ возбужденнаго, кажется, и не явилось вовсе на свѣтъ, хотя были очевидцы, утверждавшіе что „легионъ Везувіанокъ“ дѣйствительно существовалъ и даже ходилъ, обычнымъ манеромъ, въ Ратушу для заявленія своего существованія.

Но не одни журналы, клубы и составители прокламацій совѣщались между собой; совѣщались также всѣ виды сословій, всѣ подраздѣленія ремеслъ, всѣ мельчайшія отрасли парижской промышленности, толкуя о радикальномъ измѣненіи своего положенія. Въ этихъ засѣданіяхъ слуги перемѣнили свое названіе „les domestiques“ на другое: „gens de maisons“; сидѣльцы въ магазинахъ положили добиваться права оставлять свои магазины въ 8 часовъ, для того чтобы имѣть время, наравнѣ съ прочими гражданами, предаваться удовольствію публичныхъ баловъ, спектаклей и завѣтнаго билліарда; прислужники въ кофейныхъ возмущались противъ обыкновенія платить хозяевамъ за разбитыя рюмки; рѣзчики на стали говорили о возстановленіи гербовъ, необходимо нужныхъ для процвѣтанія ихъ ремесла. Всѣхъ лучше поступили кучера, потребовавъ у хозяевъ прибавки жалованья въ одинъ франкъ. Они покинули свои мѣста, и однажды цѣлый день въ Парижѣ не было ни одного дилижанса и ни одной почтовой кареты; они получили требуемое. Менѣе счастливы были мостовщики улицъ. Зная какъ попорчены парижскія мостовыя баррикадами и какъ нужно правительству скорѣйшее возстановленіе сообщеній, они запросили 8 франковъ поденной платы, вмѣсто 4-хъ, которыми прежде довольствовались: претензія, показавшаяся мало патристическою всѣмъ партіямъ. Одинаковый съ ними отказъ испытали и тюремные пристава (huissiers), занимавшіеся препровожденіемъ должниковъ въ Клаши: они ходили въ Ратушу съ требованіемъ вознагражденія за ихъ упраздненныя должности. Но всѣхъ счастливѣе были такъ-называемые „защитники Тюльери.“ Послѣ взятія дворца нѣсколько сотъ работниковъ расположились, какъ извѣстно, въ его просторныхъ комнатахъ и постеляхъ и двѣнадцать дней жили тамъ насчетъ казны, называя себя охранителями дворца противъ нечаянныхъ нападеній роялистскихъ партій. Подъ конецъ въ Тюльери осталась немногочисленная толпа, которой особенно полюбилась пріятная монастырская

жизнь его, и когда правительство рѣшилось принять на себя заботу охраненія дворца, толпа эта уже не хотѣла покинуть теплое мѣстечко. Отрядъ національной гвардіи, посланный для занятія Тюльери, встрѣтилъ съ ея стороны сопротивленіе, и могъ исполнить свое порученіе только заключивъ съ нею формальную капитуляцію, по которой правительство обязалось не шарить въ карманахъ у старыхъ защитниковъ дворца при выходѣ изъ него, и объявить имъ благодарность за добрую службу республикѣ. Были и совершенно безкорыстныя депутаціи въ Ратушу: отъ рыночныхъ торговцевъ, трубочистовъ, савояровъ, бродячихъ торговцевъ, сносившихъ туда свои поздравленія и пожеланія благополучія. Процессіи эти не ограничивались дневнымъ свѣтомъ, онѣ возобновлялись ночью, при сіяніи факеловъ и превращались въ шумныя прогулки по городу, устрашавшія обывателей. Въ Ратушѣ безсмысленно сидѣлъ или какой-нибудь членъ правительства, или меръ Парижа Арманъ Маррастъ, съ своими помощниками, Бюше и Адамомъ; эти дежурные члены правительства принимали толпы, говорили имъ рѣчи и отпускали ихъ: въ городѣ ихъ называли отвѣтными машинами, machines à réponse. Всего шумливѣе обнаруживалась страсть къ сажанію такъ-называемыхъ *деревьевъ свободы*, овладѣвшая нѣкоторою частью работниковъ и украсившая почти всѣ площади и углы города молодыми голыми тополями, признанными за эмблему народа, по созвучію словъ *peuple, peuplier*. Дѣло это производилось съ нѣкоторою церемоніей. Обыкновенно толпа добывала себѣ священника и заставляла его благословлять дерево, потомъ выпускала заранѣе приготовленнаго оратора изъ членовъ правительства или клубныхъ знаменитостей, который произносилъ рѣчь, а затѣмъ, при наступленіи вечера, приказывала иллюминировать всѣ окружные дома. Остальную часть праздника принимали на себя уличные мальчишки: они начинали стрѣлять изъ ружей и пускать петарды, иногда въ окна домовъ и въ ноги пѣшеходовъ. Журналъ *La Presse*, отличавшійся безпощадною войною съ правительствомъ, упрекалъ его за допущеніе подобныхъ безпорядковъ, но получилъ въ отвѣтъ отъ полуофициальнаго его органа *Le National*, замѣчаніе, которое чрезвычайно хорошо рисуетъ положеніе тогдашняго общества. „Да,“ говорилъ *National*, „власть правительства беспильна, но при этомъ потрудит-

тесъ еще разобратъ, какъ и передъ кѣмъ она безсилна? Правительство, дѣйствительно, лишено средствъ остановить всякую притѣснительную выходку перваго встрѣчнаго, которому вздумается освѣтить тотъ или другой кварталъ Парижа; но въ замѣнъ правительство такъ могущественно, что передъ нимъ не смѣетъ шевельнуться вся консервативная партія цѣликомъ, еще недавно управлявшая государствомъ и обладающая доброю частью всего богатства націи.⁴

Усилія правительства подчинить и собственную свою республиканскую партію какому-либо порядку привели его къ необходимости подумать о томъ, чтобы выкинуть изъ Парижа его многочисленное иностранное населеніе изъ рабочихъ и выходцевъ, которое участвовало въ революціи наравнѣ съ туземными патриотами. Ко всѣмъ безчисленнымъ депутаціямъ, осаждавшимъ Ратушу, присоединились еще депутаціи отъ разныхъ народностей, Ирландцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Поляковъ. Онѣ приходили къ Ратушѣ при трескѣ барабановъ, съ развернутыми знаменами, домогаясь каждая по своему помощи для освобожденія своего отечества. За нихъ крѣпко стояли клубы и все демократическое общество, на томъ основаніи что революція въ Парижѣ можетъ быть упрочена только братскими революціями во всѣхъ другихъ странахъ, что каждая попытка возстанія въ Европѣ есть побѣда для Франціи, которую она одерживаетъ не трогаясь съ мѣста. Надежды воинственной пропаганды, этой любимой мечты французской демократіи, разрастались по мѣрѣ извѣстій о волненіяхъ, произведенныхъ у близкихъ и дальнихъ ея сосѣдей февральскими событіями. Въ рѣдкомъ домѣ Парижа не говорилось о коренномъ измѣненіи всей карты Европы, и при этомъ не было такого страннаго, несбыточнаго предположенія, которое бы не казалось очень простымъ и легко осуществимымъ, даже для лицъ извѣстныхъ своею осмотрительностію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Безграничная вѣра въ себя и въ будущее носилась въ воздухѣ и царствовала въ головахъ до такой степени, что самыя невообразимыя политическія комбинаціи, обращавшія въ ничто произведенія цѣлыхъ столѣтій, считались уже дѣломъ рѣшеннымъ, и о нихъ говорилось какъ объ историческихъ явленіяхъ вошедшихъ въ общее европейское право. Я слышалъ однажды мнѣніе очень образованнаго человѣка,

космологически, пояснявшаго и оправдывавшаго свое и общее слѣпое довѣріе къ политическимъ чудесамъ. „Нѣтъ сомнѣній, говорилъ онъ, что солнечная система наша вступила въ такія пространства исба, которыя должны измѣнить своимъ вліяніемъ всѣ физическія и нравственныя основы человѣческаго существованія на планетѣ, какъ это уже и начинается. Вотъ почему величайшее благоразуміе состоитъ теперь въ томъ, чтобъ ожидать самыхъ несбыточныхъ явленій и безгранично вѣрить въ возможность ихъ.“ Правительство, однакожь, еще не думало этого. Оно принимало довольно холодно и уклончиво депутаціи отъ народовъ, особенно польскую партію, оправдываясь передъ общественнымъ мнѣніемъ необходимостію сберечь дипломатическія сношенія съ дружественными государствами и повременить рѣшеніемъ до полного развитія всѣхъ силъ республики. Втайнѣ оно раздавало оружіе Нѣмцамъ и волонтерамъ, собиравшимся въ Бельгію, на Рейвъ и въ Польшу, и поддерживало ихъ политическую экзальтацію денежными и другими пособіями. Оно имѣло двойную цѣль, гналось за двумя зайцами. Очищая Парижъ отъ иностранцевъ, оно сбывало съ рукъ одинъ изъ анархическихъ элементовъ и задавало сосѣдямъ не маловажную работу дома, которая должна была отвратить ихъ вниманіе отъ дѣлъ Франціи. Благодаря этому, чердаки домовъ занимавшіеся иностраннымъ пролетаріатомъ Парижа, огласились воинственными криками, которымъ вторила и улица. Въ квартирахъ вождей образовались склады огнестрѣльнаго и холоднаго оружія; теоретики, публицисты, стихотворцы, превратились мгновенно въ полководцевъ. По цѣлымъ ночамъ совѣщались они о маршахъ, эволюціяхъ и планахъ сраженій, а днемъ раздавали штуцера и револьверы толпамъ соотечественниковъ, приходившихъ записываться въ ряды будущаго войска. Письменные столы ихъ кабинетовъ были завалены, вмѣстѣ съ книгами и журналами, военною аммуниціей; въ спальняхъ продавались ружья и штыки; дамы шили, не разгибаясь, знамена, значки и трофеи. Въ успѣхъ задуманныхъ предпріятій никто не сомнѣвался. Такъ выкинуты были всѣ нѣмецкіе рабочіе въ Баденъ-Баденъ, гдѣ послѣ первыхъ выстрѣловъ эта вооруженная революція, шедшая на завоеваніе Германіи, разбѣжалась и была потоплена въ крови; такъ еще

наиболѣе воинственная часть французскаго и польскаго пролетаріата была привезена по желѣзной дорогѣ, на границу Бельгіи, въ Кіевренъ, и тутъ предательская машина высадила весь отрядъ въ дебакардерѣ, наполненномъ бельгійскими войсками, которые и арестовали его цѣликомъ; другой отрядъ былъ встрѣченъ ими около Лилля и разсѣянъ. Наиболѣе безпокойныя, неугомонныя личности, имѣвшія осторожность не записаться въ волонтеры и продолжавшія ловко возбуждать народныя страсти Франціи и особенно духъ завоеванія и покровительства, ей свойственный, были возведены правительствомъ въ званіе тайныхъ агентовъ республики, снабжены деньгами и инструкціями, и высланы за границу. Такимъ образомъ отчасти обезсилень былъ и этотъ элементъ народнаго броженія въ Парижѣ.

Покуда, однакожь, шумѣлъ въ городѣ тотъ неумолкаемый демократическій праздникъ, который старались мы характеризовать, тамъ и самъ уже показывались зловѣщіе признаки близкаго его окончанія. Одно за другимъ получались изъ провинціи не совсѣмъ благоприятныя извѣстія, и многія изъ нихъ уже носили характеръ общественнаго разложенія. Въ Руанѣ, послѣ довольно-безчеловѣчнаго изгнанія англійскихъ работниковъ съ фабрикъ, ремесленники ходили по окрестнымъ долинамъ, уничтожая на сколько могли большія фабричныя заведенія и не показывая особеннаго уваженія къ собственности вообще. Это было предтечей апрѣльскаго возстанія въ самомъ Руанѣ, такъ безпощадно-энергически подавленнаго генераломъ Орденоромъ. Въ Лионѣ каждый день порядокъ и имущество гражданъ становились предметомъ спора между рабочимъ населеніемъ его и комиссаромъ правительства, Эмманюэлемъ Араго, боровшимся съ нимъ, безъ особеннаго впрочемъ успѣха. Въ Бордо новый агентъ правительства былъ просто выгнанъ, и городъ удержалъ стараго, менѣе революціоннаго, и такая же сортировка комиссаровъ Ледрю-Роллена произошла въ Труа, Безансонѣ, Аміенѣ, Валансѣ. Зараза самовольныхъ расправъ сообщилась и войску: нѣкоторые полки выпроводили своихъ офицеровъ, освободили арестантовъ и разбѣжались изъ казармъ, послѣ первой жалобы не тотчасъ же удовлетворенной. Ненависть къ Парижу и диктаторскому тону его населенія, для котораго сберегаются всѣ ласки и милости правительства, уже начинала подавать голосъ съ раз-

ныхъ пунктовъ страны, воскрешая старое историческое явленіе на западѣ—вражду поля, деревни, крестьянина къ городу и его притязаніямъ, которую очень хорошо поддерживали и разрабатывали легитимистскія газеты (*l'Union, Gazette de France*) съ одной стороны, а съ другой—органъ орлеанистовъ, приобрѣтшій вскорѣ большую извѣстность: *Assemblée Nationale*. Въ самомъ Парижѣ случилось происшествіе, обнаружившее какъ мало всѣ произведенныя въ немъ очищенія могутъ еще служить ему порукой, что онъ не проснется когда-нибудь утромъ съ новою, невѣдомою революціей на рукахъ. Злымъ гениемъ города явился опять старый Бланки, тотъ, какъ его называли, Паганини заговоръ, составлявшій ихъ по влеченію природы и ради удовольствія. Оскорбленный въ чувствахъ своего артистическаго самолюбія малою удачею попытки 16-го марта, Бланки приготовилъ втихомолку новое возстаніе рабочихъ, въ видѣ возмездія за недавно-проигранное сраженіе. Цѣль заговора осталась неизвѣстною; да кромѣ обычныхъ революціонныхъ отвлеченностей, заговоръ и не могъ имѣть никакого лозунга, потому что составлялъ не болѣе какъ отвѣтную игру (*partie de revanche*) въ политическихъ шахматахъ; но послѣдствія его могли быть неисчислимы. Въроятно, тайной полиціи министра внутреннихъ дѣлъ никогда бы не посчастливилось открыть заговоръ, есибы въ Ратушѣ не составилаь вторая тайная полиція, которую устроилъ меръ города Арманъ Маррастъ, собственно про себя и съ намѣреніемъ слѣдить за дѣйствіями самого министра. Ею именно и усмотрѣнъ былъ заговоръ, и найдено чрезвычайно оригинальное средство отвратить бѣду. Прежній депутатъ оппозиціи въ палатѣ, г. Ташеро, предпринялъ изданіе болѣе или менѣ позорныхъ документовъ, обнаруживавшихъ способъ управленія Франціей въ министерство Гизо, мелкія, продажныя уловки и тайныя пружины администраціи вообще. Главными источниками скандальнаго обзорѣнія Ташеро сдѣлались архивы, открытыя редактору съ этою цѣлью временнымъ правительствомъ. Разумѣется, это обзорѣніе *пропѣвающее задъ* (*Review retrospective*) читалось съ жадностію. Почти на канувъ осуществленія новаго предпріятія Бланки, въ *Обзорѣніи* появился офиціальныи документъ, касавшійся заговора и событій 12-го мая 1839 года, за которые Бланки, бывший

главнымъ руководителемъ ихъ, содержался тогда въ тюрьмѣ и готовился свести голову на эшафотъ. Ко всеобщему ужасу и негодованію, содержаніе документа заключавшаго въ себѣ подлинныя записки Бланки, обнаружило, что этотъ новый Катилана выдалъ тогда всѣхъ своихъ товарищей, подробно разказалъ о пружинахъ и вѣтвяхъ заговора, замѣшная въ дѣло, съ откровенностію и чистосердечіемъ, какихъ въ немъ никогда не предполагали, много лицъ, остававшихся еще неизвѣстными правительству Лудовика-Филиппа. Въ добавокъ, товъ показаній Бланки отличался еще какою-то кокетливостію, словно онъ хвастался передъ своими судьями умѣніемъ создавать тайныя общества и управлять людьми, словно добивался чести породить высокое мнѣніе о своихъ политическихъ способностяхъ въ правительствѣ. Иронія и глубокое презрѣніе къ нравственнымъ правиламъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, не исключая и Барбеса, довершали впечатлѣніе, которое производилъ этотъ документъ.. Ударъ былъ вѣрно разчитанъ. Новый заговоръ Бланки разлетѣлся въ прахъ отъ одной этой публикаціи *Обозрѣнія* г. Ташеро, и самый клубъ Бланки, гдѣ онъ царствовалъ безгранично, былъ на минуту потрясенъ въ основаніи. Великій агитаторъ, пораженный на нѣкоторое время совершеннымъ бездѣйствіемъ, принужденъ былъ всѣ усилія своего изворотливаго ума, хорошо знавшаго почву и людей, съ которыми имѣлъ сношенія, употребить на то чтобы снова собрать вокругъ себя и укрѣпить за собою потрясенную партію, въ чемъ и успѣлъ.

Мы уже часто упоминали о журналахъ, но обязаны прибавить, что революція породила мало замѣчательныхъ органовъ журналистики. Журналъ Прудона, *le Représentant du peuple*, отличавшійся оригинальностью взглядовъ и энергіей рѣчи, весь былъ обращенъ на безошадное осужденіе людей, принциповъ и самаго хода революціи. Новая *Presse* Жирардена, возвысившая число своихъ подписчиковъ, съ первыхъ же дней переворота, до огромной цифры, преслѣдовала временное правительство съ либеральной точки зрѣнія, требуя отъ него въ одно время крѣпкой устойчивости и безграничной смѣлости, притворяясь революціоннѣе самой революціи и защищая дисциплину не хуже любого алжирскаго генерала. Репутація гениальнаго спекулянта, какою уже пользовался

Жиранденъ, еще возрасла, особенно отъ того что никто не могъ разобрать въ чемъ состоитъ его настоящая игра. Позднѣе оказалось, что онъ игралъ въ пользу бонапартизма. Его дерзкая, обличительная рѣчь и постоянная диффамация правительства и его партіи, все это имѣло видъ гражданскаго мужества, все это служило какъ бы упрекомъ собратьямъ по журналистикѣ, робко соглашавшимся (*Journal des Débats*) предоставить устройство республики, если только оно возможно, самимъ республиканцамъ; но въ сущности и этотъ видъ мужества былъ не что иное, какъ дальновидный биржевой разчетъ. Когда разъ газета позволила себѣ сдѣлать сравненіе Ламартина съ Гизо и Ледрю-Роллеа съ Дюшателемъ, не находя большой разницы между ними, то одна фанатическая толпа, выведенная изъ терпѣнія или направленная коноводами, бросилась въ улицу Монмартръ разбивать типографскіе станки газеты, при кликахъ: „à mort Girardin“. Редакторъ показал себя и въ эту минуту игрокомъ не ниже обстоятельствъ. Онъ велѣлъ отворить ворота типографскаго дома, вытребовалъ къ себѣ депутацію изъ толпы и тотчасъ завелъ съ ней жаркую полемику, но въ это время уже прибылъ отрядъ національной гвардіи, а за нимъ поспѣшили явиться на мѣсто происшествія начальникъ ея, генералъ Курте, и самъ оскорбленный Ледрю Ролленъ. Ламартинъ готовъ былъ броситься туда же. На другой день всѣ журналы, безъ исключенія, осуждали выходку толпы: такъ важно казалось всѣмъ сохранить полную свободу книгопечатанія. Жиранденъ на это и разчитывалъ, однако послѣ этого случая тонъ журнала, на нѣкоторое время, значительно смягчился. Съ *Прессой* соперничествовала только, какъ своими 27 тысячами подписчиковъ, такъ и ожесточенными нападками на временное правительство, газета *l'Assemblée Nationale*, органъ клуба „свободныхъ выборовъ“, хотя поводы къ враждѣ были тутъ совершенно иные. Она считала правительство просто-напросто похитителемъ власти, относилась къ нему какъ къ самозванцу и сдѣлала за каждымъ его движеніемъ какъ за новымъ преступленіемъ противъ законности, представляемой въ ея глазахъ только будущимъ „національнымъ собраніемъ“ Франціи. Всякое распоряженіе администраціи она оспаривала во всѣхъ отношеніяхъ. Разоблаченіе тайныхъ пружинъ клубовъ и партій, ихъ скандальная хроника,

составляли также часть ея программы. Затѣмъ оставалось только или яростное ничтожество, или ничтожество резонирующее. Къ первому отдѣлу, кромѣ уже названныхъ нами прежде изданій и множества другихъ, не заслуживающихъ названія, принадлежалъ и журналъ: *La Garde Nationale*, Капо-де-Фельида, отличавшагося способностію къ безцеремонному ругательству съ противниками еще въ 30-хъ годахъ. Ко второму отдѣлу, вмѣстѣ съ *Commune de Paris*, Барбеса и Собріе, вмѣстѣ съ *Réforme* Флокона и его партіи, вмѣстѣ съ *La vraie République*—органомъ Люксамбургской комиссіи, принадлежалъ еще и *Le peuple constituant*, Ламене. уже едва-едва сохранявшій свой ультра-радикальный оттѣнокъ. Журналъ этотъ постоянно отзывался чѣмъ-то въ родѣ укорительной проповѣди; онъ сильно негодовалъ на социализмъ, которымъ закрашивались его товарищи по радикальной пропагандѣ, неумолкаемо гремѣлъ противъ заносчивости и безумства новыхъ теорій, влекущихъ Францію на край гибели, когда передъ нею лежитъ одинъ вѣрный путь — именно путь обработки политическихъ догматовъ и затѣмъ безусловной покорности имъ. Гораздо яснѣе видѣлъ свое призваніе и неуклоннѣе слѣдовалъ ему, несмотря на всю мечтательность заданной цѣли, настоящій социалистскій журналъ *La Démocratie pacifique*. Почти все время революціи онъ находился въ состояніи какого-то вдохновенія, отвѣчая на каждый частный вопросъ новою теоріей. Онъ хлопоталъ о воплощеніи на землѣ блаженнаго царства кредитныхъ бумагъ, освобождающихъ частныя лица и государства отъ гнета долговъ, денегъ и всяческихъ затрудненій. Рѣшеніе всѣхъ задачъ (было ли то накопленіе мертвыхъ векселей въ банкѣ, была ли то продажа общественныхъ земельныхъ участковъ, или покупка желѣзныхъ дорогъ правительствомъ) вызывало у редакторовъ особаго рода творчество, ту дѣятельность богатаго воображенія, которою они постоянно отличались въ изложеніи своихъ плановъ общей мобилизаціи, универсальнаго превращенія всѣхъ достояній въ бумажныя цѣнности отвѣчающія сами за себя. Когда ультра-радикальные журналы принимали серіозную мину экономистовъ, они или рабски слѣдовали фантазіямъ Луи Блана, или безсовѣстно обкрадывали *Démocratie pacifique*, поочередно съ журналомъ Прулона. Былъ однако еще одинъ радикальный журналъ, затѣча-

тельный по диалектическому искусству рѣчи и блестящей литературной формѣ, который издавался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это были знаменитые „бюллетени“ Леару-Роллена, которые выходили изъ-подъ пера Жоржъ-Санда, и вывѣшенные на стѣнахъ домовъ и по угламъ переулковъ Парижа, подымали столько противоположныхъ страстей въ его народонаселеніи. Мы помнимъ эти художественные радикальные бюллетени, гдѣ знаменитый романистъ Франціи, добровольно превратившійся въ тайнаго секретаря министра, говорилъ съ народомъ великодушнымъ языкомъ страсти. Особенно два бюллетеня сдѣлались всѣмъ памяты по своему лирическому одушевленію. Въ первомъ Жоржъ-Сандъ призывала работниковъ разказать міру свои несамыхъ страданія, а во второмъ умоляла оскорбленныхъ и униженныхъ женщинъ не удерживать своихъ стоговъ, не подавлять въ себѣ чувства обиды изъ великодушія и смиренія, а напротивъ рыдать громко, упрекать людей во всеуслышаніе, для того чтобъ отвѣчать равнодушному обществу еще разъ усаугой—указаніемъ на тайную язву его, — хотя услуги этого рода уже накопились въ значительномъ количествѣ, не принося особенной пользы. Пламенная рѣчь министерскихъ дисирамбовъ разносилась по Парижу наравнѣ съ декретами и важными политическими извѣстіями. Знаменитый бюллетень Жоржъ-Санда о выборахъ, появившійся 16 марта, на канунѣ манифестаціи работниковъ, былъ уже настоящимъ политическимъ событіемъ. Онъ пророчески возвѣщалъ Франціи, что если выборы въ національное собраніе не будутъ соответствовать ожиданіямъ народа, то народъ возьмется опять за оружіе и уничтожить ихъ. Бюллетень старался заблаговременно утвердить право на этотъ поступокъ за народомъ. Ужасъ, произведенный бюллетенемъ въ умахъ тѣхъ которые только съ появленіемъ національнаго собранія ожидали правительственнаго порядка, общественнаго спокойствія, разразился яростною полемикой; но никто не замѣтилъ тогда, что грозный бюллетень, явившійся наканунѣ дня, который могъ сдѣлаться роковымъ для Франціи, ослаблялъ приготовленное движеніе, способствовалъ къ отягченію доброй части энергіи у напора анархическихъ силъ, отчасти успокоенныхъ лестною перспективой, какую открывалъ имъ министръ въ будущемъ. Люди, слушавшіе наканунѣ торжественное признаніе ихъ всемо-

гущества, держали слабѣе оружіе въ рукахъ и менѣе были расположены употребить его въ дѣло. „Тогда не останется (говорилъ бюллетень, подразумѣвая неудачные выборы), другого спасенія народу, строителю баррикадъ, кромѣ того чтобы еще разъ возвысить свой голосъ и устранить рѣшеніе ложнаго народнаго представительства... Парижъ— по праву смотреть на себя, какъ на довѣренное лицо отъ народонаселенія всей французской земли. Парижъ аванпостъ той арміи, которая сражается за республиканскую идею... Если анархія, издали подводящая свои мины, если общественныя вліянія успѣютъ ввести въ заблужденіе, или обмануть ожиданія разрозненныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга массъ народа, то народъ Парижа объявляетъ себя отвѣтчикомъ за всѣхъ, оберегателемъ интересовъ всей націи.“ Такъ въ смутныя эпохи государственной жизни, партія иногда служить въ одно и то же время двумъ, совершенно противоположнымъ дѣламъ, которыя глазъ современниковъ не всегда различаетъ.

Что касается до социалистическихъ ученій разныхъ другихъ толковъ, дробившихся до безконечности, то больша часть ихъ пристроилась къ Люксамбургской комиссіи, какъ бы обрадовавшись твердой почвѣ, которую, благодаря ей, почувствовали они внезапно подъ собою. Сама *Démocratie* потеряла одного изъ сотрудниковъ своихъ, Туссенеля, покинувшего *фурьеризмъ* за слишкомъ почетное мѣсто, которое назначено капиталу въ его системѣ, а Видалъ, авторъ книги: *О распредѣленіи богатствъ*, уже засѣдалъ въ Люксамбургѣ, рядомъ съ Альберомъ. За Люксамбургскую комиссію сговорились также и работничьи журналы, слышшіе коммунистическими при Лудовикѣ-Филиппѣ. Основатель католическо-демократическаго журнала *L'Atelier*, Бюше, и одинъ изъ главныхъ его редакторовъ, рѣщикъ по дереву, работникъ Корбонъ, уже засѣдали въ парижской меріи въ качествѣ секретарей, и прославляли въ своемъ журналѣ благодѣанія порядка и достоинства правильнаго труда. Другой журналъ, издаваемый работниками *la Fraternité* съ умѣреннымъ социалистическимъ оттѣнкомъ, пріобрѣлъ покровительство мера, Армана Марраста, и нѣкоторые изъ его редакторовъ попали въ списокъ кандидатовъ на депутатство, составленный партией *National*. Такъ, въ виду всѣхъ, ужь образовалась рабочая аристократія, отдѣляясь отъ своихъ собратьевъ во

имя правъ личности, высшаго развитія и благоприятныхъ условій. Самъ меръ города, Арманъ Маррасть, глава умѣренныхъ республиканцевъ и владѣлецъ журнала *le National*, считаетъ социализмъ бѣдствіемъ Франціи, а Люксамбургскую комиссію полезнымъ зломъ, рожденнымъ для того чтобъ уничтожить всё прочія вмѣстѣ съ собою, и не скрываетъ своего мнѣнія. При всеобщемъ молчаніи изящной и ученой литературы, которую застала врасплохъ февральская революція и которая во все ея теченіе такъ и не выходила изъ своего изумленія, — политическая печать царствовала безгранично. Беллетристика давала знать о своемъ существованіи только продолженіемъ романа: *Paturôt à la recherche d'une position sociale*—этимъ новымъ возобновленіемъ Жюльена въ современной формѣ, съ злымъ намѣреніемъ, но безъ силы и одушевленія въ исполненіи; ватянутыми и немного искусственными шуточками огорченнаго *Шаривари*, который напрасно слылъ республиканскимъ шутикомъ при Лудовикѣ-Филиппѣ; да еще адресами къ избирателямъ отъ знаменитыхъ литераторовъ Франціи: Дюма, Сю, Виктора Гюго и проч. Адресы эти заключали въ себѣ политическую исповѣдь авторовъ, объясняли ихъ отношенія къ прежнему правительству, которымъ многіе изъ нихъ были облагодѣтельствованы, и несмотря на разницу стиля, достигавшаго у иныхъ комическаго и вмѣстѣ чудовищнаго выраженія, приходили всё къ одному общему смыслу: они всю жизнь свою призывали въ *душу* царство народа, предчувствовали февральскую катастрофу и способствовали ея появленію, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей.

Молчалъ и театръ. Театръ былъ теперь не на сценѣ, а на улицѣ. Разумѣется, прежде всего дирекціи театровъ бросались на постановку пьесъ запрещенныхъ цензурою Дюшателя. На афишахъ тотчасъ же появились объявленія о похороненныхъ и воскреснувшихъ драмахъ и водевиляхъ: *Les filles cloitrées* въ Одеонѣ, *Le pacte de Famine* въ Амбигю и проч., и всё эти жертвы административной тираніи, какъ ихъ называли, дѣйствительно обнаружали безполезность приговора, ихъ поразившаго. Неаппетитность и бессмыслица ихъ были такъ велики, что рѣшительно уничтожали дѣйствіе чудовищныхъ и скандальныхъ подробностей, которыми эти пьесы изобиловали. Пошлость играла

гуть роль спасительницы нравственнаго и человѣческаго достоинства. Изъ этихъ *запрещенныхъ* пьесъ, еще довольно забавна была, при крайней пустотѣ своей, пьеса Пале-Рояля: *Le camarade de lit*, представлявшая солдата первой революціи, который пошелъ отыскивать по свѣту стараго своего друга и товарища по казармѣ, Бернадота. Допущенный къ нему, онъ мало-по-малу разговорился съ нимъ, за бутылкой вина, о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о богатырскихъ походахъ, о томъ какъ начинали они карьеру, и повелъ своего растроганнаго друга до того, что тотъ начинаетъ припоминать пѣсенки своей молодости, и наконецъ уходитъ спать крича на весь народъ: „vive la république, une et indivisible!“ Несмотря, однакоже, на всѣ эти забавныя и незабавныя мелѣности, партеры театровъ постоянно были пусты, и ни одно произведеніе, мало-мальски замѣчательное, не явилось, въ теченіи всей революціи, побороться съ общимъ безденежемъ и общимъ равнодушіемъ къ театру, и поддержать раззорившіяся дирекціи, которыя тщетно зывали къ правительству о помощи. Одна Рашель спасала еще общниковъ классическаго *французскаго* театра, Théâtre Français. Она придумала декламировать на сценѣ *la Marseillaise*, и для того явилась передъ публикой въ образѣ древней статуи, съ бѣлою туникой, но съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, олицетворяя собой такимъ образомъ Францію. Пѣвучимъ речитативомъ и вполголоса, при мертвой тишинѣ партера, произносила она стихи знаменитой пѣсни, сообщая каждой строкѣ особенную интонацію, переходя отъ глубокаго чувства грусти по родинѣ къ сосредоточенному негодованію на враговъ и наконецъ къ отчаянной рѣшимости сопротивленія. За всѣми этими отгвѣтками пѣсни оцѣдло и выраженіе необычайно подвижнаго лица актрисы, а когда, въ минуту призыва къ оружію, она пала на колѣна, страстно прижимая къ груди трехцвѣтное знамя, глаза ея горѣли лихорадкой энтузіазма. Благодаря этой декламации, продолжавшейся не много болѣе одной четверти часа, зала Французскаго Театра наполнялась народомъ сверху до низу и оглашалась неистовыми рукоплесканіями. Легко было понять, что люди различныхъ партій и направленій, видѣли во Франціи, олицетворяемой актрисой, каждый свою собственную Фран-

цію, по своему вкусу и понятію, а въ знамени, къ которому она прикидала, различали множество такихъ девизовъ, какихъ на немъ вовсе не было нашито.

Посреди этой общей несостоятельности и ничтожества театровъ, выдавался въ это время Фредерикъ Леметръ, извѣстный актеръ театра Porte St. Martin. Онъ также возобновилъ двѣ запрещенныя пьесы: *L'Auberge des Ardets* и *Robert Macaire*, которыя не уступали ни одной изъ своихъ подругъ въ отсутствіи человѣческаго смысла. Спектакль, составленный изъ этихъ драмъ, продолжался, напоминающая римскія времена или ближайшую эпоху мистерій, два дня, то-есть два вечера сряду. О содержаніи пьесъ распространяться нечего: авторъ ихъ, имя котораго я позабылъ, очень добродушно воображалъ, что создаетъ страшную мелодраму; но актеръ, Фредерикъ Леметръ, повялъ дѣло иначе и превратилъ мелодраму въ площадной фарсъ, для потѣхи публики, создавъ при этомъ изъ главнаго дѣйствующаго лица чудовищнаго героя Робера Макара, поразительный типъ современной испорченности. Первая пьеса: *L'Auberge*, вся наполнена страшнымъ преступленіемъ, которое свершаетъ Роберъ (кажется, убійствомъ своего благодѣтеля); вторая дальнѣйшими успѣхами Робера на пути возмутительныхъ измѣнъ, злодѣйствъ и обмановъ всякаго рода. Чего только тутъ не было?.. Но вотъ что замѣчательно. Роберъ казался страшенъ не столько подвигами своими, превосходившими мѣру возможнаго нравственнаго безобразія, сколько самъ собою, психическою задачей, которую представлялъ изъ себя. Этотъ человѣкъ на минуту не лишается веселаго расположенія духа; онъ обладаетъ неистощимымъ юморомъ и прикрываетъ крайнее развращеніе мысли и сердца лоскомъ блестящаго остроумія, располагающаго въ его пользу людей, которые всюду ищутъ потѣхи для себя. Притомъ же Роберъ, созданный актеромъ Фредерикомъ Леметромъ, не только сочинившимъ всю свою роль, но еще и дополнявшимъ ее блестящею импровизаціей въ минуту исполненія, является и вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Онъ свободнѣе всего своего вѣка. Нѣтъ ни одного, такъ-называемаго, предразсудка, которому бы онъ вѣрилъ; нѣтъ ни одного чувства, ни одного правила, ни одного общественаго или нравственнаго догмата, которые бы онъ признавалъ. Онъ подсмѣивается надъ всеми условіями че-

логической жизни, даже такими, которыя принадлежатъ всему животному царству, какъ напримѣръ влеченіе матери къ своему дѣтищу, и окидываетъ презрительнымъ взглядомъ міръ, который лежитъ передъ нимъ опутанный сѣтями разныхъ моральныхъ чувствованій и предрасудковъ. Поддѣлаваясь подъ ладъ этого бѣднаго человечества, надъ которымъ еще тяготѣетъ такая ноша обязанностей и добродѣтелей, уже сброшенная имъ самимъ, Роберъ постоянно говоритъ о святости долга, о будущемъ торжествѣ правды на землѣ, о величіи самопожертвованія на пользу общую и проч., и становится особенно краснорѣчивъ именно въ тѣ минуты, когда онъ предастъ друга, обкрадываетъ сына, наноситъ побои отцу и позорно клеветаетъ на жену. Какъ искусный артистъ, хвастающій своимъ умѣньемъ владѣть знакомымъ инструментомъ, Роберъ любитъ перебирать лѣстницу ощущеній и помысловъ людскихъ, для того чтобы каждая нота издавала поль его рукой рѣзкій, нестерпимо-фальшивый звукъ, который можно было бы покрыть хохотомъ, сарказмомъ и злою ироніей. Прибавьте къ этому, что Роберъ—даровитый человѣкъ, чувствующій себѣ цѣну и способный занять какое угодно мѣсто въ обществѣ. Несмотря на свои преступленія, онъ является постоянно нищимъ и въ лохмотьяхъ; онъ *поэтъ порока*, и потому всегда переступаетъ мѣру необходимую для выгодныхъ преступленій; но съ сумой за плечами и протягивая руку за подаваніемъ, онъ держитъ себя какъ англійскій лордъ и говоритъ гордо какъ вельможа. Измѣнившееся положеніе тоже не имѣетъ вліянія на Робера. Сдѣлавшись главой огромнаго мошенническаго общества на акціяхъ, воруя милліонами и щеголяя въ изящномъ фракѣ, Роберъ нисколько не возбраняетъ себѣ удовольствія отрѣзать у поствителя цѣпочку на часахъ. Нищенство и богатство стали для Робера такими же мало-обязывающими помятіями какъ совѣсть или честь; все это уже ниже его, хотя, разумѣется, онъ предпочитаетъ богатство бѣдности, по матеріальнымъ результатамъ, для которыхъ не падить не себя, ни ближняго. Замѣчательно, что Фредерикъ Леметръ, исполняя свою роль, нѣсколько разъ превращался самъ, не подозревая того, въ дѣйствительнаго Роберъ Макера. Оно и понятно: нельзя такъ близко породниться съ типомъ, не имѣя въ себѣ самомъ какихъ-

нибудь отдаленныхъ на него намековъ. Такъ рѣчь, которую Робертъ въ качествѣ главы торговаго общества, держитъ къ акціонерамъ, Фредерикъ Леметръ началъ тѣми обычными словами, какія влагались въ уста эксъ-короля его министрами при открытіи парламентовъ: *c'est toujours avec un nouveau plaisir* и проч., и пересыпалъ ее намеками на прошлое, мало приличными и еще менѣе великодушными. Еще хуже было, когда слѣдуя роли, Фредерикъ Леметръ вышелъ на большую дорогу грабить пробажающихъ въ костюмѣ имѣвшемъ разительное сходство съ одеждою важнаго лица, только что покинушаго Францію: въ партеръ пропесся какой-то смутный, почти болѣзненный вопль, безъ всякихъ рукоплесканій. Признаюсь, этотъ вопль, неожиданно раздавшійся, посреди постоянного, непрерывнаго хохота, имѣлъ для меня огромный смыслъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что какъ бы ни ослаблена была общественная совѣсть софизмами и потворствами всякаго рода, была же все-таки посягательства, которыя возмущали ее. Со всѣмъ тѣмъ роль Робера, повторяемъ, была художественнымъ произведеніемъ Фредерика Леметра; и если типъ, имъ созданный, не присоединился къ знаменитымъ типамъ театральнаго дѣтписи: Донъ-Жуанамъ, Фальстафамъ, и проч., то единственною помѣхой этому было то обстоятельство, что онъ не отлился въ незыблемую форму письменнаго памятникъ. Рожденный на мгновеніе спечическою импровизаціей одного очень даровитаго человѣка, онъ вмѣстѣ съ нимъ и пропалъ; оставивъ по себѣ воспоминаніе только въ бывшихъ зрителяхъ своихъ, все болѣе и болѣе рѣдѣющихъ. Теперь уже много потерялъ въ своемъ значеніи и серьезный вопросъ, имъ возбужденный, о нравственномъ состояніи того общества, которое дало матеріалы для созданія подобнаго типа и которое встрѣчало его, судя по общему хохоту и одобренію, какъ очень знаемое лицо. Толпа не можетъ рукоплескать чистой клеветѣ, въ какой бы формѣ она ни являлась: всякій фарсъ, всякое преувеличеніе, ради комическихъ и художественныхъ цѣлей, должны сохранять связь съ жизнью, по крайней мѣрѣ для того чтобы возбуждать смѣхъ. Самый смѣхъ есть тутъ не что иное какъ результатъ сличенія комической гиперболы съ дѣйствительностію, сличенія, которое каждый зритель дѣлаетъ про себя. Что типъ Робера не былъ произвольнымъ

созданіемъ одной фантазіи Фредерика Леметра, это доказывалось между прочимъ и страстями, которыя волновали партеръ во время представленія. Множество лицъ выражало непритворное благоговѣніе къ того рода величію, которое сообщалъ знаменитый актеръ своему дѣтищу, и множество глазъ устремлены были на него съ выраженіемъ чего-то въ родѣ почтительной зависти, испытываемой обыкновенно учениками передъ великимъ образцомъ. То и другое сказывалось еще въ разныхъ восклицаніяхъ, раздававшихся неожиданно изъ партера, посреди представленія, и въ удивленныхъ рукоплесканіяхъ какого-нибудь пораженнаго зрителя. Партеръ видимо находился подъ обаяніемъ идеи олицетворяемой типомъ. Когда, въ послѣднемъ актѣ, Робертъ Макеръ, преслѣдуемый полиціей, садится въ лодочку воздушнаго шара пускаемаго какимъ-то антрепренеромъ, и подобно Фаусту, уносится съ нимъ въ небо, или Богъ вѣсть куда, избавившись такимъ образомъ отвѣтственности за всѣ свои продѣлки на землѣ,—оглушительный восторгъ партера показывалъ довольно ясно, въ какомъ состояніи умственной анархіи находятся всѣ эти головы, и служилъ хорошимъ комментариемъ для многаго что дѣлалось на улицахъ Парижа, что говорилось въ клубахъ, и что думалось большинствомъ толпы про себя.

П. АННЕНКОВЪ.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Нѣсколько вступительныхъ словъ о свободѣ англійской печати.—Начало периодическихъ изданій въ Европѣ.—Первый англійскій журналъ.—Цензура.—Постановленія о печати въ царствованіе Генриха VIII, Елисаветы и Карла I.—Безплодность стѣснительныхъ мѣръ; развитіе печатнаго дѣла.—Время Кромвелля.—Мильтонъ и его *Ареопагитика*.—Возстановленіе Стюартовъ; журнальныя притѣвленія.—Переворотъ 1688 года.—Уничтоженіе цензуры.—Результаты этого по Маколею.—Возвышеніе журналистики, улучшеніе состава ея дѣателей, нравственность и тактъ периодическихъ изданій.—Первые французскіе журналы.—Характеристическія явленія эпохи Людовика XIV; проекты объ „официальныхъ анти-остракахъ“ и „шпіонахъ достоинства.“—Англійская периодическая литература начала XVIII столѣтія.—Первыя фискальныя стѣсненія: пошлины съ клейма и объявленій.—Журналъ *Болинброка*, *Письма Юніуса*, дѣло *Вилькса*.—Право публикаціи парламентскихъ прейдъ.—Время Георговъ III и IV.—Безсиліе мессоэвременныхъ мѣръ; притѣвленія и развитіе журналистики.—Французская журналистика XVIII столѣтія; отношеніе предварительнаго одобренія сочиненій къ скорбнымъ крайностямъ французской революціи.—Періодическая литература времени революціи, имперіи, реставраціи, июльской монархіи и второй республики.—Реформы настоящаго столѣтія въ Англіи; экономическое освобожденіе печати.—Реформы 1833, 1836 и 1855 годовъ.—Бюджетные проекты *Гладстона* на 1860 и 1861 годы; отмена бумажной пошлины.—Періодъ пошлой какъ политической, такъ и экономической свободы журналистики въ Англіи.

Ни въ одной странѣ, если исключають Сѣверо-Американскіе Штаты, журнальное дѣло не получило такого широкаго развитія, какъ въ Англіи, и нигдѣ рѣшительно журналистика не играетъ такой важной роли. Но если свобода печати существуетъ въ Англіи издавна, то великою независимой властью, силой совершенно спокойною за свое существованіе и могущественною, является она лишь въ наше время.

Въ такомъ положеніи англійская печать находится съ той поры, когда были понижены и потомъ уничтожены главнѣйшія изъ фискальныхъ стѣсненій,—пошлины съ объявленій (advertisement duty) и съ клеѣма (stamp duty) Тутъ, какъ и въ дѣлѣ собраній, свобода основана не на какой-нибудь законодательной формулѣ. Громадные митинги собираются почти всякую недѣлю во всѣхъ частяхъ Англіи, нисколько не стѣсняясь неопредѣленностью законовъ о собраніяхъ. Это взаимное пониманіе между властью и народомъ, прочность и въ то же время гибкость ихъ отношеній, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ устойчивости государственнаго динамизма Англіи.

Громадная польза свободной печати, свободной журналистики, гласности, такъ очевидна, что ни одному Англичанину не мыслишь теперь противный порядокъ вещей. Онъ видитъ въ свободной печати четвертую, послѣ короны и обѣихъ палатъ парламента, народную власть (fourth estate), и считаетъ ее вѣрнѣйшимъ изъ средствъ противъ всякаго зла. Самые уважаемые писатели и дѣятели давно уже внесли это убѣжденіе въ народное сознаніе; опытъ зарубилъ его въ немъ на вѣки.

Но прежде чѣмъ англійская печать достигла своей полной свободы, она прошла борьбой долгою и крайне упорною, ознаменованною, какъ обыкновенно, побѣдами и пораженіями, попеременною торжествомъ то правыхъ и слабыхъ, то неправыхъ и сильныхъ, — борьбой, считающею сотнями падшихъ въ бою героевъ, жертвъ, фанатиковъ своего дѣла, и полною примѣровъ и уроковъ. Тутъ кстати будетъ сказать слово въ отвѣтъ на частый и не лишній важности доводъ въ которыхъ, что Англія, со всеми своими учрежденіями, есть своеобразный плодъ собственной почвы неудобный къ перенесенію на другую. Согласившись съ этимъ въ общемъ, я могъ бы однако возразить, что въ давнія времена Англія мало отличалась отъ Франціи, что ея настоящее устройство не болѣе какъ естественное развитіе общихъ многимъ странамъ зачатковъ. Но, не заходя такъ далеко, ограничусь однимъ краткимъ и вразумительнымъ замѣчаніемъ: есть условія, удовлетворить которымъ могутъ всѣ народы; условія эти—постоянство желаній, стремленій, труда, столько же важные и существенные элемен-

ты историческаго развитія, сколько мѣстныхъ и другія данныя; результатъ зависитъ отъ нихъ, какъ зависитъ богатство жатвы отъ усилій, труда, искусства, а не отъ однихъ лишь почвенныхъ или климатическихъ условій.

Начинать ли теперь доказывать пользу свободной печати, повторять ли еще разъ столько разъ повторенное? Къ чему праздная рѣчь? окажутъ многіе. Оцѣнять ли искреннее, и умѣренное слово; не пройдетъ ли безплодно оно?..

Что до Англіи, то не только ея благосостояніе, могущество и слава обусловлены свободой печати, но и „все, чѣмъ неизмѣнно и твердо поддерживается въ англійскихъ гражданахъ начала добра и духъ свободы, есть результатъ великой независимости и энергіи англійской печати.“ Последними словами, Галламъ, въ своей *Конституціонной исторіи*, выразилъ убѣжденіе, вынесенное имъ изъ долгаго изученія англійской исторіи. Длинные ряды всевозможныхъ свидѣтельствъ могъ бы я привести здѣсь въ подтвержденіе того же ¹, но все это, уже хорошо извѣстно всѣмъ. Не зачѣмъ также доказывать здѣсь, что гласность есть единственное дѣйствительное средство заявленія общественнаго мнѣнія, для кары безчестія и грѣха недоступныхъ другому возмездію, для искорененія внутренняго зла вообще; не зачѣмъ повторять, что Англія не прибѣгаетъ къ буйнымъ социальнымъ переворотамъ для достиженія реформъ и улучшеній, потому что желанія націи, находя себѣ исходъ въ печати, могутъ найти себѣ удовлетвореніе мирнымъ путемъ; не зачѣмъ припоминать и старое сравненіе гласности съ клапаномъ для предупрежденія взрывовъ, доказывать что все сдавленное разрывается наконецъ разруши-

¹ Маклей въ каждомъ *Essay* своемъ, почти въ каждой главѣ своей *Исторіи*, говоритъ въ пользу великаго дѣла свободной печати. Посредствомъ свободной печати, замѣчаетъ Буаверъ, въ одномъ изъ своихъ историческихъ эпизодовъ,—общество передаетъ правительству свои желанія и посредствомъ ея же узнаетъ о дѣйствіяхъ власти. Поддерживая взаимное пониманіе и согласіе между народомъ и властью,² печать успѣшнѣе всего ведетъ „къ сохраненію порядка и предупрежденію несчастной необходимости революцій.“ Графъ Монталамберъ, въ своей надѣлавшей много шуму и замѣчательной статьѣ по поводу преній въ англійскомъ парламентѣ объ Индіи, говоритъ: „Я никогда не перестану повторять, что въ громадной, неограниченной гласности кроется главная сила англійскаго общества, существенное условіе его жизнѣности и лучшее ручательство его

гелью, приводить въ промѣръ Францію, не имѣвшую до революціи ни одного политическаго, въ истинномъ смыслѣ, журнала¹. Скажу лишь, въ успокоеніе людей реакціи истинней, а не корыстной, что нѣтъ страны, гдѣ бы печать и журналистика пораждали такъ мало произведеній оскорбляющихъ общественную нравственность и приличіе, глядящихся надъ дорогимъ сердцу утѣшеніями или религіозными взглядами каждаго. Прибавлю еще къ этому,—приполющая мнѣніе нѣкоторыхъ радикаловъ, будто журналы загниваютъ, развиваясь, политическія собранія и сдѣлаются всемогущими,—что въ Англіи никто и ничто не всемогуще, ни исполнительная власть, ни парламентъ, ни народъ, ни даже законъ, дополняемый или предупреждаемый обычаемъ, и что самые признанные и сильные авторитеты получаютъ, подчасъ, назидательные уроки отъ общественнаго мнѣнія. Не убѣжденные въ этомъ могли бы спросить у левіаана журналистики, *Times'a*, да мимоходомъ и у Пальмерстона.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь общіе доводы Милля въ пользу свободной печати. Сущность ихъ въ слѣдующемъ:

1) *Никто* не можетъ быть безошибоченъ, а потому не мо-

свободы.² И тутъ же, отвѣчая на гуртовой софизмъ о неудобствѣ слухонъ „большой гласности,³ онъ прибавляетъ: „Англійская журналистика кажется, съ перваго взгляда, какимъ-то всеобщимъ и вѣчнымъ обязательнымъ актомъ, нападающимъ на все и на всѣхъ; но всматриваясь въ нее пристальнѣе, видишь, что оправданіе, опроверженіе, идутъ всегда вслѣдъ за обвиненіемъ или обидой. Ошибки и недоразумѣнія, безъ сомнѣнія, часты; но онѣ почти всегда тотчасъ же исправляются, или же выкупаются тѣми истинами и свѣдѣніями, которыя проникаютъ путемъ печати въ общественное сознаніе.“ (*Un débat sur l'Inde au parlement anglais*, стр. 17, 18). „Говоря объ англійскихъ учрежденіяхъ и о тѣхъ изъ нихъ, которыми можно не только позавидовать, но которыя можно перенять для нашего демократическаго общества, и отыскивая главную причину общественнаго, прочнаго и сложнаго, механизма Англіи, главную гарантію всѣхъ ея старыхъ и новыхъ благъ, я прихожу къ убѣжденію, что онѣ заключаются! въ гласности,⁴ замѣчаетъ тотъ же авторъ въ другомъ извѣстномъ трудѣ своемъ. „Гласность англійская полна, грохнула, истаяла. Она не всегда была такою, но теперь она такова. Безъ свободы же печати гласность эта, понятно, не можетъ существовать.“ (*De l'avenir politique de l'Angleterre*, стр. 246.) „Конечный результатъ всѣхъ процессовъ, веденныхъ передъ великимъ трибуналомъ англійской гласности въ продолженіе столѣтій, былъ всегда въ пользу свободы и справедливости,⁵ прибавляетъ авторъ (*ibid.* стр. 271).

¹ *Histoire de la Presse*, par Cucheval Clarigny, стр. 14.

жетъ утверждать, чтобы противоположное мнѣніе было *во* *всѣмъ* ошибочно, а потому не можетъ запрещать выраженія его; 2) обыкновенныя истины—обыкновенно полустины, и тѣмъ необходимѣе терпимость всевозможныхъ взглядовъ и мнѣній; 3) чѣмъ болѣе разнорѣчія, тѣмъ съ бо́льшаго числа сторонъ возможно изслѣдовать вопросъ, а потому запрещеніе выраженія противоположныхъ мнѣній—вредно. Подобное запрещеніе—„ущербъ человечеству, потомству столько же, сколько и существующему поколѣнію, тѣмъ которые не согласны съ мнѣніемъ столько же, сколько и тѣмъ которые согласны съ нимъ. Если мнѣніе *истинно*, общество теряетъ удобный случай для замѣны ошибки истинной; если мнѣніе *ложно*, общество теряетъ ясное уразумѣніе истины, какъ сѣдствія столкновения ея съ ложью.“¹

Въ чемъ же, окончательно, заключается или должна заключаться свобода печати? Въ отвѣтъ, я приведу здѣсь опредѣленія трехъ важныхъ авторитетовъ въ Англіи.

„Свобода печати въ Англіи заключается въ томъ, говорить Делольмъ, что никакое судебное мѣсто или лицо не имѣетъ права освѣдомляться о сочиненіи или осуждать оное прежде печати; оно можетъ имѣть дѣло лишь съ сочиненіемъ напечатаннымъ, и обязано при этомъ, въ случаѣ виновности, дѣйствовать при посредствѣ суда присяжныхъ.“²

„Свобода печати, говоритъ знаменитый легистъ Блэкстонъ, заключается въ независимости, при публикаціи, отъ всѣхъ предупредительныхъ стѣсненій, что не означаетъ свободы отъ взысканія въ случаѣ виновности опубликованнаго. Каждый гражданинъ имѣетъ полное право выражать свои мысли; запрещеніе этого есть уничтоженіе свободы печати. Въ случаѣ же публикаціи чего-либо вреднаго, злонамѣреннаго или противозаконнаго, онъ несетъ отвѣтственность за свой поступокъ... Такимъ образомъ дѣйствіе лица остается свободнымъ, и лишь злоупотребленіе подвергается преслѣдованію со стороны закона“³.

¹ *On Liberty* стр. 33.

² *The rise and progress of the English Constitution*, the treatise by Y. S. Delolme. Стр. 872.

³ *Commentaries on the Law of England*, by Sir William Blackstone, т. IV стр. 151.

Стивенъ, другой извѣстный англійскій легистъ, повторяя опредѣленіе Блакстона, добавляетъ: „относительно же злоупотребленій печати установлены мѣры, цѣль которыхъ знать имена издателей, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть отвѣтчика передъ обиженными и передъ закономъ“¹.

Исучающій исторію печати и журналистики не можетъ не придти къ глубокому убѣжденію, что въ критическомъ, ищущемъ лучшаго, даже „оппозиціонномъ“ (при самыхъ удачныхъ правительствахъ) характерѣ печати, заключается именно благая роль ея, что не излишекъ, а недостатокъ ея свободы ведетъ къ общественнымъ потрясеніямъ, что всѣ заблужденія и злоупотребленія находятъ въ ней же осужденіе и возмездіе себѣ, что избытокъ зла, гдѣ бы онъ ни проявлялся, вызываетъ всегда реакцію, что неправое дѣло, кѣмъ бы оно ни совершалось, мститъ всегда само за себя, что правое же, несмотря ни на какое противодѣйствіе, возьметъ свое, какъ общій историческій законъ, несмотря на всѣ временныя уклоненія, торжествуетъ всегда въ конечномъ результатѣ.

Въ краткій историческій очеркъ англійской періодической литературы, который мы намѣрены представить въ этой первой статьѣ, войдутъ лишь важнѣйшіе законодательные факты развитія журналистики, и, заслуживающія особеннаго вниманія русскихъ читателей, политическія и экономическія явленія на пути ея къ свободѣ. При этомъ, въ очеркѣ нашемъ, читатели не найдутъ судебно-литературныхъ процессовъ, съ одной стороны; съ другой, въ немъ не найдутъ разныхъ подолитературныхъ разказовъ, журнальныхъ анекдотовъ, біографическихъ подробностей и пр., которыми обыкновенно бывають наполнены историко-журнальные очерки. Первыхъ нѣтъ, потому что нѣтъ той именно возможности, въ пользу которой идетъ здѣсь рѣчь; растягивать статьи вторыми не рѣшился самъ авторъ, думая что (при важности настоящихъ заботъ и недосугѣ нашего общества, подробности эти едва ли будутъ очень занимательны.

¹ *New Commentaries on the Law of England*, by H. I. Stephen т. IV, р. 326; т. III, стр. 284. Я буду говорить, въ своемъ мѣстѣ, съ необходимою подробностію о законахъ, управляющихъ англійскою печатью; читатель увидитъ тогда, на сколько они достаточны для поддержанія порядка.

I.

Журнальный видъ проявленія и сообщенія человѣческой мысли дается не болѣе двухъ съ половиною столѣтій. Я считаю отличительнымъ качествомъ журнала, въ примѣ томъ на западѣ смыслъ, — *повременность, периодичность*; притомъ, я касаюсь только Европы. Вопросъ о значеніи римскихъ „*acta diurna*“, венеціанскихъ „*gazetti*“ и другихъ въ томъ же родѣ изданій, для насъ, въ настоящемъ случаѣ, не важенъ; намъ довольно того факта, что всѣ эти изданія не были периодическія. Точно также не важенъ для насъ вопросъ объ относительной давности или первенствѣ, то-есть годъ, мѣсяцъ и пр., появленія различныхъ европейскихъ журналовъ. Периодическія изданія явились въ XVII вѣкѣ почти одновременно въ Англіи, Германіи и Голландіи, и были вызваны одною причиною — религиозными несогласіямъ. Въ XV и даже въ XVI столѣтіяхъ, общества, не занимаясь много дѣлами высшей политики, составлявшими заботу государей и министровъ, оставались довольно равнодушны къ тому что дѣлалось у сосѣдей; религиозныя войны, съ ихъ общимъ интересомъ для католиковъ и протестантовъ всѣхъ странъ, положили конецъ такому равнодушію. Во время Тридцатилѣтней войны, каждый сѣдѣлъ съ участіемъ за успѣхами единовѣрца, къ какому бы онъ ни принадлежалъ государству. Тогда и тяжелые трактаты, требовавшіе слишкомъ много времени для составленія и чтенія, притомъ мало доступные большинству, стали уступать мѣсто мелкимъ и болѣе удобнымъ для распространенія памфлетамъ, брошюрамъ, листкамъ, объявленіямъ извѣстій, которыя скоро должны были сдѣлаться периодическими, то-есть являться правильно въ опредѣленные сроки. Роль типографіи здѣсь особенно важна; журналъ невозможенъ безъ нея. Быстрота публикаціи, совмѣщенія на маломъ пространствѣ множества свѣдѣній, правильная периодичность и т. д., не могли быть достигнуты до появленія типографіи.

Мы условились, такимъ образомъ, въ терминъ, и опредѣлили причины, время, мѣсто, обстоятельства появленія журналовъ.

Первымъ английскимъ журналомъ считается *Weekly News* (*Еженедѣльные Новости*), явившійся въ 1622 году¹. То былъ небольшой листокъ *in-quarto*, выходившій разъ въ недѣлю, въ которомъ, безъ связи и оригинальнаго текста, помѣщались извѣстия о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ континента. Для насъ интересны жалобы издателя его, бѣднаго искателя приключеній, Натаніаля Боттера. Ему не дозволяли печатать никакихъ внутреннихъ извѣстій о странѣ, что причиняло ему убытокъ отъ соперничества съ такъ-называемыми *письмами новостей* (*news-letters*), то-есть рукописными листками, рассылавшимися изъ столицы къ провинціальнымъ важнымъ особамъ и дворянамъ, въ которыхъ свободно передавались, обсуживались, а часто искажались внутреннія извѣстия². Кроме того, *цензура* исключала, сокращала и даже измѣняла по своему получаемыя съ континента новости. Какъ излишне было бы распространяться здѣсь о журналѣ Боттера, такъ умиesto будетъ сказать слово о „цензурѣ“, понимаемой въ смыслѣ постановленій о предварительномъ одобреніи властью назначаемыхъ къ печати сочиненій.

У знаменитаго английскаго политическаго писателя XVII столѣтія, Мильтона, знатока вопроса, какъ читатель увидитъ

¹ Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ коллекціи періодическихъ изданій *Британскаго музея*, было найдено три нумера журнала *The English Mercury*, на которыхъ стоялъ 1588 годъ. Нумера эти, послѣ изысканій библіотекаря Томаса Уатса напечатанныхъ въ „Письмѣ его къ секретарю Музеума Панацци“, признаны поддѣльными. На поддѣлку рѣшился вѣроятно какой-нибудь патриотъ, полагающій лордъ Гардвикъ, не желавшій уступить другимъ странамъ чести основанія перваго журнала.

² Эта форма распространенія новостей, предшествуетъ обыкновенно формѣ журнальной и принадлежитъ младежествующимъ литературамъ. Во Франціи, напримѣръ, *Nouvelles à la main* были сильно распространены въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Мнѣ кажется, что признаки подобныхъ „писемъ-новостей“ можно отыскать и въ настоящее время въ обыкновенныхъ письмахъ, посылаемыхъ изъ столицы къ разнымъ провинціальнымъ особамъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ общество находится подъ усиленною правительственною опекой, гдѣ слово и вѣсть не имѣютъ свободнаго хода и гдѣ, потому, всякій можетъ наполнять свои письма преувеличенными, ложными и вредными, столько же для правительства, сколько для общества, свѣдѣніями.

ниже, находимъ мы нѣсколько интересныхъ указаній о происхожденіи цензуры. *Fra Paolo*, великій обличитель Тридентскаго собора, говоритъ Мильтонъ, въ одномъ изъ своихъ трактатовъ утверждаетъ, что, съ появленія христіанской церкви и до VIII столѣтія, соборы и епископы ограничивались однимъ осужденіемъ книгъ, предоставляя совѣсти каждаго читать ихъ или нѣтъ. Лишь воелѣ VIII столѣтія, папы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ монополію политическаго всемогущества, подчинили своему контролю науку, какъ прежде еще подчинили убѣжденія, и стали жечь и запрещать всѣ книги не нравившіяся имъ¹. Начало настоящей книжной цензуры онъ относитъ ко времени появленія *index'a*, дѣла испанской инквизиціи, подготовленнаго буллами папы Мартина V. Папѣ Александру VI принадлежитъ честь окончательнаго утвержденія основныя положенія церковной цензуры. Отъ абсолютныхъ папъ, смотрѣвшихъ на абсолютныхъ государей какъ на своихъ „министровъ добра“ (по удачному выраженію Мисселе), и сдѣвшихъ посредствомъ ихъ за благоуравненіемъ вѣсты, обычай цензуры сочиненій перешелъ и къ этимъ послѣднимъ. Отъ католическихъ князей онъ не могъ не перейти и къ абсолютнымъ протестантскимъ.

Въ Англіи, уже въ царствованіе Генриха VIII, находимъ мы рядъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ постановленій, касающихся типографій и печати вообще. Постановленія эти исходятъ прямо отъ лица короля, и называются королевскими указами (*Royal proclamations*). Въ послѣдствіи, печально-знаменитая въ исторіи Англіи, „звѣздная камера“ (*Star Chamber*) приняла печать въ свое завѣдываніе. Стѣснительными постановленіями о типографіяхъ и печати богато царствованіе Елизаветы; при ней распространеніе типографій было ограничено тремя городами, и всѣ безъ исключенія печатныя произведенія были подвергнуты предварительному одобренію чиновниковъ². Постановленія эти,

¹ *The prose works of John Milton*. London. Изд. 1806 года, т. I. стр. 293.

² У К. Гонта (*The Fourth Estate*, by К. Н. стр. 41) мы читаемъ объясненіе генераль-атторнея: „Ея величество королева Елизавета, въ своей высокой мудрости, повелѣла, чтобы ни одна рѣшительно книга или памфлетъ не печатался безъ предварительнаго рассмотрѣнія и одобре-

противорѣчившія требованія времени, съ самаго начала были непрерывно нарушаемы; типографіи заводились тайно во всѣхъ городахъ; число книгъ и особенно памфлетовъ не одобренныхъ цензурою постоянно увеличивалось. Въ царствованіе Іакова I продолжался тотъ же порядокъ вещей. При Карлѣ I, притѣсненія шли объ руку съ другими насильственными и противорѣчившими духу времени мѣрами. Стивенъ, уже цитированный нами выше, указываетъ между прочимъ на примѣненіе *военныхъ законовъ* въ мирное время, какъ на одну изъ главныхъ причинъ неудовольствія народа¹. „Звѣздная камера“, при Карлѣ I, ознаменовала свои дѣйствія преслѣдованіями типографовъ, издателей, памфлетистовъ, ученыхъ и литературныхъ людей; читавшимъ исторію Англіи этого времени знакомы имена, падшихъ жертвами гоненій, — Пренна, Вартона, и другихъ. Я могъ бы привести здѣсь убѣдительныя слова одного замѣчательнаго англійскаго публициста XVIII столѣтія, въ доказательство того что паденіе Карла I обошлось бы безъ печальнаго акта, закончившаго тогдашняго междуусобія, еслибы печать того времени пользовалась большею свободой². Но оставляя это, я обращаю вниманіе читателей на другое современное, не лишнее знаменательности явленіе, которое съ удивительною правильностію повторяется очень часто въ исторіи, и еще недавно, въ наши дни, повторилось съ династіей извѣстнаго южно-италійскаго королевства. Когда Карлъ I, испугавшись возростающаго неудовольствія народа, рѣшился на уступки и упразднилъ тайную канцелярію, „звѣздную камеру“,

---

на; кромя того, полагая, что этого будетъ недостаточно, ея величество повелѣла, чтобы книги печатались исключительно лишь въ Лондонѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ.*

¹ *New Commentaries on the law of England*, т. IV стр. 577.

² „Это великое право (право свободной печати) столько же охраняетъ короля, сколько приноситъ пользы народу. Еслибы не существовало звѣздной камеры, возмущеніе, быть-можетъ, не вспыхнуло бы противъ Карла I. Постоянный контроль и благіе совѣты печати руководили бы дѣйствіями короля и, предупредивъ междуусобную войну, спасли бы его самого,“ говорить, между прочимъ, на стр. XXI предисловія къ своимъ *Письмамъ* знаменитый въ исторіи англійской журналистики *Junius*, о которомъ намъ придется упомянуть ниже.

онъ сдѣлалъ это съ тою спѣшною неискренностію и недобросовѣстностію, которыя не могли удовлетворить и не удовлетворили націи. Народъ, при этомъ, видя частое вѣроломное нарушеніе Карломъ своихъ обѣщаній, потерялъ вѣру въ королевское слово, что много способствовало паденію Карла.

Съ созваніемъ въ 1641 году Долгаго Парламента и уничтоженіемъ „звѣздной камеры“ притѣсненія печати уменьшаются. Постановленія Долгаго Парламента послужили, со всѣмъ тѣмъ, основаніемъ цензурныхъ законовъ, управлявшихъ англійскою печатью до 1695 года. Въ это время явились первые официальные протоколы парламентскихъ засѣданій (*Diurnal occurrentis in Parliament*), они велись въ продолженіи всего протекторства Кромвеля. Замѣчательно, что публикація парламентскихъ преній, какъ видно изъ приведенной у Гонта ¹ рѣчи *спикера* (президента палаты общинъ), считалась тогда профанаціей, умаленіемъ достоинства представителей. Нѣсколько современныхъ журналовъ, которые замѣнили прекратившійся въ 1640 году журналъ Богтера, пользуясь возможностью заниматься внутренними дѣлами, рѣшились въ 1647 году опубликовать нѣкоторыя парламентскія рѣчи. Парламентъ тотчасъ же издалъ постановленіе запрещающее всякую публикацію, а тѣмъ болѣе обсужденіе его преній; нарушители подвергались самымъ строгимъ наказаніямъ.

Къ этому времени относится появленіе знаменитаго памфлета Мильтона о свободѣ печати. Маслитый слѣпецъ, авторъ *Потеряннаго Рая*, былъ тогда почти неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ. Возвратившись изъ путешествія по Европѣ и ознакомившись съ происшедшимъ въ его отсутствіе, онъ принялъ горячо къ сердцу интересы народа, и оставивъ любимыя занятія классиками, занялся важными вопросами дня. Большая часть его политическихъ трактатовъ явилась въ эту эпоху, когда онъ не былъ секретаремъ Кромвеля и не потерялъ еще своего зрѣнія. Не раздѣляя всѣхъ политическихъ доктринъ Мильтона, я останавливаюсь на его трактатѣ о свободѣ печати, потому что замѣчательный трактатъ этотъ отличается большимъ спокойствіемъ тона. Трактатъ, или пожалуй памфлетъ, носить

¹ *Fourth Estate*, стр. 244.

название: *Ареопагитика*, слово въ пользу свободы печати ¹, и обращенъ къ парламенту, — къ лордамъ и общинникамъ.

Мильтонъ, прежде чѣмъ обратиться къ вопросу о пользѣ цензурированной печати, разсматриваетъ законы о сочиненіяхъ и письменныхъ произведеніяхъ ума въ Аѳинѣхъ, Спартѣ и Римѣ, и не находитъ въ нихъ требованій о предварительномъ одобреніи публикующихся сочиненій. Онъ изслѣдуетъ потомъ начало цензуры въ Европѣ и относитъ его къ VIII столѣтію. Установленіе цензуры есть дѣло палъ, повсемѣстное распространеніе—дѣло инквизиціи.

Что же служить основаніемъ къ установленію предупредительной цензуры? спрашиваетъ Мильтонъ. Опасеніе вредныхъ сочиненій, желаніе предупредить ихъ появленіе, а тѣмъ и пагубное дѣйствіе. Это основывается на трехъ доводахъ: 1) вредныя книги, какъ вредныя мысли, заразительны, а потому слѣдуетъ препятствовать ихъ появленію и распространенію; 2) не слѣдуетъ безъ нужды подвергать себя искушенію; 3) не слѣдуетъ терять напрасно время. Понятіе о вредѣ книгъ—понятіе крайне неопредѣленное и притомъ относительное. „Я могъ бы указать, говорилъ Мильтонъ ², на примѣры Моисея, Давіила и апостола Павла, которые изучали халдейскую, египетскую и греческую литературу, были знакомы, вѣроятно, со всеми писанными на этихъ языкахъ сочиненіями, и которые внесли въ Священное Писаніе отрывки изъ трехъ греческихъ авторовъ, не думая тѣмъ осквернить оное.“—„Вопросъ о пользѣ и нравственности науки, продолжаетъ Мильтонъ, служилъ предметомъ частыхъ споровъ между членами нашей молодой церкви; большинство склонялось всегда на сторону признанія этой пользы. Убѣдительное подтвержденіе этого мы видимъ во время Юліана Отступника, горячаго противника нашей религіи, когда онъ издалъ декретъ, запрещавшій христіянамъ изученіе азыческой литературы. Люди эти, говорилъ онъ, обращаютъ противъ насъ наше собственное оружіе; наши искусства и науки служатъ имъ средствомъ для нашего же пораженія. Всѣ христіяне сочли это запрещеніе изученія греческой литературы за великое несчастіе; они понимали, что говенія подобнаго рода способны повредить

¹ *Areopagitica: a speech for the liberty of unlicensed printing.*

² *The proseworks of John Milton. Arcop. T. I, стр. 296.*

ихъ церкви болѣе чѣмъ всевозможныя жестокости Дециевъ и Диоклетіановъ.“

„Мы видимъ, говоритъ далѣ Мильтонъ, что книги не могутъ быть уничтожены безъ вреда наукѣ, званіямъ; мы знаемъ, что книги читаются преимущественно людьми учеными или просвѣщенными, и только посредствомъ ихъ зло содержащееся въ нихъ можетъ достигнуть народа; мы знаемъ, что зло можетъ распространяться посредствомъ тысячи другихъ путей, которые преградить совершенно не возможно. Я не понимаю послѣ этого, къ чему могутъ привести усилія цензуры. Ее можно было бы, говоря шутя, сравнить съ тѣмъ умнымъ малымъ рѣдкаго воображенія, который, затворяя ворота своего сада, думалъ захватить въ немъ всѣхъ воронъ“. Если справедливо, что разумный человѣкъ, изъ самаго грязнаго состава, можетъ извлечь золото, между тѣмъ какъ неразумный, съ книгами или безъ книгъ, останется всегда такимъ же, то нѣтъ основанія лишать перваго выгодъ мудрости и отклонять отъ втораго предметъ, удаленіе котораго не поможетъ его глупости. Если допускать уже воплотивъ принципъ отдаленія отъ неразумныхъ всего что не приноситъ имъ добра, то слѣдуетъ лишить ихъ и всѣхъ мудрыхъ поученій, изъ которыхъ, по увѣренію Аристотеля, Солона и наконецъ самого Спасителя, они не извлекутъ для себя пользы. Несомнѣнно, что разумный человѣкъ извлечетъ болѣе пользы изъ самаго дурнаго памфлета чѣмъ не разумный изъ Священнаго Писанія.“¹

То же самое можно возразить на положеніе, будто мы не должны подвергать себя искушеніямъ вредныхъ книгъ или терять на чтеніе ихъ свое время, говоритъ Мильтонъ. Дурныя и мало нравственныя книги, большею частію, не опасны для читающихъ, а для людей разумныхъ онѣ положительно полезны, давая имъ возможность сравненія и освѣщеніе предмета со многихъ сторонъ.

Показавъ, затѣмъ, невыполнимость условій, которымъ должны удовлетворять цензоръ, Мильтонъ, отъ безсилія цензуры привести къ добру, переходитъ къ производимому ею злу. „Она, говоритъ Мильтонъ, унижаетъ литературу,

¹ *The prose works of John Milton. Arcop. T. I, стр. 302.*

унижаетъ литературныхъ дѣятелей. Труды, требовавшіе громадной эрудиціи и огромныхъ усилій, должны подвергаться спѣшному обзору чиновника, котораго отмѣтки и сокращенія часто совершенно искажаютъ сочиненіе.“ „И что же выходитъ, замѣчаетъ потомъ Мильтонъ, съ удивительною мѣткостью—вѣдомъ, можетъ-быть, собственной опытности,—когда автору, одаренному богатымъ воображеніемъ, припомятятся подробности, послѣ одобренія цензора и во время печатанія сочиненія? Необходимость такихъ поправокъ, касающихся иногда десятка мѣстъ въ одномъ лишь томѣ, не встрѣчается ли самымъ лучшимъ и искуснымъ писателямъ? Типографъ, между тѣмъ, не смѣетъ печатать прибавленій. Вѣдному автору приходится снова обращаться къ цензору за одобреніемъ этихъ ново-рожденныхъ идей. Сколько труда стоить ему застать того же самаго цензора дома, и застать его еще въ хорошемъ расположеніи духа! Публикація, въ это время, прекращена къ ущербу автора; онъ долженъ или ждать, или же отказаться отъ улучшеній и представить публикѣ дѣтя свое въ худшемъ, чѣмъ хотѣ бы, состояніи, что для хорошаго отъа ужаснѣйшее изъ несчастій.“ Отъ цензорскаго исправленія или запрещенія, какая-нибудь важная мысль часто можетъ быть потеряна для человѣчества. „Я могъ бы, говоритъ Мильтонъ, привести здѣсь нѣсколько поразительныхъ доказательствъ подобнаго и скаженія сочиненій заслуживающихъ самаго высокаго уваженія, но оставляю это до болѣе-удобнаго случая. Если, однакоже, подобныя вещи не будутъ серьезно поняты тѣми, въ чьихъ рукахъ находятся средства и власть, если вслѣдствіи, по своему произволу, станутъ портить самыя изящныя мѣста самыхъ лучшихъ трудовъ... горе тогда вѣдному потомству!.. Полно вамъ, высокіе умы, утомлять себя ученіемъ, чтобы возвыситься надъ толпою! Быть дуракомъ и невѣждой, и настисъ себѣ мирно съ общимъ стадомъ, вотъ въ чемъ тайна счастья, вотъ все чего требуютъ отъ васъ теперь!..“ „Въ этомъ неуваженіи къ живущимъ писателямъ, въ этомъ оскверненіи трудовъ и памяти умершихъ, прибавляетъ Мильтонъ, я вижу порчу и униженіе всей націи.“¹

¹ Ibid. стр. 311.

Онъ разсматриваетъ, затѣмъ, состояніе печати въ другихъ странахъ и доказываетъ, что цензура вызвала внутренніе беспорядки и перевороты. „Все ложное, при свободѣ печати, встрѣчаетъ тотчасъ же возраженіе и осужденіе,“ говоритъ онъ. „Христосъ въ оправданіе себя отвѣчалъ, что онъ проповѣдуетъ публично; публичность же печати значительнѣе чѣмъ слова и проповѣди, и тѣмъ легче, следовательно, опровергнуть ее, когда нужно.“

„Что до законовъ для предупрежденія злоупотребленій печати, говоритъ наконецъ Мильтонъ, то ничего не можетъ быть удачнѣе, лорды и джентльмены, вашихъ постановленій, которыми запрещалось печатать книги безъ предварительнаго объявленія имени автора и издателя, или, по крайней мѣрѣ, послѣдняго... Тѣ книги, которыя явятся безъ этой гарантіи и признаются вредными или пасквильными, пусть будутъ сожжены рукою палача. Это самая приличная и самая дѣйствительная мѣра... Да исчезнетъ же эта испанская цензура, которая, въ силу неизбежной реакціи, приведетъ скоро—къ страшной *литературной анархii*! Да исчезнетъ цензура, которая напоминаетъ намъ Звѣздную Камеру и все совершенное ею и ускорившее ея паденіе зло!... Вы знаете, каковы были принципы управленія, любовь къ народу, религіозность и нравственность людей, лицемѣрию которыхъ необходимо было поработить печати!“¹

Читатели, изъ этихъ краткихъ отрывковъ, могутъ составить себѣ понятіе о доводахъ Мильтона и значеніи *Ареопагитики*. Намъ неизвѣстно, привелъ ли трактатъ непосредственныя результаты, но хорошо извѣстно, что число памфлетовъ и журналовъ, несмотря на всѣ стѣснительныя мѣры, продолжало сильно увеличиваться. По свидѣтельству современныхъ писателей, отъ начала междоусобной войны до возстановленія Карла II, явилось въ Англіи отъ 30 до 40.000 различныхъ „нецензурованныхъ“ изданій (между которыми надо считать и памфлетъ Мильтона). Правительство рѣшилось тогда искать себѣ партизановъ между журналами, и не могло, безъ сомнѣнія, придумать ничего удачнѣе этого. Сильною поддержкой кромвелевской партіи и въ послѣдствіи органомъ его прави-

¹ *Ibid.* стр. 330.

тельства былъ *Mercurius Politicus*, журналъ очень распространенный и издававшийся въѣкимъ Недгамомъ, человѣкомъ даровитымъ, ученымъ, искуснымъ, „каждое слово котораго, какъ выражался одинъ изъ его политическихъ противниковъ, принималось какъ слово Евангелія.“ Роялистская партія наша себѣ защитника въ журналѣ *Mercurius Aulicus* (придворный Меркурій), издатель котораго, Биркенхедъ, былъ профессоромъ и *fellow* Оксфордскаго университета. Послѣднее обстоятельство важно для насъ какъ фактъ возроставаемаго значенія журналовъ ¹.

Возстановленіе Стюартовъ и востшествіе на престолъ Карла II измѣняютъ прежній порядокъ вещей. Я не могу не обратить тутъ вниманія на характеристическую, не лишнюю важнаго значенія, черту царствованія и эпохи Карла II. Будучи со стороны вѣдшей политики и характера политическихъ дѣятелей однимъ изъ самыхъ неутѣшительныхъ, царствованіе это, какъ замѣчаютъ нѣкоторые новые историки, было, со стороны изданныхъ законовъ и утвержденныхъ за народомъ правъ, однимъ изъ самыхъ удачныхъ. Такъ, при Карлѣ II былъ изданъ *Habeas Corpus Act*, которымъ свобода и неприкосновенность личности обезпечивалась на столько, на сколько могутъ быть обезпечены закономъ. *Magna Charta*, въ общихъ терминахъ, объявляла, что никто не можетъ-быть противозаконно арестованъ и заключенъ; *Habeas Corpus Act* далъ возможность каждому обвиняемому въ преступленіи и заключенному быть освобожденнымъ подъ обезпеченіе и судимымъ въ непродолжительномъ времени. *Test and Corporation Act*, изданный въ эту же эпоху, обезпечилъ, какъ гражданскія, такъ и религіозныя права подданныхъ, а законъ „о нарушеніи клятвъ“

¹ Около этого времени явились первыя журнальныя объявленія, получившія въ послѣдствіи такое громадное развитіе въ Англии. Самымъ первымъ было объявленіе напечатанное въ журналѣ *Impartial Intelligence*, 12 апрѣля 1649 года, и заключавшее въ себѣ обѣщаніе вознагражденія тому, кто отыщетъ уведѣнную у одного суфокскаго дворянина лошадь. Въ сентябрѣ 1668 года, въ *Mercurius Politicus*, явилось въ первый разъ объявленіе о чай, который составляетъ, въ настоящее время, предметъ необходимости для Англичанъ, и физиологическое вѣданіе котораго, какъ полагаютъ нѣмцы, очень важно въ исторіи Англій. „Этотъ превосходный, одобренный вѣдми врачами, китайскій напитокъ, говорится въ объявленіи, называется Китайцанъ, *tsa*, а другими *the* и *tee*;—продается въ Лондонѣ, близъ биржи, въ кофейнѣ „Султанской Головы“ и пр.

сдѣлался великою гарантіею частной собственности¹. Эпоха Карла II принадлежитъ къ тѣмъ значительнымъ эпохамъ исторіи, послѣ которыхъ возвращеніе къ прежнему и худшему порядку вещей дѣлается уже невозможнымъ. Это должно утѣшить насъ по отношенію къ печати, не переставшей во все продолженіе реставраціи подвергаться стѣсненіямъ. Особымъ постановленіемъ 1662 года, правительство усилило строгость цензуры, запретивъ не только публикацію парламентскихъ прейсъ, но и великое разсужденіе о происходившемъ въ палатахъ; вскорѣ затѣмъ, число типографій было ограничено 21. *Mercurius Politicus*, переданный въ *Public Mercurius*, былъ отнятъ у Недгама, и отданъ двумъ преданнымъ королю журналистамъ. Послѣдніе были скоро замѣнены Лестренджемъ, играющимъ, какъ цензоръ, важную роль въ исторіи англійской журналистики этого времени. Въ королевскомъ указѣ, которымъ утверждалась за Лестренджемъ привилегія на изданіе журнала, ему предоставлялась также монополія „объявленій“ и при этомъ еще странное „право отыскивать и отнимать всѣ недозволенные и злонамеренные, еретическіе и соблазнительные журналы и книги“². Въ первомъ номерѣ своего журнала *Intelligencer*, Лестренджъ дѣлаетъ, по поводу журналовъ, замѣчаніе достаточно рекомендуемое намъ авторомъ. „Я полагаю, говоритъ онъ, что журналы даютъ публикѣ возможность слишкомъ свободно относиться къ дѣйствіямъ и намѣреніямъ власти, дѣлаютъ общество слишкомъ заносчивымъ и зловѣчивымъ, и возбуждаютъ въ немъ не желаніе только, но даже какую-то претензію на внимательство въ дѣла правительства“³.

Лестренджъ издавалъ журналъ свой всего два года. По волѣ Карла, желавшаго имѣть изданіе въ родѣ французской полуофіціальной *Gazette de France*, былъ основанъ въ Оксфордѣ полуофіціальный журналъ, носившій сначала на-

¹ Стюартъ замѣчаетъ въ своихъ *Комментаріяхъ*, что Англія, утратившая свою свободу во время завоеванія, возвратила ее себѣ, въ первый разъ, лишь въ царствованіе Карла II. При Карлѣ, говоритъ онъ, конституція Англіи достигла того развитія, которымъ установилось необходимое равновѣсіе между свободой и властью. *New Comm. on the law of Engl.*, т. IV, стр. 580.

² *Encyclop. Brit.* (8 изд.) т. XVI, стр. 180.

³ *Ibid.* стр. 181.

звание *Oxford Gazette*, потомъ *London Gazette*. *London Gazette* существуетъ до сихъ поръ и служитъ для публикаціи официальныхъ извѣстій.

Печальному состоянію журналовъ этого времени Маколей посвящаетъ нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ своей исторіи. Еслибы Іаковъ удержался на престолѣ Англіи, то притѣсненія журналовъ усилились бы, по всей вѣроятности; но, замѣчаетъ Маколей, переворотъ 1688 года подчинилъ правительство контролю печати.

Результаты переворота 1688 года,—точнѣйшее опредѣленіе королевской прерогативы, улучшение судопроизводства, увеличеніе религіозной терпимости и пр.,—не могли не отразиться на періодической литературѣ. Число журналовъ быстро увеличивается; въ четыре года, отъ 1688 до 1692, насчитываютъ *двадцать* новыхъ журналовъ, между тѣмъ какъ въ двадцать шесть лѣтъ реставраціи явилось лишь *семьдесятъ*, изъ которыхъ большая часть очень скоро прекратилась. Черезъ три года уничтожается цензура. На этомъ замечательномъ въ исторіи Англіи событіи, читатель позволитъ мнѣ остановиться и привести здѣсь, по поводу его, нѣсколько отрывковъ изъ *Исторіи* Маколея.

„Срокъ *цензурнаго акта* (licensing act), утвержденнаго, по необходимости, въ 1685 году, оканчивался въ 1693 году, говоритъ Маколей, хотя и былъ продолженъ, однако не безъ противодѣйствія,—слабаго, правда, если принимать въ соображеніе важность спорнаго вопроса, но доказывающаго, со всѣмъ тѣмъ, что общественная мысль начала уже понимать тѣсную связь свободы гражданской и свободы совѣсти съ свободой слова...“ Я не стану разказывать здѣсь подробностей случая, который привелъ виговъ къ рѣшимости уничтожить цензуру, ни о памфлетѣ Блаунта — „*A just vindication of Learning and of the Liberty of the Press*, by Philopatris, обратившаго общее вниманіе на цензурный вопросъ¹,—ни о сожженіи посланія Бернета, подавшаго по-

¹ Кто читаетъ эту брошюру, замѣчаетъ между прочимъ Маколей, и не знаетъ, что Блаунтъ былъ однимъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ плагиаторовъ, будетъ пораженъ, встрѣчая, рядомъ съ бѣдными мыслями и бѣдною рѣчью третьекласснаго памфлетиста, мѣста достойныя по чувству и формѣ величайшихъ именъ въ литературѣ. Дѣло въ томъ, что *Just vindication* состоитъ, преимущественно, изъ подобранныхъ мѣстъ *Areopagitiki* Мильтона. *Hist. of Engl.* т. IV стр. 354.

водъ къ парламентскимъ преніямъ о цензурѣ, и т. д. Интересующіеся читатели найдутъ эти подробности въ IV томѣ *Исторіи* Маколей¹. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важно лишь то, чѣмъ было вынуждено уничтоженіе цензурныхъ стѣсненій. Взглядъ на значеніе цензуры, хотя „цензурный актъ“ и былъ продолженъ въ 1693 году, измѣнился, говоритъ Маколей. „Сознаніе о пользѣ свободной печати,—сознаніе, правда, не слишкомъ еще сильное и твердое,—начало уже заявлять себя. Существующій порядокъ, говорили, вреденъ какъ для торговли, такъ и для науки. Можно ли ожидать, чтобы какой-нибудь капиталистъ рискнулъ суммой необходимою для значительнаго литературнаго предпріятія, или чтобы какой-нибудь ученый посвящалъ подобному предпріятію годы труда и изслѣдованій, когда прихоть, недоброжелательство, неразумность одного лица, могутъ подъ конецъ помѣшать всему? И справедливо ли, будто законъ, такъ сильно стѣснявшій и свободу торговли, и свободу мысли, способствовалъ дѣйствительно спокойствію государства? Не доказалъ ли недавній примѣръ, что самъ цензоръ можетъ быть врагомъ ихъ величествъ, или, что хуже, — другомъ гаупымъ и дурнымъ; что онъ можетъ запретить книгу, которая, для ихъ интереса, должна бы находиться въ каждомъ домѣ, и безъ затрудненія дозволить пасквиль, который стремится возбудить къ нимъ ненависть народа...“ Приведа въ подтвержденіе того нѣсколько примѣровъ, Маколей говоритъ потомъ, что въ тѣ времена лица не прямо заинтересованныя въ какомъ-либо „биллѣ общественной пользы“ очень рѣдко обращались къ парламенту съ прошеніями въ пользу или противъ него. Единственное прошеніе объ уничтоженіи цензуры, представленное тогда палатамъ, шло отъ книгопродавцевъ, переплетчиковъ и типографовъ. Но выраженное ими желаніе не ограничивалось, безъ сомнѣнія, только ими одними. Законъ, срокъ котораго кончился теперь, длился восемь лѣтъ. Онъ былъ возобновленъ, но всего на два года. Изъ журнала палаты общинъ, къ сожалѣнію неполнаго, видно, что въ палатѣ происходила подача голосовъ по поводу какой-то совершенно намъ неизвѣстной „поправки“. Было 99 голосовъ противъ

¹ *History of England* (изданіе 1855 г.) стр. 349—360.

80. Въ палатѣ лордовъ, согласно мысли высказанной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Мильтономъ и взятой у него Блаунтомъ, было предложено освободить отъ одобренія цензоровъ всѣ книги, носящія имя автора или издателя. Предложеніе это было отвергнуто и билль утверждёнъ,—не безъ протеста, однако, одиннадцати перовъ, объявившихъ, что они считаютъ противнымъ общественной пользѣ подчинять науку произволу и прихоти наемнаго и, можетъ-быть, даже необразованнаго лица.¹

Черезъ два года послѣ этого, въ 1695 году, цензурный законъ былъ, наконецъ, отменёнъ. Маколей довольно подробно разказываетъ, какимъ образомъ совершилась эта „эманципация печати“ и, между прочимъ, замѣчаетъ тутъ, что въ отменѣ *Licensing Act's* побудила правительство различныя сопряженныя съ нимъ торговыя стѣсненія, дозовые обыски и т. п. Одинъ лишь разъ, потомъ, именно въ 1797 году, вздумало правительство снова подчинить цензурѣ „журналы новостей“, по поводу напечатанныхъ въ одномъ изъ нихъ ложныхъ извѣстій подрывавшихъ кредитъ бюджетнаго билля. „Журналы эти, говорили одни, содержатъ въ себѣ часто вредныя свѣдѣнія.“—„Отчего же, въ такомъ случаѣ, ихъ не преслѣдуютъ?“ отвѣчали имъ на это. Генералъ-атторней началъ ли слѣдствіе, о которомъ-нибудь изъ нихъ? Не странно ли требовать отъ насъ новой мѣры, новаго статута, когда старая мѣра, находящаяся въ *common law*², не была испытана.“ На вопросъ, слѣдуетъ ли читать билль второй разъ, отвѣчало 16—*да* (Ayes) и 200—*нѣтъ* (Noes)!

Интересны и важны для насъ непосредственные результаты „освобожденія.“ Чѣмъ сказалось оно, въ какія отношенія ко власти поставило литературныхъ и, главное, журнальныхъ дѣятелей? „Изучающій журналы (неофіціальныя) видитъ, что о королѣ они упоминаютъ всегда съ глубокимъ почтеніемъ, говоритъ намъ Маколей. О преніяхъ и вотахъ обѣихъ палатъ они хранятъ также приличное молчаніе. Въ нихъ много злорѣчія: но все оно обращено

¹ *Hist. of Engl.* т. IV, стр. 360—361.

² То-есть въ такъ-называемомъ „неписанномъ бытовомъ законѣ“ (*lex non scripta*) въ Англии — „unwritten law“, въ отлчіе отъ „written law“ статутныхъ (*lex scripta*).

противъ якобитовъ иди Французовъ. Не можетъ быть сомнѣнiя, что правительство Вильгельма выиграло много отъ того что печатными журналами, составлявшимися подъ страхомъ судебного пресѣдованiя, замѣнились старыя „письма о новостяхъ“ (news-letters), составлявшiяся съ безграничною свободою. „Памфлетисты были стѣснены менѣе журналистовъ, продолжаетъ Маколей; никто, однако изъ внимательно-изучавшихъ политическiя несогласiя этого времени не могъ не замѣтить, что пасквили на Вильгельма и его правительство были гораздо менѣе грубы и желчны во вторую половину его царствованiя чѣмъ въ первую. Причина, очевидно, заключается въ томъ что печать, стѣсненная въ продолженiи первой половины его царствованiя, была свободна въ продолженiи послѣдней...“ Въ то время, когда всѣ сочиненiя, осуждающiя правительственныя дѣйствiя, должны были подвергаться цензурному одобренiю, умѣренные и серiозные противники правительства отказывались браться за перо; на политико-литературное и журнальное поприще выходили, большею частью, или реакцiонерные и фанатическiе враги власти, или такъ-называемые *grub street*, то-есть низшiй слой журнальной богемы. Порядочные люди не участвовали въ нападкахъ на правительство, ибо это было нарушенiемъ закона, а на постоянное нарушенiе закона едва ли рѣшится хорошiй гражданинъ. „Освобожденiе печати произвело существенную перемѣну, говоритъ Маколей. Лучшiе и разумнѣйшiе члены оппозицiи взяли теперь на себя роль, которая до того оставалась людямъ мало нравственнымъ или слышкомъ пылкимъ. Стиль книгъ противу-правительственныхъ сталъ по плечу государственнымъ людямъ и джентльменамъ, и даже сочиненiя низшаго разряда недовольныхъ сдѣлались теперь менѣе грубы и грязны чѣмъ въ эпоху цензоровъ...“ „Нѣкоторые, недальняго ума люди, воображаютъ, что религiя и нравственность требуютъ покровительства цензуры. Факты ясно доказываютъ, что люди эти ошибаются. Цензура въ сущности мало противодѣйствуетъ безнравственному или противорелигiозному,“ говоритъ Маколей, и, приведя снова примѣры въ подтвержденiе этого, онъ прибавляетъ: „Со дня, въ который совершилось освобожденiе нашей печати, началось очищенiе нашей литературы. Очищенiе это совершалось не сплoю вмѣша-

тельства государственныхъ властей, но силою мнѣнія большинства образованныхъ Англичанъ, передъ судомъ которыхъ являлось добро и зло, и выборъ которыхъ былъ свободенъ. Въ продолженіи подутораста лѣтъ свобода нашей печати постоянно росла, и въ продолженіи полутора-раста лѣтъ, стѣсненія, налагаемыя на писателей общеоцѣнкой читателей, становились все строже и строже. Даже тотъ разрядъ сочиненій, въ которомъ, какъ думали прежде, чувственному воображенію предоставлена полная воля, — любовныя пѣсни, комедіи, романы, стали приличны чѣмъ проповѣди XVII столѣтія...“ „И въ настоящее время, иностранцы, не смѣющіе напечатать слова относительно своего правительства, не могутъ понять какимъ образомъ самая свободная печать въ Европѣ въ то же время самая скромная.“¹

Высокую правду словъ англійскаго историка признають, вѣроятно, и тѣ люди реакціи искренней, а не корыстной, о которыхъ упоминали мы выше.

Прежде чѣмъ излагать ходъ англійской печати въ XVIII столѣтіи, считаю не лишнимъ сказать слово о французской періодической литературѣ XVIII столѣтія, полагая, что сравнительный взглядъ поможетъ, какъ всегда, уясненію занимающихъ насъ вопросовъ.

Самое характеристическое явленіе французской журналистики, замѣчу сначала, то, что до первой революціи она не создала ни одного политическаго, въ истинномъ смыслѣ, журнала; честь его введенія въ XVIII вѣкъ принадлежитъ двумъ свободнымъ странамъ—Англіи и Голландіи. Въ явленіи этомъ нельзя не признать прямого результата того централизованнаго, административно-покровительственнаго духа, который, начиная преимущественно съ XVII столѣтія, отличаетъ власть во Франціи².

¹ *Hist. of. Engl.* т. IV, стр. 606.

² По опредѣленію *Энциклопедіи*, „журналъ“ не болѣе, какъ періодическое изданіе, заключающее въ себѣ новости о происходящемъ, извлеченіе изъ вновь-вышедшихъ книгъ или подробности объ открытіяхъ, дѣлаемыхъ въ искусствахъ и наукахъ.“ *Histoire de la presse en France*, par E. Hétier, т. I, стр. 20.

Первый французскій журналъ *Gazette de France*¹ былъ основанъ, въ 1631 году, врачомъ Ренодо (Renaudot), при содѣйствіи Ришелье. Простой сборникъ новостей придворныхъ, военныхъ, заграничныхъ, онъ имѣлъ во Франціи, благодаря покровительству правительства, значительный успѣхъ съ самаго своего появленія. Ришелье, предвидя въ немъ очень полезное для своей власти орудіе, поставилъ его въ зависимость отъ правительства предоставленіемъ Ренодо монополіи *периодическихъ изданій*. Извѣстно, что онъ часто посылалъ въ журналъ различныя *сообщенія* и объявленія, распространеніе которыхъ было въ его интересѣ. Извѣстно также, что Лудовикъ XIII былъ однимъ изъ постоянныхъ читателей газеты и даже, какъ говорятъ, помѣщалъ въ ней небольшія собственныя статьи. Въ общей исторіи журналистики, существованіе *Газеты* и журнальная дѣятельность ея основателя отмѣчены, между прочимъ, однимъ очень удачнымъ и справедливымъ для всѣхъ временъ и странъ доводомъ, высказаннымъ Ренодо. „Я попрошу различныя иностранныя правительства, писалъ въ 1636 году, въ головѣ своей газеты, съ убѣдительною скромностію, редакторъ,—не терять бесполезно времени на противодѣйствіе распространенію моего журнала, ибо это такой товаръ, ввозъ котораго нельзя предотвратить и который владѣть тѣмъ свойствомъ потока, что усиливается отъ сопротивленія.“

Второй французскій журналъ, *Mercure*, явился при Лудовикѣ XIV. Кольберъ, способствовавшій его основанію, поручилъ изданіе Визе, и предоставилъ ему монополію журналистики легкой, полулитературной, сходной съ отдѣломъ *Смѣси*, или *Faits divers* въ теперешнихъ журналахъ, оставивъ за Ренодо привилегію печатанія иностранныхъ новостей. Визе замѣчательнъ для насъ только тѣмъ развѣ, что упорно отстаивалъ свою привилегію и тогда, когда уступая движенію идей и заявленію общественной потребности, правительство стало снисходительно смотрѣть на появленіе новыхъ журналовъ, подобныхъ *Mercurio*. Третій журналъ, *Journal des Sçavants*, былъ основанъ Денисомъ Салло (conseillier-clerc au parlement) также при Кольберѣ. Какъ двумъ предшествовавшимъ, такъ и его журналу, дана была

¹ Существовавшій до сихъ поръ подъ этимъ именемъ и извѣстный какъ главный легитимистскій органъ во Франціи.

сначала привилегія на исключительное печатаніе учебно-литературныхъ предметовъ. *Journal des Sçavants* выходилъ небольшими книжками разъ въ мѣсяцъ и имѣлъ, въ первое время, большой успѣхъ. Скоро однако правительство, недовольное вниманіемъ Салло и протестомъ его противъ новой церковной цензуры¹, передало право на изданіе журнала другому лицу. Въ 1701 году, *Journal des Sçavants* былъ приобрѣтенъ канцлеромъ Поншартреномъ (Pontchartrain) на имя правительства, и для его редакціи составлено было особое общество „ученыхъ на жалованіи“.

Изъ современныхъ явленій французскаго журнальнаго міра, характеризующихъ страну и время, я приведу здѣсь два особенно куріозныя. Одно изъ нихъ касается учрежденія государственныхъ *анти-журналистовъ* и *анти-оштраковъ* (anti-gazetiers et anti-lardonniers), по предложенію, сдѣланному извѣстнымъ инженеромъ и воиномъ, Вобаномъ². Последніе, то-есть офиціальныя *анти-оштраки* (анти-облачители), должны были составить что-то въ родѣ особой, роты чиновниковъ, которыхъ занятіе заключалось бы въ оборонѣ королевской чести и въ заготовленіи и поставкѣ въ журналы отвѣтовъ „рипостированія“ на всѣ обращенныя противъ короля пасквили, шутки, карикатуры, появлявшіяся въ иностранныхъ, преимущественно голландскихъ, журналахъ того времени. Но Лудовикъ XIV, предчувствуя, вѣроятно, въ журналахъ, будущаго опаснаго врага зау абсолютизма, замѣчаетъ Гатенъ, отказался прибѣгнуть къ помощи *анти-журналистовъ* и *анти-лардоньеровъ*³.

Другое куріозное явленіе, которое я счелъ умѣстнымъ

¹ *Hist. de la presse en France* par E. Hatin. T. I. стр. 187.

² Правительственная цензура сочиненій, издавна существовавшая въ католической и абсолютной Франціи, была принѣлена къ журналамъ, съ самаго ихъ появленія, несмотря на полуофиціальныя характеръ первыхъ.

³ Тотъ же авторъ разказываетъ, что умный Мазаринъ не отказывался бороться на этой почвѣ съ фрондой (во время которой печать пользовалась значительною независимостью). Между прочимъ, въ одной изъ оставленныхъ имъ *agendas* (листокъ памятной книжки), говорится: „... Court un livre contre moy, dont la conclusion est, que je m'entends avec ce Turc et que absolument je lui délivrerai l'Europa si on me laisse faire, etc. Le vrai moyen pour dissiper toutes ces méchancetés, ce serait de faire un livre, dans le quel on dit contre moy tout ce qui peut tomber dans l'esprit de plus méchant, afin que..“; остальное помято и не имело для насъ никакого значенія.

привести здѣсь, заключается въ проектѣ одного журналиста (Sabatier de Cavaillon), представленномъ Лудовику XIV въ 1686 году, и доказывавшемъ необходимость создать *шпионовъ достоинства* (*espions du mérite*). „Подсматривать достойныхъ, отыскивать ихъ въ удивленіи, въ которомъ они предаются размышленіямъ, проникать покровъ скромности, за которымъ они скрываются, и заставлять ихъ выступать на поприще, на которомъ они могутъ быть болѣе полезны людямъ, было бы должностью полезною для отечества и приличною лучшимъ гражданамъ. Эта отрасль полиціи принесла бы громадныя результаты“¹. Недоумѣвая о томъ, желалъ ли почтенный журналистъ отрекомендовать правительству свою достойную личность, или же дѣйствительно хотѣлъ принести кому-нибудь пользу, дивисься милому документу и узнаешь въ его авторѣ Француза.

Читатель, изъ этихъ двухъ-трехъ приведенныхъ тутъ фактовъ, могъ ясно видѣть, въ какихъ отношеніяхъ ко власти находились во Франціи литература и журналистика. Бѣкъ, въ первомъ томѣ своей исторіи, замѣчаетъ по этому поводу, что нераціональный союзъ власти съ представителями умственного элемента общества, или вѣрнѣе подчиненіе послѣднихъ первой, ведетъ обыкновенно къ деспотизму въ политикѣ и рабству въ литературѣ. Правительственное покровительство литературнымъ дѣятелямъ, кромѣ того, не только лишаетъ достоинства послѣднихъ, но и вредитъ народному развитію вообще; умъ, отъ предметовъ серьезныхъ, обращается къ предметамъ способнымъ занять дворъ, и наука, при этомъ, неволью приносится въ жертву. Такъ, съ 1661 года, то-есть со вступленія Лудовика XIV въ управленіе странюю, и до 1715 года, то-есть до его смерти, не было сдѣлано во Франціи, какъ доказываетъ тотъ же авторъ, никакихъ замѣчательныхъ научныхъ открытій. Естественный результатъ подобнаго порядка, замѣчаетъ Бѣкъ, есть обѣдненіе и порабощеніе ума, за тѣмъ упадокъ знаній, наконецъ упадокъ страны. Три раза въ исторіи повторялся тотъ же опытъ. Въ эпохи Августа, Льва X и Лудовика XIV утверждался подобный порядокъ и приносилъ сходные результаты. Каждая изъ этихъ эпохъ ознаменована наружнымъ блескомъ, за ко-

¹ Бѣкъ, *Hist. of. Civilis. in Engl.* T. I, стр. 647.

торымъ сѣдowało быстрое паденіе. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ блескъ переживалъ свободу, и въ каждомъ изъ нихъ національный характеръ упалъ отъ того пагубнаго союза правительства и литературы, въ силу котораго, политическіе классы становились могущественны, а классы интеллектуальные ничтожны.“¹

Подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ, я перехожу снова къ Англии.

Англійскія періодическія изданія начала XVIII столѣтія могутъ быть распределены на двѣ категоріи: къ первой принадлежатъ журналы политическихъ новостей и внутреннихъ извѣстій, по преимуществу; ко второй—журналы оригинальныхъ статей, литературныхъ, философскихъ, ученыхъ и пр. Первая изъ этихъ категорій, благодаря развитію политическаго любопытства, развивается сначала въ ущербъ второй. Признакъ этотъ замѣчается и въ первыхъ появившихся тогда *ежедневныхъ* журналахъ, которые, совмѣщая въ себѣ содержаніе обѣихъ категорій, отдають предпочтеніе политическимъ новостямъ надъ литературными.

Первый англійскій, и въ то же время европейскій, ежедневный журналъ назывался *Daily Courant*, печатался на полулистѣ, съ одной лишь стороны, и потому заключалъ въ себѣ всего одну страницу. Вслѣдъ за нимъ вскорѣ являются другія ежедневныя газеты, которыя увеличиваютъ свой объемъ, улучшаютъ содержаніе и быстро распространяются. Война за наслѣдство испанскаго престола, горячая борьба виговъ и торіевъ способствуютъ сильно ихъ развитію. Отвѣчая потребностямъ провинціальныхъ жителей, являются провинціальныя журналы². Занимавшаяся до этого времени преимущественно другими государствами, періодическая литература обращаетъ теперь свое вниманіе на событія собственной земли. Дѣятельное участіе въ ней, съ одной стороны, замѣчательныхъ писателей, съ другой — замѣчательныхъ государ-

¹ Бекъ, *Hist. of civil. in England. Pref.* стр. XXIII.

² *Norwich Postman*, первый „англійскій“ провинціальный журналъ, вышелъ въ 1706 году; онъ стоилъ пенни, но, какъ прибавлялъ издатель, — не отказываются и отъ полупенни (but half penny not refused).

ственныхъ дѣятелей, членовъ высшей аристократіи, способствуетъ веденію правильной журнальной полемики объ общественныхъ вопросахъ. Не утомляя памяти читателей именами, я назову тутъ лишь, изъ первыхъ, автора *Робинзона Крузо*, знаменитаго литературнаго бойца Даниеля де-Фо, потомъ Свифта, Стиля и Аддисона;—изъ вторыхъ, лорда канцлера Каупера и, въ послѣдствіи, перваго министра, главу торіійской партіи, Болингброка. *Политико-литературные* журналы Туля, *Tatler* (Болтунъ) и *Spectator* (Зритель), приобрѣтаютъ въ это время европейскую извѣстность. Чтобы дать понятіе о значеніи ихъ, достаточно будетъ сказать, что нѣкоторые нумера *Spectator*'а расходились въ числѣ 20.000 экземпляровъ, а когда журналъ прекратился, то изданіе первыхъ его четырехъ томовъ въ 9.000 экземпляровъ было раскуплено въ нѣсколько мѣсяцевъ. Правительство, между тѣмъ, снова начинаетъ опасаться слишкомъ большаго развитія періодической печати. Явленіе это совершенно объяснимо; не созрѣвшая еще мысль правительственныхъ классовъ видитъ въ увеличеніи вліянія печати пагубный ущербъ собственной власти. За осужденіе правительственныхъ дѣйствій, писателей начинаютъ подвергать суду. Стиль, за три статьи въ журналъ *Englishman*, направленные противъ министерства, былъ послѣ продолжительныхъ преній исключенъ изъ палаты общинъ. Недовольные частными притѣсненіями и судебными преслѣдованіями, нѣкоторые члены кабинета хотѣли было возстановить, до нѣкоторой степени, цензурный законъ; но мысль эта была тотчасъ же отвергнута въ парламентѣ. Предложенная затѣмъ мѣра—обязательной подписки имѣть авторовъ, помимо именъ издателей, была также отвергнута. Тогда-то явилась мысль стѣснить развитіе періодической литературы фискальными мѣрами. Было предложено взимать съ каждаго печатнаго полулиста полпенни¹; съ листа пенни, съ каждаго объявленія—12 пенсовъ (шиллингъ). Бурные пренія окончились въ іюнь 1712 года принатіемъ закона о пошлинѣ съ штемпеля и объявленій (stamp and advertisement duty). Этимъ закономъ начался рядъ фискальных стѣсненій англійской періодической печати. При Георгѣ I,

¹ Пенни—около 3 коп.

законъ 1712 года былъ доподнень, и *опредѣленіе* „періодическихъ изданій“, подлежащихъ пошлинѣ, расширено. Скоро къ пошлинѣ съ штемпеля и объявленій присоединилась пошлина съ бумаги (paper duty), существовавшая, какъ извѣстно, до іюня прошлаго 1861 года.

Цѣна журналовъ сильно возвысившаяся при наложеніи этихъ пошлинъ, тотчасъ же уменьшила число покупателей. Лучшій журналъ *Spectator* долженъ былъ увеличить вдвое свою цѣну и, по словамъ самого Стиля, вслѣдъ за этимъ потерялъ половину своихъ читателей. Въ декабрѣ 1712 г., то-есть черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ утвержденія закона о пошлинѣ, *Spectator* прекратился. За нимъ, почти всѣ тогдашніе журналы принуждены были расширить сроки своего выхода. Журналистика, со всѣмъ тѣмъ, скоро оправляется отъ удара. Закрѣпленная уже за ней политическая свобода служила ей тутъ великою поддержкой.

Я долженъ отмѣтить здѣсь характеристическую черту англійской журналистики этого времени, касающуюся происхожденія политическихъ журналовъ. Періодическія изданія не составляли тогда еще отдѣльныхъ и независимыхъ коммерческихъ предпріятій; въ первой половинѣ XVIII столѣтія, всѣ лондонскіе журналы принадлежали или книгопродавцамъ, или же государственнымъ людямъ. Последняго разряда журналы, то-есть принадлежавшіе политическимъ дѣятелямъ или политическимъ партіямъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія получили особенное развитіе. Такъ *Craftsman*, основанный Болингброкомъ, имѣлъ огромный успѣхъ, благодаря сотрудничеству необыкновенно даровитаго, хотя и мало нравственнаго, хорошо извѣстнаго министра, и поддержкѣ торійской партіи (country party). Политическія письма Болингброка, посвященные исторіи и вѣншей подитикѣ Англій и подписанныя псевдонимомъ *Humphrey Oldcastle*, обращали на себя всеобщее вниманіе и служили предметомъ горячихъ политическихъ преній. Въ послѣдствіи *Craftsman* занялся дѣлами внутренней политики, и очень памятенъ въ исторіи своею защитой свободы выборовъ, а также оппозиціей биллю извѣстному подъ именемъ закона о питейномъ акцизѣ.

Въ сороковыхъ годахъ появились первые отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ палатъ, въ *Covent Garden Journal*, издававшемся Фильдингомъ. Другіе журналы скоро переняли

это нововведеніе, и съ тѣхъ поръ „обычай“ публикаціи судебныхъ засѣданій утвердился въ Англіи. Магистратура съ самаго начала поддержала этотъ обычай. Слишкомъ извѣстный и часто цитируемый отвѣтъ лорда главного судьи Мансфильда иностранцу, удивлявшемуся малочисленности присутствующихъ въ судѣ: „развѣ мы не засѣдаемъ ежедневно во всѣхъ журналахъ?“—относится уже къ половинѣ прошлаго столѣтія. Лишь черезъ пятнадцать лѣтъ, послѣ этого, явились первые отчеты о театральныхъ представленіяхъ.

Чтобы перейти къ важному вопросу о правѣ публикаціи парламентскихъ преній, которымъ не пользовались еще журналы, я долженъ упомянуть о знаменитыхъ въ исторіи англійской періодической литературы *Письмахъ Юніуса* (*Junius Letters*). Подъ псевдонимами *Junius'a*, *Philo-Junius'a*, *Tullius'a*, и др., неизвѣстный (даже до сихъ поръ) авторъ¹ сталъ печатать въ декабрѣ 1762 года, въ журналѣ *Public Advertiser*, рядъ писемъ о различныхъ общественныхъ вопросахъ и политическихъ заботахъ своего времени. Письма эти, считающіяся нѣкоторыми и теперь еще *chef d'œuvre* омъ памфлета, образцомъ политическаго краснорѣчія, своею рѣдкою откровенностью, твердостью, силой, обратили на себя вниманіе всей Англіи. Не очень значительное число раскупавшихся экземпляровъ *Public Advertiser'a* повысилось послѣ появленія этихъ писемъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Особенное впечатлѣніе произвело письмо, обращенное къ королю Георгу III: нѣсколько изданій его разошлось въ нѣсколько часовъ². Я говорю о немъ по-

¹ „This epistolary Iron mask“, какъ выражался о немъ Байронъ.

² Привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этого, не столько замѣчательнаго, сколько надълавашаго шума, письма къ Георгу III. Мысль письма—совѣтъ королю не нарушать правъ англійскихъ подданныхъ, затѣмъ распустить парламентъ, вслѣдствіе испорченности большей части депутатовъ, защитить извѣстнаго Уэльса (о которомъ намъ придется упомянуть ниже) отъ притѣсненій министровъ и удалить фаворита лорда Бьюта.

„Государь, писалъ Юніусъ, безъ жалобъ нашего народа вы никогда не услышите истины: въ этомъ причина вашего несчастнаго положенія; бѣдствій вашего царствованія и общаго неудовольствія. Но къ счастью, есть время еще исправить ошибки вашего воспитанія; мы готовы простить вамъ акты пагубныхъ уроковъ, полученныхъ вами въ молодости, и ожидать многого отъ отличающаго васъ благодушія. Мы далеки отъ

тому что произнесенные въ парламентѣ Боркомъ и Фоксомъ рѣчи, по поводу процесса начатаго правительствомъ противъ издателя *Public Advertiser's*, были напечатаны въ нѣкоторыхъ журналахъ и подняли тѣмъ вопросъ о правѣ публикаціи парламентскихъ прейі. Обѣ названныя рѣчи авились сначала въ памфлетѣ *Vox Senatus*, и изъ него уже были перепечатаны журналами. Но попытки къ публикаціи прейі были дѣлаемы не разъ еще до этого Въ 1750 году, нѣкто Райксъ, издатель *Glocester Journal*, былъ приговоренъ

мысли, что вы съ намѣреніемъ желаете нарушить тѣковыя права вашихъ подданныхъ, права, на которыхъ опирается свобода гражданская и политическая... Безъ отвращенія раздѣляемъ мы принципъ законовъ нашихъ, что „король непогрѣшителенъ“ (the king can do no wrong). Мы отличаемъ любезнаго и добраго государя отъ слугъ его..., личные добродѣтели человека отъ ошибокъ его правительства. Безъ этого справедливаго раздѣленія, я не знаю, чье положеніе было бы несчастнѣе,—ваше ли, или положеніе англійскаго народа. Желалъ бы, государь, высказывая вамъ здѣсь истину, устранить всякую мысль о личномъ упрекѣ...“ „Вы взошли на престолъ съ искреннею рѣшительностію способствовать счастью всѣхъ вашихъ подданныхъ. Вы явили ихъ въ восторгѣ отъ новаго государя, котораго видѣ обѣщавъ еще болѣе чѣмъ слова; вы явили ихъ въ вѣрности вамъ не изъ принципа только, но также изъ сочувствія То было замеченіе не холодной вѣрности къ главѣ государства, но нѣжной и теплою преданности къ дорогому государю, рожденіе котораго видѣла Англія.“ „Народъ этотъ взываетъ теперь къ вамъ,“ продолжаетъ Юніусъ;— „будьте же справедливы къ нему; оставьте тѣ недостойныя мысли, которыя злонамѣренныя люди внушаютъ вамъ. Не вѣрьте тѣмъ, что говорятъ вамъ, будто англійская нація, непостоянная и легкомысленная по природѣ, жалуется безъ основанія... Если, говорите далѣе Юніусъ, вы не питаете лично никакого умысла противъ конституціи и благосостоянія вашихъ подданныхъ, вы не можете отставаться въ нерѣшимости относительно того, что заставляютъ васъ сдѣлать честь и польза... Вы потерпите влече расположеніе вашихъ англійскихъ подданныхъ и подвергнете долъ вамъ опасности... Люди благоразумные станутъ подозрительно глядѣть на всѣ ваши дѣйствія; другіе же осыплютъ васъ наглыми упреками... Король Англіи, не любимый и неуважаемый, необходимо будетъ несчастенъ; это, кажется, единственная политическая истина, въ которой вы можете безъ опыта, быть убѣжденъ.“ „Въ случаѣ же, спрашиваетъ затѣмъ Юніусъ, или народъ англійскій не ограничится спокойнымъ замечаніемъ своего неудовольствія, на кого тогда станетъ напѣваться король? На Ирландцевъ? Они доказали, что не сдѣдуетъ полагаться на нихъ. На Шотландцевъ?—Также нѣтъ. Можетъ-быть на армію? Вы разчитываете на помощь войска, ибо часть его доказала вамъ свою преданность... Ваши любимые (армейскіе) полки не послѣдуютъ примѣру гвардейскіхъ... Позвѣрьте, что они понимаютъ несправедливость преимуществъ, которыми вы осыпаете гвардію. Эти храбрые полки подвергаются всевозможнымъ опасностямъ, переносятъ всевозможныя трудности и въ на-

къ заключенію и денежному штрафу за напечатаніе рѣчей нѣкоторыхъ депутатовъ. Журналы протестовали, какъ могли, противъ устарѣвшихъ притязаній парламента. По замѣчаемому обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ закону, сатира, насмѣшка, умъ, оказались на сторонѣ обиженныхъ и правыхъ. Одинъ журналъ печаталъ рядъ засѣданій *Сената Лиллуптовъ*, въ которыхъ вымышленными именами сенаторовъ прикрывались имена парламентскихъ ораторовъ; другіе, безъ сомнѣнія, не уступали ему. Борьба эта длилась нѣсколько лѣтъ. Во время памятныхъ въ исторію парламента нападковъ на министерство со стороны Вилькса, начатыхъ изъ-за несправедливаго ареста одного журналиста, нѣкто Альмонъ, издатель *London Evening Post*, желая воспользоваться горячимъ интересомъ преній, снова началъ печатать подробности о засѣданіяхъ, сообщавшіяся ему нѣкоторыми депутатами. Первое время парламентъ какъ бы не замѣчалъ этого; но когда другіе журналы стали раздражать Альмону и опубликовали рѣчи Борка и Фокса по дѣлу Юніуса, парламентъ потребовалъ къ своему суду всѣхъ виновныхъ издателей. Общественное мнѣніе было за послѣднихъ. Можно судить о силѣ общаго негодованія про-

---

граву за то томятся въ гарнизонахъ или погибаютъ въ лагеряхъ; ими пренебрегаютъ, ихъ позабываютъ, но, къ счастью, они пощимаютъ это. Еслибы они не сознавали своего гражданского долга относительно отечества, вы испытали бы, можетъ-быть, силу ихъ патриотическаго негодованія; они оставили бы защиту вашего дѣла тѣмъ, которыхъ вы осмѣливаете почестями и наградами... Полюки преторіанцевъ, корыстныхъ и безъ нравственныхъ, не трогали Рима; но когда поднялись дальніе легіоны, они взяли его и порѣшили судьбу имперіи..." „Вмѣсто того, чтобы совѣтоваться съ однимъ вашимъ министромъ, говорить наконецъ Юніусъ, созовите весь вашъ совѣтъ. Пусть нація видитъ, что вы въ состояніи дѣйствовать внѣ пагубнаго вліянія. Идите на встрѣчу вашему народу, бросьте жалкіе предрасудки короля, заговорите съ націей языкомъ челоука и гражданина. Скажите ей, что вы были жестоко обманываемы: признаніе это покроетъ васъ славой..." и т. д. (*Junius; including letters by the same writer under other signatures. London. Изд. 1812 года. Т. I, стр. 64—86.*)

Впечатлѣніе произведенное этимъ письмомъ (съ его для насъ устарѣвшимъ и поизношенною рѣчью),—которое я ставлю ниже другихъ писемъ Юніуса, показываетъ отчасти, какое приличное и сдержанное обращеніе съ королемъ привыкло, до того, находить въ журналахъ англійское общество. Дѣйствительно, если сравнить томъ этого письма, съ томомъ рѣчи нѣкоторыхъ крайнихъ которіхъ въ другихъ государствахъ, то нельзя не признать относительно великой умѣренности первого.

тивъ требованій палаты общинъ по тому обстоятельству, что издатель отказался явиться къ суду въ назначенное время, и, вслѣдъ за тѣмъ, вопреки приказаніямъ парламента, были освобождены изъ-подъ ареста лордомъ-меромъ и Вильксомъ, бывшимъ тогда альдерменомъ лондонскаго „Сити“¹. Притязанія парламента поддерживалъ извѣстный своею недальностью король Георгъ III. Но, несмотря на это, вновь избранная, подъ впечатлѣніемъ общаго негодованія, палата общинъ рѣшила не возобновлять неправой и бесплодной борьбы, и съ этихъ-то поръ, то-есть съ 1771 года, англійскіе журналы безпрепятственно печатаютъ всевозможные отчеты и сужденія о парламентскихъ засѣданіяхъ.

Добытая англійскою журналистикою свобода публикаціи парламентскихъ преній, при увеличеніи числа читающихъ и любознательныхъ, содѣйствовала много къ развитію періодической литературы. Тотчасъ вслѣдъ за этою журнальною побѣдой, явилось нѣсколько новыхъ изданій; начало многихъ настоящихъ журналовъ относится къ этому времени. Такъ, въ 1772 году явился *Morning Post*, въ 1780—*Morning Herald*; въ январѣ 1788 года явился знаменитый *Times*, составлявшій продолженіе небольшого ежедневнаго журнала *London Daily Universal Register*, наслѣдникамъ издателя котораго, Валтера, онъ принадлежитъ и теперь. Къ этому времени относится появленіе первыхъ ежемѣсячныхъ обзорѣній и магазиновъ (*review, magazine*).

Читателямъ хорошо извѣстно, что время Георга III было тяжелымъ періодомъ конституціонной исторіи Англiи. Съ открытіемъ сѣверо-американской войны, начинается рядъ деспотическихъ мѣръ, различныхъ правительственныхъ притѣсненій гражданъ, продолжающихся какъ въ шестидесятилѣтнее царствованіе Георга III, такъ и въ царствованіе преемника его. Въ Георгѣ III, съ сильно-развитыми наклонностями къ деспотизму соединялся крайне слабый и больной умъ; черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія своего на престолъ, именно въ 1765 году, король заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, которое въ 1788 году помutilo его умъ, а въ 1810 г. лишило ума вовсе. Но

¹ Процессъ самого Вилькса, начатый вслѣдствіе этого дѣла, равно какъ и замѣчательный современный ему процессъ журнала *North Briton*, начатый вслѣдствіе жалобы лорда Бьюта, не могутъ войти въ это письмо.

вина тогдашняго терроризма заключалась не столько въ деспотическихъ наклонностяхъ ограниченаго во власти короля, сколько въ направленіи политики министерствъ предшествовавшаго и современнаго французской революціи. То была политика вмѣшательства, противная интересамъ и желаніямъ націи, и, по естественному закону, выразившаяся внутри деспотизмомъ и притѣсненіями. Притѣсненія эти, несмотря на весь временный вредъ, оказались, какъ всегда, въ конечномъ результатѣ, безплодными; они не могли разрушить основныхъ либеральныхъ учрежденій Англіи, ни помѣшать развитію націи.

Чтобы понять безсиліе деспотической политики эпохи Георга III, достаточно припомнить только состояніе англійскаго общества наканунѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка умственное движеніе было очень сильно возбуждено въ немъ, и что особенно важно, въ томъ его классѣ, который прежде оставался какъ бы внѣ этого движенія. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія явились „воскресныя школы“ для рабочихъ и за ними „воскресныя газеты“ и популярно-научныя книги; почти во всѣхъ городахъ появились типографіи и начали основываться библіотеки и кабинеты для чтенія, учреждались „общества для распространенія знаній“ и „общества преній“, и собиравшиеся первые общественные популярныя митинги. Бэклъ, говоря въ извѣстной главѣ своего перваго тома объ этомъ движеніи, замѣчаетъ, между прочимъ, что вмѣстѣ съ распространеніемъ знаній шло важное упрощеніе литературныхъ, книжныхъ, авторскихъ приемовъ. Прежнія тяжелыя формы, болѣе или менѣе схоластическій стиль старыхъ книгъ, не могли поддерживать и удовлетворять общую любознательность; недостатокъ читателей, а потому и матеріальной поддержки, заставлялъ авторовъ обращаться къ помощи или важныхъ особъ, или правительства. Первое породило „дедикаціи“, который вело къ униженному, боязливому, вредившему достоинству мысли тону; второе, путемъ „пенсій“, вело къ подчиненію власти представителей умственнаго общественнаго элемента. Упрощеніе литературныхъ приемовъ сдѣлало труды доступными массѣ читателей и увеличило раскупку книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній; прекратились тогда посвященія, рѣчь стала смѣлѣе и рациональнѣе, и литература прервала связь свою съ властью.

Въ то время когда начались правительственныя притѣ-

сненія, движеніе это было уже такъ сильно, что остановить его не было возможности. Всѣ стѣснительныя постановленія, издаванныя противъ типографовъ, книгопродавцевъ, содѣжателей бібліотекъ и кабинетовъ для чтенія и пр., не могли ни уменьшить любознательности народа, ни прекратить распространенія знаній. Интересны для насъ мѣры правительства, направленные противъ права собранія, права *Habeas Corpus* и, въ особенности, противъ свободы слова и печати, какъ основъ свободы англійскихъ гражданъ. Для стѣсненія популярныя, преимущественно политическія, собранія, въ 1789 году было издано постановленіе обязующее митинги собираться лишь въ указанныхъ мѣстахъ, и кромѣ того, объявлять о своемъ собраніи за пять дней; затѣмъ особымъ чиновникамъ было предоставлено право выпуска ихъ ¹. Изъ объявленія сдѣланнаго въ 1800 году, въ въ верхней палатѣ, лордомъ Голландомъ, видно, что дѣйствіе *Habeas Corpus*, въ продолженіи послѣднихъ семи лѣтъ, было прекращаемо пять разъ ²; изъ множества же лицъ подвергшихся въ это время заключенію, лишь пять человекъ было судимо и только одинъ осужденъ.

Что до печати вообще и журналістики въ особенности, то рядомъ съ различными фискальными притѣсненіями шли притѣсненія законодательныя и сѣдебныя. Штемпельная пошлина, составлявшая сначала, какъ извѣстно, 1 пенни съ листа и повышенная, въ 1756 году, на $\frac{1}{2}$ пенни, въ 1789 году была возвышена еще на $\frac{1}{2}$ пенни; въ 1797 году она достигла 2 $\frac{1}{2}$ пенсовъ, въ 1814—3 $\frac{1}{2}$; а въ 1812 году—4 пенсовъ съ каждаго печатнаго листа. Въ 1817 году, министерство лорда Кастельри внесло въ парламентъ билль, извѣстный подъ именемъ билля *шести актовъ*, который заключалъ въ себѣ шесть новыхъ стѣснительныхъ постановленій о печати ³. Билль этотъ, утвержденный послѣ долгихъ преній, самымъ ничтожнымъ большинствомъ, былъ, благода-

¹ Извѣстно, что присяжные часто отказывались осуждать нарушителей подобныхъ постановленій.

² Прекращеніе это не слѣдуетъ сравнивать съ *Suspension of Habeas Corpus*, какое напримѣръ было вотирировано вашингтонскимъ конгрессомъ по предѣженію президента, 14 прошедшаго декабря, съ цѣлію исключительно военно-политическою.

³ Касавшихся преимущественно *регистрировки*, деловыхъ обезпеченій и т. п.

ря силъ и настойчивости общественнаго негодованія, къ счастью уничтоженъ черезъ два года. Судебныхъ процессовъ, начатыхъ правительствомъ противъ литературныхъ и особенно журнальныхъ дѣятелей, съ 1778 по 1850 годъ, насчитываютъ болѣе 100, по которымъ, къ сожалѣнью, около 90 издателей и журналистовъ было осуждено; изъ этого числа 12 человекъ было приговорено къ семилѣтней ссылке, остальные же къ болѣе или менѣе продолжительному штрафу. Почти „половина“ этихъ процессовъ начата была по жалобамъ Георга IV, какъ въ бытность его регентомъ, такъ и королемъ. Многие изъ рыводовъ къ нимъ замѣчательно жалки. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ 1812 году, журналъ *Examiner* замѣтилъ аристократическому журналу *Morning Post*, не слишкомъ ли онъ любезенъ и сладокъ, называя принца валлійскаго „Адонисомъ“. Георгъ, которому было тогда за пятьдесятъ лѣтъ, счелъ это за обиду и поднялъ процессъ, окончившійся присужденіемъ издателя *Examiner* къ годовому заключенію и значительному денежному штрафу. Съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія литературные и журнальные судебные процессы становятся все рѣже и рѣже, и наконецъ, въ два послѣднія десятилѣтія, исчезаютъ почти совершенно.

Какіе же плоды принесли всѣ эти гоненія?.. Журналистикъ они принесли огромную услугу, закрѣпивъ, прежде всего, за нею сочувствіе общественнаго мнѣнія, завербовавъ ей всѣхъ лучшихъ и либеральныхъ людей страны. Матеріальныя средства журналовъ, несмотря на всѣ стѣсненія, не переставали также развиваться. Періодическія изданія, вообще расходившіяся въ 1753 году въ числѣ 7.300.000 листовъ въ годъ, а въ 1760—въ числѣ 9.500.000, составляли въ 1790 году—14.000.000 листовъ, въ 1795—15.200.000, а въ 1820 около 30.000.000. Цифры эти не лишены убѣдительности.

Говоря о грустной эпохѣ двухъ послѣднихъ Георговъ Бекъ замѣчаетъ, что политическія обстоятельства составляютъ лишь часть тѣхъ многихъ обстоятельствъ, которыми обуславливается исторія страны. Умственное движеніе нейтрализовало политическую реакцію. Страна безспорно страдала, но изъ страданія этого вышла рѣшимость измѣнить порядокъ, при которомъ возможно оно,—рѣшимость,

вызвавшая великія законодательныя реформы настоящаго столѣтія. ¹

Не бесполезно будетъ, прежде чѣмъ излагать развитіе английской періодической литературы и исторію журнальных реформъ послѣдняго времени, сказать слово о развитіи французской журналистики современнаго періода.

То умственное движеніе, о которомъ говорили мы, излагая развитіе английской журналистики XVIII столѣтія, было не менѣе спльно и во Франціи. Централизованное и деспотическое правительство, съ самаго начала, пошло противъ него. Время регента и Лудовика XV ознаменовано длиннымъ рядомъ всевозможныхъ притѣсненій. Общественное неудовольствіе, выражавшееся, въ первое время, сатирой, эпиграммой, пѣсней, приняло скоро, болѣе грозныя формы; то было въ восьмидесятыхъ годахъ, когда работа энциклопедистовъ и труды экономической школы успѣли принести свой плодъ.

Необыкновенно замѣчательно тутъ, что прежде чѣмъ обратиться къ критикѣ правительственныхъ началъ, умъ во Франціи обратился противъ церкви. Въ этомъ обстоятельстве (помимо недостатка свободнаго выхода для накопившихся впечатлѣній и долгаго гнета, неизбежно приводящихъ къ разрушительному взрыву), нѣкоторые видятъ причину печальныхъ крайностей французской революціи. Указывая причины великаго переворота, — централизованный и покровительственный характеръ власти, знакомство въ

¹ Я долженъ прибавить здѣсь, что важною поддержкой печати и журналистики, во все время притѣсненій, были различныя „общества“; изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ считается *Общество друзей свободы печати*, основанное въ 1792 году Шериданомъ, который знакомъ русскимъ читателямъ между прочимъ, изъ прекрасныхъ статей, посвященныхъ его дѣятельности А. В. Дружининымъ. Въ библиотекѣ Британскаго музея, я видѣлъ, между другими библиографическими матеріалами, рѣдкое собраніе протоколовъ засѣданій этого Общества. Выписываю здѣсь нѣсколько словъ изъ одного протокола: „Свобода печати, написано въ немъ очень крупными литерами, — есть великая опора общества и главный его органъ, лучшее средство для распространенія всего благаго и осужденія всего дурнаго. Это неутомимый и искусный посредникъ распространенія идей и свѣдѣній, твердая защита честныхъ и слабыхъ“ и т. д. За опрелѣленіемъ слѣдуютъ доказательства. *The proceedings of the Friends of the Liberty of the Press.* London. 1793 стр. 16.

XVIII столѣтіи лучшихъ мыслителей Франціи съ англійскимъ языкомъ и учрежденіями, сочиненія экономистовъ, появленіе, подъ формою кальвинизма, демократическихъ началъ въ духовныхъ сословіяхъ, примѣръ американской революціи и пр., Бэклъ указываетъ, между прочимъ, и на это обращеніе ума противъ церкви. Доводъ его оригиналенъ и замѣчательнъ. Онъ говоритъ, что духъ анализа не долженъ обращаться или, вѣрнѣе, не обращается обыкновенно къ религіи прежде чѣмъ къ политикѣ, и что противоположныя порядокъ, какъ случилось во Франціи, не соответствуетъ здоровому (healthy) состоянію общества; „нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что преступленія французской революціи должны быть, въ значительной степени, приписаны этой особености.“¹ Мысль эта важна для насъ, въ настоящемъ случаѣ, преимущественно потому, что прямою причиною преждевременнаго обращенія ума противъ религіи и церкви, былъ недостатокъ свободы печати, отсутствіе всякаго свободнаго политическаго, въ истинномъ смыслѣ, журнала, цензурныя притѣсненія, запрещенія, преслѣдованія всего критикующаго политическіе предметы, каждой оппозиціонной мысли. Примѣръ не лишній значенія.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, говоритъ Гатенъ въ своей исторіи французской печати, правительство Франціи очутилось въ положеніи утопающаго или падающаго человѣка, который замѣчаетъ движеніе, хочетъ остановить его, но которому не хватаетъ бодрости силъ. Мѣры 1764, 1767 и др. годовъ, подтвердившія запрещенія разсуждать о распоряженіяхъ правительства, причислившія къ уголовнымъ преступленіямъ всякое печатное слово вызывающее противъ него общественную мысль, оказались совершенно безсильными. Критика правительственныхъ началъ и дѣйствій, не находя себѣ естественнаго исхода въ дозволенныхъ журналахъ, уходила, какъ всегда, въ изданія тайныя, которыя, ускользая отъ всѣхъ розысковъ полиціи, распространялись съ удивительною смѣлостію и быстротой. Явленіе это, подтверждающее еще разъ мысль Ренодо, замѣчается при сходныхъ обстоятельствахъ всюду.

Время полной свободы печати, провозглашенной революціей, длится во Франціи не долго. Но и въ краткій срокъ

¹ Hist. of Civil. in Engl. T. I, стр. 687.

ея существованія, печать и журналистика успѣли получить огромное развитіе; нѣкто Déchiens составилъ большой томъ in-8 изъ однихъ названій журналовъ, появившихся въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Припомнимъ что посреди разгара демократическихъ страстей, во Франціи издавалось множество журналовъ, смѣло защищавшихъ дѣло монархіи и съ необыкновенною рѣзкостью нападавшихъ на „народное правительство“. Изъ журналовъ этихъ особенно замѣчательны: *l'Ami du roi*, который былъ прозванъ *Marat de la monarchie*, *Journal à deux liards* ¹ и др. При этомъ, сторону слабыхъ приняди, какъ всегда, сатира, насмѣшка, эпиграмма, такъ что почти всѣ сатирическіе и карикатурныя журналы этого времени стояли за королевскій домъ. Уже въ эпоху консуловъ, подъ влияніемъ перваго изъ нихъ, правительство возобновляетъ журнальныя стѣсненія. Въ 1800 году, число политическихъ парижскихъ журналовъ было ограничено. „Консулы республики, говорилъ декретъ, принимая въ соображеніе, что нѣкоторые журналы, печатающіеся въ департаментѣ Сены, служатъ орудіями врагамъ оной, что правительству поручено французскимъ народомъ охранять его спокойствіе, повелѣваютъ“... сдѣлуютъ названія тринадцати одобренныхъ парижскихъ журналовъ ². Не терпѣвшій свободнаго заявленія мнѣній еще въ бытность консуломъ, Наполеонъ положилъ ему конецъ сдѣлавшись императоромъ. Въ 1805 году, то-есть черезъ годъ по вступленіи на престолъ, онъ возстановилъ цензуру.

Въ продолженіи всего царствованія Наполеона, журналы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Чтобы дать понятіе объ этомъ положеніи, достаточно сказать, что среднее число подписчиковъ на политическіе журналы не превышало при немъ 3.000 человекъ. Одинъ лишь *Journal des Débats* (основанный въ 1789 году), издававшійся съ 1800 года братьями *Bertin* (наслѣдникамъ которыхъ онъ принад-

¹ „Я посвящу всего нѣсколько словъ, говорилъ напимѣръ послѣдній о законодательномъ собраніи,—на обзорніе дѣйствій новаго національнаго собранія. Оно выступило на театр дѣйствія (a débuté sur le théâtre du manège) 1-го октября года III. Возмущеніе... успѣло повѣрнуть свои права въ два дня, три раза нарушить клятву, оскорбить короля, національную гвардію, общества, окаянствовать министровъ и присвоить себѣ 150,000 фр.“—*Encycl. Mad.* т. XVIII, стр. 666.

² *Ibid.* стр. 667.

лежитъ и теперь), имѣлъ довольно значительный успѣхъ, расходился въ числѣ 32.000 экземпляровъ и приносилъ до 200.000 фр. дохода. Замѣчательно и не лишено комизма то, что Наполеонъ, не довольный этимъ успѣхомъ, который онъ быть-можетъ отчасти приписывалъ названію, приказалъ этой газетѣ называться *Journal de l'Empire*. Въ продолженіе всего періода первой имперіи, безъ труда находишь главные признаки печальной эпохи Лудовика XIV. При вѣншемъ блескѣ, та же, порожденная офиціальнымъ внимательствомъ, внутренняя бесплодность и бѣдность мысли, какъ въ литературѣ, такъ въ наукѣ и искусствѣ. Введенный тогда въ журналы, *фельетонъ* обязанъ своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что журнальные дѣятели, стѣсненные въ сферѣ политики, принуждены были обратиться къ покровительствуемой правительствомъ легкой и салонной литературѣ.

Реставрація, во время которой печать пользовалась значительною свободою, не создала ни одного особенно замѣчательнаго журнала. Лишь при концѣ ея, Гизо основываетъ, на подобіе англійскихъ *reviews*, свою извѣстную *Revue française*, и является предвѣстникомъ революціи *National* Мишье, Тьера и Карреля. Царствованіе Лудовика-Филиппа можно считать лучшею эпохою исторіи французской журналистики. Понятіе о развитіи послѣдней даетъ намъ число экземпляровъ періодическихъ изданій, которое въ 1828 году не превышало 20.000.000, а въ 1844—достигло 80.000.000. Тутъ кстатіи будетъ припомнить извѣстныя обвиненія, высказываемыя людьми нѣкоторыхъ политическихъ категорій противъ журналовъ этого времени. Предположивъ, что обвиненія эти совершенно чужды старому и очень частаго логическаго грѣха неразграниченія принципа съ его злоупотребленіями, я замѣчу въ отвѣтъ, что нѣкоторыя увлеченія тогдашнихъ журналовъ должны быть приписаны не излишку свободы и даже не быстрымъ и вреднымъ для общественной и политической нравственности переменамъ правительственныхъ системъ и не свойствамъ народнаго характера, но важнымъ недостаткамъ французскаго парламентскаго устройства.

Что до развитія журналовъ во вторую республику, то понятіе о немъ даетъ прошеніе редактора *La Presse* въ національное собраніе, показывающее что журналъ этотъ

стоилъ около 1.500.000 фр., расходился въ числѣ 70.000 экземпляровъ и поддерживалъ существованіе 1.100 человекъ. Въ послѣдствѣныя, естественно вышедшія изъ демократическаго правительства 1848 года, диктатуры ознаменовали себя по отношенію къ печати и журналистикѣ сходными и совершенно понятными актами. Первымъ дѣломъ Каваньяка было запрещеніе 11 журналовъ, въ числѣ которыхъ находились *l'Assemblée National* и *La Presse*; декретомъ 13-го іюня 1849 года Лудовикъ Наполеонъ повторилъ то же, запретивъ *Le Peuple*, *La Réforme*, *La vraie République*, *La Démocratie Pacifique* и многіе другіе. Это происходило во Франціи въ то самое время, когда въ Англии готовились послѣднія экономическія реформы, съ которыхъ началась великій періодъ полной экономической свободы ея печати, уже давно свободной политически.

Въ замѣчательномъ ряду разнообразныхъ реформъ, совершенныхъ въ послѣднее время въ Англии¹, экономическое освобожденіе журналовъ и печати вообще,—реформа пошлинъ,—завимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Чтобы понять всю необходимость и ея важность, слѣдуетъ припомнить обстоятельства, при которыхъ совершилась и которыми была обусловлена эта реформа.

Я долженъ прежде всего обратить вниманіе на то не лишнее особеннаго значенія явленіе англійской періодической печати, что начиная съ конца XVIII столѣтія, почти всѣ новые журналы были заводимы коммерческими людьми. Слѣдуя за промышленнымъ движеніемъ и отвѣчая требованіямъ среднихъ классовъ, журналы расширяютъ область объявленій. Многіе журналы заводятся даже исключительно въ виду промышленности, съ цѣлью публикаціи объявленій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ *The British Press*, *Globe*, основанный англійскими книгопродавцами для помѣщенія собственныхъ объявленій. Лондонскіе содержатели тавернъ и кофейныхъ домовъ также основываютъ журналъ для своихъ объявленій, *Morning Advertiser*. Каждый

¹ Реформы избирательная и муниципальная, уничтоженіе *Test and Corporation Act*, уравнивавшего диссентеровъ въ политическихъ правахъ со всѣми другими гражданами, изданіе *The Catholic Emancipation Act*, распространившаго тѣ же права на католиковъ; въ социальной экономіи—уничтоженіе торговли неграми и рабства въ колоніяхъ, введеніе системы свободной торговли и пр. и пр.!

журналъ въ началѣ этого столѣтiя имѣлъ свой особый родъ объявленiй. *Times* и *Morning Herald* печатали объявленiя касавшiяся отчужденiя недвижимаго собственности, *Morning Post* объявленiя о лошадяхъ и экипажахъ, *Public Ledger*—объ оптовой распродажѣ привозныхъ товаровъ и т. д.

Между тѣмъ, рядомъ съ повышенiемъ *штемпельной журнальной пошлины*, шло и повышенiе *пошлины съ объявленiй*. Съ 1 шиллинга, наложеннаго въ 1712 году, послѣдняя достигала, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтiя, 3½ шиллинговъ, что особенно тяготило промышленные журналы. вмѣстѣ съ бумажною пошлиною, объ названныя пошлины возвысили цѣну журналовъ почти въ четыре раза противъ ихъ настоящей стоимости. Понятно неудовольствiе какъ потребителей-читателей, такъ и промышленныхъ классовъ. Неудовольствiе это становилось все сильнѣе, а съ нимъ росло и естественное стремленiе къ уклоненiю отъ стѣснительныхъ и несвоевременныхъ мѣръ. Вопросы реформъ и внѣшнiя политическiя событiя, въ родѣ июльской революцiи, увеличивая общественное любопытство, усиливали требованiя на новые и главное—дешевые журналы. Тогда-то стали распространяться незаконныя, то-есть уклонявшiяся отъ пошлинъ, изданiя.

При громадности пошлинъ, издатели, не платившiе ихъ, могли продавать свои журналы въ три и даже въ четыре раза дешевле *штемпелеванныхъ*. Многие считали своимъ долгомъ поддерживать это нарушенiе притѣснительныхъ мѣръ, такъ что полицiя, въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ, боролась отчаянно и почти бесплодно съ противниками журнальныхъ пошлинъ. Кларинъ, въ своей исторiи печати, разказываетъ, что число листовъ *нештемпелеванныхъ* изданiй достигло, въ тридцатыхъ годахъ, 150.000 въ день. Нѣкто Гейтерингтонъ, издававшiй *London Dispatch*, продавалъ въ 1831 году 25.000 экземпляровъ въ недѣлю, по 2 пенса за каждый. Въ три года министерства лорда Грея, было 509 преслѣдованiй за продажу *нештемпелеванныхъ* изданiй; въ продолженiи одного 1835 года ихъ насчитываютъ 219.

Правительство должно было давно уже видѣть необходимость измѣненiй. Въ парламентскую сессию 1833 года, въ июль, пошлина съ объявленiй была наконецъ понижена съ 3½ шиллинговъ до одного. Въ 1836 году, вопросъ о *штем-*

пельной пошлинѣ быль поднять рѣшительно. Дѣло началось въ палатѣ депутатовъ съ запросовъ Уаклея и извѣстнаго Робакъ, въ засѣданіи 15-го марта ¹. Они требовали отъ министровъ объясненія недоразумѣній, возникшихъ при арестѣ издателей двухъ нештемпелеванныхъ журналовъ, — недоразумѣній частыхъ въ то время. По этому поводу, Гарвей сдѣлалъ предложеніе о совершенной отмѣнѣ пошлины съ штемпеля. Тогдашній министръ финансовъ (канцлеръ казначейства), г. Райсъ нынѣ лордъ Монтигль, не замедлилъ дать объясненіе отъ имени министерства. Измѣненіе закона о журнальныхъ пошлинахъ, говорилъ онъ, совершенно необходимо. Измѣненіе это онъ считаетъ необходимымъ не для выгодъ издателей и промышленниковъ, даже не для распространенія знаній, но для утвержденія порядка и общественнаго спокойствія, „для того чтобъ престѣчь еже-часное нарушеніе закона, которое правительство не въ состояніи прекратить.“ Значительное пониженіе пошлинъ, канцлеръ казначейства предпочитаетъ однако совершенному уничтоженію. Планъ его заключается въ измѣненіи, вмѣстѣ съ журнальными пошлинами, всей системы штемпельныхъ и гербовыхъ пошлинъ, составляющихъ до полутораэта не связанныхъ между собою постановленій. Данныхъ, затѣмъ канцлеромъ казначейства объясненій, относящихся преимущественно къ этой послѣдней части его рѣчи и находящихся внѣ занимающаго насъ предмета, я не стану приводить здѣсь. Изъ произнесенныхъ въ это засѣданіе, замѣчательнѣйшею рѣчью была рѣчь сэръ-Литтона Бульвера. Онъ коснулся главнымъ образомъ вопроса объ „уменьшеніи или совершенномъ уничтоженіи журнальныхъ пошлинъ“, и убѣдительно доказавъ необходимость от-мѣны послѣднихъ въ непродолжительномъ времени, какъ для прекращенія безпорядковъ, такъ и для развитія образованія, а съ нимъ нравственности народной, — согласился съ министромъ, что въ настоящую, именно, минуту, вслѣдствіе разныхъ финансовыхъ соображеній, удобнѣе ограничиться возможно-значительнымъ пониженіемъ пошлинъ. Второе чтеніе билля происходило 12-го апрѣля; третье — 20-го іюля. Послѣ нѣсколькихъ объ-

¹ *Hansard's Parliamentary Debates* (3 сер.), Т. XXXVI, стр. 334—612.

ясненій относительно размѣра подлежащихъ новой пошлннѣ листовъ, канцлеръ казначейства предложилъ приступить къ подачѣ голосовъ о „необходимости измѣнить платимую въ настоящее время штемпельную пошлину, такъ чтобы *плата мая впрѣдъ съ каждаго листа, гдѣ бы журналъ ни печатался, не превышала 1 пенни...*“ Въ преніяхъ по поводу этого предложенія заслуживаетъ нашего вниманія рѣчь Валтера, издателя *Times'a*, въ которой мы можемъ видѣть выраженіе мнѣнія всѣхъ значительныхъ, платившихъ пошлины, журналовъ. Ваатеръ говорилъ за предложеніе. Доказательства безсилія власти противодѣйствовать распространенію нештемпелеванныхъ изданій, безсилія крайне вреднаго для издателей штемпелеванныхъ и болѣе всѣхъ для него самого,—были замѣчательнѣйшимъ мѣстомъ его рѣчи. Онъ прочелъ, между прочимъ, напечатанное въ нѣсколькихъ журналахъ, объявленіе особеннаго общества *покровительства не штемпелеванныхъ изданій* (за подписью секретаря и двухъ казначеевъ), въ которомъ прямо говорилось, что чѣмъ долѣе будутъ поддерживаться пошлины, тѣмъ упорнѣе будетъ сопротивленіе общества. Фактъ этотъ очень характеристиченъ. Рѣчь Валтера заключила пренія третьяго чтенія. Билль былъ принятъ 241 голосомъ противъ 208, то есть большинствомъ 33 голосовъ. Въ палатѣ лордовъ не было раздѣленія.

Вслѣдъ за этимъ, въ ту же парламентскую сессію, вмѣстѣ съ общимъ измѣненіемъ системы пошлннѣ, была понижена пошлина съ бумаги и совершенно отмѣнена пошлина съ объявленій.

Результаты этихъ мѣръ были громадны. Журналы тотчасъ же понизили цѣну своихъ экземпляровъ на число сбавленныхъ съ пошлннѣ левсовъ. Съ отмѣною же разлнчія въ цѣнѣ, поддерживавшаго существованіе незаконныхъ изданій, уничтожились естественно и послѣднія. Общественное мнѣніе, какъ только понизилась пошлина, высказалось противъ нарушителей закона; пока они боролись съ притѣснительнымъ закономъ, право было на ихъ сторонѣ, но когда законъ помирился съ правомъ, мнѣніе гражданъ стало поддерживать законъ. Убытокъ государственнаго казначейства отъ уменьшенія журнальныхъ пошлннѣ оказался гораздо незначительнѣе чѣмъ предволагали, ибо раскупка журналовъ вскорѣ увеличилась вдвое. Вмѣсто потери $\frac{1}{4}$

суммы (около 500.000 ф. ст.), доставленной журнальными пошлинами въ 1835 году, казначейство потеряло менѣ половины оной. Убыль эта очень скоро пополнилась, какъ доказываютъ слѣдующія цифры: съ 5-го октября 1835 года по 5-е апрѣля 1836, „англійскіе журналы заклеили 14.700.000 листовъ; съ 5-го октября же 1836 года по 5-е апрѣля 1837 года, они заклеили 21.400.000 листовъ. Въ слѣдующемъ 1838 году доходъ казначейства увеличился почти вдвое, и послѣ этого не переставалъ увеличиваться.

Здѣсь будетъ умѣстно небольшое, касающееся характера этой реформы, замѣчаніе. Объ приведенныя мѣры, уменьшеніе-штемпельной пошлины и уничтоженіе пошлины съ объявленій, отмѣчены, въ высокой степени, тѣмъ новымъ, истинно-раціональнымъ направленіемъ, которымъ должны отличать ся всѣ современныя общественныя реформы: они ведутъ къ уничтоженію монополій (въ обширномъ смыслѣ). Такъ, рассматривая официальные отчеты о движеніи періодической печати съ начала этого столѣтія, видишь, что хотя распространеніе журналовъ увеличивалось, однако всѣ журналы, исключая *Times*, теряли постепенно часть своихъ покупателей. Ясно, поэтому, что какъ новые, такъ и старыя, отошедшія отъ другихъ журналовъ, покупатели обратились къ *Times*'у. Въ то же время, число объявленій *Times*'а постоянно увеличивалось, другихъ же журналовъ—постоянно уменьшалось, ибо при дороговизнѣ объявленій каждый обращается къ самому распространенному журналу, чтобъ извлечь возможно-большую пользу изъ дорогой платы, то-есть чтобы заставить прочесть свое объявленіе возможно-большее число разъ. Такимъ образомъ, пошлина съ клейма и съ объявленій вела къ журнальной монополіи *Times*'а, который грозилъ поглотить всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство читателей¹. Мѣры 1833 и 1846 годовъ, равно какъ и послѣдовавшія за ними, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, избавили англійское общество отъ этого зла и позволили другимъ изданіямъ, съ барышомъ и пользою, продолжать свое существованіе. Мелкая же и распростра-

¹ Поощреніе монополій, подобнымъ повышеніемъ стѣснительныхъ пошлинъ, составляетъ одно изъ многихъ экономическихъ явленій исторіи журналистики, которыя повторяются вездѣ съ удивительною правильностью и точностью.

ненная журнальная промышленность имѣеть то несомнѣнное преимущество надъ крупною, что принося, въ общемъ, предпринимателямъ болѣе валоваго, но менѣе чистаго дохода, она способствуетъ благосостоянiю большаго числа людей.

Какъ старая, такъ и установленная въ 1836 году штемпельная пошлина, давала журналамъ право бесплатной почтовой пересылки въ предѣлахъ Великобритани. Для журналовъ, нуждавшихся въ такой пересылкѣ пошлина эта и замѣняла почтовую плату; для остальныхъ же она оставалась налогомъ, легче стараго, но все же притѣснительнымъ. Налогъ, говорили журналы, будучи въ сущности вознагражденiемъ за услугу, можетъ быть справедливо взимаемъ лишь тогда, когда услуга дѣйствительно оказана. Справедливо подвергнуть пошлинѣ номера журналовъ пересылаемыхъ по почтѣ, но несправедливо подвергнуть ей номера, продаваемые въ самомъ мѣстѣ изданiя или пересылаемые собственными средствами. Разумность этихъ доводовъ очевидна. Общество ожидало новой реформы. Въ 1851 году, парламентъ поручилъ особой комиссiи изслѣдовать снова вопросъ о штемпельной пошлинѣ; комиссiя, послѣ довольно продолжительныхъ занятiй, высказалась въ пользу совершеннаго уничтоженiя. Въ 1854 году, вопросъ этотъ былъ опять возбужденъ Мильнеромъ Гибсономъ, по предложенiю котораго палата общинъ объявила законъ о штемпельной пошлинѣ неудобнымъ и требующимъ измѣненiя ¹. Гладстонъ, бывший тогда канцлеромъ казначейства, пригото- вилъ, на этомъ основанiи, къ началу сессiи 1855 года, особый билль, по которому штемпельная пошлина совмѣщалась съ почтовой платой, въ размѣрѣ 1 пенни съ 4 унцiй вѣсу. Когда образовался новый кабинетъ, и Корнвалъ Льюисъ смѣнилъ Гладстона, то, какъ прежнiй журналистъ и ре-

¹ Сущность предложенiя Гибсона выражается слѣдующими словами его рѣчи: „Пламенное желанiе лицъ низшихъ классовъ получать извѣстiя съ театра войны, свѣдѣнiя о родителяхъ, сыновьяхъ, братьяхъ, вызвало появленiе значительнаго числа военныхъ журналовъ, публикующихся безъ штемпельной пошлины. Журналы эти достигли огромнаго развитiя, почему издатели штемпелеванныхъ журналовъ жалуются на несправедливое соперничество, которое имъ приходится выдерживать съ издателями журналовъ нештемпелеванныхъ и распространяющихъ, между тѣмъ, свѣдѣнiя общаго интереса.“ *Hans. Parliam. Deb.* (3 серия), т. СХХХVI, стр. 301.

дакторъ *Edinburgh Review*, онъ не могъ отказаться отъ поддержки билля, назначеннаго къ улучшенію состоянія періодической печати и образованія вообще, и не замедлилъ внести его въ парламентъ.

Оставляя въ сторонѣ не особенно интересныя для насъ пренія при первомъ и второмъ чтеніи билля, я приведу здѣсь замѣчательнѣйшія рѣчи, произнесенныя въ засѣданіе 11 мая 1858 года, при третьемъ чтеніи ¹. Прежде всего противъ билля говорилъ Пекъ, находя, что настоящая война и нужда въ деньгахъ не благоприятствуютъ уничтоженію дохода въ 500.000 ф. ст., который платятъ теперь издатели журналовъ, и который придется взять тогда съ недостаточныхъ потребителей чая, сахара и кофе. Ему возражалъ замѣчательный ораторъ Макайръ. Отмѣна пошлины, говорилъ онъ, необходима не для обогащенія издателей или журналистовъ, но для распространенія періодическихъ изданій и свѣдѣній въ народѣ, что особенно важно именно въ настоящее военное время, когда каждый свѣдитъ за успѣхами англійскаго оружія и за судьбою дорогихъ ему людей. Вторая половина его рѣчи касалась защиты *Times*'а, по случаю предполагаемой платы въ 1 пенни съ 4 унцій вѣсу. Изъ всѣхъ англійскихъ журналовъ, говорилъ Макайръ, одинъ *Times* превышаетъ вѣсомъ 4 унціи, и именно тогда, когда даетъ „прибавленіе“ (supplement). Известно, что съ этихъ прибавленій *Times* не получаетъ никакого барыша, а выигрываетъ только публика. Справедливо ли подвергать его новому убытку за „прибавленія“, выгодныя для публики и нисколько не выгодныя для него? Станутъ ли другіе издатели стремиться достигнуть положенія *Times*'а и станутъ ли они разсылать прибавленія, когда за это ихъ ожидаетъ увеличеніе пошлины и убытокъ? Послѣ рѣчей Веллеслея и Чамберса, перваго противъ втораго за билль, Непиръ предложилъ назначить плату въ 1 пенни за 6 унцій вѣсу. Ему возражалъ канцлеръ казначейства, утверждая, что предложенное „измѣненіе“ разстраиваетъ его финансовыя расчеты, что *Times*'у придется платить прибавочныя $\frac{1}{2}$ пенни за очень незначительное число „прибавленій“, такъ какъ бѣольшая часть ихъ, расходясь въ Лондонѣ, не нуждается въ почтовой пересылкѣ. Билль былъ

¹ *Ibid.*, т. СXXXVIII, стр. 441—452.

принять 215 голосами противъ 161, то-есть большинствомъ 54 голосовъ.

Между тѣмъ, въ палатѣ лордовъ о необходимости новой мѣры говорилъ представитель министерства лордъ Каннингъ. Я изложу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ сущность его рѣчи ¹. Изъ обзорѣнія происхожденія штемпельной пошрины и хода ея развитія, лордъ Каннингъ заключаетъ, что введеніе этой пошрины было полицейскою журнальною мѣрою, и что правительство возвышало ее не для увеличенія государственныхъ доходовъ. Такъ какъ полицейская цѣль не имѣется и не можетъ болѣе имѣться въ виду, то и пожертвованіе части доходовъ совершенно умѣстно. Ему возражалъ тотъ самый лордъ Монтигъ, который въ 1836 году понизилъ штемпельную пошрину съ 4 пенсовъ на 1. Онъ согласился съ лордомъ Каннингомъ въ политическомъ и моральномъ отношеніяхъ, и прибавилъ, что съ уменьшеніемъ штемпельной пошрины въ 1836 году, онъ замѣчаетъ значительное улучшеніе и въ содержаніи и въ нравственности періодическихъ изданій. Но онъ не можетъ согласиться въ своевременности предлагаемой лордомъ Каннингомъ мѣры. Онъ утверждаетъ, что потеря 500.000 ф. ст., доставляемыхъ штемпельною пошриною, будетъ, въ настоящее время, крайне чувствительна, и что сумма эта составляетъ какъ разъ проценты съ 16.000.000 ф. ст., занятыхъ въ настоящую сессію. Въ 1836 году, говорилъ Монтигъ, множество важныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ общественный порядокъ, требовали реформы; въ настоящее же время онъ не замѣчаетъ подобныхъ обстоятельствъ. Послѣ возраженій лорда Каннинга, что взиманіе пошрины сопряжено со множествомъ затрудненій, и что законъ нарушается теперь такъ же какъ и тогда, билль прошелъ, несмотря на протестъ лорда Монтига.

О результатахъ новой мѣры можно судить по нѣсколькимъ слѣдующимъ цифрамъ: еженедѣльный журналъ *Illustrated London News* съ 80.000 экземпляровъ, повысился черезъ годъ, по отмѣнѣ штемпельной пошрины, на 140.000; два ежедневные популярныя журнала, уменьшившіе на половину свою прежнюю цѣну, учетверили число своихъ поку-

¹ *Ibid.*, т. СХХХVIII, стр. 952—968..

пателей: въ 1857 г., то-есть черезъ два года послѣ отгѣны пошлины, *Family Herald* расходился въ числѣ 12.500.000 экземпляровъ въ годъ, а *London Journal* въ числѣ 26.520.000. Необходимо прибавить здѣсь, что оба названныя журнала считаются самыми умѣренными, разумно-либеральными и нравственными изъ всѣхъ англійскихъ популярныхъ изданій.

Для довершенія экономическаго освобожденія печати и журналистики, оставалось уничтожить послѣднее фискальное стѣсненіе, послѣдній налогъ на образованіе, какъ выражаются Англичане, пошлину съ бумаги. Окончательная отгѣна бумажной пошлины, подготовленная въ 1860 году, была совершена въ іюнѣ прошлаго 1861 года. Такъ какъ реформа эта тѣсно связана съ бюджетными биллями Гладстона на 1860 и 1861 годы, то для уясненія ея слѣдовало бы припомнить обстоятельства, ознаменовавшія принятіе названныхъ биллей. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ однако входить здѣсь въ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, и я постараюсь, въ нѣсколькихъ словахъ, припомнить основанія финансовыхъ проектовъ Гладстона.

Сущность бюджетнаго проекта на 1860 годъ заключалась въ слѣдующемъ: для покрытія дефицита предлагалось возвысить на 1 пенни налогъ на доходъ (income tax), а недостающую, послѣ возвышенія этого налога, для покрытія дефицита, сумму пополнить вестѣснительною однопенсовою пошлиною „регистрации“ съ каждаго ящика или мѣста всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ предметовъ, а также пошлиною съ мелкихъ коммерческихъ оборотовъ и сдѣлокъ, и продолженіемъ на годъ возвышенной прежде пошлины съ чая и сахара. Особенность проекта Гладстона состояла въ томъ, что бюджетъ его, кромѣ двухъ обыкновенныхъ отдѣловъ, доходовъ и расходовъ, заключалъ въ себѣ третій—„уменьшеніе пошлинъ“. Послѣднее соотвѣтствовало экономическимъ теоріямъ Гладстона. „Для усиленія потребленія, необходимо пониженіе пошлинъ и упрощеніе фискальныхъ формальностей,“ говорятъ пилиты и въ томъ числѣ Гладстонъ, ихъ настоящій вожатый. „Опытъ показываетъ, что между пошлинами съ торговли и промышленности и доходами страны существуетъ тѣсная связь, что вѣрнѣйшее послѣдствіе пониженія налога есть усиленіе производства, и что сборы таможенные и акцизные болѣе увеличиваются, когда нѣкоторыя

пошлины понижаются или отменяются чѣмъ когда всѣ онѣ неизмѣнно поддерживаются.“

Въ ряду этихъ-то пошлинъ, назначенныхъ Гладстономъ къ пониженію, находилась и пошлина съ бумаги, дававшая около 1.400.000 фунтовъ ст. Умѣренность и необходимость ея отмены Гладстонъ основывалъ, прежде всего, на рѣшеніи палаты общинъ въ 1858 году, которымъ пошлина съ бумаги признана неудовлетворительною; затѣмъ, на крайней затруднительности взиманія оной, доказанной множествомъ недавнихъ примѣровъ. За Гладстона, на сторонѣ отмены пошлины, была вся та часть общества, которая требуетъ дешевыхъ изданій для распространенія свѣдѣній между рабочими классами. Особая *Ассоціація для отмены пошлинъ съ газетъ*, приступившая послѣ отмены штельпельной пошлины къ „агитаціямъ“ противъ пошлины съ бумаги, поддерживала также Гладстона. Его поддерживала большая часть, если не крупныхъ, то мелкихъ журналовъ; потомъ большинство книгопродавцевъ, издателей, литературныхъ и журнальныхъ людей. Литературные дѣятели видѣли въ отменѣ бумажной пошлины увеличеніе своихъ „гонораріевъ;“ мелкие журналисты—распространеніе мелкихъ дешевыхъ журналовъ. Издатель *Times*'а объявилъ, что съ потребляемой имъ бумаги, онъ платитъ ежегодно болѣе 100.000 р. сер. пошлины. Кассель, выпускающій ежегодно отъ 300 до 400 милліоновъ экземпляровъ популярныхъ изданій, платилъ съ бумаги ежегодно около 50.000 р. сер. Найтъ (Knight), известный авторъ и издатель иллюстрированной *Истории Англіи*, расходившейся въ громадномъ числѣ экземпляровъ, объявилъ, что онъ заплатилъ пошлины около 35.000 р. сер. На сторонѣ отмены пошлины были и бумажные фабриканты, мастера различныхъ побочныхъ, связанныхъ съ бумажныхъ дѣломъ, промысловъ, какъ-то мебельной, ленточной, цвѣточной и др. За то, противъ отмены пошлины, были всѣ противники подоходнаго налога (который Гладстонъ, два года тому назадъ, обѣщалъ отменить совершенно) и многочисленные недостаточные потребители „чая и сахара“, усиленная пошлина съ которыхъ продолжалась на годъ. Таково было положеніе вопроса.

Когда 12 марта 1860 года открылись пренія по поволу втораго чтенія билля объ отменѣ бумажной пошлины,

Майльсъ, одинъ изъ либеральныхъ членовъ, выразилъ мнѣніе о несвоевременности уничтоженія дохода въ 1.400.000 ф. ст., тѣмъ болѣе что уничтоженіе это сопряжено съ увеличеніемъ налога на доходъ; предложенная имъ поправка (amendment) была однако отвергнута большинствомъ 37 голосовъ¹. При преніяхъ о третьемъ чтеніи, происходившихъ 8-го мая, къ оппозиціи присоединились многіе другіе либеральныя члены, какъ-то Венъ, Иллисъ, Берингъ. Несмотря на краснорѣчивыя возраженія Гладстона, напомнившаго, между прочимъ, что палата сама осудила бумажную пошлину въ 1838 году, и на мастерскую рѣчь Мильнера Гибсона, билль едва ли прошелъ бы въ третій разъ, еслибы недокія нападки Дизраэли, возбуждившія опасенія за кабинетъ, не заставили многихъ членовъ подать голосъ за отгнѣну пошлины. Билль былъ принятъ 215 голосами противъ 210, то-есть ничтожнымъ большинствомъ 5 голосовъ.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется неудача билля Гладстона въ палатѣ лордовъ. Зная что многіе члены оппозиціи отказались отъ подачи голоса, и что въ противномъ случаѣ билль не былъ бы принятъ, палата лордовъ рѣшилась отвергнуть его. Инициативу предложенія объ этомъ принялъ на себя лордъ Монтигаль, его поддержали Дерби и Линдгорстъ, которому именно въ день преній минуло 88 лѣтъ, и который рядомъ историческихъ примѣровъ доказывалъ права палаты отвергнуть билль. Предложеніе отвергнуть было принято 193 голосами противъ 104, то-есть огромнымъ и необыкновенно рѣдкимъ большинствомъ 89 голосовъ.

Читатели помнятъ, вѣроятно, возбужденный этимъ рѣшеніемъ палаты лордовъ вопросъ о правѣ послѣдней отвергать „финансовыя“ билли принятыя палатой общинъ. Вопросъ этотъ находится внѣ занимающаго насъ здѣсь предмета, и я ограничусь нѣсколькими краткими словами. Лордъ Пальмерстонъ, желая прекратить недоразумѣніе между палатами, предложилъ назначить особую комиссію „для разысканія, въ парламентскихъ архивахъ, прежнихъ примѣровъ“ по отношенію къ различнымъ мѣрамъ, касающимся введенія или отгнѣны налоговъ. Предложеніе о назначеніи комиссіи было принято 25-го марта. 29-го іюня

¹ *Annual Register*, т. СІІ стр. 64.

коммиссія представила парламенту свой докладъ, въ которомъ были сгруппированы всѣ случаи отказа палатою лордовъ въ финансовыхъ билляхъ, но не сдѣлано заключенія. Хотя палата лордовъ и отказалась отъ инициативы и права „поправки“ во всѣхъ дѣлахъ касающихся финансовъ, однако она не разъ возставала, послѣ того, противъ увеличенія налоговъ. Пальмерстонъ, на основаніи этого доклада, сдѣлалъ три предложенія, смыслъ которыхъ не былъ противенъ рѣшенію палаты лордовъ. 5-го іюня начались пренія по поводу этихъ предложеній, и 8-го іюня они были приняты. Такимъ образомъ, вслѣдствіе разнообразныхъ постановленій и соображеній, билль объ отмѣнѣ бумажной пошлины не былъ утвержденъ въ парламентскую сессію 1860 года.

Гладстонъ внесъ его въ свой бюджетный проектъ на 1861 годъ. Изъ числа многихъ засѣданій, посвященныхъ въ палатѣ общинъ преніямъ о немъ, читая которыя дивисься богатству и разнообразію свѣдѣній, глубинѣ и всесторонности доводовъ ораторовъ, замѣчательнѣйшими были засѣданія 6-го, 9-го, 30-го мая прошлаго года. Я коснусь ихъ настолько, насколько они относятся нашему вопросу.

Пренія 6 мая открылись рѣчью Гладстона, въ которой, послѣ объясненія сущности новой мѣры, достаточно обсужденной уже въ прошлогоднюю сессію, канцлеръ казначейства сдѣлалъ предложеніе: „чтобы съ 1 октября 1861 года, пошлина платимая въ настоящее время съ бумаги, въ какомъ бы то ни было видѣ, была отмѣнена...“ Возражая Гладстону, лордъ Робертъ Сесиль упомянулъ объ американскихъ событіяхъ и нашелъ предлагаемую мѣру несвоевременною. „Отмѣняя эту пошлину въ настоящее время, прибавилъ онъ, вы уничтожаете ее навсегда; особенность этого рода пошлинъ та, что онѣ требуютъ особаго штата чиновниковъ, сборщиковъ и специальныхъ контролеровъ: распуская ихъ однажды, ужь трудно будетъ послѣ собрать ихъ снова. Сесилю возражалъ Гоуэръ. Подтверждая свои доводы многочисленными примѣрами, онъ показалъ затрудненія, съ которыми сопряжено взиманіе бумажной пошлины, ея стѣснительность для многихъ промышленности и, главное, ея противодѣйствіе распространенію знаній. Замѣчательно, что между возражавшими противниками мѣры, было нѣсколько публицистовъ, какъ-то: Чамберсъ, Найтъ, Блекъ, старый редакторъ *Morning Chronicle*, хорошо извѣстный своею ссорой съ Робакомъ. Они

помагали, что отмена пошлины съ бумаги не повизитъ много цѣны книгъ и журналовъ, и что она послужитъ не къ пользѣ читателей, но къ обогащенію издателей и бумажныхъ фабрикантовъ.“ Въ данной, искусной и убѣдительной рѣчи Гоуэръ опровергъ ихъ опасенія. Обращаясь къ консервативной партіи, Гоуэръ коснулся потомъ вопроса о пользѣ распространенія политическихъ свѣдѣній между рабочими классами. Ничто не можетъ быть полезнѣе для власти и общества, говорилъ онъ,—возможно обширнѣйшаго распространенія политическихъ свѣдѣній.—Ничто не можетъ быть полезнѣе того, чтобы рабочіе классы свѣдали за порядкомъ управленія ими, и знакомы были съ законами, которые должны чтить и которымъ обязаны повиноваться.“ Распространеніе свѣдѣній полезно вообще какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Изъ долгаго и добросовѣстнаго изученія популярныхъ изданій ораторъ убѣдился въ ихъ достоинствѣ и великой пользѣ. Онъ „никогда не находилъ въ нихъ ничего оскорбительнаго для человѣчества или религіи; напротивъ, онъ видѣлъ всегда, что они распространяютъ убѣжденія одною силою доводовъ. Онъ отдастъ честь высокому такту, съ которымъ составляются руководящія статьи этихъ изданій и припоминаетъ при этомъ, что дешевая печать заключаетъ въ себѣ органы всевозможныхъ политическихъ отгѣнковъ.“ Показавъ, что отмена пошлины должна привести къ пониженію цѣны книгъ и газетъ, Гоуэръ обратилъ также вниманіе на то обстоятельство, что для многочисленнаго класса людей небольшого достатка, имѣющихъ напримѣръ 200 фунтовъ стерлинговъ (1.300 р. сер.) годового дохода, новая мѣра очень важна, ибо освободитъ ихъ отъ необходимости жертвовать лишнихъ 6—8 фунтовъ. Возраженія Гамильтона и Бентинка, извѣстнаго поборника экономическаго протекціонизма, касались преимущественно необходимости предвидѣть послѣдствія американской войны и несвоевременности пожертвованія дохода въ полтора миліона. За своевременность и необходимость говорилъ потомъ Бенсъ, извѣстный партизанъ свободы народнаго образованія. Интереснѣйшую часть его рѣчи составляютъ примѣры обременительности бумажной пошлины. Фирма *Morley et Co*, потреблявшая на 4.000 фунт. стерл. бумаги въ годъ, платила съ нее 800 ф. стерл. пошлины, которая

падала на покупателей. Та же фирма платила съ учебныхъ изданій, среднимъ числомъ около 7.300 ф. въ годъ. *Religion Tract Society*, издававшее болѣе 40.000.000 библій въ годъ, платило цѣну 6 милліоновъ экземпляровъ въ казначейство. На 6—7 пенсовъ стоимости фунта бумаги, приходилось 1½ пенса, то-есть около 25% пошлины. Торговая, промышленность, образованіе страны, говорилъ ораторъ, не могли не страдать отъ подобныхъ стѣсненій; чѣмъ скорѣе стѣсненія эти будутъ уничтожены, тѣмъ лучше. Послѣ нѣсколькихъ, менѣе интересныхъ для насъ рѣчей, предложеніе Гладстона было принято. Пренія 9 мая о „второмъ“ чтеніи, относившіяся, преимущественно, къ таможенной пошлинѣ съ бумаги и конкуренціи бельгійскихъ фабрика-товъ, не важны для насъ въ настоящемъ случаѣ, какъ не важны и послѣдовавшія за ними, 13 и 16 мая, пренія о прошлогоднемъ рѣшеніи палаты лордовъ. 27 мая, Гладстонъ представилъ свой билль объ отмѣнѣ бумажной пошлины (*Paper Duty Abolition Bill*) вмѣстѣ съ общимъ биллемъ доходовъ (*Customs and Inland Revenue Bill*). 30 мая, несмотря на возраженія Дизраэли и Роберта Пила, этотъ билль былъ читанъ во „второй“ разъ, а черезъ три дня, 3 іюня, въ „третій“ разъ, и принятъ большинствомъ 15 голосовъ. Въ палатѣ лордовъ не повторился уже прошлогодній случай; 11 іюня билль Гладстона былъ утвержденъ, несмотря на возраженія герцога Ратландскаго, графа Дерби и нѣкоторыхъ другихъ¹.

Отмѣна пошлины съ бумаги была послѣднимъ актомъ экономическаго освобожденія печати вообще и періодической литературы въ особенности. Результаты не замедлили заявить себя. 1 октября 1861 года новый законъ вступилъ въ дѣйствіе, а черезъ день явился первый, свободный отъ вѣсѣхъ потлинъ, номеръ *Times*'а, съ пониженною съ 4 на 3 пенса цѣною. Примеру *Times*'а послѣдовали почти всѣ журналы. Такимъ образомъ, факты успѣли въ два мѣсяца опровергнуть опасенія противниковъ новаго закона и доказать, что общество извлекаетъ изъ отмѣны печатныхъ пошлинъ не менѣе, если не болѣе пользы, чѣмъ издатели и промышленники. Другое возраженіе безполезности закона

¹ *Hans. Parliam. Deb.* т. CLXII, стр. 1575—1630.

для рабочихъ классовъ также опровергнуто фактами. На митингъ національнаго общества для распространенія сепаратный, происходившемъ въ Дублинѣ въ ноябрѣ прошлаго года, лордъ Брумъ объявилъ „что результаты отѣны бумажной пошлины были быстры и громадны... Одна явившаяся, послѣ отѣны, ежедневная, популярная газета расходуется уже въ числѣ 80.000 экземпляровъ; другой, вновь основанный, *полу-пенсовый* еженедѣльный журналъ, съ превосходными рисунками, печатаетъ не менѣе 160.000 экз.“ Къ такимъ краснорѣчивымъ цифрамъ прибавлять нечего.

Въ настоящее время, печать и журналистика въ Англіи, не неся никакихъ налоговъ, пользуются „полною свободой“, которой первыя условія — „возможность выражать свои убѣжденія безъ предварительнаго одобренія, возможность заводить какія бы то ни было изданія безъ предварительнаго дозволенія и независимость отъ всякихъ стѣсненій.“ Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ въ Англіи, обычай обогналъ письменный законъ; не закрѣпленная статутами, свобода печати существуетъ на дѣлѣ на томъ же основаніи, на которомъ существуетъ въ Англіи свобода всякой другой промышленности ¹. Она коренится, въ сознаніи, привычкахъ, нравахъ англійскаго народа; возобновленіе какихъ бы то ни было притѣсненій (какъ было сказано выше) не мыслимо болѣе. „Въ Англіи, каждый можетъ совершенно свободно и безопасно выражать свои убѣжденія,“ еще недавно говорилъ Пальмерстонъ своимъ избирателямъ въ Тивертонѣ. Былая *профанація* достоинства представителей, — публикація рѣчей ихъ, право на которую стоило такихъ долгихъ усилій, теперь считается великою честью. Этого мало: безгласность преній, считавшаяся прежде привилегіей, стала теперь наказаніемъ. Когда О'Коннель позволилъ себѣ однажды, въ палатѣ общинъ, выразиться рѣзко о нѣкоторыхъ журналистахъ, журналы рѣшили не печатать его рѣчей до тѣхъ поръ пока онъ публично не возьметъ назадъ своихъ словъ; О'Коннель долженъ былъ покориться. Знакомые съ характеромъ знаменитаго ирландскаго „агитатора“ оцѣнять силу этого факта. „Галерея, въ которой помѣщаются въ парламентѣ журналисты, замѣчаетъ Маколей въ своемъ критическомъ

¹ Одни исключенія, обязательныя для печати, занесены въ законъ.

опытъ о Конституціонной Исторіи Галлама,—въ настоящее время стала властью, а публикація преній, дѣло казавшееся самымъ либеральнымъ государственнымъ людямъ старой школы великою опасностью для общественнаго порядка, признается теперь всѣми гарантіей, опорой, и даже болѣе чѣмъ опорой, всего остального“. Къ этому, я позволю себѣ прибавить еще одно небольшое и скромное, но не лишнее нѣкотораго значенія, замѣчаніе: прежде журналисты не имѣли особеннаго мѣста въ парламентъ и могли писать не иначе какъ на колѣнкахъ; теперь, въ палатѣ лордовъ имѣетъ отдава первая скамья „галереи посѣтителей“ (stranger's gallery), а въ палатѣ общинъ устроена особая галерея, въ самомъ удобномъ мѣстѣ залы, подъ кресломъ *speaker'a*.

Мнѣ остается сказать слово въ заключеніе.

Слѣдя, по нашему краткому очерку, за развитіемъ свободы печати въ Англіи и, шедшимъ съ нимъ объ руку, развитіемъ англійской журналистики, нельзя было не замѣтить въ ходѣ послѣдней четырехъ періодовъ. Періодъ первый обнимаетъ собою то время, когда журналы, вызванные развитіемъ общественной любознательности и взаимныхъ интересовъ, занимаются собираніемъ разнообразныхъ новостей и извѣстій, и простою передачей ихъ читателямъ; извѣстія эти касаются преимущественно иностранныхъ государствъ; передача ограничивается перечнемъ, безъ всякаго разсужденія или оригинальнаго текста. Это періодъ подозрительнаго контроля власти надъ благомъ печати, періодъ цензурныхъ притѣсненій журналовъ, начинающійся въ Англіи съ появленія первыхъ періодическихъ изданій и оканчивающійся съ концомъ XVII столѣтія. Притокъ новостей, извѣстій, свѣдѣній, обуславливаетъ между тѣмъ развитіе общества; это вызываетъ улучшеніе законодательства о печати, освобожденіе отъ предупредительнаго правительственнаго контроля, съ чего и начинается второй періодъ англійской журналистики. Вниманіе періодической литературы отъ внѣшнихъ событій обращается тогда къ внутреннимъ вопросамъ, а освобожденіе отъ предварительнаго одобренія даетъ возможность обсуживать ихъ. Люди ученые, передовые, нравственные, лучшіе, начинаютъ принимать участіе въ журналахъ; люди государственные, дѣятели политическіе, видя въ журналахъ могущественное ору-

діе для поддержкы своихъ началъ и объясненія дѣйствій, ищутъ ихъ расположенія, участвуютъ въ нихъ, приносятъ значительныя жертвы для учрежденія новыхъ, основываютъ свои собственныя изданія. Отвѣчая усиливающимся требованіямъ общества, періодическая литература развивается, несмотря на экономическія стѣсненія. Первая половина XVIII столѣтія въ Англіи, отмѣчена этимъ, по преимуществу, политическимъ характеромъ; середина его, классическая эпоха парламентскаго ораторства и горячихъ политическихъ журнальныхъ преній, время Болингброка и Чатама, Борка и Фокса, Вилькса и Юніуса, заканчивается собою второй періодъ. Третій обнимаетъ конецъ прошедшаго и начало настоящаго столѣтія. Журналы становятся промышленными предпріятіями, частными спекуляціями и, освободившись отъ исключительнаго служенія партіямъ, отъ подчиненія власти, развиваютъ въ себѣ элементъ новый, торговый, промышленный,—отдѣлъ объявленій, отвѣчающій болѣе интересамъ среднихъ классовъ. Свобода вызываетъ это явленіе, и свобода, въ свою очередь, служить она. Въ Англіи, гдѣ каждый можетъ быть типографомъ, и безъ всякихъ дозволеній, издавать что угодно, журналы стали дѣломъ имѣющихъ денежныя средства, дѣломъ капиталовъ; это освободило ихъ отъ необходимости правительственныхъ пособій, отъ службы вліятельнымъ политическимъ людямъ, сдѣлало независимѣе, самостоятельнѣе и, главное, полезнѣе большинству. Четвертый періодъ англійской періодической печати, періодъ ея экономического освобожденія, начинается съ реформъ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, уменьшившихъ пошлину съ клейма и бумаги, и увѣчтожившихъ пошлину съ объявленій. Въ немъ элементы, промышленный и политическій, уравниваются между собой; пониженіе пошлинъ даетъ возможность увеличить объемъ журналовъ и дать болѣе прежняго мѣста политико-литературному отдѣлу, безъ ущерба торговому,—безъ стѣсненія объявленій. Съ этимъ періодомъ экономического освобожденія совпадаетъ появленіе и распространеніе книгъ народной литературы, популярныя изданія, дешевыхъ журналовъ, которыхъ значеніе, вліяніе, силу, утверждаетъ экономическая реформа 1835 года, совершенно уничтожившая штемпельную пошлину. Наконецъ, съ отмѣной бумажной пошлины,—последняго фискальнаго стѣсненія

печати, послѣдняго „налога на образованіе“, начался новый періодъ англійской журналистики, періодъ полной политической и экономической свободы, рациональный и народный характеръ котораго успѣлъ уже заявить себя въ-сколькими замѣчательными, приведенными выше, фактами. Періодъ этотъ отвѣчаетъ новому, мудрому и законному „демократическому“ движенію; въ немъ должно начаться осуществленіе лучшаго и высшаго демократическаго стремленія,—стремленія къ *общему образованію*, съ которыми неразрывно связаны народная нравственность и сила.

Разграничивая здѣсь, приблизительно, періоды исторіи англійской журналистики, я указалъ лишь на нѣкоторыя явленія, особенности и результаты ихъ. Читатель, сопоставляя ихъ съ современными историческими событіями, законодательными фазами, социальными-экономическими реформами, придетъ самъ ко многимъ очень важнымъ выводамъ. Изъ исторіи англійской журналистики ясно видно, какъ пагубенъ разладъ „государства“ съ „обществомъ“, какъ бесплодны неправыя и несвоевременныя мѣры при самой насильственной обстановкѣ, какъ цензурныя и фискальныя притѣвленія не только не останавливаютъ развитія, но приносятъ, въ *конечномъ* результатѣ, существенную пользу печати, какъ критикующая мысль, не находя себѣ естественнаго исхода въ дозволенныхъ изданіяхъ, уходитъ въ изданія тайныя, противъ которыхъ бессильна всякая власть, какъ фискальныя стѣсненія вызываютъ контрабандную, секретную печать, противъ которой также бессильна всякая власть, какъ возвышеніе журнальныхъ пошлинъ ведетъ къ монополизациі журнальныхъ предпріятій, а съ этимъ къ общественному неудовольствію, беспорядкамъ, потрясеніямъ, и т. д.

Неправъ и неразуменъ, поэтому, будетъ тотъ законодатель, который увлечется недавнимъ примѣромъ Пруссіи, подчинившей свои журналы штемпельной пошлинѣ. Злой примѣръ другой извѣстной страны не долженъ также смущать никого. Мы видѣли уже, какъ исторія французской журналистики XVIII вѣка, къ ряду другихъ знаменательныхъ примѣровъ зла пригнетенной мысли, сдвоеннаго слова, цензурованной рѣчи, присоединила новый, получившій на-канунъ грозной бури, въ виду кроваваго террора, смыслъ глубокій и далеко не праздный. Но оставляя старое и

обрацаюся къ нашему времени, каждый кто слѣдилъ за послѣдними французскими законодательными мѣрами о печати, кому извѣстны результаты изданнаго 6-го іюля 1850 года такъ-называемаго *Loi Tinguu* (обязавшаго, между прочимъ, авторовъ подписывать всегда свои имена, подъ страхомъ административнаго запрещенія изданія, и самыхъ строгихъ денежныхъ наказаній), и изданнаго 17 февраля 1852 года *Décret organique sur la presse* (наложившаго, между прочимъ, штемпельную пошлину въ 6 сантимовъ на печатный листъ), предостережетъ отъ того же свою родную страну. Знакомые близко съ французскою журналістыкою послѣдняго десятилѣтія, встрѣчавшіеся съ людьми ея (и чуждые, при этомъ, новой моды побранивать французское, кстати и не кстати) не могутъ не признать грустнаго обѣдненія мысли, какъ признаютъ нещекотливость нравственнаго чувства и измѣнчивость политическихъ симпатій въ значительной части современныхъ журнальныхъ дѣятелей Франціи. Переходя отъ журналістики ко всей литературѣ послѣднихъ годовъ, нельзя не замѣтить и въ ней появленія тѣхъ самыхъ признаковъ бесплодности, какой-то официальной сухости, которыя отличали литературу первой имперіи. Вторая, какъ и первая, стремится къ пагубному подчиненію власти умственныхъ элементовъ общества...

Постановленія, управляющія англійскою печатью, законъ о пасквилѣ (*libel law*), и затѣмъ хозяйство, внутреннее устройство, состояніе и значеніе главныхъ современныхъ политическихъ журналовъ Англійи, составятъ предметъ слѣдующей статьи.

Л. ДЕ-РОБЕРТИ.

ЗАМѢТКИ

0

ВОЛЬНО-НАЕМНОМЪ ТРУДѢ

Авторитетъ умеръ, да здравствуетъ авторитетъ! Тѣмъ лучше: слѣдовательно всякъ—авторитетъ. Вотъ во имя этого *всякаго* рѣшился и я писать эти замѣтки.

Гдѣ-то я вычиталъ, что помѣщики переводятъ будто бы псовую охоту, но охотниковъ до фразъ у насъ съ каждымъ днемъ прибываетъ. Фраза, это — ассигнація, давно потерявшая номинальную цѣну и обращающаяся за деньгами только между людьми неопытными. Подобныя фразы въ нашей литературѣ сыплются градомъ со всѣхъ сторонъ. Читаетъ ихъ публика или не читаетъ? Кто ее знаетъ! Но рано или поздно, придется фальшивую бумажку вынимать изъ обращенія, и кто-нибудь за нее да заплатится. Итакъ прочь фразы, въ какую бы сторону онѣ ни гули. Говорить о дѣлѣ надо добросовѣстно и прямо. Въ замѣткахъ моихъ я выскажу не только факты идущіе, по моему, къ дѣлу, но и тѣ соображенія и ощущенія, которыя вызвали меня на тотъ или другой шагъ. Словомъ, я буду разказывать что я думаю, что сдѣлалъ, и что изъ этого вышло. Хорошо, такъ хорошо; худо, такъ худо, лишь бы правда была. Не одна тысяча людей пойдутъ теперь моею

дорогой. Если мой читатель еще менѣе меня опытенъ въ земледѣліи, то я порадуюсь возможности быть ему хотя сколько-нибудь полезнымъ, крикнувъ въ потьмахъ: тутъ яма, держи правѣй, я ужь въ ней побывалъ; а если онъ самъ дока, то ему и книги въ руки, а я съ особенною радостью и жадностью стану слушать его совѣты. Заподозривать меня въ пристрастіи къ старому порядку, или въ антипатіи къ вольному труду нельзя. Я самъ добровольно употребилъ на это дѣло свой капиталъ, и бьюсь второй годъ лично надъ этимъ дѣломъ. Послѣдняя щепка на дворѣ у меня точно такъ же куплена и привезена за деньги, какъ и то перо, которымъ я пишу эти замѣтки. Итакъ къ дѣлу, in medias res.

I. Осмотръ имѣній.

Года за три еще до манифеста бездѣятельная и] дорогая городская жизнь стала сильно надоедать мнѣ. Правда, въ Москвѣ проживалъ я только осень и зиму, а на лѣто ѣздилъ въ Орловскую губернію, въ имѣніе сестры моей Б. Прекрасный старый садъ, чудная рѣчка Зуша, шоссе въ 6 верстахъ, хорошее сосѣдство, кажется чего бы еще хотѣть? Но сдѣлаться зрителемъ, бывъ всю жизнь дѣятелемъ, тяжело, и я сталъ сильно подумывать о постоянной дѣятельности. Мнѣ пришла мысль купить клочокъ земли, и заняться на немъ сельскимъ хозяйствомъ; но первое условіе, чтобы мнѣ никто не мѣшалъ дѣлать, что и какъ я хочу, и чтобы то, что я считаю своимъ, было мое дѣйствительно. Для меня всякое неопредѣленное состояніе тягостнѣе всего. Мысль о подобной покупкѣ преслѣдовала меня все болѣе и болѣе, и въ 1859 и 60 годахъ я пустился въ розыски земли, подходящей подъ мои требованія. Не стану исчислять всѣ мои попытки. Я искалъ непременно не заселенной земли, хотя съ небольшимъ лѣскомъ, рѣчкой если можно, и готовою усадьбой, не стѣсняясь губерніей, лишь бы не слишкомъ далеко отъ моей родины Мценска. Разумѣется это *не слишкомъ далеко* иногда, при сговорчивости съ самимъ собою, выходило и очень

далеко: въ Ярославѣ, Смоленскѣ, подъ Москвой и т. д. Попавъ прямо со школьной скамьи на коня во фронтъ, я всю жизнь не имѣлъ никакого понятія о ходѣ земледѣльческихъ занятій, но подумавъ, что этимъ дѣломъ правятъ у насъ на Руси и безграмотные старосты, я махнулъ рукой на земледѣльческую школу, и рѣшился приступить къ дѣлу въ качествѣ слѣпца. При мысли отдохнуть среди своихъ полей, гдѣ, какъ говоритъ Гораций:

Вкругъ тебя съ ревомъ пасутся коровы,
Ржетъ кобылица, въ четверку лихая,

меня не покидала и другая: не затѣвать пустой игрушки, которая не окупитъ положенныхъ на нее трудовъ и издержекъ, а слѣдовательно надоѣсть и отобѣесть охоту къ занятіямъ, чего мнѣ не хотѣлось. Я хотѣлъ, хотя на маломъ пространствѣ, сдѣлать что-либо дѣйствительно дѣльное. Для этого первое условіе, чтобы земля по мѣстнымъ даннымъ не обошлась слишкомъ дорого. Представился случай купить имѣніе подъ Серпуховымъ. Владѣлецъ просилъ за 250 десятинъ съ крестьянами по 30 р. с. за десятину, а когда я заговорилъ объ уступкѣ ста десятинъ чистой земли, онъ запросилъ по 40 р., да за домикъ въ три комнаты и плохой скотный дворъ 2.000 р., слѣдовательно 6.000 р.; да купчая, да переноска старыхъ и постройка новыхъ необходимыхъ строеній, закупка скота, орудій, — и выйдетъ, что надо истратить 10.000 р. Почва сѣренькая, кругомъ десятинъ сорокъ мелкаго березника, десятинъ 20 плохаго покоса, да десятинъ по двѣнадцати въ трехъ клинахъ. Я сталъ спрашивать о заработной платѣ, и узналъ, что въ Московской губерніи годовая цѣна не ниже 60 р.: да прокормить рабочаго дай Богъ за 30 р., а урожай на прѣсной (не навозной землѣ) много-много 6—7 копенъ, слѣдовательно отъ 3 до 4 четвертей (и то много на десятинѣ), кромѣ сѣменя. Всѣ эти подробности я узналъ отъ мѣстныхъ крестьянъ и извозчиковъ, которыхъ постоянно обо всемъ спрашивалъ. Стоило только свести счеты, чтобы придти къ слѣдующему результату. На двѣнадцати десятинъ въ полѣ надо трехъ работниковъ: прибавивъ кухарку, пастуха, и такъ-называемаго подпаса, выйдетъ, что на пять рабочихъ надо издерживать не менѣе 500 р.; да надо же если не на прика-

щика, то хотя на старосту (онъ же и ключникъ), положить 150 р. итого 650 р. Прибавивъ по 6% съ 10.000 р. затраченнаго капитала 600 р., получишь расхода 1.250 р., а прихода: 12 десятинъ ржи по 3 четверти—36 четвертей, продавайте хоть по 4 р. на мѣствѣ—144 р. Что касается до яроваго, то оно едва ли могло дать столько же, такъ какъ овесъ въ Москвѣ въ то время я изъ лавки покупалъ по 2 р. за четверть, а когда въ предлагаемомъ имѣннѣ взглянулъ на сѣно, то, увидавъ какой-то темный мохъ, оставилъ надежду получать отъ него выгоду. Итакъ, самое поверхностное столкновение съ дѣйствительностію на этотъ разъ совершенно разочаровало меня въ возможности вольнаго земледѣльческаго труда въ этой мѣстности. Какая же это земля, которую надо воздѣлывать въ явный убытокъ? Это было весной 1860 года. Разочарованный, я повѣхалъ въ Орловскую губернію. Здѣсь, по разнымъ соображеніямъ, я готовъ былъ на всѣ возможныя съ моей стороны уступки, лишь бы поселиться вблизи Мценска. Нашлась и тутъ не населенная земля, и уже не 100, а 600 десятинъ, не по 40, а по 60 р. Это не Московская, а Орловская губернія. Вспомнивъ, что Т., зная мою опытность въ сельскомъ хозяйствѣ, еще въ Петербургѣ, взялъ съ меня слово ни на что не рѣшаться, не посоветовавшись съ его дядей, я обратился къ послѣднему за совѣтомъ. Послѣ многихъ усилій съ своей стороны, почтенный Т. сумѣлъ унять мой пылъ, доказавъ мнѣ цифрами, что заводясь вновь на такой значительной дачѣ и взявъ въ соображеніе грунтъ не перваго качества, нельзя и помышлять, при вольнонаемномъ трудѣ, не только о барышѣ, но и о возможности вести какое-нибудь хозяйство. Оставилъ я и это дѣло. Въ началѣ августа 60 года, былъ я у родственника моего Ш., проживающаго въ своемъ имѣннѣ по старой мценско-курской дорогѣ, въ 60 верстахъ отъ Мценска и въ 35 отъ Орла.—„Ты и щельземлю, спросилъ меня Ш., близъ меня продается земля. Дорого 80 р., но земля отличнаго качества черноземъ, 200 дес. въ одной мѣжѣ, отъ насъ верстахъ въ трехъ черезъ поля, а въ объѣздѣ верстъ пять. Строенья всего—новый, еще неотдѣланный домикъ отличнаго лѣсу, да новый скотный дворъ. Надо многимъ обзаводиться, а наличныхъ вѣрно у нихъ нѣтъ; вотъ они и продаютъ. Есть и лѣсокъ.“—„Есть ли вода?“—„Колодезь, но можно по мѣстности вырыть прудъ.“

— „А рѣка близко?“ — „Рѣка верстахъ въ семи.“ — „Это неутѣшительно, однако нельзя ли посмотреть?“ — „Намъ подали верховыхъ лошадей, и мы отправились въ недалекий путь. — „Видишь ли тотъ лѣсокъ, сказалъ Ш., а подѣ нимъ черную полосу? Это взметъ на твоей землѣ.“ — „На моей если куплю.“ — „Посмотри какой черноземъ, замѣтилъ онъ, когда мы стали переѣзжать черезъ поле, приготовленное подѣ сѣвъ ржи, — и какъ славно воздѣланая земля, повѣрь никто не придерется.“ — Дѣйствительно, лошади тонули по щиколки въ пухлой пашнѣ. Наконецъ завидѣлся одинокій домикъ съ соломенной кровлей, и подѣ него скотный дворъ, съ котораго спускали стадо, когда мы подѣѣхали къ заброшенному свѣжею щепой крыльцу, сопровождаемые злобнымъ лаемъ двухъ лохматыхъ собакъ. Мы объявили свое желаніе видѣть домъ. Молодые хозяйскія дочери повели насъ по недодѣланнымъ и кое-чѣмъ меблированнымъ комнатамъ, съ извиненіями, что семейство только недѣлю тому назадъ переѣхало сюда, и что все еще кое-какъ. И очень: надѣ рамами были сквозныя щели въ ладонь, заложеныя стружками; а заводя хозяйство надо тутъ жить самому. — „Ну, подумалъ я, это все успѣю сдѣлать. Мебель какая-нибудь на время есть, а тамъ изъ Москвы подвезутъ.“ — „Расположеніе комнатъ мнѣ нравится,“ сказалъ я по-французски Ш, желая вводить продавцовъ въ нашъ разговоръ. — „Il y a encore une cuisine ici“, отозвалась неожиданно и довольно неисправно одна изъ молодыхъ хозяекъ, отворяя дверь. Оказалась дѣйствительно премилая кухня, тамъ гдѣ она ничему не мѣшаетъ, а между тѣмъ близко.

Вообще домикъ въ семь небольшихъ комнатъ для двоихъ достаточенъ и удобенъ. Не отдѣланъ, но это дѣло прихоти.

— „Ну какъ тебѣ понравился твой будущій хуторъ, спросилъ Ш. тѣмъ же шутивнымъ тономъ, когда мы возвращались домой. А замѣтилъ ты табунъ?“ — „Ну, братъ нечѣмъ похвастать!“ — „Напрасно ты такъ говоришь. Лошади худы, но ты ихъ видѣлъ мелькомъ. А онѣ хорошей породы, я это знаю.“ — „А какъ ты думаешь, спросилъ я въ свою очередь, что можетъ стоить полное устройство этого хутора, считая орудія, постройки, земляныя работы, прудъ, скотный дворъ однимъ словомъ все, безъ чего нельзя хозяйничать?“ — „Отъ тысячи до 33, а можетъ-быть и побольше.“ — „Сколько же онъ можетъ по твоему дать доходу?“ — „Сочти самъ: 55 десятинъ и

олаѣ. На этой землѣ надо считать 400 четвертей въ прода-
 ку ржи по 3 р. 1.200 р. да яроваго на 500—изъ этого на рабо-
 ихъ.“—„А какаѣ тутъ цѣны рабочимъ годовымъ?“—„Твой про-
 авецъ навимаетъ по 25, а тебѣ десяти человекъ довольно.“
 —„Да вѣдь это отлично. Слѣдовательно можно получить до
 .500 р. въ годъ, то-есть тоже что даетъ 25 тыс., капиталъ по
 %/о. Я не говюсь за барышами, лишь бы убытку не было.“—
 Разговоръ до самой усадьбы Ш. продолжался въ этомъ родѣ,
 и я былъ совершенно доволенъ, что наконецъ таки нашелъ
 него искалъ. При вторичномъ осмотрѣ въ сопровожденіи
 самого продавца, съ которымъ уже я сходилъ, оказалось все
 въ удовлетворительномъ видѣ, и рогатый скотъ, и лошади, и
 вьюкосы до 30 десятинъ, давшіе въ текущемъ году до 3.000
 рудовъ сѣна. Надо было рѣшиться. И при какихъ же болѣе
 благоприятныхъ условіяхъ пускаться на вольнонаемную
 обработку земли? Почва прекрасная, рабочіе дешевы, сбытъ
 не слишкомъ затруднительный. Отъ добра добра не ищутъ.
 Я рѣшился.

II. Покупка.

Когда мы сошлись въ цѣнѣ съ продавцомъ, человекъ.
 далекимъ отъ науки, но не отъ практики, онъ въ видѣ любез-
 ности высказалъ мнѣ нѣкоторые совѣты, тѣмъ болѣе что я
 безъ зазрѣнія совѣсти сознавался въ моемъ невѣдѣніи. Одна-
 ко невѣдѣніе невѣдѣнемъ, а надо же составить какой-либо
 планъ и что-нибудь дѣлать. Онъ первый подавъ мнѣ мысль
 раздѣлать пашню на четыре поля, указавъ на убыточность
 трехпольной системы при вольнонаемномъ трудѣ. Намекъ
 этотъ я тотчасъ же принялъ къ свѣдѣнію и въ настоящее
 время развилъ его въ особенную систему, которая вѣроят-
 но уже существуетъ въ наукѣ и потому честь изобрѣтенія
 не останется за мной. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.
 Наканунѣ, можно сказать, необходимости стать лицомъ къ
 лицу съ самимъ дѣломъ, я на первый разъ не столько за-
 ботился отыскать для себя матеріальную, сколько мораль-
 ную исходную точку. Надо было прежде всего имѣть въ
 рукахъ рабочую силу, а когда она есть, можно исправить
 даже ошибку, не говоря уже объ исполненіи здраваго плана.

Итакъ прежде всего мнѣ нужно было опредѣлить мои отношенія къ рабочимъ. Тамъ гдѣ нѣтъ дружбы, признательности и т. п., отношенія должны основываться на справедливости, а въ дѣлѣ обязательствъ справедливость состоитъ въ добросовѣстномъ ихъ исполненіи. Нанимая рабочего, я обязуюсь его тепло помѣстить, сытно кормить здоровой пищей, не требовать работъ выше условія и исправно платить зароботки. Кромѣ этого мнѣ хотѣлось, чтобы они чувствовали, что я дорожу ихъ благосостояніемъ. Желая разъ навсегда покончить съ содержаніемъ, скажу что и сколько именно дается у меня рабочимъ харчей въ недѣлю: 3 дня щи съ саломъ 1½ ф. на 15 человѣкъ; 3 дня щи съ солониной по ½ ф. на человѣка; 2 постные дня съ коноплянымъ масломъ 2 ф: въ недѣлю на 20 человѣкъ. Молока если можно по штофу на человѣка, хлѣба и картофелю сколько поѣдятъ. Зимой соленые, лѣтомъ свѣжіе огурцы и лукъ. Крупъ ровно вдвое противъ солдатскаго пая, изъ котораго въ артели выходитъ хорошая каша. Ъдятъ три раза въ день: за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. Кромѣ того каждый беретъ съ собою хлѣба за пазуху, если хочетъ. Эта статья, какъ потомъ оказалось, довольно важна. На дняхъ пришелъ ко мнѣ наниматься работникъ. Отчего же, спросили его, ты не остаешься на прежнемъ мѣстѣ? или капиталъ (такъ они называютъ харчи) плохъ? „Нѣтъ, капиталъ ничего, да послѣ вѣды хлѣбъ запираютъ.“ И онъ идетъ искать мѣста, гдѣ хлѣбъ можно жевать цѣлый день. Но исполненіемъ обязанностей къ рабочимъ не исчерпывается мои къ нимъ отношенія. Вопросъ главный и трудный въ томъ, долженъ ли я стоять къ нимъ близко или отдаленно, и дѣйствовать черезъ посредствующее лицо прикащика, или старосту? Первый способъ, котораго придерживался мой предшественникъ, имѣетъ свою выгоду. Если хозяинъ, поступивъ безтактно, нанесетъ вредъ экономіи, то платить за собственные промахи, а при посредникѣ онъ рискуетъ расплачиваться за чужіе. О жалованьи и содержаніи надсмотрщика, падающихъ на экономію, я уже и говорю. Съ другой стороны: надсмотрщикъ идетъ будить рабочего, звать на работу и становить на нее Ивана, когда на нее хотѣлось бы Сидору, и его непременно встрѣтятъ ропотомъ, а съ просонья и бранью. Кромѣ того, если не послушались надсмотрщика, есть инстанція выше—хозяинъ.

не послушались хозяина, надо судиться. Сообразивъ се это, я рѣшился взять надсмотрщика. Но хорошо рѣшиться, а гдѣ его взять сейчасъ въ степи? Продавецъ, выпросивъ у меня позволеніе оставить свое семейство на дѣлаю въ домѣ и отвести для меня небольшой кабинетъ, взялся и тутъ помочь мнѣ, и рекомендовалъ, какъ онъ говорилъ, добраго и честнаго старика Глѣба. Послали за Глѣбомъ. Явился Глѣбъ болѣе похожій на сѣдаго сына, чѣмъ на человѣка. Ну, да тутъ некогда быть разборчивымъ! Надо съ тѣмъ, что есть, приступать къ дѣлу. Я приговорилъ Глѣба.

Лицомъ къ лицу съ самимъ дѣломъ пришлось мнѣ стать 3 августа 1860 года. Вечеромъ, когда рабочіе кончили работу ржи, мы съ прежнимъ владѣльцемъ велѣли позвать ихъ, чтобы съ глазу на глазъ свести съ ними счеты, такъ какъ, въ качествѣ годовыхъ, они обязаны были дожить до условеннаго срока у меня и дополучить причитающіеся имъ деньги. Я между тѣмъ послалъ взять водки въ ближайшемъ кабацѣ, чтобы для перваго знакомства поднести всѣмъ по чаркѣ. Наступала вторая половина августа, дѣлъ предстояло много впереди, и я второпяхъ поселился въ кабинетъ безо всего. Со мной не было даже слуги, а обѣдать я ѣздилъ верхомъ ежедневно къ Ш. Водку привезли, но надо же было ее изъ чего-нибудь налить во что-нибудь. Я вспомнилъ про стоявшій у меня рукобойникъ, а вмѣсто средняго стакана нашлась порядочнаго объема чайная чашка безъ ручки, и дѣло уладилось. Казалось, еще легче было бы уладить дѣло съ рабочими.—„Вотъ я имъ продалъ имѣніе, ребята, сказалъ продавецъ, и теперь передавая все съ рукъ на руки я долженъ передать и расчеты съ вами. Ну ты, Андронъ, живешь до заговинъ (15 ноября)?“—„Такъ точно.“—„Тебѣ остается получить 2 р. 20 к.? а остальные ты получилъ?“—„Получилъ.“—„Ну, а ты, ну, а тебѣ? и т. д. Ну, а ты, Гаврило? Ты тоже до заговинъ?“—обратился онъ къ рыжеватому съ прямыми волосами какъ солома и прыгающими глазами дюжему мужику.—„Точно такъ-съ,“—отвѣтилъ Гаврило какимъ-то небрежно-внушительнымъ тономъ.—„Ты взял у меня четверть ржи въ счетъ жалованья?“—„Точно взялъ-съ (тѣмъ же внушительнымъ тономъ), мы не отказываемся. Никогда не можемъ этого сдѣлать.“—„Тебѣ приходится 5 р.?“—„Такъ точно-съ—5 р.“—„Да за рожь мы съ тобой кляли 2 р. 50 к.

Вотъ тебѣ и слѣдуетъ получить 2 р. 50 к.?— „Помилуйте-сь какже это мнѣ значитъ задарма приходится жить?— „Какъ задарма?— „Да это ужь намъ отчинно обидно.“— „Но вѣдь тебѣ слѣдуетъ 5 р.; 2 р. 50 ты получилъ рождью, да 2 р. 50 получишь деньгами.“— „Да помилуйте-сь, это намъ...“— и т. д. Кое-какъ эти словопренія кончились. Я взялъ въ руки поданный мнѣ листъ, на которомъ были записаны имена всѣхъ рабочихъ съ обозначеніемъ годовой платы и полученныхъ рабочими денегъ. Всѣхъ годовыхъ было пять, изъ которыхъ четверо получили по 25 р. сер. въ годъ и только одинъ красивый малый Иванъ, какъ значилось, получалъ 30 р.— „Вы получаете по 25 р. въ годъ? спросилъ я.“— „Точно такъ, батюшка.“— „А ты, Иванъ, 30 р.?“— „Такъ точно-съ.“— Умывальникъ между тѣмъ дѣлалъ свое дѣло. Глѣбъ таинственно подошелъ ко мнѣ шепнуть:— „водки осталось, не прикажете ли по получашечкѣ еще?“— „Пожалуй.“— Всѣ поблагодарили, и аудіенція кончилась. Я отдалъ приказаніе касательно работъ слѣдующаго дня и совершенно покойный отправился читать на сонъ грядущій. Каково же было мое удивленіе, когда на другой день Глѣбъ объявилъ мнѣ, что у насъ не благополучно.— „Что такое?“— „Да рабочіе не хотятъ идти на работу и говорятъ, что не будутъ жить.“— „Почему?“— „Да они какъ узнали, что Ванька получалъ 30 р., а они только по 25, такъ обижаются.“— Я обратился къ прежнему владѣльцу съ просьбой разрѣшить мнѣ эту чепуху. Вѣдь это вольный трудъ. Никто никого не принуждалъ наниматься на годъ за извѣстную плату. Чтѣ же тутъ обиднаго, что другой получаетъ болѣе меня изъ той же экономіи? Воображаю какъ бы изумился редакторъ журнала, еслибы, взявъ большую часть денегъ за статью, авторъ отказывалъ ему въ рукописи только потому, что узналъ наканунѣ о двойной цѣнѣ платимой редакціей другому. Подобнаго человѣка даже не назвали бы безчестнымъ, а просто помѣшаннымъ. Сказать въ ихъ оправданіе, что они договаривались съ однимъ лицомъ, а имѣютъ дѣло съ другимъ—нельзя. Впервыхъ имъ плата за работу, а не за личныя отношенія, во вторыхъ они сами это сознаютъ и не дѣлаютъ различія между нанимающими, а только требуютъ высшей противъ условія платы, потому что одинъ по какимъ-либо соображеніямъ получаетъ такую.— „Вы сдѣлали, сказалъ мнѣ продавецъ, вчера большую ошибку, объявивъ цѣну Ивана

Мужикамъ ничего не надо объявлять подобнаго, теперь ихъ самъ чортъ не уломасть.—Я подумалъ, что чорта искать далеко, а уломалъ бы становой живущій за 25 верстъ, да вѣдь мнѣ надо приучать, а не отучать отъ себя рабочихъ. И что за радость начинать дѣло судебнымъ разбирательствомъ, тратить и такъ уже почти упущенное время, разсылать лошадей и людей, и подъ конецъ, хотя бы дѣло и рѣшилось въ мою пользу, три мѣсяца возиться съ людьми, недобрыми?—Что же вы мнѣ посоветуете дѣлать?—спросилъ я.—„Да я имъ скажу, что вы по расчету отъ себя набавляете помѣсячно противъ Ивана. Это выйдетъ коп. 40 въ мѣсяць. Всего какихъ-нибудь 5 р. до заговинь.“ Въ сравненіи съ предстоящими издержками, 5 р. дѣйствительно ничего не значили, но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что почва уже зыблется подъ ногами. Если поварь, кучеръ, и т. п. вздумаютъ пускаться въ такую логику, то я еще могу какъ-нибудь замѣнить ихъ на время. Все-таки это аксессуаръ. А вольнонаемный земледѣльческій трудъ безъ рабочихъ въ послѣднее рабочее время—это страшный дефицитъ на цѣлый годъ. Я воспользовался даннымъ мнѣ совѣтомъ и скрѣпя сердце, противъ принципа, прибавилъ по 1 р. 20 к. на человека. Дѣло пошло мирно.

III. Необходимое устройство.

Раздѣливъ, пока только въ умѣ, свою запашку на 4 клена по 40 десятинъ въ полѣ, я разсчелъ, что полагая по 5 десятинъ на рабочаго, мнѣ надо имѣть 8 рабочихъ и 16 рабочихъ лошадей (крѣпостные рабочіе, если взять въ соображеніе господскую запашку и ихъ собственный надѣлъ, обрабатывали въ нашихъ мѣстахъ гораздо большее количество земли). Прибавьте къ этому заводчиковъ, жеребятъ и подростковъ, всего будетъ 25 или 30 лошадей, да 8 или 10 штукъ рогатаго скота, всего штукъ 40. Это уже послѣднее minimum, такъ какъ вольный земледѣльческій (не буду употреблять болѣе послѣдняго эпитета, потому что только и вѣшь и говорю) трудъ только и можетъ разчитывать на возможно-улучшенный и высшій способъ хозяйства.

Возможнымъ я буду называть экономическу, а не матеріально возможный способъ. Алюминій химически и матеріально очень возможенъ. Изъ него продають бездѣлки. Но экономически онъ пока не возможенъ; овчинка не стоить выдѣлки. Не забираясь на особенную высоту и отбросивъ четвертое поле, мы имѣемъ въ трехъ клінахъ по 40 десятинъ, всего 120 десятинъ. Порядочный хозяинъ при крѣпостныхъ рабочихъ обходилъ свои поля удобреніемъ въ десять лѣтъ. Высота не чрезмѣрная, но мнѣ приходится добиваться возможности удобрять по этому разчету 10 десятинъ, что, принимая самое умеренное удобреніе по 360 возовъ на казенную десятину, составить 3.600 возовъ. Я засталъ у моего предшественника штукъ 50 скота, и результатъ—удобрена всего одна десятина. Старый Глѣбъ зналъ все прежнее хозяйство какъ свое, и чуть ли не помогалъ прежнимъ хозяевамъ.—„Помилуй, Глѣбъ, спросилъ я, да гдѣ же вашъ навозъ?“—„Да вотъ, сударь, туда да сюда, да и весь тутъ.“—„Куда же туда да сюда?“—„Давотъ на эту десятину.“—(Замѣтите около самого скотнаго двора.)—„Какже отъ пятидесяти штукъ скота только одна десятина?“—„Да помилуйте, скотину-то, нельзя сказать, чтобы зимой кормили, а бѣдствовали не приведи Богъ. Силы нѣтъ самому засѣять и ужать; все исполу, да исполу, все равно какъ и въ нынѣшнемъ году, какъ вамъ извѣстно. Стадо-быть, и хлѣба-то только наполовину съ грѣхомъ пополамъ. Рига нѣтъ, молотильнаго сарая тоже, а вьюга по недѣлямъ не даетъ молотить; вотъ и кормили снопами, да колодезь не глубокій, и въ низкомъ мѣстѣ, и промерзаетъ и засыпаетъ его снѣгомъ; такъ, бывало, руки въ кровь обдирають докапываются до воды: скотина по два дня стояла не пивши; вотъ весной ее за хвосты и подымали.“—„Положимъ, что ржи мало, и на этотъ годъ мы привали съ тобой всего триста копенъ. Вы и въ нынѣшнемъ все исполу да исполу; но отчего же у васъ въ этомъ-то году свой овесъ и гречиха изъ рукъ вонъ плохи, а кругомъ порядочныя?“—„Да тоже не управка-сь. Въ прошлую осень подъ яровое поднять не успѣли, а весной кое-какъ по непаханному раскидали сѣмена, да и запахали, вотъ оно и пропало.“

Картина разлагающагося хозяйства можетъ ли быть еще полнѣе? Остается только одна ступень ниже: не засѣ-

вать полей и уморить скотъ съ голоду. Не забудьте, что предшественникъ мой—человѣкъ въ десять разъ практичнѣе меня и выросшій на полевомъ хозяйствѣ. Но вотъ чѣмъ надѣлалъ новое хозяйство безъ значительнаго капитала для обзаведенія и оборота. И на какой почвѣ? На первѣйшей, можно сказать, въ мірѣ! Сообразивъ эти печальные факты съ настоящимъ моимъ положеніемъ, я отбросилъ всѣ научныя требованія насчетъ количества скота по отношенію къ количеству земли. Тутъ уже не въ томъ дѣло, много ли скота, а какъ бы не потерять того, который есть. Вѣдь и мнѣ предстоитъ такая же зима и тѣ же 300 копенъ ржи, 100 копенъ овса, да 50 копенъ пустой гречихи, которая много что дастъ всего 6 или 8 четвертей,—а мнѣ ихъ на посѣвъ и кашу надо, по крайней мѣрѣ, 40 четвертей,—тотъ же овинъ, въ три копны, безъ могоильнаго сарая, и тотъ же колодезь, который придется разрывать окривленными руками полтора-два раза, а рабочаго времени остается не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Чѣмъ же необходимо сдѣлать для избѣжанія бѣдсгвіи и, пожалуй, драматическихъ катастрофъ? Впервыя, нужна контора для прикащика и помѣщеніе для моей личной прислуги, которая должна же когда-нибудь явиться; вовторыя, молотильный сарай съ кузовомъ для будущихъ молотильной и вѣяльной машинъ; втретья, ледникъ, безъ котораго, не говорю уже о мой кухнѣ, рабочіе должны оставаться все будущее лѣто безъ мясной пищи. Ледникъ надо набивать льдомъ, а гдѣ онъ? Стало-быть, вчетвертыхъ, надо прудъ, а при разбивкѣ молодого сада, требующей поливки, и другой въ саду, да впятыя, надо сейчасъ же садъ и усадьбу окопать рвами и обсадить ракушникомъ; по разчету выходить, верста канавы. Вшестыхъ, нуженъ погребъ для рабочихъ и картофельная яма. Ко всему этому надо, по разчету времени, приступить не только сію же минуту, но еслибы возможно было—вчера.

Семейство продавца, наконецъ, уѣхало въ городъ, оставивъ мнѣ, разумѣется за деньги, кое-какую мебель, и ко мнѣ пріѣхалъ мой слуга. Возвращаясь верхомъ отъ Ш., вижу ежедневно на моемъ лугу стада свиней, которыя взрываютъ и портятъ его не милосердо. Вольное хозяйство безъ травосѣянія не возможно. Поэтому въ моемъ хозяйствѣ нѣтъ и не будетъ свиней, а это свиньи сосѣднихъ крестьянъ и дворянъ. Еще до травосѣянія далеко; не истребляйте

хотя того что посвяено природой! Надо отрывать людей отъ необходимыхъ работъ и загонять свиней. Являются хозяева съ плачемъ и живыми клятвами на завтра; тѣ же свиньи въ саду, въ огородѣ, по лугамъ, та же гонка за ними и та же потеря времени, а луга испорчены.

Однажды вернувшись отъ Ш., вижу, полы въ домѣ обратительно мокры.—„Или тутъ мыли полы?“ спрашиваю а слугу.—„Помилуйте-съ, это сильный дождь шелъ, такъ сквозь поголокъ какъ сквозь рѣшето льетъ; вѣдь потолки не насыпаны.“ Все это мило, подумалъ я, но вѣдь мнѣ увѣхать отсюда нельзя, не устрой въ необходимаго. Глѣбу впору будить рабочихъ, а гдѣ же ему распорядиться такимъ сложнымъ дѣломъ, какое предстоитъ намъ. И безъ того на вопросы мои, отчего не допахали, онъ, вздернувъ слезливо носъ, отвѣчаетъ: „Мочи моей нѣтъ, не слушаютъ. Просишь, просишь: ребятушки! время запрягать, а они ворвать за хлѣбъ, а не то за трубку.“ Однако потолки-то надо обить войлоками да насыпать воевъ сорокъ золы; безъ этого тутъ не проживешь до декабря. Строиться въ городѣ и въ степи, двѣ вещи совершенно разныя. Тамъ специалистъ вамъ скажетъ что дѣлать, а подрядчикъ за деньги дастъ рабочихъ. Здѣсь придумаи самъ; ошибся—самъ плати за ошибку, въ которую тебя, изъ-за какихъ-нибудь личныхъ разчетовъ, втягиваетъ рабочій; да прежде чѣмъ нанять, скачи во все стороны отыскивать специальныхъ рабочихъ, которыхъ часто во всей округѣ нѣтъ.

На мое счастье неожиданно явился подрядчикъ копачъ, безсрочный солдатъ, Михайло, по наружности расторопный и честный. Но какъ судить по одной наружности?—„Есть у тебя видъ?“—„Могу достать у командира гарнизоннаго батальона.“—„Доставай и приходи; безъ вида не возьму.“ Мы осмотрѣли мѣстность прудовъ, изъ которыхъ одинъ приходилось рыть въ сажень глубины, а другой только въ поларшина. Условились, по дорогой по здѣшнему цѣнѣ, по 1 руб. съ кубической сажени. „Сколько же ты поставишь рабочихъ?“—„Человѣкъ двѣнадцать.“—„Стало быть и тачекъ тебѣ надо столько же?“—„Точно такъ.“—„А сколько досокъ?“—„Штукъ сорокъ.“—„Хорошо, ступай, да приходи поскорѣй, не то не успѣешь вырыть прудовъ и канавъ.“—„Помилуй Богъ, ваше высокоблагородіе, какъ не успѣть! Только у жѣ

авите божескую милость, не передавайте никому другому работы. — „Зачѣмъ же я стану передавать, если ты ее самъ сдѣлаешь? Вѣдь мнѣ все равно, кто бы ни сдѣлалъ.“ — „Ну, на этомъ покоряѣше благодаримъ.“ Что касается до небольшихъ построекъ, и тутъ уже не ладилось. Къ моему счастью и превеликому горю всей округи, начинавая отъ 12-ти и даже до двухъ верстъ, сводятъ съ неистовствомъ послѣдніе одиокіе дѣски. Разумѣется, свой я берегу, какъ зеницу ока, а то лѣтомъ придется сгорѣть на солнцѣ. Срубы я купилъ сходно; нанялъ плотниковъ и подрядилъ подводы. Разумѣется, послѣднее страшно дорого. И камень на ледникъ нашелся за семь верстъ по 4 р. за сажень, да перевозка столько же. Класть печи и ледникъ и исполнить всю каменную работу взялся Василій, красивый, зажиточный, сметливый и въ высшей степени плутоватый мужикъ изъ имѣнія Ш. Онъ занимается всѣмъ и всюду поспѣваетъ. Каменную и штукатурную работу хоть во дворецъ, бьетъ конопляное масло въ большомъ количествѣ, выдѣлываетъ кожи, ѣздитъ въ извозы; словомъ, на всѣ руки, но имѣть съ нимъ дѣло — пытка. Никакая логика не можетъ вытащить его на предварительную смѣту или условіе. Явился и Михайло копачъ, и къ нему стала подходить артель. Давай достокъ, матеріалу на тачки и чугуновыхъ колесъ.

Но главнымъ камнемъ преткновенія явился лѣвѣванъ — молотильный сарай. На него одной соломы, не говоря о рѣшетникѣ и хворостѣ нужно возовъ 200, а у меня на все продовольствіе дай Богъ 200. Соломы въ прошломъ году родилось мало; я прицѣнялся, и съ меня крестьяне просили рубль серебромъ за возъ. Рубить и строить новый такой сарай не успѣешь. Положимъ съ соломой матеріалу въ немъ на 300 р. сер.; да надо подъ него 300 подводъ, а подвода стоитъ 30 к. сер.; да наемъ плотниковъ. Слѣдовательно не успѣешь, и страшно дорого. При ежедневныхъ свиданіяхъ съ Ш. я жаловался ему на невозможность поспѣть съ молотильнымъ сараемъ. — „Купи у меня, замѣтилъ мнѣ Ш. Мнѣ надо молотить, [а сарай мой мнѣ малъ. На хуторѣ (версты за двѣ отъ его усадьбы) у меня есть сарай побольше, такъ я сдѣлаю вотъ что. Въ томъ, который ты купишь, молотить будутъ до тѣхъ пока хуторскій не надѣвнутъ на него какъ чахолъ, а тогда я велю твой вынуть и отвезть къ

тебѣ, поставить и покрыть. Когда мой будетъ готовъ—твой поставятъ въ недѣлю. А то мой темершай пропадетъ даромъ, и его растаскаютъ на дрова.“ Мы сошлись въ цѣнѣ, и я поуспокоился.

IV. Осеннія хлопоты.

Посреди всевозможныхъ хлопотъ, августъ и сентябрь протечали незамѣтно. Осими вошли прекрасныя, но отъ свиней и лошадей отбою нѣтъ. Я пожаловался становому, и тотъ объявилъ, что если я буду добродушничать, отдавая загнанный скотъ, то никогда не отобьюсь отъ него. Камень привезенъ, яма для ледника выкопана въ четыре аршина глубины, и артистъ Василій поставилъ брата своего класть стѣны. Когда рыли ледникъ, уже на двухаршинной глубинѣ показалась вода, но въ ясную погоду онъ высохъ совершенно. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ Василю, что онъ стѣны кладетъ безъ бута. „Помируйте-сь, да развѣ намъ въ первой! Я головой отвѣчаю что ему ничего не сдѣлается. Все равно: стѣны становятся на материкъ, и буть станетъ на материкъ“. Я къ несчастію дозволилъ себя убѣдить, и имѣлъ потомъ причину горько въ этомъ раскаиваться. Плотникъ подрядчикъ нашелся и перевезъ и поставилъ контору; но людей у него мало. Надо поспѣшать да готовить срубъ на ледникъ. Поэтому я нанялъ еще плотниковъ помѣсячно, по совѣту подрядчика, и отдалъ ихъ ему подъ присмотръ. Возка лѣсу, работа въ саду, щепа и мусоръ на дворѣ, не нужныя канавы, которыя надо засыпать,—необходимо взять поденщиковъ. Глѣбъ говоритъ, что у нихъ на Неручи много. Явились и поденщики: 1 р. 30 к. въ недѣлю, 5 р. 20 к. въ мѣсяцъ. Дорого, но дѣлать нечего, лишь бы работы подвигались. Посреди рабочихъ торчитъ если не подрядчикъ, по крайней мѣрѣ колonoвожатый Алексѣй съ вострымъ носомъ и физиономіей коростеля. „Ужь мы для васъ стараемся, равно для себя. Вотъ и Глѣбъ Михайлычъ про насъ извѣстенъ“. Хомутовъ и телѣгъ немного, надо будетъ зимой все это завести и хорошо, и вдоволь. А между тѣмъ при возкѣ лѣсу всякій день то клеца пополамъ, то

ось, то колесо. Мужикъ видно не свое ломаетъ, а мое. Ну, да дѣлать нечего, надо какъ-нибудь вертѣться. Глѣбъ все болѣе и болѣе жалуется на непослушаніе рабочихъ. Двѣ сохи давно не допахиваютъ десятины (на моихъ перемѣн-ныхъ лошадахъ). Наконецъ нѣкоторые безъ спросу прямо съ поля уходятъ на ночь домой за семь верстъ, бросая лошадь и соху на руки товарища, который и свою-то не уберетъ какъ должно, а ушедшій придетъ завтра утромъ уже на поле и приметъ свою лошадь готовою изъ рукъ товарища, который терялъ время на запряжку двухъ сохъ. Независимо отъ убытка, что за беспорядокъ и какова наглость! Если нужно, спросишь и ступай, а то каковъ примѣръ? Будто это вольный трудъ? Это воровское беззачіе. Однако этого терпѣть нельзя, и я выѣхалъ утромъ въ поле, гдѣ нашелъ лошадь и соху Андрона безъ пахаря. — „Гдѣ Андронъ?“ спросилъ я остальныхъ. — „Онъ сейчасъ придетъ.“ — „Я не спрашиваю, скоро ли онъ придетъ а гдѣ онъ?“ — „Дошелъ до дому.“ — „Хорошо.“ Я поѣхалъ осматривать пашню, довольно мелкую и съ огрѣхами (непропаханными кусками). У помѣщиковъ-хозяевъ не допускалась даже мысль объ огрѣхахъ, за которые съ виновныхъ взыскивалось строго. Но такъ можно было взять во вниманіе, что пахарь бережетъ собственную лошадь, а тутъ—ужь не мою ли, которую онъ бросаетъ безъ призору и уходитъ домой? Явился и Андронъ. На этотъ разъ, я объявилъ ему, что если подобная выходка повторится, я не пожалѣю послать за становымъ, хоть придется дѣлать пятьдесятъ верстъ сдѣлать, и буду просить о примѣрно-строгомъ взысканіи. На рвахъ, гдѣ вырываютъ ракитникъ, чтобы засыпать и сражать канаву, я увидѣлъ подещика Алексѣя, съ грязною тряпкой на глазу. — „Что это у тебя?“ — „Да застегнулъ ракитникомъ глазъ.“ — „Давно ли?“ — „Третьяго дня.“ — „Чтожь ты мнѣ ничего не сказалъ?“ — „Да думалъ авось ничего.“ — „Въ обѣдъ приходи ко мнѣ.“ Въ двѣнадцать часовъ явился Алексѣй. — „Сними тряпку.“ Глазъ очень красенъ и воспаленъ и на зрачкѣ начинается образоваться бѣльмо. Человѣкъ можетъ окривѣть и непременно окривѣетъ, если не помочь ему. — „Сегодня ѣдутъ въ Орелъ, и ты поѣзжай. Вотъ тебѣ записка къ инспектору врачебной управы, а между тѣмъ вотъ чистыя тряпки и канавъ.“ Я вспомнилъ, что въ полку, на пыльных степныхъ манев-

рахъ, я и себѣ и солдатамъ не рѣдко лѣчилъ глаза свѣжею водой, въ которую вливалъ нѣсколько капель одеколому. Въ Орлѣ, я просилъ пріятеля и соученика доктора осмотрѣть пациента и прописать что нужно. Прописали мушку за ухо и какія-то капли. На третій день посланный вернулся съ Алексѣемъ и привезли лѣкарства, разумеется, на мой счетъ. Я простригъ больному затылокъ, налѣпилъ мушку и показалъ употребленіе капель. Черезъ три дня онъ былъ на работѣ, съ яснымъ и здоровымъ глазомъ, а черезъ два дня затѣмъ явился Габъ, съ восклицаніями:— „Какъ вамъ угодно, сударь! Или вы меня извольте отпустить или Алешку прогоните.“ Я сталъ ему говорить что пора на работу, вѣдь они эва какую цѣну дупаты! а онъ меня всячески изсрамилъ при всѣхъ и говорить: я тебя прежде боялся, а теперь я тебя знать не хочу и живу здѣсь только изъ-за денегъ.“ Какова логика? Какъ будто онъ дѣлаетъ одолженіе, что беретъ даромъ деньги? Въ настоящую минуту когда я уже обстрѣляю достаточно, а бы ограничился простымъ актомъ изгнанія нелѣпаго поденщика. Это не годовой рабочій, я съ нимъ ни чѣмъ не связанъ, а всѣхъ дураковъ учить ни времени, ни охоты не достанетъ. Но тогда этотъ фактъ меня возмутилъ. Третьяго дня я его вылѣчилъ на свои деньги и можно сказать своими руками, а сегодня онъ готовъ на всѣ гадости! Мнѣ удалось усовѣстить Алексѣя, и съ этого дня онъ, во всю осень, изъ всѣхъ поденщиковъ сталъ отличатся кротостію и трудолюбіемъ; послѣ онъ умолялъ дать ему веской работу. Но вотъ годовой рабочій Иванъ, яблоко раздора въ первый день между рабочими, румяный и здоровый мадыг, получавшій больше всѣхъ годового жалованья, объявляетъ что не будетъ доживать до срока.— „Какъ же ты это не хочешь?“ „А если жь я боленъ и не могу работать?“ (Я узнавалъ, что его переманиваютъ въ городъ въ дворники, гдѣ онъ и по сей день.) Денегъ за нимъ не было, и я отпустилъ его, избѣгая жалобъ, хлопотъ и впроч. Но какъ подрывается принципъ? Куда теперь! Въ страшныхъ хлопотахъ не до принциповъ, лишь бы довести дѣло до новой наемки. Однако, при этомъ обстоятельстве, я началъ смутно понимать, что это не воляный трудъ, а что-то не то.

Комтора моя воздвигается; за то срубъ ледника мало подается впередъ. Яковъ рядчикъ очень просто разчелъ, что

ему выгоднѣе отпустить своихъ рабочихъ и взять отъ ледника моихъ. Такимъ образомъ онъ за контору получилъ деньги огудно по подряду и дѣлаетъ дѣло на мой счетъ.— „Что жь, Яковъ, гдѣ жь твои рабочіе?“— „Да вотъ разошлись по дворахъ молотить, а какъ мы контору-то кончимъ, я вашей милости поставлю народъ на ледникъ.“— „Мы опоздаемъ.“— „Помилуй Богъ! съ чего?“ Разумѣется и опоздали, и я запла- тилъ вдвое. Гдѣ же разбирать, чей рабочій клалъ то или другое бревно?

Михайло копачъ съ своею артелью- пыхтитъ, а дѣло подвигается туго. Большаго пруда вырыта половина, а за маленькій и не принимались. Утромъ, у крыльца, мнѣ попались два приземистые мужика, съ пушистыми свѣтло- русыми бородами на подобіе вѣера.— „Что вы?“— „Копачи. Слышали что работка есть.“— „Есть да отдана вся.“— „Ви- дѣли, батюшка, да вѣдь они не управятся.“— „Я и самъ такъ думаю. Да какъ же быть?“— „А пусть ихъ работаютъ свое, а мы въ саду прудъ возьмемся копать.“— „Для меня все равно кому деньги платить. Я ни харчей, ничево не знаю и плачу 1 рубль съ кубика (кубическая сажень).“— „Вѣстимо. Чтѣ жь? мы съ удовольствіемъ.“— „Да вѣдь надо же мнѣ пе- реговорить съ Михайломъ, а то пожалуй обидится.“— „А чтѣ съ вами говорить коли они не управляются.“— „Да ты по себѣ посуду. Я найму тебя теперь на прудъ, ты нач-нешь рыть, а я другому сдамъ дальше. Хорошо ли это бу-детъ?“— „Вѣстимо. Какое жь хорошо?“— „Такъ надо съ Ми- хайлой столковаться.“— „А чтѣ жь съ нимъ столковываться?“ И посмотрите на этого копача. Сейчасъ видно, человекъ бы- валый и себѣ на умѣ. Чтѣ же выражаютъ его слова? Простоту, возлюбленную косность или безнравственное презрѣніе къ чужимъ правамъ? Разумѣется, Михайло и просилъ, и умо- лялъ оставить за нимъ работу, которой онъ очевидно не въ силахъ былъ одолѣть. А когда Юхновецъ соглашался до- бровольно скануть съ кубика по 20 к., то-есть стать по 80 к., Михайло сталъ доказывать, что на садовомъ пруду *кли- матъ* (почва) другой, и что только имѣя въ виду такой легкій, торфяной *климатъ*, онъ сталъ на болѣе глубокой глинистый. Какъ я ни старался доказать ему, что онъ не управится, Михайло стоялъ на своемъ. Бранилъ новаго рядчика, ва-лялся въ ногахъ, плакалъ, словомъ мука да и только. Дѣло кончилось бы тѣмъ, что я остался бы безъ пруда, но хит-

рыи Юхновець все уладилъ, уступивъ изъ рядной суммы, то-есть изъ 1 р. съ кубика 20 к. въ пользу Михайлы. Я ничего не терялъ, а выигрывалъ—вѣроятность имѣть два пруда вмѣсто одного. Мы такъ дѣло и порѣшили, и оба Юхновца стали рыть замокъ подъ плотину. Я объявилъ имъ, что деньги будутъ выдаваться по мѣрѣ вырытаго количества земли, а задатку я не дамъ ни копѣйки. Это имъ не понравилось, потому что чрезъ день или два они поджидали артель, которой надо приготовить харчей.—„Да пожалуйте хоть рубля три.“—„Ни копѣйки: что выроешь, за то и получишь.“ Дѣлать нечего; они пошли ни съ чѣмъ. Рано утромъ на другой день я увидалъ ихъ вдвоемъ на мѣстѣ, размѣченномъ мной подъ плотину. Широкия и острыя лопаты ловко и, повидимому, легко отрѣзывали слой за слоемъ и выкидывали землю. Я подумалъ, не даромъ Юхновцы слывуть за первыхъ землекоповъ. Вечеромъ того же дня, человекъ доложилъ о приходѣ Юхновца.—„Что тебѣ надо?“—„Да пожалуйста, ваше благородіе, хоть рублика четыре.“—„Я тебѣ сказалъ, не дамъ ни копѣйки кромѣ того что будетъ слѣдовать за работу.“—„Да мы кубика четыре должно-быть выкидали вдвоемъ.“—„Что ты врешь, братецъ, вздоръ!“—„Потрудитесь примѣрить.“ Я пошелъ съ увѣренностію снова наткнуться на обычную ложь; но каково же было мое удивленіе, когда полтора аршинной въ глубину и саженой въ ширину канавы оказалось ровно восемь сажень? Предоставляю специалистамъ рѣшить въ какой мѣрѣ баснословно-громкая эта работа. Положимъ, что, какъ говорилъ Михайло, тутъ климатъ другой, но его же работники и даже самые досужіе, выкидывали не многимъ болѣе полукубика въ день. Слѣдовательно, каждый изъ двухъ Юхновцевъ сработалъ чуть не вчетверо противъ обыкновеннаго работника. Это дѣйствительно оравиный трудъ и чисто-вольноваемый со всѣми своими преимуществами передъ невольнымъ, обязательнымъ. Такой трудъ, гдѣ рабочій напрягаетъ свои силы чисто и единственно для себя, есть идеалъ вольнаго труда, идеалъ естественнаго отношенія человека къ труду. Но какъ достигнуть обществу этого идеала? вотъ вопросъ, который не такъ легко разрѣшить. Далѣе мы быть-можетъ увидимъ, что трудъ вольнаго рабочаго никакъ не подходитъ подъ эту категорію и нисколько не заслуживаетъ имени вольнаго, хотя за неимѣніемъ другаго выраженія, мы

его такъ и называемъ. Между тѣмъ и другимъ трудомъ, и по сущности и по результатамъ, бездна.

Возвращаясь къ простому разказу. Молотильный сарай Ш. оконченъ и, слава Богу, можно разбирать проданный мнѣ. Земля, того гляди, застынетъ, и тогда плохо будетъ становить его у меня. Но это, по условію, не моя забота, а я долженъ припасти хворостъ и рѣшетникъ. Забота тоже не малая и при моихъ рабочихъ силахъ—трудъ гигантскій. До сихъ поръ не могу понять, какъ я съ нимъ управился: правда, у меня были подещики, но изъ пяти годовыхъ осталось за выбытіемъ Ивана четыре, которымъ пришлось всю осень подымать подъ яровое, и поднято такимъ образомъ 33 десятины. Пахали до тѣхъ поръ пока сошники воткнулись въ мерзлую землю. Недѣли за двѣ до срока, Карпъ крестьянинъ барона Т., племянникъ Гаврилы, крупно разговаривавшаго во время приѣмки съ моимъ предшественникомъ, пришелъ изъяснить мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что его требуютъ въ тягло и не даютъ дожить у меня. Я былъ доволенъ Карпомъ какъ усерднымъ и ловкимъ малымъ, но требовать его изъ барской экономіи значило заводить тяжбу изъ-за двухъ недѣль. Я зналъ, что его требуетъ не экономія, а негодяй Гаврило, которому лѣнь была дотянуть тягло. Восклицать о несправедливости подобныхъ выходовъ считаю излишнимъ. Я отдѣлилъ въ моемъ сужденіи негодяя Гаврилу отъ исправнаго Карпа, вычелъ у него за недожитыя двѣ недѣли по разчету 70 к. и далъ ему отъ себя сверхъ причетовъ 50 к. сереб. Читатель вѣроятно уже замѣтилъ мое стремленіе держаться середины, не допускать самоволія, разрушающаго корень производства, и не забывать знаменитаго изреченія: „преступникъ прежде всего плохой счетчикъ“, замѣнивъ въ моемъ положеніи слово: преступникъ, словами: неговорчивый, придирчивый, тяжелый хозяинъ. Какъ пролабировалъ я между этими Сциллою и Харибдой, предоставляю на судъ читателя. Замѣчу только, что лабирировать между двумя помянутыми принципами труднѣе тѣмъ между гомеровскими чудовищами. Сцилла и Харибда равно губельны, но непротивоположны, какъ крайности помянутыхъ принциповъ.

Молотильный сарай перезенъ и поставленъ Ш. съ необычайною быстротой. Я наконецъ успѣлъ его размѣстить.

Остается накрыть и это по условію долженъ сдѣлать Ш. Я не перестаю ему напоминать объ этомъ.— „Накрою.“— „Но вѣдь это легче сказать чѣмъ исполнить. Наступили заморозы и сарай раскрытъ.“ Ш. какъ-то пріѣхалъ завтракать. За рюжкой портвейну я напомнилъ ему о солодѣ.— „Везуть. Сейчасъ будутъ, я ихъ обогналъ.“— „Да когда же перевезутъ 200 или 300 копенъ. Помилуй, стынетъ. Кто же кроетъ зимой? Когда же перевезутъ всю солому?“— „Сегодня.“— „Вотъ посмотри въ окно, уже везуть.“ Дѣйствительно по дорогѣ къ моему хутору тянулась длинная вереница подводъ. Рядомъ съ первымъ возомъ ѣхалъ мужикъ верхомъ, съ послѣднимъ тоже.— „Кто эти люди?“ спросилъ я.— „Старосты двухъ барщинъ. Нельзя себѣ представить болѣе стройную картину сельскаго труда. Лошади у всѣхъ мужиковъ исправныя, а у многихъ превосходной породы, отъ господскихъ лошадей. Я насчиталъ сто подводъ, и вся эта сильная стройная вереница потянулась къ сараю. Кто не понимаетъ наслажденія стройностью, въ чемъ бы она ни проявлялась, въ движеніяхъ хорошо выдержаннаго и обученнаго войска, въ совокупныхъ ли усиліяхъ бурлаковъ, тянущихъ бичеву подъ разчитанно-однообразные звуки „ивушки“, тотъ не пойметъ и значенія Амфіона, создавшаго Тивы звуками лиры. Такъ по этому вы видите идеалъ въ этомъ крѣпостномъ обозѣ, и вы противъ эманципаціи? Всѣ мы ужасно прытки на подобныя заключенія. Но воевать съ мельницами и скучно и некогда, а на вопросъ, вижу ли я въ этомъ обозѣ идеалъ, отвѣчу прямо—и да и нѣтъ. Въ принципѣ нѣтъ, въ результатѣ—да. Это заведенный порядокъ, старинный порядокъ, которому надо подражать, несмотря на измѣнившіяся условія. Я не хочу ни подъ какимъ видомъ быть Китайцемъ, а если заведу фарфоровую фабрику, хочу, чтобъ у меня также искусно дѣлали фарфоръ, какъ у Китайцевъ. Какъ будто званіе Европейца возлагаетъ на меня обязанность дѣлать все зря, нелѣпо и негодно? Я этому никогда не повѣрю. Напротивъ, каждому легко убѣдится, что со вступленіемъ Россіи въ новый періодъ дѣятельности заветныя слова, *авось, да небось, да какъ-нибудь*, должны совершенно выйти изъ употребленія и остаться въ однихъ лексиконахъ съ *покежже, поелки* и т. п. Только надъ этимъ надобно много еще поработать, а барщина Ш.—стройный результатъ прежняго по-

радка. При вольномъ трудѣ, стройность еще впереди. Прежде труд цѣнился мало; теперь онъ стоитъ высоко въ цѣнѣ и все болѣе и болѣе становящіяся на его мѣсто машины не терпятъ малѣйшаго невниманія, не только нерадѣнія. Лошадь, не кормленная два дня, *авось* дотащится, а машина несмазанная и несвищенная навѣрное не будетъ работать. Кромѣ того, машина, этотъ плодъ глубоко обдуманнаго и стройнаго производства прилежнаго Запада, есть наилучшій и неумолимый регуляторъ труда. Машина не требуетъ порывистыхъ усилій со стороны прислуживающаго при ней человѣка. Она требуетъ усилій равномерныхъ, но за то постоянныхъ. Пока она идетъ, нельзя стоять опершись на вилу или лопату и полчаса перебраиваться съ бабой. Отгребаешь солому, такъ отгребай точно также въ двадцатую четверть часа, какъ и въ первую, а не то она тебя засыплетъ. Это качество машинъ, съ непривычки, пока очень не нравится нашему крестьянину. Не богатый землевладелецъ Г. поставилъ молотилку и нанялъ молотниковъ. Машина такъ весело и исправно молотила, что Г. приходилъ ежедневно самъ на молотьбу. Черезъ три дня рабочіе потребовали разчета. Г. сталъ добиваться причины неудовольствія, предполагая въ плохомъ содержаніи или тому подобномъ. Наконецъ, одинъ изъ рабочихъ проговорился. „Да что, батюшка, не въ моготу жить. Сами ходите подъ машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы заплудась.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. ФЕТЬ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ

IV. Первый день испытаній.

Принимаясь набрасывать эти замѣтки, я далъ себѣ слово не скрывать ни одного изъ своихъ непохвальныхъ ощущеній, не прикрашивать ни одной подробности. Только полнѣйшая искренность можетъ придать цѣму моему разказу, и я не стану отступать передъ нею, ни въ большихъ ни въ малыхъ случаяхъ.

Строго держась принятаго рѣшенія, я долженъ признаться, что мое первое пробужденіе у себя въ деревнѣ не могло назваться очень пріятнымъ. Напрасно въ окна мои несся аромат цвѣтовъ и сѣна, скошеннаго на садовыхъ лужайкахъ, напрасно кидалась мнѣ въ глаза свѣтлая обстановка веселой комнаты, гдѣ я всегда спалъ такъ покойно— дѣтней и деревенской радости на душѣ не было. Не было въ душѣ и того полного спокойствія, которое въ старую пору деревенской жизни, съ первыхъ ея дней, возстановляло весь мой организмъ, прогоняло прочь помыслы о хлопотахъ и буряхъ жизни. Я чувствовалъ себя обреченнымъ на какую-то тревогу. Мнѣ словно не дали доспать и меня, неготоваго къ работѣ, тянули на работу не шуточную. Ощущенія мои были сходны съ ощущеніями чиновника облѣвившагося на спокойномъ мѣстѣ, устыдившагося своей бесполезности, напросившагося на важное порученіе и вдругъ испуганнаго

---

¹ См. Русскіи Вѣстникъ, № 2.

мыслию о томъ, что кажется порученіе-то не по его способностямъ. Такъ какъ бѣольшая часть моихъ читателей или служили, или служатъ, или много слышали про службу, то надѣюсь, что сравненіе для нихъ не окажется темнымъ.

Болѣе всего меня мучило и сокрушало отсутствіе всякаго плана для моего поведенія какъ землевладѣльца и помещика. Въ городѣ мнѣ все казалось такъ просто и гладко; здѣсь, при первомъ шагѣ къ практическому рѣшенію, я колебался постыднымъ образомъ. Поддержать ли усадѣбное хозяйство, бросить ли господскую запашку, что дѣлать съ домомъ и садомъ, не перевести ли рабочія тягла на оброкъ и затѣмъ навсегда покинуть Петровское? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ я не умѣлъ отвѣтить и признаюсь, горячо желалъ, чтобы какое-нибудь постороннее обстоятельство, помимо моей воли, обозначило передо мною общія черты будущей дѣятельности.

Къ счастью, оно вышло, или къ несчастію, но мнѣ не пришлось ждать долго; я пошелъ въ комнаты сестры и засталъ ее за чаемъ. Дѣти ея еще не вернулись съ купанья; Англичанка, не понимавшая ни слова по-русски, готовила для нихъ бутерброды. Послѣ первыхъ привѣтствій, сестра обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— А ты вѣрно не знаешь, что изволилъ встревожить все Петровское?

Для сестры моей Петровское заключалось въ мызѣ съ принадлежностями и ея многочисленнымъ населеніемъ дворовыхъ. Садъ, скотный дворъ, птичникъ, все это она очень любила, но полевое хозяйство ее не занимало.

— Въ первый разъ слышу, что я способенъ кого-нибудь потревожить, отвѣчалъ я пожимая плечами.

— И еще какъ! Сегодня не успѣла я встать, какъ къ крыльцу пришли всѣ дворовые, en masse, съ дѣтьми, и даже столѣтнимъ Никономъ. Я вышла, и они стали умолять меня, чтобъ я ихъ не покинула и заступилась за нихъ передъ баринномъ. Кто-то проѣзжалъ съ желѣзной дороги и сказалъ имъ, что ты намѣренъ бросить мызу и распустить дворню. „Мы готовы работать лучше прежняго,“ говорили они, „у насъ и мысли не было въ чемъ-нибудь вамъ перечить; за что же намъ покидать свой уголь и шлаться по міру?“ Само собой разумѣется, я дала и за себя и за тебя слово, что пока у насъ есть кусокъ хлѣба, мы не расста-

немся съ людьми столько лѣтъ саужившими нашему семейству.

— Этого, признаюсь, я не ожидалъ вовсе, замѣтилъ я съ удивленіемъ.—Довольство идетъ нашимъ дворовымъ весьма обыкновенное...

— А дѣти, а привязанность къ мѣсту, а врожденная неохота къ перемѣнамъ? У садовника четверо ребятшекъ, у пастуха шестеро и больная жена: какъ имъ двинуться съ такою ордою? Да и мнѣ было бы горько не видать около себя стариковъ при которыхъ я родилась, лицъ къ которымъ я привыкла... Да и гдѣ, при теперешней безтолковницѣ, нанять хорошихъ людей для мѣзы?..

— Все это такъ, отвѣчала я, и самъ не зная отчего, почесалъ затылокъ,—но подумала ли ты, Вѣра, что своимъ рѣшеніемъ ты положительно связала и себѣ и мнѣ руки въ хозяйственномъ отношеніи? Удерживая дворовыхъ, ты удерживаешь усадьбу въ ея настоящемъ видѣ; нельзя же кормить двадцать пять человѣкъ купленнымъ хлѣбомъ, и оставлять ихъ въ праздности. Удерживая усадьбу, ты удерживаешь всю запашку и всѣ покосы, стало-быть оставляешь барщину на два лѣта, а потомъ дѣлаешь необходимымъ наемъ большаго числа вольныхъ рабочихъ.

— Все это очень дѣлаю, возразила сестра, — только я увѣрена, и еще какъ! что будь все на твоей волѣ, у тебя не достало бы твердости прогнать самаго дряннаго изъ дворовыхъ.

— Оно, можетъ-быть, а все-таки саѣдовало бы обдумать, не торопиться рѣшеніемъ...

Но сестра видѣла меня насквозь.

— Не прикидывайся недовольнымъ, сказала она со смѣхомъ.— Ты первый радъ тому, что дѣло съ дворовыми опредѣлило твое будущее хозяйство. Ты ѣхалъ сюда и мучился, не зная что предпринять и на что рѣшиться.

И она была права: я чувствовалъ, что съ сердца свалилась большая тягость. Мнѣ была указана дорога, можетъ-быть кривая и трудная, но все лучше какая-нибудь дорога, нежели глухая степь при совершенномъ незнаніи мѣстности.

Дѣти прибѣжали, холодные и съ мокрыми волосами; я ихъ расцѣловалъ несравненно крѣпче нежели расцѣловалъ бы до вышеприведеннаго разговора. Потомъ я вышелъ изъ

дома, поздоровался съ дворней какая оказалась на лицо, извѣстилъ ее, что не намѣренъ никого ни прогнать, ни удерживать у себя, переговорилъ съ прикащикомъ и получилъ отъ него краткое удостовѣреніе въ томъ, что полевая работы идутъ такъ скверно, какъ ни у кого изъ сосѣдей.

Прикащикъ мой, Михайло Степановъ, принадлежалъ къ числу людей довольно распорядительныхъ, но крайне не годныхъ на какое-нибудь дѣло, выходящее изъ рутинны. Какъ всѣ бурмистры и прикащики на Руси, онъ былъ непоколебимымъ столпомъ крѣпостнаго права, и на волю глядѣлъ въ высшей степени враждебно. По его словамъ, крестьяне, кромѣ пивыхъ стариковъ, были мнѣ злыми супостатами, ему же, Михайлѣ, оказывали такъ мало послушанія, что онъ рѣшился бросить свою должность. „Что же, брось,“ отвѣчалъ я ему, и тѣмъ окончательно оставилъ потоки его краснорѣчія. Мой министръ только пугалъ меня угрозою отставки: догадавшись, что при сельскомъ старшинѣ и при вѣроятномъ уменьшеніи запашки для полевыхъ работъ будетъ довольно и старосты, онъ прекратилъ жалобы и пошелъ къ своему дѣлу.

Я прошелъ въ садъ, а изъ сада выбрался въ рощу раскинувшуюся по высокому холму подъ рѣчкой. Изъ этой рощи открывался видъ на сосѣднія деревни, лѣсъ, покосы, и что главное, на господское паровое поле. Каменный скотный дворъ, изъ котораго въ настоящую пору вывозился навозъ на поле, стоялъ около рѣчки, въ весьма близкомъ отъ меня разстояніи. Съвѣвъ подъ первымъ деревомъ на высококомъ мѣстѣ, я могъ не тревожа никого, наблюдать за ходомъ работы и такимъ образомъ провѣрять дѣйствительность только что принесенныхъ мнѣ жалобъ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ наблюденія, какъ я долженъ былъ сознаться, что работы на моемъ полѣ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, идутъ такъ скверно какъ ни у кого изъ сосѣдей. Несмотря на позднюю пору и близость другихъ занятій, удобреніе было вывезено лишь на самое малое количество десятинъ, и то ближайшихъ (тогда какъ у насъ оно свозится прежде всего на десятины отдаленныя и стало-быть нуждающіяся въ немъ болѣе). Самый ходъ работъ раскрывался передо мною, какъ на ландкартѣ: маленькія кучки людей копошились на полѣ и у скотнаго двора, покуривая трубочки, присаживаясь на колѣняхъ и

немного шевелясь только послѣ усилій и увѣщаній Михайлы, который показывалъ большую дѣятельность, вѣроятно зная что самъ плантаторъ неподалеку. Но всего удивительнѣе и забавнѣе было глядѣть на крестьянъ уже сложившихъ свой возъ удобренія, и возвращавшихся къ скотному двору за новымъ грузомъ. Такъ и видно было, что эти люди, привыкшіе къ труду сильному и честному, просто не умѣли лѣниться, и если позволено будетъ неправильное выраженіе „лѣнились на свою голову.“ Солнце палило безъ жалости, дорога отъ поля къ скотному двору была гладка какъ шоссе около Царскаго Села: въ видахъ собственнаго интереса, рабочему слѣдовало бы пустить лошадь рысью, и добравшись до двора, пріять долгій отдыхъ подъ деревомъ или тѣнью стѣны, въ кружкѣ сосѣдей; но этотъ маневръ, ясный для всякаго настоящаго лѣнивца, не приходитъ мужику въ голову. Онъ плелся тихо, тихо, солнце жгло и его и бѣдную лошадь, какимъ-то неловкимъ и полусоннымъ подвѣзжалъ онъ къ скотному двору и довольно скоро вывѣзжалъ оттуда, чтобы снова плестись шагъ за шагомъ и жариться на солнцѣ. Смѣло можно было завѣрить, что лѣнности болѣе неловкой, нерасчетливой и тяжелой для человѣка трудно придумать даже въ наказаніе. Вообще вся сцена оставила во мнѣ впечатлѣніе самое странное: я ожидалъ найдти людей свѣжихъ, лѣнящихся *sol amore*, празднующихъ съ удовольствіемъ отдыхающаго труженника. Въмѣсто того я увидалъ толпу которая, если не лицами и тѣломъ, то вялостью движеній, напоминала больныхъ, высланныхъ изъ госпиталя на прогулку съ сельскими упражненіями. И выраженіе лицъ оказывалось неизвѣрно кислымъ; только два или три старика, которымъ уже не подъ лѣта было пережвнать свою методу работы, глядѣли весело и двигались какъ живые люди.

Наступало время утренняго отдыха, и крестьяне, разбрасывавшіе навозъ на полѣ, направились къ мѣсту общаго сбора. Оставалось и мнѣ, покинувъ наблюдательный постъ, направиться къ рабочимъ для серіозныхъ переговоровъ. Но когда я дошелъ до опушки рощицы, на меня напала обычная стыдливость неопытнаго помѣщика. Я дорого далъ бы за дозволеніе остаться подъ деревьями и послать къ крестьянамъ, вмѣсто себя, какого-нибудь искуснаго оратора. Чтѣ буду я говорить? Какое право имѣю я соваться съ упре-

ками?—такія глупыя мысли лѣзли въ мою голову. Уже я думалъ отложить дѣло до завтра, а настоящій день весь посвятить отдыху, когда новый припадокъ стыда, и стыда справедливаго, стыда за свое малодушіе, покончилъ навсегда съ моими колебаніями.

„Да что же такое въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я самому себѣ, изъ-за какой причины мнѣ волноваться и совѣститься? Не я отмѣнялъ Юрьевъ день, не я поддерживалъ крѣпостное право, даже не я приобрѣлъ это имѣніе, больше пятидесяти лѣтъ, считающееся за семействомъ нашимъ. Отчего я буду мямлить передъ этими людьми? Я не желалъ имѣть зла, не дѣлалъ имѣ притѣсненій; правда, я могъ править ими разумнѣе, но слабое правленіе не есть еще грѣхъ великій. Даю себѣ честнѣйшее слово позабыть всѣ книжныя умствованія и держаться честной всеневной житейской правды. Вотъ поле, на которомъ, если я буду зѣвать, вырастетъ какая-нибудь чертовщина, вмѣсто хлѣба, къ будущему году. Вотъ рабочіе, которымъ я не могу позволить губить лѣтніе дни безъ пользы для себя или для меня, нуждающагося въ рабочей силѣ. Всякая запинка съ моей стороны теперь признакъ безхарактерности. А потому нечего терять времени.

Съ радостью почувствовалъ я свѣжесть въ головѣ и сердцѣ. Черезъ минуту я уже шелъ по дорогѣ, нисколько не думая о томъ *какъ* и *что* буду я говорить. Крестьяне, понявши что сейчасъ будетъ объясненіе, стали кучкой у скотнаго двора, подъ большими тополями, посаженными около дороги еще моимъ отцомъ, великимъ любителемъ всякихъ рѣдкихъ въ нашемъ краѣ деревьевъ. При моемъ приближеніи, всѣ сняли шапки и поклонились мнѣ съ уваженіемъ. Къ удивленію, разговоръ завязался безъ натянутости: было слишкомъ много предметовъ, о которыхъ требовалось спросить или условиться. Мнѣ назвали сельскихъ старостъ по каждой деревнѣ, рассказали о составѣ волостнаго правленія; я сказалъ крестьянамъ, что привезъ нѣсколько экземпляровъ Положенія, и за исключеніемъ одного, предложилъ ихъ желающимъ. О волѣ я говорилъ безъ всякой восторженности, предполагая что крестьяне не вѣрятъ искренности помѣщичьихъ поздравленій: правъ я былъ въ этомъ или нѣтъ, не знаю. Наконецъ, дѣло пошло до хода работъ, и я сообщилъ прямо, что такъ вести

полевья занятія нельзя и что съ настоящаго дня, съ общаго согласія, намъ необходимо принять надлежащія мѣры.

На этомъ мѣстѣ крестьяне немного понурили головы, а одинъ изъ нихъ, болѣе меня знавшій, сказалъ бойко, однако не поднимая глазъ:

— Ваша воля, батюшка Сергѣй Ильичъ,—а у насъ все по старому, и кажись, въ работахъ никакой нѣтъ порухи.

Случайное обстоятельство избавило меня отъ спора и доказательствъ тому чему доказательствъ не требовалось. Съ поля подвѣзжала къ намъ послѣдняя пустая телѣга, самымъ тихимъ шагомъ. На телѣгѣ, какъ-то поперекъ ея, согнувши ноги и совсѣмъ свѣсивъ голову лежалъ и спалъ сладкимъ сномъ Карпъ Андреевъ, дѣтина работающій и въ обыкновенную пору неспособный предаваться сну во время работы. Голова его болталась вправо и влево самымъ уморительнымъ образомъ. Лошадь, добравшись до другихъ лошадей, остановилась сама, но возница не просыпался.

Я указалъ на него и посмотрѣлъ на мужика утверждавшаго что въ работахъ никакой нѣтъ порухи. Всѣ засмѣялись, и старикъ Дементій, находившійся съ края, въ видѣ любезной шутки, взялъ Карпа за ноги и вывалилъ его изъ телѣги, на кучу навоза. Послѣдовалъ новый смѣхъ, и кислое выраженіе лицъ пропало.

— Чтò грѣха таить, батюшка, сказалъ Дементій, окончивъ свой подвигъ, не возбудившій никакого неудовольствія въ низверженномъ Карпѣ,—что грѣха таить: работа плоха, да и у другихъ-то она не лучше нашего.

— Лучше, лучше, задорно вмѣшался прикащикъ,—у сосѣда не въ примѣръ лучше, у другихъ озимое поле готово, у Матвѣева—косить собираются.

— Такая работа началъ я,—и мнѣ не выгодна, и у васъ время отнимаетъ. Я глядѣлъ на возку навоза: эдакъ намъ не кончить до іюля мѣсяца. Поэтому, вотъ что я предлагаю вамъ, и прошу васъ передать другимъ барщичникамъ. Вы на барщичѣ по своей волѣ, кромѣ двухъ или трехъ недоимщиковъ. Отчего для васъ барщина казалась выгодною оброкомъ, я не совсѣмъ понимаю. Но можетъ-быть, съ новыми порядками вы не хотите на ней оставаться. А потому, если кто хочетъ идти на оброкъ, я не вмѣшаю—условія вамъ извѣстны. Объ одномъ я нахожу нужнымъ сказать вамъ: паспорта я начну выдавать съ половины іюля—

вы понимаете, что мнѣ придется нанять рабочихъ, а на это нужны двѣ или три недѣли. Двѣ или три недѣли хорошей работы, больше я не требую, а послѣ этого срока, идите кто куда хочетъ. Выгодно ли это для васъ? Идешь ли ты на оброкъ, Дементій?

Дементій Павловъ немного выступилъ изъ круга, поправилъ бороду и сказалъ:

— Мнѣ, батюшка Сергѣй Ильичъ, въ Питерѣ дѣлать нечего, а сыновей поплешь, такъ либо сопьются, либо придутъ назадъ со скверною болѣзнью. Знаю я оброчниковъ, а моя семья и безъ оброка живетъ порядочно.

За Дементьемъ еще нѣсколько человекъ отказались отъ оброка. У однихъ дѣти были малы, такъ что нельзя было семью бросить, другіе находили, что въ Питерѣ заработки хороши, да на одни харчи ихъ уходитъ половина. Когда я замѣтилъ, что они, при своей семьѣ и кой-какихъ зимнихъ промыслахъ, безъ Питера могутъ наживать деньги, мнѣ было сказано: „оно пожалуй и такъ, да дѣло выходить невѣрное. Ужь коли на оброкъ; такъ не обойдешь Питера.“

Оставались недоимщики, народъ готовый гулять и очень обрадованный моимъ предложеніемъ, но едва они заикнулись, какъ Дементій Павловъ и вся барщина, бывшая налицо, накинулись на нихъ съ неумолимостью. Оказалось, что недоимщики такъ любили Питеръ, что забравшись въ него, не высылали ни копѣйки въ семью, ни копѣйки на подати, что ставило миръ въ затруднительное положеніе. За одного недоимщика, деревня третій годъ платила подати, выжимая изъ него затраченныя деньги не безъ большихъ усилий.

— И, ни, ни, ни, ни, и думать не смѣйте! кричали бѣднымъ гулякамъ старики и въ особенности Дементій Павловъ.—Баринъ воленъ вамъ мирволить, у него карманъ толстый, а у насъ вы и безъ того на шеѣ сидите!

Запуганные охотники до столичныхъ удовольствій не посмѣли возражать старшимъ. Въ результатъ вышло то что барщина осталась въ прежнемъ видѣ, а для меня наступила самая трудная минута во всемъ совѣщаніи.

— Итакъ вы остаетесь на прежнемъ положеніи, обратился я къ крестьянамъ,—но разсудите сами, какая мнѣ будетъ потеря, если вы станете работать такъ же лѣниво и скверно,

какъ до сихъ поръ работали. Я готовъ дать вамъ всякое разумное облегченіе, лишніе часы отдыха, но не могу дозволить, чтобы мыза осталась безъ хлѣба, а стадо мое безъ сѣна. Неужели вамъ веселѣе шататься по солнцу будто съ похмѣлья чѣмъ работать такъ честно, какъ вы прежде работали?

Я думалъ уже, что впадаю въ бесплодныя умствованія, но противъ ожиданія, рѣчь моя не пропала даромъ. Рабочіе прямо сказали мнѣ, чтобъ я былъ покоенъ, что мнѣ не будетъ стыдно передъ сосѣдями и что ни безъ хлѣба, ни безъ сѣна мыза моя не останется. При этомъ братъ Дементія, Спиридонъ Павловъ, сдѣлалъ замѣчаніе, выставившее въ весьма невыгодномъ свѣтѣ и мою помѣщичью догадливость, и способности моего прикащика.

— Тебѣ, батюшка Сергѣй Ильичъ, сказалъ Спиридонъ Павловъ,—кинулось въ глаза, что навозъ не свезенъ и поле не подпахано. Конечно, виноваты тутъ и мы, да виноваты не такъ много. Въ прежніе годы все дѣло кончалось дѣль въ шесть, потому что оброкшія тягла два дни намъ помогали. А теперь безъ нихъ, можетъ-быть, и на три недѣли протянется.

Дѣйствительно, въ Петровскомъ, существовала всегда смѣшанная повинность. Крестьяне, находившіеся на оброкѣ, давали помѣщику шесть рабочихъ дней въ лѣто. Про это подспорье я позабылъ совершенно; но какъ же не помнилъ о немъ мой интендантъ Михайло Степановъ?

На вопросъ по этому поводу прикащикъ замаялся, но тотчасъ же, безъ сомнѣнія, припомнивъ мои слабыя хозяйственныя познанія, пустилъ цѣлые потоки краснорѣчія. По его словамъ выходило, что, слыша отовсюду противорѣчащія толки и не зная, на сколько смѣшанная повинность отличается отъ стонныхъ дней, положительно уничтоженныхъ, онъ не смѣлъ дѣлать наряда оброчнымъ до моего прибытія.

— Вотъ и врешь, Михайло Степановичъ, холодно перебилъ Спиридонъ Павловъ,—нарядъ-то ты пробовалъ дѣлать, только тебя обругали, да еще чуть ли не вытоптали съ уацды.

— Ну, пожалуй, и обругали, бойко возразилъ прикащикъ,—я не виноватъ, коли у насъ вольница завелась. А не ска-

зываю я про это затѣмъ, чтобы не огорчить барина,— развѣ весело ему съ буянами возиться, что ли?

— Вижу я, Михайло Степановъ, перебилъ я, порядочно разсердившись,— что ни мнѣ съ тобой не ужиться, ни съ крестьянами ты не поладишь. Развѣ посредникъ не приказывалъ тебѣ обращаться къ нему, и самъ Владиміръ Матвѣичъ не заѣзжалъ почти всякую недѣлю въ Петровское? Гдѣ же была твоя голова, коли у тебя не достало ума справиться насчетъ работы оброчниковъ? И какъ ты допустилъ обругать себя и вытолкнуть, имѣя подъ рукой и сельскаго старшину, и волостнаго голову, и посредника въ десяти верстахъ отъ мызы? Можетъ-быть ты и хорошій человекъ, да мнѣ-то не надо прикащика котораго ругаютъ и выталкиваютъ. Съ сегодняшняго утра сдай всѣ занятія по работамъ старостѣ Власу Васильеву, а самъ оставайся на мызѣ, или иди куда хочешь—это твое дѣло.

Простившись съ крестьянами, я велѣлъ послать къ себѣ старосту, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на завтрашнее утро оброчные люди со всѣхъ деревень собрались на мызу, и отправился къ дому. Не скрою однакоже, что сходка на слѣдующій день меня тревожила; сверхъ обычнаго моего отвращенія къ разговору со многими людьми разомъ, я догадывался, что съ питерскимъ и избалованнымъ народомъ поладить мнѣ будетъ труднѣй чѣмъ съ барщаниками.

V. Сомнѣнія и тревоги.

Слѣшанная повинность, о которой много будетъ говорено въ этой главѣ моихъ воспоминаній, прошлое лѣто произвела много недоразумѣній въ нашемъ краѣ. Лица, горячо защищавшія положеніе 19 февраля и даже принимавшія участіе въ его составленіи, откровенно сознаются, что относительно этой повинности, до крайности важной во многихъ губерніяхъ, чрезвычайно мало указано. Естественно послѣ этого, что, при самомъ началѣ полевыхъ работъ, и оброчные крестьяне, и ихъ помѣщики имѣвшіе какую-нибудь запашку, и мировые посредники

очутились во мракѣ. Крестьяне примѣняли статью объ отмѣнѣ сгонныхъ дней къ смѣшанной повинности; помещики говорили, что смѣшанная повинность какъ замѣна части оброка не подлежитъ отмѣнѣ; посредники обращались за инструкціями къ высшимъ лицамъ и инстанціямъ; но время было лѣтнее, а всякій знаетъ, что отъ высшихъ лицъ и инстанцій въ дачное время немногаго добьешься. Къ счастью, хорошій составъ мировыхъ посредниковъ (я говорю лишь о нашемъ краѣ) до нѣкоторой степени пособилъ горю. Посредники рѣшились сокращать смѣшанную повинность тамъ, гдѣ она составляла большое количество дней, при оброкѣ значительномъ, въ то же время поддерживая ее, если она не представляла особенной тяготы при небольшомъ оброкѣ. Какое, повидимому, открывалось поле для взяточничества, и какъ бы роскошно воздѣлали это поле лица бюрократическаго свойства. Но въ нашемъ краѣ изъ пяти посредниковъ, людей совершенно несходныхъ между собой и взглядами, и достаткомъ, и образованіемъ, ни на одного не легла даже тѣнь какого-либо по этой части подозрѣнія.

Итакъ мнѣ, неопытному плантатору, въ самый разгаръ недоумѣній по поводу смѣшанной повинности, пришлось толковать о ней съ моими порядочно-избалованными подданными. Рабочая повинность нашихъ оброчниковъ состояла изъ шести дней (двухъ для навоза, двухъ для покоса, и двухъ для жатвы); но рабочая сила доставляемая этими шестью днями, съ незапамятныхъ временъ поддерживала полевое хозяйство Петровскаго. Лишиться такого подспорья было бы мнѣ крайне непріятно, но очень держаться за него я не смѣлъ, самъ не зная размѣра правъ данныхъ мнѣ Положеніемъ. Уже крестьяне собрались и голоса ихъ доносились ко мнѣ съ дворака, на которомъ обыкновенно собирались сходки, а я все еще перелистывалъ офиціальныя фоліанты, не находя въ немъ примѣнимыхъ къ дѣлу указаній и пунктовъ, пригодныхъ къ моему положенію. Наконецъ я оставилъ книгу, и рѣшился дать дѣлу теченіе, по моему крайнему разумѣнію, самое законное и безобидное.

Даже забывъ надѣть шляпу, пришелъ я въ толпу меня ожидавшую и не вспомнилъ про то мучительное чувство, безъ котораго прежде никогда не могъ говорить одинъ въ большомъ собраніи. Помню только, что мнѣ до крайне-

сти хотѣлось быть краткимъ, что однако не удалось въ настоящемъ случаѣ.

— Я позвалъ васъ, обратился я къ собранію оброчниковъ, — чтобы намъ потолковать и условиться насчетъ шести рабочихъ дней, которые лежатъ на вашихъ тяглахъ сверхъ оброка. Вамъ кажется, что эти дни уничтожены Положеніемъ, мнѣ кажется, что они остаются на васъ еще на два лѣта. Только дѣло не въ томъ что кому изъ насъ кажется, а въ томъ, кто изъ насъ правъ и кто долженъ уступить правому. Я вамъ предлагаю разъяснить дѣло сегодня или завтра утромъ. Выберите отъ себя человѣкъ трехъ самыхъ дѣльныхъ и читавшихъ Положеніе; пусть они отправятся къ посреднику; чтобы не было проволочки, возьмите моихъ лошадей и телѣгу. Вы знаете, что Владиміръ Матвѣичъ противъ совѣсти не скажетъ слова, хотя бы вы и не со мной, а со всѣмъ свѣтомъ спорили. Сдѣлаемъ такъ какъ онъ скажетъ, а безъ того намъ придется prospiritъ все лѣто. Потолкуйте же между собою и рѣшите, выѣзжаете ли вы на мою работу или отдаете все дѣло на рѣшеніе Матвѣеву?

Предложеніе мое было совершенно чистосердечно; я не зналъ мнѣнія Матвѣева о смѣшанной повинности; о томъ же что онъ рѣшить дѣло по совѣсти, не могло быть сомнѣнія. Крестьяне знали больше моего по этой части, оттого совѣщаніе между ними оказалось довольно продолжительнымъ. Чтобы не мѣшать сходкѣ, я отошелъ поодаль, сѣлъ на ближайшемъ крылечкѣ, и сталъ дѣлать наблюденія надъ многочисленнымъ собраніемъ оброчниковъ.

Прежде всего я долженъ былъ сознаться, что имѣлъ совершенно ложное понятіе о большинствѣ крестьянъ живущихъ на моихъ земляхъ. Толпа людей, находившаяся, передо мной, ровно ничѣмъ не отличалась отъ барщичниковъ, съ которыми я вчера велъ рѣчи; молодцовъ питерской наружности я не насчиталъ и десятка. Оно было весьма понятно: передо мной ходили и говорили огцы и братья питерчиковъ не попавшіе въ тягло, сами же питерщики жили въ городѣ; на лѣто изъ нихъ явились лишь тѣ, кому мѣста не представляли особливыхъ выгодъ. Но если пришлыхъ изъ города было немного, за то всѣ они знали грамотѣ. какъ потомъ оказалось, и считали себя умнѣе деревенскихъ сидней, а благодаря неохотѣ стариковъ соваться

впередъ, говорили безпрестанно. Сколько я могъ замѣтить изъ отрывочныхъ фразъ до меня доносившихся, они говорили болѣе для разговора и поддержанія своего достоинства; вопросъ о двухъ рабочихъ дняхъ назавтра и послѣ завтра не казался имъ занимательнымъ, вѣроятно потому что отбыть ихъ предстояло отцу или меньшому брату, а никакъ не имъ, щеголямъ прибывшимъ издалека, да еще и съ деньгами. Болтали питерщики, какъ уже было сказано, весьма много, но кажется ихъ выводы не оказывались для меня враждебными. Смыслъ ихъ болтовни, если это можно назвать смысломъ, оказывался такимъ: „Что же два дни? можно два дни и выѣхать, — и у *посредственника* спросить можно, можетъ-быть изъ Петербурга новый указъ присланъ. Теперъ всякій день новые указы присылають. Надо спросить *посредственника*, а можно и выѣхать два дни; отчего не выѣхать?... И до Матвѣева всего десять верстъ, можно бы и къ нему съѣздить, дорога хорошая!

Изъ всѣхъ столичныхъ гостей, только одинъ привлекаетъ на себя мое особенное вниманіе. Звали его Кондратій Егоровъ, я немного зналъ его семейство. Вся семья, начиная съ осьмидесятилѣтняго дѣда, состояла изъ красавцевъ. Кондратій между ними могъ назваться первымъ: бѣлокурый, ловкій, высокій, съ смѣлымъ взглядомъ и какою-то особенною, насмѣшливою улыбкой, онъ, несмотря на свои тридцать лѣтъ, оставался холостякомъ и закоренѣлымъ любителемъ Питера. Говорилъ онъ громко, рѣзко, и во время всей сходки, пользовался большимъ уваженіемъ меньшихъ и старшихъ, уваженіемъ, которое, — увы! — какъ въ послѣдствіи будетъ разказано, скоро смѣнилось горькою и не совсѣмъ заслуженною непопулярностью. Сельскій старшина еще вчера жаловался мнѣ, что Кондратій Егоровъ мутитъ народъ и учитъ всякому начальству перечить. Изъ того какъ онъ говорилъ и хлопоталъ среди нерѣшительной толпы, можно было заключить съ достовѣрностью, что красивый ораторъ шелъ поперекъ большинству, совѣтовалъ что-то сомнительное. До меня долетали его крайне неуважительныя фразы, обращенныя къ старикамъ, уважаемымъ во всемъ селеніи: „ужь лучше бѣ тебѣ помолчать, старая кукушка,“ — „тебѣ что два дни? попросись, чтобъ тебя запрягли въ десять!“ — „ты старикъ грамотный, на кабакъ елку не просмотрить!“ И что всего страннѣе, эти сильныя на-

рушенія мірскаго декорума не только никого не поражали, но, кажется, производили дѣйствіе, на которое Кондратій Егоровъ разчитывалъ. Когда разговоры кончились и группы говорившихъ сомкнулись тѣснѣе, я пододвинулся къ кругу, а ко мнѣ на встрѣчу выступилъ самъ молодой ораторъ, очевидно уполномоченный передать мнѣ общее рѣшеніе.

— Ну чѣмъ вы покончили? спросилъ я: — хотите посылать къ Владиміру Матвѣичу?..

— Нѣтъ ужъ, ваше высокоблагородіе, бойко возразилъ Кондратій Егоровъ, — что уже Владиміра Матвѣича трогать!

— Такъ значитъ, выѣзжаете на работу попрежнему?

— Нѣтъ ужъ, ваше высокоблагородіе, и Кондратій усмѣхнулся, — такъ для насъ будетъ черезчуръ обидно.

— Однакожь мое высокоблагородіе должно знать, согласны ли вы отбыть работу просто, или напередъ посоветоваться съ посредникомъ.

— Это къ намъ статья не подходящая, коротко отвѣтилъ Кондратій, — сгонныхъ дней никто дѣлать не смѣетъ, да и не по Положенію выходитъ господамъ помѣщикамъ сгонные дни придумывать.

Всякій помѣщикъ, самый кротчайшій по нраву, легко пойметъ, что такой разговоръ не могъ мнѣ нравиться, но я позабылъ дворянскую щекотливость за интересомъ совѣщанія. Очень понятно, что меня занимало то, какими глазами глядитъ умный и бойкій крестьянинъ на вопросъ повинности не вполне ясный, и то, какими доводами станетъ овъ поддерживать оппозицію моему взгляду. Я даже думалъ, какъ подобаетъ любителю русской народности, что вотъ сейчасъ, изъ этой простой и неиспорченной головы, блеснетъ неожиданный лучъ, и озаритъ путь, котораго ищутъ обѣ стороны. Къ сожалѣнію, луча не блеснуло, а напротивъ, на мое замѣчаніе о различіи сгонныхъ дней съ рабочими днями смѣшанной повинности, Кондратій Егоровъ разразился положительною глупостью:

— У Десятниковой барыни, ваше высокоблагородіе, скажетъ онъ, очевидно считая меня ошеломленнымъ и сбившимъ съ поля, — у Десятниковой госпожи всѣ покосы мужикамъ отданы, да половина поля, да дѣсу цѣлая пустошь.

Вотъ оно какъ у людей дѣлается, въ хорошихъ имѣнiяхъ; а Владимiра Матвѣича трогать тутъ нечего!

Я такъ былъ удивленъ, что плачулъ и сказалъ:—Чортъ знаетъ что такое, и къ чему тутъ барыня Десятникова?

Всѣ оброчники, не взирая на видимое пристрастiе къ Кондратiю, совершенно раздѣляли мое мнѣнiе. Чтобы легче объяснить ихъ взглядъ по этой части, я долженъ прибавить, что на госпожу Десятникову, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, крестьяне всѣхъ сосѣднихъ имѣнiй смотрѣли съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ. Кондратiй не попалъ въ общiй тонъ; съ своимъ Питеромъ онъ отсталъ отъ общественнаго мнѣнiя земляковъ, что тутъ же и было заявлено ими.

— А еще разумный дѣтина! упрекнулъ его одинъ старикъ.

— Горло у тебя только широко, вотъ что, прѣговорилъ другой, гораздо рѣшительнѣе.—Ишь ты, у Десятниковой намъ учиться!

— Ужь коли лѣзешь толковать, такъ говори дѣло! присоединились еще два или три голоса.

Ораторъ отошелъ въ сторону, разсерженный и недовольный.—Ну, какъ же мы кончили? обратился я къ сходкѣ:—времени терять нельзя, дѣло къ сѣнокосу подходитъ. Сегодня вечеромъ я посылаю къ посреднику; если вы отъ себя хотите переговорить съ нимъ, выберите кого знаете.

Одинъ изъ стариковъ, можетъ-быть, наскучивши переговорами, сказалъ свое слово, не знаю въ какой мѣрѣ справедливое.—Мы отъ васъ, батюшка Сергѣй Ильичъ, обидь никогда не видали: за что жь и теперь станемъ мы вамъ не вѣрять.

Слова старика окончательнo раззадорили Кондратiя Егорова. Не сдерживая вспыльчивости, онъ снова выдвинулся впередъ и сказалъ обращаясь ко мнѣ:—Нѣтъ ужь, ваше высокоблагородiе, лучше мы сами вечеромъ сходимъ къ посреднику. Если какой-нибудь старикъ, дуралей, хочетъ возить навозъ, вози онъ его хоть на своей шеѣ, а насъ ужь увольте. Мы сами потолкуемъ съ кѣмъ надо, а эдакъ ваше высокоблагородiе съ Владимiромъ Матвѣичемъ еще не такую штуку выкинете на нашу голову!

Единогласный и на этотъ разъ несомнѣнно неодобренный ропотъ сходки смягчилъ часть оскорбленiя, мнѣ навесеннаго. Крестьяне имѣли основанiе считать меня чѣмъ угодно: еетюкомъ, лѣнтяемъ, французомъ, гордецомъ,

только не лжецомъ и не плутомъ. Оброчникамъ, у которыхъ оброкъ и смѣшанная повинность около тридцати лѣтъ оставались одни и тѣ же, не было поводовъ къ недовѣрью. Можетъ-быть, ихъ затронуло и дурное слово о Матвѣевѣ, столько же популярномъ повсюду, сколько Десятникова была непопулярна. Задорнаго оратора втащили въ толпу и уже изъ нея не выпускали; я этому былъ радъ, потому что иначе былъ бы долженъ отвѣчать ему и явиться чѣмъ-нибудь изъ двухъ, или сердитымъ бариномъ, или несчастливцемъ плачущимся на недовѣріе ему оказанное. Обѣ роли казались ровно отвратительными. Окончательные переговоры затѣмъ длились не долго. Рѣшено было, что сельскій старшина съѣздитъ къ посреднику и на утро доставить отъ него письменное рѣшеніе.

Сходка разошлась. Меня позвали пить чай, но я не могъ проглотить ни одного глотка; совершенное отсутствіе аппетита дадо мнѣ понять, что я глубоко огорченъ и взволнованъ. Спутанныя мысли и горькія ощущенія начали выясняться только когда я снова вышелъ изъ дома, и пробрался въ рощу за садомъ. По всемъ понятіямъ, житейскимъ и нравственнымъ, я былъ оскорбленъ, безъ всякой возможности честнаго отмщенія. Передъ сотнею людей, человѣкъ, которому я не сдѣлалъ никакого зла, наговорилъ мнѣ дерзкихъ словъ и не только заявилъ сомнѣніе въ моей честности, но прямо призналъ меня способнымъ на обманъ и плутню. Можетъ-быть я ошибаюсь, черезъ столько мѣсяцевъ провѣряя свои ощущенія, но мнѣ помнится, что въ моемъ гнѣвѣ не сидѣло никакихъ помѣщичьихъ побужденій. Будь на мѣстѣ крестьянина Кондратія Егорова самый великодушскій князь во всей вселенной, я бы чувствовалъ совершенно ту же нравственную боль, съ тою только разницей, что возлѣ болѣзни нашлось бы и лѣкарство, что съ княземъ можно было разчитаться, какъ угодно и когда угодно. Съ Кондратіемъ Егоровымъ, какъ съ непріателемъ еще не вышедшимъ изъ зависимости отъ моего лица, какъ съ человѣкомъ, по своему положенію и воспитанію, не способнымъ къ защитѣ на равныхъ правахъ,—какой могъ быть расчетъ за нанесенную обиду? Я сознавалъ, что въ настоящемъ случаѣ, мнѣ дѣлать нечего, въ то же время очень хорошо понимая, что это неизбѣжное бездѣйствіе совершенно вредно. Изъ сотни крестьянъ бывшихъ на сходкѣ, девяно-

сто девять убѣждены, что я оробѣлъ передъ крикуномъ, а сотый, что я *какой-то себѣ чудной, да и только*. Кромѣ какого-нибудь десятка парней, вся сходка получила бы ко мнѣ неліцемерную симпатію, еслибъ я, посябъ дерзкихъ словъ Кондратія Егорова, приколотилъ его нещадно, наперекоръ человѣческому чувству и всѣмъ запрещеніямъ Положенія. Самый негодобрительный ропоть, которымъ сходка встрѣтила дерзость оратора, ропоть сперва меня утѣшившій, былъ знакомъ чуть ли не обиднымъ скорѣе чѣмъ пріятнымъ. Миръ счелъ доагомъ заступиться за того, кто самъ, по его мнѣнію, не умѣетъ за себя заступиться. Я не искалъ никакихъ преобладаній надъ миромъ; но мнѣ вовсе не хотѣлось, чтобъ онъ заступался за меня какъ за малаго, неумѣлаго ребенка. А случись еще двѣ, три исторіи въ родѣ сегодняшней, и я прославу не только ребенкомъ, даже юродивымъ. Никогда еще мнѣ не приходилось быть въ такомъ проклятомъ столкновеніи между принципами и жизнью, моральными законами и безтолковостью житейскихъ явленій. Дѣло смягчалось только однимъ соображеніемъ: много думать о немъ не приходилось, потому что поправленіе оказывалось невозможнымъ. Не могъ же я вызвать на дуэль Егорова или устроить между нимъ и мною ораторское состязаніе на форумѣ села Петровскаго передъ созваннымъ миромъ!

За обѣдомъ я передалъ сестрѣ всю исторію утреннихъ переговоровъ и шутя замѣтилъ (печальная была эта шутка), что теперь, по всей вѣроятности, моя репутація окончательно погибнетъ и между помѣщиками, и между крестьянами. Въ отвѣтъ своемъ, Вѣра проявила весь женскій тактъ, за который ее всюду такъ цѣнили. Отъ нея не скрылось мое волненіе, она искренно желала успокоить меня, и достигла своей цѣли, не сказавши ни одного несправедливаго слова.

— Это правда, что тебя осудятъ, сказала она, — да развѣ въ свѣтѣ не осуждаютъ людей понапрасну? Не могъ же ты рѣшиться на кудачную расправу для возвышенія своего нравственнаго положенія! Скажутъ, есть другія мѣры строгости; да не малодушіе ли, никогда не допуская строгости, взяться за нее теперь, при концѣ всѣхъ бывшихъ отношеній къ крестьянину? Мало того, надобно же наконецъ переносить послѣдствія того, что мы сами подготовили. Ты не жилъ по годамъ въ имѣніи, ты едва знаешь

въ лицо своихъ мужиковъ и теперь находишь горькимъ, что одинъ изъ нихъ очень грубо выказалъ къ тебѣ недовѣріе.

— Тутъ дѣло не въ томъ, жилъ ли я въ деревнѣ, возразилъ я намуравившись.

— А въ чемъ же? спросила сестра съ прежнимъ хладнокровіемъ. — Кого близко знаютъ, того не заподозрять, и тому защищаться легче. Матвѣевъ, за обидное слово, выпырнулъ бы обидчика за окно, будь это его мужикъ или губервскій предводитель, лицо крѣпостное или вольное изъ вольныхъ. Онъ заявилъ себя въ краѣ, и всякій мальчикъ у насъ знаетъ, что Владиміръ Матвѣичъ ни самъ не ступитъ на чужую ногу, да и на свою наступить не позволяетъ. Ты же совсѣмъ въ другомъ положеніи. Отъ обиднаго недовѣрія тебя ограждаетъ лишь естественное чувство, не дающее намъ предполагать зла въ человѣкѣ не сдѣлавшемъ ничего сквернаго до этой минуты. А это чувство сильно ли у людей неразвитыхъ, да еще видавшихъ всякую неправду? Какъ бы ни перетолковывали твою уступчивость, тебѣ кромѣ нея ничего не придумать. Требовательнымъ можно быть только тамъ, гдѣ знаютъ человѣка предъявляющаго требованія.

На этихъ словахъ я успокоился, какъ могъ, и вечеръ провелъ хорошо, не предвидя, что новый день принесетъ съ собою новые и еще болѣе тяжелые вопросы.

VI. Продолженіе прежняго.

Я проснулся раньше обыкновеннаго, отъ какого-то шороха или скорѣе стуканья въ сосѣдней комнатѣ. Я крикнулъ: „кто тамъ?“ Но отвѣта не было, однако стуканье, должно-быть очень тяжелыхъ сапоговъ, не прекратилось. Я кликнулъ во второй разъ, и ко мнѣ, немного переминувшись, вошла сельскій старшина Павелъ Еремѣевъ и мой староста Власть Васильевъ.

Сельскаго старшину я зналъ очень мало. Онъ считался хорошимъ мужикомъ, должностію своею тяготился, и былъ правъ, потому что жалованье еще не было назначено, а времени пропадало много. Сверхъ того съ крестьянами, привыкшими къ слабому управленію, ладить могъ не всякій,

въ Петровскомъ же было до пятидесяти дворовъ, и старшинамъ остальныхъ деревень жилось не въ примѣръ легче. Власть Васильевъ, величественнѣйшаго вида старикъ, принадлежалъ къ числу особъ, о которыхъ говорятъ: добръ какъ курица. Съ лица онъ глядѣлъ строго и мрачно, напоминая иногда Мазепу, иногда Иоанна Грознаго; почему Мазепу? почему Грознаго?—не умѣю сказать, ихъ портретовъ я не знаю, но память о сихъ историческихъ герояхъ для меня неразлучна съ лицомъ Власа Васильева. При такомъ грозномъ лицѣ, Власть обладалъ безпредѣльною добротой, и происшедшею отъ нея большою популярностью. Вкусы его были буколическіе и бабьи: въ свободные дни онъ любилъ ходить за грибами и удить рыбу. Онъ считался великимъ богачомъ, и кромѣ звонкой монеты въ сундукахъ, имѣлъ ежегодную пенсію отъ одного купеческаго семейства, въ которомъ выслужилъ двадцать лѣтъ безукоризненно. Единственною слабостью стороною Власа могли назваться его *гулянки*, происшедшія два раза въ годъ (на Рождествѣ и въ храмовой праздникѣ), длившіяся по недѣлѣ и весьма раззорительныя. Въ эту торжественную пору, домъ его открывался для незваныхъ и званыхъ; ѣды и питья истреблялось безмѣрное количество; самъ же Власть лежалъ мертвецки пьяный, — но горе сыновьямъ и невѣсткамъ, если они, понадѣясь на хмѣль старика, скупились на кушанье и пиво, или неласково встрѣчали вновь явившагося гостя! Иногда на седьмой, иногда на десятый, иногда на двѣнадцатый день гульбы, съ старикомъ дѣлалось что-то чудное. Проснувшись, онъ брался за стаканъ вина, выплевывалъ его съ отвращеніемъ и дѣлался золъ какъ тигръ бенгалскій. Опытные гости тутъ же убѣгали, не докончивъ начатаго ведерка съ пивомъ; неопытныхъ или назойливыхъ старикъ билъ кулаками и чѣмъ попаало, а потомъ съ позоромъ выталкивалъ на улицу. Правда, что и гости послѣднихъ дней отчасти стоили своей печальной участи: послѣ ихъ исчезновенія въ домъ не оказывалось полотенцевъ, топора, а иногда и богатырской ружьяди. Расправившись съ гуляками, Власть приказывалъ топить баню; выскочивъ изъ нея, долго вытягивался на снѣгу, и освѣжившись такимъ образомъ, снова обращался въ тихаго, благолѣпнаго, кроткаго старца, неспособнаго обидѣть муху.

По всѣмъ работамъ и порученіямъ, онъ оказывался не

въ примѣръ исправнѣ прикащика Михайлы, оставленнаго за штатомъ. Онъ не былъ способенъ на суровость, даже брань, ибо помянуть имя чорта считалъ грѣхомъ великимъ, но его богатство, честная жизнь и гостепріимство давали Ваасу авторитетъ, котораго не признавали лишь отъявленные негодяи.

— Записка отъ Владиміра Матвѣича, сказалъ сельскій старшина, подавая мнѣ бумажку.

„Любезный другъ, такъ писалъ посредникъ, по моему крайнему разумѣнію, при размѣрѣ оброка вашихъ крестьянъ самый щекотливый филантропъ не возстанетъ противъ шести дней смѣшанной повинности, вамъ сѣдующей. Будьте же спокойны; я далъ старостѣ особенный письменный приказъ, а такъ какъ мнѣ надо побывать у васъ по сосѣдству, то я самъ загляну къ вамъ утромъ или къ обѣду. В. М.“

— Ну, сказалъ я нашимъ сельскимъ садовникамъ,—могли бы вы и не будить меня съ этою запиской.

— Дѣло не въ запискѣ, батюшка Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ Ваасъ Васильевъ.—Мы пришли за приказаніемъ; оброчники не хотятъ ѣхать въ поле.

— Какъ такъ? А бумага посредника?

— Къ бумагѣ и придрался этотъ окаянный Кондратій, возразилъ староста.—Всему міру наказывалъ, что бумага *обмыжная*.

— Бумага обмыжная! Что за чертовщина?

— Говорить, глядите ребята: все на листѣ писано одною рукой, а подпись другая. Вызвалъ грамотныхъ, поглядѣли и говорили—точно разныя руки.

И старшина вынулъ листъ изъ-за пазухи. Владиміръ Матвѣичъ, безъ сомнѣнія, продиктовалъ приказъ писарю, и подписалъ его, нисколько не думая что посланіе его подвергается такому толкованію.

— Да вѣдь ты же самъ, сказалъ я старшинѣ,—взялъ бумагу отъ Владиміра Матвѣича.

— Самъ взялъ.

— Станетъ ли онъ сочинять обмыжныя бумаги?

— Не станетъ, ужь это какъ Богъ святъ!

— Такъ какъ же не растолковалъ ты крестьянамъ...

— Батюшка Сергѣй Ильичъ, вступилъ въ разговоръ Ваасъ Васильевъ,—тутъ растолковывать нечего. Вчера ты далъ

покуражитья Кондрашкѣ Егорову, а сегодня тридцать горлановъ хотятъ надъ тобой куражитья. Спустишь сегодня, такъ и барщина разоидется; да и какъ съ нея работу требовать, когда оброчникамъ дана льгота? Ты знаешь, что я мужика не тѣсню и зла ему не дѣлалъ, а тутъ мямачъ нечѣго, вели заложить телѣгу, да отошли Кондрашку къ исправнику.

— Чтò къ исправнику? перебилъ сельскій старшина.— Къ посреднику ближе. Владимірѣ Матвѣвичѣ смиренѣ, а прикрутить лучше твоего исправника.

— А пуще всего, батюшка, продолжалъ староста Власть,— избавь ты и меня, и мирѣ, и сельскаго старшину отъ этого Егорова Кондратя. Мы отъ тебя не выйдемъ, пока ты не велишь намъ его связать и отправить куда ужъ тамъ придется.

Какъ ни нужно было поскорѣ условиться насчетъ неповиновенія оброчниковъ, но оградить молодого и неосторожнаго крикуна отъ совершенной гибели мнѣ казалось нужнѣе. Для меня вся потеря ограничилась бы нѣсколькими сотнями рублей на наемъ рабочихъ, даже предполагая, что оброчники не образумятся; Кондратя же его азартный поступокъ велъ къ уголовному наказанію. Съ помощью Положенія и законовъ я пытался передать Власту и старшинѣ всю жестокость ихъ пресѣбы, но они понимали дѣло и безъ толкованія—безжалостность этихъ двухъ людей, можетъ-быть самыхъ разумныхъ во всемъ селѣ, меня поразила. „Знаемъ, что ему придется круто, сказали и Власть и старшина, ни мало не замываясь: да будетъ хуже, если изъ-за него на вотчину полиція навдеть!“ Мнѣ живо припомнилась другая исторія, случившаяся года за три, исторія тоже замѣчательная по безжалостности, но однихъ сельскихъ властей, во всего міра. Больнаго и почти слѣпаго бобыля, Антона Семенова, сосѣди заподозрили въ корчемствѣ и уличили: извѣстно, какія бѣды влечетъ за собой для цѣлаго селенія корчемство, еслибъ его какъ-нибудь пронюхало винное начальство. Мирѣ собрался, и положилъ—отобрать избу и огородъ Антона, его же выгнать на большую дорогу и не пускать въ село на вѣчное время. Не безъ большихъ хлопотъ удалось старостѣ Власту устроить это дѣло и спасти виновнившася отъ шаганья по міру.

Видя, что всѣ мои доводы по поводу Кондратія Егорова возбуждаютъ лишь одно презрѣніе въ старшинѣ и Власть, я рѣшительно объявилъ, что до прїѣзда посредника не намѣренъ принимать никакихъ мѣръ, строгихъ или не строгихъ. „Отъ одного утра мы еще не пропадемъ, сказалъ я. Если толки не кончены, то прочитайте оброчникамъ записку Владиміра Матвѣича на мое имя: узнавъ, что онъ самъ будетъ на мѣстѣ, они можетъ-быть поберегутся. А затѣмъ ступайте съ Богомъ и оставьте дѣло до его прїѣзда.

Старики ушли, взявъ записку съ ворчаньемъ и неудовольствіемъ, а я остался одинъ, въ самомъ дрянномъ и тревожномъ состояніи духа. „Лучше бы мнѣ растерять весь доходъ за годъ, или продать имѣніе за безцѣнокъ, думалъ я, нежели попасть въ такую яму! Вотъ тебѣ и добрый советъ—не давать льготъ ничтожныхъ. О моихъ хорошихъ намѣреніяхъ насчетъ составленія грамоты никто не знаетъ, а изъ-за мелкаго вопроса я въ необходимости или оспариваться въ конецъ, или подвѣять скверное дѣло по случаю общаго неповиновенія. Легко быть общимъ благодѣтелемъ, сидя у себя въ кабинетѣ, но тамъ, гдѣ слабость клонитъ къ неустройству, и ограждая одного, ведетъ къ бѣдствію для многихъ, имѣю ли я право ограждать виноватаго? Не обязавъ ли я, по смыслу самого Положенія, предоставить все дѣло его законному ходу, тѣмъ болѣе что законъ самъ выгораживаетъ меня отъ всякой роли при столкновеніяхъ, подобныхъ сегодняшнему?“ Последнее соображеніе сильно меня искушало, но я ему не поддавался. Кромѣ того, что послѣ вчерашняго дня я былъ совѣстью моею обязанъ не принимать никакихъ мѣръ во вредъ Егорову, какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что молодаго питерскаго бахвала нельзя смѣшивать съ людьми злонамѣренными, желающими безпорядка и подстрекающими другихъ на безпорядокъ. Въ такихъ размышленіяхъ проходило для меня утро, можетъ-быть самое скверное въ моей жизни. Посредника я ждалъ съ нетерпѣніемъ и между тѣмъ боялся его прибытія. Я зналъ, что Матвѣевъ, какъ человекъ закона и человекъ дѣла, питалъ порядочное презрѣніе къ нравственнымъ дилеммамъ и общимъ соображеніямъ, къ которымъ такъ склоненъ человекъ слова. Меня онъ считалъ съ основаніемъ можетъ-быть, за добраго чулака, который, занимаясь иностранною политикою и современною книжною

болтовней, не знаетъ русской жизни ни на волосъ. Сверхъ того онъ былъ вспыльчивъ, и я не посовѣтовалъ бы ни самому могущественному, ни самому беззащитному изъ людей назвать одну строку его руки *облыжною*. Припоминая это, я сообразилъ, что Власъ и сельскій старшина, при появленіи Матвѣева у околицы, не преминуть передать ему приключенія утра. Надо было предупредить ихъ усердіе. Я велѣлъ сѣдлать лошадь, чтобы ѣхать на встрѣчу посреднику.

Когда я выходилъ на крыльцо и готовился сѣсть на лошадь, по дорогѣ, ведущей къ паровому полю и скотному двору, быстро проѣхало большое количество народа въ двухколесныхъ телегахъ. Вслѣдъ за тѣмъ у воротъ показались староста Власъ и сельскій старшина съ лицами прояснившимися. „Выѣхали, батюшка, сказалъ Власъ Васильевъ, возвращая мнѣ записочку посредника,—чуть узнали, что будетъ сюда Владиміръ Матвѣичъ, присмирѣли мигомъ.“

— Какъ камень съ плечъ свалился, прибавилъ старшина, измученный хлопотами утра и непривычною отвѣтственностью. (А ужъ какой камень у меня свалился съ сердца, о томъ могутъ догадаться читатели.)

— Вотъ видите, сказалъ я, стараюсь казаться равнодушнымъ,—и безъ крутыхъ мѣръ можно поправлять дѣло.

— Ужъ это, батюшка, тебѣ лучше извѣстно, отвѣчалъ Власъ, какъ отвѣчаютъ взрослые люди разсуждающему ребенку, и, оборотясь къ сельскому старшинѣ, прибавилъ:—смотри же, Павелъ Еремѣичъ, не прозѣвай у околицы. Мнѣ пора въ поле, а ты гляди въ оба.

Ясно было, что ни Власъ, ни старшина не оставили своихъ намѣреній насчетъ Кондратія, и что Матвѣевъ у околицы будетъ встрѣченъ разказомъ о происшествіяхъ утра, съ ихъ точки зрѣнія. Надо было снѣшить. Я тронулъ лошадь, и, чтобы не подать подозрѣнія нашимъ сановникамъ, выѣхалъ на дорогу окольною тропинкой. Мнѣ было очень стыдно. Я сознавалъ, что нахожусь въ положеніи школьника и ругалъ себя съ такимъ самообличеніемъ, что стоилъ лавроваго вѣнца отъ всѣхъ любителей этого, будто бы по преимуществу русскаго, качества. „Терпи, терпи, говорилъ я самъ себѣ. Все это тобой подготовлено и заслужено, господинъ добрый помѣщикъ. Ты правилъ имѣніемъ такъ умно, и столько лѣтъ такъ заботился объ его положеніи! Ты такъ умѣлъ сблизиться съ своими крестьянами, что они

глядятъ на тебя какъ на юродиваго. Ты приобрѣлъ себѣ такое уваженіе, что вынужденъ прятаться отъ старосты и забѣгать раньше его къ посреднику. При первомъ замѣшательствѣ въ порядкѣ работъ, тебѣ пришлось запереться въ домѣ, чтобы твое присутствіе не надѣлало еще худшей путаницы! Хорошее начало, господинъ благонамѣренный землевладелецъ. Тыфу, какая гадость, какой поганый плодъ лѣности и неумѣнья! Всякій сапожникъ, твердо владѣющій шиломъ, и счастливѣй и почтеннѣе меня въ эту минуту.“

— Чтò съ вами, Сергѣй Ильичъ, чтò у васъ за меланхолическая посадка? раздался возлѣ меня знакомый голосъ.

Не глядя на дорогу, я отъѣхалъ версты четыре отъ Петровскаго, и встрѣтивъ легонькую бричку посредника, и поровнялся бы съ нею, и проѣхалъ бы мимо, еслибы не вышеприведенные вопросы. Послѣ первыхъ привѣтствій, Владиміръ Матвѣевичъ хорошо увидѣвъ, что я чѣмъ-то сконфуженъ и недоволенъ. Онъ предложилъ мнѣ пройтись немного пѣшкомъ, бричкѣ велѣлъ ѣхать за нами, а лошадь мою поручилъ писарю. Я разказалъ посреднику событія послѣднихъ двухъ дней, не утаивши даже того, что скрываюсь отъ Власа Васильева и обманулъ бдительность Павла Еремѣева, ждущаго у околицы. Зная вспыльчивость Владиміра Матвѣевича, я позволялъ себѣ лишь одно: придать исторіи наиболѣе комической характеръ, хотя мнѣ было совѣсть не до смѣха. Заключилъ я, впрочемъ, серіознымъ мнѣ рѣшеніемъ стоять противъ всякихъ мѣръ строгости въ имѣніи, вопервыхъ, потому что и безъ нихъ до сей поры мы жили, а вовторыхъ, потому что въ распущенности бывшихъ моихъ крестьянъ я самъ первый виновникъ, и по всѣмъ законамъ разума долженъ быть и отвѣтчикомъ.

— Оно не совѣсть идетъ къ дѣлу, спокойно отвѣчалъ посредникъ.—Предположите вспышку серіознаго неповиновенія, и тогда ни съ вашею отвѣтственностью, ни съ законами разума не уйдешь отъ закона необходимости. Къ счастью, дѣло кажется мнѣ не важнымъ, за Кондратіемъ же Егоровымъ я конечно буду слѣдить строго, хотя не считаю его ни злонамѣреннымъ, ни опаснымъ.

Мнѣ было пріятно слышать, что мой взглядъ, совершенно инстинктивный и не основанный ни на чемъ, совпадалъ со взглядомъ такого опытнаго человѣка. Мы сѣли въ бричку и направились въ Петровское.

— Вашъ Кондратій, говорилъ мнѣ дорогою Владиміръ Матвѣвичъ,—человѣкъ петербургскій и пришлый. Я его немного знаю, да наконецъ его продѣлка съ моею бумагой показываетъ въ немъ человѣка чужаго. Вы вѣроятно замѣчали странное обстоятельство — крестьяники нашего края охотно ведутъ дѣла съ Петербургомъ, но къ самому городу имѣетъ какое-то презрѣніе. О Москвѣ онъ всегда отзывается хорошо, о Питерѣ—съ вѣчною насмѣшкой. Человѣкъ петербургскій въ нашемъ краѣ можетъ распускать скверный слухъ, получить временное вліяніе на мужика, только ни въ чемъ дѣльномъ мужикъ ему не поддастся. Въ нѣсколько дней онъ выдохнется и на него плюнутъ, а если онъ захочетъ ломаться, то пожалуй и вздуютъ, чтобы не зазнавался. Даю вамъ слово двѣ недѣли не заниматься Кондратьемъ Егоровымъ, вы увидите надолго ли его станетъ.

Я радостно перевелъ духъ; самая щекотливая часть дѣла была рѣшена хорошо, или по крайней мѣрѣ отсрочена.

Должно-быть вздохъ мой былъ уже слышкомъ выразителенъ, потому что посредникъ разсмѣялся.

— Однако, сказалъ онъ, не хорошо будетъ, если и вы станете убиваться изъ-за всякой маленькой исторійки по имѣнію. Въ какіе-нибудь три дня вы измѣнились и поблѣдѣли. Развлекитесь не много, побывайте у сосѣдей, повидаетесь съ друзьями, поглядите какъ и другіе хлопочуть. Распредѣлите сегодня работы дня на три, а я все это время долженъ развѣзжать въ околоткѣ, стало-быть и у васъ буду разъ-другой, взгяну на работы. Теперь дѣло пойдетъ, насколько идти можетъ, а вы не надсаживайтесь,—великимъ хозяиномъ все-таки не будете.

Мы уже подѣзжали къ дому.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, дорогой другъ, отвѣчалъ я, пожимая руку посреднику.—Вы меня ободрили и успокоили, а надо признаться, день начался для меня крайне скверно.

— За то кончится отлично, улыбаясь отвѣтилъ Матвѣвъ, и указалъ мнѣ на небольшую, но пузатую голубую карету, которая отъѣхала отъ крыльца, и пустая, направилась къ конюшнямъ.—Или видъ этой колесницы ничего не говоритъ вашему сердцу?

— Олимпиада Павловна, Олимпиада Павловна у сестры, воскликнулъ я съ выраженіемъ непритворной радости.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, вы знаете законы дружбы, сказалъ посредникъ, сбрасывая пальто въ передней.

— Только наша добрая пріятельница сегодня не въ духѣ, я слышу гнѣвные раскаты ея голоса.

И мы весело вошли въ гостиную...

На этомъ мѣстѣ я приостанавливаю мой разказъ чтобы докончить исторію оратора Кондратія Егорова, исторію вполнѣ оправдавшую зоркость нашего посредника. Прошло двейдесять посѣвъ спора нашего о смѣшанной повинности. Я сдѣлалъ кой-какія поѣздки и вернулся домой. Работы въ это время шли вяло, но безостановочно; крестьяне выѣзжали въ поле исправно, только трудились такъ, что я рѣшилъ уменьшить запашку на третью долю. Ни споровъ, ни сходовъ не происходило, и Кондратія видѣлъ я раза два или три, въ полѣ или на улицѣ; сельскій старшина, и староста Влаасъ продолжали на него хмуриться; со мною спорить было не о чѣмъ, но по словамъ этихъ сановниковъ, Егоровъ *горланилъ* на всякомъ совѣщаніи по каждому мірскому дѣлу, ругался съ стариками, въ семьѣ своей со всѣми ссорился, подбивалъ молодыхъ, только что оженившихся парней выдѣлаться изъ семей, и все-таки пользовался въ деревнѣ очень большимъ вліяніемъ.

Какъ-то въ началѣ іюля мѣсяца, передъ обѣдомъ, вернувшись съ прогулки, я засталъ въ домѣ великую суматоху. Сестра, съ давнихъ поръ имѣвшая большую медицинскую практику во всей окрестности, пробѣжала мимо меня со стеклянкою, полною какою-то бурдой противнаго вида. „Ар-ваку, скорѣе отыщи арнику“, дорогою закричала она встрѣтившейся горничной, а у горничной тоже красовалась въ рукахъ банка съ летучею мазью. Въ довершеніе дурныхъ симптомовъ, по двору важно прешелъ фельдшеръ села Петровскаго, мужъ исполненный безпредѣльнаго самодовольства, но до того ступѣвшій отъ прожорства и лежанья на боку, что его появленіе съ рожковымъ ящичкомъ вызывалось только какою-нибудь крайнею необходимостью. Догадавшись, что кто-нибудь изъ домашнихъ или крестьянъ занемогъ опасно, я прешелъ въ большую комнату, возлѣ кухни, саужившую сестрѣ какъ бы пріемною камерой для медицинскихъ консультацій. Въ комнатѣ этой находилась сама Вѣра, да сверхъ того горничныя со стеклянками, плачущія бабы и нѣсколько крестьянъ, замѣтно сконфуженныхъ.

Возлѣ окна, на лавкѣ, лежалъ человекъ съ распухшимъ лицомъ, разбитымъ носомъ и глазами едва-едва раскрывавшимися. Онъ тяжело переводилъ духъ, но не стоналъ и не произносилъ никакихъ жалобъ, обычныхъ простымъ людямъ при внезапной болѣзни. Черты его были такъ обезображены, что только по красивымъ бѣлокурымъ кудрямъ, могъ узнать я въ бѣднякѣ бойкаго Кондратія Егорова.

Исторія несчастной катастрофы была весьма проста и несложна. Крестьяне Петровскаго сошлись толковать о вопросѣ слишкомъ долго откладывавшемся, то-есть о размѣрахъ ежедневнаго содержанія для сельскаго старосты и кой-какихъ другихъ должностныхъ лицъ. Старики сперва называли сумму до того ничтожную, что за нее не наваяса бы мальчишка къ пастуху въ помощники. Кондратій Егоровъ, имѣвшій поводъ не любить сельскаго старшину, несмотря на это, сталъ говорить о необходимости содержанія порядочнаго, сообразно величинѣ села и трудной должности. Онъ былъ совершенно правъ, но уже быстро проходилъ періодъ его кратковременнаго вліянія на совѣтъ общій. Его не послушались, онъ вспылалъ и сталъ говорить старикамъ обидныя слова, звать ихъ кукушками, жидами, сколдыриками. Дядя Кондратія, старикъ лѣтъ восьмидесяти, пошелъ къ нему и на него прикрикнулъ; онъ сказалъ дядѣ крѣпкое слово и толкнулъ его въ грудь такъ, что тотъ едва на ногахъ удержался. Этого было довольно, — весь запасъ накопившагося въ мирѣ раздраженія, прорвался наружу; къ нему присоединилась и зависть молодыхъ парней; и, можетъ-быть, ревнивыя воспоминанія о грѣшкахъ по любовной части. Кондратія окружили и притиснули къ стѣнѣ той самой родимой избы, въ которую онъ такъ недавно явился изъ города такимъ богатымъ, бойкимъ и самоувѣреннымъ. Онъ защищался какъ слѣдуетъ молодому силачу, но нашлись бойцы сильнѣе, и самая сила защиты сдѣлала потасовку задорнѣе. Къ счастью, на гвалтъ приближалъ патриархъ и Крезъ села Петровскаго, Власть Васильевъ: онъ уже засталъ, что Егорова повалили на земь и „били сколько хотѣли“.

Кондратій Егоровъ прохворалъ дня четыре и оправился. Но ни вліяніе его, ни уваженіе къ нему крестьянъ не вернулось. Пѣсня его была спѣта, миръ получилъ къ нему отвращеніе. На бѣду и въ Питеръ нельзя было идти; мѣстной братъ занемогъ, и при домѣ понадобилась новый работ-

никъ. Такъ кончилось общественное поприще Кондратія, и никто бы не подумалъ, видя его, въ концѣ дѣла, постоянно одинокимъ и удаляющимся отъ всякой собравшейся кучки сосѣдей,—что этотъ человѣкъ первенствовалъ на сходкахъ и когда-то возбуждалъ опасеніе въ сельскихъ властяхъ...

VII. Барышня Олимпіада Павловна.

Нашъ уѣздъ, какъ читатель можетъ догадаться по значительному количеству женскихъ лицъ попавшихъ въ мои замѣтки, изобилуетъ помѣщицами. Большинство ихъ править своими имѣніями плохо, но кротко и незатѣливо. Между ними имѣется нѣсколько особъ, снискавшихъ себѣ извѣстность и даже ознаменовавшихъ себя подвигами, заслуживающими пѣснопѣній или по крайней мѣрѣ странички въ исторіи. Такъ одна изъ упомянутыхъ мною дамъ, опоздавши въ почтовую карету, ходившую изъ Петербурга въ N^{***}, и стало-быть, лишившись права на билеты, взятые ею заранее, выплакала у почтоваго начальства для себя и своего семейства, пять новыхъ билетовъ *безплатно*. Другая прославилась тѣмъ, что проводя, въ теченіи двадцати лѣтъ, каждую зиму въ Петербургъ, и въ своемъ собственномъ домѣ, не знала какъ называется улица, украшенная ея домомъ и двадцать лѣтъ къ ряду осчастливленная ея жителемъ.

Но всѣ эти и подобные имъ подвиги были дѣтскою игрой въ сравненіи съ подвигомъ нашей сосѣдки, барышни Олимпіады Павловны Чемезовой. Барышня эта также имѣла въ Петербургѣ домикъ, и проводила въ немъ зиму, и не двадцать, а сорокъ пять лѣтъ къ ряду. Года два тому назадъ, одно изъ надворныхъ строеній, принадлежавшихъ къ этому дому, загорѣлось, но было погашено, причемъ погибъ ветхій деревянный заборъ со стороны улицы, отчасти сгорѣвшій съ быстротою гнилушки, отчасти поваленный для проѣзда трубамъ. На утро, послѣ пожара, ближайшее полицейское начальство, имѣя въ виду, что дворы выходящіе на улицу не могутъ существовать безъ заборовъ, попросило барышню Олимпіаду Павловну въ возможно скоромъ времени озаботиться постройкою новой ограды. Посланіе передаю было представителемъ низшей инстанціи полицейской власти, помощникомъ кварталъ-

наго надзирателя,—лично и весьма вѣжливо. Но бѣдный помощникъ съ его вѣжливостями получилъ встрѣчу, о которой долго не позабудетъ. Олимпіада Павловна сперва спросила его холодно: „а ты, батюшка, мнѣ дашь денегъ на эту постройку?“ и вслѣдъ затѣмъ, воспользовавшись изумленіемъ гостя, накинулась на него съ яростію тигрицы. Получивъ названіе взяточника, кровопійцы, притѣснителя сиротъ, безжалостнаго къ чужой бѣдѣ истукана, ошеломленный помощникъ бѣжалъ изъ негостепріимнаго дома и передалъ дѣло начальству, прося уволить его отъ всякихъ переговоровъ съ дѣвицею Чемезовой.

Квартальный надзиратель, а послѣ него частный приставъ намѣревались повернуть дѣло круто; но всѣ ихъ усилія рушились передъ стойкостію Олимпіады Павловны.

Частный приставъ бѣжалъ, бѣжалъ съ позоромъ, бѣжалъ восклицая: „глазъ не покажу къ этой дѣвицѣ!“ Полицеймейстеръ, молодой человекъ и кавалерійскій полковникъ, разчитывалъ покончить все дѣло шутками и любезностію. Онъ пріѣхалъ самъ, разказалъ Олимпіадѣ Павловнѣ, какъ много теряетъ ея миленькій домикъ отъ безобразныхъ развалинъ забора. Но вся эта мягкость, снискавшая полицеймейстеру популярность даже на венеціянскихъ и чадѣйскихъ ночахъ Излера, не помогла тутъ нисколько. Ему также былъ заданъ ироническій вопросъ о томъ, дастъ ли онъ денегъ на постройку забора, а затѣмъ все остальное, даже бѣгство, совершилось обычнымъ порядкомъ.

Черезъ нѣсколько дней, Олимпіаду Павловну попросили пожаловать, въ назначенный часъ, къ оберъ-полицеймейстеру, для нѣкоторыхъ объясненій.

Барышня не испугалась ни мало и только одѣлась въ глубочайшій трауръ, хотя послѣдній изъ ея близкихъ родственниковъ покинулъ здѣшній миръ дѣтъ за восемнадцать слѣшкомъ. Въ своемъ печальномъ уборѣ и не отнимая платка отъ глазъ, наша героиня однимъ своимъ видомъ растрогала даже просителей, ждавшихъ появленія полицеймейстера. И что всего удивительнѣе, Олимпіада Павловна плакала, плакала горько, отъ чистѣйшаго сердца. Отъ всей полноты души, она, помѣщица двухсотъ душъ, и владѣлица дома въ Петербургѣ, сознавала себя раззоренною пожаромъ, истребившимъ застрахованный курятникъ цѣною въ триста цѣлковыхъ. Отъ всей полноты души, она, вы-

гнавшая отъ себя и обругавшая скверными словами множество лицъ, прикосновенныхъ къ полиціи,—считала себя оскорбленною и притѣсняемою до варварства. Чудныя явленія иногда происходятъ въ сердцѣ женщины!

Не успѣвъ показаться оберъ-полицеймейстеръ, какъ Олимпіада Павловна первая сдѣлала на него натискъ, съ такимъ плачемъ и такимъ потокомъ жалобъ, что первый монологъ ея одинъ тянулся три четверти часа, къ ужасу слушателя и свидѣтелей. Оберъ-полицеймейстеръ побѣднѣлъ и потребовалъ стаканъ воды. Еще четверть часа, и онъ отеръ лицо платкомъ и опустился на стулъ, тщетно стараясь остановить просительницу. Еще пять минутъ, и глава полиціи вскочилъ со стула, поклонился Олимпіадѣ Павловнѣ, проговорилъ поспѣшно: „Бога ради, ступайте домой и дѣлайте какъ знаете,“—а вслѣдъ за тѣмъ ушелъ изъ залы.

Наша героиня торжественно возвратилась домой; слухъ о побѣдѣ, ею одержанной, разошелся по городу. Болѣе недѣли прошло, и обгорѣлые обломки все еще валялись на старомъ мѣстѣ; о постройкѣ забора помину не было. Городовые и хожалые робко обходили домъ дѣвицы Чемезовой. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, отправляясь въ церковь, Олимпіада Павловна замѣтила что дѣйствительно видъ ея двора; помойной ямы и иныхъ черныхъ построекъ неблагообразенъ, даже отвратителенъ со стороны улицы. Немедленно позвавши дворника, она сперва обругала его колакомъ, дѣвтяемъ и свиньей, а потомъ дала повелѣніе къ завтраму же приговорить рабочихъ для постройки забора. Не прошло недѣли, какъ на мѣстѣ разрушенной ограды уже воздымалась новая, и не только воздымалась, но сіяла яркою зеленою краскою, самую дорогою изъ всѣхъ красокъ!!!

Сейчасъ разказанный мною эпизодъ, довольно ясно изображаетъ личность Олимпіады Павловны; но онъ не можетъ разъяснить причины, по которымъ и я, и всѣ наши сосѣди искренно любили сердитую барышню. А мы ее любили очень, хотя по временамъ и звали ее самодуромъ, старымъ дитятей и трещеткой. Любили же ее мы за то, что она была до крайности добра, забавна и умна,—умна самымъ оригинальнымъ образомъ. Посреди вздора, котораго не позволяла бы себѣ старая индѣйка, еслибъ индѣйки умѣли говорить, у Олимпіады Павловны непрерывно проскакивали умныя мысли, юмористическія замѣчанія, а

иногда и фразы свидѣтельствовавшія о способностяхъ выходящихъ изъ общаго уровня. Кто не умѣлъ къ ней подходить и держать бесѣду, для того моя сосѣдка являлась сухою, скучнѣйшею и невѣжливою старою дѣввой, но съ близкими и цѣнящими ее людьми она оказывалась добрѣйшимъ существомъ, смѣялась сама надъ собою, и нисколько не таила запасовъ наблюдательности и юмора давняго ей природой. Какъ помѣщица, Олимпіада Павловна никуда не ходила. Доходовъ съ имѣнія она не имѣла никакихъ, но ругалась съ мужиками съ утра до вечера. Крестьяне терпѣть ее не могли за эту брань и *пиленье*, воровали ея дѣсь, пустишили ея земаи, не платили оброка, однако сами не богатыли ни мало, и считались первыми пьяницами во всемъ краѣ.

Когда мы съ Матвѣевымъ пришли въ гостиную, Олимпіада Павловна, терзавшая сестру какимъ-то разказомъ о гусяхъ нарочно пущенныхъ дьячкомъ въ ея ржаное поле, остановила свой разказъ на словахъ: „я и говорю, притащите ко мнѣ этого мерзавца, такъ за его скверную косичку и тащите!..“ Владиміръ Матвѣевичъ, и я считались первыми друзьями барышни. Но на это утро она окинула насъ гнѣвнымъ взоромъ, встала съ кресла, присѣла передъ нами съ обидно-проническимъ почтеніемъ, и сказала: „очень, очень вамъ благодарна, батюшки! Вѣкъ не забуду вашихъ великихъ благодарѣній. Стану по міру ходить да поминать васъ, мои благодѣтели!“

— Чтò вы, Богъ съ вами? Чтò мы вамъ сдѣлали, Олимпіада Павловна? спросилъ посредникъ.

— Не случилось ли чего съ вами, сохрани Боже? сказалъ я, въ свою очередь.

Олимпіада Павловна оправдала свое простое но изящное платьице, изъ тонкой шелковой матеріи (она всегда одѣвалась со вкусомъ).

— Слышите, еще спрашиваютъ, не случилось ли чего съ вами. За новые порядки пришла я благодарить васъ, батюшки. Видите, повадѣлаи нищихъ, да еще подшучивать явились! Вдовъ и сиротъ не забыли, помоги вамъ Господи. Вѣкъ не забудемъ вашихъ милостей, всѣ сосѣди за васъ Бога молятъ.

— Да побойтесь Бога, Олимпіада Павловна, чѣмъ же мы то съ Владиміромъ Матвѣичемъ виноваты въ новыхъ порядкахъ?

— Чѣмъ виноваты?... Всѣмъ виноваты! Кабы вы поменьше радовались всякой новинкѣ, да умѣли бы держать языкъ за зубами, не было бы и дѣлъ этихъ безобразныхъ. Отъ копѣечной свѣчи Москва загорѣлась, отъ вашихъ рѣчей всей бѣдѣ начало! Видишь, напались радѣтели!

— Иной подумаетъ, улыбаясь сказалъ Владиміръ Матѣевичъ,—что наша добрая Олимпіада Павловна наполнена самыми отсталыми сожалѣніями по части крестьянскаго дѣла. А знаете ли вы, Сергѣй Ильичъ, что у ней уже готова въ черновомъ видѣ уставная грамота, и что она сама, безъ просьбъ и настояній, отдала крестьянамъ уголья, о которыхъ они и просить не смѣли.

— Ну, ну, батюшка, ты у меня мелкимъ бѣсомъ не рассыпайся, значительно смягчившись, перебила гостья,—я не жидовка какая-нибудь, а мужики, хоть и поганые пьяницы, все-таки шестьдесятъ лѣтъ въ нашемъ родѣ. Раззорать-то ты умѣлъ, радовался бѣдѣ, а теперь хвалишь, да похвалы твоей мнѣ не надо. Чтò же мнѣ по твоему,—обратить мужика за то что меня самое кругомъ обрали?

— Жестокость ваша, Олимпіада Павловна, со вздохомъ замѣтилъ посредникъ, поражаетъ меня въ самое сердце,—но я не въ силахъ отвѣчать на нее суровостью. Уставная грамота, которую вы приготовляете...

— Стану я готовить твою безумную грамоту! Мнѣ и говорить тошно объ этой гадости. И вѣкъ бы грамоты не было, да у меня гостила Федосья Ивановна съ мужемъ, въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ. Я и говорю мужу: чѣмъ шататься безъ дѣла, да дрыхнуть до десяти часовъ, лучше пособи мнѣ, да зазови этихъ разбойниковъ...

— Какъ бы то ни было, сказалъ я въ свою очередь,—достоверно, что дѣло устроено на прекрасныхъ условіяхъ, и отъ Олимпіады Павловны Чемезовой появится первая уставная грамота въ уѣздѣ, а можетъ-быть въ губерніи...

— Такъ и жди, батюшка. Ты думаешь, чтò я грамоту такъ и подамъ по начальству?

— Чего же медлить съ похвальнымъ дѣломъ? произнесъ Матѣевъ.

— Смотри, съ чѣмъ подѣхалъ! А я тебѣ и скажу почему медлить. Дура я буду, коли подамъ скоро грамоту. Большая дура. Я вашу чиновную братью хорошо знаю. Съядется вы себѣ,—въ присутствіи, въ палатѣ, на сѣздѣ,

какъ оно у васъ тамъ называется. Уставныхъ грамотъ еще не поступаетъ—дѣло новое, да лѣтомъ и помѣщику не до вашихъ глупостей. Вдругъ приносятъ одну грамотку,—чья? отъ помѣщичьей Чемезовой. Ну тамъ еще два три дурака пришаютъ по грамотѣ, думаютъ себѣ, — будетъ хоть спасибо за усердіе! Вотъ вамъ, чиновникамъ-молодцамъ и работа, дѣла немного, а есть надъ чѣмъ покуражиться. Для чего дескать, у госпожи Чемезовой на грамотѣ строка написана криво? А на той страницѣ почему ошибка сдѣлана? И какая это пожня. Свиное ухо отдала крестьянамъ,—надо вровѣрить, не обидно ли оно имъ будетъ? Да и титулъ за чѣмъ-то подскобленъ...

— Никакого титула въ грамотѣ не полагается.

— Да и титулъ подскобленъ, да и чортъ ее, эту помѣщичью знаетъ, можетъ она мужиковъ надула. Лучше велѣть ей все передѣлать да пустить къ ней пять-шесть запросовъ? Вотъ тебѣ и спасибо, вотъ тебѣ и подавай грамоту, пока у начальства дѣла немного! Еще хорошо, какъ штрафа какого не положить. Всѣ вы чиновники—одна выжига. А какъ вотъ вамъ подвалятъ въ одно утро, послѣ срока, грамотъ съ полсотни, такъ и куражъ у васъ простынетъ. Подскоблено ли тамъ, или пожня не такая или просто наврана ахинея,—валяй себѣ, утверждай, что тутъ копать! обѣдать пора, животы подвело, а ишь ты ихъ еще лежитъ какая гряда!

— Bravo, bravo, Олимпіада Павловна! закричали мы оба, не имѣя силъ удержаться отъ смѣха. Говоря за себя, я могу сказать, что никогда не приходилось мнѣ слышать, отъ самаго бойкаго наблюдателя болѣе вѣрной характеристики нашего бюрократическаго и канцелярскаго дѣлопроизводства. Наша пріятельница сама разсмѣялась, и остатки главныхъ облаковъ сбѣжали съ ея чела.

— И долго вамъ дожидаться уставныхъ грамотъ, продолжала она,—никому не весело дать надъ собой ломаться безъ толку какому-нибудь стригулисту. И надо мною не ломайтесь, въ этомъ прошу извиненія. А еще и потому не дожидаетесь грамотъ, что сами же вы въ нихъ настрочили путаницу.

— Какую же путаницу? спросилъ Матвѣевъ.

— А путаницу, какъ путаницы бываютъ. Чѣмъ бы облегчить дѣло, вы наплели такую чертовщину (Олимпіада Павловна паюнула и перекрестилась), что только руками

развести остается. Развѣ я не читала листовъ, что вы намъ на дняхъ разослали съ сотскими? Читала и ни слова не поняла, а написано тамъ дѣло не подходящее. Ваша петербургская братья, вотъ такъ и думаютъ: у Чемезовой помѣщичьи навѣрное водится особенный домъ съ красною кровлей, въ домѣ контора, въ конторѣ сидятъ писаря да землемѣръ ученый, планъ виситъ на стѣнѣ, въ цѣлѣи самомъ вся земля вымѣрена, вездѣ стоятъ бѣлые столбики, какъ въ петергофскомъ саду, по дорожкамъ! Шли туда какую хочешь радею, все прочтутъ, все поймутъ, все смѣряютъ, все сосчитаютъ. А у Чемезовой при мызѣ конторы нѣтъ, писаря никогда не водилось, староста у ней неграмотный, къ тому же воръ и пьяница, плановъ никто и въ глаза не видалъ пятьдесятъ лѣтъ, я думаю на чердакахъ отъ нихъ остались крысы и обѣдки. А у меня еще двѣсти душъ; что же у мелкопомѣстныхъ? И какъ пышно прописано: отъ урочища такого-то до урочища такого-то предоставляется крестьянамъ столько-то десятинъ и столько сажень! А почему я знаю, сколько у меня десятинъ и сколько сажень отъ урочища Чортова Ягода до Клоповой Поляны? Инъ я сама съ аршиномъ пойду мѣрять, что ли? А хочешь, чтобы кто мѣрлялъ, такъ шли землемѣровъ, да шли ихъ даромъ, да и корми ихъ, прожоръ, отъ начальства, а не дупи съ меня же; ужь я довольна по горло и такъ облуплена какъ слѣдуетъ.

— Ужъ будто васъ такъ сильно облупили, Олимпиада Павловна, замѣтилъ я на эту филиппику, отчасти не лишнюю своей доли истины.—Всякій годъ вижу я васъ лѣтомъ и положительно всякій годъ слышу я отъ васъ, что съ цѣлѣи у васъ дохода нѣтъ, а получается одно разоренье.

— Никогда я тебѣ такого вздора не говорила и вѣрно это тебѣ приснилось когда-нибудь послѣ ужина. Былъ доходъ, какъ у всякаго человѣка былъ доходъ прежде. И оброкъ получался, и на крестьянъ до этого года не могла я жаловаться.

— А какъ же, спросилъ Матвѣевъ,—они у васъ третьяго года всю лѣсную дачу раскрали?

¹ Печатаемыя формы для составленія уставныхъ грамотъ, разосланныя по помѣщикамъ въ началѣ прошлаго лѣта.

— Ничего не раскрыли. Мерзавцы они и бездѣльники, это правда, а лѣсъ цѣлъ. Стоитъ какъ стѣна.

— Выдается мнѣ, замѣтилъ Матвѣевъ, — ѣздишь мимо вашей лѣсной дачи, только лѣсу на ней, извините меня, давно нѣту, а вмѣсто стѣны торчатъ пни какіе-то.

— У тебя видно глазъ у самого нѣту, или ѣздилъ ты, подгулявши со своими подъячими. — Лѣсъ какъ лѣсъ, а ты пустиковъ не выдумывай.

— Ну ужь, Олимпиада Павловна, смѣясь отвѣчалъ посредникъ, — за всѣ ваши злыя насмѣшки и суровыя слова когда-нибудь придется разчитаться со мной. Не забывайте, что вы у меня въ участкѣ, чѣмъ я не мало горжусь.

— И знать я не хочу про твой участокъ, а о посредничествѣ твоємъ позабыла и думать. Есть у меня дѣвка одна на кухнѣ, еще чешетъ себѣ волосы а ля Помпадуръ, чуть ее хорошенько поругаешь, она грозится мнѣ, что дескать идемъ жаловаться къ посреднику. Иди, иди, матушка, говорю я, иди себѣ, нашъ посредникъ такой охотникъ до прекрасныхъ пастушекъ! Вотъ тебѣ собесѣдница, — а я ни тебя, ни становаго, ни чиновника, какого тамъ ни на-есть, въ имѣніе къ себѣ не пущу. Я и исправниковъ отъ себя выгоняла.

Всѣ опять разсмѣялись; когда Олимпиада Павловна начала браниться безъ всякой причины — это оказывалось вѣрнымъ признакомъ ея полного расположенія и удовольствія. И точно, пошумѣвши еще немного на своего друга Матвѣева, гостыя пустилась разказывать о томъ, какъ она третьяго года чуть не заморозила, нарочно, въ неотапленной спальнѣ судейскаго подъячаго, который притащился въ усадьбу за какою-то своею распоганю справкой. Отъ вышепронисаннаго назидательнаго случая она перешла было къ разбойнику дьячку и его гусямъ, о которыхъ мы уже упомянули, но на срединѣ разказа краснорѣчіе барышни пресѣклось.

— Ахъ я, безтолковая, быстро сказала она, обращаясь въ мою сторону, — да что это наконецъ сдѣлалось съ моею памятью? Ну оно ужь извѣстно, въ эти времена я думаю и свою голову гдѣ-нибудь забудешь. Вѣдь у меня къ тебѣ пребольшая просьба, батюшка Сергѣй Ильичъ. Для нея-то я больше и пріѣхала, а вотъ толкую объ этомъ дьячкѣ безобразномъ, тыфу! чтобъ его разорвало, негодая!

— Радъ саужитъ вамъ по гробъ моей жизни, Олимпіада Павловна.

— То-то по гробъ жизни. Избавь ты меня, мой другъ, отъ твоего дорогаго дядюшки.

— Какъ, отъ Бориса Николаича?...

— Для тебя онъ Борисъ Николаичъ, а для меня онъ проклятый ахріанивъ, сутяга. Ты ужь съ нимъ покончи.

— То-есть какже: прикажете вызвать его на дуэль, или просто умертвить гдѣ-нибудь въ уединенной аллеѣ?

— Я тебѣ говорю дѣло, а ты лясы точишь. Мои мужики у него въ пустоши какой-то дряви нарубили — чему такъ хорошему расти у него въ пустоши? Опенковскій управляющій чѣмъ бы покончить дѣло со мной, по-сосѣдски, что бы ты думаешь выкинулъ? Подаль въ судъ просьбу; на мое имѣніе настрочилъ жалобу! Я воровъ никогда не покрываю, я давно знаю, что мои мужики готовы у нищаго лапти подтибрить. Такъ и кончай со мной, какъ дѣлаютъ христіяне, а теперь стануть таскать людей въ судъ, да лупить взятки, да еще ко мнѣ напашутъ подьячихъ, одной крови сколько испортится. Вотъ что значить полагаться на управляющихъ. Твоему дядѣ лишь бы сидѣть съ своими тамъ пѣвицами, старому срамнику, а дѣломъ заняться видно противно — генераль дескать, великій баринъ!

— Будьте увѣрены, Олимпіада Павловна, сказалъ я, — будьте увѣрены, что дѣло это устроится непременно. На этихъ же дняхъ я долженъ побывать у дяди: ругайте его какъ хотите, а надо ему отдать справедливость въ одномъ, — онъ ни судовъ, ни жалобъ самъ не любитъ. Я увѣренъ, что онъ и не слышалъ о рвеніи своего управляющаго. По всей вѣроятности, онъ назначитъ легкій штрафъ за порубку, а можетъ-быть и вовсе оставитъ дѣло безъ послѣдствій.

— Отчего безъ послѣдствій? не надо безъ послѣдствій! Я подарковъ принимать отъ него не стану, очень мнѣ нужно его богатство. Мои мужики не хуже его мужиковъ, а еще лучше. Пьяницы они, да имъ за то есть что пропивать, а его-то православные первые оборванцы въ уѣздѣ.

Я далъ слово въ самомъ скоромъ времени обработать дѣло Олимпіады Павловны; она конечно осталась у насъ обѣдать, и день прошелъ очень весело. Къ вечеру Власъ явился съ докладомъ, что работы шли „безъ малаго какъ въ хорошее время“, и что на завтрашній день за оброчниками оста-

новки не будетъ. Отдохнувши нравственно, я рѣшилася завтра же побывать у дяди Бориса Николаевича, но судьба приготовила для меня поѣздку въ другую сторону.

Когда я дожилася спать, мнѣ подали записку отъ одного изъ моихъ любезнѣйшихъ и ближайшихъ сосѣдей Петра Ивановича Заручкина, отставнаго подполковника, съ отличіемъ участвовавшаго въ знаменитой крымской кампаніи.

„Милостивый государь и уважаемый другъ Сергѣй Ильичъ,“ гласила цидулка, и слогомъ, и почеркомъ напоминавшая что-то крайне старинное, хотя автора ея мы звали старцомъ болѣе для шутки—„по здоровомъ обсужденіи настоящихъ и имѣющихъ наступить обстоятельствъ, въ хозяйственномъ отношеніи, я и Иванъ Петровичъ вознамѣрились продать имѣнія наши, жизнь же свою болѣе проводить за границею. Покупщикъ есть, но не взирая на весьма не высокую цѣну имъ предлагаемую, мы оба готовы сдѣлать еще сбавку съ сей цѣны, еслибы вы пожелали совершить покупку. Если вы свободны, то посѣтите насъ, не теряя времени. Прямите и проч.“

„Петръ Заручкинъ.“

„P. S. Если находится у васъ *pulsatilla* и *tinctura sulphuri* въ гомеопатическомъ видѣ, соблаговолите привезти съ собою. Я еще не получилъ этихъ лѣкарствъ изъ Петербурга, а хлопоты этого печальнаго времени причинили мнѣ, при моемъ несчастномъ состояніи здоровья, бессонницу, какія-то неопредѣленные страданія подъ ложечкой.“ „П. З.“

— Боже мой! сказалъ я, даже привскочивъ на постели,— что могло случиться съ нашими Орестомъ и Пиладомъ, съ милыми чудаками, безъ которыхъ я просто не могу вообразить себѣ уѣзда и жизни въ деревнѣ?..

На утро я поскорѣй напился чаю и поскакалъ, исполненный безпокойства, къ Петру Ивановичу и Ивану Петровичу.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

СОВРЕМЕННАЯ ЗАДАЧА

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУКЪ

НЕИЗДАННАЯ ЛЕКЦІЯ ПРОФЕССОРА ЛАМЕ,

читанная имъ 18/30 ноября 1861 года.

Лекціи математической физики, преподаваемые въ Сорбоннѣ знаменитымъ геометромъ Ламе, весьма замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по ихъ приложеніямъ. Въ своихъ сочиненіяхъ: 1) *Sur la théorie mathématique de l'élasticité*, 2) *Sur les fonctions inverses*, 3) *Sur les coordonnées curvilignes*, 4) *Sur la théorie de la chaleur*,—онъ выводитъ изъ однихъ и тѣхъ же дифференціальнахъ уравненій законы явленій упругости и тепла. Въ лекціяхъ же своихъ, знаменитый авторъ усовершенствовалъ свою теорію во многихъ отношеніяхъ, и распространилъ ея приложенія. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ усовершенствованій теоріи, имъ кажется, состоитъ въ улучшеніи способа доказать общія дифференціальныя уравненія равновѣсія силъ упругости посредствомъ двухъ леммъ, не прибѣгая къ тѣмъ предположеніямъ, которыя онъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи *Sur l'élasticité*. Зная высокое достоинство теоріи и философски-научнаго взгляда высокопочитаемаго профессора, многіе, въ томъ числѣ и я, ожидали съ любопытствомъ его вступительной лекціи. Приглашая меня на эту лекцію, г. Ламе сказалъ мнѣ: „Вы хорошо сдѣлаете если будете на моей вступительной лекціи, потому что въ ней вы услышите мое научное завѣщаніе; можетъ-быть я не успѣю окончить начатыя мною труды.“ Дѣйствительно, живость слова и мыслей, изложенныхъ въ этой лекціи, возбудили въ высшей степени вниманіе и одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ, между которыми были члены Парижской Академіи наукъ, многіе профессора и другіе ученые.

Многіе желали, чтобы вступительная лекція г. Ламе была напечатана на французскомъ языкѣ; но пока онъ, соглашаясь на мою просьбу, разрѣшалъ ея печатаніе только въ Россіи, и передалъ мнѣ съ этою цѣлью собственноручно о немъ написанную лекцію.

НИКОЛАЙ БРАШМАНЪ.

Въ настоящемъ курсѣ я намѣреваюсь *соединить* въ общемъ изложеніи теорію упругости однородныхъ твердыхъ тѣлъ и теорію распространенія теплоты въ тѣхъ же тѣлахъ, то-есть вывести всѣ частныя дифференціальныя уравненія, которымъ подчиняются эти двѣ главныя отрасли математической физики, совокупно разобрать эти уравненія, чтобы вывести изъ нихъ объясненіе явленій, и наконецъ интегрировать ихъ во всѣхъ возможныхъ и прямо примѣнимыхъ случаяхъ.

Бѣглый обзоръ историческаго движенія нашей науки въ XIX столѣтіи, въ его существенныхъ пунктахъ, пояснить цѣль и умѣстность такого соединенія.

Уже въ самомъ началѣ, *Небесная Механика* вывела изъ закона всеобщаго притяженія самыя важныя послѣдствія для астрономіи. Съ тѣхъ поръ, формулами этого *перваго монументальнаго труда* объяснены были всѣ постепенно открывавшіяся пертурбаціи, и даже доказана была необходимость существованія неизвѣстныхъ дотолѣ свѣтилъ у предѣловъ солнечной системы, что и оправдалось наблюденіями. Такое стеченіе повѣрокъ, столько же многочисленныхъ и полныхъ, сколько непредвидѣнныхъ и неожиданныхъ, должно было вкоренить въ умахъ ученыхъ двѣ раздѣльныя идеи, которыя я постараюсь опредѣлить. Первая идея—та, что человѣкъ можетъ открыть всякую тайну природы, если, при изученіи каждаго новаго отдѣла естественныхъ явленій, будетъ слѣдовать тому пути, которымъ такъ успѣшно шла астрономія,—именно: если будетъ производить наблюденія и опыты во всѣхъ осуществимыхъ случаяхъ; группировать потомъ эти опыты и наблюденія, такъ чтобы можно было привести ихъ къ извѣстному числу законовъ; и затѣмъ, съ помощію анализа, постепенно уменьшать число этихъ законовъ, подводя ихъ одинъ къ другому, такъ чтобы наконецъ получилъ былъ какой-нибудь одинъ законъ, который и будетъ *частнымъ началомъ* изучаемаго отдѣла явленій.

Такъ мыслятъ и трудятся, мыслили и трудились *Маяуэ* и *Френель*, *Араго* и *Біо*, *Физо* и *Фуко* относительно *свѣта*; *Беккерель* и *Пулье*, *Эрстедъ* и *Амперъ*, *Араго* и *Фараде* относительно *электричества*; *Ге-Люссакъ* и *Тенаръ*, *Деву* и *Берцелиусъ*, *Дюловъ* и *Реньйо*, *Шеврѣаъ* и *Бертело*, *Дюма* и *Девиль*, *Лоранъ* и *Гераръ*, *Баларъ* и *Вурцъ*, *Фреми* и *Кагуръ* и др. относительно *химіи*; *Гаю* и *Сенармонъ*,

Мичераухъ и Пастёръ, Гофманъ и Селла относительно *кристаллографіи*; Ге-Люссакъ и Реньйо, Мелони и Пулье, Дебре и Пекле относительно *теплоты*; Саваръ и Вертгеймъ, Веберъ и Буржъ относительно *упругости*; Гумбольдтъ и Бухъ, Ели де-Бомонъ и Дюфренуа, Бертье и Риво, Бушепоръ и Добре относительно *геологіи*.

Труды этихъ знаменитыхъ ученыхъ установили определенное число *законовъ* подобныхъ законамъ Кеплера, но болѣе полныхъ въ томъ смыслѣ, что эти законы не только не упускаютъ изъ виду пертурбацій, но напротивъ сами же указываютъ и на собственныя отклоненія и аномаліи. Своего рода вехи, законы эти послужатъ указателями, когда придется сводить частныя начала всѣхъ наукъ въ одно высшее начало, истинно-всеобщее, относительно котораго Ньютоново притяженіе окажется лишь простымъ короларіемъ.

Столь же многочисленны, хотя и менѣе убѣдительны, были труды *геометровъ* вышедшіе изъ *второй идеи*, именно той, что одинъ только математическій анализъ владѣетъ силою, столь ясно показавшею себя въ *Небесной Механикѣ*,—подходить рациональнымъ путемъ къ частному началу всякой науки и выводить изъ него полное объясненіе всѣхъ явленій къ нему относящихся, вмѣстѣ съ ихъ отклоненіями. Въ астрономіи оставалось уже немного довершить; эта наука, совершенно оконченная, требовала только численныхъ приложений и сложныхъ формулъ, уже извѣстныхъ. Поэтому одни изъ геометровъ отыскивали пищу для своего изобрѣтательнаго ума въ новыхъ наукахъ, которыя быстро возникали вокругъ нихъ; другіе, убѣжденные, что прикладная математика находится еще на первой ступени своего развитія. сочли нужнымъ готовить будущіе успѣхи ея устраненіемъ изъ нея методовъ всего того что носить на себѣ слишкомъ явные слѣды первыхъ шаговъ. Такъ поступилъ Лагранжъ въ своей *Аналитической Механикѣ*, орудіи столько же будущаго, сколько и прошедшаго, въ этомъ *второмъ монументальномъ трудѣ*, важность котораго будетъ возрастать съ каждою новою побѣдой науки, тогда какъ первый трудъ навсегда останется при томъ значеніи, какое имѣетъ онъ теперь. Такъ поступилъ Пуансо въ своей теоріи паръ и теоріи вращательнаго движенія, которыя обобщаютъ начало дви-

женія и прилагаются какъ къ частичнымъ силамъ, такъ и къ звѣздному міру.

Здѣсь можно было бы исчислить все множество замѣчательныхъ трудовъ этого періода, относящихся къ чистой математикѣ, высшей геометріи, рациональной механикѣ, и показать, что всѣ они стремятся къ одной и той же цѣли—облегчить приложенія уже предугаданныя, заранѣе совершенствуя необходимыя для нихъ орудія, какъ-то: опредѣленные интегралы, разложеніе въ строки, трансцендентныя и обратныя функціи, рѣшенія числовыхъ уравненій, даже теорію чиселъ, ученіе о поверхностяхъ и ихъ взаимномъ пересѣченіи, кинематику и механическую работу силъ:—удивительное стеченіе трудовъ, которое быть-можетъ предшествуетъ какому-нибудь великому открытію.

Ограничимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ ближе всего относящихся къ математической физикѣ, въ ея тѣсномъ смыслѣ. Общій ходъ ихъ таковъ: исходною точкой имъ служитъ всегда гипотетическое начало *a priori*, заимствованное или изъ смежной науки, или вызванное совокупностью изслѣдуемыхъ явленій. Затѣмъ геометръ подвергаетъ это начало аналитической повѣркѣ, состоящей въ объясненіи разсматриваемыхъ явленій, чтобы сблизить полученныя такимъ образомъ числа съ тѣми, которыя получаютъ прямо изъ опыта или изъ наблюденія, и чтобы изъ согласія или разногласія ихъ вывести оправданіе или опроверженіе принятаго начала.

Такъ поступали Лапласъ и Пуассонъ относительно *капиллярныхъ явленій*; Пуассонъ и Бертравъ—относительно *статики электричества на поверхности проводниковъ*; Пуассонъ и Гаусъ—относительно *магнитныхъ притяженій*; Фурье и Лапласъ, Пуассонъ и Остроградскій, Штурмъ и Лиувиль, Дюгамель и Ламе, Бертравъ и Бонне—относительно *распространенія теплоты*; Френель и Навье, Ламе и Клаперонъ, Пуассонъ и Коши, Сень-Венанъ и Филиппъ—относительно *упругости*; Френель и Гамильтонъ, Маколагъ и Нейманъ, Коши и Бланше—относительно *свѣта и двойнаго преломленія*.

Изъ шести частныхъ теорій ознаменованныхъ этими трудами, только три послѣднія подвигались и до сихъ поръ постепенно подвигаются впередъ. Первая же, то-есть *теорія капиллярности*, остается въ прежнемъ положеніи, потому ли что аналитическая повѣрка ея казалась сомни-

тельною, или потому что не настало еще случая или необходимости пополнить ее. Вторая, то-есть *статика электричества*, несмотря на свое совершенство, обнимаетъ столь ограниченный кругъ явленій, что нельзя ожидать отъ нея новыхъ успѣховъ: она представляетъ какъ бы оазисъ, который послѣ открытія сдѣланнаго Эрстедомъ, все болѣе и болѣе суживается. Наконецъ, третья теорія принуждена была остановиться вслѣдствіе того же самаго открытія, которое требуетъ новой отрасли математической физики, именно теоріи *электро-магнетизма*, которому еще только предстоитъ начать свое поприще.

Этотъ послѣдній историческій обзоръ расшевеливаетъ во мнѣ одну свойственную мнѣ способность или, пожалуй, недостатокъ, который одинъ изъ младшихъ моихъ товарищей и друзей называетъ *фатализмомъ*. На основаніи этого фатализма дошелъ я до трехъ слѣдующихъ заключеній, которыя представляю какъ три положенія, требующія повѣрки, въ родъ тѣхъ, которыя написалъ Ферма на поляхъ своего экземпляра *Диофанта*.

1) Изъ застоя, въ которомъ находятся три изъ предыдущихъ теорій и изъ постоянно-возрастающаго успѣха трехъ другихъ, я заключилъ, что частныя начала капиллярности, электричества и магнетизма могутъ быть достигнуты только тогда, когда будутъ извѣстны частныя начала теплоты, упругости и свѣта.

2) Изъ того, что обѣ теоріи, теорія упругости твердыхъ однородныхъ тѣлъ и теорія двойнаго преломленія въ прозрачныхъ кристаллахъ, имѣли одного и того же творца Фривеля, я заключилъ, что обѣ должны сливаться въ одну, или группироваться подъ однимъ и тѣмъ же частнымъ началомъ.

3) Изъ того, что останутся затѣмъ только двѣ теоріи еще не совпадающія между собою, я заключилъ, что изъ ихъ взаимнаго сближенія, изъ ихъ будущаго сліянія, рано или поздно, выйдетъ на свѣтъ начало истинно-всеобщее.

Первое изъ этихъ трехъ положеній будетъ ожидать осуществленія двухъ другихъ. Второе въ настоящее время уже вполне оправдано. Одинъ изъ отдѣловъ нашего курса покажетъ, что сліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, совершается само собою, и притомъ съ большою выгодой для обѣихъ частей, такъ что кругъ явленій, объясняемыхъ тою и дру-

гою, значительно расширяется. Но послѣднее положеніе остается еще только предсказаніемъ, оправданіе котораго принадлежитъ будущему; однако указываемое имъ сблуженіе обнаружилось уже во множествѣ пунктовъ, какъ это и было мною заявлено въ одномъ изъ моихъ новѣйшихъ сочиненій. И мы какъ бы повинемся совершенно естественному указанію, излагая совмѣстно эти двѣ теоріи, теорію упругости твердыхъ однородныхъ тѣлъ и теорію распространенія теплоты въ тѣхъ же тѣлахъ.

Итакъ, цѣль этого соединенія достаточно объяснена. Но для того чтобы доказать его благовременность, чтобы доказать справедливость возбуждаемыхъ имъ надеждъ, я долженъ войти здѣсь въ предварительныя разсужденія, чтобы объяснить нѣкоторыя изъ предыдущихъ положеній и разсѣять сомнѣнія, которыя могли бы остаться вслѣдствіе слишкомъ бѣлаго изложенія ихъ.

Необходимо прежде всего опредѣлить чтъ такое мой *фатализмъ*, и устранить всѣ недоразумѣнія, вызываемыя этимъ словомъ, которыя могутъ распространиться и на самыя заключенія мои, и тѣмъ повредить имъ.

Утверждать, что во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ та преемственность, въ какой слѣдовали общественныя событія одно за другимъ, была необходима и неизбѣжна, значило бы слишкомъ легкомысленно отвергать и вліяніе случайностей, и свободную волю человѣка. Такого рода фатализмъ есть конечно дѣло очень спорное.

Однако можно утверждать, и въ случаѣ нужды даже доказать, что въ томъ порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ одно за другимъ математическія открытія, *нѣтъ ни малѣйшей случайности*; онъ слѣдуетъ рациональной и строгой логикѣ самой науки, и проявляетъ ее въ себѣ. Здѣсь свободная воля человѣка можетъ имѣть вліяніе только на *скорость*, а не на *порядокъ* прогресса.

Чтобы сличить элементы не слишкомъ далекіе одинъ отъ другихъ, обратимся къ эпохѣ, въ которой замѣчается наибольшая скорость развитія, именно къ эпохѣ нашего XIX вѣка. Всѣ математическія труды этого времени не только направлены къ одной цѣли, на которую я указалъ, но кромѣ того, всѣ они, безъ исключенія, слѣдовали одинъ за другимъ въ порядкѣ совершенно логическомъ. Внимательный разборъ ихъ не оставилъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія

въ этомъ отношеніи. Такъ открытіе Абелемъ двойной періодичности эллиптическихъ функцій должно было послѣдовать за ученіемъ опредѣленныхъ интеграловъ, круговыхъ функцій и разложеній ихъ, которое почти исключительно господствовало въ то время. Это первое открытіе должно было предшествовать другому, сдѣланному Якоби, о преобразованіи тѣхъ же функцій; за нимъ должно было слѣдовать открытіе Эрмита объ ультра-эллиптическихъ функціяхъ. Далѣе долженъ былъ явиться великолѣпный трудъ Серре о геометрическомъ представленіи всѣхъ этихъ функцій. И какъ-будто въ доказательство того, что эта экскурсія въ область чистой математики обогатила науку новымъ орудіемъ, я потомъ воспользовался имъ для рѣшенія вопроса, оставленнаго безъ отвѣта, о равновѣсіи температуры въ эллипсоидѣ. Этотъ трудъ въ свою очередь долженъ былъ предшествовать двумъ приложеніямъ, несравненно болѣе важнымъ, которыя сдѣлалъ Лиувиль въ вопросѣ о прочности солнечной системы, и Шаль въ своей теоріи поверхностей уровня и равныхъ потенціаловъ.

Тотъ же необходимый и неизбѣжный порядокъ является и во всѣхъ другихъ трудахъ этой эпохи. Я только потому не привожу новыхъ подтвержденій, что пришлось бы поставить геометровъ въ такія сближенія и въ такой порядокъ, который жогъ бы не повравиться имъ. Однимъ словомъ, всякій рядъ трудовъ идетъ совершенно въ той же послѣдовательности, какъ и полный трудъ какого-нибудь одного геометра, который успѣлъ разрѣшить новый вопросъ и побѣдить всѣ встрѣчавшіяся при этомъ затрудненія. Этотъ путь, со всѣми его перепутьями, хорошо знакомъ мнѣ, потому что мнѣ доводилось дѣлать на немъ чрезвычайно много поисковъ, и если не всегда находилъ я то чего искалъ, то много разъ и находилъ.

Итакъ, если всѣхъ трудящихся математиковъ разсматриваемой эпохи замѣнить мысленно однимъ геометромъ, и предположить что онъ поставилъ себѣ задачею отыскивать начало вещественнаго міра, то его одиночный трудъ, по моему мнѣнію, необходимо воспроизвелъ бы, въ своихъ ранѣе предусмотрѣнныхъ и преемственныхъ фазахъ, весь рядъ совокупныхъ трудовъ, со всѣми ихъ попытками, длиннотами и избыткомъ обобщеній, и наконецъ этотъ геометръ

дошелъ бы до того, что въ руководство для будущихъ изслѣдованій принялъ бы мои три заключенія.

Вотъ мой фатализмъ, и вотъ въ чемъ состоитъ его приложеніе.

Несмотря на множество извѣстныхъ нынѣ, бесплодныхъ, попытокъ, многіе замѣчательные ученые не перестаютъ считать законъ Ньютонова притяженія за законъ дѣйствительно всеобщій, который долженъ объяснять какъ частичныя реакціи, такъ и небесныя тяготѣнія. Этимъ исключительнымъ приверженцамъ перваго частнаго закона, сдѣлавшагося достояніемъ науки, мы противопоставимъ слѣдующія соображенія.

Извѣстныя намъ явленія физической природы, весьма различны; одни обнаруживаются на замѣтныхъ или даже чрезвычайно большихъ, другія, напротивъ, на незамѣтныхъ, или чрезвычайно малыхъ разстояніяхъ. Начало истинно всеобщее должно въ одинаковой степени объяснить и тѣ и другія. Оно необходимо должно обнимать собою частное начало тяготѣнія, которое и будетъ *высшимъ предѣломъ* его, или единственнымъ членомъ сохраняющимъ замѣтную величину, когда разстояніе принятое за переменное количество превышаетъ извѣстный предѣлъ.

Вслѣдствіе этого, вѣрить во всемогущество тяготѣнія значитъ изъ послѣдняго члена, который одинъ только извѣстенъ въ цѣломъ длинномъ рядѣ, выводить всѣ другіе, даже самый первый. Это очевидно невозможно.

Заключеніе могло бы выйдти совершенно другое, еслибы мы знали первый членъ, который одинъ изъ цѣлаго ряда остается при переходѣ къ нижнему предѣлу, то-есть, когда разстояніе становится незамѣтнымъ, и еслибы, кромѣ того, наблюдаемая пертурбація давали возможность опредѣлить другіе члены: Именно для того чтобы добиться этихъ знаній, такъ много и трудился и трудится нашъ XIX вѣкъ.

Не станемъ называть *отсталыми* тѣхъ, которые слыхкомъ долго останавливаются на началѣ *прошедшаго*, потому что тотъ же эпитетъ будетъ приданъ и намъ самимъ строгими учеными, которые слыхкомъ быстро стремятся къ началу *будущаго*.

Распространеніе свѣта въ пустотѣ и въ планетныхъ про-

странствахъ, совокупно съ явленіями интерференціи, несомнѣннымъ образомъ доказываютъ существованіе эюра, матеріи особаго рода, несравненно болѣе распространенной, болѣе всеобщей и вѣроятно гораздо болѣе дѣятельной чѣмъ матерія вѣсомая.

Фатализмъ мой, основываясь на этомъ характеристическомъ опредѣленіи, давно уже дошелъ до двухъ новыхъ заключеній; первое, что будущая наука признаетъ эюръ истиннымъ властелиномъ физическаго міра; второе, что желать возвести его теперь же на престоль, значило бы только замедлить прочное водвореніе его. Въ самомъ дѣлѣ, только однимъ умозрѣніемъ можемъ мы постигнуть этого новаго гостя, хотя и о старой матеріи, доступной нашимъ чувствамъ, имѣемъ мы весьма недостаточныя понятія. И если геометръ пожелалъ бы подвергнуть аналитической повѣркѣ этотъ новый предоощуцаемый міръ, — сколько гипотезъ принужденъ онъ будетъ сдѣлать *a priori*? Дѣйствіе эюра на себя самого: дѣйствіе его, которое является между смежными вѣсомыми частицами; форма, расположеніе, внутреннее движеніе этихъ самыхъ частицъ; свойство, направленіе, величина взаимодѣйствія эюра и вѣсомой матеріи, — все это намъ неизвѣстно. Стало-быть, сколько неопредѣленныхъ функций должно войти въ дифференціальное выраженіе, опредѣленный интегралъ котораго долженъ быть подвергнутъ повѣркѣ? Какую значительную степень кратности будетъ имѣть этотъ интегралъ? — развѣ ко всѣмъ этимъ гипотезамъ пришлось бы присоединить почти столько же отвлеченій. Наконецъ, какая громадная умственная сила нужна, для того чтобъ изъ такого сложнаго механизма вывести *законъ*, который при всемъ томъ неизбѣжно будетъ такъ же ненадеженъ какъ и вся сопровождающая его свита гипотезъ и ограниченій.

Этотъ огромный трудъ, опытъ котораго представилъ Коши, и главныя затрудненія котораго съ удивительнымъ искусствомъ побѣдилъ Блавише, находится уже не на томъ пути, который могъ бы повести къ открытію истинно-всеобщаго закона. Но онъ принесъ пользу другаго рода, онъ заранѣе показалъ, что за математическимъ анализомъ не станетъ дѣло, когда нужно будетъ объяснить пертурбаціи найденнаго закона. Онъ облегчитъ сооруженіе будущаго *третьяго* *математическаго* *труда*. Итакъ, бодрѣе къ дѣлу, будемъ ис-

кать не тутъ такъ тамъ, и лишь бы добраться до цѣли, а за тѣмъ уже все подготовлено и почва уравнена.

Прикованные къ вѣсомой матеріи и живя на одномъ изъ острововъ зѳирнаго океана, постараемся прежде всего изучить долины, заливы и гавани этого острова, приливы и отливы новой стихіи, вѣтры, ее колеблющія, ея волны и всякаго рода изверженія, и тогда уже попытаемся пуститься въ нее на всѣхъ парусахъ; повѣримъ наши инструменты, очистимъ нашъ экипажъ и не возьмемъ съ собою ничего сомнительнаго, *неопредѣленнаго*.

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ заключеній, я объяснилъ, что всѣ подробности этого продолжительнаго подготовленія могутъ быть получены при помощи *только* двухъ теорій—теплоты и упругости, примѣненныхъ *только* къ тѣламъ твердымъ и однороднымъ. Такая надежда должна, безъ сомнѣнія, показаться преувеличенною, даже химерическою: въ самомъ дѣлѣ, а разнородныя-то твердыя тѣла, а потомъ жидкости, а потомъ газы, а тысячи химическихъ соединеній! Да почти все, что требуется объяснить, находится въ этой группѣ тѣлъ, такъ ограниченной и, повидимому, такъ странно выбранной! И однакожь эта надежда весьма основательна.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что какой-нибудь искусный наблюдатель одаренъ чудесною способностью видѣть, осязать и послѣдовательно разъединять атомы извѣстной соли, и что онъ хочетъ воспользоваться этою способностію, чтобъ изучить вполне видъ, составъ и внутреннее движеніе этихъ атомовъ, равно какъ и законы ихъ агломераций. Что станеть онъ дѣлать съ группою атомовъ, которую онъ собереть? Впервыхъ, онъ не расположитъ ихъ ни въ видѣ газа, ни въ видѣ жидкости, потому что такое состояніе ихъ слишкомъ неудобно для первыхъ наблюденій, имѣющихся въ виду. Онъ постарается сблизить, сколько возможно, атомы между собою, и расположитъ ихъ такъ чтобы центры ихъ были неподвижны; однимъ словомъ,—онъ составитъ изъ нихъ твердое тѣло; а чтобъ еще болѣе облегчить свое изученіе, онъ расположитъ ихъ всѣ одинаковымъ образомъ; другими словами. приготовленное имъ твердое тѣло будетъ и однороднымъ.

Но къ чему тутъ чудесная способность? Не трудится ли сама природа надъ этимъ приготовленіемъ, заставляя соль

кристаллизоваться? Такимъ образомъ все та же кристаллографія, съ помощію которой Френель создалъ теорію свѣта, должна послужить лабораторіей и для успѣшнаго развитія общей науки. Благодаря ей же Мичерлихъ и Пастёръ сдѣлали свои главныя открытія; и именно въ ней-то теперь сосредоточиваются силы теорій теплоты и упругости. Такое разительное совпаденіе служитъ естественнымъ указаніемъ, весьма достаточнымъ для оправданія всѣхъ нашихъ ожиданій.

Впрочемъ ожиданія эти отчасти уже оправданы тѣми важными и обширными объясненіями, которыя вытекаютъ изъ совершившагося нынѣ сліянія теорій упругости и свѣта: этимъ сліяніемъ не только всѣ многочисленныя и разнообразныя явленія двойнаго преломленія объясняются со всею строгостію и крайнею точностью, но кромѣ того, новая теорія самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываетъ существованіе *третьяго луча*, о которомъ нѣкогда говорилъ Коши и который былъ встрѣченъ насмѣшливою проніей невѣрующаго Араго.

Въ одномъ изъ отдѣловъ нашего курса будутъ изложены законы, которымъ подчиняется распросграненіе и даже поляризація этого третьяго луча. Прозрачныя кристаллы одной или двухъ осей, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ тройное преломленіе. Солнечный лучъ, при переходѣ черезъ нихъ, раздѣляется на три луча. Спектръ, при этомъ получаемый, состоитъ дѣйствительно изъ сліянія трехъ различныхъ спектровъ, изъ которыхъ два только суть свѣтовые, третій же есть спектръ теплородный и химическій. Сѣтчатая оболочка нашего глаза обладаетъ способностію разлагать спектръ, если только онъ не сожжетъ и не разложить ее.

Такимъ образомъ математическая теорія упругости, усвоивъ себѣ теорію свѣта, распространяется теперь на лучистый теплородъ, фотографію и т. д., что уже оправдываетъ до извѣстной степени нѣкоторыя изъ нашихъ предсказаній.

Но этого еще не довольно. Формулы упругости, исключительно употребляемыя здѣсь, предполагаютъ, что среда состоитъ изъ однихъ вѣсомыхъ частицъ, твердыхъ и одинаковыхъ. Если же твердыя прозрачныя тѣла въ самомъ дѣлѣ скрываютъ внутри себя зѣрное начало, то

приложить къ нимъ тѣ же самыя формулы значило бы допустить, что эфиръ составляетъ часть вѣсомыхъ частицъ, что онъ повинуется только ихъ движенію, ихъ совокупнымъ перемѣщеніямъ. Если же этого нѣтъ, если, напротивъ, часть эфира, содержащаяся во внутренности какой-нибудь частицы, можетъ сама въ ней перемѣщаться, останутся ли, въ такомъ случаѣ, все-таки вѣрными употребленныя формулы? Если нѣтъ, то какимъ образомъ слѣдуетъ измѣнить ихъ, въ особенности по отношенію къ свѣтовымъ волнамъ?

Основываясь на теоріи механической работы силъ упругости, предложенной Клаперономъ, недавно я успѣлъ доказать, съ неожиданною строгостію и простотою, что скорость распространенія волны во всякомъ твердомъ и прозрачномъ тѣлѣ уменьшается вмѣстѣ съ длиною волны. Уменьшеніе это равно нулю, когда нѣтъ свободного эфира; оно нечувствительно во всѣхъ случаяхъ волнъ звучащихъ, и напротивъ весьма замѣтно въ свѣтовыхъ волнахъ, когда, при существованіи эфира, разстояніе центровъ тяжести вѣсомыхъ частицъ и длина волны суть величины одного и того же порядка. Это значитъ, что коэффициенты упругости въ употребленныхъ формулахъ, вмѣсто того чтобы быть постоянными, зависятъ отъ длины волны и уменьшаются вмѣстѣ съ нею. Вотъ въ чемъ состоитъ необходимое и достаточное измѣненіе этихъ формулъ.

Изъ этого втораго теоретическаго обобщенія вытекають:

1) Единственное строгое доказательство того, что въ прозрачныхъ твердыхъ тѣлахъ существуетъ свободный эфиръ, что было допускаемо прежде а priori, но безъ доказательства.

2) Единственно возможное объясненіе разсѣвія свѣта. По способу, употребленному Френелемъ, явленіе это зависѣло отъ частнаго дифференціальнаго уравненія 4-го порядка. Появленіе такого уравненія должно показаться страннымъ въ теоріи основанной на рациональной механикѣ, въ которой аналитическія опредѣленія не простираются даѣе втораго порядка.

3) Цѣлый рядъ новыхъ заключеній относящихся къ разсѣивающей силѣ, къ окрашенію прозрачныхъ средъ, къ разстояніямъ раздѣляющимъ вѣсомыя части между собой и пр...

Это богатство результатовъ, проистекающихъ изъ перваго сліянія теорій упругости и двойнаго преломленія, сліянія угаданнаго и уже совершившагося, не даетъ ли намъ права ожидать подобныхъ же результатовъ и отъ втораго сліянія (теоріи упругости съ теоріей теплоты)?

Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе считать благовременнымъ сближеніе двухъ теорій, между которыми должно совершиться это послѣднее сліяніе.

Перейдемъ теперь къ другимъ соображеніямъ.

Послѣ того какъ признали мы въ чемъ состоитъ истинное направленіе физико-математическихъ наукъ въ наше время, намъ слѣдуетъ съ точностію опредѣлить современное ихъ состояніе, и подготовить ихъ будущее развитіе. Многихъ изъ участниковъ въ совершенныхъ работахъ уже нѣтъ на свѣтѣ, я *старшій* изъ оставшихся. Прежде нежели оставлю это мѣсто, я долженъ исполнить еще одинъ долгъ, долгъ собрать, очистить, упростить достигнутые результаты, для того чтобъ облегчить нашимъ преемникамъ довершеніе зданія. Такова была цѣль четырехъ курсовъ, постепенно мною изданныхъ. Предпринимаемый мною нынѣ, который оставлю неизданнымъ, имѣетъ цѣлю соединить ихъ всѣ въ самую сжатую и вмѣстѣ самую полную форму. Въ этомъ заключается истинное значеніе курса раціональной математической физики, обнимающаго двѣ части: теорію теплоты и упругости. Его можно сравнить въ этомъ отношеніи съ курсомъ механики, состоящимъ также изъ двухъ частей, кинематики и динамики, изъ которыхъ первая основана на аксіомѣ *независимости относительныхъ движеній*; вторая же на той аксіомѣ, что *противодѣйствіе равно и противоположно дѣйствию*. Въ нашемъ курсѣ начальными аксіомами служатъ слѣдующія: для *теплоты*, что обмѣнъ теплоты между двумя ближайшими частицами твёрдаго и теплопрозрачнаго тѣла пропорціоналенъ разности ихъ температуръ; а для *упругости* аксіома, что между двумя частицами твёрдаго тѣла, находящимися на замѣтномъ разстояніи одна отъ другой, не существуетъ никакого сдвѣженія. Начала эти не сопровождаются никакими гипотезами а ригорі; они не требуютъ никакой аналитической повѣрки.

Я не буду пользоваться въ своемъ курсѣ извѣстными аналитическими приемами; я замѣню ихъ самыми простыми

и самыми скорыми синтетическими приемами, чтобы возможно было такое сближеніе различныхъ частей между собою, при которомъ было бы легко объять всю ихъ совокупность.

Благодаря настойчивости, я успѣлъ, въ этихъ трудахъ сосредоточенія, болѣе даже нежели самъ ожидалъ: выводъ принадлежащихъ мнѣ теоремъ до того упростился, что почти совершенно уничтожаетъ заслугу ихъ открытія. Эти и другія разочарованія въ томъ же родѣ показали мнѣ всю искренность совѣтовъ, которые давалъ мнѣ когда-то одинъ изъ пріятелей моихъ, теперь уже умершій.

Этотъ мой пріятель былъ математикъ весьма ученый, но неодаренный большою изобрѣтательностью; онъ не понималъ, какъ геометръ можетъ пожертвовать хотя бы малѣйшею частицею своей репутаціи изъ любви къ наукѣ и для ускоренія ея развитія. Онъ говорилъ мнѣ: «Если вы откроете новую математическую истину или рѣшеніе важнаго вопроса, остерегайтесь упрощать ихъ изложеніе; напротивъ, представьте ихъ во всей ихъ первоначальной сложности. Чѣмъ труднѣе будетъ ваше открытіе для разумнѣя современниковъ, тѣмъ выше они его оцѣнятъ. Правда и то также, что будущее непременно возстановитъ его истинное значеніе. Но что вамъ въ этомъ толку! Тѣ съ кѣмъ вы живете, обманутые неосторожнымъ упрощеніемъ вашего открытія, сочтутъ его за пустяки. Не подражайте ни Лагранжу, ни Пуансо; лучше возьмите примѣръ съ Лапласа и Пуассона: послѣдній только тогда обладалъ высшею степенью ясности, когда излагалъ труды другихъ, напримѣръ въ удивительномъ своемъ докладѣ объ открытіи Якоби.»

Затѣмъ онъ прибавилъ: „Заниматься сокращеніемъ и упрощеніемъ, работою всегда очень тягостною и очень трудною,—значитъ обманывать себя. Если появленіе такихъ трудовъ можетъ значительно ускорить движеніе науки въ извѣстную эпоху, то это всегда бываетъ въ ущербъ самому автору, который покажется тѣмъ менѣе глубокимъ математикомъ чѣмъ легче будутъ читать его.“

Противъ всѣхъ этихъ доводовъ можетъ возражать только такой геометръ, который избралъ себѣ девизомъ: *все для науки*; а какъ я всегда желаю быть правымъ, даже предъ своими друзьями, то я взялъ себѣ этотъ девизъ, и рѣ-

шлся не отступать отъ него. И для начала предполагаю рѣшить теперь слѣдующую задачу:

Отыскать какими средствами, какими реформами, какими новыми установленіями, можно ускорить вѣковое дѣло, ведущее къ открытію истинно-всеобщаго начала физической природы.

Необходимый логическій порядокъ, которымъ частные труды слѣдуютъ одни за другими, опредѣляетъ также и число ихъ, и поэтому число ихъ не можетъ быть сокращено; увеличена можетъ быть только скорость ихъ послѣдованія.

Три разряда ученыхъ стоятъ на брени: физики, химики и геометры; изъ нихъ только послѣдніе слишкомъ медленно подвигаются впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, физики занимаются теперь пертурбаціями, опредѣляя отклоненія законовъ Гелюсака, Дюлона; химики, выдвинулись еще далѣе: стремясь овладѣть началомъ явленій высшаго порядка, началомъ органическаго міра, они пытаются распространить законы минеральнаго міра и на другія два царства. Отстала только математическая часть совокупнаго труда.

Итакъ, подстрекнуть современныхъ геометровъ, въ особенности же умножить число ихъ — вотъ единственные средства рѣшить поставленный вопросъ. Первое изъ этихъ средствъ было бы только временною мѣрой; поэтому займемся сначала вторымъ.

Намъ нужна аксіома; возьмемъ слѣдующую: *каждая способность, обнаруживающаяся въ человѣкѣ, предполагаетъ цѣль, къ которой она должна стремиться и для которой она необходима.* Такова способность къ математикѣ. Каждый человѣкъ рождается съ нею; у нѣкоторыхъ она развивается; у большинства пропадаетъ отъ недостатка упражненія и обученія. Цѣль этой способности — постепенное открытіе законовъ управляющихъ міромъ. Предположивъ все это, поищемъ теперь какимъ способомъ увеличить число геометровъ-изобрѣтателей и направить ихъ къ означенной цѣли и притомъ со всевозможною скоростью. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда человѣкъ съ такою быстротою перемѣщаетъ тѣло свое по желѣзнымъ дорогамъ, мысль свою по телеграфической проволоцѣ, онъ можетъ желать большей быстроты и въ преподаваніи, и въ приложеніи точныхъ наукъ. И мы, также ради скорости, кратко изложимъ теперь свою мысль въ видѣ нѣсколькихъ положеній, сопрово-

ждаемыхъ подтвердительными доказательствами.] Новый способъ преподаванія долженъ необходимо удовлетворить двумъ слѣдующимъ условіямъ:

1) *Устранить навсегда раздѣленіе науки на чистую и прикладную математику.* Первая теперь уже не существуетъ. *Арифметика* въ высшей степени практична; самая *теорія чиселъ* находитъ свои лучшія теоремы въ ученіи о колебаніяхъ. *Геометрія* и *механика* суть двѣ отрасли математической физики, изслѣдующія два различныя свойства матеріи — пространство и движеніе. *Алгебра* и *дифференціальное исчисленіе* суть только неизбѣжныя и нераздѣльныя орудія всѣхъ физическихъ теорій, орудія, которыми открываются самые общіе законы изучаемыхъ явленій. *Интегральное исчисленіе*, если его излагать какъ отдѣльное цѣлое, будетъ безсмыслицею: каждый успѣхъ его имѣетъ естественное начало свое въ какомъ-нибудь приложеніи.

2) *Излагать всѣ отдѣлы каждой науки собственными или изобрѣтательными методами, тщательно остерегаясь исключительнаго употребленія косвенныхъ методовъ или простыхъ аналитическихъ повѣртокъ, признаваемыхъ болѣе строгими, но совершенно безплодными.*

Нѣтъ никакого общаго метода на то чтобъ *изобрѣтать*: каждое открытіе имѣетъ свой собственный методъ, и притомъ исключительно ему свойственный. Единственное средство изощрить духъ изысканія состоитъ въ томъ, чтобы пройти всѣ уже извѣстныя открытія тѣмъ путемъ, какъ они произведены. Уже одна многочисленность этихъ примѣровъ въ состояніи возбудить способность къ умноженію ихъ числа. Если въ цѣломъ рядѣ изобрѣтательныхъ методовъ, анализъ и геометрія окажутся дѣйствующими иногда въ соединеніи, иногда порознь, то слѣдуетъ тщательно блюсти этотъ естественный порядокъ.

Однимъ словомъ: *не должно отдѣлять науку отъ ея приложений.*

Въ *арифметикѣ* учите достаточно уже извѣстнымъ теперь способамъ быстрыхъ вычисленій, въ сравненіи съ которыми обыкновенныя вычисленія, даже съ помощію логарифмовъ, кажутся невыносимо медленными, и напоминаютъ путешествія въ фурахъ въ царствованіе Лудовика XIV.

Въ геометріи излагайте всѣ предложенія въ видѣ задачъ для рѣшенія, такъ какъ изучалъ ее Паскаль; и другіе геометры были весьма довольны тѣмъ что послѣдовали его приѣму. Совершенно устраните при этомъ всѣ косвенныя доказательства и выводы отъ противнаго, заимствованныя у Грековъ, и способные только заглушить всякую изобрѣтательность.

Въ механикѣ руководствуйтесь исключительно методомъ принятымъ въ Политехнической школѣ по указанію Понселе, и такъ удачно введеннымъ Делоне въ нашъ математическій факультетъ. Но здѣсь въ особенности не должно употреблять во зло методовъ чисто-геометрическихъ, и замѣнять ими всѣ аналитическіе методы, даже тѣ, которые въ сущности гораздо проще, скорѣе ведутъ къ цѣли и которымъ въ особенности принадлежитъ заслуга самыхъ открытій.

Въ алгебрѣ... но тутъ я останавливаюсь; преобразованія, нужныя въ преподаваніи прочихъ наукъ, могли бѣ быть приняты за неучтивую критику направленную противъ нынѣшнихъ преподавателей. Сами они легко угадаютъ въ чемъ должны состоять эти преобразованія.

Въ заключеніе скажу, что при методѣ преподаванія, здѣсь набросанномъ мною, учащіеся употребятъ вдвое менѣе времени, выучатся гораздо основательнѣе и приобрѣтутъ вдвое болѣе свѣдѣній, нежели при общеупотребительномъ способѣ университетскаго преподаванія. Ничто не покажется имъ труднымъ или сухимъ; они научатся любить науку и ея приложенія. Въмѣсто десятка геометровъ-изобрѣтателей, Франція скоро будетъ считать ихъ сотнями. И не пройдетъ еще десяти лѣтъ, какъ уже будетъ открыто истинно-всеобщее начало.

Если бы пересказать здѣсь всѣ опыты какіе я предпринималъ, всѣ подтвержденія какія я видѣлъ, относительно дѣйствительности этого способа обученія при моемъ преподаваніи всѣхъ названныхъ наукъ въ различныхъ заведеніяхъ, французскихъ и иностранныхъ, вы убѣдились бы, что сказанное мною не заключаетъ въ себѣ ничего пресувеличеннаго; напротивъ, можетъ-быть, нашли бы даже мой отзывъ слышкомъ скромнымъ.

Возратимся теперь къ первому способу. Нынешнихъ геометровъ можно раздѣлить на двѣ группы: на старыхъ и молодыхъ. Всѣ первые ревностнымъ участіемъ содѣйствовали обозначенному мною вѣковому дѣлу; другіе же, обнаруживъ свои способности въ начинающихъ несомнѣннаго достоинства, быть-можетъ еще колеблются по какой дорогѣ имъ идти. Первая группа состоитъ изъ моихъ товарищей, учителей моихъ во многихъ отношеніяхъ; могу только просить ихъ присоединиться ко мнѣ, чтобы подать второй группѣ, преемникамъ нашимъ, совѣтъ и указаніе относительно желаемой цѣли. Мы скажемъ имъ:

„Будьте убѣждены, какъ убѣждены теперь и мы, что труды ваши неизбѣжно будутъ направлены, какъ направлялись и наши, къ открытію общаго начала физической природы. Но обладая этимъ убѣжденіемъ, котораго намъ не доставало, вы будете идти несравненно быстрѣе нашего; вы легко избѣгнете лишнихъ остановокъ, сложностей и общеній. И прежде всего старайтесь неууставательно слѣдить за всѣми тѣми законами требующими объясненія, постановлены физиками, химиками, кристаллографами, геологами. Ознакомьтесь также съ уклоненіями и аномаліями этихъ законовъ; намъ часто не доставало такихъ свѣдѣній. Затѣмъ, приучитесь употреблять всѣ орудія положительныхъ наукъ, не исключая ни одного, но безъ всякихъ преувеличеній: останавливайтесь за каждымъ изъ нихъ немного далѣе той точки, которая обозначена послѣднимъ его приложеніемъ. Соберите, сохраните всѣ аналитическіе, геометрическіе, кинематическіе методы, употребленные съ пользою вашими предшественниками. И при составленіи этого-то запаса въ особенности должно опасаться всякихъ проволочекъ и промедленій. Какой-нибудь любимый методъ займетъ васъ, овладѣетъ вами; начнете распространять его разными обобщеніями какихъ вовсе не требуется и позабываете все остальное. Разнообразіе такихъ предпочтеній можетъ даже разбить вашу группу на нѣсколько отдѣльныхъ лагерей, пожалуй, даже враждебныхъ. Промедленія и задержки увеличатся. А что будетъ наконецъ, если каждый лагерь вздумаетъ придавать другимъ геометрамъ какой-нибудь обидный эпитетъ? напримеръ, если лагерь чистаго анализа назоветъ *радикалами крикливо* тѣхъ, которые изучаютъ поверхности

и кривыя? или лагерь чистой геометрии, полагая унизить, уничтожить своихъ противниковъ. съ презрѣніемъ скажетъ о нихъ что они не болѣе какъ *аналитики*? Что случится тогда? Мы вамъ скажемъ. Какой-нибудь бродячій пионеръ, убѣжденный въ томъ, что имѣющееся въ виду открытіе, какъ и всѣ извѣстныя великія приложенія, можетъ выйдти только изъ дружескаго сочетанія анализа и геометрии, этотъ пионеръ извлечетъ изъ вашихъ разрозненныхъ трудовъ все что ему нужно и, въ одинъ прекрасный день, на рубежѣ двухъ враждебныхъ лагерей, и подъ носомъ у нихъ, развяжетъ гордіевъ узелъ. Будетъ ли этотъ ловкій побѣдитель, этотъ второй Ньютонъ, одинъ изъ вашихъ, благоразумно оставшійся вѣкъ вашихъ укрѣпленій, или же одинъ изъ учениковъ новаго метода преподаванія, или кто-нибудь другой, Италіецъ или Французъ, Англичанинъ или Нѣмецъ, Полякъ или Русскій, все равно, только *открытіе будетъ сделано*. Тогда наука, владѣя началомъ физической природы, быстрыми шагами устремится къ началу органическаго міра, а всѣ ученые, не исключая и васъ, принуждены будутъ соединиться подъ новымъ знаменемъ. (Пусть же *федералы* и *конфедераты* всѣхъ *штатовъ*, когда-то соединенныхъ, примутъ это къ свѣдѣнію.)

„Если не нравится вамъ такой роковой исходъ всѣхъ раздробленій, повоздержитесь отъ вашихъ влеченій до той поры пока не будетъ одержана побѣда, и приготовьтесь теперь къ изысканіямъ. Перейдите, для начала, въ наши новѣйшія мастерскія. Умножьте тамъ приложенія теорій упругости и теплоты; поле передъ вами обширное. Добросовѣстный обзоръ и многочисленныя опыты убѣдили насъ, что всѣ вопросы относительно прочности построеній, относительно сопротивленія матеріаловъ, эмпирически изслѣдованныя инженерами, могутъ быть съ точностію разрѣшены теперь, при помощи чисто-раціональной части теоріи упругости.

„Что касается до указаній болѣе точныхъ, которыя дали бы вамъ коснуться самой цѣли, то мы удерживаемся отъ нихъ, потому что высказать искомое начало, прежде чѣмъ оно вполнѣ и со всею точностію доказано, было бы несправимою ошибкѣю, которой мы желаемъ избѣгать всячески; просимъ и васъ избѣгать ее. Это начало, еще подлежащее сомнѣнію, было бы названо *системою*, и въ этомъ качествѣ, подверглось бы нападеніямъ. встрѣтило

бы тысячу возраженій и было бы праровнено ко всѣмъ теоріямъ прежнихъ философовъ. Такія нападки, критика, сравненія могли бы сильно обезкуражить изыскателей; а отсюда произошло бы промедленіе гораздо болѣе продолжительное чѣмъ какое можетъ произойти отъ раздѣленія вашего на разрозненные лагеря.

„Затѣмъ желаемъ вамъ удачи и успѣха.“

Таково полное рѣшеніе предложеннаго вопроса. Но приложимо ли оно? Посмотримъ. Дѣйствительность перваго способа очень сомнительна. Не думаю, чтобы въ настоящее время всѣ геометры согласились—старшіе подписать свое имя подъ предыдущею аллокуціей, младшіе—послѣдовать данному совѣту. Но что касается до новаго способа преподаванія я твердо убѣжденъ, что онъ осуществится и будетъ имѣть успѣхъ, и я сейчасъ объясню, почему.

Съ самаго начала моей дѣятельности, крайне удивляло меня, что физиологи, распространяясь съ большою подробностію о животныхъ наклонностяхъ человѣка, весьма умѣренно и кратко говорятъ о его умѣ. Я хотѣлъ убѣдиться самъ, дѣйствительно ли это зависитъ отъ недостатка данныхъ. Вотъ первое начало того громаднаго собранія наблюденій, которыя въ продолженіе сорока лѣтъ моего профессорства и экзаинаторства производилъ я надъ десятью тысячомъ тысячами учениковъ, изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Европу. Сопоставка этихъ наблюденій весьма ясно показала мнѣ, что есть общій законъ управляющій послѣдовательными появленіями различныхъ умственныхъ способностей. Законъ этотъ, который подтверждается всѣми извѣстными біографіями, привелъ меня къ *раціональной теоріи преподаванія*, которую не обнарудовалъ я потому только, что г. Флуранъ, краснорѣчивый и ученый непремѣнный секретарь нашъ, счелъ бы долгомъ своимъ схранить подобный трудъ рядомъ съ трудами Галля и Спурцгейма, а я желалъ избавить его отъ этой заботы. Для меня изъ этой раціональной теоріи совершенно ясно, что ходъ преподаванія, до сихъ поръ лишенный твердыхъ основаній, имѣеть свойственное ему частное начало, какъ и всякая другая наука. Это начало, которое я успѣлъ уловить, непремѣнно будетъ узнано и провозглашено другими. Такимъ образомъ второе средство наше,

которое есть не что иное какъ частное приложение этого самаго начала, установится само собою и образуетъ многочисленныя группы геометровъ, въ которыхъ изобрѣтательная способность будетъ развита достаточно. Геометры эти будутъ владѣть всѣми математическими орудіями безъ исключенія и сумѣютъ приложить всѣ методы, которыхъ происхожденіе, относительное достоинство, и взаимная необходимая зависимость будутъ извѣстны имъ; всѣ они будутъ стоять подъ однимъ общимъ знаменемъ, и если случится, что большая работа потребуетъ временнаго раздѣленія ихъ по частнымъ мастерскимъ,—мастерскія эти, выйдя изъ той же школы, будучи сестрами по наукѣ и открытіямъ, не станутъ оскорблять одна другую никакими эпитетами. Тогда наступитъ золотой вѣкъ математическихъ наукъ, и его дружнымъ и быстрымъ трудомъ будетъ открытъ общій законъ, который управляетъ частичнымъ, а следовательно и звѣзднымъ міромъ. Открытіе это, по всей вѣроятности, совершится при новомъ изученіи естественныхъ кристалловъ, съ помощію аналитическихъ теорій теплоты и упругости.

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія. Тернера.
Санктпетербургъ. 1861.

Книга Тернера представляетъ сводъ различныхъ мѣръ и учрежденій, принятыхъ въ главныхъ государствахъ Европы для улучшенія и обезпеченія участи рабочихъ классовъ. Вопросъ о рабочихъ классахъ, въ настоящее время, стоитъ на первомъ планѣ, и по справедливости считается главной общественною задачею современной эпохи. Дѣйствительно, ни одна эпоха въ исторіи не была ознаменована такою глубокою симпатіей къ рабочимъ классамъ, такою заботливостью объ улучшеніи общественнаго и нравственнаго положенія ихъ. Повсемѣстно принимаются правительственныя мѣры, дѣлаются тщательныя изысканія, основываются разнообразныя общества, расширяется частная благотворительность. Въ этой заботливости, въ этихъ стараніяхъ, въ этомъ пробудившемся сочувствіи къ положенію бѣдныхъ людей, нельзя не признать великой заслуги нашего времени.

Въ то время какъ у насъ всеобщее вниманіе обращено на положеніе земледѣльческихъ классовъ, въ западной Европѣ главныя заботы сосредоточены на той части населенія, которая предана промышленной дѣятельности, ма-

вуфактурному и фабричному производству. Такое различие въ направленіи общественной и частной дѣятельности является естественнымъ послѣдствіемъ разнообразія экономическихъ условій. Западная Европа давно уже пережила ту фазу, на которой стоимъ мы нынѣ; она давно уже освободилась отъ наслѣдственныхъ узъ крѣпостнаго права, и вышла на широкій путь промышленной свободы. Въ исторіи развитія ея хозяйства особенно памятенъ тотъ громадный переворотъ, который совершился вслѣдствіе замѣны ремесленного, домашняго производства мануфактурнымъ и фабричнымъ.

Промышленный міръ въ западной Европѣ, въ послѣднюю эпоху исторіи, подвергся не менѣе поразительнымъ превращеніямъ какъ и міръ политическій. Еще въ началѣ XVIII столѣтія, онъ имѣлъ совершенно иной видъ. Европейскія государства составляли отдѣльныя замкнутыя общества, огражденные со всѣхъ сторонъ цѣпью таможенъ и заставъ; земледѣліе было преобладающимъ занятіемъ; въ городахъ и селахъ господствовала еще средневѣковая форма промышленности, — ремесла и домашнее производство, корпораціи и цехи; мануфактуры и фабрики почти совсѣмъ не существовали; рабочіе промышленные классы были немногочисленны и, обезпеченные монополіями и привилегіями, огражденные отъ внѣшняго и внутренняго соперничества, вели скромную и темную жизнь, не испытывая потрясеній, не подвергаясь промышленнымъ кризисамъ.

Но такой характеръ промышленности необходимо долженъ былъ измѣниться, вмѣстѣ съ тѣмъ быстрымъ развитіемъ образованности, съ тѣми успѣхами наукъ, открытій и изобрѣтеній, которыя характеризуютъ европейскую жизнь послѣднихъ столѣтій. Уже въ восемнадцатомъ столѣтіи мы замѣчаемъ всѣ признаки разложенія старой системы. Видно, что средневѣковая форма промышленности доживаетъ свои послѣдніе дни. На это указываетъ переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ поземельныхъ отношеніяхъ, освобожденіе сельскаго населенія отъ крѣпостныхъ узъ, внутреннее распаденіе цеховаго устройства, умноженіе и развитіе потребностей, расширеніе промышленности и торговли, появленіе движимыхъ капиталовъ и богатаго средняго сословія. Наконецъ цѣлый рядъ великихъ промышлен-

ныхъ открытій и изобрѣтеній Уатта, Гаргрива, Гайса, Аркрайта, Кромптона, Вэля, Фультона и другихъ, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ съ половины восемнадцатаго столѣтїя, наноситъ послѣднїй ударъ прежнему порядку, поражаетъ на смерть систему цеховъ и корпорацій и пролагаетъ путь новой организаціи промышленности, основанной на болѣе широкихъ и свободныхъ началахъ. Какъ результатъ этихъ открытій являются машины и фабрики, машинное производство начинаетъ тѣснить ручное, и одерживаетъ надъ нимъ побѣду за побѣдой, сначала въ обработкѣ хлопчатой бумаги, потомъ въ обработкѣ шерсти, льна и шелка; далѣе слѣдуютъ усовершенствованїя горшечнаго и стекляннаго производства; въ то же время съ примѣненїемъ пара къ устройству машинъ, возрастаетъ значеніе желѣза и каменнаго угля, и фабричная система окончательно торжествуетъ и устанавливается.

Понятно, что такой переходъ долженъ былъ оказать глубокое дѣйствіе на всю совокупность общественной жизни и произвести совершенный переворотъ въ народно-хозяйственныхъ отношенїяхъ. Самые яростные противники фабрикъ и машинъ не оспариваютъ великихъ результатовъ доставленныхъ ими въ области производства; фабрики, отличаясь чрезвычайною дешевизной и высокимъ качествомъ издѣлій, необыкновенною производительностью, вслѣдствіе приложенїя въ обширныхъ размѣрахъ начала раздѣленїя труда и замѣны человѣческихъ силъ силами природы, являются истиннымъ торжествомъ духа человѣческаго надъ природою, необходимымъ элементомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ человечества. Но содѣйствуя небывалому еще матеріальному развитію благосостоянїя, они вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались главнымъ двигателемъ успѣховъ новѣйшей образованности. Привлекая въ города многочисленное населеніе, фабрики сблизили людей взаимными хозяйственными и общественными интересами, облегчили обмѣнъ идей, вывели рабочїе классы изъ того полуживотнаго состоянїя закоснѣлости и невѣжества, въ которомъ они прозябали въ теченіе вѣковъ, пробудили въ нихъ довѣріе къ себѣ, сознаніе собственного достоинства, стремленіе къ совершенствованію, породили въ нихъ духовныя и нравственныя свойства столь необходимыя для дальнѣйшаго улучшенїя ихъ быта. Съ другой стороны, со-

дѣйствию расширенію торговли, фабрики связали различные народы болѣе тѣсными узами и оказали громадное нравственное вліяніе на распространеніе знаній по всему міру.

Но, созная великое значеніе этого промышленнаго переворота въ настоящемъ и предвидя еще болѣе великую будущность его, мы далеки отъ того, чтобы вмѣстѣ съ восторженными и фанатическими поклонниками представлять себѣ эту систему какъ Аркадію цивилизаціи. Мы далеки отъ того слѣпнаго увлеченія совершившимися успѣхами, которое забываетъ о темныхъ сторонахъ дѣла, побуждающихъ идти далѣе впередъ. Увлеченіе было прощительно въ первую эпоху; въ настоящее же время, когда неотразимые статистическіе факты доказали сильную смертность, увеличеніе преступленій и бѣдности въ промышленныхъ округахъ, продолжать иллюзіи не позволительно. Не признавать этихъ явленій, значитъ отворачивать глаза отъ дѣйствительности, оспаривать существованіе фактовъ, и нынѣ, говоря объ экономическихъ выгодахъ фабричной системы, немногіе рѣшатся отвергать темныя стороны ея въ другихъ отношеніяхъ.

Дѣйствительно, переходъ отъ прежней системы къ этой новой формѣ, прозванной индустриализмомъ, совершился не безъ страданій и жертвъ, не безъ глубокихъ потрясеній. Рядомъ съ невиданнымъ доселѣ развитіемъ промышленности, новый прогрессъ породилъ страшное преобладаніе капитала. Съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ и приложеніемъ его къ промышленности, издержки производства уменьшались, усиливался запросъ и потребленіе, расширялись рынки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ рабочихъ. Сельское населеніе начало приивать въ города, производство принимало все большіе и большіе размѣры, капиталы и народонаселеніе постоянно сосредоточивались, промышленныя предпріятія перешли въ достояніе немногихъ монополистовъ, сдѣлавшихся полными властелинами въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности. Это было естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ громадныхъ удобствъ, которыя представляетъ большое фабричное производство, относительно заготовленія матеріаловъ, сбыта произведеній, пользованія естественными силами природы, возможности обширнаго приложенія раздѣленія труда, значительной экономіи издержекъ, и другихъ экономическихъ выгодъ. При дороговизнѣ машинъ и ихъ громадной производи-

тельности, при невозможности располагать значительными капиталами и обширнымъ кредитомъ, мелкія промышленныя предпріятія становились все болѣе и болѣе невозможными; ремесленники уступали мѣсто машинамъ; мелкіе капиталы сливались въ громадныя богатства,—и такимъ образомъ значительная масса самостоятельныхъ производителей обратилась въ фабричныхъ работниковъ и стала въ полную зависимость отъ крупныхъ капиталовъ. Фабрики распространились повсюду; переполнивъ города, они начали создавать свои собственные центры, становили къ себѣ громадную массу разнороднаго населенія, и подъ именемъ *рабочихъ классовъ* создали особый слой населенія, существованіе котораго тѣсно связано съ существованіемъ и процвѣтаніемъ фабрикъ.

Такое скопленіе рабочаго люда въ городахъ и промышленныхъ центрахъ необходимо должно было оказать губокія послѣдствія на его положеніе, тѣмъ болѣе что при такомъ быстромъ переселеніи общественная предусмотрительность не имѣла времени регулировать этого хода дѣлъ, не успѣла принять никакихъ мѣръ предосторожности. Зло, происшедшее отсюда, было усилено посторонними обстоятельствами: почти непрерывными двадцатилѣтними французскими войнами, континентальною системою и запретительными тарифами двадцатыхъ годовъ, и нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что страданія рабочихъ классовъ, порожденныя промышленнымъ переворотомъ, были бы несравненно слабѣе, еслибы не было этихъ постороннихъ обстоятельствъ. Какъ бы то ни было, первое возникновеніе фабричной системы сопровождалось множествомъ потрясеній, потерь и развитіемъ пролетаріата. Всѣмъ извѣстны печальныя картины бѣдности въ промышленныхъ центрахъ. Быстро прихлынувшее населеніе скопилось въ самыхъ грязныхъ частяхъ городовъ, гдѣ оно не имѣетъ ни простора, ни убѣжища. Утомительныя занятія, скудная пища, тѣсныя и сырыя помѣщенія, особенно въ подвалахъ и мастерскихъ, испорченный воздухъ, работа по ночамъ, раннее и неумѣренное привужденіе дѣтей къ работѣ, имѣли самое губительное вліяніе на здоровье и нравственное положеніе рабочихъ классовъ. Слѣдствіемъ этого была цѣлая бездна золъ: преждевременныя болѣзни, усиленіе смертности, сокращеніе средней

жизни, расположение къ пьянству, ослабленіе семейныхъ связей, нравственное огрубѣніе.

Главныя причины бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ зависѣли отчасти отъ нихъ самихъ, отчасти отъ условій вѣвъ ихъ лежащихъ. Съ одной стороны бѣдность и страданія рабочихъ происходили отъ неразвитости, недостатка бережливости и порядка въ хозяйствѣ, необдуманныхъ браковъ, легкомысленной растраты высокихъ заработковъ въ благопріятныя эпохи; съ другой, онѣ обуславливались дороговизною жизни въ многолюдныхъ центрахъ, невозможностью самостоятельной дѣятельности, тягостною зависимою отъ фабрикъ, ограниченностью средствъ, отсутствіемъ возможности пользоваться производительнымъ кредитомъ, значительными колебаніями заработной платы. Подстрекаемые конкуренціей, зависѣвшею отъ непостоянныхъ требованій заграничной торговли, фабрикантамъ верѣдко оставалось одно изъ двухъ: или производить какъ можно дешевае, или пасть въ борьбѣ. Какъ то, такъ и другое губельно отзывалось на работникѣ. Закрытіе фабрики лишало его средствъ къ жизни, дешевизна пріобрѣталась насчетъ заработной платы. Въ эпоху ремесленной системы, ремесленникъ работалъ у себя дома, среди семьи; простые работники дѣлали съ хозяевами мастерскую и столъ, и имѣли надежду сдѣлаться со временемъ самостоятельными хозяевами. Съ устройствомъ же фабричной системы, семейная жизнь была потрясена, между хозяевами и работниками прервалась всякая нравственная связь, между ними образовалась бездна; работникамъ пресѣклась возможность остановиться хозяевами. При прежней раздробленности промысловъ, въ худое время работа у ремесленника убывала мало-по-малу; работникъ, лишившись мѣста, удобнѣе могъ найти себѣ новое занятіе, тогда какъ при новѣйшей сосредоточенности работъ, фабричный работникъ, вслѣдствіе прекращенія дѣйствія фабрики, можетъ внезапно остаться безъ работы и съ большимъ трудомъ отыскиваетъ себѣ другое мѣсто. Сверхъ того, всякая остановка въ сбытѣ, прекращеніе завпроса, всякое неудачное промышленное предпріятіе со стороны фабриканта, всякіе промышленные кризисы, неизбежныя при широкомъ и быстромъ развитіи человѣческой дѣятельности, все это тяжело отзывается на непріготовленномъ и

безоружномъ рабочемъ населеніи, все это влечетъ за собой закрытіе фабрики или по крайней мѣрѣ пониженіе рабочей платы. Если присоединить ко всему этому отсутствіе обезпеченія для работниковъ, лишающихся возможности трудиться отъ старости или болѣзни, то легко представить себѣ всю бѣдственность ихъ существованія.

Понятно, почему такое положеніе дѣла обратило на себя всеобщее вниманіе, вызвало правительственную дѣятельность, пробудило частную благотворительность, породило реакцію въ наукѣ, такъ что многіе, вслѣдъ за Сисмонди, объявили введеніе машинъ и фабрикъ болѣе вреднымъ нежели полезнымъ для народнаго благосостоянія. Многіе обратили свои тоскливые взоры къ прошедшему, и въ прежнихъ цехахъ и корпораціяхъ, въ восстановленіи старой регламентарной системы мечтали найти разрѣшеніе тягостной задачи; другіе пытались преобразовать все общество и придумывали самые фантастическіе планы, которые въ сущности были тоже возвращеніемъ къ отжившимъ началамъ, лишь подъ новыми, льстивыми формами. Но эти мечты, планы, попытки и возгласы остались безсиальными передъ неудержимымъ потокомъ естественнаго развитія, который можно остановить на время, но не надолго. Разрѣшеніе вопроса, облегченіе бѣдствія заключалось не въ возвращеніи къ старому, не въ безумной перестройкѣ общества. „Если фабричная и мануфактурная промышленность, говоритъ г. Тернеръ, составляетъ естественную ступень въ движеніи быта народовъ къ матеріальному и нравственному усовершенствованію, то какъ естественное явленіе въ жизни народа, она должна обладать непремѣнно какими-либо средствами для излѣченія тѣхъ бѣдствій пауперизма, которыя она, мѣстами, повлекла за собою при своемъ развитіи въ странѣ, и для облегченія положенія работника лишеннаго всякой корпоративной опоры, и часто оторваннаго отъ своего домашняго очага.“ Такое средство, по мнѣнію г. Тернера, главнымъ образомъ заключается не въ частной или общественной благотворительности, не въ правительственныхъ регламентарныхъ мѣрахъ, но въ *ассоціаціяхъ* и *сбереженіяхъ*. Эти двѣ великія силы, возникая изъ среды рабочихъ классовъ, требуя отъ каждаго работника личной самостоятельности и заботы о своемъ положеніи, поддерживая въ немъ энергію и предусмотрительность, даютъ ра-

бочимъ классамъ возможность не только случайно выйдти изъ какого-либо затруднительнаго положенія, но доставляють имъ средства дѣйствительно улучшить и обезпечить свой бытъ. Ассоціація представляется автору тѣмъ элементомъ, тѣмъ необходимымъ дополненіемъ мануфактурной и фабричной промышленности, тѣмъ полнымъ жизни и будущности началомъ, которое должно исцѣлить страданія, нанесенныя народу переходомъ отъ мелкой промышленности къ большому производству.

„Корпорации, говоритъ онъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, имѣли однако ту выгоду, что онѣ создали все же нѣкоторое сообщничество между работниками, нѣкоторый общинный духъ, въ которомъ работники могли находить опору или центръ тяжести.

„Когда же фабричная промышленность захватила мелкое ремесло и уничтожила всѣ корпоративныя учрежденія, то она лишила въ то же время работника всякой опоры, разрознивъ его совершенно съ прежнимъ бытомъ; изъ этого уже проистекала прямая необходимость найдти какое-либо другое учрежденіе, которое могло бы служить звеномъ соединенія между отдельными, разрозненными фабричными работниками, вызвать въ нихъ нѣкоторые общіе интересы, нѣкоторую общую связь, создать въ средѣ ихъ взаимную опору и поддержку, однимъ словомъ, возстановить всѣ хорошія стороны прежнихъ корпоративныхъ учрежденій.

„Ассоціаціи представляютъ такого рода учрежденія, которыми вполне могутъ быть достигнуты желаемые результаты. Рабочая ассоціація, эта новая усовершенствованная корпорация, съ тою только разницею, что корпорации, дѣли представляли опоры и нѣкоторое обезпеченіе части рабочаго населенія, но въ ущербъ благосостоянія массы, въ ущербъ ихъ самостоятельности, въ ущербъ вообще производительности въ странѣ, они стремились къ обезпеченію извѣстной части рабочаго класса привилегіями, монополіями, стѣсненіемъ свободнаго труда и изобрѣтательности, между тѣмъ какъ путемъ ассоціаціи, въ соединеніи съ береженіемъ и кредитомъ, можетъ быть достигнуто обезпеченіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ общей массы рабочихъ; но это обезпеченіе не только не основывается на стѣсненіяхъ и монополіи, напротивъ того, оно только и можетъ быть достигнуто при помощи самостоятельности, собственной инициативы работника. Такимъ образомъ ассоціаціонное начало служитъ поощреніемъ къ энергіи, къ законной и справедливой дѣятельности, и въ то же время порождаетъ умѣренность, предостереженіе и бережливость, а потому и капитализацію, въ то время какъ (прежде) корпоративное начало съ своимъ монополюльно-стѣснительнымъ характеромъ должно убивать всякую самостоятельность и поощрять скорѣе массу къ лѣни и безпечности, чѣмъ къ уславленному труду.“

Итакъ въ рабочихъ ассоціаціяхъ естественное противо-дѣйствіе невыгоднымъ послѣдствіямъ, проистекающимъ отъ большаго фабричнаго производства и скопленія капиталовъ.

Онѣ удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ и нуждамъ; въ нихъ нельзя не видѣть проблеска новаго, болѣе совершеннаго экономического быта, и въ этомъ смыслѣ ихъ справедливо называютъ корпораціями будущаго. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онѣ были явленіемъ совершенно новымъ по своей сущности. Промышленныя ассоціаціи давно уже существуютъ среди богатыхъ капиталистовъ, онѣ давно уже были одною изъ главныхъ силъ, движущихъ промышленнымъ міромъ, и распространеніе ихъ въ средѣ рабочаго класса есть только новое, благотворное приложеніе этой силы, является только дальнѣйшимъ развитіемъ того же начала. Отъ рабочихъ товариществъ наше время ожидаетъ тѣхъ великихъ результатовъ, къ которымъ оно бесплодно стремилось другими путями; передъ ними лежитъ широкая будущность, имъ предстоитъ счастливая доля—улучшить матеріальный и нравственный бытъ рабочихъ классовъ, доставить ему возможность пользоваться выгодами капитала и такимъ образомъ превратить безпомощнаго работника въ самостоятельный органъ промышленности.

Подобная возможность улучшенія быта рабочихъ классовъ посредствомъ товариществъ и сбереженій, соединенныхъ съ кредитомъ, слѣдовательно помощію его собственныхъ средствъ и силъ, есть великое явленіе, которое только что начинается и котораго послѣдствія будутъ неисчислимы. Требуя нѣкоторыхъ предварительныхъ жертвъ, эти новыя силы возбуждаютъ работника къ самодѣятельности и трудолюбію, развиваютъ въ немъ предусмотрительность и бережливость, возвышаютъ его значеніе въ собственныхъ массахъ, показывая ему, что онъ обязанъ улучшеніемъ и обезпеченіемъ своей участи не посторонней помощію, не подаенію, а себѣ самому. Подобное чувство въ соединеніи съ увѣренностью въ будущемъ, возвышаетъ нравственный уровень рабочихъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе страны.

Что же касается до высшихъ классовъ, то участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ, какъ справедливо говоритъ г. Тернеръ, всего лучше можетъ проявляться въ томъ, чтобъ они давали первый толчокъ подобнымъ предпріятіямъ, и своими совѣтами, своею дѣятельностію, наконецъ своими матеріальными средствами, вызывали къ жизни эти устройства тамъ, гдѣ работники не рѣшаются или не умѣютъ приняться за

дѣло, или гдѣ средства ихъ недостаточны для необходимыхъ издержекъ и могутъ быть накоплены только путемъ медленнаго и долговременнаго сбереженія. Такой способъ содѣйствія улучшенію быта рабочихъ вѣрнѣ скрѣпитъ благотворную связь между высшими и низшими классами, и принесетъ нравственную и матеріальную прибыль для всей страны.

Итакъ самыя дѣйствительныя и разумныя мѣры для обезпеченія благосостоянія рабочихъ классовъ заключаются въ двухъ основныхъ элементахъ: ассоціаціи и сбереженіи. Благодаря ассоціаціи сокупаются мелкія разрозненныя въ средѣ рабочихъ классовъ средства для производительнаго употребленія; благодаря кассамъ сбереженій, соединеннымъ съ системою кредита и погашенія, работники превращаются въ капиталистовъ и пользуются средствами, которыя безъ того были бы недоступны для нихъ.

„Дѣйствіе учрежденій послѣдняго рода, говоритъ Тернеръ, такъ благотворно, притомъ въ послѣднее время явилось столько различныхъ учрежденій этой категоріи, что едва бы соединить всѣ эти учрежденія въ извѣстной мѣстности, благоразумный и трудолюбивый работникъ находилъ бы въ нихъ опору и пособіе во всѣхъ фазисахъ его жизни.

„При самомъ рожденіи работника, его мать, отвлеченная временемъ отъ работы, и поставленная въ необходимость нѣкоторыхъ расходовъ на медицинское пособіе, получаетъ вспомошествованіе изъ общественной кассы взаимнаго вспомошествованія, если она сама или ея мужъ участвуютъ въ составленіи этой кассы.

„Затѣмъ, когда работникъ подрастаетъ, онъ находитъ въ общественныхъ школахъ, дешовое, но дѣльное воспитаніе и образованіе.

„Наступаетъ время жениться, и его нежѣна получаетъ сумму на приданое изъ общественной кассы, если съ ея малолѣтства ея родители не отказывались отъ ежегодныхъ небольшихъ взносовъ, необходимыхъ для поддержанія означенной кассы, на началахъ взаимнаго страхованія.

„Женившись, работникъ долженъ заводить своимъ хозяйствомъ. Въ извѣстномъ рабочемъ городкѣ, *cité ouvrière*, онъ находитъ дешовую и чистую квартиру, которую при небольшихъ, ежегодныхъ дополнительныхъ взносахъ, онъ можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ приобрести въ собственность.

„Вещи, необходимыя для устройства его жилища: мебель, бѣлье, утварь и т. д., онъ покупаетъ не у мелочнаго продавца, а въ общинной лавочкѣ по дешовой цѣнѣ и хорошаго качества.

„Затѣмъ, для ежедневнаго хозяйства хлѣбъ, и другіе предметы онъ покупаетъ опять изъ общественной булочной.

„Въ случаѣ болѣзни онъ находитъ помощь въ обществѣ взаимнаго страхованія.

Захочетъ ли онъ завести свое собственное ремесло, изъ работника перейти въ мастера, то при дѣйствительныхъ способностяхъ къ дѣлу и

знаніи ремесла, получаетъ дешевый личный кредитъ въ мѣстномъ ремесленномъ банкѣ; если дѣла его пойдутъ хорошо, и онъ захочетъ завести болѣе обширное производство, то въ ассоціаціи съ другими работниками онъ находитъ возможность учредить даже дорогое фабричное производство. Наконецъ, когда наступаютъ старость и смерть, то онъ или самъ накопилъ уже себѣ средства для обезпеченія своего семейства, или, если ему большая прибыль и не давалась, но если онъ участвовалъ въ составленіи общественной кассы, онъ и его семейство опять изъ нея же получаютъ пособие.“

Послѣ общаго вступительнаго очерка, авторъ переходитъ къ изслѣдованію, каковы собственно нужды рабочихъ классовъ и каковы различныя мѣры удовлетворяющія этимъ нуждамъ въ различныхъ странахъ Европы. При этомъ онъ соединяетъ разнообразныя учрежденія въ нѣсколько общихъ группъ по вѣншему однообразію ихъ устройства. Сначала говоритъ онъ о жилищахъ рабочихъ классовъ, потомъ о сберегательныхъ кассахъ и обществахъ взаимнаго вспоможенія; далѣе, переходитъ къ производительнымъ и потребительнымъ рабочимъ ассоціаціямъ; разсматриваетъ кредитъ по его отношенію къ рабочимъ классамъ, наконецъ говоритъ о воспитаніи и рабочихъ домахъ.

Авторъ показываетъ какую важную роль играютъ жилища относительно нравственности, здоровья, благосостоянія и умственнаго развитія рабочихъ классовъ. Мы уже выше замѣтили, что чрезмѣрное скопленіе громадныхъ массъ рабочаго населенія въ тѣсныхъ и мрачныхъ закоулкахъ главныхъ городовъ и промышленныхъ центровъ, имѣло самыя неблагоприятныя послѣдствія. Стѣсненіе значительнаго числа рабочихъ обоого пола въ небольшихъ грязныхъ жилищахъ, лишенныхъ свѣжаго воздуха, подверженныхъ вреднымъ испареніямъ, влекло за собою нравственную порчу и огрубѣніе, усиленіе болѣзней и смертности. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тщательно собираются статистическія свѣдѣнія, обнаружено, на сколько смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ больше той, которая оказывается въ жильяхъ удовлетворяющихъ необходимымъ гигиеническимъ требованіямъ. Въ Брюсселѣ, въ квартирахъ занятыхъ бѣднымъ населеніемъ, умираетъ 1 изъ 29, въ другихъ же 1 изъ 53. Подобныя же наблюденія сдѣланы въ Парижѣ, Лондонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Не должно думать, чтобы вопросъ о жилищахъ рабочаго

люда не имѣлъ значенія и для насъ Русскихъ, несмотря на относительную немногочисленность нашего городского населенія. О состояніи помѣщеній рабочаго люда въ разное время собраны были у насъ весьма любопытныя свѣдѣнія. Особенно важны изысканія, произведенныя двумя комиссіями въ 1840 и 1847 годахъ, которыя во всей подробности обнаружили въ какихъ неопрятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ живутъ петербургскіе рабочіе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, рабочее населеніе Петербурга составляло до 250.000 чаловѣкъ, изъ которыхъ постоянно проживавшихъ въ городѣ было до 150.000. Хотя значительное число ихъ находилось въ домашнемъ услуженіи, при торговыхъ заведеніяхъ, на работѣ у цеховыхъ мастеровъ, тѣмъ не менѣе, число лицъ этого класса нуждающихся въ помѣщеніи достигало все-таки огромной цифры 43.000. Эти несчастные помѣщались въ сырыхъ, мрачныхъ подвалахъ, да въ небольшомъ числѣ домовъ, исключительно назначенныхъ для впуска чернаго народа, и то по большей части на вочлеги. Описание мрачныхъ подробностей этихъ помѣщеній читатель можетъ найти какъ въ самой книгѣ Тернера, такъ и въ статьѣ г. Веселовскаго, напечатанной въ 1848 году въ изданіи Русскаго географическаго общества подъ заглавіемъ: *О недвижимыхъ имуществѣхъ въ Петербургѣ*. Не останавливаясь на подробностяхъ, мы замѣтимъ только, что вопросъ этотъ приобретаетъ особенное значеніе въ наступающую минуту, такъ какъ съ отгнѣною крѣпостнаго права необходимо ожидать значительнаго и постояннаго приращенія городского населенія. Такое ожиданіе тѣмъ естественнѣе, что и до сихъ поръ, несмотря на существованіе стѣснительныхъ условій, городское населеніе возрастало чрезвычайно быстро. Въ 1825 году городскихъ обывателей было три милліона съ половиною, между тѣмъ какъ въ 1856 году оно простиралось уже до пяти милліоновъ съ четвертью.

Приступая къ разбору разныхъ мѣръ, принятыхъ въ разныхъ государствахъ Европы для улучшенія жилищъ рабочаго люда, г. Тернеръ сначала теоретически рѣшаетъ вопросъ, кто долженъ принять на себя эти заботы, правительство или частная дѣятельность, и высказывается въ пользу послѣдней.

Важное значеніе (*эліміне*) хорошаго жилища на нравственность, на здоровье, а потому и на работу работника, не ускользнуло отъ вниманія фабрикантовъ, и многія значительныя фабричныя заведенія въ Россіи, въ другихъ европейскихъ странахъ и даже въ Америкѣ, устроили у фабрикъ помѣщенія для своихъ работниковъ. Но до послѣдняго времени, то-есть, до возникновенія проектовъ такъ-называемыхъ рабочихъ городковъ, *cités ouvrières*, всѣ старанія фабрикантовъ о помѣщеніи работниковъ шли еще то неудобство, что они отстраняли инициативу самого работника въ этомъ отношеніи; имѣя характеръ обязательный, они совершенно освобождали его отъ всякихъ заботъ о своемъ жилиществѣ. Фабриканты или несли сами всѣ расходы по постройкѣ и содержанію рабочихъ домовъ, или вычитали на содержаніе ихъ извѣстный процентъ изъ жалованья каждаго работника. Въ первомъ случаѣ эта издержка ложилась тяжелымъ бременемъ на общую массу ихъ расходовъ по фабрикѣ, а во второмъ случаѣ порождала часто неудовольствіе со стороны работниковъ, принужденныхъ, безъ всякаго ихъ собственнаго на то согласія, отдавать постоянно часть своихъ заработковъ на обязательное улучшеніе своего помѣщенія.

Съ возникновеніемъ въ послѣднія десять лѣтъ мысли о рабочихъ городкахъ, этотъ вопросъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ.

Отличительныя черты характера такъ-называемыхъ *cités ouvrières*, въ сравненіи съ прежними помѣщеніями работниковъ при фабрикахъ, заключаются въ томъ: что помѣщеніе въ такихъ строеніяхъ не считается обязательнымъ для работника, что въ нихъ могутъ жить работники совершенно различныхъ фабрикъ, и наконецъ, что въ большей части случаевъ жильцу дается возможность постепенно приобретать свое жилище въ полную собственность. *Cité ouvrière*—это домъ или группа домовъ, построенная фабрикантами или частными лицами съ благотворительною или спекулятивною цѣлю, для доставленія работникамъ простаго, чистаго и, по возможности, дешеваго помѣщенія. Въ этихъ домахъ работники поселяются, какъ мы видѣли, только по своему желанію, плата за него не вычитается изъ платы получаемой ими за работу,—эти двѣ вещи не смѣшиваются: имъ выдается полная плата, а уже ихъ дѣло собрать деньги для точной уплаты найма квартиры. Такимъ образомъ они сами должны желать, должны ходатайствовать о допущеніи ихъ въ *cité ouvrière*; это не обязанность для нихъ, а благодѣяніе, дѣлаемое имъ; они сами, подъ своею отвѣтственностію, должны заботиться объ исправномъ платѣжѣ найма и т. д. Ко всему этому присоединяется еще новый элементъ самодѣятельности, или самопособія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ (работникамъ) дается возможность приобретать свои помѣщенія въ собственность ежегодною платою извѣстнаго процента къ наемной платѣ. Тутъ уже требуется нѣсколько болѣе значительное напряженіе силы воли и большаго инициатива, такъ какъ работникъ, въ виду пріобрѣтенія дома въ собственность черезъ извѣстное число лѣтъ, долженъ рѣшиться на некоторую жертву въ теченіе этого времени.

Постройка подобныхъ рабочихъ городковъ можетъ происходить съ цѣлю чисто благотворительною, или съ цѣлю спекуляціонною. Въ первомъ случаѣ, капиталистъ, затрачивающій свои средства на подобныя постройки, отказывается отъ всѣхъ процентовъ или довольствуется весьма умеренными процентами: во второмъ случаѣ, онъ разчитываетъ на операцію, какъ на хорошее доходное помѣщеніе своихъ капиталовъ...

„А такъ какъ существующія предпріятія доказали, что капиталы, употребленные на постройку домовъ для работниковъ, могутъ приносить весьма хорошій доходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять работникамъ квартиры лучше и дешевле существующихъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что для полнаго осуществленія предполагаемой цѣли, необходимо стремиться къ достиженію обоюдной пользы, то-есть соединенія пользы работника съ выгодой капиталиста.

„Дома для рабочаго населенія строятся обыкновенно по двумъ системамъ: то-есть или отдѣльными небольшоими домиками, вмѣщающими отъ одного до четырехъ семействъ, или восторыхъ—большими многоэтажными домами, раздѣляемыми на мелкія квартиры и вмѣщающими весьма значительное число жителей.

„Во многихъ отношеніяхъ первая система представляетъ несомнѣныя преимущества. Она болѣе содѣйствуетъ развитію семейной жизни, нравственности, болѣе удобна въ гигиеническомъ отношеніи, но несмотря на то, часто по необходимости, вслѣдствіе мѣстныхъ условій (особенно въ средѣ большихъ городовъ), приходится прибѣгать ко второй системѣ.“

Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ описаніе различныхъ учрежденій принятыхъ съ подобною цѣлью въ главныхъ государствахъ Европы. Здѣсь мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности главныхъ великобританскихъ обществъ: Общества улучшенія быта рабочихъ классовъ (Society for improving the condition of the labouring classes), Столичнаго общества для улучшенія жилищъ промышленнаго сословія (The metropolitan association for improving the dwellings of the industrious classes), и чрезвычайно любопытныя подробности объ обществахъ извѣстныхъ подъ именемъ „Land and building societies“, цѣль которыхъ заключается не только въ постройкѣ жилищъ для рабочихъ людей но и въ раздачѣ имъ мелкихъ участковъ земли. Число этихъ послѣднихъ обществъ въ 1855 году простиралось до 130 съ номинальнымъ капиталомъ въ 22 милліона р. сер. Успѣху ихъ особенно содѣйствовала политическая сторона вопроса. Непосредственное владѣніе землею (freehold) даетъ право голоса на выборахъ; поэтому общества, раздававшіе участки земли работникамъ, тѣмъ самымъ давали имъ право голоса. Когда либеральная партія виговъ учредила съ чисто-соціальною цѣлью улучшенія быта низшаго класса, общество подъ названіемъ The national Provident Freehold Land Society, то естественнымъ слѣдствіемъ этого было увеличеніе политическаго значенія виговъ, которые посредствомъ этой мѣры склонили на свою сторону общественное мнѣніе, и непосредственно приобрѣли нѣсколько

голосовъ отъ людей облагодѣльствованныхъ ими. Понятно, почему консервативная, торійская партія, желая воспользоваться тѣми же выгодами, не замедлила основать подобное же общество „The conservative Land and Building Society.“

Дѣятельность этихъ обществъ въ частности заключается въ собираніи денегъ по подпискѣ, мелкими приношеніями, раздачею акцій и т. д. и въ употребленіи этихъ денегъ на покупку большихъ имѣній (estates), которыя дробятся на мелкія части и раздаются акціонерамъ изъ рабочихъ классовъ по очереди или тиражу. Въ 1855 году было куплено 310 разныхъ земель и раздроблено на 19.500 участковъ, розданныхъ работникамъ, working men. Подобная ассоціація даетъ работникамъ возможность сдѣлаться владѣльцами земли, посредствомъ единовременнаго взноса незначительнаго капитала и ежегоднаго взноса небольшой суммы, обыкновенно не превосходящей того, что долженъ платить работникъ за наемъ квартиры. Выгоды заключаются не только въ разности цѣны большихъ и малыхъ участковъ, но и въ значительной экономіи издержекъ на купчую крѣпость и вообще такъ-называемыхъ conveyancing costs.

Но какъ ни важно хорошее жилище для благосостоянія рабочихъ людей, однако оно еще не обезпечиваетъ вполне ихъ положенія. Главный доходъ работника заключается въ его заработной платѣ; но бываютъ случаи, особенно частые въ западной Европѣ, когда рабочіе мгновенно лишаются работы на нѣкоторое время. При томъ каждый работникъ можетъ подвергнуться болѣзни, и если онъ не приберегъ копѣйки на черный день, то онъ и его семейство могутъ быть поставлены въ самое печальное положеніе. Отсюда понятно, какъ важно для обезпеченія благосостоянія рабочаго класса развитіе въ его средѣ бережливости и предусмотрительности.

Къ этой цѣли стремятся два учрежденія: *сберегательныя кассы и общества взаимнаго вспоможенія.*

Сравнивая эти два учрежденія относительно обезпеченія рабочихъ классовъ, авторъ представляетъ неоспоримыя преимущества вторыхъ надъ первыми.

„Сберегательныя кассы составляютъ самое простое, самое элементарное учрежденіе. Работникъ вноситъ въ кассу избытокъ своихъ доходовъ надъ расходами, по мѣрѣ того какъ они оказываются небольшими ча-

стицами; изъ этихъ мелкихъ взносовъ накопается черезъ нѣсколько времени болѣе или менѣе значительный капиталъ, который доставая работнику доходъ, проценты, въ то же время обезпечиваетъ его на случай прекращенія работы, болѣзни или другаго какого-либо несчастья. Въ сберегательныхъ кассахъ мы видимъ простое примѣненіе принципа копленія. Уже самая простота и элементарность этого учрежденія показываютъ, что оно не можетъ принести весьма существенной пользы рабочему классу; оно можетъ улучшить и обезпечить только положеніе работника состоятельнаго, а не въ состояніи облегчить положенія работника бѣднаго и лишеннаго средствъ. Для того, чтобы копить необходимо прежде всего чтобы былъ избытокъ средствъ надъ потребностями; взносы правда могутъ поступать весьма мелкими долями, но за то они должны поступать довольно часто, иначе не накопится сколько-нибудь значительнаго капитала. А много надо энергіи и предусмотрительности со стороны работника, чтобы удѣлять частицу и безъ того уже незначительныхъ заработковъ своихъ на копленіе, въ надеждѣ составить себѣ послѣ продолжительнаго времени, послѣ многихъ лѣтъ сбереженія и умѣренности, весьма небольшой капиталъ.

Гораздо существеннѣе и гораздо непосредственнѣе дѣйствуетъ на улучшение быта рабочаго класса другое учрежденіе, уже болѣе сложное, именно общества взаимнаго вспоможенія. Эти общества соединяютъ въ себѣ двойной элементъ: сбереженія и страхованія. Они суть собственно не что иное какъ взаимныя страхованія работниковъ противъ болѣзни, несчастій и недостатка работы. Благодаря введенію элемента страхованія, тутъ уже гораздо меньшими средствами могутъ быть достигнуты болѣе значительные, а главное, болѣе быстрые результаты чѣмъ при простомъ копленіи въ сберегательныхъ кассахъ. При страховой системѣ общества взаимнаго вспоможенія, взносы однихъ выпадаютъ на пользу другихъ, такъ какъ платятъ всѣ члены общества, а заболѣваютъ или приходятъ въ несчастное положеніе, вслѣдствіе потери работы, не всѣ;—такимъ образомъ взносъ богатаго и здороваго работника обезпечиваетъ положеіе бѣднаго или заболѣвшаго. Но такъ какъ каждый, и самый богатый, и самый здоровый работникъ, можетъ придти въ бѣдственное положеніе, то подобнаго рода обезпеченіе весьма важно для всѣхъ участниковъ общества, такъ что даже тѣ, которые по счастливымъ обстоятельствамъ не приходятъ въ необходимость пользоваться пособіемъ изъ общественной кассы, пользуются по крайней мѣрѣ *устремленностію*, что еслибъ ихъ положеніе измѣнилось къ худшему, то все же они будутъ обезпечены до извѣстной степени; имъ уже не предстоитъ опасности умереть съ голоду или обратиться къ общественному подаянію, въ случаѣ болѣзни или потери работы.“

Сберегательныя кассы (Savings Banks) и общества взаимнаго вспоможенія особенно распространены въ Англіи. Благодаря тому началу самодѣятельности, той силѣ инициативы и предусмотрительной заботливости, которая въ этой странѣ проникаютъ въ всѣ классы народа, учрежденія эти достигли важныхъ результатовъ. По послѣднимъ отчетамъ, сумма вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ простиралась до 200.000.000 р. с.,

а число вкладчиковъ до 1.340.000. Не менѣе значительное развитіе получили въ Англіи общества взаимнаго вспоможенія. Съ 1795 по 1857 годъ въ Англіи и Валлисѣ образовалось болѣе 26.000 такихъ обществъ; капиталъ ихъ въ послѣднее время простирался до 57.000.000 руб. сер., число членовъ до 2.000.000 человекъ. Что касается до другихъ странъ, то онѣ далеко уступаютъ Англіи въ этомъ отношеніи. Во Франціи, гдѣ цифра народонаселенія вдвое больше чѣмъ въ Англіи и Валлисѣ, въ 1856 году считалось всего 426.453 члена подобныхъ обществъ, а капиталъ немногимъ превышалъ 3.000.000 руб. серсбр. Сберегательныя кассы и различныя общества взаимнаго вспоможенія получили особенное развитіе во Франціи послѣ 1848 года. Къ сожалѣнію, въ 1850 и 1851 годахъ правительство закрыло не малое число ихъ по подозрѣнію въ политическихъ замыслахъ. Но такъ какъ правительство Лудовика-Наполеона хорошо понимало, какое неблагоприятное впечатлѣніе должно было произвести подобное закрытіе учрежденій столь полезныхъ рабочему классу, то чтобы поправить дѣло, оно послѣ 1852 года стало само вызывать образованіе подобныхъ учрежденій, приводя ихъ потомъ довольно искусно подъ свое вліяніе. Достаточно уже одного этого факта, чтобы объяснить себѣ малое развитіе подобныхъ обществъ во Франціи.

Слѣдующая глава посвящена *ассоціаціямъ работниковъ для потребленія и производства*. Улучшеніе жилищъ рабочаго класса, сберегательныя кассы, даже общества взаимнаго вспоможенія, составляютъ только первый шагъ къ улучшенію быта рабочаго сословія. Всѣ эти мѣры касаются только внѣшняго улучшенія, нисколько неизмѣняя сущности тѣхъ общихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ рабочаго люда.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ обезпеченію и улучшенію быта рабочихъ служить ассоціація; она существенно всѣхъ прочихъ мѣръ, потому что касается не только однихъ внѣшнихъ признаковъ благосостоянія, но видоизмѣняетъ самыя условія промышленнаго быта работника. „Главныя причины печальнаго положенія работника,“ говоритъ г. Тернеръ, —

„въ настоящее время во многихъ странахъ могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ фактамъ:

Первый из них заключается в томъ обстоятельстве, что работники, по недостаточности своихъ средствъ, поставлены въ необходимость страдать отъ искусственной дороговизны жизни. Не имѣя возможности закупать необходимые ему предметы въ значительныхъ количествахъ, онъ принужденъ платить за нихъ въ три-дорога мелочному купцу; вообще, вслѣдствіе самой ограниченности его средствъ, онъ находится въ полной зависимости отъ посредниковъ — мелочныхъ торговцевъ, онъ не имѣетъ выбора, онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему предлагаютъ и по той цѣнѣ, по которой ему предлагаются эти предметы. Если же, по недостаточности средствъ, работникъ принужденъ еще испрашивать кредитъ у продавца, то цѣны быстро возвышаются для него на 50 и на 100 пр.

Другая причина страданія рабочаго сословія, во многихъ мѣстностяхъ, заключается въ отсутствіи всякой самостоятельности, и въ безграничной зависимости, въ которую поставлены работники вслѣдствіе затѣненія ремесла фабричными и мануфактурными промыслами: прежде каждый работникъ, при нѣкоторомъ стараніи, бережливости и другихъ качествахъ, могъ надѣяться сдѣлаться со временемъ самъ хозяиномъ, то-есть получить экономическую и производительную независимость и самостоятельность. Но можетъ ли въ настоящее время такая мысль придти въ голову бѣднаго работника, трудящагося на громадной фабрикѣ, на которой работаютъ вмѣстѣ съ нимъ тысячи другихъ работниковъ и устройство которой стоитъ миллионы рублей?

Какъ ли безвыходенъ кажется этотъ вопросъ, онъ однако разрѣшимъ, — средство къ рѣшенію его заключается въ могущественномъ словѣ *ассоціація* работниковъ.

Ассоціація работниковъ можетъ доставить имъ преимущества большихъ средствъ, относительно предмета потребленія, освобождая ихъ отъ зависимости отъ мелкихъ торговцевъ, — и та же ассоціація даетъ имъ возможность достигнута производительной самостоятельности, то-есть показываетъ имъ выходъ изъ кажущагося безвыходнаго положенія.

Дѣятельность и цѣль ассоціаціи работниковъ распадается, какъ мы видимъ, на два главныхъ предмета.

Вопервыхъ, удешевленіе средствъ жизни и предметовъ необходимой потребности. Ассоціація стремящаяся къ этой цѣли, называется ассоціаціей для потребленія или *потребительной*. Весьма простое начало ея основывается на экономическомъ законѣ, что цѣны предметовъ, закупаемыхъ оптомъ, въ большихъ количествахъ, изъ первыхъ рукъ, обходятся всегда дешевле цѣнъ предметовъ покупаемыхъ незначительными количествами у мелкихъ посредниковъ; въ послѣднемъ случаѣ добавляется на цѣну обыкновенно крошечной прибыли посредника, служащей платою за его трудъ и капиталъ, еще нѣкоторая сумма, которая является послѣдствіемъ той монополіи, которою фактически пользуется почти всегда мелочной торговецъ относительно бѣднаго работника. Соединяя свои мелкие средства вмѣстѣ, работники находятъ тѣмъ самымъ возможность избѣгать этихъ посредниковъ и устраивать свои собственные лавки, мельницы, пекарни, склады необходимыхъ товаровъ, которые они, покупая оптомъ, дѣлятъ затѣмъ между собою по той же цѣнѣ, — продавая въ мелочяхъ предметы по оштовымъ цѣнамъ...

Но этимъ не исчерпывается живительная сила принципа ассоціаціи. Удешевленіе средствъ жизни, предметовъ потребленія работника, состав-

идеть только одну сторону ея дѣятельности; другая сторона заключается въ доставленіи ему возможности выступить самостоятельнымъ производителемъ, однимъ словомъ положить конецъ безвыходности положенія фабричнаго работника;—если и не всякій работникъ, благодаря развитію ассоціаціоннаго начала, сдѣлается хозяиномъ или участникомъ, то все же введеніе этого новаго элемента въ условія промышленнаго быта должно отозваться въ высшей степени полезнымъ образомъ на измѣненіи къ лучшему положенія рабочаго класса.

„При настоящемъ направленіи промышленности, стараемся къ большой мануфактурной производительности, самостоятельность работниковъ сдѣлалась невозможною, потому что большая промышленность требуетъ большихъ средствъ. Но если одинъ работникъ не можетъ надѣяться трудолюбіемъ и бережливостію добыть себѣ современемъ необходимыя средства, то средства эти могутъ быть добыты соединеніемъ малыхъ средствъ, то-есть ассоціаціей работниковъ. Ассоціація можетъ имѣть предметомъ и денежные и умственные капиталы. Мы только что видѣли, что одному работнику, какъ бы онъ ни старался, никогда не добыть достаточныхъ средствъ для учрежденія какого-либо обширнаго промышленнаго заведенія, но еслибы даже эти средства нашлись, то, по всей вѣроятности, работнику кромѣ того не доставало бы еще необходимыхъ познаній для устройства фабрики и управленія ею. Когда же средства добываются ассоціаціей, то и познанія и умѣніе дѣла найдутся скорѣе, потому что между ста или тысячею работниками, образующими ассоціацію, легко могутъ найдтись одинъ или два превосходно знающихъ свое дѣло, которымъ можно будетъ поручить учрежденіе новаго заведенія и управленіе имъ.“

Сверхъ этихъ выгодъ, ассоціація представляетъ еще нѣкоторыя другія. При солидарной отвѣтственности членовъ, она съ большимъ удобствомъ нежели отдѣльные работники можетъ пользоваться кредитомъ. Она имѣетъ еще и нравственное значеніе. Возможность сдѣлаться когда-либо участникомъ въ самостоятельномъ предпріятіи будетъ служить работнику поощреніемъ къ труду, къ добросовѣстности въ исполненіи своей работы, къ бережливости, наконецъ къ нѣкоторому умственному развитію. Вслѣдствіе этихъ условій, ассоціація должна служить главною основой, исходною точкой для дальнѣйшаго, прочаго и существеннаго улучшенія и преобразованія быта рабочихъ классовъ.

Настоящій періодъ времени представляетъ еще пока первый зародышъ образованія подобныхъ ассоціацій. Хотя ассоціаціи для потребленія получили уже весьма обширное распространеніе въ Англій и Франціи, тѣмъ не менѣе производительныя ассоціаціи являются еще до сихъ поръ только небольшими исключительными группами въ главнѣйшихъ европейскихъ странахъ. Но главное, говоритъ г. Тернеръ, сдѣлано; идея все болѣе и болѣе распространяет-

ся, практическое начало дѣлу уже положено, примѣръ показанъ, а удовлетворительные результаты первыхъ опытовъ скоро вызовутъ имъ послѣдователей.

Г. Тернеръ представляетъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ ассоціаціяхъ, существующихъ во Франціи, Англіи и Германіи. Не вдаваясь въ подробности, мы представимъ только общій очеркъ ассоціаціоннаго движенія въ этихъ странахъ.

Во Франціи рабочія ассоціаціи возникли на отвлеченной почвѣ социалистическихъ идей. Поэтому, послѣ кратковременной вспышки общаго интереса публики, вопросъ вскорѣ пришелъ въ совершенное забвеніе. Изъ значительнаго количества ассоціацій возникшихъ на первыхъ порахъ, бѣольшая часть, основанная безъ всякаго практическаго знанія дѣла и подготовки, рушилась послѣ весьма кратковременнаго существованія, и только нѣкоторыя изъ нихъ, совершенно преобразованныя, соотвѣтственно необходимымъ практическимъ требованіямъ, были съ состояніи пустить корни и положить такимъ образомъ начало прочному развитію рабочихъ ассоціацій во Франціи. Авторъ приводитъ подробности устройства извѣстнаго общества „Société de l'humanité“ въ Лиллѣ, закрытаго въ 1851 году, и на основаніи сочиненія Губера, представляетъ намъ устройство существующихъ ассоціацій типографовъ, столяровъ, фортепьянныхъ мастеровъ и жестяныхъ работниковъ.

Что касается до Англіи, то эта классическая страна обширныхъ предпріятій, столь часто подвергавшаяся промышленнымъ кризисамъ, есть истинная колыбель этихъ обществъ. Социалистическія идеи дѣйствовали и здѣсь; извѣстно, какое значительное вліяніе въ этомъ отношеніи имѣлъ Робертъ Овенъ. Но существенную черту англійскихъ ассоціацій составляетъ то, что эти устройства возникли не изъ теоретическихъ соображеній, а изъ дѣйствительныхъ потребностей жизни, и потому съ самаго начала стали на практическую почву. Дѣло началось устройствомъ общественныхъ лавокъ, *cooperative stores*; затѣмъ работники перешли вообще къ производству и экономическому распредѣленію необходимыхъ для ихъ жизни предметовъ, и наконецъ поднялись до самостоятельныхъ промышленно-производительныхъ ассоціацій. Появленію послѣднихъ особенно содѣйствовали столь часто возникавшія

несогласія между хозяевами фабрикантами и работниками, и отказы работы со стороны послѣднихъ (забастовки, strikes). Вообще ассоціація крѣпко принялась на англійской почвѣ, и распространяются, и развиваются, между тѣмъ какъ во Франціи они еще рѣдкое исключеніе. Притомъ, во Франціи, въ кругъ рабочихъ ассоціацій вошли только ремесленные производства; въ Англіи же возникли уже рабочія ассоціаціи, устроившія мануфактурныя и фабричныя предприятия. Сверхъ того, отличительная черта англійскихъ ассоціацій, какъ свидѣтельствуешь и авторъ нашъ, заключается въ томъ, что онѣ имѣютъ не только исключительно промышленный характеръ, но стремятся содѣйствовать нравственному и умственному развитію работника. Почти во всѣхъ англійскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ устроены библіотеки, комнаты для чтенія журналовъ и книгъ, школы, лекціи, помѣщенія для умственного развитія, бесѣды и т. д.

Развитіе рабочихъ ассоціацій въ Германіи началось гораздо позже нежели во Франціи и Англіи, и въ этомъ отношеніи она далеко отстала отъ нихъ. Ассоціаціонное движеніе началось только съ 1848 года, впрочемъ тоже болѣе на почвѣ практической необходимости, а не какъ послѣдствіе социалистическихъ теорій. Такъ какъ развитіе Германіи шло другимъ путемъ и совершалось при другихъ условіяхъ нежели развитіе первыхъ двухъ странъ, то и ассоціація получила здѣсь особенный характеръ въ томъ отношеніи, что она направлена на улучшеніе быта болѣе ремесленныхъ работниковъ чѣмъ фабричныхъ. Это объясняется необыкновеннымъ развитіемъ ремесленного сословія и достоинствомъ его работы. Нигдѣ, какъ извѣстно, ремесленное сословіе, цехи и корпораціи, не бросили столь глубокихъ корней, какъ въ Германіи. Вслѣдствіе этого ремесло долгое время боролось со вновь-развивавшимся фабричнымъ производствомъ, такъ что послѣднее начало получаетъ перевѣсъ только послѣ тридцатыхъ годовъ. Но распространяясь не очень быстро, вытѣсняя ремесло мало по-малу, фабричная промышленность не породила въ Германіи такого пауперизма какой мы видимъ въ Бельгіи и Франціи, за исключеніемъ только льняныхъ ткачей, которые, особенно въ Силезіи, были совершенно раззорены мануфактурами. Но за то было меньше побужденій стре-

миться къ различнымъ нововведеніямъ въ рабочемъ быту, чѣмъ и объясняется малое развитіе рабочихъ ассоціацій.

Вслѣдъ за разсмотрѣніемъ рабочихъ ассоціацій, авторъ переходитъ къ *кредиту* и отношенію его къ рабочимъ классамъ. Кредитъ, которымъ можетъ пользоваться работникъ и ремесленникъ—двоякаго рода: ложный, не производительный, и истинный, производительный. Подъ первымъ авторъ разумѣетъ тотъ кредитъ, которымъ работники пользуются для удовлетворенія своихъ ежедневныхъ потребностей; подъ вторымъ—кредитъ служащій для производительныхъ дѣлей. Результаты того и другаго совершенно различны. Сколько первый вреденъ и опасенъ для работника и ремесленника, столько послѣдній благодѣтеленъ и полезенъ. Истинный кредитъ доставляетъ работнику средства къ развитію и расширенію дѣятельности, даетъ возможность пріобрѣтать усовершенствованныя машины и инструменты, дозволяетъ ему покупать необходимыя сырые матеріалы непосредственно у производителей, минуя мелкихъ посредниковъ, словомъ, является могущественнымъ орудіемъ производства. Къ сожалѣнію, во всѣхъ почти странахъ, за исключеніемъ Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, ремесленники и работники пользовались донынѣ исключительно кредитомъ перваго рода, непроизводительнымъ, и были лишены важнаго пособія кредита втораго рода. Легко понять, что это обстоятельство имѣло весьма вредное вліяніе на бытъ рабочаго и ремесленнаго класса и на промышленное развитіе въ его средѣ. Мѣры для распространенія промышленнаго кредита въ средѣ рабочаго и ремесленнаго класса приняты только въ послѣднее время. „Первые зачатки ремесленныхъ рабочихъ банковъ,“ говоритъ г. Тернеръ,—

„возникли въ Германіи: эта страна, такъ далеко отставшая отъ Франціи и Англіи въ дѣлѣ всѣхъ прочихъ рабочихъ ассоціацій, замѣчательно опередила ихъ относительно рабочихъ кредитныхъ ассоціацій.

„Тѣ же самыя обстоятельства, которыя затрудняли въ Германіи развитіе другихъ промышленныхъ ассоціацій, то-есть борьба еще сильнаго тамъ ремесленнаго производства съ фабрично-мануфактурнымъ, тѣ же самыя обстоятельства способствовали развитію ремесленнаго кредита, какъ самаго необходимаго орудія ремесла. Возникнувъ изъ этой среды, кредитныя учрежденія вскорѣ развились на пользу всего рабочаго класса, потерявъ всякій исключительный характеръ. Въ первый разъ требованіе подобныхъ кредитныхъ учрежденій высказалось съ особенною силой послѣ народнаго движенія въ 1848 году.

„Тогда возникло, особенно въ Пруссіи, множество ссудныхъ кассъ самаго различнаго устройства; но всѣ эти учрежденія имѣли очень неблагопріятную будущность: нѣкоторыя изъ нихъ прекратили свое существованіе въ непродолжительномъ времени послѣ ихъ возникновенія, другія продолжали свое существованіе, но съ весьма ограниченными кругомъ дѣятельности; ни одно изъ нихъ не принесло желаннаго результата — улучшенія положенія ремесленнаго класса. Главная причина такой неудачи заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ эти ссудныя кассы были основаны не собственными средствами и силами того класса, на пользу котораго онѣ должны были дѣйствовать, а на началѣ благотворительности и покаянія; имъ не доставало собственнаго нормальнаго живительнаго начала. Капиталы этихъ кассъ составились изъ подарковъ, изъ безпроцентныхъ ссудъ. Хотя эти суммы раздавались нуждающимся не въ даръ, а съ требованіемъ возврата, но все же на всей операціи лежалъ характеръ благотворительности высшихъ классовъ въ пользу низшихъ, при чемъ всякое нормальное развитіе дѣлопроизводства было невозможно. Ссуды получали характеръ вспомошествованій, а не правильныхъ коммерческихъ оборотовъ; поэтому не обращалось достаточнаго вниманія на то весьма важное обстоятельство, въ состояніи ли должникъ возратить современнѣе полученную имъ ссуду; при такомъ характерѣ ссуды, дѣйствительно весьма часто возвратами уплаты происходили не аккуратно и не точно, фондъ уменьшался мало-по-малу, и учрежденіе скоро теряло возможность производить свою дѣятельность; съ другой стороны, лица получавшія ссуды, смотря на нихъ тоже какъ на вспомошествованіе, обыкновенно являлись съ столь значительными требованіями и надеждами, которыя рѣшительно невозможно было удовлетворить.

„Совершенно другое направленіе получило все это дѣло, когда перешло отъ принципа благотворительности къ принципу самостоятельности.

„Кромѣ благотворительнаго экономическаго вліянія новаго начала, оно произвело еще и нравственныя, весьма полезныя результаты, показавъ рабочему классу, что въ его собственной средѣ находится богатый родникъ средствъ, достаточный для вполне удовлетворительнаго обезпеченія оного.“

Главное условіе для осуществленія этого начала самостоятельности въ отношеніи къ кредиту заключалось въ необходимости найти удовлетворительное средство для обезпеченія кредитора. Такое средство найдено въ ассоціаціи, соединенной съ началомъ *добровольной круговой поруки*. Капиталисты, не рѣшавшіеся ссужать отдѣльныхъ работниковъ и ремесленниковъ, легко соглашались ссужать свои капиталы ассоціаціямъ, основаннымъ на круговой отвѣтственности всѣхъ за каждого и каждого за всѣхъ.

Съ постепеннымъ развитіемъ этихъ учрежденій, къ этой круговой поруки присоединился другой элементъ обезпеченія—образованіе собственнаго основнаго капитала. Такимъ образомъ кредитъ личный обратился отчасти въ кредитъ

вещественный. Вѣсть съ увеличеніемъ вѣрности обезпеченія ссудъ, увеличилось предложеніе капиталовъ, понизилась цѣна процентовъ, и добываніе капиталовъ сдѣлалось легче и удобнѣе.

Быстрое развитіе и распространеніе этихъ учрежденій въ Германіи, обороты которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ доходили до трехъ милліоновъ талеровъ, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ того, въ какой высокой степени они соотвѣтствуютъ потребностямъ рабочаго и ремесленнаго люда. Главныя выгоды, доставляемыя этими ремесленными ссудно-кредитными учрежденіями, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) въ возможности для работника и мелкаго ремесленника получить во всякое время денежную сумму, сообразно съ тѣми экономическими условіями, въ которыя онъ поставленъ; 2) въ значительномъ уменьшеніи процентовъ платимыхъ имъ за пользованіе капиталомъ, и 3) въ томъ обстоятельстве, что вся прибыль отъ предпріятій идетъ въ пользу членовъ ассоціаціи, то-есть тѣхъ самыхъ ремесленниковъ и работниковъ, которые пользуются ссудами и платятъ проценты, образуя такимъ образомъ для нихъ зачатки собственныхъ капиталовъ и поощряя ихъ къ бережливости и къ дальнѣйшему копленію.

Въ заключеніе обзора различныхъ мѣръ, предпріятыхъ къ обезпеченію рабочихъ классовъ, авторъ присоединяетъ нѣсколько словъ о *воспитаніи* и *рабочихъ домахъ*. Впрочемъ, касаясь вопроса о воспитаніи, авторъ не имѣлъ въ виду исчерпать этотъ вопросъ или рассмотреть его со всѣхъ сторонъ. Такой вопросъ, говоритъ онъ, требуетъ совершенно спеціальнаго, самостоятельнаго рассмотрѣнія. Онъ желалъ обратить вниманіе читателя на одинъ отдѣлъ воспитанія, а именно на воспитаніе и образованіе, какъ малолѣтнихъ, такъ и взрослыхъ работниковъ—стараніемъ фабрикантовъ и хозяевъ, у которыхъ они работаютъ. Посредствомъ примѣра одной акціонерной свѣчной фабрики въ Бельмонтѣ, онъ старается доказать, что расходы на воспитаніе не только не ложатся на производство, но прямо обращаются въ пользу самихъ фабрикантовъ.

Такова совокупность главныхъ и существенныхъ мѣръ и устройствъ, въ различныхъ странахъ Европы, для улучшенія и обезпеченія участи рабочихъ классовъ. Всѣ онѣ

болѣе или менѣе проникнуты плодотворнымъ началомъ ассоціаціи. Если мы вспомнимъ, что приложеніе этого начала въ средѣ рабочаго сословія находится еще въ зародышѣ, въ первомъ моментѣ, то намъ не покажутся странными и преувеличенными надежды возлагаемыя на дальнѣйшее развитіе ассоціацій, отъ которыхъ ждутъ прочнаго, кореннаго улучшенія и преобразованія быта рабочихъ классовъ. Снова повторяемъ, что въ этой возможности улучшить бытъ работника посредствомъ его собственной дѣятельности и энергіи, безъ униженія чувства собственного достоинства, нельзя не видѣть высшаго, разумнаго и утѣшительнаго явленія.

И ВОЛЬСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ

ОДНОГО ИРОНИЧЕСКАГО СЛОВА.

Вотъ наконецъ возникъ у насъ вопросъ и о цензурѣ, о большей или меньшей свободѣ печати. Не знаемъ что будетъ; но и то хорошо, что возникъ по крайней мѣрѣ вопросъ. Въ нашей *Современной Литературѣ* мы говорили довольно подробно о новыхъ мѣрахъ принимаемыхъ правительствомъ по этому предмету. Мы воспользовались мнѣніемъ, высказаннымъ въ одной московской газетѣ (въ *Нашемъ Времени*), которая посмотрѣла на дѣло съ другой точки зрѣнія и представила доводы, которые давали намъ удобный случай высказаться опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. Мы благодарны за это и газетѣ, гдѣ помѣщена была вышеозначенная статья, и ея автору, г. Мельгунову. Къ сожалѣнію, противная сторона не раздѣляетъ этого чувства; напротивъ, она сбѣгаетъ на насъ и выразила свое неудовольствіе въ новой статьѣ, которая явилась на свѣтъ въ тотъ роковой день, когда неизбежно должна выходить наша *Современная Литература*. Предоставляя себѣ отвѣчать на недоразумѣнія вашего антагониста въ *Современной Литературѣ*, мы считаемъ не лишнимъ, въ заключеніе этой книжки *Русскаго Вѣстника*, высказать нѣсколько замѣчаній, вызываемыхъ этою полемикой. Да не упрекнетъ насъ почтенный антагонистъ нашъ въ излишней придирчивости; да не подумаетъ онъ, что у насъ слишкомъ много досужаго времени, что намъ

некуда дѣвать его, что мы охотники заводить *querelle d'Allemand*. Нѣтъ, и время намъ дорого, и никакихъ поводовъ къ придирчивости не имѣется; но мы пользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ высказать что лежитъ у насъ на душѣ и на совѣсти; мы не пренебрегаемъ никакимъ поводомъ, какъ бы ни казался онъ мелокъ, для того чтобы способствовать отчетливому разъясненію общественныхъ понятій.

По вопросу о цензурѣ, какъ сказали мы выше, вѣрнѣе будемъ отвѣчать мы въ *Современной Литературѣ*, гдѣ была напечатана наша первая статья; но здѣсь немного коснемся мы другаго предмета, который, по странному стеченію обстоятельствъ, присоединился въ этой полемикѣ къ вопросу о цензурѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, къ полемикѣ о свободѣ печати примѣшался вопросъ о партіяхъ, о консерватизмѣ и тому подобномъ. Охъ, ужъ эти партіи! Мы сами не рады, что упоминали о нихъ, какъ-то разъ, говоря о сословіяхъ. Съ тѣхъ поръ, то и дѣло слышимъ о партіяхъ; кто бы о чемъ ни заговорилъ, а ужъ непременно свернетъ на консервативныя и либеральныя начала. Нашъ почтенный антагонистъ очень обидѣлся, что мы назвали его консерваторомъ; онъ думаетъ, что мы хотѣли уязвить его этимъ словомъ; онъ полагаетъ, что мы отыскивали въ словарѣ какое-нибудь слово побранившае, для того чтобы сказать ему неприятность, и что будто бы мы не нашия ничего обидѣе прозвища консерватора. За такое наше мнимое злонамѣреніе онъ очень стѣдуетъ на насъ, и платитъ намъ тою же монетою. Почтенный г. Мельгуновъ подумалъ въ самомъ дѣлѣ, что это бранное слово. Но мы смѣемъ увѣрить его, что въ словарь мы не ходили за браннымъ словомъ, да и никогда не ищемъ такихъ словъ, стараемся характеризовать каждую вещь только свойственнымъ ей именемъ, только тѣми признаками, которые сами собою въ ней представляются; а наконецъ, — онъ самъ очень хорошо это знаетъ, — у насъ не могло быть ни малѣйшихъ личныхъ поводовъ употребить противъ него какое-нибудь оскорбительное слово. Слово консерваторъ употребили мы вовсе не въ брань, какъ онъ думаетъ, а именно въ иронію. Въ чемъ собственно заключается ироническій смыслъ, который могли мы соединять

съэтимъ словомъ, что скажемъ мы ниже; а теперь посмотримъ какъ г. Мельгуновъ мститъ намъ. Сами вы консерваторы, говорить онъ намъ, точно какъ будто бы онъ хотѣлъ сказать: сами вы *такіе-сякіе*. Въ этомъ возвращеніи злополучнаго слова на нашу голову, не замѣтно у него ни малѣйшей ироніи; онъ говоритъ прямо, нѣсколько сурово, тономъ нѣсколько обиженнымъ, какъ бы желая дать намъ почувствовать всю горечь этого слова. Но онъ не довольствуется этимъ, онъ прибѣгаетъ къ другому, еще болѣе странному способу возмездія: онъ объявляетъ, будто мы состоимъ въ родствѣ съ газетою *Наше Время*. Мы бы поблагодарили его, елибѣ онъ сказалъ это съ желаніемъ сдѣлать намъ честь; но въ настоящемъ случаѣ несомнѣнно до очевидности, что онъ не хотѣлъ намъ польстить; изъ предыдущаго и послѣдующаго, изъ всего контекста, совершенно очевидно, что онъ хотѣлъ какъ бы осадить и образумить насъ, заставить очувствоваться, и не нашелъ лучшаго способа какъ крикнуть намъ: да вѣдь вы сами сродни *Нашему Времени*. Вотъ тутъ, дѣйствительно, замѣтна нѣкоторая лукавая иронія. Но умѣстна ли она? Въ этой почтенной газетѣ уже не въ первый разъ прибѣгаютъ къ такому странному способу уколоть противника. Такъ, не очень давно, по поводу замѣтокъ нашихъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, не безъ нѣкотораго лукавства говорилось о близости нашихъ воззрѣній съ теоріями одного изъ публицистовъ *Нашего Времени*.

Смѣемъ увѣрить нашихъ антагонистовъ, что цѣли своей они не достигли; насъ они не уязвили, и мы напротивъ готовы принять за честь то, что было сказано ими въ укоръ и униженіе. Но мы должны прибавить, что чести этой нимаго не заслужили. Отдавая должную справедливость всѣмъ достоинствамъ этой газеты и ея публицистовъ, мы къ сожалѣнію убѣждены, что ни въ основаніяхъ нашего образа мыслей, ни въ какомъ-либо изъ практическихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ возникали, мы съ ними не сходимся. Мы рады сближенію мнѣній, и готовы вторить всякому голосу, откуда бы онъ ни раздался, изъ какого бы лагеря ни выходилъ, кѣмъ бы ни былъ поднятъ, врагомъ или недругомъ, лишь бы только былъ онъ поднятъ въ интересъ того, что мы считаемъ полезнымъ, а главное справедливымъ и истиннымъ. Но за то всякое фальшивое сближеніе противно намъ болѣе всего. Впрочемъ, мы хлопо-

чемъ не о себѣ; мы боимся только, что отъ фальшиваго сближенія могутъ пострадать ясность и опредѣленность понятій, въ которыхъ всего болѣе нуждается у насъ общественное мнѣніе.

Вотъ хоть бы напริมѣръ вопросъ о партіяхъ. Случайно коснулись мы его въ *Современной Лѣтописи*, въ спорѣ съ публицистомъ *Нашею Времени*. Мы находили, что политическая борьба никогда не должна идти въ горизонтальномъ направленіи и что если въ обществѣ возникаетъ политическая жизнь и сопряженная съ нею борьба, то надобно желать, чтобъ она не застала антагонизма между сословіями, но чтобъ она совершалась между партіями, которыя вертикально раздѣляютъ общество. Это, какъ читателямъ извѣстно, вызвало на насъ укоръ со стороны нашихъ противниковъ; но потомъ, спустя нѣкоторое время, противники наши вдругъ захотѣли учредить у насъ партіи; вдругъ заговорили они о самой безотлагательной надобности устроить у насъ двѣ великія партіи, консервативную и прогрессивную. Слово партія употребляется въ разныхъ смыслахъ; но политическія партіи имѣютъ смыслъ очень опредѣленный. Политическія партіи возможны только при извѣстныхъ условіяхъ; они возможны только при условіи политической жизни и сопряженной съ нею политической борьбы. Въ этихъ условіяхъ, политическія партіи не имѣютъ серьезнаго смысла. У насъ нѣтъ политической борьбы, а потому и партіи у насъ могутъ выражаться только въ кружкахъ, *котеріяхъ*, *клубкахъ*. Мы не отрицаемъ, что у насъ есть разные направленія, болѣе или менѣе серьезныя, болѣе или менѣе заслуживающія уваженія, что наши журналы имѣютъ разные тенденціи, болѣе или менѣе опредѣленные и послѣдовательныя; но все это не имѣетъ значенія политическихъ партій. Партіи являются дѣломъ серьезнымъ лишь тамъ, гдѣ есть политическая жизнь, гдѣ есть борьба, и не просто борьба, но борьба за власть. И на оборотъ, только борьба партій на политическомъ полѣ, при всей своей серьезности, можетъ быть не только безопасна, но и полезна во многихъ отношеніяхъ. Государство должно быть спокойно за свое существованіе для того чтобы могло свободно жить и развиваться человеческое общество; ополчится ли одна область противъ другой, возстанетъ ли одно сословіе противъ другаго, — въ этихъ случаяхъ государство въ опасности, общество страдаетъ, гибнутъ силы, гибнутъ люди; въ этихъ случаяхъ со-

вершается явленіе болѣзненное, народъ переживаетъ тяжкій кризисъ, который не всегда кончается благополучно и отъ котораго жизнь во всякомъ случаѣ не легко оправляется. Такого рода борьба, разумѣется, не можетъ быть явленіемъ постояннымъ; борьба одной части народа противъ другой или борьба между общественными классами не можетъ быть нормальною политическою жизнью. Это болѣзнь, это накопецъ разложеніе, а не жизнь. Есть однако одинъ родъ борьбы, который можетъ разыгрываться безопасно, не колебля государства, не потрясая общества; это борьба партій. Политическія партіи распространены въ цѣлой странѣ; онѣ соприсутствуютъ во всѣхъ ея областяхъ, во всѣхъ общественныхъ классахъ, во всѣхъ профессіяхъ и промыслахъ, захватывая себѣ нѣкоторую долю общественныхъ силъ и личной энергіи. Борьба партій, — это политическіе выборы; борьба партій, — это раздѣленіе голосовъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Весь существенный интересъ этой борьбы, цѣль дающая ей смыслъ, заключается въ политическомъ вліяніи, въ правительственной власти. Одна сторона держитъ власть, другая домогается власти. Польза этой борьбы состоитъ въ томъ, что правительственная власть находится подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ людей, которые въ собственномъ интересѣ слѣдятъ за нею на всѣхъ путяхъ, на каждомъ шагу, — и надзоръ этотъ ограничивается некакимъ-либо отдѣльнымъ кружкомъ, но проходитъ чрезъ всю страну сверху до низу общественнаго организма. Та и другая сторона въ своихъ представителяхъ равно знакомы съ правительственнымъ дѣломъ; та и другая сторона опираются на общественныя силы, и отъ перемѣщенія этихъ силъ зависитъ торжество или пораженіе партіи. Если отнять у партій интересъ политической власти, то онѣ превратятся въ игру, онѣ потеряютъ всякое значеніе, онѣ исчезнутъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратится и политическая жизнь. Конечно, каждая политическая партія имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленный цѣль, у каждой есть свои мнѣнія; но интересъ политической жизни требуетъ главнымъ образомъ не того чтобы партіи рѣзко различались своими мнѣніями, а чтобы онѣ не теряли изъ виду правительственной власти, чтобы онѣ дѣлательно были заинтересованы ею. Историческія преданія и отгѣнки партій, ихъ возрѣнія и мнѣнія имѣютъ здѣсь

лишь вспомогательное значеніе; все это важно только затѣмъ, чтобы поддерживать движеніе политической жизни. Политическія партіи не должны портить общественныхъ отношеній, онѣ не должны связывать совѣсть, насиловать убѣжденія. Если партіи служатъ самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ и самымъ дѣятельнымъ контролемъ относительно правительственной власти, то съ другой стороны каждая партія находится въ подобной же зависимости отъ своихъ членовъ; ея дѣйствія находятся точно также подъ ихъ контролемъ. Всякая крайность, всякая оплошность ея вождей, сопровождается рискомъ потерять силу и увидѣть часть своихъ приверженцевъ въ особой группѣ или на противной сторонѣ. Вотъ значеніе и вотъ выгоды партій. Какъ и все на свѣтѣ, борьба партій можетъ сопровождаться своего рода невыгодами, противъ которыхъ являются и своего рода средства. Но такъ или иначе, лишь въ партіяхъ, въ ихъ борьбѣ, состоитъ политическая жизнь, и наоборотъ лишь въ политической жизни, лишь въ борьбѣ за власть, партіи могутъ имѣть серьезное значеніе.

Теперь, спрашивается, есть ли поводъ серьезно толковать объ организаціи партій у насъ, и раздавать знамена охранительныя и либеральныя? Названіе либерала или консерватора, какъ постоянное обозначеніе людей, имѣетъ смыслъ только при существованіи политическихъ партій. Когда при имени какого-нибудь государственнаго чловѣка, напримѣръ, въ Англіи, вамъ скажутъ *a Liberal* или *a Conservative*, вы знаете, что этимъ собственно обозначается, съ какою партіею заодно подаетъ онъ свой голосъ. Какъ всѣмъ извѣстно, въ этой классической странѣ политической жизни либеральныя мѣры были принимаемы консервативною партіею, и наоборотъ, охранительный духъ не менѣе силенъ въ такъ-называемой либеральной партіи. Англійскихъ консерваторовъ часто зовутъ либеральными консерваторами, а либераловъ консервативными либералами. Но что можетъ означать названіе прогрессиста и консерватора тамъ, гдѣ нѣтъ въ собственномъ смыслѣ политическихъ партій? Онѣ могутъ означать только образъ мыслей, отгвнокъ мнѣній по отношенію къ тѣмъ или другимъ предметамъ. А мнѣнія должны подавать свою силу не въ томъ, какого они отгвнка, либеральнаго или консервативнаго, но единственно въ томъ, что они справедливы, вѣрны или полезны. При оцѣнкѣ мнѣній, внѣ партій,

интересъ только въ томъ, насколько приближаются они къ истинѣ и удовлетворяютъ требованіямъ дѣйствительности. Классификація мнѣній по отгѣнкамъ партій, тамъ гдѣ политической борьбы нѣтъ, есть повтореніе словъ безъ серіознаго смысла.

Не смѣшно ли спрашивать, — чѣмъ лучше слыть, прогрессистомъ или консерваторомъ? Если вы охраняете то, что заслуживаетъ охраненія, если вы охраняете что-нибудь хорошее, если вы охраняете начала жизни и стало-быть прогресса, то вы наилучшій изъ прогрессистовъ. Если вы возбуждаете движеніе къ чему-нибудь путному, если вы идете къ лучшему, — знайте, что вы превосходнѣйшій изъ консерваторовъ. Все дѣло лишь въ томъ что такое вы охраняете или куда вы идете. У насъ нѣтъ политическихъ партій; но въ неразуміи и слѣпотѣ, какъ впрочемъ и вездѣ, недостатка у насъ нѣтъ. У насъ есть прогрессисты, которые отличнымъ образомъ умѣютъ тянуть куда хотите и назадъ, и въ сторону, но только не впередъ; у насъ есть консерваторы, которые также наилучшимъ образомъ поддерживаютъ и усиливаютъ все что тянетъ въ яму. Повидимому, этого рода прогрессисты и консерваторы находятся во враждебныхъ лагеряхъ; повидимому, они ведутъ между собою лютую и непримиримую брань; но это только такъ кажется, а въ сущности, напротивъ, они дѣлаютъ одно дѣло и находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. Барстители этого сорта производятъ, питаютъ и усиливаютъ разрушителей; разрушители въ свою очередь вызываютъ на свѣтъ, вводятъ въ честь и силу этого сорта блюстителей. Если сравнивать тѣхъ и другихъ между собою, то преимущество должно остаться за разрушителями. Въ этихъ послѣднихъ часто бываетъ какое-нибудь живое начало, какой-нибудь энтузіазмъ, слѣпой и пьяный, но соединенный съ какимъ-нибудь безкорыстнымъ убѣжденіемъ, съ какою-нибудь великодушною вѣрой; на ихъ сторонѣ бываетъ свѣжесть и пылъ увлеченія, и нерѣдко они, разрушая и отрицая все на словахъ, въ глубинѣ души, въ бессознательныхъ инстинктахъ, служатъ какому-нибудь положительному началу; они нерѣдко, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, содѣйствуютъ торжеству того, чего сами не знаютъ, чего чуждаются, что проклинаютъ, но что тайно владѣетъ ихъ сердцами. Гдѣ бы то ни было,

между самыми безтолковыми и сумазбродными элементами движенія, должно дѣлать строгое различіе; есть обманщики и плуты, но большинство увлекается искренно. Даже самые отчаянные изъ элементовъ движенія бываютъ полезны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что выводятъ наружу всю ту мерзость, которая хранится и блюдетъ подъ благовидною оболочкой; онѣ обнаруживаютъ собою болѣзнь общественнаго организма. Отвѣтственность за дурное падаетъ не на нихъ; она главнымъ образомъ падаетъ на тѣхъ, которые считаютъ своимъ великимъ долгомъ блюсти все, что производитъ и усиливаетъ болѣзнь въ общественномъ организмѣ.

Г. Мельгуновъ намекаетъ на слова наши въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* о томъ, что мы не принадлежимъ ни къ какой партіи, и шутливо замѣчаетъ, что мы выбрали себѣ роль *privytska* для того чтобы уравнивать наши партіи.

Г. Мельгуновъ ошибается: не видя никакой существенной разницы между нашими партіями, мы не считаемъ нужнымъ и уравнивать ихъ между собою. Наши консерваторы и прогрессисты тянутъ въ одну сторону, а потому требуютъ общаго прогивовѣсія себѣ, и вотъ въ чемъ мы желали бы видѣть свое назначеніе въ настоящее время среди тѣхъ мнѣній, которыя высказываются въ нашей литературѣ. По мѣрѣ нашей скромной тяжести, мы равно стараемся противодѣйствовать и тому и другому направленію вмѣстѣ, видя въ нихъ одно и то же. Дѣйствуя противъ нашихъ консерваторовъ, мы дѣйствуемъ *eo ipso* противъ нашихъ прогрессистовъ, и наоборотъ.

Напрасно нашъ почтенный антагонистъ утверждаетъ, будто бы мы, согласно съ нашими консерваторами, смотримъ на наше общество презрительно и находимъ его неспособнымъ къ свободѣ и самостоятельности. Онъ ссылается на наши статьи; но, къ сожалѣнію, мы видимъ, что онъ не удостоилъ ихъ внимательнаго прочтенія, хотя кажется и не требовалось бы особеннаго вниманія, чтобы не вывести изъ нихъ подобнаго заключенія. Постоянно и настойчиво, и какъ смѣемъ думать, не совсѣмъ неубѣдительно, проводили мы взглядъ совершенно противоположный. Неудовлетворительное положеніе нашего общества, нашего образованія, нашей литературы, объясняли мы всегда тѣми политическими условіями, въ

которыя они поставлены. Государство у насъ въ своей продолжительной многотрудной организаціи, по необходимости, налагало эти тяжкія условія на народную жизнь и на личную свободу, и по необходимости стѣсняло и подавляло развитіе свободныхъ общественныхъ силъ. Мы всегда съ глубочайшею антипатіей слышали толки, будто бы вина незрѣлости нашей общественной жизни заключается въ естественныхъ свойствахъ нашего народа. Эти господа, толкующіе такимъ образомъ, считаютъ себя благороднымъ и счастливымъ исключеніемъ изъ этого непоправимаго безсилія, изъ этой безнадежной вѣчной незрѣлости. Сами они постигаютъ всѣ идеалы, они знаютъ и чувствуютъ всѣ лучшія формы общественной жизни; они великіе либералы и прогрессисты на дунѣ; они совершенные радикалы на Сиріусѣ, и очень гордятся этимъ радикализмомъ своимъ, который ни передъ чѣмъ не останавливается и все готовъ уничтожить,—разумѣется, на Сиріусѣ. Но спускаясь изъ возвышенныхъ сферъ на эту русскую низменную землю, они объявляютъ себя рѣшительными консерваторами status quo, считая неудобнымъ и невозможнымъ допустить для этого жалкаго племени тѣ льготы, которыми пользуются цивилизованные народы. Тамъ, у тѣхъ народовъ, говорятъ они, все очень хорошо, но можно ли безъ смѣха подумать о примѣненіи чего-нибудь подобнаго къ нашему народу? Эти почтенные мыслители не воображаютъ, что въ этомъ народѣ есть зачатки всего того, чѣмъ они любятъ у другихъ народовъ. Эти мыслители ссылаются на то, что другіе народы долго жили, долго развивались и потому находятся теперь на высокой степени зрѣлости, а нашъ народъ, говорятъ они, совсѣмъ еще не жилъ, вовсе не развитъ, — а потому, — продолжаютъ они, слѣдуя удивительной логикѣ, принесенной ими съ Сиріуса, — а потому и не нужно нашему народу жить самостоятельно и развиваться изъ собственныхъ силъ. Они не сообразили, что все прочное, все великое и плодотворное, чѣмъ гордятся другіе народы, создано еще въ давнюю пору самостоятельнымъ развитіемъ жизненныхъ элементовъ, обычаемъ жизни, свободными силами.

Нѣтъ, мы никогда не были порицателями нашего общества, хотя мы не скрывали печальныхъ явленій, которыя представляетъ наша общественная жизнь. Мы

рѣзко говорили о жалкихъ явленіяхъ нашей литературы, нашей науки, нашего образованія; но при всякомъ случаѣ откровенно высказывали мы, что корень всѣхъ этихъ золъ заключается въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя стѣсняли жизнь, и препятствовали ея свободному движению. Корень всѣхъ этихъ золъ видѣли и видимъ мы въ излишней опеѣ, которая тяготѣла у насъ надъ жизнью, въ излишнемъ недоувѣріи къ ней, въ излишнемъ желаніи украшать и улучшать ее не изнутри ея самой, а государственными средствами, въ излишнихъ усиліяхъ цивилизовать ее механическимъ образомъ и вообще въ излишнемъ пристрастіи къ механическимъ способамъ. Наиболѣе самостоятельная по своему положенію и образованію часть народа, отдѣленная отъ него подъ именемъ дворянства, составила особое *служилое* сословіе, *опричинну*. Наши образованные и сильные люди отнѣсились и доселѣ еще относятся къ народу не какъ живые члены его, внося свои силы и черпая изъ него новыя, но какъ опричники, какъ чиновники. И это не потому, что у нихъ такая натура или такой нравъ, но потому что они поставлены въ такое положеніе. Никакое общественное дѣло, какъ бы ни были скромны его размѣры, не могло у насъ начаться безъ большей или меньшей примѣси офиціальной стихіи, которая сразу лишила его личной эвергіи, самостоятельной жизненной силы и превращала его въ казенное заведеніе. Мы жалуемся, что у насъ вездѣ одни пуетоцвѣты, что у насъ ни въ чемъ нѣтъ корней; но не отъ того ли это, что у насъ за жизнь не было признано правъ, что ей не давалось хода, что на ея начатки не обращалось вниманія, что все дѣлалось сверху? Скажутъ: еслибы ничего не дѣлалось сверху, то ничего бы и не было. Положимъ такъ; но требовалось не того, чтобы сверху ничего не дѣлалось; напротивъ, требовалось чтобы сверху дѣлалось много; вопросъ состоитъ лишь въ томъ, въ какомъ направленіи дѣлалось, а направленіе зависѣло отъ разныхъ историческихъ условій, а условія эти были очень неблагопріятны для жизни общества, и направленіе, которое давали они всему, вело по необходимости къ печальнымъ результатамъ. Теперь вопросъ состоитъ въ томъ: можно или нельзя, должно или нѣтъ измѣнить эти условія. Еслибъ оказалось что нельзя, то тѣмъ не менѣе мы не должны скрывать отъ себя значенія этихъ усло-

вѣй; во всякомъ случаѣ, было бы нехорошо думать, что условія препятствующія жизни могутъ способствовать ея развитію.

Мы не щадимъ дурныхъ явленій, которыми обильна наша литература, но мы всегда приписывали ихъ недостатку самостоятельности и свободы. Всѣ наши діатрибы были постоянно жалобой на неправильное положеніе нашей печати. О чемъ бы ни случалось намъ заговорить, всегда восклицали мы: *ceterum censeo...* Кто читалъ наши замѣтки, — не такъ какъ читалъ ихъ г. Мельгуновъ, — тотъ могъ легко усмотрѣть, что мелкій литературный вздоръ былъ только поводомъ для насъ заявлять то пассивное положеніе, въ которомъ находится наше общество. Дурное бываетъ вездѣ, дурное есть неизбѣжный спутникъ всякой человѣческой дѣятельности; но противъ дурнаго есть лишь одно дѣйствительное средство: возможно полнѣйшій просторъ для развитія силъ, возможно полнѣйшая свобода ихъ проявленій. Историческій опытъ и здравый смыслъ убѣждаютъ насъ въ этомъ. Стѣсная свободу мысли и жизни, мы задерживаемъ не то что дурно, а напротивъ хорошее. Дурное находитъ себѣ пути, а хорошее остается безплоднымъ или портится, и само становится дурнымъ. Свобода есть самый вѣрный регуляторъ; въ ней же заключаются и самыя надежныя охранительныя начала.

Нѣкоторые публицисты *Нашею Времени* дѣлаютъ различіе между интересомъ политическимъ и интересомъ либеральнымъ. Это, говорятъ они, хорошо въ либеральномъ интересѣ, но неудобно въ интересѣ политическомъ. Они думаютъ, что тѣ начала, которыя составляютъ натуру человѣческаго общества, насильственно связаны въ немъ, глядятъ врознь и враждуютъ между собою: что выгодно одному, то значитъ невыгодно другому. Намъ кажется, что они ошибаются; мы увѣрены, что существенныя элементы всякаго живаго цѣлаго другъ другомъ держатся, другъ въ другѣ находятъ свою истинную силу, что они неразрывно связаны между собой, и что слѣдовательно всякій ущербъ, претерпѣваемый однимъ, отзывается болѣзненно и вредно на всѣхъ остальныхъ. При всякой разумной реформѣ вопросъ состоитъ не въ томъ, какого она свойства — политическаго или либеральнаго, — въ какомъ интересѣ предпринимается, — государственномъ

или общественномъ,—вопросъ можетъ быть только о томъ: соотвѣствуетъ ли она интересамъ цѣлаго, достигаетъ ли она своей цѣли. Что хорошо въ общественномъ смыслѣ, то не можетъ не быть хорошо и въ государственномъ, и наоборотъ. Не говорите о той или о другой мѣрѣ, что она удовлетворяетъ напримѣръ только либеральнымъ требованіямъ, а не политическимъ, что она хороша напримѣръ только въ видахъ прогресса, а никакъ не въ видахъ охранительныхъ; вы не имѣете права такъ говорить: свобода и государство, храненіе и прогрессъ, не должны находиться въ антагонизмѣ; что хорошо въ интересѣ свободы, то должно быть хорошо и въ интересѣ государства, что полезно въ видахъ прогресса, то полезно и въ видахъ охранительныхъ. Какъ, скажутъ вамъ, вы не соглашаетесь на то что можетъ улучшить и возвысить жизнь, что способствуетъ благу общества, цѣлямъ исторіи? Зачѣмъ же ваше государство, если ему противна свобода, если ему враждебенъ прогрессъ? Что значать ваши охранительныя виды, когда они находятся въ разладѣ съ требованіями жизни? Что значать ваши политическіе интересы, когда каждый шагъ къ лучшему сопряженъ съ ущербомъ для нихъ? Нѣтъ, если вы хотите убѣдить насъ, что реформа неудобна и вредна, то вы должны доказать намъ прежде всего, что она будетъ неудобна и вредна въ томъ самомъ интересѣ, который побуждаетъ желать ее. Неудобнымъ и вреднымъ можетъ быть признано только то, что не достигаетъ своей истинной цѣли или отводитъ отъ ней. Вы не имѣете права противодѣйствовать цѣлямъ прогресса; но вы можете и должны оспаривать что вредитъ самому прогрессу и сбиваетъ его съ пути.

Одинъ изъ публицистовъ *Нашего Времени* развилъ недавно въ этой газетѣ свою теорію охранительныхъ и либеральныхъ началъ. По его понятіямъ, охранительныя начала состоятъ въ государственной власти, да еще въ сословной организаціи, которая разбиваетъ народъ на отдѣльныя породы, лишеныя и права и способности, и охоты принимать къ сердцу общее дѣло. Но точно также и либеральныя начала сосредоточиваются для него въ государственной власти какъ въ своемъ единственно-удовлетворительномъ, высшемъ выраженіи. Государство у него альфа и омега; все прочее не имѣетъ самостоятельнаго значенія,

и служить лишь орудіемъ для государства. Онъ много говоритъ и о свободѣ, и о самостоятельности общества; но обо всемъ этомъ говоритъ онъ какъ бы въ видѣ уступки, и все это нисколько не измѣняетъ его воззрѣнія. Все приходитъ у него къ принципу власти, и все исходитъ изъ этого принципа. Сильная власть, будучи высшимъ идеаломъ либеральныхъ стремленій, есть въ то же время самое главное охранительное начало.

Что начало власти есть великое начало, что безъ него нельзя обойтись, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но что это начало есть единственное живое могущество, что изъ него все исходитъ и къ нему возвращается, что все существуетъ только для него, что оно есть все во всемъ, — это невѣрно, и такое представленіе столько же вредитъ государству, сколько и всему прочему, что въ организаціи человѣческихъ обществъ тѣсно и неразрывно съ нимъ связано.

И почему власть есть начало по преимуществу охранительное? Исторія и здравый смыслъ показываютъ намъ, что власть точно также можетъ быть началомъ разрушенія. Власть можетъ охранять, но она же можетъ и разрушать. Исторія показываетъ намъ множество созданій, въ которыхъ участвовала власть; исторія показываетъ намъ множество разрушеній, оставленныхъ властію. Охранительный или разрушительный характеръ власти зависитъ отъ ея организаціи, отъ того положенія, въ которомъ она находится, отъ того направленія, которому она слѣдуетъ, а ея организація и направленіе зависятъ отъ разныхъ условій, которыми имя не власть, а что-нибудь другое. Но и самая сфера охранительнаго дѣйствія государственной власти не можетъ быть безгранична. Есть многое что можетъ быть охраняемо государствомъ и что только имъ однимъ можетъ быть охраняемо; но есть за то многое что совершенно недоступно государственнымъ средствамъ и что можетъ быть только испорчено ихъ вмѣшательствомъ. Съ другой стороны, само государство нуждается въ существованіи началъ, которыя ручались бы за его безопасность, за его правильное положеніе, за сильную власть, за успѣшность ея охранительныхъ дѣйствій, точно также какъ и за успѣшность ея прогрессивныхъ начинаній. Государство можетъ быть дикимъ деспотизмомъ,

разрушающимъ все и безопадно подрывающимъ всѣ внутреннія основы жизни; государство можетъ быть благоустроенною, самостоятельною силою, вѣрною своему назначенію какъ въ своемъ покоѣ, такъ и въ своемъ движеніи. Конечно, начало власти никогда не можетъ исчезнуть въ человѣческомъ обществѣ; оно неизбежно возвратится при всѣхъ потрясеніяхъ и при всѣхъ переворотахъ; но въ какомъ видѣ возвратится оно и въ какихъ рукахъ появится, вотъ вопросъ, къ которому не можетъ быть равнодушно само государство. Лучшею пробою нормальнаго положенія власти служить отношеніе ея къ свободѣ. Чѣмъ глубже, шире и вѣрнѣе власть обезпечиваетъ свободу, чѣмъ охотнѣе власть соглашается служить органомъ жизни, охраняя и освобождая ее, чѣмъ глубже власть сознаетъ свое высокое служебное назначеніе, чѣмъ наконецъ менѣе она властвуетъ при всей силѣ своей, тѣмъ крѣпче она стоитъ, тѣмъ она благодѣтельнѣе, тѣмъ она возвышеннѣе, тѣмъ она дороже. Дѣло не во власти, а въ томъ, кто держитъ власть, и въ томъ, къ чему она служитъ. Чѣмъ властительнѣе власть, тѣмъ хуже для ней самой; дѣйствуя только какъ власть, совлекаясь всякаго другаго характера, она портится, извращается, она грубѣетъ и измѣняетъ своему назначенію. Государство не можетъ быть и само вполне безопасно, и удовлетворять своему назначенію, если оно организовано въ видѣ опричнины. Духъ деспотизма съ одной стороны, и духъ самаго бездоннаго радикализма съ другой, развиваются въ организованной опричинѣ, и вмѣсто охранительнаго дѣйствія, распространяетъ повсюду порчу и разрушеніе. Этотъ духъ, столько же враждебный истиннымъ цѣлямъ храненія, сколько и истиннымъ цѣлямъ прогресса, столько же свободѣ, сколько и власти, столько же обществу, сколько и самому государству, воспитывается въ опричинѣ, въ ея школахъ, въ ея казармахъ, въ ея канцеляріяхъ. Единственное противодѣйствіе этому духу состоитъ въ томъ, чтобы само государство стало великою земскою силою и приняло въ свои нѣдра начало свободы, чтобъ оно заинтересовало собою нравственныя силы и личную энергію, чтобъ оно возложило свои задачи не на однихъ опричниковъ, но главнымъ образомъ на земскія силы. Этотъ путь указываетъ намъ исторія, на этотъ путь, слава Богу, мы и выходимъ те-

перь, выходимъ тѣмъ смѣлѣе и надежнѣе, что только этимъ путемъ можемъ мы оживить нашу заглохшую связь съ прошедшимъ, возстановить цѣльность народной жизни и вызвать творческія силы въ ея дремлющихъ нѣдрахъ.

Въ *Нашемъ Времени*, какъ замѣтили мы выше, дуваво сослалась на нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ предыдущей книжкѣ нашего журнала о централизаціи, какъ о необходимомъ условіи существованія и развитія человѣческихъ обществъ. Означенная газета видитъ въ этомъ признаніи централизаціи новое согласіе наше съ теоріей своего публициста; она недоумѣваетъ, почему мы считаемъ себя несогласными съ нимъ и приписываетъ это тому, что мы не хотимъ понять другъ друга. Приводя наши слова, она съ гордостію прославляетъ своего публициста, за то что онъ первый провозгласилъ у насъ понятіе централизаціи, — не достаетъ только того, чтобъ она приписала ему честь введенія къ намъ этого начала. Но почетная газета нѣсколько ошибается въ своихъ сужденіяхъ; въ этомъ случаѣ она только показала примѣръ какъ можно сблизать слова вопреки смыслу. Смыслъ сказанныхъ нами словъ совершенно ясенъ, и смыслъ этотъ говорить не о сходствѣ, а о разногласіи. Что было сказано нами въ этихъ словахъ, то говорили мы всегда и говорили вовсе не въ пользу централизаціонныхъ теорій, а противъ этихъ теорій. Мы сказали, что централизація, которая въ своихъ злоупотребленіяхъ вызываетъ справедливыя жалобы и реакцію, есть тѣмъ не менѣе въ корнѣ своемъ начало необходимое и существенное, которое должно быть тщательно охраняемо. Но корень централизаціи есть не что иное какъ политическое единство, безъ котораго не можетъ быть національной жизни, а отъ государственнаго единства, отъ политической централизаціи, явственно и рѣшительно отличается такъ-называемая централизація административная. Корень централизаціи, который должно хрывать, укрѣплять и отстаивать до пожертвованія жизни, есть государственное единство, неприкосновенность и цѣлость національной жизни; а злоупотребленіе этого начала, вызывающее возмездіа, есть централизація административная, которая держитъ государственное начало въ неправильныхъ отношеніяхъ къ обществу.

Какъ глубоко различіе между кореннымъ началомъ жизни

и неправильнымъ его развитіемъ, которое раздвояетъ его и приводитъ въ антагонизмъ съ самимъ собой, это мы можемъ понять легко, безъ помощи какихъ-либо обширныхъ соображеній. Громадныя явленія въ жизни народовъ свидѣтельствуютъ намъ что значить сила дѣйствительно-кореннаго начала. Вотъ страна, которую приводятъ въ образецъ полнѣйшей децентрализаціи, — вотъ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ происходитъ теперь кровопролитная борьба, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, за политическое единство. Вотъ Италія съ своими недавними событіями: что понимало тамъ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя массы, что сливало ихъ въ одномъ общемъ энтузіазмѣ, чему приносились самыя дорогія жертвы, за что съ такимъ самоотверженіемъ пролито было столько крови? Начало политическаго единства есть основа патриотизма; оно было знакомо и тому обиженному племени, на которое такъ презрительно смотрятъ радикалы Сириуса, — тому незрѣлому народу, который еще въ 1612 году всталъ какъ одинъ человекъ, и тѣмъ навсегда запечатлѣлъ свое единство. Но исторія также показываетъ намъ, какъ неправильное развитіе того же самаго начала можетъ вредить ему самому и подвергать его болѣзненнымъ кризисамъ. Самымъ злымъ врагомъ всякаго начала бываетъ всегда оно же само въ своемъ извращенномъ видѣ. Сосредоточеніе государственной власти есть великое дѣло; имъ начинается и въ немъ совершается движеніе историческаго развитія; но оно можетъ совершаться и совершалось въ исторіи разными путями. Исторія показываетъ намъ, какъ прогрессъ въ этомъ дѣлѣ совершался путемъ разрушенія и уничтоженія, какъ всякая сила гибла или становилась бездѣйственной и бесплодною для жизни, и надъ всѣмъ воцарялось мертвящее единство, сильное снаружи, безсильное внутри. Исторія намъ показываетъ также, что есть и другой путь развитія государственнаго единства, путь, на которомъ не убивается ни одна сила годная для жизни, а напротивъ все употребляется въ пользу и всему предоставляется дѣйствовать въ свою мѣру. Государственное единство, въ видахъ собственнаго благосостоянія и собственной безопасности, не должно быть силою отдѣльною отъ земли, оторванною отъ народа; напротивъ, оно должно быть связано со всѣми интересами жизни и оберегаемо ими.

Мы очень хорошо понимаемъ, что и неправильное раз-
витіе имѣеть свои достаточныя историческія основанія,
и что изъ всякаго зла исторія умѣеть извлекать пользу.
А потому мы готовы признать, что и зло централи-
заціи было въ свое время необходимою, и что мно-
гіе прямыя и косвенныя результаты его были перера-
ботаны жизнью и пошли въ прокъ; мы признаемъ также,
что самое устраненіе всякаго вкоренившагося начала, какъ
бы ни было оно неправильно, должно происходить съ
толкомъ, чтобы сопровождаться дѣйствительнымъ успѣ-
хомъ. Но мы не понимаемъ, какъ можно теоретически
узаконивать и оправдывать неправильное начало; мы не
понимаемъ, какъ можно ставить нормою ложное направле-
ніе, вопреки требованіямъ жизни и историческаго разумѣнія.
Мы этого не понимаемъ, а потому всегда были противъ
тенденцій, которыми *Наше Время* такъ гордится за своихъ
публицистовъ. Вотъ почему мы не понимаемъ и той пар-
тіи, къ которой они причисляютъ себя; вотъ почему мы вы-
разились о нашихъ консерваторахъ съ нѣкоторою ироніей,
и вотъ почему они сами обижаются этимъ прозваніемъ.

Въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго
года, въ стихотвореніи Н. Θ. Щербины, *Симплонская до-
рога*, замѣчены слѣдующія опечатки:

Напечатано: Крутятся горы облаками,

Должно быть: Курятся горы облаками,

Напечатано: Провалъ прорубленный въ скалахъ....

Должно быть: Подвалъ прорубленный въ скалахъ....

Въ настоящей книжкѣ, въ статьѣ г. де-Роберти, *Англійская журнали-
стика*, замѣчены слѣдующія опечатки: на страницѣ 345, строки 14
и 23 сверху вмѣсто *Мессайръ*, напечатано *Макайръ*, — и на страницѣ
250, строка 9 снизу, а также на слѣдующей страницѣ, строки 5, 6 и 26,
вмѣсто *Бойеръ*, напечатано *Гоуэръ*.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С. ДЮФУРА и КОЖАНЧИКОВА,
въ С.-Петербургѣ,

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

LETTRE DE Mr HERZEN
A L'AMBASSADEUR DE . RUSSIE A LONDRES
avec un réplique et quelques observations

DE

D. K. SCHÉDO-FERROTI.

ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА

КЪ РУССКОМУ ПОСЛУ ВЪ ЛОНДОНЪ,

съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями

Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ.

Берлинъ, 1862, въ 8-ю д. л. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Безпрестанно приходится слышать, что западно-европейскіе ученые съ большею добросовѣстностію изучаютъ Китай, Японію, страны внутренней Африки, чѣмъ Россію. дѣлаютъ о нихъ болѣе безпристрастные и вѣрные отзывы, чѣмъ о Россіи, которую однако они могутъ узнать очень легко и обстоятельно, которая такъ близка имъ и доступна. Но въ томъ-то и дѣло, что она къ нимъ очень близка. Страны далекія они изучаютъ съ полнымъ спокойствіемъ, взглядъ ихъ ясенъ, глазъ ничѣмъ не застилается, и потому отзывы ихъ могутъ отличатся вѣрностію и возможнымъ для человѣка безпристрастіемъ. Но этого спокойствія не можетъ быть у иностранца относительно Россіи, у Нѣмца относительно Славянъ вообще. Тутъ давніе счеты, тутъ уже прошла исторія, осталась память чего-то. Спросить по совѣсти много западно-европейскаго ученаго: онъ признается, что ему очень бы хотѣлось, чтобы великая восточная равнина Европы, считаемая обсохшимъ дномъ моря, никогда не переставала быть имъ, никогда бы не высыхала. Когда нужда заставляетъ западно-европейскаго ученаго обращать вниманіе на восточную часть Европы, то замѣтно, что ему что-то претитъ: а если

предметъ непріятель, то можно ли спокойно, добросовѣстно, обстоятельно изучать его? Обыкновенно въ такомъ случаѣ берутъ то что уже извѣстно о немъ, и безъ повѣрки, безъ дальней ученой церемоніи, повторяютъ извѣстное, прибавивъ еще нѣсколько жесткихъ фразъ, такъ естественно являющихся изъ-подъ пера, когда хочется поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго предмета. Понятно, что платя тою-же монетою, иной житель восточной Европы выскажетъ также мысль, что недурно было бы, еслибы западная Европа исчезла дѣйствіемъ тѣхъ силъ, которыя поразили ея красивыя горы. Что если этотъ житель восточной Европы, подъ влияніемъ такого желанія, примется разказывать исторію западной Европы, или настоящее ея житье-бытье?

Но, каковы бы ни были желанія иныхъ жителей западной и восточной Европы, неумолимый рокъ велѣлъ—и Европа раздѣляется на двѣ части, восточную и западную, очень несходныя другъ съ другомъ, но тѣсно связанныя; сперва долго они жили порознь, но потомъ неразрывно соединились. Не хочется, но дѣлать нечего, долженъ западно-европейскій историкъ признать эту связь, долженъ разказывать объ ихъ общемъ дѣйствиіи. Какъ онъ иногда разказываетъ?—это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что авторитетъ его останется исключительнымъ и на западѣ, и на востокѣ, если русскій историкъ также не станетъ разказывать.

Самая сильная общая дѣятельность обѣихъ половинъ Европы обнаруживается съ конца прошлаго вѣка, когда Европа была взволнована революціоннымъ движеніемъ Франціи, стремившимся перемѣнить прежнія политическія системы, покончить съ вѣковыми политическими преданіями. Революціонная буря на западѣ застигла Европу въ то время, когда вниманіе ея было обращено на востокъ: европейская дипломатія занималась великимъ восточнымъ вопросомъ, который до сихъ поръ не даетъ покоя западной Европѣ, изъ-за котораго она такъ сердится на восточную Европу, то-есть на Россію.

Что же такое восточный вопросъ? Какъ относилась къ нему Россія въ XVIII вѣкѣ, и, прежде всего, когда онъ начался?

Начался онъ уже давно, тому будетъ дѣтъ съ тысячу;

начался оны вмѣстѣ съ Россіей. Это именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые приносятъ государства съ собою при своемъ рожденіи.

Россія родилась въ восточной Европѣ, на берегахъ Днѣпра, а Днѣпръ, какъ значитса въ географіи, впадаетъ въ Черное море. Противъ географіи нельзя идти; пошелъ противъ нея Лудовикъ XIV, сказавъ, что вѣтъ больше Пиренеевъ, а Пиренеи все стоятъ на своемъ мѣстѣ и отдѣляютъ Францію отъ Испаніи; такъ и Днѣпръ все впадаетъ въ Черное море, а моря, въ противоположность горамъ, соединяють народы. Еще до начала русской исторіи Днѣпромъ шла дорога въ Грецію, и потому при первыхъ князьяхъ русскихъ завязалась тѣсная связь у Руси съ Византіей, скрѣпленная принятіемъ христіанства, *греческой вѣры*; а по нижнему Дунаю и дальше на югъ сидѣли все родныя славянскія племена, тѣмъ болѣе близкія къ Русскимъ, что исповѣдывали ту же греческую вѣру. Когда Турки взяли Константинополь, поработили и восточныхъ Славянъ греческой вѣры, Россія, отбиваясь отъ Татаръ, собиралась около Москвы. Московское государство осталось единственнымъ независимымъ государствомъ греческой вѣры; понятно слѣдовательно, что къ нему постоянно обращены были взоры народовъ Балканскаго полуострова. Но въ какомъ отношеніи находился султанъ турецкій къ христіанскому народонаселенію своихъ областей, въ такомъ же отношеніи находился государь московскій и всея Россіи къ мусульманскому народонаселенію своихъ восточныхъ областей. Московскіе послы, возвращавшіеся изъ Турціи, привозили вѣсти: „Христіяне говорятъ одно: далъ бы Богъ хотя малую побѣду великому государю, то мы бы встали и начали промыслять надъ Туркомъ. Къ султану приходили послы отъ Татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ и отъ Башкиръ, просили, чтобы султанъ освободилъ ихъ отъ Русскихъ и принялъ подъ свою власть царство Казанское и Астраханское. Султанъ принялъ этихъ пословъ ласково. но сказалъ, чтобы подождали немного.“

Чего же надобно было дожидаться, — съ одной стороны христіанскому народонаселенію Турецкой имперіи, съ другой мусульманскому народонаселенію восточныхъ областей Россіи? Дождаться, чтобы взялъ верхъ кто-нибудь изъ двохъ, царь русскій, единственный на свѣтѣ православ-

ный государь восточный, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, или султанъ турецкій, естественный покровитель всего мусульманства. Кажется ясно, какъ этотъ вопросъ относится къ исторіи Европы и христіанства.

Вопросъ не былъ рѣшенъ ни въ XVII, ни въ первой половинѣ XVIII вѣка; побѣды Миниха только смыли позоръ прутскій. Россія, такъ поднятая въ глазахъ Европы Петромъ Великимъ, Россія, которой союза наперерывъ искали западныя державы, Россія, въ отношеніи къ хищническому народонаселенію Востока, находилась въ томъ же положеніи, въ какомъ остановилась еще въ XVI вѣкѣ. Нестерпимое хищничество ордъ — казанской, ногайско-астраханской и сибирской заставляло Россію покончить съ ними; но она не была въ состояніи покончить съ самою хищною изъ ордъ татарскихъ, съ крымскою, которая находилась подъ верховною властію султана турецкаго. Крымскій вопросъ былъ жизненнымъ вопросомъ для Россіи, ибо допустивъ существованіе крымской ордъ, надобно было допустить, чтобы южная Россія навсегда оставалась степью, чтобы вмѣсто хлѣбныхъ каравановъ назначенныхъ для прокормленія западной Европы въ неурожайные годы, по ней тянулись разбойничьи татарскія шайки, гнавшія толпы пѣвниковъ назначенныхъ для напоменія восточныхъ невольничьихъ рынковъ.

Вопросъ крымскій не былъ рѣшенъ въ первой половинѣ XVIII вѣка и переданъ былъ второй. Переданъ былъ и другой подобный же вопросъ,—вопросъ польскій.

Польскій вопросъ точно также какъ и восточный, родился вмѣстѣ съ Россіей, которая родилась на берегахъ Днѣпра, Днѣстра, Буга и западной Двины, а не на берегахъ Волги, Камы и сѣверной Двины. Отсюда означала столкновение съ сосѣднею Польшей, отъ которой Россія отдѣлялась не матеріальными границами, а нравственными, преимущественно различіемъ вѣроисповѣданія. Извѣстно, какъ вслѣдствіе усобицъ и варварскихъ опустошеній ослабѣла югозападная Россія и подпала подъ власть князей литовскихъ, а Россія сѣверовосточная образовала особое государство подъ старою династіей Рюриковичей. Эта перемѣна династіи, не затрогивавшая національности въ югозападной Россіи, могла бы поддержать раздѣленіе на два государства, еслибы Литва умѣла поддержать свою само-

стоятельность и не соединилась съ Польшою. При этомъ соединеніи національность Русскихъ, вслѣдствіе различія вѣроисповѣданія, вслѣдствіе того, что Русь получила ино-вѣрное правительство, необходимо затрогивалась, и стремленіе къ своимъ получало силу и законность. Пока ино-вѣрное правительство относилось къ русской церкви только отрицательно, то-есть обнаруживало только равнодушіе, враждебныя отношенія къ ней, до тѣхъ поръ это стремленіе обнаруживалось не сильно; но когда, вслѣдствіе католической реакціи и дѣятельности іезуитовъ, польское правительство дало послѣднимъ сильную помощь противъ русской церкви, противъ греческой вѣры, то русская національность пробудилась и началось разложеніе польскаго государства, присоединеніе югозападныхъ русскихъ областей къ сѣверовосточнымъ, ибо югозападные области не могли образовать изъ себя независимаго, самостоятельнаго владѣнія.

Дѣло это, начавшееся въ XVI вѣкѣ, не кончилось ни въ XVII, ни въ первой половинѣ XVIII вѣка, ибо вѣдшая борьба двухъ государствъ, Русскаго и Польскаго, была сдержана; воцѣл Андрусовскаго перемирія въ 1667 году войны между Россіей и Польшей нѣтъ: Россія занята сначала войною турецкою, потомъ шведскою и преобразованіями. Но во второй половинѣ XVIII вѣка, волею-неволею, надобно было свести старые счеты. Привели дѣло къ концу: 1) Русское національное движеніе, совершившееся, какъ прежде, подъ религіознымъ знаменемъ; 2) завоевательныя стремленія Пруссіи; 3) преобразовательныя движенія, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его.

Религіозная борьба, подымавшая Русь противъ Польши въ XVI вѣкѣ, повела во второй половинѣ XVIII-го къ знаменитому вопросу о диссидентахъ, игравшему такую роль въ исторіи паденія Польши. Здѣсь связь явленій, кажется, очень ясна; распространяться о ней не нужно. Что касается до завоевательныхъ стремленій Пруссіи, то мы за объясненіями ихъ можемъ обратиться къ нѣмецкимъ историкамъ, которые скажутъ намъ слѣдующее:

„Шляхетская республика (Польша) въ XVI столѣтіи взяла на себя относительно восточной Европы ту же самую роль, какую, относительно запада, взяла на себя Филиппъ испанскій, то-есть стремленіе къ всемірному владѣ-

дычеству во имя католицизма. Какъ Филиппъ, въ качествѣ защитника старой церкви, старался подчинить себѣ Англiю, такъ Сигизмундъ Польскій старался подчинить себѣ свою родину, Швецію; какъ Филиппъ имѣлъ приверженцевъ во Франціи, держалъ гарнизоны въ Парижѣ и имѣлъ въ виду посадить дочь свою на французскій престолъ, такъ Сигизмундъ имѣлъ партію въ Москвѣ, занималъ своимъ войскомъ кремль и наконецъ видѣлъ избраніе сына своего въ цари московскіе. Но и слѣдствія были одни и тѣ же какъ на востокъ, такъ и на западъ: повсюду кончилось неудачей. Какъ Франція соединилась около Генриха IV, такъ Россія собралась около Михаила Романова; какъ въ борьбѣ съ Филиппомъ развилась юная морская сила Англiи, такъ въ польскихъ войскахъ выросъ герой протестантизма Густавъ-Адольфъ¹. Польша вышла изъ борьбы столь же изможденною и лишенною средствъ къ жизни, какъ и Испанія. Такая роль Польши въ религиозныхъ войнахъ конечно не могла смягчить той застарѣлой ненависти, которая началась существовала между Польшей и нѣмецкимъ сѣверомъ. Цѣлые вѣка оба народа вели борьбу за широкія равнины между Ельбой и Вислой, которыя сначала были заняты Германцами, потомъ, по удаленіи послѣднихъ во время великаго переселенія народовъ, стали жилищами Славянъ. Здѣсь нѣмецкая колонизація снова завоевала бранденбургскія марки и Силезію, потомъ нѣмецкій мечъ покорилъ прусскія земли. Господство нѣмецкаго ордена утвердилось здѣсь сначала съ согласія Поляковъ: но когда орденъ пересталъ признавать верховную власть Польши, послѣдовала смертельная борьба, кончившаяся послѣ вѣковыхъ войнъ полнымъ покореніемъ ордена. Восточная Пруссія стала польскимъ леномъ, западная—польскою провинціей. Страны эти приняли протестантизмъ, и восточная Пруссія сдѣлалась черезъ это свѣтскимъ герцогствомъ, которое скоро послѣ того досталось курфирстамъ бранденбургскимъ. Западная Пруссія, которой горожане и дворянство большею частію были протестантами, приняла относительно короля Сигиз-

¹ Здѣсь нѣмецкій историкъ пропустилъ, что отпаденіе Малороссіи вслѣдствіе религиозной борьбы вполнѣ соответствуетъ отпаденію Нидерландовъ отъ Испаніи. Мы увидимъ, куда онъ, по своему взгляду, отнести это соответствіе.

мунда положеніе, подобное положенію Нидерландовъ относительно Филиппа II; враждебное отношеніе провинціи къ королевству, нѣмецкаго языка къ польскому было усилено враждою религиозной: здѣсь побѣда католической реакціи повлекла бы за собою непосредственно паденіе нѣмецкаго элемента. Курфирстамъ бранденбургскимъ удалось принудить Польшу отказаться отъ своихъ ленныхъ правъ, и восточная Пруссія стала самостоятельнымъ государствомъ. Польша подчинилась необходимости, но не забыла своихъ притязаній; скоро потомъ она заключила союзъ съ Людовикомъ XIV для возвращенія себѣ Пруссіи, и когда Фридрихъ I принялъ титулъ прусскаго короля, посыпались протесты польскихъ магнатовъ. Такъ родилось Прусское государство въ борьбѣ за нѣмецкую національность и свободу вѣроисповѣданія, въ полной внутренней и внѣшней противоположности къ Польшѣ. Вражда заключалась здѣсь въ натурѣ вещей. Кто объ этомъ не пожалѣетъ? Но что значитъ человѣческое сожалѣніе въ отношеніяхъ между народами? Пока Польша существовала, она должна была стремиться сдѣлать Кенигсбергъ опять польскимъ городомъ, а Данцигъ католическимъ. Пока Бранденбургія оставалась странною нѣмецкою и протестантскою, главная задача ея состояла въ томъ, чтобы сдѣлать мархію и герцогство цѣлостнымъ государствомъ чрезъ освобожденіе западной Пруссіи¹.

Третьею причиною паденія Польши указали мы преобразовательныя движенія XVIII вѣка. Преобразовательная дѣятельность европейскихъ правительствъ началась на востокѣ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка: вслѣдствіе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго восточная Европа приняла новый видъ и соединилась съ западною; во второй половинѣ вѣка на новыя движенія въ литературѣ и обществѣ откликнулись три монарха: Екатерина II въ Россіи, Фридрихъ II въ Пруссіи, Иосифъ II въ Австріи; во Франціи правительство не сумѣло удержать въ своихъ рукахъ направленіе преобразовательнаго движенія—и слѣдствіемъ былъ страшный переворотъ, взволновавшій всю Европу. Среди преобразовательныхъ движеній, которыми

¹ Sybel: *Geschichte der Revolutionszeit*, I, 157.

знаменовался вѣкъ, среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тѣмъ болѣе, что въ ней преобразованія были нужнѣе чѣмъ гдѣ-либо: вслѣдствіе безобразно-односторонняго развитія одного сословія, вслѣдствіе внутренняго беспорядка Польша потеряла свое политическое значеніе, ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкою, истощившею ея силы. Естественно, что нѣкоторые Поляки должны были придти къ мысли, что единственнымъ средствомъ спасенія для ихъ отечества было преобразование правительственныхъ формъ; съ этою мыслию вступилъ на престолъ король Станиславъ-Августъ Понятовскій, который хотѣлъ быть для Польши тѣмъ же, чѣмъ его знаменитые сосѣди, Екатерина, Фридрихъ, Иосифъ были для своихъ государствъ. Но что бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губитъ слабые, и попытка преобразованія только ускорила паденіе Польши. Станиславъ Понятовскій взялъ на себя задачу, которая прилась не по силамъ его, какъ короля, и не по силамъ его, какъ человека.

Рѣдкій государь восходитъ на престолъ съ такими миролюбивыми намѣреніями, съ какими взошла на русскій престолъ Екатерина II. Это миролюбіе проистекало изъ убѣжденія въ необходимости прежде всего заняться внутренними дѣлами, поправить разстроенные финансы, а для этого нужно было, по разчету императрицы, по крайней мѣрѣ пять лѣтъ мира. Отсюда понятно, съ какимъ спокойствомъ смотрѣла Екатерина на Польшу, въ которой происходили сильныя волненія партій, грозившія еще усилиться, потому что королю Августу III оставалось не долго жить и предстояли королевскіе выборы. Екатерина должна была поддерживать свою партію между польскими вельможами, оказывать покровительство русскому православному народонаселенію, подававшему ей жалобы на притѣсненія отъ католиковъ, должна была заботиться, чтобы избранъ былъ въ короли человекъ, отъ котораго ей нечего было бы опасаться въ будущемъ, и въ то же время должна была хлопотать изъ всѣхъ силъ, чтобы все это было достигнуто мирнымъ путемъ. Задача очень нелегкая! Въ Польшѣ боролись двѣ партіи: партія придворная, во главѣ которой стоялъ всемогущій при Августѣ III министръ

Брюль и зять его Мишекъ, и партія, во главѣ которой стояли князья Чарторыйскіе; послѣдняя партія держалась Россіи, и это опредѣляло взглядъ русскаго двора на польскія дѣла: чтобы поддержать своихъ, надобно было дѣйствовать противъ брюлевской или саксонской партіи, противо-дѣйствовать ея стремленію возвести на польскій престолъ по смерти Августа III сына его, курфюрста Саксонскаго.

Трудность задачи, какъ мы видѣли, состояла въ томъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей мирнымъ путемъ и въ то же время не показать слабости, неспособности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Встревоженная извѣстіями, что придворная партія готова употребить насилія надъ членами партіи Чарторыйскихъ, Екатерина, 1 апрѣля 1763 года, послала приказаніе послу своему при польскомъ дворѣ, Кайзерлингу: „Разгласите, что если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кенигштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и, спущу Запорожскихъ козаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отомстить за оскорбленія, которыя нанеситъ имъ король польскій.“ Относительно православныхъ, Екатерина писала Кайзерлингу: „Епископъ Георгій бѣлорусскій¹ подалъ мнѣ просьбу отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на бѣдствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ; поручаю ихъ вашему покровительству; сообщите мнѣ, что нужно для усиленія моего значенія тамъ, моей партіи; я не пренебрегу ничѣмъ для этого.“ Но въ то же время она требовала отъ Кайзерлинга, чтобъ онъ сдерживалъ рьяность партіи Чарторыйскихъ; такъ писала она отъ 14 іюля: „Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацію; но я не вижу, къ чему поведетъ конфедерація при жизни короля польскаго? Говорю вамъ сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ порядокъ финансовъ, чего въ одну минуту сдѣлать нельзя; моя армія не можетъ выступить въ походъ въ этомъ году: и потому я вамъ рекомендую сдерживать нашихъ друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не сприсясь со мною; я не хочу быть увлечена далѣе того, сколько требуетъ польза моихъ дѣлъ.“ Отъ 26 іюля: „Въ послѣднемъ моемъ

¹ Званскій Колюсскій.

письмѣ я приказывала вамъ удерживать друзей моихъ отъ преждевременной конфедераціи; но въ то же время дайте имъ самыя положительныя удостовѣренія, что мы ихъ будемъ поддерживать во всемъ что благоразумно, будемъ поддерживать до самой смерти короля, послѣ которой мы будемъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, въ ихъ пользу.“

Между тѣмъ не одну Варшаву волновалъ вопросъ: кому быть королемъ по смерти Августа III?—сильно занимался имъ также въ Петербургѣ и Москвѣ, и Несторъ русскихъ дипломатовъ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, что всего лучше возвести на престолъ сына Августа III, будущаго курфюрста саксонскаго. Но иначе опредѣлялъ совѣтъ созванный императрицею, когда получено было извѣстіе, что король очень слабъ: совѣтъ рѣшилъ, что при будущихъ выборахъ надобно дѣйствовать въ пользу Пяста (природнаго Поляка), и именно стольника литовскаго, графа Станислава Понятовскаго; если же его нельзя, то двоюроднаго брата его, князя Адама Чарторыйскаго, сына князя Августа, воеводы русскаго; хранить это тайнѣ, держать 30.000 войска на границѣ, и еще 50.000 наготовѣ.

Наконецъ рѣшительная минута наступила: 5 октября 1763 умеръ король Августъ III. „Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго; король прусскій изъ-за стола вскочилъ какъ услышалъ,“ писала Екатерина Панину. Старикъ Бестужевъ опять подалъ мнѣніе въ пользу курфюрста саксонскаго, котораго слѣдовало поддерживать „во 1) главнѣйше вслѣдствіе того намѣренія, которое уже о немъ при государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ принято, и союзнымъ дворамъ—вѣнскому, французскому и самому саксонскому сообщено было, а притомъ и въ такомъ разсужденіи, что 2) всякій избираемый природный Полякъ или Пястъ, сколь бы знатенъ и богатъ ни былъ, безъ чужестранной денежной помощи себя содержать не въ состояніи, слѣдовательно въ случаѣ перевѣса отъ кого-либо другаго денежной дачи, для Россіи и вредителенъ будетъ. 3) Равномѣрно и изъ иностранныхъ принцевъ, а того больше изъ усилившагося бранденбургскаго дома для Россіи и ея интересовъ отнюдь индифферентенъ быть не можетъ. 4) Государь Петръ Великій по своей прозорливости и находя пользу своихъ инте-

ресовъ объ удержаніи польской короны въ саксонскомъ домѣ со всею колеблемостію онаго невозможнѣйше старался. 5) Избраніе поманутаго курпринца можетъ быть не столько затрудненій возымзеть, когда безъ сумнѣнія Поляки уже къ тому исподоволь приготовлены, такъ что можетъ быть и нужды не будетъ гораздо великихъ денегъ на то отсюда тратить. Между тѣмъ по имѣющимся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ дѣламъ извѣстно, что хотя Поляки желаютъ лучше себѣ королемъ Пяста, но въ то же время подвергая выборъ онаго сколько отъ самихъ себя, столь же больше отъ мелкаго шляхетства крайнимъ затрудненіямъ или и самой невозможности, устремляются уже въ своихъ мысляхъ главнѣйше на двухъ иностранныхъ князей, то-есть принца Карла Лотаринскаго и ландграфа гессенъ-кассельскаго, изъ которыхъ о первомъ вѣнскій, а о послѣднемъ берлинскій дворъ стараются, имѣя уже для того въ Польшѣ нѣкоторыя партіи. Но какъ избраніе того или другаго изъ сихъ принцевъ россійскимъ интересамъ въ разсужденіи натуральной ихъ преданности и зависимости отъ вѣнскаго или берлинскаго двора полезно, а потому и индифферентно быть не можетъ, то необходимо нужно немедленно избрать и назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ пястовъ такого кандидата, на котораго бы Россія совершенно полагаться могла, и который бы свое возвышеніе только ея императорскому величеству долженствовалъ и отъ нея одной зависѣть былъ. Если ея императорскому величеству неугодно будетъ избрать и назначить къ тому нынѣшняго курфирста саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ или изъ его же саксонскаго дома удѣльныхъ принцевъ ничѣмъ различаться не могъ бы и отъ самыхъ пястовъ, потому что неминуемо надлежало бы избираемаго изъ первыхъ или послѣднихъ короля польскаго для обязательства къ Россіи ежегодными денежными субсидіями снабждать. Что особливо для Пястовъ казается, то сколько графу Бестужеву-Рюмину извѣстно, находятся въ Польшѣ только двое къ тому способныхъ, а съ другой и для Россіи надежныхъ, а именно князь Адамъ Чарторижской да стольникъ литовской графъ Понятовской. Но какъ первый очень богатъ, слѣдовательно не имѣя большой нужды въ полученіи отъ Россіи денежнаго вспоможенія, хотя въ руки какой другой иностранной державы и не отдастся, однакожь

и отъ Россіи совсѣмъ зависимъ быть не похочеть; то въ разсужденіи сего важнаго обстоятельства и въ случаѣ если всевысочайшее ея императорскаго величества соизволеніе точно на выборъ Пяста будетъ, не безъ основанія кажется, что сей послѣдній, то-есть графъ Поятовской для Россіи и ея интересовъ гораздо надежнѣйшимъ и полезнѣйшимъ былъ бы, столь наипаче, что пользуясь въ прибавокъ къ своему собственному достатку нѣкоторымъ ежегоднымъ отсюда денежнымъ вспоможеніемъ, натурально былъ бы въ россійской зависимости, а сверхъ того и возвышеніе свое единственно ея императорскому величеству долженствовало бы.“

Старикъ жилъ воспоминаніями прошедшаго времени, когда онъ былъ канцлеромъ императрицы Елисаветы и сваталъ саксонскую принцессу за наследника русскаго престола. Странно было теперь толковать о кандидатурѣ саксонскаго курфирста, когда поддерживать послѣдняго значило губить „своихъ друзей“. когда въ Курляндіи русскія войска дѣйствовали противъ принца Карла, сына Августа III. Говорили, будто Бестужевъ дѣйствовалъ противъ Поятовскаго въ угоду Орловымъ, врагамъ послѣдняго; но мы видѣли, что Бестужевъ предлагалъ Поятовскаго, если уже непременно нужно выбрать Пяста; вѣрнѣе, что самолюбивый старикъ защищалъ собственное дѣло: при Елисаветѣ Петровнѣ было порѣшено оставить польскую корону въ саксонской династіи!

Король прусскій выскочилъ изъ-за стола какъ услышалъ о смерти Августа III. Мысль объ увеличеніи своихъ владѣній насчетъ Польши не покидала Фридриха II; но теперь было не время ее высказывать. За пріобрѣтеніе Силезіи отъ Австріи онъ заплатился очень дорого. Истощенный Семилѣтнею войной, которая едва было не довела его до гибели, онъ стоялъ одинокъ, и сильно желалъ опереться на союзъ съ императрицею русскою. Съ этою цѣлю онъ рѣшился войти въ виды Екатерины относительно избранія новаго короля, поддерживать ея кандидата, лишь бы онъ не предпринималъ никакихъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ Польши. Екатерина, лично нерасположенная къ саксонской династіи и къ Маріи Терезіи, сочувствуя Фридриху какъ человѣку и не имѣя причинъ опасаться его какъ государя, рада была дѣйствовать съ

вѣмъ заодно въ Польшѣ, и самая дружеская переписка завязалась между ними. Фридрихъ не щадилъ ея имени передъ императрицей и женщиною; Екатерина отвѣчала ему въ томъ же тонѣ. Еще до кончины Августа III, Фридрихъ сообщалъ Екатеринѣ извѣстія изъ Вѣны, что тамъ думаютъ, какія имѣютъ подозрѣнія относительно видовъ на Польшу со стороны Россіи; просилъ не тревожиться мнѣніями и подозрѣніями вѣнскаго двора, потому что въ Вѣнѣ нѣтъ денегъ, и Марія Терезія вовсе не въ такомъ выгодномъ положеніи, чтобы могла начать войну: „Вы достигнете своей цѣли, писалъ Фридрихъ, если только немощко прикроете свои виды и накажете своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ опровергать ложные слухи, тамъ распускаемые; въ противномъ случаѣ ваши дѣла пострадаютъ. Вы посадите на польскій престолъ короля по вашему желанію и безъ войны, а это послѣднее въ сто разъ лучше, чѣмъ опять погружать Европу въ пропасть, изъ которой она едва вышла. Саксонцы сильно встревожились; причины тревоги—дѣла курляндскія и вступленіе въ Польшу отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ Салтыкова. Крики Поляковъ—пустые звуки; короля польскаго боятся нечего: едва въ состояніи онъ содержать семь тысячъ войска. Но они могутъ заключить союзы, которымъ надобно воспрепятствовать; надобно ихъ усыпить, чтобы они заранѣе не приняли мѣръ, могущихъ повредить вашимъ намѣреніямъ“. Фридрихъ не скрывалъ, что желалъ бы видѣть на польскомъ престолѣ Пяста; Екатерина отвѣчала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пястъ не былъ старикъ смотращій въ гробъ, ибо тогда начнутся новыя волненія и интриги съ разныхъ сторонъ въ чаяніи скорыхъ выборовъ.

Смерть Августа III повела къ объясненіямъ боаѣ рѣшительнымъ относительно его преемника. Едва Августъ успѣлъ испустить духъ, какъ невѣстка его, новая курфиртина саксонская отправила письмо къ Фридриху II съ просьбою помочь ея мужу въ достиженіи польскаго престола, и быть посредникомъ между нимъ и Россіей, предлагая сдѣлать для послѣдней всѣ возможные удовлетворенія. Фридрихъ, отправляя копію этого письма въ Петербургъ, писалъ Екатеринѣ: „Если ваше императорское величество подкрѣпите теперь свою партію въ Польшѣ, то никакое государство не будетъ имѣть права этимъ оскор-

биться. Если образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность дастъ вамъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войско въ Польшу; мнѣ кажется, что если вы объявите саксонскому двору, что не можете согласиться на избранія курфюрста въ короли польскіе, то Саксонія не двинется и не запутааетъ дѣла.“

На встрѣчу этому письму шло письмо изъ Петербурга въ Берлинъ: „Получивши извѣстіе о смерти короля польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ вашему величеству, писала Екатерина Фридриху: такъ какъ мы согласны на счетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и безъ дальнѣйшихъ околичностей я предлагаю вашему величеству между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ вашему величеству и мнѣ за то, что мы для него одѣлаемъ. Если ваше величество согласны, то это стольникъ литовскій, графъ Станиславъ Понятовской, и вот мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе будетъ обязанъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ. Этого нельзя сказать о главахъ нашей партіи: тотъ изъ нихъ, кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. Ваше величество мнѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, заинтересованные тѣмъ, что одинъ изъ ихъ дома будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. Ваше величество не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: они въ связи съ моими государственными правилами. Всякая смута мнѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно.“

Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ, и что немедленно же прикажетъ своему министру въ Варшавѣ, дѣйствовать заодно съ Кайзераиномъ въ пользу Понятовскаго. Прусскому королю дали знать, что Французы и Саксонцы интригуютъ изо всѣхъ силъ, чтобы внушить Полякамъ отвращеніе къ Пясту; но Фридрихъ не боялся этихъ интригъ; онъ былъ твердо увѣренъ, что если русскій и прусскій министры вмѣстѣ объявятъ главнымъ вельможамъ о желаніи своихъ государей, тѣ сейчасъ же согласятся. Фридрихъ былъ спокоенъ и относительно Австріи: по его убѣжденію вѣнскій

дворъ не вмѣшается въ выборы, лишь бы соблюдаемы были формальности. „Что же касается Порты Оттоманской, писалъ Фридрихъ Екатеринѣ, то я въ этомъ отношеніи предупредилъ ваши желанія.“ Фридрихъ приказалъ своему министру въ Константинополь дѣйствовать согласно съ желаніями обоихъ дворовъ, брава ввѣститъ интервенцію, что избраніе Пяста въ короли польскіе вполне согласно съ интересами султана. „Я съ своей стороны, писалъ Фридрихъ, не пощажу ничего, чтобы могло успокоить умы, чтобы все прошло спокойно и безъ кровопролитія, и я заранѣе поздравляю ваше императорское величество съ королемъ, котораго вы дадите Польшѣ.“ Король не упускалъ случая высказываться, что смотритъ на мирное избраніе Понятовскаго какъ на дѣло рѣшенное. Екатерина послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ; Фридрихъ (7 ноября 1763 г.) отвѣчалъ на эту любезность: „Кромѣ рѣдкости и превосходнаго вкуса плодовъ, безконечно дорого для меня то, отъ чьей руки получалъ я ихъ въ подарокъ. Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ: но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности; та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздастъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ.“

Прошелъ 1763 годъ. Въ началѣ 1764 Фридрихъ не переставалъ утверждать Екатерину въ тѣхъ же надеждахъ: Франція и Австрія будутъ мѣшать при выборахъ только тайкомъ, интригами, а не силою; надобно бояться одного, чтобы они своими интригами не подняли Порту. Относительно Поляковъ Фридрихъ беспокоился менѣе всего: „Деньгами и угрозами вы заставите ихъ сдѣлать все что вамъ угодно; но разумѣется сначала должно употребить всѣ кроткія мѣры, чтобы не дать сосѣдямъ предлога вмѣшаться въ дѣло, которое вы считаете своимъ.“ Фридрихъ увѣрялъ, что не будетъ ничего серьезнаго, основываясь на своемъ знаніи національнаго польскаго характера: „Поляки горды, когда считаютъ себя внѣ опасности, и подзаютъ, когда видятъ опасность. Я думаю, что не будетъ пролито крови: развѣ отрѣжутъ носъ или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймикѣ. Поляки получили нѣкоторую сумму денегъ отъ Саксонскаго двора; кто захочетъ получить ихъ, тотъ произведетъ нѣкоторый шумъ; но все и ограничится шумомъ.

Ваше величество приведете въ исполненіе свой проектъ: этотъ оракулъ вѣрнѣе Калхасова.“

Оракулъ дѣйствительно оказался вѣрнымъ. Какъ обыкновенно бывало при королевскихъ выборахъ, Польша взволновалась борьбою партій: въ челѣ одной стороны стояли Чарторыйскіе, въ челѣ другой противной имъ стороны находились—великій гетманъ коронный Брауцкій¹, князь Карлъ Радзивиллъ и кievскій палатинъ графъ Полоцкій; въ Литвѣ противъ Радзивилла дѣйствовали Масальскіе—одинъ гетманъ, другой епископъ виленскій. По обычаю, усобица была прекращена иностраннымъ оружіемъ: Чарторыйскіе призвали русскія войска, которыя заставили Брауцкаго и Радзивилла бѣжать за границу; восторжествовавшая сторона выбрала королемъ Станислава Понятовскаго (7 сентября 1764 г.) „Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы сдѣлали, писала Екатерина графу Никитѣ Ивановичу Панину; сей случай наивяще умножилъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу сколь безошибочны были всѣ вами взятые мѣры.“

Что всего важнѣе было для Екатерины: торжество ея въ Польшѣ не повело къ нарушенію мира въ Европѣ, Австрія и Франція не двинулись. Не смотря на то, спокойствіе со стороны Польши не могло быть продолжительно: съ одной стороны поднимался тамъ старый вопросъ о диссидентахъ, съ другой новый—о преобразованіяхъ. Еще до королевскаго избранія Чарторыйскіе, пользуясь своимъ торжествомъ, выказали явное стремленіе къ преобразованіямъ, и новый король вступилъ на престолъ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Фридрихъ II встревожился. „Многіе изъ польскихъ вельможъ, писалъ онъ Екатеринѣ², желаютъ уничтожить *liberum veto* и замѣнить его большинствомъ: это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши; согласенъ, что намъ нечего беспокоиться при королѣ Станиславѣ; но на будущее

¹ Брауцкій самъ думалъ о коронѣ. Разказывали, что между нимъ и саксонскимъ курфюргомъ былъ заключенъ договоръ: если курфюрстъ потеряетъ надежду на успѣхъ, то будетъ поддерживать Брауцкаго. Курфюрстъ имѣлъ въ виду при этомъ, что гетманъ старъ, скоро умретъ, и тогда можно будетъ опять возобновить свои искательства. Но вмѣсто старика гетмана умеръ молодой курфюрстъ, и смерть его нанесла страшный ударъ саксонской партіи.

- 30 октября 1764 года.

время? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться, и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей; тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будутъ средства дѣлать перемѣны, когда сочтете это для себя нужнымъ. Чтобъ воспрепятствовать Полякамъ предаться первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма.“

Екатерина дала знать Понятовскому, чтобъ онъ удержался отъ преобразованій. Король исполнилъ ея желаніе, но отвѣчалъ откровенно, что это самая тяжелая для него жертва: „Смѣю думать, ваше императорское величество видите самое сильное доказательство моего безграничнаго уваженія къ вамъ въ той жертвѣ, которую я принесъ на нынѣшнемъ сеймѣ: я пожертвовалъ тѣмъ что мнѣ всего дороже. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе *liberum veto* составляютъ предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Но вы пожелали, чтобъ этого еще пока не было, — и это даже не было предложено.“ Чтобы выпросить у Екатерины позволеніе приступить немедленно къ реформамъ, Станиславъ Августъ началъ представлять ей, что реформы необходимы для исполненія главнаго его желанія—полноправія диссидентовъ. „Вы хотите, чтобы Польша оставалась свободною“, писалъ онъ ей ¹. „Вы желаете, чтобы союзъ Польши съ вашею имперіей сталъ еще тѣснѣе и выгоднѣе для обоихъ народовъ чѣмъ прежде, чтобы каждый гражданинъ польскій, включая сюда и диссидентовъ, любилъ васъ и былъ вамъ обязанъ. Я также хочу, чтобы Польша оставалась свободною, и потому-то я желалъ бы извлечь ее изъ того страшнаго безпорядка, который въ ней царствуетъ. Множеству ревностныхъ патриотовъ до того стала противна анархія, что они начинаютъ громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію тѣмъ постыднымъ злоупотребленіямъ своеволия, если уже невозможно достигнуть свободы болѣе умѣренной. Отъ этого-то отчаянія я хочу ихъ предохранить; но для того единственное средство—сеймовыя преобразованія. Ваше величество принимаетъ живое участіе въ диссидентахъ: но для ихъ дѣла, какъ для всякаго

¹ 15 ноября 1764 года.

другаго, нужно болѣе порядка на сеймахъ, а этого нельзя достигнуть безъ исправленія нашихъ сеймиковъ.“

Но Станиславу Августу было трудно убѣдить кого бы то ни было въ послѣднемъ. Опытъ былъ сдѣланъ, и оказалось, что успѣхъ дѣла диссидентовъ не могъ зависить отъ преобразованія сеймиковъ и сейма: едва только примасъ упомянулъ на сеймѣ о требованіяхъ диссидентовъ, какъ страшный, всеобщій крикъ остановилъ дѣло; здѣсь слѣдовательно не одинъ шляхтичъ своимъ veto сорвалъ сеймъ. Самъ король увѣдомилъ объ этомъ Екатерину, выставляя трудность дѣла и свое усердіе въ исполненіи желаній русской императрицы: „Никогда во всю мою жизнь ничего не добивался я съ такимъ трудомъ, съ какимъ добивался у сейма позволенія вступить съ вами въ переговоры на счетъ предметовъ, вами желаемыхъ. Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ, я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи.“¹

Но могла ли Екатерина отказаться отъ своего требованія? Могла ли Россія отказаться въ помощи русскому народу? Дѣло шло не объ одномъ уравниеніи правъ православныхъ съ католиками; дѣло шло о томъ, что полтораста церквей были отняты у православныхъ. Екатерина не могла не помочь диссидентамъ, показывая въ то же время, что готова одинаково помогать и Польшѣ, защищать ее отъ своего союзника, короля прусскаго. Чтобы сколько-нибудь поправить истощенную казну, польское правительство издало тарифъ относительно привозныхъ товаровъ. Прусскому королю это очень не понравилось, потому что пошлины легли преимущественно на привозимые изъ его владѣній товары. Чтобы отомстить, онъ устроилъ на Вислѣ, не далеко отъ Мариенвердера таможду снабженную батареей; пушки грозили гибелью каждому польскому судну, которое бы отказалось заплатить пошлину съ перевозимыхъ товаровъ, а пошлина эта простиралась отъ 10 до 15 процентовъ. Поднялся всеобщій вопль. Станиславъ Августъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбой о помощи, написавъ къ Фридриху письмо въ сильныхъ выраженіяхъ. По поводу этого письма Екатерина писала къ Парину: „Признаюсь, я была испу-

¹ 20 апрѣля 1765 года.

гана жаромъ, съ какимъ написанъ первый параграфъ этого письма. Написано прекрасно, но вовсе не прилично. О, какъ бы вы забранились, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня. Вы этимъ доставите ему величайшее благо, то-есть спокойное и благоразумное царствованіе; сдержите его живость, не дайте ему показывать столько остроумія на счетъ пользы его дѣлъ.“

По ходатайству русской императрицы маріенвердерская таможня была снята. „Уничтоженіе маріенвердерской таможни, писалъ Станиславъ Екатеринъ, доказываетъ, съ одной стороны, истинную дружбу вашего императорскаго величества ко мнѣ, съ другой, силу вашего вліянія на короля прусскаго. Страшно мнѣ было думать, что несчастіе, неизвѣстное Польшѣ при моихъ предшественникахъ, постигло ее въ мое царствованіе, и что бѣда пришла со стороны того государя, который содѣйствовалъ моему избранію; уже начались было толки, что маріенвердерская таможня была выговорена въ награду за это содѣйствіе.“

Важная услуга была оказана; но за нее слѣдовало заплатить. Вопросъ о диссидентахъ стоялъ на очереди.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ИЗЪ ИСТОРИИ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ЭПОХУ РЕВОЛЮЦІИ.

„— Если вы будете отвѣчать, какъ вашъ товарищъ, то бесполезно васъ и спрашивать.

„— Мой товарищъ, господинъ экзаминаторъ, знаетъ больше чѣмъ сколько онъ обнаружилъ; я надѣюсь быть счастливѣе его, но я могу сробѣть отъ вашихъ словъ и не отвѣтить того что знаю.

„— Незнающіе вѣчно ссылаются на робость. Я предлагаю вамъ не экзаменоваться, чтобъ избавить васъ отъ стыда срѣзаться.

„— Я не знаю сгдыда болѣе того, какому вы подвергаете меня въ эту минуту. Потрудитесь спросить меня; это ваша обязанность.

„— Вы поговариваете свысока. Посмотримъ, на сколько законна ваша гордость.

„— Не угодно ли вамъ начать, господинъ экзаминаторъ, я жду вопроса.

„Г. Монжъ (младшій) предложилъ мнѣ вопросъ изъ геометріи, на который я отвѣчалъ такъ, что ослабилъ его

предубѣжденіе. Онъ перешелъ къ вопросу изъ алгебры, къ разрѣшенію численнаго уравненія. Я зналъ сочиненіе Лагранжа какъ свои пять пальцевъ; разобралъ извѣстные методы, развивая ихъ достоинства и недостатки: методу Ньютона, методу рядовъ, методу подстановокъ, методу непрерывныхъ дробей. Я разобралъ всѣ эти способы; отвѣтъ продолжался цѣлый часъ. Монжъ сдѣлался очень благоклоннымъ, и сказалъ мнѣ: „Я бы могъ считать экзаменъ уже оконченнымъ, но для собственнаго удовольствія предложу вамъ еще два вопроса. Въ какихъ отношеніяхъ находится кривая линія къ прямой, которая къ ней касательна?“ Я разобралъ этотъ вопросъ, какъ частный случай теоріи соприкосновеній, который я изучилъ по *Трактату объ аналитическихъ функціяхъ* Лагранжа. „Наконецъ сказалъ мнѣ экзаминаторъ, какъ опредѣлите вы натяженіе частей, составляющихъ веревочную машину?“ Я разрѣшилъ эту задачу по методу изложенной въ *Аналитической Механикѣ*. Такимъ образомъ Лагранжъ выручилъ меня въ продолженіи всего экзамена. Я былъ у доски два часа съ четвертью. Монжъ, перейдя съ одного конца на другой, объялъ меня и объявилъ торжественно, что я займу первое мѣсто на его спискѣ.“

Этими словами Араго описываетъ свой вступительный экзаменъ въ Политехническую школу, который онъ держалъ въ 1803 году въ Тулузѣ, гдѣ подобно другимъ главнымъ городамъ Франціи, производился экзаминаторомъ прибывшимъ изъ Парижа, конкурсъ для желающихъ поступить въ школу (эти разѣзды экзаминаторовъ сохранились и до настоящаго времени).

„Нѣчто подобное приведенному разговору случилось со мной, продолжаетъ Араго, въ началѣ экзамена изъ математики при переводѣ изъ одного отдѣленія школы въ другой. На этотъ разъ экзаминаторомъ былъ знаменитый геометръ Лежандръ, съ которымъ чрезъ нѣсколько лѣтъ я имѣлъ честь сдѣлаться товарищемъ и другомъ. Я входилъ въ кабинетъ въ ту минуту, когда два служителя выносили на рукахъ Г. Т., державшаго экзаменъ передо мною и упавшаго въ обморокъ. Я думалъ, что этотъ случай тронетъ и смягчитъ Лежандра. Ничего не бывало. „Ваше имя,“ спросилъ онъ рѣзко.—„Араго,“ отвѣчалъ я.—„Вы, значитъ, не Французъ?“—„Еслибъ я не былъ Французомъ, то я не былъ бы

передъ вами, потому что я не слыхадъ, чтобы кто-нибудь вступилъ въ школу, не представивъ свидѣтельства о національности.“—„А я такъ утверждаю, что нельзя быть Французомъ, называясь Араго.“—„А я съ своей стороны утверждаю, что я Французъ и хорошій Французъ, какъ бы ни страннымъ казалось вамъ мое имя.“—„Хорошо; не будемъ спорить, ступайте къ доскѣ.“ Едва я вооружился мѣломъ, какъ Лежандръ, возвращаясь къ первой мысли, которая его заняла, говорить мнѣ: „Вы родомъ изъ департаментовъ недавно присоединенныхъ къ Франціи?—„Нѣтъ, господинъ экзаминаторъ; я родился въ департаментѣ Восточныхъ Пиринеевъ при подошвѣ Пиринеевъ.“—„Что же не сказали вы мнѣ этого прежде. Теперь все объясняется. Вы испанскаго происхожденія; не правда ли?—„Это очень возможно; но въ моемъ скромномъ семействѣ не сохраняютъ документовъ, которые позволили бы мнѣ прослѣдить гражданское положеніе моихъ предковъ: у насъ всякій сынъ своихъ дѣлъ. Снова объявляю вамъ, что я Французъ, и этого должно быть для васъ достаточно.“

„Рѣзкость послѣдняго отвѣта не расположила Лежандра въ мою пользу. Я это скоро узналъ; ибо, предложивъ мнѣ вопросъ, который требовалъ употребленія двойныхъ интеграловъ, онъ остановилъ меня и сказалъ: „Способъ, которому вы слѣдуете, вамъ не былъ показанъ профессоромъ. Откуда вы его взяли?—„Въ одномъ изъ вашихъ мемуаровъ.“—„Зачѣмъ вы его выбрали? развѣ за тѣмъ, чтобы меня прельстить?—„Этого у меня и въ головѣ не было. Я принялъ его потому что онъ мнѣ кажется лучше другихъ.“—„Если вы не объясните мнѣ причинъ вашего предпочтенія, то объявляю вамъ, что вы будете дурно отмѣчены, по крайней мѣрѣ за вашъ характеръ.“ Я вошелъ въ разсужденіе почему мнѣ кажется, что методъ двойныхъ интеграловъ во всѣхъ откошеніяхъ яснѣе и рациональнѣе того, который Лакруа развивалъ намъ на лекціяхъ. Съ этой минуты Лежандръ казался мнѣ довольнымъ; онъ смягчился. Потомъ онъ спросилъ меня, какъ опредѣлить центръ тяжести сферическаго сектора. „Это легко,“ сказалъ я.—„Если вы находите что это легко, я усложню вопросъ: вмѣсто постоянной плотности, допустимъ, что она измѣняется отъ центра къ окружности по опредѣленной функціи.“ Я довольно счастливо справился съ этимъ вычисленіемъ. Съ этой минуты я вполне завос-

важъ благосклонность экзаминатора. И дѣйствительно, когда я уходилъ, онъ обратился ко мнѣ съ словами, которыя въ его устахъ показались моимъ товарищамъ очень хорошимъ предзнаменованіемъ относительно моего мѣста въ спискѣ. „Я вижу, что вы хорошо воспользовались вашимъ временемъ; продолжайте также во второй годъ, и мы разстанемся очень хорошими друзьями.“

Мы привели эти строки изъ *Исторіи моей юности* Араго. Онъ въ живыхъ чертахъ характеризуютъ первоначальную Политехническую школу съ ея исключительно математическими, строгими экзаменами, съ ея знаменитыми учителями и энергическими, полными жизни и знаній учениками. Араго вступилъ въ школу въ 1803 году чрезъ девять лѣтъ послѣ ея основанія.

Политехническая школа возникла, по декрету національнаго конвента, въ тяжкую эпоху французской исторіи въ самомъ разгарѣ революціи. Мы въ 1795 году. На одной изъ отдаленныхъ улицъ Парижа, въ скромной аудиторіи школы, считающей едва нѣсколько мѣсяцевъ своего существованія, великій учитель открываетъ курсъ математики. Лагранжъ, принявшій званіе профессора школы, и предложившій со- вѣты и услуги во всемъ касавшемся новаго заведенія, но по слабости здоровья не рѣшавшійся вначалѣ предаться преподаванію, принесъ жертву общественной пользѣ, и 5-го преріала третьяго года республики (24 мая 1795) началъ чтеніе лекцій. „Сами профессеры (какъ сказано въ журналѣ школы) стремятся стать въ число слушателей и съ глубокимъ интересомъ слѣдятъ какъ одинъ изъ людей, наиболѣе содѣйствовавшихъ славл науки, приготовляетъ въ молодыхъ ученикахъ, надеждахъ науки, зародышъ будущихъ открытій и обезпечиваетъ за Франціей продолженіе господства въ анализѣ и геометріи, которое она несомнѣнно приобрѣла около половины XVIII столѣтія.“ „Вотъ, гдѣ надо было присутствовать, говорить Біо, чтобы составить понятіе объ энтузіазмѣ этого юношества, исполненнаго страстнаго желанія учиться, чтобы лучше служить своей странѣ; здѣсь можно было видѣть, какъ искусные профессеры приносили дань уваженія великому уму, смѣшиваясь съ учениками затѣмъ чтобы скорѣе освѣтиться его свѣтомъ и какъ бы застигнуть на дѣлѣ самый гений изобрѣтенія; здѣсь можно было составить идею о религіозномъ молчаніи

многочисленной аудиторіи въ ту минуту, когда неожиданная остановка означала одну изъ тѣхъ глубокихъ разсѣянностей, какія производила въ умѣ великаго геометра неожиданно возникшая новая идея.“ Въ то же время другой знаменитый математикъ, творецъ начертательной геометріи, Монжъ, отдавалъ бѣольшую часть своего времени заведенію, въ учрежденіи котораго онъ принималъ главное участіе и которое онъ полюбилъ какъ свое дѣтище. Среди учениковъ онъ былъ какъ въ своей семьѣ. „Здѣсь начинали мы узнавать Монжа, пишетъ одинъ изъ учениковъ его, Бриссонъ, этого столь добраго человѣка, такъ привязаннаго къ юношеству, такъ преданнаго дѣлу распространенія науки. Онъ былъ почти всегда между нами; окончивъ урокъ геометріи, анализа, физики, онъ долго бесѣдовалъ съ нами, и въ этихъ бесѣдахъ мы научались еще болѣе.“ Монжъ приходилъ потомъ въ класныя комнаты и долго оставался тамъ съ учениками. Возвращаясь домой, онъ шелъ обыкновенно сопровождаемый нѣсколькими десятками своихъ слушателей и продолжалъ объясненія. „Школа въ ея первые годы, говоритъ Араго, представляетъ не одинъ примѣръ отношеній такъ сказать патріархальныхъ между профессорами и воспитанниками, отношеній, о которыхъ теперь осталось одно воспоминаніе. Въ этомъ отношеніи наши обычаи вполне измѣнились. Къ лучшему это? Къ худшему? Я только скромно заявляю фактъ.“

А между тѣмъ буря революціи гремѣла на улицахъ Парижа. За четыре дня передъ мирнымъ торжествомъ науки, какое представило открытіе курса Лагранжа, въ національномъ конвентѣ происходили страшныя сцены. Съ разсвѣтомъ дня, въ предмѣстьи Св. Антонія, обваружились недобрые знаки. Движеніе и смятеніе увеличивались съ каждою минутой. Зазвучали колокола, раздались выстрѣлы. Дикая толпа, кровавая и пьяная, съ крикомъ: *хлѣба и конституцію 93 года*, двинулась къ Тюльери, гдѣ происходили засѣданія народнаго собранія. Услыхавъ о неожиданномъ волненіи, члены конвента спѣшили собраться въ залу преній и волнующаяся толпа застала конвентъ уже въ полномъ сборѣ. Она осаждаетъ его выходы. Одинъ изъ членовъ читаетъ манифестъ возстанія. Трибуны, гдѣ находится публика, рукоплещутъ. Въ собраніи слышится голосъ, что конвентъ сумѣетъ умереть на своемъ посту.

Собраніе встаетъ и единодушными криками одобряетъ эти слова. Скоро толпа бабъ съ неистовыми воплями: *хльба, хльба*, врывается въ собраніе. Президентъ приглашаетъ толпу удалиться. Свистки, смятеніе, удвоенные крики. Дверь налѣво отъ бюро трещитъ подъ усиленными ударами, но не уступаютъ усиліямъ толпы. Президентъ поручаетъ одному изъ присутствующихъ генераловъ защиту собранія, и обратившись къ трибунамъ, приказываетъ народу разойтись. Подоспѣваетъ небольшой отрядъ. Бабъ гонятъ бичами. Онѣ бѣгутъ съ криками, при рукоплесканіяхъ одной части присутствующихъ. Но дверь слѣва уступаетъ напору, толпа врывается, члены спѣшатъ на верхнія лавки; жандармы стараются ихъ охранить. Подоспѣваютъ отряды вооруженныхъ гражданъ, толпа вытѣсняется изъ залы.

Но волны народа растутъ вокругъ собранія. Мятажь одолеваетъ. Крики, выстрѣлы. Депутатъ Феро бросается на земаю и кричитъ, что толпа проникнетъ въ собраніе только чрезъ его тѣло. Толпа не слушаетъ. Собраніе наводнено неистовою чернью. Жизнь президента въ опасности: со всѣхъ сторонъ ему грозятъ ружья, пики, штыки. Депутатъ Феро, поднявшись, спѣшитъ къ подвожію трибуны, вырывая у себя волосы, ударая въ грудь. Кто-то удерживаетъ его за фалды. Одинъ офицеръ, чтобъ высвободить Феро, даетъ ударъ кулакомъ человѣку, который его удерживалъ. Тотъ отвѣчаетъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Феро падаетъ. Толпа увлекаетъ его за волосы, топчетъ; и трупъ несчастнаго выброшенъ изъ собранія въ сосѣдній коридоръ. Беспорядокъ достигаетъ высшей степени. Громъ барабановъ призывающихъ къ порядку заглушается криками, свистками, воплями толпы. Всѣ кричатъ, никто не слушаетъ; ни одинъ не знаетъ, чего хочетъ другой. Кто-то кричитъ членамъ конвента: *вонъ встъ, мы сами составимъ конвентъ!* Чернь носитъ по собранію воткнутую на пикъ окровавленную голову несчастнаго Феро. Несущій ее оставался предъ президентомъ. Толпа смѣется и долго рукоплещетъ. День клонится уже къ вечеру. Распространяется панической страхъ, что толпа перерѣжетъ собраніе въ темнотѣ ночи. Самы мятежники чувствуютъ, что надо что-нибудь предпринять. Раздаются неумѣренные требованія различныхъ декретовъ. Одинъ, не зная чего просить, неистово требуетъ: *арестовать всѣхъ мерзавцевъ и*

трусовъ. Членовъ конвента стояють въ средину залы, и толпа заставляетъ ихъ выдать нѣсколько декретовъ; и прежде чѣмъ депутаты успѣвали что-нибудь сказать, все кричить: *принято, принято*. Къ счастью, возстаніе дурно организованное тайными его двигателями, сосредоточилось все около конвента. Около полуночи, когда толпа уже стала рѣдѣть, нѣсколько отрядовъ вооруженныхъ защитниковъ правительства, собранныхъ благодаря энергическимъ усиліямъ его друзей, добралось до собранія и штыками разогнало толпу. Вотъ, какого рода сцены происходили въ то время, когда мирный гѣлосъ науки призывалъ учениковъ новоустроеннаго заведенія къ спокойному труду. Воспитанники школы не могли оставаться чуждыми тому что происходило на улицахъ. Они не были избавлены отъ службы въ національной гвардіи и должны были вмѣстѣ съ жителями Парижа браться за оружіе для защиты правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ эту эпоху всеобщаго бѣдствія, они терпѣли тяжкую нужду. Многіе принуждены были даже покинуть школу. Конвентъ выдавалъ нѣсколько разъ пособія, и по распоряженію комитета общественной безопасности, сто пятьдесятъ воспитанниковъ получали ежедневную порцію хлѣба. Безкорыстные учредители школы должны были бороться съ тысячею препятствій. Самому существованію школы грозила ежедневная опасность; но все было побѣждено, и черезъ четыре года во Франціи о Политехнической школѣ не говорили иначе, какъ о первой школѣ въ мірѣ. Удивительное время лихорадочнаго энтузіазма! Страшное время!

Уже немного осталось въ живыхъ людей, бывшихъ очевидцами этой ужасной эпохи, о которой мы нынѣ и понятія составить не можемъ. Еще вчера въ зданіи Collège de France жилъ знаменитый восьмидесятилѣтній старикъ. По поведеніямъ его почти всегда можно было встрѣтить въ Парижской академіи наукъ, въ засѣданіяхъ которой онъ до конца принималъ дѣятельное участіе. Его имя, вмѣстѣ съ именемъ Маюса, стоитъ въ спискѣ перваго выпуска Политехнической школы. Теперь уже не осталось въ живыхъ никого изъ фаланги молодыхъ людей, толпившихся вокругъ кѣедры Лагранжа 24-го мая 1795 года. Біо — таково имя знаменитаго старика — былъ пятнадцати лѣтъ, когда рево-

люція началась во Франціи. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1857 году при вступленіи во Французскую Академію, онъ вспоминалъ объ этой эпохѣ. „Учредительное собраніе засѣдало въ Парижѣ, осаждаемое волнующеюся червью. Кто не видалъ его тогда,—а я видѣлъ, будучи пятнадцати лѣтъ, я, который говорю съ вами,—тотъ не можетъ составить понятія о томъ зрѣлищѣ, какое представляли его совѣщанія. Это была драма съ тысячью двумя стами актерами изъ всѣхъ классовъ французскаго общества, доставившихъ каждый замѣчательныхъ изъ своихъ членовъ: по высотѣ званія или должности, по служебному значенію, личной извѣстности, ораторскому таланту или по необузданности политическихъ мнѣній. Между послѣдними едва былъ замѣтенъ ничтожный адвокатъ, холодный риторъ, являвшійся жаркимъ хвалителемъ народныхъ преступленій. Это былъ Робеспьеръ, которому нѣсколько времени спустя суждено было распространить надъ Франціей свое кровавое владычество.“

Революція, встрѣченная вначалѣ какъ спасительная реформа, какъ весна человѣчества, обманула всѣ ожиданія и предсказанія. Идеалъ, наполнившій сердца энтузіазмомъ, мелькнулъ и исчезъ. Прошла великая минута; пробудились темныя подземныя силы, все заколыхалось; поднялись дурныя страсти, разнуздались кровавыя инстинкты. Наступилъ терроръ. Смерть съ чернымъ покровомъ и кровавымъ мечомъ прошла по Франціи, съ ужасающею пропіею написавъ на своемъ знамени: свобода и равенство. Разрушеніе коснулось всего. Общественныя учебныя заведенія или были уничтожены, или разрушались сами собою. И можно ли было учиться, когда, какъ разказываетъ Біо, всякую минуту въ аудиторіи врывались мятежныя толпы, заключавшія въ себѣ бабъ, дѣтей, мужчинъ всякаго званія, прерывали ученье, заставляли молодежь становиться подъ свое грязное знамя и дѣлали ее свидѣтельницами всякихъ неистовствъ? Франція осталась безъ школъ и безъ учителей. Мракъ невѣжества грозилъ одной изъ образованнѣйшихъ странъ въ мірѣ. „Къ концу 1793 года, столь плодovitаго бѣдствіями для Франціи (говоритъ въ началѣ своей книги А. Фурси, авторъ извѣстнаго сочиненія о Политехнической школѣ, изданнаго въ 1828 году), прекратилось всякое публичное преподаваніе наукъ и литературы въ царствѣ Карла Великаго и Франциска I. Всѣ кол-

легіи были закрыты или стояли пустыми; и въ то время какъ бóльшая часть профессоровъ, принадлежа къ духовному знанію, раздѣляли проскрипцію, тяготѣвшую надъ духовенствомъ, декретъ конвента, призавшій къ оружію людей отъ 18-ти до 25-ти лѣтъ, отнялъ у городовъ почти всю часть юношества, которая назначала себя къ наставническому званію. Такимъ образомъ классическое обученіе прервалось для дѣтей и юношей, и не предвидѣлось минуты когда предводители революціи, столь скорые на разрушеніе, будутъ имѣть досугъ вновь создать что-либо.“

Забыто было великое правило, что въ дѣлѣ образованія болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ должно стараться улучшать, а не разрушать. Въ небольшой, забытой нынѣ, брошюрѣ о состояніи науки въ эпоху революціи, написанной Біо въ 1803 году, знаменитый ученый говоритъ слѣдующія замѣчательныя слова, тѣмъ болѣе имѣющія вѣса, что они написаны подѣ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ переворота потрясшаго Францію, и написаны человѣкомъ, который, какъ воспитанникъ перваго выпуска Политехнической школы, потомъ профессоръ въ республиканской школѣ, членъ Института, болѣе всякаго другаго могъ быть компетентнымъ судьей въ вопросѣ о народномъ образованіи той эпохи: „Опытъ слишкомъ научилъ насъ, что *въ дѣлѣ народнаго образованія, если не желаемъ потерять все, должно улучшать, а не разрушать.* Нѣтъ ничего легче какъ разрушать, и ничего труднѣе и продолжительнѣе какъ возсоздавать.“ Слова въ высшей степени поучительныя для всѣхъ реформаторовъ народнаго образованія. „Организація нынѣшняго общества, говоритъ даже Біо, основывается на цивилизаціи. Когда поражается воспитаніе, зло въ началѣ мало замѣтно: разрушается не жизнь, но поражаются органы воспроизведенія. Въ такомъ случаѣ новое поколѣніе, когда время выведетъ его на поприще политической жизни, представить людей жалкихъ и слабыхъ, и государство котораго они не въ силахъ поддерживать, опускается въ ихъ рукахъ. Когда началась революція, всѣ умы обратились къ политикѣ. Наука была вдругъ оставлена: она не могла имѣть вѣса въ борьбѣ, которая начиналась и занимала всѣ головы. Скоро забыли ея существованіе. Свобода сдѣлалась предметомъ всѣхъ сочиненій, всѣхъ рѣчей. Казалось, что одни ораторы могутъ ей служить, и эта ошибка была одною изъ причинъ нашихъ

бѣдствій.“ Положеніе ученыхъ въ эпоху революціи, начатой во имя философіи и разума, представляетъ замѣчательное явленіе. Многіе думаютъ, что революція высоко подняла значеніе ученыхъ и имѣла прямое вліяніе на великое движеніе науки, какимъ ознаменовалась первая четверть нынѣшняго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одну эпоху представители науки не пользовались такимъ почетомъ, какъ въ то время когда по волѣ счастливаго полководца подписывавшагося на приказахъ: „Бонапартъ, членъ Института“, посылались на ученыхъ титула маркизовъ, графовъ, сенаторовъ, министровъ. Воины и ученые окружали тронъ того, кто самъ считалъ себя сыномъ науки и революціи. Если сравнить общественное положеніе ученыхъ до революціи съ тѣмъ, какое приобрѣли они въ общественной организаціи воздвигавшейся на развалинахъ стараго порядка, то нельзя не замѣтить огромной разницы. Самое развитіе науки, по крайней мѣрѣ въ области точныхъ знаній, ознаменовалось въ началѣ нынѣшняго столѣтія неимоверными успѣхами, и Франція представила небывалое соединеніе великихъ талантовъ. Большая часть ихъ вышла изъ Политехнической школы, и ихъ можно слѣдовательно назвать питомцами революціи. Историки, являющіеся защитниками революціи, съ торжествомъ выставляютъ эти факты. Но когда мы вглядимся ближе въ то что дѣлалось въ эту страшную эпоху общественнаго переворота, то легко замѣтимъ, что революція, какъ политическое движеніе, кромѣ зла ничего не принесла наукѣ и ученыхъ. Не революція, какъ политическій переворотъ, но революція какъ великое общественное бѣдствіе выдвинула впередъ людей науки. Благодаря тому запасу умственныхъ силъ, какой имѣла Франція въ тотъ часъ когда ударила революція, небольшая горсть безкорыстныхъ дѣятелей, полныхъ науки и таланта, не дала угаснуть знанію и успѣла спасти страну отъ мрака невѣжества и анархіи. Для этой борьбы съ темными силами, встававшими со всѣхъ сторонъ, нуженъ былъ великій порывъ энтузіазма, и онъ дѣйствительно совершилъ чудеса. Восхвалять за это революцію то же, что восхвалять моръ, который далъ возможность во всей силѣ обнаружиться искусству врачей.

Печаленъ былъ жребій людей науки въ разгаръ революціи, когда власть попала въ руки идоловъ толпы, которые окружили себя страшною популярностью, дѣлая темнымъ ин-

стигкамъ массъ, непрерывно толкуя объ измѣнѣ и заговорахъ, и постоянными доносами посявая всюду смуты и недовѣріе. „Конвентъ, говоритъ Біо, представлялъ двѣ партіи, которыя подъ тою же внѣшностью шли къ противоположнымъ цѣлямъ: одна, составленная изъ людей невѣжественныхъ и кровожадныхъ, господствовала силой; другая, болѣе просвѣщенная, поддерживала себя хитростью. Первые, ревниво храня неограниченную власть, были готовы на все, чтобы только удержать ее въ рукахъ, и рѣшились уничтожить таланты и знанія, которые заставляли ихъ чувствовать свое унизительное ничтожество. Другіе, говоря тѣмъ же языкомъ, дѣйствовали въ противоположномъ направленіи; они спасали науки и искусства, прикрывая ихъ покровомъ ихъ враговъ. Но принужденные для сохраненія своего вліянія никогда не высказываться открыто, они дѣйствовали съ величайшею осторожностью.“ Въ упоеньи власти деспотизмъ всегда презираетъ знаніе и относится къ нему враждебно, ибо знаніе по существу своему независимо и покорно только силѣ истины. Но когда наступаетъ опасность и когда кичливость власти, преувеличивающая свою силу среди всеобщаго молчанія и трепета, является безсильною,—тогда поневолѣ приходится прибѣгать къ наукѣ и знанію, прежде оскорбленнымъ и униженнымъ. „Франція, говоритъ Біо, погибала; пограничныя мѣста были въ рукахъ непріятелей; Тулонъ передался Англичанамъ; многочисленные флоты покрывали море и производили высадки. Внутри голодъ и терроръ; Вандея, Лионъ и Марсель въ возстаніи. Нѣтъ ни арміи, ни пороху; ни одного союзника, который бы могъ или хотѣлъ помочь, и ко всему тому правительство анархическое, безъ плана, безъ средствъ къ защитѣ, умѣющее только преслѣдовать. Все предвѣщало, что республика погибнетъ, не просуществовавъ, года. Въ этой крайности, въ комитетъ общественной безопасности были призваны два новые члена, которымъ и поручена была военная часть.“ Эти члены были знаменитый ученый Карно и извѣстный своими знаніями инженеръ Пріеръ. О Карно въ послѣдствіи говорили, что онъ *организовалъ побѣду* (а *organisé la victoire*). Надо было вооружить девять сотъ тысячъ человѣкъ. Воздвиглись заводы; мѣдь отъ колоколовъ перелита для пушекъ. Не было стали; извѣсть получить ея не было возможности; искусство ея пригото-

ленія не было извѣстно. Обратились къ ученымъ, и это искусство было создано. Сильнѣйшимъ образомъ чувствовался недостатокъ пороха. Селитры, которая до того времени обыкновенно привозилась изъ Индіи, нельзя было получить; а между тѣмъ требовалось въ нѣсколько мѣсяцевъ приготовить до семнадцати милліоновъ фунтовъ пороху. Наука указала какъ добыть селитру изъ почвы. Для очищенія ея нельзя было употребить обыкновенныя средства: одно построеніе пороховыхъ мельницъ потребовало бы нѣсколько мѣсяцевъ, и Франція еще до этого срока была бы покорена. Химія указала какъ очистить и высушить селитру въ нѣсколько дней. Нужды войны требовали топографовъ и показали недостаточность картъ, какія были въ то время. Принуждены были призвать въ армію прежнихъ инженеровъ-географовъ, званіе которыхъ было уничтожено Учредительнымъ собраніемъ. Одно обстоятельство, само по себѣ маловажное, имѣло, по словамъ Біо, значительное вліяніе на увеличеніе числа ученыхъ при комитетѣ общественной безопасности, гдѣ они могли по крайней мѣрѣ не бояться доносчиковъ низшаго разбора, которыми была наполнена Франція. Здѣсь находились они въ сношеніяхъ съ членами, завѣдывавшими военною частью, которые всѣми средствами старались спасти ихъ и такимъ образомъ могли, храни молчаніе, ускользнуть отъ подозрительныхъ взоровъ тирановъ. О, Бальи, Лавуазье, Кондорсе! прибавляетъ Біо, зачѣмъ вамъ не выпало то же счастье! Офицеръ является въ комитетъ общественной безопасности и объявляетъ, что въ арміи несчастіе: водка, назначенная для солдатъ, оказалась отравленною, и больные, которые пили ее въ госпиталяхъ, умерли. Тотчасъ посылается приказъ къ искуснѣйшимъ химикамъ явиться въ комитетъ, и имъ предписывается въ тотъ же день опредѣлить ядъ и указать противъ него средства, такъ какъ офицеръ долженъ былъ къ концу дня уѣхать въ армію. Эти ученые работаютъ безъ устали, но имъ едва даютъ время окончить трудъ; ихъ призываютъ въ комитетъ. Предсѣдательствовалъ Робеспьеръ. Онъ надѣялся что откроется измѣна, и съ нетерпѣніемъ ждалъ донесенія химиковъ. Но они объявляютъ, что водка вовсе не отравлена; она только разбавлена нечистою водою, заключающею въ себѣ примѣсь грифельнаго камня; что наконецъ достаточно процѣдить ее, чтобъ она потеряла свои дурныя

свойства. Робеспьеръ спрашиваетъ ученыхъ, увѣрены ли они въ томъ что говорятъ. Въмѣсто отвѣта одинъ изъ нихъ беретъ фильтръ, процѣживаетъ жидкость и выпиваетъ; другіе слѣдуютъ его примѣру. „Какъ отваживаетесь вы пить отраву?“ говоритъ Робеспьеръ.—„Я отважился, отвѣчаетъ онъ, гораздо болѣе подписавшись подъ донесеніемъ.“ Такимъ образомъ ученыхъ употребляли на работу для революціи какъ необходимыхъ ремесленниковъ, и они должны были, по выраженію Біо, выкупать свою жизнь цѣною непрерывныхъ чудесъ.

Странное и тяжелое зрѣлище представляетъ конвентъ. Съ одной стороны, эта жажда разрушенія соединенная съ безсиліемъ создать что-либо, увлеченіе бесплодными фантазіями даже въ лучшихъ умахъ, фразы, сентиментальниченье, безсиліе мысли, молчаніе разумныхъ инстинктовъ; съ другой—страшная власть, энергическая борьба съ Европой, кровавые декреты, жертва падающая за жертвами, смерть на каждомъ шагѣ.

По временамъ, въ конвентѣ говорилось о необходимости создать національное воспитаніе въ духѣ революціонныхъ добродѣтелей и воздвигнуть народное образованіе на широкихъ и, главное, совершенно новыхъ основаніяхъ,—но что такое говорилось? Тщетно стали бы мы искать въ рѣчахъ членовъ конвента, и даже (за малыми исключеніями) въ докладахъ комитета народнаго просвѣщенія, знанія дѣла, серіозной мысли, осуществимыхъ плановъ. Все имѣетъ неопредѣленный характеръ разгулявшихся мечтательной мысли, не сдерживаемой никакою нравственною дисциплиной, мысли, для которой знаніе дѣла, спокойное и усиленное размышленіе, умственный трудъ—тягостныя препятствія, не согласныя съ идеей полной свободы. Но если въ этихъ рѣчахъ и проектахъ мало серіознаго содержанія, за то не мало желаній благотворить человѣческому роду, который въ благодарность долженъ сбросить оковы дѣйствительности и покорно принять форму, какую угодно дать ему его вожатаамъ. Впрочемъ сами благотѣтели не совсѣмъ ясно усматривали эту форму сквозь туманъ самообольщенія. Наконецъ, въ основаніи всего лежала посылка, что все существующее, все безъ исключенія, нигде не годится и должно быть разрушено. „Собравъ, восклицаетъ Робеспьеръ въ своемъ

планъ національнаго воспитанія, читанномъ въ конвентѣ 13 іюля 1793 года, до какой степени зло нашей старой общественной системы унизило родъ человѣческой, я убѣдился въ необходимости общаго возрожденія, въ необходимости, если можно такъ выразиться, создать новый народъ.“

До паденія Робеспьера, мы встрѣчаемъ только одинъ проектъ, на которомъ еще можно остановиться съ цѣлью серьезнаго обсужденія. Это проектъ Кондорсе, представленный имъ въ законодательное собраніе и перепечатанный по опредѣленію конвента. Понятно, что трудъ такого серьезнаго ученаго, столь извѣстнаго математика, какъ Кондорсе, нельзя ставить въ одинъ рядъ съ лишенными серьезнаго содержанія возгласами невѣжественныхъ вождей террора, во главѣ которыхъ былъ Робеспьеръ. Но та посылка, о которой мы говорили выше и которая требовала безусловной новизны, произвела свое дѣйствіе; и въ проектѣ Кондорсе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дѣльными замѣчаніями, встрѣчаемъ планъ, несообразность котораго бросается въ глаза. Все должно быть по новому. Прежде изученіе языковъ, преимущественно древнихъ, лежало въ основаніи ученія, и занятіе языками считалось самымъ приличнымъ для дѣтскаго возраста. По проекту Кондорсе, языки, и именно древніе, должны быть изучаемы только въ высшихъ заведеніяхъ, лицахъ, откуда выходятъ ученые и профессора. Прежде общее образованіе было по преимуществу литературное. Въ новомъ порядкѣ оно должно быть по преимуществу реальное. Прежній порядокъ ученія отличался скорѣе односторонностью чѣмъ разнообразіемъ. Новый долженъ имѣть характеръ энциклопедическій. Въ среднихъ школахъ, институтахъ, кромѣ элементарныхъ свѣдѣній по самымъ разнообразнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, должны быть преподаваемы сельское хозяйство, механическія искусства, военное искусство и медицинскія свѣдѣнія, необходимые простымъ практикамъ, ветеринарамъ и повивальнымъ бабкамъ. Хотя въ проектѣ рѣчь идетъ только о воспитаніи мужской половины человѣческаго рода (о воспитаніи женщинъ предполагался особый докладъ, который впрочемъ не былъ представленъ), однакоже трудно вообразить, чтобы свѣдѣнія полезныя повивальнымъ бабкамъ

преподавались въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Должно думать, конечно, что это выраженіе относится къ женскимъ заведеніямъ, хотя и тутъ почти невѣроятнымъ можетъ показаться, чтобы такой серьезный ученый какъ Кондорсе, предполагалъ преподавать дѣвочкамъ свѣдѣнія необходимыя повивальнымъ бабкамъ. Прежнее ученіе состояло изъ уроковъ преподаваемыхъ по обычной рутинѣ. Въ новомъ ученіи — главная форма публичныя лекціи. Даже наставники начальныхъ школъ обязаны ежедневно по воскресеньямъ держать публичное чтеніе, на которомъ присутствуютъ граждане всѣхъ возрастовъ, объяснять принципы морали, законы страны, чтобы, какъ сказано въ проектѣ, народъ могъ убѣдиться, что конституція Франціи есть только развитіе простыхъ принциповъ, продиктованныхъ природою и разумомъ.

Самое утвержденіе дисциплины въ арміи должно, по проекту Кондорсе, дѣлаться помощію публичныхъ чтеній. „Въ городахъ, гдѣ есть гарнизоны, можно, говорить овл. обязать профессора военного искусства открыть для солдатъ еженедѣльные бесѣды, главный предметъ которыхъ должно составлять объясненіе военныхъ законовъ и регламента съ цѣлью раскрыть ихъ духъ и мотивы: ибо повиновеніе солдата требованіямъ дисциплины не должно отличаться отъ повиновенія всякаго гражданина закону: оно должно быть сознательно предписано разумомъ и любовью къ отечеству, прежде чѣмъ вынуждено силой и страхомъ наказаній.“ Любопытно сравнить эти строки съ тѣмъ что говорилось о военной дисциплинѣ въ донесеніи представляемомъ, два года тому назадъ, Учредительному собранію, по поводу вопроса о военныхъ школахъ. „Одна идея никакъ не должна быть забыта при обученіи военному искусству: это идея субординаціи.... Субординація первая добродѣтель воина, безъ которой государство никогда не можетъ имѣть армію-защитницу.... Наставникъ покажетъ своимъ ученикамъ необходимость субординаціи, какъ помощію примѣровъ и разсужденій, такъ и чрезъ впечатлѣніе привычки. Онъ дастъ имъ оружіе противъ этого страннаго злоупотребленія мышленія, которое хочетъ представить военное подчиненіе, какъ нѣчто находящееся въ противорѣчій съ принципомъ равенства.“ Легко замѣтить,

что въ краткій промежутокъ времени между двумя донесеніями идеи значительно шагнули впередъ.

Впрочемъ, хотя и увлеченный потокомъ *передовыхъ* идей, Кондорсе имѣлъ однакоже достаточно смѣлости, чтобы высказать мысль, рѣзко отдѣляющуюся отъ господствовавшаго въ ту эпоху настроенія, по которому казалось, что гдѣ масса, тамъ и истина. Говоря о невыгодахъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ произойти, если профессоръ будетъ получать плату прямо отъ слушателей, и спрашивая не должно ли въ такомъ случаѣ опасаться, что профессеры будутъ стараться болѣе блеснуть чѣмъ научить; что ихъ методы и даже мнѣнія будутъ опредѣляться желаніемъ имѣть наибольшее число слушателей, что изъ страха потерять слушателей они не рѣшатся выступить противъ иныхъ предразсудковъ и интересовъ, Кондорсе восклицаетъ: „освободивъ образованіе отъ авторитета всякаго рода, остережемся подчинить его общественному мнѣнію (*opinion commune*): оно должно опережать его, исправлять, образовывать, но не слѣдовать за нимъ и не повиноваться ему.“

Относительно внутренней устройства и дисциплины школъ, Кондорсе выражается самымъ неопредѣленнымъ образомъ. „Что касается внутренней дисциплины школъ, говоритъ онъ, то старанія должны быть направлены къ тому, чтобы научить дѣтей быть добрыми и справедливыми; заставить ихъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, слѣдовать тѣмъ самымъ началамъ, которыя имъ преподаются, такъ чтобы, пріобрѣтая привычку сообразовать свое поведеніе съ этими началами, они научились лучше понимать ихъ и сильнѣе чувствовать ихъ пользу и справедливость.“

Но довольно о проектѣ Кондорсе; прислушаемся къ мнѣніямъ передовыхъ ораторовъ конвента. „Образуйте, восклицаетъ Робеспьеръ въ своемъ планѣ народнаго воспитанія, который сподрядъ состоитъ изъ общихъ мѣстъ и фразъ, лишенныхъ серьезнаго содержанія, образуйте трудолюбивыхъ людей, и въ вѣдрахъ республики, сложеной изъ этихъ могучихъ элементовъ, удвоится производительность земледѣлія и промышленности; создайте такихъ людей, и вы увидите, что почти всѣ преступления исчезнутъ; создайте такихъ людей, и отвратительное зрѣ-

лице нищеты не будетъ болѣе огорчать вашихъ взоровъ!“ Провозглашая въ риторическихъ фразахъ необходимость начальнаго воспитанія народа въ республиканскихъ добродѣтеляхъ, мало свѣдущій Робеспьеръ не разъ высказывался противникомъ высшаго образованія. Съ трибуны одного изъ избирательныхъ собраній, желая устранить отъ конвента извѣстныхъ знаніями людей, какъ Кондорсе, Пристлей и другіе, Робеспьеръ, доказывалъ бесполезность знаній; говорилъ, что, *напримѣръ, такой-то мясникъ* стоить больше величайшаго оратора. Одинъ изъ послѣдователей Робеспьера говоритъ: „Все это гроша не стоить; это аристократія знанія; не надо тридцати шести школъ, и, еще разъ, не надо аристократіи учености!“ Гора рукоплещеть.

Ораторъ Пети (въ засѣданіи конвента 18 декабря 1792 года) кричитъ: „Доколѣ, сограждане, будемъ мы рабами принятыхъ понятій и будемъ влачиться въ прошедшемъ, стремясь достигнуть болѣе счастливаго будущаго. Сколь узокъ кажется мнѣ кругъ, въ которомъ вашъ комитетъ какъ бы сжалъ народное просвѣщеніе! Сколько простыхъ и обильныхъ счастіемъ и добродѣтелями идей оны повидимому позабылъ! Воспитаніе вообще должно касаться человѣка начиная съ зародыша, его вниманіе должно быть обращено прежде всего на отцовъ и матерей. О Руссо, о мой учитель, къ которому еще не обращались съ этой трибуны въ предметъ ему принадлежащемъ, да внушить же слабая копія желаніе изучить оригиналъ! Являясь на свѣтъ и съ самаго зачатія своего, человѣкъ связанъ съ обществомъ ощутительными узами. Прежде чѣмъ образовать его душу, надо образовать его тѣло. Должно дать ему здоровье, прежде чѣмъ давать знаніе. Ничто должно предшествовать учрежденію начальныхъ школъ: это школа республиканизма. Вамъ законодатели, вамъ, основатели республики, предстоитъ открыть эту великую школу. Ея помѣщеніе будетъ вся территория Франціи. Старцы, юноши, мужи, женщины, невѣжды и ученые, мы всѣ будемъ учениками: учителямъ нашимъ будетъ природа, а то, чему намъ предстоитъ учиться, уже вложено въ нашихъ сердцахъ.“ Къ сожалѣнію, ораторъ не развилъ подробнѣе идеи этой удивительной школы.

Членъ конвента Дюранъ-Мальянъ явился панагеиристомъ невѣжества и утверждалъ, что науки и искус-

ства портятъ нравы (къ сожалѣнію, его рѣчь не сохранилась, и въ *Монитеръ* о ней упоминается лишь нѣсколькими словами). Его противникомъ явился Дюпонъ. „Представляю себѣ, говорилъ Дюпонъ, нашихъ философовъ, которыхъ имена извѣстны всей Европѣ, окруженными въ Пантеонѣ, какъ философы Греціи въ Афинахъ, толпою учениковъ сошедшихся съ различныхъ странъ Европы. Они прохаживаются по образцу перипатетиковъ и учатъ. Одинъ объясняетъ систему міра, изображаетъ развитіе всѣхъ человѣческихъ знаній; другой совершенствуетъ социальную систему, указываетъ въ постановленіи 17 іюня 1789 года зародышъ возстаній 14 іюля и 10 августа, зародышъ всѣхъ возстаній, которыя совершатся съ быстротою по всей Европѣ. Такимъ образомъ эти юные иностранцы, возвратясь домой, распространяютъ у себя тотъ же свѣтъ, и для блага человѣчества произведутъ тѣ же революціи, и это будетъ дополненіемъ къ отвѣту, который мнѣ остается сдѣлать Дюрану.“ Громкія аплодисменты раздаются со всѣхъ сторонъ, прибавляетъ *Монитеръ*. Дюпонъ является отчаяннымъ противникомъ религіознаго элемента въ воспитаніи. „Какъ, восклицаетъ онъ, троны низвергнуты, скипетры сдѣланы, короли гибнутъ, а алтари боговъ еще возвышаются!.. Но достаточно дуновения просвѣщеннаго разума, чтобъ они исчезли... Охотно признаюсь передъ конвентомъ, что я атеистъ,“ прибавляетъ онъ далѣе.

Въ засѣданіи 21 декабря 1792 года встрѣчаемъ рѣчь и куріозный планъ члена конвента, Рабо. „Должно отличать, говоритъ онъ, народное образованіе отъ національнаго воспитанія. Народное образованіе просвѣщаетъ и упражняетъ умъ, народное воспитаніе должно образовать сердце; первое даетъ знанія, второе добродѣтель; первое составитъ украшеніе общества, второе его крѣпость и силу. Народное образованіе требуетъ лицеевъ, коллегій, академій, книгъ, инструментовъ, вычисленій, методъ; оно заключается въ стѣнахъ школъ; національное воспитаніе требуетъ црковъ, гимнастическихъ упражненій, оружія, публичныхъ игръ, національныхъ празднествъ, братскаго стеченія всѣхъ возрастовъ и всѣхъ половъ, грандіознаго и пріятнаго зрѣлища собраннаго человѣческаго общества. Оно требуетъ большаго пространства, зрѣлища полей и природы... Должно сдѣлать изъ

Французовъ новый народъ, привести его нравы въ гармонію съ его законами; сдѣлать его воспитаніе любезнымъ, обольстительнымъ, чарующимъ.“ Слѣдуетъ проектъ, изъ котораго приведемъ на выдержку нѣсколько параграфовъ.

„Во всякой волости старики и старухи, имѣющіе болѣе шестидесяти лѣтъ, соединятся и изберутъ сенатъ, состоящій изъ равнаго числа особъ того и другаго пола. Всѣ дѣти до пятнадцатилѣтняго возраста подчиняются наблюденію (censure) сената; всякій старикъ шестидесяти лѣтъ имѣетъ право дѣлать имъ выговоры за проступки. Родители, не довольные дѣтми, приводятъ ихъ въ сенатъ, гдѣ они получаютъ замѣчаніе (pour y être censurés). Сенатъ дѣлаетъ также замѣчаніе родителямъ, каково бы ни было ихъ состояніе, если они слишкомъ нѣжатъ дѣтей, позволяютъ развиваться въ нихъ вкусу къ разсвѣніямъ и внушаютъ имъ гордость. Законодательный корпусъ утвердить, какой родъ одежды долженъ быть данъ дѣтямъ отъ рожденія до юношескаго возраста. Имъ же утверждается форма одежды гражданъ, форма оружія, устройство празднествъ и проч. Устраиваются рабочія мастерскія для всѣхъ возрастовъ. Законодательный корпусъ, одинъ или два раза въ годъ, смотря по обстоятельствамъ, составляетъ посланія къ гражданамъ, содержащія нравственныя наставленія, способныя исправить злоупотребленія, предотвратить пороки и пресѣчь отступленія, какія могутъ обнаружиться въ публичной нравственности, въ конституціи и въ законахъ. Эти наставленія будутъ читаться въ волостныхъ собраніяхъ.“

Когда въ конвентѣ рѣчь шла о народномъ просвѣщеніи, то обыкновенно ораторы отстраняли вопросъ о среднемъ и высшемъ образованіи, и ограничивали свои сужденія вопросомъ объ образованіи начальномъ, необходимомъ для всѣхъ гражданъ,—вопросомъ, въ которомъ легко было дать пищу своей фантазіи. Ораторъ обыкновенно заявляетъ, что онъ не врагъ просвѣщенія, но просвѣщенія истиннаго, или, какъ тогда говорилось, революціоннаго, распространяется о значеніи народнаго воспитанія, и наконецъ непременно сведетъ рѣчь на любимую тему ораторовъ конвента — національныя празднества и игры. Народные праздники съ отвлеченными названіями, какъ наприкладъ праздникъ Добродѣтелей, праздникъ Генія, праздникъ Труда, праздникъ

Мѣнїя, праздникъ Награды; ихъ устройство, процессіи, гимны, аллегорическія изображенія, ихъ сопровождающія, не мало занимають конвентъ. Празднество 10 августа 1793 года стоило болѣе 1.200.000 ливровъ. „Прежде всего, говоритъ ораторъ Шенье, когда дѣло идетъ о нравственномъ воспитаніи, уму представляется учрежденіе національныхъ празднествъ. Вотъ, гдѣ воображеніе должно употребить всѣ свои неисчерпаемыя богатства, чтобы пробудить въ душахъ гражданъ всѣ свободныя ощущенія, всѣ благородныя и республиканскія страсти.“ Въ ноябрѣ 1793 года предстала предъ конвентъ депутація отъ части Парижа носившей имя Муція Сцеволы. Депутація состояла изъ толпы малолѣтнихъ дѣтей, явившихся въ сопровожденіи гражданъ. Дѣти пришли просить конвентъ заняться устройствомъ народнаго воспитанія. Одинъ ребенокъ произноситъ передъ конвентомъ разказъ о подвигѣ Муція Сцеволы. Все собраніе, какъ сказано въ *Монитеръ*, рукоплещетъ счастливымъ способностямъ юнаго республиканца. Давтонъ начинаетъ рѣчь, говоритъ, что собраніе непременно разсѣветъ по лицу республики множество учебныхъ заведеній, гдѣ юншество будетъ воспитываться на великихъ началахъ разума и свободы. „Но, продолжаетъ онъ, и весь народъ долженъ праздновать великія дѣла, которыя прославятъ нашу революцію. Пусть соединится онъ въ обширномъ храмѣ, и я требую, чтобы лучшіе артисты были призваны къ конкурсу для построенія этого зданія, гдѣ въ назначенный день будутъ праздноваться національныя игры... Дадимъ оружіе тѣмъ, кто можетъ его носить, образование юншеству и національныя празднества народу.“ И въ то время, когда все, дѣйствительно посвящаемое разуму и наукѣ, было разрушено, толпа жадная до зрѣлищъ стекалась въ кафедральный соборъ Парижа, превращенный въ храмъ Разума, торжествовать устроенный Шометомъ и его товарищами праздникъ Разума передъ статуей Свободы и богиней Разума, роль которой представляла красивая женщина. Принеся, по выраженію Шомета, жертву Разуму, толпа отправляется въ конвентъ. Группа молодыхъ музыкантовъ открываетъ шествіе. За ними слѣдуютъ юные сырогы защитниковъ отечества и поютъ патріотическій гимнь. Идутъ граждане въ красныхъ республиканскихъ шапочкахъ, восклицающія: „да здравствуетъ республика, да здравствуетъ

гора!“ Въ предшествіи хора военной музыки слѣдуетъ процессія женщинъ въ бѣлой одеждѣ съ трехцвѣтными поясами и съ цвѣтами на головѣ. Четверо мушницъ несутъ на креслѣ, увитомъ вѣтвями дуба, красивую женщину. На ней шапочка свободы, на плечахъ вѣется голубое покрывало; она опирается на пику. Президентъ привѣтствуетъ толпу, богиня Разума помѣщается рядомъ съ нимъ и получаетъ отъ него и отъ секретарей конвента братскій поцѣлуй. Проходитъ мѣсяць, и настаетъ новое празднество, въ новомъ духѣ. Робеспьеръ бросилъ грозное слово противъ поклонниковъ Разума; заклеилъ атеизмъ названіемъ аристократическаго, явился проповѣдникомъ идеи Высшаго Существа. И тѣ же лица, которыя привѣтствовали богиню Разума, рукоплещутъ Робеспьеру. „Едва заря,“ сказано въ планѣ праздника въ честь Высшаго Существа составленномъ художникомъ Давидомъ, „возвѣщаетъ появленіе дня. какъ уже со всѣхъ сторонъ раздаются звуки военной музыки, и тишина сна смѣняется очаровательнымъ пробужденіемъ. При видѣ благодѣтельнаго свѣтила, оживляющаго и освѣщающаго въ разнообразіи цвѣтовъ природу, друзья, братья, супруги, дѣти, старцы и матери обнимаются, цѣлуются, и непрерывно спѣвать украшать и торжествовать праздникъ Божества.“ По плану, всѣ жители должны участвовать въ торжествѣ: опустѣлыя жилища должны быть оставлены подъ защитой законовъ и республиканскихъ добродѣтелей. Толпа собирается передъ Национальнымъ садомъ (бывшій Тюльерійскій садъ) вокругъ амфитеатра, назначеннаго для конвента. Передъ амфитеатромъ возвышается группа статуй. Надъ нею господствуетъ отвратительное чудовище Атеизма, поддерживаемое Честолюбіемъ, Эгоизмомъ, Раздоромъ и Ложною Простотою (Fausse Simplicité). Президентъ говоритъ рѣчь, съ факеломъ въ рукѣ приближается къ группѣ, и зажигаетъ ее. Изъ развалинъ поднимается статуя Мудрости съ спокойнымъ и свѣтымъ челомъ. Свершивъ такое торжество, всѣ длинною процессіей движутся на Марсово поле, гдѣ воздвигнута огромная гора, представляющая алтарь отечества. На вершинѣ ея огромное дерево свободы, подъ которымъ располагаются члены конвента. Новая рѣчь президента, раздаются гимны, весь народъ хоромъ повторяетъ послѣдніе стихи. При послѣдней строкѣ гремитъ залпъ артиллеріи, и всѣ Французы, сливая чувства, какъ сказано

въ программѣ торжества, въ братскій поцѣлуй, оканчивають праздникъ, оглашая воздухъ криками: „да здравствуетъ республика!“ Было даже расписано, какія чувства должны одушевлять гражданъ въ различные моменты торжества. На дѣлѣ все это вышло не столь торжественно и трогательно какъ значилось на планѣ, и Мудрость, поднимавшаяся изъ развалинъ сгорѣвшаго Атеизма, явилась порядочно закопченною.

Между тѣмъ невѣжество болѣе и болѣе грозило Франціи. Памятники искусства разрушались повсюду; картины, книги, хранившіяся въ соборахъ и монастыряхъ, сожигались на площадяхъ. Въ Вердюнѣ при подобной церемоніи присутствовали офицеры муниципалитета и два члена департамента. Толпа заставила епископа плясать вокругъ костра. Подобныя сцены повторялись во многихъ мѣстахъ. Агентами республики, по большей части, являлись грязныя личности, поднятыя на верхъ потокомъ революціи и кичившіяся своимъ дикимъ республиканизмомъ. Они повсюду конфисковали именованъ казны коллекціи, библіотеки; сваливали вещи и книги куда попало, прикладывая печати какія случались подъ рукой, часто запечатывая конфискованные предметы просто грошами. Множество вещей было распродано тайнымъ образомъ; еще болѣе погибло. Въ самомъ конвентѣ не мало было проповѣдниковъ невѣщества. Манюель предлагалъ разрушить ворота Сень-Дени; Шометь, во время недостатка съѣстныхъ припасовъ, требовалъ, чтобы были истреблены всѣ рѣдкія животныя, находившія въ Jardin les Plantes; Шабо кричалъ: „я не люблю ученыхъ;“ Лакруа утверждалъ, что солдатъ, хотя бы онъ не умѣлъ читать и писать, можетъ занимать всякое мѣсто въ республикѣ; Ганюіо предложилъ сжечь національную библіотеку; Дюма говорилъ, что должно предать гильйотинѣ всѣхъ умныхъ людей (tous les hommes d'esprit). Все управление находилось болѣею частію въ невѣжественныхъ рукахъ. Администрація одного изъ дистриктовъ на запросъ о памятникахъ искусства и историческихъ монументахъ, отвѣчаетъ, что монументовъ въ дистриктѣ не имѣется, „ибо тамъ нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ, ни мануфактуръ.“ Комитеты государственныхъ имуществъ и народного просвѣщенія послали къ администраціямъ дистриктовъ

циркуляръ относительно ботаническихъ садовъ, оранжерей и разныхъ растений, находившихся въ завѣдуемыхъ ими мѣстностяхъ. Одна администрація отвѣчаетъ, что въ ея округѣ всѣ растенія, туземныя и экзотическія, растутъ естественнымъ образомъ (*naturellement*); другая, напротивъ, увѣряетъ, что въ ея округѣ ни тѣхъ, ни другихъ не имѣется. Такимъ образомъ, изъ этихъ двухъ уголковъ Франціи, одинъ соединяетъ въ себѣ всю растительность земнаго шара, другой подобенъ пескамъ Аравіи. Мы заимствовали эти факты изъ рѣчи Грегуара, сказанной вскорѣ послѣ паденія Робеспьера. Какія лица выступили на сцену въ мрачную эпоху террора, въ чьихъ рукахъ была администрація и полиція, можно видѣть изъ слѣдующаго разказа добросовѣстнаго историка Лакретеля, разказа, находящагося въ его сочиненіи: *Десять лѣтъ испытаній во время революціи*. Въ тяжелое время террора Лакретель имѣвшій небольшую извѣстность какъ журналистъ, скрывался въ Парижѣ, такъ какъ всякая извѣстность была тогда крайне опасна. Опасность была тѣмъ значительнѣе, что Лакретель не имѣлъ билета для свободнаго прожитія (*carte de sûreté*), пропустивъ срокъ назначенный для получения этого республиканскаго паспорта. Лакретель пользовался расположеніемъ хозяйки дома гдѣ онъ укрывался, и эта добрая женщина обѣщала ему выхлопотать билетъ, такъ какъ она пользовалась благорасположеніемъ какого-то парикмахера, сдѣлавшагося членомъ одного изъ революціонныхъ комитетовъ. Вечеромъ Лакретель отправился въ комитетъ и просилъ о выдачѣ билета, ссылаясь на то, что потерялъ прежде-выданный. Къ несчастію, протекція хозяйки мало произвела дѣйствія, и парикмахеръ, недовѣрчиво осмотрѣвъ Лакретеля, сказалъ: „мнѣ некогда, я иду печатывать имѣніе одного милліонера аристократа, но я рекомендую тебѣ гражданину Христіану.“—„Волосы стали у меня дыбомъ,“ говоритъ Лакретель, ибо это было имя знаменитое между тиграми 93 года. „А когда ты получилъ билетъ?“ спросилъ Христіанъ.—„Да три или четыре мѣсяца тому назадъ.“—„Увидимъ,“ и онъ сталъ передистывать огромный реестръ, при каждой страницѣ поглядывая на Лакретеля. „А ты надѣешься спать сегодня на своей постели?“ спросилъ онъ наконецъ. Къ счастью, въ эту минуту врывается въ коми-

тетъ революціонный генералъ Ронсень съ своею ватагой, таща за воротъ одного молодого музыканта театра Фейдо. „Граждане, говоритъ генералъ, спѣшу сдѣлать доносъ и выдать вамъ сквернаго аристократа, который въ кофейной Шерона сію минуту называлъ меня *генераломъ разбойниковъ*!“ Важность такого обвиненія взволновала всѣхъ, но обвиняемый, ни мало не конфузясь, восклицаетъ: „да, я назвалъ тебя *разбойникомъ* и *генераломъ разбойниковъ*.“ Всеобщее волненіе; всякій хочетъ броситься на музыканта, но онъ съ прежнею увѣренностію продолжаетъ: „Аристократы назвали насъ *голоштаннами* (*saus-culotte*), что же мы сдѣлали? Оставили ли мы это имя только нашимъ бѣднымъ братьямъ? Нѣтъ, мы приняли его на себя. Робеспьеръ и Дантонъ *голоштанныя*. Не гордятся ли наши храбрые монтаньяры тѣмъ, что имѣютъ *голоштанную душу* (*l'âme saus-culotte*). Теперь насъ зовутъ *разбойниками*. Не будемъ отказываться отъ имени, заставляющаго трепетать нашихъ враговъ. Мы столь же мало разбойники, какъ голоштанныя. Генералъ Ронсень не сказалъ, что прежде я назвалъ его генераломъ *зуботычниковъ* (*tape-dru*) и что онъ этимъ обидѣлся. Между тѣмъ онъ окруженъ патриотами, которые гордятся тѣмъ, что они изъ компаніи *зуботычниковъ*. Я вижу здѣсь многихъ такихъ. Пусть скажутъ, если я лгу.“ Это краснорѣчивое обращеніе произвело удивительный эффектъ на собраніе. „Да, кричали многіе, украшенные эполетами и съ длинными саблями въ рукахъ, мы гордимся тѣмъ что мы изъ зуботычниковъ.“ Это одобреніе смутило генерала: онъ сталъ бояться за свою популярность. Музыкантъ, видя успѣхъ, продолжаетъ: „Знай, Ронсень, что ты мой генералъ только подъ ружьемъ, а внѣ службы я имѣю право шутить съ тобою, какъ патриотъ съ патриотомъ.“—„До сихъ поръ не знаю,“ прибавляетъ Лакретель, „была ли рѣчь молодого человѣка искреннею или только средствомъ вывернуться.“ Чтобы поправить дѣло Ронсень началъ вычислять свои заслуги, ссылаясь въ числѣ прочаго и на свои литературные труды. Ронсень былъ прежде плохимъ рюмоплетомъ, и Лакретель когда-то знавалъ его. Пользуясь случаемъ, Лакретель сталъ восхвалять его произведенія. Довольный Ронсень съ своей стороны помогъ Лакретелю получить желанный билетъ. Когда Лакретель еще не имѣлъ билета, онъ нѣсколько разъ ускользалъ отъ

революціонныхъ агентовъ, показывая вмѣсто билета какую-то старую афишку, съ виду похожую на него, Значительная часть мелкихъ начальствъ того времени не умѣли читать и писать.

9-го термидора (27 іюля 1794 года) пала власть Робеспьера. Время кроваваго господства завистливой посредственности прошло. Наступилъ роздыхъ. Послышались голоса о необходимости возстановить образованіе. „Коллегию, слава Богу, уничтожены, но ничѣмъ не замѣнены,“ восклицалъ Барреръ. „Можно удивляться, говорилъ Лаканаль, что въ теченіи пяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ началась революція, ничего не было сдѣлано для образованія народа.“ 31 августа 1794 года, извѣстный химикъ Фуркруа произнесъ рѣчь о необходимости серьезно заняться устройствомъ начальныхъ школъ. „Знайте, сограждане, говорилъ онъ, что нѣтъ предмета, который бы такъ настоятельно требовалъ вашего вниманія, какъ народное просвѣщеніе; знайте, что печать разрушенія легла на множество памятниковъ искусства; хотѣли сжечь бібліотеки, парализовали воспитаніе. И какъ хотите вы найдти образованіе въ народѣ, когда всякій образованный человѣкъ подвергался преслѣдованію, когда достаточно было обладать знаніемъ, быть писателемъ, чтобы подвергнуться арестованію въ качествѣ аристократа. Послѣдній тиранъ, ничего не знавшій, полнѣйшій невѣжда, собиравшій обвиненія противъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, слывшихъ за любителей знаній и науки, съ цѣлю возвести ихъ на эшафотъ, послѣдній тиранъ представилъ вамъ пять или шесть рѣчей, въ которыхъ, съ свирѣпымъ искусствомъ, старался уничтожить, оклеветать, исполнить мерзости и горечи всѣхъ, кто предавался глубокому изученію, кто владѣлъ обширными знаніями... Должно ли сказать вамъ, что при самыхъ дверяхъ вашихъ засѣданій ставятъ объявленія съ орфографическими ошибками? Не учатся болѣе читать и писать.“

Въ октябрѣ 1794 года, комитетъ народнаго просвѣщенія представилъ проектъ устройства начальныхъ и центральныхъ школъ и проектъ особаго учрежденія, которое подъ именемъ Нормальной школы должно было служить для образованія учителей. Въ эту эпоху увлеченій всякаго рода, все казалось возможнымъ. Франція осталась безъ школъ и безъ учителей: декретомъ конвента учреждается заведеніе,

орое должно въ четыре мѣсяца доставить Франціи болѣе тысячи наставниковъ. Повелѣно вызвать въ Парижъ со всей страны полторы тысячи лицъ, желающихъ посвятить себя званію наставниковъ. Приѣмъ въ Нормальную школу редположено произвести небывалымъ способомъ: не по экзамену, но по выбору. Каждый округъ, долженъ былъ выслать опредѣленное число кандидатовъ, удостоенныхъ выора отъ согражданъ, и скоро въ Парижъ собралось на каенный счетъ до тысячи пятисотъ гражданъ всѣхъ возастовъ. Такимъ образомъ составился первый комплектъ школы. Въ профессеры школы были приглашены замѣчательнѣйшіе ученые. Преподаваніе должно происходить по *эволюціонной* методѣ (такъ выражались нѣкоторые члены овета, разумѣя подъ словомъ революціонный все энерическое и усиленное). Вниманіе профессоровъ, согласно ставу школы, должно обращаться не столько на передачу оложеній науки, сколько на изложеніе методы преподаанія, такъ какъ цѣль новаго учрежденія состояла въ томъ, го въ образованіи учителей. Каждый профессоръ долженъ ылъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, прочесть сжатый курсъ оей науки. Всѣ лекціи должны были импровизаціями: идеи олжны были, конечно, приготовлены, но не слова. Нѣколько стенографовъ должны записывать чтенія, и печатные листки лекцій предполагалось раздавать ученикамъ школы и разсылать по всей Франціи. Кромѣ лекцій, были азначены особые часы для бесѣдъ профессоровъ съ слушателями. Слушатели на этихъ бесѣдахъ должны были предлагать вопросы, просить объясненія мѣстъ показавшихся имъ неясными. Эти бесѣды предполагалось стенографировать, какъ и лекціи.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ планъ Нормальной школы. Не трудно было бы предсказать, что учрежденіе оздвигнутое на такихъ основаніяхъ не могло быть прочнымъ. Несмотря на участіе знаменитѣйшихъ ученыхъ, школа не просуществовала и четырехъ мѣсяцевъ. Лекціи, амѣчательныя впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ, приняли, какъ и слѣдовало ожидать, не тотъ характеръ, который редполагался по плану учрежденія: вмѣсто методовъ преподаванія, онѣ, естественно, заключали въ себѣ изложеніе стамъ науки. Разнородный составъ слушателей дѣлалъ евозможнымъ всякое серіозное ученіе. Множество изъ

нихъ вступило сюда вовсе не съ цѣлю учиться. Многие изъ агентовъ Робеспьера, чувствуя перемену вѣтра, спѣшили удалиться изъ мѣстъ бывшихъ театровъ ихъ подвиговъ, и употребили свое послѣднее вліяніе, чтобы попасть въ число выборныхъ, посылаемыхъ въ школу (такъ разказывается Біо въ вышеупомянутой брошюрѣ). 20 января 1795 года, открылся курсъ Нормальной школы, лекціями Лапласа Гаю и Монжа; а 16-го апрѣля того же года, одинъ изъ членовъ конвента предлагаетъ закрыть школу какъ заведеніе неудовлетворяющее цѣли. Въ срединѣ мая школа уже закрыта. „Конвентъ имѣетъ намѣреніе, говорилъ одинъ изъ ораторовъ въ засѣданіи 16-го апрѣля, принять нѣкоторыя мѣры экономіи. Я желаю предложить одну, съ которой конвентъ, надѣюсь, согласится. Вы создали Нормальную школу. Не знаю, всѣ ли поступившіе въ нее хорошо воспользовались познаніями своихъ наставниковъ. Думаю однакоже, что огромное разстояніе между обширными познаніями профессоровъ и крайне ограниченными свѣдѣніями большей части учениковъ не могло дозволить послѣднимъ приобрести отъ новаго учрежденія ту пользу, какую отъ него ожидали. Кромѣ того, четыре мѣсяца, которые долженъ былъ продолжаться курсъ, прошли. Многие ученики желаютъ возвратиться домой, гдѣ они будутъ полезнѣе чѣмъ здѣсь. Я предлагаю, чтобы съ перваго фореала имъ были выданы паспорта для возвращенія.“ Другой членъ прибавилъ, что множество учениковъ вовсе не посѣщаютъ школы. Третій говорилъ: „я думаю, что Нормальная школа рѣшительно не достигла своей цѣли; учениковъ можно раздѣлить на два отдѣла: къ первому принадлежатъ тѣ, которые весьма свѣдуци въ нѣкоторыхъ частяхъ, но мало знакомы съ другими, ко второму тѣ, которые ни въ чемъ не свѣдуци. Послѣдніе надѣялись услышать въ лекціяхъ профессоровъ элементарныя свѣдѣнія, а услышали свѣдѣнія академическія.“ По поводу этихъ замѣчаній, комитету народнаго просвѣщенія было поручено представить донесеніе о состояніи Нормальной школы и о томъ, полезно ли сохранить ее, или должно закрыть. „Должно согласиться, сказано въ донесеніи комитета представленномъ конвенту 26 апрѣля, съ тѣми, которые требуютъ закрытія Нормальной школы, что это заведеніе приняло не то направленіе, какое вы думали дать ему, и что курсы вообще до сихъ поръ

поръ представляютъ болѣе самое преподаваніе наукъ, чѣмъ изложеніе методовъ, которымъ должно слѣдовать въ преподаваніи“. Соглашаясь, что дальнѣйшее существованіе Нормальной школы бесполезно, комитетъ выражаетъ только желаніе, чтобъ профессеры успѣли закончить свои курсы и предлагаетъ потому, чтобы закрытіе школы было отсрочено на вѣсколько недѣль, именно до 19 мая. „Быть-можетъ, осторожно прибавляетъ донесеніе, при учрежденіи Нормальной школы не достаточно позаботились опредѣлить съ точностью ея назначеніе.“ Мы приведемъ изъ донесенія комитета любопытное мѣсто, указывающее на плоды системы разрушенія и на то печальное состояніе народнаго образованія, въ какое революція свергла Францію. „Оцѣняя соображенія, побуждающія къ закрытію Нормальной школы, комитетъ долженъ былъ также взвѣсить неудобства полнаго и внезапнаго закрытія: ибо непрочность законовъ есть политическая неурядица; подвижность общественныхъ учрежденій есть явленіе печальное; и если создавать должно судро и по зрѣломъ размышленіи, то и съ другой стороны разрушать должно не иначе, какъ съ осторожностью и гладкой. Окруженные столькими развалинами, должны ли мы легкомысленно уничтожать также и самые недавніе изъ ашихъ трудовъ? И особенно въ то время, когда вы не оставили и слѣда прежняго народнаго просвѣщенія, должно и отказать въ существованіи, по крайней мѣрѣ временно, малому числу новыхъ заведеній, которыми вы замѣнили старыя? Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ перерыва въ ченьи, пробѣла въ воспитаніи, когда вы не успѣли еще ривести въ дѣйствіе ни вашихъ центральныхъ школъ, и строго говоря, начальныхъ школъ, есть ли настоящая нужда распусгить заведеніе, безъ сомнѣнія несовершенное, но по крайней мѣрѣ единственное, которое вы замѣняете собою и тѣ заведенія которыя уже не существуютъ, и тѣ которыя еще не существуютъ?“

Указавъ на коренные недостатки устройства Нормальной школы, недостатки, благодаря которымъ это заведеніе едва существовало четыре мѣсяца, мы должны съ другой стороны указать на обстоятельство, благодаря которому учрежденіе этой школы сдѣлалось важнымъ событіемъ какъ вообще въ исторіи образованія во Франціи, такъ и въ особенности въ исторіи преподаванія точныхъ наукъ. Мы гово-

римъ о призваніи на кафедры знаменитыхъ ученыхъ. Когда такіе ученые, какъ Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ, Бертолле явились преподавателями началъ науки, когда учителями сдѣлались люди подвинувшіе науку, создавшіе методы, то это не могло остаться безъ благотворнаго вліянія. Если обратимъ вниманіе на содержаніе и форму изложенія существующихъ нынѣ курсовъ и вообще на методы и характеръ, какіе преподаваніе точныхъ наукъ имѣетъ въ наше время, то увидимъ, что все это опредѣлилось главнымъ образомъ благодаря направленію, какое сообщили преподаванію великіе французскіе ученые конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія. И въ этомъ отношеніи первый шагъ былъ сдѣланъ въ Нормальной школѣ, которую можно до нѣкоторой степени считать предшественницею Политехнической школы на этомъ поприщѣ. Корпусъ преподавателей школы состоялъ изъ двѣнадцати профессоровъ. Профессорами были: Лагранжъ и Лапласъ по математикѣ, Гаю по физикѣ, Монжъ по начертательной геометріи (эта наука, созданная Монжемъ, въ первый разъ преподавалась публично въ Нормальной Школѣ), Добантонъ по естественной исторіи, Бертолле по химіи, Туенъ (Thouin) по сельскому хозяйству, Вольне по исторіи, Бернардень де-Сенъ-Пьерръ по предмету морали, Сикаръ по грамматикѣ, Гаро по анализу мышленія (*analyse de l'entendement*), Лагарпъ по литературѣ. Лекціи и бесѣды Нормальной школы записанныя стенографами и просмотрѣнныя профессорами были напечатаны подъ заглавіемъ: *Séances des Ecoles Normales*. Онѣ изданы въ 1800 вторымъ изданіемъ въ десяти томахъ.

Собраніе лекцій Нормальной школы начинается предисловіемъ, въ которомъ объясняется характеръ учрежденія. Предисловіе указываетъ на полузнаніе, какъ на источникъ несчастій страны: „полузнаніе, худшее чѣмъ невѣжество. полузнаніе, которому раждающаяся республика, нынѣ побѣдительница всѣхъ своихъ враговъ, обязана быть-можетъ большею частію своихъ бѣдствій.“

Спеціальныя учебныя заведенія, какъ Медицинская школа и Центральная школа публичныхъ работъ, названная въ послѣдствіи Политехническою, были счастливѣе Нормальной школы. Необходимости инженеровъ, артиллеристовъ, медиковъ не могли отрицать даже тѣ, которые считали знаніе ненавистнаго

аристократіей и служили проводниками инстинктовъ толпы, требовавшей не наученія, а лести и жертвъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ паденія Робеспьера, извѣстный химикъ, членъ конвента, Фуркруза, читалъ отъ имени комитета народнаго просвѣщенія донесеніе о необходимости возстановить преподаваніе медицины. Фуркруза, согласно господствовавшему духу, указывалъ прежде всего на потребности войны: на необходимость врачей для подаенія помощи защитникамъ республики; упоминалъ, что въ послѣдніе восемнадцать мѣсяцевъ непрерывной войны, болѣе шести сотъ медиковъ погибло на поляхъ битвы. Такимъ образомъ возникли медицинскія заведенія подъ нѣсколькимъ-страннымъ названіемъ *школъ здравія* (*écoles de santé*). „Кто бы могъ подумать, говорить Кювье, въ біографіи Фуркруза, что нужно было время, чтобъ осмѣлиться назвать эти школы именемъ *медицинскихъ школъ*. Медикъ, хирургъ, были званія самшкомъ противныя равенству, повидимому, потому что нѣтъ превосходства болѣе необходимаго, какъ превосходство врача надъ больнымъ; употребили странное названіе *школъ здравія*, и при этомъ не было рѣчи ни объ экзаменахъ, ни о дипломахъ.“ Къ счастью, такія специальныя заведенія, какъ медицинскія школы или какъ школа политехническая, требовали специалистовъ для своего устройства и управленія, а потому и миновали рукъ того разбора передовыхъ людей, которые являются могущественными преобразователями, пока остаются въ области общихъ мѣстъ и неопредѣленностей, которые скоры на разрушеніе, но подъ руками которыхъ гордая дѣйствительность, покорная только истинной силѣ созиданія, убѣгаетъ, оставляя за собою пустоту. Благодаря дѣятельности замѣчательныхъ ученыхъ, которыми и въ эту годину бѣдствій не была бѣдна Франція, въ медицинскомъ преподаваніи со введеніемъ новыхъ школъ произошла важная реформа, имѣвшая вліяніе на судьбу медицинскихъ знаній во Франціи. Мы говоримъ объ устройствѣ клиникъ и о преподаваніи при постели больныхъ, составляющемъ нынѣ повсюду существенную часть медицинскаго преподаванія. Вотъ что говорилъ Фуркруза въ рѣчи, произнесенной въ Парижской медицинской школѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея устройства (именно въ сентябрѣ 1800 года). „Черта, наиболѣе отличающая новыя школы, есть учрежденіе клиникъ. Въ прежнее время на факультетѣ

такъ ограничивались преподаваніемъ теоріи медицинскаго искусства, и тогда какъ Вѣна, Единбургъ и многіе города Италіи, показывали намъ примѣръ клиническаго преподаванія въ больницахъ, почти исключительно посвященныхъ этой цѣли, намъ оставалось, благодаря малому вниманію, какое старое правительство обращало на эту отрасль народнаго образованія, только завидовать подобнымъ учрежденіямъ въ другихъ странахъ Европы, часто стоявшихъ ниже насъ на поприщѣ развитія науки. Національный конвентъ, учреждая новыя школы, особенно указалъ, чтобы практическая медицина преподавалась при постели больныхъ въ двухъ большихъ больницахъ Парижа, или въ особыхъ госпиталяхъ, посвященныхъ исключительно случаямъ рѣдкихъ болѣзней и усовершенствованію медицинскаго искусства.“

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ декрета о медицинскихъ школахъ, тотъ же Фуркруа читалъ въ конвентѣ проектъ устройства центральной школы публичныхъ работъ, назначавшейся для приготовленія инженеровъ, топографовъ, артиллеристовъ и т. п. Изъ спеціальныхъ военныхъ школъ, обращавшихъ на себя большое вниманіе прежняго правительства, одна была разрушена, а другія, какъ напримѣръ славная въ прежнее время школа въ Мезьорѣ, гдѣ началъ свою профессорскую дѣятельность Монж, едва влачили свое существованіе. Конвентъ съ своей стороны, и притомъ еще за годъ до паденія Робеспьера, учредилъ обширную военную школу въ Парижѣ, подъ именемъ Марсовой. Эта школа пользовалась особою симпатіей членовъ конвента, ибо была устроена согласно господствующему духу, хотя, подобно многимъ широкимъ учрежденіямъ республики, просуществовала недолго. До трехъ тысячъ молодыхъ людей были собраны въ Парижѣ. Маневры, эволюціи, республиканскія празднества и выраженіе революціоннаго духа составляли главныя занятія воспитанниковъ этого обширнаго военно-учебнаго заведенія, и почти не оставляли времени для научныхъ занятій, да притомъ на три тысячи человекъ, если не ошибаемся, было только три преподавателя наукъ. За то въ *Монитерѣ* того времени часто читаемъ, какъ депутація воспитанниковъ Марсовой школы проситъ конвентъ о дозволеніи предстать предъ нимъ для выраженія своихъ чувствъ; какъ депутація являлась презъ

рѣшетку собранія, ораторъ говорилъ рѣчь, обыкновенно начинавшуюся словами: „мы, дѣти Марса,“ и оканчивавшуюся просьбою дозволить продефилировать предъ конвентомъ. Дѣти Марса дефилируютъ, конвентъ рукоплещетъ.

Дѣти Марса являлись на всѣхъ публичныхъ празднествахъ, и ихъ костюмъ, составленный по рисунку художника Давида, обращалъ на себя общее вниманіе. Они носили короткую тюнику открытую сверху груди, широкій поясъ, на подобіе тигровой кожи, съ тридцатью двумя патронами, панталоны въ обтяжку, гусарскіе сапожки или башмаки со штиблетами (смотря потому принадлежали ли къ кавалеріи или къ пѣхотѣ), шерстяной красный шарфъ на шеѣ, легкій ментикъ, мечъ въ родѣ римскаго на перевязи съ надписью: свобода, равенство (въ первомъ изданіи республики еще не было въ ходу третье слово — братство).

Первая мысль о центральной школѣ для приготовленія инженеровъ и артиллеристовъ родилась въ 1794 году. Когда въ мартѣ этого года былъ учрежденъ при конвентѣ, вмѣстѣ съ другими комитетами, комитетъ публичныхъ работъ, то было сказано, что на него между прочимъ возлагается устройство центральной школы публичныхъ работъ и установленіе способа экзамена или конкурса, какимъ будутъ подвергаться желающіе вступить въ службу по управленію такими работами. Среди равнодушной къ вопросамъ просвѣщенія массы членовъ комитета, удаляясь отъ бѣшеннаго разгула революціонныхъ страстей, въ конвентѣ былъ небольшой кружокъ ученыхъ, истинно преданныхъ дѣлу просвѣщенія и свободы. Они сохранили еще въ себѣ силу созиданія, когда вокругъ все падало и разрушалось. Благодаря этимъ ученымъ, случайно набросанный параграфъ закона, забытый конвентомъ, не остался, какъ многое другое, мертвою буквой. Комиссія публичныхъ работъ расположилась въ зданіи, носившемъ названіе дворца Бурбоновъ и назначила для помѣщенія будущей школы различныя принадлежности зданія, сараи, конюшни, оранжереи и залу употреблявшуюся прежде для спектаклей. Члены комиссіи и нѣкоторыя лица, призванные для участія въ трудахъ, раздѣлили между собою заботы по устройству коллекцій, необходимыхъ для новаго заведенія. Въ эту эпоху всеобщихъ конфискацій въ пользу казны

коллекціи не покупались: ихъ просто брали гдѣ было можно. Въ Парижѣ была значительная коллекція физическихъ инструментовъ, собранная извѣстнымъ ученымъ Шарлемъ Баррюелею, будущему профессору физики, поручено было выбрать что нужно изъ числа этихъ инструментовъ, которыхъ часть принадлежала къ королевскому имуществу, часть академіи наукъ, а остальные составляли частную собственность. Баррюель выбралъ двѣсти шестьдесятъ инструментовъ, которые можно было цѣнить въ тридцать тысячъ франковъ. Подобнымъ образомъ составила кабинетъ моделей, коллекція минераловъ, химическая лабораторія и библіотека. Богатое собраніе моделей, рисунковъ, статуй, картинъ, эстамповъ и гравюръ было составлено изъ различныхъ коллекцій, превращенныхъ въ казенную собственность. Надъ составленіемъ рисунковъ для начертательной геометріи болѣе двадцати пяти рисовальщиковъ трудились подъ надзоромъ самого Можжа.

Такимъ образомъ, когда послѣ паденія Робеспьера, Фуркруа, представляя отъ имени комитета проектъ устройства центральной школы публичныхъ работъ, напомнилъ конвенту о декретѣ выданномъ имъ полгода тому назадъ и конечно забытомъ большинствомъ собранія (иначе Фуркруа вѣроятно не сталъ бы такъ много распространяться о пользѣ наукъ и необходимости новаго учрежденія въ интересахъ войны), онъ уже могъ представить довольно полный планъ новаго заведенія. Проектъ комиссіи былъ утвержденъ конвентомъ, безъ возраженій, 28 сентября 1794 года.

Прочитывая проектъ, представленный Фуркруа, можно убѣдиться, что новое учрежденіе возникло не на тѣхъ фактастическихъ началахъ, на какихъ строились недоговѣчныя учрежденія республики. Здѣсь имѣемъ дѣло съ серьезнымъ планомъ учебнаго заведенія, скоро сдѣлавшагося славою Франціи. Мы помнимъ способъ, какимъ набирались ученики въ Нормальную школу, и какой обыкновенно проводился въ проектахъ учебныхъ заведеній республики. Вступающіе ученики представляли собою родъ депутатовъ, высланныхъ изъ различныхъ мѣстъ республики, или нѣчто въ родѣ рекрутовъ, набранныхъ по столько-то съ тысячи. Подчинять вступающихъ экзамену, или чему-либо подобному, казалось противорѣчающимъ идеѣ свободы и равенства, и приличнымъ только рутинѣ ненавистнаго стараго порядка. Основ-

тели Центральной школы не усомнились стать еретиками противъ революціонныхъ понятій, и возстановили вступительный экзаменъ, оправдываясь въ проектѣ тѣмъ, что новая школа есть школа специальная и желательно призвать въ нее людей наиболѣе подготовленныхъ „дабы республика скорѣе могла воспользоваться ихъ трудами.“ Экзаменъ въ первые годы школы былъ исключительно математическій. При отсутствіи въ странѣ систематическаго обученія иначе и быть не могло. Экзаменъ долженъ былъ производиться по различнымъ городамъ, и для этой цѣли коммиссія назначила двадцать двухъ экзаминаторовъ. При испытаніи, предписывалось на способности обращать болѣе вниманія чѣмъ на знанія. Наконецъ, согласно духу эпохи, къ экзамену въ наукахъ присоединилось сужденіе „о нравственныхъ и гражданскихъ (civiques) качествахъ испытуемыхъ“. Для той цѣли, къ экзаминаторамъ въ каждомъ городѣ, гдѣ былъ экзаменъ, присоединялся „гражданинъ извѣстный своими республиканскими добродѣтелями, назначаемый національнымъ агентомъ дистрикта.“ Отъ экзаменующаго требовалось, „чтобъ онъ доказалъ, что всегда отличался хорошимъ поведеніемъ и постоянно обнаруживалъ любовь къ свободѣ и равенству, и ненависть къ тиранамъ.“ Гражданинъ, назначенный для испытанія гражданскихъ качествъ экзаменовавшихся въ Парижѣ, оказался особенно строгимъ и, къ счастью вступающихъ, уже слышкомъ строгимъ. Впервыхъ онъ настоялъ, чтобъ экзаменъ „изъ нравственности“ предшествовалъ экзамену изъ наукъ, для того чтобъ экзаминаторы „не подверглись искушенію нарушить принципы и не склонились на святотатственную уступку талантамъ въ ущербъ добродѣтелямъ.“ Далѣе, строгій экзаминаторъ нравственности, непреклонный въ своихъ республиканскихъ чувствахъ, поставилъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, всѣмъ экзаменующимся по нулю и сдѣлалъ обо всѣхъ общій отзывъ, изъ котораго приводимъ отрывокъ: „Проявленія патриотизма вообще нѣтъ никакого! За самыми малыми исключеніями они всѣ невѣжды и равнодушны. Равнодушны: тогда какъ даже дѣти лепечуть начала и гимны свободы!... Почти всѣ доказали мнѣ своимъ невѣжествомъ, что они всегда были равнодушны ко благу ближнихъ, къ своему собственному и даже къ событіямъ.“ Въ заключеніе суровый патриотъ говоритъ, что по его

мнѣнію ни одинъ изъ сорока экзаменуемыхъ не можетъ быть принятъ въ школу. Но комиссія публичныхъ работъ имѣла достаточно благоразумія и рѣшимости, чтобы не утвердить заключенія неумолимаго экзаминатора.

Самый порядокъ ученія въ школахъ былъ утвержденъ на иныхъ основаніяхъ чѣмъ въ прежнихъ учебныхъ заведеніяхъ республики. Въ школахъ не только читали лекціи, но дѣйствительно учили. Профессоры не только являлись преподавателями, но и руководителями. Учащіеся подчинялись опредѣленному систематическому порядку занятій и контролю. Учредители школы не увлеклись господствующимъ направленіемъ эпохи, направленіемъ, которое казалось широко-либеральнымъ и по которому учащіе съ своей стороны должны предлагать богатство науки въ возможно заманчивой формѣ, а учащіеся брать то, что согласно съ ихъ вкусамъ и фантазій: отношеніе напоминающее отношеніе между купцомъ и покупателемъ. Великіе наставники школы явились не глашатаями только науки, но истинными учителями, и ихъ ученики составили славу Франціи и обезсмертили Политехническую школу (это имя Центральной школы получила съ 1796 года). „Наиболѣе выдающаяся особенность этой школы, говоритъ Фуркруа въ рѣчи о преподаваніи химіи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи школы предъ открытіемъ курсовъ въ въ 1798 году, рѣзко отличающая ее отъ предшествовавшихъ ей заведеній, снискавшая ей уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей, состоитъ въ томъ, что здѣсь не ограничиваются словесными чтеніями, мимолетными рѣчами, опытами и демонстраціями сдѣланными наскоро и часто не полными, то-есть тѣмъ изъ чего обыкновенно состоятъ преподаваемые курсы наукъ. Здѣсь желали, чтобы практика сопровождала теорію и даже направляла ее, чтобъ ученики сами упражнялись во всѣхъ манипуляціяхъ, подражающихъ формамъ, процессамъ и явленіямъ природы, чтобы въ химіи, напримѣръ, они видѣли и сами передѣлали въ лабораторіяхъ, исключительно для нихъ открытыхъ, какъ тѣ опыты на которыхъ основывается теорія науки, такъ и тѣ, которые принадлежатъ главнѣйшимъ искусствамъ, пользующимся ея свѣтомъ. Здѣсь желали, чтобъ обученіе совершилось болѣе глазами нежели ушами, и чтобъ ознакомившись со всѣми приемами, инструментами, произведе-

ніями, вы могли воспользоваться этимъ практическимъ запасомъ въ работахъ, которыми будете завѣдывать; здѣсь старались расположить все такъ, чтобы вы могли болѣе *видѣть и дѣлать чѣмъ говорить и слушать*. Вотъ, для чего химическія лабораторіи, снаряды, матеріалы въ нихъ употребляемыя, лица необходимыя для произведенія опытовъ, находятся здѣсь въ большемъ количествѣ чѣмъ гдѣ-либо; съ этою цѣлью также устроили здѣсь три рода уроковъ или курсовъ химіи.“

Учрежденіе Политехнической школы составляетъ эпоху въ преподаваніи математическихъ и вообще точныхъ наукъ во Франціи, и имѣло прямое вліяніе на преподаваніе этихъ наукъ во всемъ свѣтѣ. Методы математическаго и нагляднаго изложенія, какія созданы преподавателями школы, имѣли значеніе не для одной Франціи. Такъ напримѣръ, переводъ на англійскій языкъ курса математики Лакруа (составленнаго для Политехнической школы и издающаго эту науку въ той формѣ, какую придали ей труды знаменитыхъ французскихъ математиковъ, которыхъ имена связаны съ исторіей школы), и введеніе математическихъ приемовъ и обозначеній употребляемыхъ на материкѣ Европы, имѣли вліяніе на математическое образованіе въ Англіи.

Приведемъ изъ упомянутого выше донесенія Фуркруа конвенту нѣсколько строкъ характеризующихъ методы преподаванія, какимъ предполагали слѣдовать учредители школы, и которые придали обученію въ ней характеръ, какой оно сохранило доньякъ. „Физика и химія,“ говоритъ Фуркруа, „до сихъ поръ преподавались во Франціи только теоретически; горная школа въ Жемницѣ, въ Венгріи, представляетъ поразительный примѣръ пользы практическихъ упражненій учащихся въ операціяхъ, составляющихъ основаніе этихъ наукъ. Въ школахъ должно ввести этотъ методъ, такъ какъ онъ имѣетъ двойное достоинство, заставляя всѣ чувства заразъ участвовать въ успѣхѣ обученія и привлекая вниманіе учащихся на множество обстоятельствъ почти всегда ускользающихъ на лекціяхъ и отъ профессоръ, и отъ саудателей. При обученіи начертательной геометріи предполагалось слѣдовать методу, который употреблялся въ военной школѣ въ Мезіерѣ, гдѣ Монжъ въ первый разъ излагалъ эту науку, и который состоялъ въ томъ, что учащихся заставляли самихъ исполнять на практикѣ

уроки, которые имъ преподавались, такъ что недостаточно было, чтобъ они поняли излагаемое, но необходимо чтобъ они научились выполнять задачи съ точностію.... Учащіеся будутъ распредѣлены по особымъ заламъ, гдѣ они будутъ исполнять задачи начертательной геометріи, которыя ихъ наставники будутъ преподавать имъ въ общихъ аудиторіяхъ; они будутъ также повторять въ особыхъ лабораторіяхъ главнѣйшіе приемы химіи, и приучатся достигать простѣйшихъ приемовъ и наибольшей чистоты добываемыхъ веществъ.“

Такимъ образомъ, учащіеся не только слушали лекціи, но и отдѣльные свои занятія производили въ стѣнахъ школы, гдѣ они оставались большую часть дня. Въ своихъ отдѣльныхъ занятіяхъ воспитанники школы не были предоставлены исключительно собственнымъ силамъ. Профессоры посѣщали залы занятій и въ лекціоннаго времени; лаборатории и препараторы руководили учащихся въ практическихъ занятіяхъ. Между самими воспитанниками лучшіе, называвшіеся *шефами бригадъ*, имѣли обязанностію помогать товарищамъ въ занятіяхъ и блюсти тишину въ залахъ, соединяя въ себѣ такимъ образомъ должности репетитора и надзирателя. Установленія шефовъ бригадъ было полезно для успѣха учебныхъ занятій, но что касается до надзора, то на практикѣ это оказалось неудобнымъ, и шефы бригадъ не охотно исполняли обязанности надзирателей. Въ исторіи школы былъ только одинъ случай, что шефъ бригады рѣшился арестовать одного изъ воспитанниковъ. Совѣтъ школы отозвался съ похвалою объ этомъ энергическомъ поступкѣ. Въ послѣдствіи должность надзирателей была возложена на особыхъ офицеровъ, а для помощи въ занятіяхъ воспитанниковъ назначены особые репетиторы.

Преподаваніе въ школѣ открылось весьма оригинальнымъ образомъ. По первоначальному устройству, курсъ долженъ былъ продолжаться три года. Въмѣсто того чтобъ открыть сначала первый курсъ, на другой годъ второй и т. д., рѣшились съ перваго же года привести школу въ полный составъ, и триста пятьдесятъ поступившихъ молодыхъ людей были раздѣлены на три дивизіи, или отдѣленія, по степени ихъ познаній. Первое отдѣленіе изъ 150 человекъ должно было слушать полный трехгодичный курсъ, второе и третье должны были оставаться въ школѣ только два

года. Но преподаваніе въ нихъ было отдѣльно и подѣ ко-
нечъ года они должны были пережвѣниться курсами. Такой
порядокъ преподаванія объясняется тѣмъ, что учредители
школы, зная вѣрочность правительственныхъ распоря-
женій того времени, желали скорѣе воспользоваться сум-
мою, какую конвентъ опредѣлялъ на содержаніе школы,
и потому спѣшили открыть ее въ полномъ составѣ. Что-
бы приготовить шефовъ бригадъ, были назначены для
отборныхъ воспитанниковъ особенные курсы, продолжав-
шіеся три мѣсяца. Сохранились воспоминанія о томъ, съ ка-
кимъ неутомимымъ рвеніемъ Монжъ занимался съ этими
молодыми людьми. Подѣ конецъ курса онъ предложилъ имъ
самимъ наименовать достойнѣйшихъ. Этотъ выборъ това-
рищей оказался вполне справедливымъ, и въ числѣ этихъ
первыхъ шефовъ бригадъ встрѣчаемъ знаменитыя въ по-
слѣдствіи имена Малюса, Біо, Франкера.

Въ первые годы существованія школы, воспитанники не
жили въ ней. „Особенное вниманіе комитета общественной
безопасности, сказано въ донесеніи Фуркруа, было обра-
щено на предосторожности, какія необходимы для сохра-
ненія нравовъ воспитанниковъ въ Парижѣ; комитетъ думалъ,
что для этой цѣли они не должны жить въ самомъ заведе-
ніи, не должны быть также соединяемы въ общіе пансіоны, но
должны быть размѣщены нахлѣбниками по одному или въ очень-
маломъ числѣ къ хорошимъ гражданамъ, которые примѣромъ
своей домашней жизни укрѣпятъ ихъ въ республиканскихъ
добродѣтеляхъ, внушатъ имъ любовь къ труду и примутъ на
себя отеческія попеченія о ихъ жизни, здоровьи и содержаніи.“
Администрація школы должна была заботиться, чтобы выборъ
такихъ содержателей палъ на людей достойныхъ. Этотъ планъ,
какъ естественно можно было ожидать, на практикѣ оказался
не тѣмъ чѣмъ казался въ теоріи, и большая часть лицъ, при-
нимавшихъ къ себѣ воспитанниковъ школы, оказались про-
сто спекуляторами. Въ школу воспитанники не вносили
никакой платы, и въ первые годы ея существованія всѣ
получали содержаніе отъ казны. Въ эпоху голода 1795
года, всякому воспитаннику выдавалась опредѣленная пор-
ція хлѣба натурою. Превращеніе школы въ закрытое за-
веденіе, какимъ она осталась понынѣ, сдѣлалось въ 1804
году, въ первый годъ царствованія Наполеона. Съ этого
времени воспитанники школы помѣщены въ самомъ ея

зданіи, и съ нихъ берется довольно значительная плата, за исключеніемъ немногихъ, которыхъ казна принимаетъ на свое содержаніе. Въ настоящее время трудно возстановить всѣ мотивы побудившіе императора Наполеона издать декретъ о преобразованіи Политехнической школы въ закрытое заведеніе. Эта мѣра не была вызвана, какъ думали нѣкоторые, какимъ нибудь чувствомъ непріязненности къ школь: Наполеонъ оказывалъ этому заведенію полное благорасположеніе, и многіе изъ стоявшихъ во главѣ школы ученыхъ были къ нему въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Нельзя также допустить чтобы такое важное распоряженіе было сдѣлано императоромъ, какъ хотѣли утверждать нѣкоторые, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія противъ воспитанниковъ, о которыхъ доходили частыя жалобы на ихъ поведеніе въ театрахъ. Последнее обстоятельство могло ускорить рѣшеніе императора, и имъ, можетъ-быть, объясняется почему для исполненія декрета былъ назначенъ весьма краткій срокъ; но самыя мѣры были вполне согласны съ историческимъ ходомъ развитія школы, и въ исполненіи оказались столь прочными, что никакъ нельзя объяснить ихъ происхожденіе минутнымъ капризомъ власти. Уже давно вопросъ о поведеніи воспитанниковъ внѣ школы и о дисциплинѣ въ самомъ заведеніи занималъ совѣтъ школы. Первоначальное предположеніе о томъ чтобы лица, у которыхъ воспитанники помѣщались въ качествѣ нахлѣбниковъ, имѣли надзоръ за ихъ поведеніемъ, и примѣромъ своимъ поучали ихъ республиканскимъ добродѣтелямъ, естественно осталось одною фантазіей. Предоставленные самимъ себѣ въ такомъ большомъ городѣ какъ Парижъ, воспитанники подвергались многимъ приманкамъ отвлекавшимъ ихъ отъ занятій, и довольно значительная часть учащихся, отлагая науку въ сторону и отставая отъ товарищей, увлекалась интересами посторонними для цѣлей науки. Театры особенно привлекали молодежь. Образовались партіи; жаркіе споры объ актерахъ и піесахъ продолжались даже въ залахъ школы; одинъ журналъ посвященный театру возбуждалъ столько споровъ, что совѣтъ счелъ нужнымъ запретить всякіе журналы въ школы. Одинъ изъ воспитанниковъ былъ даже исключенъ за несоблюденіе этого предписанія. Предводители какой-то театральной кабалы хотѣли увлечь воспитанниковъ въ свою шайку, но предложенія ихъ

были съ негодованіемъ отвергнуты, и директоръ школы счелъ нужнымъ огласить это происшествіе черезъ газеты.

Въ первое время воспитанники не имѣли форменной одежды. Въ пятый годъ существованія школы установлена форма, и вскорѣ даже предписано чтобы воспитанники, подъ опасеніемъ исключенія, всюду являлись въ формѣ. Около того же времени измѣнена система наказаній, и къ двумъ способамъ наказанія: выговору и исключенію, которые допущались первоначально, прибавленъ третій: заключеніе подъ арестъ въ особой комнатѣ (карцеръ). Исправлявшій должность директора школы, извѣстный химикъ Гюитонъ-Морво, въ рѣчи произнесенной предъ началомъ курсовъ шестаго года, такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: „Отнынѣ устройство внутренней дисциплины школъ приготавливаетъ воспитанниковъ къ военному порядку и даетъ средство пресѣкать отступленія, которыя прежде приходилось, для того чтобы не прилагать крайней мѣры—исключенія, оставлять безнаказанными, подъ опасностью видѣть умноженіе подобныхъ случаевъ вслѣдствіе заразительности примѣра.“ Изъ этихъ фактовъ можно видить, что вопросъ о правильномъ устройствѣ дисциплины и о возможномъ устраненіи опасностей, какія представляетъ для молодаго человѣка жизнь въ такомъ большомъ городѣ какъ Парижъ, постоянно занималъ управленіе школы, и что мѣры принятыя на основаніи императорскаго декрета 1804 года не находятся въ противорѣчій съ предшествовавшею исторіей школы. Статистическія данныя показываютъ, что эти мѣры имѣли хорошее вліяніе на здоровье воспитанниковъ и на успѣхи занятій въ общей массѣ. Отъ 1799 до 1805 года (то-есть до помѣщенія на жительство въ школы), изъ 284 воспитанниковъ умерло 45, слѣдовательно 1 на 73 еловѣка; въ теченіи десяти лѣтъ отъ 1806 до 1816, изъ 445 умерло 29, слѣдовательно 1 на 119; и въ періодъ времени съ 1817 до 1827, изъ 1979 умерло 9, слѣдовательно на 220.

Возвратимся къ первому времени Политехнической школы. Главнымъ предметомъ преподаванія была математика; ей посвящалось до $\frac{2}{3}$ всего времени. Преподавателями были слѣдующіе ученые: Лагранжъ и Прони по кафедрѣ анализа и механики; Монжъ и Гашеттъ по кафедрѣ начертательной геометріи (стереотоміи); Гассенфратцъ и Баррюель по физикѣ;

Фуркруа, Бертолле, Гюитонъ де-Морво, Вокелль, Шапталъ и Пеллетье по химіи; Делормъ и Баттаръ по архитектурѣ; Добенгеймъ и Мартенъ де-Кампредонъ по фортификаціи, и наконецъ Невё (Neveu) и три его помощника по предмету черченія и рисованія. На первомъ мѣстѣ между преподавателями встрѣчаемъ великое имя Лагранжа. Лагранжъ, Французъ по происхожденію, родился въ Туринѣ, и уже 19 лѣтъ былъ профессоромъ математики въ военной школѣ. Въ 1767 году, когда онъ уже пользовался репутаціей одного изъ первыхъ математиковъ въ Европѣ, онъ былъ вызванъ Фридрихомъ II по совѣту Даламберта и Эйлера въ Берлинъ въ званіи президента академіи наукъ на мѣсто Эйлера, перешедшаго въ Петербургъ. По смерти Фридриха, Лагранжъ въ 1787 году переѣхалъ въ Парижъ, былъ ласково принятъ при дворѣ, особенно королевой, получилъ помѣщеніе въ Луврѣ и занялъ почетное мѣсто среди членовъ академіи. „Я видалъ его тогда часто, говоритъ Даламбръ, на вечерахъ у знаменитаго Лавуазье; иногда задумчиво стоялъ онъ передъ окномъ, за которымъ впрочемъ ничто не привлекало его взоровъ, и оставался чуждымъ тому что говорилось вокругъ; онъ самъ признавался, что энтузіазмъ его угасъ, и что онъ потерялъ вкусъ къ математическимъ изслѣдованіямъ.“ Онъ интересовался въ эту эпоху метафизикою, исторіей человѣческаго ума, исторіей религій, общею теоріей языковъ, ботаникою, химіей. Окруженный химиками, онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ о новыхъ изслѣдованіяхъ въ области этой науки и съ нѣкоторымъ удивленіемъ говорилъ, что находить химію почти также легкою какъ алгебру. Изслѣдованія математическія въ это время онъ почти оставилъ. Но этотъ періодъ усталости не былъ продолжителенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ математическій геній Лагранжа пробудился съ новою силою, и къ счастью Политехнической школы, эта эпоха связалась съ ея исторіей. Въ началѣ революціи мы встрѣчаемъ Лагранжа въ числѣ членовъ комиссіи назначенной для установленія новыхъ мѣръ и вѣсовъ. Въ ней Лагранжъ явился самымъ ревностнымъ защитникомъ десятичной системы. Скоро академія была закрыта, комиссія осталась временно; но едва прошло три мѣсяца, какъ нами нужнымъ, по выраженію того времени *очистить* ее (*épurer*). Комиссія состояла изъ Лавуазье, Борда, Лапласа, Кулона, Бриссона.

и Даламбра подъ предсѣдательствомъ Лагранжа. Изъ нея исключили Лавуазье, Борда, Лапласа, Кулона, Бриссона и Даламбра. Это называлось очистить. „Не знаю, зачѣмъ меня они оставили,“ говорилъ Лагранжъ. Его оставили въ покоѣ, зная что онъ преданъ единственно наукѣ; онъ не занималъ никакаго мѣста въ администраціи, а умѣренность его характера не позволяла ему высказывать то, о чемъ онъ не могъ не думать въ тайнѣ. „Никогда, говоритъ Даламбръ, не забуду я разговора, какой я имѣлъ съ нимъ въ эту эпоху. Это было на другой день послѣ великаго и ужаснаго осужденія, поразившаго знаменитѣйшаго физика въ Европѣ (Лавуазье) и которое, возмутьивъ всѣхъ, въ комъ была какая-нибудь идея справедливости, повергло ученыхъ въ трауръ.— „Имъ достаточно было, говорилъ онъ мнѣ, одного мгновенія, чтобы сразить эту голову, а можетъ быть ста лѣтъ,“ будетъ мало, чтобы произвести другую такую.“— Мы вѣдѣвъ оплакивали пагубныя сѣдствія опаснаго опыта сдѣланнаго Французами. За нѣсколько времени передъ этимъ, мы имѣли подобный разговоръ въ кабинетѣ Лавуазье по случаю процесса несчастнаго Баальи. Всѣ эти химерическіе проекты улучшеній казались Лагранжу весьма сомнительными доказательствами величія ума человѣческаго. „Хотите ли видѣть умъ человѣческій въ его величіи,“ говорилъ онъ, войдите въ кабинетъ Ньютона, разлагающаго свѣтъ или раскрывающаго тайны міра.“ Уже давно, продолжаетъ Даламбръ, Лагранжъ сожалѣлъ, что не послушался голоса друзей, съ самаго начала нашихъ смуть совѣтовавшихъ ему искать убѣжища, которое ему такъ легко было найти. Пока революція, казалось, грозила только жалованью какое онъ получалъ во Франціи, Лагранжъ пренебрегъ этимъ соображеніемъ изъ любопытства видѣть ближе одно изъ величайшихъ потрясеній, которыя впрочемъ благоразумнѣе наблюдать издали. „Самъ хотѣлъ“ (*tu l'as voulu*, слова Мольера), повторялъ онъ, повѣряя мнѣ свои сожалѣнія.“

Впрочемъ въ 1793 году Лагранжъ едва не былъ принужденъ противъ воли оставить Францію. По предложенію Робеспьера, былъ изданъ декретъ, въ силу котораго всѣ родившіеся на иностранной землѣ, безъ всякаго исключенія, призывались покинуть Францію. Огорченный Лагранжъ (онъ родился, какъ было упомянуто выше, въ Туринѣ) просилъ совѣта у Гюитона де-Морво. Гюитонъ вспомнилъ, что не такъ давно

комитетъ общественной безопасности поручилъ Лагранжу разсмотрѣть одно сочиненіе по артиллеріи, и посоветовалъ ему обратиться письменно въ комитетъ, который имѣлъ право тѣхъ дворянъ и иностранцевъ, которыхъ считалъ полезными для республики, удержать на ихъ мѣстахъ. Лагранжъ написалъ официальное письмо на имя Гюитона, бывшаго членомъ комитета, спрашивалъ долженъ ли онъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, возвратитъ сочиненіе или продолжать имъ заниматься. Черезъ два часа послѣдовало рѣшеніе комитета, и Лагранжъ былъ удержанъ для продолженія вычисленій, связанныхъ съ возложеннымъ на него порученіемъ.

Курсъ Лагранжа въ Политехнической школѣ, по характеру своему, выходилъ изъ рамки обычнаго преподаванія. Хотя школа была основана съ цѣлью удовлетворить, чрезъ образованіе артиллеристовъ, инженеровъ и другихъ спеціалистовъ, потребностямъ войны; однако замѣчательные люди, посвятившіе ей свои труды, шире понимали ея назначеніе. Они видѣли ея призваніе въ томъ, чтобы хранить и умножать богатство математическихъ знаній во Франціи. Школа сдѣлалась разсадникомъ ученыхъ, приготовительнымъ заведеніемъ къ академіи наукъ. Лекціи Лагранжа назначались преимущественно для тѣхъ которые посвящали себя наукѣ и которые, (какъ говорилъ Прони въ рѣчи произнесенной на актѣ предъ началомъ курсовъ шестаго года), по природному таланту своему, могли сами сдѣлаться изобрѣтателями въ геометріи и въ послѣдствіи раздвинуть предѣлы науки. „Я счастливъ, прибавляетъ Прони, обращаясь къ воспитанникамъ, что могу вмѣстѣ съ вами быть въ числѣ его слушателей, и постараюсь обогатить мои уроки открытіями, тайну которыхъ онъ намъ сообщить.“

Лагранжъ оставался преподавателемъ школы до 1799 года, когда слабость груди заставила его прекратить чтеніе лекцій. Ему было тогда 64 года. Слагая съ себя званіе профессора, Лагранжъ прислалъ письмо на имя директора. „Примите увѣреніе, говоритъ онъ въ концѣ этого письма, въ искреннемъ участіи, какое я навсегда сохраню къ заведенію, на которое смотрю какъ на одно изъ лучшихъ украшеній республики.“ На мѣсто Лагранжа былъ избранъ, по его указанію, Лакруа.

Лагранжъ скончался 10 апрѣля 1813 года. За два дня до смерти, къ нему пришли, услышавъ объ его опасномъ положеніи, друзья его: Ласпедеъ, Монжъ и Шаптааль. Шаптааль записалъ главные черты ихъ разговора съ Лагранжемъ, разговора, который былъ послѣднимъ. „Третьяго дня, говорилъ Лагранжъ, мнѣ было очень дурно; я чувствовалъ, что умираю; тѣло ослабѣвало мало-по-малу; мои силы нечувствительно угасали; я съ удовольствіемъ наблюдалъ послѣдовательный ходъ ослабленія силъ и постепенно приближался къ концу безъ боли, безъ сожалѣній. Смерть не страшна, когда она приходитъ безъ боли; это послѣднее отправленіе, котораго нельзя назвать ни тяжелымъ, ни непріятнымъ.“ Онъ началъ излагать свои идеи о жизни, которой мѣстопробываніе онъ находилъ всюду, во всѣхъ органахъ, въ цѣломъ составѣ машины, „Нѣсколько минутъ послѣ, продолжалъ Лагранжъ, нигдѣ уже не было отправленій, смерть была повсюду; смерть не что иное, какъ абсолютный покой тѣла... Я хотѣлъ умереть, прибавилъ онъ съ большою силой, да, хотѣлъ умереть и находилъ въ этомъ удовольствіе; но жена моя не хотѣла: въ эти минуты я предпочелъ бы женщину менѣе добрую, которая бы менѣе старалась оживить мои силы, и которая дала бы мнѣ тихо скончаться. Я совершилъ свое поприще, приобрѣлъ нѣкоторую знаменитость въ математикѣ. Я ни къ кому не имѣлъ ненависти, никому не сдѣлалъ зла; пора кончить, да жена не захотѣла.“ Лагранжъ началъ припоминать разные происшествія своей жизни. Этотъ послѣдній разговоръ, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ, истощилъ его силы; онъ впалъ въ забытіе, и черезъ день его не стало.

Рядомъ съ именемъ Лагранжа, въ числѣ первыхъ преподавателей школы, встрѣчаемъ почти столь же знаменитое имя Монжа. Монжъ можетъ быть названъ отцомъ Политехнической школы. Великій ученый явился самымъ неутомимымъ наставникомъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ школѣ, упражняя воспитанниковъ въ анализѣ и геометріи, воспаляя ихъ усердіе, направляя ихъ усилія. Вечеромъ онъ удалялся къ себѣ писать листы анализа, которые должны были служить текстомъ для слѣдующихъ уроковъ. Онъ смотрѣлъ на воспитанниковъ школы какъ на своихъ дѣтей, говорилъ всѣмъ имъ и это было не республиканское ты

времени террора, которое тщетно хотѣли ввести въ употребленіе распространители революціонныхъ добродѣтелей, а искреннее выраженіе въ высшей степени добродушной натуры. Дружба Монжа съ Наполеономъ, котораго, по выраженію этого послѣдняго, Монжъ любилъ, какъ любятъ любовницу, была весьма полезна школѣ, особенно въ эпоху имперіи. Монжъ постоянно являлся покровителемъ и защитникомъ дорогихъ своихъ питомцевъ. Вступленіе Наполеона на тронъ было холодно принято воспитанниками школы, и нѣкоторые позволили себѣ даже знаки неодобренія. Школа на время впала въ немилость. „Ну, Монжъ, говорилъ императоръ, ваши ученики почти всѣ возмущаются противъ меня; они рѣшительно объявляютъ себя моими врагами.“ — „Государь, отвѣчалъ Монжъ, много труда стоило намъ сдѣлать ихъ республиканцами; дайте имъ время сдѣлаться имперіалистами. Впрочемъ, позвольте сказать вамъ, что вы нѣсколько быстро повернули дѣло.“ Наполеонъ, говоритъ Араго, и въ этотъ разъ быстро повернулъ назъво кругомъ, но ни одинъ воспитанникъ не былъ исключенъ. Въ бывшее время противъ школы поднимались обвиненія другаго рода: ее представляли убѣжищемъ аристократіи. И тутъ Монжу не разъ приходилось отстаивать своихъ питомцевъ. Еще въ самое первое время существованія школы только предстательство Монжа спасло Малюса, Біо и другихъ отъ исключенія. Дружба Монжа съ Наполеономъ окрепнѣла особенно во время египетскаго похода, гдѣ Монжъ и его другъ, Бертолле, дѣлили съ побѣдителемъ при пирамидахъ всѣ трудности почти сказочнаго предпріятія. Солдаты не раздѣляли Монжа отъ Бертоллы, сливая ихъ въ одно лицо подъ именемъ Монжъ-Бертоллы.

Не ставимъ исчислять ученыхъ заслугъ всѣхъ профессоровъ школы, ряды которыхъ преемственно пополнялись замѣчательными учеными, благодаря которымъ школа до сихъ поръ можетъ считаться центромъ математическаго образованія во Франціи. Профессоры школы по большей части выходили изъ рядовъ ея же учениковъ. Въ первые года существованія школы не всѣ впрочемъ профессора ея могли поставить свое преподаваніе на ту степень, которая дозволяла бы ему существовать рядомъ съ преподаваніемъ великихъ наставниковъ школы. Положеніе такихъ профессоровъ было затруднительно: они не пользовались уваже-

нѣмъ и потому ихъ преподаваніе не могло приносить пользы. Вотъ какой анекдотъ разказываетъ Араго, о преподавателѣ космографіи и физики Гассенфратцѣ, недостаточное знаніе котораго было скоро замѣчено воспитанниками. „Одинъ воспитанникъ, г. Лебуланже, встрѣтилъ гдѣ-то на вечерѣ г. Гассенфратца и имѣлъ съ нимъ споръ. Возвратившись утромъ въ школу, онъ разказалъ намъ объ этомъ. — Смотрите, сказалъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Гассенфратцъ сегодня вечеромъ васъ спроситъ; будьте настойчивы; профессоръ навѣрно приготовитъ что-нибудь трудное, чтобы заставить посмѣяться на вашъ счетъ. — Наши предсказанія оправдались. Едва сошлись воспитанники въ амфитеатръ, какъ Гассенфратцъ позвалъ Лебуланже къ доскѣ. — Г. Лебуланже, говоритъ профессоръ, вы видѣли луны? — Нѣтъ, господинъ профессоръ! — Какъ, милостивый государь, вы говорите, что никогда не видали луны? — Я долженъ только повторить мой отвѣтъ: не видалъ. — Видя себя, видя, что добыча ускользаетъ по причинѣ этого неожиданнаго отвѣта, Гассенфратцъ обращается къ инспектору, наблюдавшему въ этотъ день за порядкомъ и говоритъ ему: — Г. инспекторъ, вотъ, г. Лебуланже утверждаетъ, что онъ никогда не видалъ луны. — Что же я могу тутъ сдѣлать? стоически отвѣчаетъ г. Лебрень. Неудовлетворенный съ этой стороны, профессоръ еще разъ обращается къ Лебуланже, который среди всеобщей веселости въ аудиторіи сохранилъ спокойствіе и серьезный видъ, и восклицаетъ съ нескрываемымъ уже гнѣвомъ. — Такъ вы продолжаете утверждать, что никогда не видали луны? — Г. профессоръ, я бы солгалъ вамъ, еслибы сказалъ, что никогда не слышалъ о лунѣ, но я никогда ея не видалъ. — Ступайте на мѣсто. — Послѣ этой сцены Гассенфратцъ былъ профессоромъ только по имени; его преподаваніе не могло приносить никакой пользы.“

Въ началѣ этой статьи мы привели разказъ Араго объ экзаменѣ Лежандра. Но не всѣ профессора производили экзамены какъ Лежандръ. Нѣкоторые экзаменовали престраннымъ образомъ. Араго разказываетъ, что старый Баррюель экзаменовалъ изъ физики заразъ двоихъ и ставилъ тому и другому среднюю отмѣтку. „Моимъ товарищемъ, говоритъ Араго былъ воспитанникъ очень умный, но не изучавшій этой отрасли преподаванія. Мы условились,

что онъ оставитъ меня отвѣчать, и оба остались въ выигрышѣ.“

Въ первые годы своего существованія школа пережила не мало трудныхъ дней. Нѣсколько лѣтъ продолжалось неопредѣленное переходное состояніе; устройство измѣнялось много разъ, и выстія распоряженія выходившія отъ быстро смѣнявшихся правительствъ и властей много затрудняли организующую работу внутреннихъ силъ заведенія, представляемыхъ ея совѣтомъ. Политика была врагомъ школы. Политическія чувствованія воспитанниковъ никогда не внушали много довѣрія. Стали говорить, что аристократія нашла убѣжище въ школѣ. Приказомъ директоріи, возобновившей около 1797 года систему преслѣдованій, одинъ изъ воспитанниковъ школы былъ исключенъ за изданное имъ сочиненіе противъ святотатственнаго праздника, который торжествовали 21 января. Министръ вычеркнулъ изъ списка двухъ кандидатовъ, не представившихъ доказательствъ республиканизма, какъ требовалъ законъ о вступительномъ экзаменѣ, законъ, исполненіе котораго въ обыкновенное время ограничивалось простою формальностью. Тотъ же министръ требовалъ донесенія о гражданскихъ качествахъ (о цивизмѣ) всѣхъ служащихъ въ школѣ. Предъ началомъ курса четвертаго года управленіе школы сочло нужнымъ польстить господствующему направленію, и устроило республиканское торжество, какъ залогъ приверженности школы къ господствующимъ политическимъ догматамъ. На дворѣ школы съ церемоніей посадили *дерево свободы*. Дерево свободы одно изъ изобрѣтеній двигателей революціи, такъ любившихъ зрѣлища и празднества. Такія деревья считались священными и законъ наказывалъ четырехлѣтнимъ заключеніемъ того, кто бы осмѣлился срубить или попортить ихъ. На церемонію звали Бонапарта, но онъ почему-то не могъ быть, хотя и обѣщался. Пѣли гимны, декламировали строфы. Все шло отлично; но на горе пошелъ дождь, и къ крайнему неудовольствію высшаго начальства, присутствовавшего на торжествѣ, республиканскій жаръ воспитанниковъ оказался не слѣшкомъ силенъ. Они со двора убѣжали въ комнаты и изъ оконъ смотрѣли на окончаніе церемоніи. Начальство осталось весьма недоволено.

Начальство обыкновенно требовало оканчивавшихъ курсъ въ школахъ въ военную службу и не хотѣло понимать представленія совѣта, указывавшаго, что кромѣ военной службы школа можетъ быть полезна какъ разсадникъ профессоровъ спеціальныхъ школъ и лицеевъ, а также управляющихъ большими мастерскими. Директорія требовала въ военную службу даже неокончившихъ курса. Совѣтъ отставивъ воспитанниковъ, говоря, что чрезъ такую мѣру прибавится 90 солдатъ вмѣсто 90 дѣльныхъ офицеровъ. Если распоряженія министровъ не всегда клонились ко благу школы, за то не мало пышной реторики тратилось ими въ рѣчахъ на торжественныхъ собраніяхъ школъ. Въ сожалѣнію, высокіе сановники не всегда бываютъ ловкими ораторами. Въ рѣчи министра, въ 1799 году, встрѣчаемъ сѣдующую фразу, отъ которой, должно думать, авторъ ждалъ великаго эффекта. „Если любовь къ отечеству дѣйствуетъ по чувству на всѣхъ людей, то позволяю думать, что для ученыхъ ея существованіе доказано геометрически. Могу сказать, приравниваясь къ знакомому вамъ языку, что свобода есть теорема, данная природою, республика ея доказательство; любовь къ отечеству ея королларій.“ Рѣзкую противоположность съ краснорѣчіемъ министра составляетъ рѣчь Лагранжа. Лагранжъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ, что въ этомъ году будетъ преподавать теорію аналитическихъ функцій (созданную имъ). Смыслъ и снова погрузился въ свои размышленія.

Въ 1798 году проектъ организаціи школы былъ, по предложенію директоріи, разсматриваемъ въ Совѣтѣ Пяти-сотъ. Три оратора явились рѣзкими противниками школы. Одинъ порицалъ, зачѣмъ такъ много тратится на школу, которую пользуют преимущественно семейства достаточныя, бывшіе дворяне, родственники эмигрантовъ. Другой возставалъ противъ преподаванія такихъ бесполезныхъ вещей, какъ дифференціальное и интегральное счисленіе и предлагалъ преобразовать школу изъ Политехнической въ какую-то *Школу національной благотворительности*. Третій вооружался противъ аристократическихъ мнѣній воспитанниковъ школы и восклицалъ: „да, только республиканизмъ есть основа всѣхъ добродѣтелей; безъ него всё титула, всё таланты для меня слабая кисея не скрывающая кинжала, который силой или уловкой хотѣли воззять въ нѣдра

отечества!“ Онъ совѣтовалъ перевести школу ближе къ Jardin des Plantes, ибо тогда можно было бы соединить профессоръ школы съ профессорами сада, и это позволило бы прекратить возмутительное соединеніе должностей. Видимъ, что одинъ человѣкъ преподаетъ то же самое въ четырехъ или пяти различныхъ мѣстахъ и за двадцать или тридцать уроковъ въ этихъ четырехъ или пяти мѣстахъ получаетъ отъ восемнадцати до двадцати тысячъ франковъ. Подумайте, сограждане-законодатели, что излишекъ, который вы даете ученому, отнимается отъ необходимаго у земледѣльца!“ Жаркимъ защитникомъ школы былъ Приѣръ. Но вообще организація школы, повидимому, мало интересовала какъ совѣтъ пяти-сотъ, такъ и совѣтъ старшихъ, и проектъ новаго устройства не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Окончательную организацію школа получила уже въ эпоху имперіи.

Политехническая школа свѣтлое явленіе въ мрачную эпоху революціи. Но не революція создала это учрежденіе. Оно явилось какъ противодѣйствіе духу разрушенія, и служило точкою опоры, средоточіемъ богатыхъ умственныхъ силъ, какими Франція уже владѣла, когда грянула революція. Безпримѣрное напряженіе этихъ силъ спасло науку во Франціи; ихъ энтузіазмъ, укрѣпленный въ борьбѣ съ трудностями и опасностями всякаго рода, породилъ чудеса. Біо въ біографіи Малюса, написанной имъ въ 1820 году, говоритъ такъ: „Тѣ, которые присутствовали на первыхъ курсахъ Политехнической школы, конечно на всю жизнь сохранили глубокое воспоминаніе объ энтузіазмѣ, какой она проявляла, и о томъ утѣшительномъ зрѣлищѣ, какое представляла эта избранная молодежь, съ жадностію спѣшившая овладѣть сокровищами цивилизаціи и знаній, которая тупая анархія готовилась поглотить въ ихъ отечествѣ. Не для нихъ вспоминаю я эту неизгладимую эпоху ихъ юности, но въ виду пагубнаго состоянія волненія и революціи, глухо подкапывающихся подъ старую Европу, не бесполезно повторять, какими средствами можно возжечь среди народа свѣтъ знанія, когда анархія все почти потушила.“

Н. ЛЮБИМОВЪ.

1862 г. марта 8.

МИРОВЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

Въ кругу политическихъ вопросовъ мы долго и исключительно были заняты законодательствомъ и государственными учрежденіями другихъ европейскихъ народовъ; насъ тревожило малѣйшее движеніе на парижскихъ улицахъ, и крайне озабочивали затрудненія каждаго конституціоннаго монарха Европы при составленіи новаго министерства, а смысла законовъ и учрежденій, которымъ было подчинено наше собственное существованіе, мы не знали, и даже нисколько не считали нужнымъ его знать: любимыя политическія отношенія къ отечественнымъ учрежденіямъ ограничивались для насъ полученіемъ ссудъ изъ опекунскихъ совѣтовъ и хлопотами о паспортахъ для заграничныхъ поѣздокъ. Трудно было бы обвинять русскую мысль за такое равнодушіе къ политическимъ интересамъ своего отечества. Прикосновеніе русской мысли къ отечественнымъ учрежденіямъ и вопросамъ было преграждено такими матеріальными препятствіями, всѣ условія нашего воспитанія и быта такъ усиленно были сосредоточены къ усыпленію въ насъ всякаго политическаго самосознанія, что окружающая дѣйствительность по необходимости потеряла для мыслящихъ людей почти всякое значеніе. Нужны были исключительныя натуры, необходимы были особенно болѣзненные содроганія ихъ нервной системы, чтобы мысль продолжала свое существованіе и не совершенно заглохла посреди общественной жизни, всецѣло поглощенной удовлетвореніемъ

матеріальныхъ нуждъ и животныхъ инстинктовъ. Когда политическая мысль вырывалась изъ наложенныхъ на нее оковъ, она поневолѣ, и на каѳедрѣ, и въ литературѣ, и въ общественныхъ кружкахъ, уносилась къ учрежденіямъ чужеземнымъ, гдѣ могла сколько-нибудь свободно относиться къ своимъ вопросамъ, или къ временамъ призванія варяжскихъ князей. Отношенія ея къ окружающей дѣйствительности были исключительно отрицательныя: мысль знала въ отечественныхъ учрежденіяхъ и законахъ только препятствія, противопоставленныя ея движенію. Какъ ввозъ произведеній иностранной промышленности и искусства нѣсколько уберечь вкусъ и благовоспитанность нашихъ высшихъ классовъ, также точно иностранныя книги и иностранныя учрежденія нѣсколько поддерживали скудное прозябаніе нашей политической мысли. Такая искусственная пища мысли была подобно искусственной пищи, которую предписываютъ врачи больнымъ для поддержанія ихъ жизни, и которая никогда не можетъ возстановить ихъ, какъ обыкновенная пища здороваго человѣка. Рѣдкія у насъ явленія политической мысли, дѣйствительно болѣе сходныя съ болѣзненными припадками, чѣмъ съ здоровою умственною дѣятельностію, ограничивались весьма легкомысленнымъ знакомствомъ съ наружнымъ блескомъ иностранной политической жизни, оставались на ея поверхностяхъ и вершинахъ и были совершенно чужды ея основаніямъ. Политическіе вопросы, возникавшіе въ умахъ нашихъ политическихъ мыслителей, были совершенно разобщены съ дѣйствительностію, а масса общества только тогда можетъ интересоваться политическими вопросами, когда они тѣсно связаны съ ея практическими нуждами. Между тѣмъ, послѣ долгаго усыпленія, общество внезапно очутилось среди самыхъ трудныхъ и сложныхъ политическихъ задачъ, которыхъ разрѣшеніе не можетъ быть отложено ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, которыя приходится разрѣшать уже не потому только что вообще пріятно заниматься политическими вопросами, а потому что отъ ихъ разрѣшенія зависитъ продолженіе порядка, необходимыхъ для самыхъ обыденныхъ нуждъ каждаго человѣка, зависитъ продолженіе производства хлѣба, фабричной промышленности, кредитныхъ сдѣлокъ, судебной расправы, полицейскаго надзора. Все это нужно человѣку

хотя бы ему никогда не приходила въ голову никакая политическая мысль. Внезапно поколебался ходъ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ; подвергается вопросу возможность ѣздить съ тѣмъ только чтобы покушать, засѣять поле и сжать вовремя хлѣбъ, получить деньги за товаръ изготовлявшійся въ теченіе десятковъ лѣтъ, подвергнуть быстрой расправѣ или задержанію всякаго нерасторопнаго исполнителя нашихъ приказаній, приказать осудить всякую неприятную намъ личность, вкушать на счетъ наслѣдія отцовъ беззаботныя наслажденія домашнихъ ярмарокъ и чужестраннаго разврата, достать теплое мѣстечко на государственной службѣ для обѣдѣвшихъ или честолюбивыхъ сподвижниковъ юношескаго кутежа, не ѣздить на дворянскіе выборы или за предводительскими обѣдами—извлекать несомнѣнныя цифры государственныхъ доходовъ изъ питейныхъ сборовъ, приумножать народное богатство посредствомъ государственныхъ ассигнацій, мечтать о политическомъ могуществѣ Россіи въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ державъ и о скоромъ водруженіи русскаго православнаго креста на Софійскомъ соборѣ Константинополя. Всѣ эти наши права, занятія и помыслы подверглись сомнѣнію; приходится задуматься о самыхъ первоначальныхъ основахъ и связяхъ общественнаго быта и государственнаго порядка, задуматься о причинахъ бывшаго и возможностяхъ будущаго. Каждый русскій человекъ, хотя прежде ни о чемъ не размышлявшій, теперь поневолѣ, ищетъ какихъ-нибудь твердыхъ основъ для разрѣшенія своихъ сомнѣній, для опоры въ своихъ надеждахъ. Его побуждаетъ къ этому практическая необходимость: самые высшіе вопросы политики, права, экономіи, возбуждавшіе доселѣ въ практическихъ людяхъ только насмѣшку, стали поперекъ дорогъ: поперекъ расчетовъ откупщиковъ, надеждъ кандидатовъ на дворянскія должности, служебныхъ замысловъ честолюбивыхъ юношей, выпуска ассигнацій, растраты перезаложенныхъ имѣній и крестьянскихъ оброковъ въ парижскихъ трущобахъ; приходится по поводу самыхъ простыхъ вещей, совершавшихъ дотошъ свое однообразное теченіе независимо отъ всякаго мышленія, размыслить о высшихъ задачахъ государственнаго права, финансовой системы, суда и администраціи. Невозможность заложить

попрежнему наследственное имѣніе ставитъ человека лицомъ къ лицу съ вопросомъ о возможностяхъ будущаго устройства кредита, а потому и съ вопросомъ объ основныхъ началахъ кредита; такимъ же точно образомъ, по поводу замѣны барщины вольнонаемнымъ трудомъ, становятся вопросы: о необходимыхъ обезпеченіяхъ силы контрактовъ, объ основныхъ началахъ суда и полиціи; по поводу убытковъ вслѣдствіе перевода крестьянскихъ оброковъ на разные города Европы, вопросы о монетной единицѣ, о прекращеніи нашихъ ассигнаціонныхъ операцій, объ обезпеченіи противъ ихъ повторенія, объ основаніяхъ государственнаго порядка. И къ разрѣшенію этихъ высшихъ задачъ политической жизни, оказываются совершенно несостоятельными сокровища политическаго вѣдѣнія, накопленныя нами къ тысячекратней годовщинѣ нашего государственнаго бытія, глубокія наши познанія въ топографіи парижскихъ улицъ, въ западномъ пролетаріатѣ по рѣдкимъ книжкамъ, въ скандальныхъ уголовныхъ процессахъ по газетнымъ фельетонамъ, въ свидѣтельствахъ гражданскихъ палатъ, въ графахъ отчетныхъ вѣдомостей, въ формѣ сношеній между государственными сановниками. Безумно было бы удивляться теперь нестройному говору, который поднялся со всѣхъ сторонъ на русской землѣ въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ, вынужденномъ говорить о предметахъ, къ которымъ мысля не имѣла до сихъ поръ никакого доступа: мы пожинаемъ плоды предшедшаго, плоды полнаго разобщенія мысли съ окружающею насъ практическою дѣйствительностью. Самые образованные русскіе люди привыкли искать пищи для своей мысли не въ явленіяхъ русской жизни, а въ явленіяхъ чужеземныхъ, пріютившихъ русскую мысль въ тяжкую годину изгнанія: собственная политическая жизнь, наши собственные учрежденія, порвали всякія связи съ нашимъ политическимъ сознаніемъ, утратили для насъ всякій смыслъ. Только практическая несостоятельность прежняго быта, только потрясенія въ насущныхъ интересахъ и обиходныхъ дѣлахъ могли пробудить мысль, и заставили поневолѣ искать пищи у себя дома. Но мы до такой степени свыклись съ разобщеніемъ всѣхъ высшихъ нравственныхъ стремленій мыслящаго человека

съ окружающею дѣйствительностію, съ практическими дѣлами и обиходомъ жизни, что съ трудомъ можемъ отыскать между ними связь, съ трудомъ можемъ примирить что-либо изъ существующаго около насъ съ существующимъ въ нашихъ мысляхъ; мы готовы даже отрицать всякую возможность подобнаго соглашенія. Чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставили насъ потрясенныя основы нашего быта, требующаго отъ мысли своего обновленія, и наличныя силы нашей мысли, ограничивающіяся самыми поверхностными понятіями, мы готовы бросаться во всякую крайность; мы готовы отрицать всякую связь между явленіями русскаго міра и нравственными началами всего остальнаго человѣчества, готовы объявить полную несостоятельность науки для разрѣшенія нашихъ сомнѣній, готовы объявить себя свободными отъ всякихъ притязаній на общечеловѣческую цивилизацію и отъ ея *предразсудковъ* относительно быта необразованныхъ народовъ, готовы самыя грубыя инстинкты необразованнаго человѣка возвести въ политическій и нравственный идеалъ человѣческой жизни. Все это можетъ быть очень выгодно для нашего самообольщенія, но вѣсколько не подвигаетъ дѣла, которое безотлагательно должно идти впередъ. Единственный спасительный исходъ изъ этого положенія было бы сближеніе наше и съ наукою и съ жизнью, болѣе короткое знакомство и съ содержаніемъ науки, изъ которой мы выхватили до сихъ поръ лишь нѣсколько общихъ хвѣсть, и съ содержаніемъ нашей жизни, которая знакома намъ до сихъ поръ только по самымъ внѣшнимъ и грубымъ своимъ очертаніямъ. На этомъ пути мы скоро убѣдимся, что наука и жизнь не такъ враждебны другъ другу, какъ намъ можетъ казаться изъ нѣсколькихъ непріязненныхъ схватокъ нашихъ несознанныхъ желаній, называемыхъ научными свѣдѣніями, съ нѣсколькими непонятыми фактами, называемыми жизнью; мы убѣдимся, что наука въ самыхъ высшихъ своихъ умозрѣніяхъ знаетъ жизнь и уважаетъ ея права, а жизнь, для самыхъ простыхъ своихъ отправленій, требуетъ науки и не можетъ безъ нея обойтись. На этомъ пути намъ необходимо сдружить нашу мысль съ окружающею дѣйствительностію, откинуть всякую робость передъ ихъ встрѣчами. Безумно было бы опасаться этихъ встрѣчь. Чѣмъ болѣе будемъ мы вдумываться въ условія

нашей государственной жизни, чѣмъ болѣе будемъ въ ней самой искать отвѣтовъ на наши вопросы, тѣмъ трезвѣе будетъ становиться наша мысль и тѣмъ скорѣе выйдетъ она на путь того гражданскаго преуспѣянія, которое также чуждо лѣнкости, какъ и неподвижности существующаго. Съ этою цѣлю мы должны выискнуть въ историческое значеніе нашихъ учрежденій, въ причину ихъ бытія, въ ихъ нынѣшнія и возможные будущія отношенія къ новымъ потребностямъ нашего быта; однимъ словомъ, мы должны искать смысла въ нашихъ учрежденіяхъ.

Въ этомъ направленіи мы намѣрены подвергнуть обсужденію наши *мировыя учрежденія*. Мы попробуемъ высказать по этому предмету нѣсколько общихъ мыслей, которыя могутъ послужить поводомъ къ дальнѣйшимъ и болѣе специальнымъ соображеніямъ.

I.

Въ нашей литературѣ, и въ особенности въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, было уже много говорено о мировыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ законоположеніями 19 февраля 1861 г.; но великое значеніе этихъ учрежденій для политической жизни нашего отечества и знаменательныя событія, совершающіяся около нихъ, заставляютъ какъ можно чаще возвращаться къ этому предмету. Къ тому же точка зрѣнія на мировыя учрежденія далеко еще не установилась, и похвалы и порицанія еще слишкомъ разнорѣчивы. Мировыя учрежденія дороги намъ не только тѣмъ, чѣмъ они уже стали, а въ особенности тѣмъ, чѣмъ они могутъ стать. А когда дѣло идетъ о будущемъ какого-нибудь учрежденія, то тутъ особенно важно печатное обсужденіе, ибо будущее всякаго учрежденія зависитъ прежде всего отъ тѣхъ понятій, которыя о немъ сложатся въ его представителяхъ и въ окружающей общественной средѣ. Никакой законъ не въ силахъ придать государственному учрежденію характеръ противоположный понятіямъ людей, среди которыхъ оно существуетъ; извѣстно, какихъ трудныхъ и почти всегда напрасныхъ усилій стоило законодателямъ и правителямъ облагородить или испортить учрежденія, должности и званія, вопреки составившемуся о нихъ об-

щественному мнѣнію. Литература можетъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать успѣшнѣе, ибо она именно имѣетъ дѣло съ понятіями, и въ особенности съ понятіями которымъ суждено дѣйствовать въ будущемъ.

Нельзя не замѣтить, что хотя всѣ наши періодическія изданія переполнены разказами о дѣйствіяхъ мировыхъ посредниковъ и волостныхъ старшинъ, этихъ двухъ главныхъ членовъ новой системы, однако этимъ еще не подвигается существенная задача литературы въ этомъ вопросѣ. Для литературы, какъ хранительницы высшихъ умственныхъ интересовъ всякой страны, важна не оцѣнка отдѣльныхъ должностныхъ лицъ и ихъ поступковъ, а оцѣнка самаго учрежденія, къ которому они принадлежатъ. Въ первомъ случаѣ, литература служитъ только органомъ гласности, необходимымъ, но подчиненнымъ тѣмъ требованіямъ и личнымъ интересамъ, которые зависятъ отъ дѣятельности каждаго должностнаго лица; во второмъ случаѣ литература дѣлается органомъ политической жизни всей страны, и, обуславливая собою развитіе учрежденія, имѣетъ сама вліяніе на удовлетвореніе всей совокупности общественныхъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ, для насъ важно знать, что относится къ самому учрежденію и что къ личностямъ входящимъ въ его составъ; необходимо различить, что въ дѣятельности послѣднихъ остается на отвѣтственности ихъ самихъ и что на отвѣтственности самаго учрежденія. А для этого мы должны знать, насколько каждое полезное или вредное дѣйствіе учрежденія зависѣло отъ добрыхъ или дурныхъ наклонностей лицъ, облеченныхъ въ немъ властію, отъ ихъ умѣнья или неумѣнья пользоваться ею, а также въ какой мѣрѣ зависѣло оно отъ тѣхъ условій власти, въ которыя поставлены должностныя лица самимъ устройствомъ учрежденія, которыя облегчаютъ проявленіе добрыхъ или дурныхъ наклонностей, и т. д. Наконецъ, мы должны также знать тѣ условія общественной среды, наклонности, стремленія, нравы и обычаи, посреду которыхъ дѣйствуетъ учрежденіе и вліянію которыхъ подчинены ея члены, то-есть мы должны знать историческую почву учрежденія. Для всего этого, устранивъ всякія случайныя и исключительныя обстоятельства, мы должны уяснить себѣ самую *сущность учрежденія* и его отношенія къ современному обществу.

Уразумѣніе сущности всякаго политическаго учрежденія важно не только само по себѣ, какъ успѣхъ политическаго образованія, одного изъ главнѣйшихъ элементовъ цивилизаціи,—оно важно также и для непосредственной практической пользы учрежденія, для дальнѣйшихъ его усовершенствованій: чѣмъ болѣе общество понимаетъ сущность учрежденія, тѣмъ болѣе оно знаетъ свойства людей наиболѣе пригодныхъ для него, и также цѣну людей уже дѣйствующихъ въ немъ, знаетъ чего можетъ отъ нихъ ожидать, чѣмъ можетъ способствовать ихъ дѣятельности, и наконецъ въ какомъ направленіи должны и могутъ быть сдѣланы улучшенія, и въ какомъ не могутъ?

Желая, по возможности, взглянуть на наши мировыя учрежденія въ сказанномъ направленіи, мы прямо обратимся къ двумъ интереснымъ вопросамъ:

Вопервыхъ, относятся ли уваженіе и сочувствіе возбуждаемая мировыми учрежденіями къ ихъ сущности, а всякаго рода неудовольствія лишь къ ихъ личнымъ представителямъ и исполнителямъ? *Восторжъ*, въ чемъ состоитъ добрая сущность этихъ учреждений, которую надо развивать совокупными усиліями правительства и частныхъ лицъ, и которую надо уберечь въ общественномъ сознаніи отъ всякаго ложнаго пониманія?

Мы не колеблясь отвѣчаемъ утвердительно на первый изъ двухъ поставленныхъ вопросовъ. Если ни одна власть въ нашемъ мѣстномъ управленіи не пользуется такимъ довѣріемъ мѣстнаго народонаселенія какъ власть мировыхъ посредниковъ, то причина этому конечно не столько въ личныхъ достоинствахъ людей облеченныхъ этою властію, сколько въ свойствахъ самой власти. Тотъ самый фактъ, что общій уровень личнаго состава этого учрежденія стоитъ неизмѣримо выше личнаго состава всѣхъ безъ изъятія административныхъ учреждений въ государствѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашей мысли. Одно изъ необходимѣйшихъ качествъ всякой власти заключается между прочимъ въ томъ, чтобы по условіямъ своего устройства, она могла привлечь къ себѣ возможно большее число лучшихъ людей страны. Это качество пока безспорно принадлежитъ мировой власти, по крайней мѣрѣ сравнительно со всѣми другими властями въ государствѣ. Это относительное превосходство ея именно и важно для

насть, ибо въ дѣлѣ государственныхъ учрежденій рѣчь можетъ быть только о разныхъ степеняхъ добра и зла, а не объ идеальномъ совершенствѣ, недостижимомъ никакими въ мірѣ законами. Можно смѣло сказать, что мировыя учрежденія привлекали къ себѣ людей самымъ устройствомъ соединенной съ нами власти, а не какими-либо посторонними побужденіями, которыя могли развѣ только усилить собою дѣйствіе главной причины. Такъ, важность и интересъ дѣла возложеннаго на мировыхъ посредниковъ, сами по себѣ, еще нисколько не объясняютъ факта; мы видимъ много другихъ учрежденій, которымъ поручены не менѣ важныя и интересныя дѣла, и которыя не только не привлекаютъ къ себѣ лучшихъ людей, а часто даже, не взирая на интересъ дѣла, отталкиваютъ ихъ отъ себя. Нѣкоторыя учрежденія иногда бываютъ обязаны улучшеніемъ своего личнаго состава людямъ, которые, ставъ во главѣ, умѣютъ привязать къ себѣ другихъ людей; такое случайное и временное освѣженіе личнаго состава администраціи бываетъ, и мы видали тому не мало примѣровъ. Эти счастливыя случайности, столь же скоротечныя въ исторіи государственныхъ учрежденій, какъ скоротечно въ нихъ всякое личное вліяніе, мало имѣютъ значенія для политической жизни народа, и даже могутъ быть вредны, распространяя ложное понятіе, что общественное благо требуетъ непременно героевъ. Законы и государственныйя учрежденія именно существуютъ для того, чтобы можно было обходиться безъ героевъ. Героическіе періоды народной исторіи тѣмъ и отличаются отъ періодовъ политической жизни народовъ, что въ первыхъ спасеніе отечества поручается героямъ, а во вторыхъ—законамъ; благодѣянія же законовъ зависятъ преимущественно отъ усилій всего общества, и въ особенности лучшихъ, но обыкновенныхъ его членовъ, а не отъ усилій людей исключительныхъ. Но всѣмъ извѣстно, что во главѣ администраціи не было какихъ-нибудь особыхъ личностей, отъ которыхъ зависѣла судьба личнаго состава мировыхъ учрежденій; скорѣе можно сказать, что лучшие люди стремились къ должности мирового посредника, не взирая ни на какія офиціальныя личности, съ которыми они поставлены въ соприкосновеніе, или лучше, мало помышляя о

нихъ. Наконецъ, могла быть одна особая причина сравнительно лучшаго состава учрежденія мировыхъ посредниковъ — предварительное взаимное соглашеніе кандидатовъ, единодушіе партіи или цѣлаго сословія спасти дѣло во что бы то ни стало. Но и этого не было; мы знаемъ напротивъ, что кандидаты были люди ничего не имѣвшіе между собою общаго, что не только въ цѣлой губерніи, но даже въ уѣздѣ между ними часто не было никакихъ связей, что ихъ раздѣляли разнообразныя общественныя положенія, мнѣнія и влеченія, что единства партій или сословія не было и тѣни, что, напротивъ, назначенію мировыхъ посредниковъ предшествовало величайшее разьединеніе. Итакъ влеченіе лучшихъ людей къ мировымъ учрежденіямъ нельзя приписать никакимъ изъ особенныхъ указанныхъ нами побужденій, *внѣшнихъ* для учрежденія, а должно искать причину такого влеченія въ самомъ учрежденіи, то-есть, въ условіяхъ его устройства. Что касается до матеріальныхъ выгодъ связанныхъ съ должностію посредника, то едва ли стоитъ объ этомъ говорить; эта должностъ, по отношенію къ преобладающему въ ней разряду лицъ, сопряжена съ матеріальными невыгодами и даже положительными жертвами. Могли быть исключенія изъ всего нами сказаннаго, могли быть особыя въ разныхъ мѣстностяхъ воззрѣнія на новую власть со стороны нѣкоторыхъ офиціальныхъ и частныхъ лицъ, но явленій подобныхъ указаннымъ, *какъ явленій всеобщихъ* и потому характеризующихъ учрежденіе, не было. Можно сказать, что вся притягательная сила его заключалась по преимуществу въ немъ самомъ; лучшіе люди, съ лучшими способностями, съ лучшими репутаціями, съ лучшимъ общественнымъ положеніемъ, обратились къ должности мировыхъ посредниковъ прежде всего потому что ни одна должностъ въ нашемъ сельскомъ быту, ни бюрократическая, ни сословная, не представлялась доселѣ до такой степени соотвѣтствующею понятіямъ этихъ людей о власти, до такой степени удобною для ихъ трудовъ на пользу общую, какъ эта должностъ. Всѣ бюрократическія мѣстныя власти, несмотря на энергическія усилія нѣкоторыхъ начальниковъ облагородить и освѣжить личный составъ бюрократіи, несмотря на многихъ благородныхъ представителей ея, впускали къ себѣ недовѣріе и неуваженіе въ мѣстномъ народонасе-

лені; всѣ бюрократическія мѣстныя власти издавна сдѣлались любимымъ предметомъ русской сатиры, и даже въ послѣднее время подвергались открытому порицанію со стороны самой центральной власти, для которой онѣ не щадили однако ни своего усердія, ни преданности. А что касается до сословныхъ властей, то, за немногими исключеніями, онѣ наполнялись самыми худшими осадками сословія.

Почему же мировыя учрежденія мгновенно приобрѣли все то, чего тщетно, хотя и съ несравненно большими успѣхами, добивались всѣ другія наши учрежденія? Безъ всякаго сомнѣнія, они обязаны этимъ только тѣмъ началамъ *самоуправленія*, которыя составляютъ ихъ истинную сущность и самое существенное отличие отъ всѣхъ прочихъ мѣстныхъ учреждений и властей, какъ бюрократическихъ, такъ и сословныхъ. Эта, и только эта, сущность мировыхъ учреждений позволила имъ преодолѣть всѣ затрудненія и неудачи, препятствующія успѣху многихъ другихъ нашихъ административныхъ начинаній, затѣванныхъ съ не менѣе благими намѣреніями. Эту именно сущность,—принадлежащую новымъ учреждениямъ пока лишь въ качествѣ зародыша, но тѣмъ не менѣе рѣзко отдѣляющую ихъ отъ всѣхъ остальныхъ отраслей мѣстнаго управленія,—обязаны мы имѣть въ виду и сберегать для будущаго развитія. Необходимо окончательно убѣдиться, что въ самоуправленіи коренная и единственная причина успѣха новой власти, успѣха сопровождавшаго эту государственную мѣру, несмотря на всю горечь и раздраженіе времени, несмотря на самыя печальныя разочарованія, связанныя со многими предыдущими нашими государственными и административными попытками. Эти начала самоуправления соотвѣтствовали всѣмъ разрѣшившимъ потребностямъ времени и всѣмъ предубѣжденіямъ, накопившимся въ общественномъ мнѣніи относительно бюрократической или приказной системы господствовавшей у насъ досель. Желательно, чтобы сознаніе этой сущности мировыхъ учреждений—этой политической и исторической ихъ задачи—проникло во всѣ слои нашего общества и отчетливо представлялось мыслямъ каждаго дѣятельнаго члена. Только при подобномъ сознаніи сущности дѣла, возможны сколько-нибудь продолжительные его успѣхи, только при подобномъ сознаніи личныя успѣха людей, даже самыя

великодушныя и энергическія, не будутъ лишь счастливыми случайностями, тѣми воздушными метеорами, которые иногда озаряютъ своимъ мгновеннымъ свѣтомъ темныя закоулки всякой администраціи, и сообщаютъ умной картинѣ общественнаго быта нѣкоторыя драматическія движенія, вызывающія сочувствіе и удивленіе, но которые въ историческомъ развитіи общества держаться не могутъ. При бессознательныхъ отношеніяхъ окружающаго общества къ какому-нибудь учрежденію, лучшія усилія дѣятелей не только пропадаютъ даромъ, но даже могутъ обратиться во вредъ дѣлу, то-есть дѣлу политическаго развитія; таковы были бы напримѣръ усилія людей, которые стали бы полагать всю свою славу по должности мировыхъ посредниковъ въ точномъ и ловкомъ исполненіи приказаній начальства, хотя бы начальства исключительнымъ образомъ любезнаго. Такіе люди придали бы своей должности характеръ чиновничій или приказный, вовсе ей несвойственный. Точно также бесплодны были бы усилія людей, которые вздумали бы пользоваться властью мировыхъ посредниковъ какъ властью народныхъ трибуновъ. Они могли бы вызвать много рукоплесканій, но вся ихъ дѣятельность пошла бы наперекоръ сущности учрежденій и безвозвратно пропала бы въ исторіи нашей политической жизни; гораздо плодотворнѣе будетъ для нашихъ политическихъ успѣховъ дѣятельность тѣхъ *среднихъ людей*, которые ищутъ въ должности мировыхъ посредниковъ только прямого ея смысла—законной и безобидной для обѣихъ сторонъ развязки крестьянскаго дѣла и стремятся, силою своего права и независимости своего положенія, оградить эту развязку отъ всякихъ насильственныхъ вторженій, съ какой бы то ни было стороны.

При неясномъ сознаніи сущности мировыхъ учрежденій, имъ предстоитъ опасность и отъ многочисленныхъ нашихъ нововодителей. Свѣдаемые съ нѣкоторыхъ поръ ненасытною страстью къ государственнымъ преобразованіямъ,—собственно къ неугомонному матеріальному передвиженію людей и вещей,—мы можемъ нанести мировой власти смертельные удары, оттолкнуть на нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ начала дѣйствительно въ ней новыя, пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что улучшаемъ ее, или по принятому выраженію, *идемъ дальше*. Подобныя опасности въ пользо-

вамъ новою властью и въ ея усовершенствованіяхъ, вопреки основнымъ ея началамъ, тѣмъ болѣе возможны, что новыя начала въ ней находятся еще на степени зародыша и смѣшаны со многими элементами совершенно иныхъ и даже противоположныхъ свойствъ. Правильное, органическое развитіе, какое мы желали бы видѣть въ новыхъ учрежденіяхъ, отчасти трудно и потому, что они обязаны своимъ происхожденіемъ скорѣе историческому стеченію обстоятельствъ, вынудившихъ положить въ нихъ новыя начала власти, нежели цѣлой послѣдовательной системъ государственныхъ преобразованій. Поэтому насъ револьвно пугаетъ мысль, что рука уновителей, не только частныхъ, но и официальныхъ, можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ наміреній, даже положительно противоположныхъ сущности учрежденія. Все это станетъ яснѣе, при ближайшемъ взглядѣ на происхожденіе новой власти.

Сущность мировыхъ учрежденій, отличающая ихъ отъ всѣхъ другихъ видовъ мѣстной администраціи и заключающаяся, по нашимъ понятіямъ, въ началахъ *самоуправленія*, выразилась въ ясныхъ признакахъ. Вотъ эти признаки: способъ назначенія мировыхъ посредниковъ, не зависѣвшаго отъ произвола никакой власти; избраніе мировыхъ посредниковъ изъ среды самихъ заинтересованныхъ лицъ и мѣстныхъ жителей; несмѣняемость ихъ путемъ административнымъ и подчиненіе ихъ, по служебной отвѣтственности, единственно судебной власти и притомъ тому органу судебной власти, который единственно пользуется у насъ нѣкоторою самостоятельностью и независимостью; свобода и самостоятельность дѣйствій мировыхъ посредниковъ, ограниченныхъ только закономъ, въ бюрократической іерархіи; подчиненіе дѣлъ завѣдываемыхъ посредниками пересмотру и обжалованію лишь въ учрежденіяхъ коллегіальныхъ, а не административному распоряженію отдѣльныхъ лицъ; вмѣненіе мировымъ посредникамъ въ обязанность руководствоваться, сверхъ положительнаго законодательства, мѣстными народными обычаями и преданіями, — правомъ неписаннымъ; гласность всѣхъ дѣйствій и контроль со стороны мѣстныхъ совѣщательныхъ собраній (мировыхъ съѣздовъ); мѣстный и отчасти выборный характеръ личнаго состава высшихъ инстанцій (губернскихъ присутствій) мировыхъ учрежденій

и полный характеръ самоуправленія во всѣхъ низшихъ органахъ власти (сельскомъ управленіи), чрезъ посредство которыхъ преимущественно дѣйствуютъ посредники; наконецъ, извѣстная мѣстная самостоятельность, преобладающая во всей системѣ мировыхъ учрежденій, не подверженной духу той крайней централизаціи, которая преобладаетъ во всей нашей административной системѣ. Вотъ признаки новыхъ учрежденій, рѣшительнымъ образомъ выдвигающіе ихъ изъ ряда всѣхъ доселѣ извѣстныхъ у насъ мѣстныхъ властей и сообщающіе новой власти характеръ самоуправленія. Въ эти-то признаки надо тщательно вникнуть, чтобъ ясно отличать ихъ отъ многихъ другихъ принадлежностей новыхъ учрежденій, которыя въ нихъ не существенны, или даже чужды отчасти противоположны основной мысли, и съ которыми эта мысль, по обстоятельствамъ, должна была смѣшаться.

Чтобы ясно различать въ мировыхъ учрежденіяхъ то что усвоено ими какъ условіе самоуправленія, чему слѣдуетъ развиваться, и то что въ нихъ чуждо началу самоуправления и потому должно быть постепенно устраняемо, необходимо обозначить себѣ яскѣе основной характеръ всякой системы самоуправленія, отличающій ее отъ системы бюрократической, необходимо съ точностію опредѣлить понятіе самоуправления. Иначе всякія попытки развитія и улучшенія новой власти могутъ сдѣлаться опасною игрою фантазіи, а неудача такихъ попытокъ поведомъ къ безцѣльному раздраженію въ отношеніяхъ общества къ власти.

Такъ напримѣръ, при неполномъ сознаніи сущности самоуправления, многіе у насъ весьма ошибочно хотятъ видѣть главное и чуть не исключительное условіе его въ выборномъ началѣ. Выборное начало само по себѣ еще не отличаетъ системы бюрократической отъ системы самоуправления; оно даже не принадлежитъ къ числу самыхъ существенныхъ условій самоуправления; для иныхъ должностей оно совершенно излишне, а для иныхъ положительно вредно. Выборное начало встрѣчается и въ бюрократической системѣ, которая можетъ пользоваться общественными выборами для своихъ одностороннихъ цѣлей. Казалось бы, обиліе выборныхъ должностей въ нашемъ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, даже сельскомъ (въ сословіи государственныхъ крестьянъ), должно было достаточно убѣдить, что выборное начало само по себѣ не въ силахъ противодѣй-

ствовать бюрократическому началу. Есть даже должности, и въ особенности судебныя, а также всякаго рода занятія требующія специальныхъ свѣдѣній, къ которымъ выборное начало вовсе не примѣнимо. Такъ нравственная *независимость* судьи есть первое и необходимое условіе благонадежнаго дѣйствія судебной власти; въ каждомъ приговорѣ своемъ судья будетъ выдерживать пытки совѣсти, если его положеніе и его насущный хлѣбъ будутъ зависѣть отъ произвола начальства или, что все равно, отъ произвола избирателей. Поэтому пока мировые посредники облечены властью судебною, назначеніе ихъ исключительно по выбору (однихъ ли дворянъ, однихъ ли крестьянъ или обоихъ сословій вмѣстѣ) можетъ совершенно показать ихъ характеръ. Изъ всего нами сказаннаго было бы весьма ошибочно выводить, что мы не придаемъ никакого значенія выборному началу въ системѣ самоуправленія; оно имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и служить между прочимъ необходимымъ условіемъ для назначенія членовъ *собраній* законодательныхъ, совѣщательныхъ, контролирующихъ и вообще ограничивающихъ произволъ административныхъ властей. Мы хотѣли только сказать, что выборное начало само по себѣ не можетъ ни придать администраціи характеръ самоуправленія, ни содѣлать съ него характеръ бюрократическій.

Назначеніе мировыхъ посредниковъ не было отдано въ *полное распоряженіе* никакихъ властей и личностей, ни администраціи, ни сословію. Оно зависѣло прежде всего отъ нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ правъ на должность со стороны самихъ кандидатовъ, которые могли заявлять и доказывать свои права, а нисколько не были вынуждены *искать мѣстъ*; затѣмъ назначеніе мировыхъ посредниковъ зависѣло отъ соглашенія двухъ силъ, различныхъ и отчасти соперничающихъ нынѣ въ нашемъ общественномъ быту: *бюрократіи* и *землевладельцевъ*, или вотчинниковъ-дворянъ; эти двѣ силы должны были, въ назначеніи мировыхъ посредниковъ, согласить и взаимно уравнивать свои притязанія, по крайней мѣрѣ самыя крайнія и одностороннія изъ своихъ притязаній. Прежде всего одна сторона не могла (то-есть не имѣла права), по своему произволу, лишить кандидатовъ принадлежащихъ имъ правъ на должность, и потомъ каждая сторона должна была умѣ-

рять свои крайнія требованія, свои такъ-называемыя *лучшія желанія*. Послѣдствіемъ этого было то, что мировые посредники вообще никому, кромѣ самихъ себя, не обязаны своимъ назначеніемъ. Мы очень хорошо знаемъ, что не всегда такъ было, что были и не могли не быть уклоненія, то въ одну, то въ другую сторону. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорство одной стороны, и именно той которая пока еще сильнѣе въ ходѣ нашей государственной машины, привело къ назначенію людей лучшихъ только по мнѣнію этой одной стороны. Могли быть случаи и противоположные: слабость со стороны нѣкоторыхъ представителей бюрократической власти могла отдать мировые должности въ безусловное распоряженіе *лучшихъ желаній* другой стороны. Мы уже слышали о мировыхъ посредникахъ вынужденныхъ оставить свои должности единственно по требованію помѣщиковъ, не опиравшихся въ своихъ жалобахъ ни на какіе законные доводы. Такія уклоненія отъ того взаимнаго соглашенія крайнихъ притязаній двухъ сторонъ, которое мы видимъ въ законномъ порядкѣ назначенія мировыхъ посредниковъ, не могутъ быть, впрочемъ, выгодны ни для одной изъ сторонъ; рано или поздно каждая должна будетъ раскаться въ своемъ случайномъ торжествѣ, нарушающемъ равновѣсіе силъ въ основахъ новой власти.

Въ лицѣ мировыхъ посредниковъ должно было произойти взаимное соглашеніе, *сдѣлка* двухъ пока одностороннихъ интересовъ: съ одной стороны *бюрократическаго, приказнаго*, или интереса административной централизаціи, который по необходимости явился въ упраздненіи крѣпостнаго права всесильнымъ представителемъ *государственнаго начала*, и съ другой стороны *сословнаго* интереса, который по необходимости тутъ же явился представителемъ начала *частной собственности*. Взявъ на себя починъ въ упраздненіи крѣпостнаго права и опеку надъ устройствомъ быта сословія подавленнаго игомъ вотчинныхъ привилегій другаго сословія, бюрократія могла дѣйствовать во всеоружіи своего историческаго могущества и съ полнымъ сознаніемъ своей силы: насупротивъ этой силы дворянство, въ разрѣшеніи того же самаго вопроса, было слабо и чувствовало всю тяжесть своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые были имъ затрачены въ сословныхъ преимуществахъ крѣпостнаго права, и представи-

тельство и защиту которых оно по необходимости должно было принять на свою долю. Конечно, и въ средѣ самаго дворянства раздались голоса въ пользу угнетеннаго сословія, въ пользу правъ человечества, явились люди позабывшіе въ своихъ великодушныхъ порывахъ всякіе расчеты и экономическіе интересы; но такія лица отрѣшались отъ существующихъ привилегій своего сословія, являлись представителями его вышшихъ и дальнѣйшихъ нравственныхъ интересовъ. Этого мало: умственное движеніе предшествовавшее офиціальному движенію вопроса вполне принадлежитъ самому дворянству, а не бюрократіи; но если это умственное движеніе принадлежитъ дворянству, то не какъ организованному сословію, а какъ классу образованныхъ русскихъ землевладѣльцевъ. Впрочемъ, мы говоримъ не о лицахъ, а о идеяхъ, которыя играли роль на той и на другой сторонѣ, и даже только о тѣхъ идеяхъ, которыя преобладали здѣсь и тамъ въ данный моментъ разрѣшенія вопроса.

Хотя на сторонѣ дворянства стояло начало равносильное всякому другому въ государствѣ—право частной собственности, неприкосновенность которой призвано охранять само государственное начало; но дворянство, какъ привилегированное сословіе, не было исключительнымъ въ странѣ представителемъ права частной собственности, во всей его чистотѣ; подлѣ права собственности помещиковъ, были и права крестьянъ, которыхъ представительство и защита выпала на долю администраціи. Какъ сила съ одной стороны, такъ и слабость съ другой, были фактами исторической необходимости, которой ни честь, ни вина не принадлежать ни одной изъ сторонъ, а лежатъ на отвѣтственности одной исторіи.

Изъ указаннаго нами взаимнаго отношенія двухъ силъ слѣдовало бы, что участіе ихъ въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса могло бы распредѣлиться далеко неравномѣрно; сословное начало могло подпасть въ устройствѣ новой власти полному преобладанію бюрократическаго начала. Къ счастью, обстоятельства помогли выработать органъ власти не принадлежащій исключительно ни одной изъ двухъ сторонъ,—органъ ни бюрократическій, ни сословный, ни приказный, ни дворянскій, — органъ образовавшійся изъ сочетанія нѣсколькихъ общественныхъ элементовъ.

Этому содѣйствовали особенныя историческія условія,

съ которыми было сопряжено у насъ развитіе каждой изъ двухъ стихій: государственнаго начала и землевладѣльческаго сословія. Съ одной стороны, государственное начало само видѣло недостаточность чисто бюрократическихъ учрежденій, чисто приказнаго порядка, для новаго дѣла; оно убѣдилось въ односторонности своей исключительной долей представительницы, бюрократіи, никакъ не прививавшейся къ народному духу, и искажавшей своими злоупотребленіями лучшія намѣренія государственной власти. Съ другой стороны, и сословные предрасудки оказались слишкомъ слабыми, чтобы перейти за историческую грань крѣпостнаго права, около котораго они почти исключительно сосредоточивались: въ средѣ самаго дворянства всюду обнаружались рѣшительныя стремленія слить свои сословные интересы съ интересами всего *земства*. Доказательствомъ этому можетъ служить между прочимъ то, что должность мирового посредника въ большей мѣрѣ привлекла къ себѣ лучшихъ людей чѣмъ привлекали доселѣ всѣ сословныя должности; она сдѣлала энергическими представителями власти людей неумѣвшихъ даже пользоваться льготами вотчинной власти. Самые неумѣные, среди льготъ крѣпостнаго права, оказались самыми лучшими дѣятелями въ мировыхъ учрежденіяхъ, свободныхъ отъ всякихъ привилегій вотчинной власти; подобнаго явленія не могло быть въ средѣ зараженной, подобно германскому юнкерству, предрасудками привилегированной породы. Мировая власть сдѣлалась внезапно, въ кругу самаго дворянства, предметомъ желаній и почета, какимъ никогда не были въ немъ самомъ окружены сословныя званія и льготы вотчинной власти; но въ этихъ льготахъ дворянство наше никогда и не видало, подобно германскому юнкерству или французской *noblesse*, своего достоинства, своей чести, а видѣло въ нихъ только свои матеріальные интересы.

Взаимная уступчивость бюрократіи и дворянства въ пользу начала новаго, начала земскаго, то-есть самоуправленія, весьма у насъ понятна, ибо та и другая сторона имѣютъ одно и то же первоначальное историческое происхожденіе. Бюрократія и дворянство явились у насъ элементами одного и того же служилаго сословія, а не враждебными лагерями, какими могла быть западно-европейская централизирующая администрація насупротивъ дворянскаго

сословія, коренившася въ феодальной организаціи. Вотчинная власть называется у насъ, даже самыми ярыми защитниками своими, *помѣстною*; она сама была происхожденія часто административнаго, то-есть бюрократическаго, а не того рыцарскаго происхожденія, восходящаго къ источникамъ особой благородной крови и божественныхъ родоначальниковъ. Всѣ преданія нашего барства перемѣшиваются съ преданіями служебными. Крайняя, централизирующая бюрократія и сословное обособленіе, какъ историческіе наносы на русской почвѣ, можетъ-быть необходимыя въ силу историческаго развитія, но тѣмъ не менѣ чуждыя внутреннимъ условіямъ самой почвы, всѣмъ инстинктамъ народнаго духа, эти наносы не могли выдержать приближенія новой исторической эпохи, открывшейся съ упраздненіемъ крѣпостнаго права. Послѣднее было у насъ продуктомъ государственной власти и въ то же время средоточіемъ всѣхъ сословныхъ привилегій; около него преимущественно вращались (каждый по своему), имъ были преимущественно крѣпки какъ бюрократическія, такъ и сословные интересы.

Добровольная политическая уступчивость какъ со стороны государственной власти, такъ и землевладѣльческаго класса, выгодная для обѣихъ сторонъ, можетъ значительно облегчить путь нашего политическаго преуспѣванія въ будущемъ; чѣмъ болѣе они будутъ сближаться и взаимно ограничивать притязанія временныхъ своихъ представителей, государственное начало—притязанія сословныя, землевладѣльцы—притязанія бюрократическія, тѣмъ болѣе будутъ выигрывать интересы *земства*, то-есть народа; съ земствомъ государственная власть, сама по себѣ, не можетъ быть ни въ какомъ антагонизмѣ, а можетъ быть только временно разъединяема крайностями бюрократіи, и въ земствѣ же классъ образованныхъ землевладѣльцевъ есть необходимѣйшее звено, которое могло быть разъединяемо съ нимъ лишь сословною организаціей на основаніи крѣпостнаго права. Чисто земскіе органы власти, удовлетворяющіе собою законнымъ интересамъ и государственной власти, и образованнаго землевладѣльческаго класса, должны служить связующимъ звеномъ между государствомъ и земствомъ. Представляя этотъ мирный путь нашего политическаго развитія и эти благопріятныя сочетанія условій нашего быта, мы безъ сомнѣнія говоримъ только о *возможномъ*, и о луч-

шемъ возможно; историческія судьбы, въ которыхъ сплетаются безчисленные элементы жизни, могутъ дать швое, менѣе благоприятное направленіе нашему политическому развитію, могутъ надолго задержать лучшія возможности. Но что бы ни совершалось вокругъ насъ, мы никогда не должны терять изъ виду возможно-лучшихъ сочетаній политическихъ силъ, чтобы по крайней мѣрѣ знать чего желать, и на что надѣяться. Новыя мировыя учрежденія, явившіяся на рубежѣ стараго и новаго порядка вещей, не могли тотчасъ же сдѣлаться настоящими органами самоуправленія: самая сущность дѣла, не позволила имъ принять вполнѣ такой характеръ. Съ одной стороны, первостепенная важность государственнаго интереса соединяемаго съ развязкою крестьянскаго вопроса и вѣковая правительственная опека надъ народными массами, съ другой крайняя противоположность интересовъ двухъ сословій въ разрѣшеніи вопроса, сословное обособленіе, равномѣрно не допускали, на почвѣ этого вопроса, чистыхъ земскихъ учреждений. Во всякомъ случаѣ, между государственнымъ началомъ и сословнымъ произошла сдѣлка, взаимная уступка въ пользу третьяго начала, *земства*, отъ котораго одно изъ нихъ отдѣлялось перегородкою крѣпостнаго права, а другое—бюрократіей. Власть мировыхъ посредниковъ не имѣетъ ни исключительнаго бюрократическаго, ни исключительнаго сословнаго характера, а скорѣе, имѣетъ смѣшанный, служащій переходомъ отъ стараго порядка къ новому. Мировыя учрежденія сдѣлались органами самоуправленія или властью земскою, насколько бюрократія и вотчинное право могли уступить другъ другу поле разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Чѣмъ ближе будетъ подвигаться къ своей развязкѣ крестьянскій вопросъ, тѣмъ значительнѣе могутъ быть уступки съ обѣихъ сторонъ. Отъ этихъ взаимныхъ уступокъ, бюрократической исключительности съ одной стороны и сословной съ другой, зависитъ постепенное развитіе мѣстнаго самоуправления, которое столько же несовмѣстимо съ приказною, какъ и съ дворянскою исключительностью. Отъ успѣховъ самоуправления выиграютъ истинные интересы государственной власти, парализуемой въ своихъ отношеніяхъ къ обществу крайностями бюрократіи, и также выиграютъ истинные землевладѣльческіе интересы, ослабляемые сословною организаціей. Итакъ, въ лицѣ

мировыхъ учрежденій произошло нѣкоторымъ образомъ соглашеніе двухъ началъ: государственнаго права, въ лицѣ бюрократической власти, и права частной собственности въ лицѣ сословія, въ пользу третьяго начала, то-есть *земства*, на которое и государственная власть и землевладѣльческой классъ должны были по необходимости опереться; въ немъ же оба они найдутъ и окончательное примиреніе свое, и возрожденіе государственнаго организма, распатававшаяся въ ущербъ обоимъ. Съ развязкою крѣпостнаго права могутъ окончательно образоваться земскія учрежденія, необходимыя для прочнаго и окончательнаго водворенія въ землѣ нашей *порядка*, олицетворяемаго государственною властью, и *свободы личности*, коренящейся въ основахъ частной поземельной собственности. Въ земскихъ учрежденіяхъ, мѣстныхъ и центральныхъ, государственная власть находитъ незыблемую опору для охраненія общественнаго порядка, а частная собственность пріобрѣтаетъ въ нихъ политическія права, которыми обезпечивается общественная свобода.

Но уже теперь должно всячески стараться воспользоваться новыми органами власти, и никакъ не терять изъ виду и немедленныхъ и будущихъ выгодъ, связанныхъ съ ними для каждой стороны. Эти выгоды заключаются въ томъ новомъ характерѣ, которымъ облечена власть мировыхъ посредниковъ, и котораго ни одна изъ сторонъ не должна забывать, ища въ ней опоры для своихъ интересовъ. Сдѣлавъ уступку въ самомъ образованіи и составѣ мировыхъ учрежденій, обѣ стороны тѣмъ свободнѣе и чище могутъ добиваться своихъ законныхъ цѣлей въ разрѣшеніи вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ независимѣе поставлены мировые посредники относительно бюрократической власти, чѣмъ ближе они къ интересамъ помѣщиковъ, тѣмъ съ большею энергіей могутъ дѣйствовать бюрократическіе представители государственнаго начала и тѣмъ благонадежнѣе ихъ опора въ исполненіи закона. Чѣмъ независимѣе мировые посредники отъ сословныхъ интересовъ, тѣмъ съ большимъ спокойствіемъ совѣсти, тѣмъ съ большею настойчивостью могутъ сами помѣщики искать удовлетворенія за свои нарушенные интересы. Наконецъ, чѣмъ тѣснѣе союзъ мировыхъ учрежденій съ сельскимъ міромъ, чѣмъ болѣе находятъ они опоры въ земствѣ, тѣмъ устойчивѣе

долженъ быть весь организмъ этихъ учрежденій и тѣмъ болѣе въ немъ обезпеченій для обѣихъ сторонъ. Та *независимость положенія*, которая по необходимости создалась для мировыхъ посредниковъ между обѣими сторонами, не рѣдко пугаетъ робкихъ или своекорыстныхъ участниковъ тяжбы на той и на другой сторонѣ; а между тѣмъ, въ этой *независимости* главное обезпеченіе истинныхъ интересовъ для обѣихъ сторонъ. Только та опора благонадѣжна, которая самостоятельна, то-есть, въ смыслѣ общественности власти, *независима*. А потому и послѣднее звено системы мировыхъ учрежденій, послѣдняя ихъ опора,—сельскія власти требуютъ для себя той же независимости, какъ и высшіе ея органы.

Мы съ намѣреніемъ употребили выраженіе *независимость*, ибо въ этомъ понятіи заключается, по нашему мнѣнію, сущность самоуправленія и отличительное свойство учрежденій и представителей общественной или земской власти, въ сравненіи съ учрежденіями и представителями власти приказной или бюрократической. Въ послѣдней системѣ, начиная съ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ступеней власти, каждый ея носитель есть агентъ своего начальства, исполнитель воли посланшаго, и вся его заслуга заключается преимущественно въ возможно болѣе точномъ выполненіи приказаній. Русское слово *приказный* какъ нельзя лучше передаетъ понятіе, связываемое нами съ словомъ бюрократія, въ противоположность самоуправленію, или *власти земской*. Въ системѣ самоуправленія каждое учрежденіе и каждый представитель власти дѣйствуетъ самобытно, исполняя исключительно только велѣнія закона совѣсти. Чиновникъ, или приказный, ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ намѣреніями, видами, цѣлями начальства, которому онъ прежде всего и обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а представитель земской власти ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ исключительно постановленіями своего учрежденія и предписаніями закона въ точномъ выполненіи котораго онъ обязанъ матеріальною отвѣтственностью только передъ *судебною властію*. Судебная власть вѣдаетъ только существующіе законы и высшія требованія безпристрастнаго правосудія, и не знаетъ ни личныхъ, ни политическихъ видовъ и цѣлей.

Въ лицахъ облеченныхъ общественною властью, къ сознанию своей ответственности только передъ судомъ и закономъ должно присоединить внутреннее сознание *интересовъ общества* или мѣстнаго народонаселенія, въ отношеніи къ которымъ всякая бюрократическая власть является нуждою, какъ представительница требованій централизаціи. Такое живое сознание общественныхъ или земскихъ интересовъ достигается чрезъ назначеніе лицъ на общественныя должности изъ среды самихъ заинтересованныхъ лицъ, или мѣстнаго народонаселенія. Поэтому учрежденія и власти въ системѣ самоуправленія весьма хорошо называются у насъ *земскими учрежденіями и властями*.

Мы старались, въ короткихъ словахъ, выставить на видъ самыя существенныя принадлежности самоуправленія, въ отличіе отъ бюрократіи; нравственная и юридическая *независимость* всѣхъ лицъ облеченныхъ властью является намъ самою существенною принадлежностью учрежденій и органовъ самоуправленія. Очевидно, что не всякая административная дѣятельность возможна при подобной независимости учрежденій и должностныхъ лицъ, и потому рядомъ съ самою усовершенствованною системою самоуправленія и внутри ея всегда будутъ должности бюрократическія, которыхъ лучшимъ качествомъ всегда остается формальная исполнительность.

Наши мировыя учрежденія имѣютъ всѣ описанные нами признаки, но какъ учрежденія переходныя, они, разумѣется, обладаютъ ими не вполне. Не только развязка крестьянскаго вопроса, но и преобразования во всей нашей административной системѣ и въ особенности устройство прочной судебной власти, этого необходимаго условія самоуправленія, нужны для полнаго развитія началковъ новой власти заключающихся въ мировыхъ учрежденіяхъ. Именно потому что эти учрежденія находятся не въ полномъ своемъ развитіи, именно потому что они брошены посреди разныхъ чуждыхъ имъ условій жизни, важно, чтобъ общество сумѣло воспользоваться ими въ томъ направленіи, въ которомъ они только и могутъ быть полезны, чтобъ оно помогло имъ выйдти изъ тѣхъ опасностей, посреди которыхъ они зародились. Новымъ учрежденіямъ грозитъ именно опасность переродиться въ формы тѣхъ двухъ одностороннихъ силъ (бюро-

кратической и сословной), временное соглашеніе которыхъ образовало эти учрежденія.

Перерожденія мировой власти въ сословную, кажется, все менѣе можно ожидать. Скорѣе должно опасаться, чтобъ она не заразилась бюрократическимъ духомъ, которымъ прикинуть весь офиціальнѣйшій бытъ соприкасающійся съ мировыми учрежденіями, которымъ отзываются и личныя воспоминанія многихъ людей принадлежащихъ къ ихъ составу. Самое большое зло можетъ быть въ превращеніи этихъ людей въ чиновниковъ. Противъ этой опасности должно всего болѣе дѣйствовать сознаніе основныхъ началъ условій новой власти, именно сознаніе, что мировая власть есть блюстительница порядка, во имя закона и совѣсти, а не простая исполнительница приказаній. Кромѣ усилія личнаго сознанія, этому долженъ содѣйствовать и усиленный контроль общественнаго мнѣнія, для котораго гласные мировые съезды и литература могутъ служить органами. Наконецъ, въ томъ же направленіи будетъ дѣйствовать и извѣстный корпоративный духъ, который къ счастью уже начинаетъ проявляться въ кругу мировыхъ посредниковъ и будетъ постепенно укрѣпляться черезъ совѣщанія и съезды. Этотъ корпоративный духъ, котораго зачатки замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ весьма добрый признакъ въ жизни новаго учрежденія; корпоративный духъ есть, между прочимъ, одна изъ принадлежностей самоуправленія. Зоркое взаимное наблюденіе, взаимная, нравственная и умственная помощь и поддержка посреди непріязненныхъ общественныхъ стихій, сознаніе чести носимаго званія, сознаніе себя нравственно ослабленнымъ и оскорбленнымъ дурными поступками всякаго носящаго то же званіе, отвращеніе отъ недостойныхъ членовъ, открытое осужденіе ихъ, все это служитъ важнымъ обезпеченіемъ для нравственной чистоты учрежденія, гораздо болѣе прочнымъ обезпеченіемъ нежели представленіе отчетныхъ вѣдомостей вверхъ по начальству и препровожденіе начальническихъ отмотровъ внизъ по инстанціямъ, которыя переполнены людьми, глаумящимися надъ своимъ собственнымъ званіемъ.

Въ заключеніе и подкрѣпленіе высказанныхъ мыслей, мы хотѣли бы обратить вниманіе на одну сторону мировыхъ учрежденій, именно на отношенія мировыхъ посредниковъ

въ волостнымъ старшинамъ. Желательно, чтобы въ этихъ отношеніяхъ, по возможности, упрочились тѣ свойства, которыя должны преимущественно характеризовать новое вѣстное управленіе. Чтобы выразиться какъ можно яснѣе, мы кажемъ въ связи со всѣмъ предыдущимъ, что волостные старшины ни въ какомъ случаѣ не должны быть механическими исполнителями приказаній мировыхъ посредниковъ или ихъ гентовъ. Мы слышали о покушеніяхъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ представлять волостныхъ старшинъ наградамъ за ихъ усердіе. Подобныя покушенія слышимъ у насъ естественныя, обусловленныя съ одной стороны преданіями бюрократіи, а съ другой можетъ-быть бни добрыми намѣреніями, въ которыхъ всякое преувеличеніе, всякая крайность, всякое увлеченіе признается, къ сожалѣнію, за доблесть, несмотря на законность переступаемыхъ ими границъ. Мы съвѣемъ думать, что дѣло *низшихъ братій* выиграетъ гораздо болѣе, когда оставленная ими самими власть не будетъ смущаема въ своихъ дѣйствіяхъ ничьими благами, во чужими намѣреніями. Самое неприятное зрѣлище представляли бы намъ волостные старшины, которыхъ первый помыселъ въ каждомъ спорженіи и каждомъ отвѣтѣ обращался бы не къ закону, не къ ихъ собственной совѣсти и не къ суду и мнѣнію мира, а къ вопросу: что скажетъ объ этомъ посредникъ, какъ покажется эту посреднику? При этомъ, раздается, вредна мысль не о чловѣкѣ болѣе образованнѣе и потому лучше понимающемъ смыслъ того или другаго закона, а о чловѣкѣ съ извѣстными личными привычками, вкусами, прихотями, о чловѣкѣ, который можетъ наградить и опорочить за удачное или неудачное исполненіе его личныхъ желаній. При этомъ не должно забывать, что превращеніе волостныхъ старшинъ въ маленькихъ чиновниковъ всего опаснѣе для интересовъ самой мировой части. Когда подчиненная власть есть не болѣе какъ эмалія высшей власти, тогда первая не можетъ сообщить какой силы для опоры послѣдней, а напротивъ должна отъ нея же заимствовать свою силу; затѣмъ всякая власть неуклонно подпадаетъ въ своихъ отношеніяхъ къ высшей власти тому характеру отношеній, который она таволяетъ къ подчиненнымъ ей властямъ. Таковъ законъ природы.

II

Говоря о мировыхъ учрежденіяхъ, мы вышли за предѣлы непосредственной задачи, то-есть, крестьянскаго дѣла, поставленнаго законодательствомъ ихъ прямою цѣлю. Въ нашемъ изложеніи упраздненіе крѣпостнаго права представлялось только историческимъ поводомъ къ образованію тѣхъ новыхъ государственныхъ началъ, въ которыхъ заключается, по нашему мнѣнію, политическая задача мировыхъ учреждений. Новыя начала, внесенныя ими въ нашу государственную жизнь, суть начала самоуправленія, впрочемъ новыя только для нашего законодательства и для послѣдней эпохи нашего офиціальнаго быта, но коренящіяся во всѣхъ народныхъ инстинктахъ и преданіяхъ. На этой политической идеѣ и на ея отношеніяхъ къ дѣйствующимъ нынѣ политическимъ силамъ сосредоточили мы все наше вниманіе. Мы убѣждены, что эти учрежденія, какъ освященный законъ зародышъ самоуправленія, не только не находятся въ противорѣчій съ политическими требованіями противоположныхъ сторонъ и интересовъ нашего быта, но что только эти учрежденія и способны въ настоящую минуту удовлетворить здравымъ интересамъ всѣхъ отгннковъ нашего зараждающагося политическаго мнѣнія, дать около себя просторъ свободному развитію всякихъ общественныхъ стремленій, и способствовать политическому воспитанію нашихъ общественныхъ круговъ. Этимъ въ особенности и дороги намъ мировыя учрежденія. Для успѣховъ политической жизни народа именно важны учрежденія, которые не могли бы сдѣлаться орудіемъ никакой дѣйствующей политической силы, и стояли бы несокрушимо посреди всякихъ бурь. Только около такихъ учреждений возможна совершенно свободная и мирная борьба политическихъ интересовъ и мнѣній, безъ потрясенія основъ государственнаго порядка, который равно необходимъ для всѣхъ безъ изятія. Около такихъ учреждений невозможно насиліе, на

которое могут возлагать надежды лишь самые близорукіе или самые неискренніе поборники власти. Поэтому мы смѣло скажемъ, что сторонники всякихъ политическихъ убѣжденій въ нашемъ отечествѣ, но сторонники истинные, а не собиратели мелкихъ крохъ власти и политическаго тщеславія, всѣ образованные и самостоятельные люди, гдѣ бы они ни стояли, должны поддерживать наши мировыя учрежденія и употреблять всѣ свои усилія на охраненіе ихъ политической идеи, получившей силу закона и для всѣхъ равно необходимой.

Въ послѣднее время, и въ публикѣ и въ литературѣ, раздались голоса въ пользу такъ-называемыхъ *охранительныхъ началъ*. Посреди переходной переживаемой нами эпохи, послѣ продолжительнаго промышленнаго зстоя и политическаго затишья, внезапно возмущенныхъ военными громами и бумажными кредитными операціями, когда въ ходѣ государственной машины и народнаго хозяйства, ощущаются по временамъ неправильныя сотрясенія, которыя кажутся многимъ предвѣстниками еще болѣе жестокаго разстройства въ частныхъ интересахъ, когда въ умахъ замѣтно злобѣющее броженіе, препятствующее сколько-нибудь массивнымъ сочетаніямъ и соединеніямъ общественныхъ силъ; наконецъ, когда на окраинахъ государства накопляются политическія затрудненія, усложняемыя племенной враждой, тогда весьма естественно, что всѣ установленныя въ обществѣ интересы, всѣ затраченные капиталы, матеріальные и умственные, всѣ независимые и просвѣщенные люди со страхомъ озираются, томимые загадками будущаго. Потому и весьма понятенъ призывъ къ охранительнымъ политическимъ началамъ, къ *государственнымъ условіямъ жизни, охраняющимъ общественный порядокъ*.

Но посреди этихъ охранительныхъ заботъ не должно забывать, какой общественный порядокъ имѣетъ дѣйствительную цѣну для всѣхъ общественныхъ интересовъ нуждающихся въ порядкѣ, и потому охраненіе какого порядка наиболѣе желательно? Всякой знаетъ, что самый прочный и вѣчный порядокъ есть тотъ, которому соответствуетъ порядокъ внутренній. При самомъ строгомъ формальномъ государственномъ порядкѣ можетъ царствовать величай-

шая неурядица въ удовлетвореніи умственныхъ потребностей народа, въ его народномъ хозяйствѣ, въ его семейномъ быту. Тѣмъ не менѣе, всякій историческій народъ чрезвычайно дорожитъ даже и внѣшнимъ порядкомъ своего быта, и готовъ принести ему многое въ жертву. Ради государственнаго наряда наши предки, по словамъ исторической легенды, рѣшились пожертвовать даже самостоятельностью своего племеннаго быта.

Всякій формальный порядокъ есть та внѣшняя организація, въ которой установилось какое-нибудь равновѣсіе общественныхъ силъ и интересовъ, и на которую они молчаливо между собою согласились для продолженія своего развитія. Поэтому всякій внѣшній порядокъ опирается на какія-нибудь внутреннія условія народнаго быта, на какія-нибудь преобладающія въ немъ влеченія и наклонности, и съ измѣненіемъ этихъ влеченій и наклонностей, или съ измѣненіемъ установившагося равновѣсія въ общественныхъ интересахъ, разстраивается. Всѣ народныя влеченія и наклонности, всѣ общественныя силы и интересы, у народовъ историческихъ находятся въ непрерывномъ движеніи, и потому подлежатъ непрерывному измѣненію своихъ качественныхъ и количественныхъ отношеній. Подчиненные такому непреложному закону развитія, человѣческія общества не могли бы имѣть ни какой сколько-нибудь постоянной формальной организаціи, никакого прочнаго государственнаго устройства, елибы, къ счастью, не были возможны устройства имѣющіе способность сами по себѣ непрерывно видоизмѣняться, согласно съ новыми сочетаніями общественныхъ силъ, и мѣнять однѣ формы на другія безъ всякаго видимаго разстройства и распаденія своихъ основныхъ началъ. Такимъ образомъ внѣшній государственный порядокъ долженъ заключать въ самомъ себѣ условія своего движенія, соотвѣтственно движенію всѣхъ стихій народнаго быта. Мы совершенно понимаемъ, что Джонъ Стюартъ Милль, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ мыслителей нашего времени, признаетъ первымъ достоинствомъ всякой существующей государственной формы, чтобы въ ней самой заключалась возможность перехода къ послѣдующей формѣ, вызываемой созрѣвающими въ обществѣ силами. Это дѣйствительно можно назвать первымъ государственнымъ благомъ, въ противоположность тому государственному

порядку, который безъ самоотрицанія не можетъ уступить новому, и потому уступаетъ лишь вслѣдствіе насилія и матеріальной борьбы. Какъ на крайній примѣръ такого положенія вещей можно указать на иноземное владычество и политическое поработченіе одного народа другимъ.

Способность развиваться и претерпѣвать самыя глубокія преобразованія въ своихъ формаціяхъ, не нарушая своей сущности, и потому ни на минуту не лишая общества необходимыхъ обезпеченій порядка,—эта способность очевидно придаетъ наибольшую устойчивость политическому организму.

Способностью устойчивости посреди величайшихъ общественныхъ смуть, вслѣдствіе способности развивать свои формы не нарушая ихъ сущности, обладаетъ по преимуществу государственное устройство основанное на *самоуправленіи*. Въ немъ являются такіе органы государственной власти, которые въ то же время служатъ органами общества, и потому постоянно подвержены взаимодѣйствию потребностей государства и общества, государственнаго порядка и народной жизни. Поэтому-то самоуправленіемъ и дорожатъ всѣ интересы желающіе охраненія прочнаго политическаго порядка. Все что мы сказали о цѣломъ политическомъ тѣлѣ, относится болѣе или менѣе и къ отдѣльнымъ его частямъ или учрежденіямъ. Чѣмъ болѣе въ нихъ самихъ элементовъ для дальнѣйшаго развитія въ будущемъ, сообразно съ развитіемъ общества и историческими обстоятельствами, чѣмъ менѣе въ нихъ этихъ законченныхъ формулъ, въ родѣ закона Магомета или правъ человека XVIII вѣка, тѣмъ способнѣе онѣ выдерживать всѣ историческія движенія, самыя стремительныя, ни на минуту не лишая общества законныхъ обезпеченій порядка. Въ противоположность государственнымъ организмамъ, окаменѣлымъ въ своихъ формахъ, имѣющимъ притязаніе на непогрѣшимость и совершенство своихъ формулъ, въ родѣ восточныхъ деспотій или французской республики основанной на отвлеченныхъ правахъ человека, мы видимъ, на примѣръ въ Великобританіи, государственныя зданія которыя отличаются прочностью, и въ которыхъ въ то же время нѣтъ ничего безусловно-законченнаго, въ которыхъ все въ движеніи, все безпрестанно строится и ничто на глухо не замыкается.

Эта возможность безпрерывнаго развитія всего государственнаго организма и всѣхъ отдѣльныхъ учрежденій должна по необходимости, примирять съ коренными основами существующаго порядка всѣхъ, даже самыхъ крайнихъ его противниковъ, кромѣ развѣ людей проповѣдывающихъ разрушеніе для разрушенія.

Во всѣхъ свойствахъ государственнаго устройства, которыя сообщаютъ ему описанный характеръ, и во всѣхъ общественныхъ силахъ, которыя содѣйствуютъ къ его упроченію, заключаются истинныя *охранительныя* начала въ государствѣ. Поддержка всѣхъ такихъ свойствъ, наклонностей и силъ въ государственной власти и въ народномъ духѣ и есть, по нашему мнѣнію, истинное *служеніе охранительнымъ* началамъ. Только въ такомъ служеніи со стороны независимаго общественнаго мнѣнія нуждается сама власть, ибо усердное служеніе инымъ свойствамъ власти можетъ причинить ей болѣе вреда нежели пользы. Дѣйствительно, друзья власти, поддерживающіе безъ всякаго разбора всѣ ея свойства, и даже не рѣдко такія свойства, которыя въ самихъ себѣ носятъ сѣмя ея разрушенія, часто походятъ на тѣхъ людей, которые, живя на счетъ дурныхъ наклонностей своего друга, по необходимости вынуждены вскармливать въ немъ эти наклонности. Не таковы истинные друзья общественнаго порядка и служители разумныхъ охранительныхъ началъ, о которыхъ мы говоримъ.

Поборники такого рода охранительныхъ началъ участвуютъ, въ одномъ и томъ же государственномъ цѣломъ, съ поборниками убѣжденій самыхъ враждебныхъ той или другой изъ существующихъ формъ этого цѣлаго. Между тѣмъ и другими не можетъ быть борьбы на смерть, ибо тѣ и другіе приходятъ къ сознанію, что для живучести политическаго тѣла необходимы и элементы порядка, обезпечивающіе успѣхи движенія, и элементы движенія, не позволяющіе порядку обратиться въ болѣзненное затвердѣніе. На стражѣ порядка становятся всѣ общественные интересы, въ данный моментъ времени, по преимуществу нуждающіеся въ порядкѣ; на путяхъ движенія становятся всѣ общественные интересы, нуждающіеся по преимуществу въ движеніи. Представитель всякаго интереса находитъ свое мѣсто и это мѣсто можетъ для него мѣняться, смотря по обстоя-

тельствамъ времени и вопросамъ стоящимъ на очереди. Очевидно, что такая борьба интересовъ, на неизблемыхъ основахъ государственнаго зданія, возможна лишь при свободѣ совѣсти, мнѣнія и слова, этой существенной принадлежности устойчивыхъ государственныхъ порядковъ, о которыхъ говорили мы выше.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы должны вспомнить, что мировыя учрежденія одарены тѣми превосходными свойствами, которыя мы выставляли какъ главное условіе устойчивости политическихъ организмовъ и учреждений. Въ нихъ положено начало самоуправленія, и они ожидаютъ въ будущемъ своего дальнѣйшаго развитія. Въ то же время мировыя учрежденія служатъ самою прочною въ настоящую минуту опорою власти, примиряя въ себѣ всѣ существующія въ общественномъ тѣлѣ противоположности. Пертурбація въ дѣйствіяхъ мировыхъ учреждений была бы, безъ всякаго сомнѣнія, дѣломъ самымъ опаснымъ въ настоящую минуту. Она поставила бы лицомъ къ лицу всѣ противоположности нашего быта, и открыла бы поприще для всякихъ столкновеній и случайностей. Вотъ почему мы убѣждены, что всѣ въ равной мѣрѣ должны стремиться къ поддержанію мировой власти, въ ея истинномъ политическомъ значеніи, и что каждая сторона употребитъ принадлежащія ей средства къ упроченію этого значенія. Мы особенно настаиваемъ на послѣдней мысли, ибо должны повторить въ заключеніе то, что не разъ было сказано нами въ этой статьѣ. Сила мировыхъ учреждений заключается единственно въ ихъ современной политической идеѣ, то-есть, въ зародышѣ мѣстнаго самоуправленія, а потому каждый элементъ нашего государственнаго и общественнаго быта долженъ сообразовать свою дѣятельность съ условіями этого новаго начала, если только желаетъ найти въ немъ опору для себя.

Условія эти, во многихъ отношеніяхъ для насъ новыя, естественно и сопровождаются во всей нашей офиціальной и частной жизни явленіями новыми. Но этотъ предметъ долженъ быть разсмотрѣнъ въ особой статьѣ.

Пока мы ограничимся заключительнымъ замѣчаніемъ, что мировыя учрежденія, какъ зачатокъ мѣстнаго самоуправленія, должны внести въ нашъ бытъ, вмѣстѣ съ *независимостью*

власти, и ея законность. Законность есть такая же необходимая принадлежность самоуправленія, какъ и независимость; та и другая составляютъ части одного цѣлаго и одна безъ другой не мыслимы; какъ никакая личная свобода невозможна безъ личной отвѣтственности, такъ никакая независимость учрежденія невозможна безъ его полнаго подчиненія закону. Поэтому, если отношенія всего нашего общества или частныхъ лицъ и правительства, или всѣхъ органовъ правительственной власти къ мировымъ учрежденіямъ должны быть основаны на строгой, безусловной законности, то она же должна быть краеугольнымъ камнемъ мировыхъ учрежденій. Малѣйшее нарушеніе дѣйствующихъ узаконеній лишаетъ мировыя учрежденія всякой почвы и можетъ повергнуть ихъ въ область произвола и всякихъ случайностей, равно опасныхъ для русскаго общества.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

ДОНЪ ЖУАНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

(Посылается памяти Моцарта и Гофманна.)

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, dass der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann.

ПРОЛОГЪ.

Красивая страна. Весенній вечеръ. Захожденіе солнца. Небесные духи спускаются на землю.

ДУХИ.

Изъ иной страны чудесной,
Людямъ въ горести помочь,
Насъ на землю Царь небесный
Посылаетъ въ эту ночь;
Принести живое слово,
Жатвы всѣ благословить,
Человѣка къ жизни новой
Ободрить и укрѣпить!

ОДИНЪ ДУХЪ.

Жаль мнѣ рода, что для хлѣба,
 Маятъ вѣкъ свой осуждены;
 Мысль его стремится въ небо,
 Самъ надъ плугомъ онъ согбенъ;
 Всѣмъ страданьямъ, безъ изъятя,
 Долженъ данъ онъ заплатитъ,
 И не лучше ль было бѣ, братья,
 Вовсе смертному не жить?

ДРУГОЙ ДУХЪ.

Всѣ явленія вселенной,
 Всѣ движенія вещества —
 Все лишь отблескъ Божества,
 Отраженьемъ раздробленный!
 Врозь лучи его скользя,
 Раздѣлились безпредѣльно,
 Мнръ земной есть лучъ отдѣльный —
 Не свѣтитъ ему нельзя!

ТРЕТИЙ ДУХЪ.

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни!
 Нераздѣльно въ немъ слита
 Совокупность всѣхъ явленій,
 Всѣхъ сіяній полнота;
 Но струящаясь отъ Бога
 Сила борется со тьмой;
 Въ Немъ могущества покой —
 Вкругъ Него время тревога!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Мирозданіемъ раздвинуть,
 Хаосъ мстительный не спитъ:
 Искажень и опрокинуть,
 Божій образъ въ немъ дрожитъ;
 И всегда, обмановъ полныи,
 На господню благодать
 Мутно плещущія волны
 Онъ старается поднять!

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

И усилямъ духа злого
 Вседержитель волю далъ.
 И свершается все снова
 Споръ враждующихъ началъ.
 Въ битвѣ смерти и рожденья
 Основало Божество
 Нескончаемость творенья,
 Мирозданья продолженье,
 Вѣчной жизни торжество!

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Вѣчно вкругъ текутъ созвѣздыя
 Вѣчно свѣтомъ мракъ смѣненъ:
 Нарушенъ и возмездъ
 Есть движенія законъ.
 Черезъ всемирное явленье
 Богъ проводитъ мысль одну
 И, какъ символъ возрожденья,
 За зимой ведетъ весну!

СЕДЬМОЙ ДУХЪ.

Вотъ она, весна молодая,
 Свѣжимъ трепетомъ полна,
 Благодатная, святая,
 Животворная весна!
 Въ неба синія объятъя
 Поднялась земли краса —
 Таше! Слышите ли, братья,
 Всѣ ликуютъ безъ изъятъя,
 Всѣ природы голоса!

ВСѢ.

На изложинахъ росистыхъ,
 На поверхности озеръ,
 Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
 И куда ни кинешь взоръ,
 Всюду звонкая тревога,
 Всюду въ зелень убрана,
 Торжествуя, хвалить Бога
 Жизни полная весна!

ПРОХОДЯТЪ ОБЛАКА.

Миновало холодное царство зимы,
 И на встрѣчу движенью живому,
 Въ юныхъ солнца лучахъ позлатился мы
 И по небу плывемъ голубому!
 Миновало холодное царство снѣговъ,
 Не гонимы погодою бурной,
 Въ парчевой мы одѣты снова покровъ.
 Хвалимъ Господа въ тверди лазурной!

РАСЦВѢТАЮТЪ ЦВѢТЫ.

Снова небо съ высотъ улыбається намъ,
 И головки подыавъ понемногу,
 Возсылаемъ изъ нашихъ мы чашъ еуміамъ,
 Какъ моленіе Господу Богу!

ПРОЛЕТАЮТЪ ЖУРАВЛИ.

По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
 Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
 Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
 Длинной цѣпью вѣсь издадека!
 Видимъ сверху мы праздникъ веселый земли.
 Здѣсь кончается наша дорога,
 И мы кружимся вкругъ, журавли, журавли,
 Хвалимъ криками Господа Бога!

ОЗЕРА И РѢКИ.

Зашумѣли ручьи и расторгнулся ледъ.
 И сквозятъ темно-синія бездны,
 И на глади зеркальной таинственныхъ водъ
 Возрожденныхъ небесъ отражается сводъ
 Въ красотѣ лучезарной и звѣздной!
 И вверху и внизу все міры безъ конца,
 И двойко является вѣчность:
 Высота съ глубиной хвалятъ вмѣстѣ Творца,
 Славятъ вмѣстѣ его безконечность!

СОЛНЦЕ ЗАШЛО. ВЪ РОЩѢ ЗАПѢВАЕТЪ СОЛОВЕЙ.

Нисходитъ ночь на міръ прекрасный,
 Кругомъ все дышитъ тишиной;
 Любви и грусти полонъ страстной,
 Пою одинъ про край иной!

Весеннихъ листьевъ трепетанье,
 Во мракъ вѣющіе сны,
 Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
 Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
 Другой, невѣдомой весны!

ДУХИ.

Блаженъ, кто простъ и чистъ душою,
 Чей духъ молитвъ не закрытъ,
 Кто вмѣстѣ съ юною землею
 Творца міровъ благодаритъ,
 Но мыслью вѣчно восходящей
 Не въ жизни ищетъ идеалъ,
 И кто души своей любящей
 Упорно къ ней не приковалъ!

СОЛОВЕЙ.

Весны томительная сладость,
 Тоска по дальней сторонѣ,
 Любовь и грусть, печаль и радость,
 Всегда межуются во мнѣ;
 Но въ ихъ неровномъ колыханьи
 Полны надеждъ мои мечты:
 Жу, чанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
 Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
 Другой, далекой красоты!

ДУХИ.

Чѣмъ тѣни сумрачныя ночныя
 Тѣмъ звѣзды ярче и яснѣй;
 Блаженъ въ бѣдѣ не гнувшій выи,
 Блаженъ пѣвецъ грядущихъ дней,
 Кто среди тьмы девицы новой
 Провидитъ радостный восходъ
 И утѣшительное слово
 Средь общихъ слезъ произнесетъ!
 И тьму пусть терпитъ Божья воля,
 Явленій двойственность храни—
 Блаженны мы, что наша доля
 Быть представителями дня!

Пути Творца необъяснимы,
Его судьбъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
Дорогой свѣтаю идетъ!

ГОЛОСЪ.

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на землѣ теперь весна.
Жаль только, что ея краса недолговѣчна,
И декорация ужь слишкомъ непрочно!

ДУХИ.

Кѣмъ здѣсь нарушена святая тишина?
Чей голосъ разбудилъ уснувшія долины?

ГОЛОСЪ.

Я живописи тѣнь. Я темный фонъ картины,
Необходимости логическая дань.
Я нѣчто въ родѣ общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цвѣточки.

ДУХИ.

Зарицы блещутъ. Изъ болотъ
Сѣдой туманъ клубится и встаетъ,
Земля подъ нами задрожала—
О, братья, близко здѣсь недоброе начало!

ГОЛОСЪ.

Хотя не Слово я, за то я всѣ слова!
Все двигаю собой куда лишь самъ ни двинусь;
По математикѣ я—минусъ,
По философіи—изнанка божества;
Короче, я ничто; я жизни отрицаю;
А какъ Господь весь міръ изъ ничего создалъ,
То я тотъ самый матерьялъ,
Который послужилъ для мірозданья.
Клеветникамъ на зло, прогрессъ во всемъ любя;
Что-бъ было что-нибудь, я въ даръ принесъ себя,
Не пожалѣвъ отдать часть собственного тѣста
Чтобъ выльѣпиться могъ вселенной сложный шаръ;
А такъ, какъ быть нельзя, не занимая мѣста,

То въ остаальное онъ вошелъ какъ въ свой футляръ.
 Когда вы, полные восторженной хвалою,
 Поднявши очи къ небесамъ,
 Акаѳисты свои поете фистулою,
 Я къ звонкимъ вашимъ дашкантамъ
 Фундаментальный бассъ.

ДУХИ.

По дерзостнымъ рѣчамъ
 Тебя узнать легко. Явись же лучше намъ
 И не веди происхожденья
 Хвастливо отъ предвѣчной тьмы;
 Увы, ты былъ, до дня паденья,
 Такимъ же свѣтлымъ, какъ и мы!

ГОЛОСЪ.

Мнѣ грамоту мою отстаивать — бесплодно;
 Во мнѣ такъ много есть сторонъ,
 Что быть готовъ я, коль угодно,
 Не что иное, какъ *бурбонъ*.
 Но если съ этой точки зрѣнья
 Мы будемъ на мое смотрѣть происхожденье,
 Тогда осмѣлюся сказать,
 Вамъ не во гнѣвъ и не въ обиду,
 Что я, имѣвъ несчастье потерять
 Архангельскій мой видъ, лишился вовсе виду.
 Поэтому, коль я вамъ подлинно собрать,
 То одолжите мнѣ, любезные собратья,
 Какой-нибудь нарядъ,
 Приличный обликъ, или платье!

ДУХИ.

Бери любой; явися намъ
 Какъ змій, какъ воронъ, или иначе!

САТАНА (*является въ видѣ чернаго ангела*).

Вотъ такъ извѣстенъ я пѣвцамъ,
 А живописцамъ наипаче.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Замолкнулъ соловей, поблекнули цвѣты,
 Подернулись звѣзды облаками...

Скажи, погибшій братъ, чего здѣсь хочешь ты,
И что есть общаго межъ нами?

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Духъ отрицанія, безвѣрія и тьмы!
Духъ возмущенья и гордыни!
Тебя ли снова видимъ мы,
Врага и правды и святыхъ?

ТРЕТИЙ ДУХЪ.

Ты ль, мной самимъ, какъ червь, низверженный во
прахъ,

Теперь, съ насмѣшкой на устахъ,
Дерзашь въ сомнѣ семъ являться?

САТАНА.

Превосходительный! Не стыдно ль такъ ругаться?
Припомни: въ сныи день, когда я вздумалъ самъ
Владыкой сдѣлаться вселенной
И на великій бой поднялся дерзновенно
Изъ бездны къ небесамъ;
А ты, чтобъ замысламъ противостоять свободнымъ,
Съ негодованьемъ благороднымъ,
Какъ ревностный жандармъ, съ небесъ на встрѣчу мнѣ
Пустился и меня шарахнулъ по спинѣ,
Не я ль въ той схваткѣ благотворной
Тебѣ былъ точкою опорной?
Ты сверху напиралъ, я снизу далъ отпоръ;
Потомъ вернулись мы, я влизъ, ты въ поднебесье,
И во движенъи силъ всемирныхъ съ этихъ поръ
Установилось равновѣсье.
Но еслибъ не пришлось тебѣ меня сшибить
И прыгнувъ сгоряча, ты мимо далъ бы маху,
Куда, осмѣлюся спросить,
Ты самъ бы полетѣлъ сразмаху?
Не благодарны вы, ей, ей,
Но это все дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой—
Кто вспомнить старое, того да лопнетъ око!

ДУХИ.

Какое жь нынѣ замышленье
Тебя изъ бездны вызвало опять?

САТАНА.

Хотѣлось мнѣ, для развлечения,
Весной немножко погулять.
Но впрочемъ у меня есть и другое дѣло.
Коль вамъ бесѣдовать со мной не надобно,
Охотно сообщу задуманный мной планъ.

(Садится на обгорѣлый пенъ.)

Есть юноша въ Севильѣ, донъ Жуанъ,
А по фамилии, де-Марастья.
Ему пятнадцать лѣтъ. Счастливые года!
Чуть пухомъ поросла молодая борода,
Почти еще дитя. Но въ мысляхъ колебанье
И беспокойство видны иногда.
Какъ размышляетъ онъ глубоко,
И какъ задумчивъ онъ порой!
Къ какой-то цѣли все неясной и высокой
Стремится онъ неопытной душой;
Но если рѣчь зайдетъ о воинской отвагѣ,
Или любви коснется разговоръ,
Его рука уже на шпагѣ,
Огнемъ горитъ орлиный взоръ.
Какъ онъ хорошъ въ толпѣ придворной,
Одѣтый въ бархатъ и атласъ,
Когда онъ клонитъ такъ притворно
Свой взоръ при встрѣчѣ женскихъ глазъ!
За то какъ иногда онъ смѣло
На нихъ украдкою гадитъ!
Самъ бредитъ о любви, а кровь кипитъ, кипитъ...
О молодость моя, куда ты улетѣла!
Вы правы, господа! На утрѣ бытія,
Мечтателемъ когда-то былъ и я,
Пока не преступилъ небеснаго предѣла!

ДУХИ.

О сатана, кого назвалъ ты намъ!
Сей донъ Жуанъ любимецъ есть природы,
Онъ призванъ къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ,
Предъ нимъ преклоняются народы,

Онъ будетъ славенъ до конца,
 Онъ стражей огражденъ небесной неприступно,
 Къ нему ты не простишь руки своей преступной—
 Познай; сей донъ Жуанъ избранникъ есть Творца!

САТАНА.

Мой также. Я давно его замѣтилъ.
 Я знаю сколь удѣлъ его въ грядущемъ свѣтелъ,
 И юношу всѣмъ сердцемъ возлюбя,
 Я сдѣлаю его похожимъ на себя.

ДУХИ.

Но гдѣ же власть твоя? Гдѣ сила?

САТАНА.

Оно и не легко. И дорого, да мило!
 Послушайте. Во всемъ я къ точности привыкъ.
 Вѣдь, каждый данный пунктъ, характеръ, или ликъ,
 Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
 И къ верху продолжить и къ низу.
 Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ
 Какъ иногда моя мѣняется натура:
 Взберусь на верхъ—я мрачный идеалъ;
 Спускаю внизъ—карикатура.
 Теперь, какъ съ каеэды адъюнктъ,
 Я вашего прошу вниманья:
 Любую женщину возьмемъ какъ данный пунктъ:
 Коль къ верху продолжимъ ея мы очертаемъ,
 То наша линія, какъ я уже сказалъ,
 Прямехонько въ ея упрется идеалъ,
 Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совер-
 шенный,
 Для каждой личности заранѣ припасенный.
 Я этотъ прототипъ, незримый никому,
 Изъ дружбы покажу любимцу моему.
 Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть нѣсколько годящемъ,
 Какое бы себѣ онъ ни избралъ,
 Онъ вмѣсто копіи все зреть оригиналъ,
 Последний выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
 Когда жь захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ.

Въ объятіяхъ любви найдти себѣ блаженство,
 Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
 И женщина, какъ есть, появится передъ нимъ.
 И пусть онъ бѣсится, Пусть ловить съ вѣчной жаждой
 Все новый идеалъ въ объятіяхъ дѣвы каждой!
 Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
 Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ,
 Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
 И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовить горе!

ДУХИ.

О духъ неправды! Тотъ, кто ищетъ свѣтъ,
 Кто жаждетъ лишь обнять что вѣчно и прекрасно,
 Надъ тѣмъ у ада власти нѣтъ,
 И ты сгубить его надѣнешся напрасно.
 Познаетъ правду онъ, разсѣется твой мракъ,
 Какъ вѣтромъ на луну навѣянная тучка!

САТАНА.

Вотъ въ этомъ-то и закорючка.
 Уладить дѣло надо такъ,
 Чтобы, во что бы то ни стало,
 Все подъ носомъ ловилъ далекій онъ призракъ,
 И съ толку обился бы искатель идеала.
 Вѣдь, чорту, говорятъ, достаточно схватить
 Кого-нибудь хоть за единый волосъ,
 Чтобъ душу всю его держать за эту нить,
 Чтобы съ нимъ она ужъ болѣ не боролась;
 А донъ Жуанъ душой какъ ни высокъ,
 И какъ ни велики въ немъ правила и твердость,
 Я у него одинъ подмѣтилъ волосокъ,
 Которому названье—гордость!

ДУХИ,

О братья, окружимъ незримою толпой
 Младое сердце донъ Жуана,
 Съ врагомъ въ упорный вступимъ бой,
 Да не свершитъ надъ нимъ обмана!
 Туманъ и мракъ разгонимъ съ юныхъ думъ,
 Да явится имъ истины дорога!

САТАНА.

Къ чему весь этотъ трескъ и шумъ?
 Помилуйте, побойтесь Бога!
 Зачѣмъ кричать заранѣ: караулъ!
 Могу сказать вамъ непритворно,
 Мое вліяніе благотворно;
 Безъ дѣла праведникъ пожалуй бы заснулъ.
 Повѣрьте, для людей толчки полезны эти,
 Какъ гальванизмъ полезенъ для больныхъ,
 И еслибъ чорта на было на свѣтѣ,
 То не было бы и святыхъ!

ДУХИ.

Довольно. Въ сумракѣ земля уже почива,
 Безмолвенъ дѣсь, тиха поверхность водъ,
 Покой и миръ для смертныхъ настаетъ...
 Да сгинетъ сатаны завистливая сила!

САТАНА.

Покойной ночи всѣмъ! Увидимъ чья возьметъ!
 (Исчезаетъ.)

ДУХИ, ОДНИ.

Въ тревожномъ жизни колебаньи
 Всегда съ душой враждуетъ плоть;
 Да озаритъ Твое сіяніе
 Стезю блудящаго, Господи!
 Но если, пламенный и страстный,
 Омъ сѣбно вступишь въ мракъ и ночь,
 Въ часъ испытанья, въ часъ опасный,
 Дозволь намъ слабому помочь!
 Твои пути необъяснимы,
 Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
 Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
 Дорогой свѣтлою идетъ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПОСЛѢ ПРОЛОГА)

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛЪ ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Васѣданіе въ Casa Santa. Инквизиторъ, три члена, фискаль и секретарь.
У дверей стража.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Предметъ, о коемъ разсуждать мы будемъ,
Уже извѣстенъ вамъ, святыя братья:
Надъ исповидателями Sant' Officio,
Тому три дня, открыто свершено
Ужасное, неслыханное дѣло.
Прочтите обвиненіе, фискаль.

ФИСКАЛЬ (*читаетъ*).

„Три дня тому назадъ, святое братство
„Подъ стражею вело изъ Антекеры
„Въ тюрьму отпавшаго Мориско. Вдругъ,
„Одѣтый въ плащъ, черты сокрыты шляпой,
„На нихъ напалъ какой-то кавалеръ.
„Съ угрозами и шпагою махая,
„Онъ многихъ ранилъ, прочихъ разогналъ,
„Преступника жь освободилъ и скрылся.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Мориско былъ назначенъ на костеръ—
Святая церковь вопіеть о мести.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

И не нашли виновнаго?

ФИСКАЛЬ.

Слѣдъ найдемъ.

При кавалерѣ былъ его слуга.
Агентъ, узнавъ его по описанью,
Подговорилъ идти съ собой въ трактиръ;
Тамъ схваченъ онъ и ждетъ теперь допроса.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Дозволить ли священный предсѣдатель
Намъ допросить агента и слугу?

ИНКВИЗИТОРЪ *(къ офицеру стражи).*

Сеньйоръ Мигель, введите ихъ обоихъ.

(Входятъ шпюнь и Лепорелло. Последний съ связанными глазами.)

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сними съ себя повязку, сынъ мой. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО *(снимая повязку).*

Ай, ай! Гдѣ я?

(Увидѣвъ шпюна.)

А, господинъ Діаго!

Такъ поступать нечестно. Вы меня
Своимъ недавно другомъ называли!

ФИСКАЛЬ.

Преступникъ, отвѣчай, кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте —

Меня вчера на улицѣ онъ встрѣтилъ,
Подговорилъ съ нимъ вмѣстѣ отобѣдать,
И угостилъ пуляркой. А теперь...

ФИСКАЛЬ.

Теперь, когда ты отвѣчать не станешь,
Ты будешь пыткой угощенъ. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Я, господинъ почтенный? Я не знаю.

ФИСКАЛЬ *(къ инквизитору).*

Позволите ль желѣзныя ему
Надѣть ботинки?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что за вздоръ? Зачѣмъ?

Я сущю вамъ правду говорю;
 Я, господа, подкинутый ребенокъ.
 Коль по моимъ наклонностямъ судить,
 Я гранда сынъ, а можетъ-быть, преата!

ФИСКАЛЬ.

Сеньйоръ Мигель! Желѣзные ботинку!

ИНКВИЗИТОРЪ (*къ фискалу*).

Не будемъ торопиться.

(*Къ шпіону.*)

Что съ тобой
 Онъ говорилъ, когда вы вмѣстѣ шли?

ШПІОНЪ.

Онъ хвастался, что съ господиномъ онъ
 Преступника избавилъ отъ костра.
 Слуга онъ донъ Жуана де-Маранья
 И соучастникъ въ дѣлѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО (*тихонько къ шпіону*).

Фуи, Діэго!

Мы говорили вмѣстѣ какъ друзья;
 Что я тебѣ за рюмкой сообщилъ,
 Должно остаться было между нами!

ШПІОНЪ.

Его прозванье Лепорелло. Онъ
 Уже лѣтъ десять служитъ донъ Жуану.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не хорошо, Діэго; право, стыдно!
 Я вижу, ты болтушь. Но, господа,
 Когда теперь вы знаете, кто я,
 Нельзя ль скорѣй домой меня отправить?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ ты, Лепорелло, признаешься,
 Что вмѣстѣ вы съ Мараньей, на дорогѣ,
 Напали на святую инквизицію?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кто? Я? Избави Боже! Я былъ сзади!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Теперь ты долженъ все намъ разказать,
 Что о своемъ ты знаешь господинъ:
 Какихъ онъ лѣтъ? И кто его друзья?
 И часто ль въ церковь ходитъ онъ? И кто
 Въ интригѣ съ нимъ? И что онъ говоритъ?
 И какъ онъ судитъ о священномъ братствѣ?
 Все долженъ откровенно ты повѣдать,
 Или мученья пытки испытать.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, священный предсѣдатель!
 Вы столько задали вопросовъ вдругъ,
 Что съ памятью сперва собраться надо,
 Чтобъ по ряду на все вамъ отвѣчать.
 Какихъ онъ лѣтъ? Я думаю, ему
 Лѣтъ двадцать пять, а можетъ-быть, и болѣ.
 Какіе у него друзья? Ихъ много,
 Но, кажется, онъ имъ не очень вѣритъ.
 И хорошо онъ дѣлаетъ. Что дружба?
 Вотъ этотъ господинъ меня сейчасъ
 Пуляркой угостилъ; теперь же онъ
 Показываетъ на меня. Дѣво!
 Признайся, братъ, что скверно?

ФИСКАЛЪ.

Къ дѣлу! къ дѣлу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, что жь еще? Да! часто ль ходитъ въ церковь?
 Коль правду говорить—не саишкомъ часто;
 Такъ, развѣ для забавы; да и то,
 Когда въ кого влюбленъ, то встрѣчи ради.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Въ интригѣ съ кѣмъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Онъ-то? Правый Боже!
 Да съ кѣмъ въ интригѣ не былъ донъ Жуанъ?
 Подумать страшно! Вѣрите ль, сеньйоръ,

Изъ силъ я выбился носить записки
 И на часахъ стоять то тутъ, то тамъ.
 Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ по Европѣ;
 Не пропустилъ нигдѣ онъ никого;
 Что городъ, то интрига; а въ иныхъ
 По десяти, по двадцати случалось.
 Ужь я ему, бывало, говорю:
 Сеньйоръ, остепенитесь! Такъ вотъ нѣтъ же!
 Вотъ, такъ и преть его въ интриги, право;
 И точно будто ищетъ онъ чего-то;
 Попробуетъ одной, давай другую!
 Какъ будто женщины не всѣ равны.
 Вѣдь, согласитесь, отцы святыя,
 У курицы одинъ и тотъ же вкусъ,
 Что съ чернымъ ли хохломъ она, что съ бѣлымъ!

ИНКВИЗИТОРЪ (*къ фискалу*).

Немного дерзокъ этотъ Лепорелло,
 Но вмѣстѣ глупъ. Изъ болтовни его
 Намъ кое-что, быть-можетъ, пригодится.

(*Къ Лепорелло*.)

Твой господинъ великій грѣховодникъ.
 Теперь въ кого влюбленъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ донну Анну,
 Въ дочь командора донъ Альвара. Но
 Не слышкомъ-то податлива она;
 Ужь съ мѣсяцъ мы волочимся напрасно.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Что говорить онъ про духовныхъ лицъ?
 Объ инквизициі святой какъ мыслить?
 Въ его рѣчахъ, съ друзьями, за виномъ,
 Или съ любезной въ тайныхъ разговорахъ;
 Замѣтна ль ересь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Правду вамъ сказать,
 Съ любезными своими донъ Жуанъ
 Не много говорить о богословьи.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Но быть не можетъ, чтобъ въ его рѣчахъ
Ты ереси преступной не подслушалъ.

ФИСКАЛЬ.

Подумай, вспомни. Дай намъ въ руки нить
Чтобъ до его безвѣрія добратся—
Не то, готовься къ пыткамъ. Выбери.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, вѣдь я его слуга;
Не честно доносить на господина!

ФИСКАЛЬ.

Сеньйоръ Мигель, желѣзные ботинки!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Я вспомнилъ! Погодите!
Дозвольте только мнѣ одинъ вопросъ:
Бѣды ему отъ этого не будетъ?
Вѣдь это только такъ? Изъ любопытства?

ФИСКАЛЬ.

Изъ любопытства.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А когда я вамъ
Все разкажу, меня вы отошлете?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Когда ты все разкажешь намъ, мой сынъ,
И приведешь, точь-въ-точь, его слова,
Тебѣ даруетъ церковь награжденье,
И ты уйдешь свободно. Если жъ ты
Хотя одно лишь слово утаишь,
Я долженъ буду, съ сокрушеннымъ сердцемъ,
На пытку согласиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Понимаю.

И такъ, сеньйоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ Жуанъ говаривалъ не разъ:

„Святые братья глупы. Человѣкъ
 „Молиться воленъ какъ ему угодно.
 „Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
 „И никого не вгонишь въ рай дубиной.“
 Онъ говорилъ, что Мавры и Мориски
 Народъ полезный былъ и работающій;
 Что ихъ не слѣдовало гнать, ни жечь;
 Что коль они исправно платятъ подать,
 То этого довольно королю;
 Что явный мусульманинъ или еретики
 Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
 Что еслибы сравнивали всѣхъ правами,
 То не было бъ ни отъ кого вражды.
 „Поэтому“, такъ говоритъ мой баринъ.
 „Святые братья глупы.“ Даже стыдно
 Передавать мнѣ вамъ такія рѣчи.
 Но часто слышалъ я какъ донъ Жуанъ
 Говаривалъ: „святые братья глупы.“

ФИСКАЛЬ.

Когда не замолчишь ты, попугай,
 Тебя въ желѣзную посадятъ кѣтку!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ этого ужъ я не понимаю:
 Молчу—ботинки; ротъ розину—кѣтка!

ИНКВИЗИТОРЪ (*къ фискалу*).

Оставьте, братъ фискаль. Слова глупца
 Святыхъ нашей оскорбить не могутъ.

(*Къ Лепорелло.*)

Послушай. Съ господиномъ ты своимъ,
 Вы совершили вмѣстѣ преступленье,
 Которое заслуживаетъ смерть:
 Но, ради простоты твоей, тебя
 Помиловать верховный судъ согласенъ,
 Съ тѣмъ чтобы свято намъ ты обѣщалъ
 Слѣдить и наблюдать за донъ Жуаномъ.
 О каждомъ шагѣ долженъ ты его,
 О каждомъ словѣ доносить—не то—
 Увы, мой сынъ—смерть и проклятье церкви!

ЛЕПОРЕЛЛО (въ сторону).

Вотъ этого еще не доставало!

(Къ инквизитору.)

Извольте, я готовъ за нимъ слѣдить
И доносить про все съ благоговѣньемъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Иди же съ миромъ.

(Подавая ему кошелекъ.)

А червонцы эти
Дарить тебѣ святая инквизиция.

ЛЕПОРЕЛЛО (кладя кошелекъ въ карманъ).

Беру изъ уваженья. Господина бѣ
Не продалъ я ни за какія деньги.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Ступай, мой сынъ, но помни обѣщанье!

ФИСКАЛЪ.

Коль будешь ты болтать—костеръ и пытка!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не беспокойтесь, отцы святые,
Все можно сдѣлать лаской изъ меня.
Мое почтеніе всему собранью!
А вы, сеньйоръ Діаго, вы себѣ
Другихъ друзей ищите; на меня
Вы болѣе не надѣйтесь. Вашъ слуга!

(Лепорелло и тѣионъ уходятъ въ сопровожденіи стражи.)

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сомнѣнья нѣтъ. Преступникъ былъ Маранья,
Еретикъ оный, святаго братства врагъ,
И на костръ заслуживаетъ смерть.

ФИСКАЛЪ.

Давно примѣръ остывшей вѣрѣ нуженъ.
Вездѣ сильнѣе ересь возрастаетъ,
И слабые колеблются умы.
Сожженье доуъ Жуана де-Маранья
Спасетъ отъ казни тысячу другихъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Такъ. Но принять въ соображенъе надо,
 Что онъ испанскій граждъ, богатъ связями,
 Что явной на него улики нѣтъ
 И что отъ словъ онъ можетъ отказаться.
 Когда его мы прямо обвинимъ,
 Надѣлаетъ процессъ нашъ много шума,
 А преступленъе такъ невѣроятно,
 Что ропотъ всѣхъ подымется на насъ.
 Пожалуй, самъ король за донъ Жуана
 Заступится, и этимъ пошатнется
 Религиа святой авторитетъ.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

Процессъ начать неловко. Но нельзя жъ
 Еретику оставить на свободѣ.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Избавиться его есть много средствъ.

ТРЕТИЙ ЧЛЕНЪ.

Цѣль освящаетъ средства. Братство наше
 Намъ дозволяетъ въ случаяхъ подобныхъ
 Къ кинжалу, или къ яду прибѣгать.

ФИСКАЛЬ.

Торжественную казнь въ глазахъ народа,
 Великолѣпное auto da fe
 Я предпочелъ бы этой темной казни;
 Но если всѣ согласны, то я также
 Даю мое согласье на кинжалъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ, мы въ настоящемъ засѣданьи
 Торжественно, но тайно объявляемъ
 Еретикомъ Жуана де Маранья,
 Ему же нынѣ смертный приговоръ
 Постановляемъ всѣ единогласно.
 Да будетъ такъ. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ ДОНЪ ЖУАНА.

Донъ Жуанъ сидитъ въ задумчивости и держитъ раскрытое письмо.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Опомнись, донъ Жуанъ! Какое чувство
 Въ твоей груди проснулося опять?
 Какой, давно забытый, свѣтлый міръ
 Въ тебѣ записка эта пробудила?
 Чѣмъ донна Анна лучше всѣхъ другихъ?
 Такой же станъ, и губкій, и прекрасный,
 Не разъ я обнималъ; къ устамъ такимъ же
 Я прижималъ горячія уста;
 Такой же голосъ и такой же взглядъ
 Не разъ меня Мадонной заклинали...
 И этотъ взглядъ, и голосъ, и моленья,
 И мой восторгъ, и жизни полнота —
 Все было ложь. Я обнималъ лишь призракъ.
 Отъ женщины, которую любилъ я,
 Которую такъ ставилъ высоко,
 И на землѣ небеснымъ исключеньемъ
 Считалъ — не оставалось ничего —
 Она была такая жъ какъ другія!
 А, кажется, я понималъ любовь!
 Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
 Которое, два сердца съединивъ,
 Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
 Она меня родила со вселенной,
 Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
 Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
 Черезъ нее я понималъ ужь смутно
 Чудесный строй законовъ бытія,
 Явленій всѣхъ сокрытое начало.
 Я понималъ, что всѣ ея лучи,
 Раскинутые врозь по мірозданью,
 Въ другомъ я сердцахъ вмѣстѣ бѣ съединилъ,
 Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блаудящій,

И сжатымъ свѣтомъ ярко бѣ озаришь
 Моей души неясныя стремленья!
 О еслибы то сердце я нашель!
 Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
 Одно звено той безконечной цѣпи,
 Которое, въ связи со всей вселенной,
 Восходитъ вѣчно выше къ Божеству
 И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
 Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
 О еслибы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
 Хотя бѣ одна сдержала обѣщанья!
 Я имъ не измѣнялъ — нѣтъ, нѣтъ — онѣ,
 Онѣ меня безстыдно обманули,
 Мой идеалъ онѣ мнѣ подмѣнили,
 Подставили чужую личность мнѣ,
 И ихъ любить, на мѣсто совершенства —
 Вотъ гдѣ бѣ измѣна низкая была!
 Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
 Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
 Которая являлась въ нихъ сначала;
 Но вскорѣ я подлогъ ихъ узнавалъ,
 Одну покинувъ, я искалъ другую.
 И каждый разъ все сызнова обмануть,
 Съ ожесточеннымъ сталъ я любопытствомъ
 Въ нихъ струны сердца всѣ перебирать,
 Когда жь онѣ рвалися, равнодушно
 Изломанный бросаю я инструментъ
 И далѣ шель, и всюду находилъ
 Одни и тѣ же пошлыя явленья!
 И въ ярости тогда я поклялся
 Любви не вѣрить, ничему не вѣрить.
 Искать я въ ней одно лишь обладанье,
 Лишь чувственность одну въ ней находилъ.
 Да, я искалъ ее лишь для того,
 Чтобы насмѣшкой мстить ей насмѣшкой...
 А нынѣ? Что со мной? Что эти строки?
 Зачѣмъ онѣ надежду оживили?
 Ужъ въ третій разъ прочитываю ихъ,
 И въ сердцѣ тотъ же непонятный трепеть.

(Читаетъ.)

„Я къ вамъ писать рѣшаюсь, донъ Жуанъ,
 „Рѣшаюсь я исполнить вашу просьбу,
 „Но объясниться съ вами я должна.
 „Успѣхи ваши, нравъ непостоянный,
 „Отчаянье и слезы столькихъ жертвъ,
 „Къ несчастью, мнѣ давно уже извѣстны.
 „Для васъ легко любить и разлюбить...
 „Уже ль вы также и меня хотѣли бѣ
 „Игрушкой сдѣлать прихоти своей?
 „Нѣтъ, вопреки тяжелымъ обвиненьямъ,
 „Которыхъ много такъ на васъ лежитъ,
 „Мнѣ говоритъ какой-то тайный голосъ,
 „Что уважать васъ можно, донъ Жуанъ!
 „Скажите жь, какъ должна я оправдать
 „Преслѣдованья ваши? Можетъ-быть,
 „Вамъ самолюбье не даетъ покоя,
 „И требуете вы, чтобы я вамъ
 „Сама въ любви призналась? Если такъ—
 „Я притворяться долѣ не умѣю —
 „Я васъ люблю—да—высказано слово,
 „Но заклинаю васъ святой Мадонной
 „И честью вашей заклинаю васъ,
 „Меня увидѣть болѣ не ищите;
 „Отвыкнѣ я почла бы оскорбленьемъ,
 „Старанье ваше облизиться со мной.
 „Я вамъ призналась—вы достигли цѣли—
 „Теперь не трудно вамъ меня забыть.“

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Какъ эти мнѣ знакомы выраженья!
 Такія жь строки часто я читалъ.
 Всѣ заклинають честью, долгомъ, вѣрой,
 Потомъ свиданье робко назначаютъ,
 Потомъ придетъ развязка, а потомъ...
 Исчезнетъ совѣ, и правды часъ наступитъ!
 Все это я ужь знаю напередъ.
 Но отчего жь записка донны Анны
 Мнѣ душу такъ волнуетъ глубоко?
 Встаютъ опять чудесныя видѣнья
 И маять слова призраки любви!

Такъ марево, въ пустынь аравійской,
 Предъ путникомъ рисуетъ вдалекѣ
 Озеро и рѣкъ желанныхъ очертанья;
 Когда же овъ собравъ остатокъ силъ,
 Дотащится до нихъ, изнеможенный,
 Исчезло все. Предъ нимъ одна лишь степь,
 Песковъ сыпучихъ пламенное море!

(Смотритъ на письмо.)

Слова все тѣ же, но какъ будто смыслъ
 Другой, и будто между этихъ строкъ
 Читаю я невидимыя строки.
 А вотъ и слезъ слѣды. Какъ будто дождь
 Кропилъ руки невѣрной начертанья.
 И это мнѣ знакомо. Часто я
 Такія пятнышки видалъ на письмахъ.
 Нѣтъ, это не любовь. То кровь играетъ,
 Желанья дразнить ненасытный бѣсъ!
 Такъ что же? Гдѣ жь преграда? Или вкрадось
 Мнѣ въ душу состраданье? Или совѣсть
 Меня тревожить? Что такое совѣсть?
 Пойми себя, Жуанъ! Когда любовь
 Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,
 Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ:
 Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
 Религія, законовъ уваженье,
 Привязанность къ отечеству—все ложь!
 Религія! Не на любви ль ея
 Основано высокое начало?
 Но если основанье есть ничто—
 Тогда и самое ничтожно зданье!
 Двойкая въ немъ ложь заключена:
 По мысли ложь, и ложь по примѣненью.
 Вы, райскаго вербовщика опасенья,
 Во имя ли любви вы громоздите
 Для вашихъ жертвъ священные костры?
 А вы, которыхъ жгутъ благочестиво,
 Вы проповѣдники свободной мысли,
 Вы для кого себя даете жечь?
 Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій,

Коль нѣтъ любви, то знайте: нѣтъ и Бога!
 Вы жь, за отечество въ кровавыхъ битвахъ
 Безсмысленно губящiе другъ друга,
 Вы можете сказать, кто приковалъ
 Къ извѣстному пространству челоуѣка?
 Кто ограничилъ вашъ свободный духъ
 Стѣной, горами, моремъ, или заставой?
 Когда бь любовь оправдывалась въ мiрѣ,
 Отечествомъ была бы вся земля,
 И челоуѣкъ тогда душою вольной
 Равно любилъ бы весь широкiй мiръ,
 Отечествомъ бы звалъ не только землю,
 Онъ звалъ бы имъ и звѣзды и планеты!

А совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
 Все громкія и пошлыя слова,
 Все той же лжи лишь разныя названья!
 Чтò жь остается въ жизни? Слава? Власть?
 Но гдѣ вѣнецъ, гдѣ свѣтлая тиара,
 Которые бы стоили труда
 Къ нимъ руку протянуть? Какая власть
 Того насытитъ, кто искалъ блаженства?
 И еслибъ всѣ живущіе народы
 И всѣхъ грядущихъ поколѣній тьмы,
 Всѣ пали ницъ передо мной—ужели бь
 Я хоть на мигъ ту жажду позабылъ,
 Которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья?

Все въ мiрѣ ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
 И, если всѣ явленья перебрать
 И призраки пустые всѣ откинуть,
 Останется лишь чувственность одна,
 Любви ничтожный, искаженный снимокъ,
 Который иногда, замура очи,
 Еще принять мы можемъ за любовь.
 Къ чему же намъ зазрѣньями стѣсняться?
 Нѣтъ! Я мириться не могу съ судьбой
 И рабаки покоряться тѣни. Нѣтъ!
 Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
 Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
 Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
 Достигну скоро, все попру ногами,

Увижу все и жизни отомщу!
 Я не хочу искать, какое чувство
 Меня теперь приводитъ къ доннѣ Аннѣ!
 Я къ ней влекомъ—она моею будетъ!
 Не нужно мнѣ лукавить, ни хитрить;
 Я и досель въ любовныхъ приключеньяхъ
 Не обольщалъ съ холодною безстрастною
 И никогда разчитывать не могъ.
 Воображенью дать лишь стоять волю,
 Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
 Минутной вѣрой мнѣ наполнить душу,
 Искусственной любовью опьянить;
 Краснорѣчиво жгучія слова
 Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ.
 Я непритворно въ роль мою войду
 И до развязки самъ себя повѣрю.
 Такъ. Рѣшено. Возстань же, донъ Жуанъ!
 Иди впередъ какъ ангелъ истребленья!
 Брось снова вызовъ призраку любви!
 Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
 Вокругъ себя какъ паутину рви!
 Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
 На зло судьбѣ, иль той враждебной власти,
 Чьей силой ты на бытіе призванъ,
 Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
 И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
 Надъ жизнью такъ господствуй, донъ Жуанъ!
 (*Лепорелло, вбѣгаетъ запыхавшись*)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай, сеньйоръ! О, о! Ай, ай! О, о!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Откуда ты? И чѣмъ ты такъ встревоженъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Откуда я? Сейчасъ все по порядку,
 Сеньйоръ любезный, все вамъ разкажу
 По вашему когда я приказанью
 Отнесъ вчера записку къ доннѣ Аннѣ.

Дорогой, я немного на мосту
 Остановился, посмотрѣть все такъ же ль,
 По прежнему ль бѣжитъ Гвадалквивиръ?
 Облокотяся на перилы, тамъ
 Съ часъ мѣста я, не боля, оставался,
 Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ господинъ
 И въ разговоръ со мной вступаетъ; онъ
 Наружности былъ самой благородной.
 Поговоривъ со мной о томъ, о семъ,
 Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ отобѣдать
 И угостилъ пуляркой....

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что за вздоръ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

И угостилъ пуляркой. Вдругъ меня
 Схватили, завязали мнѣ глаза
 И повели—куда? Ей, ей, не знаю,
 Но гдѣ бы вы думали я очутился?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ну, гдѣ же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Casa Santa, ей же, ей!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ого! И что же тамъ тебѣ сказали?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Разспрашивали вѣжливо меня
 О нашемъ нападеніи на стражу,
 Когда Мориско мы освободили.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И, вѣроятно, ты во всемъ признался?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Во всемъ упорно заперся, сеньѳоръ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Наврядъ ли. Но потомъ? Что было послѣ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Потомъ, сеньйоръ? Потомъ мы говорили
О важныхъ государственныхъ дѣлахъ;
Они со мной совѣтовались, какъ
Искоренить еретиковъ въ Испаньи.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Скажи, болтувъ, безъ лжи и отступленій,
О чемъ тебя спрашивали тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньйоръ любезный, будьте осторожны,
Повѣрьте мнѣ: святая инквизиция
Участье въ васъ большое принимаетъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я по твоимъ глазамъ, мошенникъ, вижу,
Что ты болталъ; но мнѣ-то все равно.
Чѣмъ кончился допросъ твой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньйоръ,
Они меня настойчиво просили
О каждомъ вашемъ словѣ, каждомъ шагѣ,
Имъ доносить.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты принялъ порученье?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что было дѣлать? Тамъ у нихъ лежатъ
Какія-то желѣзные ботинки.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Когда они хотятъ за мной слѣдить,
Дѣла мои еще не слишкомъ плохи.
Я къ свѣдѣнью участие ихъ приму;
Ты жь, Лепорелло, будешь къ нимъ являться
И доносить имъ, слово въ слово, то
Что каждый разъ тебѣ я продиктую.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Душевно радъ, сеньйоръ. Но хорошо бѣ
На время вамъ Испанію оставить.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Теперь оставить? Ни за что на свѣтъ!
А донна Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО.

То-то Донна Анна!
Изъ-за нея бы не нажить бѣды!
Ей, ей, повѣрьте мнѣ, остепенитесь,
Въ опасную играемъ мы игру.

(Уходитъ и тотчасъ возвращается.)

Сеньйоръ, что я сейчасъ вамъ сообщилъ,
Не правда ли, останется межъ нами?
Вѣдь это государственная тайна,
Я имѣ честное слово далъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ступай.

(Лепорелло уходитъ.)

ДОНЪ ЖУАНЪ *(одинъ)*.

Итакъ, я нахожусь подъ наблюденьемъ
Святыхъ отцовъ. Мнѣ по сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужь началась открыто между нами.
Взойди жь, моя злобѣщая звѣзда!
Развейся, моего возстанья знамя!

ДОМЪ КОМАНДОРА.

Командоръ и донь Октавіо.

КОМАНДОРЪ.

Сеньйоръ, мнѣ тяжело, мнѣ очень больно
Нежданнмъ васъ отказомъ огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ея ужь выборъ сдѣланъ. Донъ Жуанъ
Изъ устъ ея ужь получилъ согласие.

Я ваши чувства знаю и цѣню;
 Повѣрьте, я люблю васъ, донъ Октавио,
 Я самъ, какъ въ, глубоко огорченъ.
 Въдъ этотъ бракъ моею былъ мечтою,
 Я васъ давно хотѣлъ усыновить.
 Но вы, не правда ль, будете намъ другомъ
 И братомъ доннѣ Аннѣ. Видите Богъ,
 Я вамъ хотѣлъ отдать ее. Что жъ дѣлать?
 Судьба не такъ рѣшила. Дайте руку!

ДОНЪ ОКТАВИО.

О, мой отецъ! Могу ли я еще
 Назвать васъ этимъ именемъ священнымъ?
 Прощайте, донъ Альваръ. Скажите ей,
 Что я иду—куда? И самъ не знаю!
 Иду я далѣ, далѣ отъ нея.
 Забыть ее я не могу, но смерти
 Могу искать. Прощайте, донъ-Альваръ!

КОМАНДОРЪ.

Постой, Октавио. Скажи, ты вправду,
 Ты искренно, ты свято любишь Анну?

ДОНЪ ОКТАВИО.

Что значуть эти рѣчи, донъ Альваръ?

КОМАНДОРЪ.

Октавио, послушай. Если вправду
 Ты любишь дочь мою—не уходи.
 Я все скажу тебѣ. Не даромъ сердце
 Предчувствуетъ бѣду. Ты знаешь Анну.
 Ея душа пылака; воображенье,
 Восторженность всегда ее влекли.
 Напрасно я просилъ ее; напрасно
 Молил отсрочить горькую помолвку—
 Не помогли мольбы, ни увѣщанья.
 Она бы помѣшалась, или зачахла,
 Когда бъ я власть мою употребилъ.
 Ея умомъ теперь Жуанъ владѣетъ,
 Въ ея душѣ лишь онъ одинъ царить.
 Быть-можетъ, я не справедливъ. Быть-можетъ,

Онъ искренно отрекся для нея
 Отъ прежнихъ заблужденій. Онъ святыней
 Клялся мнѣ отказаться навсегда
 Отъ бурной жизни юношескихъ лѣтъ.
 Дай Богъ! Но сердце чувствуетъ, донь Октавіо,
 Что дочь не будетъ счастлива за нимъ.
 Я старъ, уже давно гляжу въ могилу.
 Случится можетъ, я умру сегодня жь
 И дочь мою оставаю сиротой.
 Будь другомъ ей, Октавіо, будь братомъ;
 А если онъ свою забудетъ клятву
 И если оскорбитъ мое дитя—
 Будь мстителемъ ея! Клянись мнѣ, сынъ мой,
 Своей сестры въ бѣдѣ не покидать!

ДОНЪ ОКТАВІО.

Тяжелый долгъ, отецъ, на сердце мнѣ
 Ты просьбою своею возлагаешь.
 Ихъ счастья быть свидѣтелемъ я долженъ!
 О лучше бъ тысяча смертей! Но если
 Она еще нуждается во мнѣ,
 Я принимаю это униженье,
 Я остаюсь. Во всемъ, о донь Альваръ,
 Клянусь тебѣ, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ.

Донна Анна. У ногъ ея сидитъ донь Жуанъ.

ДОННА АННА.

Такъ это правда? Это не обманъ?
 Меня ты любишь искренно, сердечно?
 Другихъ ты женщинъ для меня забываешь?
 Меня одну всегда любить ты будешь
 И не раскаешься?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О донна Анна!

Тебя одну и вижу я, и помню.

Всю жизнь мою до этого мгновенья,
 Все, что я прожилъ, все, что ощущалъ,
 Я все забылъ! И какъ впадаютъ въ море,
 Въ бездонное, всё рѣки и ручьи,
 Такъ, безъ слѣда, мои воспоминанья
 Въ твоей любви теперь поглощены!

ДОННА АННА.

Я часто такъ во снѣ тебя видала,
 Какъ ты теперь у ногъ моихъ сидишь;
 Во снѣ я такъ въ глаза тебѣ глядѣла,
 И было въ нихъ темно и глубоко;
 И мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ взглядѣться,
 И я въ нихъ дна не находила; мнѣ
 Казалось, что въ пропасть я гляжу;
 И страшно было, и такъ сладко вмѣстѣ!
 Что если и теперь я вижу сонъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Нѣтъ, жизнь моя! Все призракъ и мечта,
 Все дымъ и сонъ—одна любовь есть правда!

ДОННА АННА.

И любишь ты давно меня, Жуанъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Давно? Всегда! Твой образъ, донна Анна,
 Всегда носился смутно предо мной!
 Когда одинъ, въ крушительной тревогѣ,
 Я съ жизнью боролся какъ пловецъ,
 Тебя мой взоръ отыскивалъ вдали,
 Тебя увидѣвъ, берегъ я увидѣлъ!

ДОННА АННА.

О, мой Жуанъ! И я была одна,
 И мнѣ тебя всегда не доставало.
 Зачѣмъ отцу ты прежде не открылся?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Меня пугалъ его суровый нравъ.
 Боялся я отказа. И теперь
 Я бѣ не рѣшился говорить, когда бы
 Онъ не засталъ меня у ногъ твоихъ.

ДОННА АННА.

То видно небо насъ соединило!
 Но, милый другъ, теперь, когда наши
 Мы оба въ жизни твердую опору,
 Скажи, куда направить ты свой бѣгъ?
 Какую цѣль своимъ поставишь силамъ?
 Душѣ высокой, свѣтлому уму,
 Какую ты задашь теперь задачу?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Весь миръ открытъ предъ нами, донна Анна:
 Моя душа свободна и ясна.
 Къ чему бы мыслью я ни обратился,
 Я до всего достигну. Но оставимъ
 Мы этотъ разговоръ. Теперь любовь,
 Одна любовь моею будетъ цѣлью!

ДОННА АННА.

Ты самъ себя не знаешь, донъ Жуанъ,
 Но сердцемъ я давно тебя постигла.
 Я буду помогать тебѣ. Когда
 Любовь твои стремленья заградить,
 Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
 Я не хочу тебѣ преградой быть,
 И твоему орлиному полету
 Мѣшать я не должна. Но что съ тобой?
 Какая мысль твой омрачила взоръ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я вспомнилъ... да, прости мнѣ...

ДОННА АННА.

Что ты вспомнилъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что ты меня не перваго ужъ любишь.

ДОННА АННА.

Какъ? Ты ревнуешь?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Донъ Октавйо былъ
 Тобой любимъ.

ДОННА АННА.

И ты ревнуешь? О,
Скажи мнѣ все, разспрашивай меня—
Я отвѣчать на все тебѣ готова!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чистосердечью твоему я вѣрю.

ДОННА АННА.

Но ты, не правда ль, часто былъ обмануть,
И оттого ты сталъ ревнивъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ. ●

Напротивъ,

Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я мѣсто уступалъ; когда жь соперникъ
Мнѣ докучалъ безъ повода и права,
Межъ нами споръ моя кончала шпага
И не давала времени созрѣть
Ревливости. Я чуждъ ея остался.

ДОННА АННА.

Что жь значили сейчасъ твои слова?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вотъ видишь ли: любовь я въ мысли ставлю
Такъ высоко, такъ свято понимаю,
И для меня ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.
Когда любилъ я, и когда во мнѣ
Другой, неясный образъ зараждался.
Я, чтобъ любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Свѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...

ДОННА АННА.

Разстаться, донъ Жуанъ? Но отчего же
Въ тебѣ тотъ чуждый образъ зараждался?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Не знаю самъ. Но я съ собой былъ честенъ
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.

Просторно сердце женщины, напротивъ,
 Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
 Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
 Среди любви живой и настоящей,
 Нерѣдко запоздалый отголосокъ
 Другой, отжившей, конченной любви.
 Вины тутъ нѣтъ; подобныя явленья
 Въ природѣ женской. Но дѣлится я
 И съ тѣнью даже не могу тѣмъ сердцемъ,
 Которое мнѣ отдалось. Въ немъ
 Я долженъ быть одинъ.

ДОННА АННА.

Ты въ немъ одинъ.
 То чувство, что тебя смущаетъ, было
 Одно ребячество, и я тогда
 Сама себя еще не понимала.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Но, можетъ-быть, ты и теперь вполнѣ
 Себя не понимаешь?

ДОННА АННА.

Донъ Жуанъ,
 Не оскорбляй меня такимъ сомнѣньемъ.
 Когда бъ я не увѣрена была
 Въ себѣ самой, когда бъ я колебалась,
 Я бы твоей любви не приняла,
 Мнѣ собственная гордость помѣшала бъ
 Собой располагать. Нѣтъ, я твоя!
 Съ сознаниемъ твоя и безъ раздѣла!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О ангелъ мой, клянись мнѣ въ томъ скорѣи,
 Клянись всѣмъ, что для тебя священо!

ДОННА АННА.

Клянусь тебѣ пречистою Мадонной,
 Клянусь тебѣ Спасителя крестомъ,
 Клянусь отца священной сѣдиною,
 Клянуся прахомъ матери моей—
 Вся жизнь моя, и всѣ мои мышленья
 На вѣкъ, Жуанъ, тебѣ принадлежать!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

А еслибы тебѣ я измѣнилъ?

ДОННА АННА.

Въ тебя я вѣрю; мнѣ того довольно,
Не требую я клятвы отъ тебя!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Однако, еслибъ?

ДОННА АННА.

Еслибы въ тебя
Я вѣрить перестала, о, тогда...

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что бъ сдѣлала тогда ты?

ДОННА АННА.

Донъ Жуанъ,

Не спрашивай меня, мнѣ страшно думать,
Я думать не хочу о невозможномъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И не тревожишься ты тѣмъ, что я
Ужъ измѣнилъ столь многимъ?

ДОННА АННА.

Сознаюсь,

Мнѣ эта мысль не разъ ужъ приходила.

Но для меня скрывается тутъ тайна;

Сейчасъ ты что-то намекнулъ объ этомъ,

Но я не поняла тебя, Жуанъ.

Не можетъ быть, чтобы съ подобнымъ взглядомъ,

Съ улыбкой этой, съ голосомъ твоимъ,

Была совмѣстна ложь. Не можетъ быть,

Чтобы когда-нибудь ты притворялся

И могъ смѣяться надъ любящимъ сердцемъ!

Нѣтъ, не такимъ является обманъ!

Въ его очахъ замѣтно безпокойство,

Изыскана его бываетъ рѣчь,

И самое стараніе казаться

Прямымъ, и откровеннымъ, и правдивымъ,

Его всегда невольно выдаетъ.

Ты не таковъ. Не хочешь ты казаться.

Нѣтъ ничего поддѣльнаго въ тебѣ;
 Ты не старался предо мною скрыть
 Своихъ ошибокъ, или недостатковъ.
 Когда тебя еще я не видала,
 А знала только по одной молвѣ,
 Глубоко я была возмущена
 И сильно на тебя негодовала,
 Когда же я увидѣла тебя,
 Невольное сомнѣнiе во мнѣ
 Насчетъ худой твоей возникло славы.
 Я начала отыскивать тогда,
 Придумывать старалась оправданья
 Твоей преступной жизни. Ты въ то время
 Сближаться съ нами понемногу сталъ,
 И чѣмъ съ тобою чаще я встрѣчалась
 Тѣмъ каждый разъ мнѣ дѣлалось яснѣе
 Противорѣчье межъ твоей душой
 И жизнiю твоей. Я поняла,
 Что есть въ тебѣ какая-то загадка.
 Да, донъ Жуанъ, загадка есть въ тебѣ.
 Твоихъ бровей грозящая дуга
 Являетъ самолюбiе и гордость,
 Въ твоихъ очахъ видна бываетъ грусть—
 Но не притворенъ ликъ твой благородный,
 И въ этомъ сердцѣ мѣста нѣтъ для лжи!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О пронизательность души любящей!
 Такъ. Для обмана не былъ я рожденъ.
 Когда бъ изъ тѣхъ, кого я въ жизни встрѣтилъ,
 Хотя бъ одна съ тобою могла сравниться,
 Я не былъ бы теперь у ногъ твоихъ!

ДОННА АННА.

Мнѣ говорили также про тебя,
 Что ты не уважаешь ни законовъ,
 Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
 Твои ошибочно толкуютъ мысли.
 Не правда ли, со временемъ, когда
 Увидишь ты, что я тебя достойна,
 Ты все мнѣ скажешь?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Жизнь моя! Зачѣмъ,
 Чего мнѣ ждоть? Теперь, не отлагая,
 Я все тебѣ скажу. Ты не похожа
 На прочиѣхъ женщинъ; все тебѣ доступно.
 Суди меня—и если я виновенъ,
 Я предъ твоимъ склоняюсь приговоромъ.
 Тебя не обманули. Да, я врагъ
 Всего что люди чтуть и уважають.
 Но ты пойми меня; взгляни вокругъ:
 Достойны ль ихъ кумиры поклоненья?
 Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный мiръ
 Той жадѣ правды, чувству красоты,
 Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
 Вездѣ условья, ханжество, привычка,
 Общественная ложь и раболѣпство!
 Весь этотъ мiръ нечистый я отвергъ.
 Но я другой хотѣлъ соорудить,
 Свѣтлѣй и краше видимаго мiра,
 Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить;
 Мнѣ говорило внутреннее чувство,
 Что въ женскомъ сердцѣ я его найду—
 И я искалъ. Зачѣмъ тебя смущать
 Разказомъ долгихъ, горькихъ заблужденій?
 Довольно. Жизнь мою ты поваяла.

ДОННА АННА.

О, не страшися своего довѣрья!
 Да, все я понимаю. Но скажи мнѣ,
 Чего ты ждалъ отъ тѣхъ, кого любилъ?
 Чѣмъ былъ ты оскорбленъ, или чѣмъ обманутъ?
 Чего ты требовалъ? Скажи мнѣ все!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чего я ждалъ отъ нихъ, чего искалъ,
 Опредѣлить уже не въ силахъ я.
 Теперь я все нашель, теперь я счастливъ!
 Не полно было бѣ это чувство, еслибъ
 Его словами выразить я могъ!

ДОННА АННА.

А я, Жуанъ, когда бѣ мою любовь
 Могла измѣрить, или обозрѣть,
 Мнѣ было бѣ страшно; я боялась бы
 Что до тебя она не достигнетъ.
 Но мѣры нѣтъ въ ней! Нѣтъ во мнѣ боязни!
 Сомнѣній нѣтъ! Я въ будущее вѣрю,
 Какъ вѣрю въ Бога и въ тебя, Жуанъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Да! Вѣрь, о ангель! Вѣрь! Намъ надо вѣрить!
 Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
 Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!
 Прочь думы! Прочь сомнѣнья хладный червь,
 Который сердце непрестанно гложетъ!
 Забудемъ все! Весь мѣръ! Себя самихъ!
 Въ одномъ восторгѣ и въ одномъ блаженствѣ
 Смѣшаемъ жизнь и смерть!

(Входитъ командоръ.)

КОМАНДОРЪ.

Сеньѣоръ, простите.

Вамъ долго вмѣстѣ быть еще нельзя.
 Никто еще не извѣщенъ въ Севильѣ
 О вашемъ сватовствѣ. Но я сегодня
 Пошлю къ роднымъ и къ близкимъ приглашенье,
 Чтобъ съѣхались на стоворъ; до того жъ
 Вамъ видѣться лишь можно на гуляньѣ.
 Обычай такъ велитъ. Коль вамъ угодно,
 Вы встрѣтите насъ завтра у фонтана
 Въ тотъ часъ когда взойдетъ луна.

ДОНЪ ЖУАНЪ *(въ сторону).*

Проклятье!

Холодною водою меня онъ обдалъ,
 Разрушилъ свидѣнїе мое!
 Когда въ любовь ужъ снова я повѣрилъ,
 Онъ мнѣ напомнилъ, что любовь есть призракъ,
 Что я сюда пришелъ лишь роль играть.
 Перехитрилъ старикъ, поторопился
 Накидывать арканъ свой на меня!

(Къ командору.)

Сеньѣоръ, тяжелъ вашъ строгій приговоръ,

Но я во всемъ вамъ покоряться долженъ;
До завтра я изгнанью обреченъ.

КОМАНДОРЪ.

Простите, донъ Жуанъ. Мы у фонтана
Васъ встрѣтимъ завтра.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я не опоздаю!

(Уходитъ.)

КОМАНДОРЪ *(про себя, слѣдя за нимъ глазами).*

Какъ омрачилось вдругъ его лицо!
Не въ первый разъ уже я замѣчаю,
Что выраженье ясное внезапно
Въ немъ исчезаетъ, и вокругъ бровей
И возлѣ устъ играетъ и змѣится
Насмѣшливо-суровая черта.
Не врявятся мнѣ эти перемѣны!

ДОННА АННА *(ласкаясь къ отцу).*

Ты все еще не примирился съ нимъ?
Не бросилъ ты своихъ предубѣждений?

КОМАНДОРЪ.

Его любить готовъ я горячо,
Когда твою любовь онъ оправдаетъ.

ДОННА АННА.

Но ты ему не вѣришь. Для меня
Свое ты пересидилъ отвращенье,
Свой нравъ крутой съ трудомъ переломилъ ты,
Къ улыбкѣ принужденной приневолилъ
При встрѣчѣ съ нимъ ты свой враждебный ликъ!
О, мой отецъ! Не сожалѣй о томъ,
Что далъ ты намъ согласіе. Ты знаешь,
Тебѣ во всемъ покорна я была;
Но сердцу я приказывать не въ силахъ,
Любить я въ половину не могу.
Вотъ видишь ли, во мнѣ частица есть

Твоей рѣшимости. Когда бы ты
Насъ разлучилъ, о, что бь со мною было!
Тебя любить, отецъ, я перестала бь,
Съ тобой остаться я бы не могла!

КОМАНДОРЪ.

Ты никогда ни въ чемъ не знала мѣры.
Бывало, до его знакомства съ нами,
Когда о немъ лишь заводили рѣчь,
Ты словъ не находила порицать
Его двуличный и коварный нравъ;
Когда о немъ упоминали только,
Ты измѣнялась вся въ лицѣ; тебѣ
Чудовищемъ казался онъ; а нынѣ...
Но я не упрекать тебя пришелъ.
Онъ твой женихъ; любить его ты вправѣ;
Но ты теперь въ другую впала крайность:
Всѣ совершенства ты находишь въ немъ,
На все ты смотришь лишь его очами,
Отъ собственныхъ сужденій отеклась.
Дитя, повѣрь мнѣ, крайности опасны,
Ихъ избѣгать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

ДОННА АННА.

О, не брани меня! Я сознаюсь,
Что не всегда такъ думала какъ нынѣ;
Но я не вдругъ перемѣнила мысли,
Не вѣтрею ему я отдалась.
Нѣтъ, кровь твоя течетъ во мнѣ не даромъ,
Моей любви, отецъ, я знаю цѣну
И важность всю поступка моего.
О немъ, отецъ, я долго размышляла
И долго, передъ тѣмъ чтобы рѣшиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни какъ ты нынѣшней весною
Со мной садился ночью у окна,
Дышать прохладой и гитары слушать,
Которыя, вблизи, вдали, кругомъ!
До самаго разсвѣта раздавались.

Онъ часто мимо проходилъ тогда,
 И останавливался у рѣшетки.
 И начиналъ съ тобою разговоръ.
 Не много на меня вниманья онъ
 Въ то время обращалъ; но я, напротивъ,
 Уже тогда, молвъ не довѣряя.
 Его старалась втайнѣ изучить.
 Для васъ обоихъ часто непримѣтно,
 И будто ненарочнымъ словомъ, я
 Давала направленіе бесѣдъ
 И вызывала васъ на мирный споръ;
 Сама жъ надъ нимъ я молча наблюдаю,
 Не пропускала ничего, и послѣ.
 Одна, въ моемъ покоѣ запершись,
 Я проходила весь вашъ разговоръ,
 И каждое имъ сказанное слово,
 И ударенье каждое его,
 И каждый взглядъ его припоминала
 И долго взвѣшивала ихъ.
 Такъ этотъ нравъ, непонятый никѣмъ,
 Себѣ я повемногу объяснила.
 Но вспомни, мой отецъ, ты самъ его
 Не безусловно осуждалъ. Ты часто
 Его благоразумію дивился
 И говорилъ, шутя, ему не разъ:
 „Вы, донъ Жуанъ, боюся, повредите
 „Себѣ во мнѣнью дамъ: въ тотъ часъ, когда
 „Другіе имъ приносятъ серенады,
 „Теряете вы золотое время
 „Со мною, старикомъ!“ Потомъ, когда
 Ко сну я отходила, часто ты,
 Со мной прощаясь, говорилъ: „однако,
 „Мнѣ нравится довольно донъ Жуанъ;
 „Гораздо онъ скромнѣе чѣмъ я думалъ,
 „И старость онъ умѣетъ уважать.
 „Его мнѣ слишкомъ чернымъ описали.“
 Не такъ ли было, мой отецъ?

КОМАНДОРЪ.

Все правда,

Обворожить умѣлъ онъ и меня;
 Я былъ неостороженъ. Но въ то время
 Не думалъ я, что ты его полюбишь,
 Иныя были у меня надежды.

ДОННА АННА.

Да, мой отецъ, его я полюбила,
 Когда узнала сердце я его.
 Сперва во мнѣ проснулось любопытство,
 Потомъ участие; а потомъ, лишь только
 Я поняла значенье донъ Жуана,
 Участье обратилось въ удивленье
 И волю я любви тогда дала,—
 Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
 Ты правъ, отецъ мой, я его люблю
 Безъ памяти, безъ воли, безъ сознанья!

КОМАНДОРЪ.

Храни Господь тебя, мое дитя,
 Отъ поздняго раскаянья!

ДОННА АННА.

Я знаю,

Тебя страшитъ прошедшее его.
 Но вѣрь, отецъ, минувшія тѣ бури
 Порукой намъ грядущихъ ясныхъ дней!
 Я не хочу оправдывать Жуана;
 Онъ былъ преступенъ, но пороченъ не былъ.
 Его дѣла нельзя равнять съ другими,
 И общей мѣрой мѣрять ихъ нельзя.
 Кто надъ другими такъ стоитъ высоко,
 Чья мысль проникнуть алчетъ въ вѣдра жизни,
 Кто въ ней, какъ средь египетскаго храма,
 Героглифы видитъ и загадки,
 И объяснить себѣ ихъ вѣчно хочетъ,
 И вѣчно неудачей раздраженъ,—
 Тому невыносимъ условій гнетъ,
 И тотъ не могъ законамъ подчиниться,
 Дорогою избитою идти!
 Иныхъ путей душа его искала,
 Неясная звѣзда его вела,

Ему другой души не доставало,
 Которая бь поять его могла!
 Изъ женщинъ не одна его любила,
 Но ихъ союзъ былъ слишкомъ боязливъ,
 Пугала ихъ его стремленій сила,
 Его ума несдержанный порывъ!
 И робко все остались у преддверья,
 Когда онъ смѣлъ шель во крама тьму —
 Жуана сердце требуетъ доверья —
 И я, отецъ, повѣрила ему!
 Я отдалась ему душою вольной,
 И къ правдѣ путь мы вмѣстѣ совершимъ;
 Ему помочь есть силъ во мнѣ довольно —
 Моя любовь меня сравнила съ нимъ!

КОМАНДОРЪ.

Мой милый другъ, къ чему намъ снова спорить
 И разсуждать о томъ, что рѣшено!

ДОННА АННА (*обнимая отца*).

Будь добръ къ нему! Оставь свои сомнѣнья!

КОМАНДОРЪ.

Дитя мое, я васъ благословилъ,
 И съ той поры онъ сдѣлался мнѣ дорожъ.

ДОННА АННА.

О, мой отецъ, повѣрь ему какъ я!
 Тотъ донъ Жуанъ, который бурной жизнью,
 Негодованье наше возбуждалъ,
 Не есть Жуанъ счастливый, возрожденный,
 Который нынѣ любить дочь твою!
 Будь добръ къ нему! Когда мы завтра ночью
 Съ нимъ на условленномъ сойдемся мѣстѣ,
 Не оскорбляй холодностью его!

КОМАНДОРЪ.

Я оскорблять Жуана не намѣренъ.
 Но... я сейчасъ съ Октавйо говорилъ.
 Узнавъ изъ устъ моихъ, что для него
 Надежды нѣтъ, хотѣлъ онъ удалиться,
 Искать хотѣлъ онъ смерти гдѣ-нибудь.
 Я удержалъ его — онъ былъ намъ другомъ —

Я упросилъ его остаться съ нами —
 Онъ здѣсь. Судьбѣ тяжелой онъ покоренъ.
 Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
 Была къ нему не безъ участья прежде.
 Онъ въ горести, и много облегчило бѣ
 Его твое привѣтливое слово...
 Скажи, согласна ль ты его принять?

ДОННА АННА.

Къ чему, отецъ мой? Чтò ему сказать?
 Оставь свиданье до другаго раза!

КОМАНДОРЪ *(про себя)*.

Любовь жестока и себялюбива;
 Она собою только занята.
 Ея какъ сонъ приятно опьяненье —
 Но горестно бываетъ пробужденье!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ ЖУАНА.

Домъ Жуанъ въ богатой одеждѣ. Лепорелло надвѣваетъ на него круж-
 ной воротникъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ такъ. Лишь дайте эту цѣпь поправить,
 И настоящій вы теперь женихъ!
 Ну, слава Богу! Мы остепенились,
 И жизни безалаберной конецъ!
 А знаете ль, сеньйоръ, что вся Севилья
 Завидуетъ вамъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Право? Но откуда
 Ты взялъ, что я хочу жениться?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?

Да развѣ не объявлена ужь свадьба?
 Нѣтъ, вы теперь женихъ, и, слава Богу,
 Вамъ на попятный дворъ уже нельзя!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Жениться не намѣренъ я.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте,

Позвольте, что это такое? Какъ?
 Досель вы измѣняли, это правда,
 Но не были ничьимъ вы женихомъ
 И слова никому вы не давали;
 А слово вещь святая. Быть не можетъ,
 Чтобъ вы хотѣли взять его назадъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Его возьметъ назадъ сама невеста.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Донна Анна васъ чтобъ разлюбила?
 Коль на нее разчитывали вы.
 То я на этотъ счетъ совсѣмъ спокоенъ;
 Она васъ любить какъ досель никто.
 Нѣтъ, вы теперь уже не отвертитесь,
 Ужъ дѣло въ шляпѣ. И позвольте мнѣ
 Вамъ привести покорнѣйшую просьбу:
 Вы знаете какъ честно я всегда
 И безкорыстно вамъ служилъ; какъ ваши
 Любовныя я часто порученья
 Съ опасностью здоровья исполнялъ.
 Теперь за всѣ заслуги я прошу,
 Чтобы, когда у васъ родятся дѣти,
 Вы мнѣ ихъ воспитанье поручили,
 И жалованье положили бѣ мнѣ
 Приличное наставнику. Семейоръ,
 Я хвастать не хочу, я не ученый;
 О нѣтъ! Но что касается до чести,
 Пospорить я могу съ великимъ Сидомъ,
 Дурному я дѣтей не научу!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(смотритъ въ окно)*.

Луна взошла. Дай плащъ мнѣ и гитару.

(Въ сторону.)

Рѣшительнымъ ударомъ кончить надо!
 Старикъ откажетъ мнѣ и нашумить;

А передъ ней найдутъ оправданье
И безъ отца сойдутся съ ней опять!

ЛЕПОРЕЛЛО (подаетъ гитару и плачетъ).

Задайте жъ ей скорѣ серенаду.

Онъ вѣдь это любитъ. Въ женитьбѣ

Предупредительность всегда похвальна!

(Донъ Жуанъ уходитъ.)

ЛЕПОРЕЛЛО (одинъ, потирая руки).

Ну, слава Богу! Скоро отдохнемъ!

Его понудить къ браку было надо,

Какъ робкаго купальщика, который

Воды холодной до тѣхъ поръ боится,

Пока его насильно не толкнутъ!

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА.

Для кавалера встрѣчаются.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Вы слышали ли новость? Донъ Жуанъ
Посватанъ съ донной Анной.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Быть не можетъ!

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Увидите; они сегодня вмѣстѣ

Здѣсь будутъ на гуляньѣ. Кто бъ подумалъ,

Что кончить такъ похвально донъ Жуанъ?

Двое другихъ въ разговорѣ.

ПЕРВЫЙ.

Я этому повѣрю лишь тогда,

Когда увижу самъ. Пусть кто другой —

Но донъ Жуанъ — продать свою свободу!

ВТОРОЙ.

Сеньйоръ, напрасно такъ вы говорите,

Дочь командора хороша какъ день,

Охотно былъ бы на его я мѣстѣ!

Пожалая дама съ супругомъ и дочерью.

ДАМА.

И что они нашли въ немъ? Какъ бѣдѣ
На то могъ обласкаться? Ну за что бѣ
Не отдала ему я Инесильви!

СУПРУГЪ.

Гмъ, гмъ!

ДОЧЬ.

За что его такъ всё бранять?

Что въ немъ дурнаго, маменька?

ДАМА.

Молчи,

Тебѣ разказывать про это рано.

Двѣ молодыя дамы.

ПЕРВАЯ.

Какъ могъ въ нее влюбиться онъ? Скажи,
Что въ ней хорошаго?

ВТОРАЯ.

Одно кокетство!

Она его кокетствомъ завлекла!

Нѣсколько кавалеровъ и дамъ.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Здѣсь подождемъ. Они сюда придутъ.

ПЕРВАЯ ДАМА.

Но донъ-Кларъ, можетъ-быть, теперь
Не хочется увидѣть донъ-Жуана?

ВТОРАЯ ДАМА.

Зачѣмъ же, если донъ-Консепсьонъ
Приятно будетъ встрѣтить вмѣстѣ съ нимъ
Счастливую соперницу свою!

ПЕРВАЯ ДАМА.

Когда бы мнѣ онъ сдѣлалъ предложенье,
Я, молча, дверь ему бы указала.

ВТОРАЯ ДАМА.

Какъ жаль, что онъ не сдѣлалъ намъ его!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Вотъ онъ идетъ! Смотрите! И гитара
Въ его рукѣ. Зачѣмъ теперь гитара?
То прежде кстата было бы, когда,
Вздыхая, онъ у дома командора
Простаивалъ до самаго утра.

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какъ онъ глядитъ на эти окна. Кто
Живетъ надъ тѣмъ балкономъ?

ТРЕТИЙ КАВАЛЕРЪ.

Какъ, надъ тѣмъ?

Не смѣю вамъ сказать, сеньйора, тамъ...
Живетъ одна... одна... не смѣю, право!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Смотрите, онъ остановился. Онъ
Гитару строить. Кто же тамъ живетъ?

ТРЕТИЙ КАВАЛЕРЪ.

Глазамъ своимъ не вѣрю! Тамъ живетъ
Потерянная женщина одна,
По имени Нисета. Цѣлый городъ
Нисету знаетъ, но никто бъ не смѣлъ
На улицѣ ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Какъ?
Онъ сбросилъ плащъ, онъ шляпу загибаетъ,
Его лицо освѣщено луной—
Какъ будто хочетъ онъ, чтобъ вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишкомъ!
Возможно ль? Онъ поетъ!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какая наглость!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(поетъ подъ балкономъ)*.

Гаснутъ дальней Альпукхарры
Золотистые края,
На призывной звонъ гитары
Выйди, милая моя!
Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
Здѣсь равняется съ тобой,

Всѣхъ, любовію старая,
 Всѣхъ зову на смертный бой!
 Отъ луннаго свѣта
 Зардѣль небосклонъ,
 О выйди, Нисета,
 Скорѣй на балконъ!

НИСЕТА *(показывалась у окна).*

О, донъ Жуанъ, уйдите, ради Бога!
 Вы губите меня. Скорѣй уйдите!
 Когда о томъ узнаетъ командоръ,
 Онъ заколотъ меня велитъ. Молю васъ...

ДОНЪ ЖУАНЪ *(продолжаетъ).*

Отъ Севильи до Гренады,
 Въ тихомъ сумракѣ ночей,
 Раздаются серенады,
 Раздается стукъ мечей;
 Много крови, много пѣсней
 Для прелестныхъ льется дамъ—
 Я же той, кто всѣхъ прелестнѣй,
 Пѣснь и кровь мою отдамъ!

Отъ луннаго свѣта
 Горитъ небосклонъ,
 О выйди, Нисета,
 Скорѣй на балконъ.

(Въ продолженіи серенады подходитъ командоръ, подъ руку съ донной Анной, и останавливается въ некоторомъ разстояніи.)

КОМАНДОРЪ.

Какъ? Что? Не можетъ быть! Не вѣрю! Нѣтъ!

(Донъ Жуанъ оборачивается къ нему, продолжая перебирать струны.)

Такъ! Это онъ! Злодѣй! Бездѣльникъ! Извергъ!

(Къ тѣмъ которые хотятъ удержать его.)

Прочь отъ меня!

(Къ донъ Жуану, обнажая шпагу.)

Бездѣльникъ! Шпагу вонь!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(насмѣшливо)*.

Сеньйоръ, умѣрьте гавъзъ вашъ. Это шутка.

КОМАНДОРЪ.

Вонъ шпагу, иль убью тебя!

ДОННА АННА.

О, Боже!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньйоръ, не горячитесь. Это шутка.

Я забавлялся.

КОМАНДОРЪ *(выпадая)*.

Такъ умри жь теперь!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(отскакивая и выкидывая шпагу)*.

О, если такъ, извольте, я готовъ!

(Дерутся. Командоръ проныетъ. Шпагу.)

(Донъ Жуанъ скрывается.)

КОМАНДОРЪ.

Я раненъ! Дочь! Ко мнѣ... я умираю!

ДОННА АННА.

Отецъ, отецъ! О, Боже! Помогите!

Врача! Скорѣй врача!

КОМАНДОРЪ *(падая)*.

Не надо, Анна.

Сюда, мое дитя... нагнись поближе...

Ко мнѣ поближе, Анна. Милый другъ,

Дитя мое, прости! Я умираю...

Одна теперь осталась ты на свѣтѣ...

Ты сирота... но другъ есть у тебя...

Октавіо... не отвергай его...

Быть-можетъ, послѣ... черезъ годъ... о, Анна,

Нѣтъ силъ... я умираю...

(Умираетъ.)

ДОННА АННА *(бросаясь на трупъ отца)*.

Боже, Боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОКРЕСТНОСТИ БАДИКСА.

Донъ Жуанъ и Лепорелло, въ разговорѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота, право, вамъ была сеньйоръ,
Связаться съ этимъ старикомъ. Извольте
Съ его семействомъ справиться теперъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я знать не могъ, что онъ остервенится
И бросится со шпагой на меня.
Покойникъ бѣшенъ былъ не по лѣтамъ.
А я хотѣлъ его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ только въ томъ была его вина,
Что сдѣлаться хотѣлъ онъ вашимъ тестемъ?
Ну, что жъ? И слава Богу! Въ добрый часъ!
Давно бы вамъ пора остепениться.
Что мы за жизнь ведемъ? Скажите сами.
А донна Анна чѣмъ была не пара?
Вы были бы теперъ отцомъ семейства,
И жили бъ смирно, тихо, хорошо,
Какъ Богъ велитъ, и прыгади бъ вокругъ васъ
Безъ счету и числа, малъ-мала меньше,
Все маленькіе донъ Жуаны. Да.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Пріятная картина, въ самомъ дѣлѣ,
Но забываешь ты, что года нѣтъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ женихомъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ что же?

Вы въ полгода успѣли бѣ сдѣлать то,
На что другимъ бываетъ жизни мало:
Вы время не теряете.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Глаупецъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И кажется, вѣдь вы ее любили,
По крайней мѣрѣ больше чѣмъ другихъ.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потомъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я и теперь люблю ее.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Быть-можетъ,

Да проку-то отъ этого намъ мало.
Теперь, небось, не сунетесь вы къ ней.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Она моею будетъ. Такъ хочу я.
Я до моей достигну цѣли.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ой ли?

Спровадивши отца, за дочкой вы
Ужь не хотите ль снова волочиться?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я никому ее не уступаю.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ха, ха! го, го! А донъ Октавйо? А?
Я чаю, ужъ теперь ихъ свадьба близко;
Пожалуй, донна Анна ужъ за нимъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

За нимъ, или нѣтъ, она моею будетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Забавная была бы то исторья!
Ха, ха! Какъ донна Анна?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Полно врать.

Смотри. Ты видишь этого гадальго,
Въ плащѣ и въ маскѣ, что минутъ ужь съ пять
Взадъ и впередъ все ходитъ передъ нами?
Спроси его, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?

Вонъ этого? Не лучше ль намъ, сеньйоръ,
Убраться отъ него подалѣ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Трусъ!

Спроси его сейчасъ, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мнѣ новыя знакомства.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Такъ оставайся. Я его спрошу.

(Идетъ на встрѣчу незнакомцу.)

Кого вамъ надобно, сеньйоръ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Сеньйоръ,

Ищу я донъ Жуана де-Маранья,
Къ нему есть у меня письмо.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Подайте,

Я донъ Жуанъ.

*(Незнакомецъ, подавая письмо, хочетъ ударить
донъ Жуана кинжаломъ. Донъ Жуанъ схватываетъ его
за руку и сжимаетъ ему горло.)*

Въ другой разъ будь ловчѣе!
Мнѣ голосъ твой знакомъ. Эй, Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО *(издали)*.

Я говорилъ, сеньйоръ, уйдемъ! Ну, что же?
Вы ль держите его, или онъ васъ держитъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Простите, я ошибся.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вижу, другъ.

Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

ЛЕПОРЕЛЛО (издали).

Сейчасъ, сеньйоръ! Башмакъ мой развязался!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Трусь! Я держу разбойника. Иди!

ЛЕПОРЕЛЛО (издали).

Держите же pokrâvчa. Да кольните
Его сперва немножко подъ ребро.

(Подходитъ съ осторожностью.)

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сними съ него скорѣе маску.

(Лепорелло снимаетъ съ незнакомаго маску.)

Какъ?

То нашъ прятель Воавдиль? Мориско,

Котораго спасли мы отъ кестра?

Скажи, за что хотѣлъ меня убить ты?

Что сдѣлалъ я тебѣ?

ВОАВДИЛЬ.

Сеньйоръ, простите,

Я силою былъ вынужденъ къ тому.

Освобожденный вами такъ чудесно.

Я пойманъ былъ опять. Святое братство

Мнѣ обѣщало полное прощенье,

Когда я васъ убью въ извѣстный срокъ—

Не то—я долженъ быть сожженъ. Сегодня

Срокъ кончился.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Итакъ, любезный другъ,

Тебя сожгутъ! Но кто жь тебѣ мѣшаетъ

Уйти и скрыться гдѣ-нибудь?

БОАБДИЛЬ.

Нельзя!

За мной слѣдять. Меся бѣ опять поймали.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты, видно, снова принялъ христіанство?

БОАБДИЛЬ.

Вторично; вамъ къ услугамъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Но зачѣмъ

Ты въ первый разъ отрекся отъ Христа?

БОАБДИЛЬ.

Торговлю я веду съ тунискимъ деємъ,

Въ Берберію невольницъ поставляю.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Причина не дурна. Ты вѣришь въ Бога?

БОАБДИЛЬ.

Смотря по обстоятельствамъ, сеньѳоръ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

А въ совѣсть вѣришь?

БОАБДИЛЬ.

Въ совѣсть? Какъ придется.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я вижу, ты мошенникъ откровенный.

Философъ ты, не зная самъ того.

Безъ размышленій дальнихъ и глубокихъ,

Ты до того же вывода дошелъ,

Къ которому меня приводитъ опытъ

И логики неумолимой вѣтъ.

Куда жь ты двнешься теперь?

БОАБДИЛЬ.

Каррамба!

Когда бы были у меня цехины,

Я гдѣ-нибудь фелуку бы досталъ

И сдѣлаася бѣ пиратомъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Лепорелло!

Сейчасъ его въ дворецъ мой проводи.
 Пусть спрячется онъ. Тамъ его не будетъ
 Искать теперь святая инквизиция.
 Да угости его какъ можно лучше,
 Онъ мой пріятель. Въ Бога онъ не вѣритъ.
 Я этакихъ людей люблю. Ступайте.

ЛЕПОРЕЛЛО *(снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу).*

Донъ Боабдилъ, слуга я вашъ покорный!
 Рекомендуюсь вамъ. Я въ Бога вѣрю;
 Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Если
 Одинъ лишь чортъ вселенной господинъ,
 На томъ свѣту прошу васъ мнѣ у чорта
 Въ протекціи своей не отказать.

(Уходятъ вѣсть.)

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ.

ДОННА АННА *(вса въ черной одеждѣ сидитъ у окна).*

Какъ въ ясный день крушительная буря,
 Такъ на меня обрушилась судьба.
 О мой отецъ! Услышь меня изъ гроба!
 Передъ тобой его я обвиняю!
 Да, онъ тебя не одного убилъ.
 Онъ, онъ убилъ души моей святыню;
 Надежды всѣ, и чистыя мечты,
 Завѣтныя убилъ онъ убѣжденья,
 Онъ все убилъ! Въ отчаянье онъ ввергнулъ,
 Въ безвѣріе низринулъ дочь твою!

То былъ духъ тьмы, видъ ангела принявшій,
 Но въ немъ не я ошиблась—нѣтъ, не я!
 Отецъ мой, не вини меня! Предвидѣтъ
 Никто не могъ сего, ни угадать.
 Здѣсь выводы нарушены событій,
 Насилованъ предвѣчный ходъ судьбы;

То истинъ всѣхъ законъ непогрѣшимый
Разбился о двуличіе его!

Нѣтъ, не меня ты обмануль, Жуанъ—
Ты обмануль и Бога, и природу!

(Входитъ донъ Октавіо. Она его не замѣчаетъ.)

ДОНЪ ОКТАВІО *(послѣ долгаго молчанія).*

Ужь годъ къ концу приходитъ, донна Анна,
Съ тѣхъ поръ, какъ страшный васъ постигъ ударъ.
Ужели нѣтъ вамъ нъ горѣ облегченья?
Отчаянью ужели нѣтъ конца?
Все такъ же вы блѣдны и молчаливы,
Все такъ же смотрите вашъ недвижный взоръ,
О, еслибы на мигъ я васъ увидѣлъ
Какою я когда-то васъ знавалъ!

ДОННА АННА.

Прошло то время, донъ Октавіо. Нынѣ
Пора другая настаетъ. Я стала,
Вы видите, спокойнѣе теперь.
Я въ монастырь рѣшилась удалиться.

ДОНЪ ОКТАВІО.

Что слышу я? Возможно ль, донна Анна?

ДОННА АННА.

Я такъ рѣшилась, донъ-Октавіо.

ДОНЪ ОКТАВІО.

Нѣтъ!

Я не могу молчать предъ вами долѣ!
Я далъ себѣ святое обѣщанье
Не говорить вамъ о любви, но нѣтъ,
Молчать нѣтъ силы долѣ. Донна Анна!
Я васъ люблю какъ никогда никто
Доселѣ не любилъ еще на свѣтѣ!
Я васъ люблю не для себя, Богъ видитъ,
Нѣтъ жертвы, нѣтъ такого униженья,
Котораго бъ не принялъ я для васъ.
Мученья ада были всѣ ничто
Въ сравненіи съ ревнивостью моею!
Но я ее насильно заглушилъ,

Обезоруженному подавъ руку
 Сопернику. Я зналъ, о донна Анна,
 Что онъ вѣкъ недостойнъ; но его
 Любили вы—и онъ мнѣ оталъ священникъ!
 И самое мнѣ ваше заблужденье
 Священно было; и чтобы для васъ
 Спасти того, кто жизнь мою похитилъ,
 Я, не колеблясь, кинулся бы въ пламя!
 Забывъ кто онъ, забывъ себя, весь міръ,
 Я васъ лишь видѣлъ, васъ однихъ лишь помнилъ.
 Когда меня отвергли вы, когда,
 Злодѣйства ставъ неслышаннаго жертвой,
 Вы на мое безмолвное участие
 Холодностью одною отвѣчали,
 Я васъ любилъ, любилъ васъ безнадежно!
 Всѣ дѣйствія мои и всѣ мысленья
 Къ одной я только цѣли направлялъ,
 Въ себѣ самомъ давно ужъ не живу я,
 Мою всю душу въ вашу пересали!
 Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
 Я все отрунулъ, все въ себѣ убилъ—
 Все что не вы—мнѣ все невыносимо!

ДОННА АННА (разсыпая).

Мнѣ кажется, дня три ужъ, довѣ Октавию,
 Я не видала васъ.

ДОНЪ ОКТАВІО.

Дня три? Безъ чувствъ
 Лежалъ я съ мѣсяць. Я былъ раненъ.

ДОННА АННА.

Право?

Кѣмъ ранены вы были?

ДОНЪ ОКТАВІО.

Тѣмъ, кого

Назвать при васъ я не хочу.

ДОННА АННА.

И что же?

Вы ранены.. а онъ?.. убить?

ДОНЪ ОКТАВІО.

Два раза

Мы съ нимъ сходились. Первый разъ онъ шпагу
Изъ рукъ мнѣ вышибъ и хотѣлъ мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Онъ выпалъ и насквозь мнѣ прокололъ
Плечо. Насъ разлучили.

ДОННА АННА (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Донъ Октавійо,

Вы о любви сейчасъ мнѣ говорили,
Какъ думаете вы, могу ли я
Спокойно васъ и хладнокровно слушать?
Могу ли жить, смотрѣть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока онъ живъ? Какъ? Онъ, мой врагъ смертельный,
Убійца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Онъ живъ, онъ также видитъ это небо,
Онъ воздухомъ однимъ со мною дышетъ,
Онъ на одной живетъ со мной землѣ,
Своимъ присутствіемъ онъ заражаетъ
Тотъ міръ, гдѣ жить я съ нимъ осуждена,
А вы, вы о любви мнѣ говорите!

(Презрительно:)

Вы съ нимъ дрались! Онъ вышибъ вашу шпагу!
Онъ ранилъ васъ! И думаете вы,
Что долгъ вы свой исполнили, что можно
Вамъ о любви теперь мнѣ говорить!
Да развѣ все вы совершили? Развѣ
Къ нему законы чести примѣнимы?
Дрались вы развѣ съ человѣкомъ? Какъ?
Когда бъ съ цѣпей сорвался хищный звѣрь
И въ бѣшенствѣ весь край опустошалъ бы,
Ему бы также вызовъ вы послали?

ДОНЪ ОКТАВІО.

О, донна Анна, вѣрьте, вамъ не нужно
Мою вражду насмѣшкой разжигать!

Межъ имъ и мной не кончемъ споръ кровавый,
 Но тѣ слова, что вырвались у васъ,
 Они не ваши были, донна Анна,
 Отчаяніе ихъ произнесло!

ДОННА АННА.

Нѣтъ, онъ не такъ бы поступилъ какъ вы!
 Когда бы онъ любилъ меня, когда бы
 Онъ былъ на вашемъ мѣстѣ—о, давно
 Сумѣлъ бы онъ отъ васъ меня избавить!
 Любить онъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ!

ДОНЪ ОКТАВІО.

Опомнитесь! Въ себя придите! Вамъ ли
 Меня язвить такъ горько, донна Анна?

ДОННА АННА.

Какія только знаю я проклятья,
 Я всѣ зову на голову его!
 Быть-можетъ, смертный грѣхъ я совершаю,
 Но намъ обоимъ мѣста въ свѣтѣ нѣтъ!
 Душою всей, и каждымъ помышленьемъ,
 Дыханьемъ каждымъ я его кляну,
 Биемъ сердца каждымъ ненавижу—
 Но ваше малодушье, донъ Октавійо,
 Я презираю. Слышите ли? Васъ
 Я презираю.

(Уходитъ.)

ДОНЪ ОКТАВІО.

Да проститъ ей Богъ!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ ЖУАНА БЛИЗЪ КАДИКСА.

Донъ Жуанъ съ пріятелями за столомъ.

ПЕРВЫЙ.

Ха, ха, ха, ха! Забавное, донъ Цезарь,
 Вы рассказали похождение намъ!

ВТОРОЙ.

И что жь? Чѣмъ кончилось оно?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Инеса

Въ тотъ самый годъ отъ горя умерла.

ПЕРВЫЙ.

И совѣсть васъ не мучила?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нисколько.

ВТОРОЙ.

Ее вы развѣ не любили?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ.

ПЕРВЫЙ.

А долго ли вы были женихомъ?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Пока моя къ ней прихоть продолжалась.

ВТОРОЙ.

Что скажете намъ на это донъ Жуанъ,
Учитель нашъ и мастеръ въ волокитствѣ?

ДОНЪ ЖУАНЪ (*къ донъ Цезарю*).

Святая церковь васъ осудить.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ,

Мой дядя кардиналъ, и мнѣ изъ Рима

Прислалъ онъ отпущеній про запасъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вы цѣните, какъ должно, отпущенья?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Я не язычникъ, и моею душою

Я погубить нисколько не намѣренъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Васъ жизнь не тяготитъ? Вы ей довольны?

Въ явленіяхъ ея вы ничего

Не щите душою безпокойной?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Чего жь искать въ ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то что веселюсь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Когда паспортомъ въ рай вы запаслися,
А жизнью довольны, то съ Инесой
Вы поступили какъ подлець.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ (*скакивал*).

Какъ? Что?

Что вы сказали?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я сказалъ, что вы

Подлець.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ (*хватая бутылку*).

Я проучу васъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (*хладнокровно*).

Берегитесь,

Я васъ убью.

ГОСТИ (*бросаясь между нихъ*).

Стыдитесь, господа!

(*Входитъ донъ Карлосъ.*)

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я, донъ Жуанъ, принесъ вамъ новый вызовъ
Отъ донъ Октавйо. Исцѣлясь отъ раны,
Онъ бой вамъ на смерть предлагаетъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Стойте!

Я первый долженъ биться съ донъ-Жуаномъ!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Сеньйоръ, за донъ Октавйо первенство—
Онъ первый оскорбленъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Я не согласенъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И весь къ услугамъ вашимъ, господа;
Рѣшите это дѣло между вами.

(*Расходится.*)

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА. ДВОРЪ ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ
ДОНЪ ЖУАНА.

Донъ Жуанъ, Лепорелло въ длинныхъ сапогахъ, съ плетью въ рукѣ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что новаго?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньйоръ, я изъ Севильи
Скакалъ всю ночь. Я думаю, вашъ конь
Повздуку эту долго не забудеть.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Фискала видѣлъ ты? Донесъ ему
О новыхъ преступленьяхъ донъ Жуана?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Исполнилъ, слово въ слово, все, что вы
Мнѣ приказать изволили намедни.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И что же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньйоръ, намъ очень плохо!
Случайно я провѣдалъ стороною,
Что къ нимъ изъ Рима будетъ новый членъ,
Какой-то донъ Йеронимо. Онъ въ Кадиксъ
На корабль на дняхъ прѣхать долженъ.
Святыхъ онъ братій хочетъ подтянуть;
Они его со страхомъ ожидаютъ;
Чтобъ избѣжать въ бездѣйствіи упрека,
Формальный вамъ готовится процессъ;
Арестовать должны васъ очень скоро.
Межъ тѣмъ разосланы во всѣ концы
Глашатаи, чтобъ ваше отлученье
Отъ церкви и закона объявить.
Пропали мы совсѣмъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Гдѣ Боабдилъ?

ЛЕПОРЕЛО.

Насчетъ его, позвольте мнѣ, сеньѣоръ,
 Вамъ сообщить богатую идею.
 Она мнѣ въ голову пришла, пока
 Я къ вамъ скакалъ съ извѣстьемъ изъ Севильи.
 Кто этотъ Боабдилъ? И какъ ему
 Вы можете такъ безусловно вѣрить?
 За то ль, что онъ хотѣлъ васъ ткнуть кинжаломъ,
 Ему отъ васъ всѣ милости идутъ,
 И наравнѣ вы ставите его
 Со мной, и даже выше чѣмъ меня,
 Который столько лѣтъ вамъ служить честно?
 Вѣдь это васъ къ добру не поведетъ;
 Увидите, еще бродяга этотъ,
 Отступникъ, шельма, висельникъ и воръ,
 На васъ бѣду накличетъ. Но есть средство
 Не только избѣжать бѣды, но пользу
 Изъ шельмы этого извлечь, когда вы
 Послушаетесь моего совѣта
 И въ разсужденъе вникните мое.
 Мой взглядъ на это дѣло очерь простъ:
 Вѣдь Боабдилъ, не правда ль, осужденъ
 Былъ инквизищею на сожженъе? Такъ ли?
 Его мы свободили. Но потомъ
 На нашу жизнь онъ покусился. Такъ ли?
 Теперь спрошу васъ: еслибы мы знали,
 Что онъ покусится на нашу жизнь,
 Спасли ли бѣ мы тогда его отъ смерти?
 Нѣтъ, мы тогда его бы не спасли,
 И былъ бы онъ теперь сожженъ. Неправда ль?
 Итакъ, коль мы сождемъ его теперь,
 Мы этимъ не возьмемъ грѣха на совѣсть,
 Повеже все остаетя какъ было.
 А мой совѣтъ: схватить его сейчасъ
 И на дворѣ публично сжечь. Мы этимъ
 Докажемъ всѣмъ, въ комъ есть на насъ сомнѣнъе,
 Что добрые мы христіане. Ну,
 Что скажете, сеньѣоръ, на эту мысль?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что ты дуракъ, и сверхъ того завистливъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прикажете ли разложить костеръ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Поди и позови мнѣ Боабдила.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сеньйоръ. Я очень васъ прошу
Мое серьезно взвѣсить предложенье.
У васъ на шеѣ новыхъ два убійства:
Октавю и Донъ Цезарь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Первый мнѣ

Своими вызовами надобѣлъ;
Второго же не жаль; онъ былъ подлецъ.
Но ты наскучилъ мнѣ. Поди сейчасъ
И Боабдила позови.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Извольте.

(Уходитъ.)

ДОНЪ ЖУАНЪ (одинъ).

Мнѣ оставаться долѣ невозможно,
Испанію покинуть долженъ я.
Но мысль о доннѣ Аннѣ не даетъ
Покоя мнѣ. Я не былъ никогда
Особенно къ чувствительности склоненъ;
Не помню даже, чтобы мнѣ ребенкомъ
Когда-нибудь случалось плакать. Нынѣ жъ,
Въ мучительныхъ и сладкихъ свидѣньяхъ,
Когда ее я вижу предо мной,
Я дѣлаюся слабъ, и пробуждаюсь,
Я ощущаю слезы на лицѣ.
Я самъ себя не узнаю. Когда бы
Не горькій мой и многократный опытъ,
Я бъ это чувство принялъ за любовь.

Но я не вѣрю ей. Одно желанье,
 Одна лишь страсть во мнѣ; и, можетъ-быть,
 Я трудностью побѣды подстрекаемъ!
 Чего же ждать? Не буду малодушень,
 Чувствительность разсудкомъ изгнать,
 Безъ нѣжныхъ вздоховъ и безъ колебаній
 Поиду я прямо къ цѣли, и сомнѣнья
 Развязкой скорой положу конецъ!

(Задумавшись.)

Тогда и этотъ новый призракъ счастья
 Исчезнетъ какъ всѣ прежніе. Да, да,
 Я излѣчусь; но это излѣченье
 Тяжеле будетъ самага недуга,
 И я куплю спокойствіе мое
 Еще одной потерей идеала!
 Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
 Несорваннымъ, но издали дышать
 Его томительнымъ благоуханьемъ,
 И каждый день, и каждое мгновенье
 Воздушною идеей упиваться?
 Безумный бредъ! То было бы возможно
 Другому, но не мнѣ. Мечтатель я—
 Но я хочу мечты осуществленья,
 Неясныхъ положеній не терплю.
 Я не могу туманнымъ обѣщаньемъ
 Довольствоваться въ жизни. Отъ нея
 Я исполненья требую. Я знаю,
 Что и теперь она не сдержитъ слова,
 Но чѣмъ скорѣе выйдетъ ложь наружу,
 Тѣмъ лучше для меня. Я не хочу
 Быть убаюканъ этимъ заблужденьемъ.
 Въ Испаніи да будетъ донна Анна
 Моимъ послѣднимъ горькимъ торжествомъ!
 Съ чего жь начну? Еще не знаю самъ,
 Но чувствую, что ужь готовъ мой демонъ
 Мнѣ снова помогать: въ моей груди
 Ужь раздуваетъ онъ губящій пламень,
 Къ безумной страсти примѣшалъ вражду...
 Въ моемъ желаньи тайный гнѣвъ я чую.

Мой замыселъ безжалостенъ и золь,
 На власть ея теперь я негодую,
 Какъ негодуетъ раненый орелъ,
 Когда полетъ влачить онъ долженъ низко,
 И не рѣшу, что мнѣ волнуетъ кровь:
 Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
 Иль ненависть похожа на любовь?

(Приходитъ Боабдилъ.)

Ты все ли сдѣлалъ какъ я приказалъ?

БОАБДИЛЬ.

Надежныхъ удалцовъ до полусотни
 На ваши деньги нанялъ я, сеньйоръ.
 Фелука также уже совсѣмъ готова:
 Ходокъ отличный. Щегольски загнута,
 Лихая мачта въ воздухъ дрожить;
 Прилаженъ къ ней косою латинскій парусъ;
 Мадонна шелкомъ вышита на немъ;
 На флагъ гербъ Тенорью де Маранья—
 И провианту вдоволь. По волнамъ,
 Какъ ласточка, скользя на нихъ безъ звука,
 Запрыгаетъ разбойничья фелука!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Гдѣ вы на якорь стоите?

БОАБДИЛЬ.

Близко

Отъ вашего дворца. Скалистый мысъ
 Отъ крейсеровъ пока насъ закрываетъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

По первому готовы будьте знаку
 Къ дворца ступенямъ подойти. На пиръ
 Я моряковъ удалыхъ приглашаю.
 Сегодня, или завтра я намѣренъ
 Испанію оставить навсегда.

(Боабдилъ уходитъ. Входитъ Лепорелло.)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну что жь, сеньйоръ? Обдумали вы планъ мой?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сѣдай сейчасъ мнѣ лучшаго коня,
Съ тобою вмѣстѣ я скачу въ Севилью.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Севилью? Боже мой!

(Въ сторону.)

Мой господинъ,
Мнѣ кажется, немного помѣшался!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Въ Севилью скачемъ мы съ тобой сейчасъ,
И прежде, чѣмъ настанетъ новый день,
Въ моихъ объятяхъ будетъ дона Анна.

СУМЕРКИ. КЛАДБИЩЪ.

Донъ Жуанъ и Лепорелло сѣзаютъ съ лошадей.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Здѣсь жди меня.

ЛЕПОРЕЛЛО,

Помилуйте, сеньѳоръ,
Нельзя ли выбрать вамъ другое мѣсто?
Вѣдь это есть то самое кладбище,
Гдѣ погребенъ убитый командоръ!
Смотрите, вонъ и памятникъ его.
Весь мраморный, на мраморномъ конѣ;
У, какъ на насъ онъ сверху смотритъ строго!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ея отсюда вила недалеко,
Сюда же ночью не придетъ никто.
Здѣсь жди меня, я до зари вернуся.

(Уходитъ.)

ЛЕПОРЕЛЛО (одинъ).

Бррръ! Дрожь меня по жиламъ пробираетъ!
 Вѣдь, право, ничему не вѣрять онъ,
 Все для него лишь трывъ-трава да дудки,
 А на меня могильный холодъ вѣетъ,
 И чудится мнѣ, будто межъ гробницъ
 Уже какой-то странный ходитъ шепотъ.
 Ухъ, страшно здѣсь! Уйду я за ограду!

САТАНА (*малется между могила*).

Люблю межъ этихъ старыхъ плитъ
 Прогуливаться въ часъ вечерній.
 Довольно смѣшано здѣсь общество лежить,
 Между вельможъ есть много черни;
 Но это не бѣда, а жаль, что посѣщать
 Иныя мнѣ нельзя гробницы:
 Здѣсь есть двѣ-три отроковицы,
 Пять-шесть еретиковъ, младенцевъ дюжинъ съ пять,
 Къ которымъ мнѣ нельзя и носу показать.
 Подъ вѣдвѣемъ небесной силы
 Ихъ состоятъ могилы;
 Мнѣ портятъ ангелы житье.
 Не нужно напрягать имъ слуха,
 Сейчасъ провѣдаютъ по духу,
 Такое тонкое чутье!
 Ужь я ихъ слышу приближенье...
 Ну, такъ и есть, явился сюда...
 Мое нижайшее почтенье,
 Слуга покорный, господа!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ.

Оставь усопшимъ ихъ забвенье,
 Оставь гробы до страшнаго суда,
 Не преступай священнаго предѣла!

САТАНА.

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
 Иной заботой занять я.
 Вы помните, друзья,
 Нашъ давній споръ про домъ Жуана?
 Я говорилъ, что поздно, или рано,

Онъ будетъ мой. И что жь? Свѣтъ побѣдѣла мгла.
 Не понялъ той любви святаго онъ значенья,
 Которая бь теперь спасти его могла,
 И сѣбно онъ свершитъ надъ нею преступленья.

ДУХИ.

Въ безмолвіи ночи
 Мы съ нимъ говорили,
 Мы спящія очи
 Его прояснили,
 Изъ тверди небесной
 Къ нему мы вѣщали
 И міръ безтѣлесный
 Ему показали.
 Онъ зрѣлъ, обновленный,
 Въ чемъ сердца задача,
 И рвался къ намъ, сонный,
 Рыдая и плача;
 Въ дневной же тревогѣ
 Земное начало
 Опять отъ дороги
 Его отвращало;
 Онъ помнилъ видѣнье,
 Но требовалъ снова
 Ему примѣненье
 Средь міра земнаго,
 Пока его очи
 Опять не смежались
 И мы, среди ночи
 Ему не являлись;
 И вновь онъ преступный
 Гналъ замысль обратно,
 И мысли доступна,
 И сердцу понятна
 Стремленья земнаго
 Была неудача,
 И нашъ онъ былъ снова,
 Рыдая и плача!

САТАНА.

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,

И самъ онъ, кажется, двоится:
 Во снѣ онъ вашъ, но на яву онъ мой —
 На этомъ я согласенъ помириться!

ДУХИ.

Высокой онъ душой на ложь ожесточенъ,
 Невѣріе его есть только плодъ обмана,
 Сгубить лишь на землѣ ты можешь донъ Жуана,
 Но въ небѣ будетъ онъ прощень!

САТАНА.

Тогда бы въ небѣ толку было мало!
 Онъ сердится на ложь—сердиться воленъ всякъ.
 Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ
 пристала,

Что отскоблить ее нельзя никакъ!

А онъ скоблить сплеча, да ужь едва ли
 Насквозь не проскоблялъ всѣ истины скрижали.
 Не вѣрить на слово онъ никому ни въ чемъ;
 Вѣковъ работу предпринявъ сначала,
 Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,
 Своимъ изслѣдовать умомъ.

Немного щекотливо это!

Я самъ, вѣдь, врагъ авторитета,
 Но пообтерся межъ людьми;
 Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
 Не то, пришлось бы, чортъ возьми,
 Мнѣ самого себя похвѣрить!

ДУХИ.

Лукаво ты его смущалъ,
 Ты истощилъ его терпѣнье,
 И гнаться онъ усталъ за тою бѣглою тѣнью,
 Что живо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА.

Прошу покорно извиненья!
 Конечно, я его морочилъ много лѣтъ,
 Но вывѣшній его предметъ
 Есть между всѣми исключенье.
 Могу вамъ доложить, безъ лести и похвалъ,
 Она, точь-въ-точь, на свой походить идеалъ,

И даже самому мнѣ странно,
 Что въ форму вылилась такъ чисто донна Анна.
 Когда бъ ее съумѣлъ онъ оцѣнить,
 Свершилось бы неслышанное чудо,
 Моихъ свѣтей разорвалась бы нить
 И со стыдомъ бы мнѣ пришлось бѣжать отсюда.
 Но слѣвъ онъ, словно кротъ. Къ чему жь еще обманъ?
 Ужъ нечего мнѣ болѣ добиваться;
 Могу я руки положить въ карманъ
 И зрителемъ въ комедию остаться.
 Безъ цѣли за него идетъ у насъ борьба;
 Теперь бы отдохнуть могли мы;
 Влiанiй нашихъ нѣтъ—влечетъ его судьба
 И неизбежности законъ неумолимый!

ДУХИ.

Вкругъ дѣлъ людскихъ незримою чертой
 Свободы грань очерчена отъ вѣка;
 Но безъ насилья можетъ въ грани той
 Вращаться вольный выборъ человека.
 Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
 Въ чужую область вступить святотатно,
 Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
 И увлеченъ теченьемъ невозвратно.
 Въ тревогѣ думъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,
 Жуанъ блуждаетъ, дерзостенъ и страстенъ,
 Но за черту еще онъ не ступилъ
 И къ правдѣ онъ еще вернется властенъ.
 Лукавый духъ, бѣжишь ты со стыдомъ!
 Святой любви таящееся чувство
 Сознаетъ онъ.

САТАНА.

Я сомнѣваюсь въ томъ.
 Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,
 На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть;
 Но къ милой онъ пошелъ, совѣмъ ужь сбитый съ
 толку,
 И вамъ, я думаю, пришлось бы покраснѣть,
 Когда бъ на нихъ теперь вы поглядѣли въ щелку!

ДУХИ.

Онъ къ истинѣ придетъ! Его туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

САТАНА.

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилать на свой вопросъ остался безъ отвѣта,
А разрѣшить загадку сущій вздоръ:
Представьте выпуклый узоръ
На бляхъ жестяной. Со стороны обратной
Онъ въ глубину изображенъ;
Двоимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ
Одно и то же акуратно.
Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я
Мы обѣ стороны ея;
Мы выражаемъ тайну бытія—
Онъ верхней частью, я исподней,
И вотъ вся разница, друзья,
Между моею методой и Господней.

ДУХИ.

О Боже, дай познать Жуану
Что смутно видѣлъ онъ вдали!
Души мучительную рану
Сознаемъ правды исцѣли!
Но если, тщетно званный нами,
Онъ не пойметъ Твоей любви,
Тогда сверкающій громами
Свой гнѣвный ликъ ему яви,
Да потрясетъ Твой зовъ могучій
Его какъ голосъ судныхъ трубъ!

САТАНА.

На эти чудеса Господь довольно скупъ
И скромно прячется за тучей
Когда гремитъ. На всякій случай
Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить,
Которая, безъ воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только дастъ ей приказанье.
Кто бъ ей ни овладѣлъ, порокъ иль благодать,

Слепа, могуча, равнодушна,
 Готова сила та крушить, или созидать,
 Добру и злу равно послушна.
 Ты, что философы зовутъ душой земли,
 Ты, что магнитный токъ сквозь мѣръ всегда струшиа
 Услышь теперь мой зовъ, словамъ моимъ внимаи,
 Явись, таинственная сила!
 Ты, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ,
 Незримое астральное теченье!
 Твой господинъ тебя на дѣйствіе зоветъ,
 Явись принять его велѣнья!
 Ты, что людскою всегда питаешь потъ и трудъ,
 Ты, что такъ много душъ сгубила,
 Усердые, преданность, или какъ тебя зовутъ,
 Явись, таинственная сила!

(Является туманная фигура.)

Смотрите, вотъ она, покрыта пеленой,
 Какой ей видъ принять еще въ недоумѣнья.
 Готовься жъ узелъ тотъ, который спутанъ мной,
 Не медля, затянуть по первому велѣнью!
 Не знай ни жалости, ни страха, ни любви—
 Свершай, что я скажу, безъ мысли, безъ пощадъ,
 И воплотившись разъ, топчи, круши преграды
 И жертву, какъ утесъ, собою раздави!

ДУХИ.

Постой, внимаи и намъ! Въ то страшное мгновенье,
 Когда во власть твою предастся донъ Жуанъ,
 Последнее ему неси остереженье
 И духа тьмы предъ нимъ разоблачи обманъ.
 Тогда лишь, если онъ отъ правды отвратится—
 Его судьба да совершится!

(Фигура исчезаетъ.)

МѢСТО ПЕРЕДЪ ВИЛЛОЙ ДОННЫ АННЫ.

Офицеръ съ патрулью.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Сейчасъ онъ промелькнулъ передо мною.

ОФИЦЕРЪ.

Увѣренъ ты, что это точно онъ?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Я видѣлъ бѣлое перо на шляпѣ.

ОФИЦЕРЪ.

Довольно бѣлыхъ перьевъ безъ него.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ кажется онъ въ этотъ дворъ вошелъ.

ОФИЦЕРЪ.

Не можетъ быть. То вилла донны Анны:
Сюда войдти не смѣлъ бы донъ Жуанъ.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Я точно видѣлъ.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ такъ показалось,
Что за уголъ онъ повернулъ.

ОФИЦЕРЪ.

Пойдемъ

Сперва по этой улицѣ, когда же
Тамъ никого не встрѣтимъ, то вернемся.

(Уходятъ.)

ВИЛЛА ДОННЫ АННЫ.

Сначала сумерки. Потомъ луна освѣщаетъ часть комнаты. Другая остается въ тѣни.

ДОННА АННА *(одна)*.

Октавіо нейдетъ. Онъ долженъ былъ,
 Я знаю, снова биться съ донъ-Жуаномъ.
 О, до чего отчаянье меня
 И жажда мести довели! Октавіо
 Единственный мой нынѣ другъ и братъ;
 Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердце;
 Я не страшуся друга потерять;
 Страхуся только, чтобъ его противникъ
 Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ.
 Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
 И жалость и участіе. Меня
 Онъ какъ потокъ схватилъ неумолимый
 И отъ всего роднаго оторвалъ.
 Съ боязнію теперь въ себя гляжу я:
 Тамъ прошлаго не видно и слѣда,
 И чуждыя мнѣ чувства поселились
 Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
 Лишь смерть его, лишь только смерть одна
 Покой душевный возвратитъ мнѣ можетъ!
 Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
 Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря,
 Не въ силахъ я ни плакать, ни молиться.
 Но, кажется, слышались шаги...
 Звенять по мраморнымъ ступенямъ шпоры...
 Идутъ сюда... Октавіо вернулся!

*(Донъ Жуанъ показывается, въ плащѣ, съ на-
 двинутой на глаза шляпой. Донна Анна бро-
 сается къ нему на встрѣчу.)*

Октавіо!.. ну, что же?..

ДОНЪ ЖУАНЪ *(обрасывая плащъ).*

Это я.

(Донна Анна, въ ужасъ, отступаетъ.)

Я знаю, донна Анна, что мой видъ
 Вселяетъ въ васъ и ненависть и ужасъ.
 Вы правы. Для меня прощенья нѣтъ—
 Нѣтъ никакихъ предъ вами оправданій.
 Я былъ для васъ орудіемъ судьбы.
 И не могу исправить, что случилось.
 Но я пришелъ сказать вамъ, что на вѣкъ
 Я покидаю этотъ край, что вы
 Отъ близости избавитесь несносной
 И можете свободнѣе дышать.

ДОННА АННА *(въ сторону).*

Что мнѣ мѣшаетъ въ грудь ему сейчасъ
 Вонзить кинжалъ? Какое колебанье
 Мою безсилить руку?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Донна Анна,

Когда до васъ извѣстіе дойдетъ
 О смерти ненавистнаго Маранья,
 Могу ли ожидать, что это имя
 Не будете вы болѣ проклипать?

ДОННА АННА.

Онъ говорить о смерти! Боже правый!
 О смерти онъ дерзаетъ говорить,
 Тотъ, кто всегда кровавой смертью дышетъ,
 Кому она послушна, какъ раба!
 Гдѣ донъ Октавіо? Отвѣчайте, гдѣ онъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Октавіо убитъ.

*(Донна Анна хочетъ говорить, онъ ее пред-
 упрещаетъ.)*

Я не искалъ
 Его гибели. Онъ самъ хотѣлъ
 Со мною биться. Я не могъ ему
 Подставить горла, какъ овца; но я
 Завидую теперь его судьбѣ.

ДОННА АННА.

Обрызганъ кровью моего отца,
Онъ моего еще зарѣзалъ брата
И хвалится убійствомъ предо мной!
И не разступится подъ нимъ земля?
И пламя не пожретъ его? Громъ Божій!
Ударь въ него! Изпепели его!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Увы, никто не слышитъ, донна Анна,
Проклятій вашихъ. Ясенъ сводъ небесъ,
Мерцають звѣзды, лавръ благоухаетъ,
Торжественно на землю сходитъ ночь,
Но въ небесахъ все пусто, донна Анна.
Въ нихъ Бога нѣтъ: Когда бъ внезапно громъ
Теперь ударилъ, я бъ повѣрилъ въ Бога,
Но громъ молчитъ — я вѣрить не могу!

ДОННА АННА.

Онъ богохульствуетъ! Доколь, о Боже,
Терпѣнiе Твое не истощится?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О еслибы я могъ въ Него повѣрить!
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ!
Какія бъ лилъ горячiя я слезы!
Какiя бы молитвы я нашель!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продалъ,
И могъ бы я, босой и въ власяницъ,
Простертый въ прахъ, и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленiй,
Которыя безвѣрьемъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученiй,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
Какъ жадно бъ я страдаемъ упивался,
Когда бы могъ повѣрить въ божество!
О горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

ДОННА АННА.

Что слышу я? Тотъ самый, кто въ другихъ,
Съ разсчитаннымъ, холоднымъ наслажденьемъ,

Всегда святыню сердца убивалъ —
Тотъ сожалѣтъ о своемъ безвѣрн!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я разрушалъ, въ моемъ ожесточеньи,
Обманъ и ложь вездѣ, гдѣ находилъ.
За жизнь мою, и за мое рожденье
Слѣпой судьбѣ безъ отдыха я мстилъ.
Себя, другихъ, весь міръ я ненавидѣлъ,
Я все губилъ. Одинъ лишь только разъ,
Въ тотъ свѣтлый день, когда я васъ увидѣлъ,
Въ моей душѣ надежда родилась.
Но я ужъ былъ испорченъ. Я не могъ
Моей любви повѣрить. Слишкомъ часто
Я былъ обманутъ. Я боялся вновь
Попастся въ сѣть; я гордо захотѣлъ
Убить въ себѣ мучительное чувство.
И святотатно я его поправъ.
Я самъ себѣ безумно посмѣялся,
И моего упорнаго безвѣрья,
Моей насмѣшки горькой надъ собой,
Вы сдѣлалися жертвой. Не глядите
Такъ гнѣвно на меня — увы, я знаю,
Что я преступникъ, но ужъ я наказанъ.
Не удалось мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить, ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда бъ я могъ, хотъ изрѣдка, васъ видѣть—
Не здѣсь — о нѣтъ — но въ церкви гдѣ-нибудь;
Незримый вамъ, въ темномъ углубленнѣ,
Межъ нищами, колонною сокрытъ,
Когда бъ я могъ, хотъ издали, украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ — о!
Тогда быть-можетъ былъ бы я спасенъ
И вѣрить вновь тогда бы научился!

ДОННА АННА.

Ужъ слишкомъ долго слушала я васъ —
Межъ нами разговоръ быть не можетъ.

Раскаядись когда вы не притворно,
Ищите утѣшенье въ лонѣ церкви,
Меня жь оставьте — вамъ не мѣсто здѣсь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я церковью отринуть. Въ этотъ мигъ,
Пока я съ вами говорю, убійцы
Вездѣ ужь рыщутъ по моимъ слѣдамъ,
И голова оцѣнена моя.
Отъ церкви не могу я ждать пощады!

ДОННА АННА.

Идите въ Римъ. Къ ногамъ падите папы.
Петра намѣстникъ можетъ васъ простить.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Когда не вѣрю въ самого я Бога,
Чего у папы мнѣ еще искать!
Не папа можетъ воскресить надежду.
Не папа съ жизнью можетъ помирить!
Простите, донна Анна. Я безумецъ.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нѣтъ, для меня не можетъ быть спасенья!
Идти я долженъ до конца. Нельзя
Остановиться мнѣ на полдорогѣ.
Въ отчаянье я брошуся опять!
Пусть опьянятъ мой разумъ преступленья!
Въ страстей тревогъ пусть забуду я
Блеснувшій мнѣ отраднѣйшій лучъ надежды!
Какъ бѣшенный, неукротимый конь,
Я къ пропасти направлю бѣгъ безумья.
И какъ шумящій водопадъ, съ высотъ
Низринусь въ бездну. Мнѣ одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

ДОННА АННА.

Слова безумья, или ослѣпленья!
Я ненавижу васъ... но долгъ велить
Вамъ указать убѣжище молитвы...

(Барабаннѣй бой.)

ГОЛОСЪ ПОДЪ ОКНАМИ.

„Во имя короля и Sant' Officio!
 Сямъ объявляется всѣмъ христіянамъ,
 Что донъ Жуанъ, Маркезе де-Маранья,
 Отъ церкви отлучается Христовой
 И внѣ законовъ нынѣ состоитъ.
 Всѣ для него убѣжища закрыты,
 Не исключая божьихъ храмовъ. Всѣмъ,
 Кому его извѣстно пребыванье,
 Выявляется въ священнѣй долгъ о немъ
 Немедленно начальству довести.
 Къ кому жь онъ обратится, тотъ его
 Обязанъ выдать въ руки мѣстной власти,
 Подъ опасеньемъ вѣчнаго проклятья.—
 Таковъ надъ нимъ церковный приговоръ.“

(Барабанный бой.)

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вы слышали? Могу ли я еще
 Мириться съ церковью, или съ закономъ?
 Простите! Конечно! Моя судьба
 Да совершится!

ДОННА АННА *(которая, между тѣмъ, по-
 дошла къ двери и прислуши-
 валась).*

Стойте, донъ Жуанъ!

(Входитъ слуга. Донна Анна становится передъ донъ Жуаномъ, который остается въ тѣни.)

СЛУГА.

Сеньѳора, офицеръ священной стражи
 Желаетъ васъ увидѣть.

ДОННА АННА.

Пусть войдетъ.

ОФИЦЕРЪ.

Прошу меня простить, сеньѳора. Я
 Съ патрулью наряженъ отъ Sant' Officio
 Арестовать преступника.

ДОННА АННА.

Кто онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Намъ показалось, что онъ въ эту виллу
Вошелъ недавно.

ДОННА АННА.

Какъ его зовутъ?

ОФИЦЕРЪ.

Къ несчастью, вамъ его извѣстно имя:
То докъ Жуанъ, Маркесе де-Маравья.

ДОННА АННА.

Какъ можете вы полагать, чтобъ онъ
Осмѣлился сюда придти? Вы, вѣрно,
Замѣтили кого-нибудь другаго.

Но я велю вездѣ васъ проводить,
И позволяю осмотрѣть всю виллу.

ОФИЦЕРЪ *(подымая плащъ донъ-Жуана,
съ замѣшательствомъ).*

Сеньйора... этотъ плащъ?..

ДОННА АННА.

Какую связь

Имѣетъ съ порученьемъ вашимъ чей-то
Оставленный здѣсь плащъ? Надѣюсь, вы
Не думаете чтобъ я скрывала
Убійцу моего отца?

ОФИЦЕРЪ.

Сеньйора,

Я виновать, простите, мы ошиблись.

(Уходитъ.)

*(Донна Анна слѣдитъ за нимъ глазами,
потомъ смотритъ на донъ-Жуана, шатает-
ся и готова упасть. Донъ Жуанъ ее под-
держиваетъ.)*

КЛАДБИЩЕ ОСВѢЩЕННОЕ ЛУНОЮ.

ЛЕПОРЕЛЛО *(вбѣгалъ въ ограду).*

Нѣтъ, страшно мнѣ и тамъ! кругомъ вездѣ
Все движется и шепчетъ! Рвутся кони
И фыркають, покрыты бѣлой пѣной...
Гдѣ господишь мой? Ужь пора бѣ давно
Ему сюда вернуться!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(входитъ).*

Свершено!

Полуобманъ и полуоткровенность,
Полунасилъе, полуобольщенъе,
Обратное движенъе бурной страсти,
Которому такъ сладко уступать,
Мнѣ предали въ объятъя донну Анну.
Я побѣдилъ! Не будетъ болѣ мучить
Меня любви обманчивая тѣнь!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Скорѣй, сеньйоръ! Ускачемте отсюда!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Какъ вновь во мнѣ кипитъ и жизнь и сила!
Весь миръ теперъ я вызвалъ бы на бой!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прочь, прочь отсель! Ускачемъ, ради Бога!
Нечасто здѣсь, любезный мой сеньйоръ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Все тотъ же ты! Всегда трусливъ какъ заяцъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, ускачемъ! Командоръ...

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что командоръ?

ЛЕПОРЕЛЛО (*показывая на статую*).

Глядите, какъ онъ смотритъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Зови его ко мнѣ на ужинъ завтра!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ради Бога, не шутите такъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я не шучу. Зови его на ужинъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Уйдемъ, уйдемъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Нѣтъ, надо проучить
Твою мнѣ трусость. Подойди сейчасъ
И пригласи на ужинъ командора!

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, не могу!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я заколю тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Исполню вашу волю!

(*Подходитъ къ памятнику.*)

Великая статуя командора!

Мой господинъ—не я—ей, ей, не я,
Васъ приглашаетъ... нѣтъ, я не могу!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Кончай сейчасъ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Васъ приглашаетъ завтра
Пожаловать къ нему на ужинъ. Ай!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ну что?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Она... ей, ей, она кивнула!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Постой же, трусь, я научу тебя
Безстыдно лгать. Сюда! Смотри на верх!

*(Береть Лепорелло за воротъ и обра-
щается къ статуе.)*

Статуя командора! Я даю
Прощальный ужинъ завтра, и желаю бы,
Чтобъ на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужинъ?

(Статуя киваетъ.)

Что за чортъ!

Я, кажется, не пьянъ, а вижу мутно.
Должно быть я усталъ. То къ головѣ
Кровь приливаетъ и туманить зрѣнье.
Эй, Лепорелло! лошадей!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Бѣгу!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ ЖУАНА.

Зала окнами къ морю.

ДОНЪ ЖУАНЪ *(однѣ, пасмурный и недо-
вольный).*

Я побѣдилъ. Но удовлетворенья
Ожданнаго я не нахожу.
Она мнѣ отдала безъ сознанья;
Мнѣ помогли внезапность и располхъ;
Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этимъ сердцемъ!
Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣе подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье
Въ послѣднiя убѣжища тѣснить,

И гордую противницу мою.
 Самой ей къ изумленію, заставить
 Мнѣ сдѣлаться послушною рабою—
 Вотъ, гдѣ была бы цѣнность обладанья,
 Вотъ что побѣдой полной я бѣ называлъ!
 Нѣтъ, не доволенъ я собою. Много
 Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струны,
 И много темныхъ сердца тайниковъ
 Я не извѣдалъ. Но теперь ужь поздно!
 Надъ головой моей сверкаетъ мечъ
 И долженъ я Испанію покинуть!
 Утѣшусь тѣмъ, что я бѣ и въ этомъ сердцѣ
 Открытыя сдѣлать новаго не могъ.
 Жалѣть о неисчерпанной интригѣ
 Не все ль теперь равно, что сожалѣть
 О кой-какихъ мѣстахъ моей отчизны,
 Которыхъ я не посѣтилъ? Отчизна,
 И женщины, и цѣлый родъ людской
 Извѣстны мнѣ. Зачѣмъ же не могу я
 Воспоминаніе о донѣ Аннѣ
 На днѣ души моей похоронить
 Какъ и другія всѣ воспоминанья?

(Входитъ Боабдилъ, въ вооруженіи пирата.)

Но вотъ моей фелуки капитанъ.
 Послашаемъ, что онъ привезъ.

БОАБДИЛЬ.

Сеньйоръ,
 Исправно все. Къ отплытью мы готовы!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(осматривая его парадъ)*.

Вотъ такъ люблю тебя. Колпакъ и куртка,
 И абордажный на цѣпи топоръ,
 Узорные морскіе шаровары,
 И туфли на босую ногу. Bravo!
 Ты молодець, разбойникъ хоть куда!

БОАБДИЛЬ.

И хоть куда готовъ я васъ доставить,
 Лишь поскорѣй бы въ море намъ уйдти!

ДОНЪ ЖУАНЪ (*про себя*).

Вотъ этого сомнѣнія не мучать
И нѣтъ разлада въ немъ съ самимъ собой.
Мнѣ любопытно знать, какъ поступилъ бы
На мѣстѣ оны моемъ? Я постараясь
Вопросъ мой примѣнить къ его понятьямъ.

(*Къ Боабдилу:*)

Скажи мнѣ, Боабдилъ, тебѣ не жаль
Разстаться навсегда съ твоей отчизной?

БОАБДИЛЬ.

Сеньйоръ, весь этотъ андалусскій край
Былъ нашъ когда-то. Намъ принадлежалъ
Весь кругозоръ, что обнимаетъ око
Съ зубчатыхъ башень царственной Альгамбры.
Въ ту пору я быть-можетъ пожалѣлъ бы
О родинѣ, какъ о своемъ добрѣ;
Но нынѣ проку мало въ ней, и я
Давно пустые бросилъ предразсудки:
Я родиной считаю всякій край,
Гдѣ золото мнѣ сыплется въ карманы.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты судишь здраво. Съ этой точки зрѣнья
Твой образъ мыслей можно похвалить.
Но еслибы внезапно ты нашелъ
Несмѣтный кладъ, такихъ сокровищъ груду,
Какія, по преданію, лежатъ
Въ заваленныхъ подвалахъ подъ Альгамброй,
Что бы сдѣлалъ ты тогда?

БОАБДИЛЬ.

Сказать вамъ правду,
Нашедши кладъ, я разсудилъ бы тотчасъ,
Что большій кладъ еще найдти возможно,
И большій бы отыскивать я началъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ (*про себя*).

Я къ этому мошеннику не даромъ
Сочувствіе имѣлъ. Мы схожи правомъ,
Но въ клады я не вѣрю ужъ давно!
А странно, что досель я не могу

О ней не думать! Въ память глубоко
Слова и голосъ вѣзались ея,
И этотъ взглядъ испуганный, когда
Опомнилась она въ моихъ объятяхъ.
Безумный донъ Жуанъ! До коихъ поръ
Играть тобой воображенье будетъ!
Стыдись хоть Боабдила. Этотъ ищетъ
Что находить и добывать возможно—
А ты? Стыдись! тебя смущаетъ сомъ!

(Къ Боабдилу.)

Ты не забылъ различною одеждой,
На всякій случай, запастися? Намъ,
Я думаю, придется въ Барселонѣ
Дня два, или три, какогато прожить.

БОАБДИЛЬ.

Отъ капуцина и до пиккадора
Припасемы наряды всѣхъ сортовъ;
Лишь стоить ихъ доставить на фелуку.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я ночью сняться съ якоря намѣренъ,
Теперь же всѣхъ зову ко мнѣ на пиръ.

ЛЕПОРЕЛЛО (объезжая съ конемъ).

Сеньйоръ! Сеньйоръ! Дворецъ вашъ окружатъ
Со всѣхъ сторонъ святыя familiases!
Весь дворъ ужъ половъ стражи; всѣ ворота;
Всѣ двери ими заняты! Сейчасъ
Арестовать придетъ васъ ихъ начальникъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ого! Должно быть, донъ Йеронимо,
Тотъ новый членъ, котораго изъ Рима
Они въ Севилью ждуть, шутить не любятъ!
Мы ихъ принять готовы. Боабдиль,
Твои одежды намъ пришлось кстати:
Забавный мы затѣемъ маскарадъ.
Ты будешь капитанъ, который въ Кадиксъ
Йеронимо привезъ; ты жь, Лепорелло,
Ты—самъ Йеронимо. Смотрите жь, оба,
Я каждому его назначу роль.

ГАЛЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦѢ.

Боабдилъ и офицеръ стражи.

БОАБДИЛЬ.

Съ утра они въ моельнѣ заперлись.
 Я подходилъ на цыпочкахъ ко двери:
 Тамъ тихо все; порой лишь слышны вздохи,
 А иногда невнятное рыданье,
 Да увѣщанья честнаго отца.
 Должно быть донъ Жуанъ великій грѣшникъ!
 Во время рейса, донъ Йеронимо
 Мнѣ говорилъ, что у него отъ папы
 Инструкція особенная есть
 На счетъ сего еретика, Жуана.

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ его арестовать;
 Изъ устъ донъ-Йеронимо я долженъ
 О томъ услышать, какъ мнѣ поступить.

БОАБДИЛЬ.

Вы подождать должны, пока они,
 Свою бесѣду кончивъ, изъ моельни
 Къ намъ выйдутъ.

ОФИЦЕРЪ.

Извините, капитанъ,
 Отвѣтственность и служба мнѣ велеть
 Немедленно войти въ моельню. Мнѣ
 Не можно ждать!

БОАБДИЛЬ.

Я умываю руки.

(Офицеръ входитъ въ боковую дверь.)

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Лепорелло въ креслахъ, одѣтый доминиканцемъ. Передъ нимъ на кофляхъ донь Жуанъ. Входитъ офицеръ стражи.

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ, простите...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Это что такое?

Кто смѣетъ насъ въ молитвѣ прерывать?

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ отъ Sant'Officio
Арестовать Жуана де-Маранья.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Что? Теперь? При мнѣ? Ты знаешь ли,
Мошенникъ, я хотѣлъ сказать: мой сынъ,
Что я съ инструкціей отъ папы прислалъ
И самъ могу тебя арестовать?

ОФИЦЕРЪ.

Простите. Вотъ мандатъ мой! Я обязанъ
Вамъ предъявить комиссію мою.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Гдѣ твой мандатъ? Давай его сюда!

(Офицеръ подаетъ бумагу. Лепорелло ее раздираетъ.)

Вотъ твой мандатъ. И знай, что булла папы
Даетъ мнѣ власть Жуана де-Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и отъ грѣховъ очистить;
Знай, что сей самый грѣшникъ, донъ Жуанъ,
Котораго арестовать пришелъ ты,
Моихъ словесъ проникнулся елеемъ,
Отвергъ душой мірскую суету
И поступаетъ кающимся братомъ,
Въ Севилію, въ картозскій монастырь!
Не такъ ли, сынъ мой?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Такъ, отецъ мой, такъ!

Мнѣ мнръ постылъ, я быть хочу монахомъ;
Моей безпутной, невоздержной жизни
Позналъ я сквернь, и аячетъ безпредѣльно
Душа молитвъ, а тѣло власяницы!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ее ты примешь, сынъ мой, скоро примешь;
Тебѣ лишь испытанье предстоить—
И ты монахомъ будешь. Pax vobiscum!

(Къ офицеру:)

Ну что! Чего стоишь, розиня ротъ?
Ты этого не ожидалъ, безбожникъ?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Отецъ, отецъ! Скажи мнѣ лучше
Какъ исповѣдь ты нашу смѣлъ прервать?
Ты долженъ быть отъявленный еретикъ!
Распущены вы всѣ, я это вижу;
Но я васъ подтяну. Ты знаешь ли
Желѣзные ботинки? Пытку? Цѣпи?
Тюрьму? Костеръ? Проклятье церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Я виноватъ, что васъ прервалъ, но служба...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, ты скажи мнѣ, какъ ты не размыслилъ,
Что прерывать меня есть преступленье?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой, какъ я смѣю размышлять?
Начальству долженъ я повиноваться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

ОФИЦЕРЪ.

Священный трибуналъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ было прежде.

Но съ той поры, какъ я ступилъ на берегъ,
 Твое начальство я. Смотри мнѣ въ грудь
 И выражай лицомъ подобострастье,
 Довѣрье, благодарность и любовь.
 Что есть повиновенье? Отвѣчай!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновеніе, отецъ мой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновенье есть..

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не правда! Врешь!

Повиновеніе есть то, что если
 Я прикажу тебѣ плясать качучу,
 То долженъ ты ее плясать, пока...
 Пока я не скажу: довольно! Если жь
 Не хватитъ силъ твоихъ и ты умрешь,
 Ты долженъ умереть, а все плясать!
 Вотъ что повиновенье. Понимаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Ты смѣешь отвѣчать?

Эпитимью тебѣ! Эпитимью!

Бей каждый день сто пятьдесятъ поклоновъ,
 И на козлянахъ тридцать патерностровъ
 И пятьдесятъ читай Ave Maria!
 Ну что? Чего стоишь? Бѣги въ Севилью
 И объяви, что видѣлъ!

ОФИЦЕРЪ.

Мой отецъ
Мнѣ письменное нужно приказанье.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну да, конечно. Я бы посмотрѣлъ
Какъ ты посмѣлъ бы убѣжать отсюда
Безъ письменнаго приказанья!

(Къ донъ Жуану:)

Сынъ мой.

Встань, напиши сейчасъ къ святымъ отцамъ
Цедулу. Я подъ ней поставлю крестъ.
Его въ Севильѣ знаютъ, слава Богу!

(Донъ Жуанъ пишетъ и подаетъ бумагу Лепорелло, который ставитъ крестъ и передаетъ офицеру.)

Вотъ приказанье.. На ступай, да помни:
Двѣсти поклоновъ! Сорокъ патерностровъ!
И семьдесятъ Ave, Maria въ день!

*(Офицеръ кланяется и уходитъ.)*ДОНЪ ЖУАНЪ *(смотря ему въ слѣдъ).*

Ушелъ глупецъ. Счастливаго пути!
И всѣ она такого же покроя!
Онъ такъ привыкъ все слушаться начальства,
Что размышлять совсѣмъ уже отвыкъ.
Играть такимъ отродіемъ не трудно,
Лишь стоить подмѣнить начальство. Право,
Какъ вспомню я, что цѣлый родъ людской
Привычекъ служить, подъ привычкой гнется,
То стыдъ беретъ, на эту сволочь глядя,
Что къ ней и я принадлежу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Морозъ

Меня теперь по кожѣ подираетъ,
Когда я вспомню, чѣмъ я рисковалъ.
А славную мы выкинули штуку!
Ха, ха! Монахомъ будетъ донъ Жуанъ!
Пожалуй изъ монаховъ можно въ папы!

Сеньйоръ, когда вы сдѣлаетесь папой, 3
 Прошу и мнѣ пожаловать мѣстечко!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты былъ бы инквизиторомъ въ Севильѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И строгимъ инквизиторомъ, сеньйоръ!
 Иль думаете вы, я бѣ не сумѣлъ
 Безнравственность преслѣдовать и ересь?
 Пусть кто-нибудь осмѣлился бѣ при мнѣ
 Жену чужую соблазнить! Пусть слово
 Не въ пользу бѣ инквизициі сказалъ!
 Будь онъ хоть шепетунъ, будь онъ зѣрка,
 Мнѣ перваго довольно было бѣ слога
 Чтобъ остальные отгадать. Да что тутъ!
 Я мысль его узналъ бы по глазамъ,
 По шапкѣ, по походкѣ. Стой, братъ, шутить—
 И тотчасъ на костеръ! Мнѣ не учиться,
 Уловки всѣ я знаю наизусть,
 На все я въ вашей школѣ посмотрѣлся,
 Меня бѣ не проведи. А съ новымъ платьемъ
 И правила бѣ я новыя надѣлъ,
 Вы не узнали бы меня!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Не первымъ

И не послѣднимъ былъ бы ты. Однако
 Меня продѣлка эта развлекла,
 А то съ утра еще мнѣ было какъ-то
 Особенно и скучно и досадно.
 Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь
 И весело пробиться до конца!
 Эй, Лепорелло! Вѣсь чтобы дворець
 Былъ освѣщенъ, чтобъ музыка гремѣла
 И чтобъ вино всю ночь лилось рѣкой!
 Мы на разсвѣтъ поднимаемъ якорь!

НОЧЬ, ОТКРЫТАЯ ГАЛЛЕРЕЯ У МОРЯ.

Въ глубинѣ видны мачты фелуки. Великолѣпное освѣщеніе и музыка. За
убранными столами сидятъ пираты. Гости сходятся со всѣхъ сторонъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Всѣхъ звать ко мнѣ! Всѣ дорогіе гости!
Прощу моихъ сосѣдей веселиться
И быть какъ дома!

(Къ музыкантамъ:)

Эй, играть фанданго!

(Музыка и танцы.)

ДОНЪ ЖУАНЪ *(къ Боабдилу).*

Никто изъ крейсеровъ васъ не замѣтилъ?

БОАБДИЛЬ.

Никто, сеньйоръ. Мы подошли къ дворцу
Когда ужъ все стемнѣло. Эти псы
Подозрѣвать не могутъ ничего.
Имъ виденъ съ моря блескъ дворцовыхъ оконъ
И музыка веселая слышна;
А убѣжать готовятся не такъ,
Чья голова обречена на плаху!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чтобъ праздникъ нашъ и наше освѣщенье
Казались имъ еще великолѣпнѣй,
Передъ отплытьемъ я зажгу дворецъ.
Пусть это будетъ также утѣшеньемъ
Соотчичамъ моимъ, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпѣть,
Я вдалѣ плыву, и требуетъ учтивость
Спѣтъ что нибудь въ честь родины моей!

(Береть гитару, спрѣшиваетъ ее и поетъ, глядя на море.)

Мирно ночь благовонная
 Опустилась окрестъ,
 На излучины сонныя
 Смотрятъ тысячи звѣздъ;

Волнь влюбленныхъ лобзанія
 Раздаются кругомъ,
 Тихо дремлетъ Испанія
 Упоительнымъ сномъ!

Но невѣдко, прелестницу
 Покидая средь сна,
 Я измѣною лѣстницу
 Укрѣплялъ у окна.

Такъ и нашъ, о Испанія,
 Я кончаю союзъ,—
 И съ тобой, безъ прощанія,
 Навсегда расстаюсь!

ЛЕПОРЕЛЛО *(тайнственно къ донъ-Жуану).*

Сеньйоръ, два слова! Слова два, не болѣ!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(не обращая на него вниманія,
 переходитъ въ другой тонъ и
 продолжаетъ).*

То, что случилось мнѣ, того нѣтъ на яву!
 Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
 Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
 Смысла въ ней безпокойной душой не ищи,
 Но какъ камень, сорвавшись съ свистащей пращи,
 Такъ лети все впередъ, безъ оглядки!

Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
 Ужь я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
 Жизнь надеждой мою не украсу!
 Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
 Но за то я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
 Безполезно шипящую чашу!

ЛЕПОРЕЛЛО *(на ухо донъ Жуану).*

Сеньйоръ, здѣсь маскированная дама
 Желаетъ съ вами говорить!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Проси!

Люблю всегда я новыя знакомства.
Не много времени осталось мнѣ,
Но приключенье кстату на отъѣздѣ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Пожалуста, сеньѳоръ, поосторожниѳи!
Не забывайте, что у женъ мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтобъ женщины замужня всѣ были,
А всѣ бъ мущины были холостые!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Иди, болтунъ, проси ее сюда!

(Донна Анна подходитъ, въ маскѣ.)

ДОНЪ ЖУАНЪ *(идеть къ ней на встрѣчу).*

Сеньѳора, какъ я счастливъ...

ДОННА АННА *(снимая маску).*

Донъ-Жуанъ...

ДОНЪ ЖУАНЪ *(отступая).*

Вы? Вы? Возможно ль?

(Въ сторону.)

Какъ она блѣдна!

ДОННА АННА.

Я навсегда пришла проститься съ вами...
Услышьте умирающей слова...
Въ моей душѣ нѣтъ болѣе упрековъ,
Я васъ пришла предостеречь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньѳора...

ДОННА АННА.

Мой срокъ коротокъ... я должна спѣшить...
Послушайте внимательно меня:
Спасенья дверь для васъ еще открыта,

Но скоро будетъ поздно, донъ Жуанъ...
Я, передъ смертк, вижу вашу участь!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньѳора, что за рѣчи? И зачѣмъ
Вамъ безъ нужды о смерти помышлять?

ДОННА АННА.

Надѣюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, донъ Жуанъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньѳора,

Быть-можетъ васъ тревожатъ опасенья...
Но будьте безъ боязни. Честь моя
Велитъ мнѣ обо всемъ хранить молчанье,
А если бъ кто дерзнулъ подозрѣвать —
Его молчать заставить эта шпага!

ДОННА АННА.

Оставьте, донъ Жуанъ Такія рѣчи
Теперь ужь неумѣстны. Боже мой,
Какъ все мнѣ стало ясно и понятно!
Съ моихъ очей какъ будто спалъ туманъ,
И безъ труда я различаю нить
Запутанныхъ событій и дорогу,
Которой вы къ гибели пришли.
То, что случилось, и что скоро будетъ,
Теперь я разомъ обнимаю. Время,
Мнѣ кажется, исчезло для меня,
И вѣчность началась. Я ошибалась
Когда васъ обвиняла безпощадно;
Преступной жизни вашей, донъ Жуанъ,
Найдутся, я надѣюсь, объясненья,
Которыя смягчатъ Господень судъ,
Но вы спасетесь только покаяньемъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (про себя).

Она теперь вступила въ періодъ
Раскаянья и мыслей религиозныхъ!

Но какъ идти къ ней эти угрызенья!
 Исчезла гордость съ блѣднаго чела,
 И грусть на немъ явилась неземная...
 Вся набожно отдавшись Мадоннѣ,
 Она теперь не знаетъ и сама,
 Какъ живописно съ гребня кружевное
 Ей падаетъ на плечи покрывало...
 Нѣтъ, право, никогда еще досель
 Я не видалъ ея такой прекрасной!

ДОННА АННА.

Покайтесь, донъ Жуанъ! Еще не поздно!
 Я знаю что въ васъ вѣру погубило:
 Искали вы блаженства—есть оно!
 Но на землѣ гнались вы напрасно
 За тѣмъ, что только въ небѣ суждено.

ДОНЪ ЖУАНЪ (*про себя*).

Несчастливая вдалася въ мистицизмъ!
 Но взглядъ ея и голосъ музыкальный
 Предательски меня обворожаютъ...
 Не думалъ я вчера, какъ мы разстались,
 Что продолжится чувствъ моихъ обманъ!

ДОННА АННА.

О, если въ вашей жизни, донъ Жуанъ,
 Хоть что-нибудь вамъ было свято—или
 Кого-нибудь хоть разъ любили вы—
 О, донъ-Жуанъ, воспоминаемъ этимъ
 Я васъ молю!

ДОНЪ ЖУАНЪ (*про себя*).

Еще единый мигъ—

И я паду къ ея ногамъ. Разсудокъ
 Ужъ начинаю я терять. Нѣтъ, нѣтъ!
 Прочь глупый бредъ! Опомнись, донъ Жуанъ!

(Къ донни-Аннѣ:)

Осмѣлюсь ли вамъ предложить, сеньѳора,
 Участье въ нашемъ праздникѣ принять?

ДОННА АННА.

Несчастный! Ослабленный! Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!
Я ухожу... пора... я умираю...

(Уходитъ. Боабдилъ подходитъ къ донъ-Жуану.)

БОАБДИЛЪ.

Уже свѣтаетъ небо на востокѣ,
Намъ время плыть. Мы ждемъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(въ раздумьи)*.

Она сказала:

„Я умираю..“ Взоръ! Не можетъ быть!
Однако, если... если въ самомъ дѣлѣ
Она рѣшилась на самоубійство?

(Къ прислугѣ:)

Бѣжать за ней! Догнать ее сейчасъ!
Слѣдить за ней! Не выпускать изъ вида!

(Леопелло убѣгаетъ.)

БОАБДИЛЪ.

Пора, пора! Когда мы опоздаемъ,
Галеры всѣ погонятся за нами!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Зачѣмъ мое такъ больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

БОАБДИЛЪ *(топая ногой)*.

Скорѣй, сеньоръ! Мои матросы ропщутъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(опомнись)*.

Ступайте къ чорту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебѣ фелуку.

БОАБДИЛЪ.

Въ умѣ ли вы, сеньоръ? А инквизиція?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что мнѣ до инквизиціи, до смерти,
Когда, быть-можетъ, вправду я люблю!

БОАБДИЛЬ *(съ сторону):*

Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ. Съ нимъ погибать
Намъ не приходится.

(Къ пиратамъ:)

Эй, на фелуку!

*(Суматоха между пиратами. Гости рас-
ходятся, зала пустѣетъ.)*

ДОНЪ ЖУАНЪ *(съ сильномъ волненіи).*

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Какъ будто отъ ея послѣднихъ словъ
Отдернулась предо мной завѣса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она такъ ясно повторила,
Что хочеть умереть, во мнѣ какъ будто
Оборвалось что-то; словно я
Ударъ кинжаломъ въ сердце получилъ—
Еще доселѣ дается это чувство...
Что жъ это, если не любовь? Какимъ
Моя душа исполнилась волненьемъ?
Сомнѣнія исчезли безъ слѣда...
Я снова вѣрю какъ въ былые дни...
О, я съ ума сойду отъ счастья! Я...
О, Боже, Боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о донна Анна!
Ко мнѣ! Я твой! Ко мнѣ! Люблю, люблю!

*(Бѣжитъ и вдругъ останавливается какъ
вкопанный. Лампы гаснутъ. Входитъ ста-
туя командора.)*

СТАТУЯ.

Ты звалъ меня на ужинъ, донъ Жуанъ, —
Я здѣсь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Во снѣ ли я, иль на яву?

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Не можетъ быть! Неправда! Сонъ!
 Не онъ стоитъ изъ камня предо мной—
 Воображенье мнѣ на умъ приводитъ
 Убитаго отца! Прочь, призракъ! Прочь!

(Статуя стоитъ неподвижно. Молчаніе.)

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Спирается дыханіе... бьются жилы...
 Разсудокъ мой туманится...

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чу? То его ли вновь я слышалъ голосъ,
 Иль собственная мысль сказалась звучно?
 Въ ухахъ шумить... темнѣть зрѣнье... Прочь!
 Прочь! Пропусти меня! Гдѣ донна Анна?

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Гдѣ донна Анна?

СТАТУЯ.

Отравилась.

ДОНЪ ЖУАНЪ *(хватаясь за сердце)*.

О, что со мною?

СТАТУЯ.

Ты любилъ ее.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Остыла кровь и сердце холоднѣетъ!

СТАТУЯ.

Подумай о душѣ.

ДОНЪ ЖУАНЪ *(воспрянувъ отъ оуплененія).*

Смерть и проклятье!

Къ чему душа, когда любовь погибла!

Теперь мнѣ болѣ нечего терять—

И смерть и адъ на бой я вызываю!

*(Бросается со шпагой на статую. Шпага
ломается. Молчаніе.)*

СТАТУЯ.

Твой часъ пробилъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(въ отчаяніи).*

Любилъ я! Горе, горе!

Въ нее повѣривъ, я повѣрилъ въ Бога—

Но поздно! Все теперь погибло съ ней—

И затѣ прежнихъ эта злая шутка!

СТАТУЯ.

Въ послѣдній разъ, молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ *(въ блужденіи).*

Нѣтъ! Не хочу!

Клянусь молитву; рай, блаженство, душу—

И какъ въ безвѣрьи я не покорялся,

Такъ, вѣраціи, теперь не покорюсь!

СТАТУЯ *(дѣлая шагъ впередъ).*

Погибни жь, червь.

ДУХИ *(падаютъ съ неба).*

Назадъ, слѣпая сила!

Оставь того, кто вѣруетъ и любитъ!

САТАНА *(вырастаетъ изъ земли).*

Онъ мой! Отвергъ онъ покаянье!

Онъ богохульствуетъ! Онъ мой!

ДУХИ.

Его спасетъ любви сознанье,

Не конченъ путь его земной!

САТАНА.

Нѣтъ, это противъ договора!
 Ужь адъ надъ нимъ разинулъ пасть!
 Хватай его, статуя командора,
 Какъ исполнительная власть!

(Статуя стоитъ неподвижно.)

Межь двухъ начальствъ колеблется усердьё
 И преданность вдругъ чувствуетъ зазоръ?
 Хватай его, на зло землѣ и тверди—
 Иль провались, булыжный командоръ!

*(Статуя проваливается. Духи становятся между
 Сатаной и донъ-Жуаномъ, который падаетъ въ
 обморокъ. Сатана исчезаетъ.)*

ДУХИ.

Пути Творца необъяснимы,
 Его судьбъ таинственъ ходъ;
 Всю жизнь обманами водимый
 Теперь къ сознанию придетъ!
 Любовь есть сердца покаянье,
 Любовь есть вѣры ключъ живой,
 Его спасетъ любви сознанье,
 Не конченъ путь его земной!

(Исчезаютъ.)

У Т Р О.

Донъ-Жуанъ лежитъ на кровати безъ чувствъ. Лепорелло старается пр-
 вести его въ память.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньйоръ, очнитесь! Добрыя извѣстья!
 Очнитесь, сеньйоръ!

(Въ сторону:)

Съ чего вчера
 Онъ въ обморокъ упалъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ *(приходитъ въ себя).*

Тяжелый сонъ!

Ужасныя во мнѣ воспоминанья
Остались отъ него.

(Увидя Лепорелло.)

Ты здѣсь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, да,

Я съ вами, здѣсь, и радостную новость
Я вамъ принесъ: вопервыхъ, та галера....

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(вскочивъ съ кровати)*

Гдѣ дона Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО *(пожимая плечами).*

Ковчена исторья!

Близъ нашей виллы трупъ ея вапши—
Но слушайте извѣстiя, сеньѳоръ:
Вопервыхъ, та галера, на которой
Плылъ донъ Йеронимо, разбита бурей
И самъ онъ потонулъ; а вовторыхъ,
Всѣ члены Sant' Officio смѣнены.
На мѣсто ихъ назначены другiе,
И вашъ процессъ покамѣстъ прекращенъ.
Вы можете свое обдѣлать дѣло.
Да, да, сеньѳоръ, позвольте васъ поздравить!

ДОНЪ ЖУАНЪ *(въ изнеможении опускаясь
въ кресла).*

Она погибла. Это былъ не сонъ.
Изо всего, что въ эту ночь случилось,
Мнѣ ясно лишь одно; она погибла!
Все остальное, можетъ быть, мечта—
Но это правда!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Стоитъ ли, сеньѳоръ,
Такъ долго размышлять объ этомъ? Право,
Какъ будто это первый случай съ нами?

ДОНЪ ЖУАНЪ (съ раздумья).

Я мнилъ возстать какъ ангелъ-истребитель,
Войну хотѣлъ я жизни объявить—
И вмѣстѣ съ ложью, то что было чисто,
Свѣтло какъ день, какъ истина правдиво,
Въ безуміи ногами я попралъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жь дѣлать! Вы отыщете другую.
Отъ васъ зависитъ снова закутить!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Законъ вселенной—это равновѣсье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чѣмъ вознаградить что я разрушилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

На вашемъ мѣстѣ, я бѣ сейчасъ въ Севилью
Отправился, и прерванныя связи бѣ
Связалъ опять, да золота побольше
Разсыпалъ бы направо и налѣво!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Какъ я былъ слѣпъ! Какъ счастье было близко!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньйоръ, развеселитесь! Ей же Богу,
Я васъ не узнаю.

ДОНЪ ЖУАНЪ

Чѣмъ кончу я?

Искать любви мнѣ болѣ невозможно,
А жизни мстить я право потерялъ.
Убить себя? То было бы легко:
Несостоятельные должники
Выходятъ часто такъ изъ затрудненья;
Но этимъ долга выплатить нельзя—
Я долженъ жить. Я умереть не смѣю!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Храни насъ Богъ! Зачѣмъ намъ умирать!
Давайте жить, сеньйоръ, и веселиться!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я долженъ жить. И жаль, что слишкомъ скоро
 Меня избавитъ смерть отъ этой муки.
 О, еслибъ могъ я вѣчно, вѣчно жить!

ЛЕПОРЕЛЛО.

По крайней мѣрѣ сколько можно долѣ.
 Теперь, сеньйоръ, намъ нечего бояться!
 Теперь все трынъ-трава!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Оставь меня.

*(Лепорелло уходитъ; донъ Жуанъ облакачивается на
 столъ и закрываетъ лицо руками.)*

Э П И Л О Г ъ.

МОНАСТЫРЬ БЛИЗЪ СЕВИЛЬИ.

Престарѣлый настоятель сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ монахъ.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Какъ чувствуетъ себя больной?

МОНАХЪ.

Отецъ мой,

Все въ томъ же положеньи братъ Жуанъ:

Болѣзни въ немъ совсѣмъ почти не видно,
Но съ каждымъ часомъ пульсъ его слабѣй.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Душевная болѣзнь его свѣдаетъ.
Раскаянья такого постоянство
Высокій есть для братіи примѣръ.
До сей поры онъ ходитъ въ власяницѣ,
Ни разу онъ не снялъ своихъ веригъ.
Я не видалъ подобнаго смиренья!

МОНАХЪ.

Вчера къ себѣ онъ призывалъ всю братью
У каждаго прощенье онъ просилъ,
И каялся въ грѣхахъ передо всѣми.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Намъ исповѣдь его давно извѣстна:
Владѣла имъ когда-то суета,
Шептала на ухо мірская прелесть,
И нашптала много грѣшныхъ дѣлъ.
Но онъ ужь ихъ загладилъ покаяньемъ,
А все еще покоя нѣтъ ему!
Доселѣ все не хочетъ онъ постричься—
Достойнымъ не находитъ онъ себя.

МОНАХЪ.

Своей онъ смерти чувствуетъ приближенье
И насъ просилъ въ послѣднюю службу,
Похоронить его на томъ кладбищѣ,
Гдѣ тѣло командора донъ-Альвара,
Убитаго имъ нѣкогда, лежитъ,
И гдѣ потомъ была погребена
Дочь командора, донна Анна.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Это

Съ уставомъ нашимъ было бѣ несогласно.
У насъ для братій общее кладбище;
Особеннаго мѣста выбирать
Никто себѣ не воленъ. Впрочемъ, онъ

Не произнесъ послѣдняго обѣта,
И въ этомъ смыслѣ есть еще мірянинъ.
Да сбудется его желанье.

Входитъ ДРУГОЙ МОНАХЪ.

Отче,
Пожалуй въ келью, братъ Жуанъ отходить!

*льшино протяжное пѣніе. Входятъ, попарно, братія съ
жженными свѣчами.)*

БРАТІЯ.

Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно имущая насъ,
Смерть приходитъ, неизбежная,
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо было Недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!

НАСТОЯТЕЛЬ (*вставая*).

Подайте мнѣ мой посохъ. И сказать
Чтобы въ отходный колоколъ звонили.

БРАТІЯ.

Въ это страшное мгновеніе
Ты услышь его, Господь!
Дай ему успокоеніе,
Дай послѣднее мученіе
Упованьемъ побороть!
Мысли прежнія, крамольныя,
Обращенному прости,
Отыми земное, дольное,
Дай успеніе безбольное,
И не вольное и больное
Прегрѣшенье отпусти!

(Раздаются мѣрные удары отходнаго колокола.)

БРАТІЯ.

Мы моленіе соборное
Нынѣ шлемъ къ тебѣ, Господь:
Въ жизни долго непокорная,
Скоро прахомъ будетъ плоть,
Въ дни былые дерзновеннаго
Скоро кончится борьба;
Ты жь помилуй сокрушеннаго,
Нынѣ вѣрою смиреннаго,
Въ вѣчной міръ отъ міра брвеннаго
Отходящаго раба!

*(Процессія уходитъ, попарно, вслѣдъ за настоятелемъ. Слыши
постепенно удаляющееся пѣніе, сопровождаемое колокольнымъ
звономъ.)*

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА ¹

---

3. Осадочныя формациі кавказскихъ странъ.

Изъ всего, что сказано выше, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Кавказскія страны подняты различными плутоническими и вулканическими породами. Но когда же это было? Къ какимъ періодамъ въ исторію земли относятся эти многократно повторявшіеся перевороты?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны перенестись въ область явленій, совершенно противоположную той, какую рассматривали въ предыдущей главѣ. Тамъ мы были, такъ сказать, въ царствѣ Плутона, говорили объ огневыхъ произведеніяхъ Кавказа, а теперь переходимъ въ царство Нептуна, то-есть къ морямъ, которыя покрывали нѣкогда Кавказскую страну, и оставили послѣ себя различныя формациі. Дѣйствительно, вопросы нами предложенные, болѣе или менѣе приблизительно, могутъ быть рѣшены не иначе, какъ изслѣдованіемъ кавказскихъ осадочныхъ формаций, взаимнаго ихъ отношенія, и особенно тѣхъ растеній и животныхъ, которыя встрѣчаются въ этихъ формацияхъ, и были свидѣтелями ихъ образованія. Каждая осадочная формациа почитается представительницею какого-либо извѣстнаго переворота или извѣстнаго періода въ исторіи земли.

По нынѣшнимъ понятіямъ, земную кору составляютъ

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 2 и 3.

тринадцать формаций, выражающихъ собою столько же главныхъ периодовъ ея образованія. Начиная съ самой нижней или самой древней изъ этихъ формаций, онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: *кембрійская, силурская, девонская, каменноугольная, пермская, триасовая, юрская, меловая, эоценовая, миоценовая, плиоценовая, дилувіальная и аллувіальная* или нынѣшняя. Само-собою разумѣется, что на земномъ шарѣ не можетъ быть такой страны, которая бы равно участвовала во всѣхъ его переворотахъ, и потому ни одна страна не представляетъ всѣхъ исчисленныхъ нами формаций; напротивъ, каждая состоитъ только изъ нѣсколькихъ формаций, указывающихъ именно на тѣ перевороты, при которыхъ она находилась подъ водою, и слѣдовательно была покрыта силурскимъ, меловымъ или другимъ какимъ-либо моремъ.

Какія же моря покрывали нѣкогда нынѣшнюю Кавказскую страну, или, другими словами, какія формации изъ всѣхъ выше исчисленныхъ участвуютъ въ образованіи Кавказа? Въ образованіи его, по изслѣдованіямъ Абиха, участвуютъ только слѣдующія формации: *девонская, каменноугольная, юрская, меловая, эоценовая, миоценовая, дилувіальная и аллувіальная*.

Итакъ изъ числа самыхъ древнихъ формаций въ Кавказскихъ странахъ находятся двѣ: *девонская* и *каменноугольная* или собственно *горноизвестняковая*, составляющая только часть каменноугольной. Впрочемъ, и эти формации принадлежатъ не всемъ странамъ, лежащимъ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, но, сколько донынѣ известно, ограничиваются однимъ Закавказьемъ. Значитъ, въ то время, когда Закавказье было залито девонскимъ и горноизвестняковымъ морями, самый Кавказъ составлялъ материкъ или сушу, и слѣдовательно не участвовалъ въ формаціяхъ, которыя были произведеніемъ этихъ морей.

Въ Закавказьѣ, то-есть въ горахъ Грузіи и Арменіи, обѣ означенныя формации состоятъ изъ діорито-афанитовыхъ сланцевъ, порфировыхъ конгломератовъ, кварцевыхъ песчаниковъ, особенно же темносѣрыхъ, смолистыхъ и отчасти зернистокристаллическихъ известняковъ, — породы, которыя образуютъ тамъ огромную систему слоевъ, и заключаютъ въ себѣ такія ископаемыя, которыя считаются отличительными для девонскихъ и горноизвестняковыхъ морей. Всѣ исчисленныя породы имѣютъ между собою

согласное пластование, — признакъ того, что въ промежуткѣ между тою и другою формацией ни въ Грузіи, ни въ Арменіи не было никакого значительнаго переворота. По той же причинѣ онѣ не имѣютъ тамъ и большаго орографическаго значенія. По изслѣдованіямъ Абиха, обѣ формации преимущественно развиты къ югу отъ Арарата. Протягиваясь по равнинѣ Аракса, онѣ подходятъ къ Даралагезу, и скрываются тамъ подъ мѣловыми и другими болѣе новыми формациями. Въ такомъ же отношеніи находятся онѣ въ ущелии Аракса, между Абасъ-Абадомъ и Джульфи. По правую сторону той же рѣки девонская и горноизвестняковая формации составляютъ основаніе сѣвернаго Ирана ¹. Повидимому, онѣ участвуютъ и въ образованіи горной цѣпи Загросъ, составляющей западную границу Ирана ².

Оба моря, девонское и горноизвестняковое, занимали въ Закавказскихъ странахъ такое же обширное пространство, какое и въ Европейской Россіи, особенно въ сѣверо-западной ея части. Но тамъ, по всей вѣроятности, онѣ находились съ покойномъ состояніи, и потому заключали въ себѣ гораздо большее количество животныхъ, нежели какое встрѣчается въ Закавказьи. Тамошняя девонская формация, по количеству и по самому свойству ископаемыхъ, не столько походитъ на такую же формацию Европейской Россіи, сколько на ту, которая находится въ Девонширѣ, и въ Германіи, въ Прирейнскихъ областяхъ. Что же касается до другой кавказской формации, то она болѣе похожа на горный известнякъ Европейской Россіи ³. Есть однако между ними и значительная разница. Русскій горный известнякъ составляютъ два яруса, различающіеся между собою положеніемъ и нѣкоторыми отличительными ископаемыми. Напротивъ, кавказскій горный известнякъ, судя по свойству ископаемыхъ, долженъ состоять только изъ одного яруса, именно верхняго. Это отчасти подтверждается и отсутствіемъ въ немъ каменнаго угля, постоянно встрѣчающаго у насъ въ нижнемъ ярусѣ.

Въ образованіе Кавказской цѣпи, какъ замѣчено выше,

¹ Воскобойниковъ, въ *Горн. Журн.* 1846. Томъ II. стр. 171.

² Kennet Loftus, въ *Vergleich. geologische Grundzüge, von Abich.* 78 (438).

³ См. ниже Дополн. 3.

не входятъ ни девонская формація, ни горный известнякъ. Значить, самую древнюю изъ тамошнихъ формацій должна быть юрская, мѣловая, или другая какаа-либо, но какаа именно?

Такою формаціей Дюбуа почиталъ ту, которая занимаетъ самую вершинную область Кавказа, почти на протяженіи семи градусовъ долготы. На картѣ его она покрыта краской, которая означаетъ *сланцы и песчаники болѣе древніе чѣмъ юрская формація* (schistes et grès plus anciens que la formation jurassique) ¹. Мурчисонъ ту же формацію распространилъ на всю Дагестанскую половину хребта, далѣе меридіана Шумахи, и все это пространство, обнимающее девять градусовъ долготы, обозначилъ краской, изображающею *кристаллическія породы и метаморфическіе сланцы* (metamorphic rocks ²). То же пространство на картѣ Дюмона занято *нижнею девонскою формаціей* (dévonien inférieur) ³. Итакъ Дюбуа не опредѣлилъ относительной древности кристаллическихъ породъ составляющихъ вершинную область Кавказа; онъ почитаетъ ихъ только болѣе древними чѣмъ юрскія. Мурчисонъ тѣ же породы называетъ метаморфическими, то-есть такими, которыя произошли изъ осадочныхъ породъ, подвергшихся плутоическому вліянію, но какихъ именно, неизвѣстно. Одинъ Дюмонъ положительно отнесъ ихъ къ нижней девонской формаціи. Но дѣйствительно ли онъ составляютъ эту формацію? Рѣшеніемъ этого вопроса мы обязаны изслѣдованіямъ Абиха.

Главная ошибка всѣхъ вышеозначенныхъ картъ, по мнѣнію Абиха, состоитъ въ томъ, что Дюбуа, Мурчисонъ и Дюмонъ всю вершинную область Кавказа почитали одинаково образованною, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она представляетъ совсѣмъ другое. Сѣверозападная половина Кавказа нисколько не походитъ на юговосточную, ни въ геологическомъ, ни въ морфологическомъ отношеніи. Эту противоположность особенно хорошо можно видѣть съ сѣверной стороны Кавказа. Тутъ онъ видимо состоитъ изъ двухъ полушарій, представляющихъ весьма неодинаковыя

¹ Carte générale géologique des systemes caucasiens et tauriques, 1832—33.

² Geological map of Europe, 1856.

³ Carte géologique de l'Europe, 1857

размѣры. Для меньшаго изъ этихъ полушарій центромъ служитъ Эльбрусъ, а для бѣльшаго самая середина Дагестана. Наименьшая ширина сѣвернаго Кавказскаго склона находится между означенными полушаріями, и можетъ быть опредѣлена разстояніемъ отъ Владикавказа до перевала Гудь-горы, позади Куби. Если это разстояніе примемъ за единицу, и сравнимъ его съ одной стороны съ разстояніемъ отъ Эльбруса до Бештау, а съ другой отъ крѣпости Кодори на Кавказскомъ гребнѣ до Чиръ-юрта на Сулакѣ, то три означенныя разстоянія получаютъ слѣдующее выраженіе: 1: 2: 2, 5. Оба полушарія имѣютъ почти одинаково-плоскіе склоны; напротивъ, та часть Кавказа, которая находится между ними, представляетъ настоящій альпійскій характеръ, съ огромными обрывами; мы разумѣемъ поперечныя долины Терека и Арагвы, лежація одна противъ другой, и соединяющіяся между собою переваломъ, самымъ доступнымъ изъ всѣхъ находящихся на Кавказѣ.

Первоначальная выпуклость сѣверозападнаго Кавказа состоитъ по преимуществу изъ гранитовъ, вмѣстѣ съ кристаллическими сланцами, порфирами и другими эруптивными породами, вѣроятно образовавшимися въ различныя эпохи. Эта выпуклость служитъ основаніемъ не только для тамошнихъ высочайшихъ пиковъ, но и для всѣхъ осадочныхъ формацій, покрывающихъ склоны Кавказа. Она собственно обуславливаетъ ихъ альпійскій характеръ, тѣ обширныя и котлообразныя долины, о которыхъ мы говорили выше, и которыя такъ благоприятны для образованія ледниковъ съ сѣверной и съ южной стороны хребта. Но такой ли характеръ имѣетъ юго-восточная или дагестанская половина Кавказа? Напротивъ, она какъ бы опустилась сравнительно съ другою половиною, и раздѣлена по двумъ главнымъ направленіямъ глубокими, взаимно пересѣкающимися долинами. Въ образованіи Дагестанскаго Кавказа кристаллическія породы почти нисколько не участвуютъ. Онъ состоитъ обыкновенно изъ мергелей, известняковъ, песчаниковъ, конгломератовъ,—породъ, которыя имѣютъ несомнѣнное осадочное происхожденіе. Съ этимъ вмѣстѣ въ юго-восточной половинѣ Кавказа нѣтъ и настоящей альпійской природы, нѣтъ тѣхъ формъ, какія необходимы для образованія обширныхъ ледниковъ.

Но не замѣчается ли какого-либо отношенія между этими осадочными породами и тѣми кристаллическими сланцами, которые принадлежатъ сѣверо-западной половинѣ Кавказа? По изслѣдованіямъ Абиха, онѣ такъ тѣсно связаны между собою, что необходимо должны составлять одну формацію, съ тѣмъ различіемъ, что въ дагестанскомъ Кавказѣ она осталась въ своемъ нормальномъ состояніи, а въ Эльбрусскомъ подверглась вліянію эруптивныхъ породъ, и метаморфизировалась или измѣнила свой прежній характеръ. По опредѣленію Абиха, всю вершинную область Кавказа занимаетъ одна формація, именно юрская, самая обыкновенная на европейскомъ континентѣ, и самая отличительная по своимъ ископаемымъ. Сокращенно эту формацію называютъ *юрою*.

Въ сѣверо-западной части Кавказа, юрская формація или юра, кромѣ вершинной области, образуетъ еще Бечесанское плоскогорье. Сѣверную подошву Эльбруса до горной цѣпи, называемой Ташли-Сыртъ, составляютъ кристаллическіе сланцы, имѣющіе значеніе метаморфизированной юры; ниже Ташли-Сырты, та же формація, не подвергавшаяся эруптивному вліянію, оказывается уже настоящею осадочною. Въ этомъ видѣ она образуетъ три обширные уступа, составляющіе верхнюю половину Бечесанскаго плоскогорья. По свойству ископаемыхъ, она всего болѣе походитъ на германскую юру, именно на ту, которая, начавшись близъ Шафгаузена, тянется длиною полосой чрезъ Швабію и Франконію до Бамберга и Байрейта. Слѣдуя номенклатурѣ нѣмецкихъ геологовъ, швабская и франконская юра состоятъ изъ трехъ ярусовъ, *черной, бурой и бѣлой юры*. Бечесанская формація, по сравненію съ ними, должна состоять только изъ двухъ ярусовъ, именно изъ *бурой и бѣлой юры*. По номенклатурѣ англійскихъ геологовъ, бурая юра соотвѣтствуетъ *нижней оксфордской формаціи*, а бѣлая—*коралловому известняку*, вмѣстѣ съ *портландскою формаціей* ¹.

Юра дагестанской половины Кавказа, повидимому, имѣетъ такой же характеръ, какъ Бечесанская. Но что касается до юры, находящейся на южной сторонѣ Кавказа,

¹ См. Дополн. 4.

именно той, которая обращена къ Черному морю, то нельзя сказать навѣрное, въ какой степени она похожа на ту или другую изъ предыдущихъ формаций. Въ этой части Кавказа такъ много плутологическихъ измѣненій, что опредѣленіе породъ становится чрезвычайно затруднительнымъ. Есть однако и тамъ нѣсколько мѣстностей, которыя несомнѣнно относятся къ юрской системѣ, но такой, которая, повидимому, должна состоять изъ *черной юры* или *лейяса*, *бурой юры* и, быть-можетъ, изъ такъ-называемой *узльдекой формации*, самой верхней изъ числа юрскихъ, и встрѣчающейся вообще чрезвычайно рѣдко. Изъ такихъ мѣстностей, по изслѣдованіямъ Абиха, особенное вниманіе заслуживаютъ слѣдующія: 1) близъ Корта, недалеко отъ Опи, въ Ричинскомъ округѣ, и 2) въ округѣ Окриба, близъ селенія Тквирбуль, въ Имеретіи¹.

Будущимъ изслѣдованіямъ предоставляется рѣшить, дѣйствительно ли находятся тутъ тѣ самыя формации, на которыя указываетъ Абихъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что юрская формация въ Кавказскихъ горахъ есть самая древняя; она прежде другихъ была выдвинута наружу. Событіе это, по всѣмъ соображеніямъ, должно относиться къ тому перевороту, который положилъ начало Кавказской цѣпи, и поднялъ ее на нѣсколько тысячъ футовъ. По мнѣнію Дюбуа, онъ произведенъ гранитами.

Весьма замѣчательно, что въ Грузино-армянскихъ горахъ нѣтъ юрской формации, подобно тому, какъ въ Кавказской цѣпи нѣтъ ни девонской, ни горно-известняковой. Но всѣ другія формации, которыя мы будемъ описывать, равно принадлежать и Кавказу, и Закавказью.

Послѣ юрскаго поднятія Кавказской цѣпи, моря, омывавшія его подошву по ту и по другую сторону, измѣнили свой характеръ, и въ теченіи времени образовали *мѣловую* формацию.

Въ Кавказскихъ странахъ эта формация чрезвычайно замѣчательна, вопервыхъ, своею обширностію, вовторыхъ, тѣмъ что представляетъ два совершенно различные характера, смотря потому, принадлежитъ ли она сѣверной сторонѣ Кавказа, или южной и всему Закавказью. Южная

¹ См. Дополн. 5 и 6.

мѣловая формація, особенно въ Грузинскихъ и Армянскихъ горахъ, прежде всего поражаетъ множествомъ измененийъ, произведенныхъ въ ней паутоическими процессами. Дѣйствительно, тамошнія мѣловые горы, по изслѣдованіямъ Абиха, представляютъ множество трещинъ, которыя наполнены фельзитовыми, лабрадоровыми, либо олигоклазовыми порфирами, и сопровождаются такимъ же множествомъ обломковъ, превратившихся въ конгломераты, песчаники и глины или мергели. Эти обломочныя породы, по свойству своему, водоогневаго происхожденія, и должны были образоваться въ одно время съ порфиоровыми изверженіями. Въ отличіе отъ другихъ обломочныхъ породъ, имѣющихъ настоящее водяное происхожденіе, Абихъ называетъ ихъ *обломочнопорфировою формаціей* (Trümmerporphyrbildung), и увѣренъ, что эта формація есть слѣдствіе многихъ переворотовъ, которые происходили не только въ теченіе всего мѣловаго періода, но даже во время отложенія такъ-называемой нуммулитовой формаціи, болѣе новой сравнительно съ мѣловою. Образование большей части рудъ въ Армянскихъ горахъ Абихъ также относитъ къ мѣловому періоду, или ко времени изверженія порфиоровъ, и происхожденія обломочнопорфировой формаціи. Кавказскій хребетъ относительно мѣловой формаціи, представляетъ совершенную противоположность съ Грузино-армянскими горами, и поражаетъ уже не переворотами, а тѣмъ спокойствіемъ, какое должно было господствовать въ тамошнихъ странахъ въ продолженіе всего мѣловаго періода.

Другое различіе между сѣвornoю и южною мѣловою формаціей заключается въ ихъ органической фізіономіи, — доказательство того, что условія, при которыхъ онѣ осаждались, были весьма неодинаковы по ту и по другую сторону Кавказа. Между ними была такая же разница, какая замѣчается между сѣвornoю и южною половиною Европы. Въ настоящее время очень хорошо извѣстно, что мѣловыя формаціи, принадлежація Англіи, Бельгіи, сѣвornoй части Франціи и Германіи, и наконецъ Россіи, исключая Крыма, имѣютъ совершенно особенный характеръ отъ тѣхъ формаціи, которыя находятся въ южной Европѣ, или въ странахъ, примыкающихъ къ Средиземному морю, наконецъ въ Крыму и Малой Азіи. Точно такое же раздѣленіе мѣловыхъ формаціи мы находимъ и въ кавказскихъ

странахъ. На сѣверной сторонѣ Кавказской цѣпи она имѣетъ одинаковый характеръ съ сѣверно-европейскими формаціями, а на южной—съ южноевропейскими. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ порознь.

Сѣверная мѣловая формація имѣетъ чрезвычайное развитіе, и простирается, повидимому безъ перерыва, отъ Эльбруса до Каспійскаго моря. Она заключаетъ множество ископаемыхъ, хорошо сохранившихся, и совершенно одинаковыхъ съ тѣми, которыми характеризуются мѣловые формаціи Англіи и Европейской Россіи. Но нигдѣ нельзя наблюдать эти ископаемыя въ такой правильной послѣдовательности, какъ въ нижней половинѣ Бечесанскаго плоскогорья, именно по теченію Подкумка, отъ Кисловодска къ Эссентукамъ. Въ этомъ промежуткѣ мѣловые ярусы расположены правильными уступами, выходящими одинъ изъ-подъ другаго, и весьма удобны для наблюденія ¹. Мѣловая формація, лежащая на южной сторонѣ Кавказа, кромѣ общаго сходства съ южно-европейскими, представляетъ еще ту особенность, что болѣе походить на формацію, принадлежащую западнымъ Швейцарскимъ Альпамъ; въ Армянскихъ горахъ, напротивъ, она болѣе похожа на формацію восточныхъ Альповъ ². Нельзя не замѣтить еще одного обстоятельства: мѣловая формація, принадлежащая южному склону Кавказа, по одну сторону Мескинскаго хребта имѣетъ характеръ нѣсколько особенный отъ той, которая лежитъ по другую сторону хребта. Не значитъ ли это, что и въ то время, которое мы описываемъ, Мескинскій хребетъ составлялъ такую же грань между Грузіей и Имеретіей, какою составляетъ теперь?

По всему видно, что въ мѣловой періодъ Кавказскій хребетъ былъ поднятъ еще выше различными порфировыми изверженіями, и стоялъ огромною стѣной между сѣверными и южными морями, омывавшими его подошву. Такое положеніе необходимо должно было содѣйствовать различію климатовъ, и быть причиною тѣхъ органическихъ измѣненій, о которыхъ мы говорили. Въ послѣдствіи эти различія достигли еще высшей степени. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ такъ-называемыя *третичныя* формаціи,

¹ См. Дополн. 7.

² См. Дополн. 8.

образовавшіяся тамъ послѣ мѣловыхъ. Подъ этимъ названіемъ мы разумѣемъ собственно двѣ формации: *эоценовую* и *миоценовую*. Обѣ означенныя формации, и особенно первая, въ Грузіи и Арменіи имѣютъ одинъ характеръ, а въ кавказской цѣпи другой. Это опять повтореніе того, что замѣчается во всей Европѣ, и тамъ сѣверныя эоценовыя формации значительно разнятся отъ южныхъ. Послѣднія заключаютъ въ себѣ чрезвычайное множество животныхъ остатковъ, называемыхъ *нуммулитами*, остатковъ, которые, напротивъ, очень рѣдко встрѣчаются въ сѣверныхъ эоценовыхъ формаціяхъ. Нуммулитовое образованіе принадлежитъ вообще къ числу самыхъ замѣчательныхъ, по органическому характеру, и особенно по своей обширности. Его можно преслѣдовать почти непрерывно во всѣхъ странахъ, примыкающихъ съ обѣихъ сторонъ къ Средиземному морю, потомъ въ Малой Азіи, Крыму, въ Закавказьѣ, наконецъ чрезъ Персію и Индію до границъ Китая. Очевидно, нуммулитовое море составляло какъ бы грань между сѣвальною и южною половиною всего Старога Свѣта. Закавказье было только небольшою частью этого обширнѣйшаго моря.

При изслѣдованіяхъ нуммулитовой формации въ Грузіи и Арменіи, прежде всего бросается въ глаза несогласное пластованіе ея съ мѣловыми породами. Ясное доказательство, что нуммулитовая формация отдѣлена отъ мѣловой значительнымъ переворотомъ, и стало-быть должна отноестся къ особому періоду. Столь же положительно доказывается это и остатками органической жизни; вмѣсто мѣловыхъ ископаемыхъ тутъ находятся эоценовыя раковины и множество нуммулитовъ. Въ Арменіи эта фауна имѣетъ еще ту особенность, что почти съ каждою мѣстностью измѣняется, и вслѣдствіе этого представляетъ множество частныхъ *физиономій* (*facies*). Эти различія видимо зависѣли оттого, что однѣ мѣстности подвергались бѣльшему, а другія меньшему вліянію порфировыхъ изверженій.

Кромѣ Грузинскихъ и Армянскихъ горъ, нуммулитовая формация входитъ еще въ образованіе южнаго Кавказскаго склона, на всемъ протяженіи отъ Лечгумъ до рѣчныхъ

¹ См. Дополн. 9.

долинъ Алазани и Юры. Но въ самой юговосточной половинѣ Кавказа Абихъ нигдѣ не находилъ этой формациі. Впрочемъ, и въ той полосѣ, которую мы обозначили, нуммулитовыя породы не вездѣ одинаковы: Мескинскій хребтъ разграничиваетъ ихъ точно такимъ же образомъ, какъ разграничивалъ онъ нѣкогда мѣловую формацию ¹:

На сѣверной сторонѣ Кавказа нѣтъ нуммулитовой формациі. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы тамъ вовсе не было эоценовыхъ образованій, напротивъ, на сѣверной сторонѣ хребта они являются весьма обширными и могучими слоями, но не заключаютъ въ себѣ нуммулитовъ. Къ такимъ образованіямъ Абихъ относитъ всѣ осадки, которые покрываютъ мѣловую формацию между Тереконъ и Кубанью и на сѣверной сторонѣ Дагестана.

Къ концу эоценоваго періода въ Кавказскихъ странахъ долженъ былъ произойти новый геологическій переворотъ, обусловившій образованіе такъ-называемой *миоценовой* формациі (terrain falunien, D'Orb.)

На Кавказѣ и въ Закавказьѣ эта формациія представляетъ еще болѣе интереса, чѣмъ эоценовая или нуммулитовая, потому что заключаетъ въ себѣ огромныя массы каменной соли. Это послѣднее обстоятельство преимущественно относится къ Арменіи, обладающей обширными разработками каменной соли около Нахичевана, Кульпи и Кагисмаля. Такую же формацию, кромѣ собственной Арменіи, Абихъ наблюдалъ въ горахъ Даралагеза, въ бассейнѣ соленого озера Урміа, около Маку, Каракалисса, Баязида, и близъ Ашкала на плоскогорьѣ Эрзерума. Во всѣхъ означенныхъ странахъ верхнюю часть миоценовой формациі составляютъ мергели и песчаники, съ заключающимися въ нихъ гипсомъ и каменною солью, а нижнюю—известнякъ, съ такими же ископаемыми, какія находятся въ Арменіи. Въ Грузіи и Имеретіи этого известняка не замѣчено. Тамонная миоценовая формациія по преимуществу состоитъ изъ песчаниковъ, нагельфлю и молассовъ, и заключаетъ въ себѣ ископаемыя, очень сходныя съ тѣми, которыя принадлежатъ третичной формациі Волыни и Подоліи, и подробно описаны Дюбуа и Эйхвальдомъ ². Ими

¹ См. Дополн. 10.

² E. Eichwald, *Naturhistorische Skizze von Lithauen, Vothynien und Podolien*. Wilna, 1830.

же указано было и на сходство этихъ ископаемыхъ съ грузино-имеретинскими. Весьма замѣчательно, что миоценовая формація Грузии и Имерети ограничивается одними только низменностями, и нигдѣ не подымается въ тамошнія нагорныя долины. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что та же формація на южной сторонѣ Кавказа распределена совершенно иначе. Тамъ, напротивъ, она проникаетъ въ самыя верхнія долины, каковы Осетинскія, а въ округѣ Джави восходитъ даже до 5.093 фут. абсолютной высоты. По другую сторону Мескинского хребта, миоценовая формація занимаетъ обширныя долины Ріона и Игура, въ Рача и Высокой Сванети. Наибольшая высота тамошняго миоценоваго образованія, по измѣренію Абиха, простирается отъ 3.500 до 3.800 англ. фут. На сѣверной сторонѣ Кавказа, особенно въ его западной половинѣ, миоценовая формація опять спускается къ подошвѣ хребта. Эльбрусь какъ бы отодвинулъ ее далеко къ сѣверу; близъ Эссентуковъ, составляющихъ самую сѣверную окраину Бечесанской возвышенности, миоценовыя образованія едва восходятъ до высоты 2.600 фут. На Темнолѣско-Ставропольскомъ плоскогорьѣ они представляютъ огромную массу. Еще въ недавнее время полагали, что это плоскогорье, имѣющее 2500 ф. наибольшей высоты, все состоитъ изъ дилувіальныхъ или такъ-называемыхъ арало-каспійскихъ осадковъ, но Абихъ доказалъ совсѣмъ противное; Темнолѣско-Ставропольское плоскогорье составляютъ однѣ миоценовыя породы, а арало-каспійскія показываются только при самомъ окончаніи этого плоскогорья, далеко на сѣверъ отъ Ставрополя. Въ Дагестанскомъ Кавказѣ миоценовая формація также представляетъ весьма могучее развитіе, и особенно въ Табасаранѣ. Ее повсюду можно узнать по множеству встрѣчающихся тутъ раковинъ *Mastra ponderosa* и *Mastra biangulata*. Тутъ же, именно въ системѣ Шахъ-дахъ, она подымается на чрезвычайную высоту, до какой не достигаетъ ни въ одной части Кавказа,—на высоту 7170 англ. ф. Ближе къ морю, та же формація состоитъ изъ известняка, который весьма похожъ на дилувіальный или арало-каспійскій, но отличается отъ него особеннымъ органическимъ характеромъ. На всемъ протяженіи отъ Дербента до Петровской крѣпости, Абихъ находилъ въ немъ остатки раковины *Mastra*, весьма большихъ и имѣющихъ ближайшее сходство съ *Mastra*

deltoïdes Dub. Тотъ же видъ, вмѣстѣ съ *Mastra truchmena* или *M. caspica* Eichw., по свидѣтельству Абиха, находится въ мраморовидномъ степномъ известнякѣ, который лежитъ по теченію Кумы, въ 30 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Ставрополя. Очевидно, этотъ известнякъ также долженъ относиться къ миоценовой формациі, а не къ дилувіальной или арало-каспійской, какъ прежде думали. *Mastra deltoïdes*, оказывающаяся столь характеристическою для прикаспійскаго известняка, получаетъ еще большій интересъ, если припомнимъ, что такой же известнякъ находится на всемъ протяженіи отъ Аральскаго моря до Греческаго архипелага; изъ него состоятъ берега морей и Чернаго, и Азовскаго, и Мраморнаго, нѣкоторыя острова Греческаго Архипелага, и наконецъ Усть-уртъ, та возвышенность, которою Каспійское море отдѣляется отъ Аральскаго.

Изъ этого видно, какое огромное пространство должно было занимать миоценовое море. Начавшись западными берегами нынѣшнихъ морей Чернаго, Мраморнаго и отчасти Эгейскаго, оно обхватывало ихъ со всѣми ближайшими къ нимъ берегами, потомъ заливало весь кавказскій перешеекъ, за исключеніемъ возвышеннѣйшихъ плоскогорій, и наконецъ соединялось съ Каспіемъ и съ Араломъ.

Дилувіальный періодъ для Кавказскихъ странъ, по всѣмъ признакамъ, былъ очень буренъ, и оставилъ послѣ себя чрезвычайно обширную и могучую формацию.

На Армянскомъ плоскогорьѣ эту формацию составляютъ, впервыхъ, огромные конгломератовые пласты, образовавшіеся, вѣроятно, въ одно время съ эрратическими валунами, столь извѣстными въ Европѣ и Америкѣ. Матеріаломъ для этихъ конгломератовъ служили обломки всѣхъ прежде описанныхъ нами породъ, осадочныхъ и эруптивныхъ, а цементомъ известнякъ, происшедшій изъ тогдашнихъ минеральныхъ источниковъ. За существованіе такихъ источниковъ въ прежнее время ручаются тѣ травертиновые осадки, которые такъ часто встрѣчаются въ долинахъ Арменіи, Грузіи и Кавказа. Въ вторыхъ, къ описываемой формациі принадлежатъ трахитовыя, долеритовыя, базальтовыя и туфовыя массы, занимающія обыкновенно высшее положеніе въ сравненіи съ конгломератами. Выходя наружу, эти массы наполняли собою обширныя нагорныя долины, и чрезъ то превращали ихъ въ столь же обширныя равнины. Такъ именно

образовались нынѣшнія величественныя равнины Шурагеля, Ахалкалаки, Лори, высокія плоскогорья Карабахское, Агмаганское и трахитовая система Алагеза. Чтобы судить о могучести этихъ дилувіальныхъ плутоническихъ потоковъ достаточно заглянуть въ трещины, образовавшіяся въ нихъ отъ продолжительнаго дѣйствія атмосферныхъ вліяній, и особенно воды. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ отъ 300 до 400 фут. глубины. Тутъ можно сосчитать плутоническіе потоки, принадлежащіе различнымъ изверженіямъ, и тутъ же можно видѣть залеганіе ихъ на конгломератахъ. Событія, о которыхъ мы говоримъ, должны были произойти задолго до историческаго времени; это доказывается, вопервыхъ, отсутствіемъ настоящихъ лавъ въ дилувіальныхъ потокахъ, и, вовторыхъ, органическими остатками, которые встрѣчаются въ верхнихъ туфовыхъ образованіяхъ, и принадлежатъ другимъ видамъ животныхъ, нежели какіе существуютъ въ наше время (*Congeria diluvii*, *Abich*).

Въ Грузіи и на Кавказѣ та же формація, при всемъ сходствѣ съ предыдущею, имѣетъ весьма много особеннаго. Судя по способу распространенія валуновъ и конгломератовъ въ различныхъ кавказскихъ долинахъ, надо полагать, что при наступленіи дилувіальнаго періода, система этихъ долинъ была та же самая, какая теперь, и что въ наибольшихъ изъ этихъ долинъ должны были находиться озера. террасообразно одни надъ другими расположенныя. Въ послѣдствіи эти озера уничтожились отъ поднятія горъ, либо отъ дѣйствія разрушающей силы воды. Послѣ образованія валуновъ и конгломератовъ, на Кавказѣ начались гигантскія изверженія трахитовъ. Изъ гребневой области его или точнѣе изъ тамошнихъ главнѣйшихъ пиковъ, трахитовые потоки проникли въ долины Кубани, Малки, Баксана, Террека и другихъ рѣкъ, и своими огромными массами, отъ 400 до 500 футовъ толщины, покрыли тамошніе дилувіальные конгломераты. При началѣ этого переворота Кавказскій хребетъ, очевидно, имѣлъ уже весьма могучее развитіе, и трахитовья изверженія только довершили его образованіе, сообщивши ему нынѣшнюю высоту и нынѣшнія изумительныя формы. Самые огромные колоссы Кавказа, Казбекъ, Эльбрусъ, Кашауръ и другіе, безъ всякаго сомнѣнія, были

подняты этимъ вулканическимъ дѣйствіемъ, столь же громаднымъ какъ и его произведенія.

Само собою разумѣется, что при такихъ гигантскихъ переворотахъ сѣднее миоценовое море, омывавшее сѣверную подошву Кавказа, также должно было подвергаться измѣненіямъ.

Судя по той обширности, какую занимаютъ дилувіальныя породы въ южной степной Россіи, надо полагать, что море, о которомъ мы говоримъ, и въ это время было почти также огромно какъ прежде; нынѣшнія отдѣльныя моря, Черное, Каспійское и Аральское, все еще составляли одно море. Но удивительнѣе всего то, что несмотря на такую обширность, это было собственно не море, а солоноватое озеро или средиматериковое море, не имѣвшее никакого сообщенія съ другими, и, вѣроятно, принимавшее въ себя множество большихъ рѣкъ. Животныя въ немъ обитавшія представляютъ совершенно особенную фауну, нигдѣ болѣе не встрѣчающуюся. Она ближе всего подходитъ къ нынѣшней Каспійской фаунѣ. Предполагаемое нами море Мурчисонъ называетъ *Арало-каспійскимъ*; формація, въ немъ образовавшаяся, также называется имъ *Арало-каспійскою*, разумѣя подъ этимъ собственно не одну дилувіальную формацію, а дилувіальную вмѣстѣ съ *миоценовою*, одною изъ самыхъ новыхъ третичныхъ ¹.

Арало-каспійская формація дѣйствительно оказывается двойкаго рода: одна состоитъ изъ известняка, который образуетъ гористые берега нашихъ южныхъ морей, Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Аральскаго, и представляется высокою окраиною другой формаціи, также арало-каспійской, но составляющей низменные песчано-глинистыя степи.

Арало-каспійскій известнякъ въ южной Россіи считается самымъ обыкновеннымъ строевымъ матеріаломъ, и извѣстенъ тамъ подъ названіемъ *степнаго известняка*. Въ немъ заключается множество раковинныхъ остатковъ *Cardiaceae* и *Mytilus polymorphus* (*Dreissena polymorpha*, Van Ben.), вмѣстѣ съ *Limnaea*, *Paludina* и *Neretina*,—такихъ животныхъ, которыя должны были жить въ солоноватой водѣ.

¹ Мурчисонъ, *Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго*. Перев. съ англійскаго полковн. Озерскинъ. С.-Петербургъ. 1849. Ч. I. стр. 1056—1126.

Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, впрочемъ немногя, доселѣ живутъ въ Каспійскомъ морѣ. Въ степномъ известнякѣ открыты и такія мѣстности, которыя представляютъ явственный переходъ отъ настоящихъ морскихъ осадковъ къ прѣсноводно-соленымъ или солоноватымъ. Таковъ именно степной известнякъ на полуостровѣ Тамани и въ Камышь-Бурунѣ. По множеству заключающихся въ немъ коралловъ (*Eschschia lapidosa*, Pallas), онъ представляется какъ бы коралловымъ рифомъ, всего же замѣчательнѣе то, что въ немъ найдены кости одного изъ травоядныхъ китовъ (*Ziphius priscus* Eichw. *Cethoterium Rathkii* Brandt), и нѣкоторыя морскія раковины, вмѣстѣ съ солоноватыми и прѣсноводными. Изъ этого видно, что миоценовое море, вслѣдствіе разъединенія своего съ океаномъ, не вдругъ перешло въ прѣсноводно-соленое; морскія животныя, въ немъ обитавшія, также не вдругъ исчезли, а нѣкоторыя даже примѣнились къ новымъ условіямъ и продолжали жить вмѣстѣ съ прѣсноводными. Такой смѣшанный характеръ ископаемыхъ, по замѣчанію Мурчисона, составляетъ отличительную черту степнаго известняка. Напротивъ, въ другой части арало-каспійской формаціи, составляющей наши южныя степи, нигдѣ не замѣчено ничего подобнаго; тамъ нѣтъ ни коралловъ, ни морскихъ раковинъ, ни травоядныхъ китовъ; вообще она чрезвычайно однообразна относительно ископаемыхъ, и самой почвы, въ которой они заключаются. Астраханскія и кавказскія степи, какъ объяснено выше, видимо представляютъ еще недавно высохшее морское дно, состоящее изъ песку и глинъ, и заключающее въ себѣ остатки раковинъ, расположенныхъ слоями, либо разбѣянныхъ безъ всякаго порядка. Нѣкоторыя изъ этихъ раковинъ одинаковы съ тѣми, которыя находятся въ степномъ известнякѣ, а другія ничѣмъ не отличаются отъ нынѣшнихъ каспійскихъ¹. Эта часть формаціи, очевидно, образовалась уже въ то время, когда Арало-каспійское море значительно измѣнилось противъ прежняго, и по своимъ свойствамъ мало отличалось отъ нынѣшняго Каспійскаго.

Что же было причиною такихъ измѣненій Арало-каспій-

¹ Свѣдѣнія о Каспійскихъ раковинахъ, ископаемыхъ и нынѣ живущихъ, извлечены Мурчисономъ преимущественно изъ сочиненія академика Эшвалльда *Fauna Caspio-Caucasia*, 1841.

скаго моря? Вѣроятно, это зависѣло отъ тѣхъ же причинъ, которыя содѣйствовали раздѣленію его на три отдѣльныя моря, Черное, Каспійское и Аральское. Мы видѣли, что этотъ вопросъ прежде другихъ старался рѣшить Палласъ; но мнѣніе его объ этомъ явно противорѣчитъ тѣмъ наблюденіямъ, которыя изложены выше, и которыя не были извѣстны Палласу. Другими словами, вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, остался нерѣшеннымъ. Спрашивается: можно ли рѣшить его теперь, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о южной Россіи? По крайней мѣрѣ какъ пытается объяснить это нынѣшняя наука? Какими переворотами?

Объ этихъ переворотахъ отчасти можно заключать уже изъ того, что мы сказали выше относительно различія степнаго известняка отъ низменной дилувіальной почвы. Ископаемая, принадлежачія этимъ формациямъ, такъ различны между собою, что необходимо должны относиться къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ между собою значительнымъ промежуткомъ времени. Раздѣленіе Арало-каспійскаго моря, по мнѣнію Мурчисона, дѣйствительно должно было совершиться по крайней мѣрѣ въ два приѣма или двумя поднятіями. При первомъ поднятіи, полагаетъ онъ, обнаружилась степной известнякъ, составляющій высокіе берега Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, и то обширное плато, которое лежитъ между Каспіемъ и Араломъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, произошли два моря, Аральское и Каспійское; послѣднее заливало всю астраханскую степь и посредствомъ Кавказской низменности сообщалось съ Чернымъ моремъ¹. Окончательное отдѣленіе Каспійскаго моря отъ Чернаго, и обнаженіе прилегающихъ къ нему степей, Мурчисонъ относитъ уже ко второму поднятію, которое произошло гораздо позднѣе, но все-таки

¹ Въ настоящее время извѣстно, что самую возвышенную часть Усть-Урта, раздѣляющаго Аральское море отъ Каспійскаго, составляетъ не степной известнякъ, а миоценовыя породы, и потому можно полагать, что эта возвышенность въ Арало-каспійскомъ морѣ составляла островъ, прежде нежели послѣдовало поднятіе степнаго известняка. Послѣдній окружаетъ Усть-Уртъ съ трехъ сторонъ, и, вѣроятно, поднятъ на значительную высоту. Gr. von Helmerzen, *Ueber die geognostische Beschaffenheit des Ust-Urt und insbesondere dessen östlichen Abfalles zum Aral-See*, in *Bull. de l'Acad. de St. Petersb.* t. IV. № 73 и 74 на 1844 г. То же въ *Горномъ журналѣ* № 7. на 1845 г.

задолго до историческаго времени, а не предъ Девкалионовымъ потопомъ, какъ полагалъ Палласъ.

Въ доказательство того что удаленіе Арало-каспійскаго моря дѣйствительно было слѣдствіемъ двухъ главныхъ поднятій, Мурчисонъ приводитъ еще одно обстоятельство, которое замѣчено въ горахъ Богдо, въ астраханской степи, и которое отчасти было уже извѣстно Палласу. Богдо, Большой и Малый, въ настоящее время поднимаются отдѣльными и небольшими горами надъ астраханскою степью, а прежде, безъ всякаго сомнѣнія, были островами посреди Арало-каспійскаго моря. Обстоятельство, на которое указываетъ Мурчисонъ, состоитъ въ томъ, что по сторонамъ Богдо пески, заключающіе каспійскія раковины, улеглись въ два ряда, расположенные одинъ надъ другимъ, и представляющіе совершенное подобіе морскаго берега или банка. Сверхъ того, эти песчаные банки на восточной сторонѣ Большаго Богдо раздѣлены между собою двумя рядами особеннаго рода вымоинъ или углубленій, имѣющихъ видъ конуса; широкимъ концомъ или основаніемъ, обыкновенно чрезвычайно обтертымъ, онѣ обращены къ наружъ, а внутренній узкій конецъ косвенно подымается вверхъ и даетъ отъ себя вѣтви. Эти два ряда углубленій, по мнѣнію Мурчисона, могли быть произведены только прибоемъ морскихъ волнь, или приливомъ и отливомъ, и слѣдовательно указываютъ на то, что море, покрывавшее астраханскую степь, находилось очень долгое время на двухъ различныхъ уровняхъ.

Согласившись съ Мурчисономъ, что Арало-каспійское море пришло въ нынѣшнія границы вслѣдствіе двухъ главныхъ поднятій, намъ необходимо еще рѣшить, какъ происходили эти поднятія, медленно или быстро. По мнѣнію Мурчисона, они должны были происходить медленно. Но не такъ думаетъ объ этомъ всѣмъ извѣстный ученый академикъ Бэръ, недавно имѣвшій случай лично наблюдать прикаспійскія степи ¹. По его мнѣнію, удаленіе Каспійскаго моря, или обнаженіе прикаспійскихъ степей должно было совершиться мгновенно. Мы полагаемъ, что г. Бэръ разумѣетъ тутъ не удаленіе Арало-Каспійскаго моря вообще, а одинъ послѣдній пере-

¹ Ученыя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ, въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества. Кн. XI. стр. 181—224.

воротъ. Иначе мнѣніе его находилось бы въ явномъ противорѣчіи съ тѣми геологическими изслѣдованіями, о которыхъ говорено было выше.

Главными памятниками, свидѣтельствующими о быстротѣ удаленія Каспійскаго моря, Бэръ почитаетъ *бугры*, которые находятся въ астраханской степи, по правую сторону Волги, особенно же тамъ, гдѣ берега Каспійскаго моря примыкаютъ къ равнинѣ лежащей между возвышенною придонскою степью и предгорьями Кавказа, прямо противъ восточной оконечности Маныча. Слѣдуя указанію Бэра, эти бугры представляютъ много особеннаго.

При устьяхъ Волги и вверхъ по ея теченію, съ правой стороны, находится множество длинныхъ и параллельныхъ холмовъ или бугровъ, направляющихся съ востока на западъ. Длина ихъ обыкновенно отъ $\frac{1}{2}$ до 3 верстѣ, но есть и такіе, которые имѣютъ 5, 7 и болѣе верстѣ. Ширина и высота также неодинаковы. Всѣ селенія и почтовые станціи праваго берега Волги построены на этихъ холмахъ или буграхъ. У станціи Свроглазинской, въ 85 верстахъ отъ Астрахани, они еще весьма явственны, но за Енотаевскомъ становятся положе, менѣе раздѣльны и наконецъ сливаются въ одну волнообразную поверхность. Означенные бугры чѣмъ далѣе отстоятъ отъ Астрахани, тѣмъ болѣе уклоняются отъ западно-восточнаго направленія, и принимаютъ юго-западное или сѣверо-восточное, сперва на 5, потомъ на 10, а предъ Енотаевскимъ на 15 градусовъ. Ниже Астрахани, вдоль западнаго берега моря, бугры встрѣчаются еще чаще. Тутъ образуются изъ нихъ длинные ряды острововъ въ морѣ, и такіе же ряды холмовъ на материкѣ, ряды, которые раздѣлены одинъ отъ другаго узкими проливами, вдающимися внутрь степи на 30, на 40 и даже на 60 верстѣ. „Видъ этой страны, говоритъ Бэръ, такой, какъ будто бы ее пропахали гигантскимъ плугомъ, или какъ будто кто-нибудь провелъ по ней борозды громадными пальцами, безъ линейки, и не придерживаясь строго одного и того же направленія.“ Южною границей описываемыхъ бугровъ Бэръ почитаетъ такъ-называемый Черный рынокъ, небольшую мѣстность, лежащую въ 40 верстахъ отъ прежняго устья Кумы. Направленіе этихъ южныхъ бугровъ съ перваго взгляда кажется одинаковымъ, но въ строгомъ смыслѣ оно не

таково. Бугры лежащія прямо противъ Маныча простираются отъ востока къ западу, а всѣ прочіе, по мѣрѣ приближенія къ южной границѣ, становятся болѣе и болѣе сѣверо-западными. Это значитъ другими словами, что какъ южные, такъ и сѣверные бугры своимъ расположеніемъ представляютъ какъ бы огромный вѣеръ. Широкій конецъ этого вѣера, обращенный къ берегамъ Волги и Каспійскаго моря, имѣетъ болѣе 400 верстъ въ длину, если принимать въ расчетъ послѣдніе сѣды бугровъ на югѣ и на сѣверѣ, и по крайней мѣрѣ 300 верстъ, если обращать вниманіе только на тѣ, которые имѣютъ рѣзко очерченныя формы. Узкій конецъ того же вѣера, въ видѣ клина, врѣзывается въ мѣшечскую низменность, лежащую при подошвѣ Кавказа.

Кромѣ вышеописаннаго пространства, бугры встрѣчаются еще у среднихъ рукавовъ Волги, до лѣваго берега Ахтубы, но тамъ они болѣею частію низки и коротки, и всѣ тянутся съ востока на западъ. Въ томъ же направленіи, повидимому, они идутъ по берегу моря, и простираются до залива, называемаго Богатымъ Культукомъ. На всемъ остальномъ пространствѣ восточной половины астраханской степи бугровъ не замѣчено.

Что же такое эти бугры? Не есть ли это дюны, или береговые валы?

Внутреннее образованіе описываемыхъ бугровъ не дозволяетъ принять ихъ ни за дюны, ни за береговые валы. Это обыкновенно постоянные холмы, состоящіе изъ твердой глины, либо изъ глины перемѣшанной съ пескомъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, и весьма мало такихъ, которые бы состояли изъ одного песку. Отъ дюнъ и береговыхъ валовъ бугры отличаются еще тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ соль и большое количество раковинъ, находящихся тутъ почти всегда въ видѣ обломковъ или только въ видѣ отпечатковъ. Но самое главное отличіе заключается въ ихъ наслоеніи. Къ сожалѣнію, по недостатку естественныхъ разрѣзовъ, въ весьма немногихъ мѣстахъ удавалось наблюдать это наслоеніе съ тою точностію, какая необходима для полнаго и яснаго понятія объ этомъ чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ. Впрочемъ, наслоеніе бугровъ, сколько можно было судить по немногимъ разрѣзамъ, должно быть согласно съ ихъ направленіемъ.

Съ перваго взгляда, казалось, говорить Бэръ, легко объяснить описываемое нами явленіе, но на самомъ дѣлѣ встрѣчаются большія затрудненія. Можно сказать навѣрное, что бугры представляютъ собой послѣдніе слѣды, оставленные схлынувшюю водой. Но какъ она схлынула? Относительно этого Бэръ дѣлаетъ различныя предположенія. Сначала онъ беретъ Палласову гипотезу, и допускаетъ, что древнее море, покрывавшее нынѣшнія степи южной Россіи, состояло изъ двухъ морей, Чернаго и Каспійскаго, соединявшихся между собой узкимъ и мелкимъ проливомъ. „Положимъ, говоритъ онъ, что преграды, отдѣлявшія эти древнія моря отъ Средиземнаго, были разрушены. Вода Чернаго моря устремилась въ новыя открытыя ворота, и быстро понизила свой уровень. Что должно было произойти въ это время съ Каспійскимъ моремъ? Оно также должно было понизиться, и съ такою же быстротою, съ какою понизилось Черное море. Весьма естественно, что такой мгновенный стокъ Каспійской воды долженъ былъ прорыть борозды въ мягкомъ песчано-глинистомъ днѣ, и эти борозды, конечно, должны были клинообразно или концентрически сходиться къ общему каналу, соединявшему Каспійское море съ Чернымъ, и оставить въ своихъ промежуткахъ возвышенные холмы, въ послѣдствіи высохшіе и отвердѣвшіе. Повидимому, все это очень просто и необходимо вытекаетъ одно изъ другаго. Но извѣстно, что уровень Каспійскаго моря въ настоящее время 84 фут. ниже уровня Чернаго. Очевидно, стокъ Каспійской воды долженъ былъ тотчасъ прекратиться, какъ скоро она достигла одинаковаго уровня съ Чернымъ моремъ. Отчего же онъ не прекратился, а понизилъ Каспійское море до нынѣшняго уровня? Палласовою гипотезой этого вопроса разрѣшить нельзя.“

По мнѣнію Бэра, гораздо легче было бы объяснить описываемое явленіе, если предположить быстрое поднятіе значительной части теперешняго восточнаго берега Каспія. Тогда море должно было бы устремиться къ западу и схлынуть по самой низменной странѣ, подобно тому какъ стекаетъ вода изъ сосуда черезъ узкую трубку. Безъ сомнѣнія, предполагаемое поднятіе должно быть очень значительное, чтобы послѣдняя часть стекающей воды могла прорыть столь глубокія борозды въ выводномъ каналѣ. Но для такого предположенія надо имѣть достаточныя причины.

Точно также можно было бы, говорить онъ, составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о происхожденіи бугровъ, еслибы нашлось основаніе предположить внезапный прорывъ воды изъ Чернаго моря въ Каспійское. Въ этомъ случаѣ вода, вступая посредствомъ узкаго канала въ широкое вмѣсталище, также прорыла бы на двѣ борозды вѣрообразно расходящіяся. Но что могло произвести такой прорывъ воды? Самую вѣроятною причиною могло быть внезапное и значительное пониженіе дна Каспійскаго моря. Допустивъ это, мы все-таки не обойдемся безъ затрудненій. Каспійскій бассейнъ, находясь въ сообщеніи съ Чернымъ, долженъ былъ бы наполниться до прежней высоты, а между тѣмъ дно его на большое пространство осталось не покрытымъ водой. Вообще Бэръ очень сомнѣвается въ томъ, чтобы бугры были простыми холмами между промоинами, прорытыми въ мягкомъ морскомъ днѣ. Этому отчасти противорѣчитъ наклоненіе слоевъ къ обѣимъ сторонамъ бугровъ, особенно же отсутствіе въ нихъ раковинныхъ слоевъ, которые бы доказывали правильное залеганіе ихъ на днѣ моря. Раковины въ буграхъ, какъ замѣчено выше, находятся не слоями, а въ видѣ разбросанныхъ обломковъ. Принимая во вниманіе, что въ составѣ бугровъ, пески и глины представляютъ весьма однородную смѣсь, Бэръ полагаетъ, что они должны были образоваться въ сильно-взволнованномъ морѣ, а наслоеніе ихъ онъ думалъ бы объяснить правильно ударяющимися одна о другую волнами. Впрочемъ, это объясненіе самому Бэру кажется нѣсколько затруднительнымъ. Встрѣтивши въ одномъ изъ бугровъ раковинный слой, онъ не прочь отъ того, что, быть-можетъ, при тщательнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, найдется современемъ и много такихъ примѣровъ. „Въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, оставивъ прочія возраженія, я готовъ принять болѣе простой взглядъ на этотъ предметъ, и приписать все промоинамъ.“ Но не имѣя всѣхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, онъ не беретса опредѣлить, вслѣдствіе какого переворота произошли эти промоины. „Я не хочу ничего утверждать, говоритъ онъ, кромѣ того, что бугры доказываютъ быстрый и насильственный стокъ Каспійскаго моря, продолжавшійся, быть можетъ, недѣли и даже мѣсяцы, и что онъ произошелъ притомъ чрезъ Кумо-Манычскую низменность. О томъ же, произошелъ ли онъ вслѣдствіе быстрого подая-

тія восточнаго или другаго берега, или вслѣдствіе столь же быстрого пониженія Чернаго моря, или наконецъ вслѣдствіе другой какой-либо причины, я, быть можетъ, и составилъ бы себѣ болѣе опредѣленное понятіе, еслибы мнѣ были извѣстны всѣ условія, какія при этомъ должны быть приняты во вниманіе.“

Таковы современныя свѣдѣнія о геологическомъ образованіи Кавказа. Само собою разумѣется, что они еще слишкомъ недостаточны для того чтобы дать полное понятіе о всѣхъ тамошнихъ переворотахъ. И можно ли было изслѣдовать подробно такую дикую и непріязненную страну, какою былъ Кавказъ до самаго послѣдняго времени? Тутъ каждый шагъ, каждое свѣдѣніе надо было брать съ бою. Но съ нынѣшнимъ умиротвореніемъ Кавказа начинается новая эра для научнаго изслѣдованія этой страны. Быть можетъ, скоро, и очень скоро, должны будутъ исполниться пророческія слова поэта:

Подобно племени Батыя
 Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
 Забудеть алчный брани гласъ,
 Оставить стрѣлы боевыя.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ГЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКАМЪ КАВКАЗА.

1. Послѣ экспедиціи нашихъ академиковъ, Фуса, Саблера и Савича, французскій инженеръ Омеръ де-Гель съ тою же цѣлію производилъ нивелировку вдоль низменныхъ береговъ Кумы и Маныча, и нашелъ что Каспійское море ниже Азовскаго или Чернаго только 60 англ. ф. Но этотъ результатъ, выведенный изъ одного ряда наблюденій, никакъ не можетъ сравниться въ вѣрности съ тѣмъ результатомъ, который полученъ русскими астрономами изъ четырехъ рядовъ, и весьма близкихъ между собою. По мнѣнію Гумбольдта, онъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что черезъ одинадцать лѣтъ такой же результатъ былъ полученъ нивелировкой г. Ходзько. Столь же сомнительнымъ по-

читается мнѣніе Омеръ-де-Геля относительно того, чтобы Каспійское море со всѣми окружающими его степями не только не образовало впадины или котловины, но было еще выше общаго морскаго уровня (L. с. Том. III, стр. 371—391)..

2. Страна, окружающая Манычъ, представляетъ большія трудности изслѣдованія, и потому о теченіи его до самаго послѣдняго времени имѣли весьма неправильное мнѣніе. Академикъ Бэръ первый описалъ Манычъ съ надлежащею точностію (*Вѣст. Геогр. Общества* за 1856 годъ, книж. VI). Онъ показалъ: а) что кромѣ р. Маныча, которая почти вся находится въ предѣлахъ Земли Войска Донскаго и течетъ на западъ (западный Манычъ) есть еще другая рѣка, которая также называется Манычемъ, и течетъ на востокъ (восточный Манычъ), въ южной части Астраханской губерніи (имѣетъ русло этой рѣки составляетъ живую границу между губерніями Астраханскою и Ставропольскою); б. что водораздѣлъ этихъ рѣкъ лежитъ нѣсколько на западъ отъ впаденія р. Калауса въ озеро Шара-Хулусузъ, образующее восточнымъ Манычемъ; с) что воды въ обоихъ Манычахъ держатся только во время весны.—Еще подробнѣе теченіе Маныча было изслѣдовано экспедиціей, состоявшею изъ гг. Костенкова, Барбота-де-Мары и Крыжина (*Очеркъ восточнаго и западнаго Маныча*. С.-Петербург. 1861). Она пришла къ такому результату, что Манычъ собственно не есть рѣка, а просто русло, которое образовалось отъ весеннихъ водъ, и по которому онѣ стекаютъ въ самое короткое время, послѣ чего Манычъ дѣлается сухимъ, за исключеніемъ только немногихъ озеръ. Сверхъ того, экспедиція различаетъ три понятія, именно: *Манычская низменность*, *Манычская долина* и *Манычское русло*. Подъ названіемъ Манычской низменности она разумѣтъ въ низменную полосу, которая отъ низовьевъ Дона почти до Каспійскаго моря обозначается русломъ Маныча. Долиной Маныча она называетъ только ту часть означенной низменности, которая находится на пространствѣ отъ Олень-Худуковъ до Большаго Лимана, и ограничена съ сѣвера Иргевинскою возвышенностію, а съ юга предгорьями Кавказа. Русло Маныча есть непрерывный рядъ озераговъ, рытвинъ, пясковъ, озеръ, соленыхъ болотъ (хаконъ) и солончакомъ, служащихъ проводникомъ весеннихъ водъ. Такъ какъ высшая точка Манычской низменности находится почти на ея среднѣ, то весеннія воды стекаютъ въ двѣ стороны, именно на востокъ къ Каспійскому морю, образуя *восточный Манычъ*, и на западъ къ Дону, образуя *западный Манычъ*. Вышеозначенныя изслѣдованія, кромѣ научнаго интереса, весьма важны въ томъ отношеніи, что ими совершенно уничтожаются всѣ несбыточныя предположенія г. Бергштрессера, предлагавшаго устроить каналъ для соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ.

3. На всемъ означенномъ пространствѣ девонская и горноизвестковая формація, по свойству ископаемыхъ въ нихъ заключающихся, имѣютъ большое сходство съ такими же формаціями въ другихъ странахъ. Такъ въ девонской формаціи находятся: *Spirifer Seminovi*, *Viquesnel*, *Sp. Orlicianus* n. s. *Sp. Archiaci de-Vern*. *Sp. calcaratus* Sow. *Sp. Vernensis Murch*. *Sp. aperturatus* Buch., *Sp. speciosus* Mün. *Terebratula reticularis*, *T. concentrica*, *T. scalprum*, *Orthis striatula*, *Leptaena Dutertri*, *Productus subaculeatus*, *P. Murchisonii* *P. semireticulatus*, *Tentaculites*, *Favosites spongites*, *F. polymorpha*, *Cyathophyllum flexuosum*, *C. quadrig-*

minum, *C. caespitosum*, *Catenipora escharoides* и др. Это все такія ископаемыя, которыя въ тѣхъ же видахъ, или близкихъ къ нимъ, весьма обыкновенны во всѣхъ извѣстныхъ девонскихъ формаціяхъ — Горный известнякъ Закавказскаго края вообще бѣдетъ органическими остатками, тѣмъ не менѣе весьма отличителенъ по чрезвычайно обширному распространенію въ немъ нѣкоторыхъ ископаемыхъ, считающихся характеристическими для горнаго известняка. Таковы *Bellerophon striatus* (?) и *Fusulina sphaerica* n. s. Последняя для горнаго известняка Армянскихъ и Персидскихъ плоскогорій то же самое, что *Fusulina cylindrica* Fisch. для такой же формаціи въ Европейской Россіи. Впрочемъ, въ Арменіи встрѣчаются варіететы и *Fus. cylindrica*, но гораздо рѣже чѣмъ *F. sphaerica*. Кроме того, въ тамошнемъ горномъ известнякѣ находится много коралловъ, принадлежащихъ болѣею частью къ *Lithostrotion floriforme*, *Lith. inconjertum* и *Michelina*. — Девонская формація и горный известнякъ въ Закавказскихъ странахъ замѣчательны еще въ другомъ отношеніи. Разсѣяны той и другой формаціи часто бывають наполнены известково-глинистою брекчіею, которая окрашена окисью желѣза, либо даже переходитъ въ настоящую желѣзную руду, живо напоминающую собою о бобовой *жельзистой рудѣ* (*terrain siderolithique*), столь извѣстной въ юрскихъ формаціяхъ Швабіи, Швейцаріи и южной Франціи. Образование этой желѣзистой брекчіи, по мнѣнію Абиха, должно быть въ зависимости отъ плутоическаго дѣйствія, которымъ обуславливалось поднятіе девонскихъ и горноизвестняковыхъ слоевъ, и должно было произойти во время отложенія или послѣ отложенія куммулитоваго известняка, покрывающаго означенныя формаціи. Въ то же время или нѣсколько позднѣе, по мнѣнію Абиха, должны были образоваться и *марганцовыя руды* (перекись марганца), которыя находятся въ трещинахъ горнаго известняка, въ Азербейджанѣ, по соседству съ олигоклазовымъ порфиромъ. Сюда же онъ относитъ образованіе *свинцовосеребряныхъ рудъ*, вмѣстѣ съ тѣжелымъ шпатомъ, въ Даралагезѣ, близъ селенія Даджи, и *жѣлѣзныя руды* при подошвѣ Арирата, гдѣ существовалъ нѣкогда древній городъ Артаксата.

4 Въ практическомъ отношеніи юрская формація, нами описываемая, замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ каменный уголь, преимущественно заключающійся въ верхнемъ мелкозернистомъ песчаникѣ. Онъ выказывается во многихъ мѣстахъ по направленію долины, но не вездѣ обнаруживаетъ такія свойства и такую толщину, какія необходимы для прибыльной разработкѣ. Въ нижнихъ долинахъ Кубани онъ однако добывается съ большимъ успѣхомъ.

По направленію къ Дагестану, въ поперечныхъ долинахъ Бакарь, Хуламъ, Чегемъ, Дигори и Алагаръ, юрская формація имѣетъ точно такой же характеръ, какой мы описали, съ тѣмъ различіемъ, что каменноугольный песчаникъ этой формаціи, по мѣрѣ удаленія къ востоку, мало-по-малу замѣняется рыхляково-глинистыми слоями, заключающими въ себѣ болѣею частью одиѣ обугленныя растительныя части, бѣдные остатки вапортиковыхъ, хвощевыхъ и хвойныхъ растений. Въ долину Дигори углистый песчаникъ, подобно Бечесаюскому, лежитъ на гранитахъ и кристаллическихъ сланцахъ, и отдѣляется отъ нихъ только глинистымъ песчаникомъ, въ которомъ попадаются иногда *Terebratula varians* и другія юрскія ископаемыя. Въ долину Алагаръ, близъ селенія Ходъ, глинистому песчанику соответствуютъ твердые сланцы, перемежающіеся съ мелкозернистыми

песчаниками, и совершенно похожіе на глинистый сланецъ. Въ тѣхъ же странахъ надъ углистымъ песчаникомъ лежитъ желѣзистый оолитъ, перемежающійся съ известковатыми мергелями, и переходящій наконецъ въ буроватый кристаллическій известякъ, весьма богатый ископаемыми, и представляющій совершенною физиономію бурой германской юры. Въ однихъ слояхъ находятся въ большомъ количествѣ остатки *Pentacrinites* (*Pentacrinites subteres* Münster.), въ другихъ *Pecten personatus* Münster. или *P. pumilus* Lam., либо множество различныхъ видовъ теребратулъ (*Terebratula perovialis* Sow. *T. biplicata* Sow. var. *inflata*, *T. vicinalis* Schlot. *Ter. emarginata* Sow., *Ter. bullata* Ziet., *Ter. tetraedra*. *Ter. varians* Schot. *Ter. rostriformis*?). Тутъ же встрѣчаются: *Nucleolites scutatus* Lam. *Disaster*, *Pecten fibrosus*, *P. demissus*, *Cucullaea* и др. Сверхъ того, въ весьма желѣзистомъ оолитѣ долины Наридона, соответствующемъ тому же ярусу, находятся въ большомъ количествѣ аммониты и белемниты (*Ammonites gemmatus* Phill. (*Am. Iason* D'Orb.), *Am. lunula*, *Am. tatrixis*, *Am. tortisulcatus*, *Am. coronatus*, *Am. Zignodianus*, *Am. athleta*, *Belemnites canaliculatus*, *B. hastatus*).

Известняковая формація, составляющая верхній отдѣлъ Кавказскихъ предгорій, уже по однимъ петрографическимъ свойствамъ имѣть такое сходство съ бѣлыми юрскими известняками Швабіи, что было бы странно, еслибы палеонтологическое изслѣдованіе формаціи не подтвердило этого сходства. Дѣйствительно, известякъ, о которомъ мы говоримъ, имѣть одинаковое значеніе съ германскою бѣлою юрою (*Weisse Jura*), въ полномъ ея объемѣ; другими словами, онъ служитъ представителемъ *Порландскаго известняка* вмѣстѣ съ *коралловымъ* (*Coralrag*). Собственно эта формація принадлежитъ тѣмъ альпійскимъ вершинамъ, которыя образуютъ боковую гребень Кавказа, остающуюся съверхнюю границу глубокихъ Осетинскихъ долинъ, между Аридономъ и Генаальдономъ. Она представляетъ три главныхъ яруса. Верхній состоитъ изъ доломитоваго известняка, перемежающагося съ обыкновеннымъ, болѣе или менѣе смолистымъ известнякомъ, или воючимъ камнемъ. Ископаемая, тутъ встрѣчающіася, относятся къ *Terebratula trilobata* Münster. (*Ter. inaequilaterata* Goldf.). *Ter. lacunosa* (*T. media* Ziet.), *Ter. perovialis insignis* Sow., *Spondylus velatus* Goldf., *Pecten subapinosus* Schlot., *Astraea microconus* Goldf. Известякъ средняго яруса, обнаруживающій множество трещинъ и не представляющій явственнаго наслоенія, образуетъ дикія отвѣсныя скалы; вмѣстами онъ совершенно походитъ на мраморовидную брекчію, состоящую изъ угловатыхъ кусковъ, соединенныхъ доломитовиднымъ цементомъ, и сильно пропитанную смолой. Происхожденіе этой брекчіи, по мнѣнію Абиха, должно находиться въ необходимой связи съ обстоятельствами, которыя положили основаніе образованію обширныхъ поперечныхъ долинъ между главными и боковыми гребнями Кавказа. Въ среднемъ ярусѣ часто встрѣчаются: *Terebratula inconstans* Sow. (*Ter. difformis* Lam.), *Ter. spinosa* Buch., *Ter. plicatella* Sow., *Ter. quadruplicata* Ziet. и *Ter. dissimilis* Münster. Къ болѣе нижней области, чѣмъ предыдущіе брекчиевидные смолистые известняки, повидимому, принадлежатъ известняки, перемежающіеся съ глинистыми мергелями, и наполненные спонгитами и кожистыми кораллами (*Leder-coralle*), какіе въ Германіи составляютъ отличительность средней бѣлой юры. Въ этихъ коралловыхъ известнякахъ, имѣющихъ на перевалѣ между Алагиромъ и Дигори приблизительно отъ 80 до 100 ф. толщины, вовсе нѣтъ

лучистыхъ коралловъ (*Sternkoralle*). Главную массу его составляютъ тарскообразные виды, быть можетъ, *Stemidium*. Цадариты съ сломи углами также встрѣчаются рѣдко: между прочимъ тутъ находится *Cidaris crenularis Goldf.* Еще ниже лежатъ желтоватобурные известняки, которые посредствомъ буроватыхъ песчанистыхъ известняковъ и желѣзистыхъ мергелей переходятъ въ настоящие желѣзистые оолиты, уже соприскающіеся известныхъ намъ пентакрипитовыхъ слоевъ, съ *Pecten persopatus* и др. Въ долинѣ Аридома мѣстности Даго и Домизуръ расположены на тѣхъ ирригационныхъ доломитовыхъ брекчіяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Между многими литологически различными ярусами этой формациі два оказываются съ совершенно особенными одна отъ другой органическими физиоломіями (*facies*). Одинъ ярусъ состоитъ изъ буроватого кристаллическаго известняка, съ остатками коралловъ и чрезвычайнымъ множествомъ пентакрипитовъ. Горная порода, принадлежащая другому ярусу, поражаетъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ коралловыми известняками Солотурна. Это свѣжобѣлая, тонкооолитовая известняковая масса, заключающая въ себѣ чрезвычайное множество раковинныхъ створокъ, превратившихся въ однородное вещество. Органическій характеръ этой сплошной массы составляютъ различные виды *Nerinea*, *Mytilus* и *Exogyra*, къ которымъ присоединяются еще *Natica*, *Pteroceras* и *Diceras*. Больше или меньше округленное состояніе этихъ ископаемыхъ весьма затрудняетъ распознаваніе ихъ видовъ, и отличеніе ихъ отъ такихъ же мѣловыхъ ископаемыхъ. Мелкіе *Diceras*, тутъ находящіеся, очень походятъ на *Diceras gaultiana Pictet et Roux*; *Mytilus* по опредѣленію Д'Орбильи, принадлежатъ къ *Mytilus petasus*; изъ *Nerinea* съ точностію опредѣлены: *Nerinea Moriana d'Orb.* (*N. ornatella Buvigner*), *N. Mandelstohi Br.* (*N. Bruntrutana*), *N. clymene d'Orb.* Другіе, повидимому, принадлежатъ къ *N. Desvossii d'Orb.*, *N. Defraccii*, *N. umbilicata d'Orb.* Сверхъ того, тутъ находится *Astraea agaricites Goldf.*—Верхній ярусъ бѣлой юры или коралловый известнякъ (*Coralrag*), имѣющій отъ 800 до 1000 ф. толщины, на сѣверной сторонѣ Эльбруса, со всѣми налегающими на него болѣе новыми формациями, представляетъ пологіе склоны къ югу. Вся юра имѣетъ ту особенность, что она, какъ самостоятельная и опредѣленно-ограниченная формациа, простирается далеко къ югу подъ мѣловыми осадками, и образуетъ широкую террасу, которая лежитъ параллельно главной оси центральнаго хребта, и которой крутые склоны всегда отвѣсно обращены къ посажденю. Такое же отношеніе обнаруживаетъ и обширная мѣловая формациа, лежащая надъ этою юрскою террасой. Каждый ярусъ выходитъ къ югу изъ-подъ другаго болѣе новаго, и подаетъ поводъ къ образованію новой террасы. Верхній отъѣзъ коралловой террасы всегда состоитъ изъ такихъ известняковъ, которые заключаютъ въ себѣ выше означенные виды *Nerinea*, вмѣстѣ съ такими видами *Terebratula*, которые въ другихъ странахъ причисляются къ самой верхней юрѣ.

5. Тутъ глинистые сланцы, глинистые песчаники, угольные песчаники и настоящіе глинистые сланцы, принадлежащіе къ нижнему юрскому періоду, покрыты кристаллическими или такъ-называемыми метаморфическими сланцами. Выше лежатъ глинистые известняки также юрскаго періода. Еще выше нижнія (неокомьская и гальтовая) и верхнія мѣловые формациі (туромическая и семоническая), покрытыя глинистымъ весьма желѣзистымъ

конгломератомъ, съ обломками гранитовыхъ и порфировыхъ породъ. Вся эта система пластовъ прорѣзывается эруптивными породами, имено фезитовыми и гриштенковыми порфирами и амгдалитами.

Ископаемая, заключающаяся въ вышеозначенныхъ юрскихъ слояхъ, по опредѣленію Абриха, Деге и Д'Аршиака, принадлежатъ къ слѣдующимъ видамъ: *Terebratula bispicata* (T. sella), *Terb. variabilis* Schot., *Ter. varians*, *T. resupinata* Sow., *Pecten disciformis* Ziet., *P. demissus* Philc., *P. fibrosus* Sow., *Lima proboscidea* Sow., *Lyriodon costatum* Goldf., *Trigonia Meriani* Ag. *Pholadomya Murchisoni* Sow., *Ammonites tatricus* Pusch, и нѣкоторыя другія. Эти ископаемыя не оставляютъ никакого сомнѣнія, что означенныя пласты должны отнестись къ *нижней бурой юрѣ*. Но въ той же мѣстности особеннаго вниманія заслуживаютъ куски дерева, съ строеніемъ хвойныхъ растений, такъ часто встрѣчающіеся въ мергелистомъ известнякѣ, и въ сопутствующихъ ему известковатыхъ песчаникахъ. Эти растительные остатки, и самая порода, ихъ заключающая, имѣютъ большое сходство съ древесными и угольными остатками, которые находятся въ мергелистомъ известнякѣ и сланцеватыхъ песчаникахъ, составляющихъ въ Дагестанѣ непосредственный лежачій бокъ огромной угленосной песчаниковой формаціи. Предыдущія ископаемыя указываютъ на существованіе въ описываемой нами мѣстности такого яруса, который вообще имѣетъ значеніе *Оксфордской формаціи*, въ особенности же *средней бурой юры*, и представляетъ большое сходство съ такимъ же, или даже нѣсколько вышнимъ ярусомъ, находящимся на сѣверной сторонѣ хребта, въ Алагарѣ.

6. Округъ Окриба, лежащій къ сѣверу отъ Кутаиса, заключаетъ интереснѣйшую форму обширной котлообразной долины, имѣющей 20 верстъ въ поперечникѣ, и со всѣхъ сторонъ окруженной мѣловыми формациями. Тамшнія воды только посредствомъ Рионскаго ущелья выходятъ на Индико-кавказскую равнину. Внутренность Окрибской долины залята весьма мелучею и чрезвычайно сложною формаціей, состоящею изъ обломочныхъ породъ, съ сланцеватыми мергелими и глинистыми песчаниками. Въ этой формаціи не замѣчено никакихъ органическихъ остатковъ, кромѣ растений, большею частію превратившихся въ каменный уголь.

Растительные остатки, принадлежащіе вышеозначенной формаціи, опредѣлены Гёппертомъ. Тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ нижнихъ слояхъ, отнесены имъ къ *папоротникамъ* и *цикадовымъ растениямъ*. Между папоротниками онъ замѣтилъ два вида *Pecopteris*, изъ коихъ одинъ близко подходит къ *Pecop. exilis* Phill. Цикадовые растенія, составляющія главную массу тамшнчаго угля, всѣ принадлежатъ къ роду *Pterophyllum*, оставшему тутъ послѣ себя одни только листья. Основываясь на строеніи этого органа, Гёппертъ нашелъ между ними новый видъ, и назвалъ его *Pterophyllum Caucasicum*; въ системѣ онъ долженъ занять среднее мѣсто между *Pter. Preslianum* Göpp (*Zamia pectinata* Bron) и *Pter. taxinum* (*Zamia taxina*), которые найдены въ оолитовой формаціи Стоуафильда. Въ болѣе верхнихъ слояхъ описываемой формаціи встрѣчаются растительные стволы, которые превратились въ блестящій черный уголь, и представляютъ большія трудности для ихъ опредѣленія; Гёпперту однако удалось открыть въ нихъ строеніе *хвойныхъ растеній* (Coniferae). Основываясь на этомъ, конечно весьма бѣдномъ матеріалѣ, Гёппертъ близъ Тквибула находить указаніе на три юрскія формаціи: *лейльс*, *нижнюю или бурую юру* и *уэльдскую формацію*. Стратиграфическія отношенія показыва-

ь, что имеретинскій уголь дѣйствительно относится къ бурой юрѣ, но, по-
тому, должно занимать въ ней болѣе высшее мѣсто, чѣмъ въ форма-
ціи, лежащей при сѣверной подошвѣ Эльбруса. Тамонская юра непосред-
ственно покрыта мѣловыми формациями, именно неокомьскою (мер-
кельскими и капротиновыми известняками), гальтовою, туроническою и се-
рафимовскою. Выше лежатъ пласты мумикулитоваго и средне-третичнаго
разоманія. Въ поднятїи и измѣненїи Окрибскаго бассейна участвовали
огня эруптивныя породы: базальтовые амигдалиты, долеритъ, гранитъ,
диоритъ, и порфиры, глаукисты и гринштейновый, съ ихъ амигдалитами.
Для сравненія съ предыдущими растенїями Абихъ приводитъ еще дру-
гїе, которыя принадлежатъ формации находящейся въ долинѣ Улуштры,
Дагестанѣ. Онѣ также изслѣдованы Гёппертомъ, и даю ему болѣе рѣ-
шительные результаты нежели предыдущіе. „Я тотчасъ же призналъ
ихъ, пишетъ онъ, своихъ старыхъ знакомыхъ, и нисколько не ошибъ
въ этомъ, изслѣдовавъ ихъ еще ближе. Въ Австріи, въ сѣверо-восточ-
ныхъ Альпахъ, недалеко отъ Wienerbrück, и въ Байеретѣ точно такія же
стекля встѣчаются въ лесомѣльной лейясовой формации.“ Въ образцахъ,
ставленныхъ Абихомъ изъ Улуштры, Гёппертъ нашелъ слѣдующія ра-
венія; 1) *Taeniopteris vittata* Brog., часто встрѣчающійся въ лейясахъ, 2)
Taeniopteris, представляющій болѣе старые листья предыдущаго вида, либо
обобщенный видъ; Гёппертъ предлагаетъ называть его *Taeniopteris crassipes*.
3) *Alethopteris Whitbyensis*. 4). *Equisites columnaris*, также встрѣчающій-
ся въ лейясовой формации Байерета (близъ Gmüing), вмѣстѣ съ *Taeniopteris*.
5) Листья цикадовыхъ растеній изъ рода *Nilkonia*, считающіяся весьма
многочисленными для Байеретскаго лейяса. 6). Плодъ неизвѣстнаго растенія
извѣстный общимъ именемъ *Carpolithes*. 7) Кусокъ ствола какого-то хвой-
наго растенія. Въ строенїи самаго угля принадлежащаго долинѣ Улуштры,
Гёппертъ находитъ чрезвычайное сходство съ лейясовыми углемъ изъ
Австріи.

Посвойству растеній, каменноугольная формация въ Дагестанѣ, повидимо-
му, должна относиться къ лейясу. Но подтверждается ли это стратиграфиче-
скими отношенїями или положенїемъ ея относительно другихъ формаций?
Дагестанскій каменноугольный уголь покрыта огромнѣйшими мѣловыми
породами, неокомьскими, гальтовыми и другими, и мало представляетъ
какихъ разрѣзовъ или обнаженій, въ которыхъ можно было бы видѣть
всю ясностью ея относительное положеніе. Но не подлежитъ ника-
кому сомнѣнїю, что тамонскій уголь относится къ другому горизонту,
если въ какомъ находится это вещество въ сѣверо-западной половинѣ
Кавказа. Абихъ не могъ опредѣлить положительно этого горизонта, ду-
маетъ однако, что Дагестанскій уголь долженъ принадлежать самому ниж-
нему отдѣлу неокомьскаго, или даже уэльскаго формации.

7. Верхній мѣловый ярусъ, называемый обыкновенно *сенокмическимъ*
(*Senckenbergian-Bildung*), въ Армянскихъ горахъ имѣетъ весьма обширное распро-
страненіе, съ заключающимися въ ней отличительными ископаемыми (*Incisur-
mus Cuvieri*, *Ananchites ovata*, *Spatangus cor-angulum*, *Galerites*
galerus), но нигдѣ не встрѣчается въ видѣ настоящаго *благаго мѣла*,
въ этомъ отношенїи совершенно похожъ на Восточныя Альпы и Кар-
паты. Мѣсто благаго мѣла занимаютъ тутъ то рухляковые, то обыкно-
вые известняки, которые иногда находятся въ глубокихъ долинахъ,
заключающихся между высокими известняковыми горами, а иногда

лежать непосредственно на палеозоическихъ породахъ, либо на древнѣйшихъ ярусахъ самой ильмовой формациі. Въ типическомъ или наиболее развитомъ остояніи сеноклическое образованіе находится въ области Аракса, въ долинахъ Pojas и Bielaw. Такая же формациа, въ видѣ ильмовыхъ рухляковъ, сопровождаетъ сѣверную подошву Армянскихъ горъ и образуетъ низменныя предгорія оныхъ по окраинамъ обширной долины Куры. Она же, и въ могучемъ развитіи, принимаетъ большое участіе въ образованіи Сомхетскихъ и Триалетскихъ горъ, и покрываетъ обширное плоскогорье, разграничивающее Карталинію отъ Имеретіи.

Еще большее значеніе въ Армянскихъ горахъ имѣетъ другая ильмовѣ ярусъ, лежащій ниже перваго, именно *туроническій* (Turon-Bildung). По своему органическому характеру, онъ соответствуетъ формациі, которая почитается весьма рѣдкою между туроническими, и почти единственно принадлежитъ Восточнымъ Альпамъ, именно Гозау, недалеко отъ Зальцбурга (Gosau-Bildung). Въ Арменіи ее составляютъ глинистые и известково-песчаные мергели, особенно же весьма могучіе пласты конгломератовъ и твердаго известняка, темнаго цвѣта, заключающаго въ себѣ раковины *Actionella* и *Rudistae*. По свидѣтельству Абиха, туроническій известнякъ имѣетъ весьма большое вліяніе на орографическій характеръ страны: изъ него по преимуществу образуются предгорія, посредствомъ которыхъ совершается переходъ отъ высокихъ окраинныхъ хребтовъ къ равнинамъ и прилежащимъ низменностямъ.

Въ Чагали-дагъ, сѣверной параллельной цѣпи Дзивзерли-дагъ описываемый нами рудистовый или актеомеллевоу известнякъ лежитъ непосредственно на палеозоическомъ известнякѣ. Трахиты, поднявшіе Ак-дагъ, находящійся при сѣверной окраинѣ долины Аракса, между впадающими въ него небольшими рѣчками Гарни и Веди, подняли также и актеомеллевоу известнякъ. Темныя скалы, составляющія узкое ущелье Аракса близъ Ордубада, и пересѣкаемая базальтовыми жилами, не иное что суть какъ тотъ же рудистовый или актеомеллевоу известнякъ, въ самомъ беспорядочномъ наслоеніи покрытый кумулитовыми песчаниками. Изъ такого же известняка образуются горы, принадлежащія къ средней Армянской полосѣ, и являюся въ долинѣ Акстафа непосредственно на порфировыхъ конгломератахъ, относящихся къ неокомбену, самому нижнему изъ ильмовыхъ ярусовъ.

Верхнее туроническое образованіе, неоднократно принимавшееся въ Закавказьѣ за юрскую формацию, по словамъ Абиха, всего лучше можно наблюдать въ тѣхъ высотахъ, которыя лежатъ между Капаномъ, Чулугономъ и Бергушетомъ, въ южныхъ Карабахскихъ горахъ. Тамъшній известнякъ, вывѣтриваясь, обнаруживаетъ множество ископаемыхъ, хорошо сохранившихся, и доказывающихъ, что онъ имѣетъ совершенное сходство съ туроническою рудистовою формациею западной Европы. Къ тѣмъ характеристическимъ ископаемымъ въ Карабахскихъ горахъ относятся: большіе *радіолиты*, различные виды *Caprotina*, безчисленныя и мелкіе *Turritella*, особенно же большое число различныхъ зоофитовъ, между которыми господствующими оказываются *Astraea*, отличающіяся своимъ могучимъ деспитознымъ развитіемъ.—Изъ Карабаха рудистовый известнякъ, какъ доказываютъ наблюденія, переходитъ на правую сторону Аракса, въ персидскую провинцію Азербейджанъ; изъ него состоитъ тамошняя горная цѣпь Danady.

Къ нижнему туроническому образованию Арменіи принадлежатъ известнякъ, характеризующійся постоянно встрѣчающимися въ немъ остатками *Acteonella* вмѣстѣ съ *Nerinea*. Самые отличительные типы такихъ известняковъ находятся въ томъ же уцелѣніи Аракса, о которомъ мы говорили выше. Отсюда онъ простирается къ сѣверной границѣ Араксской долины, и скрывается подъ вулканическими породами Агманганскаго плоскогорья въ сосѣдствѣ Эривани. Ископаемая фауна описываемаго нами известняка, по своей физиономіи, показываетъ удивительное сходство съ тою, которая находится въ Гозау, около Заальцбурга, и въ Юшѣ, въ департаментѣ Дромъ и Воклюзъ. Характеръ этой физиономіи опредѣляется тутъ остатками *Turritella* (*T. difficilis*), *Omphalia* (*O. conica* Zk. *O. Coquandiana* Zk. *Syn. Turritella Coquandiana* d'Orb. *O. Kefersteini* Zk.) вмѣстѣ съ *Nerinea* (*N. Buchii* Zk. *N. Nobilis* Zk. *N. incarata* Br. *N. monilifera* d'Orb), *Acteonella* (*A. rotundata* Zk. *A. caucasia* Zk. *A. voluta* Zk.), *Chemnitzia*, *Natica*, *Cardium* и др.

Кромѣ означенной мѣстности, известнякъ съ омфалиями и турриталями, встрѣчается еще между трахитовыми конгломератами Акдага, въ Трапассарь-дахъ, около Асна-Берга, а въ Карабахскихъ горахъ онъ составляетъ огромные пласты, лежащіе непосредственно на тамошней обломочно-порфировой формаціи. Но самымъ замѣчательнымъ актеонелевымъ известнякомъ оказывается къ сѣверу отъ Карабаха, въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, какъ въ связи его съ водо-огневыми обломочными породами, такъ особенно по залеганію въ немъ *квасцового камня* (Alaunstein), представляющаго большое техническое значеніе.

Мѣсторожденіе Елисаветпольскаго квасцоваго камня собственно находится въ котлообразной долинѣ Шамхоръ, между селеніемъ Зеглакъ и Дашкезаномъ, заключающей въ себѣ богатая желѣзные руды. Происхожденіе квасцоваго камня соединяется тутъ тѣснѣйшимъ образомъ съ процессомъ образованія водо-огневыхъ обломочныхъ породъ, и тѣхъ порфиновыхъ изверженій, которыя происходили по трещинамъ (Spalten-eruptionen) во все продолженіе мѣлованаго періода и отчасти третичнаго. Эту связь квасцоваго камня съ обломочнопорфировою формаціей и несомненнымъ или актеонелевымъ известнякомъ можно видѣть изъ слѣдующаго разрѣза, представляемаго Абиномъ: а) Непосредственно подъ чертоземомъ лежатъ слой крупныхъ и мелкихъ обломковъ эруптивныхъ породъ; ископаемыя этого слоя, впрочемъ весьма трудно распознаваемыя, указываютъ на верхній или хлоритовый мѣлъ (stage chloritée). б) Ниже лежатъ квасцовый камень, образующій пластъ до 4 фут. толщиной. в) Еще ниже такой же пластъ, но съ обломками известняка, подвергшагося большому измѣненію. д) Далѣе глицисто-псаммитовый об, происшедшій отъ разложенія эруптивныхъ породъ, и заключающій въ себѣ обломки весьма метаморфизованнаго известняка, появившіе сюда изъ нижняго слоя. Наконецъ е) радолитовый и кернелевый известнякъ, образующій толстые пласты, и нѣсколько не отличающійся отъ того, который описанъ нами выше.

До сихъ поръ подъ названіемъ квасцоваго камня разумѣли вообще рахитовыя возрѣватая породы, которыя дѣйствіемъ паровъ сѣрной кислоты болѣе или менѣе приняли въ себя химическія составныя части квасцовъ. Мелкіе ромбоэдры, встрѣчающіеся въ нихъ отдѣльно или дру-

за особый минеральный видъ, называемый алюминитомъ или алюмоитомъ. Квасцовый камень Елисаветпольскаго или Зегликскаго мѣсторожденія, по своимъ физическимъ свойствамъ, вообще совершенно соответствуетъ описанію, которое мы находимъ у Бѣдана въ его превосходномъ сочиненіи объ *алюмитъ и алюминитовыхъ породахъ* (roches aluminifères) въ Венгріи¹.

Относительно химическаго состава, зегликскій квасцовый камень одинаковъ съ прочими, и особенно съ тѣмъ, который находится около Толяфа, въ Папской области. Но по всемъ другимъ отношеніямъ онъ совершенно различенъ отъ нихъ. Это весьма ясно изъ тѣхъ подробностей, которыя сообщены Абихомъ объ этомъ замѣчательномъ мѣсторожденіи. Весь пластъ зегликскаго квасцоваго камня, имѣющій отъ 3 до 4 фут. толщины, состоитъ изъ сплошной, но не вездѣ одинаковой массы. Части этого пласта, соответствующія чистѣйшему типу алюминита, выделяются изъ общей массы, и представляются посреди ея въ видѣ плоскихъ продолговато-эллиптическихъ почекъ, которыя, залегая одна подлѣ другихъ, или одна надъ другими, разделены между собою красновато-бурыми и отчасти слоистымъ веществомъ квасцоваго камня. Въ поперечномъ разрѣзѣ пласта алюминитовыя почки представляются окруженными веществомъ квасцоваго камня въ видѣ слоевъ, окрашенныхъ то въ свѣтлый мясокрасный цвѣтъ, то въ болѣе темный снуржево-зеленый и желто-бѣлый, — слои, которые мало-по-малу исчезаютъ въ массу. Въ разрѣзѣ все мѣсторожденіе напоминаетъ мраморовидный конгломератъ, съ красноватофіолетовымъ и бурнымъ цементомъ; можно однако распознать, говорить Абихъ, что это вовсе не обломочное образованіе, происшедшее вслѣдствіе какого-либо несоразмѣрнаго или мѣстнаго измѣненія прежде бывшей горной породы; напротивъ, этотъ кажущійся конгломератъ, по всей вѣроятности, долженъ образоваться діалектическимъ путемъ, и изъ студеястаго состоянія перейти въ твердое.

Во всехъ извѣстныхъ мѣсторожденіяхъ, въ Венгріи, около Толяфа въ Папской Области, и на островѣ Мило на Греческомъ архипелагѣ, квасцовый камень имѣетъ тѣсную связь съ трахитовыми и пемзовыми породами, и вслѣдствіе того, какъ показано выше, былъ принимаемъ Бѣданомъ за метаморфическое измѣненіе этихъ самыхъ породъ отъ дѣйствія на нихъ паровъ сѣрной кислоты. Но эта теорія неприменима къ зегликскому мѣсторожденію. Тамашскій квасцовый камень, какъ было объяснено, составляютъ *пласты*, которые лежатъ непосредственно надъ плотными известнякомъ, и не имѣютъ никакой связи съ пемзовыми или трахитовыми породами, нигдѣ не встрѣчающимися въ окрестныхъ странахъ. Сверху, на-

¹ (*Voyage minéralogique et géologique en Hongrie*, 1822, en 3 vol. wu: las. стр. 450).

	Сост. Зегликскаго алюминита (по разл. Д. Струве).	Сост. Толяфскаго алюминита (по разл. Кордье).
Сѣрной кислоты	38,93	34,495
Кремнезема	0,14	.....
Глинозема	37,58	39,654
Кали	9,00	10,021
Воды	14,28	14,380
	<u>99,93</u>	<u>99,50</u>

противъ, они покрыты обломочнымъ слоемъ, который произошелъ отъ разложенія порфиоровъ, извергавшихся тутъ по трещинамъ, въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу. По мнѣнію Абуха, зеглаукскій кварцовый камень, по всей вѣроятности, есть произведеніе вулканическихъ эманаций, подобно тѣмъ, которыми сопровождалось появленіе оцитовъ на всемъ протяженіи юго-западной Европы до Арменіи.

Зеглаукскій кварцовый камень доставляетъ квасцы, которые добротою своею превосходятъ римскіе, потому что мѣсторожденіе его совершенно свободно отъ пиритовъ, того вещества, которое сообщаетъ квасцамъ самую вредную пригѣсь,— желѣзные соли. Очевидно, зеглаукское мѣсторожденіе можетъ быть разрабатываемо съ огромными выгодами, тѣмъ болѣе что оно лежитъ въ странѣ, довольно богатой горючимъ матеріаломъ и въ небольшомъ отдаленіи отъ главныхъ путей сообщенія. Но эти выгоды тогда только могутъ осуществиться, когда разработка его, находящаяся теперь въ рукахъ мало свѣдущихъ людей, получитъ рациональное направленіе.

8. Нижній или древнѣйшій изъ этихъ уступовъ, лежащій непосредственно на югѣ, около Кисловодска состоитъ изъ огромной массы известняковъ перемежающихся съ глинами и мергелями. Ископаемая, заключающаяся въ этихъ породахъ, не оставляютъ никакаго сомнѣнія, что онѣ должны относиться къ *неокомъемскому* ярусу. Таковы имена: *Ostrea Couloni* d'Orb. *O. Leymerii* Desh. *Exogyra subplicata* Röm. *Leym. Cardium subhilianum* Leym. d'Orb. *Nautilus pseudoelegans* d'Orb. *Terebratula biplicata* syn. *sella* d'Orb. *Ter. tamarindus* Sow. d'Orb. *Ter. faba* Sow. d'Orb. *Rhynchonella depressa* d'Orb. *Astarte neocomiensis* syn. *transversa* d'Orb.

Второй уступъ, лежащій выше перваго, и сѣдовательно болѣе новый по своему происхожденію, имѣетъ около 600 фут. высоты, и весь состоитъ изъ песчаниковъ. По свойству ископаемыхъ, которыхъ тутъ очень много, онъ соответствуетъ *галтовому* ярусу. Въ немъ находятся: *Gervillia anceps* Desh. d'Orb. *Thetis minor* Sow. d'Orb. *Th. major* Sow. d'Orb. *Cyprina rostrata* d'Orb. Syn. *C. Bernensis* Leym. *Trigonia daedalea* Park. d'Orb. *T. aliformis* Park. d'Orb. *Exogyra sinuata* Leym. Syn. *Gryphaea latissima* Lam. *Ex. aquila* Gold. *Leym Cardium Raulinianum* d'Orb. *Venus ovalis* Sow. *Ammonites Milletianus* d'Orb. *A. crassicosatus* d'Orb. *A. nodosocosatus* d'Orb. *A. Cornelianus* d'Orb. *A. fissicosatus* Leym. *Toxoceras Emericianus* d'Orb. *Heteroceras* и м. др.

Третій уступъ, подобно предыдущему, болѣею частію состоитъ изъ песчаныхъ и известково-песчаныхъ слоевъ. Въ нихъ особенно много остатковъ *Thetis major* и *Pholadomya*; послѣдніе, къ сожалѣнію, въ такомъ состояніи, что невозможно опредѣлить ихъ со всею точностію. Сверхъ того, тутъ находятся *Natica Dapinii* Leym. *N. gaultiana* d'Orb. *Ammonites neocomiensis*, *A. Desshaysii* Leym. syn. *A. fissicosatus* Phill. Leym. и особенно много *Panopaea*; нѣкоторыя изъ нихъ весьма близки къ *P. Römeri* d'Orb. Syn. *P. elongata* Кош., другія къ *P. recta*. Этотъ ярусъ, имѣющій 300 ан. фут. толщины, Абухъ также относитъ къ *галтовому* образованію, и въ отачіе отъ предыдущихъ называетъ *верхнимъ галтовымъ* или *верхнимъ зеленымъ песчаникомъ* (Oberer Grünsand oder Gault).

Наконецъ четвертый или самый верхній уступъ мѣловой формации состоитъ изъ огромной массы осадковъ, отъ 750 до 800 ан. фут. толщины. Нижнюю часть этой массы составляетъ мѣловой рудякъ, заключающій въ себѣ кремль, и болѣе или менѣе окрашенный желѣзнымъ окисломъ. Онъ весьма бѣденъ органическими остатками. До сихъ поръ изъ числа

ихъ не найдено ни одного, который бы указывалъ на существованіе тутъ туроническаго образованія. Напротивъ, всѣ ископаемыя, которые удалось встрѣтить въ этой массѣ осадковъ, доказываютъ, что она должна относиться къ *секоноическому* образованію (*Senonbildung*). Такими, во первыхъ, *Inoceramus Cuvieri* Goldf. и *Inoceramus cordiformis*, встрѣчающіеся въ чрезвычайно большихъ образцахъ, и составляющіе мѣстами цѣлыя пласты; потомъ *Inoceramus annulatus* Goldf. и многіе другіе *Inoceramus*, трудно опредѣляемые, но близкіе къ *In. Crispis* и *In. cordiformis*. Изъ твердокожниковъ (*Echinodermata*) съ увѣренностію можно указать только на *Galerites albo-galerus* Lam. Goldf. и *Ananchites striata* Lam.

Мѣловая формация на южной покатости Кавказа имѣетъ особенный характеръ отъ сѣвернаго, и, сверхъ того, представляетъ множество стратиграфическихъ измѣненій вслѣдствіе происходившихъ тамъ плутомагическихъ подвиговъ. Въ Имеретіи и Мингреліи самымъ нижнимъ изъ мѣловыхъ ярусовъ оказывается рудистовый (*rudistzone*), который занимаетъ тутъ обширное пространство, и весьма богатъ ископаемыми. Онъ состоитъ изъ известняковыхъ пластовъ, различающихся между собою не столько минералогически, сколько органически или по своимъ ископаемымъ. Самые нижніе изъ этихъ известняковъ заключаютъ: *Caprotina ammonia* d'Orb. Syn. *Chama ammonia* Goldf. *Terebratula tamarindus* Sow. Orb. *Ter. Mutoniana* d'Orb. и большіе *Nerinea*, вообще почитающіеся весьма отличительными для каждаго известняка на южной сторонѣ Кавказа. Въ известняковыхъ слояхъ, лежащихъ выше капротиноваго, находятся слѣдующія формы: *Ammonites cryptoceras* d'Orb. *Crioceras Emerici* d'Orb. *Crioc. Duvalii* d'Orb. *Cr. Viliersianus* d'Orb. *Cr. Cornuelianus* d'Orb. Въ другихъ слояхъ, также болѣе молодыхъ въ сравненіи съ капротиновыми, являютя: *Ancyloceas Matheronianus* d'Orb. *An. Duvalianus* d'Orb. *Crioceras* близкаго подходящій къ *Cr. Astierceas* d'Orb. *Ptyhoceras Puzosianus*, d'Orb. *Toxoceras Emericianus* d'Orb. *Belemnites semicanaliculatus* Bly, d'Orb. *Exogyra sinuata*. Var. *latissima* Syn. *Gryphaea latissima* Lam. Leym. *Terebratula* n. s. весьма сродственная съ *Ter semistriata* Defr. d'Orb. *Ter. biphicata* Defr. d'Orb. *Ammonites Velledae* d'Orb. *A Castellanensis*. d'Orb.

Выше предыдущихъ слоевъ лежатъ уже такіе, которые, по своимъ ископаемымъ, должны относиться къ бѣлому мѣлу или секоноическому образованію. Это доказывается присутствіемъ тутъ *Ammonites Mantellii* Sow. d'Orb. *Perna lanceolata* Gein. d'Orb. весьма близкая къ *Ostrea carinata* Lam. d'Orb. *Ostrea haliotidea* d'Orb. *Belemnitella mucronata* d'Orb. *Exogyra conica* Goldf. *Holaster altus* Agas. *Inoceramus regularis* d'Orb. Syn. *In. Crispis* Goldf. *Micraster cor-anguinum* As. Goldf. Syn. *Spatangus costitudinarium* Goldf.

Къ самымъ верхнимъ членамъ мѣловой формации, составляющимъ часть низменныхъ предгорій, простирающихся отъ Абхазіи до Имеретіи, должно причислить весьма распространенный туфообразный известнякъ, съ необыкновеннымъ множествомъ кремневыхъ сростковъ, которые, отделившись отъ разрушаемаго известняка, при подовѣ хребта сгучились въ небольшіе холмы. Чрезвычайно разстроенное положеніе пластовъ описываемаго нами известняка, и тутъ же довольно частое появленіе весьма желѣзистыхъ конгломератовъ, находятся въ связи съ трещинообразными прорывами весьма похожихъ на базальты долеритовыхъ и пароксетовыхъ породъ, прорывами, которые въ тамошней странѣ слѣдовали преимущественно направленною отъ запада къ востоку.

Мѣловая формация, выше нами описанная, на южной покатости Кавказа не вездѣ оказывается одинаковою. По изслѣдованіямъ Абуха, Мескиндскій хребетъ составляетъ для нея весьма интересную границу. На востокъ отъ этого хребта до сихъ поръ нигдѣ не найдено *капротиноваго* известняка. Есть ли тамъ слои, соответствующіе верхнему *неокомскому* западной половины южнаго склона, также съ достовѣрностію неизвѣстно. Относительно существованія въ тамошней странѣ верхней мѣловой формации Абухъ нисколько не сомнѣвается, но, не имѣя достаточнаго числа ископаемыхъ изъ этой формации, онъ затрудняется насчетъ опредѣленія ея ярусовъ, туроническихъ и сеномическихъ. Объ участи туроническихъ пластовъ въ образованіи предгорій юговосточнаго Кавказа можно судить по встрѣчающимся тамъ кое-гдѣ остаткамъ нериней и *Acteonella*. Гораздо болѣе распространены тамъ сеномическія породы, и притомъ такія, которыя вообще уклоняются отъ обыкновенной фазіономіи мѣла. Въ нихъ находятся: *Ostrea carinata*, *Pecten orbicularis*, *Belemnitella mucronata*, *Pecten quinquescostatus*, *Exogyra haliotidea*, *Pholadomya*, *Spondylus*, *Inoceramus* и др.

9. Мы укажемъ только на замѣчательнѣйшія изъ таковыхъ мѣстностей.

Такъ въ обломочно-известняковыхъ слояхъ Асна Бергъ, близъ Нахичевана, въ твердомъ известнякѣ Аракскаго ущелья около Кармирвонокъ, и въ известколатомъ песчаникѣ близъ Джульфа и Ордубада, вмѣстѣ съ *Ostrea gigantea*, большими *Natica* и *Cerithium*, похожимъ на *C. giganteum* парижскаго бассейна, находятся: *Nummulites complanata* Lam. *N. crassa* Embré; *N. planulata* d'Orb. *N. perforata* d'Orb. *N. laevigata* Lam. *N. Ramondi* Defr. *N. globulus* Leym. *N. intermedia?* d'Arh. Тутъ же встрѣчаются изъ зоофитовъ. *Trochocyathus multistriatus* Edw. et. Haim. *Stylocoenia*, *Pachyseris* и *Astrea*; изъ твердокожжиковъ особенно много остатковъ *Cidaris*.

Обломочные известняки нуммулитовой формации въ долинѣ Арпачая вступаютъ въ геологическую связь съ обломочными образованіями эруптивнаго свойства, частью трахитоваго, частью амфиболитоваго, и также заключаютъ въ себѣ очень много нуммулитовъ вмѣстѣ съ Орбитулитамъ, *Ostrea*, *Pecten* и *Natica*. Господствующими изъ нихъ оказываются: *Nummulites perforata*, *Orbitulites discus* Rütim. *O. patellaris* Rütim. *O. Sella* d'Archiac.

Та же формация въ ахалцыхскомъ бассейнѣ является уже съ другою фазіономіею. Тамошніе известняки, песчаники и мергели, по всѣмъ признакамъ, болѣе новаго происхожденія, чѣмъ предыдущіе. Они залегаютъ тутъ на эруптивныхъ обломочныхъ породахъ Тріалетскихъ горъ, породахъ, которыя въ свою очередь на западъ отъ Тифлиса, въ долинѣ Альтетъ, лежатъ на сеномической формации. Эти отношенія нуммулитовыхъ слоевъ и различныхъ эруптивныхъ породъ, пероксеновыхъ, лабрадоровыхъ и трахитовыхъ, послѣдовательно извергавшихся въ ахалцыхскій бассейнъ, весьма ясно выражены Абухомъ посредствомъ разрѣза, простирающагося отъ Ахалциха къ Имеретинскимъ пограничнымъ горамъ. Тутъ подлѣ главнаго западно-восточнаго направленія, господствующаго въ дислокаціяхъ формации, обнаруженной разрѣзомъ, нельзя не замѣтить дѣйствія другаго подъятія, которое направляется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и, по всему вѣроятію, было позднѣйшее.

Нѣкоторыя ископаемыя описываемой нами мѣстности соответствуютъ ископаемымъ парижскаго бассейна около Грималь, другія тѣмъ, которыя находятся въ нуммулитовой формации Пиренеевъ, Верхней Италіи и горной

цѣну Нала въ Индіи. Изъ ахацкихъ ископаемыхъ Абихъ указывается на слѣдующія: *Ostrea gigantea* Brander, составляющая цѣлые пласты; *Ostrea latissima* Desh. *Nummulites*, весьма похожая на *Nummulina elegans* Sow. или *N. laevigata* Lam. *Crassatella tumida* Lam. Syn. *C. ponderosa* Nyst., также составляющая иногда цѣлые пласты. *Natica sigaretina* Desh. *Lucina pseudoargus* d'Orb. совершенно сходная съ *L. pseudoargus* изъ южной цѣны Нала въ Индіи (*Animaux fossiles de l'Inde, d'Archiac*). *Cetherea Lamarkii* Desh. *Panopaea*, очень близко подходящая къ *Par-intermedia* Sow. чрезвычайно многочисленная и въ большихъ размѣрахъ. *Turritella imbricata* Lam. *Tur. edita* Sow. быть-можетъ только варіететъ *T. striata*. *T. Renevieri* d'Archiac. *Operculina canalifera?* d'Archiac. *Nautilus?* *Pectunculus, terebratularis* Desh. *Cerithium plicatum* Grat. *sulph-catum* d'Orb. ? *Cerith. Cordieri* Desh. весьма часто встрѣчающіеся. *Gyrena* n. s.

Встрѣча двухъ различныхъ направленій поднятія, западно-восточнаго и юго-западнаго или сѣверо-восточнаго, которые находятся тутъ въ такой ясной связи съ выше описанною нуммулитовою фізіономіею, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что сѣверо-восточное поднятіе ахацкаго бассейна совпадаетъ съ продольною осью Боржомскаго ущелья; точно такое же явленіе встрѣчается въ ущелии Mtszhetha, около Тифлиса, во второй мѣстѣ прорыва рѣки Куры на одной и той же западно-восточной линіи поднятія. Въ обѣихъ означенныхъ мѣстностяхъ нуммулитовыя формациі, подобно ахацкой, болѣе новаго происхожденія, чѣмъ въ преждеописанныхъ.

Другая нуммулитовая фізіономія, чрезвычайно мѣстная, находится въ содѣяствіи съ нѣмецкою колоніею Елизабетгалъ, въ одной изъ прекрасныхъ долинъ, которая тянется чрезъ Тріалетскія горы въ западномъ направленіи отъ Тифлиса, и облачаютъ внутреннее ихъ образованіе. Тамашняя нуммулитовая формациія (въ долинѣ Asoureth) составляющая мергели, песчаники и конгломераты, къ низу постепенно переходящіе въ настоящіе эруптивныя породы, извергшіяся по трещинамъ. Мергели, принадлежатіе къ верхней части формациі, и видимо происшедшіе отъ разрушенія полевошпатовыхъ породъ, отличаются отъ другихъ болѣе нижнихъ слоевъ тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ остатки кремняго дерева и обугленныхъ растений, всегда подававшіе надежду на отысканіе тутъ значительныхъ слоевъ каменнаго угля. Тамашняя нуммулитовая формациія, быть-можетъ дѣйствительно богата каменнымъ углемъ, но, по недостатку естественныхъ обнаженій и искусственныхъ работъ, это до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросомъ. Остатки животной жизни, характеризующіе описываемую формацию, почти всѣ сосредоточены въ песчаныхъ известнякахъ, которые составляютъ сподиченную породу конгломератамъ, и являются посреди ихъ въ видѣ разрозненныхъ слоевъ. Различныя виды нуммулитовъ, знакомые уже намъ изъ описанія Арменіи, находятся тутъ во множествѣ, вмѣстѣ съ столь же многочисленными Gasteropoda и Aserphala. Роды *Natica*, *Turritella*, *Melania*, *Voluta*, *Trochus*, *Pyrula*, *Pectunculus*, *Spondylus*, *Pecten*, *Lucina*, *Venus*, *Cardium* и др. встрѣчаются здѣсь въ такихъ видахъ, которые отчасти согласны съ видами ахацкаго бассейна; такова въ особенности *Melania*, которую Абихъ отнеситъ къ *Mel. costellata*; *Pyrula* принимается имъ за *Pyrula cordata* *Spondylus* и *Pectunculus* сходный, по его мнѣнію, съ *Spondylus subapicatus* и *Pectunculus angusticostatus*.

Въ верхнихъ уступахъ долины Алазани и Горы, между ними и рѣкою

областію Арагвы, въ предгоріяхъ Осетіи, въ рѣчной области обѣихъ Лихъ, нуммулитовая формація имѣетъ особенное орографическое выраженіе, и, по своей *физиономіи*, носитъ на себѣ рѣшительный отпечатокъ грузино-армянской формаціи. Такъ нечистый темносѣрый известнякъ со многими нуммулитами и большими двусторчатыми раковинами изъ Осетіи напоминаютъ собою нуммулитовые известняки около Елисаветполя. Съ другой стороны темныя известняковыя породы, заключающія въ себѣ одни орбитулиты, и находящіяся на восточной сторонѣ водораздѣла Куры и Ріона, въ верхней долинѣ Разза и около Yezo, совершенно сходны съ буровато-желтыми орбитулитовыми песчаниками, лежащими на сѣверной окраинѣ Тріаметскихъ горъ, около Гори. Совсѣмъ другой характеръ представляетъ южная сторона Кавказа къ западу отъ Мескинскаго хребта; вся альпійская известняковая полоса этой покатости имѣетъ необыкновенное сходство съ среднею сѣвѣрною полосой восточныхъ Альповъ или съ Баварскими Альпами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить превосходные разрѣзы швейцарскихъ Альповъ Гауера (въ Геологіи Студера) съ разрѣзомъ котлообразной долины Окриба, который представляетъ Абихомъ. Въ обѣихъ странахъ мѣловыя формація, совершенно сходныя между собою по органическимъ остаткамъ, покрыты нуммулитовыми известняками, заключающими въ себѣ вмѣстѣ съ нуммулитами *Terebratula*, *Ostrea*, и др. Изъ означенныхъ ископаемыхъ въ Кавказскомъ известнякѣ находятся слѣдующія виды: *Nutmulites Muschisonii* Rüttn. *N. Ramondi* Deifr. *N. intermedia* d'Arch. *Orbitulites parmula* Rüttn. Syn. *papyracea* d'Arch. *O. patellaris* Rüttn. Syn. *radians*. *O. zella* d'Arch. *Terebratula carneaer*. *Ostrea* весьма похожая на *O. Vesicularis*; *Canc Desmarestii* Münst. Syn. *C. hispidiformis* Quents. Очевидно, физическія условія, при которыхъ находились во время нуммулитоваго періода страны, занимаемыя Баварскими Альпами и юго-западнымъ Кавказомъ, были удивительно сходны между собою. Это тѣмъ болѣе поразительно, что на сѣверной сторонѣ Кавказа вовсе нѣтъ нуммулитовой формаціи. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы тамъ не было древнеперетичныхъ или эоценовыхъ образованій; напротивъ, на сѣверной сторонѣ хребта оныя являются весьма обширными и могучими слоями, но не заключають въ себѣ нуммулитовъ. Къ тамошнимъ эоценовымъ образованіямъ Абихъ относитъ огромные осадки, которые покрываютъ мѣловую формацію между Тереконъ и Кубанью и на всей сѣверной сторонѣ Дагестана. Ихъ составляютъ саянцеватыя глины и мергели (*argiles feuilletées*) перемежающіяся съ болѣе плотными мергелями. Вся эта формація, въ свою очередь, покрыта среднетретичными и араалкаспійскими образованіями.

II. Самою замѣчательною мѣстностью относительно міоценовыхъ ископаемыхъ Абихъ почитаетъ горы Киссилькаія, которыя тянутся на семь верстъ при сѣверозападной подошвѣ Арарата, между селеніями Аргачи и Тамбурумъ. Въ тамошнихъ туфообразныхъ массахъ заключаются очень много морскихъ раковинъ, которая однако большею частью встрѣчаются въ видѣ внутреннихъ слѣпковъ или ядеръ, и потому не всегда опредѣляемы. Впервыхъ тутъ много какихъ-то *Ostrea*; потомъ остатки *Mytilus* большой величины, и описанныя Абихомъ подъ названіемъ *Mytilus aramaeus*; далѣе *Cytherea undata* n. s. (*Cyrena undata*), *Cyth. erycinoides* Lam. *Venus gregaria* Parich. *V. incrassata* Sow. *Saxicva rustieva* Broc. *Cerithium tricinctum* Brocc. *Arca umbonata*, *Fusus Bardigalensis* Bartsch. Тамъ же въ

туфообразныхъ мергеляхъ, лежащихъ выше предыдущаго слоя съ раковинными остатками, находится множество хорошо сохранившихся растительныхъ отпечатковъ. Это отпечатки водяныхъ растений и листьевъ, принадлежащихъ двусеменодольнымъ и отчасти хвойнымъ деревьямъ. Изъ водяныхъ растений особенно много злаковыхъ (*Gramineae*) и ситниковыхъ (*Cyperaceae*), именно *Phragmites Oeningensis* Her. *Cyperites canalicularis* Heer. и *Cyp. Deucalionis* Heer. Изъ двусеменодольныхъ преимущественно хорошо сохранились роды *Salix* (*Salix angusta* A. Braun) и *Myrica*, а изъ хвойныхъ *Podocarpus eocenica* Ung. (Enol. ?). Между растительными остатками весьма интересны весьма часто встречающіеся отпечатки большихъ, ланцетообразныхъ, къ основанію суживающихся листьевъ, подобно тому какъ это бываетъ у *Fourcroya* или *Ajave* (*Agavites araratica* n. s.). Нѣкоторые изъ отпечатковъ указываютъ на существованіе тутъ жестыихъ или сочныхъ листьевъ, принадлежащихъ водяному растенію, сходному, быть-можетъ, съ нынѣшнимъ *Stratiotes*. Съ такими же петрографическими и палеонтологическими признаками миоценовая формация является еще въ горахъ Киссаверу, посреду каменно-соленого бассейна Кульви, при соединеніи Арпачая съ Араксомъ. Въ той же мѣстности можно видѣть весьма ясно ту геогностическую связь, въ какій находятся пурпуровые конгломераты, песчаники и туфы съ мергелями, заключающими каменную соль. Отношеніе той же формации къ муммулитовымъ и аргилитивнымъ породамъ очень хорошо объясняется разрѣзами, которые взяты Абигомъ внизъ по теченію Аракса, именно разрѣзомъ каменно-соленого Нахичеванскаго бассейна отъ Джульфа до Орлубада, и лѣваго берега Аракса при самомъ входѣ его въ извѣстное ущелье, недалеко отъ армянскаго монастыря Кармирванкъ, въ 12-ти верстахъ къ югу отъ каменно-соленой Нахичеванской горы. Не менѣе поучителемъ разрѣзъ Октавертскаго бассейна, лежащаго между Эриванью и Гарли, на сѣверной окраинѣ Аракской равнины. Тутъ сѣрые молассовые песчаники, замѣняющіе собою пестрый песчаникъ и мергель, находятся въ тѣсной геогностической связи съ песчаниками, не имѣющими пестраго или краснаго цвѣта, и заключающими въ себѣ большія массы гипса. Сверху эта формация покрыта трахитами, трахитовыми туфами и базальтовыми лавами агмагаскаго плоскогорья. Муммулитовую формацию имѣетъ съ миоценовою, кромѣ собственной Арменіи, Абихъ наблюдаемъ и въ другихъ странахъ, которыя указываемъ нами въ текстѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ миоценовую формацию составляетъ снизу известнякъ, лежащій непосредственно на муммулитовомъ известнякѣ, а сверху мергели и песчаники съ заключающимися въ нихъ гипсомъ и каменною солью. Органическіе остатки, находящіеся въ верхней части этой формации, точно такіе же, какіе мы видѣли при описаніи миоцена въ высокихъ равнинахъ Аракса. Известнякъ, составляющій основаніе этой верхней части (*Suprammulitenkalk*), также принадлежитъ къ миоцену; въ этомъ ручаются слѣдующія ископаемыя, въ немъ находящіяся: *Ostrea Ellisia* Deffr. *A. Guettardi* Deffr. *Phollocoenia d'Archiaci* M. E. *Prionastraea irregularis* M. E. *Ceripora palmata* d'Orb. *Litharaea ramosa* M. E. *Robulina depressa* d'Orb. *Clypeaster albus var. turritus* Philippi. *Pecten benedictus* Lam. *P. scabriusculus* Matheron. *P. Burdigalensis* Lam. *P. flabelliformis* Brocc. *P. meximus* Lina. *Spondylus bifrons* Münt. *Ostrea Virletti* Desh. *O. excavata* Desh. *O. lamellosa* Brocc. (Lam. ?). Этотъ сверхмуммулитовый известнякъ, по замѣчанію Абега, во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ большое сходство съ морскими из-

известнякомъ, который въ Средиземномъ третичномъ бассейнѣ составляетъ верхній отдѣлъ миоценовой формаціи. По мнѣнію Абуха, оня долженъ соответствовать *Calcaire moëllon* (Marcel de Serres). въ окрестностяхъ Монпелье, *Clypeasterkalk von Vence* около Гросса, такому же известняку въ Сардиніи, Италиі, на островѣ Маальта и въ Австріи, наконецъ известняку, который былъ наблюдаемъ Вукенелемъ и Деге въ Греціи и Чихачевымъ въ Киликіи. Продолженіе того же средиземнаго пояса въ горахъ Высокой Арменіи не должно казаться удивительнымъ. На окраинахъ обширныхъ плоскогорій Малой Азіи, тамъ, гдѣ сталкиваются горныя цѣпи Тавра и Загросъ, миоценовые известняки поднимаются отъ 7 до 8 тысячъ фут. абсолютной высоты.

Въ Темнолѣско-Ставропольскомъ плоскогорьѣ миоценовая формація состоитъ изъ двухъ ярусовъ, весьма различныхъ и по составу, и по органическимъ признакамъ. Нижній ярусъ этой формаціи, огромный и чрезвычайно равномѣрно распространяющійся, состоитъ обыкновенно изъ мергелей и темносѣраго кремнистаго известняка, заключающихъ въ себѣ преимущественно раковины *Trochus*, *Cerithium* и *Buccinum*. Верхній ярусъ составляютъ уже другія породы, именно песчаники, глины и скважистый известнякъ, представляющій множество органическихъ остатковъ. Тутъ особенно много Foraminifera, каковы *Rotalina*, *Polystomella* и *Multiloculina*. Изъ коралловъ наичаще встрѣчается *Pustulopora*. Изъ раковинныхъ животныхъ Абухъ упоминаетъ только о тѣхъ, которыя опредѣлены по хорошимъ образцамъ. Самыми характеристическими изъ нихъ оказываются различныя виды *Maetra* и *Cardium*, именно: *Maetra ponderosa* Eichw. *M. podolica* Eichw. *M. deltoides* Dub. *M. biangulata*; *Cardium Fittoni d'Orb.* *C. protractum* Eihw. *C. exiguum* Lam. Вѣсть съ означенными ископаемыми, составляющими главную органическую фазіономію описываемой формаціи, кое-гдѣ встрѣчаются еще остатки *Venus*, *Modiola* (*M. marginata* Eichw. *M. navicula* Dub.), *Tellina* (*T. subcarinata* Broc.), *Bullina usturtensis* Eichw. и другія. Сверхъ того, тутъ найдены кости одного изъ китообразныхъ животныхъ.

Прилѣчаніе. По ошибкѣ пропущена нами вторая статья *дополненій*, заключающая въ себѣ указаніе на источники, изъ котораго можно почерпнуть самыя подробныя свѣдѣнія о большомъ провалѣ около Пятигорска. и вообще о Пятигорскомъ краѣ и тамошнихъ минеральныхъ водахъ. Мы разумѣемъ тутъ превосходное сочиненіе, издаваемое въ прошломъ году г. Баталынымъ: *Пятигорскій край и кавказскія минеральныя воды*, въ двухъ частяхъ. Спб. 1861 г., съ альбомомъ мѣстныхъ пламовъ и видовъ. Сочиненіе это—результатъ изсѣдованій, произведенныхъ на Кавказѣ лѣтомъ 1856 года, по распоряженію бывшаго министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, сопровождавшими его въ эту поѣздку офицерами межеваго института: инженеръ поручикомъ Ставропскимъ и инженеръ подпоручикомъ Кикинымъ, и авторомъ означеннаго сочиненія, при содѣйствіи, между прочимъ, г. Морица, директора тифлисской магнитной и метеорологической обсерваторіи.

Всѣдствие этого пропуска 2-е дополненіе будетъ считаться 3-мъ, третье 4-мъ и т. д.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ КАРАМЗИНА

1785—1788

Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія существовало въ Москвѣ „Дружеское Ученое Общество.“ Одинъ изъ членовъ этого общества, И. П. Тургеневъ, затѣтилъ въ Сибирскѣ даровитаго молодого человѣка, терявшаго время за картами, и предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Москву, и посвятить себя литературѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ Карамзинъ. Онъ не противорѣчилъ предложенію Тургенева и въ томъ же 1785 году, мы находимъ его воспитанникомъ Дружескаго Общества. Въ немъ Карамзинъ прожилъ четыре года. Прежде онъ почти не занимался литературой, и единственнымъ произведеніемъ своимъ, изданнымъ до поступленія въ общество, доказалъ только то, что не умѣлъ еще порядочно писать по-русски. Я намѣренъ указать, какими вліяніями опредѣлилось литературное образованіе Карамзина въ Дружескомъ Обществѣ, и бѣгло познакомить съ тѣми людьми, которыхъ онъ здѣсь встрѣтилъ. Между ними самое видное мѣсто занималъ Новиковъ.

Шестнадцати лѣтъ исключенный изъ университета, за нехождение во французскіе классы, Новиковъ не получилъ никакого систематическаго образованія. Очутившись на

свободѣ, въ военной службѣ, онъ не утонулъ однако въ пошлостяхъ и барской дѣлн окружавшаго его общества. Въ дѣлѣ образованія онъ предоставленъ былъ самому себѣ. Тяжелая работа надъ самимъ собою, конечно, заставила Новикова позаботиться о томъ, чтобъ облегчить для другихъ путь къ образованію, путь, трудности котораго онъ испыталъ на себѣ. Литературная дѣятельность Новикова началась изданіемъ сатирическихъ журналовъ. Образцомъ для нихъ служили нравоучительно-сатирическіе журналы Стиля и Аддисона, которые въ прошломъ столѣтіи, впервые открыли въ литературу доступъ изображеніямъ повседневной домашней жизни, безъ прикрасъ, аллегорій и фальшивой идеализаціи. Во всѣхъ европейскихъ литературахъ отрѣшеніе отъ ложно-классической теоріи, и возвращеніе словесности къ вопросамъ общественной жизни и развитію народныхъ началъ сопровождалось въ XVIII вѣкѣ нравоучительно-сатирическими журналами по плану Стиля и Аддисона. То же было и у насъ.

Общество представляло богатые матеріалы наблюдательному уму сатирика и моралиста. При дворѣ кипѣла ослѣпительно-роскошная жизнь. Русское барство зажило на широкую ногу. Баснословная расточительность знати, выражавшаяся въ самыхъ дикихъ формахъ, вытягивала изъ народа трудовые заработки, которыя проматывались подъ болтовню филантропическихъ идей, о человѣческомъ равенствѣ, и подъ хвалебные гимны Державина, Хераскова и другихъ пѣнцовъ, любившихъ находить краски для изображенія подобныхъ пировъ. Журналы Новикова почти не касались характеристики высшаго общества: оно имѣло своихъ цеховыхъ писателей. Но все же журналы Новикова рѣшались описывать „плоды жестокости и страха,“ столь ясно выступавшіе въ народѣ, и пересказывать почему „крестьяне боялись своихъ господъ въ красныхъ кафтаняхъ, какъ дикихъ звѣрей.“ Новиковъ первый показалъ эту оборотную сторону медали своего блистательнаго времени. Среди звуковъ торжественныхъ лиръ онъ заговорилъ о томъ, „какъ мало помѣщички имѣють попеченія о земледѣліи, и какъ велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество государства составлять должны.“ Изъ-за облачныхъ пареній онъ сводилъ читателя на дѣйствительную почву, и отъ созерцанія „золотаго

вѣка Астреи“ возвращалъ къ тяжелымъ можетъ-быть, но всегда поучительнымъ наблюденіямъ надъ настоящимъ.

Европейскія идеи туго прививались къ русской почвѣ; зато тѣмъ легче схватывали верхушки европейскаго быта, и торопливо старались пересадить ихъ на родину. Образовалось цѣлое поколѣніе „щеголей и щеголихъ“, въ которыхъ типическіи выразилось жалкое обезьянничество тогдашней эпохи. Они старались перенять, если не у Французовъ, то у русской знати, костюмъ, языкъ, образъ жизни, и непременно хотѣли отдѣлиться отъ окружающей среды „модными“ достоинствами. Съ наглостью разнузданнаго невѣжества смѣялись они надъ семейною жизнью, и замѣняли прежній патриархальный деспотизмъ семьи развратомъ и неслыханною свободой отношеній, которыя выдавались за необходимыя принадлежности образованнаго общества. Разводъ сдѣлался модой. Люди, принимавшіе къ сердцу народное благосостояніе и развитіе, видѣли передъ собою лишь легкомысленную игру лучшими интересами человека, и вмѣсто подотворныхъ результатовъ европейскаго вліянія находили въ обществѣ новую язву. При самой крѣпкой вѣрѣ въ нравственную силу просвѣщенія и свободы, они невольно заподозривали пользу иноземнаго образованія, и обращались съ своими симпатіями къ допетровской старинѣ, правда, невѣжественной, но, казалось имъ, не представлявшей такихъ крупныхъ явленій деморализаціи, какими богато было ихъ переходное время. Упреки западу посылались отъ самыхъ пламенныхъ прогрессистовъ, отъ самыхъ честныхъ гражданъ. Утраченная старина русская облекалась для многихъ въ самые привлекательные образы; „стародумство“ дѣлалось нравственнымъ идеаломъ. Новиковъ и многіе другіе писатели приходятъ къ убѣжденію, что нужно изучить родную старину, отъ которой повѣло на нихъ всевозможными доблестями. Старинные обряды и обычаи получаютъ поль ихъ перомъ высокій нравственный смыслъ, котораго напрасно ищутъ они въ дѣйствительности современной. Эта идеализація старины, это своего рода славянофильство екатерининскихъ временъ было естественною реакціей тому западничеству, которое выражалось только въ уроливыхъ привычкахъ „щеголей и щеголихъ“, и въ надменномъ разобщеніи съ низшими классами общества. Отъ сатири-

ческихъ журналовъ Новиковъ переходитъ къ изданію журнала историческаго, *Древней Россійской Вивлиоики*, или *собранія древностей россійскихъ, до россійской исторіи, географіи и генеологіи касающихся*. Издатель хотѣлъ поставить лицомъ къ лицу нашу родную старину, нашу народность съ новыми формами жизни, заимствованными съ запада. Онъ видѣлъ въ своемъ *Сборникъ древностей* не просто матеріалъ для критическихъ изслѣдованій будущихъ историковъ Россіи, но еще болѣе — живой урокъ настоящему. Низшіе классы общества, почти ветронутые реформой, не несли въ глазахъ образованныхъ людей отвѣтственности за царившія въ нихъ невѣжество и суевѣріе. „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ“, говоритъ одинъ изъ новиковскихъ журналовъ, и Новиковъ „съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца,“ могъ только думать о филантропическихъ учрежденіяхъ для лучшаго будущаго этихъ „бѣдныхъ тварей“ и бесполезно восклицать: „О солнце, лучами щедротъ своихъ Россію озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ!“ Успѣхъ *Живописца* убѣдилъ Новикова въ томъ, „что у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятими изданіями печатаются, которыя попадаютъ на вкусъ мѣщанъ, и симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ иностранныхъ языковъ, нравятся.“ Новиковъ посвятилъ себя образованію среднихъ и низшихъ классовъ. Онъ можетъ быть названъ создателемъ нашей мѣщанской литературы. Онъ заводилъ бесплатныя школы, печаталъ книги „для бѣдныхъ“ и для народнаго чтенія, употреблялъ всѣ средства для развитія въ народѣ образованности, о чемъ не было рѣчи въ комиссіи народныхъ училищъ. Перевѣздъ Новикова въ Москву (въ 1779 г.) еще болѣе закрѣпилъ въ немъ это литературное и общественное направленіе.

Удаленная отъ двора, отъ центра административной власти, Москва сохраняла въ то время фizioномію стариннаго русскаго города. Здѣсь все носило отпечатокъ старины, отъ староманерныхъ деревянныхъ строеній, дѣлливо и капризно тянувшихся на далекое разстояніе, до быта и нравовъ жителей. Человѣку, выросшему въ Петербургѣ и потомъ вдругъ перенесенному въ Москву, старая столица представляла на каждомъ шагу множество антикварныхъ

рѣдкостей. „И народу и глупостей здѣсь больше; ста Мольеровъ требуетъ Москва“, пишетъ Сумароковъ императрицѣ Екатеринѣ II. „Люди здѣсь только во вкусъ приводятся, продолжаетъ онъ, потому что дворъ обыкновенно въ Петербургѣ.“

Книжная торговля въ Москвѣ совершалась почти также, какъ въ XVI вѣкѣ: она не получила еще осядаости. До 1762 года въ Москвѣ не было ни одной книжной лавки, да и книгъ обращалось мало; торговали больше рукописями, лубочными тетрадами и листами. „Если книгами и перебывали нѣкоторые частные люди (разказываетъ современникъ), то безъ всякой коммерческой дальновидности, и гдѣ же? Стыдно сказать; въ толкучемъ вмѣстѣ съ желѣзными обломками, на ряду съ подовыми, на рогажкахъ или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣпныхъ собакъ запирали, такъ, что и подойти бывало страшно.“ Въ провинціи книги были еще рѣже; добывались съ трудомъ и за огромныя деньги.

Поселившись въ Москвѣ, и взявъ на откупъ университетскую типографію, Новиковъ поставилъ книжную торговлю на твердыхъ и широкихъ основаніяхъ. Прошло какихъ-нибудь три года, и при его содѣйствіи открыты были книжныя лавки въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ и Кіевѣ. Торговля не была прибыльна. Новиковъ часто дарилъ книгами богатыхъ людей, чтобы приучить ихъ къ чтенію. Нужно было не только много энергіи, но и матеріальныхъ средствъ чтобы затѣять такое рискованное дѣло. Но за Новиковымъ стояло уже цѣлое организованное, глубоко преданное его идеямъ Общество. Вотъ какъ оно образовалось.

„Въ одно утро (разказываетъ Новиковъ), пришелъ ко мнѣ Нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь до самой смерти его неразлучнымъ; этотъ Нѣмчикъ былъ Шварцъ.“ Въ начинаніяхъ и убѣжденіяхъ Новикова и Шварца было много общаго. Новиковъ еще въ Петербургѣ въ 1769 году, сдѣланъ былъ членомъ одной масонской ложи, учрежденной по образцу одной изъ лондонскихъ ложъ; Шварцъ былъ пламеннымъ приверженцемъ масонства. Новиковъ отдалъ всю свою дѣятельность воспитанію и литературѣ; Шварцъ уже до пріѣзда Новикова въ Москву устроилъ педагогическую семинарію и, какъ

только стала развѣртываться типографская дѣятельность Новикова, Шварцъ тотчасъ доставилъ ему прилежныхъ и опытныхъ переводчиковъ изъ своей семинаріи. По образованію, по опредѣленности и законченности своихъ воззрѣній, Шварцъ стоялъ выше Новикова, и послѣдній сталъ не только его другомъ, но и ученикомъ. Если мистицизмъ сдѣлался религіею Новикова, то этимъ обязанъ онъ Шварцу. Скоро около нихъ составились въ Москвѣ масонскія ложи, распространившіяся потомъ и въ другихъ городахъ и разносившія съ собою вездѣ тѣ же начала, какими проникнуть былъ Новиковскій кружокъ. Какія же были эти начала? Что скрывалось за таинственной завѣсой масонскихъ ложъ Москвы прошлаго вѣка?

Представимъ себѣ два треугольника, вершины которыхъ совпадаютъ въ одной точкѣ; изъ этой точки, какъ изъ центра, опишемъ кругъ и пусть этотъ кругъ, насколько онъ находится въ треугольникахъ, будетъ означать человѣка. Половина круга находится въ верхнемъ треугольникѣ, другая въ нижнемъ. Верхній треугольникъ означаетъ міръ духовный, міръ свѣта, божества; нижній треугольникъ означаетъ міръ матеріальный, міръ тьмы и невѣдѣнія, міръ дьявола. Человѣкъ принадлежитъ и тому и другому; онъ высшее существо матеріальнаго, и низшее духовнаго міра. Человѣкъ отъ природы одинаково притягивается и къ свѣту, духовному міру, и къ мраку, міру матеріальному. Если свѣтъ, духовность, божество, должно въ немъ взять верхъ надъ тьмою, матеріей, дьяволомъ, то естественно, что человѣкъ долженъ для этого весь открыться свѣту, и совершенно закрыть глаза на матерію, на земной міръ: тогда онъ создастъ вокругъ себя небесную атмосферу. Было время, когда человѣкъ принадлежалъ только свѣту, только небесному міру; но грѣхъ Адама лишилъ его этого состоянія: удалите преграду грѣха, не слушайте оболыщеній матеріи, тьмы, очистите себя отъ земныхъ грѣховъ, и вы возродитесь къ первобытному божественному состоянію человѣка; въ васъ заблещетъ небесный свѣтъ, высшее знаніе будетъ дано вамъ. Для этого человѣку нужно подниматься отъ нижняго треугольника къ верхнему, то-есть отъ грѣховности земной къ свѣту небесному; ему нужно уединиться отъ соблазновъ матеріальнаго міра, углубиться въ самого себя, предаться само-

познанію, и для него настанетъ блаженное время субботняго покоя, когда ему останется прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять высшія тайны человѣческаго бытія. Внутреннее откровеніе, возвращеніе къ божественному свѣту замѣнитъ для человѣка пустую школьную науку, которая дѣлаетъ людей гордыми, самоувѣренными и заставляетъ испадать глубже въ міръ матеріи, во власть дьявола. Духовное ясновидѣніе человѣка достигается только совершеннымъ удаленіемъ отъ грѣха, то-есть дѣятельною нравственною жизнью и самоуглубленіемъ. Торжествующая совѣсть просвѣщаетъ разумъ, и ему дѣлается все понятно. Постоянная работа надъ своимъ внутреннимъ человекомъ должна быть занятіемъ всей нашей жизни. Средство достигнуть внутренняго откровенія состоитъ въ томъ, чтобы всегда слѣдовать жизни Іисуса Христа.

Такимъ образомъ для мистиковъ христіанство имѣло значеніе только потому, что въ немъ въ наибольшей чистотѣ выразились основныя начала нравственной жизни, которую мистицизмъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ истинной религіи; догматическія понятія не имѣютъ для него особеннаго значенія. Мистицизмъ требуетъ не знанія догмата вѣры, а нравственнаго поступка. Масонское братство совпадаетъ съ мнѣніями философской школы деистовъ, которая провозгласила религію разума, вѣрила только тому, до чего доходила философскимъ путемъ; требовала отъ человѣка, во имя религіи, нравственной жизни и дѣятельности; признавала Высшее разумное существо, господствующее въ мірѣ, но предоставляла человѣческому разуму составлять о немъ свои понятія. Масонская ложа орденового была открыта для людей всѣхъ исповѣданій; она привѣтствовала каждого, къ какой бы кто сектѣ, званію, народу ни принадлежалъ, только человекомъ, и создавала братскій союзъ во имя человѣческаго равенства и во имя дѣятельной любви къ ближнему. Она желала внести терпимость въ религіозную сферу, равноправность въ общественныхъ отношеніяхъ. Высшая терпимость вытекала изъ рационализма деистовъ и основныхъ убѣжденій масонскихъ братствъ. Эти воззрѣнія были желаннымъ дѣломъ послѣ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, потрясавшихъ западную Европу, и масонство является тамъ вмѣстѣ съ деизмомъ на сцену

догмы, поднимавшей преслѣдованіа на диссидентовъ во имя религіи Христа.

Свобода мысли и вѣры—неотъемлемая принадлежность мистицизма. Свои основныя положенія и тенденціи масонство облекло въ тѣ символическіе образы, которые своимъ поэзію много вѣковъ баловали человѣческую фантазію. Масоны говорили, что они хотятъ возстановить Соломоновъ храмъ. Но для возсозданія этой благолѣпной святыни, говорили они, нужны не камни тѣсные, а самъ человѣкъ: должно очистить сердца людей, и изъ людскаго братства, воздвигнутаго на началахъ вѣры и любви, составитсѣ Соломоновъ храмъ. Развитие человѣческой природы во всей ея непосредственности, помимо постороннихъ внушеній и школьныхъ предразсудковъ, въ ея естественной красотѣ—вотъ дѣла масонства. Мистицизмъ московскихъ ложъ становилсѣ въ рѣшительный контрастъ съ философій матеріалистовъ. „Человѣкъ то же, что животное“, говорили матеріалисты; „онъ добродѣтеленъ, потому что доброе дѣло всегда сопровождается пріятнымъ ощущеніемъ и доставляетъ ему удовольствіе, онъ добродѣтеленъ изъ самоуслажденія.“ Крайніе и легкомысленные послѣдователи Дидро утверждали, что человѣкъ призванъ на землю, чтобы наслаждаться чувственно, что самолюбіе есть рычагъ человѣческой дѣятельности. „Стремленіе къ расширенію своихъ совершенствъ есть пружина человѣческой дѣятельности,“ говорили мистики.

Въ то время, какъ многіе бросались у насъ на матеріализмъ, изуродованный Гольбахомъ и Гельвеціемъ,—бросались, можетъ-быть, для того чтобъ оправдать теоріей свою энциклопедическую практику,—въ это время Шварцъ открылъ свои философскія лекціи, гдѣ разбиралъ ученія матеріалистовъ. „Его простое слово“ поразительно подѣйствовало на слушателей и „на мѣсто модныхъ сочиненій“ матеріалистовъ, „въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключалсѣ,“ поставило Бибію. По словамъ мистиковъ, Бибія была орудіемъ для наружнаго откровенія. Въ прошломъ вѣкѣ, Бибіа была у насъ мало распространена и читалсѣ почти одними раскольниками. Многіе правовѣрные жаловались что Бибію начинали читать. Большинство убѣждено было, что отъ чтенія Бибіи люди сходятъ съ ума и приходятъ къ богохульству. Лабзинъ разсказываетъ, что

мать больно выскла его однажды за чтеніе Библіи. И вотъ компанія Новикова издаетъ, неслыханную на Руси, ручную, удобопонятную Библію; поднимаетъ вопросъ о необходимости имѣть Библію на русскомъ, всѣмъ понятномъ языкѣ; распространяетъ сотни общедоступныхъ духовныхъ книгъ, совершенно чуждыхъ исключительнаго схоластицизма, и старается замѣнить религіозную обрядность и догматическія тонкости богословія—дѣятельнымъ христіанствомъ. Новиковскій кружокъ умѣлъ изъ всѣхъ европейскихъ литературъ извлечь эти произведенія; онъ издалъ и Оому Кемпійскаго, и Арнута, и Масова, и Беньяна и Таулера, и множество другихъ сочиненій, заглавія которыхъ опомнились отъ того, что книги эти въ безчисленныхъ изданіяхъ ходятъ теперь среди простаго народа, а у насъ боятся знать то, что читаетъ простой народъ, изъ опасенія прослыть невѣждами. Маколей посвятилъ Беньяну одинъ изъ своихъ лучшихъ essays; желающіе найдутъ тамъ характеристику его произведеній.

Въ 1781 году Шварцъ увидѣлъ наконецъ возможность осуществить тотъ планъ, который давно лелѣлъ въ головѣ: по его убѣжденію, нѣсколько богатыхъ московскихъ дворянъ пожертвовали большіе капиталы для составленія „Дружескаго Ученаго Общества“, которое и было открыто въ 1782 году. Цѣлью этого общества было распространять въ большинствѣ истинные взгляды на воспитаніе, издавать общепользныя переводныя и оригинальныя книги, готовить хорошихъ русскихъ учителей. Даровитые молодые люди, которыхъ могло замѣтить Общество въ университетахъ, его гимназіяхъ, семинаріяхъ, получали предложеніе принять участіе въ трудахъ Общества или продолжать свое образованіе на его счетъ. Въ кружокъ молодежи, которая содержалась на счетъ Дружескаго Общества, поступилъ въ 1785 году и Карамзинъ. Шварца не было уже въ живыхъ; но память о немъ свѣжо хранилась между учеными друзьями, и его мысль еще двигала ихъ начинанія. Бюстъ Шварца стоялъ въ квартирѣ молодыхъ словесниковъ, рядомъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя. Для Карамзина начиналась новая жизнь. Немного далъ ему пансіонъ Шадена, въ которомъ онъ воспитывался. Теперь Карамзинъ снова отдавался наукѣ, товарищескому молодому кружку, студенчеству. Впечатлѣнія, вынесенныя

карамзинимъ изъ этого коротенькаго періода, остались въ немъ на всю жизнь. Правда; многое развѣялось въ послѣдствіи и затерялось подъ другими вліяніями, взгляды его разошлись съ воззрѣніями Дружескаго Общества; но образы нѣсколькихъ личностей, окружавшихъ Карамзина въ эти годы ученья, хранились всегда въ его благодарной памяти.

Эти люди ввели его въ сферу философскихъ и литературныхъ вопросовъ, всегда привлекательныхъ для ума. Читая деистовъ и матеріалистовъ, Карамзинъ въ то же время занимался переводами сочиненій совершенно противоположнаго направленія. По порученію Дружескаго Общества, Карамзинъ перевелъ въ это время: 1) поэму Галлера: *О происхожденіи зла*; 2) нѣсколько статей для изданія *Бесѣды съ Богомъ или размышленія на каждый день года*, и 3) нѣсколько статей для *Дѣтскаго Читанія*.

Въ то время, какъ Лудовикъ XIV, ревнуя объ единеніи своего государства, поднималъ преслѣдованія на протестантовъ, въ Голландіи, на нейтральной почвѣ, смѣлый французскій выходецъ Бель безпощадною рукою разрушалъ тѣ хитросплетенія, которыми старались оправдать религіозныя преслѣдованія. Этотъ энергическій боецъ за религіозную терпимость упрочилъ въ европейскомъ обществѣ мысль о ея необходимости. Ненависть къ кровавымъ религіознымъ войнамъ привела Беля къ атеизму. Въ его воображеніи слагалось идеальное общество атеистовъ, нравственно-чистое и благородное, и этому фантому своего воображенія онъ противопоставлялъ государство христіанское, суевѣрное, лишенное всякихъ доблестей. Бель шелъ по одной дорогѣ съ деистами, и во имя любви къ людямъ, возставалъ противъ того что служило источникомъ постоянныхъ войнъ и насилій. Дружеское Общество не могло не сочувствовать этому гуманному требованію. Одинъ изъ студентскихъ журналовъ, издававшихся обществомъ, прямо прикрывается авторитетомъ Беля и печатаетъ рѣзкую статью, въ которой противопоставляетъ логику христіанскую—языческую. „Новое время (говоритъ эта статья) ввело разные силлогизмы, разные способы убѣждать: первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы съ каждой стороны выставить по 100 тысячъ состязателей, и сіи дефенденты доказываютъ несправедливость оппонентовъ силою громо-

гласныхъ провозвѣстниковъ истины, называемыхъ въ краснорѣчіи пушками, мортирами, ружьями, мечами... Самый же убѣдительный аргументъ называется попросту *кнута*. Убѣждающіе употребляли въ доводы свои разнаго рода *сориты*, просто называемые костерь дровъ, дыбы, застѣвки и прочая такого рода зброя. Они часто и съ успѣхомъ употребляемы были въ обращеніи заблуждающихся невѣрныхъ къ вѣрѣ христіанской. Для скорѣйшаго же разрѣшенія всѣхъ сомнѣній изобрѣтены были особливые убѣдительные доводы: кнуты, петли, висѣлицы, колья, колеса, огонь и другія костоломныя орудія и машины признаны были всеобщимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ убѣжденію; а какъ они приведены были въ систему, то и составляли христіанское дополненіе къ древней языческой логикѣ.“

Еще шагъ, и Дружеское Общество дойдетъ до мысли Бель, что положительная религія не нужна. Общество не дѣлаетъ этого шага. Христіанство, представившее человѣку высокій нравственный идеалъ, остается для мистиковъ святыней неприкосновенною. Бель старается отыскать въ немъ догматическія и нравственныя противорѣчія, и софистически спрашиваетъ: откуда же взялось въ мірѣ зло, если онъ созданъ всеблагимъ божествомъ? И вопросъ о происхожденіи зла становится надолго важнѣйшимъ, очереднымъ вопросомъ въ европейской литературѣ. Въ 1706 году, на лондонскихъ улицахъ, продавался листокъ подъ заглавіемъ: *Улей*. Авторъ этой басни, Мандевилъ, извлекалъ изъ своего разказа такого рода поученія: „Счастіе и добродѣтель вещи несоединимыя. Голодъ конечно дурное дѣло, но какъ же мы будемъ питаться, расти и жить, если не будемъ чувствовать голода? Голодъ необходимъ. Порокъ также необходимъ для процвѣтанія государства, какъ голодъ для человѣческаго питанія. Зло господствуетъ по всей землѣ. Не самопожертвованіе, а суетность и своекорыстіе управляютъ человѣческими поступками; такъ и должно быть. Народъ должно держать въ невѣжествѣ и нищетѣ: иначе, кто же будетъ заниматься торговлей и земледѣліемъ?“ Галлерова поэма о происхожденіи зла, которую перевелъ Карамзинъ, была отвѣтомъ христіанина на тѣ парадоксы, къ которымъ подавала поводъ эта тема. Басню Мандевила особенно имѣлъ въ виду Галлеръ, стараясь показать, что существо-

ваніе зла не противорѣчитъ божественной благодати. Нѣтъ сомнѣнія, что Дружеское Общество, убѣжденія котораго были діаметрально противоположны мнѣніямъ Мандевила, желало распространенія поэмы Галлера, которая и во множествѣ другихъ подробностей вторила мистицизму. Карамзинъ прибавилъ къ поэмѣ нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній, изъ которыхъ видно, что онъ находился вполне подъ вліяніемъ мистиковъ, которые положили въ немъ твердую оппозицію философіи матеріалистовъ. Вотъ его мысли: всѣ мірскія блага не сдѣлають человѣка счастливымъ, если онъ лишенъ будетъ своихъ истинныхъ потребностей, то-есть духовныхъ наслажденій, спокойствія внутренняго міра; разумъ бываетъ источникомъ зла, и что свободная воля человѣка должна возвратитъ его къ утраченному совершенству.

Мысль умершаго Шварца руководила и другими трудами Карамзина въ то время. Съ 1785 года Новиковъ издавалъ при газетахъ переведенныя статьи для *Дѣтскаго Чтенія*. Карамзинъ работалъ на это изданіе вмѣстѣ съ другимъ воспитанникомъ Дружескаго Общества — Петровымъ. Карамзинъ горячо привязался къ этой симпатической личности. Петровъ владѣлъ рѣдкимъ въ то время образованіемъ; зналъ хорошо древніе и новые языки (даже англійскій); природа надѣлила его тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, и его душевные бесѣды о литературѣ были для Карамзина самыми поучительными лекціями. Жизнь въ Дружескомъ Обществѣ и знакомство съ мистицизмомъ положило рѣзкую печать на нѣжную организацію Петрова: молодой человѣкъ былъ угрюмъ, молчаливъ, подчасъ насмѣшливъ. Тяжелыя сомнѣнія какъ будто преждевременно обрушились на него. „Вопросы: что я есть и что я буду? всего меня занимають (пишетъ онъ Карамзину) и бѣдную голову мою, праздностию разслабленную, кружатъ и въ большее неустройство приводятъ.“ Петровъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Всѣ книги, изданныя Новиковымъ для *Дѣтскаго Чтенія* и для разъясненія вопроса о воспитаніи, основаны на началахъ такъ-называемой филантропической педагогики. Педагоги-филантропы усвоили себѣ ту мысль, которую съ такими крайностями развилъ Руссо въ своемъ *Эмилъ* и въ своемъ знаменитомъ разсужденіи о вліяніи просвѣще-

нія на нравы. Поставленный въ средину XVIII вѣка, такъ широко и свободно развившаго философскія и общественныя задачи, гордаго своими завоеваніями въ области мысли, Руссо спрашиваетъ: „доставила ли эта философія счастье человѣку, или она заглушила въ немъ и силу чувства и добродѣтель, и только развратила, извѣжила людей? Известно, въ какую сторону рѣшаетъ Руссо этотъ вопросъ. Наука есть слѣдствіе разврата, и ея слѣдствіе—также развратъ. Благодаря ей, теперь талантъ торжествуетъ надъ добродѣтелью; въ обществѣ не спрашиваютъ: честенъ ли человѣкъ, а уменъ ли онъ. У насъ есть философы, естествоиспытатели, художники,—нѣтъ только гражданъ.“ Первобытное естественное состояніе человѣка становится для Руссо идеаломъ. Онъ чувствуетъ, что этотъ идеалъ утраченъ навсегда, что науки нельзя уничтожить; онъ желаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы человѣка воспитывали какъ можно естественнѣе, ближе къ природѣ, чтобы онъ развивался по возможности самостоятельно. Принужденіе и страхъ, ученье наизусть и тѣлесныя наказанія должны быть изгнаны. Проповѣдь Руссо возвратила дѣтству его утраченные права. Въ Германіи образовалось цѣлое направленіе, которое въ дѣлѣ воспитанія положило цѣлю естественное и свободное развитіе человѣческой личности, и притомъ не образованіе художника, ремесленника, ученаго, а человѣка вообще, космополита. Во взглядахъ Руссо было такъ много сходнаго съ убѣжденіями масоновъ, что Новиковъ могъ руководствоваться только правилами филантропической педагогики. Прежней школьной дисциплинѣ нанесена страшный ударъ. Первая половина XVIII столѣтія руководствовалась совсѣмъ другими приѣмами. Петръ Великій предписывалъ школамъ „сѣчь по два дни вѣщадно батогами, или, по молодости лѣтъ, наказать вмѣсто кута—кошками.“ И наставники, по ихъ собственному призванію, укрѣпляли ученыхя вещи плетью. Въ классѣ морской академіи порядокъ поддерживался дядькою, который имѣлъ хлыстъ въ рукахъ, „а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, какимъ хлыстомъ бить, несмотря, какой бы ученикъ фамиліи ни былъ.“ Донесенія архіереевъ о ходѣ ученія въ семинаріяхъ въ 50-хъ годахъ почти не понятны для насъ: многіе ученики показаны въ бѣгахъ, другіе отданы въ солдаты, третьи за старостію выжили изъ ума.

Дружеское Общество распространяло совѣмъ другія понятія и выставило оппозицію поколѣнью педагоговъ въ родѣ Алабушева и Брудастаго,—поколѣнью, которое въ своихъ заповѣдныхъ уголкахъ, можетъ-быть, не переводится до сихъ поръ. Передѣлавая съ Петровымъ для *Дѣтскаго Чтенія* статьи и руководства, вышедшія изъ-подъ пера педагоговъ-филаантроповъ, Карамзинъ увлекался въ то же время сочиненіями Руссо. Въ послѣдствіи онъ напечаталъ опроверженіе мыслей Руссо относительно просвѣщенія; но въ описываемое время онъ готовъ былъ промѣнять образованность на идиллическую жизнь дикаря. „Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи о родѣ жизни альпійскихъ пастуховъ, говоритъ Карамзинъ, въ восхищеніе меня приводило. Я часто восклицалъ: О, смертные! зачѣмъ уклонились вы отъ начальной невинности своей, зачѣмъ гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ!“

Однимъ изъ этихъ путешественниковъ, разказы которыхъ такъ плѣняли Карамзина, былъ, конечно, Іоганнъ Рейнгольдъ Ленцъ, по характеру и настроенію во многомъ напоминавшій Руссо. Это былъ одинъ изъ первыхъ двигателей и одна изъ первыхъ жертвъ того періода въ исторіи духовнаго развитія Германіи, который извѣстенъ подъ именемъ *Sturm- und Drang-Periode*. Движеніе началось съ семидесятихъ годовъ прошлаго вѣка. Чувствовали сильное, хотя часто неаѣное, стремленіе оторваться отъ настоящаго, разрушить преданія, дать міру новое и самобытное духовное содержаніе; возвращаются съ увлеченіемъ къ природѣ, естественности, къ безыскусственной поэзіи человѣчества. Гомеръ, народныя пѣсни и Шекспиръ дѣлаются предметомъ пламеннаго изученія.

Ленцъ владѣлъ сильнымъ и въ высшей степени оригинальнымъ талантомъ. Посреди печальной и развращающей обстановки прошла первая его молодость. Съ прекраснымъ поэтическимъ дарованіемъ, съ любящимъ сердцемъ, въ Ленцѣ соединялось громадное самолюбіе и неумѣнье владѣть собою. Тихія и нѣжныя впечатлѣнія не пришли успокоить эту кипучую натуру. Въ Зезенгеймѣ Ленцъ влюбился въ Фредерику Брюнъ, одну изъ первыхъ личностей, озарившихъ молодость Гёте. Творецъ Фауста былъ счастливѣе своего молодаго товарища. Неудача въ любви, оскорбленное самолюбіе свели Ленца съ ума. Онъ падалъ съ каждымъ

днемъ; въ тупомъ бездѣйстви, въ безумныхъ припадкахъ бѣшенства, гибнулъ его сильный талантъ. У Ленца не доставало нравственной энергiи, чтобы сдержать свою болѣзненную раздражительность и уравновѣсить свои порывы... „Чтобы быть поэтомъ, говоритъ онъ, мнѣ не достаетъ спокойствiя, теплаго воздуха и сердечнаго блаженства. Судьба бросила мое сердце въ тину, среди холодной крапивы.“ Не разъ пытался Ленцъ оправиться отъ своего нравственнаго падемя; не разъ озлобленная душа его, „утратившая вѣру и въ Бога и въ людей“, каялась, и безвольными бичеванiями думала купить себѣ прощенье. Вотъ что разказываетъ о Ленцѣ пасторъ Обераицъ: „Мнѣ было страшно, и я самъ испытывалъ дотошъ невѣдомыя мнѣ мученiя, когда онъ, ставши на колѣни, взявши меня за руку и положивши мнѣ на колѣна голову, пряталъ въ складкахъ моей одежды свое блѣдное, покрытое потомъ лицо, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, не то чтобы каялся, а испускалъ воли своей измученной совѣсти и неудовлетворенныхъ стремленiй.“

Судьба занесла Ленца въ Москву, и его, какъ видно, прiютилъ у себя Новиковскiй кружокъ ¹. Петровъ и Карамзинъ знали Ленца въ послѣднiе годы его жизни. Можетъ быть, Ленцъ вспомнилъ здѣсь то лучшее время своей молодости, когда вмѣстѣ съ другими молодыми людьми входилъ въ составъ литературнаго кружка, сосредоточившагося въ Страсбургѣ около Зальцманна, когда онъ впервые приступилъ къ изученiю Шекспира и „угабулся вмѣстѣ съ нимъ въ высокiя таинства судьбы.“ Его необузданному таланту такъ нравилась суровая красота англiйскаго трагика. Ленцъ стоялъ въ дружескихъ отношенiяхъ къ ближайшимъ помощникомъ Базедова и къ Зальцманну, изъ изданiй котораго переводились статьи для *Дѣтскаго чтенiя*. Пламенное уваженiе къ Шекспиру, нѣтъ сомнѣнiя, сообщилось отъ Ленца Петрову и Карамзину, который занялся переводомъ его *Юлиа Цезаря* и въ предисловіи отвесилъ къ Шекспиру искренно и свободно отъ повсемѣстно

¹ Некрологъ Ленца вѣроятно разумѣетъ одного изъ членовъ Дружескаго Общества, когда говоритъ: „Er (Lenz) wurde auf Kosten eines grossmüthigen russischen Edelmannes, in dessen Hause er auch lange Zeit lebte, begraben.“ Stöber, *Der Dichter Lenz und Friederike von Sassenheim*, p. 43.

господствовавшихъ на него возрѣвнѣй ложно классической критики. Въ кружкѣ Дружескаго Общества Карамзинъ встрѣтился съ А. М. Кутузовымъ. Мистицизмъ пустилъ въ него глубокіе корни. Кутузовъ былъ гораздо старше Карамзина. Въ 1767 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, Кутузовъ посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Товарищами его были, между прочими, Радищевъ и Ушаковъ. Тотъ и другой бредили Гольбахомъ и Гельвеціемъ. „Еслибы возможно было опредѣлить (рассказываетъ Радищевъ), какое каждый изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ ему почтаніи, то бы описаніе это показалось взятымъ изъ какого либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной воображалъ Бога палачомъ, другой школьнымъ учителемъ, котораго дразнить ни во что вмѣняется.“ Ушаковъ не только раздѣлялъ мнѣнія Гельвеція; но и на практикѣ ихъ примѣнялъ. Его организмъ разстроенъ былъ излишествомъ чувственныхъ наслажденій. Въ Лейпцигѣ онъ сильно занемогъ. Мучимый жестокимъ воспаленіемъ, услышавши отъ врача смертный приговоръ, Ушаковъ просилъ у Кутузова яду, считая самоубійство доблестью. Кутузовъ не исполнилъ просьбы умирающаго друга, и этого Радищевъ никогда не могъ простить ему. Такъ столкнулись въ Лейпцигѣ матеріалисты съ будущимъ московскимъ мистикомъ. Столкновение это не нарушило впрочемъ ни дружбы ихъ, ни гармоніи ихъ политическихъ убѣжденій. Въ такомъ кружкѣ провелъ часть своей молодости Кутузовъ, котораго Карамзинъ зналъ уже меланхоликомъ, постоянно занятымъ мыслию о смерти.

Вотъ люди, съ которыми разстался Карамзинъ въ 1789 году. Онъ уѣхалъ за границу,—на счетъ Дружескаго Общества и путешествовалъ по инструкціи, написанной другомъ Новикова, С. И. Гамалѣемъ“ (говорить преданіе). Литературная извѣстность Карамзина началась *Московскимъ Журналомъ*, который онъ издавалъ по возвращеніи изъ-за границы. Дѣятельность Дружескаго Общества почти заглохла въ это время. Новиковъ въ 1792 году посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Причиной тому былъ конституціонный актъ, представленный великому князю Павлу Петровичу Павловымъ, однимъ изъ друзей и покровителей московскихъ масоновъ. Карамзинъ напе-

чталъ тогда въ своемъ *Московскомъ Журналѣ* оду къ милости, въ которой старался обратить вниманіе императрицы на своего недавняго покровителя и разсвѣять ея подозрѣнія. Онъ говорилъ:

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?

Карамзинская школа смѣнила собою новиковскій періодъ нашей литературы. Позабылись имена членовъ Дружескаго Общества, разсѣянныхъ по деревенскимъ захолаустьямъ; филантропическія учрежденія ихъ исчезли; направленіе ихъ въ нашей литературѣ заглохло.

Для громадной энергіи Новикова не было поприща. 19 ноября 1796 года возвратился онъ въ свое Тихвинское, „дряхлъ, старь, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ.“ Но въ этомъ разбитомъ тѣлѣ не были сокрушены прежнія убѣжденія. „Станемъ изслѣдовать (писалъ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ одному изъ друзей), не раздѣлились ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ обѣщались жить и умереть.“ До самой кончины сидѣлъ Новиковъ надъ составленіемъ *Библиотеки высокохваленныхъ свободныхъ каменщиковъ*. За недостаткомъ типографіи, эта многотомная бібліотека собственноручно переписывалась имъ и другомъ его Гамалѣю.

За нѣсколько времени до смерти Новикова, Карамзинъ, проѣздомъ въ Петербургъ для печатанія своей исторіи, навѣстилъ его въ Тихвинскомъ. Въ разговорѣ Новиковъ спросилъ Карамзина: былъ ли онъ въ ихъ Обществѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, желалъ узнать, до какой степени дошелъ онъ въ ихъ орденѣ. На отвѣтъ Карамзина Новиковъ сказалъ: „Ну, тутъ еще ничего не было важнаго; въ высшихъ степеняхъ сообщались вещи истинно драгоценныя.“ Онъ предложилъ Карамзину посвятить его въ эти высшія таинства; но Карамзинъ дружески пожалъ ему руку и вышелъ¹.

Мысль Новикова о народномъ образованіи не имѣла продолжателей. По крайней мѣрѣ, никто не подходилъ потомъ къ этому дѣлу съ такими обширными планами какъ

¹ Слышалъ отъ П. И. Бартезова.

Новиковъ. Привѣтствуя новый уставъ императора Александра I объ устройствѣ народнаго просвѣщенія,—уставъ ввопившій сельскія школы,—Карамзинъ говорилъ: „Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа... Но великія государственныя творенія бывають медленны, и если Россія удивляетъ насъ своими быстрыми счастливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь трудны, неровны и нескоры шаги государствъ къ дѣлу гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи рожденія новыхъ силъ, надобны вѣки для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ счастья, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ; въ немъ ихъ вѣнецъ.“

Этими словами, въ которыхъ слышится отголосокъ мнѣній Дружескаго Общества, мы заключаемъ нашъ разказъ объ отношеніяхъ къ нему Карамзина.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

24 марта.

УСПОКОЕНИЕ

(Подражаніе Китсу.)

Пора моей весны, пора очарованій,
Пора безпечныхъ сновъ, надеждъ и ожиданій,
Какъ неожиданно, какъ рано скрылась ты!
Гдѣ сны волшебные? гдѣ страсти и мечты?
Тревожный сердца жаръ, надеждъ лукавый шепоть?
Восторговъ бредъ больной, сомнѣнья праздный ропоть?
Все стихло, замерло среди мірскихъ невзгодъ,
Подъ гнетомъ тягостнымъ лишеній и заботъ!

Да, съ утра дней моихъ, среди семьи родимой,
Уже тѣшилъ меня мой рокъ неумолимый,
Но я на зло ему средь бурь и непогодъ
Юдолюю жизни сей упрямо шелъ впередъ:

Какой-то бѣшеной отвагой одержимый,
 Бросаюся къ цѣли я всегда недостижимой
 Путемъ, гдѣ болѣе видѣлось мнѣ преградъ,
 И схвативъ съ недругомъ, какъ пиршеству былъ радъ.
 И жизнь отмстила мнѣ безжалостно, жестоко :
 Изломанный въ борьбѣ, униженный глубоко,
 Средь битвы жизненной я палъ на полути,
 И дальше никуда не въ силахъ былъ идти.

Но я благодарю всечасно Провидѣнье
 За всѣ несчастія, страданья, униженья,
 Ниспосланныя мнѣ: они смирили пылъ
 Самонадѣянныхъ, мятежныхъ, дерзкихъ силъ,
 Тревожный жаръ страстей мнѣ въ сердцѣ потушили,
 И самолюбіе, и гордость сокрушили,—
 И силы я свои измѣрилъ и узналъ,
 И къ цѣлямъ дерзостнымъ стремиться пересталъ.
 Съ тѣхъ поръ, отвергнувъ грезъ безумныхъ заблужденья,
 Я духъ свой укрѣплялъ въ смиреньи и терпѣньи,—
 И научился я: день за день мирно жить
 И тихой радостью, и дружбой дорожить :
 За каждый свѣтлый мигъ, за каждый взглядъ радужный,
 За искренній привѣтъ, за кровь и хлѣбъ насущный
 Благодарить Творца,—и въ мракъ я прозрѣлъ,
 И словъ евангельскихъ я смыслъ уразумѣлъ,
 И усыпивъ страстей недугъ неисцѣлимый,
 Мнѣ душу освнилъ покой невозмутимый.

Опора давняя, но крѣпкая моя—
 Мои немногіе, но вѣрные друзья,
 О свѣтломъ будущемъ напрасно вы твердите—
 Успѣхи, счастье, довольство мнѣ судите!
 Не нужно счастья мнѣ: страшить меня оно
 Съ моею участью сроднился я давно.

Кто знаетъ? можетъ-быть въ моей смиренной долѣ
Я воли не даю страстямъ лишь поневолю.
Да, счастье, какъ льстецъ передъ лицомъ властей,
Опасно для души заносчивой моей;
Увы, быть-можетъ, въ ней съ возвратомъ дней счастливыхъ,
Просвется скопище надеждъ самолюбивыхъ,
И страсти прежнія, воспрянувъ закипать,
И гордость разоветь по сердцу острый ядъ,
И юность вспыхнетъ вновь,—и счастья голосъ мнимый
Смутитъ покой души, покой невозмутимый.

Б. АЛМАЗОВЪ.

23-го марта, 1862 г.

О СОСЛОВІЯХЪ ВЪ ШВЕЦІИ

Die Schwedische Staats-Verfassung in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt von F. O. Freiherrn von Nordenflycht. Berlin 1861.

I.

Образованіе сословіи и сословный бытъ представляют собою рядъ ступеней, чрезъ которыя проходитъ развитіе гражданскаго общества и на которыхъ не можетъ и не должно останавливаться оно въ своемъ прогрессивномъ движеніи. Но иногда государство бываетъ поставлено въ такое невыгодное положеніе, что эта переходная пора основной жизни дается слишкомъ долго, и жители его никогда не становятся гражданами своего отечества, а вѣчно остаются только членами извѣстнаго сословія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда развитіе національной жизни находитъ себѣ сильный отпоръ въ вѣстныхъ интересахъ, и когда внѣшнія войны отвлекаютъ вниманіе народа отъ домашней политической жизни, какъ въ средневѣковой Франціи, или когда бѣдность страны и издѣвствіе этого, отсутствіе торговыхъ сношеній и неразвитаая промышленность поддерживаютъ вѣчное однообразіе и не зараждаютъ въ народѣ новыхъ потребностей, какъ это было въ Швеціи. Тогда какая-то окаменѣлость по-

г XXXVIII.

является въ сословной жизни, оказывается, что достигнутое единство есть только внѣшнее единство, что граждане раздѣлены на нѣсколько слоевъ расположенныхъ другъ надъ другомъ и давящихъ другъ друга. Раздѣленіе народа на сословія имѣетъ конечно большое вліяніе на государственное устройство его, но не обуславливаетъ собой извѣстнаго образа правленія, а допускаетъ всякій выработанный историческими обстоятельствами. Народъ, втѣсненный въ узкую рамку сословной жизни, уживается и съ сильною центральною властью, которая допускаетъ и терпитъ права отдѣльныхъ сословій, на сколько они ей не мѣшаютъ, и съ такимъ положеніемъ, когда одно сословіе получаетъ перевѣсъ въ государствѣ и тѣснитъ самую центральную власть и прочія сословія. При раздѣленіи народа на сословія можетъ существовать даже конституціонный, или представительный образъ правленія, то-есть центральная власть можетъ быть ограничена представителями всѣхъ сословій собранныхъ на народномъ сеймѣ. Только одинъ образъ правленія не можетъ водвориться въ народѣ, пока въ немъ существуетъ раздѣленіе на сословія, парламентарный, тотъ при которомъ общество управляетъ само собой и поручаетъ свою судьбу людямъ, которымъ наиболее довѣряетъ.

Всѣ почти европейскіе народы начали съ того, что ограничили власть своихъ королей представителями народной воли, и всѣ почти кончили тѣмъ, что поручили свою судьбу произволу абсолютизма. Только одинъ народъ успѣлъ установить правильныя отношенія между центральною властію и народными представителями и достигъ до самоуправления. Англичане обязаны этимъ успѣхомъ тому, что они не допустили у себя такого развитія сословной жизни, которое привело народы европейскаго материка почти къ раздробленію на касты, и очень рано начали окружать своихъ королей не представителями отдѣльныхъ сословій, а народными представителями. Въ исторіи Англій главный вопросъ заключался не въ томъ какъ упрочить перевѣсъ одного сословія надъ другими, а въ томъ какъ создать государственное устройство, соответствующее матеріальному довольству и цивилизаціи, все болѣе и болѣе распространявшимся въ странѣ. Оттого въ исторіи Англій ни одинъ насильственный переворотъ не прохо-

дѣлъ даромъ; каждый оставлялъ послѣ себя какое-нибудь новое приобрѣтеніе въ политической жизни; каждое поколѣніе могло гордиться тѣмъ, что оно сдѣлало нѣсколько шаговъ ведущихъ ближе къ желанной цѣли. Не было тамъ насильственныхъ переворотовъ, совершенно безплодныхъ, какъ на примѣръ въ Швеціи, послѣ которыхъ народъ изнуренный и обидѣвшій долженъ былъ начинать свое развитіе съ той ступени, на которой онъ находился цѣлымъ вѣкомъ раньше.

На материкѣ каждое сословіе боролось за свои права, за свои интересы, и потому ни одно не могло устоять противъ абсолютизма. Центральная власть всегда могла пользоваться завистью одного сословія къ другому, и съ помощью ея освободиться отъ всякаго тягостнаго для нея контроля: народъ, раздѣленный на три или четыре сословія, похожъ на лиру, которую музыкантъ можетъ настраивать по своему желанію, и на которой онъ можетъ наигрывать какую ему угодно пѣсню. А тамъ, гдѣ вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ центральная власть не могла окрѣпнуть, участь народа была еще незавиднѣй. Тамъ одно сословіе прибрѣтало совершенный перевѣсъ надъ другими и управляло государствомъ по своему произволу. Побѣда, конечно, доставалась на долю того сословія, которое обладало большею матеріальною силой, то-есть военнаго или шляхетскаго. Иногда изъ этого шляхетскаго сословія выдѣлялась олигархія, и немногіе знатные роды предписывали законы монарху и управляли народомъ, пока народъ не соединялъ своихъ интересовъ съ интересами монархической власти, и не низвергалъ въ союзъ съ нею ненавистное имъ олигархію, какъ это было въ Швеціи. Или шляхетское сословіе составляло одну безразличную сплошную массу, стараясь установить среди себя демократическое равенство, при которомъ не принимались бы во вниманіе ни знатность рода, ни матеріальное богатство, ни личныя заслуги, — стѣсняя все болѣе и болѣе монархическую власть и унижая прочія сословія, пока не наступалъ моментъ, когда государство, оскудѣвшее матеріальными средствами и лишенное точки опоры, дѣлалось добычей своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей, какъ Польша.

Если нужно сознаться, что представительство народное,

основанное на сословной организаціи, не удовлетворительно, не прочно и не можетъ быть гарантіей народной свободы, то изъ этого не слѣдуетъ, что для благоденствія народа необходимо уничтожить въ немъ всякіе аристократическіе элементы. Тамъ, гдѣ вслѣдствіе историческихъ и экономическихъ причинъ развились эти элементы, нельзя устранить ихъ значенія никакими произвольными мѣрами и никакимъ насильственнымъ уравниемъ. Остается только одно—извлечь ту пользу, которую можетъ принести народу аристократія, развившаяся въ его нѣдрахъ. Но аристократія не должна быть кастою, а положеніемъ въ государствѣ. Тогда она не можетъ превратиться въ олигархію, а будетъ своими матеріальными средствами и своимъ моральнымъ значеніемъ служить дѣйствительною опорой для свободы народа.

Въ исторіи народнаго представительства, особенно интересна судьба Швеціи. Въ западныхъ государствахъ европейскаго материка мы встрѣчаемъ три сословія, которыя высылаютъ своихъ представителей на сеймъ и ограничиваютъ власть королевскую: дворянъ, духовенство и горожанъ. Крестьяне не составляютъ отдѣльной политической корпораціи, а подразумеваются вмѣстѣ съ горожанами подъ именемъ „третьяго сословія“, получившаго свое названіе въ противоположность первымъ двумъ сословіямъ—привилегированнымъ. Въ Швеціи же, крестьянство съ древнѣйшихъ временъ пользовалось большою самостоятельностью чѣмъ у другихъ народовъ, и составляло особенное сословіе, четвертое. Шведское государство возникло не вслѣдствіе завоеванія, какъ государства, основанныя другими германскими племенами; поэтому въ шведской исторіи мы не встрѣчаемъ феодализма, и низшее сословіе этой страны никогда не находилось въ состояніи рабства и никогда не было поставлено въ необходимость завоевывать себѣ гражданскія права. Несмотря на эти выгодныя условія, земледѣльческое сословіе Швеціи не послужило для своего отечества крѣпкимъ фундаментомъ, на которомъ могло бы быть создано прочное государственное устройство. Примѣръ Швеціи въ этомъ случаѣ очень поучителенъ. Онъ доказываетъ, что немного можно ожидать отъ крестьянства, составляющаго особенную политическую кор-

порацію, замкнутого въ самомъ себѣ, лишеннаго возможности выбирать себѣ представителей изъ другихъ болѣе образованныхъ и развитыхъ сословій, и предоставленнаго своему невѣдѣнію.

Шведское государственное устройство отличается еще другими интересными особенностями. Швеція всегда была страной, по преимуществу, земледѣльческою. При изобиліи земли, при малочисленности народонаселенія и недостаткѣ рабочихъ силъ, вслѣдствіе суроваго климата и негодарной почвы, въ Швеціи не могла развиться городская жизнь какъ на Западѣ. Торговля ограничивалась вывозомъ сыраго матеріала, и промышленность всегда находилась на степени домашней, за исключеніемъ рудоконства, которое однако не могло сосредоточиться въ городахъ. Даже въ настоящее время, въ Швеціи, не принимая въ соображеніе безлюдной Норландіи, только 73 города, такъ что приходится по одному городу на 40 квадр. миль. Народонаселеніе этихъ городовъ весьма малочисленно. Въ двадцати четырехъ городахъ число жителей не достигаетъ и одной тысячи. Въ двадцати двухъ другихъ городахъ менѣе 2000 жителей. И въ двѣдцати Швеціи только четыре города, въ стѣнахъ которыхъ живутъ болѣе 10.000 человѣкъ. Число жителей всѣхъ городовъ, взятыхъ вмѣстѣ, простирается только до 250.000, и въ это число включены кромѣ того чиновники, духовныя лица и дворяне, проживающіе въ городахъ, такъ что горожанъ, принадлежащихъ къ третьему сословію и посылающихъ своихъ представителей на сеймъ, насчитываютъ не болѣе 100.000, тогда какъ крестьянъ, имѣющихъ право посылать на сеймъ депутатовъ, болѣе двухъ милліоновъ. Съ этою скудостью городского народонаселенія стоитъ въ связи и бѣдность городовъ. Такъ, напримѣръ, одно имѣніе графа Де-Гера, Лейфста въ Упландіи, съ принадлежащими къ нему желѣзными заводами, по поземельному кадастру, равняется поземельному имуществу тринадцати городовъ, взятыхъ вмѣстѣ. На эту малочисленность городского населенія нужно обратить тѣмъ болѣе вниманія, что до сихъ поръ на шведскомъ сеймѣ каждое сословіе имѣетъ только одинъ голосъ, и поэтому 100.000 горожанъ имѣютъ на сеймѣ такое же значеніе, какъ 2.000.000 крестьянъ или какъ все дворянское сословіе, владѣющее половиною поземельной собствен-

ности въ Швеціи. Это явленіе чрезвычайно интересно для восточныхъ сосѣдей Швеціи, у которыхъ тоже земледѣльческій элементъ преобладаетъ надъ городскимъ.

Другой отличительный признакъ шведскаго государственнаго устройства состоитъ въ томъ, что со времени реформаціи духовенство не принадлежитъ къ привилегированнымъ сословіямъ, какъ это было на материкѣ, а вмѣстѣ съ крестьянами и горожанами (ofrälse) противопоставляется первому сословію, благородному или привилегированному (frälse). Собственно ученое сословіе, въ политическомъ отношеніи, находится въ зависимости отъ духовенства. Въ Швеціи одинъ архіепископъ и одиннадцать епископовъ, которые уже по мѣсту, занимаемому ими, имѣютъ право быть членами шведскаго сейма. Избраніе архіепископа и епископовъ зависитъ отъ двѣнадцати консисторій, которыя имѣютъ право предложить королю на вакантное мѣсто трехъ кандидатовъ, изъ этихъ троихъ король назначаетъ одного. Консисторіи же состоятъ въ университетскихъ городахъ Лундъ и Упсала изъ профессоровъ богословскаго факультета, а въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ находятся гимназіи, изъ такъ-называемыхъ ординарныхъ лекторовъ, большая часть которыхъ всегда принадлежитъ къ духовенству. Со времени реформаціи, въ Швеціи, какъ и въ другихъ лютеранскихъ странахъ, духовенство сдѣлалось, благодаря своему образованію, передовымъ сословіемъ въ государствѣ; оно составляло зерно образованнаго средняго сословія. Поэтому оно съ XVII вѣка подчиняло своей опеке остальные непривилегированныя сословія, и только въ послѣднее время это вліяніе стало уменьшаться, потому что образованіе начало проникать и въ классы крестьянъ и горожанъ.

Географическое положеніе страны и характеръ почвы благоприятствовали въ Швеціи развитію свободной политической жизни. Швеція, со всѣхъ сторонъ защищенная отъ непріятельскихъ вторженій горами, безлюдными пространствами и моремъ, рѣдко была театромъ войны, а поэтому государственное устройство ея могло развиваться независимо и не страдало отъ насильственнаго посторонняго вѣшатательства.

Сама природа дала Швеціи аристократическій отпечатокъ. При недостаткѣ рабочихъ рукъ и скудости почвы,

народное хозяйство требуетъ для успѣшнаго развитія своего крупныхъ поземельныхъ владѣній съ многочисленными стадами и обширными лѣсами.

Страна прорѣзана горами, а эти горы защищая ее отъ сѣверныхъ бурь и вьюгъ, и отражаясь въ зеркальных водахъ многочисленныхъ озеръ, своею живописностью привлекаютъ обитателей страны, на скатахъ этихъ горъ возникаютъ замки и дворцы подъ сѣнью дубовъ и сосенъ, или букowychъ и каштановыхъ рощъ. Шведская аристократія всегда предпочитала жизнь въ своихъ живописно-расположенныхъ и великолѣпныхъ замкахъ городскимъ увеселеніямъ, и высшіе сановники всегда старались сокращать время своего пребыванія въ Стокгольмѣ и уѣзжать въ свои деревни.

Теперь въ Швеціи, къ первому сословію принадлежатъ около 900 родовъ, изъ которыхъ каждый посылаетъ на сеймъ своего главу (сарут); за отсутствіемъ онъ можетъ быть замѣненъ кѣмъ-либо изъ младшихъ членовъ рода.

Изъ числа 900 родовъ 70 графскихъ, а 158 имѣютъ титулъ баронскій.

Поземельная собственность находящаяся въ рукахъ дворянства относится къ собственности крестьянской, какъ $\frac{2}{3}$ къ $\frac{1}{3}$. По катастру, 19.077 геммановъ записаны за дворянами, а 27.023 за крестьянами. Здѣсь приняты въ соображеніе самыя богатая и населенная провинціи Швеціи: Шопенъ, Блекингенъ, Галландъ, Готландъ, Смоландъ, Зюдерманландъ и Упландъ. Далекій сѣверъ всегда считался страной недостойною благороднаго сословія и теперь еще тамъ мало дворянскихъ имѣній.

Принимая въ соображеніе преобладаніе земледѣльческаго населенія въ Швеціи, могущество ея аристократіи, слѣдовало бы ожидать, что ея государственное устройство развивалось мирно, безъ коренныхъ переворотовъ и внезапныхъ перерывовъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ другое. Правительственная власть нѣсколько разъ ускользала изъ рукъ аристократіи, и олигархія то уступала абсолютизму, опиравшемуся на войска и на массу чиновниковъ, то господству мелкаго безпомѣстнаго или малопомѣстнаго дворянства, отстаивавшаго шляхетское равенство какъ въ Польшѣ и повергнувшаго свое отечество въ анархію, изъ которой представлялись только два вы-

хода: абсолютизмъ или господство иноземцевъ. Причину этихъ постоянныхъ политическихъ колебаній обозначить не трудно. Она заключается въ этомъ органическомъ раздробленіи одного народа на четыре слоя, такъ что каждая законодательная мѣра есть не что иное какъ сдѣлка между пятью соперниками, — четырьмя сеймами, и правительствомъ, — изъ которыхъ каждый допускаетъ общее благо лишь на сколько оно допускается его отдельными интересами.

Во время многихъ переворотовъ, которымъ подвергалось шведское государственное устройство, никогда не было рѣчи объ устраненіи этой организаціи по четыремъ сословіямъ; только въ началѣ XIX столѣтія благодаря идеямъ, которыми повѣяло съ материка, стали возвышаться голоса противъ старинной представительной системы. Теперь число ихъ значительно возрастаетъ, и устраненіе существующей сословной организаціи есть одинъ изъ самыхъ горячихъ вопросовъ въ Швеціи. Противники этой важной реформы заимствуютъ главное свое доказательство изъ исторіи своего отечества. Къ чему, говорятъ они, привели всѣ наши кровопролитныя революціи и всѣ насильственные измѣненія въ нашей государственной жизни? Какіхъ результатовъ достигла Франція, которая, отрѣшившись совершенно отъ своего прошедшаго, бросилась стремглавъ на путь коренныхъ нововведеній? Посмотримъ на Англію, которая до сихъ поръ сохранила свое древнее государственное устройство, основанное на народныхъ началахъ и потребностяхъ!

Доказательство весьма слабое. Не можетъ же больной, не желающій принять лѣкарства, оправдывать свое упорство тѣмъ, что его сосѣдь никогда не принималъ лѣкарствъ, а всегда былъ здоровъ. Притомъ оно и не справедливо. Не потому англійское государственное устройство удовлетворительнѣе другихъ, что оно никогда не измѣнялось, а именно потому, что оно постоянно развивалось согласно съ новыми потребностями и условиями жизни въ англійскомъ народѣ.

Къ этой партіи шведскихъ аристократовъ-консерваторовъ принадлежитъ и баронъ Норденфлихтъ, авторъ сочиненія: *Шведское государственное устройство, въ своемъ историческомъ*

несколькѣ развитіи. Появленіе этой книги доказываетъ, что въ Швеціи толки о реформахъ въ государственномъ устройствѣ идутъ рука объ руку съ серьезнымъ изученіемъ истечественной исторіи. Баронъ Норденфахтъ съ особенною любовью останавливается на тѣхъ эпохахъ, когда Швеціей по причинѣ малолѣтства короля управляла олигархія, и особенно сочувствуетъ Густаву Адольфу, который покровительствовалъ аристократіи и руководствовался совѣтами знаменитаго олигарха Акселя Уксемерны. Дѣйствительно, самая блистательная и славная для Швеціи эпоха совпадаетъ съ господствомъ аристократіи, а всѣ государи подворавшіе съ помощью низшихъ сословій абсолютизмъ въ Швеціи были несчастны въ своихъ внѣшнихъ предпріяхъ, и царствованія ихъ связаны съ самыми прискорбными для шведскаго патриота воспоминаніями. Но не олигархія оставила Швецію на такую высокую степень политическаго могущества, на какой мы ее видимъ въ половинѣ XVII столѣтія; олигархія шведская пала, какъ только она лишилась своего гениальнаго руководителя и подверглась ударамъ сверху и снизу.

II.

Нынѣшнее государственное устройство Швеціи и развитіе народныхъ представителей на четыре сословія получило свое развитіе въ началѣ XVI столѣтія. Въ древней Швеціи не было третьяго сословія, потому что не было почти городовъ и вся торговля страны была въ рукахъ иноземцевъ-ганзеатовъ. Духовенство въ средніе вѣка составляло здѣсь такой же привилегированный классъ какъ и въ феодальныхъ государствахъ материка. Но отличительная черта древней Швеціи — свобода и самостоятельность, которыми пользовалось всегда крестьянское сословіе.

Два скандинавскіе народа положили основаніе Шведскому королевству, Свеи, которые поселились на берегахъ живописнаго и прозрачнаго Меларскаго озера, и Готы поселившіеся на берегахъ бурнаго Веттера. Оба народа распались на нѣсколько племенъ занявшихъ отдѣльныя об-

ласти, каждая область раздѣлялась на общины, *герарды* (*Hérard*), соответствующія англосаксонскимъ *гундрадамъ*, то есть сотнямъ. Это раздѣленіе замѣчательно потому, что оно сохранилось до нашего времени. Теперь еще административное устройство Швеціи основано на раздѣленіи королевства по провинціямъ и герардамъ, и крестьяне собираются по герардамъ для выбора своихъ представителей.

Средоточіемъ каждаго герара и каждой области былъ языческій храмъ, и когда оба народа соединились въ одно цѣлое, упсальскій храмъ сдѣлался центромъ новаго государства, а яры упсальскіе стали называть себя шведскими королями. Яры другихъ областей составили аристократію новаго королевства; потомки ихъ гордились передъ другими Шведами знатностью своего происхожденія и образовали особенный слой знати или благороднаго сословія. Несмотря на это соединеніе, всѣ области сохранили въ себѣ самостоятельность и избирали лагмана, мужа-законочника, который долженъ былъ защищать ихъ интересы предъ лицомъ короля. Эти лагманы избирались изъ потомковъ древнихъ яровъ, изъ знати, *ex nobilitate*, какъ мы рождаются древніе шведскіе лѣтописцы.

Но всѣ Свейи и Готы были люди свободные, и земля, которую они обрабатывали сами или съ помощію рабовъ военнопленныхъ, была ихъ собственностью. Швеція не знала феодализма. Всѣ Свейи и Готы были равноправны, и всѣ участвовали въ избраніи лагмана. Они не платили постоянныхъ податей; на содержаніе королевскаго дома были отведены особенныя помѣстья, *упсала-ѣде*, каждый король долженъ былъ присягать, что не уменьшитъ *упсала-ѣде*, земли, приписанной къ упсальскому храму, и если онъ измѣнялъ свою присягу, то преемникъ его былъ обязанъ возвратитъ коронѣ отчужденныя земли. Если доходы съ коронныхъ земель были недостаточны, король обращался къ свободнымъ людямъ, и каждая область брала на свою долю часть необходимыхъ издержекъ.

Но въ XIII столѣтіи положеніе дѣлъ измѣнилось. Расходы увеличились, и подати платимыя свободными людьми сдѣлались постоянными. Въ это самое время произошла такія перемѣна въ военномъ устройствѣ. Прежде всѣ свободные люди выходили въ поле защищать свое отечество,

и сражались пѣшіе. Но въ постоянныхъ войнахъ съ Датчанами, во владѣніи которыхъ находились южныя провинціи Скандинавскаго полуострова, шведскіе короліи убѣдились въ превосходствѣ тяжеловооруженныхъ всадниковъ-рыцарей надъ толпой пѣшихъ воиновъ. Король Магнусъ Ладуосъ сынъ извѣстнаго въ русской исторіи Бургера, потребовалъ отъ своихъ подданныхъ, чтобъ они выходили на войну въ мѣдныхъ доспѣхахъ и на коняхъ. Тогда всѣ свободные люди раздѣлились на два класса. Тѣ которые были въ состояніи послѣдовать зову своего короля, были освобождены отъ всякой поземельной подати, и участки ихъ были названы *frälse*, свободными. Вся остальная поземельная собственность, обложенная податью, получила названіе *skatt* и владѣльцы ея съ теченіемъ времени получили названіе *bonde* соответствующее нѣмецкому Bauer—крестьянинъ. Это раздѣленіе поземельной собственности на *frälse* и *skatt* сохранилось до нашего времени, но на отношенія сословіи законодательная мѣра Магнуса Ладуоса не имѣла такого вліянія, какъ можно было бы ожидать. Такъ какъ всѣ благородно-рожденные потомки яраовъ вошли въ составъ *frälseman* или рыцарскаго сословія, то это названіе съ теченіемъ времени стало означать дворянство; но не всѣ фрельземаны были дворянами, фрельземаны раздѣлялись на два слоя, на людей благороднаго происхожденія, и людей благородныхъ только потому, что они не платили податей и принадлежали къ военному сословію. Съ теченіемъ вѣковъ этотъ послѣдній классъ совершенно исчезъ въ Швеціи; многіе фрельземаны приобрѣли дворянское достоинство, другіе, которые обѣдѣли и не были въ состояніи выставить на войну вооруженнаго всадника, должны были прикнуть къ податному сословію. Дворянинъ никогда не могъ сдѣлаться человѣкомъ податнымъ (*skatt*). Если его поземельная собственность становилась такъ мала, что онъ не могъ удовлетворительно исполнять обязанность, возлагаемую на него закономъ, онъ долженъ былъ уступить ее родственнику, а самъ сохранялъ званіе и право дворянина. Такъ какъ человѣкъ изъ податнаго сословія не могъ приобретать поземельнаго участка, освобожденнаго отъ податей, то весь фрелзюрдъ съ теченіемъ времени перешелъ въ руки дворянства. Правленіе Магнуса Ладу-

лоса имѣло вліяніе и на судьбу послѣдняго. Этотъ король заимствовалъ у народовъ европейскаго материка торжественный обрядъ пожалованія рыцарскаго достоинства посредствомъ трехъ ударовъ по плечу мечомъ. Онъ самъ принималъ званіе рыцаря, и эта честь сдѣлалась доступною только самымъ знатымъ людямъ. Съ этихъ поръ благородное сословіе раздѣлилось на два класса, на аристократію или знать (*giddage*) и на остальныхъ дворянъ, которые назывались *värnare* отъ *varen*, гербъ, или *välborne*, благородные.

Шведскіе короли, равно какъ и всѣ короли германскихъ народовъ, не имѣли полной власти надъ судьбой и имуществомъ своихъ подданныхъ. Они управляли съ совѣта близкихъ къ себѣ людей, которые конечно приважили къ знатымъ родамъ королевства. Число этихъ совѣтниковъ было не опредѣлено, оно зависѣло отъ желанія короля, хотя въ Швеціи какъ и въ другихъ странахъ число 12 играетъ большую роль, и *Инглинга-сага* говоритъ о двѣнадцати совѣтникахъ короля. Въ важныхъ же случаяхъ король созывалъ на совѣтъ всѣхъ знатныхъ, лучшихъ людей—*godamän*. Эти собранія—*samtal* соотвѣтствуютъ *символаментамъ* англосаксонскихъ королей и парламентамъ первыхъ норманскихъ королей въ Англіи.

Король Магнусъ призвалъ въ свой совѣтъ лагмановъ блюстителей народныхъ правъ, избираемыхъ народомъ въ каждой области, и тогда назвалъ свой совѣтъ—государственнымъ совѣтомъ, потому что въ немъ участвовали, кромѣ приближенныхъ короля, люди избранные отъ государства. Такъ какъ по древнему обычаю король самъ назначалъ своихъ совѣтниковъ, а лагманы избирались народомъ, то король согласился на сдѣлку. Въ каждой области фрельземени выбирали 6 избирателей, а люди податные 6 другихъ, къ нимъ присоединялъ епископъ 2 членовъ отъ духовенства. Эти 14 избирателей составляли подъ предсѣдательствомъ епископа списокъ кандидатовъ, изъ которыхъ король назначалъ одного лагманомъ.

Что король постановилъ съ согласія своего совѣта и знатныхъ людей (*godamän*), то имѣетъ для всѣхъ Шведовъ силу закона, говоритъ одно постановленіе короля Магнуса; а другое гласитъ слѣдующимъ образомъ: Если король созываетъ лучшихъ людей королевства на совѣтъ-самталъ, а

и посмѣетъ явиться никто, кто не получилъ личнаго приглашенія. Такимъ образомъ шведскій сеймъ въ своемъ первоначальномъ видѣ былъ не что иное какъ расширенный совѣтъ короля, точно также какъ въ Англіи зерно парламента составили норманскіе бароны приглашенные королемъ на совѣтъ.

Первый король шведскій изъ династіи Фолкунговъ, старшій братъ Магнуса Ладулоса, далъ по совѣту своего отца, Магнуса Биргера, своимъ младшимъ братьямъ титулъ герцоговъ и поручилъ имъ управленіе отдѣльными областями. Герцоги стали стремиться къ совершенной независимости. Въ междоусобныхъ войнахъ шведскихъ королей и герцогами пала власть королевская и увеличилось значеніе аристократіи. Мнѣніе, что корона королевская, хотя по обычаю она и переходила отъ отца къ сыну, въ сущности зависѣла отъ согласія народа, одержало верхъ, и престолъ шведскій сдѣлался въ XIV столѣтіи изъ наследственнаго избирательнымъ.

Король Магнусъ Смекъ, возведенный аристократами на престолъ вмѣсто изгнаннаго Биргера, долженъ былъ согласиться на новыя уступки. По новому уложенію, престолъ сталъ объявляться избирательнымъ. По смерти короля, каждая область должна была высылать 12 избирателей подъ предводительствомъ лагмана на лугъ Мову. Первый голосъ принадлежалъ лагману uppsальскому. Избиратели могли предложить престолъ только туземцу; сыновья умершаго короля имѣли преимущество предъ другими. Далѣе постановялось, что король не имѣетъ права налагать на страну новыхъ налоговъ. Если же 1) вторгается въ королевство непріятельское войско, или 2) понадобятся деньги на коронацію короля и онъ пойдетъ дорогою Эрика (такъ назывался въ Швеціи объѣздъ короля по всемъ провинціямъ для чина суда и расправы), или 3) если королю нужны будутъ деньги для выкупа своихъ дѣтей изъ плѣна, или 4) починка дворцовъ потребуетъ особенныхъ издержекъ, — тогда въ каждой области должны собраться епископъ и 6 дворянъ и изъ простаго сословія, и совѣщаться о томъ, какую помощь ихъ область въ состояніи оказать королю.

Это уложеніе было принято королемъ на сеймѣ въ Орбродѣ въ 1347 году и шведскіе историки называютъ его великою хартіею шведскаго народа.

Шведская аристократія усиливалась все болѣе и болѣе. Она свергла съ престола короля Магнуса, послѣдняго изъ дома Фолькунговъ, и возвела на престолъ вопреки уложенію Ореброскому иностранца, принца Альбрехта Мекленбургскаго. При немъ государственныи совѣтъ Швеціи сдѣлалъ королевскую власть орудіемъ своей воли. Король обязался не уклоняться ни въ какомъ случаѣ отъ воли совѣта, а новые члены государственнаго совѣта могли быть назначены королемъ только съ согласія остальныхъ. Когда Альбрехтъ сдѣлалъ попытку освободиться отъ тяжелой опеки государственнаго совѣта, аристократія призвала противъ него знаменитую Маргариту, королеву Датскую и Норвежскую, и свергла его съ престола. Маргарита обезсмертила себя Кальмарскою унией, соединеніемъ трехъ скандинавскихъ государствъ въ одно цѣлое. Но это соединеніе не было слѣдствіемъ желанія трехъ народовъ, это не что иное какъ сдѣлка между Маргаритой и магнатами трехъ северныхъ королевствъ. Притомъ эта сдѣлка не полная, не оконченная. Кальмарская Унія не болѣе какъ протоколъ совѣщаній въ Кальмарѣ, краткое изложеніе того, что слѣдовало объяснить и опредѣлить на дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ. Самый актъ написанъ на простой бумагѣ и заключается въ себѣ статью, которая говоритъ, что грамота о соединеніи трехъ королевствъ должна быть написана на пергаментѣ въ 2-хъ экземплярахъ для каждаго народа, и что къ ней должны быть приложены печати королевы, короля (Эрика, племянника Маргариты, избраннаго наследникомъ престола), членовъ государственнаго совѣта, дворянъ и депутатовъ изъ городовъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Но несмотря на многочисленность епископовъ и дворянъ собравшихся въ Кальмарѣ, на протоколѣ находятся только 17 подписей, и только къ 10 изъ нихъ приложены печати. Кальмарская унія была сдѣлка выгодная для аристократіи скандинавскихъ народовъ, особенно для шведской, которая пользовалась тѣмъ, что короли жили въ Даніи, и управляли Швеціей почти безъ контроля. Время унии, продолжавшееся, не считая перерывовъ, болѣе столѣтія, было золотымъ вѣкомъ шведской аристократіи. Масса шведскаго народа не очень сочувствовала унии, и честолюбивые патріоты, Энгельбрехтъ, Карлъ Кнутсонъ, Стурь, возстававшіе про-

изъ королей избранныхъ Датчанами, всегда находили дѣятельную поддержку въ низшихъ слояхъ шведскаго народонаселенія.

Наконецъ, на престолахъ трехъ соединенныхъ королевствъ тупилъ знаменитый своею жестокостію и своею трагическою судьбой, Христіанъ II.

Исторія любитъ приводить въ связь самыя крупныя богатя послѣдствіями событія съ случайностями и тайми челоѳического сердца. Этимъ романическимъ элементомъ исторія замѣняетъ, для новѣйшихъ эпохъ доступныхъ изслѣдователю, преданія и народныя сказанія облакающія жевѣйшія эпохи въ поэтической полуумракъ. Христіанъ обилъ одну дѣвушку изъ простаго званія, и когда онъ отрѣзалъ въ голубые глаза своей *дюеке* (голубки), онъ бывалъ разстояніе, которое его отдѣляло отъ нея, и порира была для него только блестящею одеждою, которою онъ гаялся понравиться ей. Мать его голубки, Сигбрита, малая умная женщина; она была родомъ изъ Нидерландъ и ѳржала харчевню въ Бергенѣ, когда Христіанъ, будучи еще принцемъ, полюбилъ ея дочь. Она приобрѣла сильное вліаніе на молодаго челоѳика, страстнаго, вспыльчиваго и зергическаго по своему характеру; вселила въ него симпатію къ низшимъ классамъ народа, къ крестьянамъ и ѳрожанамъ, и впечатлительный юноша поставилъ себя за мей увеличить матеріальное благосостояніе этихъ классовъ и разорвать оковы, которыми магнаты опутали королевскую власть. Когда Христіанъ взомелъ на престолъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого любимая имъ жена погибла отъ ненависти магнатовъ, король вступилъ въ кровавый путь жестокостей и казней, которыя поставили его на ряду съ Лудовикомъ XI и Іоанномъ Грознымъ, гремившимися къ той же цѣли и тѣми же оредствами.

Наряду съ строгими мѣрами, направленными противъ лати, шли другія мѣры благотѣльные для низшихъ классовъ. Чтобы поднять значеніе скандинавскихъ городовъ и содѣйствовать развитію въ нихъ богатаго городского сословія, Христіанъ отялъ монополію торговли у анзейскаго союза, который пользовался ею съ давнихъ ѳрзъ въ скандинавскихъ моряхъ, и по совѣту Сигбиты озволилъ нидерландскимъ кораблямъ непосредственно тор-

говать во всѣхъ сѣверныхъ гаваняхъ. Другія мѣры казались въ пользу крестьянъ. За то они и любили его. Когда возсталъ Швеція противъ Христиана, и Густавъ Ваза обратился за помощью къ крестьянамъ въ Смоландѣ, они отвѣтили: „король Христианъ для насъ милостивый государь; мы ни въ чемъ не нуждаемся, и король обѣщалъ намъ, что у насъ будутъ дешевы соль и сельди и всякое добро, если мы останемся ему покорны.“

Роли въ Швеціи перемѣнились. Аристократія, бывшая главною поддержкой Каальмарской униі, теперь ничего болѣе не желала какъ разрыва съ Давіей, послѣ стокгольмскаго кровопролитія; въ которомъ погибло на эшафотѣ 94 высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ отъ руки палача. Крестьяне же были или на сторонѣ Христиана и радовались униженію аристократіи, или по крайней мѣрѣ смотрѣли равнодушно на то, что ихъ не касалось. Когда Густавъ Ваза покалъ убѣжища въ имѣніяхъ своего отца въ Смоландѣ и призывалъ крестьянъ къ возстанію, они дали ему вышеприведенный отвѣтъ. Онъ бѣжалъ въ Далекарію, колыбель свободнаго и самостоятельнаго крестьянства въ Швеціи, но и храбрые рудокопы приняли его равнодушно и заставили удалиться. Только когда бѣжавшіе изъ Стокгольма дворяне стали распространять слухъ, что Христианъ выѣхалъ на дорогу Эрика, и что вездѣ передъ нимъ ставятъ висѣлицы, на которыхъ гибнутъ шведскіе патріоты, тогда Далекарійцы воротили Густава, возстаніе сдѣлалось національнымъ, и Швеція освободилась отъ господства Датчанъ.

Но юный король былъ въ затруднительномъ положеніи. У него не было денегъ, а жителямъ Любека, которые помогали ему противъ Христиана, слѣдовало заплатить большія суммы. Оставалось только одно средство; послѣдовать примѣру германскихъ князей и забрать въ казну имущества монастырей и епископовъ. Это былъ первый шагъ къ реформаціи. И въ Англіи она началась съ конфискаціи церковныхъ имуществъ. Но къ такому важному дѣлу король не рѣшился приступить одинъ. Нужно было согласіе всего народа, и горожанъ и крестьянъ, которые принимали такое дѣятельное участіе въ освобожденіи своего отечества. Такимъ образомъ въ 1517 году, въ Вестеросѣ, былъ созванъ первый сеймъ, на которомъ появились представители четы-

режъ сословіи. Въ большомъ числѣ пріѣхало дворянство, города прислали 32 депутата; крестьянъ и рудокоповъ явилось 120. Епископы хотѣли занять свое обычное мѣсто впереди другихъ членовъ государственнаго совѣта. Но имъ приказано было уступить первенство свѣтскимъ членамъ. Съ тѣхъ поръ духовенство составляетъ въ Швеціи второе сословіе. Духовенство противилось конечно введенію реформы; высшее дворянство присоединилось къ нему. Но мелкое дворянство, горожане и крестьяне стояли на сторонѣ короля. Если бы въ то время уже господствовалъ обычай, по которому каждое сословіе рѣшало дѣло сперва у себя по большинству голосовъ и въ общемъ собраніи сословіи имѣло только одинъ голосъ, цѣль короля была бы достигнута. Ибо при подачѣ голосовъ перевѣсъ остался бы на сторонѣ мелкаго дворянства, а податныя сословія были также за короля. Но низшіе классы шведскаго народа въ то время не вышли еще изъ-подъ опеки своей аристократіи и не привыкли стоять на своемъ. Тогда король объявилъ, что онъ откажется отъ короны, если сеймъ не приметъ единодушно его предложеній. Аристократы боялись возобновленія датскаго владычества и уступили. Реформація была введена въ Швеціи.

Обычай созывать на сеймъ представителей всѣхъ четырехъ сословіи водворился не вдругъ. Долго еще король созывалъ на сеймъ однихъ представителей дворянства; только когда нужно было принять какую-нибудь коренную мѣру, или когда онъ не разчитывалъ на согласіе аристократіи, онъ приглашалъ на сеймъ небольшое число представителей отъ городовъ и крестьянъ.

Последніе при этомъ не избирались, а отправлялись на сеймъ по назначенію королевскихъ чиновниковъ. Для шведскаго народа была тогда еще вновь конституціонная монархія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда король налагалъ новыя подати на своихъ подданныхъ, онъ не считалъ нужнымъ испрашивать на это позволенія у сейма. По основному закону шведскаго государственнаго устройства, королю только нельзя было взимать подати безъ согласія тѣхъ, которые должны были платить. Но какимъ образомъ получалъ онъ это согласіе было все равно. При Густавѣ Вазѣ государственный совѣтъ обыкновенно давалъ королю право наложить на народъ новую подать, королевскіе чиновники отправлялись

тогда въ отдѣльныя области и вступали съ уполномоченными отъ податнаго сословія въ переговоры о томъ какъ велика должна быть ихъ доля въ новой подати и какии образомъ разложить ее на отдѣльныя общины. Долгое время смотрѣли на сеймъ какъ на собраніе представителей дворянскаго сословія, къ которому по милости короля допущены также представители другихъ сословіи.

Духовенство послѣ вестеросскаго сейма нѣкоторое время было совершенно устранено отъ всякаго участія въ политической жизни. Только черезъ 20 лѣтъ, оно явилось снова на сеймъ въ Стрелгнесѣ и смиренно заняло мѣсто между дворянствомъ и городскимъ сословіемъ. Одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій реформаціи есть ея вліяніе на политическое значеніе духовенства. Въслѣдствіе римской централизаціи духовенство занимало у всѣхъ католическихъ народовъ особенное мѣсто въ государствѣ; его интересы были часто противоположны интересамъ страны; оно съ подозрѣніемъ слѣдило за каждымъ шагомъ своего правительства и составляло оппозицію всякому нововведенію: оно всегда становилось на сторону привилегированнаго сословія, потому что его собственное матеріальное благосостояніе и его авторитетъ были основаны на старинныхъ привилегіяхъ. Мелкое духовенство было бѣдно и забыто, а высшее заботилось только о сохраненіи своего значенія. Въслѣдствіе реформаціи въ Швеціи исчезъ классъ высшаго духовенства. Хотя въ послѣдствіи было возстановлено епископство, но новые епископы не имѣли ни матеріальныхъ средствъ своихъ католическихъ предшественниковъ, ни аристократическихъ претензій ихъ; духовное сословіе слѣдалось руководителемъ младшихъ братьевъ на пути къ образованію и къ свободной политической жизни.

Сыновья священниковъ, не желавшіе посвятить себя богословскимъ занятіямъ, составили особенный классъ, изъ котораго короли набирали своихъ чиновниковъ. Въ XVI вѣкѣ Швецію не могли болѣе удовлетворять простыя формы администраціи, которыми довольствовались народы средних вѣковъ. У народовъ материка были заимствованы регламенты охота, рыболовство, пользованіе большими лѣсами были объявлены королевскою монополіей. Формы администраціи усложнились, и понадобились люди съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ. Новые чиновники казались швед-

скому какъ и всѣмъ другимъ народамъ излишнимъ бременемъ; уже писатели XVI вѣка жалуются на „секретарское управление“. Въ концѣ XVII вѣка, когда восторжествовалъ абсолютизмъ, зло увеличилось; бюрократы шведскіе имѣли большое и вредное вліяніе на судьбу этой страны.

Во вниманіе къ заслугамъ престарѣлаго короля, шведскіе аристократы отказались отъ своего стариннаго права располагать короной и признали престолъ наследственнымъ въ домъ Густава Вазы. Но они согласились на эту уступку не даромъ. Старый король не успѣлъ ихъ отблагодарить, но старшій сынъ его Эрикъ въ первый годъ своего царствованія щедро награждалъ магнатовъ за ихъ уступчивость. Онъ роздалъ самымъ знатнымъ изъ нихъ богатые государственныя имущества въ наследственное владѣніе на условіяхъ заимствованныхъ изъ леннаго права, развившагося на материкѣ. Помѣстья должны были переходить къ старшему сыну, младшіе сыновья получали небольшую сумму денегъ, а дочери приданое. Владѣніе помѣстьями было дано на вѣчныя времена. Только при востшествіи новаго короля на престолъ владѣльцы должны были испрашивать у него подтвержденія своихъ правъ. Помѣстья могли быть отняты только въ случаѣ измѣны владѣльцевъ. Крестьяне поселенные на этихъ земляхъ платили, въ случаѣ чрезвычайныхъ налоговъ, только половину противъ другихъ крестьянъ. Въмѣстѣ съ помѣстьями были даны аристократамъ и новыя титулы. Стуре, Браге, Русъ получили графскій титулъ. Свенбокъ, Уксеншерна, Спарре, Горнь и другіе—титулъ бароновъ. Прочее дворянство, не получившее казенныхъ земель, также не было забыто. Усадьба каждаго простаго дворянина (sven) была освобождена отъ поземельной подати, замѣнявшей повинность землевладѣльцевъ выставлать вооруженныхъ всадниковъ на войну. Баронскій титулъ давалъ право на два помѣстья освобожденные отъ рекрутской повинности, графскій—на три. Эта раздача титуловъ и казенныхъ помѣстій еще болѣе увеличила разстояніе между среднимъ дворянствомъ и высшимъ. Собственно говоря, въ Швеціи съ этого времени было пять сословій: крестьяне, горожане, духовенство, дворяне и аристократы. На сеймѣ послѣднія два сословія составляли одну палату: но интересы ихъ очень часто расходились между собой.

Итакъ въ половинѣ XVI вѣка совершилось раздѣленіе шведскаго народа на четыре разнородные слоя, и короли его могли приступить къ той опасной „игрѣ въ сословія“, которая опредѣляетъ характеръ шведской исторіи за послѣдніе три вѣка. Еще при сыновьяхъ Густава Вазы началось это соперничество сословіи, которое кончится только при сляніи ихъ въ одинъ народъ. Поводомъ къ началу борьбы послужило раздѣленіе интересовъ въ самомъ королевскомъ семействѣ.

III.

Чрезвычайно любопытно наблюдать за борьбой двухъ противоположныхъ историческихъ силъ. Если обѣ силы полны жизни, если обѣ имѣютъ подъ собой почву, изъ которой они могутъ притягивать къ себѣ все новые соки, борьба бываетъ продолжительна и принимаетъ самую разнообразную видоизмѣненія. Та сила, которая слабѣи и которой суждено погибнуть, никогда не уступаетъ сразу. Вотъ, кажется, она уже побѣждена, отказалась отъ борьбы, и вдругъ она появляется снова, въ другомъ видѣ, съ новымъ оружіемъ. Она опять побѣждена, но черезъ несколько времени она является съ той стороны, откуда никто не ожидалъ ея; какъ Протей, она ускользаетъ изъ рукъ побѣдителя и мѣняетъ свой образъ до послѣдняго издыханія. Такое зрѣлище намъ представляетъ, напримѣръ, въ исторіи Франціи борьба централизаціи съ провинціальною самостоятельностью, которая продолжалась отъ Карла Великаго до Лудовика XIV. При знаменитомъ завоевателѣ, который первый изъ германскихъ королей накиннулъ на себя порфиру римскаго императора, Франція составляла уже одно цѣлое, и самыя отдаленныя провинціи ея уже привыкли повиноваться распоряженіямъ, сдѣланнымъ въ императорской столицѣ. Но мѣстная жизнь взяла верхъ, и при слабыхъ преемникахъ Карла разрушилось выстроенное имъ зданіе. Однако, медленно и осторожно возобновляютъ борьбу французскіе короли, шагъ за шагомъ идутъ они впередъ, и въ XIV столѣтіи, при первомъ Валуа, возобновлено единство Франціи. Но вотъ неожиданное явленіе—французскіи

короли какъ будто сами разрушаютъ свое зданіе, они дѣлаютъ Францію между своими сыновьями, появляются опять герцоги Анжуйскіе, Беррійскіе, Бургонскіе. Королей французскихъ однако нельзя обвинять въ оплошности; они невольно и бессознательно сдѣлали уступку той силѣ, съ которою они до того времени боролись. Мѣстная жизнь была еще слишкомъ сильна, провинціи требовали самоуправленія, и вмѣсто прежнихъ независимыхъ герцоговъ ими стали управлять родственники французскаго короля почти столько же независимые. Но централизація, къ которой стремилась Франція, не могла помириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ. Началась новая борьба, и при Лудовикѣ XI палъ послѣдній родственникъ королевской династіи, который не хотѣлъ признать надъ собою господства старшей линіи. Самостоятельность провинцій однако еще не была подавлена: борьба приняла другой характеръ, защитниками мѣстной жизни выступили на этотъ разъ не принцы крови, а губернаторы, генералъ-капитаны отдѣльных провинцій, желавшіе управлять ими безъ контроля. Эта борьба шла рука объ руку съ другою борьбой, болѣе обращающею на себя вниманіе современниковъ и потомковъ,—борьбой гугенотовъ за религиозную свободу. Обѣ окончились въ одно время, и съ той минуты, когда пала на эшафотѣ голова благороднаго Монморанси, губернатора Лангедока, по приказанію великаго централизатора кардинала Ришелье, борьбу французскихъ провинцій за самостоятельность можно считать оконченною.

Подобное явленіе мы видимъ и въ Швеціи. Тамъ, въ теченіи среднихъ вѣковъ, при управленіи аристократическомъ и при верховномъ владычествѣ иностранныхъ королей, никогда не жившихъ въ Швеціи, мѣстная жизнь естественно могла свободно развиваться. Но въ началѣ XVI вѣка образовалась въ Швеціи національная монархія; государство окрепло; появились регалии, чиновники, централизація стала сильнѣй стягивать нити управленія,—и тотчасъ началась реакція. Густавъ Ваза, первый король управлявшій на новыхъ началахъ, былъ принужденъ раздать своимъ младшимъ сыновьямъ отдѣльныя провинціи: Іоаннъ получилъ Финляндію, Магнусъ Готландію и Смоландъ, Карлъ Зюдерманландію, Вестманландію и проч., со всеми регалиями, денежными пенями и казенными доходами въ потомственное владѣніе по мужскому колѣну на вѣчныя времена. Королю Эрику

была оставлена только Упландія, Далекарлія и безлюдныя сѣверь.

Это раздѣленіе въ королевскомъ семействѣ не укрылось отъ бдительности іезуитовъ, которые давно искали случая проникнуть въ Швецію и снова ввести туда католицизмъ. Имъ удалось женить втораго сына Густава, Іоанна, на польской принцессѣ, послѣднемъ отпрыскѣ дома Ягеллонова, и расположить Іоанна къ католицизму. Когда лифляндскіе рыцари, стѣсненные войсками Іоанна Грознаго, признали надъ собой владычество Поляковъ, а часть ихъ призван на помощь Шведовъ, король Эрикъ приказалъ герцогу фивляндскому вторгнуться съ войскомъ въ Лифляндію. Но Іоаннъ, не желая возстановить противъ себя Поляковъ, ослушался брата. Ссора кончилась тѣмъ, что Эрикъ былъ свергнутъ братьями и умерщвленъ, а Іоаннъ вступилъ на престолъ. Но у Эрика были дѣти; правда, мать ихъ принадлежала къ простому сословію, но она была обвиняема съ королемъ, и дѣти были законныя. Іоаннъ долженъ былъ вступить въ сдѣлку съ аристократами; онъ увеличилъ число членовъ государственнаго совѣта, и обѣщалъ раздать новыя коронныя земли тѣмъ семействамъ, которыя были обойдены при первой раздачѣ. Сынъ Эрика бѣжалъ въ Россію, гдѣ онъ и умеръ, въ Кашинѣ, въ 1607 году.

Но шведская аристократія поощренная успѣхомъ поставила себѣ еще болѣе высокую цѣль. Она мечтала о соединеніи съ Польшей, при чемъ управление Швеціей было бы предоставлено ей. У Іоанна родился отъ польской принцессы сынъ Сигизмундъ. Его-то хотѣли возвести іезуиты на польскій престолъ, чтобы соединить Швецію и Польшу подъ державой католическаго короля. Шведская аристократія содѣйствовала этому плану и отправила одного изъ своей среды въ Польшу хлопотать о Сигизмундѣ, который дѣйствительно былъ избранъ.

Цѣль была достигнута. Аристократія выговорила себѣ новыя права. Въ Кальмарѣ было поставлено, что по смерти Іоанна Сигизмундъ вступаетъ на престолъ шведскій; во время его отсутствія страной будетъ управлять совѣтъ изъ 7 членовъ: 6 назначаются королемъ, одинъ членъ назначается герцогомъ Карломъ (Магнусъ умеръ бездѣтнымъ). Каждые два года члены совѣта замѣняются другими. Тутъ же были возобновлены древнія государственныя должности,

дроста, маршала, канцлера, адмирала, казначея. Король назначилъ на эти должности кандидатовъ предложенныхъ ему государственнымъ совѣтомъ. За то аристократія равнодушно смотрѣла на всѣ мѣры короля Іоанна, которыми онъ подготовлялъ введеніе католицизма.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого умеръ Іоаннъ. Главы шведской аристократіи, Флемингъ, Спарре, Левенгауптъ послѣдили привести страну къ присягѣ въ вѣрности Сигизмунду и уни. Но у нихъ былъ опасный врагъ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій; онъ не призналъ кальмарскихъ постановленій и потребовалъ для себя санъ и званіе наместника королевскаго. Чтобы достигнуть своей цѣли и вырвать власть изъ рукъ магнатовъ онъ сталъ запугивать расположенія массы, сблизился съ національною и лютеранскою партіей и сталъ разыгрывать роль спасителя лютеранской церкви въ Швеціи. Когда Сигизмундъ пріѣхалъ въ Швецію, то онъ очутился между двумя враждебными лагерями. Всегда нерѣшительный и медлительный, онъ и въ этомъ случаѣ не сумѣлъ извлечь для себя пользы изъ положенія дѣлъ. Онъ тайно уѣхалъ изъ Швеціи, оставивъ своему дядѣ полномочіе написанное въ самыхъ неясныхъ выраженіяхъ. Карлъ долженъ былъ управлять, въ его отсутствіи, съ согласія государственнаго совѣта, не созывая общаго сейма безъ позволенія короля. Сигизмундъ хотѣлъ чтобы враждебныя партіи разрѣшили свой споръ безъ его посредничества. Онъ не предполагалъ, что побѣдитель обойдется безъ него и лишитъ его короны. Карлъ не долго медлилъ; вопреки приказаніямъ короля и протеста аристократіи онъ созвалъ сеймъ. Этотъ сеймъ былъ первымъ въ длинномъ ряду шведскихъ сеймовъ, на которыхъ раздѣленіе народныхъ представителей по четыремъ сословіямъ обнаружало всѣ свои невыгоды.

Дворянство пріѣхавшее на сеймъ было не многочисленно. Карлъ восполнилъ недостатокъ офицерами своего войска. Къ представителямъ трехъ младшихъ сословій онъ присоединилъ простыхъ воиновъ избранныхъ солдатами въ каждомъ полку. Сеймъ конечно призналъ его правителемъ Швеціи. Сигизмундъ, узнавъ въ Варшавѣ о случившемся, объявилъ, что онъ не признаетъ постановленій сейма. Карлъ отказался для виду отъ своего поста. Но представители низшихъ сословій стали его умолять, чтобъ онъ снова при-

нялъ на себя правленіе. Карлъ согласился. Сигизмундъ поспѣшилъ въ Швецію, но былъ разбитъ Карломъ и долженъ былъ признать постановленія сейма въ Сёдерчёпингѣ. Была объявлена всеобщая амнистія; но изъ нея были исключены пять членовъ государственнаго совѣта, за то что „они побудили Сигизмунда вторгнуться въ Швецію съ иноземнымъ войскомъ.“ Карлъ грозилъ своему племяннику, что если онъ не выдастъ ему магнатовъ, то его мужики сумѣютъ найдти ихъ въ самой палатѣ короля. Сигизмундъ выдалъ ихъ, съ условіемъ, чтобъ они были преданы правильному суду и уѣхалъ навсегда изъ своего отечества. Новый сеймъ, созванный герцогомъ Карломъ, предложилъ своему королю условія, на которыя онъ не могъ согласиться, и когда прошелъ срокъ, сеймъ лишилъ Сигизмунда престола и призналъ герцога шведскимъ королемъ. Тогда обрушилось все на аристократовъ. Имѣнія ихъ были отняты въ казну и многія достались простымъ солдатамъ Карла. Шведскіе историки говорятъ, что тогда возобновилось время римскихъ проскрипцій.

Затѣмъ начался судъ надъ представителями аристократіи, выданными Сигизмундомъ. Комmissія состояла изъ 44 офицеровъ Карлова войска, изъ 24 представителей городовъ и 47 представителей отъ крестьянства. Между послѣдними было 23 фохта, то-есть чиновника. Комmissія приговорила обвиненныхъ къ смерти. Многіе аристократы были изгнаны изъ отечества, другіе удалились добровольно. Самостоятельное значеніе государственнаго совѣта было подорвано; за нимъ было только оставлено право давать совѣты королю. Назначеніе членовъ зависѣло совершенно отъ короля, дѣятельность его перешла къ кабинету, въ которомъ засѣдали королевскіе секретари.

Карлъ IX былъ обязанъ своею побѣдой низшимъ слоямъ шведскаго народа, онъ награждалъ ихъ новою раздачей казенныхъ помѣстій.

Новые землевадѣльцы, получившіе эти помѣстья въ вслѣдственное владѣніе, съ условіемъ выставляя за это на войну вооруженныхъ всадниковъ, принадлежали къ классу мелкихъ чиновниковъ. Воины отличившіеся въ походахъ также были награждены такими помѣстьями.

Несмотря на эти уступки, неудовольствіе противъ

Карла было велико. Низшіе классы, которые помогли ему побѣдить аристократію, были обмануты въ своихъ надеждахъ на улучшеніе своего быта. Крестьяне были недовольны притѣвленіями чиновниковъ, горожане роптали на возрастающіе налоги. Неудовольствіе въ странѣ дошло до того, что король долженъ былъ издать указъ, который грозилъ лишеніемъ ушей и клейменіемъ лба всякому, кто позволялъ бы себѣ порицать короля.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого указа, Карлъ IX умеръ; ему наследовалъ его молодой сынъ Густавъ Адольфъ. Шведскій народъ слѣдилъ съ большимъ любопытствомъ за первыми поступками своего юнаго короля. Предъ Густавомъ Адольфомъ лежали два политическіе пути, которые повели бы его къ совершенно различнымъ результатамъ. Онъ могъ идти по слѣдамъ своего отца, возобновить борьбу противъ аристократіи, уже обезсиленной казнями и конфискаціями, и побѣдивъ ее упрочить свой престолъ на началахъ абсолютизма. Онъ могъ также подать руку примиренія униженной аристократіи, и опираясь на ея содѣйствіе, имѣть въ виду другую болѣе патріотическую цѣль. Сама судьба какъ будто хотѣла объяснить ему вопросъ, который онъ долженъ былъ разрѣшить, и дала ему двухъ воспитателей, двухъ совѣтниковъ изъ которыхъ каждый старался увлечь его въ свою сторону. Одинъ изъ этихъ совѣтниковъ былъ его учитель, магистръ Шродерусъ, слѣвавшійся потомъ извѣстнымъ въ шведской дипломатіи подъ именемъ Іоанна Шитте. Онъ былъ воспитанъ на юридическихъ теоріяхъ Гуго Гроція и на политическихъ воззрѣніяхъ Макиавелли и Филиппа де-Комина. По его мнѣнію, для правителя самою высокою цѣлью было восстановление въ государствѣ неограниченной власти; идеаломъ государя былъ для него Лудовикъ XI. Онъ не разъ совѣтовалъ своему царственному ученику черпать изъ Филиппа де-Комина политическую мудрость, и когда онъ уѣзжалъ по дипломатическимъ порученіямъ, то заботливо предохранялъ своего ученика отъ совѣтовъ придворныхъ господъ. Онъ боялся, что потеряетъ всѣ плоды своихъ стараній. Онъ ненавидѣлъ дворянство, потому что оно ему казалось главною помѣхой при водвореніи самодержавія. Когда Густавъ Адольфъ былъ уже на престолѣ, Шитте совѣтовалъ ему отнять у дворянства оставшіяся въ его ру-

какъ казенныя земли и потребовать отъ дворянъ доказательствъ на право владѣнія аллодіальнымъ родовымъ имуществомъ. Тогда, говорилъ онъ, поправится казна и станетъ независима и отъ прочихъ сословій.

Современники и самъ король называли Шитте демократомъ. Въ наше время Шитте былъ бы названъ бюрократомъ, потому что главною цѣлю для него было установленіе сильной монархической власти; онъ не думалъ объ уничтоженіи дворянскаго сословія и уравненіи его въ правахъ съ прочими; ему нужно было только уничтожить политическое значеніе этого сословія, а за нимъ и значеніе всѣхъ прочихъ.

Другой совѣтникъ Густава Адольфа былъ молодой баронъ Аксель Уксеншернъ. Воспитанный въ родовыхъ преданіяхъ своего сословія, онъ не могъ желать усиленія центральной власти и совершенной независимости ея отъ народа; онъ долженъ былъ ненавидѣть бюрократовъ. Онъ желалъ возобновить прерванную на время связь между короной и народомъ и упрочить на этой связи могущество и политическую славу своего отечества.

Но обратимъ вниманіе на особенность положенія барона Уксеншерны. Въ борьбѣ съ бюрократами, съ приверженцами Шитте, которые пользовались наплывомъ демократическихъ идей для достиженія своей цѣли и возбуждали низшія сословія противъ дворянства, чтобы взаимною борьбой уничтожить политическое значеніе всѣхъ сословій и упрочить могущество короны, барону Уксеншерну пришлось играть роль консерватора. Эта роль ослабила его, связала ему руки, и дала его дѣятельности одностороннее направленіе. Онъ не сталъ выше обѣихъ партій, а самъ примкнулъ къ одной изъ нихъ; поэтому онъ и не сдѣлался великимъ организаторомъ новаго прочнаго порядка, а ограничился смиренною ролью *реставратора*. Эта роль одна изъ самыхъ неблагоприятныхъ ролей въ исторіи. Реставрація не примиреніе двухъ враждующихъ историческихъ силъ; это сдѣлка между ними, которая можетъ удовлетворить обѣ стороны только временно, и скоро уступаетъ мѣсто новой борьбѣ. Политическая роль этого шведскаго барона имѣетъ нѣкоторое сходство съ дѣятельностью знаменитаго римскаго диктатора, Суллы. Сулла жестоко отмстилъ демократамъ за ихъ неловкія и неразчитанныя попытки сломить могущество

римской аристократіи; но онъ не рѣшилъ спора, не уничтожилъ возможности его возобновленія, онъ ограничился только полною реставраціей господства оптиматовъ. Оттого послѣ его смерти тотчасъ послышался новый громъ, который предвѣщалъ римской республикѣ новыя бури. Можеть-быть во времена Суллы было уже поздно думать о перестройкѣ сгнившаго зданія. Во всякомъ случаѣ, этого нельзя сказать о шведскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка. Но несмотря на свою высокую политическую мудрость, баронъ Уксеншерна пропустилъ удобное время; вмѣсто того чтобы смѣлою рукою дать политической жизни шведскаго народа такое направленіе, которое бы избавило его отъ вѣчной борьбы сословій, отъ постоянныхъ колебаній въ сторону демократіи или аристократіи, Уксеншерна успѣшилъ только дать прочную и твердую организацію тѣмъ силамъ которыми онъ былъ окруженъ, ограничить королевскую власть представителями сословій и поставить обѣ стороны подъ опеку аристократіи.

Густавъ Адольфъ не долго колебался между своими со-вѣтниками. Много причинъ влекло его туда, куда манилъ его юный, благородный, похожій на него характеромъ, сверстникъ. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, Густавъ Адольфъ былъ многимъ обязанъ аристократіи. Старый король, мучимый совѣстью, предоставилъ шведскимъ чинамъ въ своемъ завѣщаніи выборъ между своими сыновьями и герцогомъ Іоанномъ, младшимъ сыномъ умершаго короля Іоанна. Аристократія объявила себя тотчасъ въ пользу Густава Адольфа. Потомъ аристократія избавила его отъ опеки, которой онъ долженъ былъ подчиняться до своего восемнадцатилѣтняго возраста, и отъ попечительства, которое должно было продолжаться надъ нимъ согласно съ завѣщаніемъ отца до двадцать четвертаго года. Другая, важная причина заключалась въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Швеція. Королевская власть не была еще такъ сильна, чтобъ она могла вести продолжительныя войны безъ помощи собственно военнаго сословія. А при смерти Карла IX, Швеція была въ войнѣ со всеми сосѣдями, съ Россіей за Эстляндію, съ Польшей за Лифляндію, и съ датскимъ королемъ, который желалъ завять шведскій престолъ и возобновить унію.

А когда миновала опасность, молодого героя стала ма-

нить отдаленная высокая цѣль. Онъ спѣшилъ на материкъ, чтобы вмѣшаться въ вѣковую борьбу двухъ силъ, которая давно уже раздирала Европу; онъ хотѣлъ своимъ мечомъ рѣшить этотъ споръ, и явиться защитникомъ побѣжденнаго протестантизма. Борьба эта сосредоточивалась въ Германіи; католичество посылало туда со всѣхъ сторонъ свои легіоны, и протестантизмъ едва держался. Съ двухъ сторонъ германскіе протестанты могли ожидать себѣ помощи, изъ Англіи и изъ Швеціи. Положеніе этихъ государствъ было въ то время очень сходно. Оба переживали время внутренняго кризиса. И для Англіи и для Швеціи насталъ тогда моментъ, когда пришлось рѣшить въ какомъ направленіи разовьется внутренняя жизнь: по примѣру ли материка, гдѣ послѣдніе остатки феодальной свободы были побѣждены строгимъ государственнымъ началомъ и централизаціей, или напротивъ особеннымъ путемъ, которымъ изъ взаимодѣйствія феодальной независимости и монархической власти развилась бы конституціонная жизнь. Карлъ и Густавъ Адольфъ могли употребить всю энергію своего характера и всѣ способности которыми одарила ихъ природа на то чтобы дать торжество королевской власти, и въ дали отъ европейскаго шума спокойно заняться поработеніемъ своего народа. Они могли также уступить народу, и сильные его сочувствіемъ и содѣйствіемъ, увлечь его за собой въ борьбу за религіозную свободу. Карлъ избралъ первое, Густавъ Адольфъ второе. Исходъ обоихъ извѣстенъ. Одинъ изнурилъ свои силы въ безуспѣшной борьбѣ съ своимъ народомъ и проигравъ дѣло склонилъ голову на эшафотъ; другой кончилъ рано свою жизнь въ битвѣ съ непріателемъ не осуществивъ и половины своихъ смѣлыхъ надеждъ, но палъ со славой мученика и рыцаря за честное дѣло и сдѣлался національнымъ герсемъ своего народа.

Тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ, Густавъ Адольфъ увеличилъ права дворянства. Въ новыхъ постановленіяхъ было сказано между прочимъ: Доступъ къ важнымъ должностямъ и званіямъ предоставляется дворянамъ. Другимъ постановленіемъ король обязывался не приобрѣтать въ казну дворянскихъ имѣній ни путемъ конфискаціи, ни покупкой, ни другими средствами, напротивъ того дворянство приобрѣтало право превращать въ извѣст-

ныхъ случаяхъ *skatt* въ *фрелзе*, то-есть поземельную ответственность обложенную податью освобождать отъ нея.

Въ то время какъ король находился на войнѣ, баронъ Уксеншерна занялся опредѣленіемъ отношеній сейма къ королю. Новыя постановленія были предложены на утвержденіе чинамъ на сеймѣ, созванномъ по случаю коронаціи въ Оребро; сеймъ распадался на четыре отдѣльныя палаты, которыя имѣли по одному голосу. Для утвержденія новаго всеобщаго закона нужно было согласіе всѣхъ четырехъ палатъ. Въ вопросахъ касающихся администраціи, полиціи и т. д., король могъ сообразоваться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое ему казалось полезнѣйшимъ. Для обсужденія вопросовъ дипломатическихъ, требовавшихъ тайны, избирался четырьмя сословіями особый комитетъ, въ которомъ принимали участіе 30 членовъ отъ дворянства, по 14 членовъ отъ духовенства и крестьянства, и 10 горожанъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, палата дворянъ получила особенное устройство, которое имѣло большое вліяніе на судьбу этого сословія. Палата была разбита на три куріи. Первая состояла изъ графовъ и бароновъ, или господъ (*Herrenstand*). Вторая изъ потомковъ членовъ государственнаго совѣта (*Ritterstand*). Прочія дворянскія фамиліи (*Svennar*) принадлежали къ третьей куріи. Каждая изъ этихъ курій подавала свой голосъ отдѣльно. Согласія двухъ курій было достаточно, чтобы мнѣніе ихъ было принято за мнѣніе цѣлой дворянской палаты. Такъ какъ первыя двѣ куріи были почти всегда согласны, то въ дворянской палатѣ на сеймѣ стала господствовать аристократія. Въ 1626 году, когда было введено это устройство, первая курія состояла изъ 11 членовъ, 3 графовъ и 8 бароновъ. Вторая курія изъ 22 членовъ, къ третьей были приписаны 120 родовъ. Эти древніе дворянскіе роды размѣщались на сеймѣ по жребію; новые роды, получившіе дворянство послѣ 1626 года, должны были занимать мѣста по старшинству. Депутаты войска, всѣ полковники и майоры, и по одному капитану и одному ротмистру съ каждаго полка, допускались также на сеймъ. Но они имѣли только совѣщательный голосъ.

Государственному совѣту было возвращено его прежнее значеніе. Онъ сдѣлался посредникомъ между королемъ и государственными чинами. Каждому изъ пяти знатныхъ

сановниковъ, дросту, канцлеру и т. д., была придава особенная коллегія или министерство, такъ что дрость сдѣлался министромъ юстиціи, маршалъ военнымъ министромъ, канцлеръ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Смерть Густава Адольфа еще болѣе увеличила значеніе аристократіи. Правительство во время малолѣтства дочери короля, Христины, было поручено пяти сановникамъ, которые въ важныхъ случаяхъ должны были дѣйствовать съ согласіемъ прочихъ членовъ государственнаго совѣта. Это постановленіе было сдѣлано еще при жизни Густава Адольфа; въ 1634 г. оно было подтверждено сеймомъ. Но аристократія сдѣлала въ замѣнъ этого одну важную уступку низшимъ сословіямъ. Въ 1612 г. было постановлено, что ни одинъ низкороденный не долженъ получать предпочтенія предъ дворянами. Аристократія согласилась объяснить слово низкороденный сдѣдующимъ образомъ: Только тотъ заслуживаетъ это названіе, кто своимъ поведеніемъ опозорилъ свое происхожденіе. Всякій же, кто рожденъ въ законномъ бракѣ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, можетъ получить то мѣсто, которое онъ заслуживаетъ по своимъ способностямъ.

Такъ какъ три изъ пяти министерскихъ мѣстъ были заняты членами фамиліи Уксеншерновъ, то, во время малолѣтства Христины, Швеціей управляла въ полномъ смыслѣ олигархія. Къ счастью, во главѣ этой олигархіи стоялъ человекъ весьма способный, пользовавшійся такимъ уваженіемъ, что никому не могла придти мысль вытѣснить его. Аксель Уксеншерн во внѣшней политикѣ шелъ по слѣдамъ Густава Адольфа. Блистательные успѣхи шведскихъ генераловъ, особенно счастливая война Торстенсона съ Дніей бросили яркій свѣтъ на управленіе шведскаго канцлера и еще болѣе упрочили его положеніе.

Но Христина отплатила неблагодарностью олигархамъ. Она была особенно расположена къ молодому Магнусу де-ла-Гарди, и окружила себя въ первое время своего царствованія приверженцами Шитта, которые опять стали возбуждать противъ аристократіи зависть низшихъ сословій, особенно чиновниковъ выслужившихся до дворянства, но не раздѣлявшихъ интересовъ древняго землевладѣльческаго дворянства. На сеймѣ коронаціи въ 1650 г. обѣ партіи были готовы вступить въ борьбу. Низшія три сословія подали

этѣ себя формальный обвинительный актъ противъ аристократіи. Обыкновенно полагають, что эта записка была написана принадлежащимъ къ приверженцамъ Шитта профессоромъ Мессеніемъ по настоянію самой королевы. Демократическая партія жаловалась, что аристократы присвоили себѣ всѣ казенныя земли, вслѣдствіе чего подати стали невыносимо тяжки для крестьянъ. Она требовала отнятія у дворянства казенныхъ помѣстій (редукція). Но отъ капризнаго и непостояннаго характера Христины нельзя было ожидать послѣдовательнаго образа дѣйствій. Ей вскорѣ надобно всякія политическія пренія, и она оттолкнула отъ себя руку демократовъ. Она любила роскошь и вѣшній блескъ, и могла удовлетворить этой страсти только съ помощью богатой и блестящей аристократіи. Поэтому когда она достигла своей цѣли, и удалила ненавистную ей фамилію Уксеншерновъ, она снова сблизилась съ аристократіей, и осыпала ее милостями и щедротами. Мессеній съ сыномъ были казнены, число членовъ государственнаго совѣта было увеличено съ 25 на 37. Къ тремъ прежнимъ графскимъ фамиліямъ были присоединены 18 новыхъ. Число 8 фамилій съ баронскимъ титуломъ было увеличено на 55. Съ графскимъ титуломъ было сопряжено множество новыхъ весьма обширныхъ привилегій. Густавъ Адольфъ роздалъ и продалъ во время своихъ войнъ 8.900 геммановъ, съ которыхъ казна получала ежегодный доходъ въ 218.000 талеровъ. Большая часть этихъ помѣстій лежала въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ Лифляндіи, Эстляндіи, и король соединялъ съ финансовою цѣлью еще политическую. Во время малолѣтства Христины были розданы и проданы казенныя помѣстья, приносящія дохода на 202.000. Христина же продала во время своего царствованія 5.000 геммановъ, приносящихъ дохода на 150.000; но раздарила около 20.000 дававшихъ дохода до 600.000 талеровъ.

Естественно, что царствованіе Христины еще болѣе возвысило богатство и могущество шведской аристократіи. Блескъ и роскошь достигли особенно въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ до невѣроятной степени. Шведскій историкъ Фриксель слѣдующимъ образомъ описываетъ могущество графовъ Браге.

Много имѣній и аллодіальныхъ и ленныхъ принадлежали графу Перу (Петру) Браге, дросту шведскаго королевства.

Три города признавали его своимъ господиномъ, и четвертый который былъ еще не совершенно обстроенъ. Но средоточіемъ могущества графа Браге было графство Визингборгъ, съ замкомъ на островѣ Визингѣ, на Веттерскомъ озерѣ, расположенное по обѣимъ берегамъ этого озера. Когда графъ возвращался изъ Стокгольма въ свое графство, онъ останавливался въ своемъ маленькомъ замкѣ Брагегюсъ, построенномъ на восточномъ берегу озера, на холмѣ, который нѣкогда назывался холмомъ боговъ. Все, что представлялось глазу зрителя, смотрѣвшаго съ этого холма, принадлежало къ владѣніямъ графа Браге. Изъ замка графъ отправлялся въ построенный имъ городъ Грену на берегу озера, гдѣ всѣ жители съ почетомъ ожидали графа и его высокихъ гостей. Потомъ все общество садилось въ лодки съ навѣсомъ, покрытыя краснымъ сукномъ, и перѣѣзжало черезъ бурное озеро. Когда гости подъѣзжали къ острову и выходили на каменную лѣстницу спускающуюся къ водѣ, ихъ встрѣчали звуки трубъ съ высокихъ стѣнъ замка, и пока они приближались къ нему, ихъ пріѣтствовалъ громъ пушекъ изъ Визингборга и изъ Брагегюса. Два батальона графскихъ тѣлохранителей въ голубыхъ и бѣлыхъ мундирахъ были разставлены по обѣимъ сторонамъ дороги, и пріѣтствовали своего господина и его гостей ружейными залпами. Замокъ былъ очень помѣстителейъ и окруженъ валомъ и рвомъ; кромѣ покоевъ для хозяевъ и для гостей, въ немъ помѣщались канцелярія, арсеналъ, астрономическая обсерваторія, бібліотека и древнехранилище. Комнаты, особенно столовая, были великолѣпно убраны, и во время обѣда гремѣла музыка графской лейбъ-капеллы. По вечерамъ, ученики устроенной графомъ школы тѣшили гостей сценическими представленіями. Когда графъ отпускалъ своихъ гостей, они не рѣдко уводили съ собой дорогую лошадь изъ его богатой конюшни или получали другой цѣнный подарокъ.

Относительно управленія все графство составляло одно цѣлое. Графъ самъ назначалъ судей и чиновниковъ въ цѣломъ графствѣ. Графъ Перъ Браге имѣлъ даже власть надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ. Онъ походилъ по этому совершенно на владѣтельнаго князя: и дѣйствительно, онъ считалъ себя равнымъ по сану нѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ, на графскихъ креслахъ въ церкви было всѣмъ

указано большими буквами кресло князя, кресло княгини. Всѣ надписи въ Визинге свидѣтельствуютъ о тѣхъ же приязаніяхъ. Такъ напримѣръ Petrus Brahe, senior. Comes natus 520 vixit 30 annos.

Подобнымъ образомъ жили графы де-ла Гарди въ замкѣ Лекё, графъ Уксеншерна въ Тидё, графъ Врангель въ Скокостеръ. Баронъ Аксель Уксеншерна получилъ графскій титулъ съ графствомъ Сёдермёре въ 1645 году, въ награду за выгодный миръ заключенный съ Датчанами въ Бромсебрё.

Высокое положеніе занимала шведская аристократія въ срединѣ XVI вѣка, но оно было очень шатко, потому что у этой аристократіи не было точки опоры. Сословіе, къ которому она принадлежала, было раздѣлено на три куріи; послѣдняя изъ нихъ и самая многочисленная (въ это время къ классу мелкаго дворянства было приписано уже 650 семействъ, большею частью не владѣвшихъ поземельною собственностью) имѣла свои особенные интересы, и ненавидѣла аристократію. Она требовала, чтобы дворяне, по примѣру прочихъ сословій, не были обязаны являться лично на сеймъ, но могли избирать себѣ представителей по областямъ и провинціямъ. Мелкимъ дворянамъ дѣйствительно было тягостно являться на сеймъ, за что они не получали никакого вознагражденія, тогда какъ представители городовъ и крестьянства содержались насчетъ избирателей. Но они имѣли при этомъ еще другую цѣль. Они предлагали, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было отмѣнено раздѣленіе дворянской палаты на три куріи, и надѣялись, что при своей многочисленности они получатъ на выборахъ перевѣсъ надъ аристократіей и ослабятъ такимъ образомъ ея значеніе на сеймахъ. Аристократы, которые могли располагать голосами двухъ курій дворянской палаты, безъ всякаго труда устранили это предложеніе. Впрочемъ, еслибы между отдѣльными классами дворянства было и болѣе единства, то все же положеніе его было бы не безопасно, пока короли имѣли возможность соединить противъ него остальные три сословія. Положеніе аристократіи было шатко именно вслѣдствіе сословныхъ цѣленій сейма.

IV.

Уже при наследникѣ Христины, Карлъ X, стали говорить о редуции, то-есть о возвращеніи въ казну казенныхъ помѣстій, розданныхъ дворянству. Аристократія согласилась на большія денежныя пожертвованія, чтобъ отключить эту мѣру, и успѣла въ томъ. Карлъ, занятый войною съ Польшей, съ Россіей и съ Даніей, нуждался въ помощи дворянства, а особенно въ помощи богатой аристократіи, и самъ предписывалъ чтобы комиссары, которымъ было поручено разбирать не отчуждена ли кому-либо казенная земля незаконнымъ образомъ, поступали осторожно. Скоро смерть короля положила конецъ всякимъ опасеніямъ. Настала опять пора регентства, столь выгодная для олигархіи, и магнаты думали возобновить счастливое время Уксешерны.

Но чины созванные на сеймъ въ 1660 году хотѣли подѣлиться добычей съ олигархами. Они измѣнили постановленіи 1634 года, и потребовали чтобы пять министровъ, которымъ было поручено регентство, избирались съ ихъ согласія. Потомъ они постановили, чтобы черезъ всякіе три года созывался полный сеймъ. За то они позволили членамъ государственнаго совѣта увеличить число свое съ 37 на 40, и согласились, чтобы государственный совѣтъ самъ выбиралъ новыхъ членовъ на мѣста выбывающихъ, и чтобъ это право оставалось въ силѣ даже при совершеннолѣтніи короля. Счастливое время Уксешерны не возобновилось: между новыми олигархами никто не могъ равняться съ знаменитымъ канцлеромъ способностями и значеніемъ, ни Перъ Браге, богатство котораго выше описано, ни Магнусъ де-ла-Гарди, удивлявшій иностранныхъ пословъ своимъ великолѣпіемъ и своею щедростію.

Время регентства скоро прошло. Въ 1672 г. Карлъ XI былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Милостивымъ указомъ онъ выразилъ благодарность своимъ опекунамъ, и снялъ съ нихъ всякую отвѣтственность за прошлое. Затѣмъ по молодости своей не желая брать на себя правле-

ніе, онъ поручилъ его своему родственнику Магнусу де-ла-Гарди. Прошло еще три года. Между тѣмъ туча, грозившая шведскимъ магнатамъ, опускалась все ниже и ниже. Графъ Магнусъ де-ла Гарди желалъ управлять какъ можно болѣе независимо отъ государственнаго совѣта; онъ рѣдко созывалъ его въ полномъ составѣ, и болѣшую часть дѣлъ перенесъ въ кабинетъ короля. Этотъ кабинетъ составилъ онъ изъ молодыхъ людей незнатнаго происхожденія, но способныхъ и честолюбивыхъ. Вся надежда ихъ на успѣхъ зависѣла отъ милости короля, а полного простора для своей дѣятельности они могли ожидать только при самодержавномъ правленіи. Эти-то секретари поставили себѣ цѣлью водворить въ Швеціи абсолютизмъ, и вскорѣ они успѣли увлечь короля за собой. Самые замѣчательные изъ нихъ были Линдешельдъ и Гривенгилемъ; первый былъ сынъ кузнеца, второй былъ прежде, подобно Шитте, учителемъ молодаго короля. Къ нимъ присоединился аристократъ Гилленшернъ, честолюбіе котораго взяло перевѣсъ надъ аристократическими интересами; при томъ онъ былъ по своей матери внукомъ Іоанна Шитте, этого прототипа шведскихъ бюрократовъ.

Это появленіе бюрократовъ въ кабинетъ было впрочемъ вовсе не случайно, могущество олигархіи возрасло до такой степени, что реакція была неминуема. При томъ примѣръ другихъ государствъ былъ заразителенъ. Во Франціи въ то время было въ полномъ блескѣ могущество Лудовика XIV, въ Англіи происходила реставрація Стюартовъ, въ Бранденбургѣ царствовалъ великій курфирстъ, который нанесъ послѣдній ударъ самостоятельности своихъ чиновъ, и далъ бранденбургскому правительству тотъ отпечатокъ фельдвезельства, который оно такъ долго сохраняло. Шведскіе абсолютисты могли поучаться, у кого имъ было угодно. •

Въ 1675 году собрался сеймъ. Неудачная политика графа Магнуса возбудила противъ него всеобщее неудовольствіе. Отвѣтственность за фербеллинскую битву должна была пасть на того, кто началъ войну съ Пруссіей безъ согласія сейма. Графъ Магнусъ палъ, но сеймъ не удовольствовался этимъ. Онъ объявилъ, что имѣетъ право потребовать отъ опекуновъ отчета за суммы истраченныя ими во время малолѣтства короля. Это было несправедливо. Согла-

сно съ постановленіями 1634 года, чины имѣли право требовать отчета отъ опекуновъ во время малолѣтства короля. Но когда король достигъ совершеннолѣтія, и уже избавилъ своихъ опекуновъ отъ всякой отвѣтственности, тогда сеймъ не имѣлъ права требовать новаго пересмотра счетовъ. Молодой Карлъ, у котораго понятія о чести еще не были затемнены страстнымъ желаніемъ отдѣлаться отъ тягостнаго надзора аристократіи, не хотѣлъ согласиться на требованія чиновъ. Но его секретари доказали ему всю пользу, какую можно было извлечь изъ этого для самодержавія, и онъ согласился. Была назначена коммиссія, состоявшая изъ членовъ всѣхъ четырехъ сословій, для слѣдствія надъ опекунами и членами государственнаго совѣта. Тѣ протестовали, потому что по закону они подлежали только суду равныхъ имъ по сословію. Но протестъ не былъ признанъ. Сеймъ былъ распущенъ. Король уѣхалъ въ войну. Тамъ въ лагеряхъ, окруженный постоянно опасностями, онъ привыкъ къ военному рѣшительному образу дѣйствія, привыкъ презирать преграды, и узналъ всю прелесть власти, не подверженной никакому надзору. Секретари, которые находились безотлучно при немъ, совершенно овладѣли его довѣріемъ. Когда король возвратился въ Стокгольмъ, онъ рѣшился во чтѣ бы то ни стало извергнуть аристократію съ высокаго положенія, которое она занимала, а потомъ упрочить въ Швеціи самодержавную власть.

Такъ наступилъ роковой для шведской аристократіи 1680 годъ. Былъ созванъ сеймъ. Король призвалъ въ Стокгольмъ свою гвардію, которою командовалъ эстляндскій дворянинъ Гастферъ. Палатъ дворянъ дали почетный караулъ изъ 25 гвардейскихъ солдатъ. Король имѣлъ въ каждой палатѣ нѣсколько особенныхъ приверженцевъ. Клаасъ Флемингъ, на котораго король могъ положиться, былъ назначенъ предсѣдателемъ сейма. Архіепископъ Базій, совершенно преданный абсолютизму, былъ предсѣдателемъ втораго сословія. Демократическій бургомистръ Стокгольма Олофъ Тегнеръ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ третьяго сословія. А четвертое сословіе, крестьяне, которымъ король самъ назначалъ предсѣдателя (сакера), въ вопросахъ политическихъ всегда поддерживали правительство. Между дворянами король особенно надѣл-

ся на братьевъ Вахтмейстеровъ, съ которыми онъ сблизился въ лагерь. Старшій изъ нихъ баронъ Гансъ долженъ былъ явиться въ первой дворянской куріи защитникомъ королевскихъ интересовъ, Аксель—во второй куріи. На третью курію король могъ совершенно положиться. Онъ увеличилъ число ея членовъ 92 новыми фамиліями, которыя получили дворянство за заслуги, оказанныя на войнѣ. Особенно могъ разчитывать король на офицеровъ, которые сидѣли въ этой куріи, и на массу чиновническаго дворянства, ненавидѣвшаго богатыхъ землевладѣльцевъ.

Король потребовалъ, чтобъ изъ депутатовъ сейма былъ составленъ особенный секретный комитетъ. Первымъ примѣромъ тому былъ секретный комитетъ, составленный при Густавѣ-Адольфѣ, для обсужденія политическихъ и религіозныхъ дѣлъ Германіи. Въ то время каждое сословіе, за исключеніемъ крестьянъ, само назначало изъ своей среды членовъ для этого комитета. Но на сеймѣ 1672 года было принято, по настоянію де-ла-Гарди, что король можетъ обозначить тѣ лица, которыя онъ желаетъ видѣть членами секретнаго комитета. Теперь король воспользовался своимъ правомъ, и весь комитетъ былъ составленъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ кабинета. Какъ только былъ открытъ сеймъ, крестьяне подали записку, какъ полагаютъ, составленную королевскимъ секретаремъ Линденшѣльдомъ. Они жаловались на разстройство финансовъ и утверждали, что ихъ вельзя поправить, пока въ рукахъ аристократіи будутъ находиться такія обширныя казенныя помѣстья. Вопросъ былъ предложенъ на обсужденіе палатъ. Въ дворянской палатѣ представители леннаго дворянства, аристократіи, протестовали. Они говорили, что по шведскимъ законамъ палаты могутъ обсуждать только тѣ вопросы, которые предложены королемъ. Услыхавъ это, приверженцы кабинета бросились къ дверямъ, спѣша въ замокъ, чтобъ убѣдить короля сдѣлать сейму формальное предложеніе о возвращеніи въ казну коронныхъ имѣній. Аристократы послѣдовали за ними. Когда Гансъ Вахтмейстеръ увидѣлъ, что всѣ его противники оставили залъ, онъ возвратился, и вдругъ объявилъ отъ имени первой куріи, что она приняла предложеніе. Братъ его, Аксель, послѣдовалъ его примѣру, и объявилъ то же самое отъ имени второй куріи. Третья присоеди-

лась къ нимъ. Низшія сословія приняли предложеніе безъ всякаго противорѣчія. Когда вышедшіе изъ залы возвратились и узнали о случившемся, они протестовали. Было уже поздно. Но и этого мало. Депутаты, полагая что всѣ дѣла окончены, уѣхали изъ Стокгольма, а въ столицѣ остались только спикеры четырехъ сословій и нѣсколько депутатовъ, приверженныхъ кабинету. Въ это время сейму было сдѣлано отъ короля новое предложеніе. Король спрашивалъ сеймъ, обязавъ ли онъ держаться постановленій 1634 года, принятыхъ во время малолѣтства Христины, и имѣеть ли право государственныи совѣтъ считать себя посредникомъ между королемъ и сеймомъ, и стѣснятъ дѣятельность короля. Спикеры и оставшіеся въ Стокгольмѣ депутаты собрались, и, несмотря на свою малочисленность, рѣшили эти вопросы въ пользу короля. Государственный совѣтъ протестовалъ. Но въ это самое время, комиссія, назначенная пять лѣтъ тому назадъ для слѣдствія надъ поведеніемъ государственнаго совѣта во время малолѣтства Карла XI, окончила свои труды. Членамъ государственнаго совѣта пришлось выбирать между потерей политическаго значенія и нищенскою сумой. Они рѣшились на первое. Тогда государственный совѣтъ былъ преобразованъ въ „королевскій совѣтъ“. Пять государственныхъ министровъ сдѣлались правителями королевскихъ канцелярій. Почти всѣ мѣста въ королевскомъ совѣтѣ были заняты людьми новыми, приверженными кабинету.

Но магнаты не спасли себя добровольною уступкою и отъ нищенской суммы. Редукціонная комиссія начала свои дѣйствія. Лучшія имѣнія магнатовъ были отобрааны въ казну. А въ 1682 году слѣдственная комиссія обнародовала свой приговоръ. Опекуны были обвинены въ безпечной и бесполезной растратѣ казенныхъ суммъ, въ нерадивности къ пользѣ королевства, въ томъ что они отдавали подряды на невыгодныхъ для государства условіяхъ, что несмотря на бѣдность казны, они назначали себѣ и своимъ приверженцамъ высокое жалованье. Они были приговорены къ уплатѣ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ казнѣ, всѣхъ недоимокъ, не собранныхъ во время малолѣтства Карла XI. Еслибы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ точности, то всего имѣнія обвиненныхъ было бы недостаточно, чтобъ уплатить требуемыя отъ нихъ суммы.

тѣмъ болѣе что лучшія имѣнія были уже отняты редуціонною комиссіей. Но казна была милостива. Она позволяла обвиненнымъ откупиться круглою суммой. Такъ графы Браге откупились 431.000 талеровъ, послѣ того какъ графство Визингборгъ и баронія Каана были взяты редуціонною комиссіей. Графъ де-ла-Гарди потерялъ все, когда у него отняли левныя имѣнія; говорятъ, что онъ истратилъ 500.000 талеровъ на украшеніе этихъ левныхъ имѣній. Все это пропало даромъ. Когда онъ умеръ, его жена, принцесса пфальцская, Марія Евфросинія, тетка короля, должна была просить своего племянника дать ей средства устроить для мужа приличныя похороны. Такъ кончилъ графъ Магнусъ де-Ла-Гарди, котораго современники называли „самымъ блестящимъ явленіемъ на сѣверномъ небѣ“. Графъ Стенбокъ откупился за несчастный походъ 1675 года и за опекунство 200.000 талеровъ. Всѣ его имѣнія были взяты въ казну. Онъ былъ въ такой крайности, что долженъ былъ заложить свой мундиръ, вышитый золотыми галунами. Наслѣдникамъ ничего не осталось. Городъ Стокгольмъ выкупилъ въ послѣдствіи его домъ и подарилъ его сыну, графу Стенбоку, за его побѣду при Гельсингборгѣ. Дѣти графа Кенигемарка потеряли все и удалились изъ Швеціи. Судьба ихъ извѣстна. Сынъ погибъ жертвой ревности ганноверскаго курфирста Георга. Дочь Аврора, знаменитая красавица, сдѣлалась любовницею Августа Польскаго. Графы Бонде потеряли почти все и также удалились изъ отечества.

Такъ пала древняя могущественная шведская аристократія жертвою зависти мелкаго дворянства и низшихъ сословій, искусно возбужденной правительствомъ, стремившимся къ самодержавію и воспользовавшимся сословною враждой.

Но шведское правительство, ободренное легкимъ успѣхомъ, не остановилось здѣсь. Оно рѣшилось подчинить себѣ и среднее дворянство. Въ 1682 году былъ опять созванъ сеймъ, опять по желанію кабинета былъ составленъ секретный комитетъ для управленія дѣлами сейма. Стали обсуждать средства для покрытія дефицита. Три низшія сословія снова объявили, что они ничего не могутъ дать казнѣ, пока въ рукахъ дворянства находятся коронныя помѣстья. Вопросъ касался небольшихъ помѣстій, остав-

шихся въ рукахъ средняго дворянства. Дворянская палата протестовала, но ей отвѣтили, что шведскіе короли должны наблюдать за тѣмъ, чтобы не уменьшалось древнее достояніе королей, Упсала-ёде. Редукціонная коммиссія получила приказаніе заняться также среднимъ и мелкимъ дворянствомъ. Три низшія сословія были задобрены разными привилегіями. Тогда, говорятъ историки, въ Швеціи случилось то, что, по описанію Тацита, происходило въ Римѣ во времена Гальбы. Коммиссары бросились во всѣ провинціи, съ инвентаріемъ въ рукахъ, развѣдывая, какія земли приходится отбирать въ казну. Не было суда, не было апелляціи. Произвольно распоряжались коммиссары счастьемъ и благосостояніемъ тѣхъ, которые попадались имъ въ руки.

Наконецъ, въ 1686 году, сеймъ долженъ былъ согласиться, чтобы и проданныя и заложенныя казною имѣнія были ей возвращены. Тутъ пострадало и третье сословіе. Такъ какъ капиталы были рѣдки въ Швеціи, то съ казны брали обыкновенно 8⁰/₀. Теперь объявили, что честные патріоты не должны были брать съ нея больше 5⁰/₀. Лишніе проценты были вычтены изъ капитала. Такимъ образомъ почти всѣ заложенныя казною имѣнія достались ей назадъ даромъ. Нѣкоторыя изъ заложенныхъ казенныхъ имѣній переходили изъ рукъ въ руки по наслѣдству и при дѣлѣхъ нерѣдко одинъ изъ наслѣдниковъ, выплативъ прочіи деньги, считалъ цѣлое имѣніе своею собственностію: онъ теперь терялъ имѣніе безъ вознагражденія со стороны казны. А если на какомъ-нибудь частномъ имѣніи были гипотечные долги, казна получала преимущество передъ частными долгами. Если имѣніе было продано въ другія руки, продавецъ или его наслѣдники должны были вознаградить казну изъ собственныхъ средствъ. Тѣ, которые жаловались на эти распоряженія, были обвиняемы въ оскорбленіи величества и безъ всякой защиты становились жертвою своихъ обвинителей. Иногда вмѣсто наказанія обвиненнаго ожидало прощеніе; но въ протоколѣ выговаривалось, что если онъ или его потомки когда-либо покажутъ, что не заслужили милости короля, то произнесенный надъ ними приговоръ будетъ тотчасъ приведенъ въ исполненіе.

Карлъ XI достигъ своей цѣли. Самодержавная власть его была признана его подданными. Сеймы продолжали пра-

вильно собираться, но это была только пустая форма. Представители сословій, разъединенныхъ послѣдними событіями, въ которыхъ они показали такъ мало взаимнаго довѣрія, сдѣлались послушнымъ орудіемъ правительства.

Самое правительство не много выиграло отъ финансоваго оборота. Конфискованныя имѣнія достались большею частію приверженцамъ кабинета, редуціоннымъ комиссарамъ. Новая служебная аристократія образовалась на развалинахъ знатной, родовой. Лучшие генералы Карла XII, Пиперъ, Реншѣльдъ, были большею частію сыновья тѣхъ лицъ, которыя помогли Карлу XI достигнуть самодержавія. Тяжелая и мрачная эпоха наступила для Швеціи. Она, правда, озарилась на вѣсколько времени блескомъ побѣдъ молодого сѣвернаго героя, но полтавская битва опять повергла все въ прежній мракъ, а послѣдующія событія, упрямство Карла XII, его презрѣніе къ тѣмъ формамъ представительнаго правленія, которыя еще сохранились отъ старины, увлекли Швецію на край гибели.

V.

Смерть Карла XII была причиною новаго переворота въ шведскомъ государственномъ устройствѣ. Между знатыми сановниками, которымъ пришлось располагать судьбой шведскаго народа по смерти короля, были двѣ партіи. Партія старой аристократіи, во главѣ которой стоялъ графъ Горнъ, желала восстановленія тѣхъ порядковъ, которые существовали до 1680 года, полной реставраціи политическаго и финансоваго положенія аристократіи. Но другая болѣе многочисленная партія дворянства желала только ограниченія самодержавія; къ этой партіи принадлежали и чиновники, возведенные въ дворянство, и офицеры. Приверженцы дворянской демократіи получили перевѣсъ. Извѣстно, какимъ образомъ пало въ Швеціи самодержавіе послѣ смерти Карла XII; законный наслѣдникъ его, герцогъ голштинскій, былъ устраненъ отъ престола, и на него возведена младшая сестра его Ульрика Элеонора не по праву наслѣдства, а на основаніи добровольнаго избранія чинами. Новая королева клятвенно отказалась отъ самодержавія. Представители на-

рода и всѣ чиновники Шведскаго королевства обязались присягой противиться всеми силами и средствами возобновленію прежняго неограниченнаго образа правленія. Королева желала, чтобъ ея супругъ, герцогъ гессенскій, былъ признавъ шведскимъ королемъ. Сеймъ согласился, но королевская чета должна была купить это согласіе новыми уступками. Король былъ поставленъ въ совершенную зависимость отъ государственнаго совѣта, который былъ возобновленъ; всѣ дѣла рѣшались въ немъ по большинству голосовъ, король имѣлъ въ немъ лишь два голоса. Государственный совѣтъ состоялъ изъ 16 членовъ, председателемъ его назывался председателемъ Канцеляріи. Онъ былъ собственно первымъ министромъ. Должность эту занялъ графъ Горнъ.

Но сеймъ вовсе не думалъ возобновить ненавистное мелкому дворянству время олигархіи. По новому устройству, государственный совѣтъ былъ только исполнителемъ воли сейма. Сеймъ, который собирался каждые три года, былъ собственно государемъ (*souverain*) точно также какъ въ Польшѣ.

Но какое сословіе или какой классъ имѣлъ перевѣсъ на сеймѣ? Аристократія не оправдалась послѣ времени редуціи; низшія сословія въ своей исключительности и замкнутости также не представляли значительной политической силы. Преимущество должно было остаться за массой мелкаго, большею частію безпомѣстнаго дворянства, съ которымъ слилось чиновничество, размножившееся и усилившееся въ эпоху абсолютизма. Число графскихъ фамилій простиралось въ это время до 60, число баронскихъ до 130. Карлъ XI щедро награждалъ своихъ помощниковъ этими титулами. За то вторая дворянская курія, такъ-называемая рыцарская, въ это время почти совершенно исчезла; ея члены перешли большею частію въ первую курію. Но несмотря на такое усиленіе своего состава, первая курія должна была умолкнуть на сеймѣ передъ массой мелкаго дворянства. Въ 1719 году эта курія состояла уже изъ 1600 семействъ. Ульрика Элеонора, опасаясь что офицеры по своей многочисленности возьмутъ верхъ на сеймѣ, пожаловала дворянство 300 чиновникамъ, такъ что число родовъ въ третьей куріи дошло до 1900. Эта масса мелкаго дворянства господствовала

на сеймъ и управляла государствомъ. Она измѣнила организацію дворянской палаты, принятую въ 1626 году, и отиѣнила раздѣленіе на три куріи. Все дворянство, и богатое и бѣдное, было смѣшано въ одну сплошную массу какъ въ Польшѣ; старшій членъ всякаго дворянскаго рода имѣлъ голосъ на сеймѣ; голосъ мелкаго чиновника, пожалованнаго въ дворянство наканунѣ, имѣлъ такое же значеніе какъ голосъ самаго вліятельнаго аристократа. На сеймахъ открылся полный просторъ для демократическихъ шляхетскихъ стремленій. Впрочемъ демократическимъ нельзя называть духъ шведскаго дворянства, если принимать это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется со времени французской революціи. Шведское дворянство ревностно стояло за исключительные интересы своего сословія и сумѣло увеличивать свои привилегіи. Между прочимъ укажемъ на постановленіе по которому дворянамъ было запрещено жениться на дочеряхъ не дворянъ: дѣти отъ такого брака не имѣли права на дворянство и не могли наследовать отъ отца его поземельной собственности. Дворянка, выходящая замужъ за недворянина, должна была уступить родственникамъ свою поземельную собственность.

Въ Швеціи было нѣсколько классовъ, которые были лишены политическихъ правъ, вслѣдствіе этого раздѣленія народа на четыре сословія: напримѣръ свободные землеуладѣльцы, фреэзмены, не примкнувшіе ни къ крестьянамъ, ни къ дворянамъ, богатые капиталисты, которые приобрѣли поземельную собственность или устроили заводы, наконецъ дѣти священниковъ, которые вышли изъ духовнаго званія, и чиновники—не дворяне. Второе сословіе требовало, чтобъ этимъ классамъ былъ данъ совѣщательный голосъ на сеймахъ, но дворянство не согласилось, а потому опасаясь, чтобъ эти классы, образованные и богатые, не соединились съ крестьянствомъ, постановило, чтобы никто не смѣлъ явиться на сеймъ представителемъ отъ крестьянскаго сословія, кто прежде принадлежалъ къ другому сословію или занималъ какую-нибудь публичную должность.

Крестьяне были оскорблены еще другими постановленіями. Такъ напримѣръ ихъ представителей не допускали въ секретные комитеты. А такъ какъ при многочисленности членовъ сейма, вся сила была въ рукахъ этихъ секретныхъ

комитетовъ, то крестьянское сословіе было почти лишено всякаго вліянія на политическія событія. Крестьяне были очень недовольны этимъ новымъ устройствомъ и всегда были готовы соединиться съ королевскою властью, чтобы низвергнуть власть дворянской демократіи.

Таковы главныя черты шведскаго государственнаго устройства остававшагося въ силѣ до революціи Густава III въ пользу монархической власти. Эпоха отъ 1720 до 1772 года есть время господства въ Швеціи дворянскаго сословія, шляхты, съ полнымъ демократическимъ равенствомъ въ кругу этого сословія, и съ аристократическими претензіями относительно другихъ сословій. Это самая несчастная пора въ шведской исторіи; дворянская демократія низвела свое отечество въ степень, на которой стояла Польша, и сдѣлала ее игрушкой европейской дипломатіи. На первомъ же сеймѣ, собранномъ въ 1723 году, выказалась вся несостоятельность этого устройства. Король Фридрихъ любилъ крестьянъ; ихъ соединялъ страхъ передъ общимъ врагомъ, передъ дворянствомъ. Когда король путешествовалъ, онъ раздавалъ бѣднымъ крестьянамъ столько денегъ сколько позволяли ему его ограниченныя средства. На сеймѣ 1723 года крестьянское сословіе подадо записку, въ которой оно требовало восстановления монархической власти, въ томъ видѣ, въ какомъ она была до переворота 1680 года. Чины узнали, что записка составлена въ королевской канцеляріи по гессенскимъ дѣламъ, секретаремъ Даленомъ. Секретный комитетъ велѣлъ арестовать Далена, и онъ былъ приговоренъ къ смерти за попытку низпровергнуть шведское государственное устройство, а сообщники его были изгнаны изъ Швеціи. Сеймъ придумалъ наказаніе и для короля. Онъ узналъ, что король хлопоталъ заключить для себя заемъ за границей. вѣроятно для того чтобъ имѣть средства составить себѣ партію на сеймѣ. Тогда сеймъ потребовалъ, чтобы король показалъ цѣлы ли регаліи, драгоценныя вещи, принадлежавшія коронѣ, а потомъ эти регаліи были взяты подъ сохраненіе и спрятаны въ подвалахъ министерства финансовъ.

Вездѣ неправильное государственное устройство имѣло губительное вліяніе на нравственное состояніе общества. Вездѣ гдѣ господствовалъ произволъ и владычествовала грубая сила, вслѣдъ за ними появлялись въ обществѣ подкупность и преобладаніе матеріальныхъ интересовъ. Всего губѣе

коренялись эти пороки въ тѣхъ обществахъ, которыя дѣлались добычей необузданной анархической демократіи, была ли такого рода демократія шляхетская или всенародная. [оказательствами могутъ служить Польша и Швеція въ XVIII вѣкѣ. Правда, что въ прошломъ вѣкѣ подкупность встрѣчается вездѣ, но нигдѣ не жертвовали такъ легкомысленно интересами отечества, нигдѣ подкупность не проникала такъ глубоко, не охватывала всѣхъ классовъ народонаселенія, не производилась такъ публично и съ такимъ безстыдствомъ какъ въ Швеціи и въ Польшѣ. Исторія этихъ государствъ въ прошломъ столѣтіи была бы необъяснима, слабы не удѣляли тайные, написанныя въ шифрахъ счета, которые иностранныя послы отправляли изъ Варшавы и Стокгольма къ своимъ кабинетамъ.

Послѣ несчастныхъ войнъ Карла XII, Швеція была такъ истощена, что могла отдохнуть только при продолжительномъ мирѣ съ сосѣдними государствами. Она должна была избѣгать всякаго повода къ столкновеніямъ съ ними и не мѣшаваться съ своими ничтожными средствами въ европейскія дѣла. Графъ Горнъ, стоявшій во главѣ шведскаго правительства, хорошо понималъ положеніе своего отечества, хотя онъ ненавидѣлъ Россію, которая была причиной политическаго паденія Швеціи, однако старался поддерживать съ ней самыя дружескія отношенія, особенно, съ вѣхъ поръ какъ русскій дворъ пересталъ защищать въ Швеціи интересы герцога Голштинскаго. Но Франція, которая со времени Густава имѣла большое вліяніе на политику шведскихъ королей, старалась воспользоваться Швеціей какъ орудіемъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей въ Польшѣ. Здѣсь въ 1733 г. умеръ король Августъ. Франція елала возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, тестя короля Людовика XV. Русскій дворъ рѣшился съими силами и средствами воспротивиться возвышенію Станислава. Французскій кабинетъ надѣялся вовлечь шведскій народъ въ интересы Лещинскаго. Это казалось тѣмъ вроятнѣе, что Станиславъ былъ въ первый разъ возведенъ на польскій престолъ Карломъ XII и честь шведскаго народа требовала защищать Лещинскаго противъ общаго врага, Россіи. Французскій посолъ Кастея думалъ тайными интригами достигнуть своей цѣли. Русскій дворъ поручилъ своему послу М. Бестужеву слѣдить за этими интригами,

не жалѣть никакихъ средствъ и вести противъ французскихъ минъ — контръ-мины. Бестужевъ особенно полагался на расположеніе барона Гёнкена, члена государственнаго совѣта, потомка ганзеатскихъ купцовъ поселившихся въ Швеціи. Гёнкенъ разказалъ Бестужеву, подъ величайшею тайной, что пять членовъ государственнаго совѣта особенно ревностно поддерживаютъ предложенія французскаго посла. Гёнкенъ просилъ Бестужева не выдавать его, чтобъ онъ не подвергся участи графа Веллика, который въ 1726 году былъ приговоренъ къ смерти за тайныя сношенія съ русскимъ дворомъ и умеръ на дорогѣ въ крѣпость.

Бестужевъ рѣшилъ, что лучше всего будетъ приложить лѣткарства прямо къ большому мѣту. Онъ еще разъ сѣлся съ своимъ дворомъ и получивъ отъ русскаго вице-канцлера новую инструкцію не жалѣть денегъ, онъ уговорилъ своего пріятеля Гёнкена, чтобъ онъ прямо вступилъ въ сношенія съ пятью приверженцами Франціи и переманилъ ихъ въ русскій лагерь. Маневръ удался; черезъ нѣсколько недѣль, члены государственнаго совѣта, графы Эсбладъ, Кронштеть, Баркъ и Голье перестали защищать интересы Франціи. Только съ пятымъ, де-ла-Гарди, Гёнкенъ не рѣшился говорить: графъ былъ уже слишкомъ преданъ Франціи, съ нимъ было опасно вести сношенія. А сумма которую истратилъ Бестужевъ, чтобы подкупить четверыхъ членовъ шведскаго государственнаго совѣта, была вѣсело велика. Когда онъ удостовѣрился, что деньги будутъ употреблены не напрасно, онъ вручилъ барону Гёнкену 6000 червонцевъ; 2000 назначались для него, а 4000 на раздѣлъ прочимъ. Кромѣ того по просьбѣ Гёнкена, его братъ, бывший прежде шведкамъ разидеятомъ въ Вѣнѣ, былъ принятъ на русскую службу и на подъемъ ему приславо изъ Петербурга 2000 ч. Но Бестужевъ нашелъ, что сумма слишкомъ велика и далъ ему только 1000¹.

Во время войны за польскій престолъ выказались съ слабой стороны шведскіе государственные люди, но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого весь шведскій сеймъ наметъ на себя упрекъ въ подкупности и въ легкомысленномъ прінесеніи выгодъ отечества въ жертву личнымъ интересамъ. Демократическое устройство дворянской палаты и раздѣ-

¹ Реляціи М. П. Бестужева изъ Стокгольма за 1733 годъ. Въ Главномъ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ловіе народныхъ представителей на четыре разнородныя группы доказали предъ глазами цѣлой Европы свою несостоятельность.

Замѣчательно, что первая попытка иностранныхъ дипломатовъ достигнуть своей цѣли въ Швеціи посредствомъ подкупа, совпадаетъ съ первымъ появленіемъ демократическихъ стремленій на сеймѣ. Во время Христины, которая въ первые годы своего царствованія искала опоры противъ аристократіи въ представителяхъ низшихъ сословій, испанскій посолъ Пиментель былъ первый который привезъ въ Швецію большія суммы наличныхъ денегъ. При наследникахъ Христины Франція систематически платила субсидіи шведскому правительству. Но когда послѣ смерти Карла XII правительственная власть находилась уже не у короля и не у аристократіи, а у демократической дворянской палаты, тогда субсидіи уступили мѣсто системѣ подкуповъ. Французское и русское посольства одѣлались въ Швеціи правительственными центрами, которые имѣли больше значенія чѣмъ самый кабинетъ короля.

Дѣйствительно составъ той палаты, которая имѣла перевѣсъ на сеймѣ, дѣлалъ подкупъ чрезвычайно удобнымъ. Старшій членъ каждой дворянской фамиліи имѣлъ голосъ на сеймѣ. Такъ какъ большая часть дворянскихъ фамилій были не богаты, то старшіе члены ихъ затруднялись въ исполненіи своей обязанности и часто не пріѣзжали на сеймъ. Но они имѣли право передавать свои голоса младшимъ членамъ своего рода и даже чужимъ лицамъ, если только эти лица были дворяне. Этимъ воспользовалась партія приверженная Франціи. Съ помощью французскаго золота она стала подкупать старшихъ членовъ бѣдныхъ дворянскихъ фамилій, и тѣ выдавали грамоты уполномочивающія занять ихъ мѣсто на сеймѣ, не означая въ грамотѣ имени того, къ кому переходило право голоса. Глава французской партіи графъ Гилленборгъ выбиралъ изъ своихъ приверженцевъ самыхъ рѣшительныхъ людей и вписывалъ имена ихъ въ приготовленные напередъ грамоты ¹.

¹ Pour parvenir d'autant mieux au grand but, qu'on s'était proposé, on fit une espèce de trafic avec les chefs de famille, qui n'avaient pas envie de se rendre à la diète: on les engagea à donner des pleins pouvoirs en blanc, que le comte Gyllenborg fit ensuite distribuer à ses creatures et on s'assura par là de la pluralité. Записку графа Рахуса Дикара о сеймѣ 1738 года, стр. 103.

Партія аристократическая, во главѣ которой стоялъ графъ Горнъ, старалась ограничить произволъ шведской шляхты, и на сеймѣ 1726 года предложила, чтобы дворяне не лично прѣзжали на сеймъ, а избирали себѣ представителей по областямъ и провинціямъ. То же самое предложеніе было сдѣлано, какъ мы упоминали, въ 1655 году среднимъ дворянствомъ, которое такимъ образомъ надѣялось уменьшить значеніе аристократіи. Тогда аристократія этому воспротивилась. Но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Послѣ редукиці 1680 года, аристократія утратила свое прежнее исключительное положеніе; ей теперь было страшно не среднее или мѣлкое дворянство, а масса безпомѣстнаго дворянства. Графъ Горнъ надѣялся, что на выборахъ безпомѣстные дворяне не будутъ имѣть никакого значенія, и первая палата составится изъ представителей землевладѣльческаго дворянскаго населенія. Но сеймъ 1726 года отвергъ предложеніе Горна.

Французская партія, не умѣвшая завлечь Швецію въ войну съ Россіей во время войны за польскій престолъ, удвоила свои старанія во время войны между Россіей и Турціей. Приближался сеймъ 1738 года. Французское правительство истратило въ продолженіе этого сейма 200,000 толеровъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Известно, что произошло на этомъ сеймѣ.

Въ это время въ Швеціи совершенно выработалась теорія, что король только исполнитель воли государственнаго совѣта, а государственный совѣтъ долженъ быть послушнымъ орудіемъ сейма. Чтобы замѣнить выбывшаго члена государственнаго совѣта, сеймъ предлагалъ королю трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ выбиралъ одного. Когда сеймъ былъ собранъ въ полномъ составѣ, онъ управлялъ королевствомъ посредствомъ секретнаго комитета, который могъ судить членовъ государственнаго совѣта и отрывать ихъ отъ должности. По окончаніи сейма, секретный комитетъ составлялъ королю и государственному совѣту инструкцію, которою они обязаны были руководствоваться до слѣдующаго сейма.

На сеймѣ 1738 года секретный комитетъ былъ составленъ изъ приверженцевъ французской партіи. Секретный комитетъ тотчасъ выставилъ обвинительные пункты противъ графа Горна и его приверженцевъ. Горнъ вышелъ въ отставку. Сеймъ передалъ его мѣсто графу Гилленборгу.

Десять членовъ государственнаго совѣта потеряли свои мѣста по приговору секретнаго комитета, между ними графы Бонде Бѣлке, Крейць, Гордъ и Баркъ. Ихъ нужно было замѣнить новыми. Король надѣялся, что ему представятъ 30 кандидатовъ, изъ которыхъ онъ выберетъ 10. Но секретный комитетъ, то-есть французская партія, придумала искусный маневръ. Она сначала представила королю только трехъ кандидатовъ на одно мѣсто. Король избралъ изъ нихъ одного. Тогда комитетъ представилъ снова двухъ отверженныхъ королевемъ кандидатовъ да еще одного новаго и такъ далѣе. Такимъ образомъ королю пришлось избрать 10 членовъ государственнаго совѣта не изъ 30 кандидатовъ, а только изъ 12. Государственный совѣтъ былъ составленъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Франціи.

Чины хотѣли потребовать отчета отъ секретнаго комитета въ этомъ дѣлѣ. Но тотъ отказался, основываясь на своей присягѣ держать все въ тайнѣ. Это вызвало страшныя смуты на сеймѣ. Особенно буйствовалъ полковникъ Лагеркранцъ съ толпой молодыхъ офицеровъ. Дворянская палата посылала нѣсколько разъ депутаціи къ прочимъ сословіямъ, требуя съ угрозами, чтобъ они приняли рѣшеніе секретнаго комитета. Палата духовенства уступила, но заступила въ протоколѣ, что она сдѣлала это только изъ опасенія междуусобной войны. Въ палатѣ горожанъ два богатые стокгольмскіе купца съ трудомъ заставили своихъ товарищей принять предложеніе дворянства, и то только при большинствѣ двухъ голосовъ. Крестьянъ, которые были на сторонѣ короля, вовсе не спрашивали. Старшія три сословія взяли ихъ подъ свою опеку и дали имъ спикера; этотъ спикеръ объявлялъ, несмотря на противорѣчіе всей крестьянской палаты, что сословіе крестьянъ согласилось съ прочими сословіями.

Что вышло изъ этого—извѣстно. Шведское правительство заключило тѣсный союзъ съ Франціей и объявило войну Россіи. Война была неуспѣшна. Швеція уже тогда потеряла бы всю Финляндію, еслибы императрица Елисавета не отказалась отъ своихъ завоеваній съ тѣмъ, чтобы наследникомъ шведскаго престола былъ избранъ принцъ Адольфъ Фридрихъ Голштинлюбскій. Это избраніе вызвало въ Швеціи новыя смуты, жители Далекарліи возгнали, и вооруженныя толпы крестьянъ явились къ Сток-

гольму. Стокгольмскіе горожане также возстали; подъ предводительствомъ купца Спрингера они окружили магистратъ и требовали безграничной демократіи—всеобщей подачи голосовъ. „Чины, говорили они, отняли всякую власть у государственнаго совѣта, потому что члены его обязаны имъ своимъ избраніемъ. Но вѣдь самые депутаты сейма избраны нами, народомъ, а мы не уполномочивали ихъ избирать наслѣдникомъ престола голштинскаго принца; пусть этотъ вопросъ будетъ предложенъ на разрѣшеніе всего народа.“ Итакъ шляхетская демократія привела Швецію къ всеобщей демократіи, къ знаменитымъ нынѣ *suffrage universel* и *souveraineté du peuple*. Шведское правительство успокоило народныя массы принеся имъ въ жертву жизнь главныхъ виновниковъ войны. Генералы Левенгауптъ и Будденброкъ умерли на эшафотѣ. Но долго еще волновали Швецію споры двухъ партій шляпъ и шапокъ. (Когда графъ Горнъ уступилъ своему противнику, король Фридрихъ съ досадою называлъ его партію колпаками, шапками. Тогда приверженцы французской партіи съ гордостью приняли названіе шляпъ.) Эти партіи нѣсколько разъ смѣнялись въ шведскомъ правительствѣ. Наконецъ такой порядокъ сталъ невыносимъ даже для Франціи, которая прежде покровительствовала развитію демократіи въ шведскомъ дворянствѣ. Издержки стали уже слишкомъ велики. Говорятъ, что французское правительство издержало во время сейма 1765 года на покупку дворянскихъ грамотъ 36.000 ливровъ; содержаніе бѣднаго дворянства во время сейма стоило ему ежемѣсячно 12.000 ливровъ, на подкупъ мелкаго духовенства оно тратило 6.000 въ мѣсяць, а на подкупъ горожанъ 1.000. Крестьяне не считались. Но приобрести расположеніе ихъ спикера стоило не дешево. Шведскіе историки говорятъ, что Олофъ Гокансонъ, который былъ 11 разъ спикеромъ крестьянскаго сословія, оставилъ послѣ своей смерти имуществъ на 500.000 талеровъ. Герцогъ Шуазель объявилъ, что не станетъ платить субсидій если не произойдетъ реакція въ пользу монархической власти. Черезъ два года послѣ этого, 1772 г., молодой король Густавъ III съ помощію своихъ братьевъ и преданныхъ офицеровъ совершилъ переворотъ и отменилъ государственное устройство 1720 года. Время шляхетской демократіи миновало.

Густавъ ввелъ опять раздѣленіе дворянской палаты на

три куріи и сдѣлалъ монархическую власть болѣе независимою отъ сейма. Но Швеціи не суждено было отдохнуть отъ постоянныхъ политическихъ переворотовъ. Самъ король сказалъ однажды одному изъ своихъ приближенныхъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Швеція по своему государственному устройству несчастная страна и я пророчу, что она не отдѣлается отъ революцій, пока не будетъ измѣнена система народнаго представительства.“

Одинъ изъ этихъ политическихъ переворотовъ случился еще при Густавѣ. Извѣстно, что этотъ король началъ войну съ Россіей, не созвавъ предварительно сейма, согласіе котораго было необходимо по конституціи 1772 года, въ томъ случаѣ, когда война была наступательная. Когда король повелъ свои полки на приступъ противъ стѣнъ крѣпости Фридрихсгамъ, офицеры финскихъ полковъ выступили впередъ и объявили, что идти на приступъ неблагоразумно, и что вся война несправедлива, потому что король началъ ее безъ огласія сейма. Король обратился къ солдатамъ. Тѣ молчали. Черезъ нѣсколько дней офицеры шведскаго войска заключили съ русскимъ правительствомъ перемиріе въ Аніялѣ. Въ слѣдующемъ году въ Стокгольмѣ произошелъ политическій переворотъ. Король, возвратившись побѣдителемъ изъ войны противъ Даніи, созвалъ сеймъ. Представители трехъ низшихъ сословій были привлечены на сторону короля новыми привилегіями. Противъ дворянской палаты король рѣшился употребить силу. Ночью были арестованы девятнадцать самыхъ вліятельныхъ членовъ этой палаты. Ворота города были заперты; почта остановлена. Представители трехъ низшихъ сословій не протестовали противъ ареста дворянъ, вѣдь это были въ ихъ глазахъ не представители народные, а только представители чуждаго имъ дворянскаго сословія.

Король достигъ своей цѣли. Государственное устройство Швеціи было снова преобразовано, и монархическая власть стала еще независимѣе отъ сейма. Густавъ думалъ уже о неограниченномъ правленіи. Когда, по случаю разстройства финансовъ, министръ Гокансонъ настаивалъ на томъ, чтобы былъ созванъ сеймъ, король съ нетерпѣніемъ воскликнулъ: „къ чему еще эта сволочь (cette canaille)!“

Вскорѣ послѣ этого Густавъ III погибъ насильственными образомъ въ маскарадѣ.

Сынъ его Густавъ IV не былъ счастливѣе. Успѣхъ французской революціи вскружилъ ему голову. Онъ увлекся въ противоположную крайность. Онъ сдѣлался такъ упрямъ, что не принималъ никакихъ совѣтовъ. Это упрямство короля имѣло для Швеціи такія же грустныя послѣдствія какъ прежде при Карлѣ XII. Шведы потеряли Финляндію, но въ войскѣ вспыхнула мятежь, и Густавъ IV со всѣмъ своимъ потомствомъ былъ лишенъ шведскаго престола.

Это случилось въ 1809 году. Былъ собранъ сеймъ, назначенъ комитетъ и этотъ комитетъ далъ шведскому государственному устройству ту форму, которую оно съ нѣкоторыми измѣненіями сохранило до сихъ поръ.

Во время преній о новомъ государственномъ устройствѣ, графъ Яковъ де-ла-Гарди, поддерживаемый графами Рутъ и Аделсвердъ, баронами Стаель и Манъ-Линъ, сдѣлалъ 14 января 1810 года въ дворянской палатѣ слѣдующее предложеніе:

Дворянство отказывается отъ всѣхъ принадлежащихъ ему привилегій на условіи чтобы:

1. и прочія сословія отказались отъ своихъ привилегій.
2. чтобы вся поземельная собственность безъ исключенія подверглась новому катастру и была обложена по дачью;
3. такъ какъ уничтожатся всѣ привилегіи отдѣльных сословій, то слѣдуетъ измѣнить сообразно съ общему равноправностью и систему народнаго представительства въ сеймахъ.

Дворянская палата отослала проектъ на разсмотрѣніе къ комитету. Комитетъ удержалъ его и не представилъ на обсужденіе сейма. Комитетъ впрочемъ составилъ записку, которая должна была служить отвѣтомъ на этотъ проектъ.

Онъ соглашался, что раздѣленіе народныхъ представителей на четыре сословія имѣетъ много неудобствъ, особенно потому, что нѣсколько классовъ не примыкающихъ къ одному изъ четырехъ сословій, лишены всякаго участія въ политической жизни. Но за эту систему, по мнѣнію комитета, говорить ея древность, уваженіе, которымъ она пользуется въ народѣ. Затѣмъ комитетъ ссылается на исторію

Франціи и Англіи, и выводитъ изъ этого заключеніе, что не слѣдуетъ измѣнять начала, на которыхъ построилась народная жизнь. Эта система, продолжаетъ комитетъ, имѣетъ много преимуществъ; благодаря ей, знакомство съ законами и государственными учрежденіями распространяется равномерно по всѣмъ классамъ общества. Связь между избирателями и депутатами гораздо тѣснѣе при этомъ раздѣленіи, чѣмъ при всенародныхъ выборахъ какъ во Франціи. Всякій представитель хорошо знакомъ съ тяжестями, которыя падаютъ на его сословіе, и съ его потребностями. Особенно выплываетъ, по мнѣнію комитета, крестьянство отъ своего исключительнаго положенія. Оно поддерживаетъ въ немъ чувство собственнаго достоинства, ставя его на ряду съ прочими высшими сословіями.

Съ тѣхъ поръ въ Швеціи часто поднимались голоса, требовашіе измѣненія въ системѣ народнаго представительства. Но они еще не имѣли успѣха. Главное доказательство защитниковъ прежней системы основано на ея старинѣ; епископъ Тегнеръ употребилъ однажды въ защиту этой системы слѣдующее выраженіе: „Это не теоретическое устройство; оно создано опытомъ цѣлыхъ вѣковъ. Вся исторія Швеціи покоится на этихъ четырехъ отдѣльныхъ столбахъ, подобно тому какъ воображенію нашихъ предковъ наше небо представлялось поддерживаемое четырьмя фигурами.“ Это сравненіе напоминаетъ давнишнее выраженіе другого духовнаго лица, что необходимо признавать каноническими только четыре евангелія, потому что существуютъ четыре страны свѣта, четыре вѣтра; потому что у херувимовъ четыре лица.

Такими доводами спорное дѣло конечно рѣшить нельзя. Вопросъ слѣдуетъ поставить такъ: могутъ ли политическая жизнь и свобода развиваться на твердыхъ, неизблемыхъ началахъ при этомъ раздѣленіи народныхъ представителей на сословія? Шведская исторія нѣсколько разъ доказала, что подобная система не можетъ быть гарантіей противъ самыхъ губельныхъ политическихъ переворотовъ.

Другое дѣло—вопросъ, стоитъ ли народъ на такой степени развитія, чтобы сознать это? Чѣмъ тѣснѣе кругъ понятій, въ которомъ вращается человѣкъ или народъ, тѣмъ болѣе преобладаютъ въ немъ частные интересы надъ общими, тѣмъ

болѣе предпочитаетъ онъ хлопоты въ тѣсной сферѣ словесной жизни той болѣе возвышенной дѣятельности, которая имѣетъ цѣлю интересы цѣлаго народа.

Но слѣдуетъ ли поддерживать въ народѣ учеными трудами и успокоительными рѣчами это убѣжденіе, что чѣмъ менѣе онъ измѣнитъ существующій у него порядокъ, чѣмъ менѣе станетъ жертвовать частными интересами для общаго дѣла, тѣмъ будетъ лучше для него?

В. ГЕРЬЕ.

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО

(Посвящаются Петру Николаевичу Островскому.)

I. ПОПУТЧИКЪ.

Въ Московской полицейской газетѣ, 185. года, было напечатано:

„Офицеръ, вѣдущій въ Одессу, ищетъ попутчика на половинныхъ издержкахъ. Узнать можно тамъ-то“. Слѣдовалъ подробный адресъ.

„Наконецъ-то нашель“, подумалъ я, перевертывая въ рукахъ счастливый для меня листокъ. „Наконецъ-то нашель попутчика, послѣ трехдневныхъ поисковъ. Нужно воспользоваться, и сейчасъ же вѣхать уговориться. Кто nibудь, пожалуй, перебеѣтъ еще!“

И, не докончивъ обѣда, за которымъ сидѣлъ, когда принесли мнѣ газетный листокъ, я черезъ пять минутъ былъ уже совершенно готовъ вѣхать, и выписывалъ поспѣшно на доскуткѣ бумажки длинный адресъ будущаго моего Телемака, нисколько не подозрѣвая что мнѣ придется въ отношеніи его разыгрывать, столь неблагоприятную всегда, роль Ментора.

„Еще и офицеръ, думалъ я вѣдучи, — находка, право, находка! Чего же лучше? Мы, военные, извѣстное дѣло, скоро сходимся! Да и вообще съ нашимъ братомъ лучше

дѣло имѣть!... Ахъ, какъ бы не опоздать! Ну что, если кто-нибудь предупредить!... Пошелъ, извозчикъ! Прибаваю!»

Сдѣлавъ безчисленное множество поворотовъ, мы пріѣхали въ указанную улицу. Домъ отыскавъ; вхожу.... Меня встрѣчаетъ старушка съ добренькимъ лицомъ и заплаканными глазами. Я рекомендуюсь, и говорю что пріѣхалъ переговорить съ офицеромъ, публиковавшимъ въ газетахъ о желаніи найдти попутчика въ Одессу.

— Могу ли я его видѣть, сударыня? спрашиваю я.

— Да, да, разумѣется, какъ-то разсѣянно отвѣчаетъ старушка.—Онъ скоро будетъ домой, добавляетъ она твердымъ отчего-то голосомъ.—Прошу васъ пока присѣсть.

— Это, вѣроятно, вашъ сынъ? спросилъ я.

— Да-съ. Мой сынъ.... На службу отправляю: жаль своего дитя въ такой далекій путь отпустить.... Что съ нимъ тамъ будетъ? полувопросительно произнесла старушка, и слезы потекли по ея доброму лицу.—Онъ еще до сихъ поръ совершенное дитя!

„Ну, подумалъ я.—хорошо что молодой: скорѣе сойдемся.“

Изъ гостиной послышался шелестъ шелкового платья, вслѣдъ затѣмъ, вошла молодая женщина лѣтъ двадцати семи, восьми. Я всталъ и раскланялся. Старушка назвала мою фамилію, и сказала зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Ахъ, братъ будетъ очень радъ! Онъ тоже военный, и очень любитъ военныхъ. Ему будетъ очень пріятно ѣхать съ вами... Когда только вы думаете ѣхать?

— Я готовъ хоть сегодня.

Дамы замаялись и переглянулись.

— Сегодня брату невозможно ѣхать, начала нервнѣшительно молодая женщина.—У него еще не готовъ сундукъ... Еслибы вы могли подождать до завтра....

Я объявилъ, что готовъ ждать.

— Мы его отправляемъ на службу, вдали, сказала молодая женщина,—нужно осмотрительно отпустить изъ дому: да и платье его еще не готово.

— Какъ бы не забыть бѣлье уложить, заботливо произнесла старушка, обращаясь къ дочери.—Я уже сама уложу все въ сундукъ, добавила она поспѣшно:—ты, Надя, не мѣшайся въ это. Я все сама уложу.

— Хорошо, шамап. Я ужь возьму на себя приготовить ему, чтобъ онъ не голодалъ въ дорогѣ.

— Ахъ, да, Боже мой! чуть не забыла! воскликнула старушка, быстро обращаясь ко мнѣ.—Какъ вы думаете, будетъ ли вамъ что ѣсть въ дорогѣ? Сынъ мой не можетъ не ѣсть горячаго каждый день.

— Будеть-съ. Тутъ трактъ хорошій; всего достать можно.

— Хорошая ли вода на станціяхъ?

— Хорошая-съ вода. Я знаю этотъ трактъ.

— Вы вѣдь на телѣгѣ поѣдете? у васъ нѣтъ своего экипажа?

— Нѣтъ-съ. Придется ѣхать на перекладной.

— Ахъ! это, я слышала, ужасно можетъ растряссти человека....

— Я воображаю, какъ Мишу растрясетъ, прибавила старушка съ болѣзненнымъ безпокойствомъ въ лицѣ, обращаясь къ дочери.

— Мы ужь будемъ васъ просить, мсье Труницкій, обратилась ко мнѣ молодая женщина,—не ѣхать по ночамъ. Пусть Миша отдохнетъ за ночь. Онъ непривычный такой, избѣженный.

„Однако этотъ Миша долженъ быть преизбалованный молодой человекъ,“ подумалъ я, „вѣрно недавно произведенъ въ офицеры, потому его и нѣжатъ такъ.“

— Вашъ сынъ, должно быть еще недавно офицеромъ? спросилъ я у старушки.

— Нѣтъ, давно.... Онъ уже и на Кавказѣ нѣсколько лѣтъ служилъ.... да вдругъ съ чего-то не понравилось, и вышелъ въ отставку.

— Да, какъ-то въ раздумьи сказала сестра Миши,—онъ сдѣлалъ намъ сюрпризъ. (Она отчего-то иронически улыбнулась.) Пріѣхалъ, мы думали что онъ въ отпускъ, а онъ говоритъ: „Я въ отставку, поздравьте!“ Есть съ чѣмъ поздравлять! и она, горько улыбувшись, отвернулась.

— И вотъ два года, безъ всякаго дѣла, у насъ здѣсь жилъ, сказала старушка.—На силу уговорили идти служить.... Вы, мсье Труницкій, тоже вѣрно не богатый человекъ, поэтому знаете что теперь не служить можетъ только богатый человекъ, а бѣдный долженъ трудиться, служить. Не такъ ли?

— Совершенно справедливо-съ....

— Повѣрите ли, мнѣ однѣ хлопоты, чтобъ его привали опять на службу, стоили рублей триста. Сама, въ мои лѣта, ѣздила въ Петербургъ просить. Да обмундировка рублей триста; все новое нужно было: у него ничего не было... Да на дорогу нужно дать: на свой счетъ должна отправить до Одессы.... А все жаль отпускать!... Да, вотъ что значатъ дѣти! добавила она, тяжело вздохнувъ.

— Ну, довольно, довольно погулялъ, будетъ. Нужно и честь знать. Мишѣ пора и за умъ взяться; а то оттого и глупости въ голову приходятъ, что ничѣмъ не завать, сказала дочь.

Молодая женщина отвернулась къ окну, замѣтно раздосадованная какими-то мыслями; а мать начала утирать влажные глаза. Спусти нѣсколько минутъ, раздался сильный звонокъ, потомъ топанье въ передней, и затѣмъ в комнату вошелъ офицеръ лѣтъ подь сорокъ, небольшого роста, съ лицомъ покрытымъ большими красноватыми пятнами, съ жиденькими, рыжеватыми усами и подобіемъ бакенбардъ. Голубые, видно когда-то хорошіе, глаза смихивали на оловянные, а по бѣлку виднѣлись красненькія жилки, шедшія тоненькими вѣтвями отъ внутреннихъ угловъ глазъ, къ зрачку: точно будто онъ не спалъ нѣсколько ночей. На груди крестъ и медали. Мундиръ сидѣлъ на немъ какъ-то мѣшковато, и былъ безцеремонно растегнутъ на двѣ верхнія пуговицы; перчатки не по-рукѣ. Онъ держалъ еще во рту окурокъ папиросы, и войдя въ залу, на ходу, бросилъ фуражку на этажерку съ нотами.

„ Это, подумалъ я, вѣрно мужъ этой молодой дамы;“ и всталъ чтобы раскланяться.

— А вотъ и Миша! поправила, вслухъ, мою ошибку молодая женщина.—Миша! обратилась она къ вошедшему:— вотъ тебѣ и попутчикъ, мсье Труницкій.—И она указала на меня.

„ Такъ вотъ этотъ Миша, почти дитя, какъ говорил о немъ мать!“ подумалъ я.... Между тѣмъ Миша уже стоялъ передо мною, стараясь раскланяться какъ можно ловче, что ему съ перваго разу не совсѣмъ удалось и, немного шепелявя, рекомендовался мнѣ:

— Поручикъ моего э-э-мператора... Онъ остановился посмотреть, какъ подѣйствуетъ на меня эта оригинальность

рекомендаціи. Я смотрѣлъ на него серьезно.—Баронъ... Михаилъ Александрычъ.... фонъ-дерь-Лейманъ! коротко произнесъ онъ, и добавилъ:—Прошу любить и жаловать!—Онъ милостиво протянулъ мнѣ руку.

— Очень радъ познакомиться, проговорилъ я, и пожалъ его руку. Съ минуту онъ мѣрлялъ меня глазами съ головы до ногъ.

— Вамъ угодно со мною ѣхать? спросилъ онъ серьезнымъ, но милостивымъ голосомъ, полуоборотясь ко мнѣ, и искоса глядя на меня.

— Да-съ.

— Гм!... гм!—На минуту онъ опять задумался, и недоувѣрчиво посмотрѣлъ на меня....—Хорошо, мы поѣдемъ.... Только, видите ли, я васъ долженъ предупредить, я люблю комфортъ, безъ него не могу. Скоро ѣхать тоже не могу, и буду остававливаться по ночамъ: я больной человѣкъ... Своего экипажа я не беру, онъ у меня испорченъ. У васъ тоже нѣтъ своего экипажа?

— Нѣтъ-съ.

— Досадно.... Нечего дѣлать, поѣдемте на перекладной. Расходы, разумеется, пополамъ?

— Да-съ, прогоны и ямщикамъ на водку пополамъ.

— Ну да, ну да! Остальное пустяки, не стоить и говорить.

— Вотъ, мсье Трувицкій хочетъ завтра ѣхать, сказала сестра Миши.

— Завтра?... что у насъ завтра? кажется понедѣльникъ, тяжелый день? спросилъ онъ сестру.

— Нѣтъ, мой другъ, сказала, улыбаясь, сестра,—завтра уже четвергъ, а не понедѣльникъ. Ты не считаешь дней.

— Счастливые ни дней, ни часовъ не наблюдаютъ, съ глубокомысленною провѣей замѣтилъ онъ, не глядя на сестру...—Четвергъ? повторилъ онъ:—нѣтъ, въ четвергъ, завтра, я не могу ѣхать, объявилъ онъ, обращаясь ко мнѣ;—мнѣ еще дѣла не позволяютъ.

— Какія дѣла? спросила сестра.

— Ну, ужъ про это я знаю, довольно невѣжливо отвѣтилъ Миша.

— Когда же вамъ угодно? спросилъ я.

— Послѣзавтра, вечеромъ.

Подумавъ, я отвѣчалъ, что и на это согласенъ.

— Такъ я васъ могу считать своимъ попутчикомъ, и не искать другаго? спросилъ я.

— Можете, можете. Вы поѣдете со мной, покровительственною обнадежилъ меня сорокалѣтній Миша.

Мы условились въ мелочахъ, и я уѣхалъ, увѣренный что только давняя привычка матери и сестры можетъ считать сорокалѣтняго мужчину еще дитятей.... Прошло два дня. Я пріѣхалъ къ моему попутчику на квартиру, совершенно готовый къ дорогѣ. Миши не было дома. Замѣтно было сильное безпокойство старушки-матери и сестры.

— Я ужь знаю гдѣ онъ, говорила съ огорченіемъ старушка,—опять...

— Вѣрно опять его товарищи удержали,—какъ-то поспѣшно перебила сестра Миши, и посмотрѣла съ безпокойствомъ на мать.—У него тутъ много товарищей, обратилась она ко мнѣ,—вѣрно, опять задержали проводки. Право намъ будетъ совѣстно, если онъ васъ задержитъ мѣсе Труницкій.

Я успокоилъ ихъ. Старушка подошла и сѣла около меня на диванѣ. Глаза ея попрежнему слезились. Замѣтно было что ей хочется сказать мнѣ что-то, или о чемъ-нибудь попросить, но она не рѣшалась. Долго она мялась.... Наконецъ, дочь, вѣроятно желая помочь ей начать, проговорила нерѣшительно:

— Мы, признаться, боимся за Мишу....

— Не безпокойтесь, тутъ дорога хорошая, безопасная, успокаивалъ я, не появивъ сначала какого рода безпокойство тревожить ихъ.—Развѣ здоровьемъ онъ слабъ? спросилъ я, уже самъ мысленно начиная безпокоиться.

— Да, онъ и здоровьемъ слабъ.... Да мы.... не за то боимся, какъ-то неопредѣленно сказала молодая женщина.

— Онъ такой еще дитя во всемъ, начала старушка.— Вы позволите съ вами быть откровенною? Какъ ваше имя? Извините, я опять забыла.

— Владиміръ Ивановичъ, подсказалъ я.

— Владиміръ Ивановичъ, произнесла старушка, вопросительно глядя на меня:—можно быть откровенною?

— Сдѣлайте одолженіе....

— Я должна бы была васъ предупредить... да какъ-то...

е рѣшалась. Миша мой большой человекъ: не мучьте его орогой, не ѣздите ночью, давайте ему отдохнуть.

— Если это будетъ возможно.

— Пожалуста, я васъ прошу, произнесла добрая старушка просительнымъ голосомъ.— Поберегите мнѣ его. Онъ цѣль сынъ у меня. Еще.... онъ.... знаете.... ужасно любить отать деньги; а у него ихъ немного будетъ: остановите его.

Я очень затруднялася дать отвѣтъ на этого рода просьбу: мнѣ было тогда двадцать два года, Мишѣ—сорокъ. Гдѣ утъ мнѣ лѣзть къ нему съ совѣтами? Старушка какъ удто отгадала что меня затрудняло.

— Конечно, начала она,—вы ему, извините меня, въ сыовья годитесь; но.... мнѣ кажется по вашей наружности, го вы такой молодой человекъ, который самъ всегда удержится, да и другаго можетъ остановить.

— Ужь почему старушка по моей наружности предполагаетъ о моей воздержности—не знаю.

— Я готовъ попробовать, сказалъ я;—слушаетъ ли лько.

— Да, да, радостно подхватила старушка:—попробуйте... остановите.... онъ, знаете, какъ вамъ сказать?—добрый человекъ, онъ слушаетъ.... но онъ.... къ водкѣ невоздерженъ: не давайте ему водки.... И не позволяйте ему много денегъ тратить. Я ему думаю дать на дорогу лишь сколько необходимо, лучше туда, на мѣсто, вышлю; а то онъ долгой все просорить: широко любить жить. Не знаю въ го онъ пошелъ! Кавказъ это его испортилъ.... А какъ вы знаете, сколько до мѣста нужно прогонѣть съ него одного? Я сказалъ приблизительно.

— Значитъ если дать ему на дорогу еще двадцать пять рублей лишнихъ, то будетъ на дорогу достаточно: на обѣды, и другія надобности?

— Думаю, что будетъ достаточно.

— Я бы просила васъ, мсье Труницкій, взять эти деньги съ себѣ и выдавать ему по мѣрѣ надобности.

Я не согласился, объявивъ что для этого непременно нужно согласіе Михайла Александровича.

— Мы его уговоримъ, упросимъ, сказала сестра Миши.

— Тогда я согласенъ взять; и то только прогонныя деньги.

— Ну, хорошо, хоть прогонныя деньги, сказала старушка.—

Поберегите мнѣ его, Владиміръ Ивановичъ, прошу васъ... Не киньте на дорогѣ. У него нѣтъ никакого вида, даже дорожной нѣтъ.... Главное, не позволяйте ему пить...

Перспектива будущихъ хлопотъ съ моимъ Телемакомъ, раскрывавшаяся все болѣе и болѣе по мѣрѣ разказа старушки, начинала беспокоить и пугать меня; но всегдашняя моя слабость, упрямая увѣренность въ возможности сидеть со всякимъ чортомъ, какъ бы онъ ни былъ злъ и страшень, и неловкость отказаться когда уже все такъ улажено чтобъ ѣхать вмѣстѣ, поджигала меня не отказываться и ѣхать... А старушка, между тѣмъ, настойчиво приставала ко мнѣ:

— Такъ вы его не кинете? не правда ли? доставите до самаго мѣста? Дайте мнѣ честное слово?—И она взяла мою руку, и не выпускала, смотря мнѣ прямо въ глаза.

Отказаться не было никакой возможности.

— Я употреблю все стараніе.

— Нѣтъ, вы дайте мнѣ слово, что вы не кинете его на дорогѣ, и доставите. Дайте слово. Безъ этого я не буду покойна, сказала она рѣшительно.

— Даю-сь.

— И напишете мнѣ обо всемъ, по пріѣздѣ въ Одессу съ первою почтой?

— Напишу-сь.

— Смотрите же, проговорила старушка, сжимая мою руку въ своихъ костлявыхъ, вдругъ отчего-то разгорѣвшихся рукахъ:—смотрите! Вы дали слово!

Слезы потекли по щекамъ ея, но это какъ будто обмечило ей грудь, и она, вдругъ, замѣтно, стала спокойнѣе.

— Не позволяйте ему въ городѣ оставаться, тихо сказала мнѣ дочь старушки, — я знаю, его вѣрно повѣдутъ провожать.

Наконецъ, явился и онъ. Красныя пятна на лицѣ ярчаго прежняго горѣла, глаза бессмысленно смѣялись чему-то. Улыбка какакого-то недавняго удовольствія еще продолжала кривить ротъ, что дѣлало лицо еще бессмысленнѣе для незнавшихъ причины его веселости. Волосы растрепаны; одежда вся въ мѣлу: точно онъ терся гдѣ-нибудь около стѣны. Несмотря на то что отсутствіе эпюлетъ на скрутку доказывало, что это не парадная форма, а дорожная всего оставшаго

костюма, что онъ въ этомъ сюртукѣ думаетъ отправиться и въ дорогу, крестъ все-таки красовался на его груди.

— М-и-ша! протянула, какъ-то съ укоромъ, смотря на него, молодая женщина.—Ты заставляешь мсье Труницкаго такъ долго дожидать тебя...

— Извините... извините, мсье Труницкій, я немного, правда, задержалъ васъ... да я вамъ потомъ скажу причину, говоритъ онъ мнѣ, протягивая одну руку, а другою стараясь, для поддержанія колеблющагося тѣла, опереться на спинку стула.—Извините... я знаю... я можетъ немного... и тово!.. ну, да нельзя... друзья... проводы! Вы меня извините, вы тоже военный!

— Ужь я знаю гдѣ ты былъ опять, съ горестью говоритъ мать:—и посмотри въ какомъ ты видѣ!.. Ахъ, право, какой ты!.. Ну что подумаетъ о тебѣ мсье Труницкій на первыхъ же порахъ?... Ты меня и на прощаньи хочешь огорчить.

— Виновать, мамаша... виновать...—цѣлуя руки матери, говоритъ Миша: — Я знаю, виновать. Товарищи. На проводахъ можно. Извините... Мсье Труницкій не осудить. Въдъ не осудите меня, мсье Труницкій, что видите въ такомъ видѣ? Это, вы знаете, у насъ, военныхъ, такъ водятся. Не правда ли, не осудите?

— Нѣтъ-съ, помиуйте...

— Видите, видите, мамочка!

— Да, хорошо что мсье Труницкій такой добрый, а другою бы...—И старушка, не докончивъ, отворачивается.

— Ну, простите, мамуся... ну, простите!

— Да ну, ну! Ступай съ Богомъ, одѣвайся. Ты заставляешь ждать мсье Труницкаго.

— Нѣтъ, вы меня извините... простите, пристааетъ сынъ:— безъ того не пойду.

— Да я не сержусь.

— Нѣтъ простите; вы сердитесь. Дайте поцѣловать ручку.

Наконецъ мать, видимо чтобъ только отвязаться, даетъ ему поцѣловать руку. Начинается комедія съ другимъ лицомъ.

— А ты, сестра, не сердись на меня?

— Нѣтъ, нѣтъ, Миша. Иди, пора одѣваться; ты помни: тебя ждутъ.

— Нѣтъ, ты скажи: не сердисься? Ты извиняешь меня?

— Не сержусь, не сержусь!

— А извиняешь?

— Да мнѣ не въ чемъ тебя извинять.

— Нѣтъ, я самъ знаю... я виновать... виновать и передъ мамой и передъ тобой... и передъ... передъ...—Миша, вѣрно, хотѣлъ сказать, что онъ передо мною виновать, но почему-то раздумалъ, повторилъ нѣсколько разъ слово: „передъ“, и не придумавъ предъ кѣмъ бы онъ могъ еще быть виновать, проговорилъ:—предъ всѣми вами виновать.

— Нѣтъ, я не считаю тебя виноватымъ.

— Ну такъ позволь поцѣловать тебя.

Сестра съ минутой не рѣшалась. Можетъ присутствие чужаго стѣсняло ее; но потомъ она позволила брату поцѣловать ее. Удовлетворенный во всемъ, Миша отправился, чтобы преобразиться окончательно въ дорожный костюмъ.

— Вотъ его вещи, я вамъ покажу, говорить старушка:—Вотъ его чемоданъ, вотъ сундукъ, вотъ ящикъ съ киверомъ, вотъ мѣшокъ съ булками... а этотъ съ съѣстными; а тутъ чай и сахаръ. Пожалуста, прошу васъ, присмотрите и за вещами его. Онъ такой безалаберный, растеряетъ; а мнѣ все это не дешево стоитъ. Извините, что я васъ такъ затрудняю просьбами.

Я успокоиваю ее, и обѣщаюсь смотрѣть также какъ и за своими вещами. Является Миша, одѣтый въ дубленку и кавказскую папаху.

— Вотъ твои вещи, говорить мать: — смотри, Миша, пересчитай.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло? будутъ цѣлы. Вотъ уложили ли табакъ?

— Все, все уложено. Сама укладывала... Слушай, я тебѣ разкажу, гдѣ что лежитъ: въ сундукѣ платье и бѣлье...

— Да зачѣмъ мнѣ это знать, съ досадой говорить Миша.

— Чтобы не рыться, если понадобится что; а найди сейчасъ...

— Найдемъ!.. Стоитъ ли объ этихъ мелочахъ думать? Это, мамаша, стыдно о такихъ мелочахъ думать! Это житейскія дразги!

— Вотъ, вотъ онъ какой! обращается ко мнѣ, съ досадой, мать.

— Не правда ли, мсье Трувицкій, объ этомъ не стоитъ думать? По нашему была бы трубка, была бы дегьга, да! чарка вина, а остальное...—И онъ махаетъ рукой: — Хоть вѣкъ бы ничего не было. Не такъ ли?

Я не могу согласиться съ этимъ взглядомъ и стараюсь возражать.

— Полноте, полноте. Это вы тутъ только такъ разсуждаете. Руку дамъ хотите держать. Видите, какой вы Донъ Жуанъ!.. за дамъ!—это похвально, это похвально!.. Я самъ всегда за дамъ! Я люблю дамочекъ, особенно хорошенькихъ!—И онъ подмигиваетъ мнѣ на сестру свою. Меня неприятно поражаетъ эта фамилярная выходка. Я начинаю отъ непривычки конфузиться.

— Ну, полно, полно, мельница этакая, пошелъ уже! перебиваетъ поскорѣе мать. — Вотъ отчего ты не надѣлъ фуражки, скажи мнѣ? спрашиваетъ она, запуская пальцы за воротникъ сына.

— Ахъ, я второпяхъ и забылъ.

— То-то, „забылъ!“ ступай надѣнь. Хочешь простуиться, заболѣть?

— Да ты надѣлъ ли шерстяные чулки? спрашиваетъ заотливо сестра.

— Забылъ и то! Скажите какая память! самъ удивляется Миша, обращаясь ко мнѣ.

— Вотъ, вотъ! опять восклицаетъ мать. — Ну, долго ли ослѣ этого ноги отморозитъ!.. Ахъ, Миша, Миша! ступай надѣнь сейчасъ.

Миша, смѣясь и удивляясь какъ могло случиться, что нѣ столько многое забылъ надѣть, отправляется доканчивать свой дорожный туалетъ. Но старушка не довѣряетъ ему.

— Я знаю, я знаю, говоритъ она,—онъ еще что-нибудь забудетъ. Матреша, а Матреша! говоритъ она торопливо, росовываясь въ дверь передней, — поди натяни барину улки, да смотри, чтобы они еще чего не забыли надѣть.

— Разсѣянный! говоритъ сестра.

— Все оттого, говоритъ строго и съ досадою мать:—что глумается о глупостяхъ, а о дѣлѣ не хочетъ и подумать.

Изъ сосѣдней комнаты начинаютъ долетать возгласы ириичней: „Полноте, баринъ!“ „Какъ вамъ не стыдно-съ!“

„Ахъ, оставьте, сударь! — барыня услышитъ!“.... Является вторично Миша.

— Дура Матреша! хотѣлъ на прощанье поцѣловать, а она не дается.

— Ну! понесъ свое, мельница! старается скорѣе перебить мать. — Все ли теперь? Не забылъ ли еще чего?

— Нѣтъ, теперь все. Гдѣ только я мою трубку дѣлъ. Это главное.

— Вотъ онъ о трубкѣ!.. Вотъ есть ли у тебя теплыя перчатки? Есть ли платокъ?

— Есть какія-то перчатки, да и безъ нихъ можно: по-кавказски.

— Вотъ онъ все такъ! говоритъ мнѣ мать. — Право за нимъ еще нужна нянька!

— Ну, мамочка, полно вамъ, полно сердиться! Лучше скажите сколько вы мнѣ денегъ дадите.

— Мы думаемъ, Миша, прогонныя деньги мсьѣ Труницкому отдать. Согласенъ ты? онъ ужъ будетъ разчитываться.

— И лучше, хлопотать мнѣ не нужно будетъ. Отдайте. Деньги отсчитываются, и передаются мнѣ.

— А кромѣ того тебѣ, я думаю, будетъ на дорогу достаточно двадцати пяти рублей. Я тебѣ въ поакъ вышлю остальные.

— Дайте больше. Чтò же изъ двадцати пяти рублей можно сдѣлать? Это два-три раза всего пообѣдать. Дайте больше, мамаша, плаксиво просить онъ.

— Да если ты хочешь по своему расправляться съ деньгами, такъ тебѣ сколько ни дай, все мало. Нѣтъ ты по-экономничай. У меня вѣдь нѣтъ лишнихъ денегъ: ты знаешь. Одиѣ хлопоты тебя опредѣлить чего мнѣ стоили!

— А иначе, безъ гроша, какъ же я поѣду?

— Не безъ гроша, я тебѣ дам, кромѣ прогнновъ, двадцать пять рублей.

— Да это мало: я не хочу.

— А если у меня больше нѣтъ теперь, говоритъ настоячиво мать.

— А... а... мнѣ, мамаша, какое дѣло? гаупо смѣясь, говоритъ сорокалѣтній ребенокъ. — Вѣдь вы же меня опредѣлили на службу, я не хотѣлъ, продолжаетъ доказывать Миша.

— Ну, сколько же тебѣ? спрашиваетъ мать.

— Дайте хоть пятьдесятъ.

— Пятидесяти у меня теперь въ цѣломъ домѣ нѣтъ, за отдачей вотъ, мсье Труницкому, — твоихъ прогонныхъ... А тебѣ съ первую почтой вышлю въ полкъ еще рублей двадцать пять, а можетъ и сорокъ.

— Ну, нечего дѣлать, давайте. Нищимъ въ полкъ прѣхать очень пріятно, ворчитъ Миша, и съ досадою почти выхватываетъ деньги изъ рукъ матери.

— Пора, пора! торопить онь.

Материнское чувство начинаетъ брать верхъ. Сдѣланныя а минутоу непріятности забыты, при мысли что нужно разстаться съ сыномъ надолго, можетъ-быть навсегда. Глаза пятъ, при одномъ словѣ: „пора“, наполнились слезами, и на, ухвативъ за рукавъ сына, умоляетъ еще остаться. Всѣ гускулы стараго лица въ движеніи. По временамъ кажется, что это пожелтѣлое лицо вспыхиваетъ какимъ-то страшнымъ для него румянцемъ. Сѣдые волосы старушки выбились въ беспорядкѣ изъ-подъ чепца, и она не поправляетъ ихъ, овсѣмъ будто не замѣчая, что въ комнатѣ есть чужой человекъ...

— Ямщикъ давно ждетъ, прозаически доказываетъ Миша, — нужно вѣхать.

Начинается нѣмая картина, прерываемая всхлипываніемъ, тихими просьбами — не забывать, чаще писать, и т. п. Старушка торопится крестить и цѣловать сына. Волосы ея совсѣмъ растрепались; большой платокъ сползъ на оль, но она ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ.

У Миши, отъ теплоты сердца, которое прижималось къ ему, кажется, хмѣль прошелъ, потому что и онъ заплакалъ вѣдуя руки матери и сестры, обвинившей руками его шею.

Наконецъ, мы выходимъ въ переднюю. Сзади слышется опросы: „Не забылъ ли того?.. не забылъ ли другаго?.. Да астегнись теплѣе, да завернись!.. Взялъ ли платокъ? Надѣнь, Миша, перчатки—руки отморозишь! Надѣнь кааоши! Шанку надѣнь здѣсь, не выходи безъ шанки въ сѣни, протудишься!.. Завяжи ротъ шарфомъ!“

Наконецъ, мы, раскланиваясь, отступаемъ въ сѣни спи-ой, какъ актеры со сцены, когда ихъ вызываютъ послѣ игры. Позади нашь еще слышится голоса:

— Матреша!.. Дарья!.. Иванъ! бѣгите, помогите барияу уѣсться... Чтобы подушка, подушка, подъ бариною быма! слышится громче другихъ словъ.— Да ноги укройте!.. Разкажите ямщику сколько вещей!

Начало темнѣть когда мы выѣхали. Не желая тревожить моего спутника, можетъ-быть, еще находившагося подъ вліяніемъ неприятностей первыхъ минутъ разлуки съ родными,—я отодвинулся въ глубь тарантаса, и, благодаря Богъ знаетъ откуда явившимся вдругъ подушкамъ, подпиравшимъ меня со всѣхъ сторонъ, развалился, и задумался. Мой спутникъ сначала былъ очень обязателенъ; поминутно спрашивалъ меня, хорошо ли мнѣ сидѣть; не доводяствуясь моими увѣреніями, онъ откуда-то вытягивалъ, какъ фокусникъ, все новыя и новыя подушки, и предлагалъ мнѣ подсувать для бѣльшаго спокойствія.

Едва нашъ тарантасъ отѣхалъ съ подверсты отъ дому, какъ насъ перегнала отличная, крытая, извоищья пролетка; изъ нея выглянули двѣ женскія шляпки, пристально осмотрѣвшія меня, и сдѣлавшія какія-то слушкомъ безцеремонные знаки моему спутнику. Лицъ ихъ, однакожъ, я не успѣлъ разглядѣть. Это послужило моему успокоившемуся Мишѣ сигналомъ къ дѣятельности. Онъ вышелъ изъ задумчивости. Кивнувъ имъ дружески головой, и махнувъ рукой, — дескать „поѣзжайте, поѣзжайте себѣ впередъ,“ — Миша вдругъ обратился ко мнѣ:

— Мсье Трувицкій, вы не разсердитесь если я васъ попрошу о чемъ-то? маленькая просьба.

— О чемъ-съ?

— У меня тутъ есть маленькая.., этакъ... слабость... *обже*.. проговорилъ онъ сладенькимъ голоскомъ.

— Ну-те...

— Похитимте ее... Этакъ, ро-ма-а-нически схватили ее на тройку, да и были таковы!

„Ого, куда дѣло идетъ!“ подумалъ я.

— У кого же мы ее похитимъ?

— У кого? онъ и самъ задумался при этомъ вопросѣ:— Ну у кого... Хоть у Москвы... торопливо дабавилъ онъ, разсмѣявшись: — Развѣ вы не понимаете?—это говорится, такъ только, шутя, для романтичности. Попросту: возьмете ее съ собой.

— Какъ, въ Одессу?

— Да.

— Ну, извините, если я не соглашусь.

— Отчего же? я за нее плачу.

— Это все такъ... Да, видите ли, я совершенно не приготовленъ заранѣе къ тому чтобъ ѣхать въ обществѣ дамы.

— Если вы говорите насчетъ того, что вы попросту одѣты, такъ на этотъ счетъ она не взыскательна... Будьте покойны. При ней мужчина будь хоть... безъ...—Онъ не договорилъ безъ чего.

— Да подумайте и то, вѣдь намъ ѣхать тысячу верстъ на перекладной. Понравится ли подобная ѣзда вашей дамѣ.

— Она невзыскательна; вѣдь—я васъ предупредилъ... Она вѣдь не изъ салонныхъ, какъ вы думаете...

— Вполнѣ увѣренъ... Но... все-таки... я на это никакъ не могу согласиться, отвѣтилъ я рѣшительно:—не сердитесь на меня пожалуйста.

— Гм!.. какой же вы военный! съ презрѣньемъ въ тонѣ, заключилъ онъ обо мнѣ.

— По крайней мѣрѣ вы позволите ей проводить меня? спросилъ онъ насмѣшливо, поддѣлываясь подъ покорный тонъ.

— Этого я не могу ни позволить, ни запретить... Это ея воля.

— Значить можно?

— Сдѣлайте одоженіе.

— Пррр!.. ты! ямщикъ! закричалъ мой спутникъ. Ямщикъ остановилъ лошадей.

— Чаво вамъ? спросилъ онъ, поварачиваясь къ намъ. Михаилъ Александровичъ, не говоря ни слова, вылѣзъ изъ тарантаса, и пошелъ впередъ. Я увидѣлъ, что впереди стояла та пролетка, которая обогнала насъ.

— Я переговорю только, сказалъ мнѣ Михаилъ Александровичъ, уходя.

— Скорѣй, баринъ, крикнулъ ему вслѣдъ ямщикъ:—нѣкогда ждать.

Миша вернулся.

— Чего „скорѣе“?—Жди, тебѣ приказываютъ. Получишь рубль на водку.

— Не выдали твоего рубля, некогда ждать... Не радился ждать съ кой поры. Договаривались ѣхать, рѣшительно объявилъ ямщикъ.

— Такъ тебѣ мало рубля? — ну, два получишь! Мало?... три!... Ты не нищаго какого везешь... А не будешь ждать — такъ въ зубы получишь! — И онъ отправился, справедливо увѣренный, что ужъ теперъ ямщикъ будетъ ждать.

Ямщикъ, дѣйствительно, успокоился; а я рѣшилася терпѣливо ждать конца этой комедіи, несмотря на холодъ, который начиналъ прохватывать меня до костей... Проходитъ четверть часа, проходитъ полчаса, — Михаилъ Александровичъ стоитъ себѣ безцеременно около пролетокъ, да разговариваетъ съ своимъ *объе*, забывъ, кажется, совершенно обо мнѣ... Наконецъ, онъ подошелъ.

— Мсье Труницкій, я хочу съѣздить кой-куда съ моимъ *предметомъ*, и сейчасъ приѣду къ заставѣ.

— Только, пожалуйста, не заставляйте ждать. Вы видите ямщикъ жалуется.

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте покойны. Только позвольте въ такомъ случаѣ посадить къ вамъ въ тарантасъ на мое мѣсто другую даму. Вамъ это не будетъ неприятно?

— Нѣтъ-съ, отчего же? если только ваша дама захочетъ сидѣть съ незнакомымъ человѣкомъ.

— Вотъ и вамъ будетъ отъ скуки развлеченіе. Займитесь ею по нашему, по военному... Расшевелитесь, совѣтую вамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ подошла къ тарантасу женская фигура въ салонѣ и платкѣ на головѣ. Лицо было тоже закрыто платкомъ, такъ что видѣлись только глаза.

— Можно съ вами сѣсть, молодой человѣкъ? спросилъ меня, вкрадчиво, женскій голосъ.

— Можно-съ, отвѣтилъ я.

— А вы не будете въ претензіи?

— Нѣтъ-съ.

— Такъ позвольте мнѣ вашу руку, взятьъ.

Я подалъ руку. Фигура ввалилась въ тарантасъ, и помѣстилась около меня. Въ глубинѣ экипажа еще труднѣе было что-нибудь увидѣть: мы остались другъ для друга почти невидимками.

— Трогай, ямщикъ! сказалъ я:— У заставы остановись. Мы поѣхали.

— Позвольте васъ спросить, обратилась ко мнѣ невидимка:— вы тоже военный-съ?

— Тоже-съ.

— Ахъ, я очень люблю военныхъ!

— Приятно слышать-съ... За что же вы ихъ любите?

— Такъ... сама не знаю хорошо... Они всё такіе веселые... хорошенькіе... У нихъ шпоры есть, вдругъ, наивно поддѣлываясь подъ дѣтскій голосъ, прибавила невидимка.

— Не у всѣхъ шпоры есть, сказалъ я.

— А у васъ нѣтъ? спросила она.

— Нѣтъ.

— Значить и сабли нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Это жаль. Ахъ, шпоры много придають человѣку!

— Что онѣ придають?

— Когда офицеръ идетъ, звенять. Приятно бываетъ идти съ нимъ, всё дорогу тебѣ даютъ... А вы давно знаете Михаила Александрыча? спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, очень недавно.

— Очень доброй души человѣкъ. Послѣднее готовъ раздѣлать... Въ обществѣ веселый такой, поетъ романсы.

— А кто эта дама, которая съ нимъ поѣхала? спросилъ я.

— Она его очень любитъ...

— Это по всей вѣроятности... Но кто она?

— Она... какъ вамъ сказать?.. Тутъ, въ Москвѣ, есть богатый купецъ... Ну-те, онъ ее любитъ... и навимаетъ ей квартиру у меня... а она его не любитъ, а любитъ Михаила Александрыча... Понимаете?

— Понятно... очень...

— Она очень хорошая дѣвушка. Она, я вамъ скажу, даже хорошихъ родителей дочь; только неизвѣстна фамилія ея родителей: она взята изъ воспитательнаго дома. Право, если не вѣрите!

— Вѣрю, вѣрю-съ.

— И какая скромная... Какъ она любитъ Михаила Александрыча! Она умретъ, если ее не возьметъ съ собой Михайло Александрычъ.

Въ такомъ родѣ разговоръ тянулся до самой заставы. Ямщикъ остановилъ лошадей противъ какого-то трактира. Подѣхала пролетка. Михаилъ Александровичъ подошелъ къ намъ, и высадилъ мою спутницу. Они о чемъ-то шепотомъ стали совѣщаться... Михаилъ Александровичъ снова подошелъ къ тарантасу, гдѣ я сидѣлъ.

— Такъ вы, мсье Труницкій, никакъ не соглашаетесь

взять съ нами мою... Сашу, выговорилъ онъ, какъ-то нехотя.

— Извините, это нельзя. Подумайте, мы можемъ себя поставить въ очень затруднительное положеніе, если кому вздумается придратъся къ бумагамъ вашей дамы. Вѣдь онѣ у ней, вѣрно, не приготовлены...

— Кто смѣетъ придратъся? спросилъ онъ грозно:— да я тому, знаете что? всю физиономію сворочу на сторону.

— Это можетъ повести еще къ бѣльшимъ неприяностямъ доказывалъ я ему.

— Посмотрѣлъ бы я какъ бы посмѣлъ кто-нибудь потребовать бумаги у меня или у нея!.. Я военный! я не какой-нибудь! у меня вида никто не смѣетъ требовать! ворчалъ онъ, уходя, и закаячая справедливо, что такого упрямого, какъ я, не переупрямишь.

Опять стали совѣщаться. Имщика позвали зачѣмъ-то:— потому разъяснилось: за водкой, въ трактиръ. Я вышелъ изъ тарантаса разогрѣвъ ходьбою ноги; и меня позвали къ кружку.

— Рекомендую вамъ, мсье Труницкій, мою пока четверть а въ послѣдствіи, можетъ-быть, дражайшую половину, сказалъ мнѣ, неожиданно, веселымъ голосомъ мой попутчикъ указывая на свой предметъ. Я поклонился. Предметъ безъ церемоніи, треснулъ довольно сильно по плечу Мишеяку. и проговорилъ съ упрехомъ:

— Ты, Миша, не можешь безъ глупостей! даже при чужихъ людяхъ!

Миша, не женируясь мною, отвѣтилъ ей на это звучнымъ поцѣлуемъ въ щеку. Дама не потерялась; отвѣсила еще крѣпчайшій ударъ, вытерла щеку, и прибавила съ благороднымъ негодованіемъ:

— У, дуралей, Миша, точно необразованный какой! А еще военный! справедливо она его упрекнула.

А Миша между тѣмъ подтрунивалъ надъ ней, обращаясь уже ко мнѣ:

— Будто и взаправду неприятно. А сама рада, плутовка: я знаю. Видите, мсье Труницкій, какой у меня хорошевыи обусе; и онъ безцеремонно взялъ за подбородокъ свою даму. и поцѣловалъ еще разъ. Дама уже мало сопротивлялась. Принесли водку; достали закуску. Михаилъ Александровъ

вичъ налилъ первую рюмку, и предложилъ мнѣ. Я поблагодарилъ и отказался, сказавъ что не пью.

— Не пьете? почти съ ужасомъ спросилъ Миша.

— Не пью.

— Никогда?

— Никогда.

— И кажется, не курите?

— Нѣтъ.

— Вотъ человѣкъ, обратился Миша къ своимъ дамамъ, указывая на меня,—и не курить, и не пьеть! а? какво? Ужь про васъ, обратился онъ ко мнѣ—послѣ этого никакъ нельзя сказать: ессе homo! извините... Для чего же вы послѣ этого живете?

— Теперь даже всѣ дамы курятъ, сказали мнѣ, почти вмѣстѣ, дамы моего попутчика.

— Такъ вы этакъ, пожалуй, и не волочитесь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, разсмѣявшись возраставшему удивленію моего спутника.

— Ну, ну!... не вѣрю не вѣрю! Извините меня, никогда не повѣрю! закричалъ мой попутчикъ, замахавъ руками.

— Право, увѣрялъ я.

— Такъ какой же послѣ этого изъ васъ военный выходитъ, позвольте васъ спросить? воскликнулъ опять Миша, становясь въ торжественную позу, и чуть не выпустивъ изъ рукъ колбасы, которую готовился нарѣзывать въ ломтики на собственномъ колѣнѣ, поставленномъ на крыло экипажа.

— Срамъ, срамъ! закричали мнѣ, смѣясь, дамы моего попутчика.—Мы, женщины, и тѣ пьемъ, куримъ; а вы, мужчина, еще военный! гдѣ это видаво!

— Право не знаю для чего вы живете на свѣтѣ! глубоко-мысленно заключилъ мой попутчикъ, и въ голосъ его слышна была искренняя увѣренность, что не стоить послѣ этого жить на свѣтѣ. Я увѣренъ, что, еслибы было немного посвѣтлѣй, я увидѣлъ бы на лицѣ его полное презрѣніе ко мнѣ.

Мой спутникъ предложилъ налитую рюмку своему предмету.

— Пей ты прежде, Миша, сказала дама отклоняя поднесенную рюмку.

— Нѣтъ, прежде ты.

— Нѣтъ, ты.

И у нихъ долго, передъ каждою рюмкой, тянулось вѣдливое отклоненіе; затѣмъ кто-нибудь уступалъ. Слѣдоваи поцѣлуи, желанія, клятвы... и проч. и проч., но всегда это оканчивалось осушеніемъ до дна рюмки, прикракиваніемъ и кривляніемъ отъ горечи водки, причмокиваніемъ... и, наконецъ, закусываніемъ.

Послѣ долгой церемоніи закусыванія, а потомъ прощанія, мы, наконецъ, сѣли въ тарантасъ. Дамы моего попутчика подошли къ намъ, и еще долго продолжалось взлѣзаніе на подножку тарантаса, дая новыхъ прощальныхъ поцѣлуевъ, нашептыванія какихъ-то таинственныхъ словъ и просьбъ не забывать, и писать чаще. Наконецъ, мы тронулись...

День праздничный... еще не поздно. Много народу еще шляется по улицѣ. Въ домахъ подъ вывѣсками: *Бѣлая харчевня*, или просто *Въ ходѣ въ харчевню*, дверь съ бутылкой (мѣсто гири) на веревкѣ, поминутно отворяется. У крытыхъ воротъ постоялаго двора собрался веселый кружокъ извощиковъ въ заплатанныхъ тулупахъ, вокругъ кого-то откалывающаго отчаянно на балабайкѣ. Обозъ, скрипя, втягивается повозка за повозкой, на ночлегъ, въ ворота постоялаго двора, хозяинъ котораго тутъ же у воротъ, еще спорить съ прїѣзжими извощиками о цѣнѣ сѣна и овса... Дѣвка, шумуномъ запахнувши ротъ отъ холоду, появилась въ калиткѣ, посмотрѣла, посмотрѣла въ обѣ стороны, оглянулась да прислушалась не идетъ ли кто сзади, со двора, и пошла пробираться по-подъ заборомъ куда-то, изрѣдка останавливаясь и прислушиваясь къ чему-то... Встрѣтился паренъ уныло наигрывающій на хрипливой гармоникѣ, и напѣвающій:

Красносельскаго драгуна
Красна дѣвка обманула...

Баба, въ душегрѣйкѣ съ таліей выше груди, изъ калитки сзываетъ бродячихъ по улицѣ свиней, крича вскрикомъ а—тю! „а — тю! а — тю — ю!“ и свиньи, галопируя, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ... Теленокъ, стоявшій у шоссе въ задумчивости и испуганный нашимъ колокольнымъ, стремглавъ бросается бѣжать, подлягивая задними ногами... Собаки бросились, съ лаемъ, подъ ноги нашей тройкѣ; а одинъ барбось нѣсколько разъ даже подскакивалъ

на задних лапахъ, впереди тройки, пароя цапнуть за морду нашего коренника... Наконецъ, дома начинаютъ рѣдѣть... Мы выѣзжаемъ за-городъ...

Сѣрымъ извилистымъ полотномъ потянулось впереди насъ ухабистое шоссе, освѣщенное восходящею луной. Свѣтлая, осенняя ночь становится надъ полями; дѣлается свѣтло, какъ днемъ. Изрѣдка, справа и слѣва, по мѣрѣ того какъ вы подъѣзжаете, мелькнуть и сейчасъ же исчезнуть огоньки въ щеляхъ ставней придорожныхъ домиковъ, а позади Москва виднѣется на темно-синемъ фонѣ неба, съ безчисленными огоньками, посреди которыхъ возвышаются темные силуэты куполовъ и колоколенъ церквей.

Становится очень холодно. По землѣ разсыпались блестяки ночнаго мороза. Каждый волосъ вашего мѣховаго воротника преобразился въ бѣленькую, жесткую иглоку. Вы чувствуете, что съ вашими усами сдѣлалось то же. Едва вы высунули руку, какъ уже масса холоднаго воздуха забралась вамъ въ рукавъ, и по всему тѣлу, подъ рубашкой, неприятная дрожь пробѣжить до самыхъ пятъ. Торопись завернуться въ шимель... А луна такъ славно заглядываетъ въ тарантасъ, какъ разъ въ лицо; поневолѣ и самъ взглянешь на нее, поневолѣ задумаешься; и вспомнятся другія, такія же свѣтлыя ночи, но болѣе теплыя, майскія, и садъ большой-пребольшой, съ густыми аллеями... Да, многое припоминается при взглядѣ на эту *глупую луну*, и грустно становится, и что-то больно шевельнется въ молодомъ сердцѣ.

А тарантасъ катится себѣ по шоссе, переваливаясь изъ ухаба въ ухабъ и только стукъ колесъ сливается въ какой-то глухой гулъ. Ямщикъ скоро задремалъ. Вожжи почти выпали изъ его рукъ, но лошади бѣгутъ себѣ исправно по знакомой имъ дорожкѣ... Но вотъ еще какой-то гулъ приближается на встрѣчу намъ. Вотъ явственно слышится легкій скрипъ нагруженныхъ повозокъ, и мѣрное побрякиваніе бубенчиковъ степенно и гордо идущей передней тройки обоза, тянущагося въ Москву съ кладью. И также мѣрно, безъ торопливости, заэтою первой тройкою, идетъ другая, тамъ третья, и такъ далѣе; бубенчики ровно звенятъ подъ тактъ марширующихъ лошадокъ, безъ всякаго почти напряженія тащущихъ громадыя повозки, длиною сажени въ двѣ-три, нагруженные чуть не до неба кладью. И мѣрно чи-

вая головами, какъ бы прислушиваясь къ звуку своихъ бубенчиковъ, и высѣкая искры о каменистую поверхность дороги, пройти такимъ порядкомъ мимо насъ тридцать, сорокъ троекъ, оставивъ позади себя столбъ пыли, которая, при безвѣтрїи, залѣпнеть вамъ глаза и носъ грязью. И никто ими не править; ни души человѣческой не видно, не слышно; только на облучкѣ, изъ темнаго отверстия рогожной будки, вывѣсилось кое-гдѣ по парѣ ногъ обутыхъ въ сапоги, и мѣрно качаются онѣ на воздухѣ, по мѣрѣ движенія повозки, тоже какъ будто маршируя; тянется такимъ образомъ обозъ, можетъ, изъ за тысячи верстъ, дѣлая въ сутки верстъ по пятидесяти или по шестидесяти, и останавливаясь на постоянныхъ дворахъ, гдѣ эти, почти единственные до сихъ поръ, представители движущей силы нашей сухопутной коммуникаціи, истребляютъ огромное количество овса и очень немного сѣна, а ихъ хозяева—еще большее количество каши, лапши, солонины, меду и постнаго масла съ ситникомъ, все необходимыхъ блюдъ ямщичьяго обѣда.

Михаилъ Александровичъ долго крѣпился чтобы не заснуть; но хмѣль взялъ свое, и онъ, выпустивъ изъ рукъ свою коротенькую трубку, повисшую, какъ и кисеть, на пуговицѣ дубленки, мало-по-малу склонилъ ко мнѣ на плечо голову, со своею мохнатою папахой, и задремалъ. Я оставилъ его въ покоѣ, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Мало-по-малу голова его сползла мнѣ на грудь, потомъ на колѣни, и затѣмъ онъ, въ такомъ положенїи, захрапѣлъ довольно сильно... И долго бы, вѣрно, онъ такъ спалъ, а я оставался въ покоѣ, еслибы наши лошади, не управляемые ни кѣмъ, вдругъ не натолкнулись на обозъ шедшій намъ на встрѣчу. Произошла короткая сцена. Лошади наши остановились, пофыркивая и обнюхивая новыхъ знакомыхъ. Одна изъ нашихъ пристяжныхъ даже хотѣла, вѣроятно изъ прїязни, укусить за гриву коренную встрѣтившейся тройки; но та уклонилась отъ ласки, бросилась въ сторону, и чуть не опрокинула возъ; возъ сталъ поперекъ дороги.

Нашъ ямщикъ проснулся и началъ быстро подбирать вожжи. Изъ рогожной будки встрѣтившагося воза, высулась исполинская фигура извозчика съ огромною бородецею,

въ высокой ваточной шапкѣ, съ чернымъ плисовымъ околышемъ.

— Не знаешь своей руки, ворона! послышалось оттуда.

— А ты чаво спишь, проклятая душа! отвѣтилъ намъ ямщикъ, самъ только что проснувшійся, и самъ во всемъ виноватый.

— Чаво спишь! жуликъ московскій, продолжалъ извощикъ, слѣзая съ облучка, чтобы поворотить лошадей.

— Лайся еще, чортова борода... Сворачивай скорѣй!

— Самъ сворачивай: руки не знаешь развѣ? справедливо замѣтилъ извощикъ.

— Ишь! презрительно сказалъ намъ ямщикъ, и оборвалъ на этомъ фразу.

— Ишь! также отвѣтилъ извощикъ, и они начали глазами мѣрять другъ друга. Обиднѣ этого презрительнаго: ишь, ничего не можетъ быть для русскаго мужика.

— Сворачивай ты, сказалъ извощикъ, придерживая лошадей.

Шумъ разбудилъ Михаила Александровича. Онъ быстро вскочилъ, хватаясь съ просонья за трубку, какъ хватается испуганный человекъ за оружіе, и повторяя безпрестанно: что, что?.. Наконецъ, онъ сообразилъ въ чемъ дѣло.

— А ты, болванъ, не видишь кто ѣдет? грозно, закричалъ онъ на извощика, выпрямая свой коротенькій станъ, и высовываясь изъ тарантаса.

— Много васъ тутъ больно ѣздить... проворчалъ извощикъ, не докончивъ этой фразы.

— Ты еще дерзости мнѣ дѣлать, каналья! закричалъ уже бѣшено мой попутчикъ, готовясь выпрыгнуть изъ тарантаса для ближайшаго объясненія.— Вотъ я тебѣ задамъ!— И онъ былъ ужъ на землѣ.

— Мы виноваты, мы не своею стороною ѣхали, и потому должны своротить, сказалъ я.

— Нѣтъ, пусть онъ сворачиваетъ! Я его заставляю!

— Ямщикъ! сворачивай нашихъ лошадей, закричалъ я нашему возницѣ; но извощикъ уже своротилъ съ дороги, и очистилъ намъ путь. Принужденіе оказалось не нужнымъ, и потому Михаилъ Александровичъ началъ садиться въ тарантасъ.

— Какой вы странный человекъ, замѣтилъ онъ мнѣ съ

досадою:—заступаетесь Богъ знаетъ за кого, за мужика, хама!

— Потому что мы неправы были, когда сами не своею дорогой ѡдвимъ.

— Положимъ, хоть бы и такъ; но можно ли все-таки при немъ давать ему понять что мы неправы.

— Отчего же нельзя?

— Вы меня, офицера, этимъ конфузите передъ нимъ, мужикомъ.

И, какъ бы желая сорвать на извозчикъ свой гнѣвъ, онъ выхватилъ у нашего ямщика кнутъ и хлестнулъ имъ два извозчика, проходившаго съ возомъ близъ нашего тарантаса.

— Вотъ и этого не слѣдовало бы дѣлать, замѣтилъ я.

— Пожалуста, безъ совѣтовъ, сухо замѣтилъ онъ мнѣ— Пошелъ, пошелъ! кричалъ онъ на ямщика. Эхъ, ты, рохля, не умѣешь править... Дай мнѣ вожжи.

— Позволь, баринъ, я самъ умѣю...

— Дай мнѣ вожжи, я тебѣ говорю!—И онъ выхватилъ сердито вожжи изъ рукъ ямщика.

Миша боѣко взобрадся на козлы тарантаса, разобралъ вожжи по рукамъ, взялъ кнутъ, и сталъ погонять лошадей.

— Легче, легче, баринъ. Кони стояли долго: понесутъ.

И ямщикъ хочетъ удержать самозванца за руки.

— Не бось, кричитъ Миша, вырываясь; и онъ хлещетъ лошадей, и свищетъ, и мы несемъ во всю конскую прыть. „Ахъ, вы, подруженьки!“ подкрикиваетъ онъ звонкимъ голосомъ, „поворачивайтесь!.. Съ горки на горку баринъ дастъ на водку!.. Ты лѣвая, не отставай!“ И онъ лѣвой, отпускаетъ нѣсколько ударовъ, нароча задѣтъ по боку. Лицо его покраснѣлось какъ у двѣнадцатилѣтняго мальчика, которому дали подобную забаву. Папаха съѣхала на затылокъ, а онъ поверхъ ее все машетъ кнутомъ, и прозительно свищетъ; но свищетъ какъ-то особенно хорошо, съ перебивками, съ трелями, какъ соловей.

Въ Подольскѣ намъ перемѣнили тарантасъ на перекладную телѣжку. Телѣжка была мала; вещей много: приходилось сидѣть довольно высоко.

— А что не взбираемся ли это мы на Казбекъ или Бештау, замѣтилъ Миша, когда мы стали усаживаться.— Не больно ловко! сказалъ онъ, пробуя усѣсться.

— Что же делать! нужно терпѣть, сказалъ я.

— А вотъ я найду что делать, если безпокойно будетъ ехать... Трогай, ямщикъ!—Мы тронулись. Едва проѣхали версту, какъ Миша остановилъ ямщика, и принялся усаживаться получше. Увы! все-таки было не ловко... Не отъѣхали новой версты, какъ попутчикъ мой, крикнулъ: стой!“ Ямщикъ остановился. Двѣ подушки, одна вслѣдъ за другой, полетѣли вонъ изъ повозки.

— Что это вы делаете, Михайло Александрычъ? съ прекомъ, спросилъ я.

— Что! видите... мѣшаютъ.

— Зачѣмъ же выкидывать! Ну, оставимъ или продадимъ ихъ на слѣдующей станціи: вѣдь это деньги. Наконецъ, подаримъ ихъ кому-нибудь... Ямщикъ, подыми подушки, казалъ я.

— Нѣтъ, не нужно.

— Подыми, сказалъ я ямщику настойчиво.

— Не нужно! закричалъ Миша,—я не хочу: это моя собственность, не ваша.

— Послушайте, Михаилъ Александрычъ, сказалъ я,—вѣдь это будетъ ребячество.

— Ну, пусть ребячество. Мнѣ такъ хочется.

— Позволь, баринъ, хоть въ канавку, подъ мостъ, припрятать, попросилъ ямщикъ,—ворочаться буду, прибору. За свое здоровье выпью.

— Нельзя... нельзя! пошелъ!

— Позволь, баринъ... ваше благородіе... Все одно, найдется кто-нибудь проѣзжій. Чужому достанется, урезонила ямщикъ.

— Пусть хоть ему пригодится, попросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ! упрямо кричалъ Миша,—не хочу!... Пошелъ!

Я чуть не плюнулъ съ досады. Мы тронулись... Миша минутно оглядывался на бѣлѣвшія на дорогѣ подушки, и, какъ ребенокъ, самодовольно улыбался, глядя какъ онѣ постепенно исчезали изъ виду. „О, поле, поле кто тебя, усѣвляя мягкими... подушками!“ Договорилъ онъ, и расхохотался своей остротѣ.

— Неужели это доставляетъ вамъ удовольствіе? спросилъ я съ досадой.

— Даже очень большое, ухмыляясь, отвѣтилъ онъ:— пошелъ, ямщикъ!.. пошелъ!.. Эхъ, вы, миленькіе!.. го-го-го! потрогивай!.. А ну-ка затыаемиъ пѣсенку, ямщикъ.. Ну, какую бы?.. Развѣ: Въ темномъ лѣсѣ? Ну, хоть ее. И онъ, прокашлявшись, началъ:

Въ темномъ лѣсѣ..
Въ темномъ лѣсѣ....

— Чтò же ты не подтягиваешь, ямщикъ? спросилъ Миша, толкнувъ слегка ямщика въ затылокъ.

— Чтò мнѣ, сударь, подтягивать! сердито ворчитъ раздосадованный ямщикъ.—У меня свое дѣло есть: лошадей подгонять.

— Нѣтъ, ты пой со мной.

— Не для чаво... не время, сухо замѣтилъ ямщикъ.

— Пой, я хочу.

— Не хочу, баринъ...

— Ты долженъ пѣть... Я тебя заставаю!

— Оставьте его въ покоѣ. Какъ это можно заставлять человека пѣть, когда онъ не хочетъ, вступился я.—Пойте одни, если вамъ хочется.

— А вамъ что за дѣло! Чтò вы мнѣ совѣты даете? Я васъ не для совѣтовъ взялъ съ собой. Пожалуста, не забывайтесь.

Я махнулъ рукой, и замолчалъ; а Миша уже съ другой стороны подобрался къ ямщику:

— Ты не умѣешь править.

— Чтò съ вами, сударь! Эвтого дѣла да не умѣть! сызмальства вѣдимъ, обиженно оправдывается ямщикъ.

— Нѣтъ, не умѣешь. Вотъ дай я тебѣ покажу.

И вожжи уже у него въ рукахъ. Вотъ онъ перебраася на облучокъ, опять кнутъ завертѣлся въ воздухъ надъ его головой, и опять онъ кричитъ на лошадей, чтò есть мочи, и, раскачиваясь на краю облучка, такъ что того и гадя что слетить, мчитъ насъ чтò есть силы. И въ самомъ дѣлѣ, мы не замѣчаемъ какъ летятъ версты. Страшно только за свою голову.

Но вотъ и станція близко. Вотъ и доѣхали благополучно, и головы не сломали, и не вывернулись ни разу, сверхъ всякаго чаянiя... Станція очень чиста; при ней гостиница.

— А! пообѣдать будетъ можно! восклицаетъ радостно Михаилъ Александровичъ:—пообѣдаемъ, пообѣдаемъ!

Половой спѣшитъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ настроеніемъ прѣзжаго. Онъ клянется, что лошадище не скоро будутъ готовы, и подносить прейсъ-курантъ.

Миша начинаетъ важно разсматривать листъ.

— Все ли есть что написано?

— Все-съ, не запинаясь, отвѣчаетъ половой.

Михаилъ Александровичъ углубился въ раздумье.

— Ну, подай мнѣ супъ пюре.

Начинается извѣстная исторія:

— Супу пырей-съ теперъ нѣтъ.

— Ну, супъ изъ раковъ, спрашиваетъ мой попутчикъ.

— Какіе-съ теперъ раки, насмѣшливо замѣчаетъ половой:—Теперъ зима-съ.

— Да что же это у васъ ничего нѣтъ?

— Помилуйте, возражаетъ обиженно половой, — какже ничего нѣтъ!—все есть-съ, окромя этого. Извольте спрашивать.

— Ну, давай борщъ.

— Борщъ есть-съ, да, вѣрно, не станете кушать: не седняшній. Не стану и обманывать.

— Ничего нѣтъ!.. дураки! съ досадою кричитъ Миша.

— Никакъ нѣтъ-съ, мы не дураки! огрызается половой.

— А я говорю, что дураки! настойчиво кричитъ Миша.

— Угодно кушать-съ, извольте требовать; не угодно, ваша воля; а ругаться не извольте, замѣчаетъ, хотя и съ вѣкоторою робостью, половой.

— Поворчи, поворчи у меня! грозно замѣчаетъ Михаилъ Александровичъ:—не знаешь еще меня!

Половой замолкаетъ, а Миша углубляется въ чтеніе рейсъ-куранта.

— Утку подъ кислымъ соусомъ, командуетъ Миша.

— Слушаю-съ.

— Котлеты пожарскія... Знаешь?

— Знаю-съ.—Михаилъ Александровичъ опять углубляется въ выборъ блюдъ по листу.

— Майонезъ дай.

— Слушаю-съ.

— Кофе...

— Слушаю-съ.

— Да если у васъ вино хорошее?

— Есть-съ, отличное.

— Воображаю. — Миша сдѣлалъ насмѣшливую гримасу.

— Ну, дай бутылку самого лучшаго лафиту, да нагрѣть. Слышишь.

— Слышу-съ.

— Скорѣй.

— Духомъ-съ.

Половой исчезаетъ. Черезъ четверть часа онъ является и накрываетъ столъ салфеткой; еще черезъ четверть часа приноситъ приборъ; черезъ новые полчаса являются на столъ котлеты и бутылка вина.

— А что же ты водки не подалъ? удивленно спрашиваетъ Миша.

— Вы не изволили приказывать.

— Да это ты самъ долженъ былъ знать, братецъ. Это само собой подразумевается.

Водка принесена. Рюмка налита. Рюмка медленно подвигается ко рту, при чемъ губы сдѣлали какую-то странную гримасу: сжались, и въ то же время верхняя губа какъ-то приподнялась, обнаруживъ почернѣлые отъ табаку зубы. Такой видъ губамъ даютъ иногда дѣти, желая прокричать по-пѣтушьи: кукуреку. Лицо Миши было серьезно, точно онъ готовился къ какому-нибудь великому дѣлу, къ таинству какому-нибудь. Онъ приложилъ край рюмки къ нижней губѣ, съ минуту выждалъ, какъ бы готовясь, потомъ вдругъ откинулся всею головой назадъ, при чемъ рюмка вдругъ стала на губахъ у него верхъ донышкомъ, а жидкость, бывшая въ рюмкѣ, очутилась во рту, и щеки вдругъ раздулись. Миша весь побагровѣлъ; потомъ опустилъ голову въ нормальное положеніе; подержалъ съ минуту щеки надутыми, и потомъ разомъ проглотилъ, отчего по горлу у него прошелъ какой-то бугоръ, какъ у большой змѣи по тѣлу, когда она проглотитъ цѣликомъ кролика. Глаза у него выкатились, и наполнились слезами.

— Брррр! проговорилъ онъ, мотая головой, и зажавъ на минуту глаза, и по багровымъ щекамъ его скользнула двѣ слезинки. — Коломъ прошло! и онъ началъ тыкать кусокъ хлѣба въ солонку.

Половой унесъ водку; а Миша принялся за котлеты. Доходить дѣло до вина.

— Это ты кому подашь! восклицаетъ Михаилъ Александровичъ, отвѣдавъ лафиту и сморщившись.—Купцу!.. Чиновнику какому-нибудь! Не видишь кто я!— И онъ съ гордостью распакиваетъ дубленку чтобы показать болтавшіяся на груди регалии. Бутылка летитъ на полъ.—Другую бутылку!

Является другая. Половой смиренно, безъ замѣтнаго неудовольствія, начинаетъ подбирать осколки разбитой бутылки. Миша принимается за утку.

— Что же вы не обѣдаете? спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что я ничего себѣ не потребовалъ.

— Мнѣ не хочется ѣсть; да есаибъ и хотѣлось, то у меня есть своя провизія. Я никогда въ дорогѣ не обѣдаю.

— А вотъ я не могу. Натура такая избалованная. Конечно, это не хорошо, но что же дѣлать?.. Не хотите ли вина?

— Нѣтъ-съ, благодарю: не пью.

— И водки и вина не пьете! Плохой же вы компаньйонъ!

Обѣдъ кончился. Подали счетъ. Михаилу Александровичу пришлось заплатить слишкомъ пять рублей, въ томъ числѣ и за разбитую бутылку. Не повѣривъ счета, онъ отдалъ десятирублевую бумажку. Принесли на подносѣ сдачу мелкими. Половой подавъ, и остановился въ почтительномъ ожиданіи чего-то, обтягивая руками бѣлый передникъ. Михаилъ Александровичъ догадался, и далъ ему полтинникъ. Половой развязно поклонился. Изъ двери ввалился ящикъ и молча остановился у порога, почти бокомъ къ намъ, почесывая затылокъ и вертя въ рукѣ шляпу.

— Пожалуйте баринъ, на чайкъ-съ старому ящикуку... сколько милость ваша пожалуетъ.

— Ты хорошо везъ, хорошо! тебѣ можно. А пьешь водку?

— Коли поднесутъ, почему не выпить! какъ-то насмѣшливо отвѣтилъ ящикъ, ослабившись при такомъ странномъ вопросѣ.

— Дать ему водки! приказалъ Миша половому.

— Слушаю-съ.

— А вино пьешь, спросилъ Миша ящика, рассматривая на свѣтѣ остатки вина въ бутылкѣ.

— Вино-съ... Пью-съ и вино, отвѣтилъ ящикъ, еще болѣе ухмыляясь.—Отчего не пить! Тоже Божій даръ.

— Вы не будете пить? спросилъ меня окончательно Михаилъ Александровичъ, указывая взглядомъ на вино.

— Нѣтъ-съ.

Онъ выпилъ остатокъ лафиту въ стаканъ.

— Ну, пей.

Ямщикъ хлѣбнулъ, поморщился, потрясъ головой, проговорилъ: „кисло“, но выпилъ съ полстакана.

— Эхъ, ты! не знаешь самага цимесу, сказалъ Михаилъ Александровичъ, презрительно подсмѣиваясь надъ невѣжествомъ ямщика, не понимающаго „цимесу“ лафита.

— Пожалуйте на чаекъ-съ, сударь, опять началъ свое ямщикъ, утирая губы послѣ заморской кислятины рукавомъ засаленнаго тулупа.—Хорошо везъ.

— Да это я везъ, а не ты, начинается шутить Михаилъ Александровичъ.

— Помилуйте... какъ же... поетъ ямщикъ.

— Ну на, на!—И полтинникъ очутился у ямщика въ рукахъ.

— Благодаримъ покорно-съ. Дай Богъ здравствовать вашей милости.—Ямщикъ вышелъ.

— Прикажи ему дать и пообѣдать, раздобрившись, приказываетъ Миша половому:—я заплачу.

— Слушаю-съ.

— Лошади давно готовы, сказалъ кто-то, входя.

— Хорошо.

— Не пожалуетъ ли, ваша милость, старостѣ за труды, оказалъ вошедшій. Это была огромнѣйшая туша, обхвата полтора у пояса, въ лоснящейся на груди дубленкѣ, съ заплывшимъ отъ жиру лицомъ, и маленькими плутовскими глазами. Сѣдоватые волосы были расчесаны пробороми по серединѣ. Въ рукахъ онъ вертелъ высокую, остроконечную, войлочную шляпу, перевитую ленточками.

— Старостѣ, повторилъ Миша, и задумался:—Хорошихъ ли только ты лошадей велѣлъ запретъ?

— Преотличныхъ-съ. Птицы, а не лошади. Первая статья у насъ, курьерскія. Для вашей милости постарался. Духомъ домчатъ до станціи. Звѣрье, а не кони-съ... Пожалуйте, ваше благородіе, на чаекъ-съ.

— Не давайте, Михайло Александровичъ, сказалъ я,—ихъ тутъ много явится. Это ихъ обязанность заботиться о хорошихъ лошадяхъ. Мы ѣдемъ по казенной надобности.

— Эхъ ты, еще баринъ, и скупои какой! безцеремонно

обращается ко мнѣ староста:—Богъ тебѣ, сударь, счастья не дастъ за это. Ихъ милость не такіе скупые, продолжалъ онъ, указывая мнѣ на моего попутчика:—какой изъ тебя господинъ, коли за полтинничкомъ стоишь! Хорошій баринъ не постоитъ за полтинничкомъ... Такъ-то-съ!—и лукавые глаза его уперлись въ меня, желая сконфузить меня своею дерзостью.

Михаилъ Александровичъ далъ ему четвертакъ, и мы вышли садиться.

— Всѣ ли вещи? спросилъ я.

— Всѣ-съ, всѣ-съ! отвѣтилъ подсаживавшій насъ ямщикъ, суется около нашихъ вещей и умащивая намъ лучшее мѣсто сидѣнія.

— На водочку, ваше благородіе, распѣвая попросилъ подсаживавшій, снимая шапку, и по привычкѣ зачесалъ сейчасъ же затылокъ.

— Тебѣ-то за что? спросилъ я.

— Какъ же—онъ замяся:—я пристяжную припрягааъ... чтобы скорѣй было готово вашей милости... Да и колокольчикъ мой. Ишь, какой звонкій,—и онъ тряхнулъ нарочно дугу:—веселѣе будетъ ѣхать.

Михаилъ Александровичъ кинулъ ему гривенникъ, мы тронулись.

Подобный обѣдъ повторился и на слѣдующій день, и на третій. Изъ кармана Михаила Александровича вылетѣло до пятнадцати рублей. Дорога впереди предстала еще не малая. Я боялся что онъ скоро останется совсѣмъ, какъ говорится, на мели, и рѣшился ему высказать это.

— Я васъ предупреждалъ, что не могу иначе, сказалъ онъ мнѣ съ досадой на мое замѣчаніе.—Ну, я такъ созданъ... Не могу и не хочу иначе!.. Вы думаете, что я нищій! воскликнулъ онъ подъ конецъ обиженно:—У меня есть серебро, часы; я ихъ продамъ, и будутъ деньги!.. И, пожалуста, не давайте мнѣ совѣтовъ: вы еще молоды для этого... Я васъ взялъ не для совѣтовъ... Я васъ взялъ, чтобъ имѣть компаньона, а вовсе не изъ какого-нибудь разчета. Что мнѣ деньги! Тьфу! онъ плюнулъ:—есть, прокучу; вѣтъ, достану. На то онъ и деньги, чтобъ ихъ кидать. Вы думаете, я ими дорожу? Нѣтъ, я ими, если хотите, трубку закурю.

И онъ поспѣшно стааь открывать бумажникъ.

— Увѣренъ, увѣренъ вполне, что вы не дорожите имъ, торопливо сказалъ я, желая остановить его.

— Нѣтъ, вы не вѣрите, вы сомнѣваетесь! я вамъ докажу!.. Человѣкъ! человекъ!

Вошелъ станціонный сторожъ, инвалидъ какой-то, съ провалившимся носомъ и разодранною губой выказывавшею зубы.

— На тебѣ, братецъ, на водку.

Сторожъ посмотрѣвъ удивленно на него и на рублевую бумажку, не зная за что такая милость, и не сдѣдуетъ ли принимать эту выходку только за шутку. Онъ самъ чувствовалъ, что ничѣмъ не заслужилъ такой милости, и всего только въ первый разъ видѣвъ насъ въ лицо.

— Понимаешь? На, дуракъ! крикнулъ нетерпѣливо Миша.

Инвалидъ сдѣлааь два шага впередъ, и остановился въ нерѣшимости.

— Я тебѣ говорю: на! крикнулъ разсердясь Миша: — Что же ты не слушаешь? Вотъ я тебѣ!—и Миша быстро приподнялся.

Инвалидъ проворно выхватилъ бумажку изъ рукъ, еще больше вытянулся и еще больше вытаращилъ на него глаза.

— Что же ты не благодарить, дуракъ! съ досадою, во уже тише, проговорилъ Миша, нѣсколько конфузясь невѣжливости инвалида, не догадавшася поблагодарить его за такую милость!

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе, скороговоркой произнесъ инвалидъ и сдѣлааь новую попытку еще болѣе вытянуться и выпрямить свою согнутую старостью спину.

— Пошелъ вонъ!

Инвалидъ, кажется, очень обрадовался этому; торопливо выставилъ впередъ ногу, по формѣ, повернулся, при чемъ правую руку заложилъ назадъ, по инстинкту, воображая себя въ аммуниціи съ ружьемъ, и, выходя, улыбнулся, вѣроятно, думая про себя: „вотъ чудной человекъ.“

— Мнѣ не жаль денегъ, обратился Миша ко мнѣ,—а васъ не изъ разчета взялъ. Я васъ взялъ чтобъ имѣть компаньона, чтобы было съ кѣмъ выпить, поѣсть, погулять.

— Вамъ бы и нужно было въ газетахъ объявить, что какого попутчика надо.

— Я и самъ раскаиваюсь, что не сдѣлалъ этого, серьезно сказалъ Миша, видимо, самъ не понимая что говорить.—Да, компаньона! продолжалъ онъ резонировать:—А судя словомъ: компаньонъ, я разумю вотъ именно такого человѣка, который бы по душѣ былъ. А что въ васъ! Вы не пьете, не курите. Точно красная дѣвушка! Я умаю, васъ и товарищи не любятъ!. Ну, какой вы офицеръ!—съ обычною презрительностью произнесъ онъ эту ривычную свою фразу. Я расхохотался, и замолчалъ.

Миновали калужскіе и смоленскіе лѣса; кончилось шоссе; мы своротили на простую черниговскую дорогу. Годода стояла дождливая; природа подстать погодѣ: сумрачная, не на что посмотреть. Одни лѣса да пески большіе; все остальное какъ-то хило смотреть, мелкоросло: хаты придорожныхъ деревень, съ почернѣлыми, какими-то прозрачными крышами, съ окнами у земли, заклеенными мѣстами бумагой вмѣсто стеколъ, а гдѣ—и просто откнутыми старою свитой; и странная упряжь—ковъ съ коовой на пристяжкѣ, а гдѣ—и одна корова въ оглобляхъ; народъ съ пожелтѣлымъ цвѣтомъ лица, сухопарый, приемистый, съ вѣчно-потупленнымъ, робкимъ взглядомъ, ложающій шапку передъ всякою фуражкой съ кокардой, зачатую въ одной протертой бѣлой свиткѣ, надѣтой прямо а рубаху, несмотря на то что на дворѣ уже снѣгъ летитъ... Вообще замѣтно сосѣдство Бѣлоруссiи.

— Бѣдная, кажется, тутъ сторона, замѣтилъ я ямщику-усаку.

— Бѣдная-съ, ваше благородіе, очень бѣдная... Сказано: проклятая хохландія, мазепщина!.. Одно хорошо: водка ешева.

— А водка дешева? радостно спросилъ Миша, вдругъ чувствуясь отъ обычной дремоты.—Почемъ?

— Двѣ серебра, а гдѣ и пять копѣекъ на сигнацію, шкаликъ... восьмуха, значить, пояснилъ ямщикъ.

— Пять на ассигнаціи! воскликнулъ Михаилъ Александрычъ:—Вотъ такъ край! Да это обѣтованная земля!

— Да, насчетъ этого хорошо, поддакнулъ мужичокъ.

— А это что у дороги, широкъ?

— Широко съ, ваше благородіе.

— А, ну, подѣвжай!.. Испробуемъ вашей дешевой. Слабый мой протестъ остался безуспѣшнымъ.

Если вы увидите въ Малороссіи, у дороги, не огороженную съ улицы хату, какъ-то больше другихъ высунувшую впередъ, со множествомъ раструженнаго около нея отчего земля, зимой даже, кажется около нея темнѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; если вы увидите около нея двѣ-три пары воловъ, запряженныхъ въ телѣгу или въ сани, съ наваленнымъ сѣномъ или дровами, меланхолически пережевывающихъ свою жвачку, лѣниво закрывая и открывая глаза—или нѣсколько запряженныхъ лошадокъ, тутъ же стоящихъ и нагнувшихся до земли, чтобы доставать сѣно съ брошеннаго передъ ними вороха; то смѣло входите, и будьте увѣрены, что васъ встрѣтять тамъ съ обычною малороссійскою ласковостью и угодливіостью.

Вы войдете изъ сѣней въ горенку, правда, невзрачной обстановки, съ землянымъ поломъ, часто до того сырымъ, что на немъ лежитъ слой жидкой грязи; со стѣнами, хотя и выбѣленными, но посырѣвшими; съ большими слезающимися отеками подъ окнами; съ обычными лавками по стѣнѣ; съ почернѣвшимъ въ углу образомъ, подъ которымъ стоитъ засаженный столъ, а за столомъ вѣрно застанете нѣсколько человекъ полудичающихъ сагомъ и хлѣбомъ и весело разсуждающихъ, за чаркой горькаго цѣнахъ на всякую всячину, а подъ часъ и объ очень *высокихъ матеріяхъ*. Но, увидѣвъ васъ, пана, они мало-по-малу замолкнутъ, докончатъ свой завтракъ, встанутъ завяжутъ въ холщевыя торбы свои припасы, помоятся на образъ, надѣнутъ шапку и рукавицы и, всегда чество расплатившись, выйдутъ съ обычнымъ: „прощайте.“

Шнокъ, въ который мы заѣхали, ничѣмъ ни отличался отъ другихъ, только выборъ напитковъ почему-то былъ разнообразнѣе, и шинкаръ поднесъ Михаилу Александровичу печатный за стекломъ преисъ-курантъ. Соблазнившись этимъ, Миша уже не хотѣлъ пробовать дешевой водки „обѣтованной земли“, а, пересмотрѣвъ листъ съ водобабующею серіозностію, остановился вниманіемъ и желаніемъ на одномъ изъ сортовъ водокъ, приготовленныхъ „на манеръ французской“, какъ сказано было въ преисъ-курантѣ и потребовалъ *русскаго бальзаму*. Подали требуемое. Миша сталъ наливать рюмки.

— Кто же будетъ пить? спросилъ онъ, какъ бы раздумывая:— Неужели я одишь!— Я молчалъ. Въ шинкѣ, кромѣ насъ, находился еще какой-то проѣзжій, вѣроятно, недалекий, потому что вѣхалъ на одной лошади, въ малороссійской толстой свитѣ каштановаго цвѣта, щеголевато подбитой краснымъ сукномъ, перетянутой чернымъ ремнемъ, украшеннымъ серебряными съ чернью бляхами извѣстнаго кавказскаго издѣлія. Малороссійская шапка сивыхъ смушекъ лежала около него. Съ сильною просьбью и рябоватымъ, онъ держался какъ-то не прямо, все топырился, и принималъ какія-то неестественныя позы, вѣроятно, желая тѣмъ заставить насъ заключить о его знакомствѣ съ приличьями большаго свѣта. Признаться, я его принялъ сначала за какого-нибудь стараго двороваго, щеголяющаго по шинкамъ своею роскошною свиткою, доставшеюся ему съ барокаго плеча какого-нибудь старосвѣтскаго пана.

— А что, не угодно ли будетъ вамъ распить со мной рюмочку, другую?

Проѣзжій, довольно развязно, проговорилъ:

— Съ удовольствіемъ-съ, и протянулъ руку къ налитой рюмкѣ.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? спросилъ Михаилъ Александровичъ, видимо обрадованный такою встрѣчей, и довольный незастѣнчивостью проѣзжаго. Проѣзжій приподнялся и уже совершенно развязно, даже съ достоинствомъ, протянулъ руку черезъ столъ Михаилу Александровичу.

— Здѣшній-съ, мелкопомѣстный помѣщикъ, отставной капитанъ... Вы, вѣрно, этого не ожидали, судя по моему костюму? спросилъ онъ вдругъ, насмѣшливо улыбаясь; потомъ добавилъ фамилію:— Лавченко.

— А, изъ нашихъ, изъ военныхъ! торжественно воскликнулъ Михаилъ Александровичъ: — Слава Богу!.. Вотъ это, обратился онъ къ проѣзжему, указывая на меня, — вы думаете, глядя на костюмъ, что это нашъ братъ, военный... Ошибаетесь очень, милостивый государь!.. Это какая-то красная дѣвушка, а не нашъ братъ: не пьетъ, не куритъ, ни... ни... Чортъ знаетъ что!.. Впрочемъ, вы по немъ обо всѣхъ нынѣшнихъ военныхъ не судите дурно, предупредилъ онъ проѣзжаго.

— Они еще молоды, любезно улыбаясь, сказалъ проѣзжій. — Послужать — выучатся. Нельзя не выучиться; это-съ тоже уставъ, артикулъ военной службы... Безъ этого не будешь хорошимъ офицеромъ.

Такой оригинальный взглядъ совершенно совпадалъ со взглядомъ моего Михаила Александровича, и потому естественно меня заинтересовалъ, а моего попутчика обрадовалъ, и даже привелъ въ восторгъ.

— Bravo, bravo!.. такъ, такъ!.. Видно что вы нашего полагаете! — И онъ крѣпко пожалъ руку проѣзжаго. — Чокнитесь. — Они чокнулись, и выпили.

— Я самъ изъ кадетскаго корпуса, проговорилъ проѣзжій, — былъ и въ Петербургъ...

— Изъ какого корпуса, позвольте узнать? спросилъ Михаилъ Александровичъ.

— Изъ дворянскаго полка-съ.

— Батюшка! воскликнулъ Михаилъ Александровичъ, подскочивъ отъ радости: — да мы съ вами однокашники!.. Вотъ привелъ Богъ встрѣтиться!

— Въ которомъ году извоили выйдти? спросилъ проѣзжій.

— Въ сорокъ первомъ.

— Ну, я-съ немного раньше васъ въ корпусную кашу, въ 1818 году.

Миша задумался.

— Ну, это ничего, ничего, сказалъ онъ утѣшительно. — Все-таки одну кашу ѣли. Выпьемте по этому случаю.

Проѣзжій не упряился.

— А гдѣ служите? спросилъ проѣзжій.

— Прежде служилъ на Кавказѣ, а теперь вотъ пришлось здѣсь мыкаться. Ужасно не радъ!.. Толи дѣло на Кавказѣ!.. Вотъ это... онъ указалъ на водку.

— Буза, буза! поторопился радостно проговорить проѣзжій, желая, вѣроятно, щегольнуть знаніемъ названія водки по-татарски. — Знаю, знаю-съ!

— Марушка, продолжалъ перечислять Миша: — все тамъ ни почемъ. Тамъ, напримѣръ, рублей за полтараста пять Татарокъ въ полное ваше распоряженіе можно купить. Въ это-съ сераль цѣлый!

— Знаю-съ, знаю-съ! Я самъ служилъ тамъ!

Эта новость опять обрадовала Михаила Александровича.

— Служили на Кавказъ! О! я на васъ теперь совсѣмъ другими глазами смотрю!.. Въ какомъ полку?

— Въ К—скомъ.

— Въ К—скомъ! Скажите, какая удивительная страсть: вѣдь и я въ этомъ же полку служилъ... Давно ли вы оттуда?

— О, давненько, не стану и скрывать!.. Въ какомъ году я оттуда уѣхалъ? проговорилъ онъ, глядя въ потолокъ.—Да, въ тридцать первомъ, какъ Польша бунтовала. Гочно, въ тридцать первомъ, подтвердилъ онъ.

— Все равно, все равно! Дайте васъ, однокашника и однополчанина, поцѣловать.—И Михаилъ Александровичъ повисъ у него на шею.

— Не застали ли капитана Сивейку?.. Да, какъ бы опомнившись, проговорилъ проѣзжій,—что это я спрашиваю?

— Нѣтъ, этого не засталъ. А вотъ, не былъ ли при васъ Ивановъ? спросилъ Миша.

— Какой Ивановъ? Ихъ у насъ въ полку пятнадцать было.

— Ивановъ... Еще такъ странно и звался—Иванъ Ивановичъ Ивановъ: всѣ смѣялись.

— Вы скажите примѣты его или чѣмъ онъ замѣчателенъ былъ. Такъ я скорѣе припомню, сказалъ проѣзжій.

— Ну, вотъ, пояснилъ Михаилъ Александровичъ,—онъ славился своими отличными наливками.

Проѣзжій подумалъ съ минуту.

— Нѣтъ, не помню что-то... Былъ одинъ, который наливками славился, еще говорилъ даже, что на мухахъ настаиваетъ; такъ одинъ изъ сортовъ и звался у него мухоморкой; такъ тотъ Исаевымъ прозывался, да и капитаномъ уже тогда былъ: вы его не могли застать... Вотъ не былъ ли при васъ... ахъ, канальство, забылъ фамилию... Проѣзжій замычалъ и началъ тереть лобъ.—Еще фамилія на М начиналась, пояснилъ онъ, и началъ щелкать на воздухъ двумя пальцами правой руки.—На М..., на М...—проѣзжій замычалъ опять.—Ахъ, досада! не вспомню... Еще одну изъ собакъ Трезоркой звали... Ахъ, канальство, на М, на М...! Федотовъ, Федотовъ!—радостно воскликнулъ онъ, вспомнивъ.

— Зналъ, зналъ. Славный былъ малый.

— Чудный, чудный. Всеобщій любимецъ былъ. И за что

всѣ любили? Съ начальствомъ зубастъ былъ... И вѣдь острый какой. Вы знаете? Собаку свою полковничьимъ именемъ прозвалъ...

И по подобнымъ страннымъ примѣтамъ, они, вдругъ, находили прежнихъ знакомыхъ и искренно радовались, вспоминая какъ какой-нибудь капитанъ отличался тѣмъ что у него собаку Трезоркой звали; а капитанъ Бѣлковъ вѣтъ умѣлъ отлично; а Вѣтровъ, штабсъ-капитанъ, ничего не умѣлъ, только хорошій годось имѣлъ, да полковому командиру не спускалъ. А еще кто-нибудь, уже поручикъ какой-нибудь, славился тѣмъ что былъ авторъ многихъ крѣпкихъ фразъ бывшихъ въ употребленіи въ полку, и такъ какъ истинный талантъ никогда не повторяется, то и у него каждый день были готовы новыя ругательства, или старыя, но съ новыми предложениями впереди. И они пустились приводить примѣры, громко хохоча. И прапорщиковъ нѣкоторыхъ вспомнили. У одного, бѣдняги, только-только и примѣты было, что разъ гдѣ-то въ караулѣ, при приближеніи начальника, не скомандовавъ: *на плечо*, хватилъ прямо *на краулъ*. Это воспоминаніе доставило собесѣдникамъ особенное удовольствіе, и возбудило гомерическій смѣхъ. Оказалось, что Михаилъ Александровичъ еще засталъ этого прапорщика въ полку, но уже въ капитанскомъ чинѣ. Еще одного вспомнили, который скомандовалъ взводу, при начальникѣ: *отъ стоящей ноги до могучаго плеча—ша-а-а-рах-ни!* оправдываясь, что такъ въ древности командовали.

— Охъ, эти прапорщики! насмѣшливо произнесъ Миша, желая подтрунить этимъ восклицаніемъ насчетъ моего чина: — бѣдовый народъ!.. А что, Владиміръ Ивановичъ, вы тоже фендрикъ? обратился онъ ко мнѣ.

Я разсмѣялся.— Фендрикъ... А что?

— А сказать вамъ регламентъ Петра I насчетъ фендриковъ?

— Скажите.

— „Если поручикъ (онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь), а паче того, капитанъ (онъ указалъ на профъзаго), замѣтятъ, что два фендрика стоятъ вмѣстѣ и разговариваютъ, то имѣетъ право подойти и приказать имъ разойтись; ибо, сказано въ регламентѣ, два фендрика между собою и о чемъ путномъ говорить не могутъ.“ Понимаете? сказалъ

нъ съ насмѣшливою важностью, и поворотилъ ко мнѣ пиной...

Однако, мало-по-малу, вся эта комедія, происходившая ередъ моими глазами, начинала надобѣдать мнѣ. Положеніе мое становилось самымъ плачевнымъ. Наконецъ, ямщикъ, благодѣтель, выручилъ меня.

— Баринъ, нужно ѣхать...

— Подожди, сказалъ Михаилъ Александровичъ.

— Нельзя, баринъ; на станціи спросятъ... Заѣзжать на орогѣ намъ запрещается.

— Дать ему стаканъ водки! повелительно сказалъ шинярю Михаилъ Александровичъ.

— За это благодаримъ покорно, а все-таки нужно ѣхать.

— Мало тебѣ стакана? закричалъ Миша. — Мало? ты гори! Дать ему два!.. Можетъ и этого мало? дать ему три!

— Закусывать нечѣмъ; что пить такъ! дукаво намекаетъ мщикъ.

— Закусывать нечѣмъ! Дать ему цѣлый обѣдъ!.. Ты думаешь, меня разорить этимъ, обратился онъ мягко къ ямщику: — я не скупой какой-нибудь, не нищій, которому не его дать... У меня есть на что десять такихъ, какъ ты, аюить. Захочу, прикажу выпустить вонъ эту бочку, — нъ показалъ на сороковедерную, — утоплю тебя въ ней!.. Такъ, если я, продолжалъ онъ вразумительно, но ласково, — ля тебя ничего не жалѣю, такъ и ты сдѣлай для меня — иди, если я приказываю.

Ямщикъ вышелъ. Чрезъ четверть часа онъ опять явился. На этотъ разъ Михаилъ Александровичъ не устоялъ.

— Нечего дѣлать, сказалъ онъ съ досадою, вставая и пошаваясь: — эта ракалія лишаетъ насъ удовольствія выпить такъ, какъ бы намъ хотѣлось, то-есть по-кавказски... Что дѣдуетъ съ меня? громогласно спросилъ онъ шинкаря.

— За штофъ ридкаго бальзаму, за три стакана водки мщику, да за обѣдъ ему, рубль двадцать съ вашей милости. отвѣтилъ шинкарь съ низкимъ поклономъ. Шинкарь былъ русакъ; замѣтно было по выговору.

— Заплатите, повелительно сказалъ мнѣ Михаилъ Александровичъ.

— У меня нѣтъ вашихъ денегъ, кромѣ прогоновъ.

— Ну, изъ прогоновъ. Не ночевать же намъ здѣсь! У тебя вѣдь нѣтъ денегъ, безцеремонно сказалъ онъ.

На такой справедливый доводъ уже нельзя было возражать, и я поторопился отдать деньги.

— Есть у тебя свободная бутылка, шинкаръ? спросилъ мой спутникъ.

— Найдется-съ...

— Такъ налей ее водкой, и поставь намъ въ ноги. Это я изъ экономіи дѣлаю, пояснилъ мнѣ Миша,—здѣсь дешево чѣмъ въ городѣ. Заплатите, опять приказалъ онъ мнѣ.

— Вашихъ денегъ у меня нѣтъ кромѣ прогоновъ, еще разъ повторяю вамъ, Михаилъ Александрычъ, сказалъ я съ досадою на такую неделикатность.

— Заплатите изъ прогоновъ.

— А за лошадей чѣмъ же я потомъ буду платить?

— За лошадей—онъ задумался—ну, я съ вами не ъду дальше той станціи, рѣшилъ онъ.—Вотъ какъ стѣсняютъ меня, обратился онъ къ проѣзжему, надѣясь найти поддержку; но проѣзжіи, видя неосновательность подобной жалобы, какъ-то посовѣстился выразить свое согласіе.

— Въ необходимомъ, и въ томъ отказываютъ, продолжалъ плакаться Миша.

— Водка не есть необходимость, замѣтилъ я.

— Для меня необходимость! горячо доказывалъ Миша.—Для меня лучше хлѣба не дай, но водки...—онъ оставившись, опомнившись, что сказалъ себѣ вовсе не лестный комплиментъ. Я разсмѣялся, и заплатилъ за водку.

— А помните, Михаилъ Александрычъ, я васъ предупреждалъ, когда вы на обѣды, въ первые дни нашей дороги, тратили по пяти рублей. Вы сердились на меня тогда. Вотъ и выходитъ, что я правду тогда совѣтовалъ.

— Да вѣдь это изъ экономіи я хочу здѣсь взять. На станціи по рюмкамъ придется платить, сказалъ онъ уже мягче.—Ну, не сердитесь, не сердитесь.

Мы простились съ проѣзжимъ, и поѣхали.

Не желая, вѣроятно, показать мнѣ, что хмѣль разбираетъ его, Миша сначала старался сидѣть прямо, посасывать свою трубочку, шутя со мной, и даже затягивать, по обыкновенію, свой любимый романсъ, въ которомъ помню только два начальные стиха:

Отчего же дѣвица
Все поетъ пѣснь любви...

Но, увы! хитрость ему не удавалась: вкорѣ хмѣль взялъ свое. Голосъ начиналъ обрываться, потому что только шепталъ не совсѣмъ связно слова пѣсни, наконецъ совсѣмъ замолкалъ... Трубка опускалась, вмѣстѣ съ рукой, на колѣни. Глаза, посоловѣвшіе отъ балзама, все чаще и чаще хлопали. Но бодрость еще не совсѣмъ оставила моего спутника. При сильномъ толчкѣ онъ вздрагивалъ, открывалъ глаза и начиналъ выпрямляться, стараясь показать, что онъ не дремалъ.

„Отчего же дѣвица...“ затягивалъ онъ; но вида, что я смотрю въ сторону, онъ начиналъ шарить рукою у себя въ ногахъ, вытаскивалъ изъ повозки бутылку, приставлялъ горлышко къ губамъ, высасывалъ нѣсколько глотковъ водки, клаалъ бутылку на мѣсто, и начиналъ опять дремать... Какъ неприятно казалось его лицо, въ то время какъ онъ дремалъ! Весь онъ былъ какого-то багрово-фіолетоваго цвѣта, и цвѣтъ этотъ еще поминутно измѣнялся отъ дѣйствія наружнаго холода и внутренняго подогрѣванія водкою.

Но Михаилъ Александровичъ, съ самаго выѣзда изъ шинка, что-то очень кокетничаетъ со мною. Ужь я знаю: ему очень хочется, чтобъ я не замѣтилъ его въ хмѣльномъ видѣ, и чтобы я не сердился на него. Онъ начинаетъ заигрывать со мною:

Отчего же дѣвица
Все поетъ пѣснь любви...

Запоетъ онъ, и нарочно повыше выведетъ послѣднюю ноту. Я притворяюсь будто бы дремлю.

— Владиміръ Иванычъ! и толкнетъ меня локтемъ. Я молчу.

— Владиміръ Иванычъ!

— Чтò вамъ? говорю я, какъ будто просыпаюсь.

— Вотъ, скажите мнѣ, отгадайте:

Отчего же дѣвица
Все поетъ пѣснь любви?..

— Не знаю.

— Ну, отгадайте, и снова толкнетъ меня локтемъ:

Отчего же дѣвица
Все поетъ пѣснь любви?

— Вѣрно ей нечего дѣлать, такъ она все и постъ „нѣса любви“, отвѣчаю я, стараюсь не разсмѣяться.

— Ухъ вы, прозаикъ!—и онъ толкаетъ меня довольно сильно подъ бокъ, въ видѣ нѣжности.—Вы вѣрно никогда не любилл?

— Нѣтъ, никогда.

— Вотъ это и видно! Любовь такое чувство, что оно все сердце и всю душу охватываетъ: вотъ и хочется нѣтъ.

— Э, пустяки, говорю я, — все это глупости, выдумки.

Михаилъ Александровичъ, при этихъ словахъ, какъ будто протрезвляется.

— И вы не любите хорошенькихъ бабенокъ.

— Что мнѣ въ нихъ!

— Оттого-то у васъ такая камень-душа. Ничего вы не любите хорошаго, что всѣ люди любятъ. Ни пить, ни курить, ни волочиться.

— Да это все выдумки любовь, говорю я нарочно, видя какъ близко къ сердцу принимаетъ мой спутникъ этотъ вопросъ.

— Выдумки!.. Вотъ я люблю мою Сашу, и чувствую что люблю, вотъ тутъ, онъ положилъ руку на сердце:—Такъ по вашему—это выдумка, я ее не люблю?

-- Да развѣ вы еще любите?

— Люблю, и всегда буду любить...—И онъ запѣлъ.

Любилъ я... люблю я... (скоро) и вѣкъ буду любить!

Любилъ я... люблю я... (скоро) и вѣкъ буду любить!

Разговоръ мало-по-малу замолкаетъ, и Михаилъ Александровичъ начинаетъ дремать...

Сильный толчокъ, отъ котораго подпрыгнули мы и всѣ наши пожитки, разбудилъ Мишу.

— О, чтобъ тебѣ! ворчитъ онъ, и начинаетъ рукой искать трубку:—Есть у тебя трутъ или спички, ямщикъ? спрашиваетъ онъ, придавливая большимъ пальцемъ пепелъ въ трубку.

— Нѣтъ, нѣту-съ, ваше благородіе.

— Э, дуракъ!.. Это что? шинокъ? спрашиваетъ онъ, указывая на одну изъ четырехъ придорожныхъ хатъ.

— Шинокъ-съ.

— Подъѣзжай!.. Не минуѣ ни одного!—и для успокоенія меня прибавляетъ, обращаясь ко мнѣ:—Только трубку закури.

Мы подъѣхали. Я остался въ повозкѣ, а попутчикъ мой и ямщикъ вошли въ хату... Жду я пять минутъ, десять,—нѣтъ. Жду четверть часа — нѣтъ какъ нѣтъ. Я крикнулъ громко Мишу по имени. Онъ вышелъ съ кѣмъ-то, и остановился на порогѣ, перешептываясь. Стемнѣло уже; не видно было съ кѣмъ онъ говоритъ; кажется, женщина.

— Владиміръ Иванычъ, одолжите мнѣ полтинникъ, попросилъ онъ нерѣшительно, подойдя ко мнѣ.

— Зачѣмъ вамъ?

— Тутъ есть славная бабенка: мнѣ хочется ее угостить... Чудо что за бабенка! Дайте.

Я началъ его стыдить:

— Полноте, Михайло Александрычъ, какъ вамъ не стыдно! Богъ съ вами! Поѣдьте, мы и то эту станцію пять часовъ какъ ѣдемъ.

— Ну, я хочу... Дайте мнѣ изъ моихъ прогоновъ. Я хочу, это моя воля.

— Я вамъ не дамъ, рѣшительно сказалъ я.

— Ну, такъ я не поѣду отсюда.

— Я васъ не буду ждать,—и я крикнулъ ямщику.

Миша упрявился. Я приказалъ ямщику ѣхать. Мы тронулись. Видя, что я не шутя хочу уѣхать, Миша крикнулъ чтобы мы остановилось. Пошпентавшись съ своею бабенкой, Миша началъ садиться.

— Я съ вами дальше этой станціи не ѣду, также рѣшительно, какъ и въ первый разъ, сказалъ Миша.

— Хорошо-съ, хорошо-съ, соглашался я.

— Это мученье такъ ѣхать! Даже въ необходимомъ мнѣ отказываютъ... Нѣтъ, довольно вы господствовали надо мной. Я заложу часы, ложки, но поѣду одинъ, и буду дѣлать что мнѣ хочется. Это мука!.. это... это...—и онъ, со злостью, вышвырнулъ ногой изъ повозки что-то мѣшавшее ему.

— Мы потеряли что-то, какъ будто не догадываясь, сказалъ я:—стой, ямщикъ!

— Не останавливайся, не нужно. Это мой киверъ.

— Тѣмъ скорѣе нужно поднять, доказывалъ я:—онъ стоитъ четырнадцать рублей.

— Не нужно, не хочу! Моя вещь!.. Вотъ на зло же вамъ прикажу поднимать.

Такъ иногда дѣти, отъ злости, чтобы досадить тому, на кого они сердятся, уродуютъ себя. Я зналъ дѣтей, которыя на зло гувернаткѣ, нелюбимой ими и запрещающей подлизывать зубы, чтобы не мѣшать имъ расти прямо, нарочно выдавливали зубы впередъ, чтобы досадить ей. Такъ точно сорокалѣтній Миша хотѣлъ въ отомщеніе мнѣ сдѣлать себѣ убытку на четырнадцать рублей.

— Ну, такъ я ѣ самъ подниму. Вы выкинули, я вашекъ имѣю, кажется, право взять съ собой!—и я поднялъ ящикъ съ киверомъ.

— Я отъ васъ не могу больше переносить такихъ неприятностей, какія вы мнѣ сегодня два раза надѣлали, сказалъ онъ, когда мы пріѣхали на станцію:—прошу васъ разчитаться, и отдать мнѣ мои прогонныя деньги. Я поѣду одинъ.

Подобная исторія не первый разъ случалась, и я уже зналъ что дѣлать.

— Утро вечера мудренѣе,—сказалъ я:—завтра разчитаемся.

— Нѣтъ-съ, теперь, а не завтра. Я знаю, вамъ хочется, по обыкновенію, отвиливать такъ, шуточками, сказалъ онъ, раскладываясь на диванѣ.

— Хорошо-съ, сказалъ я,—я схожу за счетами.

Когда черезъ десять минутъ я вошелъ снова въ комнату со счетами, Миша уже спалъ богатырски, и сонъ совсѣмъ сгладилъ съ лица выраженіе гнѣва. Онъ тихо похрапывалъ, полураскрывъ ротъ, и держа между пальцами недокуренную трубку. Я накрылъ его шинелью, и ушелъ спать.

— Михайло Александрычъ, лошади готовы, сказалъ я утромъ, расталкивая его:—Пора ѣхать;

Онъ открылъ глаза.

— Ахъ, извините что 'заставилъ ждать' сказалъ онъ торопливо вскакивая:—я сейчасъ буду готовъ.

Но тутъ только открылось обстоятельство, котораго мы прежде не замѣтили: я забылъ подорожную на послѣдней станціи. Нельзя было ѣхать дальше. Нужно было ждать пока привезетъ ее нарочный посланный назадъ. Мы дружелюбно расположились за чаемъ. О прежнемъ не было и помина.

— А далеко ли отъ васъ станъ? спросилъ Миша Еврея, тащившаго писаря, когда тотъ еще только собирался отравить нарочнаго за подорожною.

— Станъ здѣсь.

— Здѣсь... И становой здѣсь?

— Здѣсь.

— А кто у васъ становой?

— Не знаю, новый какой-то... отставной, сказываютъ...

— Военный, значить?

— А поцемъ я знаю... Должно-быть былъ военный. Теперь отставной.

— Что же ты давно мнѣ не скажешь, проклятая парха, рикрикнулъ Миша, вскакивая съ своего мѣста: — Знаете гдѣ? обратился онъ ко мнѣ.

— Что?

— Не нужно посылать нарочнаго. Зачѣмъ платить напрасно прогоны туда и назадъ! Я пойду къ нему, и попрошу отпустить верховаго. Онъ военный — не откажетъ; и намъ ничего не будетъ стоить.

Я попробовалъ было доказать ему, что съ какой же стати зъ-за нашей оплошности будетъ, въ морозъ скакать верховой; да и трудно ожидать чтобы становой согласился а это; но Миша, твердо вѣрившій въ добродѣтель всякаго, то только когда-нибудь имѣлъ счастье носить военный мундиръ, не слушая меня, началъ распаковывать свой сундукъ, оставъ новый мундиръ, и сталъ облачаться.

— Согласится, согласится! увѣрялъ онъ меня:— не можетъ сказать въ такомъ пустякѣ своему же военному. Военный, значить славный малый!

Эти два понятія „военный“ и „славный малый“ были у его синонимами.

Часа полтора я ожидалъ его возвращенія... Наконецъ, въ явился, и, увы! я сейчасъ замѣтилъ, что онъ опять готовъ“, какъ говорятъ нѣкоторые. Глаза опять посоловѣли, волосы взъерошены, мундиръ на-распашку, поступь ствердая. Видно гдѣ-то ужъ успѣлъ отдать должное поклоненіе „зеленому неггару“, какъ онъ называлъ иногда воду, хотя и не было еще „адмиральскаго часу“, который въ очень чтилъ и никогда не пропускалъ, не исполнивъ свѣхъ обрядовъ, налагаемыхъ этимъ заповѣднымъ часомъ,

какъ правотѣрный мусульманинъ никогда не пропуститъ совершить въ урочный часъ намазъ. Впрочемъ, онъ былъ только „навеселѣ“, не болѣе. Лицо его было оживлено; онъ смѣялся, и напѣвалъ что-то, похлопывая ременною плетью, кавказскаго издѣлья, по-боку брюкъ, какъ бы пробуя ея достоинство. На головѣ у него была чиновничья фуражка.

— Нашелъ, нашелъ! вотъ она моя голубушка! румяная красавица! кавказская землячка! продолжалъ онъ кричать, цѣлуя плеть, вымазанную ворванью.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Евреемъ. Тотъ не успѣвъ довольно скоро посторониться, и это послужило Мишѣ поводомъ сдѣлать первое испытаніе плети, послѣ котораго онъ остался еще болѣе доволенъ ею. Еврей визжалъ и кричалъ обычное: „гвалтъ!“ и „ратуйте!“

Я постарался остановить опыты, и попробовалъ доказать что Еврея не за что было бить.

— Какъ не за что? воскликнулъ Миша:—Онъ не видитъ что я иду.

— Все-таки, можно ли за это бить?

— Можно... Небось, они могли распять Христа! За что они его распяли? вдругъ воодушевился онъ, приступая ко мнѣ и вѣроятно разчитывая, что противъ такого аргумента трудно будетъ мнѣ возражать:—За что? скажите, если вы защищаете! У-у! простоналъ онъ, судорожно сжимая скулы и поднося плеть къ самому носу перепуганнаго Еврея:—У-у! парха проклятая! Вотъ для вашей братаи — нюхай! А знаете ли вы что это такое? обратился онъ ко мнѣ оставивъ Еврея и поднося мнѣ чуть не подъ носъ плеть.

-- Знаю.

— А знаете ли что это настоящая кавказская, настоящая горская. Посмотрите какая работа!.. Смотрите какъ бьетъ, и онъ опять началъ сильно хлопать по ногѣ:—У-у! моя голубушка!—и онъ принялся опять ее цѣловать:—Недумай я тебя найди въ этихъ мѣстахъ!

И онъ долго, разглядывая плеть, какъ ребенокъ игрушку, бормоталъ ей какія-то ласковыя слова, приискивая все новыя и новыя эпитеты, а по временамъ принимался опять лобызать ее.

— И знаете откуда это? спросилъ онъ меня.

— Откуда?

— У староваго вымѣнялъ.

— На что?

— На папаху.

— Ну, мѣна не очень выгодная! Вѣдь это стоитъ рубля полтора, и того меньше; а папаха ваша была отличная—рублей десять.

— Больше, четырнадцать... Да тутъ не въ цѣнѣ дѣло. Вѣдь это рѣдкость здѣсь! Вы не Кавказецъ—не понимаете того удовольствія. Вотъ вамъ теперь придется хлопнуть тихъ скотовъ, ямщиковъ, писарей, вообще почтовый людъ: вѣдь руки обобьешь объ ихъ дубочное мурло. — Я съ вами огаасень иногда, что не стоитъ марать своихъ рукъ. А вотъ, тимъ какъ съѣдешь разокъ, такъ и почувствуеть... Ей, уда! христонпродавецъ! иди сюда!—Еврей робко приблизился. — Хочешь получить рубль? подставляй спину. Я тебя аза три хлопну. Только три раза, утѣшилъ онъ.

— Э, какъ можно! отвѣтилъ Еврей, бояливо поглядывая а плеть, и вѣроятно, опасаясь чтобы Миша не вздумалъ ачать пробу раньше заключенія условія. Но Миша успоилъ его.

— Не бойся, безъ твоего согласія не стану бить... Ну, очешь?

Еврей думалъ.

— Мало тебѣ рубля? ну, два рубля дамъ, три.

Еврей колебался.

— Онъ не вѣритъ мнѣ, проговорилъ, смѣясь, Миша:— дайте мнѣ, пожалуста, три рубля, обратился онъ ко мнѣ:— Итобъ онъ видѣлъ, что я не шучу.

— Михайло Александрычъ, подумайте, у меня нѣтъ денегъ для подобныхъ опытовъ, сказалъ я.

— Ахъ, да! какъ будто только что припомнивъ, сверхъ слагаго ожиданія, очень равнодушно проговорилъ Миша,— ну, пареха, испаряйся!..

Еврей медлилъ.

— Испарись! торжественно воскликнулъ Миша, какъ будто повелѣвалъ какому-нибудь духу. — Испарись, проматый! и, повернувъ его къ себѣ спиной, далъ ему ногой пинка. — На чемъ же нибудь да нужно испытать, разсуждалъ онъ, ходя по комнатамъ и подхлестывая плеткой валявшіяся на полу бумажки. — А, вотъ! — Онъ

поднял лежавшее у печки полвно, пальца два толщиной, и положилъ его на ручку дивана и на спинку приставленнаго стула. Восторгъ его былъ невыразимъ, когда послѣ удара полвно разлетѣлось на двѣ части. Еврей, выглядававшій изъ-за двери, ажно вскрикнулъ и съехался, должно-быть отъ мысли что почти тоже могло бы быть съ его спиной изъ-за двухъ-трехъ рублей, еслибъ условія опытовъ состоялись.

— Якши, проговорилъ Миша съ довольнымъ видомъ:— якши, и съ гордостью заткнулъ плеть за поясъ.

На минуту онъ опять заходилъ.

— Ахъ, я дуракъ! воскликнулъ онъ добродушно, ударивъ себя порядкомъ по лбу:—И забылъ вамъ разказать главное... Какой милый человекъ становой! нашъ же, кавказецъ. Все кавказцы здѣсь встрѣчаются: счастье такое! забылъ онъ:—Но что милѣе во сто кратъ, продолжалъ онъ,— у него живетъ сестра жены: душка такая, что я на Кавказѣ, между Грузинками, такой не встрѣчалъ. Заглядѣвшись на нее, забылъ даже и становому сказать зачѣмъ пришелъ. Что за душка! Я просто влюбился въ нее. Разцѣловалъ у ней ручки; просилъ ножку поцѣловать, или изъ башмачка выпить—да не согласилась... Право, право! повторилъ онъ, замѣтивъ, что я какъ-то недоувѣрчиво смотрю.—Чудо что такое! Небесная красота!.. Знаете что? онъ остановился передо мной, уперъ руки въ бока, и устремилъ на меня свой осоловѣвшій взглядъ, какъ бы жемъ впередъ выпытать соглашусь ли я на его планъ.—Знаете что? повторилъ онъ опять.—Не разсердитесь?

— Не знаю; нужно знать въ чемъ дѣло.

— Подождемте нынѣшній денекъ; что значитъ одинъ день? Я обработаю здѣсь дѣльце, и мы завтра выйдемъ отсюду en trois, даже можетъ-быть въ собственномъ экипажѣ, и делага можетъ, будетъ.

Я вытаращилъ глаза.

— Вы не понимаете меня?

— Признаюсь, нѣтъ.

— Я влюбленъ въ нее... душка... чудо что такое! Ну, а она въ меня тоже, кажется, того... Я думаю сейчасъ слать ей письменное предложеніе. Не согласится—чортъ ее поберу; а согласится—мы вечеромъ же обвѣнчаемся (тутъ

и церковь кстату), обдѣлаемъ дѣлашки, и завтра въ путь, въ дороженьку.

Я думалъ сначала что онъ шутить. Но у Миши было одно великое достоинство: дѣло у него всегда сейчасъ же слѣдовало за словами. Такъ и теперь. Онъ вытащилъ листъ почтовой бумаги, и усѣлся писать. Я оставилъ его, желая знать чѣмъ все это кончится, и заранѣе обдумавъ какъ поступить съ письмомъ.

Миша долго теръ лобъ, какъ бы выжимая мысли. Такъ дѣлаютъ иногда маленькіе чиновники, когда имъ зададутъ составить важную бумагу. Наконецъ, перо закричало, и, въ честь Михаила Александровича нужно сказать, листъ довольно скоро испестрился, хоть и не совсемъ прямыми строками. Листъ скоро перевернуть на другую сторону. Перо добѣжало до половины листа, и вмѣсто точки вѣпало въ концѣ кляксу; но Мишѣ, какъ влюбленному, нѣтъ до этого дѣла. Онъ сдѣлалъ хитроватый росчеркъ подъ фамиліей, и принялся складывать письмо. Печати не оказалось. Жидъ предложилъ замѣнить печать мѣдною пуговицей. Миша потрепалъ его за это одобрително по щекѣ, и послѣдовалъ его совѣту. На треугольномъ конвертѣ появилась, чуть не въ полконверта, печать съ 35-мъ номеромъ на оборотѣ. Миша осмотрѣлъ письмо, посмѣялся еще изобрѣтательности „проклятаго парки“ и приказалъ ему отнести по адресу, обѣщая полтинникъ на водку, въ случаѣ исправнаго исполненія порученія, и угрожая, въ противномъ случаѣ, мало своимъ гнѣвомъ, но и вѣчною немилостію становаяѣ.

— Заразъ, заразъ! закричалъ Еврей, и вышмыгнулъ въ переднюю.

Я пошелъ за нимъ и, запретивъ ему носить письмо, велѣлъ: придя черезъ полчаса, сказать, что онъ не засталъ никого дома.

— А вѣдь это будетъ чисто по военному: пришелъ, увидалъ, побѣдилъ, самодовольно произнесъ Миша, останавливаясь противъ меня. Съ минутой онъ помолчалъ:— Не будете сердиться, какъ въ Москвѣ, если придется вояжировать en trois?.. Подождете до завтра?

— Все равно, подорожной раньше завтрашняго утра, вѣроятно, не получимъ: приходится ждать, равнодушно сказалъ я.

Онъ успокоился, увидѣвъ что я не сержусь, и улегся на диванѣ. Онъ всегда очень скоро засыпалъ. Трудно бывало только уложить его, — а ужъ тамъ минуты черезъ двѣ, онъ засыпалъ всегда молодецки. Такъ было и теперь. Храпъ поднялся ужасный... Онъ проспалъ до вечера.

На дворѣ темнѣло. Частый свѣгъ хлопьями заметалъ окна станціи, производя въ комнатѣ сумракъ цѣлымъ получасомъ раньше чѣмъ на дворѣ. Въ трубѣ жалобно завывалъ вѣтеръ, раздувая трещащій огонь въ топившейся печкѣ; за дверью шушукали Евреи; сверчки въ двухъ углахъ уже начали по своему отрывисто чирикать. Оука страшная! Какъ нарочно и трактъ-то такой заброшенный, что въ цѣлый день не было еще ни одного проѣзжаго. Въ четвертый уже разъ мы принимались за чай, желая хоть этимъ скоротать улитку-время до ночи... Овладевшая невыносимая тоска... Мы, съ Михаиломъ Александровичемъ, уже проспавшимся, присѣвъ къ печкѣ, бессмысленно глядѣли на огонь, охватывавшій мало-по-малу толстыя полѣнья. При скукѣ и это можетъ занять... Вотъ въ иныхъ мѣстахъ огонь какъ-будто совсѣмъ пропадалъ, и только изъ концовъ полѣньевъ сбѣгали частыя капли кипѣвшихъ соковъ, выжимаемыхъ внутреннимъ жаромъ; но потомъ, синею струйкой, огонь опять едва замѣтно показывался на обуглѣвшихъ частяхъ полѣна, и вытягивался все болѣе и болѣе, охватывая опять со всѣхъ сторонъ свою жертву. Сильный трескъ, раздавался, по временамъ, какъ выстрѣлъ, и оторванные щепья съ быстротой выкидывались изъ печи, иногда намъ на платье... Но жаръ дѣлается все чувствительнѣй и чувствительнѣй. На тѣлѣ, вдругъ, почему-то чувствуется сырость бѣлья; паръ поднимается отъ платья. Жаръ вблизи дѣлается нестерпимъ. Нужно отодвинуться подальше отъ печки... Михаилъ Александрычъ, позѣвывая послѣ недавняго сна, уперся локтями въ колѣни, согнулся впередъ, и, держа обѣими руками передъ собой неразлучную трубочку, пускаетъ дымъ кольцами, кривляя для этого ротъ, и любясь какъ онъ уносятся въ печь. Уже съ полчаса молчаніе. Только сверчки кричатъ, да маятникъ въ сосѣдней комнатѣ ходитъ...

— Чтò, скучно, Михаилъ Александрычъ?

— Да, не весело... А-а-а-а! зѣвнулъ онъ, и слеза прошибла его.

— А что ваше письмо? спросилъ я, какъ будто не до-
адываясь объ участи письма.

— Не дошло. — Онъ затапулся табакомъ и покосилъ
лаза въ середину, чтобы увидить ротъ, откуда сейчасъ
ожно было вылетѣть кольцо дыму.

— Отчего не дошло?

— Жидъ говорить что не засталъ дома; вретъ, вѣрно.

— Значить, такъ ваше предложеніе и не состоялось?

— Нѣтъ.

— И вы не жалѣете?

— Нѣтъ... и лучше... А—а—а—а! опять зѣвнулъ онъ, и
ровелъ рукой по лицу и потомъ по своимъ жиденькимъ
олосамъ.

— Что же вы такъ скоро перемѣнили ваше рѣшеніе?

— А кто ее знаетъ какова она?

— А вы же увѣряли, что вы влюблены въ нее.

Онъ засмѣялся.

— Спяна показалось... Мало развѣ ихъ хорошенькихъ
а свѣтъ. Неужели на всякой жениться... Да и что за ней!
ромъ хорошенькаго рыльца, да двухъ дѣтей въ придачу,
вѣрно ничего. Развѣ двѣ мельницы еще... проговорилъ
нъ, и засмѣялся...—А мнѣ не такую жену нужно, если
а то пойдетъ чтобы жениться.

— Какую же вамъ?

— Мнѣ нужно чтобы прилагательное побольше было; а
ицо—неважная вещь! Я меньше какъ съ тридцатью ты-
ячами и не возьму; и не хочу за меньшую сумму про-
авать себя.

— Ну, я думаю, богатую невѣсту трудно теперь найти.

— Въ Москвѣ-то?—въ Москвѣ найду... Эдакъ возьму
акую-нибудь купчиху, вотъ этакую...—и онъ показалъ
а печь,—да лабаза два, три въ приданое, и заживу.

— Дай Богъ нашему теленку волка съѣсть.

— Вы думаете, за меня не пойдетъ?—пойдетъ. Я по-
учикъ, и ордена есть, продолжалъ онъ, болтая свой
рестикъ на груди:—купчихамъ это главное. И раны есть,
сли хотите; герой, значить, за отечество кровь проливалъ:
отъ еще приманка.

— Ну, нѣтъ-съ. На эту приманку уже теперь онъ не
дутъ.

— Пойдутъ, увидите... Будете въ Москвѣ, заѣзжайте на кулебяку.

— Непремѣнно. Только сбавьте цѣну. Тридцать тысячъ много; возьмите меньше.

— Ни гроша! Я себѣ цѣну знаю.... Все-таки, какой ни есть, а дворянинъ, офицеръ въ добавокъ; а она купчиха—та же, значить, мужичка. За милость должна считать....

— Ой, сбавьте! Много тридцать тысячъ, шутя упрасивалъ ..

— Ни-ни! смѣясь говорилъ онъ.

Мы посмѣялись и на минуту замолчали.

— Такъ вы не раскаиваетесь, что письмо не дошло?

— Нѣтъ; и лучше: написалъ тамъ какую-то дичь. Самому теперь совѣстно подумать! Чертовщина какая-то!

— А знаете, вѣдь и мнѣ передъ вами нѣсколько совѣстно должно быть, сказалъ я.

— За что?

— Не разсердитесь?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Вѣдь если письмо не дошло по адресу—я виноватъ: я запретилъ его носить.

На минуту онъ вытаращилъ на меня глаза; но лицо его не было сердито.

— Ну, оно и къ лучшему вышло, сказалъ онъ равнодушно, какъ будто бы вдругъ понявъ все: — и къ лучшему... Спасибо вамъ,—онъ протянулъ мнѣ ласково руку:— вы меня всю дорогу бережете; хорошо, что и теперь не дали сдѣлать глупости. Хорошо было бы, еслибы намъ завтра пришлось ѣхать, какъ я говорилъ, en trois, а можетъ даже, съ вами, и самъ-пять — у ней дѣти; а у насъ и на двоихъ не хватаетъ финансовъ!.. А вѣдь очень легко могло бы случиться, началъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья— что предложеніе приняли бы; становой, вѣрно, радехонекъ былъ бы спустить ее скорѣй кому-нибудь: житье у него съ дѣтьми на хлѣбахъ. Ухватились бы за меня, подползи еще, я этакой что меня одурачить пьянаго не трудно, и обвѣнчали бы меня, раба божьяго. А завтра проснулся бы, прочухался — да ужь поздно: бери, да вези. А тутъ и одному приходится свистѣть въ кулакъ!

— Ну, это опасеніе преувеличено. Какъ бы васъ могла

обвинчать, когда съ вами нѣтъ никакого вида? Даже неизвѣстно достоверно, кто вы такой.

— Ну, да все-таки хорошо, что поберегли... Спасибо вамъ! Я васъ напрасно иногда обижаяю. Простите. Онъ еще разъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Зачѣмъ же вы сами не бережетесь, Михайло Александрычъ? спросилъ я.

— Гм! промычалъ онъ, горько улыбаясь:—Когда у меня привычка...—для дальнѣйшаго пополненія этой фразы, онъ вытянулъ свою коротенькую шею изъ воротника, наклонилъ немного голову въ сторону, и, продолжая горько улыбаться, щелкнулъ указательнымъ пальцемъ по воротнику:—Когда у меня привычка... сюда... того...

— Такъ удержитесь.

— Удержаться... улыбка опять насмѣшливо скривила его ротъ:—Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Да если это вамъ вредить.

— Мнѣ все равно, вредить ли, или пользу дѣлаетъ. Я ко всему уже теперь равнодушенъ.

— Что же вы разочарованы жизнью, что ли? спросилъ я, можетъ-быть, съ неумѣстной насмѣшливостью.

— Былъ, а теперь, попросту, равнодушенъ ко всему что со мной судьбѣ угодно дѣлать.

— Что же васъ привело къ такому равнодушію?

— Что, известно что! Что приводитъ всѣхъ, то и меня привело.

— Ужь не любовь ли?

— Она, она! творящая все гадкое на землѣ.

— Что же, васъ обманули, измѣнили, вамъ, что ли?

— Да, что-то въ этомъ родѣ было, равнодушно отвѣчалъ онъ.

— Разкажите.

— Да нечего и разказывать. Весь романъ въ двухъ словахъ.

— Однако, отчего не разказать, если это не тайна.

— Потому что тогда вы будете имѣть право думать обо мнѣ какъ объ ужаснѣйшемъ дуракѣ.

— Почему же?

— Потому что влюбился положительно какъ дуракъ, какъ мальчишка, хотя мнѣ было тогда уже подъ тридцать лѣтъ.

— Почему же такъ?

— Потому что и не во что было влюбляться. Показалась мнѣ сначала чудомъ красоты, а вышло на повѣрку, какъ протеръ потомъ глаза самою обыкновенною рожидею; думалъ тамъ палата ума, оказался вѣтеръ; считалъ за ангела, „небожителя“, а вышелъ запросто злой чертенокъ, даже ни чортъ, ни дьяволъ, а просто мелкій чертенокъ, только злой очень.

— Что же васъ привлекало? Что-нибудь да было же?

— Пѣли вмѣстѣ всегда... Правда, отлично пѣла, и чудно умѣла акомпанировать, когда мы пѣли. Я и влюбись отъ этого. Точно какъ семнадцатилѣтній мальчикъ.

— И она отвѣчала вамъ?

— Какъ же: мы вздыхали, глядѣли на луну, переписывались. И теперь еще есть ея письма. Ну, словомъ—какъ у всѣхъ!

— Ну, и чѣмъ же это кончилось?

— А чѣмъ всякая любовная исторія женщины кончается? вышла замужъ... только не за меня, разумѣется... Да еслибы предпочла въ самомъ дѣлѣ что-нибудь хорошее, еще не обидно бы было! а то старый, плюгавый, чуть живъ... Видите, очень богатъ былъ!

— Что же удивительнаго? Эта исторія и каждый день повторяется.

— Ну, вотъ и подите. Другой погрузилъ бы день-два, плюнулъ бы, да и забылъ, а я—вошь что! На Кавказъ махнулъ, подставить башку подъ черкесскую шашку. Вышло другое: нашелъ добрыхъ кунаковъ. (Онъ сдѣлалъ усиліе горько улыбнуться.) Они-то, да жизнь кавказская, и доканали меня, молодецъ...—Онъ тяжело вздохнулъ, грустно опустилъ голову и замолчалъ.

— Какъ же? спросилъ я, желая вывудить продолженіе разказа.

— Такъ-съ!.. Пріѣхалъ я туда изъ гвардіи, разочарованный, пріѣхалъ искать случая, чтобы сняли голову. Самъ искалъ такихъ случаевъ: на штурмъ ауловъ ходилъ безъ шашки, съ одной тросточкой. Прикрытіе мое переколютъ, а я живъ. Вижу: суждено жить. А жить съ волками—нужно по волчьи и выть... Опять, тамъ жизнь другая, не такая какъ здѣсь. Тамъ такъ: сегодня живъ, а завтра, можетъ, изъ тебя котлетку сдѣлаютъ. Вотъ и привыкаешь не дорожить

ничѣмъ, пользоваться настоящимъ и не думать о завтрашнемъ днѣ. Это и вредъ! Есть что—все ставь ребромъ, завтра твое же добро Богъ знаетъ кому останется. Попробуйте-ка тамъ по вашему, не пить, скромничать!... Опять и то: обстоятельства такія тамъ. Экспедиція—цѣлые мѣсяцы спишь на снѣгѣ; а страхъ, а скука, а нечего дѣлать? Какъ тутъ не пить! Вотъ мало-по-малу и втянешься. Сперва по необходимости, чтобы не отстать отъ другихъ; тамъ уже соревнованіе пойдетъ. Есть доки и по этой части—съ кѣмъ хочешь будутъ тягаться *въ переносной*. Вотъ, мало-по-малу, и втянуть кунаки! А тамъ уже и самому не хочется кинуть, да и зачѣмъ! Пріѣхалъ съ хандрой неотвязною, съ гвоздемъ въ головѣ, отъ котораго никакъ не избавишься; а тутъ замѣчаешь, что вся эта чужь вылетаетъ изъ головы, какъ выпьешь одну-другую...

Михаилъ Александровичъ на минуту остановился, замѣтно утомленный длиннотою тирады.

— Да-съ, закончилъ онъ:—Вотъ какъ это начинается!.. Вотъ какъ обмануть мечты юности, да забредеть въ голову байронизмъ, да пріѣдешь искать въ такой жизни развлечения или, пожалуй, даже смерти—какъ я, а смерть не подойдетъ вѣремя,—да какъ проживешь такую жизнью лѣтъ десять, да втянешься, такъ потомъ почти и не захочешь другой жизни. И поймешь, что все равно гдѣ и какъ ни жить, что все это пустота въ этой жизни, и конецъ все одинъ: въ червивую каморку всѣхъ упрячуть.

Онъ всталъ, и прошелся по комнатѣ.

— А вы и въ гвардіи служили?

— Да. Я былъ бригаднымъ адъютантомъ у генерала Ж***.

Я недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Что, вы, должно-быть, не вѣрите, глядя на мою теперешнюю поганенькую фигурку? спросилъ онъ, останавливаясь передо мной:—Хорошо, понимаю!—Онъ вздохнулъ и выпрямился во весь ростъ.

— Да-съ, былъ конь—да изъѣздили!..—Онъ опять вздохнулъ.—А теперь что я?—у него навернулись на глазахъ слезы:—Пропавшій человекъ, самъ знаю!—Слезы готовы были брызнуть у него изъ глазъ; но онъ, чтобы не дать мнѣ этого замѣтить, началъ сильно сморкаться.

— Пропавшій, пропавшій человекъ! повторялъ онъ, нагибаясь къ печкѣ, и вынимая уголекъ на щепкѣ, чтобы за-

курить трубку. Потянувъ усиленно нѣсколько разъ изъ трубки, причежь на щекахъ у него образовались ямочки, онъ взялъ уголекъ въ руку, и, подкидывая на рукѣ, чтобы не обжечься, донесъ его до печки и кинулъ; потомъ прижалъ табакъ, захлопнулъ мѣдную крышечку на трубкѣ и сталъ по серединѣ комнаты, разставивъ ноги и ухорски подбоченясь.

— Ну, да и отомстилъ же я ей за это, началъ онъ опять, но уже веселѣе.

— Отомстили, какъ же?

— Отомстилъ, самодовольно продолжалъ Михаилъ Александровичъ:— наканунѣ моего отъѣзда на Кавказъ (она уже была тогда формально объявлена невѣстой), я былъ въ большомъ обществѣ, гдѣ и она была. Она наканунѣ еще предлагала мнѣ пѣть съ ней на этомъ вечерѣ, но я отказался. Вдругъ у меня является великолѣпная мысль! Я подхожу къ ней и прошу позволенія спѣть ей на прощаніе романсъ. Она обрадовалась, и вызвалась даже аккомпанировать мнѣ. Я имѣлъ тогда отличный голосъ, и пѣлъ мастерски.

Михаилъ Александровичъ, вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, запѣлъ романсъ, оканчивая каждый куплетъ припѣвомъ, въ которомъ на словѣ: „ты“ онъ дѣлалъ особенно сильное удареніе:

Ты! меня разлюбила,

Ты! меня погубила.

Его голосъ, вслѣдствіе долгаго употребленія водки, не могъ быть ни чистъ, ни силенъ, но и теперь можно было еще судить какъ хорошъ былъ этотъ голосъ прежде. Онъ пѣлъ теноромъ, и такъ приятно, такъ мягко, симпатично пѣлъ, такъ у него вѣрно и нѣжно переходила одна нота въ другую, безъ излишней звонкости и дребезжанія, безъ урывковъ на концахъ, а замолкая постепенно. Даже природная шепелявость ступевалась и не была слышна. Къ концу въ голосъ его послышались слезы, которыми, казалось, онъ такъ и готовъ былъ захлебнуться, такъ что я не могъ вытерпѣть, и пожалъ ему дружески руку. Это его тронуло. Онъ въ самомъ дѣлѣ прослезился, но скоро оправился и ободрился.

— Этотъ припѣвъ, да и самый романсъ, сказалъ онъ съ нѣкоторою гордостью,—я самъ для этого случая перепѣ-

жалъ, и особенно сильно ударялъ, какъ и теперь, на словъ: „тъ“, чтобы дать ей понять что она причиною, что я уѣзжаю на Кавказъ, чего прежде никто не зналъ. Я кончилъ, продолжалъ онъ,—холодно поклонился ей, и сейчас же уѣхалъ. Всѣ замѣтили. Другіе потомъ мнѣ говорили, что она страшно переконфузилась. Родные ея обидѣлись. Хогѣди, говорятъ, на дуэль меня потянуть за это, да я уѣхалъ скоро на Кавказъ.

— И вы ее потомъ не видали?

— Нѣтъ. Но знаю что она была несчастлива своимъ выборомъ.

— И больше потомъ ни въ кого не влюблялись?

— Нѣтъ, умнѣй сталъ!.. Теперь больше пробавляюсь Сашами, Машами, Танями, и прочими погибшими, но милыми созданными, пока не подѣплю тридцатитысячную купчиху, сказалъ онъ, стараясь принужденно улыбнуться.

— Ну, а Сечу же вы любите?

— Да... но это уже не тѣ любовь.

— А на Кавказъ больше не думаете?

— Дорого туда ѣхать на свой счетъ, кабы на казенный, поѣхалъ бы.

— Зачѣмъ же вы уѣхали съ Кавказа?

— Да и самъ не знаю... Нужно же было въ Москвѣ купчиху поискать, добавилъ онъ насмѣшливо.

— Ну, а на Кавказѣ и теперь еще водятся такіа кунака, какъ тѣ, которые доконали васъ, какъ вы говорите?

— Нѣтъ. Стали выводиться. Много что-то теперь стало появляться вотъ такихъ чудаковъ, монашенокъ, какъ вы: непьющихъ, некурящихъ, себѣ удовольствія не творящихъ, и на другихъ скуку наводящихъ, заключилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.—А можетъ и къ лучшему это! добавилъ, онъ.—Однако, пора на боковую.

— Прощайте-съ, Михаилъ Александровичъ, сказалъ я ложась на кожаный, оборванный диванъ.

— Прощайте-съ... Желаю чтобы клопы васъ сегодня хо-рошенько покусали.

— И вамъ того же.

— И, кажется, эти желанія сбудутся, замѣтилъ онъ.

Черезъ четверть часа свѣчка потушена, и въ комнатѣ ни зги не видать. Утихло все; только Михаилъ Александровичъ тихо похрапываетъ, сверчки кричатъ, да вѣтеръ по

временамъ постукиваетъ ставнями... Вонъ собаки гдѣ-то завыли; часы пробили половину, точно кто струну на гитарѣ оборвалъ, и снова послышалось какъ заходитъ за стѣной маятникъ... Пѣтухъ на чердакѣ, надъ самой нашею комнатою, похлопалъ-похлопалъ крыльями и запылъ. По соседнимъ дворамъ начали ему вторить....

Полночь. Пора спать.

Труницкій, товарищъ мой, передававшій мнѣ этотъ разказъ, добавилъ мнѣ, что, продолжая свое путешествіе, какъ перелетныя птицы, все на югъ и на югъ, съ малыми вариациями, продавая и закладывая вещи, для пополненія своего дефицита, — они, наконецъ, добрались на двадцатый день до Одессы благополучно, и онъ могъ, съ чистою совѣстью, исполнить данное въ Москвѣ слово — написать матери Михаила Александровича, что юный сынъ ея доставленъ до мѣста благополучно и въ вождѣльнномъ здравіи.

То-то, я думаю, порадовалась старушка!

Д. КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

ВОСПИТАНИЦА САРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

ХІ.

Сборы нѣкоторыхъ лицъ на музыкальный вечеръ къ доктору Петрову, сопровождались тревожною заботою, не только о прикрасахъ наружности, но и о внутреннемъ настроеніи духа, который можетъ перепортить самую изящную наружность, и поднять плохую.

Князь Иванъ Юрьевичъ, напримѣръ, часовъ съ семи зашелъ передъ своимъ туалетнымъ столомъ. Парикмахеръ нависалъ ему, на обнажившееся отъ времени темя, на лбу, подкрашивая остальные волосы, завивалъ ихъ и зачесывалъ. Князь Иванъ Юрьевичъ, всегда безпечный о себѣ, какъ будто собирался на экстренный вечеръ и вспоминалъ о себѣ.

Наутру онъ заѣхалъ къ Лиговскимъ, побесѣдовалъ съ княземъ Артемьевичемъ о коллекціи египетскихъ мумій; потомъ проходя отъ него на половину Марьи Ивановны,

заглянулъ въ китайскую комнату и нашелъ тамъ Сару съ новымъ купекомъ въ рукахъ. Сперва вопросъ о здоровьѣ, потомъ о музыкальномъ вечерѣ. Сара объявила ему, что она не намѣрена ѣхать.

— Отчего же? Вѣра Михайловна!

— Такъ; я буду тамъ совершенно лишняя не принимая участія; при томъ же я сто разъ слышала пьесы, которыя будетъ играть Лидія.

— Но вы лишаете другихъ удовольствія васъ видѣть бесѣдовать съ вами. Голосъ души для меня лучшая музыка— до обыкновенной я сама не охотникъ... Нѣтъ! повѣжайте— прошу, умоляю васъ!

Сара согласилась, князь былъ въ восторгѣ.

Между тѣмъ въ домѣ незнакомой еще намъ тетки Лонскаго, которую Авдотья Петровна называла полудурой, также происходили сборы. Эта барыня, старая дѣва, обыкновенно жила въ своемъ помѣстьѣ, пріѣхала въ Москву только полвѣчаться, и по этому случаю выписала изъ Петербурга любимаго своего племянника, который щедро давала деньги на содержаніе себя въ гвардію и предназначала наследіе всего своего богатства. Это была женщина, у которой, по простонародному выраженію, если что втемяшится въ голову, клиномъ не выбьешь. Съ умъеваемъ ее можно было наводить на какую угодно дѣлу; но не вѣтами, и не собственнымъ разумнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ ясно и дѣльно. Ее можно было заряжать своею мыслию только съ тылу, чтобъ она была увѣрена, что это собственная ея мысль, зародившаяся въ казенной части головы.

Лонскій очень хорошо зналъ эту особенность констракціи умственныхъ ея органовъ, и имѣлъ на нее большое вліяніе.

Возвратясь съ бала, и обязанный немедленно же сообщить ей, что, гдѣ и какъ было, онъ высказалъ ей и сторги свои на счетъ Сары.

— Чудо что за дѣвушка! восклицалъ онъ:— такъ все мнѣ и перевернула!... Какая ловкость, легкость, изящество въ каждомъ движеніи! Сколько достоинства, ума— совершенно въ вашемъ вкусѣ, ma tante!

— Желала бы взглянуть. Кто жъ она такая? Лугова!

— Я сначала думала, что она дочь Марьи Ивановны

Лиговской; но потомъ узналъ, что она воспитывается у нея вмѣстѣ съ ея дочерью; какая то, говорятъ, близкая родственница.

— Желала бы взглянуть; на балъ я не поѣду; а еслибы такъ познакомиться, да гдѣ-нибудь на вечерѣ посмотреть, какъ ты танцуешь мазурку, Алеша. Всѣ говорятъ, что ты удивительно танцуешь.

— Порядочно, ma tante; но это зависитъ много отъ дамы; я бы желалъ, чтобы вы видѣли, какъ я танцую съ ней! Представьте себѣ, все что только было на балѣ, стояло вокругъ насъ и смотрѣло.

Только сильное желаніе видѣть, какъ танцуетъ племянникъ мазурку, заставило болѣзненную тетушку согласиться прѣхать на музыкальный вечеръ къ Авдотѣ Петровнѣ.

— Музыку, Авдотья Петровна, не могу я слышать: на нервы ужасно дѣйствуетъ; а вотъ, такъ какъ у васъ и потанцуютъ кстату, такъ хоть больна, а прѣду. Ужасно какъ хочется взглянуть, какъ мой гусарь-то мазурку танцуетъ.

— Ахъ, Любовь Федоровна, что за красавецъ и молодецъ онъ! У моей племянницы на балу, просто всѣ заглядываеь на него. Я непременно устрою танцы.

— Ёду особенно и для того чтобъ познакомиться съ вашей племянницей и ея семействомъ. Мнѣ это особенно будетъ пріятно.

Сбираясь къ Авдотѣ Петровнѣ на вечеръ, Любовь Федоровна охала. Когда вошелъ къ ней Лонскій, совершенно готовый, она полюбовалась имъ.

— Только для тебя и ёду, Алеша, сказала она,—нервы ужасно какъ разстроены. Очень рада, что познакомлюсь съ Лиговской; а ты непременно протанцуй мнѣ мазурку съ предметомъ своихъ восторговъ.

— Нѣтъ, ma tante; боюсь восторгаться этимъ предметомъ. Эта дѣвушка фальныхъ любезностей не любитъ.

— Вотъ это мнѣ больше всего нравится; я вертушекъ не люблю.

— Вамъ она понравится, я знаю; но что изъ этого.

— Какъ что изъ этого, милый? спросила вдругъ Любовь Федоровна, пріосаясь.—А то изъ этого, что если мнѣ понравится дѣвушка, такъ я предложу тебѣ влюбиться въ нее. Я хочу, чтобы ты на глазахъ моихъ и влюбился, и женился.

— Я и готовъ исполнить вашу волю, ma tante; но если вамъ понравится и образованная дѣвушка, и со всеми достоинствами, да безъ необходимыхъ для свѣта привилегій...

— Жена, мой милый, получаетъ всѣ привилегіи отъ мужа; а если бѣдна, такъ у меня есть про нее богатое приданое. Лонскій вздохнулъ.

— Я съ вами вполне согласенъ, ma tante; и цѣню умъ и достоинства, а не наружную обстановку — и, сказавъ оны, выходя отъ тетки въ свои комнаты, чтобы взять свою медвѣжью шапку.

„Теперь я могу дѣйствовать рѣшительно, прибавилъ онъ самъ про себя,—и исправлять надѣлавныя глупости. Вообразить въ ней кокетство, и дѣйствовать на нее тѣмъ же орудіемъ! Не понять, что съ перваго же разу, на порывъ ея сердца могли прикрикнуть: цыц! и это бѣвое сердце обязано было смолкнуть, сжаться, окаменѣть! Не высказалась ли она, когда всѣ обратили на насъ вниманіе? И вдругъ не танцуетъ со мной, избѣгаетъ меня!.. Теперь, короткій вопросъ, короткій отвѣтъ!... Ея воли связать никто не можетъ!... Скоро ли тетюшка кончитъ свой туалетъ!...“

Лонскій бросился на диванъ, закинулъ руки на голову и отъ нетерпѣнія началъ зѣвать.

Сборы Павла Ивановича Четкина были, напротивъ, услаждены пріятными чувствами сбывающихся надеждъ.

Когда Иванъ Ильичъ, возвратясь отъ Авдотьи Петровны, объявилъ ея рѣшеніе:—ну, вотъ, что взялъ, чья правда? крикнула супруга его.—Теперь будешь мнѣ вѣрить, что Паша не баклуши билъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Пожалуйте, батюшка, мнѣ денегъ, почти прикрикнувъ и сынъ, расправляя усы передъ зеркаломъ, — мнѣ нужно купить часы-съ да золотую цѣпочку. Помните, безъ часовъ страмъ-съ. На балу, Вѣра Михайловна спросила меня который часъ; а я, какъ дуракъ, посмотрѣлъ въ кулакъ, да говорю: извините-съ, мои стоятъ, забылъ завести-съ.

— Что же ты морщишься? дай ему денегъ; вѣдь, нельзя же въ самомъ дѣлѣ жемуху безъ часовъ. Къ невѣстѣ не поѣдешь съ одною бронзовою цѣпочкой, вмѣсто часовъ!

— При томъ же мнѣ необходимо купить шапо-клакъ, ре-

льзя же ѣхать въ шляпѣ; съ ней не знаешь куда дѣваться; подъ мышку не спрячешь, держи передъ собой какъ горшокъ.

Иванъ Ильичъ ошеломлялъ отъ требованій. Жена дополнила, что надо непременно купить шитыхъ маншекъ въ магазинѣ.

— Господи, ничего-то еще нѣтъ; а я все подай, да подай! да гдѣ жь я возьму? проговорилъ плачевнымъ голосомъ Иванъ Ильичъ.

— Воротить, воротить, не безпокойся!

— Какъ только получу приданое, тотчасъ же отдамъ, батюшка!

— Какое приданое? Тряпки-то?

— Какъ-съ?

— А какъ ты думаешь? Авдотья Петровна нешто не объявила мнѣ, что въ приданое будетъ тебѣ мѣсто управляющаго, да потому что сама дастъ.

— Не можетъ-быть, чтобъ изъ такого дому выдали дѣвухку безъ приданаго! возразила супруга Ивана Ильича.— Это только скрываютъ... а отецъ-то князь?

— Что ты бредишь, сударыня моя! сказалъ Иванъ Ильичъ:— какъ будто я не знаю, что она просто сирота, взята на воспитаніе?

— Не можетъ быть просто! возразилъ сынъ.

Иванъ Ильичъ махнулъ рукой и ушелъ.

На другой день, передъ вечеромъ, Павелъ Ивановичъ также сидѣлъ передъ зеркаломъ. Сама мать завивала его. Трудилась, трудилась, а кончила тѣмъ, что онъ, взглянувъ на себя, вскричалъ:— нѣтъ-съ, матушка, ужь я говорилъ: гдѣ вамъ! надо послать за парикмахеромъ... не возможно-съ!

Затронутое самолюбіе матери вспыхнуло было; но унялось, вспомнивъ, что въ торжественную минуту отпуска сына къ невѣстѣ сердиться не должно.

Парикмахеръ явился, завилъ, припомадилъ, причесалъ; Павелъ Ивановичъ одѣлся, снарядился, охорошился въ зеркалѣ и отправился въ семь часовъ, въ обычное время приема у Авдотьи Петровны.

Къ удивленію его, домъ только что начинали освѣщать. Во внутреннія комнаты, гдѣ Павелъ Ивановичъ привыкъ къ угощеніямъ Оекауши и Даши, идти было нельзя; а по-

тому онъ, какъ всякій попавшій куда-нибудь спозаранку, то прогуливался по залѣ, то садился на стулъ.

Положеніе непріятное; пустота, скука, тишина какъ передъ бурей, Фиделька и Мимишка не выбѣгаютъ: только лакеи изрѣдка, проходящъ своимъ и шепотомъ, нарушаютъ безмолвіе.

— Какая досзда: повторялъ имъ по очереди Павелъ Ивановичъ:—я думалъ что пріемъ будетъ въ обыкновенную часть.

— Какъ можно, кто жь пріѣзжаетъ на балъный вечеръ въ семь часовъ? Развѣ что въ девять начнется пріѣздъ, отвѣчали они ему, также поочереду.

Однакоже, около восьми часовъ, кто то пріѣхалъ.

Четкинъ встрепенулся, увидя входившую Марью Ивановну съ дочерьми и Сарой. Онъ отвѣчалъ ему на поклонъ и прошли во внутренніе покои.

— Кто это такой? кажется знакомое лицо? спросилъ тихо Марья Ивановна, обращаясь преимущественно къ Сарѣ.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Да, это Четкинъ, сказала Сонечка,—ты съ нимъ въ сколько разъ танцевала, Вѣрочка.

— Можетъ-быть.

— Надо бы попросить его въ гостиную и занять, замѣтила Марья Ивановна.

Никто однакоже не вызвался занимать равнаго гостя, и Четкинъ продолжалъ ходить по залѣ, но уже тревожно покручивая усы и щиа въ себѣ ораторскаго вдохновенія. Тутъ только вспомнилъ онъ, что ему предстоитъ объясненіе съ Вѣрой Михайловной, и что безъ краснорѣчиваго вступленія невозможно обойтись. Павелъ Ивановичъ занимался одно время письменностію полковой канцеляріи, и форма приступа, изложенія дѣла и заключенія ему были извѣстны; но нельзя же было просто сказать: „такъ какъ я имѣю намѣреніе жениться на васъ, то не благоугодно ли будетъ вручить мнѣ руку и сердце.“ Это предложеніе необходимо было распространить по крайней мѣрѣ въ хрію; но всѣ способы распространенія давно уже вышли изъ его головы.

„Такъ какъ счастье судьбы моей... — началъ онъ твердить про себя;—такъ какъ пользуясь вниманіемъ вашимъ...

такъ какъ рѣшеніе участи.... такъ какъ почувствовавъ чувство любви.... я осмѣливаюсь имѣть честь... то... что жь дальше?... то соблаговолите Вѣра Михайловна открыть мнѣ глубину вашего сердца....

Этимъ выраженіемъ Четкинъ былъ очень доволенъ; но импровизациі его помѣшали прибывшіе на хоры музыканты, и онъ съ досады махнулъ рукой.

Вскорѣ стали сѣзжаться.

Авдотья Петровна вообще терпѣть не могла раутовъ; а на этотъ вечеръ пригласила только избранныхъ.

— Я у себя въ домѣ не хочу имѣть ни толкучаго рынка, ни англійской биржи, ни торговой бани, говорила она,—провести пріятно время—дѣло другое.

Когда пріѣхалъ Лонскій съ своей теткой, Авдотья Петровна усадила ее и потомъ передала съ рукъ на руки Марьѣ Ивановнѣ, которая послѣ милыхъ привѣтствій и любезностей, представила ей своихъ дочерей.

„А се нѣтъ, подумалъ Лонскій, — я этого и ожидалъ!“ Съ грустною досадою пошелъ онъ бродить по комнатамъ, и во второй большой гостиной, которую слѣдовало назвать картежною, сѣлъ подлѣ стола играющихъ знакомцевъ, и готовъ былъ просидѣть тутъ весь вечеръ, держа пари, то за одного, то за другаго.

Въ числѣ бродящихъ и скучающихъ былъ и Ранѣвъ.

— Владимиръ Петровичъ, сказала, встрѣтивъ его, Авдотья Петровна,—что это вы ходите безъ дѣла?

— Прикажете сидѣть безъ дѣла? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, бездѣльниковъ не люблю; садитесь за дѣло, найдите партію, займите и себя и другихъ: музика не помѣшаетъ.

— Конечно: тоже игра, отвѣчалъ Ранѣвъ, кивнувъ головой.

Двигаясь медленно чрезъ угловую комнату, гдѣ также стоялъ, на всякій случай, дамскій рѣзной и украшенный бронзой старинный ломберный столикъ съ канавками, Ранѣвъ подошелъ къ Сарѣ бесѣдовавшей съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ.

— Вѣра Михайловна! князь! вы заняты? спросилъ онъ ихъ пресеріозно.

— Какъ заняты?

— Авдотья Петровна поручила мнѣ занимать не занятыхъ, въ томъ числѣ и самого себя.

— Чѣмъ же вы насъ будете занимать? спросила Сара.

— Тѣмъ же чѣмъ и вы меня; вотъ столъ готовъ, не угодно ли составить партію въ вистъ, такъ, только для практики?

— Ахъ, я очень была бы рада играть! сказала Сара.

— Такъ вотъ и прекрасно, сядемте, сказалъ князь,—а никакъ не воображалъ, что вы, Вѣра Михайловна, играете.

— Дома очень часто. Иванъ Артемьичъ скучаетъ безъ картъ, и если не съ кѣмъ играть, учитъ насъ.

— Позвольте же, надо найти четвертаго игрока.

И Ранѣвъ отправился на поискъ. Осмотрѣлъ всѣхъ въ залѣ и гостиныхъ, но никто ему не понравился. Заглянул снова въ игорную, и, замѣтивъ Лонскаго, зѣвающего на игру, направилъ прямо къ нему стопы свои.

— Вы никакихъ сердечныхъ отношеній не имѣете къ этому столу? спросилъ онъ его.

— Ровно никакихъ.

— Такъ пойдете; мы составимъ свою партію.

— Очень радъ, но кто же еще играетъ?

— А вотъ, пожалуйста.

Ранѣвъ взялъ Лонскаго подъ руку и повелъ.

— Партія сполна, сказалъ онъ, представляя его Сарѣ и князю.

Неожиданность встрѣтить Сару поразила Лонскаго; въ щечкахъ его заигралъ горячій румянецъ. Внимательно поклонился онъ ей; но взоръ ея быстро поникъ.

— Владиміръ Петровичъ, если на вашъ выборъ согласна Вѣра Михайловна и князь, въ такомъ случаѣ я не нахожу ничего пріятнѣе какъ провести время за этимъ столомъ, сказалъ Лонскій.

— Это такъ мило сказано, отвѣчалъ Ранѣвъ,—что я отъ имени всѣхъ предлагаю вамъ карту.

Ранѣвъ взялъ карты, разорвалъ обертку, и подалъ вистующимъ.

— Мнѣ съ вами, князь, сказала Сара,—и я очень рада; вы будете снисходительны къ моимъ ошибкамъ.

— Скорѣе отъ моей разсѣянности можно ожидать ошибокъ.

— Намъ, Алексѣй Александровичъ, слѣдуетъ также сказать какую-нибудь любезность другъ другу; но чтобы не

сочинять вновь, я повторю слова Вѣры Михайловны; а вы слова князя.

У Ранѣва былъ такой дозорный глазъ, и такое чуткое соображеніе, что отъ него не только нельзя было скрыть телеграфическія нити какихъ-нибудь взаимныхъ отношеній, но и затаить тревожныя чувства въ какомъ-нибудь углу сердца. Онъ зналъ и понималъ всѣ признаки, всѣ проявленія, или, говоря ученымъ языкомъ, всѣ симптомы сердечныхъ и душевныхъ болѣзней. Сара однакоже была и для него загадочнымъ сфинксомъ. Онъ предполагалъ, что въ ней или совсѣмъ не было чувства, или ужъ такъ много, что крайности сходились.

Лонскій былъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи; она свободна и въ движеніяхъ, и въ словахъ.

Еще не былъ конченъ первый роберъ, какъ явилась Авдотья Петровна и разстроила игру. Проходя мимо, она взглянула на играющихъ и остановилась съ изумленіемъ.

— Скажите пожалуста, Вѣрушка играетъ! А я ее ищу.

— Нѣтъ ужъ, вы насъ не разлучайте, сказалъ Ранѣвъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, мнѣ очень пріятно; а вотъ Алексѣя Александровича я у васъ отниму, и найду вамъ другаго игрока. Мнѣ онъ нуженъ.

Покуда Авдотья Петровна пошла искать игрока и воротилась съ подставнымъ Четкинѣмъ, Лонскій пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Извините меня, я здѣсь невольникъ, сказалъ онъ, взглянувъ на Сару, въ намекъ перваго разговора съ ней. Непріятно, а дѣлать нечего!

— Алексѣй Александровичъ! повторила Авдотья Петровна, протягивая руку.

Лонскій положилъ карты и послѣдовалъ за Авдотьей Петровной.

— Я васъ прошу распорядиться моимъ вечеромъ, сказала она ему,—мнѣ хочется, чтобы музыка и танцы были попеременно.

— Сдѣлайте одолженіе, Авдотья Петровна, избавьте меня отъ распоряденій; я въ этомъ случаѣ неловокъ и полный невѣжа.

— Нѣтъ, какъ хотите, а это дѣло нашего перваго кавалера.

Лонскому оставалось только снова пожать плечами.

Между тѣмъ Четкинъ, съ улыбкой довольства, сѣлъ на мѣсто Лонскаго, взялъ карты и началъ разбирать ихъ по своему.

На лицѣ Сары не замѣтно было переменъ; но она посмотрѣла косо на новаго игрока, и, положивъ карты, спросила у Ранъева, который нахмурился:

— Что же далѣе, Владиміръ Петровичъ?

— А вы въ ламушъ изволите играть? спросилъ Ранъевъ Четкина, какъ будто въ отвѣтъ Сарѣ.

— Нѣтъ-съ.

— Такъ для чего же вы сѣли и взяли карты? Мы играемъ въ ламушъ.

— Ахъ, извините-съ! проговорилъ Четкинъ, кладя карты и вставая съ мѣста.

— Ничего-съ, это ошибка Авдотьи Петровны... Игра кончена, продолжалъ Ранъевъ, обращаясь къ Сарѣ и князю, который невольна захохоталъ по удаленіи Четкина.

Раскланявшись съ Сарой и княземъ, Ранъевъ отправился изъ угловой комнаты, которая имѣла сообщеніе съ кабинетомъ Авдотьи Петровны, въ игорную, потомъ въ первую гостиную; изъ гостиной въ залу, изъ залы въ большую столовую, гдѣ стоялъ готовый рояль и заготовлены были мѣста для слушателей предстоящаго концерта. Изъ столовой, двѣ арки вели въ маленькую гостиную, также имѣвшую сообщеніе съ кабинетомъ. Здѣсь, Марья Ивановна, въ отдаленіи отъ шумнаго говора, занимала бесѣдой причудливую, но многоуважаемую гостью.

Разговоръ между ними вязался однако съ невыносимымъ трудомъ. Марья Ивановна привыкла, къ свѣтской болтливости, легкой, живой, носящейся по поверхности предметовъ, составляющихъ обстановку жизни почти всѣхъ безъ исключенія европейскихъ столицъ. Но въ теткѣ Лонскаго она встрѣтила барыню съ тяжелымъ грузомъ пошлыхъ поученій, изреченій и несвязныхъ разсужденій, накопленныхъ со слуховъ, которыми земля полнится.

Начнетъ ли Марья Ивановна рѣчь о многотрудныхъ обязанностяхъ матери, въ отношеніи дочерей вступающихъ въ свѣтъ:—позвольте,—возразить Любовь Федоровна,—обязанности есть долгъ вашъ; да, пергый долгъ!—и подтвердить

свою аксіому слѣдующею околесидей:—я скажу о себѣ, хоть я и не была замужемъ, не потому чтобы не было случаевъ, были, но я не хотѣла; я знаю себя: я не въ состояніи выносить никакой подчиненности. Это ужь такой характеръ, такая натура, что жь дѣлать. Притомъ же, между нами, Марья Ивановна: мужъ, тотъ же дитя, ребенокъ за которымъ надо ходить. Я въ примѣръ поставлю не то что кого-нибудь чужаго — нѣтъ! роднаго своего брата, отца Алеши. Что получилъ въ наслѣдіе послѣ батюшки все совершенно разстроилъ. Моя же часть, послѣ матушки, была въ половину меньше; а между тѣмъ, слава Богу, я ее чуть ли не удесятирила. Посмотрите, что за порядокъ у меня. Да будь я здорова, то ли бы я имѣла. Ужасно страдаю нервами, Марья Ивановна.

— Я также подвержена нѣсколько нервическимъ припадкамъ; но мой докторъ удивительно какъ помогаетъ мнѣ; главное, говорить, надо какъ можно больше развлекать себя.

— Безъ сомнѣнія дѣло идетъ о нервахъ? спросилъ Ранѣевъ подходя.

— Ахъ, ужь этотъ насмѣшникъ! сказала тетка Лонскаго.

— Нисколько; я также страдаю нѣсколько нервическими припадками; но мой докторъ удивительно помогаетъ мнѣ; и главное, говорить онъ, надо какъ можно болѣе развлекать себя.

— Какой вы зощъ! сказала Марья Ивановна, очень довольная приходомъ Ранѣева.—Надо однакожь узнать, что не начинается Лидія?... прошу занять Любовь Федоровну.

— Поговоримте, поговоримте о нервахъ; это пріятный разговоръ.

— Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить, Владиміръ Петровичъ.

— Я не слѣдую этому правилу; напримѣръ, вотъ уже лѣтъ двадцать пять, какъ у меня болитъ по вась сердце, а я молчу.

— А вотъ таки проговорились; а еслибы слѣдовали общему правилу, такъ я бы не осталась въ дѣвкахъ, а вы бы не остались холостякомъ.

— Сомнѣваюсь; ни одинъ попъ не сталъ бы насъ вѣнчать.

— Это почему?

— Мы ни годимся для супружества. Вы бы отрекались отъ обѣта бояться мужа; а я отъ обѣта любить жену.

— Ужь подлинно злой человѣкъ!

На хорахъ, которые выходили и въ залу и въ столовую, закопошились музыканты; то басъ зыкнетъ, то виолончель, то скрипки прозвучать подъ сурдиной прелюдію.

— Какъ это вы попали на музыкальный вечеръ? вы терпѣть не можете музыки? спросилъ Ранѣвъ свою собесѣдницу.

— Не для музыки и пріѣхала, отвѣчала Любовь Федорова,—а будутъ танцы, такъ хочется посмотрѣть какъ танцуетъ Алеша мазурку. Пожалуста устройте такъ, чтобы мазурку танцовали прежде прочихъ танцевъ. Посмотрю да и поѣду. Я не могу долго быть,

— Причина законная; постараюсь.

— Да скажите пожалуста, кто такая родственница, которая воспитывается у Лиговскихъ?

— Знаю, что она воспитывалась съ малолѣтства съ дочерью Марьи Ивановны; а родственница или нѣтъ, того не знаю.

— Я еще ея не видала, меня не познакомили съ ней; а говорятъ, что умница, красавица, образована какъ нельзя лучше, и прекрасно танцуетъ.

— Вашъ милый племянникъ говоритъ правду.

— Да не одинъ-же Алеша говоритъ это, возразила вдругъ Любовь Федорова.

— Безъ сомнѣнія; но я говорю про тѣхъ, кто вамъ говорилъ.

— Право, это ужасный человѣкъ! сказала тетка Дюскаго, обращаясь къ Марьѣ Ивановнѣ, которая пришла ее просить въ залу.

— Позвольте же ужасному человѣку предложить вамъ руку.

Ранѣвъ подалъ Любови Федоровнѣ руку и повелъ ее.

— Устройте же вы мнѣ, какъ я васъ просила, сказала она ему,— да мнѣ бы хотѣлось, чтобъ Алеша танцовалъ съ Вѣрой Михайловной... она, говорятъ, также превосходно танцуетъ мазурку.

— Превосходно.

— Въ мазуркѣ необходимо, чтобъ дама соответствовала кавалеру.

И даже сочувствовала, прибавилъ Ранѣвъ,—непримѣно!

Я, однакожь увѣренъ, что нашъ кавалеръ предупредитъ мои заботы.

Проводивъ тетку Лонскаго до мѣста въ столовой, обращенной въ филармоническую залу, Ранъевъ возвратился въ малую гостиную, и уединился подлѣ лѣвой арки.

Онъ всегда любилъ и умѣлъ выбирать себѣ пріютное и выгодное помѣщеніе. Здѣсь были на виду у него—и Лидія, сѣвшая уже за рояль, и за нею въ креслахъ всѣ внимательные слушатели.

Когда раздались аккорды концерта Мендельсона, Сара вышла изъ кабинета, прошла малую гостиную и стала у оконечности рояля, прислонясь къ нему локоткомъ. Ранъевъ слушалъ концертъ, не сводя глазъ съ Сары, какъ съ Амазисова сфинкса, изображающаго дѣву-львицу.

Въ антрактѣ между концертомъ Мендельсона и сонатой Бетховена, когда нѣкоторые изъ дамъ столпились около Лидіи съ восторгами и поцѣлуями, а всѣ прочіе громко-гласно высказывали достоинства игры ея, Ранъевъ подошелъ къ Сарѣ.

— Я былъ за кулисами, сказалъ онъ ей; — передо мной вдали зрители, потомъ оркестръ, а наконецъ сцена; а на сценѣ Ифигенія въ жрической бѣлой одеждѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, стоитъ подлѣ жертвенника, углубленная въ думу. Превосходно! за эту одну минуту глубокой думы, можно апплодировать. Превосходно! вы рождены для сцены. А Ифигенія будетъ танцовать мазурку?

— Нѣтъ.

— Это чтò такое?

— Не желаетъ.

— Но желаютъ этого всѣ Скиены, въ томъ числѣ и я..... вы вѣрно не доведете себя до того, чтобы васъ умоляли. Я вамъ найду и кавалера: это мой юный другъ.

— Нѣтъ, избавьте меня отъ вашего юнаго друга; я буду танцовать, но дайте мнѣ какого-нибудь стараго вашего друга.

— Извольте, двадцать пять лѣтъ дружбы довольно?

— Очень довольно.

— Такъ я съ Лонскимъ другъ съ его колыбели. Вы танцуете съ Лонскимъ.

— Нѣтъ!

— А слово?

— Я не хочу, чтобы вы меня навязывали ему.

— Донскому? васъ навязывать? да вы за кого же меня считаете?

— Ну, такъ не хочу потому, что это одною мазуркой не кончится.

— А!.. прекрасно!.. но музыка, кажется, кончилась, начинается принесеніе жертвъ, и я иду за жертвой, сказалъ Ранѣвъ, выходя въ залу.

Сара вошла въ малую гостиную и сѣла, задумавшись.

— Позвольте, Вѣра Михайловна, просить васъ! раздался голосъ Четкина, который, откашлянувшись, двинулся прямо къ ней.

— Извините меня, отвѣчала Сара.

— Такъ какъ счастье судьбы моей зависитъ отъ васъ.. Вѣра Михайловна-съ...

— Но я дала слово, отвѣчала Сара, не вслушавшись въ предисловіе Четкина.

— Какъ-съ? спросилъ онъ.

— Какъ даютъ слово.

— Какъ же-съ, Авдотья Петровна изволили сказать, что я могу надѣяться-съ?

— Я не виновата, что васъ предупредили!—И она вскочила съ мѣста и вышла въ кабинетъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!.. проговорилъ Четкинъ, отирая лицо и усы платкомъ... на что жъ это похоже такъ обманывать!.. да я ни позволю никому! продолжалъ онъ, выходя въ залу.— Какъ собаку убью!

Между тѣмъ Ранѣвъ успѣлъ распорядиться и мазуркой и кавалеромъ Сары.

— Пожалуйте-ко сюда, мой юный старый другъ! не угодно ли вамъ ангажировать Вѣру Михайловну на мазурку.

— Какъ, Владиміръ Петровичъ? спросилъ удивленный Донскій.

— Такъ; неудобно ли слѣдовать за мной.

— Она мнѣ откажетъ, это я знаю впередъ.

— Вы это знаете? а! но маленькая ссора укрѣпляетъ союзъ сердцецъ.

— Между нами нѣтъ и не было никакихъ союзовъ. Владиміръ Петровичъ.

— Странно, сказалъ Ранѣвъ,—а! это только значитъ, что она умна.

И онъ взявъ Лонскаго подъ руку, и подвелъ къ Сарѣ.

Смущенно проговорилъ онъ по-французски надлежащую фразу. Сара подала ему руку.

Авдотья Петровна, искавшая уже распорядителя танцевъ, была свидѣтельницей этой сцены. Она, какъ говорится, вскипѣла.

— Что это, Владиміръ Петровичъ, вы сватаете? спросила она колко Ранѣва.

— Извините, что перебилъ на этотъ разъ, отвѣчалъ онъ.— Меня послала въ сваты сама Любовь... Федоровна.

— Вы ужасный человекъ! съ вами и пошутить нельзя, сказала Авдотья Петровна раздражительно, отходя отъ него къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Тетушка, что жъ это такое? спросила Марья Ивановна, о комъ мы заботимся, о Лидіи или о Вѣрѣ?

— Не понимаю, моя милая! тутъ что-то творить Ранѣвъ! распоряжается всѣми и все поставилъ вверхъ дномъ! Я не рада и вечеру!

— Что жъ это такое? повторила Марья Ивановна, выходя съ теткой изъ залы, гдѣ уже образовалась мазурка.

Сонечка стала съ своимъ кавалеромъ на мѣсто, и изумилась, увидя противъ себя Лонскаго съ Сарой.

— Это безсовѣстно! произнесла она про себя, взглянувъ неприязненно на Сару.

Лидія не танцевала. Она отказывала всѣмъ приглашавшимъ ее.

— Ты, Лидія, не танцуешь? спросила ее съ участіемъ Марья Ивановна.

— Я утомилась отъ игры, не могу; я посмотрю, отвѣчала она, садясь подлѣ матери, за которой сидѣла Любовь Федоровна.

И Лидія внимательно слѣдила взорами за Лонскимъ и Сарой; но видимо они танцевали равнодушно. Лонскій что-то проговорилъ во время перваго круга; Сара молчала.

Во второй фигурѣ они были развязнѣе и во всѣхъ ихъ движеніяхъ было болѣе сочувствія.

Лидія смотрѣла безпокойно.

Послѣ третьей фигуры, она опустила глаза и задумчиво смотрѣла въ землю.

— Какая милая дѣвушка Вѣра Михайловна, какъ она

превосходно танцуетъ... она меня очаровала! сказала Лонская Марья Ивановна.

Марья Ивановна отвѣчала только движеніемъ головы.

Четвертой фигурой Лонскій кончилъ мазурку.

— Bravo, bravo! сказалъ Ранъевъ, подходя къ Сарѣ и Лонскому и взявъ ихъ за руки.—Превосходно! поздравляю!

— Чтò это, мать моя, онъ ужь ихъ и поздравляетъ, какъ будто отъ вѣнца! прошептала Авдотья Петровна на ухо племянницѣ.

— Душа моя, Вѣрочка, какъ ты хорошо танцевала! сказала Лидія нѣжнымъ тихимъ голосомъ, подходя къ Сарѣ и добродушно взявъ ее за руку.

— Танцевала, какъ обыкновенно.

— Нѣтъ, не обыкновенно, возразила Лидія.

— Не понимаю, отвѣчала Сара, отходя къ Лонской, которая желала съ ней познакомиться.

Наговоривъ ей любезностей, Любовь Федоровна поднялась, и въ сопровожденіи племянника отправилась домой.

Вслѣдъ за ней поднялись и другіе. Авдотья Петровна никого не останавливала.

Ранъевъ также уѣхалъ; только играющіе въ карты отправились къ оставленнымъ на время столамъ, доканчивать игру.

О продолженіи музыки и танцевъ не было и помину. Вторая часть музыкальнаго вечера не состоялась. Авдотья Петровна, переговоривъ съ Марьей Ивановной, сѣла также за карты. Сонечка прохаживалась по опустѣвшимъ комнатамъ, съ нѣкоторыми подругами, у которыхъ маменьки или папеньки не кончили еще виста.

Лидія прошла во внутреннія комнаты, гдѣ Оеклуша и Дапа, распорядившіяся угощеніями, стали ахать, какъ она удивительно играла, и какъ всѣ были въ восторгѣ, чтò было имъ виднехонько съ хоръ.

Сару занялъ снова бесѣдой князь Иванъ Юрьевичъ; во разговоръ ихъ обратился наконецъ въ непростую бесѣду. Князь говорилъ что-то съ жаромъ. Сара слушала, крутя платокъ, и иногда возражала.

Марья Ивановна наблюдала за ними издали, видимо была довольна и, казалось, ожидала отъ этой бесѣды счастливыхъ послѣдствій.

XII.

Послѣ разговора съ Сарой, карликъ Митя, возвратясь въ свою каморку, бросился на постель и снова зарыдалъ. Нѣсколько дней промаялся онъ, какъ въ бреду. Ему все представлялся умирающій князь Михайло Васильевичъ и грозный взоръ барышни, запрещающей приближаться къ нему. Истощивъ маленькія силы свои слезами, ему хотѣлось хоть съ кѣмъ-нибудь подѣлиться горемъ; но въ домѣ не было ни одной души, которой бы онъ могъ довѣрить его.

— Господи, да что жь это я не ѣду къ Наумычу, онъ все знаетъ! подумалъ онъ, и обрадованный этою мыслию, Митя снарядился, выбрался тайкомъ изъ дому, взялъ извозчика и отправился въ подмосковную князя.

— Что голубчикъ, Наумычъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, входя къ управляющему, — скажи пожалуста... правда ли... говорятъ... князь умеръ?

— Умеръ, отвѣчалъ Наумычъ, — царство ему небесное!

Митя не устоялъ на ногахъ, грохнулся о землю и началъ вопить.

— Что съ тобой, Дмитрій Аванасъичъ! Что это ты? не вѣкъ же жить было старику: слышкомъ восемьдесятъ лѣтъ; слава Богу пожилъ, помаялся.

Митя приподнялся на ноги, и недоувѣрчиво посмотрѣлъ въ глаза Наумычу.

— А князь Михайло Васильевичъ?

— Живъ и здоровъ. Письмо есть; скоро надѣется быть сюда; какъ приведетъ дѣла въ порядокъ, такъ и въ дорогу.

— Ой ли? проговорилъ Митя перекрестясь. — Ахъ, Наумычъ, какъ же ты меня порадовалъ! А барышня-то, Богъ ее знаетъ съ чего, сказала, что онъ умеръ. Я такъ и покатился; да спрашиваю: правда ли это, барышня? А она, какъ крикнетъ на меня, глаза такъ молніей и засверкали, а въ самой такъ все и ходить.

— Что жь это съ ней сдѣлалось? Она-то откуда слышала?

— Богъ ее вѣдаетъ! Дѣло вотъ какъ было: Марья Ивановна пригрозила ей, за капризы вѣрно, что отправить ее къ отцу; а я, сдуру, и давай просить, барышню, чтобы меня не оставила взяла съ собой, когда поѣдетъ къ батюшкѣ. А она вдругъ: куда, говорить, на тотъ свѣтъ? да ты, говорить, что? ступай вонъ! я и вышелъ какъ шальной. По сию пору отдохнуть не могу, взглянуть на нее боюсь!

Наумычъ покачалъ головой,

— Съ чего жь это она взяла отправлять на тотъ свѣтъ родителя своего?.. Тутъ, что-то, Дмитрій Аванасьичъ, сумнительное выходитъ. Говорить такія рѣчи про отца!..

— Не въ радость будетъ она князю Михайлѣ Васильевичу! сказалъ Митя.—Да живъ ли онъ вправду, Наумычъ? говори!

— Мнѣ, старику, не вѣришь; читай письмо собственной его руки. Нарочный отъ него пріѣхалъ.

И Наумычъ показалъ письмо князя.

Карликъ успокоился.

— Ну, теперь покорми меня. Четвертый день вотъ почти ничего не ѣлъ.

Наумычъ угостилъ его и обѣдомъ и чаемъ.

— Гдѣ это ты былъ, Дмитрій Аванасьевичъ? спросилъ его дѣвушка, когда онъ, возвратясь отъ Наумыча, пробрался заднимъ крыльцомъ въ свою комнату.

— Гулялъ, отвѣчалъ онъ.—А чья это карета на дворѣ?

— Двѣ барыни, Лонскія, въ первый разъ съ визитомъ пріѣхали. Помоложе-то, мать хорошенькаго гусара, что былъ у насъ на балу; добрая такая, обходительная. а другая-то тетка, должна быть брюзга, таково кисло смотреть. Поди-ко, послушай что онѣ говорятъ? не будетъ ли сватовства. Ступай, ступай, не равно спросятъ тебя!

Съ Мити стащили шубку, и онъ отправился по должности къ дверямъ гостиной.

Наружность матери Лонскаго, дѣйствительно, отличалась добротой. Она и Марья Ивановна сидѣли вмѣстѣ на диванѣ, и казалось эти двѣ женщины съ перваго взгляда полюбили другъ друга. Людѣ сидѣла подлѣ матери.

на креслахъ, и гостя, разговаривая съ Марьей Ивановной, не сводила съ Лидіи глазъ и часто обращалась къ ней съ вопросами.

Между тѣмъ тетка Лонскаго, большая охотница до живописи, разсматривала висѣвшія въ гостиной картины. Сару избрала она вмѣсто чичероне. Кончивъ осмотръ картинъ, она подала знакъ невѣсткѣ своей, и онѣ поѣхали.

— Какая умная дѣвушка, родственница Марьи Ивановны, сказала Любовь Федоровна, сѣвъ въ карету:—какая обстоятельная, образованная! какъ хорошо знаетъ она всѣхъ живописцевъ, и манеру ихъ. Я было думала, что Иванъ Артемьичъ знатокъ и всѣ картины у него оригинальныя; но выходитъ что все мазня, купленная въ тридорога.

— Какой ангелъ старшая дочь Марьи Ивановны, сказала въ свою очередь мать Лонскаго,—какъ она мнѣ понравилась!

— Сентиментальна; а потому и въ твоемъ вкусѣ. Я люблю характеръ и умъ. Алеша весь въ отца, моего любезнаго брата, склоненъ къ мотовству, и какая бы ни была у него жена, всякая возьметъ его въ руки; а разница въ томъ, что жена съ характеромъ не дастъ мотать, а жена съ сентиментами поможетъ мотать.

Мать Лонскаго поняла, что эти слова направлены не въ бровь, а прямо ей въ глазъ; но промолчала. Воротясь домой, она вошла въ свою комнату, покачала головой, съела и задумалась.

Лонскій засталъ ее въ этомъ грустномъ положеніи. Она дала ему свою руку и продолжала молчать.

— Что вы, матушка, такъ задумались? спросилъ онъ.

— О тебѣ.

— Вы были у Лиговскихъ? Я желалъ бы знать, какъ вамъ понравилось ихъ семейство?

— Какъ нельзя болѣе. Марья Ивановна Лиговская—премилая женщина, мы разстались друзьями. Старшая дочь ея совершенный ангелъ и нравомъ, и по наружности.. я ее очень полюбила.

— Это правда, въ ней много симпатичнаго. А вторая?

— Милая живая дѣвушка.

Лонскій ожидалъ что скажетъ мать далѣе; но она мол-

чала. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, также съ задумчивымъ, беспокойнымъ чувствомъ.

— Вы не видали... проговорилъ онъ наконецъ, — пла... вамъ не нравится?...

Лонскій не договорилъ.

— Нѣтъ, мой другъ! отвѣчала мать твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: — нѣтъ!... Если ты вѣришь сердцу матери, которое вѣщунъ, то...

— Договаривайте, матушка.

— То я не желала бы!...

— Отчего? спросилъ Лонскій, остановясь и поблѣнѣвъ.

— Она тебѣ не жена.

— Но отчего? повторилъ Лонскій настойчиво. — О, да это лишній вопросъ, я понимаю: вамъ понравилась Людѣя доброе, милое существо, съ которымъ я былъ бы счастливъ, блаженъ, спокоенъ...

— Такъ, такъ Алеша, ты былъ бы съ ней счастливъ. Это рѣдкая дѣвушка и по красотѣ и по нраву, съ достоинствами, которыя надо умѣть цѣнить!

— А Вѣра? спросилъ Лонскій.

— Въ тебѣ говоритъ страсть, отвѣчала мать съ вѣрнымъ, горькимъ чувствомъ. — Я поняла и эту дѣвушку сердцемъ любящимъ тебя, другъ мой; а ты понялъ ли ее?

— Я? хмъ! Вамъ не нравится, что она носитъ въ свѣтъ названіе сироты, воспитанницы?

— О, нѣтъ, я знаю только человѣка, и спрашиваю тебя: понялъ ли ты ее?.. Это идолъ, который равнодушно принимаетъ поклонны.

— По этотъ идолъ заслонилъ собою все для меня, отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ Лонскій.

Горестно посмотрѣла на него мать.

— Если такъ, сказала она, — то предоставляю тебя собственному твоему разсудку. Подумай.

— Нѣтъ, матушка, некогда уже думать! Я не въ силахъ думать, разсчитывать, разгадывать свою будущность!.. Черезъ три дня я долженъ вѣхать въ полкъ, и въ эти три дня должна рѣшиться моя судьба!

— Мнѣ остается сказать тебѣ одно только то, что я не въ силахъ была образумить тебя, не въ силахъ и противиться желанію твоему. Больше этого я ничего не въ со-

стояннї сдѣлать для тебя. Проси тетку; твой выборъ ей по сердцу... она все и уладитъ, а я не могу.

— Вы стало-быть не будете и любить ее, если она станетъ моею женой?

— Это будетъ зависѣть отъ нея. Если она составитъ твое счастье, о Боже мой, я буду молиться на нее, какъ ты. Лонскій поцѣловалъ руку матери. Она обняла его.

Въ слѣдующій же день Любовь Федоровна отправилась къ Авдотѣ Петровнѣ, объявила ей намѣреніе своего племянника и просила предувѣдомить объ этомъ Марью Ивановну.

Авдотья Петровна была поражена неожиданнымъ предложеніемъ. Цѣль ея въ отношеніи къ Лонскому рушилась, и она, нисколько не скрывая своего удивленія, тотчасъ же измѣнила внимательную любезность свою, относительно его тетки, на привычную безцеремонность.

— Не ожидала, Любовь Федоровна, не ожидала, признаюсь, никакъ не ожидала этого предложенія; думала, что дѣло будетъ касаться совсѣмъ другаго предмета!

— Какого же другаго предмета, Авдотья Петровна? Съ того самаго дня, какъ племянникъ мой познакомился въ домѣ Марьи Ивановны, онъ ужъ помѣшался на Вѣрѣ Михайловнѣ. Кому жь это лучше знать, какъ не мнѣ.

— Такъ я никакъ не пойму, для чего ему понадобилось заслонять любовь свою авансами другой дѣвушкѣ? Не пойму, кому нужно было отводить глаза?.. Да впрочемъ объ этомъ нечего уже говорить; можетъ быть мнѣ сослѣва такъ показалось. А вотъ что надо сказать: Вѣрушка намъ нисколько не родственница; Машѣ привезли ее пятилѣтнимъ ребенкомъ съ просьбой взять на воспитаніе; но отъ кого—по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно. Если эта неизвѣстность не мѣшаетъ, то я и Маша будемъ очень рады счастью Вѣрушки.'

— Въ этомъ отношеніи дѣло ужъ рѣшено. Я знаю нравъ, умъ и образованность ея. Она мнѣ нравится, а Алеша въ нее влюбленъ; чего же боѣе?

— Безъ сомнѣнія, сказала Авдотья Петровна; но подумавъ прибавила:—я считаю однакоже обязанностію объявить вамъ, что Маша, принимая къ себѣ Вѣрушку, была предувѣдомлена, что она не безъ имени, и что со временемъ будетъ наследницей богатаго состоянія.

— Ну, благодаря Бога, племянникъ мой не нуждается ни въ ея имени, ни въ наслѣдствѣ... Такъ я васъ прошу, Авдотья Петровна, предупредить Марью Ивановну. Алеша послѣзавтра долженъ ѣхать въ Петербургъ и желалъ бы до отъезда получить отвѣтъ.

— Надѣюсь сегодня же видѣть Машу, и передамъ ей. Согласіе зависитъ вполне отъ Вѣрушки; она сама рѣшитъ судьбу свою.

Возвратясь домой, Любовь Федоровна не забыла сдѣлать запросъ племяннику.

— Алеша, къмъ ты, батюшка, заслонялъ волокитство свое за Вѣрой Михайловной?

— Не понимаю, ма tante, что вы спрашиваете?

— Авдотья Петровна намекнула мнѣ что-то объ этой заслонкѣ. Ее поразило мое предложеніе. Я, говорить, воображала себѣ совсѣмъ другой предметъ.

Мать Лонскаго взглянула на сына и замѣтила, что онъ смутился.

— Не понимаю, повторилъ онъ.

— Сколько я понимаю, этотъ предметъ долженъ быть близокъ Авдотѣ Петровнѣ, замѣтила мать.

— Что жъ удивительнаго, что она могла воображать мои намѣренія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Очень естественно, что любя кого-нибудь, отличаешь и его друга или близкаго къ нему.

— А этотъ другъ не можетъ принять оказываемаго ему отпачія за любовь, если онъ не посвященъ въ тайну?

— Но я думаю есть разница между чувствомъ и простою любезностью? отвѣчалъ Лонскій.

— Любезность всегда на столько льстива, что при илѣйшемъ особенномъ вниманіи, легко можетъ смутить опытное и довѣрчивое сердце.

Эти слова матери затронули Лонскаго за живое, и онъ молчалъ, какъ уличенный.

Между тѣмъ Авдотья Петровна, подумавъ немного о превратностяхъ міра сего и о порчѣ нравовъ, приказала заложить карету.

Въ это время прибылъ молодой Четкинъ. Долго раскиживалъ онъ по залѣ, ожидая выхода Авдотьи Петровны. Люди не считали за нужное доложить о его посѣщеніи. Наконецъ Даша, проходя чрезъ залу, ахнула, замѣтивъ его.

— Павелъ Ивановичъ!.. какъ ваше здоровье?

— Слава Богу-съ; можно видѣть Авдотью Петровну-съ? имѣю къ ней важное дѣло.

— А вотъ, я сейчасъ доложу. Не угодно ли присѣсть.

Воидя осторожно въ кабинетъ Авдотьи Петровны, Даша оговорила:—Павелъ Ивановичъ проситъ позволенія...

— Какой Павелъ Ивановичъ?

— Павелъ Ивановичъ господинъ Четкинъ.

— А ты, сударыня, что за докладчикъ? спросила сер-
то Авдотья Петровна.

— Они просили меня, говорятъ, важное дѣло имѣютъ со-
щити, отвѣчала робко Даша.

— У Павла Ивановича важное дѣло до меня! Скажи по-
лууста! Вѣрно дѣло о невѣствѣ?.. Что ты, сударыня, по-
ясвѣла? О тебѣ, что ли?.. Въ самомъ дѣлѣ была бы пара!
озови!

Даша еще болѣе разгорѣлась, и вышла.

— Что, мой голубчикъ, скажешь? спросила Авдотья Пе-
ровна, когда вошелъ Четкинъ.

— Авдотья Петровна-съ, отвѣчалъ онъ поклонясь и от-
шлягнувшись,—такъ какъ-съ...

— Ну, что жь такъ какъ-съ...

— Такъ какъ счастье судьбы моей зависитъ отъ васъ...

— Такъ какъ счастье судьбы твоей зависитъ отъ меня,
къ что жь?

— Такъ я и говорилъ Вѣрѣ Михайловнѣ-съ...

— Вѣрѣ Михайловнѣ? неужели?

— Говорилъ-съ.

— Что жь Вѣра Михайловна?

— Ничего-съ.

— Я и знала, мой милый, что изъ этого будетъ *ничего*.

— Я просилъ руку и сердце-съ... какъ вы изволили го-
реть моему батюшкѣ... а онъ изволили сказать, что пред-
реждены...

— Кто сказалъ? что сказалъ? Тебя, сердечный ты мой,
е поймешь!

— Вѣра Михайловна-съ, она сказала, что ужь обѣщала.

— Что, батюшка, обѣщала.

— Извѣстно что-съ... руку и сердце.

— Тебѣ это она сказала? Не вѣрю, сударь.

— Ей Богу-съ! онѣ мнѣ оказывали особенное отличное вниманіе-съ, съ предпочтеніемъ...

— Вотъ какъ? Ну съ тобой мнѣ долго раздабарывать некогда. А вотъ что я тебѣ скажу...

— Я вызову на дуэль-съ, я не потерплю!

— Что, что, голубчикъ? Какой ты храбрый! Кого же ты вызовешь на дуэль?

— Ужь я найду кого-съ!

— Такъ ступай ищи, ищи, мой батюшка; ступай заржай пистолеть!... Чего жь ты ждешь?

— Вы изволили говорить, Авдотья Петровна-съ...

— Что еще?

— Батюшкѣ изволили говорить, насчетъ мѣста управляющаго-съ...

— Говорила... предлагала и невѣсту, и мѣсто, и призное невѣстѣ, и въ награду тысячу рублей... и готова исполнить. Невѣста добрая дѣвушка; хорошая экономка, хозяйка, чего же болѣе? и полагаю, что тебѣ была бы польза.

— Воспитанница Марья Ивановны-съ, Вѣра...

— Нѣтъ, мой милый, моя воспитанница, Даша.

— Какъ же это... батюшка сказалъ...

— Я не знаю, что тебѣ сказалъ батюшка; а я тебѣ говорю то что ты слышишь своими ушами. Хочешь, съ Богомъ; а нѣтъ, такъ и разговоръ конченъ.

— Позвольте подумать, Авдотья Петровна...

— Думай сколько хочешь, я не тороплю тебя.

Четкинъ поклонился, подошелъ къ ручкѣ и отправился. Авдотья Петровна проводила его глазами, съ усмѣшкой.

спросила готова ли карета, и вскорѣ повѣхала къ племянницѣ. Съ тою же усмѣшкой встрѣтила она выходящаго отъ нея князя Ивана Юрьевича.

— Тетушка! вскрикнула Марья Ивановна, вскочивъ съ дивана на встрѣчу Авдотѣ Петровнѣ: — какъ я рада, что вы пріѣхали!

— Чему ты такъ обрадовалась?

— Вы встрѣтили князя Ивана Юрьича?

— Встрѣтила.

— У меня былъ съ нимъ преинтересный разговоръ. Заметь ли что? Кажется онъ не прочь отъ женитьбы.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Увѣряю васъ.

— Ты стало-быть намѣрена искать ему невѣсту?

— И очень.

— Кого же?

— Мы кажется говорили уже съ вами объ этомъ.

— Насчетъ Вѣрушки-то?

— Да.

— Хорошее дѣло. На нее со всѣхъ сторонъ вдругъ посыпались женихи.

— Какіе же еще женихи?

— Да вотъ, впервыхъ сейчасъ былъ у меня прекрасный молодой человѣкъ.

— Кто такой?

— Хоть бы Четкинъ.

— За этого она не пойдетъ.

— Вовторыхъ еще визитъ, съ просьбой предупредить тебя насчетъ желанія получить руку Вѣрушки.

— Неужели? Кто же это еще?

— Партія, которой можно позавидовать.

— Ахъ! я бы рада была, чтобъ она скорѣе вышла замужъ, лишь бы за хорошаго человѣка.

— Хорошо, хорошо, даже очень хорошо.

— Зачѣмъ же дѣло стало, пусть предложитъ.

— Богатъ, приданого не требуетъ.

— Такъ что жь, тетушка?

— Только, думаю, тебѣ не понравится это, душа моя.

— Отчего же? и что жь я въ этомъ случаѣ? лишь бы ей нравилась.

— Такъ ли?

— Увѣряю васъ.

Авдотья Петровна молча смотрѣла на Марью Ивановну.

— Скажите же, тетушка, кто такой?

— Да, сказала Авдотья Петровна, — я никакъ не ожидала, чтобъ на моемъ музыкальномъ вечерѣ разыгралась такая куріозная піеса!

— Что жь такое случилось особенное? спросила съ безпокойствомъ Марья Ивановна.

— Особенное? спросила и Авдотья Петровна. — Сейчасъ только была у меня тетка Лонскаго.

— Что вы говорите?

— Съ предложеніемъ.

— Тетушка!

— Ты однакоже, Маша, принимай равнодушнѣе это предложеніе.

— Да не мучьте меня, тетушка, съ какимъ предложеніемъ?

— Съ предложеніемъ насчетъ руки Вѣрушки.

Марья Ивановна съ изумленіемъ устремила глаза на тетку.

— И вы это не шутя говорите?

— Нѣтъ, Маша; не шутя. Я отвѣчала за тебя, что ты разумѣется противиться не будешь, и что рѣшеніе это зависитъ отъ самой Вѣрушки.

— Я уѣду, я уѣду; я не могу здѣсь оставаться! вспыхнувши проговорила Марья Ивановна. — Я увезу Лидію, а потомъ какъ хотите!

— Чего же мнѣ-то хотѣть, милая?

— О, да нѣтъ, тетушка, вы шутите! Я и не догадалась, что вы шутите. Мать Лонскаго была вчера у меня; такъ явно отличала Лидію своимъ вниманіемъ, съ такимъ чувствомъ сказала мнѣ, что была бы счастлива, еслибъ имѣла такую дочь. Чего же еще? я почти ожидала предложенія.

— Все это могло быть, душа моя; но мать Лонскаго и ея собственныя желанія въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ. Я шутокъ не шучу, Маша.

— Что жь это такое! вскричала Марья Ивановна. — Ужасивать за Лидіей, оказывать ей такое вниманіе, что мела только что не поздравляли... и вдругъ дѣлать предложеніе моей воспитанницѣ! Я не знаю, какъ назвать этотъ поступокъ!

— Какъ хочешь называй; это теперь все равно. Остается одно: призвать Вѣрушку и спросить ея согласія.

— Я не могу, тетушка; сдѣлайте одолженіе возьмите это на себя; а я съ дочерьми тотчасъ же уѣду въ деревню къ кузиль... Я же обѣщала пріѣхать къ ея именинамъ, и погостить у нея.

— Это все хорошо; но помни, Маша, что ты взяла Вѣрушку на свои руки, дала Луцкому слово воспитать ее какъ родную дочь, озаботиться о ея участи; такъ можешь ли ты роптать, если по Божьей волѣ, счастье дается ей въ руки?

Эти слова Авдотьи Петровны смирили раздраженныя чувства Лиговской.

— О, еслибъ это было по Божьей волѣ, сказала она, — еслибъ это не касалось моей бѣдной Лидіи!

— Еслибъ ты тогда посоветовалась съ тѣмъ, кто старше, да и поразсудительнѣе тебя...

— Ахъ, не упрекайте, я уже не разъ раскаивалась!

— Впрочемъ тебя увлекло чувство доброты; стало-быть это воля Провидѣнія. Но понимаю я и материнскія чувства, продолжала Авдотья Петровна, подумавъ, — отвези Лидію къ сестрѣ. Но какъ же Вѣрушка останется здѣсь одна?

— Надо же кому-нибудь остаться съ Иваномъ Артемьевичемъ; она не ребенокъ.

— Впрочемъ, что жь это мы прежде времени распоряжаемся. Велю позвать сюда Вѣрушку. Надо спросить желаетъ ли она.

Марья Ивановна глубоко вздохнула.

— Лидія и Сонечка играютъ въ залѣ. Вѣра, безъ сомнѣнія, у себя въ комнатѣ. Пойдемте къ ней; здѣсь кто-нибудь помѣшаетъ.

— И конечно; кстати надо ей отдать визитъ за музыкальный вечеръ, сказала Авдотья Петровна, приподнимаясь съ дивана.

Марья Ивановна взяла ее подъ руку.

Сара сидѣла задумчиво сложа руки, подавъ столика, на которомъ лежала книга. Она удивилась неожиданному приходу ихъ.

— Я давно не была у тебя, Вѣрушка, сказала Авдотья Петровна, цѣлуя ее и садясь въ кресла: — ты какъ будто задумчива что-то?

— Я? нисколько, о чемъ же мнѣ думать?

— Оно казалось бы такъ; о чемъ дѣвушка думать покуда она въ родительскомъ домѣ. Ну, а ты, хоть и какъ родная у Маши, но все же будущность впереди, и есть о чемъ задуматься. Я знаю это сама по себѣ.

Сара молчала на эти слова, ожидая продолженія.

— Вотъ насчетъ твоей будущности мы и пришли поговорить съ тобой.

Сара взглянула быстро на Авдотью Петровну.

— Скажи, Вѣрушка, ты имѣешь понятіе о намѣреніяхъ Ловскаго.

— О намѣреніяхъ Лонскаго? Безъ всякихъ предупрежденій, онъ вдругъ объявилъ мнѣ, что счастье его зависитъ отъ меня, отвѣчала Сара, нисколько не смутясь и спокойнымъ голосомъ. — Это показалось мнѣ и неожиданно, и странно.

— Что жь ты отвѣчала ему?

— Отвѣчала, что я сама собой не располагаю, и отъ себя не завишу.

— Это очень умно. Но, Вѣрушка, въ подобныхъ случаяхъ и сердце не въ сторону.

— Авдотья Петровна, сердце такая загадка, что я не берусь отвѣчать за него.

— Ну, это спорное дѣло. Мы пришли рѣшить предложеніе твоимъ согласіемъ или несогласіемъ; а ужь твое дѣло рѣшать умомъ или сердцемъ. Черезъ свою тетку Лонскій проситъ твоей руки.

— Я ему сказала, что мое согласіе зависитъ отъ Марьи Ивановны.

— Мама, кажется это понятно; слѣдовательно дѣло и кончено. Поздравляю тебя, Вѣрушка, невѣстой.

— Поздравляю тебя! проговорила и Марья Иванова, сдавивъ въ себѣ горькое чувство. — Покуда, однакоже, это останется въ семействѣ между нами тремя... потому что завтра поутру я ѣду къ сестрѣ... на именины, и пробуду нѣсколько времени...

— Да и Лонскій ѣдетъ, или уѣхалъ уже въ Петербургъ, и тамъ будетъ ожидать отвѣта на свое предложеніе, который я сего же дня сообщу Любови Федоровнѣ. Прощай, Вѣрушка!..

Сара проводила своихъ гостей и сѣла подлѣ столика въ томъ же положеніи, какъ и при входѣ ихъ. Казалось, что ничего новаго онѣ ей не сказали, и въ чувствахъ ея ничего не измѣнилось.

XIII.

Въ узенькомъ, непроходимо-грязномъ переулкѣ, между Новинскимъ и Москвою-рѣкой, стоялъ на юру двухъэтажный каменный домъ, старинной постройки, съ деревянной поросшею мохомъ, крышей. Штукатурка истрескалась, жѣ-

тами отпала, и стѣны походила на истасканное рубище съ залатами. Ворота этого дома постоянно были заперты и завалены грудами всякаго хлама. Для входа служила только находившаяся въ заборѣ скважина, гдѣ полусгнившая калитка давнымъ-давно повисла на одной петлѣ, и въ этомъ положеніи рочно утвердилась посреди выбрасываемой нечистоты. Со вора при дождѣ былъ нѣкогда деревянный корридоръ съ кнами; но въ гнилыхъ рамахъ торчали уже только почерѣвшіе осколки стеколъ. На верхній этажъ круто вздымалась лѣстница безъ перилъ и съ половиннымъ числомъ ступеней. Нижній этажъ, заслоненный чѣмъ-то въ родѣ сопкище съ дымищимися изверженіями, походилъ на пещеры, и въ него вели какія-то ущелья.

Внутренность верхняго этажа, измалеванная копотью, одѣ навѣсами густой паутины, дѣлилась перегородками, дощатыми ширмами и тряпичными завѣсками, на множество коморокъ, отдѣленій, угловъ, проходовъ, тупиковъ и закоулковъ. Это былъ притонъ, издавна заселяемый нищими, калѣками, бродягами, потаскушками и разнымъ сбродомъ. Во всѣхъ грязныхъ ячейкахъ роились они какъ шершачи, платя поденно, или за ночлегъ, ничтожную цѣну; но эта цѣна, по числу жильцовъ, была выгоднѣе всякаго найма, и оставляла огромный доходъ и владѣтелю дома и съемщикамъ разныхъ его отдѣленій.

Къ подобной, богато-населенной фаланстеріи нельзя было присосѣдиться *дожу* питейному, харчевнѣ и трактиру, дворъ о дворъ, съ прямымъ сообщеніемъ черезъ калитку и въ лазейки разваливашагося забора.

Съ ранняго утра все прокаженное населеніе фаланстеріи выползало изъ договищъ своихъ, пробиралось черезъ калитку къ этимъ *заведеніямъ*, и отсюда уже слѣдовало на промыслъ въ городъ, и, вопервыхъ въ дома, гдѣ раздавалась ежедневная милостыня. Въ продолженіи дня, фаланстерія была почти пуста; но къ ночи, всѣ жильцы являлись какъ на сборный пунктъ снова въ сосѣдственныя заведенія, запертыя уже снаружи въ узаконенный часъ. Тутъ, по артелямъ, начинался счетъ и дѣлежъ, уплата съемщикамъ отдѣленій фаланстеріи и попойка.

Въ одинъ вечеръ, въ сторонній покой харчевни вошла женщина, въ капшонѣ и въ капотѣ, на ватѣ, сверхъ котораго накинута былъ на плеча старый, бумажнаго каше-

мира, платокъ. Глаза ея моргали и метали яркіе, неспокойные взгляды. Издали, она показалась бы довольно еще молодою, но темныя матажи по лицу и довременная драгость исказили наружность ея до безобразія.

Продрогнувъ до костей, она прижалась къ печи. Всѣмъ за нею вошелъ какой-то подозрительный господинъ, въ фуражкѣ и въ легонькой собольей шубѣ, накинутой на изношенное пальто.

— Ага! промяло! сказалъ онъ, взглянувъ на женщину, которая подлѣ печи дрожала всѣмъ тѣломъ.—Эй! подштофа кизлярки!

— Вели, Яша, подать и мнѣ бутылочку пивца, проговорила женщина, осиплымъ голосомъ, стуча зубами.

— Нешто! Ну-ко пропой съ барабаномъ-то свою пѣсню, какъ бишь? ну, что свѣжи лимоны растутъ у васъ въ мѣсечивѣ. Валяй, Дуня!

— Мошенникъ ты эдакой!

— Нешто, мошенникъ; смотри-ко.

И съ этимъ словомъ, Яша вытащилъ изъ бокового кармана атласную мантилью, обшитую блондами.

— Смотри-ко, повторилъ онъ,—а? знатная вещь?

— Вишь-ты, сказала женщина разсматривая мантилью.— Отдай мнѣ, что тебѣ въ ней.

— Такъ! а вѣдь еще тепленькая; только что съ бармышки, да еще съ какой красавицы! Народу, знаешь, много было у праздника, тѣснота; она и попустила съ пльчиковъ, дескать очень жарко; а я и прислужился, привалъ, да и пошелъ горе мыкать. Изъ жары-то на морозъ—ночи нѣтъ! не пойдти ли погрѣться у продажи билетовъ въ театръ? Задумался, да и попалъ въ ложу, гляжу—шуба валяется. Примѣрялъ—впору, не нова, да тепла.

— Ужь подлинно живодеръ! сказала женщина.—Ну, угощай.

— А что ты думаешь, сегодня удача: двѣ шкуры саялъ. На! пей за мое здоровье!.. Ну, а ты что?.. даромъ прошлялась день-то? На похороны матери не даютъ? да болсно часто хоронишь ты ее!

— Что жь, скажешь не при смерти она? а кормить-то надо чѣмъ пѣкуда умереть? Ходила, пѣла съ органомъ, да и голосъ отморозила!..

— Такъ проси на свадьбу себѣ, лучше будетъ; потомъ

на родину, потомъ на крестины. Напади на какую-нибудь барыню, да въ ноги ей: ваше сіятельство, матушка-сударыня, пожалуйте окрестить ребенка! Не отставай да и только.

— А какъ согласится, да поѣдетъ?

— Эва! небось, ни одна не поѣдетъ, а изъ десяти одна *пожалуетъ*.

— Умень ты больно!.. Размѣняй-ко мнѣ чайную ложечку на деньги; жалко отдавать харчевнику, и половины цѣны не дастъ.

— Только-то и добыла?.. не вѣска. Вотъ тебѣ двугривенный.

— Давай три.

— Три такъ три.

Получивъ деньги, женщина взяла бутылку пива да булку, и пошла въ фаластерію. Вся нищая братія, всѣхъ возрастовъ и половъ, уже сбралась: всѣ логовища были уже заняты. Въ узкомъ проходѣ, мимо печки, стояла кровать покрытая войлокомъ. На ней сидѣлъ прикащикъ съемщика, и собиралъ деньги за постой и ночлеги. Чередъ былъ просящимъ милостыню на погорѣлыхъ. Получивъ деньги, онъ отвелъ оборванными женщинами, мальчишками и дѣвчонками, уголь.

По другую сторону печки, на лежанкѣ, жила Кирбитьевна, престарѣлая нищая дѣтъ во сто, и безъ умолку что-то бормотала. Кирбитьевна была у всѣхъ въ почетѣ и уваженіи, слыла за богатую-пребогатую; къ ней, въ случаѣ надобности, обращались какъ въ банкъ, и она давала деньги подъ общую поруку. Хоть съ голоду умирай, а Кирбитьевнѣ отдавай въ срокъ. За проценты обязывались ей носить пряники. Она кормила ими всѣхъ ребятишекъ, которые возились около нея, дрались, кувыркались, ходили на голы, повторяя:

— Бабушка Кирбитьевна, пожалуй пряничка!

Которые слишкомъ ей надобдали, на тѣхъ она шамшила:

— Чортовы вы вѣуки, а не мои, прости Господи!

За Кирбитьевной шелъ тупикъ къ окну. Здѣсь, на койкѣ, покрытой рубищемъ, сидѣла, поохивая, старая женщина въ чепцѣ, и что-то вязала деревянными иглами, довольствуясь, по вечерамъ, свѣтомъ плошки, которая стояла на всу-

нutoй между печными кирпичами дощечкѣ. Къ ней пробралась та женщина, помоложе, о которой мы упоминали.

— Безсовѣстный ты человекъ, Дина! ушла, оставила мать! Куска хлѣба мнѣ не дала! проговорила желчно старуха нѣмецкимъ выговоромъ.

— Нѣтъ, такъ и нѣтъ, гдѣ взять. Добуду—хорошо, а не добуду и сама голодаю!

— Голодаешь! въ трактирѣ голодаешь!

— Ну, пошла опять ворчать! Брошу, да и уйду!

— Безсовѣстный человекъ!.. попеченіе, заботу имѣла, счастье устроить хотѣла... думала вотъ будетъ дочь у меня богатая...

— Ну, ну, ну богатая! вымѣняла дочь на мѣдный грошъ, да сама и проѣла! ужъ лучше бы молчать!

— Канальскій, ты неблагодарный человекъ!.. только булку и принесла? и чашки кофе не выѣгала мнѣ цѣлый день!

— Поди, побѣгай сама!

— Скверная душа! заботы о матери нѣтъ! а гдѣ бы жила, еслибъ хозяинъ дома Иванъ Карловичъ не далъ мнѣ, бѣдной Бертѣ, этого угла?.. цѣлое одѣяло я вывезла изъ шерсти; цвѣтное одѣяло, хорошее; а за сколько ты его продала? гдѣ деньги-то?

Дина не отвѣчала ни слова. Налила себѣ стаканъ пива и выпила, налила другой и также залпомъ выпила.

— Гадкая дѣвка! что жъ ты принесла, да сама и выпила!

И старая Берта принялась плакать и охать. Ворчанье ее прерывалось только всхлипываніемъ.

— Ахъ проклятыя кошки! брысь подъ лавку! раздвесь за перегородкой грубый голосъ.—Мочи нѣтъ! всякую ночь брань да руготня!

— Чтобъ твоя дочь Сара острамила тебя, какъ ты стремишь мать свою!.. Чортъ смутилъ меня, отдать ее въ добрые люди! пусть бы грызлась съ своею матерью, да выцарапала глаза!

Озлобленная Берта замолчала; а Дина, прислушавшись къ послѣднимъ словамъ, казалось въ первый разъ вспомнила что у нея есть дочь.

— Гдѣ жъ она? гдѣ моя Сара? у какихъ добрыхъ людей? спросила она вдругъ.

Съ намѣреніемъ ли старая Берта замолкла, или истомилась отъ сердца и слезъ забылась; но отвѣта не было.

Дина прилегла на другую койку, подперла голову рукой, и какія-то новыя, жадныя чувства и мысли пожирали ее и не давали сомкнуть глаза.

— Ты мнѣ скажи, гдѣ моя Сара! повторила она поутру матери, когда та очнулась отъ сна, и снова захохала:— слышишь? говори гдѣ моя дочь!

— Нѣтъ у тебя дочери, умерла твоя Сара! отвѣчала Берта охриплымъ голосомъ.

— Не правда! ты сама сказала, что отдала ее кому-то на воспитаніе.

— Поди ты отъ меня, проклятая!

— Проклинай, а подай мнѣ дочь мою!

— Ой, замучила меня, замучила! проговорила глухо Берта.

— Я не отстану отъ тебя, говори!

— Батюшки, дайте мнѣ хоть глоточекъ воды! все пересохло въ рту!

Дина не трогалась съ мѣста на мольбу матери. Вдругъ пришла ей какая-то мысль въ голову, и она торопливо накинула на голову капшонъ свой и вышла изъ дому.

Изъ-подъ Новинскаго пробѣжала она Садовою улицей и бульварами къ Сухаревой башнѣ, и потомъ пробралась разными переулками къ прежней квартирѣ своей матери. Здѣсь, на мѣстѣ бывшего небольшого домика съ мезонизомъ, стоялъ уже каменный двухъ-этажный домъ. Остановясь, Дина стала припоминать куда ей идти далѣе. Все перемѣнилось, заборы исчезли, повсюду красивые домики. Долго бродя, по соображенію разстоянія, изъ переулка въ переулокъ, она наконецъ остановила вниманіе на одномъ кривомъ переулкѣ, стала заглядывать во дворы и спрашивать, гдѣ тутъ живетъ бабушка Викторина. Никто и не слышалъ о такой бабушкѣ. Наконецъ, въ глубинѣ одного двора, между двухъ одноэтажныхъ каменныхъ домовъ, замѣтила она двухъ-этажный деревянный съ знакомою лѣстницей на крытое крыльцо.

— Бабушка, не здѣсь ли живетъ Викторина Ивановна? спросила Дина старуху, которая шла изъ сарая съ вязанкой дровъ.

— Викторина Ивановна? Здѣсь, сударыня моя; что тебѣ до нея?

— Поговорить надо мнѣ съ ней.

— Посовѣтоваться что ли? спросила старуха, осматривая одежду и истощенную наружность Дины.— Поди, поди, посовѣтуйся. Ты знать больна?.. Ремесло-то свое Викторина Ивановна давно оставила; а посовѣтовать—посовѣтуетъ. Ступай на крыльцо, въ сѣняхъ нальво дверь; чай, она встала.

Дина поднялась на лѣстницу, вошла въ сѣни, приотворила дверь, прислушалась, вошла въ переднюю, и подаа голосъ.

— Можно войдти, Викторина Ивановна?

— Кто тутъ? раздался звонкій, пріятный голосокъ.

Дина приотворила двери въ знакомую намъ маленькую гостиную. Все какъ вчера; а между тѣмъ прошло почти двѣнадцать лѣтъ. Портретъ Викторины въ локонахъ и въ набивной шали на плечахъ висѣлъ на томъ же мѣстѣ, противъ входа. Но навстрѣчу Динѣ вышла не Викторина, а молоденькая дѣвушка, поразительно-милой наружности. Густые свѣтлорусые локоны осыпали ея нѣжное, румяное лицо, густыя брови и длинныя рѣсницы придавали пѣвнательную томность ея большимъ синимъ глазамъ. Взоръ былъ ясенъ; улыбка высказывала чистое, не затронутое еще черными мыслями воображеніе. Она была одѣта въ темное одноцвѣтное мериносовое платье съ пелеринкой; но видя ее, никто бы не обратилъ вниманія на ея нарядъ.

— Викторина Ивановна дома? спросила Дина, всматриваясь въ нее своими впалыми черными глазами.

— Не угодно ли вамъ войдти и присѣсть? сказала дѣвушка добродушнымъ, привѣтливымъ голосомъ.— Она сейчасъ выйдетъ.

И она пошла въ спальню, чтобы сказать Викторинѣ, что ее желаетъ видѣть какая-то женщина.

Викторина тотчасъ же вышла; но это была уже пожилая старушка въ чепцѣ и черной мантильѣ.

— Ни я васъ не узнаю, Викторина Ивановна, ни вы меня не узнаете, сказала Дина.

— Прошу васъ напомнить мнѣ, я стала безпамятна.

— Вы были дружны съ моею матушкой, Бертой; можетъ-быть вспомните ея дочь, Дину.

Викторина не порадовалась напоминанію этого знакомства.

— Да и вы перемѣнились, сказала она; — впрочемъ,

много прошло времени съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. Жива ли и здорова ли матушка ваша?

— Жива, но постоянно больна, почти при смерти... Она поручила мнѣ кланяться вамъ... я съ своей стороны также пришла поблагодарить васъ за то, что вы пристроили мою дочь Сару.

Это вступленіе смутило Викторину.

— Чтò могла, то и сдѣлала по просьбѣ вашей матери, отвѣчала она.

— Матушка совсѣмъ стала безпамятна, не помнитъ даже и фамиліи господъ, къ которымъ вы отдали Сару; такъ я васъ прошу, Викторина Ивановна, сказать мнѣ адресъ. Хочется взглянуть на дочь, такъ душа и проситъ.

— Я въ то время говорила Бертѣ, сказала съ тревожнымъ чувствомъ Викторина,—на какихъ условіяхъ берутъ ребенка... мнѣ поручено было найти полную сиротку, которую желали принять вмѣсто дочери... Берта отреклась отъ Сары и за васъ, Дина.

— Съ какой же стати мнѣ отрекаться отъ дочери своей! Извините, Викторина Ивановна, у меня тоже есть материнское сердце! я непременно желаю видѣть Сару! Прошу васъ сказать мнѣ у кого она.

— Этого я не знаю, отвѣчала Викторина, — одинъ докторъ просилъ меня, но для кого—неизвѣстно. За Сарой пріѣхали, взяли отъ меня, и съ тѣхъ поръ не мое уже дѣло было заботиться о ней.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, Викторина Ивановна, этому не повѣрить. Не съ того вы начали. Вамъ очень хорошо извѣстно у кого Сара на рукахъ, потому что за подобныя порученія—пріискать полныхъ сиротокъ—платятъ большія деньги; а выдавать дочь мою за полную сиротку я не позволю, пока жива!

— Такихъ низкихъ предположеній обо мнѣ я не ожидала отъ васъ, Дина, проговорила затронутая Викторина.

— А я никакъ не ожидала, чтобы вы изволили продавать чужихъ дѣтей за полныхъ сиротъ!.. Прошу васъ объявить мнѣ гдѣ Сара!

Сердце Викторины сильно забилось, лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ. Сказать безумной женщинѣ гдѣ ея дочь значило открыть всю бѣдовую тайну, которая хоть и лежала на душѣ Викторины, но успѣла уже отъ

времени потерять всю тяжесть свою, и оправдаться истинно материнскою любовью къ Вѣрочкѣ.

— Еслибъ я знала, мнѣ не для чего было бы таить отъ васъ, Дина, отвѣчала она, собравшись съ духомъ; — развѣ только для того чтобы не нарушить счастья Сары. Столько уже лѣтъ она воспитывается въ семействѣ какъ родная дочь, а вы вдругъ оторвете ее отъ привычныхъ чувствъ.

— Прекрасно! я буду уступать другимъ права на любовь моей дочери!.. я хочу сама ими пользоваться! и не отступлю, покуда не скажете мнѣ у кого она!.. я буду требовать отъ васъ дочь мою черезъ полицію.

— По какимъ же документамъ? какая дочь? отъ кого? — спросила раздраженная словами Дины Викторина.

— Это не ваше дѣло!

— Конечно не мое. Вы и вытребуйте откуда свидѣтельство о замужствѣ, выпуску изъ метрическихъ книгъ о рожденіи дочери, и представьте ихъ въ полицію съ своимъ требованіемъ.

— Вы безсовѣстно поступаете со мной, Викторина Ивановна! продали мою дочь и воспользовались всѣми вознагражденіями!... Конечно, я въ несчастномъ положеніи... но вы должны подумать, что на моихъ рукахъ умирающая мать!

— Вознагражденій я никакихъ не имѣла; но еслибы вы просили у меня просто помощи,—о, это другое дѣло.

— Мы съ голоду умираемъ, за квартиру платитъ мѣсячъ.... проговорила Дина, отирая сухіе глаза своимъ шейнымъ платкомъ.

— Берта стара, а вы къ труду не привыкли—безъ сомнѣнія безнадежная участь. Помогать я готова чѣмъ могу. Вотъ, отдайте Бертѣ отъ меня.

Викторина вынула изъ стола бумажку и подала Динѣ.

Глаза Дины загорѣлись на красную ассигнацію. Какъ будто увѣренная, что Викторина по ошибкѣ даетъ ее, она торопливохватила изъ рукъ ея, положила въ прорѣзной карманъ капота, и проговоривъ: „прощайте, Викторина Ивановна,“ вышла.

Она побѣжала домой видимо занятая какою-то новою, поджигающею мыслью. Не доходя до фаланстеріи, свернула въ переулочекъ, и вошла въ каютку небольшого, довольно опрятнаго домика.

— Степанида Михеевна дома? спросила она, заглянув въ дверь.

— Дома, дома! кому дѣло? отозвалась плотная жевщица въ ситцевомъ платьѣ съ повязанною платкомъ головой.— А! Дуня кофейница! что, должнокъ принесла?

— Нѣтъ, не должнокъ, а съ васъ еще потребую, Степанида Михеевна! отвѣчала Дина.

— За какія это немилости?

— А есть у меня на примѣтъ такой товарецъ, какого вы и во снѣ не видали!... Степанида Михеевна дорого заплатитъ мнѣ за указъ.

— А велико приданое?

— На милліонъ красоты.

— Вишь ты! На такую невѣсту надо приискать салтана турецкаго. Ну да ладно, говори кто такая!

— И не подумаю говорить! А зашла только съ радости, похвалиться, что напала на такую красоту, что иной голубчикъ всего отцовскаго богатства не пожалѣетъ!

— Да говори, говори; посмотримъ, да на всякій случай въ списокъ внесемъ.

— И не подумаю говорить! придетъ случай, поклонитесь, да напроситесь; а не то я и сама найду сбыть.

— Ну, полно; должнокъ прощу, да вотъ тебѣ еще и на кофей.

— Покорно благодарю! Сто рублей за указъ, да сто какъ дѣло сдѣлается.

— Ахъ ты, прокуда эдакая! Пошла, донашивай ошметки-то свои!

— Ужь я вамъ говорю, Степанида Михеевна, что поклонитесь мнѣ! Прощайте!

— Прощай, голубушка! да должнокъ-то, должнокъ!

Отъ свахи Дина побѣжала въ трактиръ, велѣла подать порцію кофейю и бѣлый хлѣбъ и повесла къ матери.

— Покушайте-ка, вы истомились, сказала она ей ласково, противъ обыкновенія,—насилу кое-что добыла вамъ на кофей.

Старая Берта такъ обрадовалась кофейю, что изъ глазъ ея выступили слезы, и она обняла Дину.

— Виновата, Дина, право виновата, что роптала на тебя. Думала, что у тебя и заботы нѣтъ объ матери.... Вотъ, ужь ровно двѣ недѣли чашки ячменнаго кофейю не было

во рту, не то что настоящаго, да еще и со сливками и съ французскимъ хлѣбомъ!... Господи, какой вкусный, прекрасный кофе!

— Былъ бы у насъ каждый день кофеи, жили бы мы въ довольствѣ, не хуже Викторины, еслибы мы знали, кому она отдала мою Сару... Викторина получаетъ за нее огромную пенсію, а мы живемъ нищими.

— Неужели она получаетъ за Сару пенсію? Ахъ она безчестная!... Не даромъ же она утаила отъ меня, кому отдала Сару!... Мнѣ и въ голову не пришло!... ай, ай, ай! И имя-то переименовала Сарѣ съ намѣреніемъ, назвала Вѣрочкой... видишь, говоритъ, Сара некрещеное имя...

— Видите, какъ обманула она насъ... я думала что Сару и на свѣтѣ нѣтъ, а какъ вы сказали, что она жива, я къ Викторинѣ, спрашиваю: у кого Сара—ни за что не говорить. Я тотчасъ поняла въ чемъ дѣло.

— Безсовѣстная! отдала Сару богатымъ бездѣльнымъ господамъ вмѣсто дочери, и пенсію за нее получаетъ!... Постой, постой, не припомню ли я... Когда она отвозила ее въ каретѣ, я тутъ была... лакей сказалъ кучеру: ступай къ Страшному монастырю.... Какъ онъ господь-то называлъ?... Постой....

— Около Страшнаго монастыря?.. Староста нашъ всю Москву знаетъ.... Илья Кириловичъ!

— Ну?

— Скажи пожалуйста, чьи дома господскіе подлѣ Страшнаго монастыря?

— А мало ли тутъ господскихъ домовъ, отдѣчалъ грубыи голосъ изъ угла по другую сторону печки,—тутъ есть, вотъ слушай....

И онъ высчиталъ нѣсколько фамилій, которыя Дина повторяла матери.

— Лиговскихъ... постой... Лиговскихъ, Лиговскихъ! кажется такъ... да такъ, помнится, такъ!

— Богатые господа Лиговскіе? спросила Дина у старосты.

— Да еще какъ! У меня тамъ, года три назадъ, служилъ племянникъ, Вася.... Богатый домъ!

— Ты стало-быть въ немъ бывалъ?

— Еще бы.

— А кто въ семействѣ-то?

— Баринъ съ барыней, двѣ дочери....

— Двѣ дочери?

— Да, двѣ дочери, да воспитанница, сродни что ли, сирота... ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; а знатная барышня, суровая такая...

— Двѣ дочери и сирота, повторила Дина.

— Вѣрно не тѣ, сказала Берта,—тѣ бездѣтные... а фамилія такъ, какъ теперь слышу: ступай, говоритъ, въ домъ Лиговскихъ.

— Завтра же схожу. Викторина вѣрно солгала... Завтра же все распознаю!

— Сару я тотчасъ бы узнала, прибавила Берта,—глаза ястребиные, какъ у отца, какъ теперь гляжу; да и въ тебя есть что-то, Дина.

XIV.

Послѣ объясненія съ Сарой, Марья Ивановна и тетка ея вошли въ залу, гдѣ Лидія и Сонечка разыгрывали вдвоемъ какую-то новую сонату.

Онѣ вскочили и бросились къ Авдотѣ Петровнѣ.

— Что жъ это, Маша, въ самомъ дѣлѣ ты ихъ увозишь отъ праздниковъ? сказала Авдотья Петровна, цѣлуя внучекъ.

— Что жъ дѣлать, тетушка! Кузина напоминаетъ мое обѣщаніе быть у нея на именинахъ.

— Мы ѣдемъ къ тетушкѣ? вскричала удивленная Сонечка.

— Ахъ, какъ я рада! сказала Лидія.

— Ну, всѣ разѣзжаются. Мои сосѣди ѣдутъ, боятся что дорога испортится. Мазуристъ Лонскій уѣхалъ.... Вотъ тебѣ и балы!

Лидія съ трудомъ перевелá вздохъ; но ей какъ будто легче стало на сердцѣ.

— Какъ я рада, что мы ѣдемъ, повторила она.—Какъ мнѣ надоѣли эти балы, эти визиты!

— А мнѣ не надоѣли! отозвалась Сонечка.

— Я бы готова навсегда отказаться отъ нихъ. Мнѣ дома всегда гораздо веселѣе.

— Обними меня, душка моя, ты вся въ твою бабушку, не любишь разсѣянной жизни.

— Вотъ, бабушка, вы меня и обидѣли, за то что я люблю удовольствія, сказала Сонечка, цѣлуя руку у Авдотьи Петровны,—виновата ли я въ этомъ?

— У каждой свой талантъ, свои наклонности; я и не обвиняю тебя въ этомъ. Люби что любится, только съ умомъ, а не безъ памяти.

— А я, бабушка, думала, что надо любить все до тѣхъ поръ куда устанешь любить.

— Ну, такъ, такъ, до тошноты. Вотъ, еслибы ты имѣла понятіе о пьянствѣ, такъ я бы тебѣ нашла съ чѣмъ сравнить всѣ наши свѣтскія разсѣянія и удовольствія. Они тотъ же хмѣль; пьяному отъ нихъ также море по колено.

Простаясь съ племянницей и со внучками, Авдотья Петровна уѣхала. Марья Ивановна стала собираться въ дорогу, и на другой день, поручивъ Сарѣ заботы объ Иванѣ Артемьевичѣ и о домѣ, отправилась съ дочерью въ имѣніе двоюродной сестры, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы. Иванъ Артемьевичъ пораженъ былъ до отчаянія этою поѣздкой жены.

— Помилуй, Марья Ивановна, да что жь это? на праздники?

Но Марья Ивановна торопилась и какъ будто второпяхъ не слыхала возраженій мужа.

— Вотъ, насъ и оставили однихъ! и такъ неожиданно! сказалъ Иванъ Артемьевичъ Сарѣ, проводивъ отъѣзжающихъ до крыльца и возвратясь въ комнаты съ раскинутыми отъ удивленія руками.—Добро бы на великій постъ, послѣ мзляницы!.. Вѣдь у насъ пріемные дни, я намѣревался дать обѣдъ, танцевальный вечеръ для вашего удовольствія... а теперь... сяди дома и скучай!

— Но вѣдь вашу партію не увезли съ собой, сказала Сара.

— Но я люблю, чтобъ около меня все шумѣло, веселилось. Я привыкъ, чтобы меня окружали.

— Для чего же вамъ отвыкать отъ вашихъ привычекъ? Что вамъ мѣшаетъ приглашать кого угодно на обѣдъ, на вечеръ?

— Но надо всѣмъ распорядиться; а безъ Марьи Ивановны что жь мы вдвоемъ съ тобой сдѣлаемъ? Надо faire les honneurs de la maison, мало ли...

— Для чего же меня оставили здѣсь? Мнѣ поручено хозяйство, и все это не такъ трудно, какъ вы думаете; приговоръ же все въ домѣ идетъ какъ заведенныя часы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ ты справишься похозяйничать?

— Надѣюсь, что вы будете довольны.

— По вторникамъ постоянно обѣдаютъ у насъ человѣкъ до двадцати, по четвергамъ и субботамъ съѣзжаются на вечеръ,—нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, запереть двери! Вотъ и сегодня приемный день; кто жъ знаетъ, что Марья Ивановна уѣхала? Надо принять... и пожалуста не экономь, и не люблю...

— Все будетъ, какъ было, и вы ни о чемъ не беспокойтесь, сказала Сара.

— Ну, смотри же, Вѣра Михайловна, я на тебя полагаюсь; я поѣду, а ты всемъ распорядись.

Успокоенный, Иванъ Артемьевичъ, отправился въ свое заведеніе; а Сара велѣла призвать къ себѣ дворецкаго, буфетника и повара.

— Сегодня также будутъ гости, сказала она имъ:—надѣюсь, что я не буду отвѣчать за какой-нибудь недостатокъ, а все будетъ отлично приготовлено.

Во время распоряженій объ ужинѣ, Сарѣ подали записку и посылаку отъ Авдотьи Петровны.

— Сейчасъ дамъ отвѣтъ, сказала она, уходя въ свою комнату.

„Милая Вѣрушка, писала Авдотья Петровна,—посылаю письмо Любви Федоровны Лонской, и присланный для передачи тебѣ подарокъ отъ жениха. Твоя доброжелательная...“

Запечатанный въ бумагу подарокъ заключался въ бархатномъ футлярѣ, съ превосходнымъ яхонтовымъ, осыпаннымъ брилліантами уборомъ.

Сара раскрыла футляръ, взглянула сперва обычнымъ своимъ невнимательнымъ взоромъ на вещи; но какъ будто родство блеска брилліантовъ съ блескомъ ея глазъ невольно остановило этотъ взоръ и заставило ее пристально всмотрѣться въ глубину драгоценныхъ камней.

Она сняла съ бархата ферровьеръ и одну серьгу, подошла къ зеркалу, приложила ко лбу и локону, и, забывшись, вспыхнула удовольствіемъ.

Лонская писала къ ней:

„Милая Вѣра Михайловна, согласіемъ своимъ осчастли-

вить моего племянника вы порадовали мое сердце. Азѣ боялся ждѣть здѣсь рѣшенія судьбы своей, и уѣхалъ въ Петербургъ; къ тому же и отсрочка его кончилась. Я уже отправилъ къ нему эстафету. Время до Святой ему покажется цѣлымъ вѣкомъ. Между тѣмъ, посылаю вамъ отъ его имени маленькій подарокъ. Мнѣ очень непріятно, что объявленіе о сговорѣ отложено, по случаю отъѣзда Марьи Ивановны, до Святой; потому что мы могли бы ежедневно видѣться, и я бы васъ часто увозила къ себѣ. До свиданія, дорогая Вѣра Михайловна.“

Сарѣ необходимо было отвѣчать; но отвѣчать по-русски Сара совершенно затруднялась. Во время ученія, на русское письмо такъ мало обращалось вниманія, что она не умѣла даже взять въ руки пера по-русски. Во все время воспитанія ей не случалось даже записывать по-русски счетъ бѣды.

Сара написала въ отвѣтъ очень милое письмо по-французски. Отправивъ его, она взглянула еще разъ на драгоценный нарядъ и спрятала футляръ въ комодъ. Взяла книгу; но романъ Дюма показался ей скученъ. Взяла рабочую корзинку; пошла въ любимый свой *тингъ*, или китайскую залу; но посреди безмолвной тишины, пестрые китайскіе мудрецы, съ длинными усами, стоявшіе по всѣмъ угламъ и простѣвкамъ, пестрый фарфоръ, пестрая мебель, пестрыя занавѣски, съ чудовищными изображеніями и живающимися драконами, произвели на нее въ первый разъ непріятное впечатлѣніе. Фо-хи, съ маленькими рожками на головѣ и съ разбросанными космами, вытаращилъ на нее глаза, и указывалъ на таинственные знаки, начертанные на лежащей передъ нимъ хартіи. Кунгъ-узы, похожій на ученую москву въ шляпѣ, сложивъ лапки, вооруженныя когтями, также смотрѣлъ на Сару, и какъ будто собирался говорить ей нравоученіе. Худошавый, лысый, съ торчащей клиномъ бородой, Фу-шенгъ, окутанный въ полость, приподнял съ угрозой свой костыль.

Сара съ отвращеніемъ взглянула на чудовищъ, настаивающихъ человечество въ добродѣтели, и вышла изъ ихъ толпы въ сафующую комнату; но и здѣсь портреты предковъ Ивана Артемьевича и Марьи Ивановны молча уставали на нее со всѣхъ сторонъ глаза. Ей показалось, что всѣ она нѣмыми взорами спрашивали: кто это такая?

Въ обширной и высокой столовой залѣ, казалось, ей свободнѣе было дышать. Мраморныя холодныя стѣны освѣщали ея горячее дыханіе, пустота болѣе согласна была съ ея чувствами. Какая-то безпокойная, безпріютная пустота была и въ ея мысляхъ. Передъ ней тянулось безконечное однообразное время. Воображеніе ея не привыкло рисовать на этой основѣ отрадныя картины будущности, сбывающихся желаній и надеждъ. На всемъ лежала холодная дума изморозью и туманомъ. Идти навстрѣчу счастью ей казалось низко, и послѣ предложенія своего Лонскій какъ будто потерялъ всю свою цѣну въ ея глазахъ. вмѣсто нетерпѣливыхъ, страстныхъ чувствъ невѣсты, ее безпокоила наставшая тишина требующая нѣжнаго любящаго сердца, а не сердца задорнаго, понимающаго наслажденіе только въ борьбѣ и побѣдѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сарѣ хотѣлось скорѣе вырваться изъ дома Лиговскихъ. Послѣ разговора съ карликомъ Митей, раздраженное самолюбіе томило ее и часто готово было вспыхнуть при малѣйшемъ неосторожномъ словѣ Марьи Ивановны. Только мысль стать на одну доску съ презрѣннымъ глупымъ существомъ, съ уродливимъ карликомъ, мгновенно тушила всякій порывъ высказаться.

Проводивъ Марью Ивановну, Сара проговорила про себя:

— Ея и не было здѣсь для меня; но легче не видѣть даже и призрака!

Вечеру, когда явились обычныя гости, привыкшіе востановать по вторникамъ и субботамъ у Лиговскихъ, Иванъ Артемьевичъ представилъ всѣмъ свою временную молодую хозяйку. Князь Иванъ Юрьевичъ былъ тутъ же, и восхищался любезностію и предупредительностію, которыми Сара умѣла всѣмъ угодить.

Въ отсутствіи жены, Иванъ Артемьевичъ былъ требовательнѣе относительно угощеній; то не худо бы того, то не худо бы этого; то подай зельцерской, то нѣтъ ли у насъ, Вѣрушка, шапучей водицы; то не мѣшало бы выпить розоваго шампанскаго. И все немедленно являлось; а между тѣмъ картежницы-старушки, обложенныя роскошными плодами, макали бисквитки въ рюмочку *lacrima Christi*, и кушали чай съ соломкой и *paté de la reine*.

Новое хозяйство Ивана Артемьевича чрезвычайно всѣмъ

поправилось. Безъ Марьи Ивановны, нѣсколько церемонной и экономной, и Иванъ Артемьевичъ и всѣ гости были какъ-то развязнѣе, на всѣхъ столахъ былъ розгрышъ, и никому не на что было пожаловаться. Честь и слава разумѣется пали на временную хозяйку, которая заставила всѣхъ забыть отсутствіе настоящей.

Во время масленицы, молва о пуховыхъ блинахъ Ивана Артемьевича разнеслась по всей Москвѣ.

Насталъ постъ; но во время поста есть своего рода роскошь.

— Помилуй, Иванъ Артемьевичъ, право пріѣдешь къ тебѣ точно какъ на розговѣнье! говорили и Варвара Александровна, и Анна Петровна, и Катерина Федоровна строго воздержныя во всемъ, кромѣ споровъ въ игрѣ и пересудъ ближняго.

Для Сары это хозяйство и приемы, *les honneurs de la maison*, были развлеченіемъ; но все остальное время, въ удивленіи, казалось какимъ-то невыносимымъ затворничествомъ. Ей наскучило и сидѣть въ своей комнатѣ, и бродить по пустыннымъ комнатамъ; только и было ей отравы выѣзжать прогуливаться.

Получивъ, черезъ Авдотью Петровну, длинное письмо отъ Лонскаго, полное изліяніемъ пламенныхъ чувствъ и нетерпѣливаго ожиданія счастливѣйшей минуты, когда онъ будетъ имѣть право назвать ее своею, Сара поѣхала къ Авдотьѣ Петровнѣ.

— Я не знаю, сказала она ей,—должна ли я отвѣчать что-нибудь на это письмо.

— Отчего же не отвѣчать жениху? имѣешь полное право.

— Но что жь мнѣ отвѣчать на эти фразы?

— А ты что жь бы хотѣла отъ жениха? Философской диссертациі о супружествѣ? Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить и писать.

— Но я не въ состояніи отвѣчать въ этомъ родѣ; это будетъ похоже на пересыаку конфетъ; онъ мнѣ будетъ присылать петербургскихъ, а я ему московскихъ.

Авдотья Петровна усмѣхнулась.

— Положимъ, Вѣрушка, что это лакомства; но душа ихъ любить. Союзъ и любовь не живутъ безъ взаимной ласки и нѣжности.

— Я этихъ сластей не люблю.

— Ну, извини; а я тебѣ скажу, что въ тебѣ все есть, чего-то недостаетъ.

— Можетъ-быть не достаетъ того, чего мнѣ не дали.

— Можетъ-быть, сказала Авдотья Петровна, подумавъ и взглянувъ на Сару.—Но жизнь, моя милая, холодна сама о себѣ, и согрѣвается только любовью и дружбой; а для того надо имѣть любящее сердце.

— Но можетъ-быть и сердце требуетъ науки любить; а ли о немъ никто не заботился?

— Можетъ-быть, повторила Авдотья Петровна,—только къ по вашему, по теперешнему, его надо учить какой-то собенной наукѣ любить; а по нашему, по старому, оно амоучка; а вотъ, не помути Богъ разума, это и по нашему и по вашему.

Сара замолчала.

— Отвѣчать я право не могу, сказала она, возобновивъ вѣчь о письмѣ.—Сдѣлайте одолженіе, Авдотья Петровна, передайте на словахъ, или запиской, теткѣ Ловскаго, что вѣ пріятно было получить его письмо, и что я раздѣляю его чувства и желанія.

— Пожалуй; это нѣкоторымъ образомъ и умно, потому то до объявленія стовора можно и подождать вести нѣкую переписку.

Сара отправилась домой.

Между тѣмъ карликъ Митя сидѣлъ на прилавочкѣ у востъ, близъ подъѣзда съ улицы. Нануганный Сарой, онъ акъ будто разлюбилъ свою барышню, и думалъ только о оми, скоро ли пріѣдетъ князь Михайло Васильевичъ. Въ етерпѣливомъ ожиданіи, онъ часто выходилъ за ворота и осматривалъ то вправо, то влѣво.

— Позволь, голубчикъ мой, присѣсть отдохнуть, прогорила шедшая мимо женщина въ капорѣ и салоншкѣ,—очи нѣтъ какъ устала.

Это была Дина.

— Садись пожалуй, отдохни, отвѣчалъ Митя, взглянувъ а ея утомленную наружность.

— Это чей домъ-то?

— Лиговскихъ.

— Лиговскихъ?.. А! такъ вотъ домъ-то господъ Лиговскихъ!.. Я частенько слыхала о господахъ Лиговскихъ...

добрые, богатые господа... Только не знаю, тѣ ли это, у которыхъ воспитывается дочка одной моей знакомой...

— Чья дочка? спросилъ вдругъ Митя, выведенный из задумчивости этими словами.

— Одной бѣдной женщины.

— Кто она такая? снова спросилъ забывчиво Митя, какъ будто добываясь въ свою очередь узнать что-нибудь о матери барышни своей.

— Ужь разумѣется, что не какая-нибудь простая женщина; а честной фамиліи изъ Вѣны. Была красавица, и вышла замужъ за богатаго человека, да несчастливо. Этотъ злодѣй бросилъ ее, увѣхалъ, да и помину нѣтъ. На рукахъ осталась дочь; все что имѣла прожила, пришлось отдать дѣвочку въ добрые люди на воспитаніе... теперь чай и ужь осьмнадцать лѣтъ.

Митя такъ пораженъ былъ этимъ разказомъ о матери дѣвочки отданной на воспитаніе въ домъ Лиговскихъ и сродствомъ лѣтъ, что глухо простоналъ; но несмотря на это, душа его не вынесла недоброй мысли о князѣ Михайлѣ Васильевичѣ.

— Не можетъ быть! крикнулъ онъ, взглянувъ на Дину какъ на какое-то страшное видѣніе.

— Вотъ, выдумывать я стану! Мать Сары слава Богу жива, да и та женщина, которая отдавала Сару къ господамъ Лиговскимъ, живехонька.

— У господъ Лиговскихъ не Сара воспитывается, голубушка! Здѣсь нѣтъ никакой Сары! сказалъ успокоенный Митя.

И съ этими словами, увидавъ подъѣзжавшую къ крыльцу карету, онъ вскочилъ съ лавочки и побѣжалъ къ подъѣзду.

Дина бросилась вслѣдъ за нимъ и стала противъ дверецъ кареты, изъ которой вышла Сара.

— Сударыня, пожалуйста что-нибудь бѣдной... мать проговорила она запыхавшимся голосомъ, уставивъ глаза на Сару.

Сара остановилась, взглянула на нее съ отвращеніемъ и подала знакъ человеку, чтобъ оттолкнулъ женщину.

— Пошла прочь! крикнулъ выѣздной, схвативъ Дину и руку и сдернувъ съ крыльца.

— Мошенникъ! вскричала она, схватясь за перила.

Между тѣмъ Сара вышла на крыльцо и двери захлопнулись вслѣдъ за Митей, который шелъ за ней.

— Что жь, откладывать что ли? спросилъ самъ себя учерь.

— Скажи, голубчикъ, кто это такая гордыня прѣвжала?

— Гордыня? Гордыня-то гордыня.

— Кто жь она такая, эта госпожа?

— Эва! госпожа! кто такая! да и всего-то воспитанница осподская.

— А какъ зовутъ ее?

— Какъ зовутъ? Вѣра Михайловна да Вѣра Михайловна, такъ всѣ и знаютъ ее въ домѣ, отвѣчалъ кучерь, тѣвзжая отъ крыльца.

— Вѣра Михайловна! эта гордыня—моя Сара! проговорила она сжимая руки и вывертывая ихъ.—Она!.. мнѣ не узнать Сары?.. А суровые-то глаза, отцовскіе-то глаза сожгли меня; такіе глаза, какъ у Натана въ сердцахъ, только у чорта!.. Мнѣ не узнать отродья его?.. Узнала... Проклятый, заставилъ родную мать просить милостыню у очери!.. А подала она? подала?.. чѣмъ угостила нищую мать свою? подзатыльникомъ!.. постой же, отцовская очь! я выжму изъ тебя душу!

И озлобленная Дина побѣжала троттуаромъ вдоль по улицѣ.

(До слѣд. №.)

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

ЯЗЫКЪ ФИЗИОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ

Физиологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Перев. съ англійскаго Борзенкова и Рачинскаго. Т. I. II. Москва. 1861—62 г.

Въ настоящее время физиологія имѣетъ очень замѣтное вліяніе на ходъ и характеръ общаго образованія, и довольно сильно опредѣляетъ наши ежедневныя сужденія о жизни ея явленіяхъ и условіяхъ. Говорятъ, напримѣръ, о физиологіи общества, о физиологіи извѣстнаго литературнаго или политическаго кружка, о физиологіи нравовъ. Этимъ предполагается, что физиологическія понятія, благодаря современному развитію этой науки, получили значеніе категорій очевидныхъ и простыхъ,—категорій, которыя осмысляютъ для насъ пестрыя явленія жизни. Соотвѣтственно этому, каждый образованный человѣкъ чувствуетъ явную потребность знакомиться по крайней мѣрѣ съ главнѣйшими основаніями и общими выводами физиологіи. Образование, которое доставляетъ человѣку возможность толковать въ досугъ, въ обществѣ свисходительныхъ друзей, объ исторіи, литературѣ, политикѣ, о народностяхъ—это образованіе, обогащающее насъ общими мѣстами изъ различныхъ наукъ, признается уже недостаточнымъ: оно хорошо для наполненія нашихъ досуговъ легкою и пріятною болтовней, но оно не годится для жизни. По мѣрѣ того, какъ цивилизація вноситъ въ наши ежедневныя отношенія порядокъ, правильность и смыслъ, по мѣрѣ того какъ просторъ жизни непосредственной, не разчитывающей, движущейся

задачу, стѣсняется, по мѣрѣ того какъ потребность снѣ сознанныаго плана въ жизни и дѣятельности чувствуется настойчивѣе и настойчивѣе, каждый образованный человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что нужно прежде сего изучить свои естественныя потребности, нужно изучить самыя первыя заповѣди, которыя предписала намъ природа въ устройствѣ нашего тѣлеснаго организма и наущеніе которыхъ наказывается страданіями и безнравственностью. Здравый смыслъ древнихъ Грековъ высказался въ убѣжденіи, что для достиженія всего лучшаго еловѣкъ долженъ пріобрѣсть ясное познаніе о самомъ себѣ, о своихъ силахъ, талантахъ и слабостяхъ. Только, образно съ идеальнымъ строемъ всего греческаго образованія, требованіе самопознанія выразилось въ греческой наукѣ изслѣдованіями о предметахъ непосредственно касающихся человѣческой воли, человѣческаго характера, его достоинствъ и отношеній. Что такое добродѣтель, добро, то такое справедливость, счастье, красота, дружба,—вотъ лижайшіе предметы, входившіе въ кругъ самопознанія. Само собою видно, что еслибъ эти и другія понятія, въ которыхъ даны намъ идеалы лучшаго человѣческаго существованія, мы выяснили себѣ до степени математической очевидности, то все еще жизнь поставляла бы тяжеловѣсный вопросъ о средствахъ и условіяхъ, которыя необходимы для осуществленія этихъ идеаловъ. Итакъ нужно еще найти эти условія и средства. Не всегда конечно существуютъ они на поверхности человѣческаго сознанія, такъ тобъ ихъ можно было видѣть сразу и безъ труда, и пользоваться ими по первому вызову обстоятельствъ: часто приходится искать ихъ не въ человѣкѣ, а въ его природѣ, не въ его сознательной сферѣ, а въ его тѣлесной организации. Фальшивыя тоны въ характерѣ человѣка, страстность, неспособность владѣть собою, или хладнокровіе, растирающееся до тупости и полного отсутствія энергіи, мягкость и доброта, цѣходящая до низкой уклончивости ередъ требованіями долга, или грубость и жесткость, неспособная входить въ положеніе другаго, трусость городского жителя и глупая отвага полудикихъ племенъ—все то явленія, которыхъ естественныя или привитыя зарыши очень часто скрываются въ тѣлесной организации и въ ея историческомъ воспитаніи и перевоспитаніи. Люди

не безъ смысла говорятъ о благородной крови, о насль-
ственныхъ достоинствахъ и слабостяхъ, объ изжившихся
поколѣнiяхъ,—говорятъ о дѣтяхъ, въ жилахъ которыхъ пе-
рестала течь кровь отцовъ ихъ: тѣлесный организмъ имѣ-
етъ исторiю; подъ влiянiемъ благоприятныхъ или дурныхъ
обстоятельствъ, онъ измѣняется, образуется и преобра-
зуется съ теченiемъ поколѣнiй, хотя справедливо, что его
исторiя не имѣетъ такихъ широкихъ размѣровъ, какъ исто-
рiя жизни душевной; она болѣе походитъ на ручей, кото-
рый принимаетъ различныя направленiя, и въ своемъ те-
ченіи то дѣлается богаче водою, то высыхаетъ, тогда какъ
исторiя человѣческаго духа есть море, разливающееся и
бросающее свои волны во всѣхъ направленiяхъ. Дикiе на-
роды, которые стояли на низшей степени образованiя,
всегда чувствовали сильную зависимость человѣка, его
духа, его взглядовъ и всего, что въ немъ дурно или хо-
рошо, отъ его тѣлеснаго устройства, отъ того что въ са-
момъ человѣкѣ еще не есть человѣкъ: они предполагали,
что въ самомъ же человѣкѣ дѣйствуютъ очень часто дру-
гiя также личныя, добрыя или дурныя существа; они убѣ-
ждались, что жизнь человѣка и его состоянiе опредѣлены
судьбою, то-есть, необходимостiю безъ основанiя и безъ
правила. Эту необходимость безъ основанiя и безъ пра-
вила естественныя науки превратили въ систему общихъ
и понятныхъ законовъ. Физиологiя въ особенности разви-
ваетъ многозначительное для воспитанiя лицъ и народовъ
убѣжденiе, что и въ области тѣлесной жизни человѣче-
ское искусство, которое на практикѣ оказывается тоже-
ственнымъ съ свободою человѣка, можетъ сдѣлать многое,
что и здѣсь оно можетъ пользоваться общими законами
природы для достиженiя личныя, свободно поставляемыхъ
цѣлей человѣческой жизни. Раскрывая передъ нами то, что
сдѣлала изъ человѣка природа, а не личный произволъ,
физиологiя даетъ намъ средства пользоваться дѣломъ при-
роды для успѣха нашихъ человѣческихъ дѣлъ, для испол-
ненiя нашихъ сознательныхъ плановъ и намѣренiй. Какъ
художникъ для воспроизведенiя на полотнѣ изящнаго об-
раза принимается за средства вовсе не изящныя, и от-
дается работѣ чисто механической; такъ человѣкъ, заня-
тый вопросами общаго образованiя, стремящiйся дать
смыслъ и правильность своему душевному развитiю, чув-

твуетъ необходимость изучать общіе законы человѣческаго тѣла, знакомиться съ тѣми средствами и препятствіями къ своему развитію, которыя находятся уже въ то тѣлесномъ устройствѣ. Физиологія, наука о жизни, дѣлается для него потребностію жизни: онъ будетъ изучать ее, если не въ качествѣ спеціалиста, то по нуждамъ чело-вѣка.

Льюисъ говоритъ: „нѣтъ научнаго вопроса, который бы для чело-вѣка былъ важнѣе вопроса объ его жизни. Нѣтъ знанія, на необходимость котораго чаще указывали бы ежедневныя случайности, какъ знаніе процессовъ, въ силу которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Чело-вѣкъ постоянно подвергается опасности преступить законы, нарушеніе которыхъ можетъ повлечь за собою цѣлые годы страданій, можетъ быть причиною утраты силъ, преждевременной смерти. Люди проповѣдующіе гигиеническія реформы проповѣдуютъ въ устынѣ, потому что они обращаются къ публикѣ, которая не понимаетъ законовъ жизни, законовъ на столько же точныхъ, какъ и законы тяготѣнія или движенія. Даже эволюціонный опытъ нашихъ ближнихъ не можетъ послужить намъ урокомъ, если мы не будемъ понимать началъ, лежащихъ въ основаніи его. Если одинъ чело-вѣкъ страдаетъ отъ дѣйствія испорченнаго воздуха, то другой выноситъ тотъ воздухъ безъ видимаго вреда для себя, а третій заключаетъ изъ этого, что все это—дѣло случая, и совершенно полагается на эту случайность; но еслибы онъ понималъ начала, на которыхъ основана эта случайность, то бы не предавался бы на волю судьбы, и его первая попытка плавать не окончилась бы кораблекрушеніемъ.“

Но освободить чело-вѣка отъ власти случайностей, придать или научить его не отдаваться на волю судьбы наука имѣетъ только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, когда она сама сдѣлается независимою отъ владычества случайностей, и во-вторыхъ, когда она перестанетъ составлять привилегію меньшинства. Первое условіе требуетъ отъ нея основательности и научной истины, второе — популярнаго, общепонятнаго изложенія. Первое зависитъ отъ личной учености, второе отъ искусства, которое вообще служитъ естественнымъ посредникомъ между жизнью и наукою. Только при помощи искусства излагать науку просто и ясно, передавать другимъ ея выводы на

языкъ общепонятномъ,—высшая зрѣлость отдѣльныхъ умовъ становится общимъ достоянiемъ.

Самое собою понятно, что соединенiе этихъ условiй и требованiй въ одномъ лицѣ дѣло не легкое; у насъ шведскій литераторъ объявляетъ вслухъ всего грамотнаго мира, что онъ поставилъ задачею своей жизни популяризовать науку: и дѣйствительно онъ популяризуетъ ее, но уже такъ, что дѣлаетъ ее пошлагою, наполняетъ ее болтовнею, которая, пожалуй, можетъ прогонять скуку, только не невѣжество. Въмѣсто того чтобы поднимать грубый, неразвитый смыслъ до опредѣленныхъ и правильно-развитыхъ представленiй науки, такой популярный ученый вноситъ въ самую науку представленiя, которыя оказываются грубыми и глупыми даже для цѣлей обиходной, уличной жизни. Популярность въ изложенiи науки есть искусство, которое приобрести не легко, есть талантъ, развитiе котораго не обходится безъ труда и умственныхъ усилiй. Въ этомъ отношенiи мы съ особеннымъ удовольствiемъ указываемъ нашимъ читателямъ на *Физиологию* Льюиса, въ которой такъ хорошо примиряется общедоступное изложенiе съ научнымъ достоинствомъ. Эта *Физиология* есть сочиненiе, какъ говорить ея авторъ, „дѣйствительно приуроченное къ понятiямъ людей, имѣющихъ только общее образованiе“, и въ то же время она представляетъ живой интересъ для ученаго физиолога и психолога. „Я думалъ, говорить Льюисъ, что было бы не честно, какимъ бы то ни было путемъ, способствовать къ распространенiю ошибокъ, послѣ того какъ самъ усердно трудился для того чтобы добиться истины. Все, къ чему я считалъ себя обязаннымъ,—это изложить безпристрастно и факты и мнѣнiя, распространенныя между физиологами, и когда мнѣ казалось, что эти мнѣнiя не могутъ быть приняты, показать причины, на основанiи которыхъ они должны быть отвергнуты. Поэтому критика играетъ значительную роль въ моей книгѣ, и въ ней есть много оригинальнаго.“

Въ самомъ дѣлѣ два тома *Физиологии* Льюиса заключаютъ въ себѣ много оригинальнаго. Выводы, къ которымъ приходитъ Льюисъ, часто рѣшительно противорѣчатъ воззрѣнiямъ лучшихъ современныхъ физиологовъ. Кроме знатка физиологiи, мы видимъ въ немъ мыслителя, который хочетъ оправдывать свои положенiя изъ началъ общихъ

или философскихъ. Наконецъ, особенно много изъясненій, предположеній, задачъ и вопросовъ предлагаетъ онъ для психолога. Почти весь второй томъ его сочиненія занимается изсаждованіемъ физиологическихъ явленій въ ихъ ближайшей связи съ явленіями и состояніями душевной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только взглянуть на оглавленія различныхъ частей этого тома. Вотъ они: „Мышленіе и чувствованіе.—Мозгъ и умственная дѣятельность.— Наши чувства и ощущенія.—Сонъ и сны.—Свойства переходящія отъ родителей къ дѣтямъ.—Жизнь и смерть.“ Въ нашемъ критическомъ обзорѣни мы будемъ касаться главнымъ образомъ психологическаго содержанія Льюисовой *Физиологіи*. Вопросы о душѣ, ея измѣненіяхъ и состояніяхъ, также вопросы объ отношеніи душевныхъ явленій къ тѣлесному организму и къ его различнымъ частямъ слишкомъ тѣсно связаны съ многочисленными вопросами о нашемъ существованіи и нашей цивилизаціи, и можетъ-быть вслѣдствіе этого они поднимаютъ цѣлый рядъ страстей и предубѣжденій, которыя очень часто не даютъ мѣста спокойному и терпѣливому изученію законовъ душевной жизни. Скажите иному ученому пошлое и невинное положеніе, что душа существуетъ: онъ отскочитъ отъ васъ, какъ отъ зачумленнаго. Скажите ему такое же пошлое и ничего не значащее положеніе, что человѣкъ есть живой организмъ, чувствительный механизмъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ: онъ почтитъ васъ именами, каковы: свѣтило науки, представитель современной мысли и т. п. Очевидно, что то и другое положеніе можетъ быть глупымъ, или можетъ имѣть свой добрый смыслъ смотря по тому, кто, какъ и почему высказываетъ его: какъ вещи въ природѣ, такъ наши мысли въ головѣ получаютъ свое значеніе, свой вѣсъ только изъ отношеній. Этимъ они отличаются отъ предразсудковъ, отъ вѣры, отъ лозунга партій. Партія, напримѣръ, справляется только томъ, что вы думаете, а наука о томъ, что и какъ вы думаете; тамъ разсматриваются ваши мысли какъ форма вашихъ желаній или тенденцій, а здѣсь—какъ знаніе и пониманіе дѣла. Вопросы о душѣ, вопросы, которыхъ медленное разъясненіе въ области науки не удовлетворяетъ людей многожелающихъ и мало думающихъ, сдѣлались въ нашей современной литературѣ знаменемъ, по которому

каждая партія съ глупою легкостію узнаеть своихъ и открываетъ противниковъ. При такомъ положеніи науки, самый ясный и отчетливый ученый рискуеть быть непонятнымъ, или перетолкованнымъ. За примѣрами ходить не далеко. Льюисъ, котораго мы намѣрены изучать, уже испыталъ эту судьбу въ нашей литературѣ, ужъ переродился на не воздѣланной почвѣ русской журналистики: партія ученая, или неученая, успѣла приурочить его къ своему знамени. Дѣло, какъ догадывается читатель, состоитъ въ слѣдующемъ:

Во второй книжкѣ *Современника* за текущій годъ г. Антоновичъ помѣстилъ рецензію на физиологію Льюиса, рецензію, которая имѣеть своею цѣлью оправдать давно явившіяся въ свѣтъ и, можетъ-быть, уже забытыя публикою статьи г. Чернышевскаго *Объ антропологическомъ принципѣ въ философіи*. Когда я написалъ критическія замѣчанія на эти статьи, г. Чернышевскій отицалъ только нѣкоторыми не лестными для меня прозвищами, да еще указаніями на свои добрыя желанія, и на свое направленіе, что, какъ я показалъ выше, совершенно сообразно съ духомъ партій, уважающихъ вообще не знаніе, а намѣренія; поэтому я думаю, что ученое оправданіе воззрѣній г. Чернышевскаго было бы дѣломъ очень не лишнимъ. Можетъ-быть и его теорія имѣеть средства осмыслить себя, средства, которыя доселѣ остаются неизвѣстными ея противникамъ. Но во всякомъ случаѣ рецензія чужой книги, написанная съ такою частною, а не общенаучною цѣлію, можетъ быть встрѣчена предубѣжденіемъ и недоувѣріемъ. Понятно, что, гдѣ идетъ дѣло о защитѣ дорогой личности отъ тяжелыхъ упрековъ, тамъ не только Льюисъ и его физиологія, тамъ всѣ силы міра должны служить намъ; поэтому люди всегда смотрять подозрительно на тѣ случаи, когда мы приурочиваемъ свой маленькій интересъ къ общему дѣлу. Въ статьѣ г. Антоновича является мое имя, и является съ тѣми же прозвищами, которыя уже извѣстны публикѣ изъ бойкихъ статей г. Чернышевскаго; мы находимъ въ ней тотъ же тщательно составленный разрядный списокъ философовъ, съ ихъ раздѣленіемъ на старыхъ и новыхъ. Г. Антоновичъ объявляетъ теперь ученому міру домашнюю тайну редакціи *Современника*: *Русскій Вѣстникъ* и Юркевичъ давно уже

отнесены къ разряду старыхъ философовъ. „Мы, откровенничаетъ г. Антоновичъ, отнесли ихъ обоихъ къ старому гуну, не называя ихъ впрочемъ по именамъ.“ Да, я не былъ такъ счастливъ, какъ г. Лавровъ, который при невыгодной отбѣткѣ: *идеалистъ*, попалъ однакоже въ первый разрядъ: „мы, говоритъ г. Антоновичъ, причислили его однако не къ старымъ, а къ новымъ философамъ.“ Я могъ бы жаловаться на нѣкоторыя несправедливости ко мнѣ со стороны начальства редакціи *Современника*, потому что такъ прежде г. Чернышевскій сдѣлалъ свои заключенія обо мнѣ не читая моихъ статей, такъ теперь г. Антоновичъ не хочетъ справляться, вѣрна ли моя философія или нѣтъ. Онъ говоритъ: „правъ ли г. Юркевичъ, вѣрна ли, или нѣтъ его философія, объ этомъ мы не скажемъ ни слова“, и однакоже опредѣляетъ, что я знаю „однѣ только семинарскія тетрадки“, и ставитъ меня въ списокъ „каббалистовъ.“ Видимо, тутъ присутствуетъ какой-то особенный порядокъ, о смыслѣ котораго нельзя догадаться. Можетъ-быть этотъ порядокъ и хорошъ. Можетъ-быть надобно приучить публику къ вѣрѣ въ сужденія *Современника*, приучить ее къ скромности и послушанію. Въ настоящее время даже молодые люди стали какъ-то слишкомъ критически заглядывать въ литературныя мистеріи, стали доискиваться въ нихъ смысла. Это, по справедливому замѣчанію г. Антоновича, противники *Современника*. „Во всѣхъ случаяхъ, говоритъ о нихъ г. Антоновичъ, прежде всякаго другаго дѣйствія, они справляются съ *Современникомъ*, чтобы непременно стать въ оппозицію съ нимъ.“ Кажется, продолжаетъ свои жалобы г. Антоновичъ на современное вольнодумство, — они и читаютъ *Современникъ* собственно для того только, нельзя ли найти въ немъ какихъ-либо погрѣшностей или промаховъ, а всѣ другія книги читаютъ съ единственною цѣлію отыскать въ нихъ что-нибудь такое, чѣмъ бы можно было уколоть и задѣть *Современникъ*.“ Замѣтимъ для полноты этого печальнаго образа, что подъ этими противниками г. Антоновичъ разумѣетъ не *Отечественныя Записки*, не *Русскій Вѣстникъ*, нѣтъ, онъ говоритъ просто о „многихъ“: зло, слѣдовательно, пошло дальше отдѣльныхъ редакцій. Да, ваша правда, г. Антоновичъ, мы живемъ въ критическое, въ дурное время: люди вездѣ подмѣчаютъ „погрѣшности и промахи“,

какъ вы основательно жалуетесь. Въ *Современникѣ* особенно отыскиваютъ они много погрѣшностей и промаховъ, но это дѣлаютъ они уже безъ всякой особенной причины.

Изъ неопредѣленнаго множества противниковъ *Современника* г. Антоновичъ выдѣляетъ *Отечественныя Записки* и *Русскій Вѣстникъ*, чтобы сказать имъ въ частности горькое слово правды, вѣчные законы которой они попрали. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* когда-то было совершенно случайно приведено коротенькое мѣсто изъ физиологіи Льюиса, мѣсто говорившее противъ г. Чернышевскаго и по видимому доказывавшее, что я знаю не однѣ семинарскія тетрадки. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* было сказано нѣсколько словъ въ оправданіе этой цитаты. Публика наша не дозрѣла до того, чтобы взвѣсить всю тяжесть вины, заключающейся въ указаніи этихъ журналовъ на коротенькій текстъ Льюисовой физиологіи: да, я утверждаю, что она еще не дозрѣла до этого. Припомните же вы, какъ сказалъ бы г. Чернышевскій на моемъ мѣстѣ, вы, *жидки мои, вы, тупоумные, дрянные пошляки*,—повторяю, такъ взываю къ вамъ не я, а взываетъ такъ г. Чернышевскій на моемъ мѣстѣ.—припомните же, какъ жестоко нѣкогда наказалъ Зевсъ-громовержецъ Прометея за то, что этотъ дерзкій похитилъ маленькую искру небеснаго огня и отдалъ ее простому смертному, припомните это, и вы. можетъ-быть, поймете, сколько дерзости совершили тѣ журналы, похитивъ бессмертную искру Льюисовой мысли и отдавъ ее не г. Чернышевскому, а простому смертному, какъ Юркевичъ. Г. Антоновичъ и гнѣвается и плачетъ за Льюиса. Противники *Современника* уронили честь Льюиса, заставили усомниться въ его достоинствахъ, какъ физиолога, записали его въ ученики Юркевичу... „Мы, возглашаетъ г. Антоновичъ, считаемъ своею обязанностію защитить Льюиса отъ нареканій, бросающихъ тѣнь на его физиологическую репутацию, и смѣло говоримъ, что противники *Современника* наклеветали на почтеннаго ученаго, утверждая, что онъ можетъ служить подпоркою философіи г. Юркевича.“

Я заявляю читателямъ эти высокія стремленія г. Антоновича съ неподдѣльною радостію, заявляю, какъ патриотъ которому дорога честь его великаго отечества. Если англійская образованная публика узнаетъ, какъ много за-

читать у насъ Льюисъ, какъ высоко, безмѣрно высоко ставимъ мы его имя, какъ дорожимъ мы его понятіями, какъ тщательно предохраняемъ мы ихъ отъ ложныхъ толкованій, если все это она узнаетъ, тогда,—въ этомъ нельзя сомнѣваться,—она перестанетъ называть насъ Скиѣтами, полудикимъ племенемъ Европы. „Да, скажетъ мистеръ Бэклъ, вдумываясь въ это явленіе, я правду сказалъ: историческія роли народовъ перемѣняются. Было время, когда дикіе сыны Аравіи лучше понимали, выше цѣнили и глубже уважали Аристотеля нежели Европа, наслѣдовавшая всю цивилизацію древняго міра.“

Убѣдивъ другихъ, или, можетъ-быть, только самого себя, что взгляды Льюиса на жизнь и ея условія согласны съ философіей *Современника*, г. Антоновичъ заключаетъ:

„Послѣ этого, подумайте сами, любезные читатели, какими комплиментами мы могли бы угостить противниковъ *Современника*, какъ удобно могли бы поглумиться надъ ихъ ученою проницательностію и какимъ свистомъ могли бы проводить всѣ ихъ разглагольствованія о Льюисѣ и г. Юркевичѣ—и имѣли бы на это полное право. Но... неволью возбуждается какая-то жалость къ противникамъ, когда видишь ихъ совершенное безсиліе и безответность и сознаешь на своей сторонѣ все превосходство силы и всю правоту своего дѣла.“

Можетъ-быть, читатели и не подумавъ, а такъ, сразу, согласятся съ вами, г. Антоновичъ, что вы особенно могли бы поглумиться и посвистать. Этими способностями вы обладаете несомнѣнно. Но внимательный читатель можетъ призадуматься и придти въ удивленіе, замѣчая какъ широка духовная натура этого самоновѣйшаго философа. Въ то время какъ его душа кипитъ гнѣвомъ на противниковъ *Современника*, во время душевной бури, грозящей разрушеніемъ среди этой самой бури негодованія возбуждается въ той же самой душѣ тихая „какая-то жалость“. Какъ это возможно? спрашиваетъ призадумавшійся читатель. Какъ возможно соединеніе въ одной и той же душѣ въ одно и то же время такихъ противоположностей, какъ громы гнѣва и мелодія жалости, какъ черная туча негодованія и свѣтлый лучъ мягкосердечія? Одно изъ двухъ: или такое существо, способное молчать въ то именно время, когда оно же само говоритъ, способное оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ въ то

именно время, когда оно же само ходитъ, есть рѣдкій психологическій экземпляръ, или г. Антоновичъ напустилъ на себя и этотъ гнѣвъ, и эту жалость.

Послѣ этого общаго обзора душевныхъ настроеній, съ какими г. Антоновичъ подвергъ рецензію физиологію Льюиса, я позволю себѣ войти въ разборъ этой, можетъ-быть, замѣчательной рецензіи. Если уже разъ судьба связала меня съ Льюисомъ, если Льюисъ сталъ невиннымъ поводомъ къ тому, что г. Антоновичъ еще разъ повторилъ тѣ сужденія и отзвывы обо мнѣ, какіе сдѣлалъ г. Чернышевскій, и повторилъ будто бы съ указаніемъ ученыхъ основаній; то я считаю себя въ правѣ отвѣчать г. Антоновичу, тѣмъ болѣе что г. Антоновичъ говоритъ о безответственности противниковъ *Современника*, и этимъ какъ бы самъ вызываетъ на объясненія. Конечно моя муза не умѣетъ ни пѣть, ни смѣяться, ни ликовать, это недостатокъ ея; за то она будетъ разказывать или докладывать.

Вопервыхъ, какъ удостовѣриться, что Льюисъ разрабатываетъ науку въ томъ же направленіи, какому сѣдуетъ философія *Современника*? „Объ убѣжденіяхъ ученаго, отвѣчаетъ г. Антоновичъ, надобно судить не по отдѣльнымъ фразамъ, или отрывкамъ, но по самой сущности, по всему строю его воззрѣній.“ Итакъ нужно узнать самую сущность, весь строй Льюисовыхъ воззрѣній. Это требованіе очень разумно. Но при этомъ дознаніи, нужно, какъ думаетъ г. Антоновичъ, брать во вниманіе еще одно очень важное обстоятельство. „Англичане, говоритъ онъ, народъ церемонный и этикетный до щепетильности; они свято уважаютъ то, что принято, благоговѣютъ предъ мнѣніями, освященными стариною, съ трудомъ отказываются отъ укоренившихся преданій и обычаевъ. хоть бы въ нихъ все было основано на предразсудкѣ.“ Такъ какъ эта жаккая особенность англійскаго характера существуетъ и у Льюиса, то нужно въ немъ хорошо различать то, что онъ говоритъ изъ церемонности, этикетности, щепетильности, что онъ утверждаетъ изъ уваженія къ предразсудкамъ толпы, отъ всего того, что онъ принимаетъ какъ ученый знатокъ физиологіи. Такъ какъ, повторяемъ, Льюисъ имѣетъ эти недостатки англійскаго характера, то—замѣчаетъ г. Антоновичъ—„и у Льюиса встрѣчаются двусмысленныя фразы, которыя могутъ дать поводъ думать, будто бы онъ сло-

дится хоть бы, напримѣръ, съ Юркевичемъ.“ Жаль, что ученые переводчики не обозначили этихъ двусмысленныхъ фразъ, которыя поставляютъ англійскаго физиолога въ невыгодное для него сосѣдство со мною и мѣшаютъ ему стоять поближе къ философіи *Современника*. Естественно было ожидать по началамъ ученой добросовѣстности, что самъ г. Антоновичъ укажетъ намъ что въ физиологіи Льюиса написано церемоннымъ, связаннымъ предразсудками Англичаниномъ, и что онъ предлагаетъ намъ какъ свое научное убѣжденіе. Такъ какъ г. Антоновичъ счелъ за лучшее не дѣлать этихъ указаній, то ясныя правила, которыя онъ поставилъ для руководства при оцѣнкѣ физиологіи Льюиса, не только оказываются безполезными, но они еще могутъ оправдывать самый неосновательный произволъ въ толкованіи Льюиса. Напримѣръ Льюисъ говоритъ: „чтобы мы когда-нибудь проникли тайну души, это очень невѣроятно...“ (Т. II. 73.) „Что такое мысль, этого мы не знаемъ и можетъ-быть никогда не узнаемъ...“ (Т. II. 65.) „Очень вѣроятно, что животныя не способны думать послѣдовательно о чемъ-нибудь, не связанномъ съ непосредственно-дѣйствующими на нихъ впечатлѣніями...“ (Т. II. 77.) Или, напримѣръ, Льюисъ допускаетъ „коренное различіе“ между химіей, физиологіей и психологіей. Ссылаясь на пустыя правила, о которыхъ мы уже говорили, г. Антоновичъ можетъ сказать: „понимаемъ, сэръ, вы Англичанинъ, вы церемонитесь и щадите предразсудки толпы. *Современникъ* доказалъ въ статьяхъ *Объ антропологическомъ принципѣ въ философіи*, что только тупыя головы находятъ таинственное и непонятное въ душевныхъ явленіяхъ; онъ доказалъ, что задачи психологіи рѣшаетъ физиологія, которая за то отдаетъ свои задачи химіи; онъ доказалъ, что собака, напримѣръ, убѣгаетъ при видѣ поднятой палки вслѣдствіе совершенно отвлеченныхъ, построенныхъ въ формальный силлогизмъ соображеній. Ваши выраженія, сэръ, приведенныя выше, двусмысленны, что бы тамъ ни говорили противники *Современника*—ваши клеветники тожь—объ ихъ ясности. Если посмотрѣть на самую сущность вашихъ воззрѣній, то они сходятся съ философіей *Современника*, частныя положенія которой вы, сэръ, только что имѣли случай выслушать и оцѣнить.“ И такимъ образомъ каждый Антоновичъ

можетъ въ физиологіи Льюиса находить только то что онъ пожелаетъ найдти, или что будетъ согласно съ философіей *Современника*. Остается, слѣдовательно, бросить всѣ правила и положиться на личную ученость рецензента, на его личное знаніе физиологіи вообще и повиманіе *Физиологіи* Льюиса въ частности. Опыты сейчасъ научать насъ какъ надобно думать о степени умственного развитія и учености г. Антоновича.

„Психологія, говоритъ Льюисъ,—наука о душѣ, физиологія—наука о жизни. Всѣ признающіе психологію наукой признаютъ также, что задача ея состоитъ въ разъясненіи законовъ мышленія, сущности души и ея свойствъ. Эта наука можетъ—я слѣдую мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что она *должна*—искать средствъ (т. е. пособій) изслѣдованія въ физиологическихъ законахъ, такъ же точно, какъ и наша физиологія ищетъ помощи у химіи; но результаты добытые ею, какъ независимую вѣтвью знанія, не могутъ быть подводимы подъ основныя правила физиологіи: о годности, или негодности ихъ нельзя заключать по тому, подходятъ ли они подъ физиологическіе законы, или противорѣчатъ имъ.“ (Т. II. 2.)

Я спрашиваю читателя, ясенъ ли этотъ текстъ и вуждается ли онъ въ поясненіи? Лично мнѣ кажется, что онъ простъ, ясенъ, прозраченъ какъвозъ. Г. Антоновичъ почему-то находитъ необходимымъ „разъяснить“ его. „Понятія Льюиса, говоритъ онъ, объ отношеніи между физиологіей и психологіей можно лучше разъяснить себѣ представленіемъ того отношенія, какое существуетъ, напримѣръ, между акустикой, ученіемъ о звукѣ, и между музыкой, ученіемъ о мелодіи и гармоніи. Акустика изучаетъ отдѣльные звуки и тоны (sic), такъ-сказать, элементы музыки, а сама музыка изучаетъ разнообразныя сочетанія ихъ, указываетъ и разъясняетъ порядокъ, въ которомъ должны слѣдовать, и тѣ законы, по которымъ должны соединяться отдѣльные звуки, чтобъ изъ нихъ образовалася приятная для слуха мелодія и гармонія. Такъ точно физиологія изучаетъ первичныя психическіе акты, такъ-сказать, основныя элементы, а сочетаніе ихъ, напримѣръ, ассоціація представленій, дѣйствіе отвлеченія и умозаключенія принадлежитъ уже психологіи.“

Акустика названа наукой объ отдѣльныхъ звукахъ и

тонахъ, музыка—наукою о сочетаніяхъ этихъ тоновъ. Сообразно съ этимъ сравненіемъ, простыя положенія Льюиса, что психологія—наука о душѣ, физиологія—наука о жизни, мы вынуждены измѣнить такимъ образомъ: физиологія есть наука объ отдѣльныхъ явленіяхъ жизни, какъ акустика—наука объ отдѣльныхъ звукахъ; психологія же есть наука о сочетаніяхъ этихъ явленій жизни, какъ музыка—ученіе о сочетаніяхъ тоновъ. Такимъ образомъ „разъясненіе“ г. Антоновича приближаетъ Льюиса на одинъ шагъ къ философіи *Современника* и вмѣстѣ взваливаетъ на Льюиса одну очень крупную глупость. Психологія будетъ, по Льюису, наукою о сочетаніяхъ отдѣльныхъ явленій жизни, о сочетаніяхъ соковъ въ лимфу и кровь (это мелодія и гармонія), хрящей—въ кости, тканей—въ органы. Или мы дѣлаемъ натяжки? или сравненіе не ведетъ къ этимъ нелѣпостямъ? Музыка занимается сочетаніемъ того содержанія, которое по частямъ изучаетъ акустика. Психологія занимается сочетаніемъ того содержанія, которое по частямъ изучаетъ физиологія. Такъ, или иначе?

Въ полномъ согласіи съ приведеннымъ выше „разъясненіемъ“, г. Антоновичъ утверждаетъ рѣшительнымъ тономъ: „для Льюиса душа есть *синонимъ* жизни: въ этомъ вся сущность и разгадка его воззрѣнія“. Какъ догадался г. Антоновичъ, что таково именно воззрѣніе Льюиса, онъ не открываетъ намъ. Мы читали уже два раза, что по Льюису физиологія есть наука о жизни, психологія—наука о душѣ. Теперь г. Антоновичъ взваливаетъ на насъ обязанность еще разъ перевести эти опредѣленія на слѣдующій языкъ: физиологія есть наука о жизни, психологія—наука о *синонимѣ* жизни. Очень понятно почему г. Чернышевскій отвергъ психологію и свелъ ее къ физиологіи. Умный человѣкъ не станетъ заниматься такою глупою наукою, какою оказывается психологія на взглядъ г. Антоновича.

Продолжая *разъяснять* тотъ же ясный текстъ Льюиса, г. Антоновичъ говоритъ: „въ человѣкѣ кромѣ явленій органическихъ, или, какъ говорится, кромѣ животной жизни, мы замѣчаемъ еще особыя психическія явленія, отличныя отъ первыхъ.“

— Чѣмъ вы занимаетесь, м. г.? спрашиваетъ меня г. Антоновичъ.

— Изучаю явленія органическія, отвѣчалъ я.

— А, понимаю, подхватилъ г. Антоновичъ,—явленія органическія, или, какъ говорится, животную жизнь.

— Такъ точно, животную жизнь травъ, растеній, прибавилъ я, видя, что г. Антоновичъ, какъ деревянный божокъ сибирскихъ Тунгусовъ при жертвоприношеніи, не разбираетъ, что ни поднеси ему, связку ли мху, питательнаго для оленей, или кусокъ оленя, питательный для Тунгуса.

Я боюсь, впрочемъ, не навязалъ ли я г. Антоновичу того, о чемъ онъ вовсе не говорилъ. Его мысль я надѣюсь передать съ особенною ясностію слѣдующимъ образомъ: „въ человѣкѣ, кромѣ измѣненія, нарастанія и питанія тканей, или, какъ говорится, кромѣ чувства боли и удовольствія, кромѣ способности представлять и воображать, мы замѣчаемъ еще особыя психическія явленія, отличныя отъ первыхъ.“

Что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ погрѣшностью типографскаго станка, а съ философіей *Современника*, на это существуетъ убѣдительное доказательство. Люблю говорить: „Химики, разлагая органическія вещества, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, ни разу не наткнулись на что-либо, что можно было бы назвать исключительно органическимъ, то-есть на что-нибудь, составленное изъ элементовъ не встрѣчающихся въ тѣлахъ неорганическихъ. Никто никогда не находилъ, чтобъ элементы органическихъ тѣлъ, по разединеніи, разнились отъ элементовъ тѣлъ неорганическихъ; изъ этого было выведено неизбѣжное заключеніе, что такъ какъ тѣла органическія отличаются отъ неорганическихъ не своими составными элементами, но только расположеніемъ и сочетаніемъ этихъ элементовъ, то явленія исключительно свойственныя тѣламъ органическимъ должны завѣсть отъ этихъ особенностей въ расположеніи.“ (Т. II. 345.)

Г. Антоновичъ переписалъ весь этотъ текстъ; надобно думать, что онъ понялъ о чемъ говорить этотъ текстъ. Говоритъ онъ о различіи между тѣлами неорганическими и органическими, утверждаетъ, что тѣ же элементы неорганическіе, вступая въ особенныя сочетанія, даютъ тѣло органическое. Или не объ этомъ говорить текстъ, который привели мы? Итакъ, какъ сказалъ я, г. Антоновичъ переписываетъ весь этотъ текстъ, потомъ, намекая иронически на одно мое выраженіе въ статьѣ противъ г. Чернышевскаго, восклицаетъ:

„Что за мифологія такая? одни и тѣ же качества, одни и тѣ же элементы обнаруживаютъ такія рѣзко-различныя явленія, какъ неорганическія и животныя!“

Такъ видите ли, какъ г. Антоновичъ примиряетъ Льюиса съ философійю *Современника*: приемъ его очень незатѣливъ. Льюисъ говорить:

— Органическое тѣло отличается отъ неорганическаго только особеннымъ сочетаніемъ и расположеніемъ тѣхъ же неорганическихъ элементовъ.

— Точно такъ, спѣшитъ высказаться г. Антоновичъ, — именно такъ, вы, сэръ, сказали правду: животная жизнь, то-есть, ощущеніе, представленіе, воображеніе, память — все отличается отъ неорганическихъ тѣлъ только особеннымъ сочетаніемъ и расположеніемъ тѣхъ же самыхъ неорганическихъ элементовъ.

— Но я говорю, возражаетъ Льюисъ, нѣсколько сконфуженный, — я говорю объ органическихъ явленіяхъ, то-есть, о растительныхъ клеточкахъ и тканяхъ. Видите ли: химики находятъ въ организамахъ соли, металлы, минералы и все такое неорганическое. Я вамъ сказалъ, что физиологія есть наука о жизни, а психологія наука о душѣ. Я поставилъ самые ясные признаки органическихъ явленій: это *питаніе, ростъ, размноженіе*. (Т. II. 355.) А слагать изъ солей воображеніе, память...

— Не беспокойтесь повторять, сэръ, отвѣчаетъ г. Антоновичъ, видимо чувствующій на душѣ что-то праздничное, — я васъ совершенно понялъ: органическія явленія, или, какъ говорятъ, животная жизнь, то-есть ощущеніе боли и радости, пониманіе, фантазія, гнѣвъ, подлость, — всѣ эти явленія слагаются изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ какихъ и тѣла неорганическія; только неорганическіе элементы, напримѣръ, соли, металлы и проч., вступаютъ въ этомъ случаѣ въ особенное сочетаніе, принимаютъ особенный порядокъ и расположеніе. Не такъ ли, сэръ?

Итакъ сомнѣваться нечего. Каковы бы ни были понятія г. Антоновича, они представляютъ замѣчательное единство: одно другимъ поддерживается, оправдывается и объясняется. Они оказываются частями одного цѣлостнаго воззрѣнія. Притомъ онъ такъ сжился съ ними, что серіозно воображаетъ ихъ и у Льюиса.

Въ моей статьѣ *Изъ науки о человѣческомъ духѣ*, я

доказывалъ, что ученіе г. Чернышевскаго о непосредственности, безусловномъ превращеніи количественныхъ отношеній въ качественныя, величинъ въ содержаніе, есть миеологія на почвѣ естествознанія. Я показалъ, какимъ образомъ философскіе анализы Локка, Юма и Канта, сообщили математическую очевидность положенію, что это превращеніе количественныхъ отношеній въ качественныя возможно только подъ условіемъ зрителя и въ средѣ зрителя: иначе, прибавлялъ я, природа творила бы вѣчто изъ ничего. Г. Антоновичъ увѣряетъ теперь, что самъ я превратилъ въ этотъ случаѣ количество въ качество „только посредствомъ фокуса.“ Съ этимъ можно согласиться, если все, чего г. Антоновичъ не понимаетъ, есть фокусъ, а между тѣмъ я показалъ, что этотъ фокусъ принадлежитъ Локку, Юму Кату и всей европейской философіи. „Льюисъ, прибавляетъ г. Антоновичъ, рассуждаетъ объ этихъ вещахъ иначе. Какъ же именно? Г. Антоновичъ приводитъ текстъ, который мы уже читали, текстъ, который говоритъ единственно объ элементарномъ сходствѣ тѣмъ неорганическихъ и органическихъ; г. Антоновичъ воображаетъ находить въ этомъ текстѣ опроверженіе будто бы выдуманнаго мною „фокуса“, и, какъ мы уже слышали, восклицаетъ иронически: „какая миеологія!“

Между тѣмъ я подозреваю, что фізіологъ Льюисъ очень хорошо знакомъ съ философскимъ значеніемъ мысли, которую г. Антоновичъ называетъ моимъ „фокусомъ.“ Фактъ, въ которомъ основалъ г. Чернышевскій свою вѣру въ непосредственное превращеніе количествъ въ качества, былъ слѣдующій: „вода при разныхъ обстоятельствахъ бываетъ льдомъ, жидкостью и паромъ; въ этихъ состояніяхъ одно качество принимаетъ форму трехъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.“ Г. Антоновичъ повторяетъ въ своей рецензії этотъ текстъ и оправдываетъ его тѣмъ способомъ, на который мы только что указали. Льюисъ, на котораго г. Антоновичъ ссылался для изобличенія меня въ искусствѣ изобрѣтать фокусы, говоритъ: „Малообразованному слушателю показалось бы нелѣпностью (*фокусомъ*), если бы ему сказали, что пальцы не осязаютъ того предмета, къ которому они прикасаются. Только психологъ можетъ

нать, что жаръ находится не въ огнѣ, твердость—не въ мѣдѣ, звукъ—не въ ударѣ грома.“ (Т. II, 251, 252.) Итакъ, идите, г. Антоновичъ, гдѣ, по взгляду Льюиса, подлинное исто этихъ качествъ. Только „мало-образованному зрителю“ кажется, что эти качества существуютъ въ самихъ вещахъ. Только вамъ, г. Чернышевскому и вообще людямъ „мало-образованнымъ“ кажется, что вода такъ-таки въ своемъ подлинномъ элементѣ (какъ *вещь въ себѣ*, по Канту) превращается въ ледъ, въ жидкость, въ паръ. Льюисъ говоритъ вамъ, что твердость и холодъ существуютъ не въ глыбѣ льда, прозрачность—не въ жидкости, темнота—не въ парахъ, что глѣбовательно вода приняла эти качества только въ средѣ зрителя, а не въ своемъ подлинномъ элементѣ.

Г. Антоновичъ приводитъ текстъ Льюиса (т. II, 349), говорящій о зависимости цѣлостной жизни организма отъ самостоятельной жизни органическихъ клѣточекъ, находитъ въ этомъ ясномъ текстѣ опроверженіе мысли, которую онъ назвалъ фокусомъ, и оканчиваетъ слѣдующею торжествующею пропіей:

„Вы съ ума сошли, мистеръ Льюисъ, должны сказать ослѣ этого противники *Современника*; вы стараетесь святить жизнь съ явленіями неорганическаго міра (*клеточки Антоновичъ относитъ къ неорганическому міру, какъ этого можно было ожидать уже послѣ того, что мы нашли у его выше*), рассматриваете только чувствующій организмъ забываете зрителя и дѣятеля, котораго указываетъ вамъ нашъ учитель, г. Юркевичъ.“

И такимъ образомъ г. Антоновичъ, желая изобличить меня въ вымыслахъ, въ миеологіи, каждый разъ обращается къ тому миеологическаго героя, который, по сказанію древнихъ Грековъ, при каждой попыткѣ поймать богиню, обнималъ облако, съ тою только разницею, что г. Антоновичъ, стараясь поймать Льюиса, каждый разъ обнимаетъ своего друга г. Чернышевскаго. Мы видѣли, что Льюисъ не забываетъ зрителя, что онъ принимаетъ за истину фокусъ, открытый въ моихъ понятіяхъ г. Антоновичемъ. Весь міръ качествъ онъ объясняетъ не изъ количественныхъ отношеній, но... какъ вамъ кажется, г. Антоновичъ, изъ чего этотъ физиологъ объясняетъ міръ качествъ? Вы изучили Льюиса, вы такъ хорошо поняли его, поняли самую „сущность“ его воззрѣній, скажите же, изъ чего онъ объясняетъ міръ качествъ?

„Мало-образованному зрителю покажется это неаппетитомъ, или фокусомъ. Итакъ, я не буду пока говорить объ этомъ.“

Я распространился о понятіи измѣненія, или превращенія количествъ въ качества, не потому что г. Антоновичъ относитъ меня, *Отечественныхъ Записки*, *Русскій Вѣстникъ* къ фокусникамъ, и чувствуетъ себя особенно торжествующимъ надъ противниками *Современника* въ этомъ важномъ вопросѣ,—вѣтъ, рецензія г. Антоновича уничтожаетъ цѣлкомъ всю европейскую философію и ея лучшее содержаніе, а Льюису приписываетъ тотъ грубый, не образованный смыслъ, который слагается изъ сыраго матеріала разныхъ представленій, происшедшихъ безъ нашего вѣдома, безъ нашего анализа, и который пробавляется наивною вѣрой въ *вещи* и въ *способность* вещей перемѣнять свои качества.

„Читатели, говоритъ г. Антоновичъ послѣ изъясненій, которыя привели мы выше,—вѣроятно уже начинаютъ убѣждаться, въ томъ, что между Льюисомъ и г. Юркевичемъ лежитъ непроходимая бездна, что бы тамъ ни говорили противники *Современника*.“

Въ борьбѣ съ этими противниками г. Антоновичъ опирается на особенное, для меня совершенно новое логическое начало. Какъ мы уже не разъ видѣли, Льюисъ находитъ „коренное различіе“ между химіей, физиологіей и психологіей. Раскрывъ свою мысль объ этомъ предметѣ съ совершенною ясностію, Льюисъ заключаетъ: „если читатель согласится съ тѣмъ что сказано, то для него должно быть ясно, что всѣ трудолюбивыя усилія послѣднихъ лѣтъ, относящіяся къ важному вопросу о пищѣ, остались безплодны, или около того, потому что это собственно были только химическія разсужденія о физиологіи.“ (Т. I. 51.)

Переписавъ текстъ Льюиса, говорящій „о коренномъ различіи“ между химіей, физиологіей и психологіей, г. Антоновичъ продолжаетъ:

„На этотъ отрывокъ противники *Современника* указывали съ торжествомъ... Не знаемъ, какъ вы, читатели, а мы не находимъ тутъ никакого подтвержденія воззрѣній г. Юркевича. Дѣйствительно, о самостоятельности психологіи сказано, но изъ всѣхъ разсужденій о самостоятельности разныхъ наукъ у Льюиса въ результатъ выходитъ не внутреннее чувство, не чудный дѣятель (см. *однакоже* выше) а просто только заключеніе, что достоинство пищи нельзя

опредѣлить химически. Противники *Современника*, выисывая этотъ отрывокъ, должно быть, нарочно пропустили это заключеніе, чтобы скрыть отъ читателя смыслъ разсужденій Льюиса.“

Эти замѣчанія предполагають, что „смыслъ разсужденій“ автора можно понять не изъ общихъ и постоянныхъ началъ, какихъ онъ держится, а изъ ихъ частнаго и случайнаго примѣненія, восторыхъ, что общее начало оправдываетъ наше сужденіе только объ одномъ частномъ случаѣ. Если, напримѣръ, изъ общаго начала, что тяжесть тѣла зависитъ отъ его массы, Льюисъ извлекаетъ заключеніе, что цвѣтъ не условливаетъ тяжести, то г. Антоновичъ не позволяетъ противникамъ *Современника*, на основаніи того же начала, признавать независимость тяжести тѣла отъ его фигуры. Изъ различія между химіей и физиологіей Льюисъ заключаетъ о невозможности опредѣлять качества пищи химически. Изъ ученія о „коренномъ различіи“ между физиологіей и психологіей, раздѣляемаго Льюисомъ, противники *Современника* извлекли заключеніе о невозможности опредѣлять качества душевныхъ явленій физиологически. Г. Антоновичъ находитъ, что они такимъ образомъ, скрыли „отъ читателя смыслъ разсужденій Льюиса“. На логическія начала въ этомъ случаѣ я указываю потому, что и въ прежней статьѣ подвергалъ я логику *Современника* спеціальному изученію. Еслибъ я не боялся наскучить читателямъ, я показалъ бы, что г. Антоновичъ воспроизводитъ здѣсь силлогизмъ г. Чернышевскаго, располагающійся по слѣдующей формулѣ: „А тѣсно связано съ x , А есть B ; изъ этого слѣдуетъ, что x не можетъ быть ни C , ни D , ни E .“ Впрочемъ еще надобно подождать, пока г. Антоновичъ не изобличитъ меня въ томъ, что я не понялъ высокаго достоинства этой формулы.

Не справедливо и то, что Льюисъ изъ общихъ замѣчаній о различіи между химіей, физиологіей и психологіей извлекъ только замѣчаніе о невозможности опредѣлять качества пищи химически. Онъ пользуется этими замѣчаніями на пространствѣ двухъ томовъ своей *Физиологіи*. „Дыханіе не есть процессъ чисто физическій, или химическій, не есть простое горѣніе, или окисленіе“, „пища не есть простое топливо“, „животная теплота не есть слѣдствіе горѣнія“. Далѣе: „существуютъ особенные законы

жизни, которые не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи“. Наконецъ: „о годности, или негодности психологическихъ теорій нельзя заключать потому, подходят ли они подъ физиологическіе законы, или нѣтъ“. Видите ли, какія заключенія получаетъ Льюисъ изъ ученія о „коренномъ различіи“ названныхъ наукъ. Замѣтите особенно, что онъ признаетъ независимость психологіи отъ контроля физиологіи. Льюисъ трезвый мыслитель: для него душа не есть синонимъ жизни. Ученый, который выражается: „органическія явленія, или какъ говорятъ, жизнь животная“, и пр., далекъ отъ Льюиса, отъ физиологіи, отъ здраваго смысла: онъ долженъ бы предоставить другимъ, хотя бы то и противникамъ *Современника*, разсуждать о Льюисѣ, его физиологіи и его воззрѣніяхъ.

„Г. Юркевичъ, разсуждаетъ тѣмъ не менѣ нашъ рецензентъ, не можетъ понять, какъ физиологія осмѣливается проникать въ психическую сторону жизни. А между тѣмъ Льюисъ относитъ ощущенія къ предметамъ физиологіи и въ своей книгѣ дѣйствительно разсматриваетъ не только ощущенія, но и другіе психическіе акты.“ О себѣ я не стану говорить, могу ли я понять, или нѣтъ, какъ физиологія осмѣливается объяснять ощущенія. Но дѣйствительно Льюисъ относитъ ощущенія къ предметамъ физиологіи: въ этомъ г. Антоновичъ наконецъ не ошибся. Но, тотъ же Льюисъ утверждаетъ: „никогда никакой анализъ нерва не прольетъ свѣта на чувствительность“ (т. I. 49), „человѣкъ можетъ знать непосредственно только свои собственныя ощущенія“ (т. II, 150), „чувствованіе есть нѣчто совершенно субъективное“. (т. II, 201.) Страненъ этотъ Льюисъ и очень страненъ: то относитъ ощущеніе къ предметамъ физиологіи, то утверждаетъ, что оно дано только для внутренняго чувства и не дано для физиологическаго опыта. Можетъ-быть, и я писалъ противъ *Современника* подобныя странности. Предоставляю г. Антоновичу догадаться, въ чемъ же тутъ дѣло.

А догадливость г. Антоновича выше всякаго сомнѣнія: догадливость всегда составляетъ результатъ солиднаго умственнаго труда, умственной практики, зрѣлой мысли. Напримѣръ, Льюисъ въ нѣсколькихъ главахъ втораго тома своей *Физиологіи* доказываетъ, что въ животномъ организмѣ всѣ дѣйствія произвольны. „Мы не признаемъ, говоритъ онъ, никакого существеннаго различія между дѣйствіями произ-

вольными и произвольными. *Всѣ они произвольны.*“ Г. Антоновичъ сумѣлъ найдти въ *Физиологіи* Льюиса ученіе, „что всѣ психическія дѣйствія произвольны“. (*Совр.* II, 235.)

Когда г. Чернышевскій изъяснялъ бѣгство собаки при видѣ поднятой палки изъ того, что собака строила отвлеченный силлогизмъ и убѣждалась такимъ образомъ въ необходимость бѣжать, я замѣтилъ, что подобныя явленія и въ собакѣ и въ человѣкѣ изъясняются не изъ логическаго мышленія, а изъ механическаго потока представленій и изъ рефлексивныхъ движеній организма. Въ противоположность съ физиологами, отдѣлявшими группу рефлексивныхъ движеній отъ группы движеній произвольныхъ, Льюисъ доказываетъ, что всѣ движенія въ организмѣ животнаго рефлексивны. Доказательство этого положенія, обобщающаго законъ рефлексивныхъ движеній, тѣнется на разстояніи цѣлыхъ главъ. „Мы, говоритъ Льюисъ, старались доказать, что какъ произвольныя, такъ и произвольныя дѣйствія рефлексивны“ (т. II. 185). Г. Антоновичъ, который знаетъ всю сущность Льюисовыхъ воззрѣній, сумѣлъ найдти въ физиологіи Льюиса отрицаніе закона рефлексивныхъ движеній: „теорія рефлекса не имѣетъ основанія, говоритъ г. Антоновичъ, воспроизводя въ вольномъ стилѣ ученіе Льюиса, — и рефлексивныхъ дѣйствій нѣтъ.“ (*Совр.* II, 245.) Это воображаемое открытіе доставило г. Антоновичу случай порадоваться за г. Чернышевскаго, котораго я изобличалъ въ незнаніи законовъ психическаго механизма и закона рефлексивныхъ движеній.

„Убѣдитесь же теперь, говоритъ г. Антоновичъ, обращаясь ко мнѣ, что „вашъ сочинитель“ (*разумѣется г. Чернышевскій*) зналъ про эти открытія, но ему было извѣстно, что эти открытія опять закрыты, что законъ рефлексивныхъ движеній потерялъ свое значеніе и отвергается физиологами.“

Законъ рефлексивныхъ движеній, повторяю я, получаетъ у Льюиса общее значеніе, вмѣсто частнаго, какое обыкновенно допускаютъ физиологи. Этотъ законъ изъясняетъ, по Льюису, не только движенія, каковы: чиханье, рвота, судороги, кашель и подобныя, но также движенія, которымъ предшествуетъ намѣреніе. „Мы, говоритъ Льюисъ, старались доказать, что какъ произвольныя, такъ и произвольныя дѣйствія рефлексивны.“ (т. II, 185.)

„Душа, такъ излагаетъ самую сущность своихъ воззрѣ-

ній Льюисъ въ переводѣ г. Антоновича, душа есть синонимъ жизни. Жизнь есть динамическое состояніе организма. Жизнь есть продуктъ организациі, а не организациа продуктъ жизни, какъ увѣряетъ г. Юркевичъ (sic). Какъ ни различны группы жизненныхъ явленій, но всѣ онѣ составляютъ продуктъ организациі: вотъ въ чемъ вся суть, а тамъ называйте себѣ явленія какими угодно именами, хоть тѣми даже, какія употребляетъ Юркевичъ.“

Юркевичъ, считаю долгомъ предупредить васъ, г. Антоновичъ, употребляетъ въ этомъ случаѣ имена выражающія самую сущность дѣла, но непріятныя, каковы напримѣръ: осязательное девѣжество, очень осязательное, или стоящее внѣ всякаго сомнѣнія незнаніе обиходныхъ вещей изъ физиологіи, или еще рѣдкій даръ природы при встрѣчѣ съ самыми простыми понятіями сбиваться, спутываться, теряться въ нелѣпостяхъ. Итакъ не полагайтесь на Юркевича. Если объ Юркевичѣ вы уже разъ и на вѣки составили мнѣніе, успокоивающее васъ, то помните по крайней мѣрѣ естественныхъ противниковъ *Современника*. Эти противники бросаются на васъ, чтобъ употребить ваше излившееся изъ сердца выраженіе, „какъ голодные волки“. бросаются, вѣроятнo воображая, что имѣютъ дѣло съ существомъ безсильнымъ, немощнымъ, неспособнымъ противиться имъ. Вы знаете, милостивый государь, здѣшній земной, подлый порядокъ, вы знаете, что „у сильного всегда бессильный виноватъ“. Поэтому или прячьтесь отъ вашихъ противниковъ, или вооружайтесь на нихъ, прячьтесь за фразы, декламациі, — въ этихъ дурныхъ мѣстахъ никто васъ и искать не станетъ, — вооружайтесь особенно глумленіемъ и свистками. Только заклинаю васъ всѣмъ что дорого для вашего организма, и его синонима — о душѣ говорить съ вами я не смѣю, — заклинаю васъ всѣмъ этимъ, не полагайтесь ни на Льюиса, ни на его физиологію. Это тяжелое оружіе не годится для вашего тощаго организма. Признайтесь, — за естественныя слабости краснѣть нечего, — вѣдь вы не въ силахъ вооружать себя здравымъ мышленіемъ, дѣйствительнымъ пониманіемъ, знаніемъ...

„Ну, утѣшаетъ себя г. Антоновичъ, а при этомъ можно еще жить на свѣтѣ.“ (*Совр.* II, 266.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. ЮРКЕВИЧЪ.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

„ГОРЕ ОТЪ УМА.“

Наконецъ-то знаменитое поэтическое произведение, которое, около сорока лѣтъ тому назадъ, разошлось по всей Россіи въ неслыханномъ множествѣ рукописныхъ экземпляровъ, произведение, которое всякій мало-мальски образованный Русскій знаетъ отъ начала до конца,—наконецъ-то это національнѣйшее изъ нашихъ литературныхъ произведеній (разумѣется послѣ басень Крылова) напечатано безъ пропусковъ и искаженій. Смотришь и не вѣришь глазамъ!.. Представьте себѣ, что всѣ тѣ ужасныя мѣста Грибоевской комедіи, которыя всѣми повторяются на память и которыя до сихъ поръ были тщательно скрываемы отъ нашей публики, теперь напечатаны совершенно такъ, какъ означенная публика читала ихъ въ рукописи. Любопытно посмотреть, что это за ужасныя мѣста и „въ какой мѣрѣ“, по выраженію Гоголевскаго городничаго, „ихъ должно опасаться“. Посмотримъ.

Начнемъ съ самаго ужаснѣйшаго пассажа, а именно:

До сихъ поръ во всѣхъ печатныхъ экземплярахъ, Репетилловъ, разказывая о своей неудачной женитьбѣ на дочери барона фонъ-Клока, мѣтившаго въ министры, въ заключеніе выражался такъ:

Женился наконецъ на дочери его,
Въ придаюе взялъ—шашъ, по службѣ—ничего,
Тестъ знатный, а что проку

Послѣдній стихъ теперь читается:

Тестъ *Нильмуъ*, а что проку!

Другія измѣненныя или пропущенныя мѣста не менѣе ужасны. Приводимъ ихъ безъ комментариевъ и въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ книгѣ.

Въ IV явленіи перваго дѣйствія въ монологѣ Фамусова, послѣ стиховъ:

Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно другаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.

въ печатныхъ экземплярахъ было пропущено:

Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однакожь бодръ, и свѣжъ, и дожилъ до сѣдмъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...

Монашескимъ извѣстемъ поведемъ!

Въ знаменитомъ монологѣ Фамусова о томъ, какъ Максимъ Петровичъ попалъ въ силу, вслѣдствіе своего трехкратнаго паденія на куртагъ, прежде читалось:

Былъ одобрителной пожалованъ улыбкой.

Въ наше время читается:

Былъ *высочайшею* пожалованъ улыбкой...¹

Въ отвѣтномъ монологѣ Чацкаго на монологъ Фамусова о Максимѣ Петровичѣ пропускались до сихъ поръ въ печати слѣдующіе заключительные стихи:

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ,
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Пропускалось также и восклицаніе Фамусова, вызванное этой сентенціей:

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Въ слѣдующемъ за этимъ восклицаніемъ споръ между Фамусовымъ и Чацкимъ видимъ теперь перемѣну такого рода:

¹ Монологъ о Максимѣ Петровичѣ весьма долгое время вовсе не появлялся въ печати, хотя и произносился на сценѣ, и только въ очень недавнее время мы увидали его въ изданіяхъ, печатанныхъ „по рукописи, употребляемой при представленіи комедіи на императорскихъ театрахъ.“

Послѣ словъ Чацкаго:

У покровителей звать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообъядать,
Подставить стулъ, поднять платокъ.

Прежде читалось:

Нынѣ читается:

Фамусовъ.

Фамусовъ.

Возь что онъ вздумалъ проповѣ- Онъ вольность хочетъ проповѣ-
дать. дать.

Чацкій.

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто
живетъ... живетъ...

Фамусовъ.

Фамусовъ.

Онъ ничего не признаетъ. Да онъ властей не признаетъ.

Послѣ словъ Чацкаго, обращенныхъ къ Фамусову, заткнувшему себѣ уши:

Да обернитесь, васъ зовутъ.

въ прежнихъ изданіяхъ мы читали:

Фамусовъ.

А? Что? Ну, такъ и жду содома!.

Теперь слѣдуетъ читать:

А! бунтъ! Ну, такъ и жду содома.¹

Въ разговорѣ Фамусова съ Скалозубомъ пропущены слѣдующія слова Скалозуба:

Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы:
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Въ панегирикѣ Фамусова Москвѣ мы теперь въ первый разъ видимъ въ печати стихи:

А дочекъ кто видалъ,—всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благоправію, не лицамъ.

¹ Мы сказали: слѣдуетъ читать, потому что въ изданіи г. Тублена, изобилующемъ опечатками, стихъ этотъ читается такъ: „А? бунтъ! а такъ я жду садама!“

Въ монологѣ Чацкаго, начинающемся словами:

„А судьи кто?“

(дѣйствиѣ II, явленіе 5), теперь въ первый разъ напечатано:

Мудирь! одимъ мудирь! Омъ въ прежнему ихъ быту,
Когда-то укрывааъ—расшитый и красивый—
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету.

И намъ за мши въ путь счастливый?

И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мудиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ лѣжкости отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,

Но ктобъ тогда за всѣми не увлекся?

Когда изъ гвардіи, шные отъ двора,

Сюда на время притѣжали:

Кричали женщины—ура!

И въ воздухъ чепчики бросали

Въ слѣдующемъ явленіи, въ монологѣ Скалозуба, послѣ стиховъ:

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,

Искусно какъ коснулся вы

Предубѣжденія Москвы.

прежде обыкновенно пропускалось:

Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гварсйдамъ, къ гвардіонцамъ:

Ихъ золотцу, штыю—давятся будто солдамъ!

А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?

Все такъ прилажено, и талы всѣ такъ узки,

И офицеровъ замъ начтемъ,

Что даже говорятъ шные по-французски!

Въ разговорѣ Чацкаго съ Молчаливымъ (дѣйствиѣ III, явленіе 3), въ прежнихъ изданіяхъ дѣлалось столько замѣчательныхъ перемѣнъ противъ подлинника, что мы считаемъ нужнымъ привести для параллели разговоръ этотъ вполнѣ:

Въ прежнихъ издан. мы читаемъ:

Молчаливъ.

Вамъ не дались чины?

Чацкій.

Не всякому успѣтъ.

Въ изданіи г. Тиблена:

Молчаливъ.

Вамъ не дались чины? но слышны
неустыж!

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчаливъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкіѣ.

Какое эбъ диво тутъ!

Молчалинъ.

Жальи еастъ.

Чацкіѣ.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разказывала что-то

Татьяна Юрьевна разказывала что-то

Изь Петербурга воротясь,
Съ *шкельми важными* людьми про
вашу связь,

Изь Петербурга воротясь,
Съ *министрами* про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Потомъ разрывъ...

Чацкіѣ.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянъ Юрьевнъ?

Чацкіѣ.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкіѣ.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.

Слышалъ, что вздорная.

Молчалинъ.

Да это полая тали-съ?

Татьяна Юрьевна! известная; притомъ,

Чиновные и должностные

Всѣ еѣ друзья и всѣ родные.

Къ Татьянъ Юрьевнъ хотъ разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкіѣ.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ

Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкіѣ.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!

Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до поста,

И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?

И награждать братья и весело пожить!

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
 Когда дурачиться—дурачусь,
 А смѣшивать два эти ремесла
 Есть тѣма искусниковъ: я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
 Вотъ самъ Гома Гомичъ,—знакомъ онъ намъ?

Чацкій.

Ну, что жь?

Молчалинъ.

Молчалинъ.

Отличнаго ума и поведенья.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,

Изъ Петербурга къ намъ переведень.

Переведень сюда...

Чацкій.

Хорошъ!

Пустѣйшій человекъ изъ самыхъ безтолоквыхъ.

Молчалинъ.

Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставить въ образецъ.
 Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
 А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
 Не сочинитель я...

• Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнести.

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
 Свое сужденіе имѣть.

Чацкіи.

Помилуйте, мы съ вами не ребята;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчаливъ.

Молчаливъ.

Вѣдь надобно жь *другихъ имѣть*
въ виду.

Вѣдь надобно жь *зависеть отъ*
другихъ.

Чацкіи.

Чацкіи.

Зачѣмъ же надобно?

Зачѣмъ же надобно?

Молчаливъ.

Молчаливъ.

Чтобы не попасть въ бѣду.

Въ чинахъ мы не большихъ.

На вопросъ Хлестовой:

Вы прежде были здѣсь... въ полку томъ гренадерскомъ?

Скалозубъ въ прежнихъ изданіяхъ обыкновенно отвѣчалъ:

То-есть, хотите вы сказать,
Въ Новоземляскомъ мушкатерскомъ.

а теперь рѣшается прямо сказать:

Въ *Его Высочества* хотите вы сказать
Новоземляскомъ мушкатерскомъ.

Въ разговорѣ Загорѣцкаго съ глухою графиней-бабушкой находимъ теперь тоже слѣдующую очень опасную фразу, печатаемую здѣсь нами курсивомъ:

Гр. Бабушка.

Что? къ *фармазонамъ въ клобъ?*
Помелъ онъ въ бусурманъ?

Въ преніи о причинахъ помѣшательства Чацкаго до сихъ поръ не печаталось слѣдующее мѣсто, которое одно могло бы дать Грибоѣдову право на славу замѣчательнаго сатирика.

Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина,
Что вымче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній...

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да отъ лаякарточныхъ взаимныхъ обчечей.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
 Пе...да...го...мическій,—такъ, кажется, зовутъ...
 Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
 Профессора! У нихъ учился нашъ родня,
 И вышелъ, хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи;
 Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня:
 Чимовъ не хочетъ знати! онъ химикъ, онъ ботаникъ,
 Князь Федоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая мова,
 Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
 Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два,—
 А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужь коли зло пресѣчь,—
 Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій, съ кротостью.

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а есаубъ между нами
 Былъ цензоромъ назначенъ я,
 На басни бы налегъ. Охъ, басни смерть моя!
 Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
 Кто что ни говори,—
 Хоть и животныя, а все-таки цари.

Въ разговорѣ между Чацкимъ и Репетиловымъ тоже
 теперь встрѣчаемъ перемѣны.

Репетиловъ.

Изъ шумнаго я засѣданья.
Побалуста, молчи, я слово далъ молчать.
 У насъ есть общество и тайныя собранья
 По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
 Какъ, съ клубъ?

Репетиловъ.

Именно..

Чацкій.

*Вотъ мыры чрезвычайныя,
 Чтобъ въ зашеи прозвать и васъ, и самыя тайныя.*

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ.

Вслухъ громко говорить, никто не разберетъ.

Все что перепечатано нами здѣсь курсивомъ только въ нынѣшнемъ году въ первый разъ довѣрено типографскимъ станкамъ.

Разсужденіе Репетилова о государственной службѣ тоже наконецъ обнародовано. Вотъ этотъ глубокомысленный и энергическій протестъ противъ существующаго порядка вещей:

Секретари его ¹ всѣ хамы, всѣ продажны,

Людишки, пишущая тварь,

Всѣ вышли въ знать, всѣ выльче важны:

Глади-ка въ адресъ-календарь.

Тьфу! служба и чины, кресты душъ мытарства.

Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говорить,

Что радикальныя потребности тутъ лѣкарства:

Желудокъ больше не варить.

Наконецъ люди незнающіе *Горе отъ ума* по рукописи могутъ узнать изъ изданія г. Тиблена еще три ужасныя вещи. Впервыхъ, что Репетиловъ толкуетъ въ клубѣ не о литературномъ дѣлѣ, а о *государственномъ*, вовторыхъ, что Загорѣцкій *искренно* признается Репетилову, что онъ *ужасный либераль*, и втретьихъ, что Чацкій наединѣ съ самимъ собою называетъ Скалозуба *созвѣздіемъ маневровъ и мазурки*.

И такъ вотъ всѣ,—сколько мы могли замѣтить, злозредныя мѣста, которыя утаивались въ продолженіи почти сорока лѣтъ отъ публики, впрочемъ знавшей ихъ наизусть. Замѣчательно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ появились дешевыя изданія *Горе отъ ума*, въ которыхъ подобныя утайки увеличились числомъ и усилились характеромъ. Такъ на примѣръ тогда было сочтено нужнымъ скрыть отъ публики, что Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ *полковникъ*, между тѣмъ какъ онъ лѣтъ тридцать состоялъ печатно въ этомъ чинѣ. Не понимаемъ, за что же былъ разжалованъ такой исправный служивый?

¹ Барона фонъ-Клоке, мѣтившаго въ министры.

Нельзя не поблагодарить издателя, что онъ первый напечаталъ *Горе отъ ума* въ полномъ видѣ, и при этомъ нельзя не порадоваться какою любовью и популярностью пользуется безсмертное произведение Грибоедова; ибо, несмотря на то, что въ каждомъ порядочномъ домѣ есть одинъ или нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ этой комедіи, новое изданіе ея раскупается на расхватъ; конечно, этому способствуетъ и цѣна: эта опрятно и довольно красиво (хотя увы! со множествомъ опечатокъ) изданная книжечка стоить всего гривенникъ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАГО ТОМА.

МАРТЪ.

	<i>Стр.</i>
Русскій богатырскій эпосъ. I—III. <i>Θ. И. Булаева.</i>	5
Геологическіе очерки Кавказа. (Продолженіе). <i>Г. Е. Щуровскаго.</i>	63
Коронный мечникъ Яблоновскій. Очеркъ изъ исторіи польскихъ сеймовъ XVII вѣка. <i>Д. И. Иловайскаго.</i>	109
Странницы. Трагическое изъ русской жизни. <i>Н. В. Успенскаго.</i>	122
Воспитанница Сара. Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Романъ. Главы I—X. <i>А. Θ. Вельтмана.</i>	149
Событія марта 1848 года въ Парижѣ. Изъ записокъ. <i>П. В. Анненкова.</i>	239
Англійская журналистика. Статья первая. <i>Л. Θ. де-Роберти.</i>	300
Записки о вольнонаемномъ трудѣ. I—IV. <i>А. А. Фета.</i>	358
Прошлое лѣто въ деревнѣ. IV—VII <i>С. Безыменнаго.</i>	380
Современная задача физико-математическихъ наукъ. Незданная лекція парижскаго профессора <i>Ламе.</i>	417
Русская экономическая литература. <i>О рабочемъ классѣ.</i> Соч. Тернера. <i>М. М. Вольскаго.</i>	438
Нѣсколько словъ по поводу одного пролическаго слова.	463

АПРѢЛЬ.

Европа въ концѣ XVIII вѣка. Статья первая. <i>С. М. Соловьева.</i>	481
Изъ исторіи народнаго просвѣщенія во Франціи въ эпоху революціи. <i>Н. А. Любимова.</i>	500
Мировыя учрежденія. <i>В. П. Безобразова.</i>	549
Донъ Жуанъ. Драматическая поэма. <i>гр. А. К. Толстаго.</i>	571
Геологическіе очерки Кавказа. (Окончаніе.) <i>Г. Е. Щуровскаго.</i>	693
Четыре года изъ жизни Карамзина. 1785—1788 <i>Н. С. Тихонравова.</i>	732
Успокоеніе. Стихотвореніе. <i>Б. Н. Алмазова.</i>	750
О сословіяхъ въ Швеціи. <i>В. И. Герье.</i>	753
Записки военнаго. I. Попутчикъ. <i>Д. Константиновича.</i>	807
Воспитанница Сара. Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Романъ. Главы XI—XIV <i>А. Ѳ. Вельтмана.</i>	866
Языкъ физиологовъ и психологовъ. <i>П. Д. Юркевича</i>	912
Первое полное изданіе <i>Горе отъ ума.</i> <i>Б. Н. Алмазова.</i>	935

ПОПРАВКИ:

Въ романѣ Тургенева *Отцы и Дети*, помѣщенномъ въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, замѣчены слѣдующія опечатки:

Стр. н.	Строки.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
507	3 снизу	большимъ	большимъ
516	16 сверху	съ нетерпѣніемъ	съ намѣреніемъ
517	10 сверху	иностранныхъ и полез- ныхъ	иностранныхъ и безпо- лезныхъ
523	11 сверху	<i>Слова: И не имѣемъ той дерзкой самоувѣренно- сти... должно помѣстить въ шестую строчку сверху послѣ слова vieill.</i>	
532	8 сверху	складывая	скидывая
536	19 снизу	познакомиться	поближе познакомиться
556	3 снизу	занимали съ своей сто- роны. Катя	занимали. Съ своей сто- роны, Катя
589	14 снизу	Я понималъ тогда	Я не понималъ тогда
599	16 сверху	скоро вернусь.	скоро вернусь. Мнѣ не- обходимо...
608	19 и 20 снизу	на скамейкѣ;	на скамейкѣ, накинувъ бѣлый платокъ на го- лову;
611	7 снизу	забавкою	забкою
629	12 снизу	<i>Слова: Гм! Такъ вы полагаете и т. д. должны быть отнесены въ новую строку.</i>	
652	21 сверху	собаки	красныя собаки
663	7 сверху	лицепалыхъ	олицепалыхъ

Въ той же книжкѣ, въ статьѣ г. Ястребцова, *Грустный литературный фактъ*, замѣчены слѣдующія опечатки:

Стран.	Строки:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
830	3 и 4 сверху	укладывать въ бочонки сальди, и отечество воз- двигаю ему статую.	укладывать въ бочонки сальди; онъ обогатил этимъ свое отечество,— и оно воздвигаю ему ста- тую.
831	21 и 22 сверху (за тысячу лѣтъ до... но все равно),	„за тысячу лѣтъ до... но все равно“,	„за тысячу лѣтъ до... но все равно“,
—	13 снизу	недостаточной	недоступной